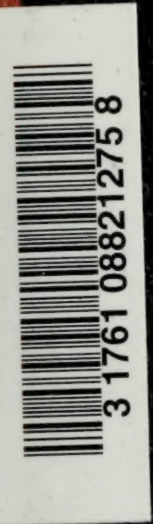

3 1761 08821275 8

СОБРАНІЕ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

ПОУМНѢЛЪ.

(повѣсть.)

I.

На Рыбной улицѣ, тамъ, гдѣ перекрестокъ поднимается немного на изволокъ, противъ церкви Алексѣя Митрополита, протянулся деревянный одноэтажный домъ и по улицѣ, и по Зыбину переулку, идущему подъ гору, къ кузницамъ и къ задамъ запущеннаго, когда-то роскошнаго барскаго сада князей Токмачъ-Пересвѣтовыхъ.

Домъ выкрашенъ въ сизо-розоватую краску, еще часто попадающуюся въ губернскихъ городахъ. Красили его уже давно и кое-гдѣ, вдоль стѣнъ, краска отколупилась и старое побурѣлое дерево выглядывало наружу. Оконъ тѣснилось много, штукъ до десяти, вдоль уличнаго фаса, все съ зелеными ставнями и лѣпными украшеніями фризовъ на старо-дворянскій манеръ.

Подъѣздъ былъ, однако, придѣланъ уже позднѣе, когда пошла мода на подъѣзды съ улицы,—прежнее крыльцо съ длиннымъ вырѣзаннымъ навѣсомъ помѣщалось на дворѣ, съ переулка.

Снѣжокъ покручивалъ по перекрестку часу въ четвертомъ послѣ обѣда. Только что ударили къ вечернѣ. Тутъ же, на перекресткѣ, стояло нѣсколько извозчиковъ: двое мѣстныхъ лихачей, на рѣзныхъ санкахъ, съ толстогрудыми битюгами, безъ полостей, сами нарядно одѣтые, и „Ванька“ въ кафтанѣ изъ мужицкой дерюги. Его пошевни, низенькія, лубочныя, покрывалъ коврикъ изъ суконныхъ покромокъ, внутри лежало сѣнцо.

ѣздоковъ не видать что-то еще было ни откуда, ни со стороны площади, гдѣ стоялъ судъ, ни отъ спуска по переулку, гдѣ издали бѣлѣли полные инея липы и клены барскаго запущеннаго сада.

Ванька поднялъ высокій воротникъ своего кафтана, надѣтаго поверхъ полушубка, и морщился отъ снѣга, попадавшаго ему на щеку. Тѣ двое лихачей съ нимъ не знались, и когда онъ тутъ остановился, только переглянулись между собою на особый ладъ: „вотъ, молъ, пожаловала ворона на первую въ городѣ биржу".

Одинъ—толстый, затянутый кушакомъ съ наборомъ изъ серебра съ чернью, въ котиковой шапкѣ—перевелъ голубыми вожжами и выговорилъ тономъ зажиточнаго мѣщанина, знающаго хорошихъ господъ:

— Александръ Ильичъ изъ правленія покатитъ, поди, вскорѣ?

— Не раньше, какъ въ исходѣ четвертаго.

Другой извозчикъ смотрѣлъ еще очень молодымъ парнемъ. Курчавый и веснущатый, онъ ушелъ головой въ триковый ваточный картузъ; изъ-подъ стоячаго воротника синяго кафтана выглядывала розовая рубашка. Шарфа онъ не носилъ.

— Да онъ и завсегда сидитъ по правилу, а седни у нихъ день особенный, суббота, больше народу бываетъ.

— Это точно,—подтвердилъ толстый лихачъ.

Они помолчали. Слышно было только похрапываніе одной лошади, сѣрой въ яблокахъ, норовившей достать языкомъ свою товарку, бурую... Лошади были въ дружбѣ, хотя и стояли на разныхъ дворахъ.

— Балуйся! — далъ на нее окрикъ молодой парень. — Меринъ несуразный!

И онъ ударилъ вожжей по широкому крупу своего сѣраго.

Опять они помолчали. Толстый глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ стояло зданіе присутственныхъ мѣстъ. Къ вечернѣ отблаговѣстили. Съ послѣднимъ ударомъ онъ вдругъ почему-то перекрестился, приподнялъ котиковую шапку и показалъ свой черепъ, совсѣмъ лысый, бѣлый, съ маленькою прядью темныхъ волосъ напереди, черепъ умнаго плута-дворника, круглый и съ выпуклостями лобной кости. Отъ него пошелъ сейчасъ же легкій паръ.

— Господи Іисусе Христе! — чуть слышно выговорилъ лихачъ.

Молодой парень покосился на него и спросилъ:

— Папиросочки не соблаговолите, Ефимъ Иванычъ?

Онъ говорилъ толстому „вы“, а тотъ ему „ты“.

— Нешто я курю?.. Ишь, что выдумалъ!—брезгливо и съ усмѣшкой сказалъ Ефимъ.

— Ужли на старую вѣру повернули?

— Мели еще!

Ванька въ мужицкомъ кафтанѣ началъ прислушиваться къ ихъ разговору. Его пошевни стояли поодаль отъ саней молодого парня. На эту биржу заѣхалъ онъ покормить лошадь и уже подвязалъ ей торбу... Онъ замѣчалъ, что лихачи на него косятся, и уѣхалъ бы, да надо было дать лошаденкѣ пожевать овсеца.

Извозничалъ онъ въ губернскомъ городѣ первую зиму, былъ изъ сосѣдняго уѣзда, городскіе порядки еще мало зналъ и выручки у него не спорились. Только на чугунку да съ чугунки приводилось довезти путевого сѣдока, а такъ, по городу, цѣлыми часами никого или за самую нищенскую цѣну. Особенно барыни! Тѣ и на вокзалъ норовятъ за гривенникъ доѣхать; да гривенникъ еще ничего, а то восемь, семь копеекъ.

Вотъ сейчасъ онъ конецъ сдѣлалъ, порядочный кончикъ, за четыре копейки. Тоже въ салопѣ, старушка.

Идетъ да кричитъ:

— Ванька, хочешь двѣ семитки?

Онъ было совѣстить ее началъ. Она идетъ себѣ, палочкой постукиваетъ по тротуару. И онъ за ней по улицѣ плетется.

Посадилъ!

Мужикъ онъ тихій, не молодой, подслѣповатый, немножко хворый. Кабы не выдалась осень такая — сына угнали, да другого женить пришлось, да неурожай льну—ихъ главный промыселъ, онъ бы не поѣхалъ въ городъ... Думалъ: „прокормлюсь, по́дать привезу“.

Но рубля въ день онъ не наколачивалъ. Не то, что тѣ двое лихачей. Каждый изъ нихъ либо два съ полтиной, либо три и три съ четвертакомъ привезетъ. Толстый-то самъ хозяйствуетъ, а молодой—работникъ, такъ тотъ изъ выручки себѣ откинетъ не меньше двухъ двугривенныхъ.

Положеніе такое: двадцать копеекъ конецъ по городу, на чугунку—тридцать, съ багажомъ—сорокъ. Такъ ему, Ванькѣ, никто этой „такціи“ не дастъ, а чуть заикнется—на смѣхъ поднимаютъ:

— Ну, ты, гужеѣдъ желтоглазый, туда же—такція!

Когда и при городовомъ на вокзалѣ—и городовой смѣется.

А тѣ двое за таксу не двинутся. На нихъ все такіе господа ѣздятъ, безъ ряда. И всегда выше таксы отвалятъ.

Такъ перебиралъ про себя деревенскій, поглядывая больше на обоихъ лихачей, чѣмъ на прохожихъ. Ему было тутъ жутко, да и зябнуть онъ началъ въ плоховатомъ полушубкѣ и старыхъ, невысокихъ валенкахъ.

И толстый извозчикъ, Ефимъ, думалъ почти въ томъ же родѣ. Стоялъ и онъ безъ дѣла больше часу и спрашивалъ себя: прогадалъ онъ или нѣтъ тѣмъ, что отъ гостиницы отъѣхалъ?.. По утрамъ, послѣ чугунки, онъ тамъ стоялъ. Гришка—молодой парень—тоже. У нихъ у обоихъ одинъ и тотъ же кругъ ѣзды, только Ефимъ выбиралъ народъ постепеннѣе.

Отъ гостиницы онъ уѣхалъ потому, что ничего стоящаго тамъ не было. И тамъ простоялъ зря. Время тугое. Проѣздъ средній, больше мелкій купецъ. Помѣщики съѣзжаться начнутъ позднѣе, недѣли черезъ три. Къ святкамъ подойдутъ и выборы.

Ефимъ ѣздитъ около тридцати лѣтъ, и вся жизнь губернскаго города уложилась у него въ головѣ, и знаетъ онъ ее такъ, какъ никакому полицейскому не знать.

Вотъ длинный розовый домъ. Паренькомъ помнитъ онъ его сѣрымъ и въѣзжали въ ворота, къ крыльцу съ навѣсомъ. Предводителей онъ былъ. Такъ изъ рода въ родъ. Сначала отецъ, потомъ сынъ. Жили широко, пріемы, вечера, игра большая. И все расползлось... Отъ фамиліи званія нѣтъ, въ уѣздѣ гдѣ-то никакъ одна дочь замужемъ. Домъ продали... Много годовъ жилъ пароходчикъ, изъ разночинцевъ какой-то, въ гору шелъ, заводъ желѣзный завелъ, потомъ перебрался въ столицу. Въ розовомъ домѣ послѣ него контора была. Да и весь городъ къ тому времени изъ помѣщичьяго сталъ на дѣловой купеческій ладъ: конторы пошли, банки, склады. Однако, отъ этого ѣзды хорошей не прибавилось. Господъ мало. Если бъ не судейскіе, да не инженеры, не съ кѣмъ и разсчитывать на хорошую выручку. Ну, налетитъ изъ Москвы адвокатъ, тороватый, особливо коли охотникъ до теплыхъ мѣстъ... Такъ для этого есть вонъ „лодыри“, въ родѣ Гришки... И каждый разъ, когда Гришка ему разсказываетъ, гдѣ

онъ съ заѣзжимъ сѣдокомъ побывалъ, Ефимъ непремѣнно скажетъ:

— Охальники!.. Какъ есть охальники!

Все посжалось. И губернатора-то не признаешь, не будь онъ генералъ: такъ себѣ старикъ, живетъ одинъ, лошадей держитъ пару, плохонькихъ, часто извозчика беретъ... Его губернаторъ зоветъ по имени-отчеству.

Вообще, господъ настоящихъ, съ вотчинами, коренныхъ,—одинъ, другой, да и обчелся.

Ефимъ доволенъ хоть тѣмъ, что въ розовомъ домѣ опять живетъ баринъ какъ слѣдуетъ, уже третій годъ, хотя и этотъ баринъ занимается не дворянскимъ дѣломъ, не предводителемъ служитъ, а въ правленіи частнаго общества.

Про него-то они сейчасъ и говорили съ Гришкой.

II.

— Ефимъ Иванычъ! — окликнулъ Гришка. — Вотъ и Гаяринъ катитъ изъ правленія.

— Кто?—переспросилъ Ефимъ, смотрѣвшій въ другую сторону.

— Александръ Ильичъ Гаяринъ, говорю, на вороной... Лошадка-то рѣзвая, съ побѣжкой. Чьего она будетъ завода?

— Должно-быть, собственнаго.

— А нешто у нихъ свой заводъ?

— Заводъ, въ жениной вотчинѣ, въ дальней округѣ, тамъ луга...

— Сама-то изъ богатенькихъ... Какъ, бишь, ее?..

— Антонина Сергѣевна... Извѣстно, изъ богатенькихъ... Не бѣднѣе его... И рода княжескаго... Мать-то ея, Елена Павловна... Я и ту помню...

— Тѣхъ вонъ?.. Пересвѣтовыхъ?

Гришка указалъ глазами по направленію къ Зыбину переулку, откуда, изъ-подъ изволока, виднѣлась верхушка большого сада.

— Извѣстно... Князь-то приходится ей дядей, только врядъ ли роднымъ.

Ванька съ самаго начала этого разговора сталъ прислушиваться, чего лихачи не замѣчали.

Лошадка его поѣла. Онъ снялъ торбу и пододвинулся къ Гришкѣ.

— Вы про какòва барина баете? — спросилъ онъ жиденькимъ, чисто-крестьянскимъ теноркомъ.

Гришка не сразу ему отвѣтилъ и сначала переглянулся съ Ефимомъ.

— Ты чего гоношишь?

— Про барина, молъ, какòва?..

Сани съ полостью, на ворономъ рысакѣ, уже поровнялись съ дальнимъ угломъ розоваго дома. Въ саняхъ видна была фигура барина, въ ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ-бояркѣ.

— А тебѣ что? — спросилъ черезъ Гришку Ефимъ и повелъ, на особый манеръ, своими толстыми властными губами.

— Про Гаярина баяли!.. Коли это Александръ Ильичъ... то мы его довольно знаемъ... Мы завьяловскіе... барыни... супруги ихъ, значитъ... Отъ папеньки вотчина досталась. И ее знаемъ... Еще когда маленькая была... по лѣтамъ-то у насъ больше живали... Вотъ мнѣ про кого!..

— Ишь ты!—насмѣшливо выговорилъ Гришка и сталъ глядѣть вбокъ на Ваньку. — А ты, дяденька, намъ отрапортуй: правда ли, что Александръ Ильичъ, какъ еще молоденькій былъ, чѣмъ тамъ ни на есть проштрафился въ Питерѣ, и какъ, ровно слыхали мы, подъ присмотромъ жилъ у себя въ вотчинѣ?.. Еще передъ тѣмъ, какъ ему жениться...

Мужичокъ не сразу отвѣтилъ.

Сани уже подкатили къ подъѣзду, и баринъ въ ильковой шубѣ быстро поднялся на крыльцо, обернулся лицомъ къ кучеру, что-то сказалъ ему и позвонилъ.

— Онъ, онъ и есть, — выговорилъ Ванька, прищурившись вдаль.—Немного и постарѣлъ-то...

— Такъ какъ же, дяденька,—разспрашивалъ Гришка,—враки это все или такое съ нимъ истинно попритчилось?

Ефимъ тихо улыбался, повернувъ голову въ ихъ сторону, но самъ въ разговоръ не вступалъ. И онъ слыхалъ кое-что въ такомъ родѣ про Гаярина, но не любилъ зря болтать.

— Это точно,—выговорилъ Ванька и забавно тряхнулъ головой.

Въ немъ виденъ былъ большой добрякъ, и онъ только смотрѣлъ „михрюткой“, а въ его подслѣповатыхъ глазахъ проглядывала смекалка и даже юморъ.

— Надо такъ сказать, это вѣрно,—продолжалъ онъ уже

гораздо посвободнѣе.— Вотчина-то дальняя, его, значитъ, собственная, поблизости отъ нашей... Красный Плесъ прозывается... Пріѣхалъ онъ въ тѣ поры младъ-младешенекъ... баяли, за мѣсто наказанія его туда отправили изъ Питера. И спервоначалу чудилъ, паря...

— А что?—смѣшливо спрашивалъ Гришка.

— Да по-мужицки одѣваться учалъ, и какъ слѣдуетъ— рубаха, портки... Чуть сѣнокосъ, али жнитво—ремешокъ на голову вздѣнетъ и пошелъ самъ косой отмахивать. Однакожъ, и въ этомъ его ограничили... Потому присмотръ былъ строгій.

— Вотъ оно что,—какъ бы про себя вымолвилъ Ефимъ, не проронившій ни слова.

— Строгій...— протянулъ Ванька, — то и дѣло исправникъ наѣзжалъ.

— Значитъ, и до мужиковъ былъ хорошъ?

— Извѣстное дѣло, паря, коли самъ такимъ манеромъ...

— Ну, теперь, любезный другъ, косить не пойдетъ въ ремешкѣ,—выговорилъ вполголоса Ефимъ и поглядѣлъ на одно изъ оконъ розоваго дома.

— Извозчикъ! — сзади изъ переулка раздался крикъ и такъ внезапно, что даже Ефимъ вздрогнулъ.

Оба лихача вразъ ударили вожжами и покатили вперебивку на зовъ.

Ванька такъ и остался съ недоконченнымъ разсказомъ про барина, жившаго въ розовомъ домѣ.

Баринъ нашелъ въ передней, кромѣ двоихъ лакеевъ во фракахъ при бѣлыхъ галстукахъ, еще какого-то малаго, въ родѣ посыльнаго или артельщика.

Пока одинъ человѣкъ снималъ съ него легкую, очень дорогую ильковую шубку, другой доложилъ тономъ дрессированнаго лакея, что̀ нынче рѣдкость, особенно въ провинціи:

— Изъ правленія, съ депешей, Александръ Ильичъ... Сейчасъ принесли.

— Послѣ меня принесли?—спросилъ баринъ и, не снимая шапки, поглядѣлъ на адресъ телеграммы и вскрылъ ее тутъ же.

На его лицѣ, блѣдномъ, очень тонкомъ, съ красиво подстриженною черною бородой, раздѣленною на двѣ пряди, и въ темно-сѣрыхъ острыхъ глазахъ не выразилось ничего: ни досады, ни безпокойства. Только на бѣломъ, высокомъ, но сдавленномъ лбу, гдѣ плоскіе, лосня-

щіеся волосы лежали еще густою прядью, чуть замѣтно обозначилась одна линія, надъ самымъ носомъ, крѣпкимъ, нѣсколько хрящеватымъ, породистымъ. Усы онъ поднималъ надъ волосами бороды, и концы ихъ немного торчали.

— Хорошо, скажи тамъ, что я вечеромъ дамъ отвѣтъ.

— Слушаю-съ,— выговорилъ артельщикъ и поклонился быстрымъ наклономъ головы, характернымъ жестомъ мѣстныхъ мѣщанъ и купцовъ.

Въ дверяхъ залы Александръ Ильичъ остановился, поглядѣлъ вбокъ и назадъ и спросилъ:

— Антонина Сергѣевна у себя?

— У себя-съ,—отвѣтили разомъ оба лакея.

— Никого нѣтъ на той половинѣ?

— Никого нѣтъ-съ.

Онъ прошелъ изъ залы, какія еще сохранились въ губернскихъ городахъ, сейчасъ же налѣво, въ дверку, спустился двѣ ступеньки и черезъ темный коридорчикъ попалъ въ свое отдѣленіе—двѣ обширныхъ комнаты, ниже остальной части дома, выходившія окнами въ садъ.

Прежде, когда домъ принадлежалъ Порфирьевымъ, бывшимъ изъ рода въ родъ предводителями, цѣлыхъ семь или восемь трехлѣтій, это были „дѣтскія“.

И къ нимъ вели ступеньки въ ту и другую комнату. Первую Александръ Ильичъ отдѣлалъ себѣ подъ кабинетъ. По нѣкоторымъ подробностямъ можно было распознать покой стариннаго помѣщичьяго дома: по косякамъ оконъ и дверей, по притолкамъ и потолкамъ и по тому, какъ стоятъ печи. Въ кабинетѣ уже недавно устроили каминъ изъ темнаго сѣвернаго мрамора; въ спальнѣ — угловой, съ четырьмя окнами—печь, въ изразцахъ, занимала добрую четверть всего пространства. Тамъ нарочно было мало мебели, для воздуха, обои свѣтлые, на окнахъ короткія драпировки, по полу натянуто зеленое сукно, кровать желѣзная, узкая, съ байковымъ одѣяломъ, на стѣнѣ собраніе ружей, два шкапа, кушетка, обширный умывальный столъ съ педалью и туалетный со множествомъ разныхъ щетокъ и щеточекъ. По стѣнамъ — гравюры, старинныя, англійскія, съ кирпичнымъ оттѣнкомъ краски, перевезенныя сюда изъ усадьбы, какъ и всѣ почти остальныя вещи.

Кабинетъ смотрѣлъ уже совсѣмъ по-новому: тяжелыя гардины, мебель, крытая шагреневою кожей, съ большими монограммами на спинкахъ, книжный шкапъ рѣзного

дуба, обширное бюро, курильный столикъ, много книгъ и альбомовъ на отдѣльномъ столѣ, лампы, бронза, двѣ-три масляныя картины съ рефлекторами и въ углу—токарный станокъ.

Вся эта комната была устлана восточными коврами и въ ней звукъ шаговъ совершенно пропадалъ. Запахъ дорогихъ сигаръ и какихъ-то тонкихъ духовъ, доходившій изъ спальни, куда вела стеклянная низкая дверь, подходилъ къ убранству этого не очень высокаго, но помѣстительнаго покоя, драпированнаго, по-заграничному, темно-краснымъ сукномъ.

Въ кабинетѣ Гаяринъ подошелъ къ бюро, выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ и положилъ въ него депешу. На письменномъ столѣ и по всей комнатѣ замѣчался порядокъ, рѣдко бывающій у самыхъ аккуратныхъ русскихъ. Каждая вещь лежала и стояла на своемъ мѣстѣ, но безъ жесткости и педантства, какъ будто даже съ нѣкоторою небрежностью, но надъ всѣмъ былъ неизмѣнный надзоръ острыхъ, темно-сѣрыхъ глазъ хозяина.

Неслышными шагами прошелъ онъ въ спальню. Передъ обѣдомъ, онъ, по-аглицки, мѣнялъ туалетъ и одѣвался одинъ, безъ прислуги.

III.

На другомъ концѣ дома, въ угловой комнатѣ — по-старинному „диванная", — раздѣленной пополамъ перегородкой съ драпировками, у маленькаго письменнаго столика сидѣла и дописывала письмо, въ полутемнотѣ, не зажигая свѣчи, жена Александра Ильича Гаярина, Антонина Сергѣевна.

Въ ея будуарѣ, за перегородкой, помѣщалась постель, все смотрѣло скромно и немножко суховато: старинная мебель, бѣлаго дерева, перевезенная также изъ родовой усадьбы, обитая ситцемъ съ крупными разводами, занавѣски изъ такого же ситца, люстра той же эпохи, бѣлая, съ позолотой, деревянная, въ видѣ лебедя, обои и шкапчикъ съ книгами, экранъ и портреты, больше фотографіи, по стѣнамъ и на письменномъ бюро. Никакихъ ненужностей и никакой склонности къ новому жанру: превращать свои комнаты не то въ музеи, не то въ аукціонныя залы.

Между отдѣлкой этой бывшей диванной и личностью женщины чувствовалось соотношеніе. Ни въ ней, ни на ней не было ничего ненужнаго, съ претензіей, крикли-

ваго... Наружность Антонины Сергѣевны, въ зимнихъ сумеркахъ, выходила полутонами. Пепельные волосы уже сѣдѣли, но казались какъ бы напудренными, очень просто, совсѣмъ не по модѣ, зачесанные за уши, съ маленькой косой, прикрытою черным кружевомъ. Никакихъ золотыхъ вещей, ни серегъ, ни браслетъ; худенькій, узкій въ плечахъ корсажъ свѣтло-сѣраго, хорошо сшитаго платья, со стоячимъ воротничкомъ; ростъ средній, худыя, тонкія руки и на правой рукѣ одно только обручальное кольцо.

Голову она, по близорукости, низко наклоняла надъ листкомъ бумаги и водила стальнымъ перомъ быстро-быстро. Щеки ея, кверху, подъ вѣками, слегка покраснѣли. Обыкновенно, лицо было безкровное, желтоватое, съ чертами утомленія, вдоль носа, которому вырѣзъ ноздрей, неправильный, но своеобразный, придавалъ несомнѣнную плѣнительность. Промежутокъ между носомъ и верхнею губою удлиненный, съ рѣзкимъ желобкомъ, и когда она говорила, эта особенность усиливала выраженіе большихъ, совсѣмъ темныхъ глазъ, очень молодыхъ по игрѣ и цвѣту. Зубы не успѣли еще пожелтѣть — небольшіе и блестящіе, бѣлизны цѣльнаго молока.

Отъ всей фигуры этой почти сорокалѣтней женщины— ей пошелъ уже тридцать восьмой—отдѣлялся неуловимый запахъ необычайной чистоплотности, рѣдкой даже у нашихъ свѣтскихъ женщинъ, и что-то нетронутое, цѣломудренное и дѣйствительно скромное проявляли ея жесты, обороты головы, движеніе пишущей руки и поза, въ какой она сидѣла.

Письмо было дописано. Она его не стала перечитывать, ей не хотѣлось еще звонить, чтобы зажгли лампу, не хотѣлось и зажигать свѣчей на своемъ столѣ; она любила эти зимнія сумерки въ ясные дни, съ полосой ярко-пурпурнаго заката, видной изъ ея оконъ, въ сторону переулка, позади извозчичьей биржи.

Она заклеила конвертъ и выпрямилась, не глядя на то, что написала, поставила адресъ и прошлась по комнатѣ.

Въ простѣнкѣ висѣло узкое зеркало въ рамѣ, обитой тѣмъ же ситцемъ. Она мелькомъ взглянула въ него, не нужно ли ей причесаться, прилично ли все на головѣ.

Если „прилично“, больше ей не нужно. Она не любила и не желала „рядиться“ ни для себя, ни для другихъ. Одѣвалась она хорошо, выписывала свои туалеты

изъ Москвы, кое-что дѣлала здѣсь. Но заказы ея сводились къ тремъ зимнимъ и тремъ лѣтнимъ платьямъ неизмѣнно. На балы она не ѣздила.

Для пріемовъ, къ обѣду и вечеру, она любила свѣтлосѣрый туалетъ, бывшій на ней и сегодня.

По звонку и шагамъ черезъ залу, она подумала о мужѣ. Онъ прошелъ къ себѣ и переодѣвался. Можетъ-быть, онъ найдетъ, что она слишкомъ просто одѣта.

Ничего! Платье отъ Шумской и носитъ она его всего съ прошлаго поста... Но ей представилось, когда она отошла отъ зеркала, блѣдное, красивое и значительное лицо ея мужа и его темно-сѣрые глаза съ извѣстнымъ ей выраженіемъ внутренняго контроля.

Подъ этимъ взглядомъ она постоянно чувствуетъ себя неловко. До сихъ поръ, по прошествіи шестнадцати лѣтъ замужества, еще не умерло въ ней чувство влюбленности.

Она не хочетъ и въ такихъ пустякахъ противорѣчить тому, что̀ онъ считаетъ приличнымъ, обязательнымъ для жены такого человѣка, какъ онъ.

„Il faut se devoir à sa position“,—приходитъ ей на умъ его фраза.

Прежде онъ подобныхъ фразъ не употреблялъ, тамъ, въ деревнѣ, въ первые годы ихъ супружества.

Будетъ обѣдать губернаторъ. Онъ простой старикъ, умный, безъ всякихъ претензій. Кто еще обѣдаетъ, она не знаетъ. Александръ Ильичъ вскользь сказалъ ей:

— У насъ сегодня гости, къ обѣду.

Распоряжается столомъ онъ, а не она, заказываетъ, и даже любитъ это, повару Василію, ихъ деревенскому, и отдаетъ приказанія старшему лакею, Левонтію, исправляющему должность дворецкаго.

Отъ всѣхъ этихъ заботъ она не отказывалась, но мужъ давно уже началъ заниматься и домовымъ хозяйствомъ, еще въ деревнѣ. Она стала болѣзненна, послѣ того какъ сама выкормила дѣтей, и сына Сережу, и дочь Лили. Вести хозяйство было ей иногда въ тягость. Онъ это замѣтилъ и устранилъ ее.

Теперь, въ городѣ, съ того времени, какъ она осталась безъ дѣтей, досугу у ней очень много... Она рада была бы войти въ хозяйство, но такъ ужъ заведено, а Александръ Ильичъ не любитъ, чтобы мѣнялось то, что разъ заведено. Съ этою чертой его характера, и не съ нею одной, бороться трудно, да она и не желаетъ.

Въ немъ, съ годами, развилась особаго рода уклончивость, онъ избѣгаетъ всякаго повода къ столкновеніямъ съ нею, даже въ пустякахъ... А хозяйство всегда даетъ къ этому поводъ... Все идетъ въ домѣ по часамъ, безъ малѣйшей зацѣпки, во всемъ чувствуется его властная рука, его умъ, забота, тактъ, выборъ.

Въ домѣ она точно почетная жилица или начальница какого-нибудь важнаго учрежденія, которая не входитъ въ мелочи хозяйства... И досугъ начинаетъ тяготить ее. Ее тянетъ въ Петербургъ, къ дѣтямъ. Въ концѣ зимы она поѣдетъ, но раньше Александру Ильичу это не понравится. Онъ говоритъ, что дѣтей надо оставлять однихъ, въ ихъ заведеніяхъ, одного въ лицеѣ, другую въ институтѣ, не волновать ихъ постоянными свиданіями, иначе они не научатся никогда „стоять на своихъ ногахъ“.

Прежде, когда они были еще маленькія, и рѣчи никогда не заходило о томъ, чтобы отдать ихъ въ привилегированныя заведенія, особенно сына въ лицей, въ тотъ лицей, гдѣ отецъ самъ учился и откуда вынесъ самое недружелюбное отношеніе къ такимъ „мѣстамъ систематической порчи“,—такъ онъ тогда выражался... И объ институтахъ онъ не иначе говорилъ, какъ съ насмѣшкой.

А когда подошелъ имъ возрастъ „готовиться“, явились на очередь и „лицей“, и „институтъ“. Она, впервые, сильно протестовала и не отстояла своего протеста. Это желаніе отца было первымъ признакомъ того, что прежній Гаяринъ, тотъ человѣкъ, въ котораго она увѣровала дѣвушкой, чьею женой стала послѣ тяжкой борьбы, уже покачнулся.

Внутри она близка къ убѣжденію, что это такъ, но ничего не можетъ схватить рѣзкаго, крупнаго, такого, чтобы нельзя уже было ему не сознаться...

Въ чемъ?

Вотъ этого-то слова она сама и не произноситъ... Ей жутко, хоть она и готова становиться на его мѣсто, желаетъ выгораживать его передъ собою, передъ тою Антониною Сергѣевной, на судъ которой онъ когда-то любилъ отдавать свои мысли, чувства, упованія, поступки.

И въ дѣлѣ воспитанія дѣтей вышло такъ, что онъ, не прибѣгая къ спорамъ и окрикамъ, безъ грубаго противорѣчія съ тѣмъ, что говорилъ когда-то вслухъ, приводилъ

при ней разныя соображенія и дѣлалъ это исподволь, долго, цѣлый годъ.

Вышло такъ, что Сережа попалъ въ подготовительное училище, а Лили въ тотъ же годъ отвезена была въ Смольный,—разумѣется, въ дворянское отдѣленіе, а не въ Елизаветинское.

Сейчасъ она писала о дѣтяхъ кузинѣ, княгинѣ Мухояровой, лучшему своему другу. Сестра ея живетъ тоже въ Петербургѣ, но съ ней она никогда не была дружна. Она даже не очень любитъ, чтобы Сережа ходилъ къ теткѣ по воскресеньямъ на цѣлый день.

Но и въ кузинѣ, въ томъ, какъ она живетъ, каковъ у ней кругъ знакомыхъ, что читаетъ, во всемъ этомъ уже больше двухъ лѣтъ замѣчаетъ она перемѣну, хотя и не совсѣмъ въ такомъ же родѣ, какъ въ своемъ мужѣ.

И эти думы все чаще и чаще захватываютъ ее по нѣскольку разъ на дню.

Вотъ и теперь она такъ задумалась посрединѣ комнаты, что даже съ удивленіемъ увидала, какъ сгустились сумерки.

Она сама зажгла свѣчи на письменномъ столѣ и позвонила.

Все-таки лучше было узнать, на сколько приборовъ накрываютъ,—обѣдали они въ залѣ,—и спросить у Александра Ильича, можно ли ей остаться въ томъ же платьѣ? Она узнаетъ и то, кончилъ ли онъ переодѣваться. Къ нему она не входитъ въ спальню, когда онъ занимается своимъ туалетомъ, да и въ кабинетѣ не любитъ ему мѣшать неожиданнымъ приходомъ.

Прежде это было иначе, совсѣмъ иначе.

IV.

Туалетъ Александра Ильича Гаярина подходилъ къ концу. Онъ охотно надѣлъ бы сегодня фракъ, но въ губернскомъ городѣ это можетъ показаться ненужною претензіей. Губернаторъ—человѣкъ, не любящій никакой парадности, явится, навѣрное, въ сюртукѣ съ погонами, а не въ эполетахъ. Другой гость—пріѣзжій, правда, много жившій и въ Петербургѣ, и за границей, но знаетъ губернскіе порядки и во фракѣ не явится.

Англійскій обычай—обязательность параднаго туалета для мужчинъ и женщинъ—считаетъ онъ и красивымъ, и самымъ порядочнымъ. Надо же поднимать чѣмъ-нибудь

будничный строй жизни, особенно въ Россіи, въ провинціи, гдѣ все за послѣднія двадцать лѣтъ такъ опустилось, впало въ такую распущенность, дошло до полнаго отсутствія всякаго декорума, при грубомъ франтовствѣ разночинцевъ.

Въ спальнѣ, сидя уже одѣтымъ передъ туалетнымъ зеркаломъ, Александръ Ильичъ медленно расчесывалъ бороду, раздѣляя ее на двѣ большія пряди. Даже и при такихъ занятіяхъ онъ не могъ не думать... Фатовства въ немъ не было. Онъ видѣлъ въ зеркалѣ красивое лицо мужчины съ тонкимъ профилемъ, еще молодое, способное произвести впечатлѣніе не на одну женщину...

Но о женщинахъ онъ всего меньше думалъ. Если его потянуло изъ деревни, то ужъ, конечно, не за тѣмъ, чтобы искать здѣсь нетрудной интриги съ какою-нибудь мѣстною дамой... Имѣть въ числѣ знакомыхъ тонко воспитанную женщину для „чашки чая" по вечерамъ было бы пріятно, но такая „чашка чая" что-то не представлялась. Довольствоваться кое-чѣмъ онъ не хотѣлъ. Это значило бы искать связи, показывать, что ему скучно дома, что онъ удовлетворяется первою попавшеюся губернскою барынькой, что онъ вульгарный развратникъ.

Отъ всего этого онъ далекъ, и ему не трудно будетъ сохранить свою теперешнюю репутацію человѣка чистаго по этой части. Онъ отлично видитъ, что здѣсь, во всемъ городѣ, нѣтъ мужчины интереснѣе его, значительнѣе, съ большими правами на всякаго рода успѣхи. За нимъ уже волочились, да и теперь двѣ-три „gommeuses du cru", такъ онъ ихъ называетъ про себя, готовы были бы сойтись съ нимъ.

Къ чему?

Свое чувство къ женѣ Александръ Ильичъ уже давно не разбираетъ. Онъ не можетъ не видѣть, что Антонина Сергѣевна еще не остыла. Для нея онъ все еще тотъ же властитель ея думъ, за которымъ она пошла безъ колебаній, сумѣла отстоять свой выборъ.

Тогда она привлекла его милымъ, неправильнымъ лицомъ, лаской глазъ, задушевностью своего теплаго голоса и еще больше трогательнымъ преклоненіемъ передъ его личностью, передъ всѣмъ, что было въ немъ и что исходило отъ него. Ни тогда, ни теперь онъ не хотѣлъ заглянуть поглубже въ душу этой женщины и распознать: полно, одно ли влеченіе къ блестящему мужчинѣ рѣшило

ея судьбу, а не другое что, не то, *чѣмъ* онъ былъ въ ту пору? Въ головѣ, а не въ сердцѣ Гаярина смутно всплывать этотъ вопросъ сталъ уже гораздо позднѣе, здѣсь, когда ему надо было во многомъ если не передѣлывать Антонину Сергѣевну, то доводить ее до согласія.

И во всемъ онъ до сихъ поръ успѣвалъ.

Онъ не помнитъ, чтобы когда-нибудь у нихъ доходило до крупнаго спора, до сцены, до размолвки. Да онъ и не позволилъ бы себѣ дѣйствовать круто, выказывать право на авторитетъ мужа. Это хорошо для невоспитанныхъ и неумныхъ людей.

Его совѣсть не давала и не даетъ ему поводовъ смущаться и укорять себя.

Въ немъ происходитъ естественный ходъ развитія сильной и своеобразной личности, который на философскомъ языкѣ называется „эволюціей".

Не даромъ Гербертъ Спенсеръ былъ когда-то его любимымъ мыслителемъ. И онъ можетъ не безъ гордости сказать, что хорошо его штудировалъ даже въ подлинникѣ. Теперь у него нѣтъ столько времени, чтобы перечитывать, съ карандашомъ въ рукахъ и книжкой замѣтокъ, своихъ любимыхъ авторовъ, какъ бывало въ деревнѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ; но ему кажется, что именно въ книгахъ этого британца онъ и нашелъ бы объясненіе и оправданіе всему, что исподволь стало проситься наружу и отводить его все больше и больше отъ прежней программы жизни.

Антонина Сергѣевна осталась—онъ это видитъ слишкомъ ясно—все тою же экзальтированною барышней, изъ семьи, набитой чванствомъ. Дочь барыни, которая до сихъ поръ на визитныхъ карточкахъ неизмѣнно ставитъ во второй строкѣ „рожденная княжна Токмачъ-Пересвѣтова", кроткая, сдержанная, „нутряная" дѣвушка, носила въ себѣ, до встрѣчи съ нимъ, запретный плодъ великодушныхъ, „красныхъ", по-тогдашнему, идей, порываній и сочувствій. И года, дѣти, напоръ и потравы жизни не настолько ее придавили, чтобы голова перестала возбуждаться на прежнія темы, именно голова, а не сердце; такъ онъ разсуждалъ уже давно, хотя вслухъ и въ особенности въ рѣзкой формѣ еще никогда не говорилъ ей, и съ-глазу-на-глазъ.

Разумѣется, голова! У сердца есть всегда довольно пищи. Она — мать, она — членъ общества, жена почетной

особы въ городѣ, можетъ выбирать себѣ какую угодно отрасль благотворительности. Дѣтей, правда, уже нѣтъ при ней и за ихъ отдачу въ заведеніе стоялъ онъ; но это временно: да, вдобавокъ, она къ нимъ ѣздитъ, ихъ берутъ на зимнія и лѣтнія вакаціи. Какъ женщина передовыхъ идей, — Александръ Ильичъ слово „передовой" произносилъ про себя съ легкою усмѣшкой,—она должна же понимать, что любовь къ дѣтямъ для себя есть не „альтруизмъ", а чистѣйшее себялюбіе, что дѣтей только испортишь, держа при себѣ слишкомъ долго, подъ давленіемъ черезчуръ высокой температуры материнскихъ заботъ, страховъ, волненій и пристрастій.

Кажется, она все это и уразумѣла, наконецъ... По крайней мѣрѣ, она уже не возвращается съ нѣкотораго времени къ этой чувствительной темѣ.

Да, онъ развивался и развивается, а она—все на томъ же концѣ шестидесятыхъ годовъ. Когда онъ думаетъ съ прибавкою мѣткихъ французскихъ фразъ, онъ называетъ это: „enkylosée dans les idées d'il y a vingt-ans".

Иначе и быть не можетъ. Мужчина — сила активная. Женщина—сила воспринимающая, пассивно пластическая. Какою ее замѣсятъ, такою она и остается всю жизнь: святошей, тщеславною бабенкой, чванною дворянкой, нигилисткой, простою самкой.

На этомъ законѣ природы Александръ Ильичъ все крѣпче и крѣпче утверждался, и какъ разъ въ ту минуту, когда его бѣлая, немного сухая рука провела въ послѣдній разъ серебряною щеткой по волосамъ, мозгъ его далъ заключительный аккордъ его неторопливымъ мыслямъ.

Онъ зналъ впередъ, что Антонина Сергѣевна выйдетъ къ гостямъ одѣтой не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ. Но это она измѣнитъ — не нынче, такъ завтра, съ новою перемѣной его положенія. Объ этой перемѣнѣ онъ не мечталъ, какъ мелкій честолюбецъ. Предстоящіе выборы непремѣнно принесутъ съ собой очередной вопросъ о самомъ достойномъ кандидатѣ въ губернскіе предводители.

Самый достойный, конечно, онъ. Надъ нимъ уже не тяготѣетъ прежняя опека. Выборъ его въ первые мѣстные сановники по сословному представительству будетъ означать, что онъ теперь совсѣмъ чистъ въ мнѣніи высшихъ сферъ.

И все это сдѣлалось исподволь, безъ скачковъ, безъ

всякихъ интригъ, безъ ухаживаній, безъ которыхъ не обходится никто, кому хочется прочистить себѣ дорогу къ серьезной власти.

Фата онъ въ себѣ не чувствуетъ и по части своего нравственнаго превосходства. Это слишкомъ очевидно. Ни въ уѣздахъ,—онъ знаетъ прекрасно весь личный составъ дворянъ,—ни въ городѣ нѣтъ ни чиновника, ни дѣльца, ни помѣщика, который самъ бы не сказалъ во всеуслышаніе:

— Александръ Ильичъ Гаяринъ у насъ первый номеръ!

О злоязычіи, клеветѣ и диффамаціи онъ никогда не думалъ, а теперь способенъ, менѣе чѣмъ когда-либо, смущаться ими. Онъ выработалъ себѣ такой тонъ со всѣми, что у него не было съ тѣхъ поръ, какъ онъ переѣхалъ изъ деревни,—не то, что „исторіи", а даже простого недоразумѣнія. Да и въ деревнѣ было то же самое.

Гаяринъ всталъ, отряхнулся, прошелъ въ кабинетъ, позвонилъ два раза и, остановясь у окна, приложилъ указательный палецъ къ правой брови: онъ соображалъ, приказать ли дворецкому подать послѣ супа марсалы, или особенной, привезенной еще изъ деревни, очень сухой мадеры: „dix ans de bouteille".

V.

Въ гостиной, огромной, жесткой и неуютной комнатѣ, освѣщенной ярче, чѣмъ это дѣлается въ провинціи въ „порядочныхъ" домахъ, сидѣлъ уже гость, когда Александръ Ильичъ отдавалъ приказаніе насчетъ вина.

Лакей, исправляющій должность дворецкаго, доложилъ ему, что пріѣхалъ губернаторъ и прошелъ къ барынѣ.

Около дивана, гдѣ на углу, въ молодой и неловкой позѣ, присѣла хозяйка, весь ушелъ въ кресло средняго роста старичокъ, въ плохо сшитомъ сюртукѣ съ генеральскими погонами, немного сутулый, совсѣмъ сѣдой. Онъ запустилъ бороду и голова его не имѣла въ себѣ ничего военнаго, лысая, съ морщинистымъ черепомъ умнаго человѣка, много имѣвшаго на своемъ вѣку болѣзней, заботъ и огорченій. Голубые, потерявшіе блескъ глаза, съ раздраженными вѣками, грустно улыбались сквозь порѣдѣлыя рѣсницы. Тонкій носъ книзу темнѣлъ, губъ не видно было изъ-подъ усовъ. Кожа на щекахъ лежала продольными складками отъ худобы.

Онъ не носилъ ни шпоръ, ни штрипокъ и ноги пере-

крутилъ, сидя вбокъ, съ лицомъ, обращеннымъ больше въ уголъ, чѣмъ къ хозяйкѣ дома.

— Начинаютъ полегоньку съѣзжаться,—продолжалъ онъ разговоръ о близости выборовъ.

У него не было переднихъ зубовъ; онъ ихъ не вставлялъ и давно получилъ старческій выговоръ.

— Вы любите, генералъ, когда городъ немного оживляется!

— Еще бы!.. А то даже на вашей, самой бойкой улицѣ, отъ зданія присутственныхъ мѣстъ до острога, простымъ глазомъ можно сосчитать всѣхъ пѣшеходовъ и сѣдоковъ.

Онъ тихо засмѣялся и повелъ нервно правымъ плечомъ,—у него это было родъ тика.

— А театра такъ и не будетъ?

— Такъ и не будетъ, — отвѣтилъ онъ на ея вопросъ почти уныло.

Его обижало за городъ, что не можетъ здѣсь установиться постояннаго театра, да и скучалъ онъ, живя одинъ безъ семьи, по вечерамъ. Въ карты игралъ онъ только отъ скуки, читать по вечерамъ ему было запрещено. Бумаги читалъ ему правитель канцеляріи.

— И къ выборамъ не будетъ?

Антонина Сергѣевна разспрашивала объ этомъ, чтобы доставить ему удовольствіе. У ней совсѣмъ не было привычки къ зрѣлищамъ.

— Предлагало какое-то сосіетѐ, — они такъ нынче величаютъ свои товарищества,—да, кажется, дрянцо какое-то... Обѣщали гастролеровъ, будто бы и Ермолову, и еще кого-то на нѣсколько спектаклей получатъ... Но субсидію запросили сразу. А нашъ лордъ-мэръ и обыватели на это очень крѣпоньки... Въ театрѣ полы расшатались давно, да и крыша кое-гдѣ течетъ... Ужъ, право, и не знаю,—кончилъ онъ съ усмѣшкой, — чѣмъ мнѣ по вечерамъ развлекать господъ дворянъ?

Глаза свои онъ перевелъ тутъ же на лицо хозяйки дома, и въ нихъ что-то мелькнуло. Онъ подумалъ о ея мужѣ, о томъ, пойдетъ ли Александръ Ильичъ въ предводители.

„Конечно, пойдетъ“,—рѣшилъ онъ уже не въ первый разъ. Онъ считалъ Гаярина не на мѣстѣ. Ему извѣстно было его прошедшее, онъ чувствовалъ въ немъ человѣка, который осторожно и ловко пробирается вверхъ. Положе-

ніе директора частнаго общества временное. Обыкновеннымъ дѣльцомъ Гаяринъ не будетъ.

Съ Антониной Сергѣевной губернаторъ еще никогда не заводилъ разговора о карьерѣ ея мужа. Его удерживало сложное чувство. Въ немъ притаилась горечь неудачника. Въ супружеской жизни онъ былъ очень несчастенъ. На мѣстѣ его забыли, больше пятнадцати лѣтъ даже чиномъ не побаловали. А онъ начиналъ блистательно, какъ офицеръ генеральнаго штаба, былъ нѣсколько лѣтъ военнымъ attaché одного изъ посольствъ. Въ лицѣ Гаярина передъ нимъ вставала личность, созданная для успѣховъ въ теперешнее время, онъ ему не завидовалъ, но и не преклонялся передъ такими людьми. Себя считалъ онъ болѣе достойнымъ настоящаго уваженія. Насколько можно было на административномъ посту, онъ старался быть вѣрнымъ тому, что считалъ, еще молодымъ человѣкомъ, „просвѣщеннымъ" и „гуманнымъ", полезнымъ для своего отечества.

Въ женѣ Гаярина онъ распознавалъ нѣчто родственное себѣ; но его удерживала деликатность: узнать ея взгляды на карьеру мужа.

Съ другой стороны, онъ былъ бы радъ скоротать свой вѣкъ, имѣя около себя такой предводительскій домъ, какъ Гаярины, находилъ Александра Ильича самымъ виднымъ и дѣльнымъ кандидатомъ, мечталъ о томъ, что онъ въ предводительшѣ найдетъ друга, способнаго оцѣнить его житейскія испытанія, усладить тяжесть одинокой старости.

Отъ женщинъ, въ смыслѣ корыстнаго ухаживанья, даже и въ подчиненныхъ сферахъ, генералъ Варыгинъ давно уже отказался: „сложилъ оружіе",—говаривалъ онъ.

— Выборы у насъ будутъ интересные,—сказалъ губернаторъ и повелъ на особый ладъ усами.

Антонина Сергѣевна не поняла его намека и поглядѣла на него вопросительно, безъ всякой задней мысли.

О томъ, что мужъ ея пробирается въ предводители, она еще ни разу не подумала, какъ о близкомъ фактѣ. Съ ней онъ уже давно не мечталъ вслухъ, не сообщалъ ей своихъ плановъ, избѣгалъ всякихъ разговоровъ о личныхъ интересахъ.

— Сословіе желаютъ поднять,—продолжалъ старикъ и передернулъ правымъ плечомъ.—Что жъ, хорошее дѣло, если только въ прокъ пойдетъ.

И въ глазахъ, отуманенныхъ годами и горечью жизни, проползла струйка ироніи.

— Надежда плохая!—сказала Антонина Сергѣевна.

У ней на этотъ счетъ взгляды давно установились. Она не любила громко обличать и разносить; но на свое сословіе она была точно такихъ взглядовъ, какъ ея мужъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, когда онъ жилъ въ деревнѣ подъ присмотромъ.

— Какъ бы капиталы новаго банка не пошли туда же, куда и блаженной памяти выкупныя свидѣтельства.

Она усмѣхнулась и ея улыбка ясно говорила: „можно ли въ этомъ сомнѣваться?"

Этого умнаго и простого старика, забытаго на губернаторскомъ посту, она считала „своимъ" человѣкомъ, которому только его должность не позволяетъ высказываться посильнѣе. И не столько должность, сколько другое время. Лѣтъ пятнадцать-двадцать передъ тѣмъ онъ, навѣрное, былъ менѣе сдержанъ. Ему Антонина Сергѣевна прощала. Онъ весь свой вѣкъ служилъ, старался быть честнымъ, оставался вѣренъ нѣкоторымъ идеямъ общественной правды. Чего же больше требовать отъ него? Было бы печальнѣе, если бъ онъ либеральничалъ на словахъ, а на дѣлѣ былъ ретроградъ и черствый честолюбецъ или тайный измѣнникъ своей присягѣ.

Ея мужъ смотритъ на него сверху внизъ, считаетъ его „запаснымъ", не разъ уже проговаривался, что на такомъ мѣстѣ, какъ постъ начальника губерніи, надо иначе держать себя, имѣть другой тонъ, больше „иниціативы" и „авторитета".

Эти фразы странно звучали для нея въ устахъ Александра Ильича. Правда, онѣ выходили у него легко и ловко, кстати и съ неуловимымъ двойственнымъ оттѣнкомъ. Такъ могъ говорить и радикально мыслящій человѣкъ.

— Мѣсто предводителя никогда у насъ не пустовало,— замѣтилъ губернаторъ и опять кинулъ на нее боковой взглядъ.—А теперь вотъ второй годъ пустуетъ.

— Охотники найдутся, — вымолвила она и почувствовала, что онъ намекаетъ на мужа.

— Александру Ильичу, можетъ-быть, хочется,—потише сказалъ онъ, — чтобы ему шарики на тарелкѣ поднесли, какъ въ доброе старое время?

— Александру Ильичу? — переспросила она и начала краснѣть,—ей стало вдругъ очень неловко.

Она хотѣла бы возразить: „Помилуйте, съ какой стати пойдетъ онъ въ предводители даже и теперь, когда хотятъ поднимать сословіе?“ Но ея всегдашняя честность не позволила ей такого протеста. Ручаться за него она уже не могла, и это ее смутило и опечалило.

Старичокъ послѣ своей фразы сидѣлъ все въ той же перекошенной позѣ и ему казалось забавнымъ, что черезъ какихъ-нибудь пять-шесть недѣль онъ будетъ посылать ея мужу офиціальные пакеты съ надписью: „Его превосходительству господину губернскому предводителю дворянства“, и увидитъ его въ соборѣ, въ табельные дни, въ бѣлыхъ панталонахъ съ галуномъ.

Давно ли онъ, какъ начальникъ губерніи, долженъ былъ давать свѣдѣнія о помѣщикѣ такого-то уѣзда, владѣльцѣ такого-то имѣнія, проживавшемъ въ своей усадьбѣ подъ надзоромъ?.. Ему вспомнилось обычное полушутливое выраженіе правителя канцеляріи, называющаго этотъ отдѣлъ свѣдѣній, отбираемыхъ отъ уѣзднаго начальства, „кондуитъ“.

И въ эту минуту въ дверяхъ гостиной онъ увидалъ стройную, еще очень молодую фигуру Александра Ильича, затянутую въ сюртукъ, съ его темною расчесанною бородой, въ высокихъ модныхъ воротничкахъ, съ тихою, значительною улыбкой сжатаго энергичнаго рта.

Антонина Сергѣевна быстро взглянула на мужа, еще не освободившись отъ своего смущенія, и ее пронизала мысль:

„Да, онъ мѣтитъ въ предводители и скрываетъ это отъ меня!“

— Какъ поживаете, генералъ? — раздался отъ двери ласково-почтительный вопросъ, и двѣ руки протянулись, на ходу, къ гостю.

VI.

Въ началѣ восьмого пили кофе и курили въ будуарѣ хозяйки.

Кромѣ губернатора, былъ тутъ и другой гость, нѣсколько опоздавшій къ обѣду, нѣкто Ахлёстинъ, Степанъ Алексѣичъ, чиномъ отставной гвардіи штабъ-ротмистръ, холостякъ лѣтъ подъ пятьдесятъ. Плотно остриженная, еще не сѣдая голова его давала ему видъ очень неста-

раго человѣка—и маленькая бородка, и короткая жакетка, и свѣтлый атласный галстукъ. Онъ одѣвался по-заграничному. Въ Россіи жилъ онъ только по лѣтамъ; на этотъ разъ запоздалъ и хотѣлъ остаться на выборы. Онъ уже больше двадцати лѣтъ проживалъ на югѣ Европы, не служилъ, не искалъ службы и досуги свои употреблялъ на то, что сочинялъ проекты по вопросамъ русскаго государственнаго хозяйства и управленія, задѣвалъ и общія соціальныя темы, печаталъ брошюры по-французски и по-русски, разсылалъ ихъ всѣмъ „власть имѣющимъ" на Западѣ и въ Россіи. Его считали вездѣ чудакомъ; иные думали, что подо всѣмъ этимъ таится нѣчто другое, чего, въ сущности, не было... Онъ никого не дурачилъ.

И теперь, за кофеемъ, Ахлёстинъ, немного запинаясь въ рѣчи, высокимъ голосомъ, съ манерой говорить москвича, на которую житье за границей не повліяло нисколько, разсказывалъ про то, какимъ онъ особамъ разослалъ послѣднюю свою брошюру: „О возможныхъ судьбахъ Европы въ виду грядущихъ соціальныхъ переворотовъ и неизбѣжныхъ войнъ".

— На Западѣ двое мнѣ, какъ порядочные люди, отвѣтили... настоящими письмами, — весело крикнулъ онъ. — Остальные... благодарили.

— А сколько вы разослали экземпляровъ? — спросилъ губернаторъ.

— Да ужъ, ей-Богу, не помню... Въ одной Россіи штукъ триста. Такъ по адресъ-календарю и валялъ!

— И, разумѣется, у насъ всѣ промолчали?

— То-есть — pardon, Антонина Сергѣевна! — хоть бы плюнулъ кто.

— Ну, а эти двое европейцевъ? — возбужденно допрашивалъ старичокъ.

Хозяинъ дома сидѣлъ поодаль и неопредѣленно улыбался.

— Покойникъ Биконсфильдъ и донъ-Педро.

— Императоръ Бразиліи?

— Онъ самый.

— Зато какова парочка!

— Да! Дизраэли даже удивилъ меня. „Совершенно, — пишетъ,—согласенъ съ вашимъ взглядомъ". А я насчетъ Индіи предлагаю примирительную систему. „Всѣмъ великимъ націямъ, говорю я, будетъ достаточно дѣла въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ призваны господствовать".

Хозяинъ продолжалъ молчать и отхлебывать изъ маленькой плоской чашки черный, очень крѣпкій кофе. Въ глазахъ его мелькала улыбка. Онъ слушалъ гостя и думалъ полуиронически, полусерьезно о томъ, какую роль играютъ у насъ проекты и докладныя записки тамъ, въ Петербургѣ, гдѣ всякій „чинушъ“ норовитъ отличиться, бьетъ тревогу, доказываетъ неминуемую гибель общества, если не послушаютъ его.

Худощавая, своеобразная фигура Ахлёстина выдѣлялась передъ нимъ на фонѣ кресла, обитаго свѣтлою старинною матеріей. Онъ часто двигалъ свободною правою рукой; лицо его смѣялось, а въ глазахъ была какая-то смѣсь мечтательности и юмора съ чисто-русскимъ оттѣнкомъ.

„Мнѣ, молъ, все равно; я не бьюсь ни изъ чиновъ, ни изъ окладовъ... Пускай на меня свысока смотрятъ всѣ власть имѣющіе“.

И онъ тотчасъ же прибавилъ, точно возражая кому-нибудь изъ присутствующихъ:

— Я ни къ какой кучкѣ не принадлежу!.. Одни считаютъ меня ретроградомъ, чуть не ярымъ крѣпостникомъ, другіе — тайнымъ нигилистомъ... Кто-то даже Катилиной обозвалъ... хе-хе-хе!

Смѣхъ у него былъ высокій, дѣтскій.

Губернаторъ тихо разсмѣялся вслѣдъ за нимъ.

— Ей-Богу! Всѣ личину носятъ и тянутъ только въ свою сторону, а я такъ разсуждаю: пусть въ моихъ немудрыхъ писаніяхъ много вздору; но если есть хоть крупица дѣла на пользу общую, и этою крупицей воспользуется кто-нибудь власть имѣющій, больше я ничего и не желаю. Надо понять, я стою за поднятіе того сословія, въ которомъ родился, только затѣмъ, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы народъ не несъ лишнихъ тягостей, не пропился и не избаловался бы въ лоскъ.

— Трудно, — выговорилъ губернаторъ, какъ бы думая про себя, — очень трудно, — протяжно повторилъ онъ, — влѣзть въ кожу мужика, въ то, что́ онъ долженъ выбить изъ земли сохой или заступомъ.

Его добрые, затуманенные глаза обратились къ Антонинѣ Сергѣевнѣ; она встрепенулась и быстро кивнула ему головой.

Изъ троихъ собесѣдниковъ ему больше всего она вѣрила, къ нему была ближе душой. Мужа она совсѣмъ не

чувствовала сегодня, въ этомъ разговорѣ, и давно уже не слыхала, чтобы онъ высказался прямо, смѣло, какъ прежде... Его блуждающая улыбка и уклончивая молчаливость смущали и печалили ее.

Во взглядѣ старичка она прочла признаніе человѣка съ сердцемъ, которому долгая губернаторская служба дала отличное знаніе того, какъ выбиваются, по уѣздамъ, годами накопившіяся недоимки. Она вспомнила, что разъ, въ этомъ же будуарѣ, онъ сильно повелъ правымъ плечомъ и у него вырвалось восклицаніе:

— Вотъ на это и клади всю душу! Выбивай недоимки! И съ каждымъ годомъ все хуже и хуже!

Даже Ахлёстинъ,—она считала его, все-таки, защитникомъ сословныхъ взглядовъ, — казался ей искреннѣе и цѣльнѣе Александра Ильича. Она не могла отличить въ немъ привычки къ извѣстнаго рода дилетантству отъ убѣжденности человѣка, имѣющаго свои взгляды, способнаго вдумываться въ судьбы всего человѣчества и своей родины. Брошюръ его она не читала.

— Да почему же вы думаете, генералъ, — вдругъ еще веселѣе заговорилъ Ахлёстинъ,—что я не проходилъ черезъ настоящую мужицкую работу?.. И очень!.. Позвольте вамъ разсказать одинъ такой экспериментъ. Давненько это было. Я уже вышелъ въ отставку и гостилъ у тетки, въ деревнѣ... Знаете, тогдашнею модой насчетъ хожденія въ народъ я не зашибался.

Эту фразу онъ сказалъ просто, между прочимъ, но Антонину Сергѣевну кольнуло, и она не могла не взглянуть въ сторону мужа. Тотъ сидѣлъ съ неподвижнымъ лицомъ и съ тою же усмѣшкой на тонкихъ губахъ.

„Онъ даже забылъ про это,—съ горечью подумала она,— или уже привыкъ носить маску?“

— Нѣтъ, не зашибался, — повторилъ разсказчикъ.— А съ мужичками ладилъ, ничего. Ну, и времени много было свободнаго. У тетки копали прудъ. И плотину надо было соорудить здоровую... А, главное, копать... Пришли землекопы... Артель человѣкъ въ восемь-десять. Я съ ними въ знакомство вступилъ... „Тары-бары... Хорошъ табачокъ“... Хожу, посматриваю, какъ они дѣйствуютъ... И, знаете, на третій, кажется, день разобрала меня охота... Отчего мнѣ не поработать?.. Только чтобы до конца довести вмѣстѣ съ ними...

— И выдержали?—съ живостью спросилъ губернаторъ.

— И выдержалъ! Пиджакъ и штиблеты съ себя поснималъ, даже волосы ремешкомъ пристегнулъ... Вставалъ съ пѣтухами, ѣлъ съ рабочими изъ одной чашки, — еще постъ Петровскій пришелся, — хлѣбъ, лукъ, каша съ конопляным масломъ, тюря... Отлично!.. И повѣрите, когда, къ концу первой недѣли, перестало въ поясницѣ ныть и руки я достаточно намозолилъ,—такое, я вамъ скажу, душевное настроеніе... Никогда въ жизни ничего подобнаго не испытывалъ! Ей-Богу!.. Это что-то совсѣмъ особенное... Одна забота, одна мысль—вотъ этотъ пластъ земли уничтожить, а потомъ другой, а потомъ третій... И верхъ благополучія—все выкопать, плотину утрамбовать въ наилучшемъ видѣ и воды напустить!..

— Такъ ужь это помѣщичье чувство!—перебилъ губернаторъ.

— Ни Боже мой!.. Я все забывалъ: кто я, гдѣ живу... что баринъ я, гвардіи штабъ-ротмистръ, племянникъ помѣщицы... Мало того, всякія дѣла тамъ, въ Европѣ!.. Въ то время Испанія въ ходу была... Королева Изабелла, генералъ Примъ, кортесы, потомъ претенденты на престолъ... Все это вдругъ показалось мнѣ такою пустяковиной! Работа!.. Одна работа!.. Вотъ какая притча!

— И вы увѣрены, что и землекопы такъ же чувствовали?—не сдавался губернаторъ.

— Непремѣнно! Нельзя иначе чувствовать, когда работа держитъ васъ въ своихъ клещахъ!.. Лучшаго душевнаго настроенія нѣтъ и быть не можетъ!

— Однако, вы въ немъ не остались?

— Это уже другой вопросъ, ваше превосходительство! Всякому свое... Что вы, Александръ Ильичъ, на это скажете?

— А скажу то, что надо черезъ это пройти, но не затѣмъ, чтобы забывать обо всемъ другомъ...

„О чемъ?"—стремительно спросила про себя Антонина Сергѣевна и сдержала желаніе посмотрѣть на мужа.

Ахлёстинъ началъ уже прощаться, торопливо, точно онъ опоздалъ куда. Его удерживали. Онъ объявилъ, что долженъ въ Москву, съ вечернимъ поѣздомъ, и, уходя, въ дверяхъ, сдѣлалъ дурачливую мину и сказалъ:

— Все корректура донимаетъ. Пріятелямъ нельзя поручить, наврутъ!

Хозяинъ пошелъ его провожать. Губернаторъ перешелъ

со своего кресла на диванъ, поближе къ Антонинѣ Сергѣевнѣ.

VII.

Александръ Ильичъ вернулся очень быстро, въ дверяхъ остановился немного и оглянулъ и гостя, и жену.

— Уѣхалъ? — спросилъ его губернаторъ и вытянулъ ноги.—Господинъ реформаторъ?

Слово „реформаторъ“ произнесъ онъ съ замѣтною улыбкой.

— Да, реформаторъ,—повторилъ Гаяринъ и сѣлъ опять на свое мѣсто, въ той же позѣ, съ тѣмъ же лицомъ, и взялъ опять со столика недопитую чашку.

— Этакіе-то не опасны, — продолжалъ губернаторъ и повелъ слегка плечомъ,—по крайней мѣрѣ, ничего не хотятъ истреблять и ни подо что тайно не подкапываются!.. Разсылаютъ свои писанія во всѣ концы свѣта.

— Какъ сказать? — заговорилъ, наконецъ, Гаяринъ и выпрямился.—Эта игра въ спасители человѣчества только подрываетъ кредитъ тѣхъ, кто дѣйствительно хотѣлъ бы вложить свою лепту въ общее дѣло.

Эту фразу произнесъ онъ съ остановками, ища словъ, чего съ нимъ не бывало никогда. Точно будто ему не хотѣлось ни въ какомъ смыслѣ высказываться въ присутствіи своей жены.

Антонина Сергѣевна такъ это и поняла и продолжала сидѣть въ неловкой позѣ, съ опущенными глазами. Она съ радостью взяла бы папиросу и закурила, но мужъ ея, съ нѣкоторыхъ поръ, не любитъ, чтобы она курила, особенно при гостяхъ.

— Эхъ, Александръ Ильичъ, кто у насъ читаетъ?.. Вѣдь онъ самъ же сейчасъ говорилъ, что ему ни единая душа не отвѣтила, изъ трехсотъ человѣкъ, которые значатся въ адресъ-календарѣ.

— Что жъ, онъ, все-таки, живетъ для идеи и вѣренъ себѣ,—съ внезапнымъ блескомъ въ глазахъ сказала Антонина Сергѣевна и повернула голову въ сторону мужа.

Она не могла сдержать въ себѣ начала какой-то, совсѣмъ новой тревоги, потребности проявить, вотъ сейчасъ, свою личность, заставить мужа бросить уклончивый тонъ и начать высказываться откровеннѣе... Минута казалась ей самою подходящей. Губернаторъ поможетъ ей въ этомъ направленіемъ разговора.

— Такихъ реформаторовъ,—продолжалъ старичокъ,—я бы не промѣнялъ на тѣхъ господъ, которые проживаютъ у меня на попеченіи.

Онъ оглянулся на Антонину Сергѣевну. Намекъ его она тотчасъ же поняла.

Въ городѣ находилось нѣсколько человѣкъ, присланныхъ на житье. Одни попали прямо изъ столицы, другіе изъ дальнихъ губерній, двое изъ-за Урала. Ими Антонина Сергѣевна интересовалась постоянно. Между ними было два писателя-беллетриста и сотрудникъ толстыхъ журналовъ по философскимъ вопросамъ Ихменьевъ. Онъ былъ вхожъ въ ихъ домъ или, лучше, она съ нимъ познакомилась и принимала у себя... Александръ Ильичъ позднѣе узналъ объ этомъ отъ нея, но самъ не пожелалъ поближе сойтись съ Ихменьевымъ. Она помнитъ и чуть примѣтную гримасу, съ которой онъ сказалъ ей:

— Смотри, Нина, эти господа непремѣнно будутъ просить о чемъ-нибудь нелегальномъ и впутаютъ въ исторіи...

И тотчасъ же удалился, оставивъ ее подъ впечатлѣніемъ этой фразы.

— Развѣ они подводятъ васъ... подъ непріятности? — спросила Антонина Сергѣевна, и легкая дрожь прошла у ней внутри, хотя въ комнатѣ было не меньше пятнадцати градусовъ.

Она чего-то ждала и на что-то напрашивалась.

— Подводятъ-съ, — выговорилъ съ полукомическимъ вздохомъ старикъ и опять принялъ свою изломанную позу.—Кажется, я крутымъ надзоромъ никогда не отличался...

Александръ Ильичъ сдѣлалъ кивокъ головой въ знакъ согласія.

— Прежде и намъ было поудобнѣе... И насъ меньше безпокоили... да и народъ другой былъ... А нашъ городъ, хотя онъ и къ центру имперіи принадлежитъ, сдѣлали дурную привычку, тамъ, — онъ повелъ рукой, — избирать мѣстомъ болѣе легкаго изгнанія, въ родѣ какого-то чистилища... Прежде каждаго изъ этихъ господъ опредѣлить было не такъ трудно... А теперь, Богъ его знаетъ, что̀ у него тамъ, подъ его долгою гривой, въ мозгу шевелится. Проживаетъ-то онъ на моемъ попеченіи за одно, а, можетъ, высиживаетъ въ себѣ совсѣмъ другое... и, вмѣсто того, чтобы пользоваться своимъ житьемъ въ городѣ, откуда ему разрѣшается и въ Москву съѣздить иной разъ,

и въ Петербургъ, онъ продолжаетъ сношенія съ самымъ, уже что ни на есть, нелегальнымъ народомъ, и въ Россіи, и за границей. А губернатору нахлобучка, да нахлобучка!.. Хе-хе!

Все это было выговорено шутя: ни стариковской горечи, ни чиновничьей строгости не слышалось въ тонѣ. Антонина Сергѣевна схватила взглядъ мужа. Его острые глаза отливали стальнымъ блескомъ, точно говорили:

„Самъ ты, старичокъ, виноватъ... Слишкомъ долго любилъ драпироваться въ либерализмъ, читалъ запрещенныя книжки, потакалъ всякимъ, явно-нелегальнымъ попущеніямъ, заигрывалъ со всѣмъ этимъ народомъ, ждалъ отъ нихъ выдачи себѣ похвальнаго листа за гражданскія чувства. Вотъ теперь и кусай локти“.

Она прочла все это въ его красивыхъ глазахъ, съ отблескомъ стали, въ которыхъ, когда-то, видѣла другой огонь—порыванiй и сочувствiй, отошедшихъ куда-то въ глухую темь.

— Удивляюсь, — началъ вдругъ Александръ Ильичъ и поставилъ чашку на столикъ,—удивляюсь я одному: какъ у этихъ господъ нѣтъ профессіональной честности! А, вѣдь, это,—подчеркнулъ онъ,—превратилось какъ бы въ профессію... Я иду напроломъ, умышляю противъ извѣстнаго порядка вещей, сознательно призываю на себя неизбѣжное возмездіе, неизбѣжное, — повторилъ онъ съ оттяжкой, — въ каждомъ правильно организованномъ государствѣ, и потомъ возмущаюсь послѣдствіями моихъ дѣяній, хитрю, пускаюсь на мелкіе обманы, не хочу отбыть срока своего наказанія, какъ порядочный человѣкъ, понимающій смыслъ народной поговорки: люби кататься, люби и саночки возить!

Онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но оборвалъ свою рѣчь. Антонина Сергѣевна быстро взглянула на него, и, должно-быть, этотъ взглядъ помѣшалъ ему докончить.

Нервная дрожь не проходила въ ней. Она сама чувствовала, что должна быть блѣдна. Ей захотѣлось возразить, сразу поставить что-то ребромъ.

Но губернаторъ всталъ и пошелъ въ другой конецъ комнаты за фуражкой.

— Это вѣрно, профессіональной честности не хватаетъ! — выговорилъ онъ. — Интересная тема, Антонина Сергѣевна, не правда ли? И ваше мнѣніе желательно бы выслушать, да я уже засидѣлся... У меня сегодня ко-

миссія... и скучнѣйшая. Что дѣлать!.. Какъ это по-латыни? Caveant consules? Такъ, кажется, Александръ Ильичъ? На своемъ посту все надо быть.

Онъ подошелъ къ хозяйкѣ и взялъ ея руку.

— Позволите?—спросилъ онъ тономъ военнаго.—Вашъ супругъ пока еще вольный гражданинъ. Днемъ посидитъ тамъ, въ правленіи, а вечеромъ... не знаетъ никакихъ комитетовъ и комиссій, и подписыванія исходящихъ. Дайте срокъ! Мы и его впряжемъ.

Антонина Сергѣевна спросила его глазами:

„Во что впряжете?“

— И вы у насъ будете скоро штатскою генеральшей... Вѣдь, вы съ мужемъ вашимъ занимаете историческій домъ... Здѣсь испоконъ вѣку жили губернскіе предводители. Много было тутъ пропито и проѣдено, проиграно въ карты... Плясъ былъ большой... и всякое дворянское благодушіе. Пора немножко и стариной тряхнуть... И вамъ пора, Антонина Сергѣевна, принять надъ нами власть. Вы у насъ первая дама въ городѣ, недостаетъ только офиціальнаго титула.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ей руку и молодцовато повернулся въ сторону мужа.

Александръ Ильичъ стоялъ ближе къ ней. На его лицѣ она ничего не прочла, но вся фигура его говорила:

„Да, мнѣ пора въ губернскіе предводители. Я это знаю, и мнѣ должны поднести шары на блюдѣ“.

— Такъ ли?—спросилъ его, уходя, губернаторъ.

— Я не судья! — отвѣтилъ Гаяринъ и съ жестомъ почтительной ласки слегка взялъ старика за плечо и пошелъ съ нимъ въ гостиную.

„Не судья...—повторила мысленно Антонина Сергѣевна, вся охваченная возрастающимъ чувствомъ, которому она должна была дать ходъ, — не судья... въ своемъ дѣлѣ? Всѣ этого хотятъ! Значитъ, ты все самъ подготовилъ и ждешь первой ступени туда, гдѣ въ тебѣ умретъ прежній Гаяринъ!“

VIII.

Въ передней Александръ Ильичъ сказалъ еще нѣсколько лестныхъ словъ гостю и, на прощанье, посовѣтовалъ поднять воротникъ шинели.

— Вѣтеръ рѣзкій, берегитесь, генералъ.

Ему сначала не захотѣлось возвращаться къ женѣ. Онъ

не желалъ проводить вечеръ дома, съ-глазу-на-глазъ, или одному, у себя въ кабинетѣ, за первою попавшеюся книжкой. Давно Александръ Ильичъ не читалъ женѣ вслухъ, какъ бывало въ деревнѣ, длинными осенними и зимними вечерами, когда онъ усиленно развивалъ ее, въ первые годы ихъ брачной жизни. Читалъ онъ ей на четырехъ языкахъ, и на всѣхъ одинаково хорошо. У него была даже страстишка къ красивому чтенію, и одно время онъ считалъ себя декламаторомъ. Тогда прочитывались цѣлые томы Спенсера, Мишле, популярныхъ нѣмецкихъ сочиненій по естествознанію, „Мизерабли“ Гюго, англійскіе радикальные журналы, всего чаще „Fortnightly Review“, книги Джона Морлея, Ренана, Кине и соціальныхъ писателей сороковыхъ годовъ, романы Джоржа Элліота и Ямбы Барбье... Все тогда шло въ прокъ...

Теперь охоты нѣтъ, а если бы онъ что и прочелъ ей, то не изъ прежнихъ авторовъ и не съ тою цѣлью.

Лучше онъ поѣдетъ сегодня въ клубъ... Начинаютъ съѣзжаться дворяне. Надо почаще показываться. Можетъ-быть, онъ сыграетъ роббера три съ кѣмъ-нибудь изъ уѣздныхъ предводителей. И губернаторъ изъ своей комиссіи, навѣрное, заѣдетъ въ клубъ, съѣсть, по своей привычкѣ, порцію холодной ветчины и немножко повинтить, а то такъ просто посидѣть около играющихъ.

Въ клубъ надо поѣхать!.. Но это еще успѣется. Онъ подавилъ въ себѣ малодушное, на его взглядъ, нежеланіе вернуться къ женѣ и пошелъ болѣе рѣшительнымъ шагомъ черезъ гостиную.

Разговоръ о господахъ, находящихся, какъ выражался губернаторъ, на его „попеченіи“, подсказалъ ему рѣшеніе дать Антонинѣ Сергѣевнѣ добрый совѣтъ уклониться отъ дальнѣйшаго знакомства „съ господиномъ Ихменьевымъ“,—выговорилъ онъ про себя и съ особымъ движеніемъ своего красиваго рта. Лучше сдѣлать это сейчасъ, а не откладывать на завтра.

— Morgen, Morgen, nur nicht Heute, sagen alle faule Leute, — произнесъ онъ вполголоса, проходя черезъ опустѣвшую гостиную.

Видъ этой комнаты показался ему до-нельзя тусклымъ и бѣднымъ. Надо ее заново отдѣлать. И, вообще, оживить эти просторныя барскія хоромы, сдѣлать домъ открытымъ. Это будетъ необходимо съ перемѣной положенія. Да и пора прекратить теперешній странный образъ

жизни... Точно они какіе-то поднадзорные... или люди опаснаго образа мыслей, не желающіе сближаться съ городомъ.

Все это идетъ отъ Антонины Сергѣевны. Она не любитъ, въ сущности, ни женскаго, ни мужского общества. До сихъ поръ она, точно у себя въ усадьбѣ, читаетъ книги, пишетъ безконечныя письма, мечтаетъ Богъ знаетъ о чемъ, не хочетъ заняться своимъ туалетомъ, играть въ городѣ роль, отвѣчающую положенію мужа.

Впервые Гаяринъ испытывалъ особое раздраженіе противъ жены, не похожее на ту сдержанную уклончивость, съ которой онъ велъ съ ней постоянную борьбу, передѣлывалъ ее на новый ладъ.

— Нина, ты здѣсь?—окликнулъ онъ въ будуаръ изъ-за портьеры.

— Здѣсь, — отвѣтила она изъ-за перегородки, куда ушла перемѣнить туалетъ, надѣть свой любимый фланелевый капотикъ полосками.

— Et la femme de chambre est là?

— Je suis seule.

Въ отвѣтѣ жены Александру Ильичу послышалось нѣчто новое. Не было неизмѣнной прибавки „mon ami“ или „мой другъ“, безъ которой она никогда не обращалась къ нему. Это его поставило насторожѣ, но не измѣнило его рѣшенія—поговорить съ женой на щекотливую тему.

— Ты легла?

— Нѣтъ, я сейчасъ переодѣнусь.

И это ему не очень-то понравилось. Можетъ кто-нибудь пріѣхать невзначай, а хозяйка дома въ халатѣ. Никогда, такъ ему казалось теперь, не поощрялъ онъ ее къ этой русско-деревенской распущенности. Она опрятно себя держитъ, но никакой заботы объ изяществѣ, о красивыхъ деталяхъ туалета, преувеличенная склонность къ своего рода мундиру скромности и радикализма.

Слово „радикализмъ“ онъ очень отчетливо произнесъ про себя и взглядъ его со стальнымъ отблескомъ остановился на портьерѣ перегородки. Даже и это ему не нравилось, что жена его спала въ той же комнатѣ, гдѣ и сидѣла цѣлые дни, гдѣ и принимала иногда гостей.

Да, она въ своемъ фланелевомъ халатикѣ, который старилъ ее на десять лѣтъ, и даже сняла кружево съ головы. Отъ этого сѣдина гораздо больше стала серебриться и на вискахъ, и на темени.

Къ своей женѣ онъ, какъ мужчина, началъ незамѣтно охладѣвать въ послѣднія пять лѣтъ, но никогда не разбиралъ своего чувства къ ней, не возмущался, не жаловался ни самому себѣ, ни въ дружеской бесѣдѣ. Да у него и не было друга... Онъ принималъ это какъ неизбѣжность „эволюціи“ супружеской связи, и свою честность, то, что не обзавелся любовницей, считалъ онъ высшимъ доказательствомъ уваженія къ женщинѣ, отъ нея не требовалъ никакихъ порывовъ и желалъ подтянуть ее въ туалетѣ вовсе не за тѣмъ, чтобы подогрѣвать свое чувство къ ней.

Всего сильнѣе избѣгалъ онъ поводовъ къ „восторженности“—тоже новое для него слово въ оцѣнкѣ характера Антонины Сергѣевны и ихъ взаимныхъ отношеній. Слѣдовало бы и сегодня отклонить опасность щекотливаго разговора, но онъ надѣялся выйти изъ него безъ всякаго „психическаго осложненія“.

— Tu as à me parler?—спросила Антонина Сергѣевна все еще изъ-за перегородки и опять какъ бы не своимъ тономъ.

По-французски она не любила говорить съ-глазу-на-глазъ и вообще неохотно вела разговоръ на этомъ языкѣ, между тѣмъ какъ Александръ Ильичъ, съ переѣзда въ городъ, сталъ пріобрѣтать привычку, которую двадцать лѣтъ назадъ считалъ „нелѣпою“ и даже „постыдною“.

— Oui, chérie.

Слово „chérie“ было выговорено имъ сладковато, болѣе тонкимъ голосомъ. Этотъ звукъ дѣйствовалъ на нее съ нѣкоторыхъ поръ, точно кто проводитъ при ней ногтемъ по глянцовитой бумагѣ.

— Сейчасъ!—откликнулась она уже по-русски.

Онъ сѣлъ къ столику и вбокъ взглянулъ на нѣсколько писемъ, лежавшихъ тутъ адресами вверхъ. Зрѣніе у него было превосходное, и онъ схватилъ глазами адресъ кузины Антонины Сергѣевны, княгини Мухояровой.

„Изліянія,—подумалъ онъ,—и кисло-сладкія сѣтованія на что-то“.

Вслѣдъ затѣмъ онъ поправилъ сюртукъ и выпрямился. Къ объясненію онъ приготовился вполнѣ.

Онъ не сразу замѣтилъ, что она стоитъ позади въ портьерѣ перегородки, оправляетъ воротникъ ночной кофты, обшитой кружевцемъ, въ фланелевомъ полосатомъ халатикѣ, и смотритъ возбужденно, съ блуждающею, не-

много жалобною улыбкой и давно небывалымъ острымъ блескомъ въ ея добрыхъ, мечтательныхъ глазахъ.

Никогда она еще такъ не глядѣла на него, на эту умную, красивую голову, съ лоснящимися волосами и слегка рѣдѣющею маковкой, на стройную, очень молодую фигуру, на значительный тонкій профиль барскаго лица, и не влюбленными глазами глядѣла она.

Въ первый разъ заползло въ ея душу настоящее чувство тяжкой неловкости, назойливой, властной потребности убѣдиться: тотъ ли это человѣкъ, за которымъ она кинулась изъ родительскаго дома, какъ за героемъ, за праведникомъ, передъ которымъ стояла на колѣняхъ долгіе годы, или ей его подмѣнили, и между ними уже стѣна, если не хуже, если не оврагъ, обсыпавшійся незамѣтно и перешедшій въ глубокую пропасть?

Припомнилось все ея собственное поведеніе за послѣдніе три-четыре года, когда она изъ влюбленности къ нему, по ослѣпленію и дряблости натуры, поддавалась ему во всемъ, дѣлалась добровольно участницей въ его ренегатствѣ.

„Да, ренегатствѣ“, — шептали беззвучно ея губы еще до его прихода, когда она за перегородкой, у постели, застегивала вздрагивающими пальцами пуговки своего пеньюара.

И въ эту минуту въ ея взглядѣ сидѣлъ страшный вопросъ: того ли человѣка найдетъ она въ своемъ красавцѣ-героѣ, въ Александрѣ Ильичѣ Гаяринѣ, пострадавшемъ за свои убѣжденія и симпатіи, или кандидата въ губернскіе предводители, честолюбца, карьериста, готоваго завтра же надѣть ливрею и красоваться въ ней?

Александръ Ильичъ, оправляя свой шитый у француза сюртукъ, никакъ не предчувствовалъ, что его жена готовитъ ему такой допросъ... Онъ уже былъ заранѣе убѣжденъ, что его дипломатіи хватитъ на то, чтобы не дать Антонинѣ Сергѣевнѣ и повода протестовать или возмущаться.

— Это ты? — спросилъ онъ ее, не поворачивая головы и даже глазъ.

— Это я, — вздрагивающимъ звукомъ отвѣтила она.

IX.

Онъ тогда быстро повернулъ къ ней голову и прошелся взглядомъ по всей ея фигурѣ, какъ будто что-то неладное почуялось ему.

— Tu as le migraine?—спросилъ онъ ее больше тономъ безпокойства, чѣмъ заботы.

— Я совершенно здорова, — сказала отрывисто Антонина Сергѣевна.

Мужъ ея сейчасъ догадался, что она не желаетъ говорить по-французски. Въ такихъ пустякахъ можно было уступить ей. Но уклоняться отъ темы разговора онъ не хотѣлъ.

Пора ей быть съ нимъ солидарной и понять, что пришло время жить настоящими интересами, а не фрондировать безплодно, портить себѣ все замашками какихъ-то заговорщиковъ, „кажущихъ кукишъ въ карманѣ“.

— Если ты утомлена, я оставлю разговоръ до другого раза.

— Я нисколько не утомлена.

Ея голосъ и отрывочность тона показывали, что она не можетъ овладѣть собою и только не знаетъ, съ чего ей начать, какъ выразить ея чувство.

— Видишь, мой другъ, я хотѣлъ тебя предупредить... Мнѣ пришло это на мысль по поводу нашей бесѣды... о тѣхъ господахъ, которые живутъ здѣсь подъ надзоромъ.., Къ выборамъ начнутъ съѣзжаться... бывать у насъ. Ты понимаешь, вдругъ одинъ изъ этихъ господъ пожалуетъ къ тебѣ... Напримѣръ, этотъ... философъ... Я ничего не говорилъ тебѣ до сихъ поръ, но, право, лучше бы было воздержаться...

Она не дала ему докончить, сѣла у своего письменнаго столика, но очень близко къ нему, подалась къ нему всѣмъ своимъ сухощавымъ тѣломъ, вытянула руки и оперлась ладонями въ колѣна.

— Александръ...—заговорила она, и приступъ нервности зазвучалъ въ ея голосѣ. Ея дыханіе, горячее и порывистое, доходило до его лица. Зрачки были расширены.—Александръ, я прошу тебя не продолжать въ этомъ направленіи. Я и безъ того настрадалась сегодня, видя, какъ ты позволяешь себѣ, не стыдишься, — она съ трудомъ находила нужныя ей слова,—не стыдишься говорить такія вещи, которыя тебя возмущали бы десять лѣтъ тому назадъ... И это подтверждаетъ то, что я начинаю чувствовать... Такъ нельзя, такъ нельзя!—вдругъ оборвала она на рѣзкой нотѣ, схватила себя обѣими худыми руками за голову и откинулась на спинку низкаго кресла.

Александръ Ильичъ молчалъ. Что жъ ему отвѣчать на

ея тираду, и въ такой неожиданной и неумѣстной формѣ?

Выходка жены была выраженіемъ чего-то накоплявшагося. Онъ не могъ не думать о томъ, что̀ могло происходить въ послѣдніе годы въ душѣ Антонины Сергѣевны. Но сознаніе своего превосходства и постепенность сдѣлокъ съ своимъ *я* не давали ему предчувствія такого взрыва.

Онъ не узнавалъ ея. Откуда этотъ взглядъ, возбужденность жестовъ и тона? „Восторженность“ ея проявлялась прежде иначе, сентиментально, мечтательно, въ разныхъ идеяхъ и стремленіяхъ, во фразахъ, которымъ онъ же ее научилъ, въ привычкѣ обо всемъ говорить „съ направленіемъ“. Но тутъ зазвучало нѣчто иное. И, все-таки, онъ не хотѣлъ сейчасъ же отвести ударъ, а ждалъ, къ чему она придетъ.

— Ты меня точно не понимаешь, — еще возбужденнѣе спросила она, — или ты хочешь свести все, какъ это сказать, на нѣтъ, замолчать то, что̀ я вижу въ тебѣ?

— Съ какой стати, мой другъ, затѣваешь ты подобное объясненіе? — выговорилъ онъ, наконецъ. — Точно мы не живемъ вмѣстѣ, не видимся каждый день. Если я мѣняюсь, то на твоихъ глазахъ. И странно было бы требовать отъ меня все тѣхъ же увлеченій, какія извинительны были въ мальчикѣ. Да и что за экзамены между мужемъ и женой, привыкшими уважать другъ друга?

— Въ томъ-то и дѣло, Александръ Ильичъ,—перешла она на вы, — что я боюсь потерять къ вамъ уваженіе. Боюсь! Оно виситъ на волоскѣ.

— Нина, это слишкомъ! Ты будешь раскаиваться въ твоихъ словахъ.

Онъ всталъ и выпрямился во весь ростъ. Щеки поблѣднѣли и лобъ раздѣлила пополамъ складка, обыкновенно незамѣтная.

— На волосокъ!.. — повторила Антонина Сергѣевна и тоже поднялась.—Я давно хотѣла сказать тебѣ, какъ ты предаешь все твое прошедшее, сожигаешь твои корабли...

— Пожалуйста, безъ шаблонныхъ фразъ!

— Оставьте меня говорить такъ, какъ я хочу!—крикнула она и заходила между перегородкой и письменнымъ столикомъ.—Я сама каюсь во всемъ томъ, что я уступила вамъ. Вы умѣли опутывать вашею діалектикой, вы отняли у меня дѣтей, отдали ихъ Богъ знаетъ куда, сдѣлали меня сообщницей или, по крайней мѣрѣ, потакательни-

цей въ устройствѣ своей карьеры. Да, прежній Гаяринъ умеръ. Его нѣтъ, я вижу. Черезъ три недѣли вы попадете въ предводители. Это вамъ нужно для дальнѣйшихъ комбинацій.

У ней вырвался истерическій смѣхъ. Онъ все блѣднѣлъ и стальной взглядъ красивыхъ глазъ темнѣлъ замѣтно.

— Я не могу вести разговоръ въ такомъ тонѣ; и я не узнаю тебя, Нина,—глухо сказалъ онъ.

— Не смѣйте говорить мнѣ *ты*! Я не жена вамъ, не подруга! Вы должны были сейчасъ же сознать всю правду моихъ словъ и сказать мнѣ, если въ васъ теплится хоть капля прежнихъ убѣжденій: „Да, Нина, я падаю, поддержи меня!“ А что я вижу? Вы и теперь хотите обращаться со мной точно съ сумасшедшей. Господи!

Она опустилась на диванчикъ и закрыла руками лицо. Но плакать она не могла: ее душило. Когда она готовилась къ этому объясненію, въ ней была надежда на то, что она ошибается, что ея Александръ вовсе не ренегатъ, что онъ только на опасномъ пути и не достаточно слѣдитъ за собою.

А тутъ съ первыхъ его словъ она почувствовала безповоротно, что прежній Гаяринъ дѣйствительно умеръ. И вдругъ ей стало тошно, пусто, точно она въ гробу лежитъ, живымъ еще покойникомъ, засыпаннымъ землей.

Порывисто подбѣжала она къ нему.

— Ну, скажите, что я клевещу на васъ, скажите!.. Съ чѣмъ вы сами пришли ко мнѣ сейчасъ? Отдать въ мягкой формѣ приказъ, чтобы я отказала отъ дома Ихменьеву? Вы отлично знаете, что онъ не опасенъ, что онъ пострадалъ изъ-за самаго пустяка, что занимается онъ не политикой, а своими книжками. Но вы кандидатъ въ губернскіе сановники! Въ вашемъ домѣ такихъ господъ не должны встрѣчать. Вотъ что! Вы сами не могли бы выбрать лучшаго доказательства того, во что̀ вы обращаетесь теперь!..

— Нина! я не позволю никому относиться такъ ко мнѣ и мотивамъ моего поведенія.

— Мотивамъ!—подхватила она и близко-близко пододвинулась къ нему, съ лицомъ, искаженнымъ натискомъ страстной горечи и негодованія.—Такъ я вамъ объявляю, что я вижу ваши мотивы насквозь. И презираю ихъ,—слышите? — отъ глубины души моей презираю! И буду принимать кого мнѣ угодно. Довольно рабствовать передъ

вашею личностью. Я здѣсь, въ этомъ домѣ, такая же хозяйка, какъ и вы.

— Вы этого не сдѣлаете!—властно выговорилъ онъ.

— Вы увидите.

— Тогда я попрошу васъ выбрать для этого такіе часы, когда ни меня, ни моихъ гостей не будетъ. И разъ навсегда: если вамъ угодно, Антонина Сергѣевна, подвергать меня моральному допросу, вы будете это дѣлать про себя. Вы остались со старыми идеями во всей ихъ ограниченной нетерпимости. Я живу и умственно расту, и куда я иду, вы могли бы это лучше уразумѣть, да недостаетъ, видно, многаго въ вашей душевной организаціи.

Облако застлало ей глаза. Она рванулась къ нему, подняла обѣ руки и, съ подергиваньемъ въ углахъ рта, кинула ему прямо въ лицо:

— Отступникъ!.. Ренегатъ!.. Бездушный лицемѣръ!

Александру Ильичу показалось, что она хочетъ нанести ему болѣе тяжкое оскорбленіе. Онъ схватилъ ея правую руку своею твердою, цѣпкою рукой, отвелъ и этимъ жестомъ оттолкнулъ отъ себя.

— Стыдитесь! Вы съ ума сошли; вы недостойны того, чтобы я говорилъ съ вами.

Онъ круто повернулся и вышелъ въ гостиную, не ускоряя шага. И ему сдѣлалось неловко отъ мысли, что ихъ сцена на русскомъ языкѣ могла дойти до людей въ передней. Стыдно стало и за себя, до боли въ вискахъ, какъ могъ онъ допустить такую дикую выходку? Помириться съ нею онъ не въ состояніи. До сихъ поръ онъ былъ глава и главой долженъ остаться. Но простого подчиненія мало, надо довести эту женщину, закусившую удила, и до сознанія своей громадной вины.

Антонина Сергѣевна лежала на постели и сквозь душившія ее слезы повторяла:

— Кончилось, кончилось, все кончилось... Возврата нѣтъ!

X.

Второй часъ ночи. На Рыбной улицѣ повѣваетъ только метель, поднявшаяся къ полуночи. Ни „Ваньки“, ни пѣшехода. Въ будкѣ давно погасъ огонь. Отъ дома дворянскаго клуба, стоящаго на площади, въ той же сторонѣ, гдѣ и окружный судъ, проѣдутъ изрѣдка сани, везутъ кого-нибудь домой послѣ пульки въ винтъ. Фонари, кероси-

новые и довольно рѣдкіе, мелькаютъ сквозь снѣжную крупу, густо посыпающую крыши, дорогу, длинные заборы.

За перегородкой своего будуара, на кровати, но въ томъ же фланелевомъ капотикѣ, лежала Антонина Сергѣевна. На письменномъ столѣ горѣла лампа.

Она лежала такъ уже больше трехъ часовъ.

Душевная острая боль и трепетъ всего внутренняго существа смѣнились теперь изумленіемъ. Какъ могла она, Антонина Сергѣевна Гаярина, допустить себя до такой неистовой выходки, чуть не съ кулаками броситься на любимаго человѣка, на мужа, оставшагося ей вѣрнымъ? Въ этомъ она не сомнѣвалась.

Она, постоянно развивавшая въ себѣ начала терпимости и широкаго пониманія всего человѣческаго, даже порока и преступленія?.. Вѣдь, если онъ и не прежній ея Александръ, блестящій лицеистъ, жившій одно время въ общеніи съ простымъ народомъ, опальный помѣщикъ, заподозрѣнный, хотя и несправедливо, въ замыслахъ противъ „существующаго порядка вещей“, то, вѣдь, онъ не преступникъ, не парія, не подлая душа! И подсудимымъ позволяютъ держать защитительныя рѣчи, не кричатъ на нихъ, не оскорбляютъ ихъ.

А она! Нѣсколько разъ она закрывала руками лицо, охваченная стыдомъ.

И подъ этимъ чувствомъ сидѣло нѣчто болѣе глубокое и властное. Она любила его. Въ ней не могла сразу умереть ни подруга, молившаяся на него столько лѣтъ, ни мать *его* дѣтей.

Уйти! Жить одной!.. Гдѣ, съ кѣмъ?.. Она ни на минуту не остановилась на этомъ серьезно, даже въ первые полчаса по его уходѣ, когда ее всю трясло отъ негодованія и страстной потребности обличить его, показать ему, во что́ онъ превращается.

Да, она имѣетъ право отстаивать свою личность... Постыдно было бы рабски преклонять передъ нимъ шею, когда онъ сказалъ: „Ты такого-то господина не будешь принимать“, или отвѣчать, какъ крѣпостная: „Слушаю, Александръ Ильичъ, какъ вамъ угодно“.

Постыдно трусить, поддѣлываться подъ то, что̀ теперь въ почетѣ, и отказывать отъ дому такому безобидному человѣку, какъ этотъ Ихменьевъ, хворому, оторванному отъ всего, чѣмъ онъ жилъ, щекотливому, какъ всѣ люди въ ненормальныхъ условіяхъ.

Нѣтъ, она должна отстоять свои права. Но развѣ она не могла это сдѣлать иначе? Безъ крика, безъ приподнятыхъ кулаковъ, безъ громовыхъ приговоровъ, безъ оскорбительныхъ обличеній?..

Впервые испугалась она своей натуры, не возлюбила женщину въ ея способности на преувеличеніе всего: чувствъ, идей, требованій, подозрѣній...

Почему она, съ тѣхъ поръ, какъ въ мужѣ ея начала происходить его „эволюція".—она знала это слово Александра Ильича,—не предостерегала его исподволь, умно, съ тактомъ, не будила въ немъ, умѣло и настойчиво, тѣхъ идеаловъ, которыми онъ жилъ несомнѣнно, и не одинъ годъ, а всю свою молодость? Потому, что она платила дань чувственности, мужчина преобладалъ надъ нею, боязнь потерять его, лишиться навсегда его ласкъ удерживала ее.

И теперь тотъ же инстинктъ говоритъ въ ней, и съ нимъ надо бороться, помнить, что время страсти прошло, что у ней сѣдые волосы, что мужъ только снисходитъ къ ея женской слабости, а любви въ немъ къ женщинѣ уже нѣтъ, и не огорчаться этимъ.

Прежде чѣмъ ставить на карту супружескую судьбу свою, вмѣстѣ съ будущностью дѣтей, вотъ такими взрывами необузданной нервности, надо было больше проникать въ душу Александра Ильича, заручиться фактами, стать на его мѣсто, убѣдиться, что̀ въ немъ дѣйствуетъ: пошлое ли честолюбіе, суетное стремленіе къ расшитому мундиру, или же потребность въ дѣлѣ, во вліяніи, хандра, овладѣвшая человѣкомъ сильнымъ, способнымъ на какую угодно видную роль?..

Она должна была сознаться, что никогда не думала въ этомъ именно направленіи, а только огорчалась, недоумѣвала или затаивала въ себѣ наплывы недовольства и недоумѣній.

Въ гостиной бронзовые часы на мраморномъ консолѣ пробили половину.

Это была половина второго. Антонина Сергѣевна приподнялась, спустила ноги, встала и перешла въ будуаръ.

Спать она не могла. Въ которомъ бы часу онъ ни вернулся, она пойдетъ къ нему, и какъ бы онъ ни принялъ ее, она должна ему сказать, что виновата, что ея выходка недостойна ея.

Чѣмъ ближе подходила эта минута, тѣмъ трепетнѣе дѣлалось ея желаніе прильнуть къ нему, вызвать въ немъ

чувство понимaнія того, что подготовило въ ней взрывъ. Кто знаетъ? Быть-можетъ, это заново сблизитъ ихъ, и онъ покажетъ ей опять глубину своей души, и они опять будутъ какъ одно существо... Кто знаетъ?..

Звонокъ въ передней заставилъ ее вздрогнуть, — она ходила взадъ и впередъ,—и оправить свой туалетъ. Дверь отворили не сразу, должно-быть, дежурный человѣкъ задремалъ. Но ее удержало стыдливое чувство, она не пошла окликнуть его.

Вотъ его шаги, мягкіе, въ калошахъ, и потомъ въ сапогахъ, по залѣ, до двери въ коридорчикъ и кабинетъ... Онъ раздѣвается всегда одинъ, и шаги лакея послышались позднѣе, когда тотъ пришелъ убрать стѣнную лампу.

И все замолкло. Она не могла дольше ждать и, быстрыми, легкими шагами, перешла обѣ большія комнаты.

На порогѣ его кабинета она остановились, постучаться не посмѣла и тихо отворила дверь, думая, что онъ уже въ спальнѣ.

Александръ Ильичъ, совсѣмъ еще одѣтый, стоялъ у стола и клалъ на него бумажникъ. Только одна свѣча была зажжена, въ широкомъ подсвѣчникѣ, подъ бронзовымъ щиткомъ. Коверъ глушилъ ея шаги, но онъ быстро обернулся и даже чуть замѣтно вздрогнулъ.

— Это вы?—спросилъ онъ спокойно и безстрастно.

Она подошла къ нему, взяла за обѣ руки, припала головой къ его плечу и неудержимо заплакала. Все ея существо отдавалось, противъ ея воли, этому человѣку. Быть брошенной имъ сейчасъ было страшнѣе всего...

— Прости!—прерывающимся воплемъ вырвалось у нея.

Не отрывая отъ нея рукъ, онъ посадилъ ее на диванъ и самъ сѣлъ.

Ей слышался его ровный голосъ, слова человѣка, который не можетъ иначе отнестись къ ней, какъ съ чувствомъ недосягаемаго превосходства. Она проситъ пощады, онъ ее даетъ, но предваряетъ ее, что еще такая же „безумная выходка"—и онъ навсегда оградитъ свою личность.

Полегоньку она перестала плакать.

— Да,—выговорила она съ усиліемъ,—ты меня жалѣешь, только, не больше, а я...

Она хотѣла сказать: „безъ тебя жить не могу", но не сказала этого; даже удивилась, почему эти слова не вышли наружу.

— Ты меня любишь? Но любовь разная бываетъ, Нина.

Постарайся получше понять твоего мужа и доказывать, что его личность для тебя предметъ уваженія, а не дикихъ обличеній.

Онъ помолчалъ и, не перемѣняя позы, добавилъ:

— Я повторю то же, что сказалъ тебѣ тамъ. Если тебѣ угодно принимать господъ Ихменьевыхъ, пускай они будутъ твои гости. Даже и въ эпоху моихъ крайнихъ увлеченій я не очень-то льнулъ къ такимъ полукомическимъ мученикамъ, въ которыхъ, правда, мало опаснаго, да и героическаго еще меньше... А теперь... пора спать. Поздно...

Она подставила ему свой горячій лобъ, и онъ прикоснулся къ нему концомъ своихъ усовъ. Это прикосновеніе дало ей почувствовать, что ничего не сдѣлано... Душа этого человѣка не раскрылась передъ нею... Ея любовь не согрѣла его до возможности горячихъ изліяній.

Онъ великодушно простилъ ее, какъ провинившуюся дѣвочку, и только.

— Прощай!—выговорила она подавленнымъ звукомъ.

Въ темномъ коридорѣ она остановилась и ощупью нашла ступени и дверь въ залу; она не хотѣла возвращаться и безпокоить его просьбой посвѣтить ей.

Она прошла темными большими комнатами на свѣтъ отъ лампы въ ея будуарѣ, и засвѣжѣвшій воздухъ старыхъ предводительскихъ хоромъ далъ ей физическое ощущеніе дрожи.

Тутъ черезъ недѣлю будутъ обѣды и пріемы... Тутъ же будутъ пить здоровье новаго предводителя и за столомъ говорить разныя нынѣшнія слова, обдающія ее запахомъ чего-то тупо-хищнаго и злорадно-самодовольнаго. И представителемъ всѣхъ этихъ воскресшихъ замашекъ и поползновеній будетъ Александръ Ильичъ Гаяринъ, первая голова въ губерніи, которому давно уже простили его крестьянскую рубаху и ремешокъ вокругъ головы и всѣ идеи, прозванныя, со временъ Фамусова, „завиральными“.

Еле дотащилась она до постели.

XI.

— Господинъ Ихменьевъ желаютъ васъ видѣть... прикажете принять?—доложилъ лакей Антонинѣ Сергѣевнѣ въ дверяхъ ея будуара.

Она сидѣла съ книгой у окна. Но сумерки совсѣмъ уже понадвинулись. Ей хотѣлось дочитать главу.

— Просите,—сказала она безъ всякаго колебанія.

Этого визита она уже нѣсколько дней ждала и знала, что Ихменьевъ приходитъ обыкновенно около трехъ, въ тотъ часъ, когда Александра Ильича еще нѣтъ дома, особенно теперь, во время выборовъ... Гаяринъ часто обѣдалъ въ гостяхъ. У нихъ тоже было уже два званыхъ обѣда на одной недѣлѣ.

Это имя—„Ихменьевъ"—значило для нея совсѣмъ не то, что десять дней назадъ. Онъ былъ поводомъ той ужасной сцены... Но Антонина Сергѣевна, принимая его, исполняла свой долгъ передъ собственной совѣстью.

— И подайте лампу,—приказала она лакею, отложила книгу и прошлась взадъ и впередъ по комнатѣ.

Съ тѣмъ, что мужъ ея готовитъ себѣ предводительство, она должна была помириться. Она теперь понимала его игру, всѣ оттѣнки его ловкаго поведенія, гдѣ онъ хотѣлъ прельстить и ее тактомъ и выдержкой... Точно будто выборы совсѣмъ его лично не касаются, а онъ принимаетъ въ нихъ участіе, какъ первый попавшійся дворянинъ своей губерніи. Съ нею онъ ни разу не говорилъ, съ-глазу-на-глазъ не будировалъ ее, не дѣлалъ никакихъ многозначительныхъ минъ. Но она чувствовала, что между нею и собой онъ вывелъ стѣнку и, быть-можетъ, навсегда ушелъ отъ нея въ свое „я".

— Мое почтеніе, Антонина Сергѣевна,—раздался жидковатый теноръ слабогрудаго человѣка.

Ихменьевъ поклонился ей, еще въ дверяхъ, длинный, съ впалою грудью, въ скромной сюртучной парѣ. Черные, рѣдкіе волосы висѣли у него широкими прядями на вискахъ, маленькій носъ и близорукіе глаза давали его лицу наивное, нѣсколько пугливое выраженіе, обликъ былъ немного калмыцкаго типа, съ рѣдкою бородкой.

Ей этотъ тихій труженикъ мысли пришелся очень по сердцу среди чуждаго ей губернскаго общества. Она его сразу приласкала. Въ ней, какъ женѣ Гаярина, онъ ожидалъ встрѣтить мыслящую женщину, очень близкую къ его взглядамъ, судя по тому, какъ наслышанъ былъ о прежнемъ Александрѣ Ильичѣ. Но за послѣдній годъ онъ увидалъ, во что превращается Гаяринъ, и его посѣщенія дѣлались все рѣже и рѣже, хотя до разговора объ этомъ у нихъ съ Антониной Сергѣевной не доходило.

— Очень рада,—встрѣтила она его дѣйствительно радостнымъ возгласомъ и протянула ему руку.

— Я съ морозу... Руки у меня холодныя, перчатокъ я не ношу,—выговорилъ онъ, не рѣшаясь пожать.

— Ничего, я не боюсь!.. Садитесь... вотъ сюда...

Тонъ ея съ нимъ былъ все такой же, простой и задушевный, даже съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ вниманія и сочувствія.

Это его очень тронуло и огорчило. Ихменьевъ пришелъ объясниться совсѣмъ въ другомъ смыслѣ.

— Здоровьицемъ довольны?—мягко спросилъ онъ и тотчасъ сталъ гладить ладонями свои колѣни.

— Я что-то перестала думать о здоровьѣ и съ тѣхъ поръ гораздо бодрѣе себя чувствую,—отвѣтила она и тихо разсмѣялась.

И въ этомъ смѣхѣ она сама подмѣтила смущеніе... Значитъ, его присутствіе у ней въ домѣ стѣсняетъ ее послѣ сцены съ мужемъ... Она хочетъ настроить себя на независимо дружескій тонъ, а внутри начинается другой процессъ.

Это заставило ее замѣтнѣе смутиться. Ей стало больно за себя, оскорбительно.

— Левъ Андреичъ,—возбужденно заговорила она, подавляя свою тревогу,—вы меня забываете... Это не хорошо... Прежде вы захаживали каждую недѣлю, просвѣщали меня, приносили хорошія книжки... Можетъ, нездоровилось вамъ?

— Нѣтъ, Антонина Сергѣевна, я былъ здоровъ, насколько мнѣ полагается.

Онъ началъ щипать бородку и низко наклонилъ голову.

— Стало-быть, совсѣмъ не хотѣлось видѣть меня и говорить со мною... Вы знаете, я готова всегда принять самое живое участіе...

Фраза показалась ей такою банальной, что она не докончила. Ихменьевъ сидѣлъ все въ той же позѣ и такъ же усиленно дергалъ концы своей бородки.

— Вѣрю, вѣрю-съ!—наконецъ вымолвилъ онъ, и обѣ пряди волосъ спустились ему на худыя щеки съ подозрительнымъ румянцемъ.—Но что жъ дѣлать? Не сами люди иногда виновны въ томъ, что должны разойтись, а время, обстановка, обязательныя отношенія...

— Вы что же хотите этимъ сказать?—живо спросила она и покраснѣла.

— Антонина Сергѣевна, позвольте быть совершенно откровеннымъ... Теперь я въ вашемъ домѣ не ко двору...

Супругъ вашъ уже давно еле удостоиваетъ меня поклона, когда случайно встрѣтится со мной на улицѣ... Въ городѣ идетъ толкъ, что не дальше, какъ завтрашній день, его выберутъ въ губернскіе предводители... Это, конечно, его дѣло... Но Александръ Ильичъ изволилъ, не дальше, какъ на той недѣлѣ, громогласно выразиться насчетъ нашего брата, что, видите ли, у насъ никакой профессіональной честности нѣтъ, онъ такъ изволилъ выразиться... Конечно, вы назовете это сплетнями... Но я знаю это отъ человѣка, достойнаго всякой вѣры... Да и вамъ теперешнее міровоззрѣніе супруга вашего должно быть извѣстно... Видимое дѣло, куда это идетъ... Зачѣмъ же я буду ставить васъ въ неловкое положеніе?.. Да и меня-то пощадите... Поддерживать Александра Ильича я не могу, а рисковать услышать отъ него, вотъ здѣсь, такія сентенціи... увольте...

Руки у него вздрагивали и голосъ прерывался. На лбу выступилъ потъ.

Онъ не сплетничалъ, не выдумывалъ. Мужъ ея точь-въ-точь то же говорилъ недѣлю назадъ при губернаторѣ.

Ей слѣдовало бы остановить Ихменьева, взять его за руку, показать ему, что она возмущена не менѣе его, излиться ему, какъ женщина, страдающая отъ потери уваженія къ мужу.

И она промолчала. У ней недоставало словъ. Она боялась быть неискренней, лгать и ему, и себѣ.

На губахъ уже было восклицаніе: „Но чѣмъ же я виновата?“

И его она не произносила, сидѣла, какъ виноватая, съ зардѣвшимся лицомъ, въ приниженной позѣ... Значитъ, что-то въ ней самой было уже надломлено... Она не нашла въ себѣ смѣлости выступить явно противъ своего мужа и настоять на томъ, чтобы этотъ честный неудачникъ ни подъ какимъ видомъ не отдалялся отъ нея.

— Простите,—говорилъ Ихменьевъ все тѣмъ же прерывистымъ голосомъ.—Не обвиняйте меня! Не называйте это болѣзненною щепетильностью... Такое время, Антонина Сергѣевна; зачѣмъ же и васъ подводить?.. Вы завтра будете женой офиціальнаго лица... Но каждый изъ насъ имѣетъ право и даже обязанъ уклоняться отъ даровыхъ оскорбленій.

И на это она не нашла что сказать. Все, что прихо-

дило ей въ голову, не разрѣшило бы ничего и ничему не помогло бы.

— Ужъ до чего дошло, что на-дняхъ одинъ слётокъ... съ парижскихъ бульваровъ... Самое послѣднее слово охранительной молодежи... Сынокъ здѣшней одной богачки... Ростовщица она завѣдомая... мадамъ Лушкина...

„Наша знакомая“,—должна бы была сказать Антонина Сергѣевна, и опять промолчала.

— Такъ вотъ этотъ самый экземпляръ губернатору въ клубѣ сталъ выговаривать: „какъ, молъ, вы, mon général, допускаете, чтобы этотъ народъ—то-есть мы, грѣшные—бывалъ тамъ же, куда и мы ѣздимъ?..“ Видите, куда пошло? Точно таракановъ, извините, хотятъ истребить, загнать въ холодную избу...

Онъ закашлялся и отеръ лобъ платкомъ.

— Стало-быть, Левъ Андреичъ,—чуть слышно сказала она,—вы пришли прощаться со мной?

— Такъ лучше будетъ, Антонина Сергѣевна.

— Вы и меня,—продолжала она, охваченная тяжелымъ волненіемъ,—и меня будете считать солидарной со всѣми этими...

Словъ ей недоставало.

— Зачѣмъ же-съ?.. Каждому свой крестъ... Вы мужа любите, дѣтей также... Бороться женщинѣ, въ вашемъ положеніи, слишкомъ трудно, да и безплодно...

— Вы это говорите?

— Я-съ! Что жъ? Я человѣкомъ дѣйствія никогда не былъ! Да и здѣсь-то очутился,—онъ смѣшливо тряхнулъ головой,—знаете, въ „Игрокахъ“ Гоголя говоритъ Замухрышкинъ: „Купецъ попался по причинѣ своей глупости“. Такъ и вашъ покорный слуга.

Онъ хотѣлъ ей позолотить пилюлю, но его прощаніе съ ней значило, что онъ и ее видитъ на той же наклонной плоскости, какъ и ея мужа.

Вдругъ между ними оборвался разговоръ. Какъ-то неприлично стало разспрашивать про его занятія, про надежду уѣхать отсюда... Онъ былъ сконфуженъ своимъ объясненіемъ и опять началъ нервно утюжить ладонями колѣни.

Никогда еще ничего подобнаго она не испытывала. Горячее слово, смѣлое душевное движеніе не являлось. Она пассивно страдала и... только.

— Что жъ?—наконецъ выговорилъ онъ и взялъ шапку

съ сосѣдняго стула.—Дифференціація происходитъ теперь и пойдетъ все гуще забирать. Прогрессъ-то, Антонина Сергѣевна, не прямой линіи держится, а спирали, и—мало еще—крутой спирали.

— Да,—со вздохомъ отвѣтила она, и поняла, что въ ея „да" было нѣчто постыдно-подчиненное.

XII.

— Анна Денисовна Лушкина съ сыномъ,—раздался въ дверяхъ докладъ лакея.

Ихменьевъ весь опять съежился и еще ниже опустилъ голову.

Прежде чѣмъ Антонина Сергѣевна сказала лакею: „просите", въ гостиной уже раздались грузные шаги и свистящій звукъ тяжелаго шелковаго платья.

— Позвольте мнѣ удалиться,—почти шопотомъ сказалъ Ихменьевъ и всталъ.

Она поглядѣла на него все еще съ покраснѣвшими щеками и тихо выговорила:

— Пожалѣйте меня... Я должна принимать такихъ барынь...

И эти слова отдались у нея внутри чѣмъ-то двойственнымъ, тягостнымъ.

— Ахъ, chère Антонина Сергѣевна,—раздался рѣзкій, низкій голосъ толстой дамы, затянутой въ узкій корсажъ, въ высокой шляпкѣ и боа изъ песцовъ. Щеки ея, порозовѣвшія отъ морознаго воздуха, лоснились, брови были подведены, въ ушахъ блестѣли два „кабошона", зубы, бѣлые и большіе, придавали ея рту, широкому и хищному, непріятный оскалъ.

Въ быстромъ боковомъ взглядѣ Ихменьева на эту даму Антонина Сергѣевна могла прочесть что-то даже въ родѣ испуга.

За матерью шелъ сынъ, такого же сложенія, жирный, уже обрюзглый, съ женскимъ складомъ туловища, одѣтый въ обтяжку; бѣлокурая и курчавая голова его сидѣла на толстой, бѣлой шеѣ, точно вставленной въ высокій воротникъ. Онъ носилъ шершавые усики и маленькіе бакенбарды. На пухлыхъ рукахъ, безъ перчатокъ, было множество колецъ. На видъ ему могло быть отъ двадцати до тридцати лѣтъ. Безкровная бѣлизна лица носила въ себѣ что-то тайно-порочное, и глаза, зеленоватые и круглые, дышали особаго рода дерзостью.

— А вотъ и мой Никсъ... Рекомендую... вы его совсѣмъ еще не знаете... Прямо съ перваго представленія „Théâtre libre“, гдѣ давали и „Власть тьмы“... Bonjour!..

Толстуха пожимала руку хозяйки и шумно усаживалась. На Ихменьева она взглянула вбокъ и даже не поклонилась ему. Онъ уже ретировался къ двери, держа свою шапку неловкимъ жестомъ правой руки.

Никсъ тоже не поклонился ему и только оправилъ свой узкій пиджакъ, выставлявшій его жирныя ляжки.

Для хозяйки минута была самая тягостная. Она не могла представить Ихменьева. Но и удерживать его не рѣшалась. Ее разбиралъ страхъ, какъ бы гостья или ея сынъ не спросили ее: кто этотъ страннаго вида господинъ и какъ онъ попалъ къ ней? Тогда пришлось бы выслушать что-нибудь злобно-пошлое или нахальное, или давать объясненія, которыя для нея были бы слишкомъ унизительны.

Довольно уже и того, что она должна принимать эту Лушкину, ростовщицу, которой полгуберніи должна, извѣстную и въ Петербургѣ, гдѣ она даетъ деньги и подъ закладъ разныхъ „objets d'art“, а оцѣнщикомъ ей служитъ сынъ.

Давно ли Александръ Ильичъ говорилъ о ней, какъ о презрѣнной личности, возмущался тѣмъ, что ей повсюду почетъ и пріемъ, а теперь — она ихъ гостья. И онъ съ ней любезенъ, потому что она очень вліятельна въ губерніи; если бы хотѣла, могла бы кого угодно провести въ какую угодно выборную должность... А объ этомъ Никсѣ мужъ ея выражался какъ о „гадинѣ“ и подозрѣвалъ его въ несказуемыхъ тайныхъ порокахъ.

И вотъ она сама пожимаетъ руку этой ростовщицы, а затѣмъ и руку ея сына, господина Андерса. Онъ былъ ея сынъ отъ перваго брака за богатымъ желѣзнодорожникомъ. Вдовѣетъ она во второй разъ. Лушкинъ—мѣстный домовладѣлецъ и помѣщикъ—оставилъ ей въ пожизненное пользованіе нѣсколько имѣній, два винокуренныхъ завода и подмосковную дачу.

Съ такими-то средствами она не пренебрегала и мелкимъ ростомъ, брала, говорятъ, по пяти процентовъ въ мѣсяцъ съ замотавшихся офицеровъ и купчиковъ, съ малолѣтковъ, и даже черезъ завѣдомыхъ плутовъ—своихъ агентовъ.

По тону, языку, туалетамъ и манерамъ она—настоящая

русская барыня дворянскаго круга. Съ нею всѣмъ ловко, она умѣетъ найти, съ кѣмъ хотите, подходящій разговоръ, знаетъ все, что дѣлается въ Петербургѣ, въ высшихъ и всякихъ другихъ сферахъ, знакома съ заграничною жизнью, какъ никто, живетъ и въ Монте-Карло, и въ Біаррицѣ, и въ Парижѣ, гдѣ ея сынъ наполовину и воспитывался, читаетъ все модное, отличается даже новымъ вкусомъ къ литературѣ, не боится говорить про романы и пьесы крайняго натуралистическаго направленія. При этомъ, когда нужно, льстива на особый манеръ, терпима къ уклоненію отъ седьмой заповѣди и въ мужчинахъ, и въ женщинахъ.

— Type d'une proxénète classique!—опредѣлялъ ее еще недавно Александръ Ильичъ.

Гостья съ сыномъ расположили свои мясистыя туловища и начали отдуваться.

— Quelle tête!—полугромко выговорилъ Никсъ и кивнулъ матери головой по направленію къ двери, куда скрылся Ихменьевъ.

— Какой-нибудь... просящій,—отозвалась Лушкина и, приблизивъ свою громадную грудь къ хозяйкѣ, добавила:— Вы вѣдь ангельской доброты... васъ всякіе народы должны осаждать... и вы никому не можете отказать...

Это было сказано тономъ, какимъ люди трезвые и воздержные говорятъ про сластолюбцевъ.

Но ни мать, ни сынъ не полюбопытствовали узнать фамилію ушедшаго гостя. Лушкина нигдѣ не встрѣчала Ихменьева, а Никсъ мало зналъ городъ.

Антонина Сергѣевна уже и этому была рада, но ей приходилось играть роль любезной хозяйки. Она не могла ни миной, ни словомъ выразить, какъ визитъ этой женщины противенъ ей. У ней уже складывалась, помимо ея воли, особаго рода улыбка для пріема гостей, и эту улыбку она разъ подмѣтила въ зеркалѣ, стала попрекать себя за такое игранье комедіи и кончила тѣмъ, что перестала слѣдить за собой.

Лучше уже носить маску, чѣмъ выставлять напоказъ свою душу передъ такими созданіями, какъ вліятельная знакомая Александра Ильича.

— Отъ такихъ господъ нынче никуда не спасешься,— заговорилъ Никсъ и повелъ красными губами чувственнаго рта.—Je présume, madame, que ce n'est pas un anarchiste... Здѣсь вѣдь и такіе обрѣтаются... Я на-дняхъ

позволилъ себѣ прочесть почтительную мораль нашему старичку-простяку за то, что онъ этихъ господъ слишкомъ распустилъ. Удовольствіе сидѣть съ такимъ индивидомъ въ столовой клуба и видѣть, какъ онъ, pardon, чавкаетъ и въ антрактахъ бросаетъ на васъ „des regards scrutateurs et corrosifs".

Очень довольный обоими французскими прилагательными, Никсъ хлопнулъ себя по ляжкѣ и улыбнулся матери.

Она громко расхохоталась низкими нотами и сейчасъ же протянула свою, обтянутую длинною перчаткой, руку къ колѣнямъ Антонины Сергѣевны.

— Вы, chère, выше всякихъ житейскихъ чувствъ... Вы у насъ святая. Но и вамъ надо быть немножко построже... Отдѣлять овецъ отъ козлища. Вотъ, дайте срокъ. Завтра вы будете уже не Антонина Сергѣевна, tout court, а ея превосходительство Антонина Сергѣевна Гаярина... Вы знаете... Никсъ, онъ у меня на выборахъ... одинъ изъ gros bonnets, несмотря на молодость лѣтъ. Никсъ предлагалъ уже прямо поднести вашему мужу шары на тарелкѣ, какъ это дѣлалось въ доброе старое время, когда у всѣхъ господъ дворянъ стояли скирды на гумнѣ за нѣсколько лѣтъ и хлѣбъ не продавали на корню. Вы на меня смотрите, точно я вамъ разсказываю un conte à dormir debout. Ха-ха-ха! Вы, кажется, голубушка моя милая, ни разу не показывались на хорахъ? Не были ни разу?

— C'est d'un grand tacte!—замѣтилъ важно и любезно Никсъ и наклонилъ голову по адресу хозяйки съ жестомъ пухлой руки, покрытой кольцами.

— О, да! Это такъ! Она у насъ себѣ на умѣ! Подъ шумокъ за всѣмъ слѣдитъ. Вы знаете, добрая моя, je me tue à démontrer, что Александръ Ильичъ, хоть онъ и ума палата, и ученъ, и энергиченъ, безъ такой жены, какъ вы, не былъ бы тѣмъ, что онъ есть! N'est-ce pas, petit?—спросила гостья сына и, не дожидаясь его отвѣта, опять прикоснулась рукой къ плечу хозяйки.

Ту внутренно поводила худо скрываемая гадливость, но она способна была начать кусать себѣ языкъ, только бы ей не выдать себя.

Никогда она еще такъ не раздваивалась. И ее, быть-можетъ, впервые посѣтило такое чувство рѣшимости—уходить въ свою раковину, не мирясь ни съ чѣмъ пошлымъ и гадкимъ, не открывать своей души, не протесто-

вать, не возмущаться ничѣмъ, а ограждать въ себѣ и отъ мужа то, чего никто не можетъ отнять у нея. Только такъ она и не задохнется, не разобьетъ своей души разомъ, сохранитъ хоть подобіе вѣры въ себя и свои идеалы.

И она вынесла прикосновеніе жирной руки раздутой ростовщицы и не крикнула имъ:

„Подите вонъ отъ меня!"

XIII.

— А! вотъ и виновникъ завтрашняго торжества!—вскричала Лушкина и завозилась въ креслѣ всѣмъ своимъ ожирѣвшимъ корпусомъ. — Александръ Ильичъ! Arrivez! Recevez mes félicitations anticipées!

Къ матери присоединился и сынъ. Онъ шумно всталъ и, подойдя къ Гаярину, началъ трясти ему, по-англійски, руку.

— Hourrah! Hoch!—крикнулъ онъ.

Александръ Ильичъ остановился около дверей, сдержанная улыбка скользила подъ усами, глаза съ веселою важностью глядѣли на всѣхъ. Взглядовъ жены своей онъ не избѣгалъ.

— Откуда вы?—спросила Лушкина.—Изъ какой-нибудь коммиссіи? Сегодня вѣдь пауза? Общихъ выборовъ нѣтъ?

— Гдѣ я былъ?—сказалъ Гаяринъ, подавая ей руку и присаживаясь.—У преосвященнаго.

— Chez monseigneur Léonce?—смѣшливо переспросила гостья.

— Да-съ,—отвѣтилъ полусерьезно Гаяринъ,—и провелъ у него очень интересныхъ полчаса. Старика я до сихъ поръ почти не зналъ. Оригиналенъ и уменъ, хотя и смотритъ мужикомъ.

Этотъ визитъ архіерею не изумлялъ Антонины Сергѣевны. Какъ же иначе? Вѣдь онъ уже считаетъ себя, наканунѣ выборовъ, губернскимъ сановникомъ. Безъ визита преосвященному нельзя обойтись, если желаешь полной „реабилитаціи".

Она этими словами и подумала.

— Bonjour, Nina, — онъ обернулся въ ея сторону, — мы съ тобой еще не видались, — и онъ добавилъ, обращаясь къ гостямъ: —Цѣлый день, съ девяти часовъ, я все разъѣзжаю... Не успѣлъ даже завернуть въ правленіе.

— Vaus lâchez la boutique?—спросилъ Никсъ.

— Разумѣется, — отвѣтила гостья за Гаярина. — Але-

ксандръ Ильичъ не будетъ... какъ это нынче говорятъ?.. совмѣстителемъ. Да этого и нельзя на такомъ посту...

— Pardon,—остановилъ онъ ее жестомъ своей руки,—вы обо мнѣ говорите, какъ будто я уже ѣздилъ въ соборъ присягать.

— Ахъ, полноте, Александръ Ильичъ, вы приняли кандидатуру... Чего же больше? Васъ выберутъ единогласно! Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ... Да если бъ вы упирались, васъ насильно надо бы выбрать... Но вы упираться не будете. C'est vieux jeu! Знаете, какъ когда-то самые умные политики... Ха-ха!.. Борисъ Годуновъ... Василій Шуйскій... Всѣмъ народомъ ходили къ нимъ и били челомъ. Тогда безъ этого нельзя было... Да и пора намъ имѣть настоящаго предводителя сословія, которое желаютъ поднять! Вы знаете,—повернулась она къ Антонинѣ Сергѣевнѣ,—вы живете въ домѣ испоконъ вѣку предводительскомъ...

— C'est prédestiné!..—вырвалось у Никса.

— C'est ça! — подтвердила мать и громко перевела духъ—корсетъ давилъ ей грудь и щеки стали изсиня-красныя.

Антонина Сергѣевна не обронила ни одного звука. Да ей и не нужно было занимать гостей. Они оба—и мать, и сынъ—взапуски болтали. Не хотѣла она и дѣлать наблюденій надъ своимъ мужемъ. Развѣ онъ не чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ, и въ присутствіи той самой Лушкиной, которую считалъ,—наравнѣ съ ея сынкомъ,—еще года три тому назадъ, „гадиной“? Она не видитъ его лица, но слышитъ голосъ и можетъ отвѣтить за него, что онъ настроенъ превосходно: принимаетъ поздравленія, наканунѣ выбора съ джентльменскою скромностью дѣлаетъ офиціальные визиты. Никакихъ у него нѣтъ ни колебаній, ни раздвоеній. Онъ себѣ вѣренъ.

Эта фраза: „онъ себѣ вѣренъ“ пришла ей сейчасъ, и она чуть не засмѣялась вслухъ,—до такой степени слова эти выражали то, что̀ теперь представлялъ собою Александръ Ильичъ.

О чемъ-то еще шелъ шумный разговоръ, съ возгласами Никса, вставлявшаго свои бульварныя словечки, и удушливою переборкой дыханія его матери. Но о чемъ они говорили—она не слыхала.

— Nina! — вывелъ ее изъ полузабытья гибкій голосъ мужа.

Гостья уже поднялась и протягивала ей руку. Мужъ глядѣлъ на нее недоумѣвающе-холодными глазами. Ей стало стыдно и она что-то пробормотала на прощаніе и матери, и сыну.

Но провожать ихъ не пошла. Александръ Ильичъ, съ особенно изысканными интонаціями, говорилъ гостьѣ, проходя съ ней по гостиной, какія-то любезности.

Къ женѣ Гаяринъ не вернулся. Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Ему надо было наскоро переодѣться. Усталости онъ не чувствовалъ, хотя цѣлый день былъ на ногахъ, и даже забылъ о завтракѣ.

Въ клубѣ давали ему обѣдъ — онъ зналъ, съ какою цѣлью. Устроителями обѣда были трое уѣздныхъ предводителей. И это придавало особенно лестный характеръ этому банкету. Значитъ, естественные кандидаты на мѣсто губернскаго предводителя не считали себя настолько достойными занимать эту должность, насколько былъ достоинъ онъ.

И каждый изъ нихъ отлично знаетъ, что Александръ Ильичъ Гаяринъ не пускалъ въ ходъ ни малѣйшей интриги. Его приглашаютъ, о немъ всѣ говорятъ, какъ объ „единственномъ“ человѣкѣ въ губерніи, способномъ „держать высоко знамя“. Въ него всѣ вѣрятъ и никто не позволяетъ себѣ самаго невиннаго намека на его недавнее прошлое, не то что въ глаза, но, вѣроятно, и за глаза.

Передъ зеркаломъ, надѣвая на себя бѣлый галстукъ, Александръ Ильичъ обдумывалъ остовъ своего спича. Къ нему, конечно, будетъ обращена рѣчь одного изъ хозяевъ обѣда. Что бы ни сказали ему, отвѣтъ долженъ быть въ общихъ чертахъ готовъ. До сихъ поръ онъ только на земскихъ съѣздахъ имѣлъ случай говорить. Его всегда слушали съ большимъ вниманіемъ, и онъ обладалъ несомнѣнною способностью къ импровизаціи. Но на экспромты онъ смотрѣлъ какъ на игру, на взбиваніе пѣны. Онъ гораздо выше ставилъ краснорѣчіе съ серьезною подготовкой, постройку стройныхъ періодовъ, полныхъ фактическихъ данныхъ.

Въ послѣдніе два года, сидя въ правленіи промышленнаго общества, онъ не могъ дать ходъ своему ораторскому дарованію. Цифры, балансы, конторская корреспонденція, изрѣдка дѣловой споръ, и только. Все это было рѣшительно ниже того, къ чему онъ считалъ себя призваннымъ,—къ крупной общественной роли.

Туалетъ былъ окончепъ. Пора и ѣхать. Заставлять себя дожидаться считалъ онъ величайшею непорядочностью. Заходить къ Антонинѣ Сергѣевнѣ не зачѣмъ. Обѣдалъ ли у ней кто-нибудь—онъ не зналъ. О томъ, что онъ приглашенъ сегодня, ей извѣстно.

Но онъ, все-таки, повернулъ изъ дверки коридорчика не направо, къ передней, а налѣво.

Пускай она увидитъ его въ парадѣ. Уѣхать не простившись—это какъ бы избѣгать ея нравственнаго контроля надъ собою, или признавать его, дѣлать что-нибудь исподтишка.

Этого онъ не хотѣлъ. Пускай она привыкаетъ къ тому, что законно и естественно происходитъ въ ея мужѣ.

— Нина! ты здѣсь?—окликнулъ онъ ее посрединѣ гостиной.

— Я здѣсь,—отвѣтила она отъ своего письменнаго стола.

— Я ѣду на обѣдъ. И боюсь опоздать... Ты никого не ждешь къ себѣ?

— Никого.

По звуку ея голоса онъ ничего не могъ распознать, тревожна она или спокойна.

Да и пора бросить это постоянное распознаванiе душевныхъ настроенiй Антонины Сергѣевны.

Онъ дошелъ до дверей ея будуара. Антонина Сергѣевна писала письмо.

„Вѣчныя изліянія въ письмахъ,—подумалъ онъ.—Нѣтъ никакой нормальной программы жизни“.

Александръ Ильичъ долженъ былъ бы прибавить: „Нѣтъ дѣтей, и въ этомъ виноватъ я“, но этой прибавки онъ не сдѣлалъ.

— Прощай, мой другъ,—сказалъ онъ, смягчая свой голосъ, и подошелъ къ столу.—Обѣдъ затянется.

— Его даютъ тебѣ?—спросила она глухо, но довольно спокойно.

Онъ ничего не отвѣтилъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

И когда его шаги затихли, Антонина Сергѣевна приложила ладонь руки ко лбу и подумала съ упрекомъ себѣ:

„Зачѣмъ я его спросила насчетъ обѣда? Какъ это не умно и мелко!“

Она тутъ же дала себѣ слово отнынѣ не дѣлать никакихъ замѣчаній вслухъ, уйти въ себя, а наружно исполнять все, что будетъ отъ нея требовать новое общественное положенiе Александра Ильича.

По крайней мѣрѣ, она сохранитъ незапятнанной свою „святая-святыхъ". И тогда только выступитъ изъ этой пассивной роли, когда личность мужа совсѣмъ погибнетъ, на ея оцѣнку.

Она продолжала письмо къ своей матери въ Петербургъ, гдѣ въ объективномъ тонѣ разсказывала про успѣхи Александра Ильича. Она знала, что ея матери все это было чрезвычайно пріятно... Прежній Гаяринъ скрылся навсегда, для тщеславной и набитой сословностью жизни.

XIV.

Лихачъ Ефимъ Иванычъ только что отвезъ сѣдока изъ дворянскаго собранія и вернулся на свою биржу покормить лошадь. Сегодня ѣзды было порядочно, даже его бурый упрѣлъ немножко.

И опять притащился тотъ Ванька, что съ недѣлю передъ тѣмъ стоялъ тутъ и вступилъ въ разговоръ насчетъ Александра Ильича Гаярина.

На этотъ разъ самъ Ефимъ Иванычъ окликнулъ его:

— Ты, паря, — полунасмѣшливо обратился къ нему, — баринъ-то,—и онъ показалъ кнутомъ на розовый домъ,— Александръ-то Ильичъ... Гаяринъ...

— Нешто?—отозвался мужичокъ.

— Въ предводители седни выбрали... въ губернскіе... Чуешь?

— Такъ, такъ.

— Сейчасъ расходиться начало... собраніе-то. Мнѣ баринъ одинъ сказывалъ... отвозилъ я его въ гостиницу.

— Въ гору, значитъ, пошелъ?

— Надо полагать.

Больше Ефимъ Иванычъ ничего не сказалъ, а воззрился вдоль улицы и сталъ распознавать, чьи господскія сани ѣдутъ по направленію къ перекрестку, тоже отъ собранія.

— Лушкиной сынокъ катитъ,—выговорилъ онъ. — Экъ жиру-то нагулялъ! Въ мать!

Это былъ, дѣйствительно, Никсъ. Онъ полетѣлъ поздравить Антонину Сергѣевну съ избраніемъ Александра Ильича.

Мать его осталась еще на хорахъ, гдѣ собралось давно небывалое количество дамъ. Всѣ удивлялись тому, что не было Гаяриной. Въ городѣ знали про ея „красныя" идеи, не прощали ей домосѣдства, малаго желанія принимать у себя, считали странной и надутой, жалѣли, что у та-

кого блестящаго мужчины, какъ Александръ Ильичъ, такая поблекшая и неэффектная жена.

Никсъ сильно позвонилъ, не спросилъ у лакея, принимаетъ ли Антонина Сергѣевна, далъ стащить съ себя узкое, на пуху, пальто и безъ доклада пробѣжалъ залу и гостиную. Его заграничная обувь издавала скрипъ.

— Chère madame!—крикнулъ онъ въ гостиной.—Je vous félicite! Pardon, что такъ вламываюсь къ вамъ, но я хотѣлъ первымъ принести вамъ радостную вѣсть!

Антонина Сергѣевна лежала на кушеткѣ. Съ утра она страдала припадками невралгіи, но съ этими приступами своей обычной болѣзни она давно помирилась, не сказывалась изъ-за нихъ больной и въ постель никогда не ложилась.

На хоры она не ѣздила съ самаго начала выборовъ, и Александръ Ильичъ ни разу не спросилъ ее, отправляясь поутру изъ дому, думаетъ ли она побывать въ собраніи.

Невралгія давала ей законный поводъ не выходить изъ спальни именно сегодня, но она не сдѣлала этого нарочно.

Появленіе нестерпимо-противнаго ей сына Лушкиной было началомъ сегодняшнихъ испытаній. Она поздоровалась съ нимъ любезно, съ разъ навсегда установленною улыбкой, даже извинилась, что принимаетъ полулежа.

— Ваша невралгія должна пройти!—вскричалъ онъ, разсаживаясь около нея.—Ей наши дамы не повѣрятъ. Нѣкоторыя находятъ, что вы должны бы участвовать въ торжествѣ вашего мужа, тамъ, наверху... Но мы съ maman нашли ваше поведеніе какъ нельзя болѣе тонкимъ... Вы—большой дипломатъ, Антонина Сергѣевна!

Жирный смѣхъ заколыхалъ его женоподобное пухлое тѣло, затянутое въ дворянскій мундиръ. Шитый золотом красный воротникъ подпиралъ его двойной подбородокъ. Мундиръ былъ застегнутъ.

— Вы видите, я устремился къ вамъ въ полной парадной формѣ. Александра Ильича еще не скоро выпустятъ... Сегодня мы съ maman у васъ обѣдаемъ. Вы этого не знаете? Ха-ха-ха! Vous serez complimentée par toute une députation!

Голова у ней все сильнѣе разбаливалась, но она продолжала принимать гостей, перешла изъ будуара въ гостиную и сѣла на диванъ, говорила очень мало, всѣмъ улыбалась. Передъ ней мелькали женскія и мужскія лица,

нѣкоторые мужчины подходили къ рукѣ, пріѣхалъ и старичокъ-губернаторъ, и до шести часовъ въ гостиной гудѣлъ разговоръ, кажется, подавали чай. Чувствовалось большое возбужденіе... Незадолго до обѣда явился Александръ Ильичъ, тоже въ мундирѣ... Она помнитъ, какъ въ туманѣ, что онъ ее поцѣловалъ, пожалъ руку и сказалъ:

— Merci, chérie!

За что онъ ее благодарилъ—она не знала. Лицо у него было блѣдное, благодушно-привѣтливое, и глаза блестѣли.

Потомъ былъ обѣдъ человѣкъ на двадцать... Половину мужчинъ она видѣла въ первый разъ... Кажется, это были все уѣздные предводители... Губернаторъ тоже остался обѣдать, сидѣлъ рядомъ съ нею, посрединѣ стола, противъ Александра Ильича.

Много тостовъ выслушала она... Ея здоровье пили нѣсколько разъ... Говорили и застольныя рѣчи. Какой-то уѣздный предводитель запутался и никакъ не могъ найти подходящаго выраженія, краснѣлъ, отдувался, расплескалъ вино... И хозяину пришлось отвѣчать настоящимъ спичемъ на англійскій манеръ.

Слушала она его, точно совсѣмъ чужого, даже голосъ казался ей страннымъ, и никакъ не могла схватить ни одной опредѣленной мысли. Все ускользало отъ нея, расплывалось. Какое-то актерство въ манерѣ говорить и выраженіи лица подмѣчала она, однако, когда ея взглядъ доходилъ до него черезъ столъ.

Благодаря головной боли, не позволявшей ей ни во что хорошенько вслушиваться и къ чему-либо присматриваться, она не испытывала никакихъ новыхъ непріятныхъ ощущеній. Но къ десерту ей стало такъ плохо, что сидѣвшій рядомъ съ нею губернаторъ спросилъ ее:

— Антонина Сергѣевна, что съ вами? Вы перемогаетесь... Пошли бы вы отдохнуть.

Въ его добрыхъ глазахъ она могла бы прочесть сожалѣніе о женской слабой натурѣ, не совладѣвшей съ радостнымъ волненіемъ. И онъ вѣрилъ въ то, что она сердцемъ сливается съ мужемъ въ одномъ чувствѣ успѣха и всеобщаго признанія его достоинствъ.

Но будь она и совсѣмъ здорова, сиди онъ у ней одинъ и выскажись въ такомъ именно смыслѣ, она не стала бы разубѣждать его.

Наконецъ, и мужъ замѣтилъ ея мертвенную блѣдность и растерянный видъ и черезъ столъ тихо спросилъ ее:

— Tu te sens mal, Nina?

Она покачала головой и готова была сидѣть, но губернаторъ привсталъ и, обратившись къ хозяину, сказалъ:

— Вы позволите?

За нимъ поднялись и всѣ остальные.

Она совсѣмъ уже не помнила, какъ очутилась, одѣтая, за перегородкой, на постели. Никогда съ ней не бывало обмороковъ, даже и отъ сильнѣйшихъ головныхъ болей.

Невралгія начала ослабѣвать, перешла изъ брови и праваго глаза къ затылку. Но у ней все вылетѣло изъ головы: визиты, поздравленія, спичи. Только минутъ черезъ десять она вспомнила, что Александръ Ильичъ — губернскій предводитель,

Дверь въ ея будуаръ затворили, но до слуха ея доносились мужскіе голоса... Должно-быть, играютъ въ залѣ, на нѣсколькихъ столахъ. Помѣщичья жизнь начиналась... Такъ будетъ теперь каждый день. Домъ у нихъ долженъ быть „открытый“.

Изъ дверки, выходившей въ коридоръ, показалась ея горничная. Въ полутемнотѣ она не сразу узнала ее.

— Это вы, Маша?

— Я-съ. Вамъ не угодно раздѣться, барыня?

Она ее называла прежде „Антонина Сергѣевна“, а потомъ „барыня“. Почему же не „ваше превосходительство“? Вѣроятно, лакеи уже такъ говорятъ ея мужу.

— Нѣтъ, Маша,—слабымъ голосомъ отвѣтила она,—я такъ полежу. Который часъ?

— Скоро десять.

— Я позвоню... Ступайте!

Она лежала одна, и это одиночество не пугало ее. Съ нимъ надо помириться на всю жизнь. Дѣтей ей не возвратятъ... Когда они кончатъ курсъ, она не найдетъ въ нихъ того, о чемъ мечтала... Во всемъ городѣ у ней нѣтъ ни одной пріятельницы, и въ домѣ она теперь будетъ добровольною изгнанницей.

Дверь изъ гостиной позади портьеры тихо отворилась.

Антонина Сергѣевна узнала шаги мужа и тотчасъ же закрыла глаза.

— Какъ ты себя чувствуешь? — спросилъ онъ, подходя на цыпочкахъ къ кровати. — Не послать ли за докторомъ?

— Мнѣ лучше... Не безпокойся.

Онъ нагнулся надъ нею и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Бѣдная,—снисходительно выговорилъ онъ, — ты не привыкла къ такимъ шумнымъ пріемамъ.

— Привыкну,—прошептала она и опять закрыла глаза.

Въ этомъ словѣ „привыкну“ онъ не почувствовалъ ироніи. Ему хотѣлось вѣрить, что въ его женѣ, послѣ недавней бурной сцены, произошла благодѣтельная реакція.

„Она умна, — думалъ онъ, — и должна была кончить этимъ“.

— Тебя гости не безпокоятъ... изъ залы?

— Нисколько.

— Засиживаться они не будутъ.

— Пускай играютъ, — выговорила она такимъ тономъ, что Александръ Ильичъ вышелъ совершенно довольный ею.

XV.

Поѣздъ подходилъ къ Петербургу. Въ отдѣленіи вагона перваго класса Антонина Сергѣевна ѣхала одна. Мужъ ея любилъ вагоны съ креслами. Она проснулась еще до свѣта. И мысль о скоромъ свиданіи съ дѣтьми заставила ее подняться съ трипового дивана.

Еще какихъ-нибудь два-три часа — и она увидитъ на вокзалѣ Сережу. Онъ уже большой мальчикъ, носитъ треугольную шляпу. Лили не пустятъ.. У нихъ теперь повѣтріе „свинки“ — неизбѣжная институтская болѣзнь. Она недавно только оправилась.

Но отчего же въ ней нѣтъ захватывающей радости?.. Скорѣе тревога, точно она ждетъ какой-нибудь бѣды. Эта поѣздка случилась, вѣдь, гораздо раньше, чѣмъ она разсчитывала въ началѣ зимы.

Да; но такъ понадобилось Александру Ильичу. Онъ, по утвержденіи въ должности, — ей извѣстно, *какъ* онъ трусилъ, что его не утвердятъ, — на радостяхъ рѣшилъ тотчасъ же ѣхать „представляться“.

Ей онъ предложилъ сопровождать его, повидаться съ дѣтьми, съ матерью, сестрой, кузиной. Въ домѣ кузины, княгини Мухояровой, они и остановятся. Нашлась цѣлая квартира съ мебелью, надъ бельэтажемъ.

Этой поѣздкѣ она очень обрадовалась; а теперь вотъ сидитъ, въ полутьмѣ зимняго хмураго разсвѣта, тревожная и недоумѣвающая. Она видитъ впередъ, съ какими людьми, въ какихъ разговорахъ она проведетъ цѣлый мѣсяцъ. И въ кузинѣ она не найдетъ уже прежней своей

Жени, съ которой переписывалась годами,—чуткой, способной сочувствовать всѣмъ ея завѣтнымъ идеямъ и стремленіямъ. Главный нервъ ея души точно оборвался. Все идетъ мимо ея воли, и она ничего не можетъ ни остановить, ни измѣнить. Тотъ человѣкъ, кому она отдала всю себя, потому что увѣровала въ него и черезъ него поняла смыслъ жизни, „ѣдетъ въ другомъ вагонѣ". Это сравненіе пришло ей еще вчера, когда она очутилась одна въ своемъ отдѣленіи и заперла изнутри дверку. Одинъ поѣздъ мчитъ ихъ, но ѣдетъ онъ, а она только при немъ, какъ какой-то ненужный придатокъ...

Когда свѣту прибавилось, она занялась своимъ туалетомъ: поправила прическу, освѣжила голову одеколономъ, уложила опять свои вещи въ дорожный мѣшокъ и сидѣла у полузаиндивѣлаго окна.

Къ ней постучались на станціи, гдѣ послѣдній буфетъ. Лакей-татаринъ принесъ ей чаю, — прислалъ его Александръ Ильичъ.

Мужъ передъ отъѣздомъ былъ къ ней особенно внимателенъ, съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ уклончивой снисходительности, точно онъ хочетъ показать ей, что считаетъ ее достойною сожалѣнія истеричною женщиной, съ которою онъ не можетъ уже ставить себя на одну доску.

Вотъ и Петербургъ. Поѣздъ замедлилъ ходъ, вошелъ подъ навѣсъ... Въ вагонъ ворвались нѣсколько артельщиковъ.

На платформѣ ее обняла кузина.

— Жени!.. Милая!..

Жени, въ бархатной шубкѣ, съ накладкой завитыхъ волосъ, въ открытой шляпѣ; на видъ еще очень молодая, съ запахомъ пудры. Но, обнимая ее, Антонина Сергѣевна не чувствовала своей прежней кузины.

Сережа, въ шинели съ бобрами и треугольной шляпѣ, бросился сначала къ отцу. У нея онъ поцѣловалъ руку и все тыкалъ ее своею треуголкой.

Ни мать, ни сестра не выѣхали ее встрѣтить.

— Grand maman, — говорилъ ей Сережа, — не совсѣмъ здорова... Tante Lydie хотѣла быть.

Сережа сталъ похожъ на отца, волосы его темнѣли, онъ смотрѣлъ почти юношей; голосъ у него срывался съ низкихъ нотъ на высокія.

— Какъ же мы ѣдемъ?—спросилъ Александръ Ильичъ,

свѣжій и нарядный въ своей ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ.

— Папа, я съ тобой! — запросился Сережа. — Мы въ парныхъ саняхъ.

Онъ опять поцѣловалъ руку у матери жестомъ молодого человѣка и побѣжалъ за отцомъ. Ее пронизала мысль: „моего въ немъ ничего нѣтъ“. И вся жизненная дорога этого мальчика была передъ ней какъ на ладони. Но онъ прямо начнетъ съ того, чѣмъ отецъ его кончаетъ.

— Какъ я рада тебя видѣть, Нина... Ты утомилась?

Возбужденный голосъ кузины раздался внутри кареты.

Онѣ держали другъ друга за руку... Княгиня Мухоярова улыбалась ей. Эта улыбка что-то не согрѣвала ее. Ей бы надо было прильнуть къ кузинѣ, но она не могла.

Плакать... изливаться... Въ чемъ? Новый, еще никогда ею не испытанный стыдъ удерживалъ ее.

— Какъ я рада, — продолжала говорить княгиня своимъ тонкимъ, немного простуженнымъ голосомъ,—какъ я рада, что вы будете жить у насъ! Мужъ твой — великолѣпенъ! Какъ онъ еще хорошъ!.. И какая представительность! Конечно, ему надо было въ предводители!

— Ты думаешь?—спросила Антонина Сергѣевна и поглядѣла на кузину.

— Разумѣется, милая. Такъ мало людей съ желаніемъ служить обществу... Это надо цѣнить... Всѣ только кидаются въ дѣла... Вотъ и мой мужъ... Никакой роли, никакого высшаго честолюбія. Деньги и деньги, биржа, расширеніе оборотовъ... Но для этого довольно и купцовъ, разныхъ спекулянтовъ, жидовъ!.. Ахъ, Нина,—княгиня сентиментально вздохнула,—on finit toujours par un grand vide. Во мнѣ ты найдешь теперь... какъ это сказать?.. une crise, vrai!..

Она уже знала, что кузина съ нѣкоторыхъ поръ изучаетъ какія-то „теософическія“ науки, но въ своихъ письмахъ избѣгала вдаваться въ это, спрашивать ее подробно, что̀ это за науки.

— Une crise? — переспросила она по-французски и поглядѣла опять на пополнѣвшее и слегка напудренное лицо кузины.

„Неужели и я ударюсь во что-нибудь? — подумала она вслѣдъ затѣмъ, — въ редстокизмъ, въ буддизмъ или въ столоверченіе?“

— Ты еще должна быть счастлива!.. У тебя мужъ— крупная личность. И мнѣ кажется, Нина, ты къ нему начинаешь относиться... слишкомъ одностороние.

— Можетъ-быть, — кротко выговорила Антонина Сергѣевна.

— Ты какъ была восторженною дѣвушкой двадцать лѣтъ назадъ, такъ и осталась. C'est sublime, mais c'est trop simpliste.

— Simpliste?—повторила Гаярина.—Проста?—перевела она по-русски.

— Нѣтъ, не проста. Но... какъ это нынче пишутъ?... прямолинейна! Voilà le mot!

Привычка пересыпать русскую рѣчь французскими фразами и прежде водилась за ея кузиной, но теперь это рѣзче бросалось и придавало разговору неприятный ей, суетный оттѣнокъ.

— И, наконецъ, Нина, милая, когда уйдешь душой въ такія сферы, откуда все кажется ничтожнымъ и тлѣннымъ, нельзя никого винить въ извѣстныхъ превращеніяхъ...

Послѣ маленькой паузы княгиня ниже наклонилась къ ней и спросила:

— Ты развѣ не допускаешь возможности перехода существъ? Одною жизнью еще не кончается бытіе.

„Что это такое?—спросила про себя Гаярина,—шутовство или блажь?"

— Тебѣ кажется дикимъ, что̀ я говорю?.. Ахъ, Нина, нельзя быть довольной обыкновенными объясненіями жизни... всего... Ты понимаешь?... Только ты не подумай, что я хочу тебѣ что-нибудь навязывать. Я не изувѣрка!... Я ищу просвѣта!... L'audelas!

Княгиня полузакрыла глаза, привлекла къ себѣ Гаярину и поцѣловала ее.

Въ этой ласкѣ опять сказалась ея мягкая натура, но весь ея тонъ былъ уже таковъ, что Антонина Сергѣевна не могла заговорить съ ней, какъ съ испытаннымъ другомъ.

— Ты очень обсидѣлась, — продолжала кузина,—тамъ, въ твоемъ губернскомъ городѣ. У меня теперь бываетъ много народу, гораздо больше, чѣмъ прежде... Я, вѣдь, въ родѣ тебя, была simpliste, нетерпима. А теперь... все это—вопросы направленія, цвѣта не важны... въ моихъ глазахъ. Вездѣ, и за границей, въ Англіи, во Франціи, мы видимъ, что общество ищетъ совсѣмъ другого.

— L'audelas?—спросила Антонина Сергѣевна.

— Нина, милая! Нельзя быть безъ просвѣта. Надо вѣрить въ чудо вселенной. Особенно въ наши лѣта, когда молодость прошла! Il faut la grande synthèse!..

Княгиня не договорила, еще разъ обняла Гаярину и поглядѣла въ окно.

— Твоя maman... немножко простудилась. Она боится инфлуэнцы... Хочешь къ ней заѣхать сейчасъ, или ты перемѣнишь туалетъ и немного отдохнешь? Maman очень обрадована! Все повторяетъ, что ея beau fils a trouvé son chemin de Damas! Ты ужъ ей не противорѣчь.

— Я никому не противорѣчу!—сказала Антонина Сергѣевна и прибавила: — Къ maman я поѣду передъ обѣдомъ. Она вѣдь любитъ, чтобы я была всегда въ туалетѣ... И для нея теперь слишкомъ рано.

Карета, остановившись, прервала ихъ разговоръ. Швейцаръ уже высадилъ Александра Ильича и Сережу.

XVI.

Въ парныхъ саняхъ отецъ и сынъ, когда ѣхали отъ вокзала, поглядывали одинъ на другого. Они другъ другу нравились. Александръ Ильичъ видѣлъ, какъ Сережа дѣлается все похожѣе на него. Тотъ, за одинъ годъ, сильно возмужалъ. Треуголка сидитъ на немъ молодцовато, надѣтая немного вбокъ. Бобровый воротникъ офицерской шинели покрываетъ ему на половину розовыя уши, на виски начесаны густые темно-каштановые волосы.

Такимъ былъ и онъ, въ его лѣта, такъ же на бокъ надѣвалъ треуголку и укутывался въ шинель съ бобровымъ воротникомъ движеніемъ правой руки. Но тогда онъ уже началъ читать разныя „неподходящія книжки". Или, быть-можетъ, годомъ раньше. На нѣкоторыхъ изъ его класса, въ томъ числѣ на него, нашло точно какое-то повѣтріе. Изъ фанфаронства, — такъ онъ объясняетъ это теперь,—стали они щеголять другъ передъ дружкой, добывать запрещенныя изданія, вести между собою тайныя бесѣды, кичиться своими „идеями". Только держались они прилично, даже франтовато, не считали нужнымъ выказывать свое „направленіе" въ неряшливости, запущенныхъ волосахъ и грязныхъ ногтяхъ.

Онъ зарвался больше всѣхъ остальныхъ. Съ тѣхъ *это* очень скоро соскочило, и всѣ почти сдѣлали карьеру.

Только онъ одинъ очутился у себя въ деревнѣ съ запрещеніемъ выѣзжать изъ нея.

Сережа не тѣмъ смотритъ. Учится онъ не очень блестяще, но идетъ не изъ послѣднихъ; зато здоровъ, отлично ѣздитъ верхомъ, мило танцуетъ, французскій и англійскій акцентъ у него безукоризненный, — обѣщаетъ быть вполнѣ уравновѣшеннымъ юношей.

— Ты надолго, папа? — спросилъ онъ отца, повернувъ къ нему свое красивое лицо съ большими, болѣе плутоватыми, чѣмъ добрыми глазами.

— Недѣли три-четыре поживу, — ласково отвѣтилъ Гагаринъ.

— Ты вѣдь утвержденъ въ предводителяхъ?

— Какъ же, мой другъ!

— Ну, то-то!

Это восклицаніе Сережи вырвалось у него особеннымъ звукомъ, и онъ слегка повелъ плечомъ.

— А что?—спросилъ отецъ, заинтересованный.

— C'est que, vois-tu...

Сережа заговорилъ по-французски и потише. Но его что-то затрудняло.

Александръ Ильичъ это сейчасъ же понялъ. Онъ замѣтилъ сыну, въ тонѣ сентенціи, что съ нимъ онъ долженъ всегда и во всемъ быть откровеннымъ.

Сережа, по-французски же, сообщилъ ему, что у нихъ въ классѣ уже давно ходили разные толки, — онъ даже одного своего товарища проучилъ, — будто Александръ Ильичъ „неблагонамѣренный“,—онъ такъ и выразился этимъ русскимъ словомъ,—и былъ когда-то лишенъ всякихъ правъ, какъ заговорщикъ. Сережа употреблялъ слово „conspirateur“, а теперь, когда онъ всѣмъ сталъ разсказывать, что отца выбрали единогласно въ предводители, то Поль Кучкинъ громко крикнулъ: „никогда его не утвердятъ!“ — и это такъ возмутило Сережу, что онъ хотѣлъ дать Полю Кучкину пощечину.

— Ce serait une violence inutile!—остановилъ его Александръ Ильичъ, но ему этотъ порывъ сына пришелся очень по душѣ.

Мальчикъ будетъ съ чувствомъ достоинства, сумѣетъ отстаивать свои права и окажется устойчивымъ въ борьбѣ за жизнь. И въ то же время ему стало жутко отъ разсказа сына. Вотъ чему онъ подвергалъ Сережу въ стѣнахъ заведенія, гдѣ завязываются связи, гдѣ одинъ какой-

нибудь нелѣпый слухъ, разошедшійся между товарищами, можетъ повредить всей карьерѣ молодого человѣка.

Этотъ инцидентъ не мѣшаетъ, при случаѣ, разсказать Антонинѣ Сергѣевнѣ.

— Такъ тебя утвердили?—произнесъ Сережа, уже по-русски, радостными глазами взглянулъ на отца и закутался плотнѣе въ шинель.

Александръ Ильичъ не былъ въ Петербургѣ около двухъ лѣтъ. Онъ смотрѣлъ на длинную ширь Невскаго, на два ряда все тѣхъ же домовъ, и чувствовалъ, что у него нѣтъ внутри прежнихъ протестовъ, въ головѣ готовыхъ восклицаній. Онъ уже не повторялъ, какъ бывало прежде: „Какая казенщина! Нѣтъ ни оригинальности, ни климата, ни красоты, ни оживленія!“

Не цитировалъ онъ вслухъ и стиха Пушкина:

„Скука, холодъ и гранитъ!“

Напротивъ, городъ казался ему чрезвычайно бойкимъ, съ достаточною долей европеизма; его наполняло особое, неизвѣданное имъ ощущеніе какой-то связи съ тѣмъ, что составляетъ нервъ Петербурга. Въѣзжалъ онъ въ него не фрондирующимъ, полуопальнымъ помѣщикомъ, а особой, представителемъ сословія цѣлой губерніи, человѣкомъ, въ душѣ котораго перегорѣло все ненужное, глупо тревожное, всякій нечистоплотный и вредный задоръ.

Тогда онъ изводилъ себя на безплодное умничанье. Что жъ? Тотъ лицеистикъ, который назвалъ его въ лицо сыну „заговорщикомъ“, un conspirateur — правъ. Но *какимъ* онъ былъ, въ сущности, заговорщикомъ? Самымъ жалкимъ! Вѣдь онъ просидѣлъ въ деревнѣ болѣе десятка лѣтъ въ унизительной роли, которая одной восторженной Антонинѣ Сергѣевнѣ представлялась мученичествомъ. И не возьмись онъ за умъ, до сихъ поръ тянулось бы нелѣпое прозябаніе въ усадьбѣ, когда каждая жилка въ немъ трепещетъ потребностью быть на виду.

— Вотъ мы и дома! — крикнулъ Сережа и распахнулъ полость саней.

Двѣ кареты съ дамами и багажомъ отстали отъ нихъ.

Домъ стоялъ на набережной, трехъэтажный, барскій, съ монументальнымъ подъѣздомъ. Швейцаръ высадилъ ихъ, въ ливреѣ, бритый, съ брюшкомъ, очень важный. Но и онъ, снимая картузъ передъ Гаяринымъ, на особый ладъ осклабился и выговорилъ отчетливо и вкусно:

— Съ пріѣздомъ имѣю честь поздравить, ваше превосходительство!

Слова „ваше превосходительство“ схватилъ Сережа и покраснѣлъ отъ удовольствія.

Да, онъ будетъ теперь сыномъ особы четвертаго класса и надписывать на своихъ письмахъ отцу и матери: „его или ея превосходительству“.

— Во второй этажъ пожалуйте,—доложилъ швейцаръ, пошелъ впередъ и позвонилъ у квартиры, приходившейся надъ помѣщеніемъ ихъ кузины.

Эту квартиру занималъ семейный иностранецъ изъ посольскихъ, долженъ былъ внезапно уѣхать за границу и отдавалъ ее съ мебелью и посудой за четыреста рублей въ мѣсяцъ.

Цѣну Александръ Ильичъ счелъ умѣренной и, начиная съ передней, гдѣ ихъ встрѣтилъ лакей въ бѣломъ галстукѣ, изъ нѣмцевъ, оставленный при квартирѣ, онъ нашелъ все чрезвычайно красиво отдѣланнымъ и удобнымъ.

Сережа уже знакомъ былъ съ квартирой и повторялъ:

— Здѣсь отлично! Ты будешь доволенъ, папа.

Поваръ и вторая горничная были уже наняты княгиней Мухояровой.

Кабинетъ смотрѣлъ комнатой, откуда только что вышелъ хозяинъ, и показался Александру Ильичу изящнѣе, свѣтлѣе и уютнѣе его кабинета тамъ, на Рыбной улицѣ, да и вообще вся квартира, хотя она и была гораздо меньше.

Никогда онъ не испытывалъ такого пріятнаго возбужденія, какъ теперь, въ этотъ пріѣздъ, и боялся одного, какъ бы Антонина Сергѣевна не испортила ему расположенія духа видомъ мученицы, которую привезли на цѣлый рядъ терзаній.

— Поди, встрѣть maman,—сказалъ онъ Сережѣ.—Карета должна уже пріѣхать. Помоги ей разобраться въ вещахъ...

Сережа выбѣжалъ изъ кабинета; Александръ Ильичъ сѣлъ на широкій низкій диванъ, вытянулъ ноги, сладко зѣвнулъ и закрылъ глаза.

Почти двадцать лѣтъ жизни потерялъ онъ изъ-за сумасброднаго задора и надо ихъ наверстать въ два-три года.

Ему пошелъ сороковой годъ... Но какой это возрастъ для человѣка, такъ прекрасно сохранившагося? На видъ онъ въ полномъ смыслѣ молодой мужчина.

И невольно мысль его перебѣжала къ женѣ.

„Она уже старенькая“,—мягко выразился онъ про себя.

Это сравненіе наполнило его, не въ первый разъ, чувствомъ своего нравственнаго превосходства надъ всѣми знакомыми мужчинами. Всѣ обманываютъ женъ, держатъ любовницъ или поступаютъ еще грязнѣе... А онъ—нѣтъ. Къ женѣ онъ чувствуетъ только жалость и разумное расположеніе, какъ къ матери его дѣтей и женщинѣ *посвоему* преданной ему.

Долго ли онъ удержится въ такомъ цѣломудренномъ направленіи? Ему хотѣлось бы пройти черезъ новые соблазны незапятнаннымъ. Удастся ли это? Лучше сказать „прости“ не заснувшимъ еще потребностямъ въ женской ласкѣ и красотѣ, чѣмъ подать поводъ къ законнымъ обвиненіямъ въ обманѣ и распутствѣ!..

XVII.

— Генеральша въ угловой,—доложилъ Антонинѣ Сергѣевнѣ выѣздной въ ливреѣ, съ жилетомъ желтыми и черными полосами и въ гороховыхъ штиблетахъ.

Опять, попадая въ домъ своей матери, она испытываетъ то же стѣсненіе, точно она въ чемъ-нибудь провинилась, ждетъ выговора и наказанія. До сихъ поръ, по прошествіи почти двадцати лѣтъ, при встрѣчахъ съ матерью, она чувствуетъ въ себѣ непокорную дочь, увлекшуюся „Богъ знаетъ какими идеями“, противъ воли влюбившуюся въ „мальчишку-нигилиста“, какого-то полуссыльнаго, продолжавшаго и послѣ того, какъ былъ наказанъ, „отвратительно“ вести себя.

Она знала, что Елена Павловна Бекасова — женщина безъ характера, вся сотканная изъ противорѣчій и минутныхъ настроеній, слишкомъ поглощенная заботами о туалетѣ, барыня съ болѣзнью надвигающейся старости, суетными волненіями вдовы сановника, съ постояннымъ страхомъ, какъ бы ее не забыли и не обошли. Но въ ней жило не умирающее сословное и служилое тщеславіе и составляло ея единственную религію. Ни однимъ своимъ предразсудкомъ не поступалась она и ни одною претензіей. И передъ этимъ-то свойствомъ Антонина Сергѣевна ощущала жуткую неловкость, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, когда „maman“ дѣлала ей ежедневныя замѣчанія насчетъ тона, турнюры, прически, манеры ходить и держаться въ обществѣ.

Вотъ и сейчасъ ее тянуло къ дочери, въ институтъ, но она поѣхала сначала сюда, боясь того, какъ бы мать не обидѣлась, узнавъ, что не къ ней былъ ея первый визитъ.

Цѣлый рядъ все тѣхъ же темноватыхъ и узковатыхъ высокихъ комнатъ открывался передъ нею,—комнатъ, заставленныхъ множествомъ ненужныхъ вещей. И отовсюду смотрѣло что-то молодящееся и немножко старомодное, напоминавшее то время, когда Елена Павловна плѣняла въ этихъ комнатахъ своихъ „habitués“, тянулась въ рюмочку, пѣла романсъ „Il baccio“ и пускала въ ходъ интонаціи дѣланной наивности, вмѣстѣ съ ахами отъ пѣнія Тамберлика и игры Бертона-отца, тогдашняго перваго сюжета Михайловскаго театра. Ни одного сердечнаго воспоминанія не будилъ этотъ домъ-особнякъ въ душѣ Антонины Сергѣевны. И личность отца не оставила въ ней ничего, кромѣ суховатой, чопорной отеческой манеры обращенія съ дочерьми. Мать, какъ овдовѣла, разливалась и въ разговорахъ, и въ письмахъ о высокихъ качествахъ покойнаго; но это сводилось больше къ „министерской“ пенсіи, которую ей выхлопотали, и къ званію особы „второго класса“. Въ своей матери Антонина Сергѣевна видала часто и что-то дѣтски-суетное, неисправимую безсознательную рисовку, иногда страдала за нее, иногда, про себя, улыбалась, но не могла ей серьезно противорѣчить, даже въ письмахъ, взять тонъ женщины съ твердыми правилами и опредѣленными идеалами, боялась вызвать въ матери раздраженіе или обидчивость.

Выѣздной пошелъ впередъ и въ портьерѣ доложилъ:

— Антонина Сергѣевна пріѣхали, ваше высокопревосходительство.

Елена Павловна сидѣла подъ балдахиномъ изъ китайской матеріи, съ огромнымъ японскимъ вѣеромъ, развернутымъ подъ угломъ на широкомъ диванѣ, въ родѣ кровати, гдѣ въ изголовьѣ валялось множество подушекъ и подушечекъ, шитыхъ золотомъ, шелкомъ, канаусовыхъ и атласныхъ, расписанныхъ цвѣтами, по модѣ послѣднихъ трехъ-четырехъ зимъ.

— Nina! Mon enfant! Тебя ли я вижу?

Она встала и медленно приближалась къ дочери, съ протянутыми руками, виднаго роста, въ корсетѣ подъ шелковымъ капотомъ съ трепомъ, въ бѣлой кружевной косынкѣ, покрывавшей и голову. На лицо падала тѣнь,

и она смотрѣла моложаво, съ чуть замѣтными морщинами, со слоемъ желтой пудры; глаза, узкіе и близорукіе, пріобрѣли привычку мигать и щуриться; на лбу лежали кудерки напудренныхъ волосъ; зубы она сохранила и щеголяла ими, а всего больше руками замѣчательной тонкости и бѣлизны, съ дюжиной колецъ на каждой кисти.

На аршинъ разстоянія отъ матери Антонина Сергѣевна почуяла ея духи, отзывающіеся пятидесятыми годами,—пачули, отъ которыхъ ей бывало слегка тошно.

Онѣ обнялись. Елена Павловна поцѣловала ее два раза, въ щеку и въ лобъ, и придержала за талію.

— Совсѣмъ расклеилась,—говорила она высокимъ, немного шепелявымъ голосомъ.—Вотъ три дня, какъ сижу взаперти... Какое-то повѣтріе... Страшная боль въ затылкѣ... Не могу закинуть головы назадъ... Поди, поди сюда, садись, вотъ рядомъ. Какъ я рада!

Дочь заслышала въ ея тонѣ больше ласки. Это относилось не къ ней, а къ Александру Ильичу, къ его превосходительству.

— На видъ ты молодцомъ,—выговорила Антонина Сергѣевна, взглянувъ еще разъ на мать.

Она ей говорила „ты“ и матери нравилось это мѣстоименіе, оно ее молодило, да она и въ самомъ дѣлѣ смотрѣла старшею сестрой Антонины Сергѣевны.

— Какъ ты худа! — со вздохомъ выговорила Елена Павловна, оглядывая дочь. — И сѣдыхъ волосъ сколько! Зачѣмъ ты это допускаешь?

— Что?—разсѣянно спросила дочь.

— Это небрежность!

Опять ей дѣлали выговоръ за „manque de tenue“.

— Надо слѣдить! Нынче есть прекрасныя косметики... Allen... или Melanogène... А лучше всего пудрить... Къ тебѣ пойдетъ... Cela repose le teint.

И туалетомъ своей дочери Елена Павловна не осталась вполнѣ довольна, нашла, что дочь одѣвается слишкомъ траурно.

— Кто тебѣ дѣлалъ это платье?

— Шумская, maman.

— Какая это Шумская?

— Извѣстная... въ Москвѣ.

— Est-ce qu'on s'habille à Moscou?

Елена Павловна сдѣлала гримасу и продолжала оглядывать туалетъ дочери.

— Нынче уже нѣтъ гладкихъ рукавовъ... На плечахъ надо буффы... И талія слишкомъ длинна... И складки... Montre moi... Сзади ужъ совсѣмъ не такъ... Надо вѣеромъ... tu comprends?.. вѣеромъ, въ нѣсколько складокъ, чтобы онѣ лежали плотно и только къ самому низу расходились бы...

Антонина Сергѣевна молчала. Она опять сознавала себя дѣвочкой, которой читаютъ нотаціи по части туалета.

— А твой мужъ?—спросила Елена Павловна.

Она въ разговорѣ должна была безпрестанно перескакивать съ предмета на предметъ. Иногда это у ней доходило до болѣзненныхъ размѣровъ.

— Онъ будетъ сейчасъ... Его задержалъ мужъ Жени.

— Вы хорошо помѣстились?.. Я очень рада... А цѣна?

— Четыреста рублей.

— За одинъ мѣсяцъ?.. Это ужасно дорого!

Для Елены Павловны все было „ужасно дорого", что̀ не шло на нее самое, ея туалетъ и разныя „бездѣлушки", какъ она выражалась. Расточительная и мелочная, она вобрала въ себя характерное свойство русскихъ барынь—транжирство съ грошовымъ расчетомъ и полнымъ отсутствіемъ правильной оцѣнки вещей.

— Это не дорого, maman, — позволила себѣ возразить Антонина Сергѣевна.—Цѣлая квартира... Александръ нашелъ, что въ отелѣ неудобно и выйдетъ дороже.

— Конечно, мой другъ... Il faut représenter!

И, точно спохватившись, Елена Павновна измѣнила выраженіе своего дѣтски-подвижного лица, немного сдвинула подрисованныя слегка брови и прилегла на кучу подушекъ.

— Твоимъ мужемъ я не нахвалюсь,—начала она другимъ тономъ.—И здѣсь имъ очень, очень довольны... Еще третьяго дня... мнѣ говорили, qu'il est très bien vu! Что жъ? Лучше поздно, чѣмъ никогда... И тебя хвалю, мой другъ, что не теряла времени... tu t'es convertie, je l'espère, à d'autres idées... и на мужа повліяла...

„Ахъ, Боже мой!"—про себя вздохнула Антонина Сергѣевна и смущенно опустила голову. Вотъ какъ родная мать понимала ее, какую роль приписывала въ „эволюціи" Александра Ильича!

— Пора!—продолжала Елена Павловна.—Cela devenait scandaleux!.. И будущность вашихъ дѣтей!.. Они очень милы... Ты уже видѣлась съ Лили?

— Нѣтъ еще, maman, я хотѣла быть у тебя...

— Благодарю тебя, мой другъ,—перебила Елена Павловна, приподнялась и привлекла ее къ себѣ.—Не скрою отъ тебя... столько лѣтъ я за васъ обоихъ страдала и боялась... Теперь все идетъ... какъ надо для людей... de notre bord... Lydie,—она назвала вторую свою дочь,—est adorée de son mari... Онъ, правда, не особенно блестящъ, но идетъ въ гору исполинскимъ шагомъ... На линіи товарища министра... Надѣюсь, что и Александръ черезъ нѣсколько лѣтъ получитъ постъ здѣсь же... Нынче предводительство — прекрасный дебютъ. On les cajole beaucoup, les maréchaux de noblesse. И отъ него будетъ зависѣть быть скоро камергеромъ.

„Онъ объ этомъ только и мечтаетъ",—чуть не вырвалось у дочери.

— И внуки мои... здѣсь же... Я хвалю васъ обоихъ... Ты слишкомъ скромна... но я вижу твое вліяніе...

Смущеніе Антонины Сергѣевны росло. Мать ея опять опустилась на груду подушекъ и кокетливо оправила кружевную косынку.

XVIII.

Къ дочери Антонина Сергѣевна такъ и не попала въ этотъ день.

Она-было собралась проститься съ матерью, но Елена Павловна взяла ее за обѣ руки и усадила въ кресло.

— Погоди, Нина!.. Минуточку... Я не успѣла сказать тебѣ... Твой дядя... князь Григорій Александровичъ... долженъ быть скоро... Я его просила передъ отъѣздомъ заглянуть... И про вашъ пріѣздъ ему извѣстно... Я очень хотѣла бы, чтобы и Александръ засталъ его у меня.

Князь Григорій Александровичъ приводился Еленѣ Павловнѣ троюроднымъ братомъ, но она его выдавала иногда за родного дядю, иногда за „cousin germain". Онъ былъ старый и закоренѣлый холостякъ, съ огромнымъ состояніемъ, родни не любилъ, въ Россіи жилъ мало. Всѣ родственники, ближніе и дальніе, охотились за нимъ, но никому онъ не оказывалъ расположенія. И Александръ Ильичъ, въ послѣдній годъ, заговорилъ о князѣ Григоріи Александровичѣ, воспользовался какимъ-то дѣловымъ письмомъ его, чтобы предложить ему свои услуги по продажѣ того запущеннаго сада, что стоитъ въ глубинѣ переулка, тамъ, у нихъ, въ губернскомъ городѣ

Эти заигрыванья огорчали Антонину Сергѣевну. Князя видѣла она всего одинъ разъ въ жизни и неохотно вспоминала о немъ, — до такой степени онъ былъ ей несимпатиченъ.

— Ты понимаешь, — зачастила полушопотомъ Елена Павловна, — онъ, кажется, совсѣмъ не вернется въ Россію... Всѣ свои имѣнія онъ продалъ. У него, должно-быть, милліоновъ пять... Разумѣется, онъ переведетъ ихъ въ заграничные банки...

— Это его дѣло, maman...

— Помилуй, Нина, что ты говоришь? Въ своемъ родѣ онъ послѣдній. У меня братьевъ не было... Есть еще другіе Токмачъ-Пересвѣтовы... но они—бѣдные. Ужъ для нихъ-то онъ, конечно, ничего не сдѣлаетъ. Tu es sa nièce... Наконецъ, съ какой стати такое громадное состояніе и пропадетъ тамъ, за границей?.. Или, какъ всѣ холостяки, il finira par une drôlesse!..

Брови Елены Павловны задвигались, и она еще долго бы говорила на эту тему, если бъ не визитъ князя.

Она пришла въ новое волненіе, встала, перешла на другое мѣсто, оправила свою кружевную косынку и, когда лакей, доложившій о пріѣздѣ князя, скрылся за портьерой, шепнула дочери:

— Reçois le, chérie...

Антонина Сергѣевна послушно исполнила это и пошла навстрѣчу князю.

Къ ней приближался, короткими шажками, маленькій человѣчекъ, въ синей жакеткѣ и очень узкихъ свѣтлыхъ панталонахъ. Онъ казался неопредѣленныхъ лѣтъ; бритое, пухлое лицо, сдавленный черепъ, съ жидкими, сильно рѣдѣющими темными волосами, зачесанными съ одного бока, чтобы прикрыть лысину, — все это было такое же, какъ и нѣсколько лѣтъ назадъ... Онъ точно замариновалъ себя и не мѣнялся... Ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ.

— Здравствуйте, князь,—сказала она ему и протянула руку.

Дядей она его не назвала, да онъ и самъ не любилъ никакихъ родственныхъ подъѣзжаній.

— Bonjour, bonjour, — скороговоркой отвѣтилъ князь, пожалъ ея руку и оглядѣлъ ее своими смѣющимися глазками восточнаго типа.—Maman тамъ?

Онъ указалъ рукой.

— Она васъ проситъ туда.

— Давно здѣсь?—на ходу спрашивалъ ее князь.

— Только сегодня.

— Съ мужемъ?.. Читалъ, читалъ... Утвержденъ губернскимъ предводителемъ... Хочетъ наверстать!.. Не поздравляю.

Она ничего на это не сказала. Послѣдняя фраза „не поздравляю“ не удивила ее въ князѣ.

Елена Павловна встрѣтила его подъ балдахиномъ, на грудѣ подушекъ, и слабымъ голосомъ жаловалась на то, что она „toute patraque“, но тона этого не выдержала и начала передъ нимъ слишкомъ явственно лебезить.

— Неужели совсѣмъ покидаете насъ? — спросила она полужалобнымъ звукомъ.

— Оплакивать меня никто не будетъ, а дѣлать мнѣ больше нечего... Климата я не переношу, услугъ отечеству никто отъ меня не проситъ и не ждетъ... Довольно я дѣлалъ опытовъ... терялъ и здоровье, и время, коптѣлъ, по доброй волѣ, въ земствѣ, думалъ, что можно у насъ что-нибудь толковое провести... Слуга покорный!

Онъ вытянулъ характернымъ движеніемъ свои короткія ноги и широко развелъ руками.

— И вы ваши чудныя имѣнія всѣ продали? — заныла Елена Павловна.

— Продалъ!.. И это единственное толковое дѣло, какое мнѣ удалось исполнить въ предѣлахъ любезнаго отечества...

Брезгливая усмѣшка поводила ротъ князя, и глазки его не скрывали, какъ ему всѣ эти дамскіе ахи и охи надоѣли.

— Но позвольте, князь, — остановила его Антонина Сергѣевна.—Я не понимаю, почему вы такъ недовольны... вѣдь, теперь людямъ вашихъ идей...

Выраженіе не давалось ей. Она уже попеняла себѣ за такую тираду.

— Вовсе нѣтъ! — съ непріятнымъ полусмѣхомъ досказалъ за нее князь.

— Nina, veut dire...—вмѣшалась Елена Павловна.

— Весьма хорошо понимаю, что̀ ваша дочь хотѣла сказать, — довольно безцеремонно остановилъ ее князь и продолжалъ въ сторону Антонины Сергѣевны:—Если бы слушались людей, ничего не желающихъ, кромѣ блага, своему отечеству, каждый изъ насъ, независимыхъ лю-

дей,—людей охранительныхъ началъ въ лучшемъ смыслѣ слова...

— Vous aviez toujours des idées anglaises!—звонко проронила Елена Павловна.

— Давно я изъ англомановъ вышелъ! — небрежно кинулъ ей князь. — Не съ Англіи намъ надо обезьянить, а смотрѣть въ оба на то, какъ ближайшіе наши сосѣди, нѣмцы, пруссаки, у себя справляются со своими внутренними дѣлами.

— Le prussien! C'est l'ennemi! — не могла утерпѣть Елена Павловна, хотя изъ кожи лѣзла, чтобы говорить князю только пріятное.

— Кто это сказалъ? Я этого никогда не говорилъ... У нихъ намъ надо брать умѣнье вести внутренній распорядокъ. Нужды нѣтъ, что тамъ конституція... Не этимъ они сдѣлались первоклассною державой и задаютъ тонъ всѣмъ... Авторитетъ власти, служилаго сословія, чувство іерархіи—вотъ на чемъ у нихъ все зиждется.

Маленькое тѣло князя выпрямилось, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ сначала на мать, потомъ на дочь.

— Вашего мужа,—обратился онъ въ сторону Антонины Сергѣевны, — не поздравляю... Весьма ему признателенъ за его вниманіе ко мнѣ, но искренно поздравлять его не стану.

„Даже и такой человѣкъ видитъ его насквозь",—подумала она и отвела голову. Какъ ни мало она сочувствовала торійскимъ или юнкерскимъ взглядамъ князя, но все-таки въ немъ она распознавала послѣдовательность и отсутствіе замаскированнаго хищнаго честолюбія.

— Почему же?—спросила съ грустью Елена Павловна.— Alexandre на прекрасной дорогѣ.

— Да! Коли ему хочется подачки! — выговорилъ князь съ презрительнымъ движеніемъ нижней губы.—Чтобы обѣлить себя окончательно...

Щеки Антонины Сергѣевны начали краснѣть. Ей дѣлалось все тяжелѣе отъ участія въ этомъ разговорѣ. Но не могла она защищать своего мужа. Пускай бы онъ самъ взялъ на себя эту роль, но онъ, какъ нарочно, не являлся.

— Mais il est très bien vu! — восклицала Елена Павловна.

— Что эта фраза значитъ?—перебилъ ее князь и опять засмѣялся своимъ нехорошимъ смѣхомъ. — Развѣ вашъ beau-fils въ состояніи будетъ принести хоть крупицу прак-

тической пользы своему отечеству, если онъ и пожелаетъ плясать по той же дудкѣ?.. Или лучше: сегодня повторять одно, а завтра другое?

Елена Павловна стала жалостно улыбаться. Она никакъ не могла направить разговоръ въ родственно-интимномъ духѣ, боялась, какъ бы дочь ея не сказала чего-нибудь лишняго, и начала тревожно взглядывать на дверь, не покажется ли тамъ Александръ Ильичъ.

Но и мужчины могли вступить въ непріятный споръ. Князь ядовитъ. Зять ея горячъ и щекотливъ. Глаза ея перебѣгали отъ двери къ креслу, гдѣ сидѣла ея дочь, и говорили ей:

„Ахъ, Нина, ты меня совсѣмъ не поддерживаешь! Нѣтъ у тебя никакого умѣнья привлекать къ себѣ мужчинъ!“

Князь вынулъ часы, поморщился, взялъ шляпу и сказалъ въ сторону Антонины Сергѣевны:

— Не знаю, увижу ли вашего мужа. Я ѣду завтра... Онъ найдетъ меня утромъ дома... Вамъ нездоровится... Не хочу васъ утомлять, — прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ.—А! вотъ и Александръ Ильичъ!

Въ дверяхъ стоялъ Гаяринъ.

XIX.

— Ah! Alexandre... Soyez le bienvenu!

Елена Павловна обняла зятя нѣжнѣе, чѣмъ дочь.

Князь поздоровался съ нимъ, какъ съ добрымъ знакомымъ—не больше.

— Поздравляю! Поздравляю! Господинъ маршалъ! Благодарю за ваше неоставленіе... Добрые мужички такъ вѣдь говорятъ?

Косая усмѣшка повела некрасивый ротъ князя вмѣстѣ съ словами: „добрые мужички“.

Не могла Антонина Сергѣевна не взглянуть на мужа, когда тотъ подавалъ руку князю. Онъ улыбался своею теперешнею условной улыбкой, но маленькая черта, складка надъ бровью, хорошо ей знакомая, показывала, что Александру Ильичу не совсѣмъ пріятенъ тонъ поздравленія.

— Такъ, такъ, — согласился Гаяринъ и подошелъ къ рукѣ Елены Павловны, чего онъ, сколько помнилось женѣ его, не дѣлалъ прежде.

— Cher Alexandre, садитесь сюда!.. Хотѣла ѣхать васъ встрѣтить, но ужасная невралгія—всю ночь мучилась...

Vous arrivez bien à propos. Вотъ я сейчасъ убѣждала князя, безъ всякаго успѣха... Совсѣмъ насъ покидаетъ... Богъ знаетъ, когда мы его увидимъ... Чудесныя свои имѣнія продалъ... On dirait qu'il en horreur notre patrie!..

— Да что вы ко мнѣ пристали? — фамильярной нотой перебилъ князь Елену Павловну.—Лучше вотъ о вашемъ зятькѣ потолкуемъ, заставимъ его изложить намъ свое profession de foi.

Взглядъ, брошенный опять на мужа, доложилъ женѣ его, что Александру Ильичу не хотѣлось бы садиться „sur la selette“ и выслушивать полусаркастическіе выговоры князя.

Онъ кивнулъ ей и тихо сказалъ, садясь между нею и Еленой Павловной:

— Serge me plait beaucoup!

Антонина Сергѣевна не могла раздѣлить его чувство: она не успѣла хорошенько разглядѣть сына, но эта похвала почему-то не порадовала ее:

— Такъ, значитъ, въ сословное представительство впрягли себя? — спросилъ съ короткимъ смѣхомъ князь и рѣзко повернулся въ сторону Гаярина.

— Какъ видите, — особенно сдержанно отвѣтилъ Александръ Ильичъ.

— И вы въ это вѣрите?

— Во что, князь?

— Да вотъ въ поднятіе сословія... Вѣдь это такъ называется теперь высокимъ слогомъ? Мнѣ васъ, mon cher, искренно жаль...

— Cher prince!—стремительно воскликнула Елена Павловна.—Какъ же можно такъ говорить?

— Присмотритесь,—продолжалъ князь въ сторону Гаярина, — къ тому, какіе нравы развелись у насъ, послушайте умныхъ заѣзжихъ иностранцевъ... Въ прошломъ году я, на водахъ, въ Висбаденѣ, участвовалъ въ одномъ разговорѣ. Разные были нѣмцы... Майоръ, знаете, неизбѣжный major de table d'hôte, англичане, нѣмки-старушенціи, alte Schachtel. И, между прочимъ, одинъ англизированный нѣмецъ... изъ крупныхъ аферистовъ... Человѣкъ ѣзжалый... Живетъ въ Лондонѣ, составилъ себѣ состояніе въ Америкѣ, ѣздилъ два раза въ Центральную Азію... И къ нашему отечеству достаточно присмотрѣлся... Вотъ онъ и говоритъ мнѣ: „послѣ Америки ваша страна самая демократическая“...

— Такъ что же изъ этого? — почти строго возразилъ Гаяринъ.

— Нѣмецъ долженъ былъ бы прибавить: никакой у васъ нѣтъ ни общественной дисциплины, ни того, что̀ во всемъ мірѣ называется охранительными началами. И сословность-то мнимая, кажущаяся. Для близиру, какъ мужички говорятъ! Одна нивеллировка!.. Всѣхъ подвести подъ одну линію... всѣхъ превратить въ разночинцевъ безъ роду-племени, безъ традицій! Вѣдь это кукольная комедія, mon cher, для людей съ принципами и въ здравомъ разсудкѣ, въ земствѣ ли толкаться, или по сословнымъ выборамъ служить! Какъ же это возможно, когда каждый изъ васъ превосходно знаетъ, что самый фундаментъ, — собственность, — давнымъ-давно подкопанъ, что владѣть землей, лѣсомъ, чѣмъ хотите, — это играть роль какого-то комическаго узурпатора?

— Позвольте, князь, — остановилъ Гаяринъ характернымъ жестомъ правой руки,—ваше отношеніе къ крестьянамъ чисто субъективное.

— Я его вотъ этимъ мѣстомъ испробовалъ!

Князь рѣзнулъ себя по затылку ребромъ ладони.

— Не вы одни!.. Вы сами еще не такъ давно изволили и говорить, и даже писать, что вся бѣда — въ отсутствіи обязательной службы, требовали, чтобы владѣтельный классъ людей образованныхъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, въ родѣ того, какъ это было въ сословіи служилыхъ людей Московскаго государства.

— И никто меня, небось, не послушалъ! А потомъ на смѣхъ подымали, и когда я записки на выборахъ читалъ, и когда я брошюры печаталъ... Никакихъ сословныхъ рамокъ я не предлагалъ... Аристократическаго духа у насъ никогда не было и не будетъ!.. Просто кусокъ земли, собственность полагалъ я въ основу всего, а она-то и находится въ осадномъ положеніи. И съ каждымъ днемъ все хуже и хуже!

Короткая фигура князя завозилась въ креслѣ.

— Въ осадномъ положеніи!—повторилъ Гаяринъ.—Это остроумно, но парадоксально!.. Вѣдь и я, князь, безвыѣздно прожилъ около пятнадцати лѣтъ въ деревнѣ... И съ мужиками не одинъ куль соли съѣлъ, а до такихъ отчаянныхъ итоговъ, какъ вы, не дошелъ... Мы ладимъ и до сихъ поръ и съ бывшими собственными крѣпостными, и съ другими сосѣдскими крестьянами.

Говоря это, Гаяринъ сдѣлалъ движеніе головой въ сторону Антонины Сергѣевны.

— Ну, ужъ, пожалуйста!—закричалъ задорнѣе князь.— Вы всегда ублажали мужичка... и супруга ваша также!.. Не знаю, какъ теперь... но лучше ужъ не упоминать о томъ, что было пятнадцать лѣтъ!.. Кажется, вы, любезный другъ, съ тѣхъ поръ значительно... какъ бы это сказать... побѣлѣли?..

Александръ Ильичъ закусилъ губы, — это движеніе не укрылось отъ его жены,—выпрямился и прошелся рукой по волосамъ.

— Это ужъ... argumentum ad hominem, — сказалъ онъ перехваченнымъ голосомъ.—Моихъ взглядовъ на крестьянство я,—прошу васъ вѣрить, князь,—въ существенномъ не измѣнилъ... Его нельзя предоставлять самому себѣ... Но такъ какъ вы сами изволили сейчасъ сказать, что сословнаго духа у насъ на Руси нѣтъ и развиваться ему нельзя, то служба по представительству есть какъ разъ та гражданская повинность передъ страной, о которой проповѣдывали вы, князь,—повинность имущаго и болѣе просвѣщеннаго класса!

И съ послѣднимъ словомъ Гаяринъ всталъ во весь свой большой ростъ и сдѣлалъ жестъ правой рукой.

— N'enfourchons pas le dada!—взвизгнулъ князь.—Мнѣ все это теперь трынъ-трава!.. Довольно преній. Вотъ и я здѣсь непомѣрно запоздалъ.

— Ахъ, господа!—тревожно заговорила Елена Павловна. — Зачѣмъ эти споры?.. Вы оба—одного лагеря—и не можете столковаться. Вотъ у насъ всегда такъ, всегда такъ!.. Но я нахожу, что Alexandre, по-своему, правъ... N'est-ce pas, Nina?

Вопросъ матери вызвалъ въ Антонинѣ Сергѣевнѣ почти испуганное выраженіе лица.

Промолчать она не могла или отдѣлаться банальною фразой. Но ей хотѣлось вѣрить, что мужъ ея не напускалъ на себя фальшиваго тона. Съ тѣмъ, что онъ возражалъ князю, она готова была согласиться.

Въ ней, когда она слушала его, поднялся рядъ вопросовъ: „полно, понимаетъ ли она его? Почему онъ не можетъ честно служить общему дѣлу въ званіи сословнаго представителя, если онъ не измѣнился въ главномъ — въ своемъ отношеніи къ народу?“

А она не имѣетъ права считать его такимъ же нена-

вистникомъ крестьянъ, какъ этотъ князь. Конечно, онъ не тотъ, какимъ былъ пятнадцать лѣтъ назадъ, но нельзя его назвать ни хищникомъ, ни эксплуататоромъ...

Въ общемъ, этотъ неожиданный обмѣнъ русскихъ дворянскихъ взглядовъ настроилъ ее иначе.

Она, все-таки, ничего не отвѣтила на вопросъ своей матери. И это прошло незамѣченнымъ. Князь шумно всталъ, торопливо простился и въ дверяхъ погрозилъ Гаярину пальцемъ.

— Vous faites-le malin, mon cher!.. Но я-то травленый волкъ!

Эти двѣ фразы долго звучали въ головѣ Антонины Сергѣевны, и она опять заслышала въ нихъ откликъ того, что̀ сама чувствовала съ того времени, какъ перестала увлекаться личностью Александра Ильича.

XX.

Передъ Антониной Сергѣевной, на низкомъ креслицѣ, дочь ея Лили, отпущенная изъ института, только оправившаяся отъ простуды, блѣдненькая, узкая въ плечахъ, стройная и не по лѣтамъ большая. Въ ней было маленькое сходство съ матерью, въ глазахъ и усмѣшкѣ, волосы ея не темнѣли, а пріобрѣтали золотисто-красноватый оттѣнокъ; въ тонкой и прозрачной кожѣ, около глазъ, пріютились чуть замѣтныя веснушки.

Туалетъ, городской, сидѣлъ на Лили съ англійскимъ „cachet“. Изъ-подъ полудлинной юбки виднѣлись нѣсколько большія ноги въ лаковыхъ башмакахъ съ темными шелковыми чулками. Въ ея фигурѣ и манерѣ одѣваться было уже нѣчто опредѣленное, немного чопорное, вплоть до привычки нѣтъ-нѣтъ проводить кончикомъ языка по губамъ, при чемъ зубы, крупные и отлично вычищенные, сверкали тонкою полоской.

Мать она любила; но Антонина Сергѣевна, при встрѣчѣ съ нею, послѣ полугодовой разлуки, ожидала не того. Лили не ласкалась къ ней попрежнему, по-дѣтски. И разговоръ ея измѣнился: она стала говорить черезчуръ отчетливо, медленнѣе, съ какими-то новыми, очевидно, дѣланными интонаціями.

Вотъ и теперь она, разсказывая про жизнь института, употребляла эти, чуждые для ея матери, звуки.

— Мы ихъ совсѣмъ не знаемъ!—сказала она съ ужимкой, и это не понравилось Антонинѣ Сергѣевнѣ.

Рѣчь шла о другомъ отдѣленіи института; его до сихъ поръ зовутъ „мѣщанскимъ“.

— Какъ ты это выговорила, Лили! — замѣтила Антонина Сергѣевна.

— А что, maman?

— Да точно онѣ не такія же твои подруги.

— Разумѣется, не такія...

— Но, вѣдь, и тамъ... дочери людей... совершенно достойныхъ.

— Принимаютъ и купеческихъ дочерей.

— Можетъ-быть; но заведеніе — одно и всѣхъ васъ равняетъ.

Лили глядѣла на мать своими узковатыми, близорукими глазами, и этотъ взглядъ вызывалъ въ Антонинѣ Сергѣевнѣ неловкость.

— Ахъ, maman,—сдержанно и повернувъ голову вбокъ, возразила Лили, — разница большая... Тамъ всѣ... и дочери классныхъ дамъ... и нѣмки всякія... и даже изъ гостинаго двора... Enfin... c'est très mêlé.

Это слово „mêlé“ было выговорено совсѣмъ уже чужою интонаціей. Лили отъ кого-нибудь усвоила ее себѣ, отъ классной дамы или отъ воспитанницъ старшаго класса.

И почему-то Антонина Сергѣевна не находила въ себѣ такихъ нотъ, которыя бы дали сразу отпоръ тщеславію, въѣдающемуся въ молодую душу ея дочери. Именно авторитетныхъ нотъ не хватило ей... А обыкновенный искренній тонъ скользилъ по Лили. Быть-можетъ, она и прежде заблуждалась насчетъ этой дѣвочки. Она рѣдко бывала ею недовольна; но уже лѣтъ съ семи Лили была слишкомъ безукоризненна и не по возрасту разсудительна.

— Во всякомъ случаѣ,—сказала Антонина Сергѣевна,— не слѣдуетъ развивать въ себѣ такія...—она хотѣла сказать: „сословныя“,—чувства.

Но Лили поглядѣла на нее недоумѣвающими глазами и повернула вбокъ голову опять отъ кого-то заимствованнымъ жестомъ.

Ей очень хотѣлось съ отцомъ и съ братомъ на бѣгъ, на Семеновскій плацъ. Удержала ее мать, побоялась новой простуды, да и желала побыть съ нею наединѣ.

Ихъ бесѣда не пошла дальше, была прервана пріѣздомъ сестры Антонины Сергѣевны, Лидіи Сергѣевны Нитятко, жены тайнаго совѣтника, завѣдующаго „отдѣльною частью“, дѣлового чиновника, на прямой дорогѣ къ самому высо-

кому положенію, о какомъ только можно мечтать на гражданской службѣ. Она вышла за него молодою вдовой, бездѣтною. Первый ея мужъ былъ блестящій военный, унесенный какою-то острою, воспалительной болѣзнью.

Лидія Сергѣевна была вылитая мать, двадцать пять лѣтъ назадъ, рослая, съ чудеснымъ бюстомъ, но еще красивѣе. Овалъ лица, вырѣзъ глазъ, значительный носъ, полный подбородокъ и посадка головы на мягко спускающихся плечахъ носили гораздо болѣе барскій отпечатокъ, чѣмъ у старшей сестры. Она двигалась медленно, плавно, говорила лѣнивымъ контральтовымъ голосомъ, смотрѣла спокойно и нервности отъ своей матери не унаслѣдовала: но унаслѣдовала зато, кромѣ внѣшности, такую же постоянную заботу о туалетахъ и выѣздахъ.

И сегодня она обновила туалетъ, изъ-за котораго разъ десять заѣзжала къ Абакидзе обсуждать подробности отдѣлки. Тутъ были шитье, тесьма, мѣховая опушка, въ переливающихся цвѣтахъ, отъ свѣтло-дымчатаго до цвѣта резеды. Шляпка, вся укутанная перьями и лентами, сидѣла на ея живописной круглой головѣ съ тѣмъ „fini", какой не дается иначе, какъ цѣною долгихъ соображеній.

Съ сестрой Антонина Сергѣевна никогда не имѣла общей жизни. Дѣтство провели онѣ врозь — Лидію отдали въ тотъ институтъ, гдѣ теперь Лили, замужъ она выходила, когда Гаяринъ засѣлъ въ деревнѣ; ея перваго мужа сестра даже никогда не видала. И второй ея бракъ состоялся вдали отъ нихъ. Она почти не разставалась съ Петербургомъ, ѣздила только за границу, на воды, и въ Біаррицъ, да въ Парижъ, исключительно для туалетовъ.

Отъ Александра Ильича случалось Антонинѣ Сергѣевнѣ слыхать, что Лидія „проста". Но сама она не произносила такого приговора, въ письмахъ Лидіи не видала ничего — ни умнаго, ни глупаго, считала ее „жертвой суеты", но очень строго не могла къ ней относиться. Да и вообще она не признавала за собою способности сразу опредѣлять—кто уменъ, кто глупъ. Репутація умниковъ и умницъ доставалась часто тѣмъ, въ комъ она не видала никакихъ „идей", а безъ идей она ума не понимала.

Лидія вошла въ угловую комнату, гдѣ сидѣли мать съ дочерью, своею величавою и лѣнивою поступью и на ходу пустила низкою нотой:

— Bonjour, Nina!.. Tu vas bien?

Это было ея непремѣнное привѣтствіе. Такъ же привѣтствовала она и племянницу, къ которой благоволила и часто навѣщала ее.

— Bonjour, petite!.. Tu vas bien?

Лили быстро встала, подошла къ теткѣ, когда та поцѣловалась съ сестрой, протянула ей руку и слегка присѣла.

— Merci, chère tante!

Такъ онѣ подходили одна къ другой, что Антонина Сергѣевна невольно усмѣхнулась про себя и подумала:

„Съ такой maman моей Лили было бы куда веселѣе“.

— Ты не выѣзжала, сестра? — спросила Лидія, опускаясь на диванъ. — Хорошо дѣлаешь! Воздухъ рѣзкій... Но я собралась на бѣгъ. Твой мужъ тамъ? Я не знала... Но одной какая же охота, а Нитятко не можетъ... У него сегодня экстренный докладъ.

Мужа она называла „Нитятко“, какъ водится между нѣкоторыми петербургскими дамами. Съ нимъ ей было вообще скучно... Онъ съ утра до вечера работалъ и кое-когда провожалъ ее на вечеръ, еще рѣже въ театръ. Въ жену свою онъ былъ упорно влюбленъ, къ чему она оставалась равнодушна, хотя и пошла за него замужъ подъ давленіемъ этой страсти сухого, но добраго петербуржца, засидѣвшагося въ холостякахъ. Его положеніе, репутація „отлично-умнаго“, честнѣйшаго человѣка, по-своему, щекотали ея тщеславіе.

— Сегодня ты у Мухояровыхъ?

— Да,—кротко отвѣтила Антонина Сергѣевна.

— На цѣлый день?

— Кажется.

— Меня тоже звали... Это не очень весело, — протянула Лидія и старательно оправила на груди какіе-то городки и одну изъ складокъ корсажа, шедшихъ вбокъ, что еще выгоднѣе оттѣняло контуры ея эффектной груди со строгими линіями.

— Я еще не знакома съ ея обществомъ.

— Ахъ, душа моя!—Лидія охотно переходила къ русскому языку, — все какіе-то уроды... Она теперь вдалась въ эту... какъ она называется?.. въ теозофію. Гости князя, мужчины, des gros bonnets... довольно скучные. И у ней свои какіе-то habitués... Разумѣется, лучше, чѣмъ дома сидѣть.

— Ты развѣ много сидишь?

— Господи, ужасно! Un mari comme le mien, — и она взглянула на Лили; но это ее не заставило перемѣнить разговора.— Tout dans ses paperasses.

— Онъ тебя очень любитъ?—потише выговорила Антонина Сергѣевна.

— Я не жалуюсь... только... — Лидія улыбнулась простовато глазами и своимъ большимъ ртомъ, — il a mal choisi.

Лили это слышала и поняла, но сидѣла въ сторонкѣ, въ безукоризненной позѣ дѣвочки-подростка, которую не высылаютъ, зная, что она умненькая и лишняго не должна понимать.

Такъ начинала свое петербургское утро Антонина Сергѣевна.

XXI.

У ея кузины, къ часу обѣда, собирались гости.

Въ гостиной, пышно отдѣланной и холодноватой, гдѣ свѣтъ двухъ лампъ разгонялъ мглу только по самой срединѣ комнаты, княгиня Мухоярова куталась въ короткую бархатную мантильку, опушенную соболемъ, и томно вела разговоръ съ двумя мужчинами.

Она ихъ представила Антонинѣ Сергѣевнѣ, какъ только та вошла въ гостиную. Лили явилась позднѣе, съ теткой; Лидія заѣхала за ней еще разъ и повезла ее кататься по Дворцовой набережной.

— Monsieur Тебетѣевъ — поэтъ и философъ, — указала кузина сперва на мужчину, сидѣвшаго по лѣвую руку отъ нея.

Блѣднолицый, бритый, гладко причесанный, въ темныхъ усахъ, вытянутыхъ тонкими прядями, неопредѣленныхъ лѣтъ, онъ показался ей похожимъ на иностранца. И онъ, и другой гость были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

— Порфирій Степановичъ Столицынъ,—назвала кузина мужчину, сидѣвшаго справа, который тоже смахивалъ на иностранца, среднихъ лѣтъ, какъ и первый, небольшого роста, пухлый, бѣлокурый, довольно красивый, причесанный по-модному, съ моноклемъ и подстриженною бородкой.

— Ты знаешь этихъ господъ по ихъ сочиненіямъ, — въ полтона прибавила кузина.

Но Антонина Сергѣевна не читала ни того, ни дру-

гого, не могла даже сказать, кто этотъ Столицынъ, какъ писатель, въ какомъ родѣ онъ пишетъ.

— Моя кузина,—отрекомендовала гостямъ хозяйка, и, повернувъ опять голову къ Антонинѣ Сергѣевнѣ, продолжала:—Вотъ monsieur Тебетѣевъ сейчасъ передавалъ содержаніе письма, полученнаго имъ отъ виконта Бассъ-Рива... Ты, конечно, наслышана о немъ.

— Бассъ-Ривъ?—переспросила Антонина Сергѣевна съ большимъ недоумѣніемъ въ голосѣ.

— Какъ? Вы не знаете имени великаго Бассъ-Рива?—съ ироническою улыбкой спросилъ Столицынъ, освободилъ свой глазъ и прищурилъ его на Антонину Сергѣевну.—Вѣдь княгиня считаетъ его настоящимъ пророкомъ.

Его манера говорить отзывалась чѣмъ-то дѣланнымъ, вплоть до неестественной картавости. Въ этой гостиной онъ игралъ роль скептическаго умника и подсмѣивался надъ „теозофическими“ идеями княгини. Онъ считалъ себя настоящею европейскою извѣстностью съ тѣхъ поръ, какъ въ „Figaro“ его назвали „l'éminent historien russe“. По службѣ ему не повезло, и онъ уже болѣе пяти лѣтъ печаталъ этюды, за границей и въ Россіи, на политическія темы, осуждалъ всего сильнѣе антинаціональное направленіе дипломатіи и находился какъ бы въ личныхъ счетахъ съ княземъ Бисмаркомъ и маркизомъ Салисбюри.

Его этюдовъ Антонина Сергѣевна не читала, но сразу на нее повѣяло и отъ этого „éminent historien“, и отъ поэта съ наружностью итальянскаго баритона чѣмъ-то для нея подозрительнымъ, чуждымъ. Пятнадцать лѣтъ назадъ въ гостиной кузины она, конечно, не встрѣтила бы этихъ господъ.

— Пожалуйста, m-r Столицынъ, я вамъ не позволю такъ говорить про Бассъ-Рива.

Возгласъ княгини прозвучалъ такъ же манерно, какъ и тирада ея гостя. Поэтъ молчалъ и сладимо улыбался. Въ немъ для Антонины Сергѣевны было что-то еще менѣе привлекательное, чѣмъ въ Столицынѣ.

И у ней пропала сразу всякая охота принять участіе въ разговорѣ. Точно сквозь дымку, видѣла она ихъ лица и слышала фразы.

Тебетѣевъ раскрылъ ротъ и что-то тихо сказалъ насчетъ парижскихъ кружковъ, гдѣ занимаются „изотерическими“ вопросами.

„Изотерическими“,—повторила про себя Антонина Сергѣевна, и слово навело на нее родъ гипноза. Ей захотѣлось зѣвать, и она всѣ усилія своей воли направила на то только, чтобы истерически не раскрывать рта.

Кузина заволновалась, разсказывая про какого-то индійскаго владѣтельнаго князя, признавшаго опять въ томъ же виконтѣ Бассъ-Ривѣ предтечу и главу всесвѣтнаго ученія, которымъ долженъ обновиться весь вѣрующій міръ и гдѣ преобразованному ученію Будды предстоитъ объединить всѣ вѣрованія и толки.

Тебетѣевъ раскрылъ ротъ и съ косою усмѣшкой напомнилъ, что въ одной своей брошюрѣ виконтъ Бассъ-Ривъ выдѣлялъ нѣмцевъ изъ семьи народовъ, способныхъ на высшую культуру. Они—тѣ же гунны, и послѣ ихъ временного торжества, когда всѣ просвѣтленные народы индоевропейскаго происхожденія сплотятся между собою, они будутъ изгнаны, приперты къ морю, куда и ринутся, какъ стадо свиней евангельской притчи.

Это ученіе виконта о нѣмцахъ смягчило Столицына. Онъ одобрительно засмѣялся и началъ длинную рѣчь о томъ, какъ постыдно идти на буксирѣ „шёнгаузенскаго помѣщика“, и вошелъ въ рядъ доводовъ изъ дипломатической исторіи, показавъ въ концѣ своей рѣчи, что вывести Россію съ этого пагубнаго антинаціональнаго пути можетъ только онъ, Столицынъ.

Гипнозъ Антонины Сергѣевны продолжался вплоть до пріѣзда Лидіи съ Лили и офицеромъ большого роста, съ бѣлою фуражкой въ рукахъ. Она его, кажется, и прежде видала у кузины; можетъ-быть, онъ приходился княгинѣ дальнимъ родственникомъ.

Офицеръ вошелъ въ гостиную развалистою походкой кавалериста. Ему на видъ было уже сильно за тридцать. Длинные усы падали на щеки, коротко остриженная голова уже начинала сѣдѣть. Сюртукъ сидѣлъ умышленно-мѣшковато, какъ и рейтузы.

Лидія съ офицеромъ сѣли около Антонины Сергѣевны. Лили отошла въ сторонку, сдѣлавъ продолжительно-церемонный поклонъ съ присѣданьемъ. Ея тетка продолжала разговоръ съ офицеромъ. Онъ держался, какъ въ домѣ родственниковъ: не спросилъ позволенія у хозяйки закурить толстую папиросу въ пѣнковой трубкѣ и заговорилъ сиплымъ баскомъ.

Антонина Сергѣевна стала прислушиваться къ тому, что̀ онъ разсказываетъ.

— Курьезный это народъ,—говорилъ офицеръ и смѣшливо поводилъ усами.—Особую выучку проходятъ съ малолѣтства... Ѣдутъ въ маленькихъ санкахъ и поросенка съ собой везутъ... И вдругъ гдѣ-нибудь, гдѣ овражекъ или колдобина, свернется на бокъ и выпадетъ изъ санокъ, какъ мѣшокъ съ мукой, и совсѣмъ совмѣстится съ плоскостью... И полушубки у нихъ бѣлые, точно мѣломъ вымазаны, отъ снѣга-то и не отличишь...

Лидія какъ будто слушала офицера, но глаза ея лѣниво переходили отъ одного предмета къ другому. Она довольна была хоть тѣмъ, что сидитъ около нея нестарый военный съ бѣлою фуражкой, и она не обязана поддерживать тошнаго разговора кузины и тѣхъ двоихъ мужчинъ.

Черезъ пять минутъ она спросила что-то о Михайловскомъ театрѣ.

— Я года два не былъ тамъ,—сказалъ военный и затянулся изъ своей пѣнковой трубки.

— Быть не можетъ!

— Тоска!.. Это, вѣдь, въ родѣ наряда по службѣ... дежурство какое-то... Такъ оно хорошо въ оберъ-офицерскихъ чинахъ.

Антонина Сергѣевна сообразила, что онъ въ полковничьемъ чинѣ: на погонахъ у него были двѣ красныхъ полоски и вензель.

— И на вечерахъ васъ нигдѣ не видно, — замѣтила Лидія.

— Слуга покорный! У насъ въ полку тридцать пять человѣкъ сверхкомплектныхъ. Такъ пускай они эту службу несутъ... Есть между ними настоящіе мученики... Хоть бы корнетъ Прыжовъ... Тотъ третьяго дня говоритъ мнѣ: „Повѣрите ли, полковникъ, въ субботу долженъ былъ на трехъ вечерахъ быть и на двухъ котильонъ водилъ“... Совсѣмъ подвело бѣднягу.

Разговоръ полковника немного освѣжилъ Антонину Сергѣевну. Онъ говорилъ не спѣша, съ паузами, тонъ у него былъ простоватый и безъ претензіи. По крайней мѣрѣ, онъ не боялся выражать своихъ вкусовъ. И то, что онъ не безъ юмора разсказалъ сейчасъ про корнета Прыжова, жертву танцовальной эпидеміи, давало вѣрную ноту зимняго Петербурга.

Она подумала, что салонъ кузины съ ея толками объ ученіи виконта Бассъ-Рива еще слишкомъ серьезенъ для того, чѣмъ живетъ столица, сбросившая съ себя давнымъ-давно всякую игру въ „вопросы“.

Обидно ей стало за себя: она сидитъ тутъ, пришибленное, выбитое изъ колеи, жалкое существо... И надо будетъ высидѣть еще цѣлый обѣдъ и вечеръ.

Пришелъ и хозяинъ дома, мужъ кузины, коренастый брюнетъ, толстый, рѣзкій въ движеніяхъ, совсѣмъ не похожій на свой титулъ, смахивающій скорѣе на купца средней руки. Онъ предложилъ закусить. Въ кабинетѣ у него сидѣло еще трое мужчинъ. Ждали Гаярина и дядю княгини, графа Заварова, недавно поступившаго на покой, — одну изъ самыхъ крупныхъ личностей прошлаго десятилѣтія.

Но обѣдать сѣли не раньше половины седьмого.

XXII.

Въ кабинетѣ хозяина, почти такомъ же обширномъ, какъ и гостиная, мужчины курили послѣ обѣда, пили кофе и ликеры.

Александръ Ильичъ Гаяринъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ графомъ Заваровымъ. У стола, гдѣ былъ сервированъ кофе, примостился Ахлёстинъ, попавшій къ Мухояровымъ наканунѣ возвращенія на южную зимовку.

Сидѣли тутъ Столицынъ, полковникъ съ пѣнковою трубочкой и еще трое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ—худой брюнетъ, бородатый, лысый, съ остатками запущенныхъ волосъ—смотрѣлъ музыкантомъ, но былъ извѣстный Вершининъ—юристъ, дѣлающій блестящую судебную карьеру, когда-то вожакъ университетскихъ сходокъ, „пострадавшій“ и во̀-время измѣнившій до корня своему студенческому credo. Гаяринъ встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ, лицеистомъ, считалъ „подвижникомъ“ и „трибуномъ“. Съ тѣхъ поръ они никогда и нигдѣ не видались вплоть до этого обѣда. Начали они новое знакомство взаимнымъ зондированіемъ во время обѣда и другъ друга не то ловили, не то подсиживали, но говорили въ согласномъ тонѣ, обѣгая всего, что могло имъ напомнить ихъ прошлое. Въ лицѣ Вершинина Александръ Ильичъ видѣлъ вѣскій примѣръ того, какъ дорожатъ способными людьми, когда они возьмутся за умъ и желаютъ наверстать все то, что̀ теряли изъ-за „глупыхъ“ увлеченій... По воспитанію, роду

и связямъ онъ сортомъ покрупнѣе Вершинина, на котораго смотрятъ все-таки какъ на разночинца, продавшагося за дорогую плату.

Гаярина гораздо больше интересовалъ графъ Заваровъ. Когда-то онъ его ненавидѣлъ, считалъ однимъ изъ главныхъ гасильниковъ, не признавалъ въ немъ ничего, кромѣ непомѣрнаго властолюбія и мастерства запутывать нити самыхъ безпощадныхъ интригъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ нѣкогда могущественный „случайный" человѣкъ очутился въ сторонѣ отъ главной машины внутренняго управленія и самъ Александръ Ильичъ началъ свою „эволюцію", личность графа представилась ему въ другомъ свѣтѣ.

Но онъ не имѣлъ случая присмотрѣться къ нему, послушать его, опредѣлить, съ какими взглядами простился тотъ съ прежней ролью и пріѣхалъ доживать въ складочномъ мѣстѣ сановниковъ, сданныхъ на покой.

Графъ еще не глядѣлъ старикомъ, только гнулся и сильно похудѣлъ въ послѣдніе два-три года. Военный сюртукъ носилъ еще онъ молодцовато, усы и подстриженные волосы блондина, посѣдѣвшаго поздно, смягчали красивый овалъ лица. Голубые-изсѣра глаза, уже потерявшіе блескъ, всматривались съ постоянною добродушно-тонкою усмѣшкой. Бороды онъ не носилъ и всѣмъ своимъ обликомъ и манерой держать себя напоминалъ объ истекшей четверти вѣка. Говорилъ онъ тихо, немного картаво, съ чрезвычайно пріятнымъ барскимъ произношеніемъ.

За обѣдомъ онъ сидѣлъ между хозяйкой и Антониной Сергѣевной, въ общемъ разговорѣ почти не участвовалъ, ѣлъ мало, но довольно много пилъ. Передъ нимъ стояла бутылка его любимаго бургонскаго, которую онъ и опорожнилъ, и къ концу обѣда сталъ краснѣть розовымъ румянцемъ. Князя онъ звалъ просто „mon cher" и говорилъ ему „ты". И въ прежнее время онъ бывалъ запросто у Мухояровыхъ, оказывалъ поддержку князю, пустившемуся въ разныя подрядческія предпріятія, и ничѣмъ отъ этого не пользовался. Въ этомъ домѣ онъ позволялъ себѣ, за обѣдомъ, выпить лишній стаканъ вина — привычка, про которую много злословили, раздувая ее до степени порока.

Присутствіе графа не отражалось на тонѣ гостей. Онъ не въ первый разъ чувствовалъ, по возвращеніи въ Петербургъ, какъ мало у насъ почета тѣмъ, кто уже не стоитъ болѣе на прежней высотѣ. Съ этимъ онъ мирился

и своимъ мягкимъ обращеніемъ и прежде ободрялъ каждаго, кто являлся къ нему съ тайнымъ трепетомъ. Эту черту его натуры объясняли всегда лицемѣріемъ и привычкой носить маску.

— Не прикажете ли, графъ, холодненькаго?—спросилъ хозяинъ, усвоившій себѣ и въ разговорѣ купеческія интонаціи и слова.

— Нѣтъ, мой милый,—отвѣтилъ графъ.—Но твой Помаръ очень хорошъ. Прикажи подать бутылку.

— Сію минуту,—крикнулъ князь и суетливо позвонилъ.

— А мнѣ водицы зельтерской,—попросилъ Ахлёстинъ.

Онъ прощался съ Петербургомъ до будущей осени и ему хотѣлось, чтобы вышелъ общій интересный разговоръ и онъ увезъ бы съ собою „доминанту“: такъ онъ выражался, музыкальнымъ терминомъ.

И тотчасъ же онъ обратился съ вопросомъ къ Вершинину о судьбѣ новаго проекта, о которомъ весь Петербургъ началъ говорить. Это подняло температуру, и черезъ пять минутъ происходилъ уже перекрестный обмѣнъ слуховъ, восклицаній и сентенцій.

Хозяинъ былъ вообще равнодушенъ къ внутреннимъ вопросамъ, но онъ первый закричалъ:

— Давно пора дать ходъ нашему брату! Давно пора!

И, обратившись къ Гаярину,—они были на *ты*,—спросилъ:

— Небось, и ты почувствовалъ теперь, что необходимо поднять духъ сословія, а?..

— Хорошо, если не ограничатся полумѣрой, — сказалъ сдержанно Гаяринъ и вбокъ посмотрѣлъ на графа Заварова.

— Безъ обязательной службы въ уѣздѣ ничего путнаго, господа, не будетъ,—пустилъ Ахлёстинъ тономъ человѣка, которому извѣстно впередъ, что̀ будутъ говорить его собесѣдники.

— Вотъ еще чего захотѣли! — перебилъ хозяинъ. — И безъ того ѣсть нечего, а тутъ еще обязательная служба, значитъ, и безвозмездная!

— Разумѣется. Иначе, это только переодѣтые чиновники будутъ!.. Статисты администраціи!

Завязался споръ. Въ него втянулись всѣ, кромѣ графа. Онъ сидѣлъ и попивалъ винцо, тихо улыбался и взглядывалъ чуть замѣтно утомленными, добрыми глазами то на того, то на другого изъ споривших.

Между Гаяринымъ и Вершининымъ шло состязаніе совершенно особаго рода: они старались выставлять одни и тѣ же доводы въ пользу новой мѣры, но дѣлали это такъ, чтобы каждому ясно было, насколько они „не одного поля ягода“. Своимъ теперешнимъ охранительнымъ взглядамъ они придавали разную окраску: Гаяринъ—съ сохраненіемъ благородной умѣренности, Вершининъ—во всю.

На нихъ то и дѣло взглядывалъ графъ Заваровъ.

Ему припомнилось то время, когда судьба обоихъ была въ его рукахъ. Онъ видалъ того и другого юными энтузіастами, не забылъ ихъ тогдашнихъ отвѣтовъ, всего поведенія во время сидѣнія взаперти. И они, конечно, не забыли этой эпохи, но его присутствіе точно подзадоривало ихъ, они какъ будто хотѣли показать ему, что имъ уже нечего бояться, что ихъ благонамѣренность внѣ всякаго сомнѣнія и пониманіе интересовъ своей родины неизмѣримо выше того, чѣмъ пробавлялись въ предыдущую эпоху.

Одинъ только Ахлёстинъ, не оставляя своего скептическаго и подмывательнаго тона, держался особо отъ общаго хора, и въ его глазахъ мелькала усмѣшка, говорившая:

„И что намъ ни дай, никакого путнаго употребленія изъ этого мы не сдѣлаемъ“.

Графъ Заваровъ долилъ стаканъ, закурилъ сигару, немного подался впередъ, надъ столомъ, и тихо выговорилъ, воспользовавшись паузой:

— Господа, позвольте и мнѣ сказать два слова.

Всѣ повернулись къ нему и примолкли.

Онъ обвелъ ихъ мягкимъ взглядомъ и перемѣнилъ позу, облокотился о спинку дивана, а правую руку положилъ на его ручку.

Ахлёстинъ задвигался на своемъ креслѣ съ чувствомъ любителя, которому предстоитъ слышать что-нибудь очень хорошее. Послѣдній его вечеръ въ Петербургѣ не пропадетъ даромъ.

Гаяринъ почувствовалъ на себѣ взглядъ графа и наклонилъ голову. Онъ подумалъ:

„Что̀ бы ты ни сказалъ, твоя пѣсенка пропѣта. Ты теперь занимаешься фрондерствомъ потому, что тебя сдали на покой“.

Хозяинъ сталъ у дверей и съ довольнымъ видомъ огля-

дѣлъ весь свой кабинетъ. Чѣмъ бы ни кончился споръ, ему было все равно.

„Только бы безъ карамболей",—выразился онъ мысленно.

XXIII.

— Извините меня, господа,—началъ графъ Заваровъ и немного прикрылъ глаза.—Я слушалъ вашъ разговоръ,—теперь вѣдь всюду идутъ разговоры въ такомъ же духѣ,—и мнѣ кажется, всѣ эти заботы о подъемѣ руководящаго класса лишены всякаго серьезнаго... какъ бы это сказать?.. базиса, что ли...

— Почему же, графъ?—спросилъ Вершининъ.

Графъ поглядѣлъ на него и чуть замѣтно усмѣхнулся. Глаза его досказали:

„Тебѣ, мой милый, съ твоимъ прошедшимъ, не надо бы такъ усердствовать".

— Почему?—повторилъ онъ вопросъ.—Съ вами, господа, говоритъ въ эту минуту человѣкъ, предки котораго и въ прошломъ, и въ этомъ столѣтіи послужили своему отечеству... Ихъ имена вошли въ исторію. Они были самыми доблестными сподвижниками нѣсколькихъ царствованій... Я это привожу не затѣмъ, чтобы хвастаться своею родовитостью, но хочу только сказать, что я имѣю не менѣе всякаго другого дворянина право стоять за прерогативы своего сословія...

Гаяринъ встрѣтилъ, поднявъ голову, взглядъ графа и прочелъ въ немъ:

„Ты, мой милый, только считаешь себя аристократомъ, но твой родъ весьма неваженъ: прадѣдъ твой былъ откупщикъ, вышедшій въ дворяне, а сынъ его дослужился до большихъ чиновъ по благотворительнымъ учрежденіямъ".

— Вы меня понимаете, господа,—продолжалъ графъ.—Я не желалъ ставить вопросъ на личную почву, а заявляю только нѣкоторое право на сословное чувство... И оно во мнѣ нисколько не встревожено... Поднимать наше сословіе?.. Но ему ничего не грозитъ извнѣ... Вся его сила и слабость—внутри, въ немъ самомъ.

— Еще бы!

Этотъ возгласъ вырвался у Ахлёстина. Онъ съ самыхъ первыхъ словъ графа пришелъ въ пріятное возбужденіе и одобрительно кивалъ головой.

— Однако,—возразилъ Столицынъ и сейчасъ же при-

далъ своему рту особое выраженіе, — графъ, согласитесь, что безъ извѣстныхъ учрежденій нельзя оградить прерогативы руководящаго класса.

— Что-нибудь да надо сдѣлать!—крикнулъ князь Мухояровъ все еще съ своего мѣста отъ входной двери въ кабинетъ.

— Милый другъ, — отвѣтилъ ему графъ тономъ старшаго родственника, — скажи мнѣ откровенно, развѣ ты когда-нибудь думалъ серьезно о своихъ сословныхъ правахъ? Пользовался ты своимъ именемъ и происхожденіемъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, въ уѣздѣ, играть общественную роль?.. Конечно, нѣтъ.

— У меня были другія занятія, — возразилъ князь, — крупные интересы...

— Вотъ видишь! Все дѣло, значитъ, въ насъ самихъ!.. Вы изволите говорить,—обратился графъ движеніемъ головы въ сторону Столицына, — прерогативы... Ихъ было очень достаточно больше столѣтія... И даже такое страшное право, какъ крѣпостное...

— Позвольте, графъ,—возвысилъ голосъ Вершининъ,— крѣпостное право тутъ ни при чемъ... Мы это знаемъ... Почему же не пристегнуть кстати и указа о вольности дворянства?

Въ этомъ возраженіи заслышался оттѣнокъ, который поняли всѣ. Такъ Вершининъ не сталъ бы спорить съ графомъ, если бы тотъ не находился уже „на покоѣ“.

— Напротивъ, всѣ эти вольности, то-есть, другими словами, права,—и права огромныя,—въ такомъ государствѣ, какъ наше, составляли активъ высшаго класса до и послѣ великой реформы. Употребленіе изъ нихъ было совсѣмъ не такое, какое могло бы быть.

Все это графъ выговорилъ, не возвышая голоса; губы его складывались въ ироническую улыбку, хотя глаза сохраняли добродушное выраженіе.

— Правъ-то всѣмъ хочется, а службы, обязательной и даровой, никто не хочетъ нести!

Слова Ахлёстина, обращенныя ко всѣмъ, бывшимъ въ кабинетѣ, не вызвали возраженія: его считали оригиналомъ и позволяли ему говорить что угодно, но графъ очень ласково поглядѣлъ на него.

— И съ вами я не могу вполнѣ согласиться. Обязательная служба—тяжелая мѣра. Ее можно было оправдывать прежде, когда служилый классъ составлялъ охрану

государства, и потомъ, когда Петръ отдалъ насъ въ науку. Но теперь это было бы только доказательствомъ того, что въ самомъ сословіи нѣтъ внутренняго пониманія своей высокой роли.

— И безъ того нечѣмъ жить!—сказалъ кто.

— Кому?—спросилъ графъ.—Кто не умѣетъ вести своего хозяйства и кому хочется пустой и разорительной жизни въ столицѣ и за границей? Знаете, господа, когда я слышу охи и ахи, жалобы и сѣтованія, то мнѣ сейчасъ представляется депутація изъ Москвы отъ нашихъ коммерсантовъ, которымъ все мало, все еще недостаточно поощряютъ ихъ. „Запретите ввозъ, наложите пошлину повыше, дайте субсидію,—мы стоимъ за процвѣтаніе отечества"... а, прежде всего, я думаю, за возможность брать рубль на рубль тамъ, гдѣ заграничный фабрикантъ и купецъ довольствуются четырьмя процентами.

Онъ тихо засмѣялся. Гораздо громче поддержалъ его смѣхъ Ахлёстинъ, вскочившій съ своего мѣста.

— Это вѣрно, это архивѣрно!—вскрикивалъ онъ и началъ усиленно жестикулировать правою рукой.

— Зачѣмъ,—продолжалъ графъ послѣ маленькой паузы и налилъ себѣ вина,—зачѣмъ, спрошу я, люди съ хорошимъ состояніемъ, съ именемъ продаютъ свое самостоятельное положеніе, идутъ въ чиновники, обиваютъ пороги въ пріемныхъ. Зачѣмъ?.. Прямо изъ одного тщеславія, даже меньше—изъ какого-то добровольнаго холопства...

„Вотъ ты какъ заговорилъ!"—воскликнулъ про себя Гаяринъ и сталъ замѣтно блѣднѣть. Ему захотѣлось пустить что-нибудь ѣдкое по адресу графа, и онъ съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Вы такъ изволите опредѣлять государственную службу?—спросилъ злорадно Вершининъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣтилъ графъ брезгливо и значительно, какъ сановникъ, знавшій, что̀ такое власть.—Прошу не перетолковывать моихъ словъ... Служба службѣ рознь. Теперь идутъ въ сословное представительство затѣмъ только, чтобы сейчасъ же перемахнуть въ чиновники... Да еще добро бы нужда заставляла, а то и этого нѣтъ! Какъ же назвать это свойство? Подумайте сами, господа!

Гаяринъ продолжалъ молчать, все такъ же блѣдный, съ блестящими глазами, и отхлебывалъ ликеръ изъ рюмки. Онъ не могъ принять словъ графа на свой счетъ. Это было бы черезчуръ безцеремонно. Графъ считался образ-

цомъ вѣжливости и такта. Но, все-таки, не спроста сказалъ онъ это.

— Государство и должно притягивать къ себѣ все, что ему предано!—пустилъ Вершининъ тѣмъ же топомъ, къ которому графу приходилось привыкать съ тѣхъ поръ, какъ его перестали бояться.

— Согласенъ съ вами,—съ любезнѣйшею улыбкой сказалъ графъ, — оно нуждается во всякихъ уступкахъ, въ почетныхъ и въ весьма печальныхъ.—Онъ сдѣлалъ умышленную паузу. — Но мы говоримъ не о томъ, что̀ выгодно и за что̀ больше денегъ платятъ, а о правахъ и чувствахъ нашего сословія... Были бы только чувства благородныя, а права найдутся!

— Браво, графъ!—крикнулъ Ахлёстинъ.—Рѣдко слышу такія рѣчи въ моемъ отечествѣ. Благодарю васъ отъ души! Вы меня совсѣмъ оживили!

Онъ хотѣлъ-было прибавить: „Позвольте мнѣ завезти вамъ завтра мою брошюру“, но не сказалъ больше ничего.

Гаяринъ сидѣлъ нервный и злой. Онъ страдалъ всего сильнѣе оттого, что считался въ одномъ хорѣ съ этимъ Вершининымъ, котораго онъ презиралъ, не хотѣлъ показать графу, что принялъ его слова на свой счетъ, и не находилъ нужнымъ возражать въ направленіи, пріятномъ остальнымъ господамъ, бывшимъ въ кабинетѣ.

— Значитъ, вы, графъ, противъ новаго проекта?—спросилъ хозяинъ, сохранившій тонъ фрондера, которому, въ сущности, рѣшительно все равно, только бы шли его дѣла безъ запинки и онъ находилъ въ высшихъ сферахъ вліятельную поддержку.

— На это позволь мнѣ ничего не отвѣтить... Проектъ еще не поступилъ на обсужденіе.

И онъ взглядомъ добавилъ: „Пора бы, любезный, имѣть побольше такта“.

Вслѣдъ затѣмъ графъ поднялся, оправилъ сюртукъ и сдѣлалъ общій поклонъ передъ тѣмъ, какъ выйти.

— Спорить съ вами, господа, я не хотѣлъ. Но то, что я сказалъ здѣсь, я повторяю вездѣ и считаю это своимъ долгомъ... Никакой подъемъ немыслимъ, если вотъ здѣсь ничего нѣтъ.

И онъ приложился рукой къ лѣвой сторонѣ груди.

— Торопитесь?—спросилъ его хозяинъ.

— Я пойду раскланяться съ княгиней.

Онъ сдѣлалъ еще поклонъ и вышелъ, немного горбясь на ходу. Князь проводилъ его.

Всѣ молчали съ минуту по уходѣ графа.

XXIV.

Мужъ и жена встрѣтились въ залѣ.

— Ты остаешься здѣсь на весь вечеръ? — спросилъ Александръ Ильичъ.

— А ты?

У ней былъ утомленный видъ. Она хотѣла бы пойти къ себѣ, взять съ собой дочь, — Сережа отправился въ циркъ, и отецъ отпустилъ его одного, — надѣть свой халатикъ и поговорить съ нею подольше.

— Тебѣ нездоровится?

Этотъ вопросъ Александръ Ильичъ сдѣлалъ безъ всякой тревоги на лицѣ. Въ Петербургѣ его безстрастная мягкость съ нею получила еще болѣе условный оттѣнокъ.

— Я немного утомилась.

Она сказала ему про желаніе взять Лили и пойти къ себѣ.

— А я долженъ еще попасть на вечеръ.

Куда онъ ѣхалъ, она не знала и не стала узнавать. Она замѣтила, что онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, и тоже не спросила—почему. Такихъ разспросовъ онъ никогда не любилъ и прежде.

Если бъ она слышала разговоръ въ кабинетѣ и побывала въ душѣ своего мужа, прошла бы вмѣстѣ съ нимъ черезъ рядъ подавленныхъ ѣдкихъ ощущеній, она поняла бы, почему онъ былъ такъ блѣденъ.

Въ дверяхъ гостиной показалась Лидія.

— Nina!—окликнула она сестру.—Tu t'en vas?

И вслѣдъ затѣмъ она лѣнивою своею поступью подошла къ нимъ.

— Какія они тамъ все глупости переливаютъ! — довольно громко произнесла она и кивнула взадъ головой на гостиную.—C'est à dormir debout!..

— Вы ѣдете?—спросилъ ее Александръ Ильичъ, бывшій съ ней на „вы“.

Онъ ей улыбнулся и глаза его блеснули.

Въ первый разъ Антонинѣ Сергѣевнѣ пришла мысль: „А, вѣдь, они пара! — Какіе оба красивые и видные!“

Она даже начала краснѣть отъ этой внезапной мысли.

— И вы обращаетесь въ бѣгство? — шутливо сказалъ

онъ Лидіи тономъ полувопроса.—Домой или еще въ гости?

— Я должна бы заѣхать на минуту домой, но Викторъ Павловичъ, конечно, не пожелаетъ меня сопровождать.

— А онъ дома?—оживляясь, спросилъ ее Гаяринъ.

— Разумѣется.

— Знаете что, Lydie,—заговорилъ онъ, оживляясь все замѣтнѣе. — Я еще его не видалъ... Довезите меня къ себѣ... Я на минутку зашелъ бы къ нему.

— Ѣдемте.

Она тоже оживилась.

— Bonsoir, Nina... Когда же ко мнѣ обѣдать?

— Не знаю, Лидія.

— Да ты совсѣмъ разомлѣла... съ дороги...

И она прибавила, повернувъ лицо къ ея мужу:

— Она у васъ всегда въ эмпиреяхъ! Ха-ха!..

Смѣхъ у Лидіи былъ непріятный, горловой и выказывалъ больше всего ея недальность.

Гаяринъ и Лидія пошли къ передней. Онъ ничего не сказалъ Антонинѣ Сергѣевнѣ; она только кивнула головой. Надо было возвратиться въ гостиную, гдѣ кузина, навѣрное, будетъ удерживать ее. Придется сказать, что у ней начинается мигрень. Лили, кажется, весело сидѣть съ большими и воображать себя дѣвицей... Зачѣмъ лишать ее удовольствія?

Но чего она тутъ наслушается? Зачѣмъ засаривать ея голову всѣмъ этимъ полумистическимъ вздоромъ?

Надо было взять ее съ собой. Антонина Сергѣевна, совсѣмъ разбитая, скрылась за портьерой гостиной.

Въ эту минуту мужъ ея сходилъ съ лѣстницы съ ея сестрой и поддерживалъ ее немного подъ локоть. Онъ въ своей ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ, она въ свѣтло-гороховой тальмѣ съ песцовымъ мѣхомъ, — оба видные и барски-пышные,—смотрѣли, дѣйствительно, парой, точно они молодые, выѣзжающіе первую зиму.

До сихъ поръ Лидія побаивалась своего шурина, но въ этотъ пріѣздъ онъ ей показался совсѣмъ другимъ человѣкъ. Она чутьемъ истой дочери Елены Павловны распознала, куда онъ стремится, и ей нечего было больше бояться его. Они понимали другъ друга прекрасно. Вотъ какого мужа ей нужно: блестящаго, съ красивымъ честолюбіемъ, а не Виктора Павловича Нитятко: тотъ, если и будетъ министромъ, все равно не дастъ ей того, что ей

надо было, не превратится въ настоящаго сановника, въ уроженца высшихъ сферъ.

Гаяринъ вбокъ взглядывалъ на свою свояченицу, и ея профиль нравился ему. И ея видный станъ, въ свѣтлой тальмѣ, опушенной дорогимъ мѣхомъ, выступалъ такъ красиво на темномъ атласѣ каретной обивки.

Онъ упрекнулъ себя въ томъ, что слишкомъ высокомѣрно относился къ ней, считалъ почти набитою дурой. А развѣ она въ теперешнемъ его положенiи не годилась бы ему въ жены, гораздо больше, чѣмъ Антонина Сергѣевна?..

Та—поблекла; какъ женщина, она для него почти что не существуетъ, а это въ брачной жизни, для человѣка, полнаго силъ, печально и опасно. Да и помимо того, Антонина Сергѣевна, не желающая „поумнѣть", понять, что̀ онъ теперь и куда идетъ, рядомъ съ нимъ занять почетное мѣсто и тамъ, въ губернiи, и здѣсь, въ томъ кругу, гдѣ онъ будетъ отнынѣ жить и дѣйствовать,—это вѣчная помѣха. Гостиной она не создастъ, связей не поддержитъ, будетъ только всѣхъ отталкивать и пугать, напоминать о его прошедшемъ, вызывать глупые, вредные толки.

Ну, Лидiя пуста, не умна... Но для выѣздовъ и знакомствъ у ней есть: барскiй тонъ, эффектная внѣшность, умѣнье одѣваться и нравиться мужчинамъ, всѣ свѣтскiе аппетиты... Эта не стала бы ему дѣлать дикихъ сценъ изъ-за того, что его собираются выбирать въ предводители.

Какъ бы отвѣчая на его мысли, Лидiя спросила его:

— Alexandre, довольны вы вашимъ назначенiемъ?

Онъ отвѣтилъ, что доволенъ. Разговоръ отрывочно пошелъ на эту тему. Ближе къ дому она сказала ему:

— Вы, конечно, смотрите на предводительство, какъ...

Слово она не сразу нашла.

— Какъ на marchepied?

Онъ только усмѣхнулся въ отвѣтъ. И черезъ минуту спросилъ ее въ свою очередь про мужа:

— Викторъ Павловичъ развѣ не имѣлъ основанiя разсчитывать къ новому году на званiе статсъ-секретаря?

— Не знаю, — заговорила она оживленнѣе, и подъ тальмой онъ замѣтилъ, какъ она повела своими крупными плечами. — Онъ, вѣдь, мнѣ не повѣряетъ своихъ... enfin, ses ambitions!.. Конечно, это было бы хорошо... N'est-ce

pas, c'est un titre à vie?.. Въ родѣ генералъ-адъютанта, въ штатской службѣ?

— Въ родѣ,—тихо вымолвилъ онъ и полузакрылъ мечтательно глаза.

— Шитый мундиръ... хоть и не золотомъ, mais tout de même, c'est chic!

— Très chic, — такъ же мечтательно повторилъ онъ и запахнулся въ шубу.

Она попадала на свою любимую зарубку. Мужъ могъ бы давно получить какое-нибудь званіе, дающее ей, какъ свѣтской дамѣ, полный ходъ всюду. Положимъ, она и теперь особа „третьяго класса" и можетъ являться на большихъ балахъ и выходахъ; но, все-таки, она чиновница, а не дама, принадлежащая къ особому классу, имѣющему доступъ всюду и пріѣздъ „за кавалергардовъ".

— Викторъ Павловичъ,—сказала она, протягивая слова, что для нея было признакомъ нѣкотораго раздраженія,— давно бы могъ имѣть... une charge honorifique. Но у него какая-то нелѣпая гордость... Il veut être homme d'étât et pas autre chose!

— Одно другому не мѣшаетъ,—какъ бы противъ воли и чуть слышно промолвилъ онъ.

Ихъ взгляды встрѣтились въ полутемнотѣ. Они превосходно понимали другъ друга.

— Ce que je me tue à lui démontrer!..

Голосъ у ней какъ бы перехватило, послѣ чего она добавила:

— Вамъ, Alexandre, конечно, надо бить на то, на что̀ ваше предводительство даетъ право.

Александръ Ильичъ ничего не отвѣтилъ и только сдѣлалъ неуловимый жестъ головой. Онъ не сообщилъ ей, что визитъ ея мужу находился въ связи съ ихъ разговоромъ. И то, что она ему сейчасъ сказала о гордости мужа, немного смутило его.

Карета остановилась у широкаго подъѣзда казеннаго зданія. Въ воротахъ, помѣщавшихся рядомъ, темнѣла тяжелая фигура дежурнаго сторожа, укутаннаго въ тулупъ.

— Bonsoir, Alexandre!.. Я васъ выпущу,—очень ласково крикнула ему Лидія, и лакей захлопнулъ дверку.

XXV.

По лѣстницѣ Александръ Ильичъ поднимался медленно. Цѣлая вереница мыслей, связанныхъ съ личностью его

свояка, Виктора Павловича Нитятко, проходила въ его ясной, логической головѣ; но на сердцѣ у него все еще щемило отъ тѣхъ ощущеній, какія заставилъ его испытать графъ Заваровъ въ кабинетѣ князя Мухоярова.

Домъ, куда онъ вступилъ, лѣстница, швейцаръ въ ливреѣ, особый запахъ казенныхъ помѣщеній высшаго разряда настраивали его именно такъ, какъ ему нужно было для перваго разговора съ мужемъ Лидіи.

Нужды нѣтъ, что этотъ „сухарь" и „дѣловикъ",—такъ онъ называлъ Виктора Павловича,—съ фанаберіей смотритъ на нѣкоторыя званія, о которыхъ мечтаетъ его жена; это показываетъ только то, что онъ честолюбивъ на особый ладъ... Самъ онъ — человѣкъ не салонный, не родовитый и очень хорошо понимаетъ, что ему никогда не блистать въ высшихъ сферахъ. Онъ попалъ въ ту полосу петербургской служебной жизни, когда наверхъ выплываютъ люди, прошедшіе чиновничью выучку, или ловкіе спеціалисты, такіе, какъ онъ, или даже потусклѣе... Ему, Гаярину, этимъ смущаться нечего. Строй общества остается тотъ же... Не достаточно быть чиновникомъ третьяго и даже второго класса, надо занять сразу мѣсто въ томъ, что составляетъ всѣми признанный высшій слой.

„Il faut être de la maison!"—мысленно выговорилъ онъ на первой площадкѣ и слегка оперся на перила мягко освѣщенной лѣстницы, дожидаясь, чтобы первая дверь направо отворилась.

Швейцаръ уже позвонилъ въ квартиру „генерала", какъ онъ называлъ Виктора Павловича. Днемъ дверь стояла отворенной. Къ ней велъ снизу коверъ, покрытый бѣлымъ половикомъ.

Отворилъ курьеръ.

— Его превосходительство заняты, — сказалъ онъ на порогѣ.

— Викторъ Павловичъ одинъ? — спросилъ звонко Гаяринъ.

— Одни-съ.

— Доложите... Гаяринъ, Александръ Ильичъ... Я на минуту...

И онъ вошелъ увѣренно въ переднюю, длинную и высокую.

Пока курьеръ ходилъ доложить, Александръ Ильичъ самъ снялъ шубу, увѣренный, что своякъ сейчасъ же приметъ его.

Онъ у него не бывалъ съ послѣдняго своего пріѣзда. Тогда Нитятко не занималъ еще теперешней должности и жилъ на частной квартирѣ.

Только казна даетъ такія громадныя помѣщенія. И не алчность заговорила въ Гаяринѣ, когда онъ подумалъ, что всего этого можно достичь только въ Петербургѣ, а скорѣе жажда власти, которая сказывается и въ размѣрахъ квартиръ и домовъ, „присвоенныхъ“ той или иной должности.

— Пожалуйте!.. Его превосходительство въ кабинетѣ!

Надо было пройти огромною залой, освѣщенною одною висячею лампой, съ блестящимъ паркетомъ и старинною бѣлою, съ позолотой, мебелью вдоль стѣнъ.

Кабинетъ, куда онъ вошелъ тихо, притворивъ за собою тяжелую дверь, былъ немногимъ меньше залы, съ каминомъ и бронзой александровскаго стиля; половина мебели отзывалась тою же эпохой.

Въ хозяинѣ Гаяринъ не нашелъ никакой перемѣны, кромѣ сѣдѣющихъ висковъ: средняго роста, очень худой въ туловищѣ, еще не старый, пепельные бакенбарды, бритое лицо, большіе каріе, умные и не злые глаза, рѣдкіе волосы, зачесанные по модѣ конца шестидесятыхъ годовъ, въ двубортномъ черномъ сюртукѣ и темносѣрыхъ панталонахъ. Такимъ былъ онъ, когда влюбился въ Лидію, такимъ и умретъ, только посѣдѣетъ и еще больше согнется.

— Александръ Ильичъ!..

Возгласъ былъ радушный. Они обнялись и поцѣловались.

— Извините, — началъ Нитятко, посадивъ Гаярина на большой диванъ,—не заѣхалъ къ вамъ... И сегодня не могъ...

Онъ указалъ рукой на цѣлую стопу бумагъ въ обложкахъ, лежавшую съ края письменнаго стола.

— Понимаю,—ласково отозвался Гаяринъ.—Мученикъ долга!..

— Вся эта недѣля особенная! Завтра засѣданіе въ совѣтѣ... Надо быть...

— Во всеоружіи?

— Именно.

Говорилъ онъ высокимъ теноромъ, но слабо, какъ человѣкъ не особенно здоровыхъ легкихъ. Опредѣленность выговора отзывалась долгою привычкой выражаться точно, докладывать или дѣлать инструкціи подчиненнымъ.

— Позвольте поздравить васъ. Душевно радъ...

Онъ еще разъ обнялъ его, слегка дотрогиваясь концами пальцевъ до обоихъ плечъ.

Александръ Ильичъ только улыбнулся.

— Душевно радъ! — повторилъ Викторъ Павловичъ, и лицо его сложилось сейчасъ же въ условно-серьезную мину, какая обозначала въ немъ интересъ къ собесѣднику.—Теперь всякому двойственному отношенію къ вашей личности насталъ конецъ,—продолжалъ онъ, точно диктуя кому.—Положеніе прекрасное и вы имѣете всѣ шансы быть замѣченнымъ съ наилучшей стороны... И есть полная возможность, — подчеркнулъ онъ, — служить независимо... Пускай къ вамъ придутъ впослѣдствіи и будутъ дѣлать лестныя предложенія, а не вы станете домогаться... какихъ-нибудь подачекъ...

„Вотъ оно что!—подумалъ Гаяринъ.—Ты, мой милый, щеголяешь все тѣмъ же чиновничьимъ фрондерствомъ".

И это ему такъ не понравилось въ свойкѣ, что онъ сказалъ, безъ всякихъ смягченій, почти рѣзко:

— Между двухъ стульевъ зачѣмъ же садиться, Викторъ Павловичъ?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Мнѣ необходимѣе, чѣмъ кому-либо, сразу поставить себя здѣсь въ такое положеніе, чтобы каждый прикусилъ язычокъ.

— Да, кажется, послѣ вашего утвержденія объ этомъ и рѣчи быть не можетъ?—спросилъ Викторъ Павловичъ все съ тою же условно-серьезною миной.

„Тупица ты,—подумалъ Гаяринъ,—или только притворяешься непонимающимъ?"

Этотъ прямолинейный карьеристъ раздражалъ его: точно будто свойкъ желалъ прочесть сейчасъ нравоученіе, чѣмъ слѣдуетъ теперь быть ему, Гаярину, какое честолюбіе высшаго, какое низшаго качества.

И заѣхалъ-то онъ къ нему, чтобы позондировать немного насчетъ одного хода, никакъ не ожидая такого оборота ихъ бесѣды.

— Этого недостаточно, — смѣло, но не повышая тона, выговорилъ Александръ Ильичъ, — мало ли кто можетъ проскользнуть въ предводители.

— Нынче—нѣтъ, не тѣ времена,—возразилъ Нитятко и повелъ губами своего большого, болѣзненнаго рта.

— Но, все-таки, добрѣйшій Викторъ Павловичъ, согла-

ситесь сами, въ Петербургѣ есть одно только общество, дающее тонъ... и кто къ нему не принадлежитъ, тотъ все еще, какъ въ картахъ прежде говорили, подъ сюркупомъ!.. Тутъ происхожденія недостаточно, ни богатства, ни даже высокаго служебнаго мѣста...

— Да, — оттянулъ Викторъ Павловичъ, — вы вотъ на что намекаете...

„Наконецъ-то понялъ!“ — воскликнулъ мысленно Гаяринъ.

И на губахъ своего свояка Гаяринъ уже явственно распозналъ усмѣшку, врядъ ли для него лестную.

— Что же!.. Откройтесь кому надо... Если не сразу, такъ въ два-три пріема добьетесь...

„Обойдусь и безъ тебя“, — утѣшилъ себя Гаяринъ.

Онъ почувствовалъ, что зарвался, показалъ свои карты слишкомъ скоро, да и не тому совсѣмъ, кому слѣдовало.

— Унижаться не буду! — вырвалось у него съ движеніемъ головы.

— Всякому свое, — сказалъ Нитятко и отошелъ къ столу. — Только я не понимаю, Александръ Ильичъ, изъ-за чего вамъ биться?.. Я, откровенно говоря, разумѣлъ васъ нѣсколько иначе... Увлеченія юности улеглись — прекрасно... Теперь вы здраво взглянули на существующій во всемъ образованномъ мірѣ порядокъ вещей и хотите служить вашей родинѣ, а для того нужна власть, нужно положеніе.

„Все это я и безъ тебя знаю“, — перебилъ его Гаяринъ про себя.

— Власти и признанія своихъ качествъ можно добиться и безъ такихъ, извините меня, суетныхъ мечтаній... Да и Нина Сергѣевна, сколько я ее разумѣю, далека отъ всего подобнаго...

Онъ хотѣлъ прибавить: „Не такъ, какъ моя супруга“.

Вышла длинная пауза. Черезъ пять минутъ Гаяринъ уже сходилъ съ лѣстницы и первая его мысленная фраза была:

„И не нужно! Сухарь ты съ фанаберіей — и больше ничего! Обойдемся и безъ тебя“.

Швейцаръ, котораго онъ послалъ за извозчикомъ, нѣсколько разъ сказалъ ему: „ваше превосходительство“.

XXVI.

Больше двухъ часовъ ѣздитъ Антонина Сергѣевна по городу. И визиты ея еще не кончены. Въ Петербургѣ

она только вторую недѣлю и чувствуетъ уже во всемъ тѣлѣ небывалую усталость и беспробудную тоску... Сѣрое небо, улицы, комнаты, гости, выѣзды, — все давитъ ее съ утра, какъ только она проснется. Она почти съ ужасомъ замѣчаетъ, что и дѣти не скрашиваютъ ей постылой жизни... Видитъ она ихъ два раза въ недѣлю... Съ Лили у ней побольше связи, чѣмъ съ Сережей, но и Лили ускользаетъ отъ нея. Ничего она въ этой дѣвочкѣ не можетъ вызвать—наивнаго или смѣлаго, никакого трогательнаго порыва, ни истинно-дѣтской ласки. Лили говоритъ все сентенціями, помѣшана на „comme il faut", уже теперь, въ четырнадцать лѣтъ, видитъ себя взрослою дѣвицей и желаетъ, чтобы ея судьба пошла такъ, а не иначе.

Ни она, ни Сережа—совсѣмъ не дѣти. Сережа—настоящій типичный лицеистъ, только и бредитъ тою минутой, когда, вмѣсто серебряныхъ петлицъ, у него будутъ золотыя и потомъ появится шпага, при переходѣ въ старшій лицейскій классъ. И онъ воображаетъ себя чистокровнымъ аристократомъ, постоянно твердитъ о превосходительствѣ отца и не забываетъ того, что бабушка его— урожденная княжна Токмачъ-Пересвѣтова. Онъ не будетъ кутилой и учится недурно, но лучше бы уже изъ него вышелъ повѣса, чѣмъ тотъ высокоприличный салонный „службистъ",—слово, которое она отъ него же впервые и услыхала.

У ней нѣтъ своей воли. Она точно кукла съ проволокой, за которую дергаетъ штукарь, сидящій позади кулисъ, гдѣ движутся маріонетки... Дергаетъ проволоку ея мужъ... Для него она здѣсь останется еще недѣлю, двѣ, а можетъ-быть, и больше... Съ его знакомыми она должна знакомиться, дѣлать визиты, принимать... У ней нѣтъ духу объявить, что она уѣдетъ раньше... Тамъ ей, все-таки, будетъ полегче. Но и въ губернскомъ городѣ ждутъ ее обязанности предводительши.

Давно, еще въ деревнѣ, она привыкла называть ненужную трату времени на гостей, выѣзды и пріемы французскимъ выраженіемъ „faux frais".

И вотъ она теперь охвачена этими „лжерасходами" и видитъ, что ничего вокругъ нея, въ томъ Петербургѣ, куда она попала, и нѣтъ, кромѣ „лжерасходовъ"... Слухи, сплетни, скабрезныя исторіи, благотворителные базары, субботы Михайловскаго театра, Бріанца и Гитри, Фигнеръ и

Медея-Мей, обѣды, балы, балы, балы, вечера, тройки — безъ конца...

Хоть бы чуялось что-нибудь грозно-подавляющее, непреклонное въ своемъ давленіи, по крайней мѣрѣ, она испытала бы сильную горечь или страхъ, или въ душѣ ея произошелъ бы подъемъ самыхъ дорогихъ ея вѣрованій!... Но и этого нѣтъ!..

А мужъ ея ведетъ шахматную игру, и каждый его выѣздъ разсчитанъ. Въ ней развилась необычайная чуткость... Безъ разспросовъ она знаетъ, зачѣмъ ему то или иное вліятельное лицо, съ какимъ расчетомъ ѣдетъ онъ на раутъ или съ визитомъ къ такой-то барынѣ...

Отъ нея онъ ничего не требуетъ, но она какъ бы не въ правѣ отказаться отъ выѣздовъ и пріемовъ.

И ни одному живому существу не можетъ она открыть свою душу... Кузина просто жалка ей,—до такой степени она вдалась въ какую-то дурь, въ то, что французы-психіатры называютъ „manie raisonnante“. Для не когда она пріѣхала, непостижимо было, какъ могла эта милая женщина, развитая, искавшая всегда дѣятельнаго добра, въ какихъ-нибудь два года уйти въ свою „теозофію“.

Но теперь она начала понимать: Петербургъ сдѣлалъ это и отсутствіе сердечнаго лада въ домѣ. Мужъ давно охладѣлъ къ ней, и всѣ знаютъ, что онъ поддерживаетъ актрису, француженку, роскошную блондинку. Антонинѣ Сергѣевнѣ сама княгиня, въ театрѣ, назвала ее на ухо:

— La bonne amie de mon mari!..

И переселись она съ Александромъ Ильичемъ сюда, черезъ два-три года явится такая же француженка или одна изъ гулящихъ барынь, и она также ударится во что-нибудь, въ родѣ религіи виконта Бассъ-Рива, несомнѣннаго пророка для ея кузины.

На углу Симеоновской и Литейной Антонина Сергѣевна что-то вспомнила и повернула костяную пуговку звонка.

Кучеръ остановилъ лошадей, лакей соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверцу.

— Вы куда ѣдете?—спросила она торопливо.

— Вы изволили приказать на Сергіевскую.

— Нѣтъ, я ошиблась. На Гагаринскую. Теперь есть уже пять?

Лакей посмотрѣлъ на свои часы.

— Безъ четверти пять.

— Такъ, пожалуйста, на Гагаринскую!

Она сказала ему номеръ дома и, откинувшись въ глубь кареты, ощутила приливъ брезгливаго чувства, близкаго къ стыду.

Къ кому она ѣхала съ визитомъ и даже торопилась, зная, что это день той барыни и она ее непремѣнно застанетъ и у нея—цѣлое общество?

Къ Лушкиной! Къ Аннѣ Денисовнѣ Лушкиной, проводящей всегда конецъ зимы здѣсь, въ постоянной квартирѣ, на Гагаринской.

Иначе нельзя было сдѣлать. Лушкина пріѣзжала къ ней нѣсколько разъ, звала обѣдать. Антонина Сергѣевна отказалась. Но мужъ ея обѣдалъ, и она прекрасно поняла, что послѣ этого обѣда Александръ Ильичъ имѣлъ, вѣроятно, черезъ Лушкину съ кѣмъ-то конфиденціальный разговоръ, нужный ему для главной цѣли его поѣздки.

Недаромъ сказалъ онъ про нее мимоходомъ:

— Cette commère est très habile!

Онъ уже замѣтилъ слегка Антонинѣ Сергѣевнѣ, что нельзя безъ причины манкировать своимъ знакомымъ, и напомнилъ ей, еще сегодня, за завтракомъ, что у Лушкиной, по четвергамъ, „five o'clock tea“. Самъ онъ къ ней заѣдетъ пораньше, сдѣлаетъ „une visite de digestion“.

Вотъ она и ѣхала теперь на этотъ „five o'clock“. Дальнѣйшаго знакомства съ Лушкиной не избѣжать ей и въ губернскомъ городѣ... И съ этимъ, и со многимъ другимъ надо мириться.

Лакей высадилъ ее изъ кареты. Лушкина жила во второмъ этажѣ, въ домѣ стариннаго устройства, съ узкими лѣстницами и сводчатымъ потолкомъ сѣней.

И передняя не имѣла барскихъ размѣровъ. Но въ ней сидѣли уже три выѣздныхъ, въ большихъ медвѣжьихъ воротникахъ. Дверь въ залу была притворена и лакей растворилъ половинку и пропустилъ, но докладывать не пошелъ.

Первая комната, родъ продолговатой залы, была наполнена разными цѣнными вещами: и на стѣнахъ, и вдоль стѣнъ, и даже посрединѣ комнаты стояли и висѣли картины, вазы, консоли, бронзовыя вещи, въ такомъ количествѣ, что комната смотрѣла аукціонной залой.

„Ну, да,—подумала Антонина Сергѣевна,—она—ростовщица, это все заложенныя вещи или оставленныя закладчиками безъ выкупа“.

И она вспомнила, что еще на-дняхъ у кузины офицеръ

разсказывалъ про одного извѣстнаго художника: какъ жиды дали ему адресъ „ростовщицы", у которой есть рѣдкія жирандоли „Louis XVI", какъ его встрѣтилъ сынъ Анны Денисовны и художникъ чуть не спросилъ его: „Здѣсь живетъ закладчица?"

Но всѣ ее принимаютъ и всѣ ѣздятъ къ ней.

Изъ слѣдующей комнаты, гостиной, доносился громкій разговоръ, гдѣ женскіе голоса преобладали.

Антонина Сергѣевна замедлила шаги. Если бы у ней хватило духа, она убѣжала бы отсюда, не поздоровавшись съ хозяйкой.

Но къ ней навстрѣчу выбѣжалъ Никсъ, въ голубыхъ панталонахъ и такой же жакеткѣ, съ розовыми щеками и краснымъ ртомъ, еще болѣе противный, чѣмъ три недѣли назадъ, когда она его видѣла у себя въ дворянскомъ мундирѣ.

— Ah!.. Chère madame! Maman sera enchantée!.. Наконецъ-то!

Никсъ жалъ ея руку обѣими руками и маслянымъ взглядомъ приторно ласкалъ ее. Они стояли посрединѣ комнаты.

— Сколько у васъ вещей!—не могла она не сказать и пожалѣла, что фраза у ней вышла слишкомъ проста.

Онъ не пожелалъ понять намека и, сдѣлавъ круглый жестъ правою рукой, заговорилъ очень развязно:

— Nous adorons, maman et moi... les belles choses!... Главный экспертъ я, — проговорился онъ и указалъ на уголъ, ближайшій къ гостиной,—вотъ это мои два шкапчика... Les bibelots et les livres!.. Я разоряюсь на рѣдкія изданія и переплеты. Вы къ этому равнодушны? А я отдамъ все за настоящій эльзевиръ!..

Но онъ не подвелъ гостью къ шкапчику, гдѣ у него было замѣчательное собраніе непристойныхъ книгъ, старыхъ и самыхъ новыхъ, какія печатаются тайкомъ въ Парижѣ и совершенно открыто въ Брюсселѣ.

Не выпуская руки Антонины Сергѣевны, Никсъ повелъ ее въ гостиную и на ходу крикнулъ въ дверь:

— Maman!... Cette chère madame Gaiarine!..

XXVII.

Лушкина обняла гостью, и прикосновеніе ея жирнаго тѣла, отъ котораго пахло ирисовою пудрой, заставило Антонину Сергѣевну брезгливо вздрогнуть. Шумно пред-

ставила ей хозяйка дамъ, сидѣвшихъ около чайнаго столика съ тремя этажерками. Серебро и фарфоръ, вазы съ печеньемъ, граненые графинчики покрывали столикъ разнообразнымъ блескомъ. Въ свѣтѣ двухъ большихъ японскихъ лампъ выступали цѣнныя вещи со стѣнъ и изо всѣхъ угловъ: ихъ было такъ же много въ тѣсноватой гостиной, какъ и въ залѣ.

Дамы — фамиліи ихъ Антонина Сергѣевна сейчасъ же забыла—держались какъ близкія пріятельницы Лушкиной. Всѣ три были подъ сорокъ лѣтъ. Одна, густо покрытая пудрой, сухая, съ молодою таліей, въ темномъ; другая подводила глаза и красила губы, полненькая, съ накладкой на лбу, нарядная, распространяющая вокругъ себя запахъ духовъ Chypre; третья—помоложе, менѣе болтливая и рѣзкая въ манерахъ, курила и то и дѣло наводила длинный черепаховый лорнетъ на молодого человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ ней, совсѣмъ женоподобнаго, еще безбородаго и подзавитого, въ открытомъ „смокингѣ“ съ шелковыми отворотами.

Было тутъ еще двое мужчинъ: офицеръ въ желтомъ воротникѣ и студентъ, при шпагѣ, черноватый, тонкій и очень развязный. Онъ прислуживалъ полненькой дамѣ съ крашеными губами и запахомъ Chypre.

Лушкина представила и мужчинъ.

— Chère, chère,—говорила она Антонинѣ Сергѣевнѣ, усаживая ее между дамой съ лорнетомъ и сухою блондинкой съ лицомъ, покрытымъ пудрой,—какъ я на васъ сердилась, какъ сердилась! Не хотѣли тогда пріѣхать обѣдать. Сказались больной! C'est vieux jeu, le truc des migraines!

— J'ai la migraine! — произнесъ глухимъ голосомъ Никсъ, и всѣ разсмѣялись, узнавъ интонацію, съ которой ingénue произноситъ эту фразу въ комедіи „Le monde où l'on s'ennuie.“

Этотъ смѣхъ, весь тонъ гостиной, запахъ пудры и крѣпкихъ духовъ, видъ молодящихся барынекъ, рядомъ съ очень молодыми людьми, что-то дрябло-порочное и хищное охватило Антонину Сергѣевну гадливымъ чувствомъ. И пріятельское, почти фамильярное обращеніе Лушкиной поводило ее всю.

— Ея мужъ,—кричала Лушкина, указывая на Гаярину,—гораздо милѣе... Не правда ли, mesdames, ея мужъ... Александръ Ильичъ—одинъ восторгъ?

— О, да!—откликнулись всѣ три дамы, обѣдавшія у Лушкиной съ Гаяринымъ.

Сердце у Антонины Сергѣевны явственно защемило. Она ничего не могла сказать и только оправляла нервно вуалетку шляпки.

Никсъ поднесъ ей чашку чаю и спросилъ:

— Est-ce assez sucré, madame?

Она даже ничего ему не отвѣтила. Ей захотѣлось сейчасъ же убѣжать изъ этой гостиной, гдѣ ея мужъ находилъ нужнымъ бывать для своихъ комбинацій. Салона Лушкиной она не могла переносить, просто физически не могла. Но бѣжать сейчасъ, не посидѣвъ хоть десяти минутъ, невозможно — вызовешь какую-нибудь выходку хозяйки.

— Est-ce sucré, madame?—повторилъ Никсъ.

— Oui,—пролепетала она и стала размѣшивать сахаръ.

Ея приходъ прервалъ шумный разговоръ, и она почувствовала, что имъ всѣмъ при ней сдѣлалось неловко. Она не подходила ни къ ихъ жаргону, ни къ общему настроенію этихъ старѣющихъ грѣшницъ, возбужденныхъ скабрезнымъ разговоромъ съ очень молодыми мужчинами. Въ воздухѣ гостиной носилось нѣчто сродни тѣмъ книжкамъ, которыя Никсъ хранилъ въ одномъ изъ шкапчиковъ залы, въ дорогихъ художественныхъ переплетахъ.

— Такъ какъ это... подъ какую корку?—спросилъ безбородый блондинъ въ смокингѣ у офицера. — Ребровъ... повтори, пожалуйста...

— Мы подъ лимонную корку красили, ваше степенство, а вамъ угодно подъ померанцевую...

— Подъ лимонную корку!—разразился Никсъ и закачалъ, стоя, своимъ туловищемъ.—C'est épatant!

И всѣ разомъ расхохотались; только новая гостья сидѣла съ поникшею головой и вздрагивающими отъ нервности пальцами помѣшивала въ чашкѣ.

Но она поняла, все-таки, что̀ это такое. Уже не въ первый разъ, въ этотъ пріѣздъ, она замѣчала, что вездѣ, гдѣ она бываетъ,—модная забава: подыскивать „словечки", вычитывать ихъ изъ юмористическихъ листковъ, можетъ-быть, сочинять, передавать другъ другу, записывать, какъ когда-то записывали рецепты для варки варенья или соленья грибовъ.

Вотъ и эта „лимонная корка" подслушана, вѣроятно, у какого-то маляра, если не выхвачена изъ русскихъ

„nouvelles à la main"—листка мелкой прессы.

Что могла она вставить своего въ такой разговоръ?

Но Лушкина, съ слезинками на масляныхъ глазахъ, отъ припадка смѣха, круто повернула короткую красную шею и спросила черезъ всю комнату безбородаго молодого человѣка:

— Такъ вышелъ большой скандалъ на этомъ обѣдѣ?

По тону вопроса Гаярина поняла, что передъ ея появленіемъ въ гостиной зашла рѣчь о какомъ-то обѣдѣ, и сейчасъ вспомнила прочитанныя ею наканунѣ подробности этой годовщины. Послѣ одной рѣчи, къ десерту, сказанной въ духѣ протеста противъ возрастающей расовой нетерпимости, нашлись участники обѣда, поднявшіе крики и шиканье. Это извѣстіе особенно огорчило Антонину Сергѣевну. Въ ней жило всегда особое, почтительное чувство къ университету, къ студентамъ, къ тѣмъ, кто получилъ высшее образованіе, „настоящее", какъ она выражалась, а не въ привилегированныхъ, сословныхъ заведеніяхъ. Ничего подобнаго она не могла ожидать, даже и въ то время, которое тянулось вокругъ нея такъ томительно-печально, среди пляса и сутолоки зимняго петербургскаго сезона.

Вопросъ Лушкиной заставилъ ее встрепенуться и поднять голову.

Въ безбородомъ штатскомъ она начала распознавать бывшаго воспитанника того заведенія, гдѣ теперь ея Сережа. Это сказывалось во всемъ, отъ прически до позы и отворотовъ его смокинга.

— Небывалый скандалъ! И въ газетахъ нѣкоторые репортеры... — говорилъ онъ картаво, растягивая слова, — полиберальничали и написали, что шикающихъ было два-три человѣка... Il y avait une forte minorité, presque la moitié...

— И я тоже слышалъ,—подтвердилъ офицеръ въ желтомъ воротникѣ и кивнулъ головой студенту.

Посмотрѣла на студента и Антонина Сергѣевна. Она, какъ только вошла, подумала: „Хорошъ долженъ быть пріятель сынка Анны Денисовны". Студентъ, на кивокъ офицера, повелъ губами и выговорилъ:

— И я бы шикалъ!

— Я слыхалъ, — оживляясь разсказалъ офицеръ, — что протоколъ требовали составить.

— Какъ протоколъ?—спросила Гаярина, и тонъ ея во-

проса показывалъ, до какой степени она поражена этимъ фактомъ.

— Очень просто,—объяснилъ ей студентъ,—требовали, чтобы тѣ спичи, которые столькихъ возмутили, были записаны.

— Зачѣмъ?—перебила Антонина Сергѣевна.

Она начала краснѣть. Руки ея, державшія чашку, вздрагивали.

— Mais, madame,—вразумилъ ее съ усмѣшечкой умника безбородый молодой человѣкъ.—Pour avoir cela par écrit... Schwarz auf weiss...

— Это...—Гаярина отъ волненія искала словъ,—это... на такомъ обѣдѣ?.. Гдѣ все бывшіе студенты?

— Chère Антонина Сергѣевна! — крикнулъ Никсъ, стоявшій позади кресла своей матери. — Vous n'etes pas fin de siècle. По крайней мѣрѣ, on a le courage de son opinion!.. Ventrebleu! А прежде только напивались и пѣли бурлацкія пѣсни.

— Безобразіе!—выговорилъ студентъ и повелъ плечами.

Какъ захотѣлось ей подойти къ этому студенту, взять за уши и отодрать ихъ. Но она, тотчасъ же послѣ этого взрыва негодованія, испугалась. Развѣ можно выдавать себя въ гостиной Анны Денисовны Лушкиной при этихъ барыняхъ и молодыхъ людяхъ?

Напротивъ, она должна быть благодарна разговору о скандалѣ на обѣдѣ; студентъ далъ ей вѣрнѣйшую ноту того, во что̀ теперь уходитъ Петербургъ и люди высшаго образованія.

„Протоколъ писать хотѣли,—мысленно повторяла она, и въ глазахъ ея показался блескъ; они переходили отъ одной антипатичной для нея физіономіи къ другой.—Протоколъ!.. Schwarz auf weiss... Въ участокъ снести! Чтобы сейчасъ же привлечь къ отвѣту измѣнниковъ своего отечества, дерзнувшихъ говорить въ духѣ терпимости!“

Горло ей уже сдавливалъ спазмъ. Начни она говорить, она не удержалась бы отъ негодующихъ возгласовъ. Она быстро встала, поставила недопитую чашку на мозаичный консоль и выговорила быстро и сухо:

— Я должна ѣхать!

Лушкина съ сыномъ стали ее удерживать, шумно, фамильярно; но она, послѣ общаго поклона остальнымъ гостямъ, скоро-скоро прошла залой, не слушая, что̀ ей го-

ворилъ вдогонку Никсъ, пошедшій проводить ее до передней.

Только въ каретѣ она перевела духъ и опустила окно. Горло продолжало сжимать, и вся кровь прилила къ головѣ.

XXVIII.

Никто не зналъ, куда Антонина Сергѣевна отправилась послѣ обѣда, часамъ къ восьми.

Она не взяла выѣздного и приказала везти себя къ Александринскому театру.

Еще три дня назадъ она прочла въ газетахъ, что въ пользу „Фонда“ будетъ вечеръ въ залѣ Кредитнаго общества, посвященный памяти умершаго, за годъ передъ тѣмъ, знаменитаго писателя. Въ программѣ значилось до восьми номеровъ: были стихи, воспоминанія о покойномъ, краткій біографическій очеркъ, нѣсколько отрывковъ въ исполненіи литераторовъ и двухъ актеровъ. Она въ тотъ же день заѣхала въ книжный магазинъ и взяла себѣ одно мѣсто.

Кузинѣ она не желала говорить, приглашать ее съ собою.

Отъ нея она уже слышала фразу:

— Писательскія поминки! Одно и то же... Cela n'a pas de prise sur moi...

Не такъ давно кузина ставила себѣ въ достоинство интересъ къ умнымъ вещамъ, съ передовымъ оттѣнкомъ, ѣздила на публичныя лекціи, даже въ Соляной Городокъ, гдѣ уже совсѣмъ не бываетъ свѣтскихъ людей. И не то чтобы она чего-нибудь испугалась, но „cela n'a pas de prise“ на нее; она ищетъ другого, ее увлекаетъ „теозофія“ и книжки парижскаго и лондонскаго необуддизма, у ней свои умники, въ родѣ философа Тебетѣева.

Кучеру Антонина Сергѣевна назвала домъ Кредитнаго общества, когда карета уже заворачивала съ Невскаго.

Къ ней вернулось молодое чувство запретнаго плода. Для нея, въ ея теперешнемъ положеніи, это была „une escapade“, какъ выразилась бы Елена Павловна. И, въ то же время, грусть, какую знаютъ люди, не желающіе старѣть и дурнѣть, проникла ей въ душу. Она сознавала, что со всѣмъ этимъ надо окончательно примириться, не нынче, такъ завтра.

Когда швейцаръ подошелъ высадить ее изъ кареты,

она оглядѣла подъѣздъ и увидала, что публика прибываетъ, и пѣшая, и въ саняхъ. Сейчасъ чувствовался большой сборъ, и это ее сразу настроило храбро и возбужденно.

Она выскочила на тротуаръ, запахиваясь въ свою мѣховую ротонду, и быстрымъ, молодымъ шагомъ пошла по сѣнямъ, между двухъ рядовъ вѣшалокъ, отдала ротонду этажомъ выше и стала медленнѣе подниматься по лѣстницамъ, съ одной площадки до другой. Ее обгоняли или поднимались позади ея группы мужчинъ и женщинъ. Публика была скромная, много дѣвушекъ, безъ куафюръ, въ просто причесанныхъ волосахъ и темныхъ кашемировыхъ платьяхъ, молодые люди въ черныхъ парахъ, студенты университета и академіи, но не мало и пожилыхъ, даже старыхъ мужчинъ, съ сѣдыми бородами, лысыхъ, худыхъ и толстыхъ, съ фигурами и выраженіемъ лица писателей, художниковъ и особаго класса посѣтителей публичныхъ чтеній и торжествъ, существующаго въ Петербургѣ. Въ этой публикѣ она замѣчала нѣчто совсѣмъ не похожее на то, чѣмъ она здѣсь окружена съ утра до вечера... И эта публика не носила на себѣ печати задорныхъ замашекъ въ туалетѣ, прическѣ, манерахъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ. Она была, въ сущности, очень приличная и сдержанная, но не равнодушная, безъ скучающихъ лицъ и вялыхъ разговоровъ, — всѣ шли на что-то особенное, на „поминки“, какихъ давно не бывало.

Гаярина предвидѣла съ радостью, что никакихъ свѣтскихъ знакомыхъ дамъ она не встрѣтитъ; изъ мужчинъ, можетъ-быть... Отъ мужа она не скрыла бы употребленія своего вечера, но ей не хотѣлось никакого разговора о томъ, куда она собиралась. Довольно она наслушается всякихъ разговоровъ со стороны.

У входа, гдѣ продавали билеты, столпилась цѣлая стѣна. Двое мужчинъ еле успѣвали сдавать сдачу и принимать бумажки. Не одни дешевыя мѣста разбирались очень ходко. Гулъ голосовъ и общее возбужденіе охватили ее.

Зала, бѣлая и мягко залитая свѣтомъ, уже на двѣ трети наполнилась, но публика все прибывала. Негромкій, переливчатый гулъ шелъ по рядамъ.

На эстрадѣ высился бѣлый пьедесталъ съ бюстомъ, окруженный растеніями. Тамъ тоже стояли нѣсколько рядовъ стульевъ, наполовину уже занятыхъ. У самаго края

помоста столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, съ графиномъ и стаканомъ.

Эта обычная обстановка всякихъ чтеній и торжествъ была для Антонины Сергѣевны новостью. Она не могла припомнить, случалось ли ей во всю ея жизнь попасть, въ Москвѣ или Петербургѣ, на вечеръ съ такимъ именно характеромъ. Въ Петербургѣ провела она дѣтство и часть дѣвическихъ годовъ; тогда ее въ такія мѣста не возили; потомъ деревня, знакомство съ Гаяринымъ, любовь, борьба съ родителями, уходъ замужъ и долгіе годы обязательнаго сидѣнья въ усадьбѣ.

Только разъ, уже не такъ давно, въ Москвѣ, куда она стала попадать чаще, съ тѣхъ поръ, какъ они живутъ въ губернскомъ городѣ, привелось ей быть въ университетѣ, на утреннемъ засѣданіи, гдѣ читались стихи, статьи и отрывки въ память одного московскаго писателя. Она ожила на этомъ сборищѣ, публика показалась ей чуткой и воспріимчивой, отъ стѣнъ актовой залы вѣяло привѣтомъ стараго наставника. Она представляла себѣ, какъ долженъ былъ говорить со своею аудиторіей Грановскій: личность его оставалась для нея полулегендарной.

Здѣсь ярче чувствовалась столица. Зала сообщала ей болѣе строгое и серьезное настроеніе. Первые ряды креселъ пестрѣли лицами и фигурами пожилыхъ людей съ положеніемъ, что̀ сейчасъ было видно. Она даже удивлялась, что на *такой* вечеръ собралось столько мужчинъ, навѣрное, состоящихъ на службѣ, и собралось не случайно, а съ желаніемъ почтить память любимаго писателя, помолодѣть душой, пережить еще разъ обаяніе его таланта и смѣлаго, язвительнаго протеста.

У стѣнъ толпились не получившіе нумерованныхъ мѣстъ. Два распорядителя въ бѣлыхъ галстукахъ бѣгали по проходу.

Часъ начала, указанный въ программѣ, уже прошелъ... Но публика еще не совсѣмъ размѣстилась, и гулъ разговоровъ все поднимался и поднимался.

Въ четвертомъ ряду Антонина Сергѣевна сидѣла между молодою женщиной, худенькою и нервною, въ бѣломъ платьѣ, и полнымъ артиллерійскимъ полковникомъ. Тотъ безпрестанно все наклонялся къ своей дамѣ—вѣроятно, женѣ—и называлъ ей фамиліи литераторовъ, художниковъ, профессоровъ на эстрадѣ и въ рядахъ публики. Онъ дѣлалъ это довольно громко, и она невольно смотрѣла въ

сторону, въ какую онъ кивалъ головой или показывалъ рукой.

Она никого не знала въ лицо.

Но вотъ все притихло. На эстрадѣ, у столика, показалась видная фигура старика съ сѣдою бородой и волосами, причесанными, какъ чесались лѣтъ сорокъ тому назадъ. Антонина Сергѣевна видала его портретъ, похожій съ вѣрно схваченнымъ выраженіемъ, и захлопала.

Она любила этого поэта. На его призывахъ къ борьбѣ и правдѣ воспитывались въ ней ея тайныя упованія. Александръ Ильичъ въ первые дни ихъ знакомства читалъ ей вслухъ его стихотвореніе, затверженное наизусть всею тогдашнею молодежью.

Вотъ онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не моложе того покойника, чье чествованіе собрало ихъ сюда, если не старше. Но онъ еще не дряхлый старикъ. Голова съ народнымъ обликомъ не утратила еще своего благообразія, въ глазахъ блескъ, мягкая, вдумчивая усмѣшка придаетъ тонкость выраженія красивому рту.

Стонъ рукоплесканій и кликовъ встрѣтилъ давнишняго любимца публики. И старые, и молодые голоса слились въ одинъ аккордъ.

Благообразный старецъ кланялся, привставалъ съ кресла, опять садился и не могъ нѣсколько минутъ начать свое чтеніе, растроганный этимъ взрывомъ не измѣняющихъ ему симпатій.

Антонина Сергѣевна слушала въ такомъ волненіи, что не могла почти схватывать содержанія, но когда онъ кончилъ, еще горячѣе начала хлопать, а вызовы вокругъ нея и сзади раскатами ходили по залѣ и заставили ее забыть, откуда она попала сюда.

XXIX.

Но еще горячѣе былъ пріемъ другому читавшему о покойномъ, не старому, съ истою наружностью петербургскаго литератора. Она когда-то восхищалась его статьями. Александръ Ильичъ ставилъ его высоко лѣтъ десять назадъ, а теперь никогда и не называлъ его.

И послѣ чтенія крикамъ и вызовамъ не было конца.

Когда Антонина Сергѣевна встала и обернулась лицомъ къ публикѣ, то ей вдругъ почудилось, что это тотъ Петербургъ, о которомъ она мечтала долгіе годы, что идетъ все та же полоса жизни, что ничто не мѣшаетъ ей слиться

съ этою массой, не утратившею никакихъ вѣрованій и упованій, ничѣмъ не поступившейся въ своихъ завѣтныхъ идеалахъ.

Въ антрактѣ, между двумя отдѣленіями вечера, она двинулась за толпой къ выходу. И такъ ей захотѣлось встрѣчи съ „хорошимъ человѣкомъ“, искренняго разговора, захотѣлось самой излиться, слушать что-нибудь молодое и смѣлое, убѣдить себя, что не все еще погибло, что не обречена она весь конецъ жизни бродить среди „повапленныхъ гробовъ“—эти слова сейчасъ только были произнесены съ эстрады.

Въ комнатѣ рядомъ съ передней, гдѣ курили, она присѣла на одинъ изъ боковыхъ дивановъ.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ ее окликнули.

— Антонина Сергѣевна! Васъ ли я вижу?

Сразу она въ слабо освѣщенной комнатѣ не узнала Ихменьева и удивилась, что онъ здѣсь, въ Петербургѣ.

— Какъ я рада!—вырвалось у нея.—И вы...

Она не договорила.

Ихменьевъ помѣстился подлѣ нея, все такой же сгорбленный, съ краснымъ носикомъ, въ неизмѣнной черной парѣ, и такъ же перевилъ ноги и сталъ утюжить ладонью одно изъ колѣнъ.

— Васъ пустили?—тихо и быстро спросила она.

— На двѣ недѣли. Генералъ Варыгинъ что-то сталъ любезенъ,—говорилъ онъ нѣсколько въ носъ, что̀ у него всегда выходило, когда онъ понижалъ тонъ. — Должно-быть, вашего тутъ меда было, Антонина Сергѣевна.

— Моего?—переспросила она и смутилась.

Передъ Ихменьевымъ ей было стыдно. Онъ имѣлъ право смотрѣть на нее, какъ на трусливую и двоедушную барыньку, тайную сообщницу теперешнихъ видовъ и посягательствъ своего супруга.

— Я такъ смекаю. А на меня вы не пеняете за то, что я больше къ вамъ не являлся? Такъ, право, лучше будетъ.

Ей надо было перемѣнить разговоръ.

— Какой вечеръ!—тихо воскликнула она.—Я такъ рада, что попала. Просто глазамъ не вѣришь.

— Миражъ, Антонина Сергѣевна, миражъ.

— Какъ миражъ?—почти съ болью въ голосѣ выговорила она.—Посмотрите на молодую публику. Эти вызовы, оваціи...

— Ни къ чему, ни къ чему!..

— Ни къ чему?—переспросила она и не стала возражать.

Сердце у ней сжалось и въ головѣ пошли опять роиться печальныя мысли.

— Развѣ это напускное?—чуть слышно спросила она подъ топотъ густой толпы, двигавшейся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Кто говоритъ напускное!—отвѣтилъ Ихменьевъ, понижая тонъ.—Ахъ, Антонина Сергѣевна, извѣрился я въ оваціи, въ крики и вызовы! Дешевый это товаръ. Вездѣ кричатъ, всѣмъ дѣлаютъ оваціи. Завтра половина этой самой молодежи будетъ бѣсноваться и выкатывать господина Фигнера и госпожу Медею-Мей до изнеможенія. Настоящій-то Петербургъ вы теперь познали,—тотъ, гдѣ вашъ мужъ начинаетъ свое поступательное движеніе...

— Зачѣмъ вы это говорите?

У ней чуть не навернулись слезы.

— Зачѣмъ? Хочу помочь вамъ стряхнуть съ себя ненужныя, старомодныя иллюзіи. Съ ними вамъ придется невмоготу.

Онъ еще никогда не былъ съ нею такъ смѣлъ. Она притихла и слушала.

— Извините, что я такія вещи задѣваю... Жалко мнѣ васъ до чрезвычайности, Антонина Сергѣевна, давно жалко... Знаете, тамъ, въ губерніи, нашъ братъ слишкомъ съ собой носится, мнительность, обидчивость въ себѣ развиваетъ и разговоры-то ведетъ все поскудно-субъективнаго характера. А въ настоящій моментъ я про себя не думаю и не пожелаю вамъ докучать... Васъ мнѣ жалко!.. Вотъ вы попали сюда, голова закружилась, „забытыя-то слова" зазвучали у васъ въ ушахъ, вся душа затрепетала... и вы готовы вѣрить, что возрожденіе общества таится подъ пепломъ, что оно близко? Миражъ! Это я вамъ говорю, а мнѣ выгоднѣе было бы увѣрять васъ, что вы не ошибаетесь... Изведете вы себя, и больше ничего. Вамъ борьба не по силамъ... ни съ Александромъ Ильичемъ, ни съ тѣмъ міромъ, куда онъ окончательно вступилъ.

„Не по силамъ",—повторила она мысленно и еще ниже опустила голову.

Толпа продолжала гудѣть около нея, но связь съ нею уже пропала... Ей стало такъ горько, что она взглянула на Ихменьева и не могла воздержаться отъ словъ:

— Зачѣмъ такъ добивать!

— Простите!.. Лучше! Мнѣ спасибо скажете. На вашемъ мѣстѣ я отводилъ бы душу однимъ путемъ...

— Какимъ?—стремительно спросила она.

— Пользоваться вашими связями и, когда можно, помочь горюну... не мнѣ,—оговорился онъ съ усмѣшкой.— Я за себѣ клянчить не буду... Есть не мало людей въ милліонъ разъ худшемъ положеніи... Я совсѣмъ на чистоту скажу... Мужу вашему передъ вами совѣстно... Онъ не будетъ злобствовать, если вы, помимо его, облегчите участь икса или игрека... Вѣдь, если я не ошибаюсь, сестра ваша за господиномъ Нитятко?

— Да.

— Чего же лучше! Вы въ какихъ съ нимъ отношеніяхъ?

— Мнѣ съ нимъ еще ловчѣе, чѣмъ съ другими. Онъ недурной человѣкъ.

— И мы о немъ такъ же наслышаны.

Переждавъ съ минуту, когда ихъ конецъ комнаты сталъ пустѣть, Ихменьевъ тутъ же разсказалъ ей цѣлую исторію, назвалъ имя „горюна", далъ ей нѣсколько совѣтовъ, какими „подходами" надо дѣйствовать.

— Зачѣмъ вамъ карты свои выкладывать? — говорилъ онъ, когда комната совсѣмъ уже опустѣла.—Храните свой символъ вѣры, но не отдавайтесь на съѣденіе, ведите свою линію втихомолку.

— Я и такъ замолчала!

— Пользуйтесь всѣми этими людьми и не пугайте ихъ. Въ губерніи супругъ вашъ долго не останется... Онъ летитъ выше!... И прекрасно! Сердцемъ вы никогда не очерствѣете. А у горюновъ будетъ еще одна умѣлая заступница... Однихъ чувствъ мало, Антонина Сергѣевна, надобны связи, возможность пускать въ ходъ машину...

Онъ протянулъ ей руку и пожалъ, и тотчасъ же поднялся.

— Простите! Изъ-за меня опоздали на второе отдѣленіе... Да теперь уже господа лицедѣи будутъ читать... И ихъ станутъ выкатывать! Уже не въ память о покойномъ, а за то, что позабавили!

Встала и Антонина Сергѣевна, и въ залу ее больше не тянуло... Разговоръ съ Ихменьевымъ легъ новымъ пластомъ на ея душу, но она смутно сознавала, что онъ правъ. Такъ умно и смѣло никто еще за нее вслухъ не думалъ.

XXX.

Въ каретѣ ей пришла мысль проѣхать къ сестрѣ. Она могла еще застать ее, если даже она и собралась куда-нибудь на вечеръ: раньше двѣнадцатаго часа Лидія не выѣзжала.

И мужъ ея, навѣрное, дома.

Разговоръ съ Ихменьевымъ заставилъ ее подольше остановиться мыслью на личности Виктора Павловича Нитятко и своихъ отношеніяхъ къ нему.

Онъ сухъ и, на ея взглядъ, ограниченъ, но не суетенъ, не золъ, любитъ свою жену съ затаенною страстностью сильнаго характера, считается „образцово-честнымъ" человѣкомъ, работящъ до-нельзя. И черезъ него можно дѣлать добро.

Но только это добро надо дѣлать умѣючи, выжидать благопріятной минуты, знать, въ какомъ тонѣ говорить.

А она сознавала, что въ ней нѣтъ никакого умѣнья ладить съ такими людьми... Она жизнь свою провела въ преклоненіи передъ однимъ человѣкомъ и хранила въ душѣ трепетную вѣру въ его идеалы, сторонилась всего, что было враждебно ея символу вѣры, и теперь, наканунѣ полнаго нравственнаго банкротства, чувствовала себя безпомощной выйти изъ колеи, какъ женщина своей эпохи, какъ любящая жена и мать.

Такъ или иначе надо жить! Она не уйдетъ отъ мужа. Да и какой мотивъ, серьезный въ глазахъ всѣхъ, кто будетъ судить ея поведеніе, выставитъ она?.. То, что Александръ Ильичъ, взявшись за умъ, желаетъ попасть въ сановники и поскорѣе загладить грѣхи юности?.. Объ этомъ ей не съ кѣмъ слова сказать по душѣ: ни съ матерью, ни съ сестрой, ни даже съ кузиной, ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, кого они будутъ принимать у себя и къ кому ѣздить. И она видитъ впередъ, что черезъ годъ, много черезъ два, мужъ ея очутится въ Петербургѣ... Почетная должность въ губернскомъ городѣ — только переходная ступень. Не будетъ ли ей здѣсь полегче? Она можетъ отказываться отъ выѣздовъ, выговорить себѣ тихій образъ жизни, быть ближе къ дѣтямъ, создать себѣ свой внутренній мірокъ. Въ губернскомъ городѣ они постоянно съ-глазу-на-глазъ. Тамъ она—первая дама въ городѣ.

Но и здѣсь...

Антонина Сергѣевна не могла рѣшить, гдѣ ей будетъ

хуже, гдѣ лучше. Да и томительно ей стало заниматься одною собой, своимъ душевнымъ довольствомъ. Можетъ-быть, она посмотрѣла на все слишкомъ односторонне?.. Литературный вечеръ, съ какого она ѣхала такою подавленной и унылой, далъ же ей вначалѣ совсѣмъ другое настроеніе. Его разсѣялъ разговоръ съ Ихменьевымъ...

Такъ ли все печально и безысходно? И не тотъ ли самый Ихменьевъ указалъ ей на дѣятельную роль — помогать „горюнамъ", пользоваться связями, дѣлать тихое, скрытое добро, для котораго нужна настоящая выдержка и гражданская доблесть?

Да и на мужа развѣ она не можетъ вліять, если будетъ вести себя съ тактомъ, если помирится съ тѣмъ, что̀ уже есть?

Ей припомнился во всѣхъ подробностяхъ визитъ мужа къ ея матери, то, что́ и какъ говорилъ онъ князю Егору Александровичу. Вѣдь честолюбіе ея мужа, предполагая, что въ немъ дѣйствуетъ только одно честолюбіе, все-таки выше сортомъ, чѣмъ брюзжанье князя, его надменное равнодушіе къ своему отечеству!..

Этотъ разговоръ возбудилъ въ ней надежду, вызвалъ упрекъ себѣ за слишкомъ придирчивое отношеніе къ мужу. Она еще разъ устыдилась сцены, бывшей въ ея комнатѣ передъ выборами. Послѣдняя недѣля въ Петербургѣ истерзала ее... Лушкина, ея гости, тонъ и колоритъ разговоровъ, ѣдкое чувство душевнаго одиночества, дѣти, ихъ выправка, противъ которой она уже безсильна,— все это требовало отпора, воздѣйствія, активной роли, или приходилось отказаться и ей отъ своего прошлаго и обречь себя на страдательное прозябаніе, полное презрительнаго чувства къ самой себѣ...

Голова ея горѣла, когда карета остановилась у подъѣзда зданія, гдѣ мужъ Лидіи имѣлъ такую обширную казенную квартиру.

Отъ швейцара она узнала, что господа дома и собираются ѣхать на вечеръ.

Ихъ экипажъ уже дожидался у подъѣзда.

— И Викторъ Павловичъ ѣдетъ?—спросила она швейцара.

— Такъ точно.

Было уже половина двѣнадцатаго.

— Лидія Сергѣевна одѣваются,—доложилъ ей курьеръ.

— А Викторъ Павловичъ?

— Они въ кабинетѣ... Сейчасъ тоже будутъ одѣваться.

Къ Лидіи она прошла черезъ нѣсколько большихъ, захолодѣвшихъ комнатъ, съ сухою отдѣлкой, и застала ее въ спальнѣ, передъ трюмо. Горничная укалывала ей что-то на корсажѣ.

Ея пышныя плечи и бѣлая твердая шея выставлялись изъ плюшеваго лифа темно-золотистаго цвѣта. Коса лежала низко; въ волосахъ, слѣва отъ пробора, трепетно искрилась брильянтовая булавка, въ видѣ мотылька, съ длинными крыльями.

Появленію сестры Лидія не удивилась, занятая осматриваніемъ туалета и прически.

— Мы ѣдемъ,—сказала она, подставивъ ей, на секунду, свой красивый лобъ.

— Я васъ не задержу,—выговорила Антонина Сергѣевна, почти сконфуженная, и присѣла на табуретъ.—И мужъ твой ѣдетъ?

— Онъ еще за бумагами... Довольно! Можете идти,—сказала Лидія горничной и взяла на туалетѣ маленькую пуховку.

Горничная вышла.

— Ты развѣ хочешь съ нимъ говорить?... По дѣлу?

— Почему же?—почти испуганно выговорила Антонина Сергѣевна.

— Я его насилу вытащила... C'est stupide de travailler comme cela... Да. Но только Викторъ Павловичъ хоть и будетъ сановникомъ, а, все-таки, il n'a pas de charge honorifique...

Лидія немного выпятила губу.

— Ты что же этимъ хочешь сказать? — спросила ее сестра, догадываясь, куда она клонитъ.

— Ахъ, Нина, ты все въ своихъ идеяхъ... Пора ихъ бросить! Мой мужъ тоже съ какими-то scrupules, которыхъ я не признаю... Идетъ въ гору. И не добивается всего, на что онъ имѣетъ право. Ты понимаешь. On n'est pas du vrai monde, ma chère, quand on n'est pas de la maison, — и она сдѣлала жестъ. — Вотъ твой мужъ это прекрасно понимаетъ.

— Мой мужъ?

— Разумѣется... Онъ съ Викторомъ Павловичемъ говорилъ на той недѣлѣ... когда проводилъ меня. Разумѣется, Нитятко и на это не подается... Я думаю, Александру

Ильичу даже непріятно, что онъ черезъ него хотѣлъ... sonder le terrain... и высказалъ ему...

Въ ушахъ Антонины Сергѣевны зазвенѣло. Испарина выступила на лбу. Гаяринъ скрылъ отъ нея этотъ подходъ къ мужу Лидіи. Вотъ настоящая цѣль его поѣздки. Онъ разсчитываетъ вернуться домой въ мундирѣ, дающемъ ходъ „dans le vrai monde“, — повторила она фразу Лидіи.

И ей стремительно захотѣлось пойти въ кабинетъ Виктора Павловича не затѣмъ, чтобы подготовить почву для просьбъ о „горюнахъ“ Ихменьева, а чтобы узнать, правду ли говоритъ Лидія.

— Твой мужъ еще работаетъ?—спросила она, подавляя дрожь голоса.

— Ce serait du propre! Онъ долженъ быть готовъ. Я посылала уже сказать ему... Двѣнадцать часовъ! Va lui dire bonjour, и поторопи его... Мнѣ еще надо... Эта ужасная Паша вѣчно что-нибудь забудетъ.

Лидія позвонила и начала искать что-то на туалетномъ столикѣ.

— Да, я пойду къ нему... Я его не задержу, — растерянно говорила Антонина Сергѣевна,—я и тебѣ мѣшать не буду... Прощай, Лидія.

— Ты не зайдешь еще?

— Зачѣмъ же?

Онѣ сухо поцѣловались. Антонина Сергѣевна торопливо вышла, по дорогѣ столкнулась съ горничной и спросила ее, какъ пройти въ кабинетъ Виктора Павловича. Горничная довела ее до площадки, гдѣ прохаживался курьеръ съ огромными черными бакенбардами.

— Его превосходительство изволятъ одѣваться. Я сейчасъ доложу.

Черезъ минуту онъ вернулся.

— Они васъ просятъ... Готовы-съ.

Въ кабинетѣ своего шурина она никогда еще не бывала.

XXXI.

— Ахъ, Антонина Сергѣевна, какъ это досадно, что вы изволили пожаловать сегодня.

Онъ быстро всталъ отъ письменнаго стола, гдѣ лежали опять два вороха бумагъ. Во фракѣ, со звѣздой, онъ смотрѣлъ представительнѣе. Его немного хмурое лицо всегда нравилось ей.

— Извините, Викторъ Павловичъ, я на минутку... Хотѣла пожать вамъ руку... Лидія что-то еще поправляетъ въ своемъ туалетѣ.

— Не угодно ли присѣсть хоть на минутку?

Вопросъ, съ которымъ она пришла къ нему, жегъ ей языкъ, но она не могла начать именно съ него, безъ всякаго подхода.

— Съ моимъ мужемъ вы уже видѣлись, — сказала она и удивилась, что у ней вопросъ этотъ вышелъ такъ непринужденно.

— Какъ же, какъ же!

Викторъ Павловичъ какъ будто усмѣхнулся,—по крайней мѣрѣ, ей такъ показалось.

— Васъ не стѣсняетъ моя папироса?—спросилъ онъ.

— Нисколько!

А вопросъ продолжалъ мозжить ее.

Хитрить она рѣшительно не умѣла.

— Мнѣ Лидія что-то говорила, Викторъ Павловичъ...

У ней уже не хватало словъ... Онъ уперся въ нее глазами человѣка, только что просмотрѣвшаго нѣсколько десятковъ бумагъ.

— Ахъ, да!..

И лицо его сейчасъ же измѣнило выраженіе. Глаза стали менѣе тусклы, ротъ сложился совсѣмъ иначе.

— Насчетъ... Александра Ильича... Вамъ должна быть извѣстна... его тайная мечта.

Губами онъ сдѣлалъ мину, отъ которой ее бросило въ краску.

Это чувство она могла объяснить себѣ стыдомъ за мужа, но къ стыду присоединялось и другое: она готова была защищать мужа, выставить его передъ этимъ честнымъ и скромнымъ труженикомъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Любовь къ мужу еще не выѣли итоги послѣднихъ недѣль.

— Тайная мечта?—смущенно и глухо переспросила она.

— Да, — протянулъ онъ и закурилъ папиросу. — Александра Ильича я, признаюсь, считалъ выше тѣхъ, кто гонится за побрякушками. Душевно радъ, что онъ теперь на такомъ почетномъ посту... И въ губерніи поставилъ себя чрезвычайно выгодно... Здѣсь, въ министерствѣ, на него радикально измѣнили взглядъ... и его утвержденіе прошло безъ запинки... Понимаю его желаніе—зарекомендовать себя съ наилучшей стороны и воспользоваться

предводительствомъ для дальнѣйшаго хода... Но сейчасъ добиваться того, что̀ имѣютъ столько ничтожныхъ, пустыхъ шаркуновъ...

Онъ остановился, поднялъ голову и потише спросилъ:

— Вѣроятно, Лидія одобряетъ его? И жаловалась вамъ, что я самъ до сихъ поръ не хлопочу о томъ же?

— Да,—выговорила все такъ же глухо Антонина Сергѣевна.

— Она, небось повторяла вамъ свою любимую фразу... насчетъ того, кто „du vrai monde“ и кто нѣтъ?

— Для нея это выше всего.

— Но не для васъ, Антонина Сергѣевна. Съ лѣтами и вы, конечно, отказались отъ нѣкоторыхъ увлеченій прежними идеями вашего мужа... Но я увѣренъ, что вы выше всякой такой мелкой суеты, и при той дружбѣ, какая всегда была у васъ съ Александромъ Ильичемъ, вы бы могли воздержать его.

— Но развѣ вы, Викторъ Павловичъ,—вдругъ заговорила она, охваченная волненіемъ отъ нѣсколькихъ, боровшихся въ ней, чувствъ, — развѣ вы не считаете Александра однимъ изъ тѣхъ людей, которые идутъ на извѣстный компромиссъ не изъ личныхъ только цѣлей?.. Я отъ васъ не скрою... Въ послѣднее время... я не совсѣмъ его понимаю... Между нами нѣтъ прежней глубокой солидарности, но я не въ правѣ обвинять его... Онъ преслѣдуетъ, быть-можетъ, свою высшую идею...

Дальше она не пошла въ оправданіи его. Она чувствовала, что говорила даже не изъ желанія выгородить его, а скорѣе изъ боязни все потерять, послѣднюю надежду на то, что между ею и мужемъ есть еще хоть остатокъ прежней душевной связи.

Въ тонѣ Виктора Павловича она прочла приговоръ мужу. И ему больно за Александра Ильича,—ему, человѣку служебной карьеры, никогда не знавшему ничего, кромѣ чиновничьихъ своихъ обязанностей. Но онъ имѣетъ право уважать себя... Прошлое его вяжется съ настоящимъ... Онъ честенъ, стоитъ за законъ, строгъ къ себѣ, пользуется властью не для суетныхъ услажденій сословнаго или свѣтскаго чванства.

Будь она поближе къ этому мужу своей сестры, говори она ему „ты“, она кинулась бы къ нему на шею съ рыданіями и выплакала бы свое горе, непонятное ни Лидіи, ни ихъ матери, никому изъ тѣхъ, кого она видитъ здѣсь.

Онъ бы ее понялъ больше, чѣмъ мужъ ея, и вотъ это-то и колыхало всю ея душу. Даже онъ, кого она считала всегда сухимъ чиновникомъ, и тотъ ближе къ ней.

— Вы говорите, Антонина Сергѣевна, высшую идею? — и въ тонѣ его она заслышала искренность.—Сомнѣваюсь... Я бы желалъ для него—именно теперь—больше выдержки и настоящаго чувства достоинства. Онъ на прекрасной дорогѣ и можетъ, не прыгая особенно ни передъ кѣмъ, заставить говорить о себѣ, признать свой умъ, знанія, жизненный опытъ, характеръ. У насъ, вѣдь, страна гораздо больше демократическая, чѣмъ думаютъ обыкновенно... Поглядите... Самыя вліятельныя мѣста занимаютъ люди только себѣ обязанные, безъ громкаго родства, безъ предварительныхъ успѣховъ въ высшемъ свѣтѣ.

Онъ, говоря это, какъ бы намекалъ и на самого себя. И онъ, хотя и вышелъ изъ сословнаго училища, но совсѣмъ уже не мѣтилъ въ важные бары, носилъ смѣшноватую фамилію „Нитятко", былъ сынъ доктора, сдѣлавшаго служебную карьеру въ Петербургѣ. И все, что онъ говорилъ, было не только умно, но и не лишено благородства.

„Стало-быть, — думала она, — можно же и на службѣ не продавать себя, а преслѣдовать идею, на обстановку своего оффиціальнаго положенія смотрѣть какъ на необходимость, которая всегда будетъ существовать при какомъ угодно общественномъ строѣ".

Таковъ Викторъ Павловичъ Нитятко, убѣжденный, что онъ служитъ отечеству вѣрой и правдой; онъ смотритъ на свою службу, какъ на данное жизнью средство приносить пользу... и не гадательно, не въ видѣ безплодныхъ протестовъ подъ шумокъ или газетныхъ пререкательствъ, а прямо, путемъ мѣропріятій, которыя проводитъ онъ же въ видѣ докладовъ и записокъ.

Глаза ея остановились на двухъ кипахъ бумагъ. Она въ первый разъ въ жизни поглядѣла на нихъ съ почтительнымъ чувствомъ.

И тутъ же она вспомнила объ Ихменьевѣ. Отчего бы не воспользоваться минутой и не передать ему исторію, выслушанную сегодня вечеромъ? Но ее слишкомъ наполняли своя душевная тревога, собственный интересъ, вопросъ всего смысла и достоинства ея личной судьбы, гибель ея чувства къ человѣку, глазами котораго она до сихъ поръ смотрѣла на дѣйствительность.

Она ничего не разсказала Виктору Павловичу и, поспѣшно вставая, проговорила:

— Вамъ пора.

За дверью раздался голосъ Лидіи:

— Я готова!.. Victor!.. Il est grandement temps de partir!..

— И я готовъ, — отвѣтилъ онъ, чуть-чуть возвысивъ голосъ.

Въ жену свою онъ продолжалъ быть тайно влюбленнымъ и во всемъ уступалъ ей, кромѣ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей.

— Благодарю васъ... Викторъ Павловичъ.

Она крѣпко пожала его руку.

— Вы не посѣтуете на меня, я знаю...

Защищать мужа ей больше уже не хотѣлось. Она застыла въ тяжкомъ чувствѣ обиды за него и сознанія того, что все пойдетъ такъ, какъ желаетъ того самъ Александръ Ильичъ, а ея внутренній міръ обреченъ на скорое и окончательное крушеніе.

Лидія стояла въ дверяхъ, блистая своими плечами, и смотрѣла на мужа, какъ смотрятъ на дѣтей, которыхъ не слѣдуетъ брать туда, куда ѣздятъ большіе.

XXXII.

Второй часъ ночи. Опять она одна, въ своей комнатѣ, раздѣленной, какъ и тамъ, въ розовомъ предводительскомъ домѣ губернскаго города, на двѣ половины высокою драпировкой. И такъ же, какъ тамъ, въ ночь бурной сцены, она лежитъ въ фланелевомъ халатикѣ, на кровати. Вся квартира замерла. Въ передней сонный лакей ждетъ возвращенія Александра Ильича съ вечера.

Да, сомнѣваться больше нечего! Она знаетъ, съ чѣмъ онъ „подъѣзжалъ“ къ мужу сестры ея. Это неизящное слово „подъѣзжалъ“ употребила она сейчасъ, когда записывала въ дневникъ,—она ведетъ его съ прошлаго года,—итоги своего супружества. Онъ вернется изъ Петербурга готовымъ и не на такія сдѣлки.

Дальше она не станетъ ничего записывать въ толстую тетрадь съ замочкомъ, лежавшую за перегородкой, на письменномъ столикѣ, подъ лампой. Надо было провести черту и проститься со всѣмъ, чѣмъ жила она двадцать лѣтъ, съ того дня, какъ познакомилась съ опальнымъ сосѣдомъ—Александромъ Ильичемъ Гаяринымъ.

Неужели все это было *такъ*, затѣи отъ деревенской скуки, мода, дурь, въ родѣ теперешнихъ увлеченій ея кузины, княгини Мухояровой? Петербургъ въ какія-нибудь двѣ недѣли научилъ ее уму-разуму. Не въ ней одной дѣло, не въ ея душевномъ банкротствѣ. Нигдѣ ничего нѣтъ, за что она могла бы схватиться. Все уплываетъ, превращается въ безформенный туманъ.

Ей жалко самоё себя. Какъ она смѣшна и старомодна съ ея „направленіемъ"! Какое запылившееся комическое слово! Чего она возмущается? На какомъ основаніи считаетъ себя особенною женщиной, съ непоколебимымъ символомъ вѣры? Развѣ она сама его выработала, этотъ символъ вѣры?

Барышней встрѣтила она красиваго молодого человѣка, съ ореоломъ чуть не мученика. Онъ былъ для нея запретный плодъ. И до знакомства съ нимъ она почитывала книжки либеральныхъ русскихъ журналовъ тайкомъ отъ матери. Отъ него она всѣмъ заимствовалась. Она была его эхомъ, послушною ученицей, близорукою, наивно вѣрующею въ голубиную чистоту и несокрушимость его идеаловъ.

И вотъ, когда жизнь обнажила его истинную природу, она и очутилась въ пустомъ пространствѣ. Зачѣмъ во̀время не сумѣла она распознать, куда идетъ жизнь? Теперь уже поздно локти кусать. Тѣ тошные „faux-frais — *лжерасходы*", о которыхъ она догадалась слишкомъ поздно, заполонятъ ее... Она вѣдь не убѣжитъ отъ мужа, отъ дѣтей, отъ роли предводительши, а потомъ и петербургской сановницы... Никуда не убѣжитъ...

Тихія слезы долго текли по щекамъ Антонины Сергѣевны и уже успѣли засохнуть на ея впалыхъ щекахъ. Она продолжала лежать неподвижно, въ полузабытьи, полномъ жалости къ себѣ, а подъ конецъ и къ мужу своему. Взрывъ стыда и негодующей гадливости послѣ ея визита къ мужу сестры стихъ подъ роемъ холодящихъ мыслей, послѣ того, какъ она дописала свое прощаніе съ тѣмъ, что *было*, и, разбитая, прилегла на кровать.

Онъ не устоялъ противъ жизни, противъ властолюбивыхъ инстинктовъ своей природы. Но полный ли онъ отступникъ? Отрекся ли онъ отъ послѣдняго луча той правды, которую человѣкъ съ душой можетъ хранить въ себѣ въ какомъ угодно общественномъ положеніи? Сострадапіе къ темной массѣ, обиженной судьбою, велико-

душіе, вкусъ къ добру, терпимое пониманіе молодыхъ увлеченій,—развѣ все это умерло въ немъ?

Она не хотѣла произносить безповоротный приговоръ и надъ *человѣкомъ*, который могъ остаться въ честолюбцѣ.

Отъ легкаго стука въ дверь она подняла голову. Кажется, она заснула, но не больше, какъ на пять минутъ, и не сразу вспомнила, что лежитъ она еще одѣтая и что, должно-быть, очень поздно.

„Это онъ!"—смущенно и почти радостно вскричала она про себя и быстро спустила ноги съ довольно высокой кровати.

— Tu ne dors pas? Puis-je entrer?—раздался вопросъ Гаярина изъ-за пріотворенной двери.

— Oui, oui!—торопливо отвѣтила она и на ходу изъ-за перегородки поправила рукой волосы.

И то самое ѣдкое, пронзающее чувство, съ какимъ она ѣхала сегодня отъ мужа Лидіи, поднялось опять въ ней на нѣсколько секундъ.

Проходя мимо письменнаго стола, она захлопнула тетрадь дневника, оставленную открытой, и подсунула ее въ уголъ, подъ бюваръ: про ея дневникъ Александръ Ильичъ ничего не зналъ.

— Я видѣлъ въ двери свѣтъ,—продолжалъ онъ по-русски и вполголоса.

Вошелъ онъ осторожно, взялъ ее за руку, поцѣловалъ въ лобъ и сѣлъ въ широкое кресло у самой двери.

Она оставалась стоя и глядѣла на него. Въ бѣломъ галстукѣ и даже въ бѣломъ жилетѣ по старой модѣ, входящей опять въ употребленіе, онъ былъ чрезвычайно молодъ, лицо ясное и улыбка перебѣгала отъ красиваго рта, полускрытаго усами, къ глазамъ, смягчая ихъ острый, стальной блескъ.

Во всемъ его существѣ она чувствовала полное удовлетвореніе и сейчасъ же догадалась, что онъ чего-то добился,—вѣроятно, на томъ раутѣ, откуда пріѣхалъ.

— Тебя можно поздравить?—спросила она.—Ты такъ чѣмъ-то доволенъ.

Фраза могла бы выйти язвительной, но звукъ получился печальный, въ немъ слышались почти слезы.

Александръ Ильичъ протянулъ свою бѣлую руку съ тонкими, суховатыми пальцами, точно хотѣлъ остановить ее на ходу.

— Мы можемъ и не заживаться въ Петербургѣ... J'aurai tout ce qu'il me faut...

Ея вопросъ скользнулъ по нему. Онъ ничего не распозналъ ни въ голосѣ, ни въ выраженіи лица жены.

Что-то вдругъ толкнуло Антонину Сергѣевну къ мужу. Какъ бы она прижалась къ нему!

„Брось, — прошептала бы она ему, опуская голову на его плечо, со слезами душевнаго облегченія.— Брось, милый! Уѣдемъ въ деревню! Откажись отъ должности!.. Будь прежнимъ Гаяринымъ!"

Но слова эти не выходили у нея изъ горла. Она облокотилась о высокую спинку кресла и стояла надъ нимъ въ полъоборота, отведя лицо въ другую сторону.

У ней вышло совсѣмъ другое.

— Tu auras, — сказала она, нарочно по-французски, — ta charge honorifique, — Лидія повторяетъ, вѣдь, что безъ этого нельзя быть „de la maison".

Онъ и этого точно не понялъ, улыбка блуждала по губамъ и глаза мягко блестѣли.

— Нина, — онъ продолжалъ все еще вполголоса, — я, мой другъ, не хочу утомлять тебя, поздно...

— Нѣтъ, ничего... Если ты зашелъ говорить... Я тебя слушаю.

— Слушать недостаточно... Пора и понять!

— Я боюсь,—выговорила она сдавленнымъ звукомъ, — боюсь понять тебя.

— Это иронія, Нина? Напрасно!

Голову Александръ Ильичъ поднялъ и смотрѣлъ на нее вбокъ, но не сурово.

— Напрасно!—повторилъ онъ.— Мѣсяцъ тому назадъ... тамъ... вотъ въ такую же пору, ты меня оскорбила, назвала ренегатомъ... И еще чѣмъ-то! Я не хочу возвращаться къ этому. Я забылъ... Я могъ бы уйти въ самого себя, въ законное чувство задѣтой гордости... Но я стою за бракъ, за супружескій союзъ!.. Безъ уваженія, а, стало, и безъ взаимнаго пониманія онъ немыслимъ!

Еще ниже опустила она голову, позади его спины, и не хотѣла смотрѣть на него, чтобы ничто не измѣнило ей... Вѣдь онъ пришелъ не каяться, а произнести объяснительную рѣчь. Въ немъ все теперь установлено. Назадъ ему ходу нѣтъ...

— Ты меня слушаешь, Нина?—отеческимъ тономъ спросилъ онъ.

— Слушаю!.. — прошептала она, но не повернула къ нему головы.

— Ты до сихъ поръ не можешь разстаться съ образами, созданными твоею фантазіей, твоею восторженною головой!.. Человѣкъ въ сорокъ лѣтъ и мальчикъ въ двадцать!..

„Да, это эволюція, я знаю“, — думала она, и холодъ сжималъ ей сердце.

— Мы съ тобой теперь съ-глазу-на-глазъ,—скажи мнѣ: развѣ я былъ когда-нибудь злоумышленникомъ противъ всего соціальнаго строя?.. Я даже не конспирировалъ!.. Это тебѣ прекрасно извѣстно.

Она не возражала.

— Увлекался идеями извѣстнаго сорта? Да!.. Мечталъ о всемірномъ братствѣ и равенствѣ, болталъ, и за это поплатился и потерялъ нѣсколько лѣтъ въ безвкусной и безплодной жизни въ деревнѣ. На первыхъ порахъ я сознательно, а отчасти по тогдашней модѣ, братался съ народомъ, жалъ и косилъ, носилъ мужицкую рубашку, прощалъ недоимки... И опять болталъ всякій вредный вздоръ... Вредный! Я это говорю прямо, не боюсь ничьихъ обличеній! Я и сейчасъ желаю добра мужику... Я отъ него не отказываюсь... Но я отказываюсь принижать себя до него... А до меня ему далеко.

Фраза вырвалась у него гораздо сильнѣе и горячѣе, чѣмъ все предыдущее.

Но Антонина Сергѣевна притихла подъ вкрадчивые звуки его оправдательной рѣчи. Ей опять захотѣлось вѣрить ему... Почему же онъ не можетъ такъ чувствовать?.. Съ мужикомъ онъ до сихъ поръ не бездушенъ, честностью въ дѣлахъ онъ извѣстенъ во всей губерніи, не прочь принять участіе во всемъ полезномъ, что затѣвалось въ городѣ.

— Только теперь, — продолжалъ онъ, одушевляясь, и голосъ его сталъ проникать въ ея душу,—я и могу дѣйствовать съ авторитетомъ, какъ представитель цѣлаго сословія.

— Да, — чуть слышно перебила она. — Оставайся на твоемъ посту... если тебѣ нужно вліяніе, власть. Но зачѣмъ?...

Она не договорила. Александръ Ильичъ понялъ ее на полсловѣ.

— Я знаю, какой упрекъ ты мнѣ кинешь. И не ты

одна. Даже почтеннѣйшій шуринъ твой, Викторъ Павловичъ Нитятко, въ своемъ половинчатомъ чиновничьемъ фрондерствѣ! Тщеславіе! Лакейство! — кричите вы. Пора же, мой другъ, понять, что мнѣ необходимо похоронить свое прошедшее... А для этого средство одно: заставить всѣхъ молчать!

Тутъ онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Я слишкомъ дорогою цѣной поплатился за пустѣйшіе, въ сущности, грѣхи юности. Повторяю еще разъ: злоумышленникомъ я никогда не былъ и не желаю, чтобы обо мнѣ сложилась легенда, которая вредила бы моей теперешней дорогѣ.

— Дорогѣ, — беззвучно повторила за нимъ Антонина Сергѣевна.

— Да, дорогѣ! У насъ нельзя дѣлать ни добра крупнаго, ни крупнаго зла, не занявъ извѣстнаго положенія. Это элементарно. Не служебное только положеніе. Но и въ томъ слоѣ, который не одна твоя сестра называетъ „le vrai monde“. Что мнѣ за дѣло до общественнаго мнѣнія! Гдѣ оно у насъ?.. Въ газетахъ, что ли? Имъ скажутъ: „цыцъ!“—и кончено. Власть должна быть въ рукахъ. Фактическая власть... Не для своихъ мелкихъ цѣлей,—я не корыстолюбецъ,—а для дѣла.

Глаза его получили опять стальной острый блескъ, щеки поблѣднѣли, голова откинулась назадъ. Голосъ вздрагивалъ.

Она сидѣла на ручкѣ кресла и нервно переводила дыханіе. Точно молоткомъ по головѣ били ее эти возгласы властнаго человѣка, почуявшаго, что передъ нимъ можетъ открыться широкая дорога цѣною уступокъ, безъ которыхъ нельзя быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ быть.

Ни возражать, ни соглашаться съ нимъ она не могла.

— Это, Нина, мое credo! Больше намъ нечего возвращаться къ нему... Рано или поздно ты поймешь своего мужа... Голова у тебя до сихъ поръ колобродитъ — вотъ бѣда! Ты все еще не рѣшаешься бросить твою безплодную игру въ какую-то оппозицію... И ты только высушишь себя... Женщина должна жить сердцемъ... Какъ будто у тебя нѣтъ самыхъ святыхъ интересовъ?... Наши дѣти?... Добро безъ фразъ и тенденціозности?... Чѣмъ твой мужъ будетъ вліятельнѣе, тѣмъ больше средствъ дѣлать такое добро.

„Дѣти,—готова она была крикнуть и уже подняла голову,—я вижу, что̀ изъ нихъ выйдетъ. Они твои, а не мои дѣти. Добро?... Какое?... Ѣздить по пріютамъ въ званіи dame-patronesse, помогать твоему ненасытному тщеславію, поддерживать связи въ высшихъ сферахъ, дѣлать визиты и присѣдать?“

Но она промолчала и опять безпомощно опустила голову.

Александръ Ильичъ взялся за боковой карманъ фрака.

— Я сохранилъ для тебѣ нумеръ газеты... и отмѣтилъ карандашомъ одно извѣстіе... Вотъ твоя область, другъ мой... Это посимпатичнѣе обветшалой игры въ оппозицію... Однако, поздно... Почивай!

Онъ приложился губами къ ея волосамъ и вышелъ изъ комнаты тихими шагами, красивый и представительный.

— Не вѣрю, не вѣрю!—говорила она шопотомъ, двигаясь машинально около письменнаго стола съ газетнымъ листкомъ въ рукахъ.

Какъ бы гладко и ловко ни оправдывалъ онъ себя, она потеряла любимаго человѣка. *Ея* Гаяринъ больше не существовалъ. Она гадливо бросила сложенный въ нѣсколько разъ листъ газеты на столъ, присѣла къ нему, взяла тетрадь дневника и раскрыла его на послѣдней исписанной страницѣ, гдѣ толстая черта виднѣлась посрединѣ. И съ минуту сидѣла, спустивъ голову въ обѣ ладони.

Потомъ правая рука ея потянулась къ газетѣ, стала развертывать и глаза искали, гдѣ отчеркнуто карандашомъ.

Это было извѣстіе въ нѣсколько строкъ, въ отдѣлѣ городскихъ происшествій, мелкимъ шрифтомъ.

Въ первый разъ Антонина Сергѣевна пробѣжала строки затуманеннымъ взглядомъ, плохо понимая. Но два слова поразили ее. „Усмотрѣна повѣсившеюся“,—перечла она и пробѣжала еще весь столбецъ. Дѣвочку, у портнихи, такъ истязала хозяйка, что она не выдержала и повѣсилась на оконной рамѣ. Дѣвочка двѣнадцати лѣтъ!..

Вотъ что хотѣлъ ея мужъ показать ей! Зачѣмъ?... Въ видѣ нравоученія?.. Обратить ее къ простому, нетенденціозному добру?

Онъ сдѣлалъ это съ умысломъ, точно въ пику ей. Но что жъ изъ этого? Развѣ это полицейское дознаніе—единственный, рѣдкій фактъ? Сотни дѣтей терпятъ ужасную долю въ этомъ пляшущемъ Петербургѣ! И кому же спасать ихъ отъ увѣчій и самоубійствъ, какъ не женщинамъ

въ ея положеніи? Какъ это отзывается прописью и какая это правда, вѣчная и глубокая, въ своей избитости.

„Высушишь себя!“ — повторяла Антонина Сергѣевна слова мужа.

Это сказалъ онъ, уже давно высохшій честолюбецъ! Но полно, не правъ ли онъ? Гдѣ ея сердце? И во что же ей теперь уйти, какъ не въ будничное добро, въ борьбу съ звѣрствомъ, грязью, нищетой и одичаніемъ?

Рука ея хотѣла было запереть тетрадь дневника, но въ ней очутилось перо, и подъ чертой она написала еще что-то. Это былъ новый итогъ жизни...

ИЗМѢННИКЪ.

(повѣсть.)

I.

Каретка, въ одну лошадь, съ шорной упряжью, въѣхала на крутой подъемъ Каменнаго моста, по скользкой мостовой. Гололедица держалась уже второй день. Кучеръ изъ финновъ, расчесанный сзади и бритый, въ темнокоричневой ливреѣ, покрѣпче собралъ вожжи въ одной лѣвой рукѣ и поддерживалъ на нихъ вороную лошадь: боялся, какъ бы она не споткнулась.

Изъ полуоткрытаго окна уныло смотрѣлъ на утреннее движеніе баринъ лѣтъ за сорокъ, въ высокой шляпѣ и пальто съ бобровымъ воротникомъ, Валерій Ивановичъ Симцовъ.

Онъ глядѣлъ въ окно изъ противоположнаго угла кареты; сидѣлъ согнувшись и на колѣняхъ держалъ толстый шоколадный плэдъ. Худощавое и продолговатое лицо носило слѣды мужской красоты: каріе глаза съ задумчивымъ выраженіемъ и большимъ разрѣзомъ вѣкъ, нѣсколько полный прямой носъ съ удлиненными ноздрями, сдавленность черепа, пышные сѣдѣющіе волосы на вискахъ и коротко подстриженная на щекахъ борода, съ пучкомъ на подбородкѣ.

Симцовъ смотрѣлъ породистымъ петербуржцемъ; въ его позѣ и опущенныхъ на плэдъ рукахъ сказывалось утомленіе; и дѣйствительно, его переполняла душевная усталость, хотя на нездоровье онъ не жаловался. Онъ старался не думать о томъ, куда ѣхалъ и какое объясненіе предстоитъ ему.

Спустились съ моста и взяли налѣво. Справа одна изъ вывѣсокъ зеленныхъ лавокъ запестрѣла своей длинной надписью. Онъ прочелъ курьезный французскій переводъ словъ: „овощи, живность и зелень“—„légumes, volaine et verdinage“,—улыбнулся и вдругъ весь выпрямился и его желтовато-блѣдныя щеки густо покраснѣли. Онъ подался впередъ, къ окну, совсѣмъ опустилъ стекло и еще разъ посмотрѣлъ на вывѣску.

„Боже мой! Неужели *тутъ* это было?“

Да, это было здѣсь, передъ этой самой смѣшной французской вывѣской зеленщика, между лавкой и набережной Екатерининскаго канала, восемь лѣтъ назадъ, въ свѣтлыя сумерки майскаго вечера...

Онъ повернулъ тогда съ моста на пролеткѣ. Ѣхалъ онъ на лихачѣ. Все было уговорено съ нянькой его Наты. Онѣ ѣхали оттуда, отъ банка. Когда ихъ пролетки встрѣтились, оба извозчика придержали лошадей, дѣвочка бросилась къ нему, ловко и стремительно перескочила, почти упала на его грудь, нянька, для отвода подозрѣнія, крикнула, лихачъ ударилъ вожжой, и они помчались по набережной, потомъ по боковой линіи, черезъ Чернышевъ переулокъ, на Фонтанку, и дальше, дальше, бѣшеной рысью.

Ната дрожала, плакала, прижималась къ отцу, обнимала его ручонками и шептала страстнымъ, прерывистымъ шопотомъ:

— Папа, папа! Дивный ты мой! Дивный! Я—твоя! Мы не разстанемся!

У него кружилась голова и духъ захватывало отъ волненія.

Какъ драгоцѣнна ему была тогда его дѣвчурка!.. Онъ, точно влюбленный, спасался съ нею отъ погони. Еще на дрожкахъ онъ поцѣловалъ ее нѣсколько разъ въ голову, въ плечо, въ ея милый полуоткрытый ротикъ... Бѣшеную ѣзду онъ и теперь какъ будто чувствуетъ, и трескъ пролетки, и мельканіе домовъ, и частые повороты изъ улицы въ улицу. Ната все прижималась къ нему, сердце ея трепетало у него подъ рукой, глаза блестѣли отъ радостныхъ слезъ. Она продолжала шептать:

— Папа!.. Дивный! Дивный!

И этотъ „дивный папа“ удалилъ ее, отослалъ въ провинцію къ кузинѣ, на воспитаніе... Да, удалилъ самъ, по

доброй волѣ. Онъ только успокаивалъ себя доводами, но и тогда самъ въ нихъ не вѣрилъ.

Развѣ мать Наты была ему тогда опасна? Онъ откупился отъ нея: она продала ему своего ребенка. Да и могла ли она начать съ нимъ процессъ, когда всѣ права были на его сторонѣ? Отъ него зависѣло доказать, какую невозможную жизнь она вела! Ея репутація была и тогда слишкомъ извѣстна. Не нужно было бы прибѣгать ни къ какимъ лжесвидѣтельствамъ; но развода онъ самъ не хотѣлъ. Ему его свобода дѣлалась страшна. Онъ боялся новаго увлеченія, за которымъ могъ послѣдовать бракъ, если бы онъ очутился разведеннымъ и съ правомъ на вторичную женитьбу.

Отъ приставаній жены, отъ ея гадостей, жалобъ, доносовъ все равно приходилось откупаться. Онъ и до сихъ поръ это дѣлаетъ! Не дальше, какъ недѣлю назадъ, онъ долженъ былъ послать ей чекъ на контору государственнаго банка, туда, въ губернскій городъ X.

Нѣтъ, онъ самъ избавилъ себя отъ дочери и такъ жестоко бывалъ наказанъ. Каждую зиму нападала на него тоска, пароксизмы острой сердечной заброшенности. Онъ утѣшался чѣмъ могъ... искалъ женской ласки, теплоты, отзывчиваго ума. Развѣ это не понятно, не допустимо, не законно наконецъ?

И на такіе вопросы теперь онъ отвѣчаетъ: нѣтъ! не законно и не допустимо!.. Понятно? Да, пожалуй... Понятно—и все-таки слабодушно, почти отвратительно.

Новая встрѣча съ женщиной, съ той, къ *кому* онъ долженъ попасть черезъ десять минутъ, вызвала это предательство передъ родной дочерью. Онъ хотѣлъ быть свободнымъ, жить опять настоящимъ холостякомъ, чтобы ничто не напоминало ему семейнаго долга, чтобы вытравить, и не изъ одного сердца, а изъ мозга, изъ памяти образъ той развратной шутихи, въ которую онъ вѣдь былъ влюбленъ, велъ ее къ алтарю, любовался ею, чувственно не охладѣлъ даже и тогда, когда она уже встала передъ нимъ во всей своей безпробудной и наивно-цинической порочности!

Все изъ-за роковаго влеченія къ тому, что старыя дѣвы изъ засидѣвшихся холостяковъ называютъ, со сладкой декламаторской дрожью: „Das ewig Weibliche"!..

Симцовъ опять отодвинулся вглубь кареты и полузакрылъ глаза. Его внезапное волненіе стихло. Но ему

вдругъ представилась зала съ покойникомъ на столѣ, среди тропическихъ растеній; клубы ладаннаго дыма ходятъ по комнатѣ. Вдоль стѣнъ и у дверей въ прихожую женскія и мужскія фигуры крестятся, поводятъ головами. Въ углу, окруженная дамами, въ траурѣ съ плерезами, та женщина, которая ждетъ отъ него объясненія именно сегодня.

— Карлъ!—окликнулъ Симцовъ въ переднее окно съ опущеннымъ стекломъ.

Вслѣдъ затѣмъ нажалъ онъ воздушную гуттаперчевую грушу. Раздался звонокъ.

Кучеръ-финнъ придержалъ лошадь.

— Заѣзжайте сначала въ Общество!

Онъ не хотѣлъ заставать панихиды. Хоть на полчаса оттянуть ту минуту, когда ему надо будетъ сказать свое слово. Она ждетъ.

Карета повернула влѣво, переулкомъ выѣхала опять на Екатерининскій каналъ, черезъ нѣсколько минутъ была на Невскомъ и взяла вверхъ, къ Адмиралтейству.

Въ директорской комнатѣ онъ не засталъ никого, и дѣлопроизводитель еще не приходилъ. Онъ сѣлъ за свое бюро, взялъ пачку листовъ, приготовленную для подписи, и задумчиво сталъ смотрѣть въ другую сторону, въ полузатворенную дверь. Отсюда ему видна была канцелярія, съ ея перилами, перегородками и конторками.

Какъ ему пріѣлась эта обстановка страхового общества!.. Но сегодня онъ смотрѣлъ на нее, какъ на что-то свое, спокойное, отводящее его отъ тревоги и недовольства. Ему виднѣлась широкая спина главнаго контролера, сидѣвшаго на проходѣ, у столика. Онъ что-то чертилъ. И курчавые волосы коротенькаго нѣмчика-бухгалтера въ очкахъ, съ круглой маленькой головой, торчавшей изъ-за гроссъ-буха. За прозрачной ясеневой перегородкой, въ кассовой будкѣ, двигалась кассирша, маленькая и пухлая дѣвушка, съ двумя модными гребенками, вколотыми въ высокій шиньонъ, завернутый крендилькомъ; а дальше, на лѣвой стѣнѣ, пестрѣютъ десятки бляхъ всевозможныхъ страховыхъ обществъ, русскихъ и заграничныхъ. Это украшеніе придумалъ одинъ изъ директоровъ. Симцову оно долго не нравилось, оскорбляло его вкусъ, но и эта металлическая пестрота сегодня занимала его, о чемъ-то говорила ему, о дѣятельной жизни, о тѣхъ безчисленныхъ интересахъ, которые завязаны въ эмблемы стра-

хованія всего: имущества отъ огня, пожизненныхъ доходовъ, капиталовъ, посмертныхъ премій... И весь міръ, всѣ пять частей свѣта покрыты этими самыми бляхами...

Дальше блестѣлъ телефонный аппаратъ. Вотъ главный контролеръ встаетъ, кладетъ карандашъ на большой листъ бумаги, входитъ за перегородку и садится къ телефону. Симцову слышно оттуда, какъ тотъ переговаривается сначала по-русски: „Возобновить?“ — „Хорошо!“ — „На два мѣсяца?“ — „Wie gross ist die Summe?“ „Zwanzig Tausend?“ „Sehr gut“.

Текущими дѣлами заниматься не стоитъ начинать.

Симцовъ разсѣянно просмотрѣлъ двѣ-три бумаги. Онъ ничего не понималъ, что читалъ. Глаза его остановились опять, черезъ широкую арку, на конторкѣ и головѣ другого служащаго. Это былъ пожилой, сѣдѣющій брюнетъ. Онъ завѣдывалъ страхованіемъ жизни. Въ эту минуту онъ поднялъ голову, заложилъ за ухо перо и оглянулся на свѣтъ, скудно вливавшійся съ улицы.

„И Павелъ былъ застрахованъ“,—выговорилъ про себя Симцовъ.

Да, покойный мужъ той женщины, къ кому онъ медлитъ и теперь ѣхать, застраховалъ свою жизнь лѣтъ пять тому назадъ. Про это онъ сообщилъ ему же первому, какъ своему пріятелю, совѣтовался съ нимъ. Не трудно было Симцову, какъ директору общества, доставить ему выгодную страховку. Да и рискъ былъ весьма отдаленный. Котомлинъ явился на осмотръ такимъ могучимъ здоровякомъ, приземистымъ, плечистымъ, безъ всякихъ изъяновъ. Любая компанія сдѣлала бы ему льготы. А черезъ годъ схватилъ воспаленіе почекъ, сталъ хирѣть, нажилъ „Брайтову болѣзнь“; начали его посылать съ однѣхъ водъ на другія, каждая зима снова укладывала его въ постель, и вотъ онъ на столѣ, въ глазетовомъ гробу, и въ эту минуту надъ нимъ служатъ панихиду. Замолкъ навсегда онъ—такой шумный; крикунъ, спорщикъ, влюбленный въ свой умъ и смѣтку; тщеславный больше всего въ томъ, что его никто, никогда и ни въ чемъ не проведетъ.

„Никто не проведетъ!“ — съ усмѣшкой и съ холодящимъ ощущеніемъ тайнаго стыда подумалъ Симцовъ. А они съ женой такъ долго и безнаказанно его проводили.

Покойный сообщилъ и женѣ, что она, по его завѣщанію, получитъ двѣ трети его страховой преміи. Осталь-

ную часть онъ оставлялъ на нѣсколько стипендій. Разумѣется, своего друга выбралъ онъ и душеприказчикомъ.

„Такъ всегда бываетъ“, — прибавилъ Симцовъ, и холодящее ощущеніе, тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ груди, не проходило.

И *она* у него, послѣ похоронъ, а можетъ и сегодня, спроситъ: какъ велика та доля страховой преміи, которая пойдетъ ей.

Онъ не имѣетъ права не отвѣтить ей, какъ ни гадко ему будетъ останавливаться на этихъ деталяхъ.

Симцовъ позвонилъ. Въ дверяхъ показался служитель.

— Попросите ко мнѣ на минутку Ардальона Степановича.

Это былъ тотъ сѣдѣющій брюнетъ съ большой бородой, что поворачивалъ голову къ окну.

— Что угодно?—тихо и мягкимъ баритономъ спросилъ контористъ.

— Пожалуйста, Ардальонъ Степановичъ, наведите мнѣ справку: какъ велика страховая премія Котомлина?

— Котомлина? — переспросилъ контористъ. — У насъ ихъ не одинъ на эту фамилію.

— Павелъ Гавриловичъ. Отставной инженеръ, статскій совѣтникъ.

— Слушаю-съ.

— И сдѣлайте мнѣ выписку.

Контористъ ушелъ. Симцовъ откинулся на спинку своего дубоваго кресла, съ углубленіемъ для спины, и полузакрылъ глаза.

Эта страховая премія, совершенно неожиданно выскочившая въ его мозгу, еще ярче представила ему тотъ далекій кабинетъ, гдѣ ему предстоитъ объясненіе.

Готовъ ли онъ къ нему? Неужели онъ опять отдастъ свою судьбу въ руки женщины?

Но какъ же иначе!..

Вѣки его раскрылись. Онъ началъ нервно вздрагивать правой щекой. Этотъ тикъ у него всегда при душевной тревогѣ.

Какъ же иначе, когда каждый „порядочный“ человѣкъ долженъ такъ поступить? Жилъ съ женщиной тайно, при мужѣ, своемъ пріятелѣ, видѣлъ въ ней всегда преданную, ловкую, покладливую возлюбленную, страдалъ только отъ того, что обманывалъ своего товарища дѣтства, человѣка, который дѣйствительно былъ къ нему привязанъ. Быть-

можетъ, только его и любилъ, кромѣ своей жены. И вдругъ—смерть „дарующая“,—онъ такъ мысленно и выговорилъ,—дарующая имъ обоимъ свободу. Кто же мѣшаетъ, по прошествіи приличнаго срока, вступить въ бракъ? Она, конечно, не станетъ приставать къ нему грубо, но чувствуетъ онъ, что именно сегодня, наканунѣ выноса „тѣла“, она своими намеками подведетъ его къ рѣшительному заявленію.

Въ первые два дня неприличны были бы такія изліянія, но сегодня... Часъ наступилъ. Развѣ она можетъ не намекнуть на то, что мужъ, прощаясь съ ними обоими, прошепталъ тихо, но внятно:

— Валерій... поручаю Полю. Вы еще молоды...

Что же это было, какъ не приглашеніе сдѣлаться ея мужемъ?

Въ правой щекѣ Симцова продолжалось подергиваніе.

Контористъ принесъ выписку.

Симцовъ поблагодарилъ его и минутъ пять смотрѣлъ на сумму.

„Шестьдесятъ тысячъ! Двѣ трети ей—сорокъ тысячъ!..“

Но ему эти добавочныя сорокъ тысячъ были только лишній поводъ къ брезгливому чувству.

Онъ сложилъ жестковатый листокъ бумаги, сунулъ его въ карманъ, шумно отодвинулъ кресло и, съ общимъ поклономъ, ни на кого не глядя, прошелъ канцеляріей.

II.

Они остались вдвоемъ, въ угловой—родъ ея кабинета, обтянутаго поблеклой матеріей цвѣта китайской розы.

Прасковья Семеновна сѣла у столика, и ея взглядъ прохаживался сначала вдоль амфилады комнатъ, вплоть до залы, откуда доходилъ запахъ ладана, восковыхъ свѣчъ, хлорной извести... Выносъ тѣла — завтра утромъ. Отъ него идетъ уже духъ, смѣшивающійся съ остальными испареніями залы.

Въ строгомъ траурѣ, съ высокимъ креповымъ барокомъ вокругъ шеи, Прасковья Семеновна помолодѣла и похудѣла въ лицѣ; это ее красило чрезвычайно. Она начинала сильно полнѣть, особенно щеки и двойной подбородокъ огорчали ее самоё. Теперь все это сравнялось. И цвѣтъ кожи сдѣлался ровнымъ, съ чуть замѣтнымъ румянцемъ. Большіе, ласковые, сѣрые глаза смотрятъ ясно. Вѣки слегка только покраснѣли отъ слезъ за панихидами.

Прасковья Семеновна не позволяла себѣ никакихъ истерикъ, столбняковъ, криковъ. Она отстаивала службу тихо, прилично; слезы показывались на ея длинныхъ рѣсницахъ кстати. И на колѣни становилась она беззвучно, держалась прямо, подымала и опускала голову безъ всякаго лишняго нервничанья.

Симцовъ взглянулъ на нее—онъ сидѣлъ по ту сторону столика, на кушеткѣ. Профиль Котомлиной отчетливо выдѣлялся на фонѣ розоватой стѣны. Никто бы ей не далъ больше двадцати восьми лѣтъ. Онъ зналъ, что ей пошелъ тридцать второй.

Имъ обоимъ было не по себѣ, но они отлично хоронили эту неловкость. Она о чемъ-то постороннемъ только что поговорила съ нимъ. Никакого намека и никакихъ чувствительныхъ возвратовъ къ прошлому; еще менѣе упрековъ себѣ, самоосужденій заднимъ числомъ. Ничего!

Это его сначала поуспокоило, а потомъ стало колоть.

Ясно—она ждетъ... Или, быть-можетъ, рѣшила про себя: не слѣдуетъ самой задѣвать того, что онъ „обязанъ" самъ помнить. И не только три дня, недѣлю, двѣ недѣли, а и мѣсяцъ, два мѣсяца она ничего не скажетъ ему, будетъ такъ же нѣжна, весела, когда покойника зароютъ на Волковомъ, не требовательна, нарядна и чистоплотна.

„Да, покладливая особа",—думалъ Симцовъ, и сквозь эти мысли пронизывала его тревога о томъ, чѣмъ же онъ ее теперь станетъ занимать, если дѣло сегодня не дойдетъ до объясненія?

Но вѣдь она сама можетъ говорить за троихъ, все тѣмъ же неизмѣнно пріятнымъ тономъ, свѣтлымъ и низковатымъ голосомъ и чрезвычайно старательнымъ и хорошимъ языкомъ.

Вспомнились ему, вотъ сейчасъ, выходки юмора ея покойнаго мужа, какъ тотъ, бывало, балагуритъ со своимъ „первымъ другомъ".

— Поля—очень удобная жена, придираться нечего... Но потѣха, когда она, въ гостиной, разговариваетъ съ посторонними, а то такъ и со мной, если я ей дамъ разойтись у себя въ кабинетѣ. Видѣлъ ты, Валерій, какъ умненькія дѣвочки, лѣтъ шести, играютъ въ визиты? Посадитъ такая дѣвочка двухъ дамъ на диванъ и начинаетъ за нихъ діалогъ... И все такъ, какъ у большихъ, самыми отборными фразами. И все—въ сурьезъ... Или представляетъ, какъ барыня пріѣхала въ лавку и спра-

шиваетъ: „Какая цѣна?“—„Пятьдесятъ рублей“.—„Ахъ, это слишкомъ дорого,—возьмите сто“.—Такъ и моя Поля.

Котомлинъ, въ своемъ мужскомъ самомнѣніи, считалъ ее именно такой дѣвочкой, играющей въ куклы, а всегда ходилъ по ея указкѣ, не замѣчая того; и умиралъ онъ: гнѣвный, раздражительный, ругатель, скептикъ и даже циникъ—съ кроткимъ чувствомъ къ ней, признательный, умиротворенный.

„Однако, надо же сдѣлать какую-нибудь диверсію“,—перебилъ Симцовъ свои мысли.

Молчаніе черезчуръ затянулось.

— Мой другъ,—раздался голосъ Прасковьи Семеновны,—вы,—они были на „ты“ только у него на квартирѣ,—не поѣдете больше въ ваше Общество?

Слово „Общество“ напомнило ему справку, только что наведенную о страховой преміи.

Онъ всталъ, досталъ листокъ изъ кармана и, молча, подалъ его Котомлиной.

— Что это?

Она приласкала его глазами и протянула полную, бѣлую руку.

— Выписка о страховой преміи.

— Еще успѣется.

— Но слѣдуетъ сдѣлать заявленіе. Вы мнѣ поручите эти формальности, какъ душеприказчику.

Прасковья Семеновна грустно усмѣхнулась, но все-таки спросила:

— Развѣ сумма большая?

— Вамъ идутъ двѣ трети; кажется, сорокъ тысячъ.

— Ну, и слава Богу!—она облегчила себя вздохомъ,—и прекрасно, что это не полмилліона, и даже не сто тысячъ. Меньше будетъ злыхъ толковъ и обвиненій.

И опять взглядъ, ласковый и значительный, далъ ему почувствовать, что она во всемъ полагается на него и ничего не требуетъ; знаетъ, что никто ее не обидитъ—всего менѣе онъ, „ея Валерій“, бывшій всегда такимъ рыцаремъ и джентльменомъ.

Деньги у ней будутъ. Состояніе есть и у нея, свое собственное—цѣлый домъ. Оставлено довольно и мужемъ, кромѣ страховой преміи, въ видѣ родового имѣнія, въ пожизненное пользованіе, и дачи въ полную собственность, и процентныхъ бумагъ. И ея Валерій, хоть и не богачъ, но человѣкъ съ отличнымъ заработкомъ. Онъ ей гово-

рилъ не разъ, что своихъ двадцати тысячъ не проживаетъ, хоть дочь и жена стоятъ ему каждый годъ не одну тысячу.

Все это прошлось въ хорошо устроенной и красивой головѣ Прасковьи Семеновны, причесанной къ лицу, съ мелкими кудельками, плотно прилегавшими ко лбу и вискамъ, и съ завитыми волосками на ея бѣломъ затылкѣ, гдѣ, у праваго уха, замѣтно нѣжилось родимое пятнышко.

Жена его?.. Вотъ о комъ имъ придется говорить прежде всего... Она ему въ этомъ поможетъ... Если, кстати—и сегодня можно будетъ коснуться этого предмета, и, разумѣется, безъ всякихъ слезъ, возгласовъ, легко, съ улыбкой пониманія, какъ испытанный другъ!

Такою она всегда была... Они сошлись незамѣтно... Когда-то его влекло къ ней сильно. То было, всего болѣе, чувственное влеченіе; такъ онъ теперь объясняетъ его. Не одно чувственное... Къ ней притягивала и грація. Лѣтъ пять тому назадъ, когда они впервые бросились другъ другу въ объятія, она была въ полномъ цвѣту. И все въ ней успокаивало и ласкало его, уже издерганнаго и неудачной женитьбой, и борьбой изъ-за дочери, и другими сближеніями съ женщинами... Она не рисовалась, не плакала, не выставляла себя жертвой — щадила его пріятельское чувство къ мужу, когда стала показывать ему, что на немъ остановился ея выборъ. Мужъ относился къ ней какъ самодовольный, властный мужчина, долго считалъ ее малолѣткомъ, хотя и подчинялся ей, незамѣтно для самого себя; но любилъ ее только, какъ красивую и пышную „бабу“—такъ онъ звалъ всѣхъ женщинъ.

Прасковья Семеновна шла за него очень молодой, петербургской дѣвушкой, безъ всякаго колебанія, потому что онъ считался хорошимъ, умнымъ человѣкомъ и выгоднымъ женихомъ. Она мирилась и съ тѣмъ, что его наружность считали всѣ очень некрасивой и даже смѣшной.

А когда пришла пора любить, она полюбила и привлекла къ себѣ мужнина пріятеля, сдѣлала это такъ „благородно“, по ея понятіямъ, что и его совѣсть успокоила не больше, какъ въ два свиданія.

— Чѣмъ же вамъ волноваться, другъ мой? — говорила она ему своимъ металлическимъ голосомъ.—Я васъ полюбила—я и должна нести вину.

Когда на него находили вновь припадки встревоженной совѣсти, она и не думала вторить ему.

— Ты только разсуди, — говорила Прасковья Семеновна. — Я не могла остаться вѣрна мужу... Рано или поздно, я полюбила бы и отдалась бы другому. Развѣ я нахожу въ немъ отголосокъ на все, что во мнѣ есть лучшаго, на то, что и тебѣ нравится, Валерій?.. Другая бы на моемъ мѣстѣ просто ушла...

— И это было бы честнѣе!..—сказалъ онъ ей тогда же.

— Можетъ-быть! — возражала она, нисколько не смущаясь.—Какъ на чей взглядъ! А я говорю:—нѣтъ! Мужъ, по-своему, ко мнѣ очень привязанъ и привыкъ. Для него это былъ бы большой ударъ... особенно при теперешней его болѣзненности. Нѣсколько лѣтъ жизни я у него отняла бы такимъ поступкомъ. Вы съ нимъ стали бы врагами... Ты считалъ бы себя обязаннымъ жениться на мнѣ; ты не свободенъ, твоя жена откупилась бы только страшно-дорогой цѣной, а то и совсѣмъ бы не отпустила тебя...

И онъ начиналъ соглашаться съ ея доводами. Весь тогдашній разговоръ припомнился ему теперь, даже переливы ея болѣе молодого тогда голоса звучали у него въ ушахъ...

— Да я и не хочу никакихъ жертвъ отъ тебя. Я не спекуляцію дѣлала, а просто стала твоей... Ревновать къ мужу ты меня не будешь, Валерій!..

И она вѣрно угадала. Какъ онъ ни допытывался у себя, возмущаетъ ли его то, что любимая женщина, хотя бы и законно, но все-таки принадлежитъ другому,—онъ не настолько страдалъ отъ этого, чтобы такое чувство повело къ разрыву съ ней или съ его пріятелемъ... Онъ зналъ, что Прасковья Семеновна только терпитъ своего мужа. Къ тому же нездоровье его все возрастало... Онъ дѣлался равнодушнѣе къ ней, какъ къ женщинѣ. Ему нуженъ былъ уходъ за нимъ, домашній комфортъ, улыбка ловкой и тактичной жены, отъ которой всегда шелъ воздухъ здоровья, свѣжести, тонкихъ духовъ,—изящной подруги, прекрасно одѣтой и причесанной, сдѣлавшейся вдобавокъ до крайности выносливой и нетребовательной...

А съ нимъ, съ Симцовымъ, Прасковья Семеновна, чѣмъ сильнѣе закрѣплялась ихъ связь, тѣмъ все становилась пріятнѣе въ дружбѣ. Она полюбила чисто-пріятельскія бесѣды съ нимъ о его самыхъ сокровенныхъ испытаніяхъ,

узнала все про жену, про дочь, про его порыванія къ ласкѣ женщины, про жертвы, какія онъ имъ приносилъ, и обиды, еще не зажившія въ его сердцѣ...

Она не хитрила, не клеветала на своихъ бывшихъ соперницъ, не ревновала его ни къ прошедшему, ни къ будущему, которое вставало въ видѣ его дочери — уже взрослой дѣвушки... Она умѣла залѣчивать его раны, какъ никто до нея: находила какое-то особенное удовольствіе въ разговорахъ о его любовномъ прошломъ—и всегда во всемъ становилась на его сторону, безъ лести, безъ слащавости, безъ излишняго преклоненія передъ его личностью, что̀ ему было бы противно.

— Тебя никто не понималъ,—десятки разъ твердила она,—никто, мой бѣдный Валерій... Участь всѣхъ благородныхъ людей, съ твоимъ роковымъ влеченіемъ къ женщинѣ!..

И она не прямо, но довольно прозрачно давала ему понять, что встрѣча съ ней—для него чистое благодѣяніе... Остаться въ душевномъ одиночествѣ онъ не въ силахъ... Опять налетѣлъ бы онъ на какую-нибудь негодницу или пустую бабенку, или истеричку, и нѣсколько лѣтъ жизни убилъ бы на тяжелыя, нелѣпыя связи... Сама судьба послала ему ее, Прасковью Семеновну... Съ ней онъ ни разу не поссорится...

Симцовъ долженъ былъ сознаться, что за цѣлыя пять лѣтъ между ними не всплыло даже никакой мелкой размолвки и ни разу также его связь съ этой женщиной не подала повода къ чему-нибудь, не то что ужъ непріятному, а хоть немножко неловкому въ его дружескихъ сношеніяхъ съ мужемъ.

Все это прошлось по его душѣ... Но отъ всего этого Симцовъ не сдѣлался ближе къ своей любовницѣ...

Ему захотѣлось, чтобы она сейчасъ сказала что-нибудь такое, на что̀ онъ отвѣтилъ бы рѣшительно...

Но Прасковьѣ Семеновнѣ ничего не нужно было рѣшительно...

— Мой другъ,—заговорила она послѣ паузы, которая прошла для него въ возвратѣ къ ихъ прошедшему,—вамъ нѣтъ надобности оставаться у насъ... сегодня.

Она подошла къ нему и положила свою бѣлую руку съ ямочками на его правое плечо.

Онъ чуть замѣтно вздрогнулъ.

Въ эту минуту изъ залы донеслось чтеніе псаломщика,

и ему показалось, что онъ распозналъ запахъ покойника. Ему стало почти физически тошно. А отъ Прасковьи Семеновны пахло его любимыми духами—„испанской кожей"...

Смѣсь физическихъ ощущеній съ нравственнымъ брезгливымъ чувствомъ вызвала въ немъ почти невыносимо-тягостное настроеніе...

И его Прасковья Семеновна поняла по-своему... Но она не могла понять, что самое прикосновеніе ея руки было для него, въ эту минуту, непріятнымъ.

„Вотъ такъ и будетъ до смерти, — быстро началъ думать онъ,—отъ нея не уйдешь. И все такъ же будетъ мягко, удобно... Если захочетъ меня обмануть и взять офицера или тенора, сдѣлаетъ это такъ, что я ни въ жизнь не догадаюсь"...

А рвануть онъ не имѣлъ силъ... Да и какой найти поводъ?..

Придраться къ тому, что въ залѣ, на столѣ, въ глазетовомъ гробу лежитъ тѣло того, кто былъ, при жизни, жертвой ихъ обмана?.. Но вѣдь это покажется подогрѣтымъ повтореніемъ тѣхъ вспышекъ совѣсти, которыя давнымъ-давно замерли въ немъ.

Она въ правѣ будетъ сказать ему прямо въ глаза, какъ она ни сдержанна, что онъ воспользовался „трупомъ" ея мужа только затѣмъ, чтобы убѣжать отъ нея... Вѣдь она ничего отъ него не требуетъ и ни къ какой неприличной сценѣ нѣжности его не призываетъ, тутъ — въ угловой, въ двѣнадцати аршинахъ отъ гроба?..

Безпомощность и малодушіе овладѣвали Симцовымъ.

— Вы разстроены, Валерій!.. — потише сказала она и чуть слышно прикоснулась своими тонкими пальцами къ его сѣдѣющимъ кудрямъ.—Не ѣздите вы опять въ Общество... Дайте себѣ отдыхъ... До завтра посидите у себя... И мнѣ одиночество будетъ полезно.

„Все тебѣ—полезно",—почти со злостью подумалъ онъ, и тутъ же взялъ ея руку, поцѣловалъ притворно-горячо, желая этимъ жестомъ скрыть свое настоящее чувство.

Она подвела его къ дверкѣ и выпустила въ коридоръ, чтобы избавить отъ необходимости идти мимо покойника.

III.

Въ своей холостой квартирѣ, на Надеждинской, гдѣ онъ такъ хорошо—и даже роскошно—устроился, Симцовъ бродилъ изъ комнаты въ комнату.

Сумерки давно надвинулись; онъ не зажигалъ свѣчъ и

не звонилъ человѣку, чтобы засвѣтилъ лампу. Его огромный кабинетъ со скульптурнымъ потолкомъ и рѣзными шкапами, поднимавшимися почти до потолка, ушелъ въ полутьму. Здѣсь и тамъ блѣднѣли бюсты, мраморныя женскія головки, золото переплетовъ тянулось блестящими рядами.

Онъ подошелъ къ одному изъ шкаповъ. На средней полкѣ—онѣ стояли открытыми, безъ стеколъ—началъ онъ разглядывать заглавія, прищуривая слегка глаза.

„Бокль, Исторія цивилизаціи"...—прочелъ онъ вслухъ, и голосъ его упалъ.

Эта книга—въ одномъ изъ русскихъ переводовъ—всколыхнула въ немъ, еще сильнѣе, горькое чувство, заставившее его, передъ тѣмъ, бродить по своей квартирѣ. Давно ли это было, когда „Бокль" служилъ ему лозунгомъ. Прошло уже четверть вѣка. И не одинъ Бокль!.. Симцовъ тогда готовилъ себя въ серьезные ученые или, по меньшей мѣрѣ, въ публицисты съ солидной подготовкой.

Магистерскій экзаменъ былъ рѣшенъ. Цѣлый годъ честной работы. Диссертація уже выяснилась... На нее онъ назначалъ еще годъ...

Гдѣ это все?.. Кто онъ теперь? Петербуржецъ изъ директоровъ страхового общества, старѣющій бонвиванъ, Валерій Ивановичъ Симцовъ, „добрѣйшій малый", по выраженію сотенъ его знакомыхъ,—„простофиля и баричъ", по оцѣнкѣ многихъ настоящихъ дѣльцовъ, человѣкъ, который довольствуется двумя окладами по десяти тысячъ, когда, при своихъ связяхъ, могъ бы быть уже въ милліонныхъ дѣлахъ.

Да, вотъ онъ что! И привели его къ такому положенію женщины. Никто больше.

Еще никогда этотъ жизненный итогъ не вставалъ предъ нимъ такъ строго и съ такой побѣдной ясностью... За научной работой пошли страсти... Или, лучше, одно влеченіе... Оно привело сначала къ браку, а потомъ жизнь повернулась своей затягивающей стороной. Надо было брать то, что текло навстрѣчу. И вотъ онъ—дѣлецъ поневолѣ, сначала брезгливый и недоумѣвающій...

Печальная женитьба затянула въ цѣлый рядъ сдѣлокъ, дала самые жестокіе удары, разбила всякую возможность домашняго „очага", превратила чувство къ своему ребенку въ какую-то запретную страсть, повела къ недугу

одиночества. Тоска по женщинѣ все разрасталась. Сколько было сдѣлано усилій стряхнуть съ себя этотъ недугъ... Ничто не помогло!..

Въ сосѣдней комнатѣ, гостиной, раздались осторожные шаги человѣка. Онъ внесъ лампу и поставилъ ее на бронзовый консоль.

— Если кто придетъ—прикажете принимать?—спросилъ камердинеръ въ дверь.

— Нѣтъ, никого! — порывисто отвѣтилъ Симцовъ, и тотчасъ же поправился:—Артемія Андреевича—примите.

— Слушаю; а въ кабинетѣ зажечь лампу?

— Не надо.

Шаги камердинера стихли. Симцовъ перешелъ изъ кабинета въ гостиную, заставленную мебелью, и оглядѣлъ ее, стоя въ портьерѣ.

И ему представилось нѣсколько женскихъ фигуръ изъ разныхъ годовъ его одинокой жизни. Ната, дѣвочкой-подросткомъ, передъ отправленіемъ ея на югъ, рѣзвилась по этой гостиной. Сюда же приходили и другія женщины, до его связи съ Котомлиной.

Симцовъ отвернулся, почти со стыдливымъ жестомъ, къ двери и попалъ въ надвинувшуюся темноту кабинета.

Но и здѣсь, и въ высокой и просторной комнатѣ—женскіе образы преслѣдовали его.

Книги стояли рядами въ роскошныхъ переплетахъ, но онъ все рѣже и рѣже въ нихъ заглядывалъ. Когда читалъ, то больше вслухъ, романъ или интересную статью, и всегда какой-нибудь женщинѣ. Вонъ матовый блескъ идетъ отъ низкой бронзовой лампы, около диванчика... Подъ него садился онъ и читалъ той, кто помѣщалась съ нимъ тутъ же, или въ углу, у окна — любимое мѣсто его пріятеля, поэта и юрисконсульта, Артемія Андреевича Алексѣева. Про него сейчасъ спрашивалъ Егоръ, камердинеръ.

Симцовъ прозвалъ его Люціемъ, когда перечитывалъ поэму Майкова. И съ тѣхъ поръ это прозвище привилось въ кругу ихъ общихъ знакомыхъ. Онъ — худой, черноглазый, съ южнымъ типомъ, не то сербскимъ, не то итальянскимъ, съ живописными усами и высоко поднятымъ клокомъ волосъ надъ лбомъ, бѣлымъ и задумчивымъ.

Раздался звонокъ. Симцовъ радостно подумалъ:

„Это Люцій!“

Его-то ему и нужно было теперь, чтобы сейчас же излиться. Люцій еще никогда не слыхалъ отъ него такихъ рѣчей, какія накипѣли въ немъ.

— Здравствуйте, душа моя! — заслышался въ дверяхъ грудной голосъ, съ легкимъ налетомъ притупленнаго звука.

Они были на „вы", но ихъ дружба, въ послѣдній годъ, какъ-то сама собою, вступила въ новую фазу, теплой нѣжности.

— Только не о дѣлахъ!— почти крикнулъ Симцовъ.

Артемій Андреевичъ служилъ юрисконсультомъ и въ его Обществѣ.

— Боже избави!—откликнулся Алексѣевъ.

Онъ въ полутемнотѣ подошелъ къ пріятелю и потрепалъ его по плечу. Симцовъ зажегъ на столѣ двѣ свѣчи подъ абажуромъ.

Люцій ходилъ по кабинету тихими, короткими шагами, немного подгибалъ ноги въ колѣняхъ и смотрѣлъ вкось на Симцова.

На его красивой, бритой и худощавой щекѣ усъ лежалъ густой полосою.

По выраженію его глазъ, Симцовъ догадался, что у него опять мигрень.

— Голова болитъ?—нѣжно спросилъ онъ пріятеля.

— Болитъ...

— Но вѣдь это несносно, Люцій!.. Такія постоянныя страданія... Неужели нѣтъ средствъ?

— Еще не придумано, Сима,—пѣвуче отвѣтилъ Люцій.

— Сигара моя не безпокоитъ васъ?

— Нѣтъ...

— Не можетъ быть, чтобы не было средствъ!

— Это наслѣдственный недугъ... Мнѣ заѣзжій консультантъ изъ Парижа говорилъ. Помните, что пріѣзжалъ лѣчить Носова отъ тифа и не вылѣчилъ. Оглядѣлъ меня генеральскимъ взглядомъ, разспросилъ о родителяхъ, и когда узналъ, что отецъ страдалъ подагрой, потрепалъ меня по плечу и сказалъ: „Cher monsieur, c'est la goutte métamorphosée... C'est héréditaire!"

— Какой вздоръ! То подагра, а то мигрень!

— А выходитъ, что такъ. Я повѣрилъ... Лучше мучиться съ вѣрой, чѣмъ безъ вѣры.

И онъ тихо разсмѣялся.

— Солнца вамъ надо, тепла...

— Охъ, это предразсудокъ!

— Солнце-то предразсудокъ?

Симцовъ разсмѣялся. Голосъ и тонъ Люція щекотали его пріятно. Онъ не могъ съ нимъ спорить или подозрѣвать его въ рисовкѣ. Люцій говорилъ всегда искренно, даже и все то, что Симцовъ называлъ парадоксами.

— Ахъ, Сима! Солнце, солнце!.. Не могу я его выносить въ большомъ количествѣ... Ну, жилъ я на югѣ, въ Біаррицѣ, въ С.-Себастьянъ ѣздилъ и въ Пиринеяхъ пилъ воды... Лежишь у себя въ номерѣ, на постели, цѣлый день... Жара! Томленіе! обливаешься весь!.. Богъ съ нимъ, съ солнцемъ!...

— Да вѣдь вы—поэтъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Люцій и вздохнулъ.

Симцовъ опять разсмѣялся.

— Поэтъ, и не любитъ солнца!..

— Вотъ и подите... Я—южанинъ, а люблю Петербургъ, его бѣлыя ночи, его мглу. Люблю лампу подъ абажуромъ, тишь кабинета, поменьше вашего, гдѣ все уютно, гдѣ такъ и хочется быть среди своихъ книгъ, гравюръ, бюстовъ, разныхъ вещицъ, гдѣ привыкаешь къ нимъ все больше и больше, какъ къ живымъ существамъ. Люблю каминъ, и даже просто камелекъ, съ сизымъ, мигающимъ огонькомъ.

Опять мелодія Люціева голоса забаюкала Симцова. Ему хотѣлось излиться передъ этимъ милымъ человѣкомъ, но надо было выворачивать до дна свою душу. Онъ медлилъ. На него находило сладкое малодушіе.

— Бѣжать бы изъ этого гнилого болота!—вырвалось у него, точно противъ воли.

— Некуда бѣжать! Нельзя бѣжать, Сима,—раздался голосъ Люція изъ темнаго угла.—Вездѣ, за границей, забираетъ тоска... Нѣтъ никакой связи...

— Сладкая сентиментальность! И здѣсь никакой, ни съ кѣмъ связи... кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ.

— Ахъ, Сима, въ жизни только двѣ вещи и есть: неизбѣжность смерти и чувство къ женщинѣ...

— Ха-ха!.. — раздался почти злобный взрывъ смѣха.

— Да, душа моя. Если бъ не было ея граціи, ея трепетнаго сердца, того сладкаго обаянія, которымъ она туманитъ намъ глаза и отводитъ отъ скорби всего человѣчества,—жизнь была бы немыслима!..

— Будто?!

Симцову снова захотѣлось разсмѣяться, но онъ сдержалъ себя.

Люцій уже прилегъ на низкое кресло, въ видѣ короткаго античнаго ложа, прикрытое старинной матеріей.

Его голосъ звучалъ такъ же тихо, но теплѣе и яснѣе.

— Немыслимо было бы, Сима,—повторилъ онъ.—Больше ничего нѣтъ, кромѣ этихъ двухъ тайнъ — разрушеніе и созиданіе: смерть и любовь!

— Эхъ, полноте вамъ! Что за мистическій пессимизмъ!..

На сердцѣ Симцова все гуще накипала обида жизни, всѣ частыя и лишнія жертвы, принесенныя женщинѣ, въ погонѣ за миражемъ любви.

— А вы не чувствуете тяжести страданія, вѣчнаго, безплоднаго?

Вопросительная фраза Люція оборвалась на болѣе высокомъ звукѣ.

— Смерть—самая простая вещь. Только глупое воспитаніе дѣлаетъ изъ нея пугало. Я не народникъ, но надо учиться у мужика и у солдата, какъ слѣдуетъ умирать... А женская любовь!..

Симцовъ не договорилъ. Онъ вскочилъ съ мѣста и заходилъ по кабинету.

Рѣчь его полилась тогда злобно и бурно.

Онъ еще никогда такъ не исповѣдывался своему пріятелю. То, что̀ онъ молча перебиралъ въ кабинетѣ, когда глядѣлъ на полки книгъ и бродилъ изъ гостиной, по столовой, по спальнѣ—всѣ холодящіе итоги, смѣшанные съ жалостью къ себѣ, къ тому человѣку, который могъ бы создать нѣчто, уйти въ науку, въ высшія мозговыя наслажденіи—толпились на губахъ его.

Онъ почти задыхался, такъ стремительно, страстно лилась его рѣчь.

Люцій закурилъ папиросу. Изъ темнаго угла его большіе глаза свѣтились сочувственнымъ огонькомъ.

Онъ ни разу не прерывалъ Симцова, далъ дойти ему до послѣднихъ выходокъ противъ того, что самъ возводилъ въ единственную усладу и плѣнительную тайну жизни.

И въ отвѣтъ онъ сталъ, не предупредивъ Симцова, чье онъ стихотвореніе читаетъ, произносить вздыхающими, элегическими звуками свою думу, набросанную имъ надняхъ, еще необдѣланную, внезапно вызванную въ его памяти исповѣдью пріятеля:

Если грустно тебѣ—можно горю помочь,
Только фею-мечту призови!
Въ этотъ мигъ на землѣ гдѣ-то лунная ночь,
Кто-то шепчетъ о вѣчной любви!
Богъ любви не сгораетъ въ чудесномъ огнѣ,
Онъ не умеръ, онъ въ сердцѣ чужомъ...
И подумай, зачѣмъ онъ, подобно волнѣ,
Вѣкъ поетъ и не скажетъ о чемъ?
И зачѣмъ на устахъ опьяняющій пылъ,
А на сердцѣ молитвы безъ словъ,
И порывъ къ чудесамъ отдаленныхъ свѣтилъ,
И прилетъ очарованныхъ сновъ?..
Въ эту тайну вглядись... и разсѣется прочь
Мгла, покрывшая думы твои:
Въ этотъ мигъ на землѣ гдѣ-то лунная ночь.
Кто-то шепчетъ о вѣчной любви! *).

Симцовъ стихъ и присѣлъ въ кресло, за однимъ изъ низкихъ шкапчиковъ, такъ что ему не видно было Люція.

Не напускной пессимизмъ, не слащавая чувственность слышались ему. То было особое, новое настроеніе людей, которые приводились ему младшими братьями. Онъ не хотѣлъ съ ними соглашаться, не понималъ ихъ. Въ этихъ полупечальныхъ звукахъ было что-то лелѣющее и человѣчное, и жалкое, и смѣлое, и обаятельное по своему призыву къ „вѣчной любви“, по преклоненію передъ ненавистной ему въ ту минуту „вѣчно-женственной“ стихіей.

— Повторите! Повторите! Пожалуйста!—попросилъ онъ порывисто, когда голосъ Люція смолкъ, точно растаялъ.

— Извольте, Сима.

Поэтъ прочелъ стихотвореніе еще разъ, тѣмъ же тономъ, съ тѣми же, будто вздыхающими, переливами голоса.

Послѣ небольшого молчанія, Люцій заговорилъ еще тише, чуть слышно, какъ бы въ забытьи. Симцовъ впалъ тоже во что-то среднее между дремой и забытьемъ и сладко сознавалъ свою душевную разбитость. Ему не хотѣлось двигать ни однимъ членомъ. Онъ полузакрылъ глаза и тихо дышалъ.

— Повѣрьте, Сима,—слышался ему голосъ Люція, скрытаго отъ него въ своемъ темномъ углу. — Только этимъ вы измѣряете путь жизни. Потери, обиды, ревность, безуміе... вся позорная неволя, налагаемая женщиной, весь адъ... Только тутъ и жизнь. Придетъ минута, Сима, она придетъ. Не зовите ее, Бога ради, не зовите! Она вѣдь неизбѣжна, какъ смерть. Придетъ — и тогда все поблек-

*) Это стихотвореніе не принадлежитъ автору.

нетъ, посѣрѣетъ, замретъ, впереди нѣтъ уже больше огонька, что заманивалъ васъ предательски. Онъ чуть мелькаетъ. Вотъ онъ взвился въ послѣднiй разъ, ловите его... Онъ только и являлся нашему великому учителю — Пушкину, его божественной эллинской душѣ... Какой прощальной улыбки ждетъ онъ?.. Съ какой надеждой подводитъ свои итоги? Вы знаете... Зачѣмъ я стану повторять здѣсь?

Мысль Симцова вдругъ пробудилась. Люцiй не убаюкалъ, а расшевелилъ въ немъ его исконную жажду. Ему не хотѣлось соглашаться съ поэтомъ; себя онъ считалъ глубоко правымъ... Если поддаться этой растлѣвающей жалости къ себѣ, къ женщинѣ, ко всему человѣчеству — опять начнется то же... а тамъ, вдали — позорная неволя, о которой сейчасъ вдохновенно шепталъ поэтъ.

IV.

Вошелъ камердинеръ.

— Валерiй Ивановичъ, — доложилъ онъ осторожно. — Васъ дама желаетъ видѣть...

„Господи! — вскричалъ про себя Симцовъ. — Это — Полина!.. Зачѣмъ?“

Люцiю была извѣстна его связь съ Котомлиной, хотя они никогда не говорили прямо о ней. Но все-таки Симцову сдѣлалось неловко и непрiятно.

— Прасковья Семеновна? — спросилъ онъ, выходя въ гостиную.

— Никакъ нѣтъ... Вотъ ихъ карточка.

Симцовъ прочелъ:

„Аполлинарiя Кирилловна Симцова“.

„Жена!“

Первое малодушное движенiе свое — не принять — Симцовъ подавилъ. Человѣкъ его не посмотрѣлъ на карточку... Да онъ врядъ ли и зналъ, что у барина есть жена. Жилъ онъ у него только второй годъ.

Симцовъ быстро вернулся въ кабинетъ, и въ дверяхъ сказалъ камердинеру:

— Попросите въ столовую.

Онъ притворилъ за собой дверь и оглянулся:

— Люцiй!

— Кто это, Сима?

— Жена моя...

— Какая жена?

— Ахъ, Люцiй!...

— Да я совсѣмъ забылъ, душа моя...

Это признаніе было выговорено такимъ искреннимъ звукомъ, что Симцовъ тихо разсмѣялся...

— Я долженъ ее принять!..

— Угодно, чтобы Люцій удалился?.. Хорошо. Мнѣ бы полежать немного.

— Пройдите въ мою спальню...

— Конференція долго продлится?

— Не знаю.

— Если нужна будетъ консультація — вы знаете: я къ вашимъ услугамъ.

Люцій лѣниво поднялся и пошелъ къ дверямъ въ коридоръ.

— Спасибо, Люцій!

— Не за что, милый...

Этотъ двухминутный разговоръ полушопотомъ пріободрилъ Симцова.

Въ гостиной онъ позвонилъ.

— Попросите эту даму сюда..

Онъ сѣлъ къ камину.

Лучше ему выдержать предстоящее объясненіе въ мягкомъ креслѣ. Она не уѣдетъ раньше, какъ черезъ часъ... да и то врядъ ли...

Заслышался изъ столовой звонкій, грудной, очень сочный голосъ.

Симцовъ невольно вздрогнулъ. Этотъ голосъ остался все тотъ же. Когда-то, около двадцати лѣтъ тому назадъ, онъ его заставлялъ волноваться сладкимъ чувственнымъ волненіемъ первой молодости. Голосъ вылеталъ изъ мраморной груди блистательной дѣвушки, рослой, съ роскошной косой, съ раскатистымъ смѣхомъ, увлекавшей своимъ пылкимъ, яснымъ темпераментомъ.

„Увлекавшей“?!

Въ гостиную вошла крупная, еще довольно стройная дама. Ея пышный бюстъ и талія, перетянутая золотымъ кушакомъ, придавали всей ея фигурѣ моложавость. Она была въ пестромъ платьѣ съ шитьемъ, кружевами и разными балаболками. На головѣ, нѣсколько набокъ, сидѣла высокая шляпа съ перьями и большимъ бантомъ, въ видѣ щитка...

Симцовъ разсматривалъ, по мѣрѣ того, какъ она приближалась, это огрубѣвшее, теперь только курьезное лицо, съ толстымъ вогнутымъ носомъ, подрумяненныя щеки,

точно нащипанныя морозомъ, брови, подкрашенныя слишкомъ старательно, темный ободокъ вокругъ рѣсницъ и бѣлые еще зубы, короткіе и образующіе два угла у рѣзцовъ, завитые волоса свѣтло-каштановой чолки и даже маленькую родинку на пухлой щекѣ, собственно не родинку, а искусственно зарисованную бородавку, которая не сошла отъ ляписа.

— У васъ есть гости?—спросила Аполлинарія Кирилловна, еще на ходу и по-французски.

У ней былъ заграничный выговоръ, не утратившій своей красивости, съ поддѣльной горловой вибраціей звука: „r“; по-русски она совсѣмъ не картавила. Съ выговоромъ этимъ она выѣхала изъ Швейцаріи, гдѣ, въ Женевѣ, воспитывалась въ пансіонѣ одной ученой пожилой дѣвицы — парижанки...

— Мы можемъ говорить свободно... намъ мѣшать не будутъ...

Они были на „вы“, на обоихъ языкахъ... Этого тона строго держался онъ.

Симцовъ впередъ зналъ, что она явилась за деньгами— за экстреннымъ пособіемъ, сверхъ того, что онъ посылаетъ ей вотъ уже болѣе десяти лѣтъ...

„Неужели она знаетъ про смерть Котомлина?“ — спросилъ онъ себя внезапно, прежде чѣмъ она сдѣлала ему вопросъ про эту смерть.

— Я не думала попасть въ Петербургъ. Это такъ неожиданно... Наша дочь здорова? Давно вы получили отъ нея письмо?

Фразы Аполлинарія Кирилловна сыпала чрезвычайно легко и звонко, такъ что ея голосъ, сохранившій чисто-дѣвическія вздрагиванія, разносился по гостиной и кабинету.

Она знала, что упоминаніе о ихъ дочери ему всегда крайне непріятно, но у ней это могло выскочить такъ, безъ всякаго злого умысла...

Не отвѣчая на ея послѣдній вопросъ, Симцовъ спросилъ ее:

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

Онъ давно принялъ за правило держаться съ нею самой изысканной, педантической учтивости...

Но этимъ нельзя было вразумить Аполлинарію Кирилловну.

Черезъ минуту она опять вернулась къ дочери.

— Большая особа? Не правда ли? Я о ней спрашиваю не за тѣмъ, чтобы отнимать ее у васъ.

Громкій грудной смѣхъ ея разнесся опять по комнатамъ.

— Она въ такомъ возрастѣ — ее нельзя отнимать, — сдержанно замѣтилъ Симцовъ и перемѣнилъ позу.

Аполлинарія Кирилловна уже перескочила къ другому предмету, но Симцовъ зналъ, что это „сорочье скаканье“ не помѣшаетъ ей подойти довольно ловко къ тому, съ чѣмъ она пріѣхала, что сидитъ у ней въ головѣ.

„Сколько ей?.. Поскорѣй бы говорила!“—съ брезгливой нетерпѣливостью думалъ онъ.

Такіе внезапные пріѣзды могутъ продолжаться еще много лѣтъ... До самой его смерти. Почему же онъ не откупится отъ нея навсегда?.. Вѣдь она имѣетъ на него права, а онъ ее долженъ терпѣть и терпитъ, по собственной слабости, или изъ тайной боязни чего-нибудь скандальнаго... Она можетъ отыскать дочь, затѣять тамъ, гдѣ Ната воспитывается и живетъ, глупую и пошлую исторію, броситься, ни съ того, ни съ сего, къ губернатору, къ прокурору. Положимъ, у нея репутація самая некрасивая, но она не опорочена по суду, ни у кого нѣтъ формальнаго права считать ее продажной женщиной. У ней есть рента отъ мужа... Онъ уплачиваетъ ей по условію... Живетъ она по виду, который тѣмъ же мужемъ выданъ ей...

И такія отношенія протянутся до самой его смерти... Но они непремѣнно осложнятся. Когда она постарѣетъ, она будетъ безпокоить дочь, если не для денегъ, то по своей шумной навязчивости, или ударится въ высокія чувства. До выхода Наты замужъ, начнется опять раздираніе этой родительской грамоты. Кто знаетъ, быть-можетъ, Ната—какъ дѣвушка съ нынѣшними взглядами—увидитъ въ матери чуть не жертву.

И это возможно...

— А вы, навѣрно, не догадываетесь, — на всю комнату заговорила, почти закричала Аполлинарія Кирилловна, — зачѣмъ я къ вамъ явилась?

— Немножко...—сквозь зубы протянулъ онъ.

Она встала, выпрямилась, подперла себя въ бока своими полными и еще красивыми руками, откинулась бюстомъ и расхохоталась.

Перекаты ея хохота навѣрно разбудили Люція, если онъ заснулъ.

Объ этомъ съ досадой подумалъ Симцовъ.

— Я дѣлаю блестящую партію!.. честное слово!..

Ея нѣсколько грузный шагъ отдавался глухими звуками по пушистому ковру.

— Поздравляю васъ...

— Но вѣдь я не свободна!

И опять хохотъ.

Первое чувство Симцова было — радость. Выходитъ замужъ!.. Чего же лучше?! Навсегда вырѣзаетъ болячку... Но это можетъ быть самой плутовской уловкой?.. Вытянуть отъ него пособіе, наболтать, начать писать разныя небылицы и чрезъ годъ возобновить эту мистификацію.

— Да, блестящую партію, — продолжала она, расхаживая по гостиной, — и черезъ полгода, если все пойдетъ быстро, я—губернская предводительша.

— Поздравляю!—повторилъ онъ, уже охваченный своими сомнѣніями.

— Не думайте, что это пустяки! Это очень серьезно... Я вамъ все разскажу.

Она подошла къ креслу, придвинула его къ мѣсту, шумно сѣла, приняла пріятельскую позу, уперлась обоими локтями о колѣни и начала ему передавать исторію своей недавней побѣды, пространно, съ ужимками шаловливой дѣвочки, прерывала свой разсказъ взрывами смѣха, дотрогивалась до его плеча и даже до одного изъ его колѣнъ и безпрестанно спрашивала:

— А? Каково?! Вотъ мы какіе пожары производимъ въ сердцахъ! Недурно?!.

Симцовъ слушалъ безъ оживленія, безъ досады, безъ интереса, но его сомнѣнія разсѣивались. Все это могло весьма и весьма случиться: пожилой предводитель дворянства, вдовецъ, бездѣтный, немного уже пришибленный первымъ легкимъ параличомъ, но еще съ остатками красоты „un ex-beau“ — попросту старѣющій развратникъ — могъ подъ веселую руку найти пикантность и въ такой женщинѣ... Почему же нѣтъ?..

Претендентъ ея теперь съ ней въ Петербургѣ. Онъ вполнѣ надѣется на порядочность ея мужа и его полное согласіе. У него большія связи—и служебныя, и родственныя... Добиться развода ничего не будетъ стоить.

— И вотъ это главное—вамъ, Валерій, вся эта процедура ничего не будетъ стоить... Ха-ха-ха! Это васъ удивляетъ? Ни одной полушки! Вы отъ этого отвыкли? Бѣд-

денькій! Но вѣрьте, послѣдній вашъ переводный вексель, дѣйствительно, былъ послѣдній... Честное, благородное слово!.. Отъ васъ мы ничего не требуемъ—ни онъ, ни я... Ничего!.. Я уже считаюсь его невѣстой... Простите, что я на это не спросила вашего разрѣшенія.

Ея игривость дѣлалась заразительно-добродушной, и онъ даже изумлялся про себя, какое богатство наивныхъ и чистосердечныхъ звуковъ она пронесла сквозь свою загрязненную жизнь.

„Неужели я не радъ?"—спросилъ онъ себя подъ шумъ ея все еще не умолкавшихъ рѣчей. Такъ-таки и не радъ? Но вѣдь это—подарокъ судьбы... Не явись она—ему самому слѣдовало бы не сегодня—завтра...

Онъ тутъ только вспомнилъ, что передъ нимъ новая любовная перспектива, новая жизнь, съ полнымъ обладаніемъ той женщиной, которая до смерти его пріятеля только тайно принадлежала ему. Еще не дальше, какъ сегодня утромъ, онъ готовился къ рѣшительному объясненію съ нею... И оно настанетъ—не черезъ недѣлю, такъ черезъ мѣсяцъ. Онъ самъ первый нравственно обязанъ предложить ей бракъ... А какъ бы онъ могъ осуществить его, этотъ бракъ, иначе, какъ откупившись отъ Аполлинаріи Кирилловны? Да и сомнительно, согласилась ли бы она и за большія деньги? Можетъ-быть, какой-нибудь адвокатикъ, изъ ея любовниковъ, далъ бы ей совѣтъ не соглашаться, а пользоваться пожизненной рентой, что̀ гораздо безопаснѣе съ ея натурой и транжирствомъ.

„Но отчего же я не радъ?" — почти со стыдомъ спрашивалъ Симцовъ, пока Аполлинарія Кирилловна все говорила.

Онъ принудилъ себя сознаться, что „долженъ" быть радъ... Уже одно то хорошо, что изъ его существованія выпадаетъ такая особа, что онъ окончательно можетъ избавить дочь отъ новыхъ сношеній съ подобной матерью...

— Что̀ же вы на все это скажете? — вскричала она и сдѣлала такое сильное движеніе всѣмъ своимъ мясистымъ корпусомъ, что у ней что-то лопнуло въ туалетѣ.

Она сейчасъ же это замѣтила, пощупала рукой, расхохоталась и вскочила съ кресла.

— Вотъ это прекрасно!.. У васъ, конечно, нѣтъ горничной?

— Нѣтъ!

— Ничего! Я пройду въ спальню...

Симцовъ замѣтилъ:

— Въ спальнѣ... неудобно!..

— Ха-ха! Есть женщина?

Онъ ей объяснилъ, кто тамъ.

— Ничего! Этотъ вашъ другъ стало—адвокатъ?

— Адвокатъ.

— И прекрасно! Онъ меня извинитъ, если я его потревожу... Пускай здѣсь приляжетъ или въ кабинетѣ... Мы его заставимъ сейчасъ же дать намъ совѣтъ... и всѣ законы... Ахъ! Главное-то я вамъ не сказала!—остановилась она на полпути.

— Что̀ такое?..—съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ Симцовъ.

— Мнѣ все равно—за кѣмъ признаютъ вину... за мной или за вами... Пожалуй, хоть за мной... Мой женихъ говоритъ, что запрещеніе вступать въ бракъ — чистые пустяки... Мы ѣдемъ за границу и тамъ первый попавшійся греческій попъ насъ обвѣнчаетъ... Ха-ха!.. Господи! да, кажется, у меня просто отстегнулась подвязка... Тѣмъ лучше для вашего друга... онъ можетъ остаться на кровати... Прикажите человѣку посвѣтить.

Она пошла къ передней, что-то сказала камердинеру, еще разъ разсмѣялась. Потомъ до слуха Симцова долетѣлъ гулъ веселаго разговора съ Люціемъ, а черезъ двѣ минуты показалась въ портьерѣ изъ кабинета фигура поэта.

— Сима!..—тихо окликнулъ онъ возбужденнымъ шопотомъ.—Это и есть супруга?..

— Это и есть!..

— Да она прекурьезная.

— И очень!..

— Проситъ меня остаться на часокъ, а васъ проситъ угостить насъ чаемъ.

— А мигрень?

— Легче.

— Вы согласны остаться?

— Согласенъ... Вѣдь и въ ней есть что-то.

— Въ комъ?

— Да въ вашей женѣ.

— Что̀ еще?

— Да то же, das ewig Weibliche!

Симцовъ не разсердился потому только, что онъ не могъ сердиться на Люція.

V.

Они сидѣли позднѣе, въ столовой, тѣсноватой комнатѣ, заставленной дубовой мебелью, со множествомъ тарелокъ и блюдъ по стѣнамъ.

Люцій разливалъ чай. Его боковой взглядъ переходилъ отъ Симцова къ его женѣ. Тому было не по себѣ отъ затянувшагося визита жены. Но Люцій нѣтъ-нѣтъ да взглядывалъ на него и такими молчаливыми обращеніями какъ бы говорилъ ему:

„Все пройдетъ... Все вѣдь и прошло. Развѣ можно стыдиться за предметъ прежнихъ увлеченій, какія бы они ни были? Развѣ женщина не хранитъ въ себѣ великой тайны? Теперь и пуста, и перезрѣла, и подкрашена, и рѣзко хохочетъ... А было время, когда къ ней тянуло!.. И за это надо благодарить!“

Симцовъ мало принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Аполлинарія Кирилловна въ одну минуту сошлась съ Люціемъ; узнавъ, что онъ стихотворецъ, начала читать вслухъ стихи, больше французскіе, изъ его любимаго поэта Ришпэна, что̀ ему очень понравилось. Онъ хвалилъ ея голосъ и отличное французское произношеніе. Декламація чередовалась съ разсказами о ея заграничномъ воспитаніи, о Парижѣ, объ Остенде, о губернскихъ нравахъ; у нихъ нашлись и общіе знакомые съ Люціемъ; обращалась къ нему, какъ къ юристу, просила помочь ей по бракоразводному дѣлу. О согласіи мужа она говорила уже какъ о вещи рѣшенной. Симцовъ слушалъ и не возражалъ. Люцій, полушутя, отвѣчалъ на ея вопросы, назвалъ ей двоихъ извѣстныхъ ходатаевъ по такимъ дѣламъ. Онъ обѣщалъ ей прислать ихъ адресы.

— Я стою въ Hôtel de France, номеръ шестнадцатый,— кинула она черезъ самоваръ и въ сторону мужа, точно приглашая и его.

„Скоро ли это кончится?“ — взглядомъ спросилъ Симцовъ Люція и чуть было не посмотрѣлъ на свои карманные часы.

„Будьте кротки, Сима,—отвѣчали ему завеселѣвшіе глаза Люція.—Все улаживается въ вашу же пользу...“

Но вотъ Аполлинарія Кирилловна сдѣлала движеніе какъ будто она желаетъ встать.

Это такъ только показалось Симцову.

— Угодно еще?—спросилъ ее Люцій, указывая на ея

пустую чашку своимъ худымъ и блѣднымъ указательнымъ пальцемъ.

— Полчашки! Вы такъ вкусно наливаете... Monsieur Тимоѳеевъ...

— Алексѣевъ!—кротко поправилъ ее Люцій.

— Pardon, у меня куриная память!.. Такъ, не правда ли, Валерій — Симцовъ внутренно съежился отъ этого тона жены — вовсе не обязанъ брать вину на себя? Ему это нужнѣе, чѣмъ мнѣ.

— Почему?—чуть слышно спросилъ Люцій.

— А какъ же!.. Вѣдь у него есть... вы знаете...

Она подмигнула черезъ столъ.

— Онъ живъ или умеръ... ея благовѣрный?—спросила она Симцова.

Надо было отвѣчать. Разсердиться—совсѣмъ не кстати... Люцій все знаетъ, да и она, быть-можетъ, явилась, уже провѣдавъ про смерть Котомлина.

Люцій изъ скромности опустилъ голову.

— Котомлинъ скончался, — твердо и сухо выговорилъ Симцовъ.

— А! Вотъ какъ!.. Давно?

— Третьяго дня... Завтра похороны...

— Какъ же вы... не тамъ?..

Она опять подмигнула подкрашеннымъ глазомъ и наморщила крыло своего жилистаго носа.

Ему ничего не хотѣлось отвѣтить ей, но присутствіе Люція стѣсняло его; общій тонъ былъ легкій, добродушный. Нарушить его выходкой или угрюмымъ видомъ— нелѣпо... Дать понять ей, что послѣ извѣстія о смерти мужа его любовницы, нельзя продолжать въ томъ же духѣ—ему не удавалось.

— Какъ все это кстати... для васъ,—продолжала она, не дождавшись отвѣта на предыдущую фразу,—вы мнѣ... vous me devez une fière chandelle, mon ami, — докончила она и со смѣхомъ встала.

„Неужели уйдетъ?“ — почти съ дѣтскою радостью подумалъ Симцовъ.

Оба мужчины встали вслѣдъ за нею.

— Monsieur...

— Алексѣевъ!—подсказалъ невозмутимо Люцій.

— Такъ я васъ жду... послѣзавтра, даже завтра... Позвольте на васъ разсчитывать... А васъ, Валерій Ивановичъ, я не буду безпокоить. Ха-ха! Если къ вамъ

явится отъ меня какой-нибудь... какъ это говорятъ... аблакатъ?.. Вы не сердитесь на меня... Нельзя же! Надо пройти черезъ всѣ мытарства.

Они проводили ее до передней и, вернувшись въ гостиную, сѣли другъ противъ друга около камина.

— Что̀ скажете, Люцій? — все еще тихо выговорилъ Симцовъ.

Ему было почти стыдно оттого, что онъ не можетъ быть вполнѣ искрененъ съ Люціемъ. Тотъ, конечно, и не подозрѣваетъ, по чистотѣ своихъ помысловъ, что свобода, представшая передъ его другомъ въ видѣ этого развода, она-то именно и смущаетъ его.

Признаться въ этомъ—жутко. Таить—не хорошо.

Люцій закурилъ папиросу—четвертую изъ пяти, которыя позволялъ себѣ въ день, протянулъ худыя ноги и шутливо вздохнулъ.

— Сима, вѣдь ваша жена права. Vous lui devez une fière chandelle.

— Въ какомъ смыслѣ?

Вопросъ звучалъ двойственно.

— Свобода, душа моя... Сколько лѣтъ вы тяготились этимъ опостылымъ союзомъ. Кажется, это не мистификація. Она уже слишкомъ заряжена своимъ новымъ бракомъ...

— Она всегда заряжена.

— Пользуйтесь...

Тутъ-то и нужно бы излиться передъ нимъ... Чего же прямѣе, послѣ той тирады противъ женщинъ, въ кабинетѣ?

Языкъ Симцова былъ скованъ. Зайдешь слишкомъ далеко и выдашь себя — свое затаенное чувство. Люцій — жрецъ культа женщины; передъ нимъ вдвое щекотливѣе обнажать свое возмущеніе противъ тираніи этого культа... А если уже говорить, то говорить прямо, рѣзко, безъ малѣйшей утайки, съ сознаніемъ своего права на протестъ, на этотъ внезапный бунтъ... Но никакой бунтъ не извиняетъ его поведенія. „Поведеніе!“ повторилъ онъ про себя и нервно завозился въ креслѣ.

— Люцій!—окликнулъ онъ жалобной нотой.

— Сима?

— Неужели не лучше рѣзнуть разомъ, чѣмъ испытывать постоянное выгораживаніе какого-то выдуманнаго долга?.. Чувство—властно, неудержимо... оно царитъ съ

тиранствомъ и болью... Не поддаться ему нельзя, когда кровь не уходилась, или силенъ идеалъ, то, во что мы сами одѣваемъ первую попавшуюся бабенку. Но выполнять долгъ, быть рабомъ его потому только, что такъ дѣлается, или женщина не желаетъ тебя выпустить... Это тиранство, нелѣпое и возмутительное!

Онъ и не взвидѣлъ, какъ выдалъ себя. Все тутъ было: жалоба, бунтъ противъ женщины, желаніе уйти, не исполнить своего долга.

Но Люцій не спѣшилъ откликнуться. Кажется, онъ и не понялъ, слѣдя за какой-нибудь своей мыслью, что за чувство прорвалось во фразѣ его друга...

— Освобожденіе—сладкая вещь,—наконецъ вымолвилъ онъ и обратился лицомъ къ Симцову.—Когда наступаетъ минута и нѣтъ плѣненія, того, что налагаетъ женщина... Кто можетъ творить, для того такой моментъ становится рѣшающимъ.

Онъ сдунулъ пепелъ съ папиросы, прибралъ ноги и проговорилъ пѣвуче, съ тихой радостью:

„Прошла любовь, явилась муза
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ“...

— Чье это?—окликнулъ Симцовъ.

— Сима! *чье?* Срамъ какой! Вы забыли это?

И онъ оттянулъ все слово.

— Я ничего не помню!

— Какъ, и дальше не помните?

„Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ...
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ моей душѣ совсѣмъ утихнетъ!“

— Ну, Пушкина, что ли?

— *Что ли*... Прощаю вамъ, во имя пестрыхъ волненій сегодняшняго дня! А изъ какой строфы, изъ какой главы—я не хочу васъ обижать, не спрашиваю: откуда... Это было бы оскорбленіемъ.

— Не знаю, не помню,—рѣзковато сказалъ Симцовъ.

— Строфа пятьдесятъ девятая, предпослѣдняя въ первой главѣ...

Симцовъ успѣлъ овладѣть собой. Нѣтъ, онъ не можетъ обнажать себя передъ Люціемъ, хотя тотъ, по широкой своей терпимости, по особому всепрощенію поэта-песси-

миста, все бы понялъ и не сталъ бы читать ему нравоученій.

— Неужели вы, Сима, не довольны такимъ совпаденіемъ обстоятельствъ?—спросилъ Люцій.

— Я ничего не говорю, — хмуро отвѣтилъ Симцовъ и поднялся.

Ему стало еще тяжелѣе. Онъ въ состояніи былъ наговорить этому милому человѣку какихъ-нибудь если не явныхъ колкостей, то ненужныхъ и, пожалуй, обидныхъ вещей... А вѣдь вина его только въ томъ, что онъ здѣсь очутился...

— Право, все уладится,—продолжалъ Люцій, доканчивая папиросу.—Сима, не записывайтесь въ старики... умоляю васъ, душа моя... Такъ или иначе... съ новымъ ярмомъ или въ свободномъ сожительствѣ, но затяните эту полосу жизни, затяните... Вы слышали:

Онъ закрылъ глаза, откинулъ голову на мягкій валекъ кресла и проговорилъ:

„Если грустно тебѣ, можно горю помочь,
Только фею — мечту призови!
Въ этотъ мигъ на землѣ, гдѣ-то въ лунную ночь
Кто-то шепчетъ о вѣчной любви“.

— Бракъ—могила любви!..—проговорилъ Симцовъ и отошелъ къ лампѣ поправить абажуръ.

— Ха-ха!—вдругъ, странно—Симцову показалось даже совсѣмъ некстати—разсмѣялся Люцій и тоже всталъ.

— Что жъ тутъ смѣшного?..

— Вы не знаете... Бракъ — могила любви!.. Я защищалъ дѣвицу, покусившуюся на жизнь женатаго человѣка; онъ былъ съ ней въ связи и бросилъ. На судѣ она приводила его соблазнительныя рѣчи. Онъ ходилъ къ ней и жаловался на прѣсноту своего супружества и все повторялъ ей фразу, которую, кажется, считалъ своего сочиненія: „бракъ—могила любви“! Ха-ха!

— Вотъ что,—выговорилъ Симцовъ и застыдился того, что слова его такъ глупо прозвучали.

— Прощайте, Сима... вы подавлены наплывомъ ощущеній!.. Утро вечера мудренѣе.

Симцовъ быстро подошелъ къ Люцію, взялъ его обѣими руками за его сухощавый, гибкій станъ и привлекъ къ себѣ.

— Простите, другъ Люцій, простите, я сегодня гнусно настроенъ... Спасибо!..

— Отдыхъ и одиночество нужны Симѣ.

Люцій выдвинулся изъ гостиной тихо, своей колеблющейся походкой, немного подаваясь въ колѣняхъ. Симцовъ проводилъ его до передней и вернулся въ кабинетъ.

Онъ былъ такъ разбитъ, что легъ на диванъ съ ногами. Ему хотѣлось забыться сейчасъ же. Но сонъ не шелъ.

Неожиданный смѣхъ Люція и разсказъ про защиту дѣвушки, стрѣлявшей въ соблазнителя, который прикрывался фразой „бракъ—могила любви",—оставили въ его душѣ новый слѣдъ.

„Эту дѣвушку навѣрно оправдали,—думалъ онъ, лежа съ закрытыми глазами, но снова съ возбужденной головой.—Навѣрно оправдали"...

И сейчасъ же мысль его перескочила отъ той, неизвѣстной ему дѣвицы, къ женщинѣ, которая, по доброй волѣ, отдалась ему когда-то, прожила съ нимъ въ тайной связи, сдѣлалась его сообщницей, сама невозмутимо обманывала мужа и ему помогала въ этомъ честномъ дѣлѣ, и теперь „законно" будетъ требовать вознагражденія, прикрытія ихъ сообщничества... Онъ еще не старый мужчина, онъ можетъ еще мечтать о новыхъ встрѣчахъ и повторять элегіи Люція; а она считаетъ по-своему, по-женски, съ гораздо болѣе тонкимъ, непогрѣшимымъ расчетомъ. Ей за тридцать лѣтъ, она наклонна къ полнотѣ, черезъ три-четыре года пропадетъ стройность, и пропадетъ окончательно; лицо обрюзгнетъ... Ей нужно торопиться... Пользоваться свободой она не станетъ. Даже и мечтать объ этомъ она не будетъ. У ней темпераментъ чувственный, но ровный, болѣе ласковый, чѣмъ страстный. Всего сильнѣе будетъ она бояться того, чтобы не попасть въ руки какого-нибудь молодого хищника, если бы она осталась на свободѣ...

Да, она будетъ добиваться брака упорно, хотя и съ большимъ тактомъ и ловкостью.

„Выстрѣлитъ?"—вдругъ спросилъ онъ себя и въ щекахъ почувствовалъ приливъ крови.

„Можетъ быть... Теперь такъ расшатаны всѣ отношенія, взгляды и чувства, что и такая гармоническая особа прибѣгнетъ къ револьверу"...

Онъ не докончилъ этой мысли и выговорилъ вслухъ:

— И ее навѣрно оправдаютъ!

„Неужели я начинаю трусить, подло трусить?"

Онъ приподнялся, сложилъ руки на груди и глазами уперся въ одну изъ полокъ книжнаго шкапа.

Нѣтъ, онъ не труситъ, но что̀ бы ни случилось—револьверъ, скандальное дѣло или даже потеря добраго имени—въ эту минуту все, все казалось ему болѣе сноснымъ, чѣмъ связыванье своей судьбы до самой смерти съ женщиной.

Отъ одной освободиться, чтобы выносить другую, безъ поэзіи, безъ страсти, безъ душевной нѣжности и безъ жалости къ ней?!

Да, онъ не любитъ ее, не жалѣетъ даже. И теперь, съ-глазу-на-глазъ съ своей совѣстью, говоритъ, весь захолодѣлый, съ влажнымъ лбомъ и нервнымъ ощущеніемъ въ спинѣ:

„Все, все лучше *этого!*"

А кабинетъ, съ его шкапами и дорогими переплетами, надвигался на него и точно хотѣлъ его сокрыть отъ женщины...

VI.

Ровно черезъ недѣлю Симцовъ сидѣлъ въ правленіи своего „Общества", одинъ, повидимому, поглощенный работой.

Но это только казалось. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ.

Вотъ и Котомлина свезли на кладбище, на шести лошадяхъ, съ гербами и страусовыми перьями, съ орденами на бархатныхъ подушкахъ; произнесены были двѣ рѣчи. Долженъ бы и онъ говорить, но онъ не рѣшился. Это многихъ удивило, да и Прасковьѣ Семеновнѣ, кажется, не очень понравилось. И остальные дни этой недѣли прошли въ разговорахъ съ нею, осторожныхъ, вялыхъ, сладковато-безцвѣтныхъ. Ни одного раза они не взяли другъ друга за руку... Она, повидимому, одобряла такую сдержанность, должна была находить ее чрезвычайно порядочною. Они еще успѣютъ предаться любви...

Говорили они о предметахъ дѣловыхъ... Чаще всего о квартирѣ... Срокъ, по контракту, написанному на ея имя, выходитъ только къ ноябрю слѣдующаго года. Сдавать ее отъ себя не было надобности, хотя Прасковья Семеновна говорила, что квартира „непомѣрно дорога". Приходилось оставаться одной въ этихъ большихъ комнатахъ...

Она взяла бы компаньонку, но это неудобно... Онъ не сталъ спрашивать: „почему неудобно?"

Такъ проживетъ она въ этой квартирѣ до ранней весны. Тогда они поѣдутъ за границу. Прасковья Семеновна прямо не предлагала ему такой поѣздки вдвоемъ, но онъ могъ догадаться по разнымъ намекамъ... Разумѣется, упоминалось о Лаго-Маджіоре и шалѐ на Женевскомъ озерѣ, надъ Монтрё... Поѣздка взяла бы три-четыре мѣсяца. На такой отпускъ онъ имѣетъ право. Вернутся—и тогда она сдастъ квартиру... А онъ расширитъ немного свою, можетъ, на той же площадкѣ, взять еще небольшую квартиру... Она знаетъ, что такая квартира часто пустуетъ...

А тамъ, ровно черезъ годъ, когда она сниметъ свой трауръ, можно будетъ и обвѣнчаться...

И неужели это *будетъ*?..

Онъ скрываетъ отъ нея пріѣздъ Аполлинаріи Кирилловны, скрываетъ съ тайнымъ страхомъ—какъ бы она не узнала. Но узнать ей трудно...

Къ нему являлся повѣренный жены. Надо начинать дѣло. Онъ и тутъ было попятился назадъ, но повѣренный не обратилъ вниманія и началъ говорить съ нимъ, какъ съ участникомъ въ сдѣлкѣ, давно давшимъ свое полное согласіе.

Хотя онъ и стыдилъ себя минутами за такое малодушное поведеніе, а не могъ чувствовать иначе. Внутренній голосъ все громче говорилъ въ немъ противъ владычества женщины... Симцовъ былъ наканунѣ кризиса... Но ему это давалось туго, точно борьба съ цѣпкою болѣзнью; она забралась въ глубину òргановъ и упорствуетъ, не боится лѣченья. Даже и въ этомъ тугомъ и слабодушномъ протестѣ сознавалъ онъ рабство, въѣвшееся въ него долгими годами...

Вотъ что наполняло его, когда онъ, разсѣянной рукой, перелистывалъ бумаги и подписывалъ листы.

— Валерій Ивановичъ! Мое почтеніе!—окликнули его.

Онъ поднялъ голову. Передъ нимъ у камина кланялся ему небольшого роста молодой человѣкъ, съ нѣмецкимъ обликомъ, курчавый, русый, очень старательно одѣтый. Одной рукой держалъ онъ шляпу, отъ которой шелъ блескъ—такъ она лоснилась,—а другой—мягкій портфель.

— А, Шульцевъ! Здравствуйте!..

Это былъ архитекторъ ихъ „Общества". Симцовъ смотрѣлъ на него, какъ на самый удавшійся продуктъ рус-

ско-нѣмецкой жизни Васильевскаго острова. У него и фамилія-то очутилась съ русскимъ окончаніемъ. Ужъ, конечно, этотъ архитекторъ не зналъ и никогда не будетъ знать такого душевнаго состоянія, какое теперь гложетъ его. Шульцеву нѣтъ еще тридцати лѣтъ, но врядъ ли можно найти другого, болѣе увѣреннаго въ себѣ, мужчину, да и вообще человѣка „своего времени". Онъ такъ и самъ называлъ себя.

Иванъ Ѳедоровичъ считаетъ себя кореннымъ русскимъ, по убѣжденіямъ, съ совершенно новымъ оттѣнкомъ любви къ своему отечеству. Онъ составилъ себѣ нѣчто среднее между московскими охранительными началами и петербургскимъ духомъ постояннаго протеста. Въ спорахъ съ Симцовымъ онъ мягко обижается, когда тотъ говоритъ ему:

— Да вы просто переодѣтый нигилистъ!

Но Симцовъ давно знаетъ, что Иванъ Ѳедоровичъ—не нигилистъ, а представитель „своего поколѣнія". Къ его кореннымъ качествамъ въ Симцовѣ разрастается съ каждымъ днемъ непреодолимое чувство, похожее на злобную гадливость.

Всего сильнѣе коробитъ его: безукоризненность, механическая точность, зубоскальство, понадерганное изъ мелкихъ газетъ, что-то, на его вкусъ, до-нельзя ограниченное и пошло самодовольное...

Что̀ бы вы ни сказали при Иванѣ Ѳедоровичѣ и ему подобныхъ, какую бы пустую подробность ни привели въ разговорѣ, они сейчасъ дадутъ свою „поправочку"

Вы говорите кому-нибудь:

— Поѣздъ этотъ—въ часъ десять минутъ...

— Одиннадцать!—поправляетъ васъ Иванъ Ѳедоровичъ, и непремѣнно вынетъ при этомъ часы.

Идея, взглядъ, оцѣнка, сколько-нибудь новые, принадлежащіе вамъ лично, Шульцевъ сейчасъ же—въ свой пробирный тигель, и все тѣмъ же невозмутимымъ тономъ объявляетъ вамъ:

— Нѣтъ-съ, это не восемьдесятъ четвертой пробы!

Подъ шумокъ, въ классахъ гимназій и спеціальныхъ училищъ, возросла и сложилась, къ великому огорченію Симцова, цѣлая генерація такихъ практиковъ, у которыхъ на все готовый ярлычокъ съ рецептомъ... Національная политика и внутреннее управленіе, еврейскій вопросъ и хищенія въ банкахъ, оперетка и судъ присяжныхъ, — все у этихъ Ивановъ Ѳедоровичей разнесено

въ графѣ и уложилось въ приговоры, гдѣ стародавнее мужское хищничество и старовѣрское умничанье подняли опять голову и, безъ всякаго стѣсненія, заявляютъ о себѣ то строгимъ тономъ, то съ примѣсью краденыхъ прибаутокъ.

И въ эту минуту человѣкъ исчезнувшей и попавшей въ опалу эпохи страдалъ въ Симцовѣ, при видѣ Шульцева, еще болѣе и потому, что онъ сознавалъ ихъ воображаемую, если не настоящую силу во всемъ, что̀ женщина, ея роковое вліяніе на судьбу человѣка, добровольное рабство, связанное съ ея культомъ.

И давно уже въ Симцовѣ накоплялась эта непріязненность къ поколѣнію Шульцевыхъ, дѣльныхъ и положительныхъ молодыхъ людей, которые почти слыхомъ не слыхали о какомъ-нибудь идеалѣ, жертвѣ, увлеченіи, страсти... Можетъ-быть, въ его презрительной брезгливости сидѣло сознаніе того, что *эти* проживутъ гораздо умнѣе, въ прочномъ довольствѣ собой, въ полномъ обладаніи своими солидными свойствами, съ ихъ узкимъ филистерствомъ и надоѣдливой точностью, съ мелкимъ духомъ поправки чужихъ ошибокъ и всезнайствомъ.

— Шульцевъ? — громко-насмѣшливо спросилъ Симцовъ.—Почему вы не женитесь?

Архитекторъ отложилъ бумагу, которую просматривалъ съ карандашомъ въ рукѣ, улыбнулся, выпустилъ струю дыма и выговорилъ съ непередаваемой интонаціей:

— Еще не насталъ моментъ!..

— Не боитесь, что васъ заберетъ какая-нибудь... интрига?..

— Меня?.. Хе-хе!..

Въ этомъ „хе-хе!..“ было что-то глупое и непоколебимое, почти клоунское въ своей серьезности.

— Такъ вы—неуязвимы?

— Женскій полъ — это вопросъ жизненной обстановки.

Шульцевъ обвелъ глазами комнату такъ, какъ онъ, вѣроятно, дѣлалъ, когда оцѣнивалъ имущество и соображалъ, къ какому разряду страхованія причислить домъ, въ смыслѣ опасности отъ огня...

— Обстановки?.. — повторилъ Симцовъ, продолжая насмѣшливо смотрѣть на архитектора.

— Совершенно вѣрно!.. Прежде съ ними носились... Возводили ихъ въ какое-то божество, въ идолы!..

Иванъ Ѳедоровичъ разразился на всю комнату. Смѣхъ

у него былъ звонкій и ядрёный, точно крупный горохъ, просыпанный по полу.

„Поговори, поговори!“—сердился про себя Симцовъ.

— Все это—одна распущенность... До извѣстныхъ лѣтъ человѣкъ долженъ работать здòрово,—Иванъ Θедоровичъ любилъ акценты настоящаго русака, — чтобы никакая дрянь—ни дѣтворà, ни бабьи болѣсти тебѣ не мѣшали. А лѣтъ за тридцать обзавестись домкомъ... И чтобы моя жена знала свой шестокъ!..

Онъ такъ произнесъ слово „моя“, что Симцову послышалось, сквозь эту архи-русскую рѣчь, звукъ бюргера, хлопающаго кружкой по залитому пивомъ столу кнейпы, восклицая:

— *Mein* Weib, *mein* Bier, *meine* Kneipe!..

— Разумѣется, — уже съ явной насмѣшкой въ голосѣ выговорилъ Симцовъ.

Но по Шульцеву явно насмѣшливая интонація только скользнула.

— Я противъ всѣхъ этихъ курсовъ, и бабьей литературы, и разныхъ глупыхъ модностей! Это одинъ пустякъ! И вредный пустякъ!.. Вы, Валерій Ивановичъ, я знаю, стоите за женскій трудъ, а какой толкъ? Хоть бы и у насъ?—онъ кивнулъ головой на дверь въ контору.—Каждая только и думаетъ о томъ, какъ бы ей какого бухгалтера или контролера заполучить въ мужья, а если нельзя, то хоть въ покровители.

Симцовъ нахмурилъ лобъ. Архитекторъ не испугался. Онъ начиналъ уже поговаривать такъ и съ директоромъ, зная, что его репутація растетъ и ему любое общество дастъ хорошій окладъ.

— Женскій трудъ тутъ ни при чемъ, — выговорилъ Симцовъ.

— И весьма! Только сбивать цѣну мужчинамъ и разводить второсортную работу во всемъ, въ родѣ прахòвого жидовскаго товара!..

— Да я не объ этомъ,—ужъ немного раздраженно возразилъ Симцовъ. — Такъ вы увѣрены, что для васъ лично не существуетъ никакой опасности со стороны женщинъ? Вы отвѣчаете за себя?

— Всенепремѣнно! Ха-ха!

Опять его ядрёный смѣхъ разсыпался по обширной комнатѣ.

„Этакое животное!“—выбранилъ его про-себя Симцовъ,

и ему сдѣлалось физически тяжело отъ присутствія Шульцева.

„Вотъ такъ генерація!“—почти гнѣвно думалъ онъ, закуривая сигару. Ему уже невыносимо стало разговаривать; онъ даже изумился: зачѣмъ онъ заговорилъ съ нимъ на такую тему?

По-дѣтски захотѣлось ему видѣть этого увѣреннаго въ себѣ и самодовольнаго петербуржца въ какой-нибудь петлѣ, захлеснутой рукой женщины...

Улыбка стала блуждать по губамъ Симцова; дымъ сигары обволакивалъ его лицо, рука перелистывала бумаги. Отъ стола, гдѣ работалъ Шульцевъ, доносилось до него особаго рода пыхтѣнье—громкое дыханье носомъ.

„Этакое животное!—продолжая улыбаться, во второй разъ выговаривалъ Симцовъ про себя.— И, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ уйдетъ отъ всего того, что мы сумѣли нагромоздить въ нашей жизни?..“

Онъ не докончилъ своей думы.

— Кому?—раздался звонкій вопросъ Шульцева.

— Валерію Ивановичу.

Симцовъ узналъ голосъ дежурнаго артельщика.

— Чтò такое?—спросилъ онъ.

— Письмо вамъ, по городской...

— Подайте.

Если бы письмо было Шульцеву, тотъ сказалъ бы „подай“... Говорить „вы“ сторожамъ, артельщикамъ, всякимъ служителямъ считалъ онъ „распущенностью“.

Симцовъ, когда артельщикъ протягивалъ ему письмо, подумалъ-было:

„Отъ жены?!“

Но рука на конвертѣ не похожа на почеркъ Аполлинаріи Кирилловны. Онъ довольно долго держалъ передъ глазами конвертъ. Какъ будто бы онъ и зналъ этотъ почеркъ... Даже хорошо зналъ, или знавалъ когда-то. Только рука стала менѣе тверда и буквы помельче.

Но *когда* знавалъ онъ этотъ почеркъ?..

Что рука женская, Симцовъ не сомнѣвался—и это его тревожило.

Съ замѣтной нерѣшительностью надорвалъ онъ конвертъ и вынулъ оттуда письмо, на листкѣ дешевой почтовой бумаги съ линейками.

Прежде всего бросилъ онъ взглядъ на подпись, когда развернулъ листокъ, сложенный втрое.

Тамъ стояло: „Л. Босякова“.

Онъ усмѣхнулся. Фамилія показалась ему забавной.

„Босякова“? Такого звука онъ, кажется, никогда не слыхалъ. Вѣроятно, проситъ на бѣдность... Этого рода письма получалъ онъ по десятку и больше въ мѣсяцъ, и почти всегда ихъ адресовали не на его квартиру, а въ помѣщеніе общества.

„Добрый Валерій Ивановичъ,—читалъ онъ про себя и взглядывалъ на курчавую голову Шульцева, — вы меня, быть-можетъ, чуточку помните?.. Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видались и вы принимали во мнѣ такое теплое участіе“...

„Такъ и есть,—вымолвилъ онъ про себя,—какая-нибудь старая исторія“,—но онъ все таки не могъ сразу догадаться, кто ему пишетъ.

„Вы, конечно, не припомните фамиліи моего мужа. Я— Людмила Воронова... Теперь помните?“

Архитекторъ въ эту минуту взглянулъ на него.

— Что̀, Валерій Ивановичъ? Небось, какая просительница допекаетъ, честнаго труда ищетъ?..

Ему захотѣлось крикнуть:

— Да замолчите вы, пошлякъ!

Онъ даже началъ краснѣть, но ничего не отвѣтилъ, пустилъ густую струю дыма, заслонившую отъ него лицо Шульцева.

„Много воды утекло,—продолжалъ онъ разбирать руку, дѣлавшуюся менѣе четкой,—и вотъ, я уже почти старуха, перевалило за тридцать, одна здѣсь, въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, больная такъ, что не могу двинуться дальше своей комнаты, а между тѣмъ мои силы необходимы были бы...“

„Господи! Какъ это длинно!“ — вырвалось мысленно у Симцова.

„Необходимы были бы,—повторилъ онъ,—вдвойнѣ именно теперь, когда съ моимъ мужемъ стряслась бѣда, и онъ находится подъ судомъ... Я вѣрю тому, что вы, Валерій Ивановичъ, остались все такимъ же хорошимъ идеалистомъ, человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ...“

Тутъ онъ перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ и болѣе поспѣшно дочелъ конецъ:

„Навѣстите меня, хотя на нѣсколько минутъ... Вы сами увидите, въ какой обстановкѣ я живу... Остальное подскажетъ вамъ ваше великодушное сердце!“

„Сердце!.. Хорошій идеалистъ! Человѣкъ шестидесятыхъ годовъ!“—почти гнѣвно повторялъ онъ.

Ему припомнилось все — и Людмила Воронова, и его остывшее давно чувство къ этой дѣвушкѣ, и то, какъ онъ „развивалъ“ ее, и что̀ изъ этого развитія вышло.

„Хорошій идеалистъ!“

Эти два слова показались ему безпощаднымъ издѣвательствомъ.

— Небось, угадалъ?—раздался вопросъ Шульцева.

Онъ заставилъ его еще сильнѣе покраснѣть, и тотчасъ ему стало стыдно своей черствости. Онъ положилъ письмо въ карманъ, всталъ, взялъ шляпу и, не прощаясь съ архитекторомъ, вышелъ.

VII.

— Гдѣ здѣсь живетъ госпожа Босякова?—спрашивалъ Симцовъ у дворника.

Онъ стоялъ на тротуарѣ длиннаго проѣзда, вдоль главнаго фасада.

— Во второмъ дворѣ, квартира номеръ двадцать седьмой.

Дворникъ оперся о метлу, другой рукой указалъ въ глубь проѣзда.

Не сразу отыскалъ Симцовъ эту квартиру. Надо было походить по лѣстницамъ, довольно грязнымъ, съ запахомъ помоевъ и квашеной капусты... Спросить не у кого, номера надъ дверями не перечислены.

Въ немъ не прошло настроеніе, какое погнало его изъ директорской комнаты. Поднимаясь по одной изъ лѣстницъ, онъ все еще чувствовалъ, что „исполняетъ долгъ“... Но подбиралось и другое что-то... Старая обида мужчины.

Вѣдь то, что̀ *было*, дѣйствительно залегло въ его прошлое, и не такое дальнее... Эта Людмила теперь почти проситъ на бѣдность, а давно ли она играла съ нимъ, затягивала его, видѣла, какъ разрастается его чувство, принимала его поддержку и увертывалась, какъ будто не понимала, что̀ въ немъ говоритъ, несмотря на свои весьма широкіе взгляды на любовь, бракъ, отношенія половъ, не шла на полное сближеніе съ нимъ, потому что онъ ей недостаточно нравился, а у ней не хватало честности и прямоты сказать это ему на первыхъ порахъ ихъ болѣе интимнаго знакомства?..

И то вѣдь правда, что все та же Людмила знала довольно подробно, какъ онъ былъ неудаченъ въ женитьбѣ,

сколько горечи и ѣдкихъ волненій перенесъ изъ-за дочери, какъ страдалъ отъ своего одиночества... Достаточно могла она изучить его, понять, что такой человѣкъ, какъ онъ,—ему тогда шелъ всего тридцать шестой годъ, — отдайся она ему смѣло и просто,—а это не противорѣчило ея взглядамъ,—сталъ бы жить съ ней, какъ мужъ; онъ *тогда* способенъ былъ самъ энергически начать свое освобожденіе отъ Аполлинаріи Кирилловны, купить у ней разводъ. Никогда онъ не оскорблялъ эту Людмилу хотя бы косвеннымъ предложеніемъ человѣка со средствами — сдѣлаться ея тайнымъ покровителемъ. Да и она никогда не говорила ему:

„Я не буду вашей содержанкой!"

Не это удерживало ее, а то, что онъ не былъ для нея „интересенъ"... Она сначала думала только о томъ, какъ ей „развиться" и стать на трудовую дорогу, съ его помощью, а потомъ увлеклась...

И кѣмъ? Да вотъ какимъ-то Босяковымъ, котораго онъ никогда кажется въ глаза не видалъ... И тутъ она поступила неискренно, скрывала отъ него, потому что понимала и видѣла его серьезное чувство къ себѣ... А этотъ Босяковъ взялъ ее сразу, грубо, властно, дерзостью увѣреннаго въ себѣ покорителя сердецъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она пропадала по цѣлымъ недѣлямъ.

И она сначала *жила* съ нимъ... Это несомнѣнно. И потянулась съ нимъ изъ Петербурга... Кончилось это бракомъ; а теперь вотъ...

Разрастающееся горькое чувство Симцова вдругъ улеглось, когда онъ поднялся на верхнюю площадку, совсѣмъ темную, и наткнулся ногой на что-то въ родѣ кадушки.

Ощупью нашелъ онъ звонокъ, безъ ручки, съ обмерзлымъ концомъ желѣзнаго прута.

Не сразу отворили ему.

Въ узкую переднюю, отдѣленную перегородкой отъ кухни, впустила его кухарка, хмурая, въ сапогахъ, съ заткнутой за поясъ ситцевой юбкой.

— Вамъ кого?

— Людмилу Дмитріевну Босякову.

— Жилицу?

— Да.

— Сейчасъ... Войдите... Дверь-то надо запереть...

Хмурый и даже грубоватый тонъ этой кухарки пока-

зывалъ, что „жилица“, конечно, задолжала квартирной хозяйкѣ за постой, и прислуга ей грубитъ.

Кухарка даже не сняла съ него его дорогой ильковой шубы.

Онъ искалъ вѣшалки. Ея не было.

— Пальто снимите въ комнатѣ... Калоши тутъ оставьте.

— А идти куда?

— Прямо дверь, черезъ комнату, а потомъ налѣво...

У ней нѣтъ, стало-быть, и особаго хода.

Симцовъ долженъ былъ нагнуться, когда вступалъ въ первую комнату—дверь показалась ему слишкомъ низкой. Онъ снялъ шубу, остановился передъ дверкой, слѣва, и постучалъ.

Оттуда спросили:

— Кто тамъ?

Голосъ Людмилы онъ узналъ, по звукъ его былъ гораздо слабѣе и какъ будто хриповатый.

Онъ пріотворилъ дверь и сказалъ вполголоса:

— Это я, Людмила Дмитріевна... Я, Симцовъ.

— Ахъ!.. Сейчасъ!.. Извините! Я не ожидала.

— Ничего, я подожду...

И онъ попятился въ проходную комнату.

— Минутку, добрый Валерій Ивановичъ, только одну минутку!..

Вѣроятно, она прихорашивалась... Послышались медленные, почти тяжелые шаги... Черезъ минуту, она возбужденнымъ голосомъ позвала его:

— Пожалуйте, Валерій Ивановичъ!

На кушеткѣ, служившей ей и постелью, она лежала въ блузѣ, покрытая плэдомъ, упираясь головой въ подушку.

Онъ съ трудомъ бы узналъ красавицу-Людмилу, встрѣться онъ съ ней на улицѣ. Остались только густые, немного вьющіеся свѣтло-пепельные волосы, неловко захваченные круглой гребенкой, да глаза, миндалевидные, изсиня-голубые, почти синіе, уже потерявшіе половину блеска, да прямой, длинноватый и тонкій носъ... Лицо посѣрѣло, обтянулось книзу; губы блѣдныя и потрескавшіяся; на щекахъ и на переносицѣ желчевыя пятна...

Отъ нея шелъ лѣкарственный запахъ. Изъ отложного воротника темной блузы глядѣла шея, когда-то бѣлая и твердая; теперь съ вялыми мышцами, потерявшая свою бѣлизну. Пышный бюстъ тоже исчезъ. Подъ складками

блузы чувствовалось исхудалое тѣло; только кость осталась широкая.

Людмила Дмитріевна приподнялась и сидѣла на кушеткѣ; плэда съ ногъ не скидала.

— Благодарю васъ,—выговорила она и протянула Симцову обѣ руки.—Сядьте тутъ.

Онъ присѣлъ на ничѣмъ не обитый табуретъ, невольно отвелъ взглядъ свой отъ нея и прошелся имъ по комнатѣ. Тѣсно и душно было въ ней. На одномъ окнѣ штора завернулась и прутъ стоялъ поперекъ. Правѣе, на столѣ, съ оторванной клеенкой, валялась жестянка изъ-подъ сардинокъ, картузъ съ табакомъ и гильзы.

Папиросы лежали и около кушетки, на стулѣ.

Уныло и почти неловко почувствовалъ себя Симцовъ, неловко болѣе за эту молодую женщину, чѣмъ за себя.

Ея глаза обратились къ нему съ улыбкой, но ротъ, съ поблекшими губами, не скрашивалъ взгляда. Въ немъ было что-то и заискивающее, и неподатливое.

Онъ зналъ это второе выраженіе. И въ тѣ времена, когда Людмила Дмитріевна принимала его поддержку, въ видѣ работы и даже платы за ея лекціи, онъ наталкивался на эту внутреннюю неподатливость—не только красивой дѣвушки, но и личности, которая смотрѣла на него, какъ на добраго и женолюбиваго „дилетанта“ и „эстетика“—не больше: такъ случалось ей и называть его, въ глаза...

Ни нужда, ни болѣзнь, должно-быть, не сломили еще этого взгляда.

— Что съ вами?..—спросилъ онъ, наклонившись къ ней.

Она продолжала держать его руку въ своихъ горячихъ и немного влажныхъ.

Это прикосновеніе не согрѣло его.

— Совсѣмъ калѣка, добрый Валерій Ивановичъ. Докторъ приказываетъ лежать по цѣлымъ днямъ...

Голосъ ея сталъ гораздо глуше и съ хрипотой, что̀ онъ схватилъ ухомъ еще изъ проходной комнаты.

„Какая-нибудь изнурительная хроническая женская болѣзнь“,—подумалъ онъ, и ему стало ее жалко, онъ даже успѣлъ упрекнуть себя въ сухости.

— Надо лежать, если велятъ, — выговорилъ онъ ласковѣе.

Она повернулась къ нему всѣмъ лицомъ и выпустила его руку изъ своихъ.

— Да, надо, — со вздохомъ сказала она. — А мнѣ это лежаніе—чистая петля!

Щеки ея немного покраснѣли и глаза сдѣлались влажны.

„Неужели она стала слезлива?“—подумалъ онъ и ожидалъ истерической сцены.

— Вы не знаете... мы такъ давно не видѣлись... Мужъ мой...

Она не докончила и взглянула на него вопросительно, но безъ всякаго смущенія.

— Господинъ Босяковъ?..

— Какъ вы это строго выговорили, Валерій Ивановичъ... Что же, звукъ не хорошъ, не барскій?

— Почему же?

— Да я васъ знаю: вы все такой же аристократъ...

— Будто?—спросилъ онъ тихо и съ ласковой усмѣшкой.

— Ну, да васъ не передѣлаешь... Да и не зачѣмъ было вамъ мѣняться, понятное дѣло!

Эта поговорка: „понятное дѣло“—отнесла его къ ихъ долгимъ разговорамъ и спорамъ, когда онъ развивалъ ее; потомъ видѣлъ съ каждымъ днемъ, что она ускользаетъ даже изъ-подъ его умственнаго вліянія.

— Какъ не зачѣмъ? Помните, у Пушкина:

„И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я?..“

Онъ хотѣлъ-было продолжать:

„Но здѣсь опять...
Минувшее меня объемлетъ живо“.

И не досказалъ: это была бы фальшь. Хотя минувшее и обнимало его, но только совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ.

— Вотъ видите... Сѣдина въ волосы, а на умѣ все стихи... Зачѣмъ вамъ мѣняться, вы припѣваючи живете.

— Вы думаете?—спросилъ онъ, и голосъ его, противъ воли, дрогнулъ.

— А то какъ же?.. Жаловаться на судьбу... вы, Валерій Ивановичъ, всегда бывали великій мастеръ.

„Пожалуй, и это правда“,—подумалъ онъ, но ему былъ, однако, непріятенъ тонъ Людмилы Дмитріевны. Самый ея голосъ прохаживался по его нервамъ, точно грифель по доскѣ.

Оправдываться или осадить ее какой-нибудь чопорной

фразой онъ не хотѣлъ. Жалость къ ней не проходила въ немъ.

— Вашъ мужъ?..

На этотъ вопросъ она отвѣтила возбужденно.

— Его запутали... Онъ находится здѣсь... Сидитъ.

— Въ предварительномъ?

— Нѣтъ... При части!

Почти съ негодованіемъ кинула она эти два слова.

— По... какому?—тихо спросилъ Симцовъ и наклонился къ ней еще ниже.

— Знаете, самъ квартальный не разберетъ!.. Но обвиненіе вздорное... Ничего не будетъ значить выйти оттуда. Нужно простое поручительство.

Глаза ея пытливо остановились на немъ.

„Какъ она его любитъ!— подумалъ Симцовъ и прибавилъ вслѣдъ затѣмъ:—Поручитель, это, конечно, я".

Онъ такъ и поглядѣлъ на нее.

Щеки ея все разгорались... И такъ же порывисто продолжала она говорить. Про дѣло своего мужа она не дала никакихъ опредѣленныхъ подробностей.

Симцовъ слушалъ терпѣливо. Но въ немъ опять начало подниматься то горькое чувство, что̀ охватило его четверть часа назадъ, когда онъ отыскивалъ ея квартиру... Не остатокъ симпатіи къ нему звучитъ въ ея словахъ, а упорная любовь къ своему мужу, желаніе обѣлить его, хотя, по всей вѣроятности, онъ просто на чемъ-нибудь проворовался... Не будь дѣла, сама бы она и не заглянула къ нему, очутившись въ Петербургѣ. Развѣ она когда-нибудь интересовалась имъ серьезно, даже и не въ любовномъ смыслѣ, а какъ человѣкомъ извѣстной эпохи, его идеями, правилами, начитанностью? Она заставляла заниматься только собою, да иногда, вскользь, жалѣла о томъ, что онъ не свободенъ; но и въ этомъ не была искренна. И мужа своего она, навѣрно, не знаетъ, а создала себѣ миражъ... Таковы всѣ женщины, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ мужчинамъ.

— Вамъ угодно,—спросилъ онъ ее,—чтобы кто-нибудь поручился за вашего мужа... чрезъ мое посредство?

— Ахъ, Валерій Ивановичъ! Какой слогъ? Посредство?.. Неужели я ошиблась въ васъ?

Ротъ ея оттянула презрительная мина. Его это кольнуло, виски его стали влажны.

Но онъ не могъ отвѣтить ей рѣзкостью или съ гонорнымъ достоинствомъ.

Она закурила въ эту минуту папиросу и пустила густую струю дыма, откинулась головой на подушку и согнула колѣна подъ плэдомъ.

— Это не похоже на прежняго Симцова!

Онъ сталъ ее успокаивать. Отъ поручительства онъ не отказывается въ принципѣ, но надо ознакомиться хоть немного съ дѣломъ. У него есть пріятель — добрый и краснорѣчивый человѣкъ. И его защиту можно будетъ добыть.

Эту успокоительную рѣчь она перебила, сказавъ, гдѣ именно содержится ея мужъ, написала ему карандашомъ записку и дала адресъ судебнаго слѣдователя.

И вдругъ ослабла, смертельно поблѣднѣла, вся вытянулась и замирающимъ голосомъ выговорила:

— Уходите! Это—припадокъ. Я разсчитываю на васъ...

Онъ позвалъ кухарку и, уходя, сунулъ ей въ руку ассигнацію.

VIII.

— И такъ, Сима, вы берете этого вагабундуса на поруки?

Люцій стоялъ у дверей кабинета съ портфелемъ.

— Да куда вы такъ торопитесь. Посидѣли бы!

— Опоздаю... У меня дѣловой визитъ къ одному пріѣзжему москвичу.

— Четыре тысячи, вы говорили?

— Четыре.

— А онъ такой, что и улизнетъ?

— Возможно...

— Но я обнадежилъ его жену.

— Сима, я васъ не осуждаю, если и поплатитесь, то во имя все того же мірового стремленія.

— Ахъ, полноте!..

Онъ могъ бы отказать Босяковой. Прямого нравственнаго обязательства онъ вѣдь не бралъ на себя... Но это будетъ похоже на месть за то, что она, крайне нуждавшаяся, тусклая и маловоспитанная дѣвушка, не отвѣтила, когда-то, на его порывъ и предпочла ему какого-то „вагабундуса“, какъ назвалъ его сейчасъ Алексѣевъ.

— Я за него поручусь.

— Превосходно! Желаете сами ознакомиться съ нимъ?

— Не особенно.

— Онъ придетъ, когда получитъ свободу, не затѣмъ, чтобы поблагодарить васъ, а чтобы попросить у васъ денежнаго подкрѣпленія. *A rivederci.*

Тихій смѣхъ Люція смолкъ за портьерой кабинета.

Симцовъ сидѣлъ въ это утро дома.

Онъ пользовался своимъ воскресеньемъ. Ему никуда не хотѣлось ѣхать. Прасковья Семеновна у родныхъ, въ подгородной деревнѣ, гдѣ прогоститъ нѣсколько дней... Отъ Аполлинаріи Кирилловны не было никакихъ новыхъ засыловъ. Можетъ-быть, она уже и улетѣла изъ Петербурга.

Въ тѣлѣ чувствовалъ Симцовъ полное спокойствіе, болѣе того, всѣ нервы были точно притуплены. Ни на что онъ не желалъ откликаться.

— Будь, что будетъ!

Эта вялость не возмущала его нисколько, скорѣе радовала. Кто бы его ни навѣстилъ, даже архитекторъ Шульцевъ, онъ невозмутимо выслушивалъ бы его, покуривая сигару и тихо улыбаясь.

Вотъ, какъ разъ, звонокъ. Онъ не измѣнилъ даже своей полулежачей позы въ большомъ креслѣ, гдѣ можно и сидѣть полулежа, и преспокойно дремать...

Его камердинеръ не торопился отпирать парадную дверь, а ему лѣнь было привстать и приложить палецъ къ пуговкѣ электрическаго звонка.

Глухіе шаги донеслись изъ передней. Кто-то сказалъ всего одно слово, дверь за нимъ захлопнули не сразу.

„Почтальонъ",—апатично подумалъ Симцовъ и даже не спросилъ себя мысленно, отъ кого: отъ Котомлиной, отъ жены, а то, быть-можетъ, отъ Босяковой; торопитъ его, стыдитъ, пожалуй, требуетъ?

— Газеты?

— Никакъ нѣтъ! письмо... заказное...

— Расписались?

— Такъ точно.

Заказное? Стало, кто-нибудь пишетъ о дѣлѣ.

Онъ протянулъ руку и взялъ письмо съ подноса, на которомъ человѣкъ подалъ ему.

„Отъ Наты!"

Конвертъ сорвалъ онъ оживленнѣе. И съ первыхъ словъ письмо, съ крупнымъ отчетливымъ почеркомъ, начало его согрѣвать. Къ концу четвертой страницы Сим-

довъ уже всталъ и заходилъ по кабинету; онъ долго держалъ письмо въ рукѣ и перечитывалъ изъ него отдѣльныя мѣста.

Ната просится къ нему... Она кончила курсъ въ гимназіи, поступила на мѣстные курсы, но ей тамъ не нравится... Ее влечетъ въ Петербургъ. Да и въ семействѣ его кузины ей, должно-быть, не совсѣмъ пріятно. Она прямо не жалуется, но можно понять, что у нихъ не лады. Кузина давно не писала ему... Вѣроятно, и ея долгое молчаніе не спроста. Ната съ характеромъ, прямая, горделивая, горячая натура, пишетъ какъ молодой мужчина, такимъ же твердымъ и яснымъ тономъ, какъ и ея почеркъ.

А вѣдь онъ совсѣмъ ее забылъ!.. Все рѣже и рѣже писалъ онъ ей. Видѣлся разъ въ годъ. Послѣднее лѣто и не выписывалъ ее, ѣздилъ одинъ на воды; она гостила у какихъ-то подругъ „хохлушекъ“ на хуторѣ, въ Екатеринославской губерніи, конецъ лѣта провела въ Крыму.

Краска душевнаго смущенія выступила на его щекахъ... Дочь не дѣлала ему упрековъ, но онъ самъ стыдился себя... Вотъ чего ему недостаетъ! Такой именно дѣвушки, да еще родной дочери, которую онъ малодушно удалилъ отъ себя.

Ната и поможетъ ему начать совсѣмъ иную жизнь, привяжетъ его къ себѣ заново, освободитъ его отъ другихъ женщинъ.

И разводъ съ женой представлялся ему уже не въ томъ свѣтѣ... Онъ не боялся его; не смущала его и свобода, за которой глядитъ новая неволя—бракъ съ Котомлиной... Въ чувствѣ къ Натѣ, въ жизни съ ней душа въ душу, въ каждодневномъ участіи въ ея работахъ, идеяхъ, планахъ, радостяхъ, во всемъ, что дѣвичья чистота и честность внесутъ съ собою въ его полухолостую квартиру, онъ найдетъ исходъ, и все уладится.

Сейчасъ же напишетъ онъ депешу дочери.

Онъ это и сдѣлалъ; приказалъ человѣку послать кучера. Выѣзжать онъ до вечера не будетъ, да и вечеръ лучше провести дома.

Ему не хочется портить свое теперешнее настроеніе. Куда бы поѣхалъ онъ? Обѣдать въ клубъ? Но тамъ онъ найдетъ все тѣ же лица... Вице-директоръ департамента, съ гнусавой дерзкой рѣчью, прозванный въ газетахъ „оберъ-нахаломъ“, облѣзлый генералъ изъ „моментовъ“,

съ эксельбантомъ, съ „ученымъ“ разговоромъ о „крайнемъ Востокѣ“, или другой военный, испитой и длинный, записной игрокъ, чахоточный и наводящій тоску, или адвокатикъ съ акцентомъ, липкій и тошный, съ своей безвкусной болтовней о „барынькахъ“ свѣта и полусвѣта.

И непремѣнно кто-нибудь изъ этихъ господъ очутится противъ него, за длиннымъ столомъ, будетъ мѣшать ему ѣсть, окунетъ его въ вязкую петербургскую клубную дребедень, которую всѣ эти мужчины считаютъ жизнью и карьерой. Да если и никто не подойдетъ къ нему за обѣдомъ,—одинъ видъ этой столовой, съ бѣлыми стѣнами и громадными портретами, съ конторкой эконома, около двери въ кухню, съ мелькающими синими фраками лакеевъ, удалитъ отъ того, что наполняетъ его теперь...

Онъ позвонилъ и приказалъ слугѣ сказать кухаркѣ, что обѣдать будетъ дома. Кухарка держалась больше для завтрака, но иногда онъ оставался или приглашалъ къ себѣ, къ столу. Готовила она „за повара“ и завѣдывала, кромѣ того, бѣльемъ и всѣмъ съѣстнымъ хозяйствомъ.

Тутъ же подумалъ онъ и о томъ, что кухаркѣ — женщинѣ очень трезвой и очень честной—слѣдуетъ поручить пріисканіе хорошей горничной для Наты... Вѣдь Ната можетъ пріѣхать черезъ недѣлю... А у него хоть и большая квартира, но все устроено для холостой жизни...

Гдѣ же помѣстить дочь?

Въ квартирѣ, кромѣ комнатъ, нужныхъ самому хозяину и человѣку — кухарка спитъ за перегородкой кухни, — была еще одна комната, гдѣ сложены всякія старыя вещи, чемоданы, стоитъ шкапъ съ лишнимъ платьемъ. Больше ничего не имѣлось.

Это огорчило Симцова... Но онъ предоставитъ свою спальню Натѣ. Изъ нея выйдетъ и прекрасный будуаръ, если ее перегородить красивой драпировкой... А онъ, временно, помѣстится въ той лишней комнатѣ или просто будетъ спать на широкомъ диванѣ кабинета... Спальня, какую онъ себѣ отдѣлалъ, лишняя роскошь, да и претензія. Въ кабинетѣ даже и здоровѣе спать, и диванъ такой удобный.

Онъ пошелъ въ спальню, чтобы оглядѣть ее въ мельчайшихъ подробностяхъ и сообразить, какъ устроить перегородку, въ какомъ именно направленіи. Вошелъ онъ туда и остановился у дверей... Его въ первый разъ почти заставилъ отшатнуться запахъ этой обширной и нарядной

комнаты, да и вся ея отдѣлка: бѣлая кровать съ позолотой подъ балдахиномъ, трехстворчатое трюмо, обивка изъ атласа абрикосоваго цвѣта.

Неужели онъ могъ самъ, по собственному выбору, остановиться на такой отдѣлкѣ? Да вѣдь это спальня куртизанки, а не сорокалѣтняго мужчины, занимающаго дѣловой постъ, отца взрослой дочери!..

Никогда еще, до того, ему не дѣлалось совѣстно отъ вида своей спальни... Подобная отдѣлка явилась не спроста. Она выражала главный интересъ его жизни—и такъ еще недавно, не дальше, какъ недѣлю тому назадъ. Сюда онъ привлекалъ свою тайную сожительницу... Она сидѣла на этомъ диванчикѣ и глядѣлась въ это трюмо, скромно любовалась своимъ еще стройнымъ станомъ и поддерживала его чувственное влеченіе... Она же—его любовница и будущая вторая жена — оставила въ немъ флаконъ своихъ духовъ и просила его не мѣнять ихъ, прыскать ими изъ пульверизатора... Вотъ онъ стоитъ на туалетѣ, напоминающемъ также ихъ свиданія, съ полнымъ наборомъ всѣхъ вещей для женской прически, съ зеркаломъ въ серебряной оправѣ.

И сюда онъ помѣститъ Нату? Никогда!..

Надо отдѣлать заново ту лишнюю комнату, превратить ее въ будуаръ молодой дѣвушки, изящный и цѣломудренный, обить его кретономъ весь—и потолокъ, и стѣны, и мебель, а эту кокоточную спальню просто запереть, взять изъ нея кое-что изъ мебели... Спать онъ будетъ въ кабинетѣ—это рѣшено.

И ни разу не подумалъ Симцовъ о томъ, что вѣдь зима долгà, встрѣча Наты съ Прасковьей Семеновной неизбѣжна, и даже въ его квартирѣ... Онъ велѣлъ человѣку отперетъ комнату, запертую на ключъ, и сейчасъ же занялся соображеніями о томъ — какъ ее отдѣлать. Ее не топили, но она смотритъ весело со своими свѣтлыми обоями и показалась ему просторной... Въ ней было два окна. Драпировать всего лучше уголъ, вправо отъ входной двери, и поставить кровать у стѣны. Мѣста останется довольно для уютнаго будуара... Воображеніе разыгралось у него: онъ уже видѣлъ всю комнату въ кретонѣ нѣжнаго цвѣта съ васильками и макомъ... ближе къ одному изъ оконъ, подъ купой растеній—небольшое дамское бюро, совсѣмъ приготовленное для письма; на стѣнахъ этажерки, въ простѣнкѣ шифоньеръ съ зеркаломъ... Онъ поста-

вилъ бы то, изъ спальни, но овладѣвшая имъ деликатность родительскаго чувства подсказала ему, что и этого дѣлать не слѣдуетъ.

Полный живыхъ и теплыхъ мыслей и заботъ вернулся Симцовъ въ кабинетъ и сейчасъ же принялся онъ за большое письмо Натѣ... Въ депешѣ его уже стояла фраза: „подробности въ письмѣ". Она и его получитъ черезъ три дня, а раньше она ни въ какомъ случаѣ выѣхать не можетъ, тѣмъ болѣе, что его кузина ничего, повидимому, еще не знаетъ о ея планѣ. Кузинѣ онъ напишетъ позднѣе, завтра, чтобы не портить себѣ всего этого дня.

Когда онъ положилъ передъ собой листикъ англійской маисовой бумаги съ его монограммой и оглянулъ свой огромный столъ чернаго дерева со множествомъ бронзы, то, съ чѣмъ онъ пришелъ въ кабинетъ, не испарялось... Да, ему только и хорошо отъ нѣжной и серьезной думы о дочери. Слѣва стоялъ фотографическій портретъ Наты, снятый года два передъ тѣмъ, въ платьѣ гимназистки и въ фартукѣ. Черты еще не вполнѣ сложились въ выраженіе взрослой дѣвушки, немного крупныя. Но ему казалось, что у ней есть сходство съ нимъ, если не въ отдѣльныхъ линіяхъ, то въ общемъ типѣ.

Милое открытое энергическое лицо... Глаза большіе, смотрятъ очень смѣло, безъ всякой рисовки и сладости; станъ уже сформированъ, плечи падаютъ мягкою округлостью. Теперь она еще подросла, развилась.

И вспомнились ему внезапно и въ цѣлой вереницѣ сцены послѣ похищенія Наты, когда она жила съ нимъ на дачѣ. Онъ ее оберегалъ, не оставлялъ одну... Нѣтъ, не сентиментальность говорила въ немъ тогда — настоящая кровная связь и радость, что вырвалъ ее изъ рукъ дрянной и хищной матери. Что̀ бы она была, несчастная, не вырви онъ ее изъ рукъ Аполлинаріи Кирилловны?!

Этотъ вопросъ мирилъ его, хотя нѣсколько, съ самимъ собою. Вѣдь это было не плохое дѣло — спасти ребенка, дать ему воспитаніе и оградить отъ всего грязнаго и унизительнаго. Положимъ, это прямая обязанность отца, но все-таки...

Слезы прокрались на его рѣсницы. Онъ не сдерживалъ ихъ... Давно ничего настолько сладкаго, облагораживающаго и жизненнаго не испытывалъ онъ...

Перо понеслось по твердому матовому листку. Слова сами просились на бумагу. Онъ точно хотѣлъ загладить

свои рѣдкія письма послѣднихъ мѣсяцевъ и говорилъ съ Натой, какъ съ существомъ, въ которомъ вся цѣль его жизни. Онъ звалъ ее и наивно разсказывалъ ей, какъ они заживутъ и какъ онъ, на другой же день, примется отдѣлывать ея комнату... Ей нечего бояться никакого непріятнаго объясненія съ теткой... Та будетъ предупреждена его письмомъ, и дѣло обойдется такъ, какъ будто бы это—желаніе его самого: перевести ее сюда на курсы. Она найдетъ здѣсь и программы, и все. А если поступить настоящей курсисткой поздно, то она побудетъ въ вольныхъ слушательницахъ. Обѣщалъ онъ для нея познакомиться съ профессорами; свою библіотеку вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ будетъ предоставлять ей по цѣлымъ днямъ.

Одного листка ему недостало. Онъ исписалъ восемь страницъ.

IX.

— Господинъ Босяковъ! — доложилъ Симцову камердинеръ въ концѣ той же недѣли.

Этотъ визитъ не былъ для него неожиданностью.

Алексѣевъ освободилъ мужа Людмилы изъ-подъ предварительнаго ареста. Симцовъ поручился за него въ четырехъ тысячахъ; онъ сдѣлалъ это второпяхъ, отвѣтилъ запиской, поглощенный приготовленіями къ пріѣзду Наты и устройствомъ ея помѣщенія.

Когда онъ сказалъ человѣку:—„Просите сюда“,—онъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своей обязательности...

„Къ чему это?“ — подумалъ онъ и лишній разъ упрекнулъ себя въ малодушіи.

Но дѣло уже сдѣлано. Въ дверяхъ стоялъ мужъ Людмилы.

Симцовъ, со своего мѣста, за письменнымъ столомъ, быстро оглядѣлъ его. Точно будто онъ гдѣ-то и когда-то видалъ его. Но когда?..

И вспомнилъ. Разъ пошелъ онъ проводить Людмилу до ея квартиры. Надъ городомъ стояли бѣлыя петербургскія сумерки. Онъ довелъ ее до воротъ, и они остановились. Ихъ рукопожатіе затянулось.

Подъ воротами шелъ въ ту минуту мужчина, взглянулъ на него, но Людмилѣ не поклонился. Онъ успѣлъ разгля-

дѣть лицо. Людмила не подала и виду, что этотъ господинъ шелъ къ ней.

Да, это былъ Босяковъ. Съ тѣхъ поръ онъ сильно постарѣлъ, кажется ниже ростомъ; темные волосы такъ же длинны, но на маковкѣ просвѣчиваетъ лысина. Симцовъ припомнилъ и мясистый книзу носъ съ вызывающимъ выраженіемъ, и ротъ большой, прикрытый усами и широкой бородой, свѣтлѣе волосомъ, чѣмъ голова... Глаза—подслѣповатые, высматривающіе.

Приди такой „господинъ" къ нему проситься въ артельщики, въ общество, онъ бы его не принялъ... Ему не понравилось даже и то, какъ онъ одѣтъ: съ умышленной небрежностью—въ черномъ потертомъ сюртукѣ и сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ.

Симцову, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о встрѣчѣ подъ воротами, запала опять въ душу старая обида: Людмила могла предпочесть *его* такому Босякову.

Но онъ сказалъ довольно мягко:

— Прошу покорно.

И указалъ ему рукой на стулъ, по ту сторону стола.

Босяковъ чуть слышно крякнулъ, на особый ладъ тряхнулъ волосами, сѣлъ и сейчасъ же сказалъ низкимъ голосомъ:

— Папироску позволите?

— Пожалуйста!—отвѣтилъ Симцовъ и пододвинулъ къ нему японскій подносикъ съ разными сортами папиросъ.

Тотъ выискалъ себѣ самую толстую и крѣпкую, при чемъ посапывалъ довольно громко.

— Вотъ пришелъ васъ поблагодарить, — началъ Босяковъ, когда затянулся раза два. — По милости вашей погуливаю по Питеру.

— Очень радъ, — выговорилъ Симцовъ какъ можно мягче.

— Да-съ. Не Богъ знаетъ какая сладость, особливо, если шубка находится во временномъ заточеніи, на Казанской улицѣ.

Короткій и дребезжащій смѣхъ обнажилъ его дряблыя десны и мелкіе, плотно сидящіе зубы.

— Вы въ чемъ же? — съ невольнымъ участіемъ спросилъ Симцовъ.

— Въ пальтицѣ, да въ плэдѣ.

Это балагурство уже дѣлало Симцова нервнымъ.

— И то еще хорошо,—продолжалъ Босяковъ,—что, по

неимѣнію при частяхъ арестантскаго мундира, сидѣлъ въ собственномъ костюмѣ, а не въ сермяжномъ пиджакѣ съ цвѣтнымъ воротникомъ, да въ тесемочныхъ лаптяхъ съ портянками... Изволите имѣть понятіе о портянкахъ?..

Вслѣдъ за этимъ вопросомъ Босяковъ оглянулъ кабинетъ, съ его высокимъ потолкомъ, богатыми шкапами, гардинами и бюстами.

— Какъ же вы содержались?.. Въ одиночномъ заключеніи?

— Нѣтъ-съ, въ обществѣ одного джентльмена, древняго рода и отмѣнныхъ талантовъ по части опорожненія общественныхъ сундуковъ. Нашъ даровой гарни былъ переполненъ...

Продолжать все въ томъ же тонѣ Симцову рѣшительно не хотѣлось.

— Чѣмъ же могу служить? — спросилъ онъ, чтобы перейти къ чему-либо дѣловому, фактическому.

— Валерій Ивановичъ — васъ вѣдь такъ величать? — вы, кажется, съ оника, на меня особый штандъ-пунктъ имѣете, такъ же, какъ и тотъ прелюбодѣй слова, котораго вы мнѣ прислали?..

— Кто же это?

— Да вотъ тотъ... Интересный брюнетъ... Присяжный повѣренный... Какъ бишь его?..

— Господинъ Алексѣевъ?..

— Именно... Съ дѣломъ моимъ онъ достаточно не ознакомился, а, между прочимъ, началъ меня пытать...

— Что вы говорите! Пытать?..

— Пытать, говорю я, то-есть наводить на добровольное признаніе: „повинись, говоритъ мнѣ, милый человѣкъ, что ты совершилъ пакость, наказуемую поѣздкой въ мѣста не столь отдаленныя“... И даже свою скептическую теорію нравственности началъ разводить... Кажется, и стихъ какой-то цитировалъ...

— Онъ — даровитый и въ высокой степени умный человѣкъ и мой другъ, — съ удареніемъ выговорилъ Симцовъ.

— Не отрицаю ни того, ни другого; только не могу же я, въ угоду этому гуманному и даровитому джентльмену, выставить себя червоннымъ валетомъ...

— Я не навязываю вамъ ничего,—закончилъ Симцовъ сухо.

— Мы найдемъ и другихъ... виртуозовъ слова... А не то такъ и совершенно отъ нихъ откажемся...

— Какъ вамъ будетъ угодно...

— А за симъ, почтеннѣйшій Валерій Ивановичъ, вы не изумитесь, если я прибѣгну къ вамъ за временнымъ кредитомъ... Послѣ продолжительнаго сидѣнія... въ казенномъ гарни, я теперь яко нагъ, яко благъ... Долженъ ютиться въ той комнаткѣ, которую вы удостоили своимъ посѣщеніемъ на-дняхъ, и гдѣ бывшая пріятельница ваша, Людмила Дмитріевна, продолжаетъ все хворать и хворать хронически...

Усмѣшка Босякова, когда онъ произносилъ слова „бывшая пріятельница ваша", не ускользнула отъ Симцова. Въ самыхъ словахъ было что-то безцеремонное и подзадоривающее.

— Ваша жена чѣмъ же собственно страдаетъ? — спросилъ Симцовъ, стараясь не впасть въ раздраженный тонъ.

— Женскіе недуги... Вамъ не особенно лестно будетъ услыхать, что у ней такое, какъ по-латыни называется... Вѣдь вы эстетикъ и Людмилу знали красавицей. Такъ лучше ужъ иллюзію сохранить.

Симцовъ не могъ сдержать брезгливаго движенія рта отъ тона Босякова.

— Мнѣ ее очень жаль,—сумѣлъ онъ выговорить.

— А меня, выходитъ, не жаль?.. Или за прошлое не совсѣмъ довольны?..

И онъ прищелкнулъ языкомъ.

Симцовъ всталъ. Намекъ былъ слишкомъ прозраченъ:

„Вы, молъ, когда-то, баринъ, грибъ съѣли, имѣли виды на мою жену, а она возьми, да и предпочти меня, разночинца,—вы же остались при печальномъ интересѣ".

— Господинъ Босяковъ, — сказалъ Симцовъ, выходя изъ-за стола,—ваша жена достойна поддержки... И я готовъ, чѣмъ могу, облегчить ея положеніе.

— А мнѣ на руки не соблаговолите дать подкрѣпленіе? Валерій Ивановичъ, если честныхъ, трудовыхъ людей поддерживать, такъ надо это дѣлать безъ всякихъ заднихъ мыслей... Вы теперь на Людмилу видовъ имѣть не можете... Она подурнѣла... больная, безъ ногъ. Можетъ-быть, вы уже и раскаиваетесь въ томъ, что связались: взяли меня на поруки, да еще кредитъ должны оказать ея мужу? Лучше ужъ на чистоту говорить... Брезгливыхъ благодѣяній я не желаю... Мнѣ и ваша порука бу-

детъ въ тягость, если тутъ нѣтъ настоящаго добраго намѣренія... Можно и опять въ государственныя меблированныя комнаты!..

Симцовъ продолжалъ сдерживать себя, какъ ему ни хотѣлось сразу обрѣзать нить этого разговора.

— Я откликнулся на просьбу вашей жены, — выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ напряженіемъ, — и насильно я никому не желаю оказывать поддержки...

— Да вы, Валерій Ивановичъ, не извольте такъ выгораживать ваше джентльменское обличье...

Глаза Босякова досказали остальное:

„Ты, молъ, для сохраненія своего великодушія, собираешься насъ съ женой облагодѣтельствовать, а у самого давно кошки скребутъ на сердцѣ. Эхъ, ты!“

Въ возбужденномъ негодованіи, взволнованный этимъ разговоромъ, Симцовъ не слыхалъ, что въ передней раздался звонокъ и кто-то вошелъ въ гостиную, сначала сѣлъ къ камину, потомъ опять всталъ. Шаги были скорѣе женскіе, чѣмъ мужскіе.

Если не окрикъ на Босякова, то что-то совсѣмъ не мягкое готово было соскочить съ его губъ, но въ эту минуту онъ взглянулъ въ сторону двери въ гостиную.

Прикрытая наполовину тяжелой портьерой, стояла Прасковья Семеновна. Ея высокая, креповая шляпка и длинный, такой же креповый, вдовій вуаль настолько измѣняли ея голову и лицо, сдѣлавъ ихъ очень молодыми, что онъ не сразу узналъ ее.

Она взглянула на него выразительно. Взглядъ этотъ говорилъ:

„Я тутъ побуду, въ гостиной, или пройду въ столовую... Доканчивайте вашъ разговоръ“.

И она нѣсколько секундъ подождала его отвѣтнаго взгляда или кивка головой.

Но это внезапное появленіе Котомлиной заставило его покраснѣть и сдѣлать нервное движеніе рукой, точно будто онъ хотѣлъ крикнуть Босякову:

„Да оставьте же меня въ покоѣ!“

— Вотъ что, Валерій Ивановичъ,—кончилъ тотъ пріятельскимъ тономъ, — наше положеніе вамъ извѣстно... Людмилѣ нужна дорогая консультація... Я теперь съ волчьимъ паспортомъ... Работишки у васъ не придется клянчить... Не отпускайте меня съ пустыми руками.

Этому выпрашиванію денегъ Симцовъ почти обрадо-

вался, и, въ то же время, почувствовалъ, какъ онъ смущенъ тѣмъ, что Котомлина, уже скрывшаяся изъ-подъ портьеры, слышала слова Босякова.

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, досталъ поспѣшно и даже съ легкой дрожью въ пальцахъ нѣсколько бумажекъ и отдалъ ихъ Босякову.

— Мерси! — выговорилъ тотъ и засовалъ бумажки въ жилетный карманъ.

Кажется, онъ еще не думалъ уходить сейчасъ, но Симцовъ началъ наступать на него, молча, съ такимъ видомъ, что нельзя было не догадаться о желаніи выпроводить его.

— Часъ добрый, Валерій Ивановичъ!.. А отъ вашего защитника увольте... Мы сами себя защитимъ... До скораго свиданія!

Босяковъ пятился къ двери задомъ, но успѣлъ на ходу дотянуть свою папиросу и бросить окурокъ въ пепельницу... Можетъ-быть, онъ слышалъ женскіе шаги, пожалуй, и то, что кто-то постоялъ въ портьерѣ... Симцовъ былъ уже и тѣмъ доволенъ, что Прасковья Семеновна не вошла... Онъ удивлялся вообще ея посѣщенію въ такой часъ... Онъ ждалъ ее черезъ два дня... Со смерти мужа она не навѣщала его... Такіи свиданія были не нужны и не приличны. Теперь она измѣнила взглядъ.

Все это мелькало у него въ головѣ, пока Босяковъ не исчезъ изъ-за портьеры. Симцовъ подождалъ еще минуту, прислушиваясь къ скрипу его сапогъ, и, только послѣ звука запертыхъ на крючокъ наружныхъ дверей, вышелъ въ салонъ.

Тамъ не было Котомлиной. Онъ свободнѣе вздохнулъ.

Она показалась изъ столовой, но не сразу пошла къ нему навстрѣчу, а точно подумала: не бросится ли онъ къ ней, не привлечетъ ли къ себѣ на грудь. Но ничего такого онъ не сдѣлалъ. Вышло даже нѣчто неловкое, точно они стѣснены или боятся чего-нибудь. И эти нѣсколько секундъ, когда ихъ раздѣляла гостиная, протянулись во взаимномъ оглядываніи.

X.

— Не ожидали, мой другъ?

Вопросъ Прасковьи Семеновны звучалъ кротко и какъ будто немного грустно.

Она подошла къ нему довольно близко.

„Поцѣловать ее въ лобъ, или нѣтъ?“ — спросилъ себя Симцовъ и ограничился рукопожатіемъ.

— Я думалъ, вы телеграфируете.

Это „вы“ ее не задѣло. У него въ квартирѣ они никогда не говорили другъ другу „ты“—въ гостиной.

— А у васъ сейчасъ былъ проситель,—продолжала она потише и присѣла къ камину.—Что это за тонъ у этого господина?.. Я бы сказала какой-то... шантажистъ... Выгнанный служащій, вѣроятно?

— Нѣтъ... мужъ одной больной женщины, которую я знавалъ еще дѣвицей... И вотъ я долженъ покаяться вамъ въ глупости: я взялъ этого господина на поруки. Онъ сидѣлъ въ предварительномъ заключеніи.

Почему онъ ей признался въ этомъ? Чтобы задержать какое-то объясненіе, съ которымъ она навѣрно пріѣхала къ нему?

Онъ самъ бы не отвѣтилъ вполнѣ опредѣленно.

— На поруки? — переспросила она. — Значитъ, вы за него поручились... въ какой-нибудь суммѣ?

— Да, не въ очень значительной!

— А вдругъ онъ убѣжитъ?..

Въ этихъ вопросахъ Симцову почудилось что-то, отзывающееся супружескимъ любопытствомъ или тревогой за денежныя потери—*жены*, а не возлюбленной. Прежде, и много разъ, та же женщина, бывшая съ нимъ въ тайной связи, хоть и очень деликатно, но узнавала про его интересы, иногда даже остерегала его. Но тогда онъ смотрѣлъ на это какъ на доказательство нѣжной заботы. Теперь оно звучало иначе.

— Не на Богъ знаетъ какую сумму,—почти нехотя повторилъ онъ.

— Вы слишкомъ слабы, другъ мой, — сказала Прасковья Семеновна. — Какъ же позволять такому господину говорить въ подобномъ тонѣ?.. Да еще послѣ того, какъ вы оказали ему благодѣяніе... Жена его... кто же она была?

— Бѣдная дѣвушка... курсистка...

— Вы ее поддерживали? Изъ доброты... или немножко увлекались ею?..

Улыбка скользнула по ея красивому рту, и глазами она усмѣхнулась.

— Какъ вамъ сказать?..

Съ этими словами Симцовъ опустился на кресло.

— Ну, да это вѣдь было очень давно, Валерій, до нашего знакомства?..

— О, да!

Кажется, онъ краснѣетъ. Съ ея губъ все еще не сходитъ тихая, снисходительная усмѣшка.

— Нельзя, мой другъ, такъ позволять себя эксплоатировать.

— Да я вѣдь...

Онъ положительно смущался. И его тонъ, кажется, въ первый разъ дѣлался такимъ приниженнымъ. Точно его поймали на какой-нибудь непозволительной шалости. Обидно ему сдѣлалось отъ звуковъ его голоса, но онъ не могъ быстро овладѣть собою.

— Это ваше дѣло. Но знаете, мой другъ, почему я навѣстила васъ, не предупредивъ?..

— Почему, Полина?

Ему никогда не нравилось это уменьшительное—и почти противно стало оттого, *какъ* онъ произнесъ его.

— Я уѣхала отъ своихъ раньше, чѣмъ предполагала... Мнѣ стало тяжело...

„Ну, пойдутъ слезы“, — подумалъ скорѣе съ радостью Симцовъ, *за то*, что онъ не обязанъ будетъ продолжать разговоръ на тему своихъ отношеній къ женѣ господина Босякова.

— Почему?—совсѣмъ тихо переспросилъ онъ.

— Сказать ли вамъ правду... Валерій?.. Моя мать, въ первый разъ, начала говорить со мною—конечно, больше намеками, чѣмъ прямо — о моихъ отношеніяхъ съ вами...

„Такъ и есть!“—вскричалъ онъ про себя.

— Она узнала о нихъ не отъ меня. Мнѣ всегда было тяжело имѣть отъ нея такую тайну... Но maman безпредѣльно добра. Она боится за меня.

Симцовъ готовъ былъ вскричать:

„За васъ боится?.. За вашу неопытность?“

— Можно ли мнѣ быть съ вами совершенно искренней?

— Что за вопросъ, Полина?

— Maman боится нареканій... И большого увлеченія съ моей стороны...

— Увлеченія?.. Кѣмъ же?—наивно спросилъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, вами... Валерій!..

Она должна была бы засмѣяться, будь этотъ разговоръ

при жизни мужа; но лицо ея не мѣняло своего затуманеннаго выраженія.

— Что за мысль?

— Это очень понятно, мой другъ... И она была молода... Она разсуждаетъ такъ: если я, при жизни мужа, отдала вамъ свое сердце, то на свободѣ у меня можетъ закружиться голова.

„Отчего же ты прежде не говорила такихъ вещей?“— тревожно подумалъ онъ, и недоброе чувство сжало ему грудь. Сколько разъ она своей манерой съ нимъ, на тайныхъ свиданіяхъ, показывала ему, какъ она далека отъ какихъ-нибудь притязаній... Тогда не было никакой „maman“... А теперь, когда она можетъ жить, какъ и съ кѣмъ ей угодно, и все прикрывать отъ пересудъ свѣта, вдругъ пошли косвенные укоры совѣсти, намеки и недомолвки.

Но разсердиться онъ положительно не смѣлъ.

— Если бы не квартира моя,—продолжала Прасковья Семеновна,—то я бы уѣхала, на конецъ зимы, на югъ Франціи, а вы бы могли взять отпускъ позднѣе, къ веснѣ...

И она вопросительно взглянула на него.

„Уѣзжайте!“—радостно отвѣтили бы его глаза, если бы онъ не держалъ ихъ нарочно опущенными.

Эта поѣздка за границу значила на языкѣ Прасковьи Семеновны: „возьми на себя трудъ, мой другъ, распорядиться квартирой, и рѣшимъ сейчасъ же, какъ намъ быть: удержать ли мою, какъ наше будущее супружеское помѣщеніе, или ограничиться твоей холостой квартирой, достаточно обширной?“

Она и добавила вслухъ:

— Вы понимаете, Валерій, та квартира... очень удобная, хоть и дорогая, напоминала бы... люди такъ злы... и для насъ обоихъ...

Смыслъ былъ достаточно ясенъ. Это значило прямо: „мы вѣдь женимся, это рѣшено—и остались только подробности“.

Но когда же *это* было рѣшено? Объясненія у нихъ не происходило еще до сегодня... Ни однимъ словомъ, ни однимъ порывомъ или великодушной фразой не обмолвился онъ передъ ней со смерти ея мужа. Стало-быть, она не сомнѣвалась ни минуты, и теперь хочетъ только сдѣлать все какъ можно приличнѣе... И вотъ сейчасъ это будетъ

безповоротно покончено. Онъ переживаетъ послѣднія минуты своей холостой полусвободы... Какъ быть?!

Потъ выступилъ у него на лбу. Никогда еще не находился онъ въ такихъ тискахъ и такъ не презиралъ себя за свое малодушіе... Ну, и скажи сейчасъ:

„Нѣтъ, я не могу жениться! Я усталъ, я слишкомъ израсходовалъ свои душевныя силы на женщинъ... Я никого теперь не люблю страстно, но если бы я ѣкъ вамъ и не охладѣлъ, то и тогда я не рѣшился бы на новый бракъ! Дѣлайте со мной, что̀ вамъ угодно, но я не могу!“

Пропуститъ онъ эту минуту — и потянется новая трусливая комедія съ уклончивостью и двоедушіемъ.

Но языкъ не повиновался. Родъ темнаго инстинкта подсказывалъ ему, что такъ лучше, что можно довести эти отношенія до измора, *какъ*—онъ еще не видѣлъ ясно, но можно—не черезъ мѣсяцъ, такъ черезъ полгода...

И эта поѣздка за границу вдругъ представилась ему спасительнымъ якоремъ. Что̀ можетъ быть лучше?

Онъ выпрямился, покраснѣлъ отъ внезапнаго облегченія, провелъ платкомъ по вискамъ и заговорилъ быстро и горячо.

Если она находитъ поѣздку лучшимъ средствомъ все смягчить и прикрыть,—то сто̀итъ ли ей безпокоиться о квартирѣ?.. Онъ беретъ на себя всѣ хлопоты и расходы, сдастъ ее до срока контракта, на выгодныхъ условіяхъ, отъ ея имени, а вещи поставитъ въ складъ.

— Мнѣ совѣстно, — перебила его Прасковья Семеновна, — у васъ, Валерій, и такъ много дѣла... Но мы еще обсудимъ все... Раньше мѣсяца я не уѣду или, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль... А въ мое отсутствіе вы приведете все въ порядокъ... Вѣдь мы, какъ безпечныя дѣти, не подумали еще о главномъ. Ваша жена жива, и ее не легко будетъ склонить къ тому, чтобы она возвратила вамъ свободу.

„Господи!—началъ опять волноваться Симцовъ,—и какимъ изысканнымъ языкомъ говоритъ она... Хоть бы не тянула такъ!“

Сказать о томъ, съ чѣмъ пріѣхала его жена—было необходимо, но онъ этого не сдѣлалъ, взялъ ее за руку, поцѣловалъ, придвинулся къ ней и держалъ руку.

— Не безпокойтесь, милая,—и голосъ его сдѣлался ему противенъ отъ фальши и сладости, — все будетъ сдѣлано въ ваше отсутствіе.

Но надо же выказать хоть какое-нибудь огорченіе по поводу предстоящей разлуки.

— И къ Пасхѣ—я съ вами!

Это была уже сознательная ложь; въ первый разъ онъ такъ обманывалъ кого бы то ни было.... Въ своихъ сношеніяхъ съ женщинами держался онъ строгой честности, доводилъ джентльменство и деликатность до послѣднихъ предѣловъ. А теперь онъ лгалъ, хитрилъ и проводилъ женщину, съ которой нѣсколько лѣтъ былъ въ связи, которой безъ счету разъ изливался въ лирическихъ порывахъ... И вотъ она сидитъ передъ нимъ, вѣритъ ему, пришла сюда съ цѣлью ловко рѣшить вопросъ о бракѣ, а сама попалась впросакъ, не догадывается, что онъ уже давно возмутился: не противъ ея одной, а противъ всѣхъ женщинъ, кого любилъ, кѣмъ увлекался, кому отдавалъ свои душевныя силы.

И это его уже не возмущало, а какъ будто радовало... Наконецъ-то онъ взялся за умъ, обходится съ женщинами, какъ давно слѣдовало съ ними обходиться, пускаетъ въ ходъ хитрость, не идетъ во всемъ прямо грудью впередъ, наивно, глупо позволяя себя за каждый чувственный или сентиментальный порывъ связывать по рукамъ, превращать въ колодника.

Глядитъ онъ на нее прямо и улыбается. И она улыбается ему, повернула свое тонкое лицо въ полъ-оборота, и вдовій вуаль закрылъ часть лѣвой щеки, и волоски вьются ниже уха... Она ждетъ, чтобы онъ поцѣловалъ ее въ родинку на этой лѣвой щекѣ, разгорѣвшейся отъ мороза.

Онъ это и сдѣлалъ. Поцѣлуй вышелъ и нѣжный, и довольно звучный.

Прасковья Семеновна опустила рѣсницы и стыдливо оправилась.

Никогда еще женскіе „фасоны" не были для него такъ ясны!.. Передъ кѣмъ соблюдаетъ она приличіе? Передъ самой собой?.. Оттого, что похороны мужа были меньше мѣсяца назадъ? Но вѣдь у ней на душѣ все такъ ясно и уравновѣшено, и никакихъ укоровъ она себѣ не дѣлаетъ; если бъ не хлопотала объ уваженіи „свѣта", то преспокойно уѣхала бы съ нимъ сейчасъ за границу и даже переселилась бы къ нему... И за бракъ она стоитъ потому только, что такъ удобнѣе и приличнѣе.

— Но есть и еще одна деталь,—чуть слышно выговорила она, точно съ желаніемъ сейчасъ приподняться.

Симцовъ первый всталъ. Поднялась и она.

— Что̀ такое?—спросилъ онъ и взялъ ее за обѣ руки; она очень любила эту ласку.

— Ваша дочь, Валерій!..

Уже ни секунды не колебался онъ скрыть отъ нея пріѣздъ Наты... Онъ случится черезъ недѣлю... Что за нужда! Все-таки онъ не скажетъ ей, что отдѣлалъ для дочери комнату, что Ната будетъ жить у него, въ этой самой квартирѣ.

Не выпуская ея рукъ изъ своихъ, онъ придвинулся къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Не смущайтесь ничѣмъ,—выговорилъ онъ съ легкой, успокоительной усмѣшкой.— Вы тысячу разъ правы... защищая себя отъ всякихъ толковъ и пересудъ... Мы будемъ видаться исключительно у васъ. Не правда ли?

И онъ заглянулъ ей въ глаза. Она нагнула голову и прошептала самыми лучшими своими нотами:

— Благодарю. Сегодня я не предупредила васъ. Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть... Извините!

Тонъ кроткой и признательной жены слышался въ ея словахъ.

Симцовъ довелъ ее, держа подъ руку, до передней, самъ надѣлъ ей шубку, теплыя ботинки, самъ заперъ дверь, и когда вернулся къ себѣ, то упалъ на низкій диванъ, громко вздохнулъ и закрылъ лицо руками. И долго не отнималъ онъ ихъ...

XI.

Въ пріятномъ и немного жуткомъ волненіи ходилъ Симцовъ по платформѣ Николаевскаго вокзала. Черезъ шесть минутъ ожидали курьерскаго поѣзда.

Ничего подобнаго онъ еще не переживалъ прежде. Точно онъ совсѣмъ преобразился. Вотъ-вотъ покажется грудь паровоза, и паровозъ этотъ привезетъ дѣвушку, которая поможетъ, ему, съ сегодняшняго дня, поставить большой и побѣдный крестъ на своемъ прошедшемъ.

Глаза его остановились на молодомъ офицерѣ, въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и бѣлой фуражкѣ. Тотъ кутался въ воротникъ, ходилъ маленькими шагами и взглядывалъ вдоль полотна.

„И ты ждешь,—думалъ Симцовъ, почти съ чувствомъ

жалости, — и я знаю, кого ты ждешь! Такъ ожидаютъ только любовницу, женщину, съ которой состоишь въ тайной связи. Она ѣдетъ къ тебѣ на нѣсколько дней, подъ предлогомъ хлопотъ по дѣламъ мужа... Она старше тебя. Вотъ сейчасъ выскочитъ она изъ вагона и вся вспыхнетъ отъ чувственнаго прилива крови и протянетъ тебѣ руку свѣтскимъ жестомъ, а глазами страстно обласкаетъ“...

Офицеръ нетерпѣливымъ жестомъ поднялъ плечи подъ шинелью, повернулся на каблукѣ и спросилъ одного изъ артельщиковъ:

— Опоздалъ поѣздъ?

— Никакъ нѣтъ.

„Ты весь — порывъ и ожиданье, — продолжалъ думать Симцовъ,—и поѣдешь съ ней въ каретѣ. Поцѣлуи, объятія, ласкательные возгласы, смѣхъ или неизбѣжное напоминаніе о томъ, чѣмъ она тебѣ пожертвовала и жертвуетъ!.. Шутка сказать! Своей репутаціей. Она обманываетъ мужа... И поэтому ты обязанъ быть ея рабомъ до тѣхъ поръ, пока она сама не охладѣетъ къ тебѣ. Но съ тобой это случится раньше, чѣмъ съ нею. Дай срокъ, и для тебя настанетъ часъ, когда ты не будешь знать, какъ тебѣ уйти отъ нея... а, быть-можетъ, и отъ всѣхъ женщинъ!“

Гулкій свистокъ паровоза уже вползъ подъ своды дебаркадера. Симцовъ разомъ встрепенулся и остановилъ артельщика.

— Идите за мной!—торопливо бросилъ онъ ему.

Сердце у него защемило. Онъ быстро повернулъ къ переднему концу поѣзда, гдѣ спальный вагонъ. Но оттуда выскочила та самая дама, которую поджидалъ офицеръ въ бѣлой фуражкѣ. Симцовъ брезгливо воззрился на эту даму, лѣтъ тридцати, напудренную и съ двумя пучками взбитыхъ, свѣтлыхъ волосъ, торчащихъ изъ-подъ шляпки.

Онъ почти бѣгомъ кинулся къ слѣдующимъ вагонамъ.

— Папа, здравствуй!

Голосъ Наты прозвучалъ такъ легко и звонко.

Онъ держалъ на своей груди рослую, статную дѣвушку въ темномъ пальто, съ мерлушковымъ воротникомъ и въ низенькой шапочкѣ мужского покроя. Она была немного ниже его ростомъ, съ пышной грудью и крупными чертами лица.

Отъ волненія Симцовъ совсѣмъ не видѣлъ ея лица. У

него на глазахъ были слезы. Нѣсколько разъ обнялъ онъ ее и повторилъ:

— Вотъ ты и со мной, вотъ ты и со мной!

— Пора!—отвѣтила Ната весело и такъ же звонко. — Возьмите,—отдала она свой сакъ артельщику.

— Ты въ спальномъ?—спросилъ заботливо Симцовъ.

— Нѣтъ! Терпѣть не могу! Я — въ креслахъ. Да это ты требовалъ, чтобы я въ первомъ непремѣнно. А этотъ поѣздъ противный. Все какіе-то...—и она наморщила свой крупный носъ, такой же вытянутый, какъ у ея матери.

Валерій Ивановичъ остановилъ взглядъ на носѣ Наты. Онъ довольно красивъ, но сходство съ носомъ Аполлинаріи Кирилловны впервые выяснилось передъ нимъ. Прежде онъ считалъ свою дочь очень похожей на себя: и складомъ, и лицомъ. А теперь сходство съ матерью рѣзко металось въ глаза. Тотъ же почти ростъ и нѣсколько вздернутыя, широкія плечи, и пышная грудь точно такихъ очертаній, какъ у Аполлинаріи Кирилловны двадцать лѣтъ тому назадъ, въ возрастъ Наты. Глаза, вогнутый носъ, цвѣтъ волосъ и даже выраженіе рта—все отзывалось этимъ сходствомъ.

Оно кольнуло его болѣзненно.

— Много у тебя багажа? — спросилъ онъ поскорѣе, чтобы не останавливать мысли на этомъ непріятномъ сходствѣ.

— Одинъ сундукъ.

Ната аккуратно достала изъ сумки портмонэ, вынула оттуда багажный билетъ и отдала его артельщику.

— Поскорѣе, — сказалъ онъ торопливо, — и скричите тамъ, на крыльцѣ, человѣка Симцовыхъ... Ему и отдадите сундукъ.

Дочь Валерій Ивановичъ взялъ подъ руку, освободилъ ее отъ плэда и еще какой-то коробки и повелъ, оглядывая ее сбоку.

Ната, на ходу, перебирала плечами, шла слишкомъ помужски и какъ-то вбокъ. Это перебираніе кольнуло Валерія Ивановича почти такъ же непріятно, какъ и сходство съ ея матерью.

Онъ успѣлъ подумать:

„Хороша также и кузина!.. Кажется, я ничего не жалѣлъ на учителей. Неужели нельзя было дать ей другую походку?“

Въ послѣдній разъ, когда они видѣлись, онъ что-то не

замѣчалъ этого перебиранія плечъ и слишкомъ большихъ шаговъ. Хоть бы эта „ужасная“ походка похожа была немного на манеру ходить долгоногихъ англичанокъ... А то и того не было.

„Это курсы сдѣлали“,—подумалъ онъ и отвелъ взглядъ отъ колеблющагося туловища своей дочери.

Въ каретѣ Ната заговорила съ нимъ быстро, возбужденно, два раза поцѣловала его въ щеку звонкимъ поцѣлуемъ и задала ему нѣсколько вопросовъ. Ея тонъ дышалъ большой искренностью, но выборъ словъ не совсѣмъ ему нравился... и южное произношеніе прорывалось кое-гдѣ; она употребляла и провинціальные обороты. Буква „г“ звучала уже „по-хохлацки“, какъ про себя отмѣтилъ Симцовъ.

Но все это скользило по немъ. Онъ хотѣлъ наполнить себя чувствомъ отцовской радости. Вѣдь его Ната сидитъ тутъ, около него, и пышетъ здоровьемъ и молодостью. Что за нужды — она немножко не тѣхъ маперъ и не такой выправки, о какихъ онъ мечталъ. Это несущественно.

Опять его тронутый взглядъ обратился на нее.

Ната поглядѣла черезъ переднее стекло на спину ливрейнаго кучера.

— Это твоя собственная карета? — спросила она отца.

— Да, милая.

— Зачѣмъ ты такъ ѣздишь?

— Въ шорахъ?

— Да, въ шорахъ?.. У насъ, въ Кіевѣ, только богатые жиды такъ щеголяютъ.

— Удобнѣе, въ одну лошадь.

— Ты у меня франтъ!

Она наклонилась къ нему близко лицомъ и засмѣялась своими большими глазами.

Сходство выраженія съ Аполлинаріей Кирилловной снова укололо его.

Дорога показалась ему слишкомъ долгой. Онъ хотѣлъ очутиться съ ней на квартирѣ, ввести ее въ ея комнату, еще разъ обнять и расцѣловать.

И онъ сталъ говорить ей, какъ онъ устраивалъ для нея помѣщеніе.

— Твоей горничной ты будешь довольна. Очень милая дѣвочка... Комнатой также.

— Зачѣмъ мнѣ горничную?

— Какъ зачѣмъ?..

— Глупости какія!.. Кухарка у тебя есть — этого довольно. Я вѣдь безъ затѣй.

— Какъ же можно!—почти испуганно выговорилъ Симцовъ.

„Это она такъ, хвалится своимъ демократизмомъ".

Ната была старательно одѣта, не безъ изящества; въ довольно модномъ зимнемъ пальто, и шапка на ней сидѣла ловко. Симцовъ замѣтилъ, что всѣ свои вещи держитъ она чисто. Воротничокъ и манжеты должна была перемѣнить сегодня, въ вагонѣ.

— Я сама.

— Ну, хорошо, ну, хорошо, — успокаивалъ Симцовъ, держа ее за руку съ длинными и красивыми пальцами.

Они повернули съ Невскаго.

— У тебя большая квартира? — спросила Ната, обернувшись къ нему своимъ веселымъ и открытымъ лицомъ.

— Для насъ двоихъ хватитъ. Твоя комната, я ужъ тебѣ писалъ, заново отдѣлана; а если тебѣ покажется тѣсно въ ней, я могу уступить тебѣ и еще другую. Самъ я могу спать въ кабинетѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего этого не нужно!—прервала его Ната и опять прильнула къ его плечу.

Съ такой дѣвушкой онъ конечно помолодѣетъ душой. Отъ всей ея нѣсколько плотной фигуры, отъ ея свѣжихъ щекъ, отъ блеска ея черныхъ и большихъ глазъ вѣяло чѣмъ-то ничуть не похожимъ на тѣ виды женственности, какіе онъ встрѣчалъ въ своей жизни. Да, это несомнѣнно новое и болѣе здоровое поколѣніе.

— Ты не думай,—заговорилъ онъ, лаская ее глазами,— что собираешься жить у брюзги. У меня нѣтъ никакихъ привычекъ стараго холостяка. Работай, гуляй, заводи знакомства, какія тебѣ пріятны... Если хочешь, будемъ, иногда, вмѣстѣ бывать въ театрѣ. Тѣ вѣдь французскаго театра совсѣмъ не знаешь?

— Нѣтъ,—небрежно спросила Ната,—а что?

— Это будетъ для тебя новое и пріятное удовольствіе.

— Ну, папа, скажу тебѣ откровенно: ко всякому парле-франсе я довольна равнодушна.

— Однако, ты.. говоришь по-французски? При тебѣ была года два-три твоя швейцарка?

— Тетя постоянно требовала, чтобъ я болтала; въ эти послѣдніе два года мнѣ мало приводилось. На вечера я

ѣздить не любила, а съ мужчинами, которые поинтереснѣе, смѣшно говорить по-французски.

— Этотъ языкъ, — замѣтилъ Симцовъ, — самъ по себѣ стòитъ, чтобы его хорошенько знали.

— Я читаю, что нужно. Мнѣ гораздо полезнѣе нѣмецкій, да онъ мнѣ туго давался, даже учебники по естественнымъ наукамъ должна съ лексикономъ...

Симцовъ на это ничего не сказалъ и подавилъ въ себѣ самомъ досаду на то, что его дочь небрежно отнеслась къ знанію новыхъ языковъ. А теперь она врядъ ли будетъ заботиться о томъ, чтобы блестяще выражаться по-французски.

Все, что говорила Ната, было высказано ею безъ раздраженія, но безповоротнымъ тономъ. Если она, живя у тетки, должна была кое-въ-чемъ подчиняться порядкамъ, которые ей не нравились, то теперь съ отцомъ она ведетъ себя совершенно по-пріятельски. Скрытности и недовѣрія нѣтъ никакого. Такою будетъ она постоянно и во всѣхъ случаяхъ жизни.

— Вотъ мы и пріѣхали! — вскричала Ната, и выглянула изъ открытаго окна кареты. — Батюшки, какой великолѣпный подъѣздъ!

Швейцаръ выбѣжалъ къ каретѣ и сталъ высаживать барышню. Ната не допустила его, и сама выскочила на тротуаръ.

Она окинула быстрымъ взглядомъ лѣстницу и роскошныя сѣни съ каминомъ и съ богатымъ ковромъ.

На первой площадкѣ, гдѣ ее догналъ Симцовъ, немного запыхавшійся, она шепнула ему:

— Ко мнѣ сюда никто съ курсовъ ходить не будетъ.

— Почему такъ? — спросилъ Симцовъ, не мѣнявшій полушутливаго тона.

— Въ этакія грандеры... Никогда!

На второй площадкѣ онъ позвонилъ. Въ передней встрѣтили камердинеръ и новая горничная, въ иностранномъ чепчикѣ, съ рыжеватой, взбитой на лбу, чолкой, худощавая, не очень уже молодая дѣвушка, съ длинной таліей, затянутой въ корсетъ. На ней было темное шерстяное платье и только что надѣтый фартукъ.

— Вотъ твоя камеристка, — указалъ на нее Симцовъ Натѣ и прибавилъ по-французски: — она мнѣ особенно рекомендована.

— Пожалуйте мнѣ, барышня, — выговорила горничная

тѣмъ петербургскимъ тономъ дрессированной женской прислуги, въ которомъ постоянно сказывается сознаніе своего умѣнія служить.

Натѣ ни голосъ, ни видъ горничной не очень понравились. Она даже сразу себя почувствовала немного стѣсненной съ этой „камеристкой", и владѣй она бойчѣе французскимъ языкомъ, она тутъ же бы попеняла отцу: зачѣмъ онъ, кромѣ кухарки, нанималъ особую прислугу для нея.

Феша не дала ей стянуть и мѣхового пальто, несмотря на то, что Ната два раза сказала ей:

— Не нужно, я сама.

Симцовъ отворилъ дверь въ помѣщеніе дочери и оставилъ ее настежь отворенною.

— Вотъ, мой другъ, твоя комната. Ты видишь, — у тебя будетъ особый ходъ.

Въ свою спальню онъ ее не повелъ, но тотчасъ предложилъ ей позавтракать, какъ только она у себя оправится съ дороги.

Чувство отраднаго прощанія со старымъ опять наполнило его.

XII.

Сколько лѣтъ не сидѣлъ онъ такъ за завтракомъ съ-глазу-на-глазъ съ Натой? Было это въ другой столовой, въ другой квартирѣ.

Тогда они скрывались съ ней, точно сбѣжавшіе влюбленные. Бывало, при каждомъ неожиданномъ звонкѣ, оба вздрагивали, а Ната часто вскакивала съ мѣста и собиралась стремительно бѣжать въ коридоръ, оттуда въ темную, угловую комнату, и тамъ забиться за дверь...

Зато въ первыя недѣли сколько было страстнаго напряженія въ ихъ взаимномъ чувствѣ. Можетъ-быть, продолжай онъ, какъ отецъ, бояться, что Нату у него отнимутъ, онъ никогда бы не удалилъ ее по доброй волѣ.

Но все это теперь — прошедшее. Вотъ она сидитъ передъ нимъ, въ своемъ свѣтло-шоколадномъ клѣтчатомъ платьѣ съ пелеринкой. Ея умная голова наклоняется, и онъ любовно ласкаетъ взглядомъ красивую маковку съ густыми волосами, отъ которыхъ идетъ пріятный блескъ. Она здѣсь въ его квартирѣ—хозяйка. Никто уже не можетъ напугать ихъ. Ни отъ какого звонка она не побѣжитъ прятаться за дверь темной угловой комнатки.

„А вдругъ звонокъ,—подумалъ онъ противъ своей воли, — и явится Аполлинарія Кирилловна или Прасковья Семеновна?..“

Поджидая Нату, занятый отдѣлкой ея комнаты, онъ ни разу не поставилъ рѣшительнаго вопроса: предупредить ли дочь о томъ, что ея мать здѣсь, въ Петербургѣ, пріѣхала хлопотать о разводѣ? Этотъ разводъ, вѣроятно, только успокоилъ бы Нату за него; но ему не хотѣлось, даже и въ эту минуту, предупреждать Нату. Онъ объяснилъ такую уклончивость нежеланіемъ портить первыя минуты разговоромъ объ Аполлинаріи Кирилловнѣ. Въ письмахъ Наты, за послѣдній годъ, никогда не бывало вопросовъ о матери. Если здѣсь случится надобность — онъ скажетъ.

Насчетъ Прасковьи Семеновны онъ просто ничего не отвѣтилъ себѣ.

Завтракъ прошелъ въ большихъ разговорахъ о планахъ Наты, ея будущихъ работахъ, нѣкоторыхъ пріятельницахъ, о дружескомъ кружкѣ студентовъ и адвокатовъ, гдѣ она проводила свои вечера вопреки желанію тетки. Для Симцова такъ необычно было слушать про все это, что онъ не замѣчалъ, какъ Ната ѣстъ и вообще держитъ себя за столомъ, иначе онъ нашелъ бы, что кое-какія ея привычки не безупречны на его вкусъ: часто ѣла она съ ножа, салфетку клала сбоку, не развернутою и только иногда утиралась ею.

Кофе подали имъ въ кабинетъ.

Онъ смотрѣлъ на дочь, какъ она переходила отъ одного шкапа съ книгами къ другому, нагибалась къ нимъ своимъ пышнымъ бюстомъ и слегка прищуривала глаза, когда хотѣла разобрать заглавіе на корешкѣ книги. То перебираніе плечами, которое онъ замѣтилъ въ ней еще въ вокзалѣ, продолжалось. Но онъ не хотѣлъ поддаваться своей впечатлительности.

„Что за бѣда,—думалъ онъ,—моя дѣвочка зажилась въ провинціи. У ней немного размашистыя движенія; это пройдетъ. Да и кто же виноватъ... Я самъ“.

Ната обернулась лицомъ въ его сторону.

— Всѣ эти книжки мнѣ извѣстны,—заговорила она,—онѣ не идутъ дальше конца шестидесятыхъ годовъ. Ты, должно-быть, пересталъ читать съ тѣхъ поръ?

Она засмѣялась и сдѣлала ему знакъ головой.

— Да, мой другъ,—почти сконфуженно отвѣтилъ онъ,—

немножко я поотсталъ. Вотъ мы съ тобой составимъ списокъ. Выбирай, что тебѣ угодно будетъ.

— А шкапы какіе! Ты — аристократъ и большой эстетикъ!..

Слово „эстетикъ" произнесла Ната съ удареніемъ, напомнившимъ ему почти такую же интонацію Людмилы и ея мужа.

„Что за бѣда,—продолжалъ онъ успокаивать себя.—Она жила въ молодомъ кружкѣ. Тамъ, въ провинціи, до сихъ поръ, должно-быть, подшучиваютъ въ такомъ вкусѣ. Здѣсь, въ Петербургѣ, это уже старомодно. Она, какъ умная дѣвушка, скоро это замѣтитъ".

Ната своей грузной походкой, въ скрипучихъ ботинкахъ, на толстыхъ подошвахъ, подсѣла къ нему на низкій диванъ, вытянулась и положила ему одну руку на плечо.

— Послушай,—начала она тономъ старшей сестры, — ты долженъ очень много проживать съ такой шикозной обстановкой.

Слово „шикозная" задѣло его почти болѣзненно. Онъ перебилъ Нату и вполголоса сказалъ ей:

— Брось, пожалуйста, это слово.

— Какое?

— Шикозный.

— Почему?—спросила Ната просто, не обидѣвшись.

— Оно дурного тона. Отзывается армейскимъ офицеромъ.

— Ну вотъ еще, папа... Не все ли равно!

И въ ея глазахъ онъ прочелъ:

„Какъ тебѣ не стыдно обращать вниманіе на такіе пустяки".

— И потомъ... видишь что, мой другъ,—продолжалъ Симцовъ, — надо вообще воздерживаться отъ словъ, составленныхъ Богъ знаетъ какъ... Что такое это прилагательное *шикозный?* Корень тутъ—слово шикъ, а окончаніе—*озный*; опять-таки противное духу русскаго языка.

— Все равно: шикозный, шикарный!.. — перебила его Ната и откинулась головой на низкую подушку дивана.

— Шикарный тоже банальное слово.

— А какъ его замѣнить?

— Да какъ угодно: изящный, модный, ловкій...

— Понятное дѣло, — перебила его Ната и положила

ногу на ногу, — можно было бы найти подходящій переводъ, да не стоитъ времени тратить.

Возгласъ „понятное дѣло" опять задѣлъ Симцова. И онъ напомнилъ ему жаргонъ Людмилы. Съ трудомъ удержался онъ отъ замѣчанія или просьбы: бросить привычку повторять безпрестанно нѣкоторыя поговорки.

— Ты сколько же зарабатываешь? — спросила Ната, продолжая начатый разговоръ.

— Не мало...

— Тысячъ пятнадцать?

— Даже и побольше.

— Я тебѣ много стоила. Это меня часто стѣсняло. Здѣсь я хотѣла бы зарабатывать сама хоть на туалетъ... Ты мнѣ доставишь работу?

— Если серьезно заниматься на курсахъ, то когда же успѣть? Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, мой другъ, — успокоительно и нѣсколько строго прибавилъ онъ.

— Почему? — рѣзче возразила Ната. — Не желаешь себя компрометировать, что дочь твоя будетъ давать уроки или работать по вечерамъ въ конторѣ? Такъ ужъ это — мое дѣло, отецъ! Свободы дѣйствій ты меня, надѣюсь, не станешь лишать?

— Хорошо, увидимъ, — ласково откликнулся Симцовъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Ната не унималась. Щеки ея быстро покрылись румянцемъ. Она отошла отъ него, точно не хотѣла, чтобы его ласка настроила ее въ другомъ духѣ.

„Ой-ой, какая она у меня задорная", — подумалъ Симцовъ, и у него прокралось чувство боязни за то, какъ бы ему не пришлось чаще, чѣмъ онъ желаетъ, спорить и бороться съ дочерью.

— Понятное дѣло, — начала Ната и, заложивъ руки на спину, стала широкими шагами ходить по кабинету, — посмотри, какъ ты живешь: у тебя роскошная отдѣлка, и мнѣ ты устроилъ будуаръ, точно я свѣтская франтиха... Ко всему этому я, признаться сказать, довольно равнодушна; но если за собой не слѣдить, то въ одинъ годъ совсѣмъ избарствуешься...

— Да вѣдь тебѣ, мой другъ, — прервалъ ее Симцовъ, — надо будетъ догнать твоихъ здѣшнихъ однокурсницъ и подготовиться къ поступленію въ настоящія слушательницы; я справлялся — раньше будущаго учебнаго года этого сдѣлать нельзя.

— Да знаешь что, отецъ, я думаю, что мнѣ не стоитъ поступать вольной слушательницей этихъ... бестужевскихъ курсовъ.

— Почему же нѣтъ?

— Придется тратить время на такія лекціи, которыя я еще разъ буду слушать, когда поступлю въ медички.

— А развѣ ты это окончательно рѣшила? — спросилъ Симцовъ.

— Обязательно!

И это слово „обязательно“, сдѣлавшееся въ Петербургѣ жаргоннымъ словомъ, даже у городовыхъ, непріятно рѣзнуло его. Но онъ еще не рѣшался сдѣлать ей замѣчанія, такъ же, какъ про любимую ея поговорку „понятное дѣло“.

Одного получаса довольно было, чтобъ заставить его немножко съежиться. Онъ видѣлъ, что не можетъ попасть въ тонъ этой дѣвушки. Ему хотѣлось бы совсѣмъ другого, чего-нибудь болѣе затягивающаго въ милую задушевность молодого существа, способнаго вызвать полное сочувствіе преданнаго друга и отца.

Ната хорошая дѣвушка—это онъ видѣлъ. Но отчего же съ ней ему дѣлается все менѣе и менѣе ловко? Не отъ того ли, что она сейчасъ, какъ только попала на зарубку своихъ занятій и своихъ убѣжденій, превратилась въ студента, живущаго только своими студенческими идеями и заботами?

„Неужели,—спрашивалъ себя Симцовъ,—первый день нашего свиданія не вызываетъ въ ней другихъ порывовъ, ласкъ, настроеній души?..“

Но онъ не задавалъ себѣ вопроса, чего онъ желалъ въ этихъ „настроеніяхъ души“... Не ту же ли все женственность, отъ которой рѣшилъ убѣжать?

Симцовъ мало сталкивался съ женской учащейся молодежью; но сближеніе съ Людмилой, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, многое объяснило ему въ жизни всѣхъ этихъ независимыхъ дѣвушекъ, влюбленныхъ въ идеи или ставящихъ выше всего свободу и самостоятельность своихъ вкусовъ, занятій, желаній. Но и въ такихъ „интеллигенткахъ“, какою казалась ему на первыхъ порахъ Людмила, было все-таки же больше женскаго; подъ угловатостями и даже рѣзкостями тона онъ скоро почувствовалъ все тотъ же вѣчный инстинктъ женщины, влекущій ее къ существу другого пола—источникъ ея силы и слабости; та-

кія, какъ Людмила, никогда не забывали, что онѣ женщины, хотя снаружи все у нихъ сводилось къ заработку, къ стремленію „стать на свои ноги", къ толкамъ о разныхъ „проклятыхъ" вопросахъ. И, увлекаясь Людмилой, онъ все-таки же не могъ не разглядѣть, что она совсѣмъ не предана душою своимъ высшимъ „интеллигентнымъ интересамъ", что это скорѣе мундиръ, а подъ нимъ все тѣ же преобладающія свойства женскаго пола. И она, и, вѣроятно, многія изъ ея подругъ сами себя обманывали, брали отъ званія трудовой, интеллигентной дѣвушки то, что̀ было имъ полезно, или же предавались дилетантству, когда позволяли это матеріальныя средства.

Ната не того поколѣнія. Ей нѣтъ еще двадцати лѣтъ, а она уже никого не хочетъ пускать къ себѣ въ душу иначе, какъ съ собственнымъ строгимъ контролемъ. Видомъ она—молодая женщина, согласная чисто одѣваться, но ни въ чемъ не проглядываетъ ея женственность, кромѣ упорнаго отстаиванія всего, что она сама считаетъ вѣрнымъ и симпатичнымъ. И вотъ будетъ она учиться медицинѣ, не смущаясь тѣмъ, нравится это отцу или нѣтъ, и уйдетъ съ головой въ книжки, лекціи, анатомическіе препараты, въ работы по лабораторіямъ и клиникамъ. Можетъ ли онъ во всемъ этомъ быть ея товарищемъ? Всѣмъ сердцемъ желалъ бы онъ закрѣпить ихъ связь на такой именно почвѣ; но онъ уже чувствуетъ, что Ната въ этомъ нуждаться не будетъ. По тому тону, какимъ она сказала ему сейчасъ о книгахъ его библіотеки, онъ видитъ, что она смотритъ на него, какъ на нѣсколько отсталаго барина, давно не подновлявшаго своей начитанности.

Чтобы быть настоящимъ товарищемъ дочери, ему пришлось бы самому превращаться въ студента медицины. А развѣ это возможно? Если онъ мечтаетъ о томъ, чтобы, покончивъ со своими увлеченіями и любовными связями, предаться умственной жизни, то совсѣмъ въ другомъ направленіи.

Ната пойдетъ своей дорогой и, много-много, между ними установится пріятельское сожительство въ одной квартирѣ, съ разговорами за обѣдомъ или за вечернимъ чаемъ.

Безъ влеченія къ мужчинѣ не проживетъ такая здоровая, сильная и пылкая дѣвушка. Но и тутъ ея выборъ обойдется безъ его отцовскаго вліянія...

— Ты вѣдь не въ этомъ кабинетѣ спишь? — спросила вдругъ Ната, поднимаясь отъ небольшого столика, гдѣ она нашла какую-то книжку журнала, развернутую на серьезной статьѣ, и зачиталась.

Симцовъ въ мечтахъ о томъ, какъ онъ устроитъ у себя Нату, застыдившись отдѣлки своей собственной спальни, рѣшилъ-было совсѣмъ запереть ее и почивать въ кабинетѣ, но онъ этого не исполнилъ. Ему показалось слишкомъ малодушнымъ такое поведеніе. Онъ прибралъ только нѣкоторыя вещи на туалетномъ столикѣ, такъ, чтобъ видъ этой спальни не вызывалъ никакихъ щекотливыхъ соображеній и вопросовъ.

— Нѣтъ, мой другъ,—отвѣтилъ онъ медленно, подавленный своими думами о дочери и ихъ будущихъ отношеніяхъ.—Моя спальня—тамъ.

Онъ указалъ рукой на дверь, задрапированную между двумя большими книжными шкапами.

Ната встала и подошла къ двери. Это любопытство было бы совершенно естественно въ каждой другой молодой дѣвушкѣ, но Симцовъ сумѣлъ объяснить его тѣмъ, что ей уже скучновато съ нимъ.

— Ты, пожалуйста, не стѣсняйся,—быстро заговорилъ онъ.—Тебѣ надо хорошенько разложиться, привести все въ порядокъ.

— Успѣю,—лѣниво протянула она, и звукъ ея голоса еще болѣе убѣдилъ его въ томъ, что и Натѣ не совсѣмъ ловко съ нимъ, что ея первоначальная возбужденность очень скоро опала въ этой удобно и роскошно отдѣланной квартирѣ, гдѣ онъ мечталъ начать съ нею обновленную жизнь.

— Батюшки!—раздался громкій возгласъ Наты.

Она приподняла портьеру и смотрѣла во внутрь его спальни.

— Неужели ты тутъ спишь?

— Да,—проговорилъ Симцовъ, стараясь выдержать совершенно спокойный тонъ.

— Ахъ, папа, да это только у французскихъ кокотокъ такія спальни бываютъ!..

Онъ покраснѣлъ, и ему очень хотѣлось остановить ее замѣчаніемъ, хотя бы мягко.

— Тройное зеркало, — говорила Ната весело и нѣсколько задорно. — И какой атласъ! Я даже и названія не знаю этому цвѣту. А кровать!.. Ха-ха-ха!..

Она подбѣжала къ нему, взяла его за обѣ руки и низко наклонила къ нему лицо.

— Я тебя стѣснять буду. Если у тебя такой будуаръ, навѣрно и романы водятся... Поди, съ француженками?

Ему хотѣлось сказать: „Ната, какой у тебя тонъ?“ Но тонъ былъ очень милый, точно будто она ровесница ему, или даже старшая сестра, дѣльная женщина, сознающая, что отъ такого эстетика и вивёра нельзя другого и ожидать.

Неловкость Симцова затянулась бы, если бъ Ната вдругъ не сказала ему:

— Ну, теперь надо тебѣ въ должность. Изъ-за меня нечего лѣниться. Поѣзжай, а я разберусь и немножко сосну. Дорогой я плохо спала.

Она его поцѣловала въ голову и даже на особый ладъ потрепала по плечу, и своей нѣсколько грузной походкой, все съ тѣмъ же передергиваніемъ плечъ, удалилась къ себѣ.

„Вотъ оно что“, — сказалъ про себя Симцовъ и долго не могъ подняться съ мѣста.

XIII.

Извозчикъ подсадилъ его въ троечныя сани, около Аничкова моста. Они поѣхали легкой рысцой вверхъ по Невскому, побрякивая бубенчиками.

Симцовъ сидѣлъ въ углу, прислонившись къ высокой спинкѣ бѣлыхъ саней, нахлобучилъ мѣховую шапку и совсѣмъ ушелъ лицомъ въ воротникъ шубы.

Что онъ такое дѣлаетъ? Нанялъ, точно юнкеръ, лихача-троечника и отправляется, да еще въ дообѣденный часъ, къ женщинѣ, которая подбила его ѣхать на тройкѣ въ загородный ресторанъ.

Онъ былъ за тысячу верстъ отъ всякаго любовнаго похожденія. Недѣля жизни съ дочерью потребовала гораздо бо́льшей выправки, чѣмъ онъ ожидалъ. Но все-таки онъ усиленно уходилъ въ этотъ новый видъ существованія.

И вдругъ прилетѣла въ Петербургъ его старая пріятельница, прислала за нимъ, и онъ почему-то не уклонился отъ этого свиданія. У него явилось даже какое-то злобное любопытство: неужели она можетъ ему еще и теперь нравиться? Онъ сталъ припоминать всѣ ея прежніе пріѣзды въ Петербургъ. Тогда жилось гораздо легче. Она была настоящая вакханка. Въ связи съ ней было что-то

игривое и задорное, часто доходившее до изящнаго цинизма...

Нѣсколько словъ, написанныхъ ею на карточкѣ, сразу пахнули на него молодой порочностью. Онъ сначала какъ будто испугался, но все-таки отвѣтилъ съ посыльнымъ, что будетъ. И ему тутъ же ужасно захотѣлось видѣть ее, и уйти, хоть на нѣсколько часовъ, отъ теперяшняго его положенія. Онъ точно все готовится къ тяжелому экзамену. До сихъ поръ не сказалъ онъ Натѣ, что Аполлинарія Кирилловна—въ Петербургѣ, что она хлопочетъ о разводѣ... Такое объясненіе онъ умышленно откладывалъ. И то, что связывало его съ другой женщиной, рѣшилъ скрывать во что бы то ни стало. Онъ видѣлся съ тѣхъ поръ раза два съ Прасковьей Семеновной и просилъ ее, въ ея же интересахъ, ограничиться свиданіями съ нимъ у ней въ квартирѣ. Она это приняла довольно хорошо, но самыя свиданія тяготили его чрезвычайно. Онъ по-дѣтски ждалъ чего-нибудь неожиданнаго, такого внезапнаго повода, который толкнулъ бы его впередъ и заставилъ произвести разрывъ.

Ни подъ какимъ видомъ не согласился бы онъ на знакомство дочери съ своей возлюбленной. Онъ уже предчувствовалъ, что Ната на всѣ его отношенія глядитъ другими глазами, и въ ихъ разговоры уже закралась неловкость, происходящая отъ его боязни натолкнуться на ея недовольный или протестующій тонъ, а передѣлывать онъ ее не желалъ, да и не смогъ бы.

И вотъ онъ ѣдетъ въ тройкѣ, точно кутила средней руки, заѣзжающій за дешевой кокоткой, въ тотъ часъ, когда только что зажглись фонари. Ему бы надо посильнѣе пристыдить себя, но онъ не могъ этого сдѣлать. Потребность въ какой-то душевной „диверсіи“ заговорила въ немъ.

— Вы къ генеральшѣ?—спросилъ его швейцаръ отеля на Морской, когда онъ быстрыми шагами и, все еще кутаясь, проходилъ по сѣнямъ.

Симцовъ отвѣтилъ только наклоненіемъ головы.

Стало-быть, „генеральша“ предупредила швейцара насчетъ господина, который пріѣдетъ на тройкѣ.

Генеральша уже больше шести лѣтъ, какъ вдовѣетъ, но и раньше она не стѣснялась своимъ замужествомъ. Она даже никогда не упоминала о супругѣ, и Симцовъ

зналъ только стороной, что онъ былъ дѣлецъ въ провинціи—директоръ какого-то земельнаго банка.

Очень скорымъ шагомъ поднялся онъ въ бель-этажъ и вошелъ въ дверь прямо противъ лѣстницы.

— Это вы, Симцовъ? Я заждалась.

Она неизмѣнно звала его по фамиліи и никогда не бывала съ нимъ на „ты".

Въ гостиной номера стояла передъ нимъ не очень большого роста женщина, скорѣе худощавая, чѣмъ полная, смуглаго овальнаго лица, съ цыганскими, изсиня-черными глазами и большой, курчавой чолкой на лбу, ярко и пестро одѣтая, со множествомъ браслетъ на обѣихъ рукахъ. Толстоватыя губы ея крупнаго рта выдѣлялись краснымъ пятномъ даже въ полусвѣтѣ комнаты.

При денномъ освѣщеніи Симцовъ разглядѣлъ ее нѣсколькими часами раньше. Она какъ-то ссохлась въ лицѣ, щеки не бѣлила и не румянила, а губы положительно красила. Это его сначала покоробило, но глаза были все тѣ же, въ нихъ пробѣгали змѣйки все того же ненасытнаго огня.

Эти глаза и подбили его на кутежъ, отъ котораго онъ сначала-было сталъ серьезно отговариваться. Но и теперь, въ сумеркахъ, при двухъ свѣчахъ, стоявшихъ на письменномъ столѣ, его не потянуло къ ней такъ, какъ бывало прежде.

— Да вы хоть бы догадались поцѣловать меня,—съ низкимъ, нѣсколько груднымъ смѣхомъ сказала она.—На морозцѣ вѣдь это менѣе удобно.

Этотъ безцеремонный вызовъ стряхнулъ съ него двойственность его настроенія.

— Ѣдемте, ѣдемте,—заторопилъ онъ ее самъ, началъ надѣвать на нее бархатныя, мѣховыя ботинки и укутывать большимъ, оренбургскимъ платкомъ. Ему сдѣлалось опять такъ же легко съ ней, какъ бывало въ ея пріѣзды, всегда неожиданные.

Дорогой ему вспомнился тотъ ресторанъ на берегу Малой Невы, куда мчала ихъ теперь тройка. Это было ранней весной. Лужайка съ пригоркомъ въ бокъ, отъ подъѣзда, только что зазеленѣла. Они присѣли на разостланный плэдъ. Ея собачка прыгала вокругъ и радостно лаяла на солнце.

Уже тогда эта женщина щеголяла свободой своего чувства и той особой откровенностью, которая кажется

нымъ чѣмъ-то очень смѣлымъ и честнымъ. Послѣ пылкихъ ласкъ, она говорила:

— Я за себя ручаться не могу. Пройдетъ мѣсяцъ, и я охладѣю къ вамъ.

И тогда, на этой лужайкѣ, сидя у ея ногъ, онъ совершенно искренно спросилъ ее:

— А вы не боитесь, что васъ зарѣжутъ или застрѣлятъ?

— Кто?—спросила она, и ея цыганскіе глаза съ синеватыми бѣлками вызывающе остановились на немъ.

— Кто?—Конечно, не такой человѣкъ, какъ я, и не въ тѣхъ лѣтахъ. Какой-нибудь очень молодой и злобный мужчина, не прощающій, особенно женщинѣ постарше его, вашихъ понятій о свободѣ чувства.

— Поживемъ—увидимъ,—отвѣтила она со смѣхомъ и потянулась къ нему своей смуглой и горячей щекой.

Тогда эта своенравная женщина, увѣренная въ своей безнаказанности, влекла его къ себѣ. Онъ способенъ былъ простить ей любовный вызовъ, только бы она его не ставила въ какое-нибудь унизительное положеніе передъ другимъ мужчиной. Но она являлась въ Петербургъ урывками... Иногда она какъ бы просила у Симцова совѣта. И онъ не отказывалъ ей, дѣлалъ это почти тономъ старшаго брата и гораздо больше остерегалъ ее, чѣмъ выказывалъ законную щепетильность.

Она опять пріѣхала покутить въ Петербургъ и заставила его отправиться съ ней на тройкѣ обѣдать въ тотъ самый ресторанъ...

Прошло пять лѣтъ съ ихъ весенней partie fine. Съ тѣхъ поръ только разъ была она въ Петербургѣ, но тогда онъ самъ уклонился отъ свиданія съ ней. Года два тому назадъ прислала она ему изъ-за границы свой портретъ въ костюмѣ альпійской туристки, съ большой палкой въ рукахъ, въ шляпѣ съ широкими полями, бросавшими тѣнь на ея южное лицо. Фотографія была, конечно, ретушована, но все-таки онъ нашелъ, что она смотрѣла на этомъ портретѣ все такой же молодою, съ тѣми же продолговатыми глазами и стянутыми вѣками и вызывающей улыбкой крупнаго рта. Костюмъ придавалъ ей даже нѣкоторую моложавость... Она осталась вдовой. По крайней мѣрѣ хоть въ этомъ сдержала она свое слово.

Онъ ей говаривалъ не разъ:

— Вы такъ щеголяете вашей честностью, тамъ, гдѣ можно было бы придержать свою откровенность. Но вотъ

въ чемъ вамъ не трудно было бы остаться честной: вы ни подъ какимъ видомъ не должны выходить замужъ.

— Да я и не собираюсь, — обыкновенно отвѣчала она ему.

— Такія женщины, какъ вы, не могутъ обманывать мужей, не дѣлая ихъ въ то же время несчастными.

И съ этимъ она соглашалась. Она не думала никогда обижаться или оправдываться, или играть въ сентиментальность. Теперь, сидя съ нею рядомъ въ саняхъ, онъ не смотрѣлъ на ея лицо, укутанное платкомъ, а останавливался подолгу мыслью на прежнихъ впечатлѣніяхъ отъ этой женщины, вплоть до портрета въ костюмѣ альпійской туристки.

Онъ самъ мало говорилъ дорогой, только слушалъ ея разсказы, все на ту же любовную тему, точно будто не прошло и нѣсколькихъ дней съ ея послѣдняго пріѣзда.

Генеральша не сдавалась передъ жизнью, передъ своими почти сорока годами. Все такъ же, какъ и прежде, ея лозунгомъ было—полное освобожденіе отъ всякихъ узъ, налагаемыхъ серьезной привязанностью.

— Вотъ видите, — добродушно и весело крикнула она ему, когда они переѣхали Троицкій мостъ, — никто меня еще не зарѣзалъ и не повалилъ изъ револьвера. Вы, душенька, стращали меня зря.

Полное освобожденіе женщины въ лицѣ его пріятельницы, въ эту минуту, сердило его на особый ладъ. Онъ такъ малодушно, съ такими осторожностями и неловкостями приводитъ въ исполненіе свой планъ, за который ему нечего краснѣть ни передъ кѣмъ; а вотъ эта, почти сорокалѣтняя вакханка до старости будетъ собирать дань со всѣхъ мужчинъ, какіе ей нравятся, и, дѣйствительно, сохранитъ полную свободу отъ всякаго обязательства и нравственнаго стѣсненія!..

— Дайте срокъ, — не выдержалъ онъ и отвѣтилъ ей, не боясь мороза, — кончите какимъ-нибудь Альфонсомъ, пройдохой-гимназистикомъ или заѣзжимъ гипнотизаторомъ.

— Спасаться буду, но не раньше какъ черезъ десять лѣтъ.

Симцовъ опять замолчалъ и сталъ спокойнѣе слушать свою пріятельницу. Когда тройка подъѣзжала къ ресторану, онъ подумалъ даже, что будь у него здѣсь, въ Петербургѣ, хоть одинъ близкій человѣкъ, съ такимъ дерзкимъ отношеніемъ къ жизни, какъ эта генеральша, хотя

бы даже и она сама, онъ гораздо скорѣе и рѣшительнѣе перерѣзалъ бы всѣ нити своего прошлаго. Онъ совсѣмъ уже не думалъ объ ней, какъ о женщинѣ, съ которой ѣхалъ обѣдать въ отдѣльномъ кабинетѣ. Въ немъ уже незамѣтно накопилась опять потребность излиться, безъ всякихъ смягченій и выгораживаній разсказать этой женщинѣ, какъ онъ хочетъ поставить крестъ на всемъ, что не тихая и чистая жизнь около своего молодого друга—дочери.

Пускай генеральша будетъ надъ нимъ подтрунивать, дѣлать скабрезные намеки, говорить, что его теперешняя добродѣтель не что иное, какъ брезгливое старчество.

Татары выбѣжали на крыльцо и повели ихъ въ верхній этажъ. Генеральша шла впередъ, очень шумно и размашисто, точно будто бы она мужчина, который будетъ все самъ заказывать и за все платить. Симцовъ поднимался за ней, съ опущенной головой и съ боязливой мыслью о томъ, какъ бы не вышло какой непріятной встрѣчи. Его дама на ходу распоряжалась насчетъ кабинета, обозначивъ, какой именно она желаетъ имѣть, и стала разспрашивать о хозяинѣ и еще о чемъ-то.

Симцову уже были извѣстны всѣ ея мужскія замашки. Онъ ожидалъ даже неизбѣжнаго разговора о платѣ по счету. Можетъ-быть, на этотъ разъ она пойдетъ еще дальше и будетъ настаивать на томъ, чтобы онъ совсѣмъ отказался отъ своей доли, такъ какъ приглашала его она.

Комнату онъ узналъ, она была все съ той же обивкой мебели темнымъ трипомъ, съ большимъ окномъ направо, у котораго стоялъ столъ, съ тѣмъ же широкимъ диваномъ въ глубинѣ комнаты, противъ входной двери.

Генеральша, какъ только вдвинулась въ кабинетъ, сейчасъ же пришла въ еще болѣе взвинченное настроеніе. Для нея самый воздухъ этой комнаты, съ запахомъ пыли и вчерашнихъ соусовъ, былъ пріятнѣе всякихъ благоуханій. Она порывисто начала снимать съ головы платокъ, разбросала по комнатѣ ботинки, шубку, муфту, бросилась на диванъ съ ногами и крикнула на весь коридоръ:

— Ухъ! какъ здѣсь славно!..

Онъ совсѣмъ отсталъ отъ ресторанныхъ кабинетовъ, и присутствіе лакея-татарина стѣсняло его.

— Душенька! — крикнула ему генеральша. — Сядьте сюда. Такъ нельзя!

. . . .

XIV.

— Вотъ и папа!

Въ столовой, за самоваромъ, сидѣла Ната съ Люціемъ. Они уже болѣе получаса пили чай и бесѣдовали. Поэтъ сначала не нравился ей, и она его про себя называла „рисовальщикомъ“; въ этотъ вечеръ онъ ее подкупалъ изящной мягкостью своего тона.

— Сима, я васъ заждался!

Всего менѣе желалъ Симцовъ застать дома ихъ обоихъ. Онъ вошелъ въ столовую съ такимъ гадливымъ чувствомъ къ самому себѣ, что не могъ даже связать двухъ словъ.

— Тебѣ нездоровится?—спросила его Ната.

Глаза Люція, обращенные къ нему, повторили этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, ничего; дай мнѣ чаю.

Весь онъ былъ себѣ гадокъ...

Симцовъ опустилъ голову и старался не смотрѣть ни на дочь, ни на Люція. Вся его теперешняя семейная обстановка отзывалась жалкой и недостойной комедіей. Онъ испытывалъ чувство унизительнаго страха передъ дочерью. Если бы вся картина его поведенія раскрылась передъ нею, что̀ бы она въ ней вызвала?.. Нынѣшнія дѣти безпощадны въ своихъ приговорахъ. Они могутъ, точно безстрашный хирургъ, вырѣзывать у себя самихъ живое мясо родственныхъ привязанностей, коль скоро пропало уваженіе и не на чѣмъ основать свою кровную связь.

Быть-можетъ, возьми да разскажи онъ ей все самъ, съ глубокой правдой, безъ всякой пощады къ себѣ, дочь помогла бы ему, если бы въ ней широта ея взглядовъ на человѣческія страсти и слабости превозмогла такое же гадливое чувство, какое онъ самъ имѣлъ къ себѣ въ ту минуту.

— Хороша погода?—спросила его вдругъ Ната.

— Мягкая,—отвѣтилъ онъ, не поднимая головы.

— А что, если бы проѣхаться на тройкѣ? Здѣсь гдѣ-то можно кататься съ горъ. Какъ это называется?—обратилась Ната къ Люцію.

— Аркадія,—подсказалъ Люцій.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога!—почти закричалъ Симцовъ и порывисто всталъ съ мѣста.—Въ другой разъ, завтра... послѣзавтра... Сегодня я утомленъ.

— Да, ты, папа,—весело спросила Ната,—немножечко кутнулъ сегодня?

— Quelle idée!..—вырвалось у Симцова по-французски, и онъ тотчасъ же почувствовалъ, какъ это восклицаніе было смѣшно.

— Сима,—мягко окликнулъ его Люцій, оборачивая къ нему голову, въ тотъ уголъ столовой, куда онъ отошелъ, — мнѣ бы не хотѣлось васъ сегодня еще больше разстраивать.

— Что такое? — спросилъ Симцовъ тономъ человѣка, которому въ эту минуту ровно ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ его душевнаго разстройства.

— Можно говорить при васъ о дѣлахъ?—спросилъ Люцій Нату.

— Пожалуйста, если папа не желаетъ отъ меня скрывать. Мужчины всегда смѣются надъ нашей наивностью въ дѣлахъ. Понятно, съ нами старшіе никогда о нихъ не говорятъ, а потомъ начнешь изучать совсѣмъ другія вещи. Вѣдь, согласитесь, вотъ вы—адвокатъ, у русской женщины есть вѣдь по закону большая самостоятельность насчетъ ея имущества?

Люцій усмѣхнулся и шутливо выговорилъ:

— Когда выйдете замужъ, можете взять мужа къ себѣ въ приказчики, а то такъ выгнать его изъ собственной квартиры.

— Вотъ видите!—радостно вскричала Ната.

— Зато онъ вытребуетъ васъ къ себѣ отовсюду, коли захочетъ—то и по этапу.

— Я это слыхала,—возмущенно отозвалась Ната.

— И разныя другія есть отношенія супруговъ между собою. Я на этомъ даже изъ гражданскаго права сбился на экзаменѣ и долженъ былъ переэкзаменоваться.

— А гдѣ все это стоитъ, въ какомъ томѣ? — спросила Ната очень серьезно.

— Развѣ вы собираетесь читать?—все такъ же шутливо продолжалъ Люцій.

— Да ужъ это мое дѣло, вы только скажите.

— Въ десятомъ томѣ свода законовъ.

— Въ десятомъ? Я запишу.

Симцовъ ходилъ маленькими шагами въ сторонѣ отъ стола. Ему непріятно было то, что Люцій хочетъ говорить о какомъ-то дѣлѣ тутъ же, при дочери, вмѣсто того.

чтобы увести его въ кабинетъ и сказать съ тѣмъ чувствомъ, какое у него обыкновенно бывало:

„Сима, излейтесь мнѣ. Вамъ нужно излиться“.

— Вотъ видите ли, мой милый Сима, повеликодушничали вы съ тѣмъ вагабундусомъ...

— Съ какимъ?—тревожно спросилъ Симцовъ.

— Да съ мессиромъ Босяковымъ.

— Съ какимъ Босяковымъ?

У Симцова совершенно вышибло изъ памяти эту фамилію.

— Да мужъ той дѣвицы, которую вы когда-то развивали.

Ната насторожила уши.

— Это что же такое было, отецъ? — спросила она довольно спокойно, но звукъ ея вопроса только увеличилъ тревожность Симцова.

— Ну, принималъ я участіе, — нехотя выговаривалъ Симцовъ, — въ одной молодой дѣвушкѣ... Она искала работы...

— Ты, надѣюсь, не увлекалъ ее?

— Кажется, она кокетничала съ вашимъ папой,—подсказалъ Люцій.

— Ну и что же?—подталкивала Ната.

Люцій взглянулъ на своего друга черезъ самоваръ.

— Сима, я за васъ доскажу. У васъ, навѣрно, что-нибудь болитъ, только вы скрываете. Видите ли, особа эта, по имени Людмила, принимала безкорыстную поддержку Симы, но была увлечена нѣкимъ Босяковымъ, онъ же и вагабундусъ; на нашемъ жаргонѣ: джентльменъ этотъ—вороватый; поймался онъ окончательно въ подлогѣ, сидѣлъ здѣсь; волоокая Людмила нашла ходъ къ великодушному сердцу Симы, который поручился въ четырехъ тысячахъ.

— Взялъ его на поруки?—спросила быстро Ната.

— А вамъ эти порядки развѣ извѣстны?

— Еще бы!—вырвалось у Наты.

Ея глаза сдѣлались блестящѣе.

— А, быть-можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ не простой...

Она искала слова.

— Кавалеръ индустріи?—подсказалъ ей Люцій.

— Это бываетъ! Подлогъ,—повторила она про себя.— Это дѣлаютъ, чтобы выручить товарища.

— Увы и ахъ! Господинъ Босяковъ никого не выручалъ, а только подпадулъ вотъ еще разъ Симу.

— Онъ убѣжалъ?—спросилъ Симцовъ.

— Скрылся, душа моя, скрылся. И даже написалъ мнѣ письмо, гдѣ есть разныя пріятности и по вашему адресу.

— Вотъ это прекрасно!—вскричалъ Симцовъ и остановился посрединѣ столовой.

Это извѣстіе, само по себѣ непріятное, дало ему новое раздраженіе, но уже не противъ самого себя, а противъ Людмилы, ея мужа и вообще молодыхъ людей.

— Вотъ это прекрасно!—и Симцовъ разсмѣялся.

— Тебѣ очень жалко денегъ, отецъ?—спросила Ната.

— Конечно, жалко,—отвѣтилъ онъ, и ему стало вдругъ легче, тонъ его показывалъ, что теперь онъ уже стряхнулъ съ себя свое подавленное и боязливое настроеніе передъ дочерью.—Конечно, жалко,—повторилъ онъ,—глупо брошенныхъ денегъ!

— Послушай,—перебила его Ната, и звукъ ея голоса доложилъ ему, что она станетъ возражать и протестовать.—Одно изъ двухъ, отецъ: или ты хотѣлъ оказать большую услугу женщинѣ, любящей своего мужа, или ты сдѣлалъ это такъ... повеликодушничалъ, порисовался.

— Я рисовался? Это забавно!

Въ первый разъ Симцовъ начиналъ сердиться. Онъ сердился и на Люція за эту некстати сообщенную новость о побѣгѣ Босякова, а еще больше сердился на тонъ дочери, на эту несносную манеру обо всемъ судить, не останавливаться ни передъ чѣмъ и слишкомъ мало думать: кому она говоритъ, имѣетъ ли она право такъ безцеремонно разбирать каждый поступокъ своего отца?

— Тутъ нечего умничать,—сказалъ онъ въ первый разъ такъ рѣзко, что Люцій взглянулъ даже на него вопросительно.—Каждый дѣлаетъ глупости. Жена этого мазурика ослѣплена имъ. Я ее не виню, но сказать по правдѣ: не слѣдовало рисковать порядочной суммой денегъ изъ-за ея прекрасныхъ глазъ.

— Ты это такъ сказалъ, отецъ,—подхватила Ната, вся разгорѣвшись,—точно въ тебѣ говоритъ досада за прошлое...

— За какое прошлое?—рѣзко спросилъ онъ.

— Я не знаю, можетъ-быть, ты за ней ухаживалъ, а она взяла да вышла за какого-то Босякова.

Эти слова Наты перенесли его сейчасъ же къ сценѣ съ самимъ Босяковымъ въ его кабинетѣ. И мужъ Людмилы сказалъ ему почти то же, что и дочь. Злобное и

мстительное чувство укололо его въ эту минуту. „Да, всѣ женщины на одинъ покрой, — порывисто думалъ онъ.— Что бы вы для нихъ ни дѣлали, во всемъ видятъ хищничество и самолюбіе мужчины...“

— Можетъ-быть,—глухо оборвалъ Симцовъ.

Онъ долженъ былъ сдержать себя, чтобы не вышло какой-нибудь непріятной сцены.

— Да знаете что, господа, — продолжала все такъ же возбужденно Ната.—Въ васъ обоихъ слишкомъ много барства. Денегъ вы, пожалуй, дадите на бѣдность или вотъ поймаетесь насчетъ залога, но вы не войдете въ жизнь ни такой Людмилы, ни ея несчастнаго мужа.

— Несчастнаго, несчастнаго!—оборвалъ ее Симцовъ.— Ты сама не знаешь, что говоришь. Люцій, пойдемте въ кабинетъ. Этому пустоболтанію конца не будетъ.

Симцовъ вышелъ первый изъ столовой. Люцій притихъ и вбокъ глядѣлъ на Нату. Она усиленно вытирала блюдечко полотенцемъ. Высокая ея грудь поднималась и опускалась и ноздри были расширены.

— Такъ я, по-вашему, буржуй?—спросилъ онъ тихо и хотѣлъ приласкать ее взглядомъ.

— А то кто же?

— Я буддистъ,—отшутился Люцій, вставая изъ-за стола.—Напрасно брюскируете папеньку,—шопотомъ прибавилъ онъ. — Сима нѣжной души человѣкъ и ваше пониманіе для него дорогого стоитъ.

— Сомнѣваюсь.

Люцій сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы приглашая ее успокоиться, и беззвучно выдвинулся изъ комнаты.

Ната долго вытирала блюдечко и чашку. Краска сходила съ ея щекъ. Въ глазахъ не было уже задорнаго блеска. Она досадовала на себя, но еще больше непріятно ей было за отца. Она не ожидала, что онъ способенъ былъ на такую старческую раздражительность, что онъ отъ нея многое скрываетъ, оттого и ведетъ себя неровно, странно и тревожно.

Она такъ раздумалась, что и не замѣтила, какъ прошла цѣлая четверть часа. Ее вывелъ изъ раздумья разговоръ въ передней. Уходилъ Люцій; Симцовъ провожалъ его. Дверь въ переднюю была полуотворена.

— Завтра я вызванъ къ Аполлинаріи Кирилловнѣ,— донеслась до Наты совершенно отчетливо фраза Люція.

— Для консультаціи?—спросилъ Симцовъ.

— Вечеромъ, на чашку чаю.

„Аполлинарія Кирилловна,—быстро спросила себя Ната,—моя мать здѣсь?“

XV.

Симцовъ проводилъ пріятеля и вернулся въ кабинетъ. Его раздраженіе улеглось, и ему стало совѣстно за себя. Но вѣдь и Ната не была права: нельзя же такъ поднимать голосъ и вторгаться своимъ авторитетнымъ мнѣніемъ въ то, чего она хорошенько не знаетъ.

Онъ все-таки осудилъ самого себя и очень бы желалъ приласкать ее; только безъ всякихъ лишнихъ объясненій. Что жъ дѣлать! Натура! Поколѣніе!.. Если ему приходится съ ней совсѣмъ не такъ легко, какъ онъ мечталъ, то вѣдь и она, быть-можетъ, про себя испытываетъ уже нѣкоторый гнетъ.

Онъ сѣлъ на свое любимое кресло около столика съ двойнымъ подсвѣчникомъ, но его тянуло къ дочери. Еще минуты двѣ, и онъ пошелъ бы къ ней въ комнату, думая, что ея давно уже нѣтъ въ столовой.

Изъ-за портьеры показалась фигура Наты.

— Ты ко мнѣ?—спросилъ Симцовъ, скрывая свое волненіе.

Ната перешла отъ двери къ его креслу скорыми шагами, протянула ему руку, крѣпко пожала, потомъ нагнулась и поцѣловала его въ голову.

— Ты не сердись, — заговорила она съ добродушной угрюмостью.—Я—грубіянка... Зато—что на умѣ, то и на языкѣ. Кабы я при тебѣ росла, папа, конечно, у меня былъ бы другой тонъ. Но ты немножко самъ виноватъ. Я привыкла считать тебя идеальнымъ человѣкомъ. А бояться—я тебя никогда не боялась...

— Хорошо, хорошо, — тронутымъ звукомъ повторилъ Симцовъ, ужасно обрадованный этой исповѣдью Наты, и привлекъ ее къ себѣ.

Онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ ее въ щеку. Ему хотѣлось приласкать ее какъ маленькую дѣвочку, и потомъ такъ же поисповѣдоваться ей во многомъ томъ, что теперь таилось въ немъ и вызывало вспышки раздраженія.

Ната, не сходя еще съ его колѣнъ, поглядѣла ему въ глаза съ болѣе сосредоточеннымъ выраженіемъ.

— Ты мнѣ скажешь правду? — спросила она вдругъ и потянулась встать

— Что такое?

Опять тревога овладѣла Симцовымъ: онъ зачуялъ снова „принципіальный“ разговоръ.

— Про какую Аполлинарію Кирилловну говорилъ тебѣ въ передней твой другъ. Это мать моя?

Симцовъ не рѣшился солгать и отвѣтилъ наклоненіемъ головы.

— Такъ она здѣсь? Живетъ постоянно?

— Пріѣхала по дѣлу.

— Неужели ты нарочно скрывалъ отъ меня?

— Я... не скрывалъ, но и не видѣлъ особенной надобности тебя тревожить, мой другъ; долгъ мой состоялъ въ томъ, чтобы ограждать тебя отъ всякаго прикосновенія съ личностью, которая и безъ того чуть-было не разбила нашу съ тобой жизнь.

Выговаривая все это, Симцовъ тяжело дышалъ.

Ната стояла уже поодаль отъ дивана, сложивъ руки на груди и продолжая пристально смотрѣть на него.

— Послушай, отецъ, — Ната заходила по кабинету и щеки ея разгорѣлись, — зачѣмъ ты такъ брезгливо говоришь о ней? Развѣ ты ея до сихъ поръ боишься?

— Нисколько.

Симцовъ сдѣлалъ даже энергическій жестъ головой.

— И если она здѣсь, въ Петербургѣ, то отчего же бы мнѣ и не повидаться съ ней?

Глаза дѣвушки смотрѣли на него пытливо и опять съ тѣмъ же неуловимымъ оттѣнкомъ снисходительной усмѣшки, точно будто она гувернантка, а онъ ея воспитанникъ.

— Съ какой же стати? Между вами нѣтъ ничего общаго.

Ему довольно было выговорить и эти слова.

Какъ?! Его Ната, та дѣвочка, что онъ похитилъ у матери по уговору съ ней самой, и тогда еще инстинктомъ понявшая, какова ея мать, теперь такъ разсуждаетъ; почти съ упрекомъ говоритъ ему о его брезгливомъ чувствѣ къ женщинѣ, что̀ ихъ обоихъ заставляла такъ долго страдать.

— Теперь все сгладилось,—продолжала Ната и нахмурила немного брови, тономъ разсудительной, старшей сестры.—Мать моя не могла сдѣлать тебя счастливымъ, и мнѣ у ней было не хорошо. Ты по-своему былъ, конечно, правъ.

Онъ молчалъ.

— Пожалуйста, не скрывай отъ меня, папа. Это не достойно тебя. Она здѣсь по какому-нибудь дѣлу съ тобой?

Ему надоѣло изворачиваться, и онъ сказалъ ей сухо, но спокойно, что ея мать нашла себѣ жениха, собирается выходить за него замужъ и хлопочетъ о разводѣ, на который онъ далъ свое согласіе.

— Теперь вы оба свободны. Этотъ разводъ — кто его первый предложилъ, она или ты?—горячѣе спросила Ната.

— Она.

Симцовъ опять началъ себя сдерживать.

— Вотъ видишь.

— Ей это нужно было.

— Да вѣдь и тебѣ также нужно... Или можетъ быть нужно,—поправилась она. — Ты еще не старый. Можешь полюбить.

„Догадывается ли она или нѣтъ о Котомлиной?“ — быстро подумалъ Симцовъ, и неувѣренно, исподлобья взглянулъ на дочь.

— Все это прекрасно, Ната,—заговорилъ онъ, стараясь быть какъ можно мягче,—но къ чему же тебѣ становиться опять между нами? Вотъ болѣе восьми лѣтъ, какъ я ограждалъ тебя всячески...

— Отъ чего? — съ внезапною живостью спросила дѣвушка.—Отъ прикосновенія къ моей матери? Напрасно.

— Напрасно?—съ невольнымъ раздраженіемъ переспросилъ Симцовъ.

— Когда ты боялся за меня, пожалуй, иначе нельзя было сдѣлать... А потомъ я выросла. Вотъ ужъ больше трехъ лѣтъ, какъ я смотрю на себя вовсе не какъ на дѣвчонку!..

Ната сѣла на кресло, прислонилась затылкомъ къ спинкѣ его, вытянула ноги, опустила рѣсницы и стала говорить медленнѣе, нервнѣе; голосъ ея вздрагивалъ.

— Вотъ видишь, отецъ... Я тебя не обвиняю въ томъ, что ты меня лишалъ материнскихъ ласкъ; только напрасно ты самъ такъ малодушничалъ. Часто мнѣ бывало тяжеленько въ домѣ тети. Ты думаешь, съ ней легко было выжить вотъ почти до двадцати лѣтъ. Я никогда не хотѣла вмѣшивать тебя ни въ какія дрязги, возстановлять противъ твоей родственницы, а вѣдь она просто губернская барыня съ претензіями...

— Ната!—перебилъ Симцовъ. — Къ тебѣ она искренно привязалась.

— Можетъ-быть, не спорю. Она добрая... Только я передъ такой добротой, папа, не могу преклоняться. На двѣ трети въ ней барства, даже если хочешь—чванства. Тетя хотѣла сдѣлать изъ меня губернскую барышню. У ней вѣдь одинъ идеалъ: женскія головки изъ англійскихъ кипсековъ! И у насъ, какъ я только подросла и стала своимъ умомъ жить, постоянно были несогласія. Ей не нравилось все: какъ я говорю, хожу, одѣваюсь, чешусь, съ какими подругами знакома пріятельски, какія книжки читаю и о чемъ разговоры веду. Три года, папа, не шутка... На лѣтнихъ каникулахъ только и отводила душу. А въ зимніе вечера, бывало, сидишь-сидишь у себя въ комнатѣ, къ гостямъ выходить не хочется, на сердцѣ точно все сосетъ. Понятное дѣло, хотѣлось прильнуть къ другой женщинѣ, хотя бы она была и не Богъ знаетъ какой безупречной жизни, да помоложе, полегче характеромъ, снисходительнѣе. Я не стану отъ тебя скрывать, сколько разъ я думала: можетъ-быть, мать моя поняла бы меня гораздо лучше...

Голосъ Наты оборвался. Симцовъ былъ и взволнованъ, и какъ бы пораженъ тѣмъ, что она говорила. Упреки самому себѣ уже не являлись больше. Какова бы ни была его кузина, все-таки, живя при ней, Ната спаслась отъ многаго горькаго и даже грязнаго, чего навѣкъ не смоешь съ души...

— Что же дѣлать, — выговорилъ онъ менѣе кротко, чѣмъ бы самъ хотѣлъ,—развѣ я не понималъ, Ната, чего жизнь лишила тебя, но я по совѣсти не могъ не оградить тебя.

— Теперь что же разбирать, — оживленнѣе заговорила Ната.—Это старыя дрожжи! А посмотрѣть на мою мать—отчего же не посмотрѣть? Повторяю: бояться нечего ни тебѣ, ни мнѣ. Открещиваться отъ нея слишкомъ не великодушно. Я про нее ничего не знаю, какъ слѣдуетъ. Но, положимъ, она—особа подозрительныхъ свойствъ...

— Тебѣ и не слѣдуетъ разбирать это,—нѣсколько строже выговорилъ Симцовъ.

— Почему такъ?

— Она мать твоя.

— Такъ я и ожидала! — вскричала Ната, выпрямилась въ креслѣ и подобрала ноги. — Какъ тебѣ не стыдно, отецъ! Это только во французскихъ романахъ упражняются въ такихъ фразахъ. Отлично знаютъ другъ друга, ника-

кихъ порядочныхъ чувствъ не имѣютъ, а чуть что — и сейчасъ: „она мать твоя!“ или: „онъ твой отецъ!“ Одно изъ двухъ: или ты давно ей все простилъ и смотришь на нее, какъ на женщину, которую мнѣ не стыдно назвать матерью, или ты ее все еще презираешь, и презираешь, имѣя на это право. А коли такъ, то къ чему же тутъ фразы? Я, какъ дочь, должна знать: стоятъ ли уваженія мои родители. Положимъ — не стоитъ кто-нибудь изъ нихъ. Но зачѣмъ же намъ съ тобой кичиться тѣмъ, что мы безупречны?

Симцовъ, по мѣрѣ того, какъ говорила Ната, мысленно возражалъ на каждый ея доводъ. Онъ не могъ или, лучше, не хотѣлъ соглашаться съ ней, хотя почти со всѣмъ согласился бы, говори не она, а посторонняя женщина.

— Я, мой другъ, не стану тебѣ насильно препятствовать. Ты имѣешь право повидаться съ твоей матерью. Не думаю только, чтобы это свиданіе принесло тебѣ какое-нибудь нравственное добро.

Эту суховатую и нѣсколько книжную фразу Симцовъ выговорилъ почти съ усиліемъ. Онъ уже чувствовалъ, что дочь ускользнула отъ него, что въ такихъ вопросахъ ему не направить ее по-своему.

— Да послушай, папа... Ты воображаешь, что я не встрѣчалась уже съ разными женщинами... достаточно порочными?

— Гдѣ же?

— Да въ домѣ тети, твоей кузины.

— Не думаю, мой другъ.

— А я тебѣ говорю—да. Она принимала разныхъ барынекъ изъ мѣстныхъ аристократокъ... и всѣ въ городѣ отлично знали, въ томъ числѣ и я, что такая-то вотъ мѣняетъ своихъ возлюбленныхъ, какъ перчатки.

— Ната!..

— Полно меня останавливать, мнѣ скоро двадцать лѣтъ! И про такіе нравы знаешь уже пятнадцатилѣтней дѣвчонкой. А кто въ мои лѣта притворяется, что ничего не видитъ и не понимаетъ, та просто вретъ. И что же? Я со всѣми этими дамами была знакома, сначала присѣдала имъ, потомъ пожимала руку и цѣловалась и ѣздила къ нимъ на вечера съ тетей. Да скажу тебѣ прямо: если бъ даже я теперь случайно познакомилась съ какой-нибудь завѣдомо легкой особой, я нисколько бы не стала отъ нея сторониться.

— Что ты говоришь, Ната?

— Я считаю такую брезгливость чистымъ фарисействомъ!

Она встала и прошлась по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Симцовъ сидѣлъ безмолвный и подавленный.

— Вотъ почему,—закончила она,—я не стану избѣгать свиданія съ моей матерью. И ты поступишь очень странно, если укроешь ее отъ меня.

Съ этими словами она вышла.

XVI.

Симцовъ больше уже не разбиралъ своего поведенія. Онъ былъ похожъ на запутавшагося дѣльца или на человѣка, который поставилъ на извѣстный номеръ все свое состояніе и дожидается поворота рулетки. Точно всякая способность къ анализу оставила его. Какъ бы онъ ни поступилъ, по прежнимъ своимъ понятіямъ и правиламъ—будетъ непремѣнно хуже. Вѣрнѣе всего: переждать, застыть въ своей умышленной инерціи.

Онъ избѣгалъ всякаго объясненія съ женщинами. Людмила Босякова порывалась къ нему, вѣроятно, оправдывать своего сбѣжавшаго мужа, а можетъ-быть и просить денегъ на поѣздку въ то мѣсто, куда онъ скрылся; Симцовъ усиленно защищалъ отъ нея входъ въ свою квартиру. Аполлинарія Кирилловна раза два-три приглашала его къ себѣ и черезъ Люція, и прямо. Онъ написалъ ей письмо, гдѣ убѣдительнѣйше просилъ назначить ему свиданіе только тогда, когда это будетъ безусловно необходимо для бракоразводнаго дѣла. Послѣ разговора съ Натой о матери, онъ совсѣмъ съежился, ушелъ въ себя, избѣгалъ всякаго намека на Аполлинарію Кирилловну, упрашивалъ Люція ни подъ какимъ видомъ не проговориться ей о пріѣздѣ дочери, и заходить къ нему въ правленіе, чтобы не сталкиваться съ Натой.

Прасковья Семеновна какъ будто совсѣмъ для него не существовала, хотя онъ навѣщалъ ее черезъ день. Разговоры ихъ были чисто дѣловые. Они толковали о сдачѣ ея квартиры и о поѣздкѣ за границу. Для него уже ничего не стоило надѣвать на себя личину и заботливо обсуждать съ нею всякія подробности ея заграничнаго маршрута. Теперь окончательно было рѣшено, что она поѣдетъ раньше, въ началѣ поста. То и дѣло всплывало въ немъ почти злобное чувство, глядя на то, какъ эта

ловкая женщина ни о чемъ не догадывается и продолжала считать его „своимъ“.

Послѣ посѣщенія матери, она сама стала очень сдержана, точно поступила на положеніе цѣломудренной невѣсты и желала вызвать въ немъ этой сдержанностью, а потомъ разлукой на мѣсяцъ, на два—прежпіе порывы.

Чтобы не задергивать больше самого себя, Симцовъ старался, бывая у Прасковьи Семеновны, совсѣмъ не думать ни о дочери, ни о женѣ; а когда ему представлялся вопросъ, что нельзя же играть все въ прятки, онъ или ничего себѣ не отвѣчалъ, или говорилъ, что всякая случайность, даже самая непріятная, не ухудшитъ дѣла.

Въ своемъ кабинетѣ опъ сидѣлъ все охотнѣе и охотнѣе, любовно оглядывалъ шкапы съ книгами, съ терпѣливой надеждой ждалъ того момента, когда всѣ прежнія связи будутъ порваны. Онъ начиналъ уже отдѣлять себя и отъ Наты. Самое лучшее — предоставить ей полную свободу, но и самому требовать того же, заключить съ ней родъ пріятельскаго контракта. Они будутъ жить подъ одной кровлей, сходиться за обѣдомъ, завтракомъ и чаемъ, избѣгать всякихъ споровъ, сообщать другъ другу только вещи интересныя, изъ того, что каждый изъ нихъ прочтетъ или прослушаетъ въ теченіе дня.

Въ этомъ именно направленіи думалъ онъ, сидя все въ томъ же креслѣ у маленькаго столика и зная, что его никто не потревожитъ. Наты не было дома. Никакого особеннаго приказапія насчетъ пріема онъ не отдавалъ камердинеру. Аполлинарію Кирилловну онъ давно уже не велѣлъ принимать, даже и въ утренніе часы.

Раздался звонокъ, на который онъ не обратилъ вниманія. Вѣроятно, Ната, вернувшаяся съ лекціи.

— Госпожа Котомлина,—доложилъ человѣкъ по обыкновенію вполголоса, остановившись въ портьерѣ.

— Вы сказали, что я дома?

— Такъ точно.

Выбранить человѣка не за что было; принять ее, значитъ — рисковать встрѣчей дочери съ Прасковьей Семеновной.

Но какой же тутъ особенный рискъ... Онъ, какъ дѣловой человѣкъ, имѣетъ поводъ принимать у себя всякихъ дамъ.

И его наполнила почти дѣтская радость отъ упорнаго сознапія того, что онъ непремѣнно покончитъ со всѣми женщинами.

Визитъ свой Прасковья Семеновна сейчасъ же объяснила, точно будто хотѣла предупредить его. Дѣло было спѣшное и все насчетъ сдачи ея квартиры. Нужно дать отвѣтъ сегодня вечеромъ, а вызывать его она не хотѣла. Онъ посовѣтовалъ ей покончить безъ проволочки, такъ какъ условіе очень выгодное. Она почти не присаживалась, не снимала ни шляпки, ни мѣхового боа, и вдругъ присѣла поближе къ нему, взяла за руки и тихо выговорила:

— Валерій, скажите мнѣ, что вообще съ вами?

„А вдругъ вернется Ната?"—выскочилъ вопросъ въ головѣ Симцова.

Скрывать то, что Ната тутъ, въ его квартирѣ, было почти невозможно; но и сказать объ этомъ сейчасъ же— языкъ не повиновался ему.

Можетъ-быть, этотъ разговоръ пройдетъ благополучно. Ната на лекціяхъ и врядъ ли вернется раньше обѣда. Да и зачѣмъ ей знать объ отношеніяхъ его къ Котемлиной, если онъ рѣшилъ разорвать эту связь? Къ чему загрязнять ея взглядъ на жизнь, хотя бы она по своимъ теперешнимъ понятіямъ и стояла за полную искренность отца съ взрослою дочерью.

У ней свой кодексъ морали, у него—свой.

Но лицо Прасковьи Семеновны слегка затуманилось.

— Мнѣ кажется, мой другъ, — заговорила она, — что вы со мною не такъ искренни, какъ прежде!

— Что за мысль!..

— Что же такое произошло съ тѣхъ поръ, какъ скончался мой мужъ?

— Ровно ничего!..

— Если у васъ какія-нибудь дѣловыя непріятности, заботы—почему же не сообщить ихъ мнѣ? Или, можетъ-быть, вы списались уже съ женой, и она хочетъ воспользоваться вашимъ желаніемъ быть свободнымъ. Почему вы не поручите этого мнѣ?

— Вамъ?..

— Я не испугалась бы. Тутъ дѣло все въ деньгахъ... Если васъ затрудняетъ что-нибудь... къ чему же я тутъ? Вѣдь это нашъ общій интересъ. Мы оба обезпечиваемъ себѣ нашу будущность. Я отъ души готова принести всякую жертву.

— Что вы, что вы!..—почти съ ужасомъ воскликнулъ Симцовъ.

Какъ женщина была сильнѣе его въ эту минуту! Для нея все ясно. Она идетъ прямо къ цѣли и не хочетъ даже подозрѣвать его въ какомъ-нибудь малодушномъ обманѣ. Съ такой же ясностью и смѣлостью проводила она еще недавно покойнаго мужа и въ этомъ пятилѣтнемъ обманѣ была также сильнѣе своего любовника.

— Да почему же нѣтъ, Валерій?—спросила Прасковья Семеновна и нагнулась къ нему бюстомъ.

— Это моя обязанность,—проговорилъ Симцовъ, и ему собственный голосъ слышался чьимъ-то чужимъ.

— Вотъ и насчетъ вашей дочери... Если вамъ почему-нибудь не совсѣмъ ловко писать ей о вашемъ желаніи назвать меня женою, а сдѣлать это экспромтомъ для нея вы тоже не хотите—я могла бы ее подготовить. Для меня это не составитъ никакого труда. Отчего мнѣ не завязать съ ней переписку? Она молода, отзывчива; я сумѣю найти дорогу къ ея сердцу.

— Полноте, это совсѣмъ не нужно!

Симцовъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

„Нельзя же тянуть дальше,—говорилъ онъ самъ себѣ,— ты можешь поставить себя въ самое унизительное положеніе. Ната вернется, войдетъ въ кабинетъ, и тогда что?"

Ему вдругъ захотѣлось очутиться именно въ такомъ унизительномъ положеніи, чтобы его ложь была обнаружена передъ этой женщиной рѣзко, безъ всякой возможности какой бы то ни было отговорки. Это было бы самымъ лучшимъ средствомъ или поводомъ къ разрыву.

Но такая ли женщина Прасковья Семеновна, чтобы возмутиться безповоротно? Нѣтъ. Она найдетъ исходъ, великодушно проститъ ему его сознательный обманъ, будетъ даже объяснять его деликатностью чувствъ своего Валерія, желаніемъ пощадить обѣихъ женщинъ, избавить ихъ отъ всего щекотливаго и неловкаго.

— Вѣдь Ната все тамъ, у вашей кузины? — спросила Котомлина и встала.—Дайте мнѣ ея адресъ. Изъ-за границы я начну съ ней переписку, и повѣрьте, мой другъ, она будетъ подготовлена и найдетъ во мнѣ не мачиху, а баловницу, старшую сестру.

У него невольно вырвался подавленный вздохъ: не нужно было отвѣчать прямой ложью на вопросъ — гдѣ теперь Ната.

— Знаете, что я вамъ скажу, Валерій? — Прасковья

Семеновна взяла муфту со столика и тихими шажками пододвинулась къ двери въ гостиную.—Вы до сихъ поръ подъ впечатлѣніемъ смерти вашего пріятеля. Я не скрываю, на васъ она подѣйствовала сильнѣе, чѣмъ на меня. Нельзя такъ... Сколько разъ вы говорили мнѣ: жизнь не ждетъ. Помните, есть такія слова Пушкина изъ его лицейской годовщины. Время безпощадно... Нельзя прошедшему отдавать столько душевныхъ силъ.

„И вотъ такъ она стала бы меня отчитывать до самой моей смерти",—думалъ Симцовъ и стоялъ съ опущенной головой у своего кресла.

Прасковья Семеновна была уже у дверей въ гостиную.

— Встряхнитесь, Валерій, — доносился до него ея голосъ,—такъ нельзя.

Онъ догналъ ее, взялъ за руку и прошелъ съ ней черезъ всю гостиную.

Ему опять стало хорошо оттого, что онъ ускользнулъ, не далъ ей никакого правдиваго отвѣта ни насчетъ жены, ни насчетъ дочери. Все равно, онъ уйдетъ отъ нея. Зачѣмъ же станетъ онъ передъ ея отъѣздомъ переживать безплодную борьбу, рискуя, быть-можетъ, попасть опять въ петлю?

У двери въ переднюю его начала безпокоить возможность встрѣчи Наты съ Прасковьей Семеновной.

Вдругъ звонокъ, и что тогда?

Довольно поспѣшно отперъ онъ ей дверь и вполголоса повторилъ:

— Все обойдется, все обойдется.

Она ушла. Симцовъ самъ заперъ дверь и вернулся въ кабинетъ нервный, но облегченный отъ тягостнаго чувства ожиданія встрѣчи Наты съ Прасковьей Семеновной.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ передней раздался звонокъ, сильный, торопливый.

„Неужели это опять она забыла что-нибудь?—подумалъ Симцовъ и весь съежился. — Надо будетъ положить разъ навсегда до отъѣзда Котомлиной за границу, чтобъ свиданій больше не было на его квартирѣ".

Онъ не пошелъ отпирать и ждалъ въ гостиной.

Вбѣжала Ната, прямо въ пальто и шапкѣ.

XVII.

— Я встрѣтила сейчасъ,—заговорила она,—около нашего подъѣзда, одну даму... Ея портретъ, тотъ, большой,

надъ письменнымъ столомъ у тебя въ кабинетѣ. Какъ ея фамилія?

— Госпожа Котомлина.

Симцовъ перешелъ уже отъ чувства радости за то, что дочь не встрѣтилась съ Прасковьей Семеновной, къ новому тревожному настроенію.

„Зачѣмъ она меня спрашиваетъ?“—подумалъ онъ, желая поскорѣй рѣшить, какимъ тономъ вести ему этотъ разговоръ съ дочерью.

Ната сѣла, все еще въ пальто и шапкѣ, на одинъ изъ дивановъ.

— Знаешь что, папа, — начала она, смотря на него исподлобья, — я потому такъ спрашиваю тебя объ этой дамѣ, что слышала, совершенно случайно, въ аудиторіи, цѣлую исторію... Называли тебя и эту госпожу.

— Ну, и что же?

Губы Симцова слегка дрогнули.

— Понятное дѣло, я не намѣрена вмѣшиваться въ твои интересы, но не скрою отъ тебя—мнѣ было больно.

— Что такое?—почти пролепеталъ Симцовъ.

— Можетъ-быть, это и сплетня... Говорили про твой романъ съ этой Котомлиной. Даже были намеки очень некрасивые. Я не хочу ихъ повторять здѣсь. Говорили, что ты былъ близкимъ пріятелемъ ея мужа и долго, нѣсколько лѣтъ. Онъ только что, кажется, умеръ?

— Да, недавно.

Симцовъ почувствовалъ, что ему надо сѣсть.

— Повторяю тебѣ, папа, я не хочу вторгаться насильно въ твои сердечныя дѣла... чего-нибудь допытываться. Но мнѣ будетъ до гадости непріятно еще разъ услыхать что-нибудь подобное. И позволь мнѣ теперь же сказать совершенно откровенно... Если во всемъ этомъ есть хоть немножко правды, зачѣмъ ты не оградишь твоего добраго имени. Или, быть-можетъ, ты такъ увлеченъ этой женщиной, что думаешь жениться на ней?

Чего же легче было бы ему отвѣтить дочери, будь онъ хоть немного помужественнѣе? Но ему показалось невозможнымъ исповѣдоваться передъ Натой и въ своемъ прошедшемъ, въ долгой любовной связи съ Котомлиной, и въ такомъ же долгомъ обманѣ ея мужа. А теперь еще невозможнѣе сказать ей, что онъ не желаетъ загладить бракомъ это дурное дѣло. Въ эту минуту онъ былъ слишкомъ далекъ отъ мысли, что дочь скорѣе способна допу-

стить такой разрывъ съ женщиной, которую онъ пересталъ любить, чѣмъ пятилѣтній обманъ своего пріятеля.

— Повторяю тебѣ еще разъ, папа,—вскричала Ната,—я тебя не допрашиваю. Мнѣ кажется, каково бы ни было твое прошедшее съ этой госпожой, если ты ее любишь, отчего тебѣ не жениться? Тебѣ твой бракъ... съ моей матерью—давно въ тягость. Она возвратитъ тебѣ свободу.

Ната встала, подошла къ нему, положила ему руку на плечо и наклонила къ нему голову.

— Ты ужъ не думаешь ли, папа, что меня такой новый бракъ разстроитъ или огорчитъ?

„Точно обѣ согласились!“—про себя воскликнулъ Симцовъ. Его кольнуло сознаніе, до какой степени обѣ онѣ сильнѣе его. Но развѣ изъ-за этого станетъ онъ затягивать на своей шеѣ новую петлю? Пускай каждая изъ нихъ по-своему права. Быть съ ними искреннимъ онъ не въ состояніи.

— Ты, кажется, не расположенъ говорить со мной объ этомъ, — закончила Ната. — Когда вздумаешь—поговори. И, право, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мнѣ кажется, твоя обязанность: сказать мнѣ хоть то, что̀ есть фактическаго въ такихъ сплетняхъ о тебѣ.

Эти слова дочери задѣли его за живое. Симцовъ всталъ, выпрямился и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ правой рукой.

— Оставь мнѣ мое прошедшее, — началъ онъ. — Оно мнѣ принадлежитъ, Ната, и я въ немъ не обязанъ отдавать тебѣ отчета. Если найдется въ немъ что-нибудь неловкое или даже нехорошее, повѣрь, я не стану себя оправдывать и давно осудилъ себя строже, чѣмъ ты это сдѣлаешь.

— Это уклончивый отвѣтъ!—вырвалось у Наты.

Она была уже на пути къ двери въ гостиную.

— Можетъ-быть! — возразилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ.—Можетъ-быть! Но какую же роль хочешь ты брать на себя. Роль судьи въ моихъ отношеніяхъ къ женщинамъ?

— Не ко всѣмъ, а къ одной... вотъ къ той, что̀ у тебя сейчасъ была.

— Я не имѣю права,—еще горячѣе возразилъ онъ,—вводить тебя въ такія отношенія...

Слова начинали забѣгать у него одно за другое. Онъ краснѣлъ и боялся, какъ бы не вышло у нихъ тяжелой сцены.

Ната обратилась къ нему всѣмъ лицомъ, стоя у двери, и на ея щекахъ тоже сталъ показываться румянецъ.

— Какъ тебѣ угодно, отецъ,—выговорила она, и по ея крупному рту просилась усмѣшка. — Только такъ нельзя рѣшать вопросы морали... Ты только о себѣ говоришь, а я тебѣ говорю о томъ: какъ мнѣ быть? Я могу опять услыхать что-нибудь подобное. Это вопросъ уже не одной твоей совѣсти, но и моей также.

— Ты должна сказать, — почти крикнулъ Симцовъ, — что твой отецъ честный человѣкъ, и что ты не желаешь, чтобъ про него такъ говорили! Вотъ и все!

Онъ круто повернулся, отошелъ къ шкапу и сталъ къ нему лицомъ, точно ища книгу.

Ната тоже повернулась къ двери и крикнула ему:

— Хорошо! Такъ и буду знать, папа!

И ему показалось, что она прибавила къ этимъ вопросамъ сдержанно, зло ироническій смѣхъ.

Ему захотѣлось крикнуть:

„Негодная дѣвчонка!“

Но онъ испугался и застыдился такого взрыва и усиленно сохранилъ то же положеніе—лицомъ къ шкапу.

Скрипучіе шаги Наты прошлись по ковру гостиной. Потомъ все смолкло. Она заперлась въ своей комнатѣ. Симцовъ сейчасъ же отошелъ отъ шкапа и сталъ шагать по кабинету большими шагами. Еще ничего подобнаго у него до сихъ поръ не выходило. Онъ такъ разстроился, что почти заплакалъ. Въ одинъ день два такихъ объясненія... Его душило. Онъ почти убѣжалъ изъ квартиры.

У себя Ната прошлась возбужденными шагами нѣсколько разъ, заглянула за перегородку, гдѣ стояла кровать, посмотрѣла на шкапъ съ зеркаломъ, гдѣ вся комната отражалась со своимъ свѣжимъ и красивенькимъ убранствомъ.

До сихъ поръ ей эта комната почти нравилась. А тутъ ей стало вдругъ все такъ противно. Къ чему такая отдѣлка? Отецъ желалъ сдѣлать ей приманку, точно собачонкѣ какой, задобрить ее разными „финтифлюшками“, чтобы полегоньку прибрать къ рукамъ и передѣлать ее окончательно на свой ладъ.

Развѣ не достаточно „раскусила“ она его теперь, въ этомъ разговорѣ о матери! Вотъ онъ какой! Въ настоящемъ-то видѣ, безъ прикрасъ... Да и онъ ли одинъ? Всѣ мужчины таковы!

Ната остановилась передъ зеркаломъ и посмотрѣла на свое лицо. Оно было сердитое и красное. И кто настроилъ ее? Родной отецъ. Человѣкъ, который считаетъ себя „идеалистомъ", „носителемъ идей 60-хъ годовъ" и не знай еще чѣмъ! Въ его лицѣ она чувствовала что-то такое, отъ чего женщина — всякая женщина, молодая или старая—должна защищаться весь свой вѣкъ, если желаетъ создать изъ себя что-нибудь самостоятельное. И ей стало въ то же время жаль свою мать. Мужской эгоизмъ всегда ужасенъ! И что за злопамятность! Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они разошлись, какъ отецъ пользуется полной свободой. Не можетъ быть, чтобъ ея мать не имѣла никакихъ человѣческихъ чувствъ? Такихъ „извергов" очень мало на свѣтѣ... И она была бы рада взглянуть на свою дочь. Да если та и осталась, попрежнему, дурной женщиной, что за высокомѣріе и самодовольство такъ уничтожать чужую личность, смотрѣть на нее, точно на зачумленную, на презрѣнную парію?

Въ эту минуту Ната была рѣшительно ближе къ матери, чѣмъ къ отцу, просто какъ къ женщинѣ. Всѣ женщины должны составлять одинъ могущественный союзъ, сплотиться противъ мужчинъ.

И ей теперь ужасно душно въ этомъ хорошенькомъ будуарѣ, вообще во всей этой роскошной квартирѣ, гдѣ она должна будетъ, до окончанія ученія на курсахъ, оставаться безъ настоящей свободы, при возможности столкновеній съ отцомъ!.. Мысль о томъ, не уѣхать ли ей за границу, впервые блеснула въ ея головѣ. Полной свободы у ней не будетъ здѣсь, при отцѣ. Нужды нѣтъ, что онъ ни въ чемъ ее не стѣсняетъ, что онъ гордится даже такимъ „либерализмомъ". Наблюдать за тѣмъ, что она дѣлаетъ и куда ходитъ, онъ не станетъ. Но чуть дѣло дойдетъ до чего-нибудь болѣе крупнаго... Полюбитъ ли она или завяжетъ дружбу съ подругой „на жизнь и на смерть"—навѣрно, онъ не одобритъ ея выбора.

„Папа—аристократъ",—выговорила мысленно Ната, и усмѣшка почти пренебрежительной горечи прошлась по ея полнымъ губамъ.

Подругу надо будетъ выбирать непремѣнно изъ самыхъ „приличныхъ", чтобъ изящно была причесана и корсетъ чтобъ обрисовывалъ ея талію. Онъ „эстетикъ" и до сихъ поръ. Желаетъ нравиться всѣмъ, и старымъ, и молодымъ...

А что будетъ, если выборъ ея сердца падетъ на какого-нибудь „лохматаго“, какъ уже не разъ, хоть и мягко, выражался отецъ! Ната задавала этотъ вопросъ совершенно отчетливо. До сихъ поръ она только дѣвочкой влюблялась въ подростковъ-гимназистовъ и рано стала стыдиться всякихъ увлеченій. Но теперь она знаетъ, что безъ любви не проживешь. Можетъ-быть, она успѣетъ кончить курсъ и безъ всякой встрѣчи съ мужчиной, который привлечетъ ее, можетъ-быть, и на этихъ дняхъ случится рѣшительная встрѣча.

Если бъ отцу и понравился молодой человѣкъ ея выбора, то и тогда она была бы точно въ тискахъ въ этихъ нарядныхъ комнатахъ, гдѣ все ей говорило о томъ, что она барышня, живущая на даровыхъ хлѣбахъ у богатенькаго отца, неспособная еще поддерживать себя на собственный заработокъ.

И непремѣнно начались бы споры изъ-за того, кто ей полюбится, съ отцомъ. Мягкость отца—въ сущности весьма обидная для молодежи ея поколѣнія. Тотъ, кого она полюбитъ, будетъ совсѣмъ другого тона. Иначе это не можетъ случиться... Да къ нимъ никто и не ходитъ, кромѣ этого Алексѣева. Она его до сихъ поръ не понимаетъ и ей кажется, что онъ рисуется. Стало, выборъ ея падетъ на кого-нибудь въ кружкѣ подругъ, когда расширится ея курсовое знакомство.

Да и самые курсы приводили ее въ смущеніе. Всѣ говорятъ, что ихъ закроютъ, и въ будущемъ году пріемъ прекратится. Такъ зачѣмъ же начинать здѣсь? Болѣе чѣмъ вѣроятно, что ей и не удастся поступить въ „медички“, а одними естественными курсами она не желаетъ ограничиваться.

Это ей кажется такъ, забавой... Нѣтъ никакой прямой дороги впереди, по окончаніи курса, никакихъ опредѣленныхъ „правъ“. Въ аудиторіяхъ она нашла не мало дѣвицъ, показавшихся ей слишкомъ элегантными. Такія поступаютъ изъ моды или отъ „даровыхъ хлѣбовъ“. Не этого она хочетъ...

Одна медицина способна забирать васъ всю, давать въ руки живое дѣло и доставлять, если вы не „дубишка“, вѣрный и даже большой заработокъ.

Вонъ, въ Парижѣ, русская студентка первая добилась докторскаго диплома, и ее, съ торжествомъ, приняли въ

ученое общество... Поди, сколько она теперь зарабатываетъ!

Ната, стоя посреди своей комнаты, еще разъ оглянула ее строгимъ взглядомъ, и ей еще сильнѣе захотѣлось вонъ изъ-подъ отцовскаго крыла. Да и любви ей не нужно до тѣхъ поръ, пока она не станетъ окончательно на свои ноги, пока не будетъ у ней своего, мужского заработка.

Въ передней раздался громкій звонокъ. Симцовъ уже давно ушелъ. Его человѣкъ воспользовался этимъ и побѣжалъ, поблизости, посидѣть въ портерной съ пріятелемъ. Отворила горничная Наты—Ѳеша.

И эта Ѳеша не нравилась ей. Точно она была къ ней приставлена наблюдать надъ ея манерами, туалетомъ и обхожденіемъ.

То и дѣло позволяла она себѣ говорить:

— Барышни Майергофъ, у которыхъ я жила, такъ не надѣвали.

Ната давно бы ее обрѣзала, если бы не принципъ обращаться съ прислугой крайне гуманно.

Изъ передней доходилъ гулъ разговора. Женскій, звонкій голосъ покрывалъ глухое произношеніе Ѳеши.

„Навѣрно пускаетъ свои тоны",—подумала Ната о горничной и невольно стала прислушиваться, чтобы вмѣшаться... Можетъ-быть, кто-нибудь къ ней зашелъ, а Ѳеша умничаетъ и не желаетъ принять подъ тѣмъ предлогомъ, пожалуй, что „барышня отдыхаетъ".

— Когда же Валерій Иванычъ вернется? — раздался вопросъ.

Голоса Ната не узнавала.

— Не могу вамъ сказать,—церемонно отвѣчала Ѳеша.

— Кто же дома?

— Барышня, но онѣ заняты.

„Такъ и знала!"—добавила про себя Ната.

— Какая барышня?

— Наталья Валерьяновна.

Ната терпѣть не могла, чтобы ее звали „Валерьяновна"—точно нервныя капли.

— Быть не можетъ!.. Ната здѣсь?

Возгласъ былъ такой сильный, возбужденный, что Ната не выдержала и быстро отворила дверь въ переднюю.

XVIII.

Тамъ стояла Аполлинарія Кирилловна.

Она не дала Натѣ опомниться, сейчасъ узнала ее и стремительно подошла къ ней.

— Ната! Mon enfant!

Отъ этого возгласа Ната вся вздрогнула. Ее схватило за грудь. Она не то чѣмъ-то возмутилась, не то ей захотѣлось плакать.

Мать уже обнимала ее, и при этомъ на особый ладъ смѣялась.

— Вотъ ты какая большая! — вскричала Аполлинарія Кирилловна, увлекая ее къ окну.

Горничная съ недоумѣніемъ смотрѣла на эту сцену.

— Отца твоего дома нѣтъ, или онъ только запирается, не принимаетъ?

— Нѣтъ, онъ ушелъ, кажется.

Смущеніе Наты прошло очень быстро, но ей не было неловко съ этой женщиной, ее стѣсняло только присутствіе горничной.

— Ты живешь здѣсь? — спросила ее Аполлинарія Кирилловна по-французски и прибавила, подмигнувъ правымъ глазомъ:—А твой отецъ вѣдь скрылъ отъ меня это.

Ната хотѣла-было сказать ей: „Нѣтъ, я знала, что вы въ Петербургѣ", но промолчала.

— Знаешь что,—продолжала ея мать по-французски,— здѣсь намъ будетъ не такъ удобно. Намъ нужно же немножко познакомиться другъ съ другомъ. Поѣдемъ ко мнѣ!

Аполлинарія Кирилловна сказала это шопотомъ, точно она хотѣла тайно подговорить дочь къ бѣгству отъ отца.

У Наты блеснуло воспоминаніе дѣтства, какъ она дѣвочкой томилась, точно въ плѣну, у этой самой женщины, и какъ отцу удалось, наконецъ, похитить ее.

Но это былъ только мимолетный образъ. Она застыдилась такого дѣтскаго чувства. Чего ей бояться этой женщины? Непріятное ея возбужденіе противъ отца еще не прошло. Отчего же ей самой не узнать хорошенько—что за личность ея мать, а для этого нужно быть совершенно свободной въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Ѣдемъ?—все тѣмъ же полутаинственнымъ шопотомъ спросила Аполлинарія Кирилловна.

Ната, ничего не отвѣчая, сдѣлала движеніе головой и быстро сказала горничной:

— Къ обѣду я, быть-можетъ, не вернусь.

Она нарочно это сказала, чтобы самой уже не безпокоиться и располагать своимъ днемъ. Одѣлась она поспѣшно, не допуская горничную, и когда онѣ вышли на лѣстницу, Аполлинарія Кирилловна весело вскричала:

— Вотъ ты какая милая! Да и что жъ намъ дѣлить? Ты не ребенокъ, я тебя запереть не могу.

Ната промолчала на эти слова матери. Она подумала:—„А если сейчасъ встрѣтится съ нами отецъ, неужели выйдетъ сцена?" И приготовилась отвѣтить ему, высказать ему свою самостоятельность, сдѣлать такъ, что онъ стушуется.

У подъѣзда взяли онѣ извозчика. Аполлинарія Кирилловна, какъ сѣли въ сани, заговорила съ дочерью тономъ старшей пріятельницы, и Ната незамѣтно втянулась въ разговоръ.

Горничная доложила Симцову, что барышня уѣхала съ какой-то дамой и просила къ обѣду ее не ждать. Фамилію этой барыни она не могла сказать, но на разспросы Симцова описала ея наружность. Онъ призналъ въ этихъ примѣтахъ Аполлинарію Кирилловну.

— Эта дама,—выговорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ,— сама спросила барышню?

— Нѣтъ-съ, барышня вышли въ переднюю, и та барыня бросились къ ней, обняли и все что-то такое говорили съ ней по-французски; барышня одѣлись и пошли вмѣстѣ, а вамъ просили доложить насчетъ того, что къ обѣду ихъ не ждать.

Симцовъ ожидалъ чего-нибудь послѣ сцены съ дочерью, но не такой „пошлости",—какъ онъ выразился про себя.

Конечно, Ната не убѣжала къ матери, — это было бы слишкомъ безсмысленно. Но она желаетъ его исправить и въ то же время пристыдить. Все значеніе ея поступка предстало передъ нимъ въ видѣ нравственной пощечины, которую дочь давала ему.

Онъ такъ заволновался, что мѣста себѣ не находилъ, поджидая Нату къ обѣду.

„Неужели, — думалъ онъ, безпрестанно взглядывая на стѣнные часы, — она дѣйствительно останется тамъ обѣдать? Съ кѣмъ? Въ какой обстановкѣ? Съ возлюбленнымъ Аполлинаріи Кирилловны или съ какимъ-нибудь ерыгой-

адвокатомъ по бракоразводнымъ дѣламъ, а то и съ первымъ попавшимся маскараднымъ кутилой?..“

Нѣтъ! Такой обиды снести нельзя. Эта „дѣвчонка“ сознательно и дерзко растоптала все, что было чистаго въ ихъ кровной связи. Свои чувства къ ней онъ пронесъ какъ нѣчто цѣломудренное и неприкосновенное сквозь всѣ тѣ гадости, какія подстраивала ему, еще не такъ давно, эта самая Аполлинарія Кирилловна, и Ната съ вызывающимъ и возмутительнымъ эгоизмомъ поставила выше всего свое озорство.

Симцовъ уже видѣлъ и въ дочери тотъ же женскій темпераментъ, вносящій всюду нравственный ядъ, тревогу, вредный или оскорбляющій вздоръ. Если уже въ этомъ вопросѣ онъ такъ печально столкнулся съ нею, то что̀ же будетъ во всемъ остальномъ?

Пробило шесть часовъ. Онъ приказалъ человѣку подождать еще минутъ десять-пятнадцать. Ната все не являлась.

Около семи сѣлъ онъ за столъ, почти ни до чего не дотрогиваясь, только вмѣсто одной выпилъ двѣ чашки чернаго кофе, ушелъ въ кабинетъ, не зажигалъ тамъ свѣчей и въ темнотѣ лежалъ на диванѣ. Протянулось больше часу. По рѣзкому звонку въ передней онъ узналъ приходъ Наты. Быстро вскочилъ онъ съ дивана и зажегъ свѣчи на маленькомъ столикѣ. Онъ не хотѣлъ себя сдерживать. Никакихъ „деликатностей“ дочь его не заслуживала. Но и двигаться изъ кабинета онъ не желалъ.

Ната почти вбѣжала къ нему, опустилась въ кресло, около письменнаго стола, и дурачливымъ тономъ окликнула:

— Ты на меня дуешься, папа?

Такой окликъ былъ слишкомъ „нахаленъ“. Отвѣчать на него онъ даже не смогъ.

— Ну, послушай,—продолжала Ната, вытягивая ноги,— никакихъ тутъ трагедій не нужно; я тебѣ прямо скажу, что я познакомилась за̀ново съ моей матерью. Она была здѣсь, увлекла меня къ себѣ. Ей-Богу, папа, нельзя ее брать въ серьезъ. Вотъ сейчасъ я обѣдала у ней съ ея женихомъ. Онъ души въ ней не чаетъ. Отчего же имъ и не жениться? Ты на это согласіе далъ; мнѣ все разсказали. Даже съ тебя никакого выкупа не берутъ. Ха-ха-ха!

„Да они ее подпоили?!..“—почти съ ужасомъ спросилъ себя Симцовъ.

— Ты долго будешь такъ непристойно паясничать?— выговорилъ онъ, и сталъ подступать къ ней маленькими шагами.

— Я, паясничать? — переспросила Ната и выпрямилась.—Я тебѣ уже сказала, отецъ, что никакихъ трагедій не желаю. Мой взглядъ на мать тебѣ извѣстенъ. Ты продолжалъ прятать ее отъ меня.

— Ты смѣешь бросать мнѣ такой упрекъ?—глухо спросилъ Симцовъ.

Въ эту минуту дочь была ему почти ненавистна. Въ ея лицѣ, пышномъ бюстѣ, въ тонѣ, а въ особенности въ голосѣ было что-то физически возбуждавшее его желчь.

— Такъ я не желаю разговаривать,— вскричала Ната, и встала съ кресла съ рѣзкимъ жестомъ правой руки.

— Нѣтъ, сиди и слушай меня! — крикнулъ онъ, взялъ ее за руку и силой усадилъ въ кресло.

Ната закусила губы, лицо ея все потемнѣло, и она, сидя въ креслѣ, уперлась сжатыми кулаками въ обѣ мягкія ручки кресла.

Симцовъ задыхался. Говорилъ онъ гнѣвно и прерывисто. Поведеніе дочери выставилъ онъ ей какъ самую кровную обиду для него и какъ доказательство ея бездушнаго озорства.

Ната не прерывала его, сидѣла съ опущенной головой и чуть слышно дышала черезъ носъ. Обыкновенно краснѣющая въ горячихъ спорахъ, она быстро и сильно поблѣднѣла.

— Стало-быть,—наконецъ, сказала она, когда онъ отошелъ въ уголъ комнаты,—я совершенная дрянь и не заслуживаю ни одной сотой тѣхъ благодѣяній, какія ты мнѣ оказываешь?

— Пойми меня!—закричалъ уже почти со слезами Симцовъ,—не заставляй меня страдать въ подобныхъ вещахъ!

— Твои страданія вымышлены,—отвѣтила Ната, складывая руки на груди привычнымъ жестомъ,—это все предразсудки, романтизмъ.

„Замолчи, дерзкая!“ — чуть-было не крикнулъ Симцовъ, но онъ уже ослабъ: всякая лишняя рѣзкость, сказанная имъ самимъ, еще больнѣе поранила бы его.

— Я себя защищать не буду,—продолжала Ната, точно вслухъ разсуждая сама съ собой.—Если я тебя оскорбила, то безъ умысла. Мы просто не сходимся, и тебѣ не прожить со мной въ ладу въ одной квартирѣ. Не

прими того, что я сейчасъ тебѣ скажу, за дерзость, но, право, отецъ, мнѣ будетъ слишкомъ тяжело жить на твой счетъ, пока я учусь, и, при всемъ моемъ желаніи, не доставлять тебѣ никакой утѣхи.

Онъ долженъ былъ сознать, несмотря на то, что все у него внутри дрожало,—свободу и благородство словъ Наты. Она не заплакала, не старалась его тронуть жалобой на несправедливость къ себѣ; она только допускала, что ея поведеніе неумышленно могло огорчить и даже оскорбить его. Но все-таки подъ этимъ лежалъ какой-то твердый пластъ упорнаго характера. Онъ долженъ былъ уступить въ ней не одной дочери, но и женщинѣ, да и при постоянныхъ уступкахъ, держа ее около себя, онъ будетъ расходывать свои душевныя силы на борьбу съ женскимъ темпераментомъ.

— Зачѣмъ ты создаешь самъ себѣ пугало?— спросила послѣ того Ната. — Все можно такъ легко уладить. Ты долго боялся за меня, теперь я никому принадлежать не могу. Раздора между тобой и матерью я не поселю. Я не промѣняю тебя на нее.

— Нѣтъ, ты это дѣлаешь! — позволилъ себѣ Симцовъ послѣдній возгласъ, и грузно опустился на диванъ.

— Полно, папа, зачѣмъ говорить вещи, недостойныя тебя? Но если ты хочешь, чтобы я всегда и во всемъ ставила тебя высоко, покажи, что у тебя на все великодушный взглядъ. Право, тамъ, у моей матери, за обѣдомъ, говорили про тебя съ большимъ сочувствіемъ. Я теперь знаю, въ чемъ дѣло, насчетъ той барыни, про которую сплетничаютъ при мнѣ. Вещь самая простая. Она тебя полюбила, мужъ ея былъ какой-то брюзга, дѣлецъ. Теперь она свободна. Ты на ней женишься. Мать говоритъ даже, что она не прочь ее успокоить... Пускай та не боится никакихъ подвоховъ съ ея стороны. Да и отъ меня тебѣ не будетъ никакихъ сценъ и непріятностей. Вѣдь рано или поздно намъ нужно познакомиться. Она сдѣлается моей мачихой; сойдемся мы или нѣтъ—это другой вопросъ, но къ чему же все это укрывать, дѣлать изъ самыхъ простыхъ житейскихъ отношеній смѣшныя деликатности?.. Я тебя прошу, и даже требую, чтобы изъ-за меня ты не портилъ себѣ жизни: принимай кого тебѣ угодно, позволь и мнѣ также водить знакомство съ кѣмъ захочется. Ахъ, папа, папа, — кончила Ната глубокимъ вздохомъ,—неужели твои сверстники, люди шестидесятыхъ годовъ, всѣ такіе головастики?..

Вопросъ ея звучалъ мягкой укоризной. Опять говорила съ нимъ старшая сестра, которая послѣ его бурной выходки первая сдержала себя и дала почувствовать, что съ ней надо ладить, и что ему самому слѣдуетъ стряхнуть съ себя весь свой ненужный задоръ идеализма и щепетильности.

Симцовъ чувствовалъ, что онъ разбитъ. Сцена родительскаго гнѣва перешла въ поученіе, выслушанное имъ отъ той самой „дерзкой дѣвчонки", которую онъ собирался расказнить съ высоты своего оскорбленнаго достоинства.

— Покойной ночи, отецъ,—сказала Ната, медленно идя къ двери.—Еще разъ, не пеняй на меня за неумышленную вину. Будетъ тебѣ со мной тяжеленько — скажи. Да я и сама первая помогу тебѣ. Зачѣмъ намъ ссориться. А ничего не подѣлаешь: я упрямая. Ужъ если ладиться съ женщиной, такъ лучше съ молодой женой. По крайней мѣрѣ не обидно будетъ.

„Господи!—вскричалъ про себя Симцовъ.—Неужели она же заставитъ меня жениться?!"

XIX.

Въ отдѣльномъ купэ вагона перваго класса сидѣли они вдвоемъ. Симцовъ смотрѣлъ на Прасковью Семеновну, на ея нѣсколько порозовѣвшее, интересное лицо и все еще стройную фигуру, которую плотно обтягивала плюшевая шубка на пуху, безъ мѣха.

Онъ провожалъ ее до Гатчины. Ея отъѣздъ устроился такъ ловко и удобно, точно будто она сама давно все поняла въ его чувствѣ къ ней. Ближайшимъ поводомъ было то, что квартиру пришлось сдавать тотчасъ же.

Въ послѣдніе дни передъ ея отъѣздомъ она вела себя съ нимъ, какъ благовоспитанная невѣста, не желающая ни однимъ неумѣстнымъ словомъ или движеніемъ нарушить высшее приличіе, обязательный трауръ, какой нужно сохранить нѣкоторое время въ память мужа. Но въ спокойствіи и ясности Котомлиной Симцовъ видѣлъ полную увѣренность Прасковьи Семеновны въ томъ, что она съ нимъ какъ бы повѣнчана.

Разговора о женѣ и дочери онъ избѣгалъ, сказалъ только разъ, что добиться развода ему не будетъ стоить ни большого труда, ни большихъ расходовъ. О дочери онъ упорно молчалъ, и теперь, сидя на триповомъ диванѣ и глядя съ принужденной улыбкой на свою „невѣсту",

онъ почти по-дѣтски радовался такой выдержкѣ. Ему совсѣмъ не было совѣстно. Еще не такъ давно, полгода тому назадъ, онъ пришелъ бы въ негодованіе отъ подобнаго „коварства". Правда, за два дня до отъѣзда Прасковьи Семеновны, ему пришла злобная мысль—вотъ тутъ, въ купэ вагона, между Царскимъ Селомъ и Гатчиной, объявить ей, что онъ порываетъ съ ней и дѣлаетъ это безъ всякихъ оправданій, что она можетъ ѣхать куда ей угодно, выходить замужъ или оставаться въ интересномъ вдовствѣ. Это объясненіе онъ смаковалъ цѣлый день, точно въ отместку за долгое чувственное рабство, въ какомъ держала его женщина. И не одно только это хотѣлъ онъ вложить въ свое заявленіе. Онъ показалъ бы ей, что всякое ея обаяніе исчезло, что видитъ ее насквозь и со смерти мужа игралъ съ ней комедію, то-есть поступалъ такъ, какъ мужчинѣ слѣдуетъ поступать съ женщинами во всякихъ любовныхъ дѣлахъ.

Потомъ онъ оставилъ этотъ планъ, нашелъ его черезчуръ грубымъ, а можетъ-быть, не надѣялся выполнить такую программу и предпочелъ другой, болѣе удобный путь. Онъ написалъ письмо и отправилъ его наканунѣ отъѣзда Прасковьи Семеновны въ Вѣну, poste restante. Она прочтетъ это письмо въ самый день пріѣзда туда. Въ письмѣ онъ не счелъ уже нужнымъ бравировать ее, держался элегическаго тона, разсказалъ довольно просто, какой въ немъ произошелъ душевный переворотъ. Не къ ней одной онъ охладѣлъ, а ко всѣмъ женщинамъ. Мужское самолюбіе продиктовало ему и нескромный намекъ на послѣднюю встрѣчу съ генеральшей. Онъ и самъ себя нѣсколько разъ спрашивалъ: „полно, не отъ преждевременнаго ли старчества произошла съ нимъ перемѣна?" И генеральша понадобилась ему, чтобы доказать противное. Нѣтъ, онъ еще не старикъ, не изжившійся развратникъ, который впалъ въ равнодушіе оттого, что ушли всѣ силы и погасли инстинкты. Онъ хочетъ кончить жизнь по-другому и предоставляетъ ей вѣрить или не вѣрить въ искренность такой „измѣны".

Въ этомъ письмѣ Симцовъ еще разъ говорилъ, что разводъ съ первой женой нисколько его не смущаетъ. Будь онъ въ прежнихъ чувствахъ, до возвращенія ея изъ-за границы все было бы уже сдѣлано. Не хотѣлъ онъ упоминать и о дочери, выгораживать себя, увѣрять, что отнынѣ онъ ей одной посвятитъ свою жизнь.

Письмо вышло, по его мнѣнію, довольно задушевное и смѣлое, хотя и такое, которое всякая женщина въ правѣ назвать предательствомъ и гадостью.

Но что ему до этого за дѣло. Онъ уже покончилъ съ прежнимъ рыцарствомъ. Все его предательство только въ томъ, что онъ скрывалъ отъ этой женщины свои новыя чувства и довелъ ее до увѣренности въ полномъ успѣхѣ ея брачнаго плана. Но это—самозащита. Развѣ онъ что-нибудь обѣщалъ ей? Или дѣйствительно скомпрометировалъ ея положеніе? Или затянулъ ее въ какое-нибудь непріятное дѣло? Не только снаружи, даже и въ дѣйствительности не произошло никакой перемѣны въ ея положеніи. Она еще молодая, свободная, красивая и богатая женщина. Поѣздка за границу—самый лучшій отдыхъ и выигрышъ времени, будь она только вдова, тоскующая о мужѣ, или любовница, выжидающая срокъ выйти прилично замужъ. Теперь ея натура видна ему такъ, какъ никогда. Прасковья Семеновна не изъ тѣхъ женщинъ, кого измѣна или простое равнодушіе любимаго мужчины кладутъ въ гробъ или лишаютъ разсудка. Она утѣшится скорѣе, чѣмъ сама думаетъ. И ея выборъ падетъ на красиваго, еще молодого мужчину, моложе его, съ такимъ складомъ характера, какой ей нужно. И случится это всего скорѣе за границей, въ какомъ-нибудь курортѣ. Она можетъ осчастливить и бѣдненькаго, но представительнаго итальянскаго маркиза или прусскаго майора, живущаго на пенсію.

Поѣздъ придетъ сейчасъ въ Гатчино. Имъ остается не больше десяти минутъ. Симцовъ не чувствовалъ никакой неловкости. Въ немъ все такъ перегорѣло и ушло въ прошедшее, что онъ способенъ былъ проститься съ Прасковьей Семеновной совершенно по-просту, по-мужски, почти по-пріятельски. Всякое злобное чувство къ ней показалось бы ему безсмысленнымъ.

— Я такъ рада, мой другъ,—заговорила она, держа его за руку,—все у насъ идетъ хорошо. Никакихъ тревогъ и не нужно. Буду вамъ писать часто, можетъ-быть, даже каждый день, но вы не обязаны дѣлать то же. Разъ въ недѣлю небольшое письмо или даже карту. Я и тѣмъ буду довольна.

Слушая это, Симцовъ подумалъ: будь она сестра его, кузина или просто пріятельница, о чемъ сталъ бы онъ съ ней переписываться?!.. Женскій умъ, самъ по себѣ,

выдохся для него. Идей онѣ не любятъ, даже и тѣ, что притворяются и толкуютъ постоянно о разныхъ вопросахъ. Настоящей дружбы имъ не надо. Это чувство выше ихъ инстинктовъ. Одинъ добрый и умный мужчина стòитъ, какъ другъ, сотни женщинъ, и мужчина непремѣнно одинокій, свободный отъ возни съ женщинами. И Люцій не способенъ уже на такую дружбу, которую древніе греки возводили въ культъ и воспѣвали въ одахъ и элегіяхъ.

И вспомнился ему разсказъ одного утомленнаго жизнью и неудачными привязанностями, тогда еще молодого писателя, сосѣда его по коридору въ водолѣчебномъ заведеніи, въ горахъ, близъ Цугскаго озера. Тотъ впалъ въ маразмъ, и долго даже энергическая метода Пристница не могла укрѣпить его задерганные нервы. Онъ вступилъ въ переписку съ одной парижской знаменитостью на тему своего душевнаго разброда и показалъ разъ Симцову письмо блестящаго академика, написанное очень просто и сочувственно. Одна фраза сохранилась въ памяти Симцова и выскочила теперь, точно изъ какого ящика, и встала передъ его мысленными глазами: „Choisissez un ami, ayez un chien; les femmes ne valent pas ni un élan généreux, ni une noble souffrance“. „Да!—повторилъ про себя Симцовъ, разсѣянно пожимая руку своей спутницы,—заведу друга и хорошую собаку“.

— Станція Гатчино,—кинулъ кондукторъ, проходя по коридорчику, мимо отдѣльныхъ купэ. — Поѣздъ стоитъ пять минутъ.

Симцовъ и Прасковья Семеновна поднялись разомъ.

Она нервнѣе пожала его руку, взглянула быстро на полузадвинутую дверку, припала къ нему на грудь и прошептала:

— До свиданія, Валерій... За все благодарю тебя, будь остороженъ, не студись... Пасху мы встрѣчаемъ вмѣстѣ.

Онъ поцѣловалъ ее въ щеку и ничего не сказалъ.

— Если твоя дочь будетъ проситься съ тобой за границу—отчего тебѣ не взять ее. Ты знаешь, я—не эгоистка!

И на это онъ ничего не отвѣтилъ, а нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

— Иди, ты останешься! Второй звонокъ былъ!

Еще одно рукопожатіе, и Симцовъ очутился на платформѣ, отошелъ къ перилам, приподнялъ шляпу и отвѣтилъ на поклонъ Прасковьи Семеновны.

Поѣздъ удалился замедленнымъ ходомъ. Изъ него вышло нѣсколько пассажировъ, но никто не остался на платформѣ. Погода была хмурая, приходилось дожидаться обратнаго поѣзда. Но онъ не подумалъ о скукѣ этого жданья. Еще съ добрую минуту смотрѣлъ онъ вслѣдъ густой полосѣ дыма. Паровозъ увозилъ его послѣднюю борьбу съ женщиной. Не спроси его вдругъ Прасковья Семеновна о дочери, онъ способенъ былъ бы посмотрѣть на себя, какъ на человѣка, свободнаго отъ всякихъ кровныхъ связей.

Одиночество влекло его, какъ купель, врачующая отъ недуговъ, налагаемыхъ на душу женщиной.

И только въ городѣ, подъѣзжая къ своей квартирѣ, подумалъ онъ, что тамъ живетъ бокъ-ò-бокъ съ нимъ молодая дѣвушка, способная портить его обновленную жизнь мыслящаго мужчины.

Онъ не могъ подавить въ себѣ жуткаго чувства, когда въ передней, на вопросъ: „барышня дома?“ — Горничная отвѣтила ему: „онѣ у васъ въ кабинетѣ—читаютъ“.

Онъ нашелъ Нату на большомъ турецкомъ диванѣ своего кабинета, поглощенною какой-то статьей толстаго журнала.

— А, это ты!

Она отложила книгу и собралась встать.

— Извини, я сейчасъ уйду, не буду тебѣ мѣшать.

Должно-быть на его лицѣ она прочла желаніе остаться одному въ своей комнатѣ.

— Сиди, сиди,—удержалъ ее Симцовъ.

Онъ застыдился немного. Какъ и всегда, Ната распознавала отлично всякое его душевное настроеніе.

— Коли у тебя есть время, — начала она, спустивъ ноги на полъ,—потолкуемъ. Я съ этимъ и вернулась съ курсовъ. Только, уговоръ лучше денегъ, папа: пожалуйста не перебивай меня, и разберемъ дѣло просто, безъ всякой сентиментальности. Мнѣ здѣсь, въ Питерѣ, нечего тратить время зря. Цѣль у меня прямая—учиться медицинѣ; а медицинскіе курсы—такъ всѣ говорятъ—рѣшено закрыть, и въ сентябрѣ пріема не будетъ.

— Да, и я это слышалъ,—тихо выговорилъ Симцовъ.

— Остается заграница. Къ нѣмцамъ мнѣ не хочется, въ Бернъ или Цюрихъ. У меня есть двѣ подруги въ Парижѣ, одна русская, другая—еврейка, обѣ очень дѣятельныя. Онѣ мнѣ пишутъ и сильно зовутъ; учиться тамъ

полная свобода—слушай лекціи, гдѣ хочешь, и въ госпитали всѣ ходы есть. Правда, изъ французиковъ-студентовъ разные пошляки норовятъ устраивать учащимся женщинамъ скандалы. Да на это глупо обращать вниманіе. Профессора отличаютъ женщинъ. Такая знаменитость, какъ докторъ Шарко, особенно благоволитъ къ русскимъ. Однимъ словомъ—игра стоитъ свѣчъ. Выйдетъ изъ меня толкъ, я добьюсь тамъ не мизернаго свидѣтельства, а настоящаго докторскаго диплома. Для поступленія на факультетъ надо быть баккалавромъ. Экзаменъ не трудный, и сдать его можно во всякое время.

Симцовъ слушалъ дочь, сидя поодаль отъ нея, съ опущенной головой. Ему нечего было возражать ей. Одно только смущало его: Ната точно насквозь видѣла его душу, и сама первая помогала ему освободить себя отъ сожительства съ нею.

— Стало-быть, въ Парижъ?—вырвалось у него.

— Да, отецъ. Ты ничего не имѣешь противъ этого плана?

У него не хватило духу прикрыть какой-нибудь чувствительной фразой внезапное и яркое довольство, овладѣвшее имъ.

Онъ прощалъ ей въ эту минуту всѣ выходки ея молодого задора. Безъ лицемѣрія и фарисейства цѣнилъ онъ въ ней честность и прямоту, находилъ ее даже, какъ молодую женщину, оригинальною и симпатичною; какъ дочь, она была ему дорога. Но уже на особый ладъ. Онъ готовъ былъ помочь ей въ каждомъ ея стремленіи, оградить ее отъ всего, мѣшающаго ея планамъ, только безвозвратно пропало въ немъ недавнее чувство надежды на новыя радости, какія внесетъ съ собою въ его домъ любимая дочь.

— Поѣзжай, — выговорилъ онъ ласково и поднялъ голову.

— Я, отецъ, не бѣгу отъ тебя; ты не думай; но, право, для тебя мое отсутствіе не такая ужъ потеря — скажи откровенно! А эта комбинація все разрѣшаетъ. Захочется тебѣ меня видѣть, пріѣдешь туда, — развлечешься. Я слишкомъ непокладливая особа, да къ тому же еще ты можешь жениться.

Симцовъ хотѣлъ было крикнуть: — никогда! но удержался.

Ната подсѣла къ нему и положила ему руку на колѣно.

— Я вѣдь это говорю безъ всякой задней мысли. Ты еще не старикъ. Та барыня, которую ты любишь, молода, у васъ могутъ пойти дѣти. Что жъ я тутъ буду торчать? И Ната добродушно разсмѣялась.

Ей было извѣстно, что Аполлинарія Кирилловна уѣхала передъ масленицей, вмѣстѣ съ своимъ женихомъ, направивъ какъ слѣдуетъ бракоразводное дѣло, и что отецъ исполнилъ все, что отъ него потребовалъ адвокатъ ея.

— Обо мнѣ не безпокойся,—горячѣе выговорилъ Симцовъ, продолжая испытывать почти радостное настроеніе.

— Только я предложу тебѣ условіе. Курсъ нашъ отвратительный. Какъ ни жмись, а все-таки ученіе мое будетъ стоить дорого. Ты думаешь сколько?

— Тысячи двѣ въ годъ, если скромно жить.

— Положимъ, даже и полторы. Тамъ надо все время употреблять на ученіе. На заработокъ разсчитывать нельзя. Въ пять лѣтъ ты на меня истратишь до восьми тысячъ. Дай мнѣ ихъ взаймы.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ, тихо улыбаясь, Симцовъ.

Условіе Наты дышало наивностью, отъ которой ему стало теплѣе.

— Къ весеннему семестру я бы хотѣла быть въ Парижѣ?—вопросительно выговорила Ната.

— И будешь,—быстро закончилъ Симцовъ и привлекъ ее къ себѣ.

Лучшаго исхода онъ не могъ ожидать...

XX.

Тихо въ обширномъ кабинетѣ. Изъ гостиной чуть-чуть доносится потрескиваніе каменнаго угля. Она освѣщена одной стѣнной лампой. И кабинетъ стоитъ въ полутьмѣ, пріятной Симцову. Онъ только что прошелся по всѣмъ комнатамъ своей картиры.

Уже болѣе недѣли, какъ онъ одинъ. Ната — въ Парижѣ, откуда прислала ему депешу и большое письмо въ радостномъ, возбужденномъ тонѣ. Онъ осмотрѣлъ и ея комнату, которую хочетъ превратить въ дополнительное помѣщеніе для своей библіотеки. Въ спальнѣ онъ измѣнилъ всю отдѣлку. Она уже ничѣмъ не напоминаетъ прежняго „кокоточнаго будуара“: въ ней просторно, много воздуха и мало мебели. Трехстворчатое трюмо и разныя другія вещи отправлены въ аукціонный залъ.

Вся квартира его иначе пахнетъ. Нѣтъ и слѣдовъ той парфюмеріи, какую завела въ ней Прасковья Семеновна. Да и женщинъ никакихъ нѣтъ вплоть до кухарки, отпросившейся очень кстати на побывку. Ее замѣнилъ кухонный мужикъ, умѣющій сносно изготовить завтракъ. Съ отъѣздомъ Наты разочтена была и горничная.

Ничто не должно больше волновать хозяина этой просторной, холостой, идеально-комфортабельной квартиры, ничто, исходящее отъ женщины. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ-быть и раньше, онъ будетъ разведенъ съ женою, а теперь онъ категорически заявилъ ея адвокату, что больше никуда являться по этому дѣлу не будетъ. Самый звукъ — „Аполлинарія Кирилловна" вычеркнетъ онъ изъ своей памяти. Въ ящикѣ его письменнаго стола лежитъ и письмо другой женщины, изъ Вѣны. На него онъ смотритъ, какъ на цѣнный документъ. Въ немъ Прасковья Семеновна не измѣнила себѣ; она приняла свою отставку съ улыбкой и написала четыре страницы письма отшлифованными фразами, которыя стоили ей не малаго труда. На такую дипломатическую ноту даже и онъ не считалъ ее способной.

Никуда не тянетъ Симцова, и онъ впервые испытываетъ увѣренность въ себѣ. Нѣтъ! Это не малодушная блажь, не капризъ хандрящаго человѣка, который въ женщинѣ искалъ только забавы и чувственной приманки.

Вотъ сейчасъ долженъ зайти къ нему Люцій, принести расписку присутственнаго мѣста въ полученіи той суммы, что онъ внесъ за бѣжавшаго Босякова. Расписка представляетъ собою послѣдній символъ его недавней неволи.

Люцій явился въ назначенный часъ, безъ головной боли, съ блестящими глазами, точно оторванный отъ поэтической грёзы, отъ поиска „богатой риѳмы", но съ дѣловымъ портфелемъ.

— Обидно,—выговорилъ онъ, нѣжно оглядывая своего пріятеля, когда подавалъ ему документъ.—Но что доказываетъ, Сима, этотъ траги-комическій эпизодъ?

— Доказываетъ,—отвѣтилъ Симцовъ съ усмѣшкой,—великій обманъ того, что вы такъ вкусно называете „Das ewig Weibliche".

— Нѣтъ, душа моя, совсѣмъ не то. Вы—не въ рукахъ. Первый вашъ бракъ не удался, но это простая случайность. Не надо было такъ долго пользоваться вредной свободой. Въ Библіи говорится женщинѣ гдѣ-то отъ имени

Іеговы: „онъ, т. е. мужчина, будетъ господствовать надъ тобой“. Но это надо понимать совсѣмъ наоборотъ. Ея господство только и законно: — она передаетъ жизнь. Я съ удовольствіемъ думаю о томъ днѣ, когда вы сядете въ вагонъ и поѣдете туда, гдѣ ждетъ васъ ваша подруга, пройдете тамъ сладостный искусъ передъ тѣмъ, какъ возложатъ на васъ вѣнцы.

„Что это за шутовство!“—хотѣлъ-было крикнуть Симцовъ, но успѣлъ сообразить, что Люцій не знаетъ еще про окончательный разрывъ его съ Котомлиной.

Пора сообщить ему, до какой степени покончилъ съ прошлымъ его другъ. Но какъ могъ онъ такъ скрытничать и съ Люціемъ? Неужели онъ и къ нему охладѣлъ? Можетъ-быть, на Люціи чуялъ онъ неизмѣнное торжество женщины и впередъ мирился съ тѣмъ, что *такого* друга ему теперь мало?..

Въ скрытности онъ не сталъ вслухъ винить себя, а безстрастно, увѣреннымъ тономъ человѣка, который ликвидировалъ свои дѣла, доложилъ онъ пріятелю про разрывъ съ Котомлиной и про свое безповоротное рѣшеніе уйти отъ женщины.

— Сима, Сима! — повторялъ Люцій все тѣмъ же звукомъ мягкаго сожалѣнія, — нельзя, душа моя, бунтовать противъ тайны жизни. Не пройдетъ полугода, какъ вы запроситесь въ новое ярмо.

Люцій какъ будто опять забывалъ то, что въ его другѣ уже совсѣмъ покончился душевный процессъ послѣднихъ вспышекъ женолюбія, что онъ „разорвалъ“ съ своимъ прошлымъ.

— Съ однимъ только въ моей женатой жизни не могу я бороться: съ надвигающейся старостью, — продолжалъ Люцій со вздохомъ.

— Вы—старикъ? Кто это вамъ сказалъ?

— Знаю, что нѣтъ; но я не могу, душа моя, замолаживать себя, когда старшую дочь надо вывозить, замужъ выдавать... Начнутся неизбѣжные журъ-фиксы съ пти-жё...

„А ты лучше скажи,—продолжалъ думать Симцовъ,—на что идетъ твой поэтическій даръ?“

Онъ вслухъ докончилъ свой протестъ:

— Люцій,—заговорилъ онъ,—у васъ въ головѣ рѣютъ образы. Вамъ нужна воля, какъ птицѣ Божіей. А тутъ—работай, ищи дѣлъ! На что идутъ поэтическія силы ваши?

— Такъ, такъ, — тихо соглашался Люцій. — Все это, Сима, такъ. Но развѣ можно возставать противъ фатальности жизни? Женщина должна налагать вѣчныя цѣпи— это высшій, безысходный законъ!

— Вы сами сознаетесь!..

— Но если бъ всего этого не было, каждый изъ насъ задохнулся бы, Сима! Развѣ можно быть постоянно съ самимъ собою? Поэтическій даръ не для насъ. Мы не изъ того упругаго золота, изъ котораго скованъ былъ Пушкинъ. Онъ всѣмъ любовался, онъ всякій тяжелый итогъ жизни превращалъ въ свѣтлый образъ, въ ласкающую мелодію. А насъ хватаетъ только на нѣсколько отголосковъ, на два, на три стона, на двѣ, на три слезы...

— Софизмы, плохіе софизмы!—почти гнѣвно крикнулъ Симцовъ.—Лучшаго примѣра мнѣ не надо, Люцій,—продолжалъ онъ и близко надвинулся на пріятеля,—какъ вы сами! Я васъ старше почти на десять лѣтъ, и я говорю: стопъ! Дальше я нейду ни за одной женщиной, какая бы она ни была... Я возвращаюсь къ моему вѣчно мужскому элементу, das ewig Männliche — говорю я, передѣлывая пресловутое нѣмецкое изреченіе. Вотъ въ этотъ кабинетъ засяду я...

— Какъ въ башню изъ слоновой кости,—добавилъ Люцій,—„la tour d'ivoire“ новыхъ французскихъ пессимистовъ, пущенную въ ходъ Альфредомъ де-Виньи?..

Симцовъ кивнулъ головой и больше уже не спорилъ.

. . . .

Опять стихло въ кабинетѣ.

Симцовъ заперъ дверь въ гостиную на ключъ и даже спустилъ портьеру.

Его наполняло чувство жадной потребности въ одиночествѣ и безусловной свободѣ духа. Онъ почти бросился къ шкапамъ съ книгами, точно хотѣлъ обнять ихъ, зарыться въ нихъ, построить изъ нихъ стѣну, за которую засѣсть на весь остатокъ дней своихъ.

Вотъ оно—желанное освобожденіе: безъ страстей, безъ унизительныхъ тревогъ, безъ подчиненія женскому естеству... Это слово: „естество“ вставало передъ нимъ, какъ нѣчто особое, какъ живой и страшный символъ...

И отъ своей Наты онъ безповоротно освободилъ себя. Онъ въ этомъ сознается самому себѣ прямо, безъ всякихъ оправданій. Да и въ дочери есть что-то такое, съ чѣмъ у него не было силы постоянно бороться. Она забрала

бы его въ руки, вмѣшивалась бы во все: въ убѣжденія, привычки, вкусы, настроеніе. Слабостью воли онъ не стыдилъ себя. Это не слабость, а складъ натуры. Развѣ онъ воленъ былъ дать себѣ такой складъ?.. Единственное средство—уйти совсѣмъ отъ женщинъ и ихъ „обаянія“, въ чемъ бы ни проявлялось оно—въ жгучихъ ласкахъ любовницы или въ безкорыстной нѣжности родной дочери.

„Нельзя,—шептали беззвучно его губы, — нельзя быть человѣкомъ — думать, стремиться къ идеалу, поднимать свою мысль на высоты, откуда жизнь получаетъ смыслъ и занимательность, соприкасаясь съ этимъ „естествомъ“ Иначе—впереди постыдное доживаніе съ полной потерей своей личности“.

Любовно взялъ онъ одинъ изъ томовъ, развернулъ его и тутъ же сѣлъ въ кресло, пододвинулъ къ себѣ столикъ съ двойнымъ подсвѣчникомъ подъ металлическимъ абажуромъ и началъ читать, съ первой страницы, припоминая то время, когда онъ, двадцать лѣтъ назадъ, впервые знакомился съ той же книгой англійскаго мыслителя.

Тихо и торжественно дышалъ на него прохладный кабинетъ съ скульптурнымъ потолкомъ, обставленный шкапами и завѣшанный портьерами. Ни одного звука не исходило ни откуда, даже съ улицы сонная ѣзда не проникала сквозь двойныя рамы и тяжелые занавѣсы...

Онъ поднималъ, отъ времени до времени, голову и долгимъ взглядомъ уходилъ въ полутемноту обширной комнаты. Ему было хорошо. Онъ вѣрилъ, что долгій недугъ прошелъ и началась ясная полоса жизни съ одними наслажденіями духа и подготовленіемъ къ безмятежной и достойной старости...

„МОРЗЪ“ и „ЮЗЪ“.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

...Пахнетъ керосиномъ въ тѣсной комнатѣ, куда надо проникать черезъ темную переднюю, гдѣ почти такъ же холодно, какъ и въ сѣняхъ. Три короткихъ окна, какія бываютъ въ нижнихъ этажахъ московскихъ домовъ, всѣ обледенѣли. На дворѣ—лютый морозъ. Девятый часъ на исходѣ. Телеграфная станція доживаетъ послѣдній день стараго года.

Ясеневая перегородка съ балясинами раздѣляетъ комнату на двѣ неравныя части. По-сю сторону — столъ съ синими листками и чернильницей, да географическая карта на стѣнѣ; по ту сторону — два аппарата, конторка и столъ для пріема корреспонденцій, весь покрытый разнымъ служебнымъ добромъ. Кружки бумажныхъ лентъ лежатъ тутъ рядомъ со счетами и шнуровыми книгами. Лампа виситъ надъ столомъ и распространяетъ запахъ дешеваго керосина. Надъ этимъ столомъ наклонила голову дежурная. У одного изъ аппаратовъ доканчиваетъ отправку депешъ телеграфистъ.

Дѣвушка нагнулась низко, провѣряетъ квитанцію и кладетъ на счетахъ. Свѣтъ лампы падаетъ прямо на ея голову съ густыми русыми волосами, заложенными на маковкѣ, по модѣ. Ея товарищъ—блѣднолицый молодой человѣкъ, въ сюртукѣ новой формы, со стоячимъ воротникомъ, торопливо стучитъ ручкой аппарата и откидываетъ одну депешу за другой. Его лица не видать.

Въ комнатѣ раздаются слитые въ непрерывный пестрый

звукъ: чиканье стѣнныхъ часиковъ, щелканье счетами, тутъ-тукъ аппарата...

Сегодня день задался тяжелый. Завтра будетъ еще тяжелѣе, но и наканунѣ новаго года многіе шлютъ депеши къ ночи. Такихъ поздравленій было доставлено до пятидесяти, да и всякихъ другихъ пришлось чуть не вдвое противъ обыкновеннаго. Новогоднее возбужденіе уже сказывалось на обмѣнѣ депешъ.

Черезъ десять минутъ прекратится пріемъ, а сидѣть надо будетъ еще съ добрый часъ, если не больше. Когда телеграфистка кончитъ подсчитывать все, что̀ уже принято, она должна еще помочь своему товарищу; онъ безъ нея не управится.

Ей холодно. Въ квартирѣ во всѣхъ углахъ дуетъ изъ половъ. Она кутается въ бѣлый вязаный платокъ. Начальство скупится; за эти деньги и нельзя имѣть порядочнаго помѣщенія. Еще двѣ комнатки, гдѣ живетъ начальница станціи, потеплѣе, а эта изъ рукъ вонъ холодна.

— Прицѣловъ! — окликнула дѣвушка, не поднимая головы.

Никто не показался въ дверкѣ, откуда обыкновенно входилъ курьеръ. Одинъ ютился при кухнѣ, другой нанималъ уголъ поблизости.

— Опять въ Сибирь уѣхалъ...—полушопотомъ выговорилъ молодой человѣкъ, повернулъ голову къ барьеру и усмѣхнулся.

— Въ Сибирь?—серьезно, почти строго спросила телеграфистка, и чуть-чуть повела головой.

— Это у насъ... на центральной, товарищъ одинъ... когда его разберетъ сонъ... въ ночное дежурство... онъ и говоритъ: „прощайте, господа, я въ Сибирь уѣхалъ!“

Онъ разсказалъ это несмѣло, немного заикался и сдерживалъ смѣхъ. Дѣвушка продолжала щелкать на счетахъ и морщить бѣлый лобъ, на который прядь подстриженныхъ и завитыхъ волосъ набрасывала тѣнь. Она прослушала то, что̀ разсказалъ ея товарищъ, но даже не улыбнулась. Этотъ телеграфистъ, приходившій дежурить черезъ день, самъ вызвался помочь ей. Начальница станціи покормила его обѣдомъ—и только. Онъ помогалъ не начальницѣ, а ей, Надеждѣ Львовнѣ Проскуриной.

— Степановъ!—окликнула она, почти такой же нотой, какъ звала курьера,—потрудитесь разбудить Прицѣлова.

Я тутъ не могу найти одного пакета. Да и пора ему идти. Сколько у васъ готово?

— Да штукъ больше десяти, Надежда Львовна. Мразинъ долженъ скоро вернуться.

— Онъ совсѣмъ замерзнетъ, я думаю.

Телеграфистъ всталъ, прошелъ мимо нея на цыпочкахъ и юркнулъ въ дверку. Онъ былъ большого роста, худощавый, съ овальнымъ лицомъ народнаго типа и курчавыми свѣтлыми волосами. Чуть замѣтная бородка пушкомъ легла вокругъ подбородка; маленькіе и ласковые, робкіе глаза придавали ему дѣтскую моложавость. На ходу онъ гнулся. Форменный сюртукъ сидѣлъ на немъ неловко. Сапоги издавали легкій скрипъ.

Она его съ трудомъ выноситъ—этого сверхштатнаго „телеграфиста", и сама не знаетъ, почему именно его. Степановъ передъ нею рта открыть не смѣетъ, исполняетъ половину ея работы, часто дежуритъ за нее, за ничтожную плату, по рублю въ день, да и ту иногда отказывается брать, а жалованья получаетъ меньше ея. На него она изливаетъ, вѣроятно, общее пренебрежительное чувство своихъ товарокъ къ мужчинамъ-„телеграфистамъ". И онъ—ея „товарищъ", но всѣ телеграфистки „изъ благородныхъ" или съ воспитаніемъ, знающія языки, смотрятъ на мужской персоналъ немного лучше, чѣмъ на курьеровъ.

Въ Степановѣ раздражаетъ ее простоватость, говоръ съ сѣвернымъ мѣщанскимъ произношеніемъ, его дѣтски-ухмыляющееся лицо, его приниженность передъ нею. Она знаетъ, что онъ родомъ изъ крестьянскихъ дѣтей, сирота, что его пригрѣлъ одинъ начальникъ станціи, въ уѣздномъ городѣ, выучилъ грамотѣ, держалъ полувоспитанникомъ, полуразсыльнымъ, привязался къ нему и, умирая, выхлопоталъ ему переводъ въ Москву. Она знала и то, что Степанову съ великимъ трудомъ далась и грамота, и телеграфная выучка, что онъ страстно желаетъ выучиться „какъ слѣдуетъ" (одно изъ его мѣщанскихъ выраженій) хоть одному иностранному языку, что сердце у него доброе и поведеніе образцовое. И все это еще больше отдаляетъ ее отъ него.

— Сію минуту,—доложилъ Степановъ, показавшись въ дверкѣ.

— Да что жъ онъ дѣлаетъ? — нервно окликнула дѣвушка.

— Оправляется отъ спанья.

Степановъ опять чуть слышно усмѣхнулся. Эта привычка къ смѣшливости отъ собственныхъ „пошлостей“ (такими считала она всѣ шуточки Степанова) постоянно коробила ее.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ въ комнату курьеръ, заспанный, съ плохо бритымъ, помятымъ лицомъ, посреди котораго торчали рыжеватые усы щеткой. Во всей фигурѣ Прицѣлова было что-то очень забавное, къ чему Степановъ не могъ еще приглядѣться, хотя работалъ на этой станціи больше полугода.

Курьеръ застегивалъ верхнія пуговицы сюртука одной рукой; пальцами другой причесывалъ сбившійся на лобъ вихоръ неподатливыхъ волосъ.

— Прицѣловъ,—строго заговорила телеграфистка,—гдѣ тутъ пакетъ, такой большой, изъ синей бумаги? Я его не найду. Вамъ его не отдавали?

— Пакетъ?—спросилъ Прицѣловъ и прищурилъ глазъ, при чемъ одна ноздря у него отдувалась сильно кверху.—Какой такой пакетъ?

— Ахъ, Боже мой! Изъ синей толстой бумаги?

— Мадель Андревна куда ни па есть прибрали...

Степановъ разсмѣялся громко.

Прицѣловъ, съ тѣхъ поръ, какъ состоялъ курьеромъ при этой станціи, не иначе звалъ начальницу, какъ „Мадель“, вмѣсто „Адель“. Его отучали отъ этого, но онъ все-таки сбивался и, кажется, про себя, находилъ, что такъ и слѣдуетъ произносить. Слова „Адель“ онъ не признавалъ, а „Мадель“—было ему хорошо извѣстно.

Телеграфистка даже не улыбнулась. И Прицѣловъ, съ его шутовской физіономіей и невозмутимымъ юморомъ пьянчужки-резонера, не забавлялъ ее, а также раздражалъ. По тому, какъ Прицѣловъ говорилъ со всѣми, даже и съ начальницей — Аделью Андреевной Кранцъ, можно было чувствовать, что онъ считаетъ этихъ „барышень“— такъ чѣмъ-то въ родѣ не то гувернантокъ, не то экономокъ, допущенныхъ начальствомъ „побаловаться“. Когда онъ былъ на-веселѣ,— а это случалось частенько, — Прицѣловъ громко разсуждалъ въ кухнѣ. Онъ находилъ, что „мамзелямъ“ совсѣмъ не слѣдуетъ быть на „царской службѣ“, что онѣ заѣдаютъ только мужской заработокъ, и что начальство очень хорошо поступаетъ, отказывая имъ въ пенсіи. Въ немъ жило сознаніе своего мужского

превосходства, и онъ его доказывалъ тѣмъ, что начальница не жаловалась на него, хоть и стращала не разъ. Но онъ умѣлъ ее разжалобить, становился даже на колѣни и говорилъ разныя смѣшныя, жалобныя слова.

— Такъ вы не знаете? — еще суровѣе спросила телеграфистка.

— Ни, Боже мой!

— Отправляйтесь. Мразина нечего дожидаться. Степановъ, у васъ готовы всѣ квитанціи?

— Готовы, Надежда Львовна,—кротко откликнулся телеграфистъ.

Прицѣловъ, стуча своими смазными сапогами, съ запахомъ ворвани, долго возился у стола, за которымъ сидѣлъ Степановъ.

— Какъ вы копаетесь!—дала на него окрикъ телеграфистка.

Чѣмъ ближе минутная стрѣлка приближалась къ двѣнадцати, тѣмъ несноснѣе ей было въ этой низкой, холодной комнатѣ, съ постылой казенной обстановкой, съ запахомъ керосина и сапожной ворвани отъ сапогъ Прицѣлова. Онъ, наконецъ, убрался.

Опять тишина со щелканьемъ счетовъ и стукомъ также ненавистнаго ей аппарата „Морза“; она и его презираетъ; вѣдь она „морзистка“, только „морзистка“, т.-е. самая обыкновенная телеграфная работница, не сумѣвшая даже подняться до званія хорошей „юзистки“. Всѣ умѣютъ тукать на этомъ банальномъ „Морзѣ“, вплоть до бездарнаго, малограмотнаго Степанова.

Не такъ чувствовалъ Степановъ... Ему ужасно хотѣлось спросить ее, гдѣ она встрѣчаетъ новый годъ. Навѣрно, танцовать будетъ. Она „настоящая барышня“, и знакомыхъ у нея должно быть много. Вотъ она встанетъ, кончитъ счеты, пойдетъ домой одѣваться на вечеръ. Какъ бы ему хотѣлось видѣть ее въ бальномъ платьѣ!..

— Надежда Львовна!—тихо окликнулъ онъ ее.

— Что надо?

— Адель Андреевна гдѣ встрѣчаютъ новый годъ? Никакъ въ клубѣ?

— Я не знаю.

Отвѣтъ Проскуриной былъ такой отрывистый, что Степановъ замолкъ.

Она, какъ разъ, и думала о томъ, что ей не съ кѣмъ встрѣчать новый годъ. Приглашали ее къ одной учитель-

ницѣ, въ городскую школу—поломалась; въ клубъ Адель Андреевна ее не взяла, онѣ съ ней не очень ладятъ. А этотъ „идіотъ“ со своими разспросами... Пойдетъ къ себѣ на гитарѣ играть или въ трактирѣ спроситъ стаканъ чаю и будетъ слушать машину—и доволенъ!

Она покраснѣла отъ горькихъ и злостныхъ мыслей.

II.

Наружная дверь звякнула. Кто-то дернулъ ее очень сильно, и изъ темноты передней раздался женскій, высокій голосъ:

— Проскурина! Вы тутъ? Дежурите?

Въ комнату вбѣжала, вся закутанная пуховымъ платкомъ и напустила съ собой морознаго воздуха, маленькаго роста женщина въ суконной ротондѣ. Она начала перебирать ногами, когда остановилась у балюстрады.

— Вотъ анаѳемскій холодъ! Ноги совсѣмъ окоченѣли... Да и у васъ хоть таракановъ морозь! Здравствуйте, душечка.

— Здравствуйте, Копчикова!

Проскурина оторвалась отъ работы, немного привстала и протянула руку своей товаркѣ, съ которой сидѣли онѣ рядомъ, еще не такъ давно, на центральной станціи. Руку ея пришедшая „юзистка“ потрясла сильно и сейчасъ же сказала ей, низко наклонившись черезъ перила:

— Хотите со мной закатиться?

— Куда это?—неохотно отвѣтила Проскурина.

Копчикова оглянулась въ сторону телеграфиста, прищурила на него свои близорукіе, выпуклые глаза и окликнула:

— Степановъ! Это вы?

— Я-съ!—отозвался телеграфистъ и поклонился съ мѣста.—Съ новымъ годомъ васъ!

— Маршъ! Извольте пройтись туда... посмотрѣть, нѣтъ ли меня тамъ? Или заткните уши.

— Позвольте лучше уши заткнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ знаю. У васъ любопытство дьявольское... Проскурина! Чаю у васъ не водится?

— Мы недавно пили.

— Вотъ и прекрасно. Степановъ, маршъ за чаемъ!

Телеграфистъ усмѣхнулся и, добродушно тряхнувъ головой, всталъ; проходя мимо Копчиковой, онъ еще разъ поздоровался съ нею и протянулъ ей руку.

— У васъ руки холодныя! Я знаю. А я и безъ того застыла.

Когда Степановъ скрылся, юзистка вошла за балюстраду, подсѣла къ столу съ другой стороны и начала быстро спрашивать:

— Махнемъ? У васъ вечеръ свободный? Никуда не званы встрѣчать новый годъ?

Проскуриной не хотѣлось признаться, что она рискуетъ встрѣтить новый годъ у себя, послѣ дежурства, которое можетъ сегодня затянуться до полуночи. Она промолчала, но въ глазахъ ея, темно-сѣрыхъ, съ длинными рѣсницами, умныхъ и горделивыхъ, вспыхнуло любопытство.

Эта Копчикова всегда навязывалась ей на дружбу, но ее считаютъ непорядочной даже и самыя снисходительныя. Богъ знаетъ, какого она происхожденія. Лицо у нея съ дерзкимъ выраженіемъ, курносая, съ рябинками, а постоянно около мужчинъ и, по-своему, имѣетъ успѣхъ. Но какой успѣхъ!.. Удивительно даже, какъ ее терпятъ на службѣ. Еще сильнѣе щемило Проскурину и то, что „такая“ Копчикова—„юзистка“, считается дѣльнѣе ея и жалованья получаетъ больше. Двумъ языкамъ выучилась настолько, что употребляется даже для заграничныхъ сношеній.

— Такъ свободны?—переспросила Копчикова и начала скидывать съ головы платокъ.

Движенія ея были рѣзкія и некрасивыя. Все въ ней отзывалось безцеремонною вульгарностью.

— Вы видите, — выговорила Проскурина, — сколько дѣла! Должна корпѣть здѣсь, а потомъ Степанову надо помочь. Онъ одинъ будетъ копаться.

— А началка гдѣ?

— Уѣхала.

— Куда?

— Въ клубъ, кажется.

— Въ какой?

— Въ докторскій, вѣроятно.

Всѣ отвѣты Проскуриной продолжали звучать неохотой вести разговоръ, но гостья не обращала на это вниманія.

— Вотъ что̀, милая, — она заговорила еще быстрѣе и потише,—не хотите ли со мной въ маскарадъ?

— Куда это?

— Въ дворянскій!

— Съ какой стати!

Брезгливая черта прошлась по свѣжимъ, но узковатымъ губамъ дѣвушки, и она выпрямила станъ.

— Съ какой стати!.. Полно вамъ недотрогу-царевну изъ себя изображать! У меня домино есть. Я сама себѣ изъ чернаго сатинета сшила. И какъ лихо вышло—точно шелковый. А себѣ выберете напрокатъ. Вотъ отсюда бы прямо на Большую Дмитровку... Тамъ выберете себѣ у нѣмки и домино, и маску. Можно наладить что-нибудь или ленточку пришпилить. Ко мнѣ завернемъ, чайку напьемся, и къ самому началу угодимъ.

Она такъ скоро говорила, что даже захлебывалась. Проскурина слушала ее, и брезгливая черта не сходила съ ея губъ.

— Такъ валимъ?—почти крикнула Копчикова.

— Нѣтъ, я не могу.

— Да полноте, голубчикъ! Вотъ вы всегда такъ! Это—не по-товарищески! Вѣдь какая же сласть у себя, въ номерѣ, завалиться спать, на веселье глядя?

— Въ маскарады я не ѣзжу,—выговорила Проскурина, и снова нагнула голову и спину.

— Соблюдаете себя? А мы, грѣшныя, ѣздимъ. Какъ же можно съ нами якшаться!..

Копчикова вскочила со стула и заходила между двумя столами. Она и отъ холода была красна, а теперь еще сильнѣе покраснѣла отъ задорнаго чувства, охватившаго ее. Ей захотѣлось отдѣлать эту „важнюшку" Проскурину. Она знаетъ, что „порядочныя" чураются ея.

— Сами не понимаете своего интереса! — вырвалось у нея съ подергиваніемъ плечъ.

— Какого интереса?—переспросила Проскурина.

— Какого! Какого!.. Точно будто я ничего не знаю и не вижу! Намедни, на Пречистенскомъ бульварѣ, съ кѣмъ я васъ встрѣтила? Небось, мы шикарей-драгуновъ привлекаемъ!..

Проскурина чуть не крикнула ей: „Какъ вы смѣете!"—но только закусила губы и начала краснѣть.

— Я не сплетница. Что жъ! Офицерикъ джентльменистый! И мордочка у него смазливая. Желаю всякаго успѣха. Вотъ онъ навѣрно тамъ будетъ. Если гдѣ и пляшетъ на званой вечеринкѣ, то позднѣе явится. Прямой интересъ—ѣхать. А не онъ, такъ другой!

— Богъ знаетъ, что̀ вы говорите!—остановила ее Проскурина и сердито взглянула на нее, недовольная въ

особенности тѣмъ, что покраснѣла, и что Копчикова замѣтила это.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь? Ну, и шутъ съ вами, коли такъ!

Копчикова схватила платокъ, брошенный на балюстраду, и начала его расправлять. На головѣ ея надѣта была баранья шапочка набекрень и съ кистью.

Аппаратъ защелкалъ. Кто-то звалъ.

— Ахъ, Боже мой!—встревожилась Проскурина.—Зачѣмъ вы услали Степанова!

— Экая важность! Постойте... Это съ какой-то станціи спрашиваютъ.

Копчикова присѣла къ аппарату и взялась за ручку.

— Чтò такое?—окликнула Проскурина.

— Ха-ха!.. Съ вами разговоръ... по сосѣдству! Да это Карпинскій!.. Вѣдь такъ его зовутъ?.. Того, съ усиками въ колечки, какъ яблочко румянъ?.. Большой ходокъ по женской части и воображаетъ, что всѣ отъ него млѣютъ. Я за васъ отвѣчу.

— Не смѣйте!—крикнула Проскурина.

— Фертигъ!.. Готово!.. Онъ думаетъ, что это вы.

— Не смѣйте, Копчикова!

Проскурина встала съ мѣста.

— Нечего, нечего... Чудесно!.. Да онъ тоже насчетъ маскарада!..

— Я говорю вамъ... Пустите меня!..

Сильнымъ движеніемъ руки Проскурина устранила юзистку и начала дѣйствовать ручкой — нервно и отрывисто. Она должна была браться за ручку аппарата, чтобы прервать этотъ разговоръ по телеграфу, строго запрещенный служебными правилами.

— Вотъ вы какая! — заговорила Копчикова, увязывая свой платокъ. Вздернутый ея носъ смотрѣлъ дерзко и насмѣшливо.—Со мной не желаете въ маскарадъ, потому что у васъ съ такимъ фификусомъ, какъ Карпинскій, интересецъ есть!

— Ничего у меня съ нимъ нѣтъ!—почти гнѣвно перебила Проскурина, повернувшись лицомъ къ гостьѣ.—Онъ мнѣ падоѣлъ до-нельзя. Я собиралась жаловаться, если онъ не прекратитъ своихъ глупыхъ ухаживаній.

— Ябедничать хотѣли—некрасиво!

— Не ябедничать, а отвязаться отъ него.

— Такъ на это есть простое средство. Отрѣзали ему

по аппарату: вы такой-сякой! Небось, кто съ кѣмъ не желаетъ хороводиться—сумѣетъ сдачи дать... Ну-съ, коли такъ, желаю всякаго успѣха на новый годъ. Чаю я дожидаться не буду. Пускай вашъ дурачокъ самъ его выпьетъ. Я теперь знаю, Проскурина, какія у васъ ко мнѣ чувства. А я за васъ всегда горой, когда про васъ судачатъ. Теперь не буду такой дурой!

Юзистка запахнулась въ свою ротонду и шумно вышла, дернула обмерзлую дверь и хлоппула ею. Звонокъ задребезжалъ.

Не сразу перешла Проскурина отъ аппарата къ столу, за которымъ работала. Она посидѣла съ опущенными руками. На лицѣ ея—оно быстро блѣднѣло—застыло выраженіе почти физической боли.

Но она не расплакалась. Ее стало душить. Эта „ужасная“ юзистка сумѣла, въ какихъ-нибудь четверть часа, перевернуть въ ней все внутри... Да, она прошла по боковой аллеѣ бульвара, и Проскурина узнала ее сзади, когда гуляла съ тѣмъ драгуномъ. Но вѣдь это вовсе не было свиданье, а случайная встрѣча. Она надѣялась на то, что юзистка не замѣтила ихъ. И теперь этотъ разговоръ съ телеграфистомъ на аппаратѣ! Хуже ничего нельзя было и придумать. Вся центральная станція будетъ теперь „судачить“.

Она мысленно повторила и пошлое выраженіе Копчиковой: „хороводиться“—это еще лучше! Смѣть такъ выражаться о ней, подозрѣвать ее въ любовномъ „интересѣ“ съ такимъ ничтожествомъ, какъ этотъ Карпинскій, отъ котораго она не знаетъ, какъ отдѣлаться?!

— Онѣ ушли?—спросилъ Степановъ, стоявшій у балюстрады со стаканомъ чаю.

— Онѣ ушли!—передразнила его Проскурина.—„Онѣ“—такъ по-лакейски выражаться, да еще про личность въ родѣ Копчиковой!..

— Вамъ не угодно?—кротко вымолвилъ телеграфистъ.

— Нѣтъ, не угодно! Извольте садиться. Мы до полуночи не кончимъ.

И опять въ комнатѣ началось щелканье счетовъ и стукъ ручки аппарата. Лицо молодой дѣвушки приняло суровое выраженіе. Степановъ чувствовалъ, какъ она гнѣвно настроена. Онъ сдерживалъ дыханіе и желалъ провалиться сквозь землю.

Нѣтъ, онъ не посмѣетъ поднести ей подарокъ на новый

годъ, какъ разсчитывалъ, отправляясь сюда на дежурство. Въ ящикѣ стола лежала красивая коробка съ бумагой и конвертами. Нечего и думать!

Бѣдный малый не могъ сдержать вздоха, и тотчасъ же усиленно заработалъ правой рукой.

III.

„Какъ жить на тридцать пять рублей въ мѣсяцъ?“

Этотъ вопросъ представлялся Надеждѣ Львовнѣ Проскуриной каждый мѣсяцъ, при полученіи жалованья. Теперь, на праздникахъ, онъ всталъ передъ нею еще назойливѣе.

За квартиру она платитъ девять рублей. Дешевле платить невозможно. У нея маленькая комнатка, правда, теплая, но окномъ на дворъ, рядомъ съ кухней. Какъ она ни старается придать ей приличный видъ, все-таки это—дрянная, студенческая „горница“—такъ называетъ ее и хозяйка-съемщица. За соломенными ширмами желѣзная кровать—тоже студенческая койка. Тамъ же, подъ коленкоровой простыней, висятъ ея платья. Обѣдаетъ она на столѣ, покрытомъ красною ярославскою скатертью; за нимъ пьетъ и чай, за нимъ же и работаетъ. Ей часто приходится шить, чистить и штопать. На это идутъ ея свободные дни. Она могла бы наниматься дежурить за другихъ и добывать себѣ въ мѣсяцъ отъ десяти до пятнадцати рублей. Но телеграфная служба утомляетъ ее—больше своей скукой и механическимъ однообразіемъ, чѣмъ физической истомой.

Собиралась она заняться стенографіей, купила самоучитель, но изъ этого ничего не вышло. Языки она знаетъ кое-какъ, по-французски довольно бойко говоритъ, но писать не можетъ безъ ошибокъ, по-нѣмецки и того хуже.

Не туда она готовила себя. Было время — и такъ еще недавно — она стремилась на педагогическіе курсы. Въ гимназіи училась она усердно. Былъ у нея маленькій капиталъ, оставленный теткой, старой дѣвой. Вотъ на него и докончила бы она свое образованіе. Но вышло по-другому.

Постоянно гложетъ ее эта роковая, непростительная глупость.

Надежда Львовна попадаетъ на эту зарубку, какъ только останется у себя въ комнатѣ, начнетъ ли шить или читать книгу. Локтя не укусишь! Увлеченіе „дѣвчонки“,

сентиментальность и рисовка! Вообразила себя призванной принести жертву. Теперь она ясно видитъ, что никакой жертвы тутъ не было, а просто влюбленность въ смазливаго и лукаваго мальчика, увѣрившаго ее, что у него талантъ, что передъ нимъ великая будущность, что ему надо ѣхать за границу, откуда онъ вернется вторымъ Мазини. И отдала всѣ почти свои деньжонки. „Мазини" сгинулъ. Онъ самъ предложилъ ей вексель — она и того не хотѣла брать! Вѣдь онъ росъ съ нею, приходился троюроднымъ братомъ. Она вѣрила въ него какъ въ идола.

И кончилось службой на телеграфѣ—тридцатью пятью рублями, которыхъ не хватаетъ и на житье въ обрѣзъ. Одѣваться—не изъ чего. Она донашиваетъ то, что̀ у нея было, изъ стараго туалета барышни-сироты, воспитанной если не въ роскоши, то въ довольствѣ.

Вотъ это-то „воспитаніе" и дальнѣйшія мечты объ „интеллигентномъ трудѣ" и дѣлаютъ ей теперешнее положеніе все тошнѣе и тошнѣе. Она и рада бы окоченѣть и на вѣкъ примириться, но не можетъ. Въ ней пропало всякое профессіональное честолюбіе. Одно время она хотѣла быть отличной юзисткой, учиться по-англійски, сдѣлаться самой дѣльной и достойной служебнаго поощренія изъ всѣхъ своихъ сверстницъ.

И это прошло. Вонъ тамъ, на центральной станціи, есть одна пожилая дѣвушка, которая ведетъ корреспонденцію на четырехъ иностранныхъ языкахъ, чего только не знаетъ, чего только не читаетъ—и все-таки жалованья ей пятьдесятъ рублей и пенсіи не будетъ. Начальницей станціи — не то назначатъ, не то—нѣтъ. Сто̀итъ ли!

Есть у нея еще капиталъ—наружность. Она не красавица, но рѣдко какой мужчина не поглядитъ на нее, когда отдаетъ депешу, или на улицѣ, въ церкви, на бульварѣ. Три года назадъ, она не терпѣла любезностей, думать о выгодномъ замужествѣ считала „пошлостью", усвоила себѣ суровый тонъ съ мужчинами, ничего не считала выше свободы и умственнаго труда, и такъ хотѣла прожить всю жизнь.

И въ этомъ она была глупа. Ей пошелъ двадцать пятый. Первая свѣжесть отлетѣла. Тогда водились у нея и кое-какіе туалеты, а теперь она донашиваетъ старыя платья и не на что̀ ей одѣться такъ, чтобы не стыдно было принять приглашеніе на плохенькій танцовальный

вечерокъ. Новый годъ встрѣчала она у себя, лежа на своей желѣзной койкѣ, и горько плакала, въ первый разъ. Повеселиться запросто, какъ приглашали ее къ начальницѣ одной городской школы, не пошла — тоже изъ ложнаго стыда: хотѣлось быть лучше одѣтой. Ѣхать въ маскарадъ съ такой особой, какъ Копчикова — значило приравнивать себя къ тѣмъ, кто ѣздитъ въ маскарады искать легкихъ похожденій. Да и не то—у нея нѣтъ лишней копейки заплатить за маску или дешевое домино.

Копчикова будетъ честить ее, пуститъ сплетню о драгунѣ. До сихъ поръ она всего три раза видѣлась съ этимъ поручикомъ Двоеполевымъ. У нея есть подруги по гимназіи, семейство Старковыхъ, помѣщичья семья, проводящая зимы въ Москвѣ—не очень модная, но и у нихъ ей почти неловко бывать изъ-за туалета.

Тамъ она танцовала съ нимъ. Потомъ совершенно случайно встрѣтились они въ Голофтѣевской галлереѣ—она ходила купить иголокъ и чернаго шелку, на четвертакъ. Онъ былъ съ ней у Старковыхъ очень любезенъ, пошлостей не говорилъ, держался милаго тона, какъ съ дѣвушкой „изъ общества"; у него выразительное лицо крупнаго брюнета, съ блѣдными щеками и глазами, которые смотрятъ на васъ ласково и съ тихой усмѣшкой. Онъ носитъ тонкіе усы, падающіе внизъ, и бреется. Въ немъ ничего нѣтъ армейскаго, отзывающагося „корпусятникомъ".

Потомъ онъ зашелъ на станцію, подалъ депешу весьма прилично. Это было при начальницѣ станціи; спросилъ о здоровьѣ, какъ знакомую, что-то разсказалъ про Старковыхъ и ушелъ, но, уходя, его взглядъ доложилъ ей, что депеша—одинъ предлогъ: лишній разъ видѣть ее.

Ей это польстило. Черезъ два дня они встрѣтились на Пречистенскомъ бульварѣ, когда Копчикова видѣла ихъ.

Было ли это свиданіе? И да, и нѣтъ. Она вспомнила, что въ Голофтѣевской галлереѣ драгунъ спрашивалъ ее, въ какіе часы она гуляетъ, и назвалъ именно Пречистенскій бульваръ, какъ самый приличный, барскій. Кажется, она сказала, что около трехъ... И вдругъ ее потянуло туда—и они встрѣтились. Его профиль особенно ей нравился, когда они шли рядомъ. Она уже чувствовала, что этотъ красивый, статный брюнетъ, хорошей фамиліи, начинаетъ сильно интересоваться ею... Во время прогулки она раза два подумала: „да почему же ему въ меня и

не влюбиться?“—подумала это не какъ бѣдная телеграфистка, а какъ барышня изъ того „общества“, гдѣ она съ нимъ познакомилась. Говорила она съ нимъ весело, но безъ всякаго смущенія, тономъ бывалой, свѣтской дѣвицы, знающей себѣ цѣну.

Драгунъ не позволилъ себѣ ничего лишняго. Они говорили о разныхъ городскихъ новостяхъ, объ итальянской оперѣ въ театрѣ Газетнаго переулка, объ увлеченіи двумя пѣвцами-братьями—теноромъ и баритономъ.

— А вы которымъ увлечены?—спросилъ ее Двоеполевъ.

— Ни которымъ,—отвѣчала она.

— Быть не можетъ!

— Я ихъ еще не слыхала.

Она сказала это просто, не застыдилась того, что у нея не было денегъ идти въ кресла, а „верховъ“ она не любила.

— Скажите!—добродушно вырвалось у офицера.

Онъ хотѣлъ что-то еще прибавить, поглядѣлъ на нее быстро и отвелъ лицо; кажется, даже немного покраснѣлъ.

„Выдумалъ, кажется, предложить мнѣ билетъ“,—сказала она про себя и хотѣла обидѣться, но драгунъ перешелъ къ чему-то другому.

Вернувшись домой, она нашла, что обижаться было не чѣмъ. Онъ ничего ей не сказалъ, и почемъ она знаетъ, что́ у него было на умѣ?.. Ее не покоробило и то, что Двоеполевъ проводилъ ее до самыхъ Тверскихъ воротъ и на прощанье спросилъ:

— Когда же и гдѣ мы увидимся?

— Какъ-нибудь...—отвѣтила она, чуть-чуть стѣсненная.

— У Старковыхъ?

Но глаза офицера спрашивали о другомъ. Ему, конечно, хотѣлось попросить позволенія посѣтить ее. По теперешнимъ нравамъ, въ этомъ не было ничего неприличнаго или особенно смѣлаго. Трудовыя дѣвушки всѣ принимаютъ у себя. Онъ, однако, этого не сказалъ, и его сдержанность очень ее тронула.

Отказать ему она не желала, а принять—совѣстно въ такой комнатѣ, какую она нанимала, рядомъ съ кухней, на дворѣ, даже безъ дивана, съ ширмами, изъ-за которыхъ глядѣла желѣзная койка.

Надежда Львовна подшивала шелковый лоскутикъ подъ локоть рукава. Еще два-три раза надѣть этотъ лифъ—и локоть проходится... У нея всего одно приличное платье,

но его знаютъ у Старковыхъ больше двухъ лѣтъ. Скопить на цвѣтную кофточку, которую можно было бы носить съ той же юбкой, она до сихъ поръ не смогла.

Она сдѣлала быстрый, нервный стежокъ, думая опять о Копчиковой, о телеграфистѣ Карпинскомъ, о курьерѣ Прицѣловѣ и о неизбѣжности сплетенъ на ея счетъ,— явственная морщина перерѣзала ея бѣлый, высокій лобъ.

— Барышня!—громко шепнулъ кто-то изъ-за двери.

— Что нужно? — откликнулась Проскурина такимъ же строгимъ звукомъ, какъ она откликалась на вопросы телеграфиста Степанова или курьеровъ.

— Посыльный къ вамъ.

Проскурина быстро положила лифъ на постель и оправила прическу.

— Отъ кого посыльный?—спросила она въ дверь.

— Говоритъ—вамъ записка.

Кухарка была простоватая. Проскурина не стала дальше разспрашивать ее, пріотворила дверь и увидала въ темнотѣ передней посыльнаго съ бляхой на пальто.

— Войдите!—пригласила она его къ себѣ въ комнату.

Посыльный напустилъ съ собой холоду и подалъ ей конвертъ, съ адресомъ, написаннымъ неизвѣстнымъ ей почеркомъ, красиво и старательно. О квартирѣ ея, видимо, справлялись въ адресномъ столѣ: обозначены были часть и кварталъ.

— Это вамъ, сударыня?—спросилъ ее посыльный.

— Мнѣ. Отвѣтъ нуженъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Офицеръ отдали на Кузнецкомъ. Объ отвѣтѣ они ничего не сказали.

— Вы получили, стало-быть?—краснѣя выговорила Проскурина.

— Такъ точно.

Она все-таки дала ему гривенникъ и сама выпустила его изъ сѣней.

Разрывая конвертъ, она уже знала, что это отъ Двоеполева.

Изъ конверта выпалъ на столъ розовый театральный билетъ. Она думала, что записку она уронила подъ столъ. Никакой записки не было. Билетъ — кресло итальянской оперы и афиша на тонкой бумагѣ. Шелъ „Севильскій цырюльникъ". Оба брата — любимцы женской публики — участвовали въ спектаклѣ: одинъ въ роли Альмавивы, другой въ роли Фигаро.

Краска не сходила со щекъ Проскуриной. Она долго читала афишу и вертѣла въ рукахъ розовый билетъ. Разныя чувства боролись въ ней. Но она уже видѣла себя въ театральной залѣ рядомъ съ драгуномъ.

IV.

Первое дѣйствіе оперы кончилось. Проскурина пришла рано, когда зала, очень холодная, съ пониженнымъ свѣтомъ электрическихъ лампочекъ, стояла еще пустой. И къ увертюрѣ публики набралось не особенно много. Она ожидала совсѣмъ не того. На верхахъ виднѣлось нѣсколько молодыхъ женскихъ головъ; и въ мѣстахъ за креслами сидѣло десятка два дамъ, старыхъ или молодыхъ—она не могла разсмотрѣть.

Ея кресло было въ пятомъ ряду и стоило дорого. Когда она въ него сѣла и оглянулась съ тревогой по сторонамъ—ее уколола мысль:

„А вѣдь такъ не посылаютъ билетовъ, отъ неизвѣстнаго, порядочнымъ дѣвушкамъ".

Ей случалось бывать приглашенной въ ложу, но даровыхъ креселъ она отъ мужчинъ еще не принимала. Если бъ Двоеполевъ очутился рядомъ съ нею — ей это было бы крайне непріятно.

Она не смотрѣла больше по сторонамъ, на ложи и кресла. Въ этотъ театръ она попала въ первый разъ. Веселаго возбужденія что-то не являлось. Рядомъ, справа и слѣва, мѣста оставались пустыми.

„Неужели онъ не придетъ, — спрашивала она себя. — Что̀ это: деликатность или невниманіе?"

Но мысли ея получили вдругъ другой оборотъ.

„Что жъ тутъ такого особеннаго? — думала она подъ звуки увертюры,—принять билетъ отъ знакомаго? Съ какой стати дѣлаю я изъ себя какую-то недотрогу-царевну? Да изъ моихъ товарокъ по службѣ ни одна не откажется. Гдѣ же тутъ соблюдать свѣтскую чопорность, когда намъ и на мѣсто въ раекъ трудно съэкономить изъ нашихъ тридцати пяти рублей!.. Одна глупая гордость и чванство".

Игривая, мечущая искрами южной веселости, прогремѣла увертюра. Проскурина повеселѣла и отъ нея, и отъ своихъ, болѣе свѣтлыхъ, мыслей. Она захлопала вмѣстѣ съ другими и улыбнулась итальянцу-капельмейстеру, когда онъ привсталъ съ своего высокаго кресла, обернулся и

раскланивался... Ей очень нравилась его сытая фигурка, взглядъ лукавыхъ глазъ сквозь pince-nez и очертанія его маленькой головы съ круглой лысиной на самой маковкѣ.

Но за ходомъ перваго дѣйствія она слѣдила разсѣянно и то и дѣло сдерживала желаніе повернуть голову къ проходу между креслами... Садились и въ ея ряду, но Двоеполевъ не показывался. Она нашла, что братья-пѣвцы — имъ сильно аплодировали и съ верховъ и снизу—не стоили такого пріема. Теноръ показался ей женоподобнымъ и манернымъ; баритонъ понравился какъ актеръ, но „интереснаго“ она въ немъ ничего не нашла. Лица ихъ обоихъ заставляли ее думать о лицѣ драгуна. Она находила его гораздо „значительнѣе“. Въ немъ было что-то дѣйствующее на нее сильнѣе, чѣмъ ихъ овальныя лица, даже и не итальянскаго типа: она не знала, что братья родомъ португальцы.

Смолкли вызовы: изъ залы потянулась публика въ буфетъ и фойе. Она знала, что фойе въ первомъ ярусѣ. Ей хотѣлось пройти туда. Что-то ее тянуло, нѣчто бо̀льшее, чѣмъ простое любопытство.

У входа въ залу фойе, справа, ее окликнули.

— Здравствуйте, Надежда Львовна!

Это былъ драгунъ. Онъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ. Глаза его улыбались. Протягивая ей руку, онъ еще разъ нагнулъ голову и чуть слышно проговорилъ:

— Какъ это удачно!

Его фраза должна была значить: „какая удачная для меня встрѣча!“

„Неужели кто-нибудь другой прислалъ мнѣ билетъ?“— спросила себя Проскурина.

Глаза Двоеполева продолжали улыбаться съ особеннымъ выраженіемъ.

„Хитритъ!“—подумала она, и не знала, пріятна ей или нѣтъ эта хитрость.

Онъ игралъ свою роль превосходно.

— Вы въ креслахъ?—громко и увѣренно спросила она его, когда они стали ходить по фойе.

— Я зашелъ въ ложу къ знакомымъ.

Даже и усмѣшка глазъ исчезла.

Онъ держался тона добраго знакомаго; голосъ его звучалъ просто и непринужденно.

„Если онъ прислалъ, это очень, очень мило“,—рѣшила она, послѣ перваго оборота по залѣ.

— А вы въ креслахъ? Я видѣлъ,—сказалъ Двоеполевъ и въ первый разъ заглянулъ ей въ лицо.—Кажется, тамъ пустое мѣсто сбоку?

— Цѣлыхъ два, — отвѣтила она все такъ же бойко и увѣренно.

— Вы позволите?

Эту хитрость сочла она уже черезчуръ тонкой. Наклонивъ голову, она выговорила однако:

— Пожалуйста! Мнѣ одной скучно.

И тотчасъ они перешли къ оперѣ, къ братьямъ, къ тѣмъ „пассіямъ", которыя теноръ вызывалъ въ нѣкоторыхъ московскихъ барыняхъ и дѣвицахъ, особенно въ купеческомъ обществѣ.

— Я думала, что они даютъ полные сборы,—замѣтила Проскурина.

— Въ этомъ году съ ними не такъ ходко, — сострилъ Двоеполевъ.

Онъ соглашался съ тѣмъ, что̀ она говорила про ихъ наружность, особенно про тенора.

— Я впередъ зналъ,—тихо и вкрадчиво сказалъ онъ,— что вы найдете его именно такимъ...

Они стояли въ одной изъ арокъ, ведущихъ къ чайному буфету. Проскуриной ужасно захотѣлось чаю, но она не сказала ему: „сядемте", чтобы не заставлять его платить. И онъ не предложилъ ей присѣсть — что̀ ей опять-таки очень понравилось.

Внизъ они сошли послѣ звонка. Офицеръ поздоровался съ двумя статскими и мимоходомъ сказалъ одному военному съ лацканами на воротникѣ того же цвѣта:

— Я въ креслахъ останусь.

Она шла впереди, и ей не было неловко. Все выходило совершенно прилично, не имѣло вовсе вида любовной интрижки драгуна съ телеграфисткой.

Сѣлъ онъ рядомъ съ нею очень просто, какъ будто это вышло случайно, и во время дѣйствія не разговаривалъ; тоже раза два обернулся къ ней въ полъ-лица и спросилъ:

— Не угодно ли бинокль?

Опера все меньше и меньше захватывала ее. Но подъ музыку ей пріятно думалось... Она чувствовала себя молодой дамой, только что вышедшей замужъ. Вотъ рядомъ съ нею сидитъ ея мужъ, офицеръ, хорошей фамиліи, красивый и воспитанный; у него небольшое состояніе, и онъ

на виду у начальства. Они держатъ экипажъ; бываютъ часто въ театрахъ и всегда въ креслахъ. Ей извѣстно, что въ томъ „кругу“, гдѣ его считали хорошей партіей, не мало злословятъ, удивляются, что онъ женился на простой телеграфисткѣ. Но она этимъ не смущается. Между нею и дѣвицами Старковыми нѣтъ никакой разницы. И она барышня, и у нея бывали гувернантки, и она можетъ вести съ грѣхомъ пополамъ французскій разговоръ. Она знаетъ также, что мужчины — за нее, нисколько не удивляются тому, что Двоеполевъ влюбился въ такую красивую и видную особу... Многіе уже начинаютъ ухаживать за нею. У нихъ есть дни; полковыя дамы полюбили ее, кромѣ одной эскадронной командирши. Та не можетъ помириться съ тѣмъ, что Двоеполевъ женился по любви. Можетъ-быть, между ними и было что-нибудь... У всякаго романы водятся до женитьбы.

„А реверсъ?“ — вдругъ спросила она себя почти съ испугомъ и покраснѣла.

Она знала, что „реверсъ“, это—сумма денегъ, которую надо внести въ полковую кассу въ случаѣ женитьбы. Вѣдь она безприданница. Какой же реверсъ могла она принести съ собою жениху!..

„Онъ самъ внесъ“,—успокоила она себя и продолжала мечтать подъ музыку „Севильскаго цырюльника“.

Двоеполевъ смотрѣлъ въ бинокль на хорошенькую Розину. Это ее не смущаетъ. Она вѣритъ въ его любовь. Зачѣмъ же бы онъ и женился на ней?.. Пускай смотритъ. Вѣдь на то и существуютъ актрисы, пѣвицы и танцовщицы... Вотъ они поѣдутъ домой. Дорогой, онъ заботливо спроситъ ее:

— Надя, хорошо ли ты укуталась?

На ней — дорогая ротонда изъ тибетскихъ барановъ и оренбургскій пуховый платокъ. Мужъ нагнулся къ ней, поправилъ платокъ и тихо прикоснулся горячими губами къ ея щекѣ.

— Не хочешь ли поужинать къ Тѣстову? Свѣжей икры?

— Нѣтъ, лучше домой.

Свой рысакъ мчитъ ихъ по Театральной площади; снѣжинки залетаютъ ей подъ платокъ, и ощущеніе быстраго поцѣлуя продолжается...

Проскурина очнулась при взрывѣ рукоплесканій и вызововъ. Но рядомъ сидѣлъ красивый офицеръ и спрашивалъ ее:

– Поднимемся въ фойе?

Фраза была такая же, какую онъ могъ сказать, если бы она была его женой.

— Мнѣ хочется чаю, — сказала она и не удивилась крайней простотѣ своего тона. Такъ будетъ она говорить и тогда.

И это „тогда“ вдругъ представилось ей близкимъ и возможнымъ.

Развѣ не къ тому шло дѣло? Онъ ухаживаетъ — это ясно. Онъ обращается съ нею такъ почтительно, какъ только можно желать, если быть даже богатой невѣстой изъ дворянскаго круга. Остальное зависитъ отъ нея. Какъ она поведетъ дѣло, такъ и будетъ.

„Дѣло“! Она не хочетъ смотрѣть на это, какъ на дѣло. Двоеполевъ ей нравится. Онъ, кажется, не блестящаго ума, но не глупъ, съ большимъ тактомъ, прекраснаго тона и выказываетъ къ ней положительный „интересъ“.

Она думала словами, и слово „интересъ“ ей также не понравилось. Оно отзывалось юзисткой Кончиковой. Надо просто отдаваться теченію, не отталкивать его, не кокетничать съ нимъ, а сближаться постепенно, не забывая дѣвичьяго „себѣ на умѣ“, испытывать его, помнить, что если она позволитъ ему что-нибудь лишнее на первыхъ же порахъ, — дѣвица порядочнаго круга исчезнетъ и останется заурядная телеграфистка и офицеръ, имѣющій на нее нехорошіе виды.

Въ фойе они сѣли къ столу около прилавка. Она стала пить чай съ большимъ аппетитомъ.

— Васъ не безпокоитъ?—спросилъ онъ, вынимая серебряную папиросницу.

— Пожалуйста!

Онъ даже не прибавилъ: „вамъ не угодно?“ Стало-быть, считаетъ ее слишкомъ хорошо воспитанной, чтобы курить, хотя у Старковыхъ всѣ гостьи курятъ: дамы открыто, барышни тайно, даже затягиваются.

Ни разу не пришелъ ей вопросъ, пока они сидѣли въ буфетѣ, какъ посмотритъ на нее, пьющую чай съ драгуномъ, кто-нибудь изъ знакомыхъ. Она испытывала необыкновенное спокойствіе и увѣренность въ томъ, что тутъ ничего не было „дурного“.

Когда Двоеполевъ позвалъ человѣка расплатиться, у нея мелькнула-было мысль сказать: „я плачу за себя“, но она тотчасъ же поправила себя: „это мѣщанство, въ

обществѣ ни дамы, ни дѣвицы не платятъ за себя, да еще за такіе пустяки, какъ чашка чаю съ сухаремъ".

И она встала, тихо-веселая, увѣренная въ себѣ. Фойе опустѣло. Изъ залы уже доносились звуки оркестра.

Внизъ сошли они подъ-руку.

V.

Имъ пришлось надѣвать верхнее платье за одной и той же вѣшалкой, сбоку отъ главнаго подъѣзда. Много столпилось на проходѣ. Изъ дверей въ сѣни, то и дѣло отворявшихся, тянуло морозной струей.

Надежда Львовна нетерпѣливо ждала. Двоеполевъ прикрикнулъ на служителя:

— Поскорѣе, братецъ!

Ей подали ея старенькое пальто на ватѣ съ котиковымъ воротникомъ, вязаный платокъ и барашковую муфту. Двоеполевъ помогалъ служителю и держалъ муфту съ платкомъ, пока она застегивала пальто. Онъ могъ хорошо разсмотрѣть, какое все это старенькое. Но она не стыдилась своей бѣдности. Въ другое время ей было бы невыносимо неловко, а теперь—нѣтъ, нисколько! Въ душѣ она уже считала его выше всякой подобной суетности. Онъ не осудитъ, пойметъ, и его чувство къ ней получитъ больше теплоты; ея наружность, тонъ, манеры выиграютъ только отъ такого контраста.

Вотъ она одѣта, платкомъ покрыла шапочку и закрываетъ половину лица. Врядъ ли кто бы и узналъ ее, да она и не боится никакой встрѣчи.

И онъ въ шинели съ пушистымъ бобровымъ воротникомъ. Яркій цвѣтъ сукна на околышѣ фуражки и довольно большой козырекъ дѣлаютъ его тонкій профиль еще красивѣе.

Только что они отошли отъ прилавка вѣшалки, и Двоеполевъ, чтобы защитить ее отъ толкотни, взялъ ее подъ-руку, у другой, противоположной вѣшалки выплыли передъ нею, неожиданно и рѣзко, двѣ фигуры: юзистка Копчикова и Карпинскій, тотъ самый, что̀ пристаетъ къ ней съ своими пошлыми нѣжностями и безпрестанно переговаривается по телеграфу. Она даже закрыла глаза, до такой степени ей была непріятна эта встрѣча.

„Ахъ, ты, Господи!"—вырвалось у нея про себя.

Копчикова, въ красной кофтѣ, съ бантомъ изъ порыжѣлаго тюля, въ пестрой юбкѣ и боа̀, съ шапочкой на-

бекрень, Богъ знаетъ на кого похожа; Карпинскій, напомаженный, съ челкой на лбу, съ усиками и въ новомъ форменномъ сюртукѣ со стоячимъ воротникомъ.

— Проскурина!—рѣзко окликнула ее Копчикова.

Не поклониться нельзя. Надежда Львовна сдѣлала чуть замѣтный кивокъ и тихо сказала Двоеполеву:

— Лучше станемъ въ уголъ, пока пройдутъ.

— Мадемуазель Проскурина! — окликнулъ ее и Карпинскій и снялъ ухарскимъ жестомъ свою фуражку телеграфиста.—Изволили сидѣть въ креслахъ, а мы вотъ съ мадемуазель Копчиковой въ парадисѣ, демократично.

— Аристократка! — воскликнула Копчикова, натягивая на себя шубку и чуть не задѣла Проскурину рукавомъ по лицу.

Въ глазахъ ея и Карпинскаго блестѣла злобная и нахальная усмѣшка. Они оба готовы были наговорить ей чего-нибудь до крайности непріятнаго. Завтра же по всей центральной станціи и по всѣмъ городскимъ будетъ извѣстно, что ее поймали въ театрѣ съ драгуномъ, что она сидѣла на его счетъ въ креслахъ, что они выходили вмѣстѣ и даже подъ-руку.

Все это толпилось въ головѣ Проскуриной. Она надвинула на лицо конецъ платка и невольно прижалась къ плечу своего кавалера.

Онъ какъ будто ничего не слыхалъ и не видалъ, даже головы не повернулъ въ сторону той вѣшалки, гдѣ одѣвались Копчикова съ Карпинскимъ. Если это было сдѣлано съ намѣреніемъ, то показывало, какой онъ тонкій и воспитанный человѣкъ.

— Нѣтъ! Здѣсь ужасно дуетъ! — вырвалось у нея, и она закрыла муфтой лицо, больше для того, чтобы не видѣть противной пары. Сквозь вязаный платокъ она, къ счастію, хуже слышала ихъ голоса и безцеремонный смѣхъ.

Двоеполевъ повернулъ назадъ и провелъ ее быстро, держась бокомъ, такъ что защищалъ ее отъ толчковъ, и отъ необходимости пройти опять мимо пары сослуживцевъ.

Они скоро спустились внизъ, взяли въ узкій проходъ, черезъ который выходило меньше народу, и очутились на тротуарѣ, въ яркомъ электрическомъ свѣтѣ. Снѣжокъ мелькалъ и смягчалъ морозное дуновеніе ночи.

Надежда Львовна громко перевела духъ.

— Наконецъ-то мы на вольномъ воздухѣ!

Она не отнимала руки. Двоеполевъ провелъ ее влѣво, пропустилъ мимо нѣсколько пѣшеходовъ и взялъ къ углубленію, около воротъ театра.

— Сію минуту!—быстро проговорилъ онъ.

Онъ позвалъ посыльнаго и приказалъ ему вполголоса:

— Кучеръ Ѳеофанъ, съ Патріаршихъ Прудовъ! Тамъ, на самомъ углу Дмитровки!

Вернувшись къ ней, Двоеполевъ стукнулъ шпорами и запахнулся въ высокій бобровый воротникъ шинели.

— Сейчасъ подадутъ!..

Она даже не спросила, что̀ подадутъ: карету или сани, и чей это будетъ экипажъ? Ей хотѣлось одного — поскорѣе уѣхать и не наткнуться еще разъ на Копчикову съ Карпинскимъ. Они могли пройти въ эту сторону и опять узнать ее, заговорить, позволить себѣ шуточки, показать ея кавалеру, что она „ихъ братъ“ телеграфистка, играющая въ воспитанную барышню... Ничего она не боялась, никакой неловкости не чувствовала отъ этого ночного выхода съ офицеромъ.

Подъѣхали щегольскія сани. Офицеръ отстегнулъ полость. Надежда Львовна сѣла молча. Кучеръ повернулъ и поднялся на Дмитровку. Ей было не по дорогѣ, но она ничего не замѣтила. Она видѣла, что это его лошадь, кучеръ одѣтъ франтовски, полость медвѣжья.

— Славная ночь! — сказалъ Двоеполевъ, и его глаза блеснули изъ-подъ козырька.—Хорошо бы прокатиться.

— О, да! — вырвалось у нея, и она подставила щеки подъ пріятный снѣжный вѣтерокъ.

Сквозь молочную дымку проглядывалъ мѣсяцъ и снѣжинки кружились въ воздухѣ. Рысакъ, темной масти, похрапывая, понесся вверхъ по Дмитровкѣ, къ бульвару.

Проскурина подумала:

„Мы проѣдемъ Страстнымъ и Тверскимъ бульваромъ, а отъ Никитскихъ воротъ два шага и до меня“.

Опять она ушла въ мечты, охватившія ее въ театрѣ, когда Двоеполевъ сѣлъ рядомъ съ нею, во второмъ актѣ; и теперь ей было еще слаще; на нее нападало дѣтское забытье въ родѣ того, когда, бывало, везутъ ее, въ возкѣ, съ дѣтскаго вечера, и въ дремотныхъ глазахъ всплываютъ огни елки, игрушки, золотыя яблоки, пряники съ глазурью...

То, что̀ ей представлялось въ театрѣ, перешло въ дѣй-

ствительность. Они возвращаются изъ театра вдвоемъ, на своей лошади; онъ съ заботой и нѣжностью въ красивыхъ глазахъ заглядываетъ... Ей кажется, что на ней богатый салопъ и оренбургскій платокъ, а руки лелѣетъ соболья муфта, подбитая атласомъ, ласкающимъ руки.

— Направо! — крикнулъ онъ кучеру и запахнулся. — Трогай!

Рысакъ наддалъ рыси, и они полетѣли вверхъ по бульвару, къ Тверскимъ воротамъ. У нея стало захватывать духъ, и чувство дѣтскаго страха заставляло браться за ободокъ сидѣнья саней. Снѣжная пыль слѣпила глаза; на ухабахъ она раза два чуть слышно вскрикнула. Но бѣшеная ѣзда не мѣшала ея мечтамъ.

„Вѣдь все можетъ сдѣлаться настоящей правдой въ эту зиму, на масленицѣ. На масленицѣ бываютъ послѣднія свадьбы“.

Они мчались и мчались. Сперва мелькнулъ мимо нея памятникъ Пушкину, со снѣжными полосами на складкахъ плаща; бульваръ стоялъ безлюдный, съ инеемъ на деревьяхъ. Въ этомъ катаньѣ было для нея что-то совсѣмъ новое, и она хотѣла бы продлить его на всю ночь.

Такъ промчались они до Никитскихъ воротъ. Она молчала; переулокъ остался далеко позади, потомъ и Арбатскія ворота. Пречистенскій бульваръ показался ей очень длиннымъ. Кучеръ далъ передышку лошади, и они ѣхали потише.

— Назадъ!—скомандовалъ Двоеполевъ и тѣмъ же звукомъ прибавилъ опять:—Трогай!

И они понеслись назадъ.

Мечты куда-то исчезли. Ей захотѣлось смѣяться, даже пѣть на морозѣ. Вѣтерокъ крѣпчалъ. Конецъ ея платка развѣвался, и то открывалъ передъ ней снѣжную даль, то закрывалъ. Она обернулась къ Двоеполеву всѣмъ лицомъ. Ихъ глаза встрѣтились. Вдругъ она почувствовала быстрый поцѣлуй, который ожегъ ее и заставилъ вздрогнуть. Но она не отодвинулась, а замерла... Нѣсколько ощущеній разомъ налетѣли на нее: первое было пріятно своею неожиданностью и быстротой; оно отвѣчало ея мечтамъ, но длилось двѣ-три секунды: его замѣнили не то обида, не то страхъ, не то стыдъ. Щека сильнѣе зардѣлась подъ румянцемъ отъ мороза, и кровь ударила въ уши и виски. Такъ прошло не больше одной минуты.

— Θеофанъ!—приказалъ драгунъ сдержаннымъ звукомъ и нагнулся немного къ кучеру,—въ „Эрмитажъ“!

Слово „Эрмитажъ“ точно ударило ее по головѣ, въ самое темя. Она вся выпрямилась, закинула голову и крикнула:

— Какъ вы смѣете?

— Что такое? — съ искреннимъ изумленіемъ спросилъ офицеръ.

— Вы, вы...

Она не могла говорить. Ея губы дрожали и по всему тѣлу пробѣгала струйка нервной дрожи. Глаза офицера уже перемѣнили выраженіе. Они улыбались на новый ладъ.

„Я понимаю,—увидала она въ его взглядѣ,—вы хотите, милая, продѣлать комедію и соблюсти свое достоинство“.

Разомъ она поняла весь характеръ ухаживанія драгуна, поняла, какъ онъ взглянулъ на нее, съ отвращеніемъ сознала и то, что она сама кругомъ виновата: приняла даровой билетъ, держала себя съ нимъ въ театрѣ, какъ держатъ на любовныхъ встрѣчахъ, пила его чай, сѣла въ его сани, поѣхала ночью кататься. И ея мечты о замужествѣ наполнили ее ѣдкимъ стыдомъ и обидой за самоё себя.

„Подѣломъ, подѣломъ!“—повторяла она про себя.

— Помилуйте!—донесся опять до нея голосъ офицера.— Надо же поужинать! Вы должны быть голодны?

— Стой!—крикнула она кучеру.

Онъ не разслыхалъ. Сани неслись по Никитскому бульвару.

— Стой! — крикнула она во второй разъ и схватила кучера за кушакъ.

Онъ остановилъ рысака.

Проскурина отстегнула полость и выскочила изъ саней.

— Надежда Львовна! Что вы? Это смѣшно!

Двоеполевъ захохоталъ горловымъ сдавленнымъ смѣхомъ.

— Оставьте меня!

Бранное слово чуть не слетѣло съ ея горячихъ губъ, но она сдержала себя и бросилась къ тротуару.

— Mademoiselle!—доносился до нея хриповатый басокъ драгуна.—C'est impossible!..

Въ ушахъ ея стоялъ звонъ, въ груди сперлось, она все ускоряла шагъ, слезы дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ. И не на комъ было выместить свою обиду, кромѣ

самой себя. Ей было бы легче, если бы она разрыдалась, тутъ же, на тротуарѣ; но и этимъ она не могла облегчить своей нестерпимой душевной боли...

VI.

Рука дѣйствуетъ машинально; глаза разсѣянно разбираютъ слова депеши, которыя переходятъ все въ тотъ же надоѣдливый ритмическій стукъ. Надежда Львовна хотѣла бы погрузиться въ работу, ни о чемъ не думать—и не можетъ. Вотъ уже вторыя сутки, какъ она хочетъ забыться и по собственному желанію дежуритъ два дня сряду.

Вчера, подъ вечеръ, она должна была вынести новую обиду: Карпинскій успѣлъ наговорить ей пошлостей, по аппарату, и она вмѣсто того, чтобы сейчасъ остановить его, отвѣтила длинной тирадой, гдѣ было нѣсколько бранныхъ выраженій. На центральной всѣ теперь говорятъ про ея „интригу" съ драгуномъ. Кончикова сегодня утромъ ввернула ей два-три шутливыхъ вопросца, тоже по аппарату. Тонъ ихъ показывалъ, что отнынѣ съ ней никто не станетъ церемониться—изъ такихъ, какъ эта неприличная юзистка.

Она такъ была раздражена этимъ, что хотѣла идти жаловаться на другой день. Пускай ее считаютъ ябедницей и доносчицей, но она не желаетъ выносить дольше подобнаго обращенія.

— Проскурина! — окликнула ее изъ внутреннихъ комнатъ начальница станціи. — Придите на минутку, когда кончите.

Передъ тѣмъ, минутъ за пять, ушелъ со станціи контролеръ, добродушный малый, завѣдующій счетною частью въ одной частной типографіи. Онъ съ ней побалагурилъ немного, спрашивалъ о какихъ-то служебныхъ пустякахъ, и когда пошелъ къ начальницѣ, то сказалъ съ усмѣшкой:

— У васъ часто въ ушахъ звенитъ, Надежда Львовна?

Она не обратила вниманія на эту фразу. Начальница, блѣдная женщина, съ сѣдѣющими волосами, въ сѣромъ платьѣ съ такой же пелеринкой, попросила ее затворить поплотнѣе дверь и заговорила съ нею вполголоса:

— Что вамъ за охота съ Карпинскимъ переговариваться? Контролеръ сейчасъ просилъ предупредить васъ. Вчера Карпинскаго поймали. Цѣлая исторія вышла. И мнѣ непріятность.

Проскурина вся вспыхнула и чуть не расплакалась.

— Я буду жаловаться! — вскричала она. — Это ни на что не похоже!

Она разсказала начальницѣ станціи, какъ этотъ телеграфистъ приставалъ къ ней уже больше полгода, дѣлаетъ ей разныя признанія въ любви и получаетъ отъ нея самые рѣзкіе отвѣты.

— Нѣтъ, вы ужъ лучше не дѣлайте этого; сами не ѣздите жаловаться, — сказала начальница и наморщила лобъ.—Я отъ себя доложу.

Между ними не было дружбы. Адель Андреевна, болѣзненная и неровная въ обращеніи, не располагала къ пріятельству, но и не обижала ее, не наваливала на нее работы и не позволяла себѣ безцеремоннаго тона.

— И контролеръ говорилъ еще, — продолжала она потише, — про эту Копчикову... Она болтаетъ Богъ знаетъ что...

Начальница не кончила и стала закуривать папиросу.

— Копчикова! Это ужасная скандалистка! — вырвалось у Проскуриной.

Плакать ей ужъ не хотѣлось; злость ее разобрала на весь этотъ телеграфный міръ, на свою постылую службу, нищенское жалованье, необходимость переносить подобныя исторіи, рисковать быть выгнанной съ должности изъ-за сплетенъ и мстительной интриги такихъ ничтожествъ, какъ Карпинскій и Копчикова.

Въ то же время почувствовала она еще острѣе ту, главную обиду — исторію съ офицеромъ, изъ-за котораго вся центральная станція считаетъ ее теперь легкой особой, и гдѣ она такъ постыдно обманулась.

И некому постоять за нее, отплатить этому драгуну, съ его вкрадчивою, коварною порядочностью и дерзкимъ цинизмомъ. Да будь у нея и братъ, развѣ она могла бы требовать черезъ него удовлетворенія за обиду! Она сама виновата, сама вела себя какъ тщеславная авантюристка, возмечтавшая, что она, какъ и быть слѣдуетъ, невѣста-приданница, изъ хорошаго общества...

Всѣ эти чувства распирали ей грудь, но она не могла излиться начальницѣ. Да и некому ей изливаться. У нея нѣтъ ни одной подруги. Со всѣми товарками по телеграфу она держалась всегда какъ горделивая барышня, ни одну изъ нихъ не подпускала къ себѣ, а въ обществѣ у нея всего-то одинъ домъ Старковыхъ. Но тамъ ее принимаютъ какъ бѣдную подругу по гимназіи—не больше, да

и не долюбливаютъ, потому что она красивѣе ихъ обѣихъ и бойчѣе на разговоръ.

Драгунъ способенъ и у Старковыхъ повредить ей, да и кто поручится: можетъ-быть, кто-нибудь изъ ихъ близкихъ знакомыхъ видѣлъ ее въ театрѣ, посмотрѣлъ, какъ они пошли вмѣстѣ съ Двополевымъ, и какъ она сѣла въ его сани. Жаловаться на поведеніе драгуна у Старковыхъ она не можетъ. Это было бы слишкомъ глупо и опасно.

Проскурина почти не слыхала того, что̀ ей говорила еще Адель Андреевна.

Изъ аппаратной раздался трескъ призывнаго звонка.

— Завтра я поѣду,—сказала ей начальница успокоительнымъ тономъ.

— Благодарю васъ!—почти разсѣянно бросила ей Проскурина и выбѣжала.

Будь что̀ будетъ! Ей такъ противно на службѣ, что пускай выйдетъ какая-нибудь крупная исторія и она очутится въ необходимости взяться за другую профессію. Это взвинтитъ ее, придастъ энергіи, заставитъ испробовать еще разъ свои силы, узнать доподлинно, какая ей цѣна, можетъ ли она требовать больше тридцати пяти рублей въ мѣсяцъ и добиться болѣе независимаго положенія.

Она торопливо присѣла и начала разбирать рядъ депешъ, одна другой скучнѣе и банальнѣе: поздравленія съ именинами, любовныя свиданія, вопросы, будутъ ли сегодня дома и получено ли письмо отъ Ивана Кузьмича изъ города Чухломы?

Сколько разъ ей хотѣлось вмѣсто этихъ текстовъ поставить отъ себя всякаго вздора и отослать съ курьеромъ Прицѣловымъ, отдаться озорству, въ которомъ бы можно было отвести душу и отплатить постылой службѣ.

Но вотъ что-то другое передаютъ ей съ центральной станціи. Она ощутила точно уколъ въ сердце. „Госпожу Проскурину просятъ пожаловать завтра, въ одиннадцать часовъ, для служебныхъ объясненій“.

Ея рука вздрагивала, пока она дотянула кусокъ бумажной ленты, гдѣ стояли значки этой депеши. И потъ выступилъ у нея на вискахъ.

Она встала и побѣжала къ начальницѣ доложить. Ее захватилъ страхъ, она это сознавала и не совѣстилась такого чувства.

— Надо явиться?—спросила она, и звукъ ея голоса былъ дѣтскій.

Такъ спросила бы провинившаяся дѣвчонка. Ей стало тотчасъ же обидно за себя, но она не смогла овладѣть собой, вернуться къ своей обычной гордости, къ тѣмъ мечтамъ о смѣлой и новой борьбѣ съ жизнью, которыя наполняли ее какихъ-нибудь пять минутъ передъ тѣмъ.

— Хотите, я сейчасъ поѣду. Меня примутъ. Я могу сдѣлать это, какъ будто я ничего не знала о депешѣ?— вызвалась начальница.

— Голубушка!

Проскурина прильнула къ ней и обняла.

Она почувствовала даже желаніе поцѣловать руку, но успѣла удержаться.

„Какая подлость!“ — внутренно крикнула она самой себѣ.

Начальница приняла въ ней участіе, а можетъ-быть, соблюдала свой интересъ, хотѣла заявить себя передъ высшимъ начальствомъ бдительной женщиной съ тактомъ и добрымъ сердцемъ.

Но не все ли равно, изъ какихъ побужденій будетъ она дѣйствовать! Проскурина видѣла въ ней защитницу и не могла освободиться отъ чувства подчиненности, нашла въ первый разъ, что она не въ силахъ рисковать „крупной исторіей“, которую призывала сейчасъ, что она — маленькое колесо машины, что внѣ этой машины колесо это будетъ валяться, какъ нѣчто безполезное и дрянное.

— Обойдется, обойдется,—почти материнскимъ тономъ говорила начальница.—Только вы, завтра, не возражайте ему рѣзко, не оправдывайтесь... Лучше было бы явиться въ формѣ. У васъ есть ли мундиръ?

— Нѣтъ. Вѣдь ни у кого нѣтъ...

— У меня есть. Примѣрьте. Онъ это любитъ. Вы развѣ не видите, что на насъ теперь гоненіе? Насъ только терпятъ... Прежде принимали и въ контроль, и на таможню, и въ другія мѣста. А теперь только въ телеграфѣ и держимся! Не надо это забывать, Надежда Львовна. Знаю, что такимъ, какъ вы, вдвое тяжелѣе. Вы иначе были воспитаны, не на то готовились. Все это прекрасно, понимаю. Что жъ дѣлать!.. Кусокъ хлѣба. И я не къ телеграфу себя готовила. А и за то Господа Бога благодарю, что станціей завѣдую, пока силы позволяютъ.

Начальница говорила съ ней въ первый разъ искренно. Ея слова западали въ душу Проскуриной, точно слова

духовника на исповѣди. Въ нихъ не было ничего новаго и разительнаго. Сколько такихъ же приниженныхъ разсужденій наслушалась она съ тѣхъ поръ, какъ служитъ, и считала ихъ постыдными, презирала всѣхъ, кто впадалъ въ „крѣпостную зависимость“ отъ жалкаго куска хлѣба... А въ эту минуту она всѣмъ своимъ существомъ сознавала глубокую и роковую правду очевидности.

Нечего хорохориться! Надо держать крѣпко всякій честный заработокъ. Постыднѣе мечтать о драгунахъ и дѣлаться предметомъ позорящихъ сплетенъ, по собственной винѣ.

Она испытывала ощущеніе, какое переживала въ дальнемъ дѣтствѣ, когда, бывало, мать или гувернантка разъяснятъ мягко и вразумительно, какъ она ошиблась и отъ какого зла и несчастія онѣ ее избавили.

— Такъ хотите примѣрить мой мундиръ?—спросила ее начальница съ тихой улыбкой.

— Примѣрю,—кротко выговорила Проскурина.

— Лучше будетъ. Ничего! Обойдется; только не возражайте ему, пожалуйста.

Опять раздался призывный аппаратъ. Проскурина побѣжала къ аппарату и съ новымъ чувствомъ, почти радостнымъ, начала вытягивать бумажную ленту и разбирать текстъ все такихъ же скучныхъ депешъ.

VII.

На дворѣ опять лютый морозъ. Курьеръ Прицѣловъ, уже къ полудню, отморозилъ себѣ лѣвое ухо, сильно выпилъ и валяется въ кухнѣ на лежанкѣ. Другой курьеръ не возвращался еще, а депешъ накопилось множество.

День былъ праздничный, съ именинницами. Къ седьмому часу вечера Надеждѣ Львовнѣ разломило спину. Она не ожидала такой работы. Дежурила она одна; начальница обѣдала у родственниковъ.

То и дѣло звякала входная дверь и впускала подателей. Морозный воздухъ такъ и гулялъ изъ передней въ тотъ уголъ, гдѣ стоитъ аппаратъ. Какъ она ни кутается въ платокъ, не можетъ настолько согрѣться, чтобы не чувствовать змѣекъ вдоль спины. Нѣсколько разъ принималась она пить чай, но и чай не грѣетъ.

Въ головѣ у нея нѣтъ никакихъ мыслей. Она не жалуется самой себѣ на тягость и тоску дежурства. Ей хочется одного: успѣть управиться со всѣми депешами. Ни-

кто ей не поможетъ. Она не сердится и на то, что начальница проводитъ пріятно время въ гостяхъ. Одной ей легче. Были бы только лишніе разговоры и помѣха въ службѣ.

Протянулась всего недѣля, а она уже не прежняя Надежда Львовна Проскурина, гордая барышня, свысока смотрѣвшая на всѣхъ своихъ сослуживцевъ, не желавшая мириться со своей тусклой долей.

Ничего особеннаго не произошло. Начальство ограничилось отеческимъ внушеніемъ. Карпинскому былъ сдѣланъ строгій выговоръ. Но на нее иначе стали смотрѣть. Сплетня о драгунѣ пришлась всѣмъ по-сердцу. Она знаетъ, что у нея теперь репутація не лучше, чѣмъ у Копчиковой. Да вдобавокъ ее ругаютъ всѣ за „ябедничество“. Выговоръ Карпинскому разнесся. Этого телеграфиста считаютъ „порядочною дрянью“, а все-таки называютъ ее „шпіонкой“.

Разомъ она смирилась, и чувство опасности быть выгнанной, остаться безъ *вѣрнаго* заработка еще сильнѣе овладѣло ею. Визитъ къ Старковымъ показалъ ей, что и тамъ какъ будто о чемъ-то пронюхали. Она рѣшила больше не бывать у нихъ.

Дежурить она стала съ новымъ рвеніемъ, не возмущалась, не разсуждала, не дразнила себя, а цѣплялась каждый день все сильнѣе и сильнѣе за свою работу, которую еще такъ недавно звала „идіотской“.

Дверь изъ сѣней звякнула робко.

Проскурина не подняла голову. Она скоро, но отчетливо писала карандашомъ текстъ депеши: „Соня поправляется, докторъ обѣщаетъ, что эксудатъ“...

На этомъ словѣ она немного остановилась и перечла его еще разъ на лентѣ аппарата.

„Что эксудатъ,—повторяла она беззвучно губами,—скоро всосется“.

Кто-то чуть слышно кашлянулъ. Она повернула голову и карандашъ остановился.

— А! Это вы, Степановъ!

Онъ снималъ съ себя шарфъ и клалъ его вмѣстѣ съ фуражкой на столъ. Полудѣтское лицо его, румяное отъ мороза, съ капельками слезъ на рѣсницахъ, улыбалось ей робко и выжидательно.

Она поглядѣла на него ласковѣе обыкновеннаго.

„Этотъ преданъ мнѣ“,—подумала она, и ей стало его

жаль и совѣстно за то, какъ небрежно и горделиво обращалась она съ нимъ.

— Хотите чаю? Озябли? — спросила она все еще строговатымъ голосомъ, но глаза смотрѣли на него привѣтливо.

— Не откажусь, если имѣется.

— Вы откуда?

— Шелъ поблизости, Надежда Львовна; зайду, думаю, нынче день страдный. Помогу немножко.

— Вотъ какъ!

„Добрая душа,—подумала она, — не мнѣ чета, а я его не лучше Прицѣлова третирую!"

— Позволите?—спросилъ онъ, заходя за перила.

— Пожалуйста! У меня спину разломило совсѣмъ.

Онъ обтеръ платкомъ глаза, высморкался и сѣлъ на ея мѣсто, подобравъ тихенькимъ жестомъ полы своего форменнаго сюртука.

Она вся потянулась, прошлась раза два по комнатѣ широкимъ шагомъ, потомъ сходила на кухню распорядиться чаемъ и посмотрѣть, не выспался ли Прицѣловъ настолько, чтобы отправить его въ разносъ.

Степановъ сидѣлъ и старательно передавалъ депеши.

— Пустите меня!— сказала ему Проскурина. — Не всѣ депеши переданы. Сядьте сюда.

Онъ такъ же тихо продолжалъ свою работу и на другомъ мѣстѣ. Имъ подали чаю. Оба молча отхлебывали, и одна стучала ручкой, другой задѣлывалъ пакеты.

— Надежда Львовна! — первый заговорилъ Степановъ.

Голосъ его слегка дрогнулъ.

— Слушаю,—откликнулась она весело, почти дурачливыми звуками.

— Вы, пожалуйста, теперь не извольте безпокоиться.

— О чемъ?

— Да вотъ насчетъ этого самаго... прохвоста!..

Онъ покраснѣлъ и остановился.

— Извините,—поправилъ онъ себя.—Слово у меня вырвалось нецензурное, но, право, я иначе выразиться о немъ не могу.

— О комъ это?

— Да о Карпинскомъ...

Брови ея быстро сдвинулись. Онъ это замѣтилъ и сталъ тяжелѣе дышать.

— Я не могъ выносить всей ихъ пакостной болтовни...

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите?—прервала она его.

— Простите... только я для успокоенія.

Она заслышала слезы въ его голосѣ. Это ее тронуло.

— Ну-те, ну-те... разскажите толкомъ.

Степановъ пріободрился, подпялъ голову и отеръ лицо платкомъ.

— Простите, что я позволилъ себѣ, не доложивъ вамъ, дѣйствовать; но вы меня, Богъ милостивъ, и оправдаете.

Это „Богъ милостивъ" очень ей понравилось.

— Зачѣмъ такое предисловіе, Степановъ?

Ей захотѣлось даже разсмѣяться, но лицо у него было страдальческое и выражало такую безпредѣльную преданность, что, сдѣлай она жестъ, — онъ сталъ бы цѣловать слѣды ея ногъ.

„Этотъ умѣетъ любить. Этотъ не измѣнитъ", — думалось ей.

— Я слыхалъ,—порывисто заговорилъ Степановъ,—какія онъ позволяетъ себѣ рацеи тамъ, на центральной, и въ пріятельской компаніи. Также и госпожа Копчикова. Ну, да та—особа женскаго пола... Съ ней я не могу такъ... А къ этому я пошелъ прямо и, зная достаточно, какая въ немъ душонка... Мнѣ—вы не изволили слышать — выходило хорошее мѣсто въ губернію... Я ему и говорю: уступаю, молъ, тебѣ, и чтобъ духу твоего не было на Москвѣ! Ежели на это не согласишься, такъ будешь дѣло имѣть со мною, за всѣ твои гадости. Нужды нѣтъ, что я смирный, изъ крестьянскаго сословія, а я тебя доѣду!..

— И что же онъ?—вырвалось у Проскуриной.

Она приподнялась, и глаза ея стали мягче.

— Согласился. Вотъ и все! — громче выговорилъ Степановъ и тряхнулъ головой. — Какъ я разсчиталъ, такъ оно и вышло. Еще бы!

Степановъ поднялъ и сжалъ кулакъ. Лицо его проявляло несокрушимую волю.

„Убьетъ, скажи я только слово!"—подсказала себѣ Проскурина.

— Теперь однимъ пакостникомъ меньше. Я бы не сказалъ вамъ ни слова, Надежда Львовна, если бъ не затѣмъ, чтобъ васъ успокоить. А за мою смѣлость простите.

Голова его низко была опущена надъ столомъ. Онъ ждалъ ея слова и затаилъ дыханье.

Какимъ лучомъ нежданнаго счастія озарила бы она его, если бы поцѣловала въ голову!

Развѣ онъ не стоилъ такой ласки?

— Спасибо, Сергѣй Павловичъ!—выговорила она, впервые назвавъ его по имени и отчеству.

— Вы не будете гнѣваться на меня?

Дѣтскіе глаза, боязливые и блаженные отъ прилива затаенной страсти, умильно глядѣли на нее.

Ей захотѣлось плакать.

— Что вы! — прошептала она и протянула ему руку пріятельскимъ жестомъ.

Онъ порывисто схватилъ эту бѣлую, крупную руку и жарко поцѣловалъ ее; слезы брызнули изъ его глазъ.

Она прикоснулась губами къ его волосамъ.

Ни одной секунды не подумала она о томъ, что все это, можетъ-быть, подходъ, игра въ преданность глуповатаго, но хитраго ловеласа, такого же—кто его знаетъ!—испорченнаго, какъ и офицеръ Двоеполевъ. Она почувствовала, какъ Степановъ замеръ отъ нестерпимаго счастія.

— Ничего мнѣ не надо,—шепталъ онъ,—кромѣ одного вашего взгляда. Я знаю себѣ цѣну... вижу—кто вы и кто я.

— Вы гораздо лучше меня!

И ей неудержимо захотѣлось разсказать ему свою исторію съ драгуномъ, покаяться ему въ чванствѣ, бездушіи, глупой и черствой фанабеpіи обѣднѣлой барышни, презиравшей всѣхъ, кто вмѣстѣ съ нею, на одной и той же службѣ, добывалъ себѣ кусокъ хлѣба.

Степановъ тихо плакалъ, отвернувъ отъ нея голову. Онъ не могъ сразу взяться за работу. Но черезъ десять минутъ они оба дѣйствовали около аппарата, улыбались другъ другу, и ихъ разговоръ часто прерывалъ задушевный, молодой смѣхъ.

„Что жъ!..—думала дѣвушка,—отъ меня зависитъ еще больше осчастливить его. Онъ можетъ быть моимъ мужемъ; я не потеряю мѣста,—напротивъ, вдвоемъ, будетъ гораздо лучше. Я сдѣлаюсь хорошей „юзисткой“; Адель Андреевна утомится, лѣтъ черезъ пять; на этой станціи меня могутъ назначить начальницей... Сорокъ пять рублей, квартира, дрова, освѣщеніе, два курьера“...

И рука ея, твердо стуча ручкой аппарата, какъ бы ощущала прочность своего дѣла и цѣплялась за него изъ всѣхъ силъ.

Оглавленіе X тома.

стр.

Поумнѣлъ. Повѣсть 3

Измѣнникъ. Повѣсть. 134

„Морзъ“ и „Юзъ“. Разсказъ. 252

СОБРАНІЕ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

РАННІЕ ВЫВОДКИ.

(повѣсть.)

(Памяти М. В. Авдѣева.)

I.

Дѣвочка-подростокъ, съ виду — лѣтъ подъ пятнадцать, вышла на крыльцо длиннаго, дощатаго, со стеклами, хода, заслонила отъ солнца глаза рукой, оглянула дворъ и крикнула густымъ, совсѣмъ уже не дѣтскимъ голосомъ:

— Епифанъ! Гдѣ Гамлетка?

Отвѣта ни откуда не было. Обширный дворъ, въ эту минуту, обдавала жаркая іюльская тишь. Отъ того мѣста, гдѣ стояла дѣвочка, поднималось другое крыльцо, съ деревянной „галдарейкой", пристроенное къ каменному, низменному дому. Зеленая крыша его, вся облитая свѣтомъ, радостно жарилась на солнцѣ. Красные кирпичики стѣнъ, съ большими штукатуренными наугольниками, пестрѣли по бокамъ галдарейки, откуда сходили двѣ лѣстницы съ яркими точеными балясинами. Все было точно вылощено и вымыто. Дворъ—ровный и чистый—шелъ полукружіемъ. Отъ главнаго крыльца сторонились, уходя вглубь, людскія службы, сарай, двѣ конюшни, коровникъ, выкрашенные въ веселую, сиреневую краску. Еще правѣе, около воротъ—четырехугольникъ, огороженный деревянной рѣшеткой, съ свѣтло-зелеными столбиками и бѣлыми шарами на углахъ. Черная, взрыхленная земля виднѣлась сквозь рѣшетку. Кусокъ жирной почвы рѣзко выступалъ на глинистомъ, ровно убитомъ, красно-

ватомъ грунтѣ двора. Домъ заворачивалъ влѣво и глядѣлъ маленькими квадратными окошками антресолей поверхъ стекляннаго хода. Совсѣмъ влѣво, другой его фасадъ выходилъ въ густой палисадникъ, тоже съ зеленой рѣшеткой и съ большой каменной террасой, обтянутой полосатой парусиной.

— Епифанъ, а Епифанъ! — крикнула громче дѣвочка, отняла руку ото лба и наморщила правую бровь.

Ей всякій бы далъ пятнадцать лѣтъ; а ей всего съ апрѣля пошелъ тринадцатый. Крѣпко, широко и дебело сплоченъ былъ ея корпусъ. Стòило, въ воображеніи, увеличить нѣсколько размѣры, и получилась бы женщина, вполнѣ сформированная. Ровный, бѣлый, съ чуть замѣтными веснушками, цвѣтъ припухлаго лица отъ загара сдѣлался золотистымъ. Все въ немъ было крупно: и сѣрые съ мясистыми вѣками глаза, немного навыкатъ, и полный ротъ, и круглый подбородокъ съ глубокой ямочкой посрединѣ, и несложившійся еще носъ, и уши, немного оттопыренныя сверху. Свѣтлые, плоскіе, тугіе волосы, заплетенные въ двѣ косицы, точно стягивали черепъ. Шея, открытая четырехугольной выемкой лифа, атласистая и выпуклая, переходила въ грудь, удивительно высокую для такого возраста. Руки были наполовину обнажены засученными короткими рукавами розоваго платья изъ плотнаго полосатаго оксфорда. Платье сидѣло, какъ на взрослой, чуть-чуть выше пятокъ, сшитое по-новому, съ длинной тальей и рядомъ пуговицъ вдоль спины. Оно рѣзко выказывало нарождающіяся формы дѣвочки. Кисти рукъ и локти еще краснѣли. Ноги, обутыя въ открытые черные башмаки съ вырѣзами, подходили къ большимъ размѣрамъ ея назрѣвающаго тѣла. Зато онѣ стояли на половицѣ крыльца прочно, смотрѣли носками въ разныя стороны, щеголяли крутымъ подъемомъ и тонкой вязкой ступни у щиколки. Цвѣтные чулки сквозили между вырѣзами башмаковъ.

Не дождавшись отвѣта, дѣвочка прикрыла опять глаза ладонью и побѣжала, тяжело ступая и подгибая колѣна, черезъ дворъ, въ сторону конюшни. Между коровникомъ и конюшней открывался узкій проходъ. Въ глубинѣ его былъ навѣсъ, отгороженный заборчикомъ, съ сквозной калиткой. Тамъ стоялъ теленокъ, сизой шерсти, уже порядочно откормленный. Какъ только онъ увидалъ дѣвочку—тотчасъ просунулъ голову и мягко замычалъ. Мра-

морпая, влажная морда зашевелилась, ища подачки, розовыя поздри раздулись, хвостъ весело закрутился на спину.

— Гамлетушка!—любовно окликнула она, отворила калитку, вывела теленка и стала его обнимать; а онъ все обнюхивалъ мордой, не дастъ ли она ему хлѣбца изъ своей пухленькой, бѣлой ладони.

— Нѣтъ у меня ничего, нѣтъ; а ты пойдемъ, пойдемъ къ намъ... Тамъ мы тебя покормимъ... и кашки, и всего, всего...

Правой рукой она обхватила тонкую шею теленка и точно подъ ручку повела его къ крыльцу. Онъ не сопротивлялся, только безпрестанно спотыкался и ступалъ не той ногой, какой слѣдовало.

Дверь на крыльцо стекляннаго хода была настежь растворена. Дѣвочка ввела своего питомца подъ навѣсъ, а оттуда и въ длинную галлерею. Не въ первый разъ приводилось Гамлеткѣ ходить по полу: онъ началъ ступать твердо, весело, поднималъ морду и встряхивалъ округлыми ушами. Не доходя до двери, ведущей въ комнаты, дѣвочка втолкнула Гамлетку вправо, въ узкую дверку—и оба очутились въ палисадникѣ, около каменной террасы.

— Муза, Муза!—позвала она нараспѣвъ, по направленію къ террасѣ, и потянула теленка къ кустамъ, гдѣ на скамейкѣ стояло небольшое корыто съ какимъ-то бѣлесоватымъ кормомъ.

— Что тебѣ?—отозвался изъ-за большого куста бузины густой и низкій, дѣвичій голосъ.

— Сойдите сюда... и Василія Семеныча шлите... Что вы тамъ забились... Вѣдь конченъ урокъ. Я ему Гамлетку отрекомендую.

И Юленька (такъ звали ее) начала опять ухаживать за теленкомъ, подставила ему корытцо и гладила его рукой по бокамъ, смѣясь и слѣдя за тѣмъ, какъ его кожа вздрагиваетъ продольнымъ трепетомъ...

II.

Съ террасы спустились ея двѣ сестры, Лидія и Муза; а за ними молодой человѣкъ, Банарцевъ, только что дававшій урокъ младшимъ двумъ сестрамъ. Самая старшая, Лидія, была головой ихъ выше, но такого же сложенія и поразительнаго сходства въ лицѣ. Она смахивала чуть

не на замужнюю женщину, несмотря на свои девятнадцать лѣтъ. Еще годъ, и ея полнота должна была перейти въ толщину. У всѣхъ трехъ сестеръ были свѣтлые, точно двуцвѣтные волосы, сѣрые глаза, круглые подбородки, сверху оттопыренныя уши. Только вторая, Муза, выдѣлялась немного приземистой фигурой и высокимъ подъемомъ плечъ. Двѣ младшія сестры одѣты были одинаково; а старшая—въ батистовое, песочнаго цвѣта платье, сшитое такъ же ловко и въ обтяжку, какъ и у Юленьки. Короткіе рукава съ кружевцами открывали ея блестящія, налитыя руки. На груди былъ такой же вырѣзъ. На шеѣ висѣлъ медальонъ. Отъ нихъ самихъ и отъ ихъ платьевъ шелъ запахъ свѣжаго молодого тѣла, чистаго, крахмаленнаго бѣлья и чуть-чуть жасминной помады.

— Василій Семенычъ!—позвала Юленька,—да подойдите же сюда. Вы еще не знакомы съ моимъ Гамлеткой.

Она обращалась съ нимъ, какъ съ пріятелемъ, да и видно было, что онъ въ домѣ—свой человѣкъ и слишкомъ молодъ, чтобы играть роль учителя. Некрасивое лицо его, смугловатое, несовсѣмъ чистое, съ нахмуренными бровями, скрашивалось взглядомъ темнокарихъ глазъ и очертаніями большой головы съ длинными черными волосами, которые онъ, сойдя въ палисадникъ, привычнымъ движеніемъ закинулъ за уши. Худощавость его была еще юношеская, почти ученическая; но широкія, мужественныя плечи, тонкіе усы, кисти рукъ, выраженіе лба—все это говорило, что ему лѣтъ довольно, да и по душевному складу онъ—уже давно не мальчикъ. На немъ кое-какъ сидѣло измятое парусинное пальтецо, поверхъ узкихъ суконныхъ панталонъ, по всѣмъ признакамъ—отъ гимназической форменной пары.

— Какъ вы его прозвали? — спросилъ онъ, улыбаясь довольно большимъ ртомъ съ мелкими, желтоватыми, крѣпкими зубами.

— Гамлеткой, — повторила старшая сестра, низкимъ, совсѣмъ мужскимъ голосомъ.—А вамъ, поди, не нравится?

— Какъ же это вы, Лидія Сергѣвна, позволили теленка прозвать Гамлетомъ?

— Что же такое?—протянула Лидія.

— Не хорошо-съ... ужъ это больно реально... Вѣдь принцъ датскій скорбѣлъ... за все человѣчество...

— Ахъ, полноте!—закричала Юленька, тыча морду теленка въ корыто,—у насъ давно, еще пять лѣтъ будетъ,

такой же теленокъ родился, и тогда дяденька, Павелъ Григорьичъ, его Гамлеткой прозвалъ... Ужасно ловко звать: Гамлетка, Гамлетка!

Она начала обнимать теленка и цѣловать въ бѣлую звѣздочку между рогами.

— Вы все въ сурьёзъ, Василій Семенычъ, — лѣниво и ласково промолвила Лидія,—вѣдь ужъ насъ вамъ не передѣлать: каковы въ колыбелькѣ, таковы и въ могилкѣ... Муза, что жъ ты новымъ-то вареньемъ не угостишь... скряга какая! Только бы тебѣ копить.

Вторая сестра стояла поодаль, въ неподвижной позѣ. Глаза ея куда-то ушли; но не мечтательно; скорѣе уперлись во что-то. Она, навѣрно, обдумывала, въ эту минуту, что-нибудь хозяйственное. Голова ея, съ высокимъ и круто свернутымъ изъ косъ шиньономъ, наклонилась на бокъ. Грудь тихо и сладко дышала, поднимая воротъ лифа. Ей было всего пятнадцать лѣтъ, но она смотрѣла уже зрѣлой невѣстой и давно носила длинныя платья.

При словѣ „варенье“ она покраснѣла сразу, во всю щеку, и сѣрые, мало подвижные глаза заискрились.

— Я — скупая! — откликнулась она почти такимъ же низкимъ голосомъ и такъ же медленно, какъ и Лидія.— Кто это сказалъ? Оттого, что я Юлѣ объѣдаться не даю?.. Такъ ее и такъ рвало...

Она оглянулась на Банарцева и точно застыдилась несовсѣмъ нарядного слова.

— Ей-Богу, Василій Семенычъ, — оживленнѣе продолжала она, — Юленька такъ клубничныхъ пѣнокъ наѣлась, что ее два дня сряду тошнило... Правду я говорю, Юля?

— Мамочка ты моя, милая, — приговаривала Юленька, лаская Гамлетку, — погоди, я тебѣ молочка сейчасъ принесу.

Въ жару заботъ, она и не слыхала вопроса сестры.

— Ну, считаться вамъ нѐчего,—рѣшила Лидія тономъ старшей.—Поведи насъ къ себѣ въ кладовую... Мы тамъ увидимъ, скупа ты или нѣтъ; а Юля пускай тутъ Гамлетку облизываетъ.

Муза подняла сбоку правой рукой юбку, которая очень плотно обхватывала ей бедра, и торопливо пошла на террасу, сказавъ имъ на ходу:

— Ты, Лидія, пройди галлереей; а я сбѣгаю за ключами и блюдечекъ захвачу.

Ея круглая фигура обогнула кустъ бузины и скрылась. Лидія съ Банарцевымъ прошли черезъ дверку въ галлерею — она впереди, и взяли направо, въ широкія, дощатыя сѣни, гдѣ ихъ обдалъ смолистый запахъ свѣжаго сосноваго тёса. Сквозь щелки, между тёсомъ, проскользали лучи свѣта и шли по полу полосами, въ которыхъ играла чуть замѣтная пыль.

Въ углу дощатая же дверь, съ висячимъ, тяжелымъ замкомъ и просвѣтомъ сверху, вела въ кладовую.

— Вотъ это—владѣнія Музы,—промолвила все такъ же медленно Лидія, прислонившись къ косяку и мягко оглядывая своего спутника.

Онъ на нее не смотрѣлъ. Вообще, онъ былъ гораздо тревожнѣе ея; а въ ней точно все давно уже улеглось и текло изо-дня-въ-день тихой и сильной волной растительной жизни.

— Будто ужъ она ничѣмъ другимъ и не заинтересуется?—спросилъ онъ, какъ бы про себя.

— Вамъ ближе знать: вы съ ней два года работаете.

— Муза Сергѣвна старательна.

— Что ей прикажутъ — выучитъ; а ученой вы ни изъ одной не сдѣлаете—будьте покойны. Вотъ варенье и сушенье, это—ея страсть.

Въ тонѣ Лидіи слышалась легкая насмѣшка, но не надъ сестрой, а скорѣе надъ нимъ или надъ чѣмъ-то, что̀ она давно оспаривала въ разговорахъ со своимъ ровесникомъ.

III.

Съ радостнымъ лицомъ вернулась Муза, держа въ одной рукѣ связку ключей, а въ другой—два стеклянныя блюдечка и двѣ чайныя ложки.

— Посмотрите, какъ у меня хорошо, — нѣсколько запыхавшись выговорила она.—Какой запахъ... чудо!.. Тутъ у меня варенье остываетъ, которое только что сварено.

— Василія Семеныча все это очень, поди, мало интересуетъ, — вбокъ замѣтила Лидія, пока Муза отпирала замо́къ, дѣловито ввинчивая ключъ.

По лбу у ней пошли маленькія морщинки, и ротъ немного скосился. Большимъ, красивымъ пальцемъ она ловко отомкнула дугу замка́ и отворила одну половинку двери.

Изъ прохладной и темной кладовой пахнуло вареньемъ и всякими снадобьями: розовымъ цвѣтомъ, яблоками, ко-

рицей, французскимъ черносливомъ, еще чѣмъ-то прянымъ. Банарцевъ проникъ туда вслѣдъ за обѣими сестрами и прищурился, осматривая полки, кадочки, ящики, разную провѣсную снѣдь.

— Грибы-то у насъ еще прошлогодніе, — указала ему Муза на нѣсколько связокъ сухихъ бѣлыхъ грибовъ, свѣшенныхъ съ потолка. — Нынче грибовъ совсѣмъ нѣтъ. Вотъ мамаша, не знаю, привезетъ съ хутора, не знаю — нѣтъ. Къ бѣлымъ-то на базарѣ приступу нѣтъ, мнѣ сами бабы говорили; однѣ сыроѣжки, да маслёнки... Грузди будутъ и рыжики... да тѣ позднѣе... за рѣкой.

Пока она все это степенно и очень вкусно выговаривала, Лидія подозвала Банарцева къ двумъ большимъ мискамъ, прикрытымъ кисеей.

— Вотъ этого-то она намъ не показываетъ—небось,— весело вскричала она,—а все насчетъ грибковъ прохаживается. Ну-ка, ну-ка, Муза Сергѣвна, извольте развязать эти великолѣпія... Тутъ что̀?

— Тутъ розовый цвѣтъ; только его, кажется, переварить придется: жйдокъ что-то.

— Мы это разсудимъ съ Василіемъ Семенычемъ. А въ этой вотъ мискѣ?

— Клубника. Кажется, хорошо. Мамаша до четырехъ разъ варитъ... да этакъ очень ужъ густо выходитъ. Я и ванили кусочекъ припустила.

Старательно сжавъ губы, начала Муза развязывать миски. Для этого она встала на одно колѣно—миски помѣщались на скамейкѣ—и оглядѣла ихъ сперва со всѣхъ сторонъ, точно хотѣла удостовѣриться, не дотрогивался ли кто до варенья, тайко̀мъ отъ нея. Не спѣша, развязала она узлы и тихонько откинула кисею съ каждой миски. Лидія и Банарцевъ глядѣли на нее улыбаясь. Имъ обоимъ сдѣлалось весело и уютно среди этихъ ящиковъ, полокъ, банокъ, связокъ сушенья. У обоихъ явилось почти одновременно какое-то пріятно щекотанье, подъ которое и стоя легко можно было бы задремать.

— Не угодно ли?—поднесла Муза первому Банарцеву блюдечко съ розовымъ цвѣтомъ.

— Куда же вы столько!.. Чуть не черезъ край! — разсмѣялся онъ, берясь за ложечку, — да я и не большой охотникъ.

— Это чтобы я ее въ скупости не уличала,—замѣтила чрезъ его плечо Лидія, поддразнивая сестру своимъ го-

лосомъ,—вы не съѣдите, я съѣмъ, а я не съѣмъ—Муза все обчиститъ.

— Лидочка!

— Нечего жантильничать... Ты отчего такъ и пристрастилась къ хозяйству. По цѣлой двухфунтовой банкѣ можешь истреблять въ одну ночь! Вотъ мы съ Музой Сергѣвной каковы!

— Ка̀къ, въ одну ночь? — спросилъ Банарцевъ, и съ нѣкоторымъ усиліемъ проглотилъ густую кашу изъ розовыхъ лепестковъ.

— А вы не знаете этихъ талантовъ за вашей ученицей?

— Лидія!.. Гадкая!..

Муза не на шутку начала сердиться. Она всегда страдала отъ спокойнаго юмора старшей сестры и нѣсколько разъ сбиралась ее „ненавидѣть“, но, по мягкости нрава, не могла.

— Не хочешь ли мы допросимъ Юленьку? Она—ангельская душа, лгать не умѣетъ. Она своими глазами видѣла, какъ Муза Сергѣвна изволили тихонько подъ постель поставить банку съ черной смородиной... А на утро только на донышкѣ осталось... И ничего—какъ встрепанная была на другой день.

Всѣ трое расхохотались. Муза только покраснѣла слегка и тотчасъ же наклонила голову надъ второй миской.

— А вотъ клубника... Ужъ за это варенье я постою. Василій Семенычъ... Вкусно? Вы еще ложечку... Развѣ такъ ѣдятъ?

— Покажи-ка, покажи, — заговорила Лидія, подходя близко-близко къ Банарцеву и беря у него изъ рукъ блюдечко.

— Какъ же я буду показывать... Ты сама всё съѣшь.

Лидія начала ѣсть аппетитно и степенно и въ три-четыре пріема обчистила блюдечко.

— Вы видите, Василій Семенычъ: должно-быть, я одна ѣмъ варенье, а Лидія Сергѣвна не умѣетъ совсѣмъ!

Ка̀къ ни старалась Муза придать своей фразѣ язвительности, но это ей не удалось.

— Сладкій ужъ очень здѣсь запахъ, — замѣтилъ Банарцевъ и потянулъ въ себя струю воздуха.

— Пожалуй, и затошнитъ, — прибавила Лидія и круто повернулась къ двери. Каблуки ея прюнелевыхъ боти-

нокъ скрипнули, и даже матерія на лифѣ издала маленькій трескъ.

— На славу угостили, — сказалъ, уходя, Банарцевъ и носовымъ платкомъ утеръ себѣ ротъ. Онъ еще разъ оглянулъ кладовую, улыбнулся своей ученицѣ и, сгорбившись— привычку эту онъ давно уже имѣлъ — пошелъ опять вслѣдъ за Лидіей.

Муза осталась покрывать свои миски, потрогала связки сушеныхъ яблоковъ и грибовъ, взяла въ углу, въ открытомъ кулечкѣ, щепоть сухого, зеленаго горошку — она любила его грызть пуще варенья — и заперла чуланъ такъ же внимательно и дѣловито, какъ и отпирала его. Звукъ замка̀, когда она выдергивала винтовой ключъ, каждый разъ давалъ ей какое-то особое чувство довольства. Она уже воображала себя полной хозяйкой. И никуда ей не хотѣлось вонъ изъ такого же точно дома, какъ этотъ, гдѣ было бы все подъ рукой, гдѣ круглый годъ можно дѣлать запасы, уставлять кладовую, ледникъ и погребъ банками и баночками съ вареньемъ, кадочками и кадушками, боченками и бочками съ разной соленой и моченой ѣдой.

IV.

— Вы у насъ не посидите немножко?

Лидія спросила это небрежно; но ей хотѣлось удержать Банарцева, какъ обыкновенно, послѣ урока сестрамъ.

Они стояли въ очень большой комнатѣ, выходящей на террасу и раздѣленной пополамъ аркой съ колоннами. Первая, ближайшая къ балкону половина отдѣлана была „залой“, а часть за колоннами—„гостиной“. Такое устройство часто попадается въ губернскихъ городахъ. Прохладно и какъ-то особенно пріятно чувствовалъ себя каждый въ этомъ покоѣ. Цвѣтныя шторы пропускали голубоватый свѣтъ. Мёбель за колоннами стояла свѣтло-синяя, изъ шелковаго репса. Въ углахъ много цвѣтовъ. Надъ каждымъ окномъ по клѣткѣ съ канарейками. У одной изъ боковыхъ стѣнъ — огромный орѣховый шкапъ съ зеркаломъ, новой, петербургской работы. Противъ него — другой, поменьше, штучный, весь въ стеклахъ, переполненный фарфоромъ и хрусталемъ.

— Я тороплюсь, — переминаясь отвѣтилъ Лидіи Банарцевъ.

— Куда же это?..

Она усмѣхнулась своимъ крупнымъ, пасмѣшливымъ ртомъ.

— Нужно. Соблаговолите газетку, если свободна.

— Что это вы, Василій Семенычъ... какъ выражаетесь сегодня?.. Точно мы—какіе судейскіе... Соблаговолю, приготовила вамъ два номера... Да не хотите ли еще? Иллюстрація пришла.

— Есть что-нибудь съ Дуная... виды?

— Я еще хорошенько не просмотрѣла.

Лидія видимо задерживала его. Онъ стоялъ передъ ней въ неловкой позѣ и поглядывалъ бочкомъ на ломберный столъ, гдѣ у него лежала фуражка, парусинная, съ холщевымъ козырькомъ.

— Ну, ужъ воля ваша,—оживленно вскричала Лидія.— Я вамъ покажу и свой департаментъ. Подите-ка сюда.

Она взяла его за руку и повела въ гостиную, къ большому шкапу съ зеркаломъ, отъ котораго во всѣ стороны расходился блескъ. Банарцевъ увидалъ себя въ немъ во весь ростъ, рядомъ съ фигурой Лидіи. Она показалась ему такая роскошная, смѣлая, увѣренная въ своемъ безмятежномъ довольствѣ. За себя ему даже стыдно стало: и пальтишко его поднялось и смялось, и потертые панталоны прикрывали худыя ноги съ поджатыми колѣнами, и горбился онъ страшно, и въ лицѣ было что-то кислое, хмурое, скованное...

— Я и не замѣтилъ этого шкапа,—выговорилъ онъ.

— Да вѣдь вы ничего не замѣчаете, кромѣ книжекъ и газетъ... Это мы, на той недѣлѣ, по случаю купили. Акцизный ревизоръ — онъ переведенъ въ Полтаву — все распродавалъ... Петербургской работы. Мамаша семьдесятъ рублей дала; а новый-то онъ полтораста заплаченъ... Я тутъ со своимъ добромъ расположилась.

Бережно вынула она изъ кармана портмонэ, достала изъ бокового отдѣленія маленькій, фигурный ключъ и отперла шкапъ, обернулась къ Банарцеву и глазами пригласила его насладиться тѣмъ, что̀ лежало на полкахъ. Сверху, на трехъ полкахъ разложены были дюжины салфетокъ, скатертей, чайныхъ салфеточекъ, наволочекъ, простынь, полотенецъ. На нижнихъ—переложенное въ чистую замшу серебро — ножи, вилки, ложки—новое, отливающее металлической игрой выпуклостей и лезвій. Отъ дорогого камчатнаго бѣлья шелъ тонкій, свѣжій запахъ. Лидія наклонила голову и понюхала одну изъ дюжинъ.

— Вотъ это — моя слабость, Василій Семенычъ. Выше ничего нѣтъ на свѣтѣ, какъ бѣлье... и столовое, и такое!

Ласкающимъ жестомъ погладила она верхнюю скатерть цѣлой дюжины и поправила бантикъ красной ленточки, которой перевязаны были чайныя салфеточки.

— Будто бы ужъ ничего выше и нѣтъ?—спросилъ Банарцевъ и тряхнулъ волосами.

— Вамъ этого не понять... вы все тамъ гдѣ-то витаете. Жизни вы не знаете настоящей.

Отступивъ шага на два, она съ разгорѣвшимися щеками оглядывала внутренность шкапа съ верху до низу. Онъ поглядѣлъ на нее нѣсколько удивленно.

Никогда еще онъ *такой* не видалъ ея, а ходилъ къ нимъ больше года по три раза въ недѣлю. Правда, и прежде онъ замѣчалъ, что Лидія Сергѣвна — „вся въ вещахъ"—какъ онъ выражался про себя. Но ему только теперь было вдомёкъ, что „вещи" такъ наполняли ее. Она стала втрое красивѣе: глаза блистали, грудь громко дышала, правую руку она прислонила къ раскрытой двери шкапа въ позѣ несказаннаго довольства и душевнаго равновѣсія.

Онъ хотѣлъ было возразить ей, что она сильно ошибается, что онъ знаетъ „жизнь" ужъ никакъ не хуже ея— онъ, существующій на свой „счетъ" съ тринадцати лѣтъ; но спорить съ ней, въ эту минуту, ему не захотѣлось. Такая она была цѣльная и прочная: точно мать семейства, обороняющая вереницу дѣтей, или женщина въ лѣтахъ, на плечахъ которой огромный домъ. И все-таки не лежало у него сердце къ этой прочной и самостоятельной дѣвушкѣ, не желающей ничего знать, кромѣ жизни въ домѣ, гдѣ у ней *все* есть, гдѣ она можетъ копить и укладывать свое бѣлье, любоваться серебромъ и фарфоромъ, насмѣшливо относиться къ тому, что̀ не вещи, не матерія, не денежная независимость, не спокойное, безпробудное самодовольство и себялюбіе...

— Вѣдь славно?—окликнула Лидія Банарцева.

— Хорошо-съ,—отвѣтилъ онъ несовсѣмъ пріятельскимъ тономъ.

— Вы не сердитесь... Дайте, я закрою. Извините, что обезпокоила васъ... А я-было хотѣла показать вамъ новый кофейный сервизъ. Намъ изъ Москвы прислали. Гарднера фабрики... нынѣшній, знаете, чашки такими стаканчиками. Намъ всѣмъ ужасно понравилось, да вѣдь вы—

физикусъ! Вотъ приходите какъ-нибудь въ воскресенье кофе пить, я велю въ новомъ сервизѣ подать... Сейчасъ я вамъ достану газеты; онѣ въ угловой, на столикѣ лежатъ.

— Позвольте, я самъ...

— Ничего, мнѣ полезно ходить... А вы не хотите ли покурить? Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Да я нынче отстаю.

— Что такъ?

— Дурная привычка... да и дорого.

Лидія глазами какъ будто одобрила то, что Банарцевъ отстаетъ отъ куренья. Положивъ опять въ портмонэ ключикъ отъ шкапа, она прошла уже гораздо скорѣе въ угловую комнату и принесла оттуда два нумера какой-то московской газеты.

— Вы сказывали, Василій Семенычъ,—заговорила она, подходя къ нему,—лучше бы намъ на другую газету подписаться?

— Да коли вамъ все равно... петербургскія газеты теперь куда живѣе... И депеши, и корреспонденціи... Какъ же можно!

— Намъ куда же за всѣмъ слѣдить! Мамаша привыкла вѣдомости по вечерамъ читать... больше объявленія. Эта—самая дешевая, да и листъ большой.

Банарцевъ усмѣхнулся, принимая изъ рукъ ея газетные листы.

— Смѣйтесь, Василій Семенычъ, я и сама такая.

— Не вѣрю я этому,—выговорилъ онъ, взглянувъ на нее строже обыкновеннаго.

— Чему же это вы не вѣрите?

— Чтобы вы теперь... не хотѣли знать, что̀ дѣлается тамъ...

Голосъ его немного дрогнулъ.

— Гдѣ это *тамъ?*—протянула Лидія.

— Тамъ... гдѣ звѣрства совершались... гдѣ Черняевъ. Вся Россія теперь за славянъ, а вы точно и не знаете, что Сербія воевать собралась... И у насъ выискиваются...

— Кто это выискивается? — остановила она, — добровольцы, что ли... такъ вѣдь ихъ называютъ? Скажите, пожалуйста! Одно обезьянство... Отличиться захотѣли!

— Какое же это обезьянство? — рѣзко, почти гнѣвно вскрикнулъ Банарцевъ.

— Ну, ну, не сердитесь, пожалуйста. Вольно же вамъ

со мной о политикѣ толковать! Какое мнѣ дѣло до этихъ разныхъ разностей!.. Я знаю свой домъ и не намѣрена волноваться изъ-за сербовъ какихъ-то! Что за Сербія?.. насъ въ институтѣ этому не учили, а послѣ мнѣ нѐкогда было. Я на себя смотрю, какъ на главную ключницу— вотъ и все. Да и скажите, пожалуйста: вотъ вы живете своей работой, въ университетъ сбираетесь... и тамъ опять надо учить и бѣгать, и братишку вашего поддерживать... Такъ и всякому.—Какіе тутъ сербы! Куда ни посмотришь: такая-то бѣдность, нищенство, охаютъ, жалуются... Просто свѣтопреставленія ждутъ. Гдѣ же тутъ добровольцевъ отправлять? И на какія это деньги? У кого онѣ есть?

— Комитеты помогаютъ.

— Какіе комитеты?

— Тамъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ... вы вѣдь читаете газеты...

— Да эти самые комитеты, гдѣ же они деньги-то берутъ? Вѣдь собираютъ же съ кого-нибудь?

— Вся Россія жертвуетъ.

— Ужъ не знаю, изъ какихъ такихъ благополучій!

— У кого мало—тотъ даетъ.

— Это вы въ нашъ огородецъ камешки? У насъ много, такъ мы не даемъ—такъ вѣдь?

— Я вовсе не то...

— Полноте... Вотъ вы какъ разсердились. И неправда: мамаша хотѣла послать, да я отсовѣтовала.

— Вы? — изумленно переспросилъ Банарцевъ и даже попятился назадъ.

— Собственной персоной. Такъ и сказала ей: хочешь, мама, помогать несчастнымъ, такъ лучше вонъ Ѳоминишнѣ слѣпой назначь пенсію—хоть два рубля. А то ты на войну деньги будешь давать, чтобъ больше перерѣзали народу... насчетъ русскихъ благодѣтелей!

Банарцевъ замолчалъ и взялся за фуражку. Лидія еще разъ протянула ему руку и гораздо мягче выговорила:

— Политику мы бросимъ, Василій Семенычъ. Вы меня не передѣлаете, да и вамъ вѣдь не въ добровольцы идти... И въ университетъ-то ѣхать—не шутка!

Въ звукѣ ея послѣднихъ словъ проникла явственная тревога.

— Это полегче, чѣмъ на Дунай отправляться.

— Кàкъ сказать,—задумчиво вымолвила Лидія и про-

должала:—такъ вы хоть напослѣдяхъ... почаще къ намъ заходите, а то только на урокахъ васъ и видишь.

Онъ взялся за часы и, поглядѣвъ на циферблатъ, наморщилъ лобъ: вѣроятно, времени было больше, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Торопитесь... ждутъ, вѣрно?—съ удареніемъ подсказала Лидія.

— Пора,—кратко и сухо отвѣтилъ Банарцевъ и пошелъ къ террасѣ некрасивой походкой провинціальнаго гимназиста, торопливо, съ перебираніемъ плечъ.

Лидія проводила его до палисадника.

V.

Ему хотѣлось придти на условленное мѣсто, въ городской садъ, ровно къ половинѣ шестого. Онъ каждый разъ поспѣвалъ туда къ этому времени, послѣ урока дѣвицамъ Пшенисновымъ. Сегодня онъ, отъ разговора съ Лидіей, уходилъ непріятно возбужденный. Досадно и скверно у него было на душѣ. Злобствовать на кого бы ни было— онъ не любилъ. Но не хотѣлъ онъ соглашаться съ разсужденіями этой Лидіи Сергѣвны. Что за мѣщанство! И въ молодой дѣвушкѣ, его ровесницѣ?! Имъ обоимъ, около Преображенія, минетъ по двадцати лѣтъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ шелъ совсѣмъ пустыми и пыльными, плохо мощеными улицами губернскаго города Z., мысли его укладывались. Онъ сталъ возстановлять въ своей памяти всѣ впечатлѣнія изъ дома Пшенисновыхъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ туда ходитъ. Не даромъ прозвалъ онъ его, еще въ первый мѣсяцъ своего учительства, „скитомъ“. Да, это, дѣйствительно—*скитъ*, гдѣ почти что не хотятъ ничего знать о томъ, что̀ дѣлается „на міру“, гдѣ копятъ всякую благостыню, моютъ и чистятъ, хозяйничаютъ и сидятъ сиднемъ, точно не видя ничего выше и блаженнѣе на свѣтѣ прозябанья изо-дня-въ-день, безъ тревогъ, безъ порыванiй, безъ горькихъ заботъ о кускѣ хлѣба, но и безъ поэзіи, безъ великодушныхъ помысловъ. Не зря сложилось такое семейство. Папенька служилъ, получалъ „безгрѣшные“ доходы, копилъ, умеръ отъ водяной, не выѣзжая изъ Z. Онъ настроилъ всѣ эти галдарейки, крыльца, ходы, чуланы, террасы, коровники, навѣсы; разбилъ палисадникъ и отгородилъ даже мѣсто для разведенія шампиньоновъ на дворѣ. Его самодовольно пріобрѣтательская душа перешла во всѣхъ трехъ дочерей. А

тѣло онѣ наслѣдовали отъ „мамаши", бывшей гувернантки, которая, черезъ годъ замужества, преобразилась въ пухлую, медленную, безобидную, аккуратную, губернскую барыню-наседку. Дочери росли хозяйственно, какъ растутъ и зрѣютъ парниковые овощи и шампиньоны. Лидію мать, по старой памяти, отдала въ мѣстный дворянскій институтъ года на три, а младшихъ, Музу и Юлію, по смерти мужа, воспитывала дома. Воспитаніе это идетъ само собою. Ходятъ учителя, въ томъ числѣ и Банарцевъ. Его взяли какъ перваго ученика гимназіи: оно и подешевле. Учатся онѣ не бойко, но старательно—по учебнымъ книжкамъ. Читать, даже журналовъ, не любятъ, „своими словами" мало разсказываютъ, музыки терпѣть не могутъ, сентиментальностей—никакихъ. Зато насчетъ соленья, варенья, кухни, коровъ, лошадей, телятъ, хуторского хозяйства, насчетъ варенца и простокваши, свѣжихъ и сухихъ грибовъ, бѣлья, хрусталя, фарфора и серебра — это какое-то святилище, гдѣ матерія, питательныя вещества, торжество тѣла и его безпробудное довольство доведены самою жизнью до невиданныхъ предѣловъ.

Банарцевъ, когда присмотрѣлся, не вѣрилъ даже своимъ глазамъ. Онъ съ дѣтства зналъ губернскую жизнь. Родился и выросъ тутъ, въ Z., въ семьѣ портного, обшивавшаго когда-то все „благородное дворянство". Въ чистой комнатѣ, гдѣ у отца лежали куски сукна и трико, мальчикъ слышалъ часто дворянскіе разговоры, сплетни, расчеты, дѣловыя сужденія кто какъ живетъ, по старому или по модному, сводятъ ли концы съ концами или нѣтъ, строго ли воспитываютъ дѣтей, удержатъ ли землю, отрѣзанную отъ надѣла, проѣли ли свои выкупныя свидѣтельства, или кое-что осталось?.. Вася, еще до поступленія въ гимназію, зналъ наперечетъ всѣ „дома": и старые помѣщичьи, удержавшіеся отъ крѣпостныхъ временъ, и новѣйшіе чиновничьи, пріѣзжихъ „пароходскихъ" и „банковскихъ". И отъ товарищей въ гимназіи онъ слышалъ все, что̀ дѣлается, хотя и не любилъ болтать зря. Въ классѣ, со „старшимъ", съ первымъ ученикомъ всегда охотнѣе разговариваютъ: иные поддѣлываются, лебезятъ, любятъ похвастать тѣмъ, какъ у нихъ живутъ дома; другіе начинаютъ сейчасъ зазывать къ себѣ въ гости обѣдать или чай пить, или заходятъ къ старшему послѣ классовъ—узнать „что̀ задано къ завтрему?" и тутъ еще болѣе изливаются. Такъ онъ и росъ въ воз-

духѣ губернскихъ исторій и присматривался къ семейнымъ порядкамъ во всякихъ домахъ. Съ тринадцати лѣтъ—знакомство еще расширилось: онъ сталъ давать уроки, очень много уроковъ, такъ что еле хватало времени самому готовиться, заучивать греческія спряженія, переписывать латинскія тетрадки и поддерживать себя первымъ на „первой партѣ“. Случилось такъ потому, что отецъ уже больше двухъ лѣтъ хворалъ, пролѣчилъ какія были деньжонки, домишко заложилъ; а передъ смертью его все съ молотка продали. Надо было перебраться на квартиру, распустить „молодцовъ“ и перебиваться съ хлѣба на квасъ. Вася хотѣлъ-было бросить ученье и вести портняжное дѣло съ хорошимъ закройщикомъ, но отецъ такъ разгнѣвался, что онъ насилу его успокоилъ. Матери давно не было въ живыхъ, да оставался еще на рукахъ маленькій братишка Степа. И его надо было кормить, одѣвать, помѣстить въ приготовительный классъ гимназіи: жалко ужъ очень стало отдавать его въ „мальчики“ къ мастеровому, на грубость, пьянство, побои, всяческую грязь... Цѣлыя девять лѣтъ пробылъ Василій Банарцевъ въ гимназіи, изъ-за тифа потерялъ лишній годъ—добрые люди поддержали, не дали съ голоду умереть. Весь почти городъ переучилъ онъ — больше все въ „хорошихъ“ домахъ, особливо въ послѣдніе два года, не однихъ мальчиковъ, а и дѣвочекъ, даже большихъ барышень.

Семья Ишенисновыхъ не сразу показалась ему такой своеобразной. Сначала онъ принялъ ихъ жизнь за простую барскую обломовщину. Но не прошло и мѣсяца, какъ онъ распозналъ совсѣмъ другія черты. Тутъ, въ этомъ „скиту“, пахло не помѣщичьей усадьбой, не безпробудной растительной лѣнью, на даровыхъ хлѣбахъ, не сладкимъ сномъ крѣпостничества—нѣтъ! Мать, хотя и очень толстая, сырая женщина, старательно занималась дѣлами: ѣздила часто на хуторъ, гдѣ велось большое хлѣбопашество, поддерживала домъ въ образцовомъ порядкѣ, заботилась о ремонтѣ, покупала процентныя бумаги и слѣдила за цѣной ихъ по газетамъ, думала и о томъ: кого пригласить учителемъ къ дочерямъ, гдѣ и когда купить имъ мѣховъ на салопы, полотна, матерій на платья, зимнихъ и лѣтнихъ модъ? Все это у ней вносилось въ книгу, каждая малость, и по вечерамъ она, несмотря на толщину, провѣряла счеты со старшей дочерью. Скопидомство шло безъ всякой скупости: платили хорошо, но съ умомъ, какъ слѣ-

дуетъ, поторговавшись; покупали всего много; заказывали самымъ лучшимъ мастерамъ и мастерицамъ; прислугу кормили сытно и вкусно, охотно дѣлали подарки горничнымъ, повару, кучеру; выѣзжали въ отличномъ фаэтонѣ, на откормленныхъ лошадяхъ, даже городскому пастуху приплачивали особенно, чтобъ онъ берегъ ихъ „Бурёнушку“ и „Чернавку“. Что-то купеческое, а не помѣщичье, сказывалось во всемъ веденіи дома. Никто изъ дѣвицъ сложа руки не сидѣлъ: Лидія была, какъ она сегодня прозвала себя, „главная ключница“, Муза вдалась вся, съ четырнадцати лѣтъ, въ варенье и соленье, Юленька до страсти обожала лошадей, коровъ, телятъ, куръ и каждый день захаживала, и зимой, и лѣтомъ, въ конюшни, въ птичникъ, въ хлѣвъ. Вездѣ стояла какая-то совсѣмъ ужъ не дворянская, а скорѣе раскольничья чистота. Дѣвицы занимались туалетомъ, мѣняли бѣлье чуть не каждый день; но нельзя сказать, чтобы франтили, а точно дѣло дѣлали, одѣваясь аккуратно и со вкусомъ. Младшія готовили уроки, сами исполняли мелкія работы: починить, зашить, заштопать; сами хранили и считали свой гардеробъ, ѣздили часто въ лавки, выдумывали кушанья, долго и пространно говорили о „заготовкахъ“ и запасахъ; лѣтомъ проводили вечера на воздухѣ, въ палисадникѣ или уѣзжали на хуторъ; зимой, по вечерамъ, вязали и вышивали, пересмѣиваясь между собой, ужинали плотно и рано ложились спать. Онѣ умѣли все то дѣлать, что̀ требуется отъ толковой кухарки, горничной, экономки. Барства въ нихъ Бапарцевъ не находилъ никакого—чѣмъ больше присматривался къ нимъ. Что̀ такое трудъ—онѣ точно инстинктомъ понимали, знали цѣну деньгамъ и часто вслухъ разсуждали о томъ, больше чего ни одна изъ нихъ не можетъ проживать, когда мамаша ихъ выдѣлитъ. Но, ка̀къ онъ ни старался возбудить въ своихъ ученицахъ, Музѣ и Юліи, что-нибудь похожее на умственную тревогу, на вкусъ къ работѣ воображенія, къ литературнымъ о̀бразамъ, даже къ самымъ ходячимъ *новымъ* идеямъ, которыя уже въ губернскомъ-то городѣ превратились въ мелкую, обиходную монету — ничего не выходило изъ его усилій. А ему, на первыхъ порахъ, ужасно хотѣлось „сломить эту твердыню“. Дѣвицы слушали то, что̀ онъ имъ прочтетъ на урокѣ словесности, но никакихъ собственныхъ мыслей у нихъ не являлось. Просто не въ ту сторону работала ихъ голова. Да и примѣръ старшей сестры, самостоятель-

ной, самодовольной Лидіи, дѣйствовалъ на нихъ. Обѣ чувствовали къ ней больше почтенія, чѣмъ даже къ матери: съ той онѣ обращались почти фамильярно. Для нихъ Лидія олицетворяла собой жизнь, выше которой ничего быть не можетъ. И Банарцевъ видѣлъ ясно, что каждая изъ нихъ превратится въ Лидію, съ той только разницей, что ни Муза, ни Юленька не пріобрѣтутъ ея спокойно-насмѣшливаго резонёрства. Муза останется нѣсколько задумчивой и болѣе ограниченной, а у Юленьки прирожденная доброта и мягкость, послѣ телятъ и куръ, обратятся на собственныхъ дѣтей. Обѣ знали, что учиться надо — не очень много, а сколько слѣдуетъ; въ семнадцать лѣтъ пора и успокоиться, и жить себѣ въ свое удовольствіе, ни о чемъ не тревожась, тихо, аккуратно, безъ риска, безъ скуки. О замужествѣ ни одна изъ нихъ еще не мечтала. Онѣ были увѣрены, что послѣ Лидіи и онѣ выйдутъ, если ужъ это имъ на роду написано.

Сегодняшній разговоръ съ Лидіей какъ-то особенно рѣзко оттѣнилъ для Банарцева нравственный складъ пшенисновскаго „скита". Кругомъ, въ этомъ на видъ пустомъ и мертвенномъ городѣ, шевелилось нѣчто — про то онъ зналъ доподлинно: газеты бойко продавались, шли оживленные разговоры и въ адвокатскомъ кружкѣ, и въ гимназіи, и въ присутственныхъ мѣстахъ, даже въ самыхъ темныхъ семьяхъ, гдѣ прежде не знали никакой политики. А неглупая, грамотная, богатая дѣвушка такъ безцеремонно, такимъ холоднымъ и язвительнымъ тономъ говоритъ ему, что все это — пустяки, обезьянство одно, пустая блажь!

VI.

Дума Василія Банарцева оборвалась. Онъ подходилъ къ угловымъ воротамъ городского сада, обнесеннаго старой, ржавой и поломанной рѣшёткой. Ни души не было видно на первой дорожкѣ. Жаръ туго спадалъ. Жидкіе кусты жимолисти и тщедушныя кленовыя деревья точно доживали свой вѣкъ въ этомъ заброшенномъ саду, гдѣ когда-то, лѣтъ за тридцать, бывали парадныя гулянья, съ иллюминаціями и музыкой посреди пруда, заросшаго теперь зеленой плѣсенью. Изрытая дорожка, кое-гдѣ съ кучками щебня, повела Банарцева сначала влѣво, потомъ вправо къ пруду. На проталинкѣ, съ кускомъ дерна, уцѣлѣвшаго отъ жара и пыли, подъ тѣнью двухъ развѣси-

стыхъ рябинъ, пріютилась дерновая скамейка со старой плитой, въ видѣ ступеньки.

Тутъ было всегда прохладно. Банарцевъ сѣлъ бокомъ къ пруду и вынулъ изъ кармана парусиннаго пальто два нумера газеты, полученные имъ отъ Лидіи. Онъ и дорогой хотѣлъ было проглядѣть телеграммы, да ему совѣстно стало развертывать большой листъ на улицѣ и, ходя, читать. Лидія его очень раздражила. Даже и теперь онъ не могъ еще съ полнымъ интересомъ отдаться тому, что̀ „тамъ“ происходитъ. Кругомъ стояло безмятежье послѣобѣденнаго сна. Здѣсь читать можно было на просторѣ. Банарцевъ посмотрѣлъ на часы.

„Въ десять минутъ,—подумалъ онъ:—пробѣгу всѣ депеши, и ей можно будетъ сообщить“.

Мысль о депешахъ мгновенно переполнила его тѣми ощущеніями, съ которыми онъ ходилъ вотъ уже болѣе недѣли. Когда Лидія говорила ему о его поѣздкѣ въ Петербургъ, объ университетскомъ ученіи, ему хотѣлось крикнуть ей:

— А почемъ вы знаете, что я въ студенты пойду? Быть-можетъ, я совсѣмъ не туда угожу?

Но онъ ей этого не сказалъ, да и не скажетъ: съ такой „скитницей“ нечего изливаться. Пускай она подтруниваетъ надъ „добровольцами“. Онъ рѣшилъ покончить уроки на будущей недѣлѣ.

Быстро и уже привычнымъ движеніемъ развернулъ онъ листъ и тотчасъ же попалъ глазами на рубрику съ депешами.

— Вотъ оно что̀! — вдругъ вскричалъ онъ и не могъ уже больше усидѣть на мѣстѣ, а, широко шагая, заходилъ вдоль скамейки.

Жадно поглощалъ онъ короткія фразы, и, когда дошелъ до большого столбца, остановился съ пылающими щеками.

— Еще бы, еще бы! Такъ оно и нужно было! — выговорилъ онъ опять вслухъ и даже скомкалъ газету отъ волненія.

Читать простыя извѣстія въ отдѣлѣ политики онъ уже не могъ: все вѣдь это запоздало, уходило на задній планъ. Только большой столбецъ депешъ изъ Бѣлграда опять привлекъ къ себѣ. Три раза перечелъ онъ его, послѣ чего тотчасъ сѣлъ на скамейку, скинулъ фуражку и обтеръ голову платкомъ.

Въ эту самую минуту, слѣва изъ-за кустовъ, показалась, по ту сторону пруда, темная женская фигурка. Банарцевъ поднялъ голову, вскочилъ и замахалъ платкомъ.

— Любочка! — крикнулъ онъ радостно, показывая газетный листъ.

Она сдѣлала жестъ рукой и поспѣшно пошла къ нему навстрѣчу.

Ему съ мѣста видно было, какъ она немного запыхалась, ускоряла шагъ, бралась одной рукой за юбку, путалась въ платьѣ, наклоняя безпрестанно голову и взглядывая на него изъ-подъ клеенчатой низкой шляпки. Черное люстриновое платье, съ широкимъ кушакомъ, дѣлало ее еще меньше, тоньше, сухощавѣе. Борты шляпки бросали тѣнь на маленькое, немного загорѣлое, совсѣмъ прозрачное личико со свѣтлыми, быстрыми глазками, ровными и тонкими бровями, нѣсколько вздернутымъ носикомъ и выдающимся подбородкомъ. Бѣлокурые, вьющіеся волосы выбивались на лобъ изъ-подъ шляпки. Юбку она придерживала лѣвой рукой, а въ правой у нея была цвѣтная папка, которою она помахивала, какъ дѣлаютъ гимназисты, идя по улицѣ.

— Любочка!—крикнулъ еще разъ Банарцевъ, когда она обогнула уже прудъ и была отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ.

Въ саду, въ эту минуту, и около пруда, и на ближнихъ дорожкахъ стояло полнѣйшее безлюдье. Только у берега, наискосокъ рябинъ, барахтались утки и два крупныхъ, грудастыхъ гуся.

— Запоздала сегодня, — еще на ходу заговорила дѣвушка, поправляя шляпку, отъ скорой ходьбы чуть не слетѣвшую съ маковки.—А вы, Вася, давно здѣсь?

Они встрѣтились около дерноваго дивана и крѣпко, въ нѣсколько пріемовъ, пожали другъ другу руку. Любочка говорила глуховато, груднымъ, нутрянымъ голосомъ, который обрывался часто на высокихъ ноткахъ. Вблизи она смотрѣла еще моложавѣе, почти дѣвочкой: никто бы не сказалъ, что и она — почти ровесница Банарцеву.

— Поглядите-ка, поглядите! — съ возрастающимъ волненіемъ выговорилъ онъ, указывая ей на депешу.

Любочка тоже впилась глазами въ газетный столбецъ и быстро-быстро пробѣжала его.

— Главнокомандующимъ назначенъ? — вопросительно

воскликнула она и тотчасъ же закусила губы, точно чего испугалась.

— Видите, куда оно идетъ! Теперь и Россія двинется!

— Будто вся?—пугливо переспросила она.

— Да какъ же, помилуйте! Чѣмъ это пахнетъ! Развѣ бы ему позволили? Къ нему теперь страсть сколько народу повалитъ! Герой!

— Хорошо! — страстно и сдержанно прошептала Любочка.

Они оба приблизились къ дивану и молча сѣли, все еще не отрывая глазъ отъ большой депеши изъ Бѣлграда. Въ душѣ каждаго изъ нихъ шевелились и близкія, и совсѣмъ ужъ не родственныя чувства. Банарцевъ готовъ былъ сію минуту что-то такое объявить; но ему хотѣлось и ее увлечь. Она ждала точно этого „чего-то“, боялась и сочувствовала, ждала и знала напередъ, что она не въ силахъ будетъ помѣшать, если ужъ онъ твердо рѣшилъ...

Такъ протекла длинная минута.

— Вы отъ Пшенисновыхъ?—первая спросила Любочка.

— Раззадорила меня эта Лидія!

Банарцевъ тряхнулъ волосами и нахмурилъ брови. Она чуть замѣтно улыбнулась.

— Что такъ?

— Да вотъ вы видите сами, Любочка, какое теперь время. Вѣдь онѣ получаютъ газеты—я отъ нихъ же беру. А она мнѣ вдругъ сегодня... прощается и говоритъ: всѣ, дескать, эти добровольцы и пожертвованія... это—такъ, для форсу дѣлается... Я чуть ее не обругалъ!

Еще разъ и уже замѣтнѣе улыбнулась она и выговорила:

— Такую важную барышню, да вдругъ и обругать!

— Жиромъ онѣ тамъ заросли. А ужъ эта Лидія... самая вредная личность! Обѣ сестры на нее молятся, и только то и свято, что̀ она изволитъ изречь.

Легкій румянецъ выступилъ на щекахъ Любочки изъ-подъ загара. Слова ея пріятеля, должно-быть, особенно нравились ей.

— Да ну ее къ Богу!—съ силой вскричалъ Банарцевъ и сдѣлалъ жестъ рукой, которой держалъ газету, какъ бы приглашая ее опять вернуться къ тому, что̀ должно было одушевлять ихъ обоихъ больше всякихъ толковъ о сестрахъ Пшенисновыхъ.

VII.

Низко опустила Любочка голову. Она еще напряженнѣе ждала. Банарцевъ громко вздохнулъ. У него точно что подступало къ труди.

— Мнѣ все боязно,—тихо началъ онъ,—какъ бы теперь вдругъ не остановили.

— Чего?—съ недоумѣніемъ вымолвила Любочка.

— Да вотъ всего этого.—Онъ не находилъ слова.—У насъ вѣдь испугаются сейчасъ. А какъ хорошо! Вѣдь хорошо, Любовь Гавриловна?

Онъ давно ее такъ не звалъ. Въ этомъ имени-отчествѣ Любочка почуяла что-то новое, гораздо серьезнѣе всего, чѣмъ они такъ часто дѣлились вотъ тутъ, на скамейкѣ, а то и у нихъ дома, въ осенніе и зимніе вечера.

— Я сама нахожу, что нашъ городъ совсѣмъ другой сталъ. Куда ни придешь на урокъ, сейчасъ пристаютъ: Любовь Гавриловна, разскажите, что̀ въ газетахъ? Какъ Черняевъ? Нѣтъ ли депешъ какихъ хорошенькихъ? Даже купечество, и то интересуется.

Она остановилась, замѣтивъ, что Банарцевъ опять куда-то ушелъ мыслями и плохо ее слушаетъ.

Не оборачиваясь къ ней лицомъ, онъ началъ думать вслухъ, сначала отрывисто и нерѣшительно, а потомъ все горячѣе и стремительнѣе.

— Такая минута! Никогда еще такъ не жилось. Была воля крестьянская, да малы мы были—не помнимъ ужъ хорошенько. А теперь—вдругъ! И точно всѣхъ ожгло! Легко, и себя не помнишь... сейчасъ бы свои дѣла, расчеты, ученье...

Онъ вдругъ остановился, всталъ, близко подошелъ къ ней и взялъ ее за обѣ руки.

— Ахъ, Любочка! — вскричалъ онъ. — Мнѣ вотъ и съ вами жутко—не умѣю все это выразить. Очень ужъ я засидѣлся... Оба мы съ вами сколько лѣтъ лямку-то эту тянемъ: сегодня три урока дашь, завтра — четыре; и себя-то самихъ перестанемъ скоро понимать... Нешто не такъ?..

Ей тоже хотѣлось сказать, но она боялась. Она только тихо усмѣхнулась, не довѣряя даже своему смѣху.

— Такъ, такъ, — наконецъ, вымолвила она и сильно покраснѣла.

Въ эту минуту, она хотѣла отогнать одну назойливую

мысль и не знала ка̀къ. Глаза ея остановились на гусяхъ, похаживающихъ около воды. Любочка усиленно начала слѣдить за каждымъ ихъ движеніемъ. Одинъ изъ нихъ сталъ точно кашлять, поднималъ голову и разѣвалъ ротъ.

— Вы вотъ что мнѣ скажите, — говорилъ Банарцевъ, все еще держа ее за обѣ руки, мужественнымъ, почти рѣзкимъ голосомъ, — хорошо ли это хоть бы такому балбесу, какъ я... чуть не двадцати лѣтъ малому, и сидѣть тутъ, точно барчонку какому, дожидаться поступленія въ университетъ? Мало, что̀ ли, безъ меня поступятъ и въ медики, и въ словесники, и въ естественники, и въ юристы? Пристроиться-то каждому хочется, да потомъ, на службѣ, жалованье брать! Особливо теперь... Всякій объ этомъ только и мечтаетъ. Поскорѣе бы ему курсъ кончить, да въ адвокаты или практику половчѣе завести, или на казенный счетъ за границу—на магистра держать. А нѣтъ, ты поди-ка просто, какъ теперь отставные солдаты идутъ или казаки... Вонъ я читалъ: одинъ явился въ комитетъ, а у него на груди три георгіевскіе креста! Или опять мужики простые: „для души спасенья“ — такъ и говорятъ... Вотъ это—люди, не намъ чета! И старые вѣдь, почти убогіе...

— Вы ихъ видѣли?—кротко остановила его Любочка.

— Нѣтъ, не видалъ! Здѣсь еще объ такихъ не слыхать. Да все равно, въ вѣдомостяхъ пишутъ. И не одинъ, не десятокъ, а сотни пойдутъ! Опять тоже и молодёжь... Долго ли еще ждать такого времени—вотъ что̀ вы мнѣ скажите? Когда оно повторится?

Глаза его разгорѣлись, волосы сильно понадвинулись на виски, онъ тяжело дышалъ и качался взадъ и впередъ, стоя на мѣстѣ, точно хотѣлъ сдержать порывистый размѣръ своей рѣчи.

— Что и говорить! — вскричала высокой ноткой Любочка.—Да передъ вами-то, Вася, другая дорога...

— Кто это сказалъ? Сейчасъ вотъ изволила Лидія Сергѣвна такъ точно выражаться... Вы, дескать, не какъ другіе прочіе, вамъ пора въ университетъ отправляться... Что̀ жъ это, подвигъ что ли какой? Подвигъ, я васъ спрашиваю?

— Вы не для себя одного... Будете, какъ и теперь, воспитывать Степу.

— И безъ меня не пропадетъ... Я же пропитывался съ тринадцати лѣтъ? Чѣмъ онъ лучше меня? Найдутся доб-

рые люди. А убьютъ меня — тѣмъ паче ему поддержка будетъ.

При словѣ „убьютъ“, вѣки Любочкиныхъ глазъ вздрогнули; она сдвинула брови, подняла глаза и пытливо взглянула на Банарцева.

— Вы взаправду?—медленно и раздѣльно спросила она.

— Почему жъ и не взаправду? — вдругъ очень весело и шумно вскричалъ онъ, разсмѣялся и тряхнулъ ея правую руку.

— Такъ скоро?

— А что̀ жъ годить? Только это — чтобъ между нами... Не знаю я, Любочка, что́ выйдетъ: точно ли я угожу туда, или нѣтъ, только не очень-то я высоко ставлю теперь и самую свою дорогу въ студенты—ей-Богу!..

Онъ присѣлъ рядомъ съ ней.

— Я спорить съ вами не стану, дайте обдумать!—сказала Любочка.

— Да вѣдь и я не съ бухта-барахту сдѣлаю. Только вы ужъ, честью васъ прошу, не расхолаживайте. Многое бы я перебрать долженъ насчетъ братишки и прочаго, да думать-то не хочется — не такое время... Хоть сегодняшній-то день оставьте мнѣ. Есть у меня такой человѣчекъ, ужъ чуетъ душа моя, что онъ замыселъ мой одобритъ. Авось, сегодня или завтра увижу его, коли онъ изъ деревни пріѣхалъ. Только — ни гу-гу! Ни маменькѣ, ни папенькѣ...

— Что это вы, Вася, — обидчиво, но все такъ же ласково и искренно отозвалась Любочка.—Я-то проболтаюсь?

И по выраженію ея прозрачнаго личика дѣйствительно можно было сказать, что она не проболтается.

— А теперь прощайте! — громко и дѣловымъ тономъ вскричалъ Банарцевъ, поспѣшно поднялся и подалъ Любочкѣ одну правую руку.

— Прощайте, коли такъ, — задумчиво выговорила она, также приподнимаясь.—Послѣзавтра мы съ вами объ эту же пору увидимся, или къ намъ завернете?

— Нѣтъ, ужъ къ вамъ я заходить не стану. Я денька бы на два закатился...

— Куда же это?—съ тихой усмѣшкой спросила она.

— За рѣку... Въ Ортемьевски луга́ (Банарцевъ держался мѣстнаго выговора на „о“ и часто усѣкалъ окончанія), съ охотничками, а то и одинъ.

— Ну, какъ знаете.

Она выговорила это безъ всякаго раздраженія, тономъ товарища, а не взрослой дѣвицы, претендующей на вниманіе и любезность.

— Вамъ вѣдь туда?—спросила Любочка, показывая рукой влѣво.

— Да, я черезъ Мытный Дворъ.

— До вторника.

Они кивнули другъ другу головой и, не оборачиваясь, разошлись: онъ повернулъ сейчасъ на дорожку влѣво, а она стала огибать прудъ къ заднимъ воротамъ сада.

VIII.

Съ ранней весны они три раза въ недѣлю встрѣчались тутъ послѣ уроковъ. Банарцевъ шелъ обыкновенно отъ Пшенисновыхъ, Любочка тоже „съ кондиціи", изъ одного купеческаго семейства, живущаго въ Горшечной улицѣ, за Звѣздаковымъ прудомъ. Но они оба очень бы удивились, еслибъ ихъ встрѣчи показались кому-нибудь „свиданіями". Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ они зовутъ другъ друга „Любочка"—„Вася". Банарцевъ жилъ съ ними когда-то въ одномъ домѣ, далеко, у „Богадѣльни", въ каморкѣ подъ крышей; а семейство Любочки занимало низъ. Они долго ходили вмѣстѣ въ классы, вплоть до площади. Любочка поворачивала направо и шла въ женскую гимназію, по Грузинской улицѣ; а ему надо было дойти только до угла. Случалось, что и возвращались вмѣстѣ. Такъ они и росли, изъ года въ годъ, не замѣчая того, что стали большими, женихомъ съ невѣстой. Банарцевъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ постарше ея; но она уже два года, какъ кончила курсъ — тоже съ медалью, какъ и онъ теперь — и продолжала давать уроки, что̀ она дѣлала и въ гимназіи, опять совершенно такъ, какъ и онъ.

И это ихъ всего больше сблизило. Они смотрѣли на себя во всемъ одинаково. Нужно было обоимъ добывать копейку, не для однихъ себя, но и на поддержку: ему—братишки, а ей—и всей семьи, отца съ матерью. Отецъ больше трехъ лѣтъ, какъ лишился ногъ. На своей актёрской и режиссёрской службѣ не скопилъ онъ ничего. Мать иной разъ играла урывками отъ Покрова до поста, тутъ же, на городскомъ театрѣ, ѣзжала и въ отъѣздъ, да теперь перепадать стала здоровьемъ, растолстѣла, потеряла половину памяти, опустилась; а, можетъ, и не везло ей, не могла добыть хорошихъ ангажементовъ. Любочка, съ

пятнадцати лѣтъ, впрягла себя въ учительскій заработокъ. Когда, по окончаніи курса, блеснула передъ ней мысль ѣхать въ Петербургъ, учиться высшимъ наукамъ, попытать счастья на широкой, ученой дорогѣ, она испугалась и даже пріятелю своему Васѣ запретила поминать объ этихъ „мечтаніяхъ". Они частенько, перебирая свою долю, повторяли:

— „Овому—талантъ, ȍвому—два".

И ихъ наполняло немного гордое, но сладкое чувство. Они видѣли, какъ кругомъ ихъ копошилась мелкая, полная дрязгъ и безпомощной нужды, жизнь губернскаго разночинства. Прежній бытъ рухнулъ. То, чтò не доѣдало барскихъ крохъ или не промышляло чѣмъ-нибудь попрочнѣе—торговлей, крупнымъ ремесломъ или ростовщичествомъ—перебивалось въ непрестанной и назойливой, и явной, и тайной нуждѣ; даже и тѣ семьи, гдѣ ни пьянство, ни болѣзнь не прибавляли горечи и нищеты. Мало кто умѣлъ работать, да и *чтò* работать? Этотъ вопросъ Вася и Любочка рано поняли и оцѣнили собственнымъ, житейскимъ опытомъ. За что взяться, въ самомъ дѣлѣ, когда ничему никто не обученъ, да и спроса нѣтъ ни на какой трудъ? Особливо женщины, старыя дѣвушки, подростки... Игла? На хлѣбъ да на квасъ хватитъ, если не разгибая спины сидѣть; да и то, коли свой домишко и давальцевъ много.

А они оба, еще ребятами, стали *деньги* зарабатывать, и не пустяшныя, а *хорошія* деньги, такія, что можно было безъ нужды цѣлой семьей жить. И на ихъ товаръ являлся спросъ. Оба они переучили чуть не цѣлый городъ, и учителя гимназіи у нихъ уроковъ не отбивали. Брали они вдвое меньше. Вездѣ ими оставались довольны. Даже отказываться приходилось. Теперь Любочка съ восьми часовъ утра до восьми вечера бѣгаетъ по городу. И лѣтомъ есть кондиціи, почти столько же, сколько и зимой. Ка̀къ же не пріятно сознавать себя, среди общей безпомощности, настоящими работниками? Хвалиться они другъ передъ дружкой не хвалились, но молча чувствовали это и тянули кротко и выносливо преждевременную лямку.

Мѣсяцъ прошелъ, какъ Вася Банарцевъ кончилъ курсъ. Объ университетѣ онъ уже два года толковалъ съ Любочкой, особливо въ зимніе вечера, когда заходилъ къ нимъ почитать вслухъ. Ему—прямая дорога въ студенты, въ ученые; не даромъ же онъ совладалъ съ классически-

ми языками; не даромъ сталъ подготовляться къ университетскому ученью, читать спеціальныя книжки. Онъ собирался на физико-математическій факультетъ. Къ хлѣбнымъ спеціальностямъ: медицинѣ и юриспруденціи, его не влекло. *Васинъ* университетъ — это было для Любочки что-то незыблемое, къ чему она сама душевно готовилась нѣсколько лѣтъ.

И вдругъ его охватилъ точно какой вихорь! Нежданно-негаданно разразилась буря. Стали печатать въ газетахъ, пошли слухи, депеши, потянуло всѣхъ туда, на Дунай, въ невѣдомую страну. Она — хорошая учительница и отвѣтитъ сейчасъ, гдѣ стоитъ Бѣлградъ и какъ велико княжество Сербское; но и у ней въ головѣ никогда не было никакихъ ясныхъ ѝбразовъ: что это за народъ? чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ? какой у него видъ? какъ звучитъ его говоръ? почему такъ вдругъ всѣхъ повлекло къ нему? Кругомъ—никто ничего не знаетъ про эту самую Сербію. Кому же объ этомъ судить, какъ не ей, Любочкѣ? Она вѣдь учительница, переучила полгорода. Такихъ познаній по исторіи, географіи и всему прочему нѣтъ здѣсь ни у одной серьезной дѣвицы. О дамахъ со шлейфами и говорить смѣшно!

Любочка шла скорыми шагами домой, не глядя ни на что̀, съ опущенной внизъ головой, сильно помахивая своей папкой. Она припоминала и то, что̀ Банарцевъ говорилъ ей сейчасъ про старшую Пшениснову. Ей вдругъ стало больно и жутко. Давно она не любитъ этого „истукана“. Она такъ прозвала Лидію, по разсказамъ Банарцева. Пшенисновыхъ она знала очень мало. Года съ два назадъ, начала она давать уроки младшимъ сестрамъ и отказалась. А когда Банарцева пригласили, она смолчала; но ей было это сильно не по нутру—не изъ зависти, конечно, а почему-то другому.

Неужели она, другъ Васи, жившая съ нимъ душа въ душу, могла разсуждать какъ какая-нибудь Лидія? Вѣдь порывъ Васи прекрасный: она бы бросилась ему на шею, еслибъ... еслибъ вполнѣ сочувствовала. Но она не могла сочувствовать. Въ ней не было еще чего-то... чего? Она не умѣла опредѣлить. Да и Вася... Развѣ онъ—солдатъ? Ждалъ онъ этого? Обрекалъ онъ себя на служеніе этому именно дѣлу? Вѣдь нѣтъ? Столько лѣтъ усилій, упорной подготовки къ свѣту, къ наукѣ, къ свободѣ мысли и труда—и разомъ все полетитъ! А тамъ кровь, звѣрство,

смерть или того хуже: калѣка, нищій, проклинающій свой „возвышенный“ порывъ.

„Но вѣдь такъ и Лидія разсуждаетъ!“—вскричала про себя Любочка и, совсѣмъ поглощенная своей думой, чуть-было не прошла мимо отворенной калитки сѣренькаго домика мѣщанки Спѣшихиной.

IX.

Дома она застала семейную сцену.

Въ маленькой комнаткѣ, прибранной опрятно „на манеръ гостиной“, въ углу, на мягкомъ клеенчатомъ креслѣ, сидѣлъ отецъ ея, Гаврила Иванычъ Могучевъ, по театру—Славскій, чистенькій, старательно выбритый, сухой старичокъ, съ подстриженными сѣдыми волосами и длиннымъ, какъ бы слизаннымъ къ кончику носомъ. Подъ крутой лобъ уходили глубокія выемки большихъ почти синихъ глазъ, сохранившихъ блескъ и живость. Щеки очень впали, за то зубы всѣ почти уцѣлѣли. На немъ надѣтъ былъ домашній сюртучокъ изъ сѣраго люстрина; ноги прикрывало легкое, байковое, полосатое одѣяло.

Когда Любочка вошла въ комнату, Гаврила Иванычъ приподнялъ голову и выразительнымъ жестомъ закончилъ какую-то фразу, обращенную къ женѣ, Прасковьѣ Егоровнѣ, тучной, еще моложавой женщинѣ, большого роста, съ широкимъ полысѣлымъ проборомъ русыхъ волосъ, закрученныхъ въ жидкую косу. Ея распашная ситцевая кофта, съ большими оборками, сшита была когда-то совсѣмъ на другой бюстъ: и рукава окоротились, и въ груди давило.

— И уйду!—кричала Прасковья Егоровна, мотая на особый ладъ головой, красная и гнѣвная:—уйду совсѣмъ. Оставлю тебя, стараго шута, на креслѣ. И сиди себѣ, да ворчи, на пустыя стѣны глядя!

Стѣны не были, однако, пусты. Надъ диваномъ и въ простѣнкахъ между окнами висѣли фотографическіе и политипажные портреты. Нѣкоторые были вырѣзаны изъ иллюстрированныхъ изданій и пришпилены булавками къ обоямъ. Выдѣлялся размѣромъ одинъ литографированный портретъ въ золоченой узкой рамочкѣ. На него-то и указалъ, во второй разъ, такимъ же выразительнымъ жестомъ, Гаврило Иванычъ.

— Вотъ генія приведу въ свидѣтели,—глуховатымъ и протяжнымъ голосомъ заговорилъ онъ,—покойнаго Але-

ксандра Евстафьевича! За что̀ онъ мнѣ серебряный портсигаръ подарилъ съ чернью? За что̀, сударыня? за нравъ кроткій... Три недѣли онъ подъ моимъ режиссерствомъ игралъ. „Вы, говоритъ, Гаврило Ивановичъ—ангелъ во плоти". Такъ и выразился. А тебя не даромъ Раисой Минишной Сурмилиной прозвали.

— Кто это прозвалъ? Прохвосты!

— Остроумные артисты прозвали... и свои, и пріѣзжіе.

— Ну, и прекрасно! Пусть я буду Раиса Минишна. Не хочу я съ тобой жить—вотъ тебѣ и сказъ! Ты меня своей болтовней да убожествомъ въ гробъ вложишь.

— То-есть, еслибъ ты на сценѣ такъ дѣйствовала—какъ бы мы съ тобой процвѣтали! — приговаривалъ Гаврило Иванычъ,—да нѣтъ, видно, когда нужно, и не хватаетъ пороху. На что ужъ, кажется, *выигрышная* для тебя роль: „Что имѣемъ не хранимъ—потерявши плачемъ", а ты только мямлишь, да топчешься на одномъ мѣстѣ... Ужъ я, бывало, изъ-за кулисъ-то тебѣ кричу, кричу, чтобъ ты хоть справа налѣво перешла, такъ нѣтъ...

— Любочка!—визгливо крикнула Прасковья Егоровна, бросаясь къ дочери.—Мочи моей нѣтъ съ твоимъ отцомъ-изувѣромъ валандаться! Живи ты съ нимъ какъ знаешь; бѣгомъ убѣгу я, на десять рублей въ статистки пойду! Только нога моя здѣсь не будетъ!

Частенько присутствовала Любочка при подобныхъ сценахъ. Счетомъ въ десятый разъ собиралась мать бросить отца „совсѣмъ" и убѣжать куда глаза глядятъ. Бывало это до болѣзни Гаврила Иваныча, повторялось и въ послѣдніе годы, когда онъ лишился ногъ и засѣлъ въ клеенчатое кресло, услаждая свое бездѣйствіе длинными разговорами про театръ, про свою „службу" на сценѣ и, главное, про двухъ „геніевъ": Александра Евстафьевича Мартынова и Николая Хрисанфьевича Рыбакова. Мать никогда не выносила его разговоровъ ни въ шутливомъ, ни въ чувствительномъ тонѣ. Дольше одного театральнаго сезона она не могла выживать съ нимъ безъ „исторій". И давно уже, не меньше пяти лѣтъ прошло, какъ Любочка стала дѣлаться посредницей въ родительскихъ схваткахъ. Съ отцомъ она всегда ладила и безъ скуки переносила его болтовню. Мать ея побаивалась.

— Маточка!—съ легкимъ укоромъ выговорила она, беря Прасковью Егоровну за руки и привлекая ее къ себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — порывисто вскрикивала Прасковья Егоровна,—послѣдній день я съ нимъ мучусь!

Съ матерью Любочка не любила много говорить. Она старалась всегда дѣйствовать на нее лаской, и когда та остывала, то дѣлала ей одно какое-нибудь замѣчаніе серьёзно, вѣско, особой грудной нотой, отъ которой Прасковью Егоровну слегка поводило всю, а потомъ размягчало до тихихъ слезъ.

— Ну, хорошо, ну, хорошо!—повторила Любочка, стараясь вывести мать въ другую комнату, узкую спаленку въ одно окно, гдѣ кое-какъ умѣщались кровать и кожаный диванъ.

Прасковья Егоровна, нѣсколько упираясь, дала, однако, увести себя и тотчасъ сѣла на кровать.

— Вѣдь его и совсѣмъ такъ разобьетъ!—тихо сказала Любочка, наклоняясь къ матери.

— И подѣломъ! Что̀ ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, большая мнѣ сласть возиться съ нимъ? Я еще женщина свѣжая! И таланту у меня больше, чѣмъ у него было. Только болтать-то гораздъ, а бывало тянетъ-тянетъ... ни читки, ни фигуры, ни манеръ... Еще прежде... въ злодѣяхъ туда-сюда дѣйствовалъ... А какъ Островскій пошелъ—ни къ чему его приспособить нельзя было, кромѣ какъ на бутафоровъ покрикивать. Да и то рохля: всякій паршивый мальчишка надъ нимъ командуетъ... Ахъ, Люба! Уйдемъ мы отъ него. Ты вездѣ прокормишься, въ какой хочешь губерніи, а я себѣ цѣну знаю... меньше сорока рублей и двухъ полбенефисовъ—ни копейки!

Глаза Прасковьи Егоровны разгорѣлись. Она подперла руки въ бокъ и уже весело и молодцовато оглядывала дочь.

— Что ты, мама! — строгимъ шопотомъ выговорила Любочка.

— Какъ что̀ я? Уѣдемъ отъ него. Небось! фанаберію-то съ него посшибемъ. Ничего! пускай помается такъ годикъ-другой.

— Отецъ убогій, я отъ него никуда не уйду, да и не зачѣмъ...

Тонъ, которымъ сказана была фраза, заставилъ Прасковью Егоровну умолкнуть. Она выпустила руку дочери, нахмурилась и поднялась-было съ кровати, но Любочка ее удержала.

— Не ходи туда, мама, прошу тебя; прилягъ лучше,

а то опять тебѣ въ голову ударитъ. Ты знаешь вѣдь свою натуру.

Намекъ на „ударъ“ всегда успокаивалъ Прасковью Егоровну. Она сильно боялась своей „натуры“, т. е. короткой шеи и полнокровія.

— Несчастная я мать! — начала она всхлипывать, все еще сидя на кровати.—Собственное дитя, да и то не хочетъ меня понять. Весь-то свой вѣкъ съ калѣкой нянчиться, да его причитанія слушать. Господи-и!..

Плакать Прасковья Егоровна разсудила лежа, уткнувъ голову въ высоко взбитыя подушки.

Любочка этимъ не смутилась, а была, напротивъ, очень рада потоку слезъ. Она даже ничего не сказала и тихонько вышла изъ спальни, притворивъ за собой дверь.

Отецъ встрѣтилъ ее насмѣшливымъ кивкомъ на дверь: „молъ, въ слезы ударилась моя Раиса Минишна?..“ Любочка улыбнулась ему, но въ этой улыбкѣ не было насмѣшки надъ матерью. Всего сильнѣе хлопотала она о томъ, чтобы въ ея отношенія къ отцу и матери не проникло чего-нибудь пошлаго, той нестерпимой распущенности, на какую она уже достаточно насмотрѣлась, давая уроки и въ „благородныхъ“, и въ разночинскихъ семьяхъ. Очень хорошо она сознавала, что мать — взбалмошная и тревожная женщина, къ отцу несправедлива и податлива на рѣзкія выходки, но она знала, въ то же время, что въ матери нѣтъ безсердечія, что она очень способна одуматься, что она, *по-своему*, любитъ отца, а только ни на какую выдержку не способна. И отцовскія слабости Любочка понимала, но любила его больше матери и за мягкость нрава, и за беззавѣтную страсть къ „искусству“, и даже за всѣ его самообольщенія...

— Чай кушать, папаша? — вопросительно сказала она ему, проходя въ кухню.

Отцу она говорила „вы“, и это ему почему-то нравилось.

Въ кухнѣ она помогла кухаркѣ управиться съ самоваромъ, вернулась къ отцу, покрыла овальный краснаго дерева столъ ярославской скатертью и разставила чашки.

Гаврило Иванычъ только этого и ждалъ. Дочь онъ видѣлъ мало: за обѣдомъ, да за чаемъ. Когда она готовила чай—для него это были лучшія минуты. Тутъ онъ заводилъ длинный монологъ о чемъ-нибудь театральномъ. На этотъ разъ онъ остановился на томъ, кого въ какомъ

году онъ видѣлъ въ роли Гамлета, и сталъ разбирать, есть ли теперь гдѣ „настоящій“ Гамлетъ.

— Вотъ покойникъ Корнелій Николаичъ,—перебиралъ онъ тихо и протяжно,—тотъ съ душой былъ человѣкъ... И даже, я тебѣ скажу, Любовь, съ великой душой артистъ!.. Тученъ онъ сталъ и ослабъ—это точно; а, когда мнѣ съ нимъ впервòй привелось играть—меня слеза прошибла... Въ „Сарафимѣ Лафайль“... Кàкъ это онъ вбѣжалъ, да бросился къ матери... Одно всего слово крикнулъ „матушка!“ Нынче такъ не вскрикнутъ—шалишь!

Любочка заварила чай, нарѣзала хлѣба, пододвинула кресло отца къ столу, налила ему по вкусу, послаще и не очень крѣпко, а Гаврило Иванычъ продолжалъ все свой монологъ, медленно, съ истиннымъ наслажденіемъ, упиваясь нѣкоторыми именами. Прасковья Егоровна не выходила къ чаю. Она лежала и обдумывала, какъ ей въ *самомъ дѣлѣ* уйти отъ мужа совсѣмъ, и теперь же, не дожидаясь осени. Перебрала она ярмарки... Лѣтнее время на половинѣ, а до сентября еще далеко. На авось ѣхать въ Москву—не на чтò. Своихъ у ней денегъ нѣтъ; просить у дочери—совѣстно, да та и не дастъ; на чтò другое дала бы, а на это не дастъ...

— Мама, выпей чайку!..—окликнула ее Любочка, поднося ей большую голубую чашку съ крышкой.

Отъ чаю Прасковья Егоровна не отказалась, сѣла на диванъ и начала тихонько, подувая на блюдечко, глотать и прикусывать сахаръ.

Теперь Любочка знала, что мать хоть и думаетъ про „разводъ“, но кричать ни сегодня, ни завтра не станетъ. У ней былъ еще одинъ вечерній урокъ. Въ началѣ восьмого часа, она надѣвала опять свою клеенчатую шляпку и доставала изъ шкапчика какую-то книжку.

— Меня ужинать не ждите, — сказала она матери въ дверь.—Я тамъ посижу немножко.

Отца она, молча, поцѣловала въ лобъ и вышла маленькими шажками.

Такъ она жила у себя дома, изо-дня-въ-день, безъ ропота и мелкаго недовольства. Ее слишкомъ наполняло сознаніе, что она не можетъ и не *должна* тяготиться своей долей. Перестань она работать—все рухнетъ.

X.

Домой зашелъ и пріятель ея Банарцевъ. Жилъ онъ на другомъ концѣ города, въ Ямской, на дворѣ во флигелькѣ, состоящемъ всего изъ двухъ комнатокъ. Квартирка эта полюбилась ему потому больше, что она выходила въ садъ, гдѣ разросся малинникъ вдоль единственной дорожки, въ концѣ которой, у самаго забора, придѣлана была скамейка. Забравшись туда, Банарцевъ просиживалъ, по воскресеньямъ, цѣлые дни. Тамъ же, обыкновенно, готовился и къ экзаменамъ. Безъ этого садика ему бы гораздо тошнѣе жилось. Грудь его нуждалась въ воздухѣ, наполненномъ растительными испареніями. И Степу малинникъ привлекалъ, особливо въ іюлѣ, въ ранніе послѣобѣденные часы, когда хозяйская семья укладывалась спать.

Пройдя дворъ съ колодцемъ и сарайчикомъ, Банарцевъ увидалъ стриженую бѣлокурую голову брата въ отворенное окно. Крутой затылокъ мальчика выдѣлялся изъ темнаго фона комнаты. Голова была наклонена надъ книжкой; обѣ его руки подняты кверху и подпирали виски.

„Зубритъ и непремѣнно вслухъ“, подумалъ старшій братъ и бокомъ, не входя на крыльцо, подкрался къ окну.

Степа училъ латинскія упражненія, громко выговаривая слова жиденькимъ, однообразнымъ голоскомъ.

— „Crœsus respondit,—доносилось отчетливо въ остывшемъ уже вечернемъ воздухѣ: — Solon cujus hoc tempore memor sum—homo est sapientissimus.“

— Степа!—окликнулъ его вдругъ старшій братъ,—ты никакъ опять въ долбёжку пустился? Вѣдь говорилъ я тебѣ, что это никуда не годится!..

Мальчикъ покраснѣлъ, какъ вишня, вскочилъ и отдернулъ руки отъ головы. Онъ былъ безъ сюртука, въ помочахъ и ситцевой розовой рубашкѣ.

— Я, братецъ, пробѣгаю только... примѣры,—торопливо выговорилъ онъ, захлопнувъ книжку.

Лицомъ онъ совсѣмъ не подходилъ къ братцу: изъ него долженъ былъ выйти маленькаго роста, очень пухлый блондинъ. Сѣрые большіе глаза смотрѣли кротко и весело. На лбу торчалъ вихоръ.

— Не грѣши: есть замашечка позубрить. А ты пере-

води лучше русскіе-то примѣры и выговаривай вслухъ. Это—ничего...

Большой строгости не слышалось въ выговорѣ старшаго брата. Степа зналъ, что сильнаго окрика, а тѣмъ паче „таски“, ему никогда не достанется. Замашка поучить вслухъ за нимъ водилась. Изъ-за нея ему и доставалось, да еще за страсть къ голубямъ: разъ онъ ужъ свалился съ крыши и вывихнулъ ногу. А въ остальномъ между ними были большіе лады.

Разговоръ продолжался у окна.

— Дмитрія Богданыча не видалъ? — спросилъ старшій братъ.

— Они около вечеренъ ушли, братецъ.

— Стало, не вернется?

— Должно-быть, такъ.

— А ты еще долго будешь долбить?

Степа опять покраснѣлъ, но тотчасъ же разсмѣялся.

— Маленькій хвостикъ не твердъ и глаголы опять тоже.

— Какіе глаголы?

— Вотъ эти.—Онъ развернулъ книжку и указалъ пальцемъ.—Кабы вы спросили... всего ихъ шесть штукъ.

— Ну, давай. Тутъ зубрёжка нужна... Скажи времена отъ gaudeo...

Мальчикъ выпрямился, мигнулъ обоими глазами, потомъ закрылъ ихъ, опять раскрылъ, почесалъ въ маковкѣ и съ разстановкой, улыбающимся ртомъ выговорилъ:

— Gaudeo, gavisus sum, gaudere—радоваться.

Также были спрошены остальные пять. На одномъ только чуть-чуть сбился Степа. Братъ его похвалилъ.

— Чаю мы нынче не будемъ пить, Степа, — сказалъ онъ, все еще стоя у окна,—ты молочка похлебай съ кашей. Что за чай въ такую теплынь!.. Поди, закатишься куда съ Потаповымъ? Въ Опёнкину Рощу?

— Нѣтъ, братецъ, я—къ Павлиновымъ.

— Насчетъ турмановъ—небось?

— Мы немножко...

— То-то!

Отъ страсти къ гонкѣ голубей Степу трудно было отучить; да братъ и не хотѣлъ его задерживать. Банарцевъ находилъ даже, что Степа слишкомъ уже благонравенъ; только одни голуби составляли предметъ его грѣшныхъ желаній, а вообще онъ грозилъ вылиться въ ученика съ

„золотой доски“. Недаромъ братъ звалъ его иногда въ шутку: „чадо классической муштры“.

— Подай-ка мнѣ ружье и патронташъ съ сумкой, да большіе сапоги; я здѣсь на воздухѣ снаряжусь.

Подъ окномъ была заваленка. Банарцевъ сѣлъ на нее, снялъ фуражку и широко вздохнулъ. Ровно и ярко облитые свѣтомъ, стояли кусты и фруктовыя деревья садика, а надъ ними высился совсѣмъ безоблачный голубой сводъ. Прямо передъ его глазами искрился позолоченый крестъ надъ колокольней сосѣдней кладбищенской церкви. Стрижи пронеслись наискосокъ черезъ дворъ подъ крышу сарайчика, съ протяжнымъ, рѣжущимъ звукомъ. Гдѣ-то неподалеку накачивали воду въ колодезь. Никогда еще не казалось ему такъ привольно въ этомъ городскомъ захолустьѣ, гдѣ онъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ строго и степенно кормильцемъ и воспитателемъ, думая неустанно и о кускѣ хлѣба, и о своей будущей дорогѣ, и о своемъ питомцѣ.

Степа вынесъ на дворъ ружье и весь остальной охотничій снарядъ. Сапоги доставали ему чуть не до ушей. Онъ всегда радовался, снаряжая брата на охоту; онъ чувствовалъ, что и ему позволительнѣе „погонять“, какъ только представится случай. Ружье его не привлекало. Онъ даже побаивался пороха и курковъ, но скрывалъ это.

— До завтраго, значитъ?—бойко спросилъ онъ брата.

— Да я, гляди, за-рѣку угожу...

— Къ обѣду ждать?

— Жди.

Готовила имъ хозяйская кухарка, но лѣтомъ они пробавлялись почти что безъ варева: ѣли огурцы, окрошку, тюрю, молоко, холодную солонину съ хрѣномъ.

Банарцевъ натянулъ сапоги „на ранту“, подпоясался ремнемъ, но остался въ томъ же парусинномъ пальто, повѣсилъ крестъ-накрестъ старенькую, обтертую сумку и патронташъ и накинулъ на правое плечо двухствольную винтовку, подарокъ одного богатенькаго „дворянчика“, котораго онъ готовилъ въ юнкерское училище.

— Ну, дозубривай, только ушей не затыкай! — весело крикнулъ онъ Степѣ и дотронулся до его плеча.

Степа выбѣжалъ проводить его за калитку. Перейдя черезъ немощеную, поросшую травой улицу, старшій братъ обернулся, кивнулъ мальчику головой и пошелъ своей развалистой походкой внизъ къ дамбѣ, отдѣляющей

новыя улицы отъ стараго города. Онъ на поворотѣ еще разъ оглянулся. Бѣлая, круглая голова Степы, все еще стоявшаго въ калиткѣ, такъ и лоснилась на солнцѣ. Онъ глядѣлъ на небо, навѣрно поджидая справа и слѣва хорошей гонки, какого-нибудь отчаяннаго турмана, который вдругъ взовьется высоко - высоко, совсѣмъ уйдетъ изъ виду и оттуда — трахъ стрѣлой и начнетъ кувыркаться, такъ что духъ захватитъ!

Съ минуту постоялъ Банарцевъ на поворотѣ улицы, все еще глядя на круглую голову братишки. Жаль ему стало, къ сердцу подступили затаенныя чувства заботы и нѣжности, которымъ онъ, въ обращеніи съ братомъ, не давалъ ходу и даже стыдился ихъ...

„Какъ съ нимъ быть?“ — съ внезапной горечью подумалъ онъ, и тихенькій школьникъ, въ розовой ситцевой рубашкѣ, со стриженой головой, съ своими латинскими уроками и жиденькимъ голоскомъ, сдѣлался для него въ эту минуту и особенно дорогимъ, и почти ненавистной помѣхой, черезъ которую онъ сбирался безжалостно перешагнуть.

XI.

Надо было ему пройти черезъ весь почти городъ. Дамба вела между двумя оврагами. По сю сторону протянулись четыре новыя улицы, застроенныя больше все одноэтажными деревянными домиками въ три, да въ пять оконъ. Вся эта часть города разрослась на его памяти. Онъ прекрасно помнилъ, когда тутъ еще тянулось поле, куда выгоняли скотъ, и никакой дамбы не было, а онъ первоклассникомъ бѣгалъ сюда съ товарищами играть въ солдаты, и брали они штурмомъ „горныя вершины“, на которыхъ проложили теперь дамбу. И Дворянская улица совсѣмъ стала не та. Ему многое почему-то заживо припоминалось съ такой отчетливостью, точно эти прежніе дома вырастали передъ нимъ, особливо домъ бывшей питейной конторы—деревянный, высокій, съ крутой крышей. Теперь тутъ каменный домъ съ магазиномъ, а напротивъ—клубъ, огромный домина, и церковь Воздвиженья обнесли новой чугунной рѣшёткой. Какъ девять лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, въ седьмомъ часу все такая же стоитъ пустота по улицамъ. Но есть что-то другое въ воздухѣ. Что̀ бы онъ, Василій Банарцевъ, чувствовалъ *тогда*, если бъ былъ кончившій курсъ гимназистъ? Со-

жалѣлъ бы, можетъ, о томъ, что отмѣнили студентамъ шляпу и шпагу, или бы попутчика подешевле искалъ въ Москву... А теперь? Не онъ одинъ—всѣ встрепенулись, деньги даютъ и полушками, и десятками тысячъ, о собственныхъ дѣлахъ забываютъ, снаряжая на Дунай тѣхъ, кому лестно положить свою жизнь за правое дѣло.

Эти сѣрые, желтые, красные дома, съ опущенными сторами и запертыми воротами, не казались ему, какъ прежде, какими-то ящиками, гдѣ обыватели губернскаго города прозябаютъ. Въ комнатахъ непремѣнно идутъ разговоры все объ одномъ. И съ каждымъ днемъ будетъ разгораться всенародное чувство, и вся земля встанетъ, какъ одинъ человѣкъ! Такъ вѣрилось ему въ эту минуту...

На перекресткѣ Дворянской и Ситной улицъ стоитъ двухъэтажный нарядный домъ съ вывѣской во всю длину: „Гостиница Орлеанъ, съ номерами, купца Барабанова“. У входа въ то отдѣленіе, гдѣ трактиръ, по сторонамъ прибиты два мѣдные рукомойника съ тазами. Банарцевъ прошелъ мимо этого крыльца и поднялся на слѣдующее, съ ходомъ въ номера. Ему надо было справиться о томъ „человѣчкѣ“, на котораго онъ намекалъ въ разговорѣ съ Любочкой Могучевой.

Коридорнаго онъ зналъ по имени, нашелъ его въ буфетѣ и спросилъ: не пріѣхалъ ли помѣщикъ Аполлонъ Николаевичъ Чалый? Коридорный сказалъ ему, что Аполлона Николаевича ждутъ не то завтра, не то послѣзавтра, и что онъ наказывалъ приготовить ему комнату.

Еще бодрѣе дошелъ Банарцевъ до бульвара, а оттуда началъ спускаться дорожками англійскаго сада, разбитаго по склону крутого нагорнаго берега большой рѣки. Солнце садилось. Внизу, въ разросшихся кустахъ, пахнуло на него свѣжестью. Съ рѣки раздавались свистки парохода, лязгъ желѣза, пыхтѣлъ паровикъ на заводѣ, темнѣвшемъ поодаль, въ сторонѣ отъ пароходныхъ пристаней.

На перевозѣ ютились три дощатыя лавочки съ лукомъ, воблой, пузатыми муромскими калачами, наполовину покрытыми пылью, да еще баба съ выжженнымъ отъ солнца лицомъ, въ ваточной душегрѣйкѣ, примостившись у перилъ перевоза, продавала связки зеленаго лука и малосольные огурцы, похваливая свой товаръ пѣвучими нотами.

— Дай-ка мнѣ, тетенька, огурчиковъ на семитку,—попросилъ у ней Банарцевъ, запасшись двумя калачиками въ одной изъ лавчонокъ: онъ собрался переѣзжать въ дощаникѣ на луговую сторону и переночевать или въ полѣ, или у знакомаго мужика, коли угодитъ до ночи до села Красная Варега.

Не успѣлъ онъ отойти отъ торговки, какъ его сзади окликнули:

— Батюшка, Василій Семенычъ!

Онъ узналъ голосъ и быстро обернулся.

— Ефимъ! тебя ли я вижу?—вырвалось у него.

Съ нимъ истово поцѣловался три раза человѣкъ, лѣтъ сильно за пятьдесятъ, въ нанковомъ казакинѣ, какіе нашивали когда-то дворовые, и въ такихъ же шароварахъ, заправленныхъ въ смазные сапоги. На головѣ картузъ съ кистью; волосы съ просѣдью, подстриженные въ кружокъ: лицо широкое, совсѣмъ бурое, съ глубокими морщинами на лбу и вдоль щекъ, но, несмотря на эти морщины, свѣжее и добродушное, больше, вѣроятно, отъ выраженія желтоватыхъ, подмигивающихъ глазъ. Онъ замѣтно прихрамывалъ и сильно потѣлъ. Отъ него пахнуло на Банарцева запахомъ табачныхъ корешковъ. Изъ праваго кармана казакина выглядывалъ чубукъ трубки, воткнутой въ кисетъ изъ ситцевыхъ лоскутковъ.

— Ты ка́къ здѣсь, Ефиміусъ?—весело спросилъ Банарцевъ послѣ троекратнаго лобызанія.

— Я въ этихъ палестинахъ, батюшка, съ прошлогодняго вешняго Николы.

— Да гдѣ же ты пристроился, на заводѣ, что-ли?

— Никакъ нѣтъ. У иноковъ святыхъ, на бахчахъ и около саду...

— Скажи, пожалуйста!

Они стояли какъ разъ на томъ мѣстѣ, откуда, немного лѣвѣе, виднѣлась крайняя къ берегу башня монастырской стѣны, поднимавшейся круто въ гору; а дальше—темная зелень липъ вперемежку съ крышами келій и главами трехъ церквей.

— Къ прежнему званію обратился, — говорилъ Ефимъ высокимъ теноровымъ голосомъ, — не угодно ли ко мнѣ въ шалашекъ зайти? Благодать у меня, особливо вотъ объ эту пору...

— Да я за рѣку собрался, въ луга̀.

— Отъ насъ вамъ рукой подать. Коли вы въ артемьев-

скіе, я вамъ и лодочку снаряжу. У насъ служки есть матёрые... Имъ это за первое удовольствіе — грести. Все равно съ жиру бѣсятся. На палкахъ все по послѣ обѣдамъ тягаются, въ огородѣ, ей-Богу право! А, можетъ, и на пташку какую набредете... водится у насъ и дупель, и куличокъ.

— И то дѣло, — сказалъ Банарцевъ, съ улыбкой поглядывая на Ефима. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ съ нимъ.

Съ берега они повернули влѣво и начали подниматься сначала по мощеному въѣзду, а потомъ по тропинкѣ, протоптанной наискосокъ крутого склона. Ефимъ, идя сзади, кое-какъ поспѣвалъ, но сильно прихрамывалъ. Сумерки густѣли. Они спустились въ оврагъ, ихъ обдало свѣжестью высокой травы, и голоса стали глуше. Ефимъ подробно излагалъ Банарцеву, ка̀къ онъ попалъ къ монахамъ прививать яблони и ухаживать за огородомъ. Больше году, какъ онъ жилъ тутъ и не жаловался на житье. Банарцевъ зналъ его чуть не съ трехлѣтняго возраста, когда Ефимъ былъ еще крѣпостнымъ. Домишко отца его приходился насупротивъ людскихъ службъ большого помѣщичьяго дома. Съ Ефимомъ Вася познакомился „за воротами“. Онъ каждый день видѣлъ курьёзную фигуру въ казакинѣ, сильно хромающую, но всегда на походѣ: или съ книжкой, или съ пузырькомъ. Въ домѣ Ефима, несмотря на хромоту, употребляли на хожденіе въ аптеку, а зимой, кромѣ того, на топку печей. По званію своему, онъ былъ садовникъ, и изъ деревни его перевели въ городъ для надзора за комнатными цвѣтами; но прибавили къ этому, въ скоромъ времени, аптеку и печи. Перепадали ему кое-какіе доходишки отъ прививки деревьевъ, отъ пересадки растеній, отъ аптечныхъ „гезелей“, въ видѣ разныхъ мазей и порошковъ, которые онъ продавалъ дворовымъ. И у портного Банарцева онъ приходилъ пересаживать цвѣты, до которыхъ отецъ Васи былъ большой охотникъ. Такъ они и подружились и часто ходили гулять по праздникамъ, въ тѣ часы, когда Ефима не могли хватиться. Много исторій выслушалъ отъ него Вася. Ефимъ, оставшись на волѣ, сталъ наниматься больше у купцовъ во что̀ можно было и захаживалъ за Васей, въ лѣтнее время, всегда съ городецкимъ пряникомъ или съ парой сладкихъ рожковъ. А когда Вася самъ сталъ жить домомъ, не разъ онъ добывалъ Ефиму мѣстечко съ лег-

кой работой, по его убожеству, и нерѣдко давалъ рубликъ на черный день. И по латыни когда-то училъ Ефима, чтобы тотъ не перевиралъ ботаническихъ именъ растеній, за что̀ и прозвалъ его „Ефиміусомъ“.

XII.

Тихая ночь сгустилась надъ монастырскими огородами. Звѣзды быстро загорались одна за другой; съ рѣки повѣвалъ мягкій вѣтерокъ. Пахло разрыхленной влажной землей грядъ и огуречной зеленью. Шалашъ Ефима помѣщался на полгорѣ, у забора, въ уступѣ съ маленькой площадкой, подъ дощатымъ навѣсомъ. Видъ оттуда былъ днемъ чудесный; да и въ такую ясную ночь, какова была эта, рѣка отцвѣчивала широкой колышущейся полосой, а зарѣчныя низовья темнѣли, уходя вдаль.

Оба пріятеля, усѣвшись на площадкѣ, закусывали муромскимъ калачикомъ. Банарцевъ не спѣшилъ за рѣку. Ефимъ по дорогѣ зашелъ на монастырскій дворъ и шепнулъ тамъ одному изъ послушниковъ, чтобъ приходили въ сторожку, а коли у кого есть, такъ чтобъ и ружье тащили: „съ господиномъ охотникомъ въ артемьевскіе луга закатиться“, и чтобъ лодку монастырскую приготовили.

Ефимъ любилъ калачики: бѣлый хлѣбецъ да нѣжинскіе корешки—всего больше соблазняли его. Съ особымъ причмокиваніемъ откусывалъ онъ рожокъ калача, чередуя куски съ малосольнымъ огурцомъ, вкусно хрустѣвшимъ у него на крѣпкихъ и бѣлыхъ зубахъ.

— Воскурить, небось, желаешь? — тихо спросилъ его Банарцевъ.

Они говорили вполголоса.

— Не претитъ вамъ, Василій Семенычъ, мой самъкрашѐ?

— Вотъ еще новости!

Банарцеву, совсѣмъ по-старому, по-дѣтски, пріятно было бесѣдовать съ „Ефиміусомъ“. И хотѣлось открыться ему „по душѣ“, только немного совѣстно дѣлалось.

— Немназію покончили?—освѣдомился Ефимъ.

— Какъ же!—небрежно выговорилъ Банарцевъ.

— Теперь, значитъ, въ Питеръ?..

— Можетъ и не туда... Ты, Ефиміусъ, читаешь ли газеты? Вѣдь ты прежде большой грамотей былъ. И латинскія названія разбиралъ, помнишь: традисканцію?

— Нонче глазами слабъ сталъ: и въ очкахъ-то устаю.

Больше церковное что... А нешто въ газетахъ наборъ новый?

— Нѣтъ, не наборъ, а звѣрства турецкія были. Вотъ уже два года, какъ босняки съ герцеговинцами возстали, а теперь и сербскій князь выступилъ. Нашъ Черняевъ командуетъ...

— Слышалъ, слышалъ я это, — перебилъ его Ефимъ полутаинственно,—толковали и наши... черноризцы... Разскажите-ка, батюшка... Страсть я люблю про сраженья слушать. Въ тѣ поры, я у перваго помѣщика Тишенскаго, въ Пензенской губерніи, въ хорѣ состоялъ; окромя того, что альта пѣлъ, мальчишкой еще вѣдомости вслухъ барину читалъ, а потомъ въ сказочники меня произвели... Такъ я, бывало, въ книжкахъ что̀ прочту про войну— сейчасъ на сказку передѣлаю—ей-Богу, право!

— Ну, слушай, Ефимушка...

И началъ Банарцевъ ему разсказывать. Въ первый разъ приводилось ему передавать, собственнымъ живымъ словомъ, простому человѣку то, что̀ онъ больше года вычитывалъ изъ газетъ, о чемъ говорилъ урывками съ товарищами и Любочкой, что̀ съ нѣкоторыхъ поръ наполняло его и негодованіемъ, и радостью, и пыломъ, какого онъ никогда не знавалъ. И свѣжая юношеская память послужила ему лучше, чѣмъ на экзаменѣ. Все онъ припомнилъ: гдѣ бились „усташи“, откуда писали русскіе волонтеры, въ какихъ мѣстахъ задержались всего дольше банды... А когда дошелъ онъ до болгарскихъ ужасовъ—передъ нимъ стали такъ живо вставать всѣ эти тысячи мертвецовъ, повѣшенныхъ, обугленныхъ, изрѣзанныхъ въ куски... безумныхъ матерей, ребятишекъ на штыкахъ и ятаганахъ, что все тѣло обдало холоднымъ по̀томъ и голосъ оборвался, и слезы негодованія готовы были хлынуть. Но ему не хотѣлось кончать: откуда слова брались! И гнѣвно, и сладко замирало сердце отъ безконечной вереницы кровавыхъ образовъ.

— Нехристи поганые!—вскрикнулъ Ефимъ и перекрестился.

— Вотъ какія дѣла, Ефимушка! — съ усиліемъ вымолвилъ Банарцевъ и глубоко перевелъ духъ.

Они долго молчали. Только и слышно было, какъ Ефимъ попыхиваетъ изъ трубочки и въ коротенькомъ чубукѣ хрипитъ отъ табачнаго соку.

— Была вѣдь турецкая кампанія,—заговорилъ Ефимъ

задушевно и немного на сказочный манеръ,—ну, и теперь поди будетъ. Я куда младъ былъ. А изъ дворовыхъ, это еще у Тишенскаго помѣщика, четверо угодили! И двое вернулись... А у насъ въ хорѣ, какъ меня въ дишканты взяли, сколько этихъ кантовъ про кампанію пѣли подъ музыку... За обѣдомъ, а то и просто... Дай Богъ памяти.

Ефимъ остановился и отложилъ трубку. Лобъ онъ нахмурилъ совсѣмъ по-своему; правая рука стала выдѣлывать какія-то размѣренныя движенія.

И, немного поднявшись корпусомъ, — они оба все еще сидѣли на землѣ, — Ефимъ загнулъ голову назадъ и запѣлъ сначала не твердо, высокимъ, вздрагивающимъ теноромъ, а потомъ все смѣлѣе и шире, продолжая отбивать тактъ ладонью правой руки:

На горизонтѣ славы
Сіяетъ лучъ златой,
Паритъ орелъ двуглавый
Надъ царственной четой...

Въ другое время этотъ „стихъ“ разсмѣшилъ бы Банарцева. Но ни „горизонтъ славы“, ни „двуглавый орелъ“— Ефимъ выговаривалъ „орэлъ“—не покоробили его. Было что-то для него и наивное, и торжественное, и ободряющее въ этой старомодной одѣ двороваго хора.

— И все?—спросилъ онъ Ефима.

— Нѣтъ, длинный былъ концертъ, на цѣлый полонезъ...

Опять закинулъ Ефимъ голову, опять его правая рука начала отбивать тактъ, и онъ запѣлъ:

Въ его державной длани
Вѣнокъ изъ лавровъ свитъ,
И взоръ, блюститель брани,
Огнемъ побѣдъ горитъ!..

Слово „огнэмъ“ онъ произнесъ такъ же, какъ „орэлъ“, и на послѣднемъ стихѣ сдѣлалъ длинную оттяжку высокой нотой.

— А дальше-то и забылъ, — выговорилъ онъ съ пожиманьемъ плечъ,—богатый былъ концертъ!

Въ ушахъ Банарцева еще стояли переливы вздрагивающаго голоса и вся незатѣйливая мелодія со старинным размѣромъ. Не спроста, видно, запѣлъ Ефимъ послѣ разсказа, вызвавшаго въ сердцѣ молодую удаль и знойное желаніе лечь, коли судьбѣ угодно, за свободу какихъ-то, дотолѣ невѣдомыхъ „братьевъ“...

Еще тише стало вокругъ. Выплылъ мѣсяцъ и бросилъ

полосу трепещущаго свѣта на средину рѣки. Банарцевъ оглянулся на своего пріятеля. Лицо Ефима такъ и осталось съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ онъ кончилъ куплетъ: ротъ улыбался, а надъ переносицей собрались морщины и придавали лбу что-то страдательное...

— Ты вѣдь, чай, и боевыя пѣвалъ пѣсни? — спросилъ Банарцевъ, выходя изъ своего раздумья.

— Сколько пѣли у насъ! Да ужъ позвольте я желеечку свою достану.

Тяжело поднялся онъ, упираясь рукой въ столбъ навѣса, и заковылялъ въ шалашъ, откуда тотчасъ же вынесъ балалайку собственнаго издѣлія. Онъ былъ большой искусникъ мастерить всякую всячину изъ дерева. Какъ-то особенно отозвалось въ Банарцевѣ бренчанье трехъ жиденькихъ струнъ среди этой безмолвной ночи, гдѣ его чувство лелѣяли и тишь, и просторъ, и свѣжесть нагорнаго берега, и звѣздный сводъ съ круглымъ обликомъ величаваго мѣсяца.

— „Дрымъ-дрымъ“, — выдѣлывали закорузлые, неподатливые пальцы Ефима, и все быстрѣе и быстрѣе становился темпъ.

Вы, донскіе...

только что было запѣлъ онъ, но справа, на другомъ концѣ огорода, скрипнула калитка, и молодой мужской голосъ окликнулъ его:

— Силантьичъ! ты гдѣ обрѣтаешься?

Ефимъ смолкъ и шопотомъ сказалъ:

— Это наши лоботрясы... Одинъ изъ училища, говоритъ, изъ духовнаго, а другой-то такъ остался, штрафной былъ, отсиживалъ за какую-то провинность! — Ефимъ подмигнулъ глазомъ — да поварскому дѣлу онъ обученъ малость, такъ отецъ-настоятель его сталъ больше насчетъ стола припускать. Подлещика изжарить — мастеръ! Ну, и мнѣ когда картошки на сковородѣ притащить, а я ему табачку...

Двѣ длинныя фигуры приблизились къ нимъ и попали въ тѣнь, которая ложилась на дорожку отъ тычинокъ разросшихся грядъ бобовъ и гороху.

XIII.

— Подойдите, иноки честные, — позвалъ ихъ Ефимъ погромче.

Послушники приблизились, и оба встали такъ, что Ба-

нарцеву, при лунномъ свѣтѣ, не трудно было оглядѣть ихъ.

Одинъ, ниже ростомъ, моложе и лицомъ, и складомъ тѣла, смахивалъ на деревенскую дѣвку съ своими вьющимися, совсѣмъ бѣлыми волосами и свѣжимъ, круглымъ лицомъ. Онъ, по-женски, и голову держалъ нѣсколько вбокъ и сутуловато. Товарищъ его, на цѣлую голову выше, былъ сухой, костлявый парень съ черной, косматой головой. Плисовые, ваточные клобуки, въ родѣ шапокъ, сидѣли у нихъ на затылкѣ. Подрясники изъ коленкора отливали засалившимися боками. У бѣлокураго подбородокъ и пухомъ еще не оброcъ, у чернаго—бородка закручивалась двумя клинышками.

Оба, подойдя еще поближе, кашлянули: высокій—басовой нотой. Въ рукахъ держалъ онъ ружье; холщевая сумка висѣла на немъ не по-охотницки, а подъ мышку праваго плеча.

— Благопріятели мои, — указалъ на нихъ Ефимъ, отнимая руку отъ струнъ балалайки,—старцы Серафимъ и Паисій.

Оба послушника прыснули.

— Ты ужъ, Силантьичъ, не больно при гостяхъ срами, сиплымъ басомъ выговорилъ черный.

Бѣлокурый еще разъ прыснулъ, но тотчасъ же прикрылъ ротъ рукой.

— И мушкетонъ захватилъ,—продолжалъ балагурить Ефимъ,—вотъ это дѣло. Вы, батюшка Василій Семенычъ, ему довѣртесь: онъ у насъ насчетъ уженья рыбки и стрѣльбы первый искусникъ. И дичинку любитъ... знаете, самъ кухмистеръ, ну, сейчасъ и возгласитъ: порося, превратися въ карася!

Обоимъ послушникамъ захотѣлось громко расхохотаться, но они удержались.

Банарцевъ протянулъ имъ оставшійся цѣлый калачъ и попотчивалъ ихъ. Они отказались.

— Вы ихъ этимъ не ублаготворите, — вмѣшался Ефимъ, — вотъ если бъ у васъ охотничья фляжка была, да съ ромкомъ или съ кизляркой.

Послушники ничего не возразили. Ихъ веселое настроеніе все нарастало. Бѣлокурый рѣшился выговорить, обращаясь къ Банарцеву:

— Соблаговолите папироску, буде имѣется?

— Имѣется,—отвѣтилъ Банарцевъ и подалъ ему папи-

росу; на охотѣ онъ всегда курилъ, но въ городѣ почти совсѣмъ отсталъ отъ куренья.

Попросилъ папироски и черный. Оба начали взапуски попыхивать и все еще отмалчивались.

— А вы вотъ, братцы,—началъ Ефимъ, отложивъ свою балалайку,—не хотите ли прислушать, какъ Василій Семенычъ про Сербію сказываетъ, про турецкія звѣрства... Изъ дѣтскихъ спинокъ ремни вырѣзываютъ—слышали?

— Отецъ казначей вчера послѣ трапезы сказывалъ, — съ интересомъ отозвался бѣлокурый.

— Доподлинно,—оттянулъ его товарищъ.

— Только, братцы, теперь—шалишь. Эти самые сербы ополчились, и нашъ енаралъ, изъ русскихъ, что Ташкентъ бралъ... Онъ, слышь, командиромъ... Теперь—кончено...

Банарцеву видно было, какъ заискрились глаза обоихъ послушниковъ. Они даже клобуки свои ссадили еще больше на затылокъ.

— Вы ихъ, батюшка, просвѣтите,—сказалъ Банарцеву Ефимъ,—вотъ въ лодочкѣ, на перевалѣ-то. Что̀, улеглась братія?—спросилъ онъ у чернаго.

— Царство мэртвыхъ, — выговорилъ тотъ, упирая на звукъ „э“.

— Ну, такъ снаряжать васъ пора. Вы, Василій Семенычъ, калачикъ захватите: я сытъ, ей-Богу сытъ, да и огурчиковъ я вамъ свѣженькихъ отберу.

Онъ засуетился, ушелъ въ шалашъ и принесъ оттуда въ лукошкѣ десятка два свѣжихъ, ядрёныхъ огурцовъ.

— Куда этакую прорву?—вскричалъ Банарцевъ.

— А старцевъ-то не считаете?—Они двѣ малёнки уплетутъ, да еще закусить попросятъ.

Бѣлокурый послушникъ принялъ лукошко отъ Ефима и надѣлъ его чрезъ плечо. Всѣ тронулись въ путь, молча, по бахчамъ, переходя съ одной линіи грядъ на другую и спускаясь по вырытымъ въ землѣ лѣсенкамъ вплоть до самаго берега. Калитки тамъ не оказалось. Пришлось перелѣзать. Для послушниковъ это было привычнымъ дѣломъ. Банарцева одинъ изъ нихъ подсадилъ. Не мало было смѣху, когда сталъ перелѣзать и Ефимъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ проводить ихъ до лодки. И балалайку захватилъ съ собой.

— Чернецы вы безстыжіе!— ласково говорилъ онъ, ковыляя по послѣднему крутому обрыву,—надъ убогимъ человѣкомъ потѣшаетесь!..

Двѣ монастырскія лодки причалены были подъ пригоркомъ въ кустахъ, такъ что ихъ и вблизи трудно было замѣтить.

— Ключъ-то у кого?—заботливо освѣдомился Ефимъ.

— Серафимъ къ этому приставленъ,—отвѣтилъ бѣлокурый послушникъ.

Долговязый Серафимъ передалъ товарищу ружье, ловко соскользнулъ на обрывъ берега, схватившись за вѣтвистую, наклонную къ водѣ березу, спустился въ лодку и загремѣлъ цѣпью. Надо было отпереть замокъ и оттолкнуть лодку къ болѣе плоскому прибрежью, гдѣ стояла остальная компанія. Все это онъ сдѣлалъ въ два-три пріема.

— Вотъ бы въ мушкетеры ему,—проговорилъ Ефимъ, указывая Банарцеву на послушника.—Точно служивый, и посадка-то вся солдатская; даромъ, что въ кухаряхъ состоитъ.

— Да онъ и такъ чуть въ солдаты не угодилъ,—стыдливо и простовато выговорилъ бѣлокурый.

— Не прикажете ли и Силантьича захватить?—крикнулъ Серафимъ, подплывъ къ нимъ уже съ двумя веслами въ рукахъ.

— И какъ бы я съ вами закатился!—пѣвуче протянулъ Ефимъ,—кабы только вся моя воля была... Никакъ нельзя.

— Экая важность!—откликнулся Серафимъ.

— Жалованье, небось, получаю; тутъ студёнскіе мальчишки въ одну ночь у тебя обчистятъ всѣ бахчи... Вы поѣзжайте, а я вотъ до полуночи поколочу въ доску, прикурну маленько, а на зарѣ опять постращаю.

Всѣ трое усѣлись въ лодку. Банарцеву и съ послушниками стало такъ же хорошо, какъ и съ Ефимомъ. Точно собирался онъ переплывать Дунай и высаживаться на непріятельскій берегъ. Черныя шапки его спутниковъ, два ружья, яркій свѣтъ мѣсяца, фигура Ефима, стоящаго посреди прибрежья, погруженнаго въ тишь іюльской ночи— все это настроило его воображеніе на невѣдомый ладъ и наполнило его сладкой и трепетной тревогой.

— Отчаливай!—крикнулъ молодцовато Ефимъ и, избоченившись, подхватилъ свою балалайку.

Серафимъ и Паисій заработали веслами, что̀ твои бурлаки. Банарцевъ сѣлъ у руля. Ихъ провожала съ берега прерванная послушниками пѣсенка Ефима:

Вы, донскіе, гребенскіе,
Вы уральски казаки,

Да ой люли-люли-и—
Вы уральски казачки!..

Молча доплыли они до средины рѣки. Банарцевъ обернулся къ берегу.

— Ишь вѣдь, шустрый, какъ раскуражился,— указалъ Серафимъ въ сторону монастырскаго огорода.— Даромъ, что хромъ, а мигомъ отковылялъ наверхъ.

Ефима ужъ не было видно. Онъ поднялся вдоль забора, по узкой тропкѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ сверху, гдѣ стоялъ его шалашъ, раздались два удара палки въ чугунную доску.

— Страху напущаетъ,— шопотомъ выговорилъ Паисій.

— А теперь дробью сталъ,— подхватилъ Серафимъ.— Это онъ для васъ, сударь, усердствуетъ. Добрѣйшей души старче сей,— прибавилъ послушникъ искренно и смѣшливо, налегая на весло.— И точно вы ему про славянъ-братьевъ повѣствовали? -- продолжалъ онъ уже другимъ тономъ,—занятно бы прислушать.

Наклонился въ бокъ и Паисій, взглянувъ на Банарцева изъ-подъ желтыхъ длинныхъ рѣсницъ застѣнчивымъ и любопытнымъ взглядомъ.

И въ другой разъ началъ разсказывать Банарцевъ. Только краски и слова были иныя. Онъ самъ чувствовалъ, чтò, сколько бы онъ ни повторялъ одно и то же, все у него будетъ являться въ новомъ видѣ: горячѣе, сильнѣе, òбразнѣе.

Онъ еще не кончилъ, до берега оставалось плыть минутъ съ десять, какъ Серафимъ поднялъ весло, громко вздохнулъ и крикнулъ товарищу:

— Чтó я тебѣ говорилъ? Дернемъ!

Тотъ тоже пересталъ грести и съ загорѣвшимися глазами отвѣтилъ:

— Лихо бы!

— Вы это о чемъ?—спросилъ Банарцевъ, оглянувъ ихъ обоихъ.

— Да вотъ я Савоськѣ-то—я такъ его зову по-пріятельству,—черный указалъ на бѣлокураго,—еще третьяго дня говорилъ: похѣримъ мы наше послушаніе—чево тутъ!.. А теперь за братьевъ, за христіанъ — вѣдь такъ господинъ—животъ положимъ! Вѣнецъ—одно слово!

Онъ снялъ клобукъ и махнулъ имъ въ воздухѣ.

— Лихо бы!—задыхающимся теноромъ повторилъ Паисій.

Они смолкли и принялись еще бодрѣе работать веслами.

Банарцевъ докончилъ имъ свое „повѣствованіе“, когда они уже стали причаливать. Такъ сильно подѣйствовалъ на нихъ его разсказъ, что они не сразу могли двинуться и вылѣзть изъ лодки.

Первый выскочилъ Серафимъ, приподнялъ полы своего подрясника и сталъ поворачивать бокомъ лодку. Банарцевъ вышелъ вторымъ.

— Василій Семенычъ, господинъ Банарцевъ! — вдругъ гаркнулъ Серафимъ, выстраиваясь передъ нимъ во фронтъ.— Укажите намъ пути, какъ во христовыхъ ратниковъ намъ обратиться? Мы видимъ, вы—человѣкъ большой умственности.

И Паисій сталъ рядомъ съ Серафимомъ, выпрямился и высоко поднялъ голову.

— Есть,—выговорилъ онъ,—на то и мое желаніе!..

Банарцевъ, съ дрожью во всемъ тѣлѣ, отвѣтилъ имъ:

— Братцы! Я и самъ сплю и вижу кинуть все и — туда... Теперь всѣмъ дорога! Вмѣстѣ и пойдемъ. Всѣ, всѣ пойдемъ—у кого есть охота лечь за правое дѣло!..

Оба послушника глядѣли на него пристально и изумленно, но ни одинъ не смѣлъ прибавить что-нибудь отъ себя. Банарцеву, въ другое время, совѣстно сдѣлалось бы своихъ восторженныхъ возгласовъ, но тутъ онъ пожалѣлъ объ одномъ: зачѣмъ только двое настоящихъ добровольцевъ выискалось, а не десять, не сто?.. Вѣдь и сто человѣкъ его горячее слово могло бы также увлечь. Онъ взвалилъ ружье на плечо и крикнулъ:

— Привяжите, братцы, лодку, да и—айда до Красной Вареги; раньше полуночи не угодимъ.

Лодку привязали. Двинулись они не гуськомъ, а кучкой, и опять началась у нихъ бесѣда про „христову рать“.

На мѣсяцъ нашло облако. Все луговое низовье сразу погрузилось въ темноту. Только мѣрные шаги шуршали въ подкошенной травѣ, да изрѣдка трещали кусты вербы, хлеща „охотничковъ“ по ногамъ.

XIV.

На другой день, раннимъ послѣобѣдомъ, возвращался Банарцевъ изъ-за рѣки. Его новые пріятели-послушники проходили съ нимъ отъ зари часу до седьмого утра и уѣхали, зная напередъ, что имъ будетъ гонка, коли они

не поспѣютъ къ раннимъ обѣднямъ. Они познакомили его со своей „судьбиной". И Серафимъ, и Пансій были семинаристы; только Пансій, по малой способности къ наукамъ, поступилъ въ монастырь прямо изъ старшаго класса духовнаго училища, а Серафимъ пожилъ уже „на міру", гдѣ и попался, Великимъ Постомъ, въ одно „блудное", какъ онъ выразился, дѣло, за что̀ и долженъ былъ отсидѣть „нѣкоторый предѣлъ" на покаяніи. Но срокъ свой онъ уже высидѣлъ и оставался въ послушникахъ по приглашенію отца настоятеля, которому „знатно" умѣлъ поджарить и леща, и подлещика.

Прощаясь съ нимъ, оба упрашивали его чуть не слезно не оставить ихъ совѣтомъ и содѣйствіемъ и, какъ только будетъ время, дать имъ знать чрезъ Ефима, куда обратиться и отъ кого получить „малую лепту". Не любилъ Банарцевъ монашествующей братіи, особливо такихъ-вотъ служакъ, изъ выгнанныхъ семинаристовъ; зналъ онъ давно, что̀ это за народъ. Но эти оба въ глазахъ его преобразились. „Кабы всѣ, кому случится разсказать еще про мученья „братьевъ", такъ же мгновенно откликались желаніемъ идти охотой... Господи! что бы это было тогда!"— повторялъ онъ про себя.

И теперь, поднимаясь съ перевоза по крутой дорожкѣ англійскаго сада, онъ думалъ все ту же думу. Сталъ онъ перебирать и тотъ гимназическій выпускъ, съ которымъ кончилъ курсъ. Вѣдь не мало ихъ сидѣло въ классѣ: цѣлыхъ семнадцать человѣкъ. Изъ нихъ только девять получили „аттестаты зрѣлости", остальные „провалились". Чего же имъ нейти?—Да и тѣ-то „зрѣлые"—неужели не дрогнетъ ни у одного сердце? Давно ли они всѣ вмѣстѣ готовились, заходили другъ къ дружкѣ, сидѣли на экзаменѣ, дѣлали письменные отвѣты. И никакого тогда горячаго разговора не было ни про болгаръ, ни про Сербію, ни про Черняева. Да и правду сказать, почти ни съ кѣмъ не водилъ онъ дружбы. Званіе ли перваго ученика, или характеръ его — только закадыкъ у него не водилось, хотя и всѣ были товарищи, на „ты", и никто на него никогда не злобствовалъ. Теперь „зрѣлые" разъѣхались— кто изъ деревень, или собирались въ Москву, да въ Питеръ, а „незрѣлые"—тоже разбрелись. Ихъ и по городу-то не сразу найдешь...

Банарцевъ началъ читать про себя, на память, списокъ своихъ одноклассниковъ по алфавиту: „Алексѣевъ, Би-

чурскій, Везломцевъ, Горбачевъ, Дудыринъ...“ Проходили передъ нимъ имена и лица. И ни одного изъ *лучшихъ* учениковъ не считалъ онъ способнымъ крикнуть такъ беззавѣтно, какъ вчера откликнулся простоватый Паисій:

— Лихо бы!

Дошелъ онъ до буквы „П“. Вотъ развѣ старшій братъ Павлиновъ, къ кому Степа бѣгаетъ турмановъ гонять? Этотъ совсѣмъ уже провалился. Онъ — лѣнтяй, забіяка, любитъ и водочку; собирался „вольноопредѣляющимся“ въ полкъ. Этотъ, пожалуй, пойдетъ; но если и пойдетъ, такъ съ ухарствомъ и непремѣнно—начни только ему разсказывать про ужасы—отольетъ какую-нибудь грязную прибаутку.

На полподъемѣ Банарцевъ запыхался и разсудилъ присѣсть. Въ глубинѣ просторной площадки примостилась кофейная, старое уже строеніе, обшитое побурѣлымъ тесомъ, все въ стеклахъ, съ мезониномъ и двумя балконами. Денегъ у него не было на бутылку пива, а внизу онъ не догадался глотнуть кваску. Надъ самымъ обрывомъ стояли полукругомъ скамейки. Онъ присѣлъ на среднюю, верхомъ, въ полъоборота, такъ что ему видны были и рѣка, и вся площадка передъ кофейной.

Объ эту пору гуляющихъ не бываетъ. Какой-нибудь босоногій мальчишка пробѣжитъ внизъ съ удой и ведеркомъ для рыбы, или съ „лодейкой“. А то протащится пьяненькій рабочій съ желѣзнаго завода, или старуха-торговка торопится на перевозъ, попасть засвѣтло въ большое село, видное съ набережной. Но вотъ кто-то изъ „чистой“ публики, не спѣша, сходитъ сверху, размахивая тросточкой. Онъ то поглядитъ внизъ на рѣку, то сниметъ шляпу и начнетъ ею обмахиваться. На немъ какой-то странный костюмъ: не то поддёвка, не то казакинъ и большіе сапоги, отливающіе блескомъ сборокъ при каждомъ движеніи.

— Никакъ Аполлонъ Николаичъ?—вдругъ выговорилъ вслухъ Банарцевъ и поднялся со скамейки.—И то онъ!

Они встрѣтились на площадкѣ, передъ дверьми кофейной. Вблизи, господинъ, спускавшійся сверху, оказался небольшого роста мужчиной, лѣтъ двадцати пяти-шести, съ красивой русой бородой, подстриженной четырехугольникомъ, съ прямымъ, тонкимъ носомъ, яркими губами и быстрымъ, бѣгающимъ взглядомъ свѣтлосѣрыхъ глазъ. На немъ дѣйствительно была франтоватая поддёвка изъ

темной шерстяной матеріи. Изъ-подъ воротника поддёвки выставлялась голубая шелковая рубашка, обшитая двойнымъ галуномъ. Поярковую черную шляпу носилъ онъ слегка на-бекрень. Лаковыя голенища большихъ сапоговъ, толстая цѣпочка и перстни блестѣли и переливались на солнцѣ.

Таковъ, въ этотъ день, былъ внѣшній видъ землевладѣльца Аполлона Николаича Чалаго. Онъ не всегда одѣвался въ „русскій костюмъ“, ходилъ и по-европейски, но Банарцевъ давно зналъ за нимъ замашечку пооригинальничать. Съ Чалымъ сошелся онъ года съ два передъ тѣмъ, давая уроки его младшему брату, поступившему въ юнкерское училище. Чалый вышелъ изъ гимназіи, и Банарцевъ помнилъ его еще гимназистомъ на выпускѣ. Въ университетъ онъ не попалъ, хотя считался очень бойкимъ и способнымъ, особливо по писанію сочиненій. Онъ съ раннихъ лѣтъ жилъ на своей волѣ; мать-вдова баловала его и позволяла жить въ городѣ одному, лѣтъ съ пятнадцати. Помѣщикомъ, послѣ ея смерти, онъ сталъ еще въ седьмомъ классѣ, рѣшивъ хозяйничать самъ, и, за малолѣтствомъ брата, сталъ управлять и своей, и его долей имѣнія. Съ тѣхъ поръ, онъ превратился въ „земца“. Несмотря на молодость лѣтъ, Чалый выдвинулся въ своей „округѣ“ впередъ, побывалъ и въ гласныхъ, и въ судьяхъ, и въ членахъ управы. Недавно началъ править должность уѣзднаго предводителя. Его считали „краснымъ“, какъ до сихъ поръ выражаются въ провинціи со времени крестьянскихъ комитетовъ. Всѣ знали и кричали—да и онъ не молчалъ—что Чалый всегда „подкапывается подъ своего брата дворянина“, тянетъ руку мужиковъ, выискиваетъ разныя каверзы, чтобы представить „въ поскудномъ видѣ старыхъ и почтенныхъ людей“, и безъ того не мало обиженныхъ „эмансипаціей“. До Банарцева все это доходило и отъ постороннихъ, да и самъ Чалый, пріѣзжая въ городъ довольно часто, посвящалъ его во всѣ „уѣздныя исторіи“, и хотя прямо и не всегда хвалился, но всегда давалъ чувствовать, что онъ въ уѣздѣ — единственный „другъ народа“, готовъ сдѣлать все возможное для „успѣховъ самоуправленія“. Смѣлости у него было довольно— Банарцевъ и это зналъ. Чуть что̀, онъ сейчасъ протестъ, докладную записку, рѣчь на собраніи, или скачетъ въ „губернію“, тормошитъ губернскаго предводителя, предсѣдателя губернской управы, прокурора, самого губерна-

тора. Ведетъ себя такъ, точно ему „самъ чортъ не братъ". Въ губернскихъ партіяхъ онъ не замѣшанъ — ему все равно; онъ и къ прокурору, и къ губернатору обращается одинаково, зная, что они „на ножахъ" съ самаго введенія новаго суда. Другой подумаетъ, глядя на него, что это— холостякъ безъ роду, безъ племени, безшабашная голова, которому нѣчего терять. А у него тысячка десятинъ есть и три хутора, и водяная мельница, и женатъ онъ уже лѣтъ съ пять, успѣлъ обзавестись „тремя барбосами", какъ онъ называетъ своихъ трехъ мальчиковъ-погодковъ. Банарцевъ, сколько ни присматривался къ помѣщикамъ „изъ молодыхъ", не находилъ еще личности живѣе, смѣлѣе, открытѣе и „демократичнѣе" этого Чалаго. Не разъ сдавалось ему, что у его пріятеля-землевладѣльца все какъ будто выставляется „съ казòваго конца": очень ужъ онъ скоро переходитъ отъ одного дѣла къ другому, скоро закипаетъ и охлаждается, неразборчивъ ни въ брани, ни въ похвалахъ, любитъ поговорить о себѣ, иногда какъ бы безъ толку горячится, даже сплетничаетъ и суесловитъ изъ тщеславныхъ побужденій. Но, все-таки, въ немъ многое влекло къ себѣ Банарцева. Къ тому же, Чалый хоть былъ и помѣщикомъ, и предводителемъ, и на цѣлыхъ шесть лѣтъ старше гимназиста-семиклассника, обращался съ нимъ на ровной ногѣ, даже прямо выказывалъ ему особое вниманіе, цѣнилъ его одобреніемъ, читалъ ему свои записки, проекты и протесты, давалъ ему много книгъ, доставлялъ и запрещенныя вещи, бесѣдовалъ всегда „по душѣ". Чалый чувствовалъ, что во всемъ городѣ гимназистъ Банарцевъ только и есть его настоящій сверстникъ, понимающій ту долю хорошаго, какая была въ его безпокойной земской жизни.

На Чалаго-то Банарцевъ и надѣялся въ теперешнемъ своемъ настроеніи. Отъ него ждалъ вѣрной поддержки. А случилось такъ, что земецъ не пріѣзжалъ въ городъ больше трехъ недѣль. Банарцевъ сбирался даже писать ему передъ тѣмъ, какъ зашелъ въ гостиницу „Орлеанъ" справиться: не пріѣхалъ ли Аполлонъ Николаичъ?

Ихъ случайная встрѣча показалась Банарцеву счастливымъ предзнаменованіемъ.

XV.

— Откуда это, Аполлонъ Николаичъ?—радостно спросилъ Банарцевъ, по-пріятельски, но не фамильярно, протягивая руку Чалому.

— Отъ его превосходительства!..—картавя, вскрикнулъ землевладѣлецъ и обмахнулся шляпой.—Захотѣлось пройтись на рѣку, выкупаться. Ну, баринъ, поздравляйте меня... Я—къ Черняеву!..

— Что-о вы?

У Банарцева даже въ горлѣ пересохло. Онъ не сразу повѣрилъ своимъ ушамъ.

— Честнòй человѣкъ... Экая жарища! — Пойдемъ туда вонъ, къ кофейной. Я велю бутылку пива подать.

Они присѣли въ тѣни къ столику.

— Вы, Аполлонъ Николаичъ... въ Сербію?—тихо и съ дрожью въ голосѣ переспросилъ Банарцевъ. — Да это—просто чудно! А я васъ-то и ждалъ... Господи!..

Чалый перебилъ его.

— Да-съ, баринъ, такъ сейчасъ и говорю губернатору: стрѣлять, молъ, я, ваше превосходительство, умѣю, верхомъ ѣзжу — чего же мнѣ больше? — Я не командовать ѣду, а драться простымъ охотникомъ.

— Когда же вамъ это желаніе пришло?—все такъ же взволнованно спросилъ Банарцевъ.

— Не могу я, ваше превосходительство, — продолжалъ разсказывать въ лицахъ Чалый,—служить съ этими мерзавцами... Они срамятъ (картавить онъ сталъ все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ больше горячился) все свое сословіе... И народу не подняться, если такая шайка будетъ самоуправствовать... Позвольте мнѣ изложить вамъ все въ докладной запискѣ; а самъ я слагаю съ себя званіе предводителя, хочу идти туда, гдѣ ужъ льется русская кровь!

Громкій, задорный и картавый голосъ Чалаго производилъ на Банарцева ощущеніе какого-то набата. Онъ не хотѣлъ, да и не могъ вникнуть въ содержаніе его разсказа. Слова „срамятъ“, „докладная записка“, „предводитель“ — все это скользило по его слуху, и только возгласъ: „льется русская кровь“ отозвался внутри и заставилъ сердце вдругъ ёкнуть отъ наплыва молодой жалости и отваги.

— И что̀ жъ онъ, и что̀ жъ онъ? — вскричалъ, думая о другомъ, Банарцевъ.

— Губернаторъ-то?—переспросилъ Чалый, наливая въ стаканъ пиво, — разумѣется, былъ весьма тронутъ. Просилъ доставить поскорѣе записку и освѣдомился тотчасъ же: „когда же вы думаете осуществить ваше благородное

намѣреніе?“—„Хоть завтра“, отвѣчаю ему. Вернусь домой — и въ путь. У меня и платье есть подходящее. Вотъ большіе сапоги, казакинъ, пару рубашекъ, хорошій карабинъ... Поясъ для денегъ въ Москвѣ куплю. Станетъ это въ копеечку... Нѣчего дѣлать, пустошь закладываю.

— Пустошь?—машинально выговорилъ Банарцевъ.

Онъ еще не могъ придти въ себя, собраться съ тѣмъ, что̀ ему самому нужно было сообщить Чалому, о чемъ сговориться теперь, когда тотъ ѣдетъ въ Сербію, бросаетъ мѣсто, хозяйство, жену, дѣтей.

— Да, за этимъ проволочки не будетъ,—сказалъ увѣренно Чалый.

— И вы одни, Аполлонъ Николаичъ?

Тотъ расхохотался.

— А то съ кѣмъ еще?.. Не съ нянькой же? Женѣ я сказалъ: коли хочешь со мной ѣхать—поступай въ сестры милосердія. Ну, на это она не согласна—ребятишекъ жаль. Съ ними остается возиться.

— А вамъ не жаль?—какъ бы съ умысломъ сталъ выспрашивать Банарцевъ.

— Мало ли чего!

Чалый хлебнулъ пива и снялъ шляпу. Его бѣлый лобъ загорѣлъ только снизу; вьющіеся волосы стояли горой. Онъ смотрѣлъ въ эту минуту особенно-молодцовато. Банарцевъ заглядѣлся на него.

— Аполлонъ Николаичъ,— началъ онъ стыдливо и взялъ Чалаго за локоть, — вѣдь это — подлинно судьба, что я васъ жаждалъ видѣть, изъясниться вамъ насчетъ того же дѣла... а вы вдругъ сами мнѣ такую вѣсть принесли! И меня тянетъ!

— Туда?—звонко окликнулъ Чалый и быстро оглянулъ Банарцева.

— Да—туда же, куда и вы собираетесь.

— А университетъ по̀-боку?

— Подождетъ... Много и безъ меня.

— Лихо!

Это слово „лихо!“ звучало такъ же, какъ и вчера на рѣкѣ, когда въ монастырскихъ служкахъ заговорило ретивое.

— Я зналъ напередъ, — смѣлѣе продолжалъ Банарцевъ, — что такой человѣкъ, какъ вы, поддержитъ меня. Извѣстное дѣло, коли взглянуть съ житейской стороны:

передо мной дорога... Но вѣдь вотъ и у васъ дорога, а вы же все бросаете!

— Довольно-съ! — крикнулъ Чалый и даже ударилъ кулакомъ по столу.—Я ему, какъ дворянинъ и порядочный человѣкъ, предлагаю дать мнѣ удовлетвореніе, а онъ только издѣвается... Коли такъ, не въ правѣ ли я его откатать, какъ первую попавшуюся собаку?

Щеки его пылали. Глаза такъ и забѣгали въ разныя стороны.

„Про кого онъ это?“ мелькнуло въ головѣ Банарцева, но онъ ничего не сказалъ.

— Когда я считалъ самъ голоса,—кричалъ Чалый,—и самъ былъ до конца на сходкѣ; а эта естественная бестія вдругъ пишетъ, что приговоръ состоялся облыжный—такъ и вставилъ слово: „облыжный“—и господинъ Чалый произвелъ неправильный счетъ голосовъ, руководимый личными видами мести и властолюбія... Этакая гадость! Ка̀къ же тутъ оставаться съ подобными мерзавцами?.. Не то, что въ Сербію—въ Бразилію ускачешь!

„Да что̀ жъ это онъ говоритъ?“ мелькнуло опять въ головѣ Банарцева. Ему становилось жутко. Разговоръ выходилъ совсѣмъ не такой, какого жаждала его душа.

— Такъ вы меня одобряете? — спросилъ онъ громче и значительнѣе.

— Еще бы! Хотите—ѣдемъ со мной. Я въ Москвѣ дня три, много недѣлю останусь. Пойду въ комитетъ. Хочется Ивану Сергѣичу руку пожать. Пусть онъ увидитъ: и дворяне-землевладѣльцы чувствуютъ, какая кровь льется въ ихъ жилахъ!

Эта фраза — первая, по счету, покоробила почему-то Банарцева. Но онъ былъ слишкомъ переполненъ однимъ чувствомъ.

— Я бы съ вами сейчасъ, — заговорилъ онъ, опустя надъ столомъ голову,—да вотъ бѣда: брата не знаю ка̀къ пристроить? Есть у меня пустяшныя деньжонки, ему на полгода хватитъ — не больше, да обѣщали мнѣ на него отъ здѣшняго общества стипендію, съ сентября... десять рублей—все деньги!—Самому-то и не на что отправиться. Будь у насъ здѣсь кто-нибудь отъ этихъ самыхъ комитетовъ... я бы пошелъ. Въ Москву на авось съѣздить — рискъ; быть-можетъ, и ничего не выхлопочешь... Вотъ вы...

— Я вамъ схлопочу!—не далъ ему докончить Чалый.— Ждите отъ меня письма. Да и насчетъ братишки вы не

смущайтесь. Неужели земство, чортъ возьми, не поддержитъ мальчика, коли вамъ не суждено будетъ вернуться оттуда?.. А впрочемъ—теперь въ силѣ такая сволочь!

И вдругъ Банарцеву стало совѣстно продолжать въ просительномъ тонѣ. Онъ хотѣлъ пріятельской бесѣды, а у него выходило чуть не клянченье. Съ трудомъ подавилъ онъ въ себѣ это чувство и сталъ разспрашивать Чалаго обстоятельно: чтò тотъ знаетъ про комитеты? какое выдаютъ пособіе и чтò будетъ стòить добраться до Бѣлграда „хоть какъ-нибудь“, хоть въ „четвертомъ классѣ“?

Чалый зналъ не больше его; но продолжалъ обѣщать самыя точныя справки въ Москвѣ. Онъ даже предложилъ ему содержать Степу „до конца кампаніи“ — но Банарцевъ отказался, говоря, что такой жертвы не понадобится.

— Все равно, — вскричалъ Чалый, — я положилъ процентъ вносить, пока война не кончится... Съ чистаго дохода десять процентовъ отдѣлять буду, кромѣ своихъ подъемныхъ!

Но Банарцевъ еще разъ отказался. Ему опять сдѣлалось непріятно, что выходило съ его стороны новое просительство. Не могъ онъ также освободиться отъ двойственнаго впечатлѣнія, навѣяннаго рѣчами и возгласами Чалаго. Чего-то не хватало этому „добровольцу“, этому „охотнику“ — только Банарцеву не хотѣлось разбирать свое впечатлѣніе.

„Ѣдетъ по охотѣ, — повторялъ онъ про себя,—предводитель, помѣщикъ, отецъ семейства

— Купаться идете? — рѣзко спросилъ Чалый, поднимаясь съ мѣста.—Я выкупаюсь, да къ прокурору.

— У меня Степа, поди, не ѣвши ждетъ,—сказалъ Банарцевъ,—и умаялся я на порядкахъ!..

Въ сумкѣ у него лежало нѣсколько штукъ дичи. Чалый полюбопытствовалъ и даже оглядѣлъ ружье.

— Не прикажете ли парочку? — предложилъ ему Банарцевъ пару дупелей.

— Я возьму, снесите ко мнѣ въ номеръ: — да приходите завтра ѣсть. Я вамъ мою записку прочту, тамъ кое-чтò посократить придется.

— Ужъ вы бы теперь, Аполлонъ Николаичъ, бросили всѣ эти препирательства,—сказалъ Банарцевъ дружескимъ тономъ.

— Послѣдняя записка! Безъ меня, вы увидите, куда

все пойдетъ. Но я не уѣду, пока это животное не принужу публично отречься отъ своихъ мошенническихъ показаній. Я и сходкѣ сказалъ послѣ того, какъ она начала вилять: „вы — такіе-сякіе, я — вашъ защитникъ, одинъ въ уѣздѣ! а вы такъ-то?" Нѣтъ-съ, баринъ, вотъ у меня гдѣ сидятъ теперь наши православные хрестьяне!

И онъ указалъ рукой на затылокъ. Банарцевъ началъ бояться, что Чалый опять войдетъ въ азартъ; а ему хотѣлось проститься съ нимъ на чемъ-нибудь, говорящемъ о томъ „правомъ дѣлѣ", къ которому оба готовили себя. Гимназисту показалось, что у помѣщика-предводителя это „правое дѣло" далеко не заслоняетъ собою всего остального. Да и вся личность Чалаго представилась ему вдругъ въ иномъ свѣтѣ, хотя онъ и давно его зналъ.

Нѣсколько минутъ стоялъ Банарцевъ на площадкѣ, смотря внизъ на спускающагося „добровольца" въ щеголеватомъ русскомъ платьѣ, съ блестящими сапогами и голубымъ воротомъ шелковой рубашки.

„Коли пойдетъ взаправду,—подумалъ онъ,—нечего къ нему придираться"—и, взваливъ на плечо свою винтовку, побрелъ онъ усталымъ шагомъ наверхъ.

XVI.

Больше недѣли Любочка Могучева была сама не своя. Но никто этого не замѣчалъ. Мать все ходила по знакомымъ и нѣсколько разъ не обѣдала дома. Отцу, при его убожествѣ, и подавно было невдомёкъ.

Гаврило Иванычъ сидѣлъ и поджидалъ дочь къ шести часамъ. Только предъ ней и могъ онъ, особливо за чаемъ, затягивать свои разсказы-монологи. Прасковья Егоровна давно перестала ихъ слушать. И онъ радъ-радехонекъ, когда она уйдетъ изъ дому до поздней ночи.

Любочка пришла домой въ обычный часъ. Она не дождалась Банарцева подъ рябинами, на дерновомъ диванѣ; а сегодня-то она и жаждала говорить съ нимъ. Ему было не до нея: судьбу свою онъ рѣшилъ въ послѣдній разъ, когда она его видѣла; онъ ужъ не предлагалъ ей вопросовъ, а прямо сказалъ—„иду". Она знала, что Банарцевъ ждетъ только письма отъ своего „благопріятеля" и ходилъ къ директору насчетъ пособія Степѣ. Почти всѣ ночи напролетъ Любочка не спала; она перебрала въ головѣ все, что̀ для нея связано было съ рѣшеніемъ Васи.

Сначала она храбрилась. „Ну, что жъ такое?—говорила она себѣ,—ему хочется узнать, что такое это: идти простымъ добровольцемъ... онъ—молодой человѣкъ, здоровый, вынесетъ“...

Такъ прошло два дня; но на третью ночь Любочка не могла отогнать отъ себя образовъ, обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ. *Вася* идетъ драться. И не онъ одинъ, а сотня, тысяча такихъ же неумѣлыхъ, неимущихъ, молоденькихъ. Они бросаются впередъ, ихъ бьютъ, они валятся, какъ снопы; кто ихъ приберетъ, кто перевяжетъ раны, кто напоитъ? Тѣ „сестры“, про которыхъ въ газетахъ пишутъ? Много ли ихъ? А вѣдь есть же такія, которыя идутъ. Почемъ она знаетъ, что у этихъ женщинъ нѣтъ также семей, что онѣ ничего не бросаютъ дома? Идутъ же! Мать ея—еще здоровая женщина. Коли захочетъ—можетъ прокормиться. Но отецъ?

Любочка не находила никакихъ доводовъ. Онъ умретъ безъ нея съ голоду. Не однѣ заботы нужны, не одинъ уходъ, но деньги на квартиру, на провизію, на дрова, на все. Ихъ доставляетъ только она. На мать—надежда плохая. Хорошо, кабы себя-то прокормила игрой. Покинуть отца нельзя; но, вѣдь, она поѣдетъ на мѣсяцъ, на два. Война, авось, кончится къ зимѣ; быть-можетъ, и раньше. У ней есть маленькія деньги, скопленныя въ четыре года. Она ихъ оставитъ на житье отцу. По ея расчету на нѣсколько мѣсяцевъ хватитъ и одѣвать, и кормить. Еще нѣсколько ночей продумала Любочка, и, когда сегодня ждала Васю въ саду—все въ ней перебродило. Ея первыя слова были бы:—„Мы поѣдемъ вмѣстѣ, Вася. Я иду въ сестры“. Но онъ не явился. Это ее огорчило. Писать ему она не хотѣла. Они никогда не переписывались. Какъ-то смѣшно было бы даже посылать ему записку. Самой за нимъ идти? И этого она никогда еще не дѣлала. Не нынче-завтра онъ узнаетъ и порадуется. А теперь надо приготовить отца.

Гаврило Иванычъ читалъ постоянно газеты—дочь доставала ихъ въ разныхъ домахъ—но прочитывалъ почти одни театральные фёльетоны и новости. И въ этотъ вечеръ онъ только-что просмотрѣлъ статейку про спектакль въ какомъ-то лѣтнемъ петербургскомъ театрѣ. На губахъ его играла улыбка съ выраженіемъ, прекрасно извѣстнымъ Любочкѣ Гаврило Иванычъ приготовился къ одному изъ своихъ монологовъ, вызванныхъ именемъ какой-нибудь знаменитости.

Пока дочь заваривала чай и перемывала чашки, раздумывая, какъ бы ей смягчить то, что она собиралась объявить отцу,—Гаврило Иванычъ „пустилъ волчка“—такъ выражалась про него Прасковья Егоровна.

— Не привелось мнѣ видѣть ее,—доносилось отрывками до слуха Любочки.—Только ея и не видалъ изъ нынѣшнихъ любовницъ. Сказывалъ мнѣ еще тогда, лѣтъ съ пятнадцать, а то и больше, Иванъ Васильичъ... Онъ у насъ въ ту пору, въ „Дѣтскомъ докторѣ“ выступилъ... поди, въ послѣдній разъ въ молодой-то роли... Удивительная, говоритъ, у меня въ школѣ есть дѣвочка: большой талантъ будетъ и загремитъ... Только бы съ пути не сбилась... Голосъ, говоритъ, искренность, натура—этакъ, говоритъ, плакать, еще никто не плакалъ. Такъ и вышло. Въ первый же дебютъ вся Москва дрогнула. Барыни-то навзрыдъ ревѣли... До осьмнадцати разъ ее выкатили...

— Папенька,—перебила Любочка,—маму ждать къ чаю?

— На цѣлый день она улетучилась, — еще довольнѣе выговорилъ Гаврило Иванычъ. — Пошла и насчетъ ангажемента. Хочетъ на сорока рубляхъ держаться, да на двухъ полбенефисахъ. Прогонитъ онъ ее. Ему совсѣмъ не такую нужно. Нынче и старуха комическая съ голоскомъ должна быть—Юнону въ „Орфеѣ“, а то въ „Синей Бородѣ“ пѣть. Да развѣ твою мамашу можно путемъ въ чемъ-нибудь уговорить?

— Папенька, — перебила опять Любочка, — мама найдетъ себѣ мѣсто... Только надо бы мнѣ хоть на время уѣхать.

— Куда это? — скорѣй съ интересомъ, чѣмъ съ испугомъ, спросилъ Гаврило Иванычъ.

— Вѣдь мамѣ всегда хочется къ осени въ труппу поступить. Она стала такая нервная... Чуть что—сейчасъ и разъѣзжаться съ вами!

Они оба тихо разсмѣялись.

— Ну, такъ что жъ ты это надумала? Для укрощенія строптивой?

— Да мнѣ бы мѣсяца на два уѣхать. Маминъ характеръ я знаю. Она сейчасъ бы начала мучиться, что вотъ я ее посажу одну съ вами... и взяла бы ангажементъ. Хоть и подешевле; зато ужъ навѣрно бы получила. И весь бы годъ до весны она занята. А это для нея важнѣе всего.

Любочка подала отцу стаканъ чаю и присѣла къ его

креслу. Она очень обрадовалась повороту, который не безъ умысла придала разговору. Ей не трудно было и продолжать его въ томъ же тонѣ. Гаврило Иванычъ на все житейское откликался съ мягкостью мудреца. Его долгая театральная „служба“ почему-то не оставила въ немъ ни тревожности, ни раздражительности. Даже смѣшно иногда дѣлалось Любочкѣ, глядя на него, какъ только она вспоминала, что отецъ игралъ „злодѣевъ“. Въ ея память врѣзался одинъ вечеръ, когда она, въ первый разъ, увидала его въ старинной драмѣ: „Тереза—Женевская сирота“. Страшно испугалась она отца, игравшаго роль убійцы, среди театральной бури, съ кинжаломъ въ рукахъ.

Кроткіе, темно-голубые глаза Гаврила Иваныча смѣшливо посмотрѣли на нее.

— А вѣдь и то, Любочка, — протянулъ онъ, — сдѣлай-ко ты такой сюрпризъ мамашѣ! Это ее какъ водой окатитъ.

— Вы, папенька, безъ меня не очень соскучитесь? Я бы только до Покрова...

— Да ты куда же это? Въ деревню погостить, что̀ ли, приглашаютъ?

Смѣлѣе, чѣмъ сама думала, Любочка выговорила:

— Отпустите меня за ранеными походить.

Гаврило Иванычъ нѣсколько удивленно оглядѣлъ ее.

— За ранеными?—переспросилъ онъ.

— Въ Сербіи дерутся. Русскихъ сколько поѣдетъ... И санитарные отряды... Вотъ и я поступила бы.

— Да ты это *такъ*, для обузданія нашей Раисы Минишны, или по сердечному желанію?

Такого вопроса Любочка и не ожидала отъ отца.

— Я лгать не хочу,—выговорила она тихимъ и твердымъ голосомъ,—и меня туда потянуло.

На глазахъ старика показались слезы. Но онъ не расплакался. Улыбка опять прояснила его лицо. Онъ дотронулся рукой до плеча Любочки и шутливо проговорилъ:

— Мы съ тобой, Люба, такой уговоръ сдѣлаемъ: коли на то твое желаніе есть, страдальцамъ послужить — ты матери не говори, что ѣдешь до Покрова, на срокъ; а объяви ты ей сразу: прощайте, молъ, маменька — иду въ сестры милосердія, только вы меня и видѣли!.. Вотъ она и восчувствуетъ, какъ ей жить слѣдуетъ... И насчетъ

жалованья обомнется, да и въ себя войдетъ, пустяковину-то эту выбьетъ изъ головы.

Онъ началъ смѣяться отрывистымъ, слабымъ смѣхомъ. Любочкѣ стало жаль старика, совѣстно за себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко и почти весело.

— Дай-ко еще стаканчикъ, — попросилъ Гаврило Иванычъ, и потеръ себѣ руки; это онъ дѣлалъ въ минуты особаго удовольствія.

XVII.

— Что же меня-то не подождали?—раздался изъ прихожей удушливый голосъ Прасковьи Егоровны.

И отецъ, и дочь обернулись. Каждый усмѣхнулся по-своему.

— Ты вѣдь на цѣлый день собиралась? — замѣтилъ Гаврило Иванычъ.

— Мало ли я что говорила! Пусти, Люба, на диванъ! Смерть моя!

Грузно усѣлась Прасковья Егоровна, не снимая шляпки, ни старомодной какой-то мантильи съ двумя воротниками. Она пріодѣлась для дѣлового визита въ самое парадное свое лиловое платье, изъ выцвѣтшаго „глясѐ“.

— Устала ты, мама? — спросила Любочка, принимаясь опять хлопотать около самовара.

— Поневолѣ устанешь! Изволь на своихъ на двоихъ къ нему отпонтировать. Да еще два раза дома не застала. У Палтусовыхъ закусила, обѣдать-то не угодила къ нимъ. Нѣтъ, думаю, ужъ не отвертишься ты отъ меня... И въ третій разъ, около вечера,—онъ обѣдаетъ, видите ли, въ пятомъ часу. „Долго ли, молъ, спрашиваю, вы водить меня будете? То я вамъ нужна, то я вамъ не нужна. Позвольте полюбопытствовать: ка̀къ же мнѣ это понимать прикажете?“ А онъ—въ халатѣ вышелъ, да еще не застегнулся хорошенько—мямлитъ и гнуситъ:—„Коли хотите, говоритъ, знать, такъ вы мнѣ и нужны, и не нужны. На вторыхъ старухъ, пожалуй“... — „Чѣмъ же я не первая?“ спрашиваю, а внутри у меня такъ и кипитъ.—„Да у васъ голоса нѣтъ“.—„Какъ голоса нѣтъ?“— „Нынче, говоритъ, и оперетныя старухи нужны, чтобъ пѣть могли“.

— Что̀ я тебѣ говорилъ?—вставилъ Гаврило Иванычъ.

— Что̀ ты мнѣ говорилъ? — передразнила Прасковья Егоровна, накинувшись на него.

— А то, что не можешь въ оперетахъ дѣйствовать. Хотя бы и безъ пѣнія. Манеры у тебя нѣтъ опереточной.

— Ладно!

Прасковья Егоровна круто повернулась спиной къ мужу и махнула рукой.

— Такъ вотъ, Люба,—продолжала она, принимая чашку изъ рукъ дочери, — какой пріятный разговорецъ вышелъ.—„Однако, говорю, какія же ваши условія, на вторыхъ, хоть бы, старухъ?“ Какъ бы ты думала, чтò онъ отмочилъ?

— Предвидѣть не трудно,—вслухъ, словно про себя, вымолвилъ Гаврило Иванычъ.

— Съ тобой говорятъ?—Тридцать рубликовъ въ мѣсяцъ и три четвертныхъ бенефиса!

— Не плохой ангажементъ.

Тутъ Прасковья Егоровна не выдержала и вскочила. Вышло бы что-нибудь очень бурное, еслибъ Любочка не остановила ее словами:

— Мама, ты послушай, чтò я тебѣ скажу... Можетъ, ты иначе разсудишь.

Она остановилась. Лицо приняло такое выраженіе, что Прасковья Егоровна тотчасъ же струхнула.

— Чтò еще?—тревожно спросила она.

— Ты меня силой удерживать не станешь — я знаю. Папа слышалъ мое желаніе... Я хочу поступить въ сестры.

— Кàкъ въ сестры?

— Ходить за русскими добровольцами, которые въ Сербіи драться будутъ.

— Ты это въ-сурьезъ?

— Я не шучу.

Вышла пауза. Любочкѣ стало жаль и матери. Она точно комедію съ ней играетъ. Да и *не такъ* собиралась она все это уладить. Выходило какъ-то странно, дурашливо, ничуть не серьезно. Но „уговоръ“ съ отцомъ слѣдовало выдержать.

— А мнѣ—какъ знаешь!—выговорила Прасковья Егоровна.

Всякая неожиданность ей нравилась. Она сѣла опять на диванъ, сняла шляпку, подбоченилась, хотѣла-было заплакать и вдругъ чтó-то вспомнила и повеселѣла.

— Ты у насъ — старшая, ума у тебя больше нашего. Хочется тебѣ — иди! И прекрасно. Въ крымскую-то кам-

панію кто бишь это изъ актрисъ петербургскихъ въ сестры милосердія поступилъ?—кивнула Прасковья Егоровна головой мужу:—„Ты, молъ, все помнишь".

Тотъ нарочно молчалъ, хоть и вспомнилъ, кто именно.

— Была, была одна! И въ Севастополѣ... никакъ медаль, а то и крестъ получила; я портретъ видѣла,—продолжала, одушевляясь, Прасковья Егоровна.—Вотъ и я съ тобой поѣду, Люба! Да и ка́къ еще отлично будетъ! Вдвоемъ все увидимъ, въ одномъ лазаретѣ служить будемъ. Мило: мать съ дочерью! Чудесно!

— Что̀ ты, матушка! — почти испуганно окликнулъ ее Гаврило Иванычъ.

Ихъ „уговоръ" съ Любочкой вдругъ рухнулъ.

— А ты думалъ, я съ тобой буду возиться? Какъ бы не такъ! Еще при дочери ты все не такъ блажишь, а съ однимъ-то съ тобой остаться... Упаси меня Господи!

И Прасковья Егоровна полусердито-полусмѣшливо замахала рукой.

— Ты не вынесешь, мама! — строже и суше замѣтила Любочка.

— Я-то? А что̀ мнѣ дѣлается? Жиръ поспадетъ: все на ходу буду... Только здоровья прибавится... Дай-ка, Люба, чайку покрѣпче.

И глаза ея заиграли. Воображеніе уже стало рисовать ей картинки одна другой „интереснѣе". Она уже видѣла свой портретъ, въ какомъ-нибудь иллюстрированномъ листкѣ, сестрой милосердія, въ бѣломъ чепцѣ, въ платьѣ съ пелеринкой и съ медалью на груди.

— Да вѣдь Люба только до Покрова собирается, пойми ты это!—проговорился Гаврило Иванычъ.

— И отлично! Какъ разъ къ этому времени я и ангажементъ возьму. Черезъ Москву вѣдь поѣдемъ. Я тамъ ходы знаю... Сейчасъ — въ артистическій кружокъ... Все равно, что прежде Барсовъ трактиръ былъ. Здѣсь сидя, ничего не добьешься. Дай-ка еще чашечку, Люба.

Она пила чашку за чашкой и уже вслухъ начала мечтать о томъ, какое славное будетъ ихъ житье, поддразнивая, мимоходомъ, мужа и безпрестанно обращаясь къ дочери.

Любочка долго крѣпилась и не выдержала. Она встала съ своего мѣста у самовара, прошлась по комнатѣ взадъ и впередъ и, приблизившись къ матери, со слезами въ голосѣ выговорила:

— Полно, мама, мы пошутили съ тобой... Гдѣ же мнѣ ѣхать! Да и ты напрасно такой себя выставляешь передъ отцомъ: тебѣ его жаль не меньше, чѣмъ мнѣ...

Больше она ничего не сказала и почти выбѣжала изъ дверей. Она прошла въ свой „чуланчикъ", крошечную комнатку, гдѣ помѣщался только одинъ столъ съ книгами, да шкапъ съ платьемъ. Слезы ее душили.

„Что же это такое?—съ горечью спрашивала она себя,— комедія какая-то! Къ чему я только говорила?!"

Но передъ ней тотчасъ же всплылъ упрекъ: а зачѣмъ же ты хочешь, чтобъ мать оставалась съ отцомъ? Лучше ты сама останься!

Остаться! А Вася уйдетъ. Быть-можетъ, онъ ужъ собрался въ дорогу. Кто его знаетъ? Сердце застучало въ груди часто, часто. Темно, и жарко, и душно было ей въ своемъ чуланчикѣ. Гнало па воздухъ. Въ головѣ все путалось, а страхъ, что Вася уѣдетъ, не простившись, все сильнѣе охватывалъ ее. Любочка присѣла-было къ столу, достала листъ бумаги, начала писать. Потомъ разорвала написанное, надѣла шляпку и лѣтнее пальто и, не заходя къ отцу съ матерью, выбѣжала на улицу.

Ей нужно было видѣть Васю. Посылать нѣкого. Кухарка перевретъ улицу. Нужды нѣтъ, что онъ—молодой человѣкъ, въ домѣ — хозяйка съ дочерью. Вася для нея — братъ. „Братъ" — повторила она про себя, и что-то совсѣмъ ею неиспытанное подступило ей къ сердцу и разлилось по щекамъ яркой краской...

Семь часовъ. Скоро будетъ смеркаться. Ходьбы добрые полчаса. Она пустилась чуть не бѣгомъ, и чѣмъ дальше она шла, тѣмъ невыносимѣе становился ея страхъ: ну, какъ онъ уѣхалъ, не простившись съ ней?

XVIII.

На скамейкѣ, въ густо разросшемся малинникѣ, сидѣлъ Банарцевъ съ зятемъ своей домовой хозяйки, Дмитріемъ Богданычемъ Медіоланскимъ.

Дмитрій Богданычъ давно уже водилъ съ нимъ пріятельство. Они сразу сошлись. Вкусы и наклонности у нихъ были схожіе. Медіоланскій, родомъ изъ духовнаго званія, сначала служилъ канцеляристомъ въ казенной палатѣ, а потомъ удалось ему получить мѣстечко въ частной конторѣ. Женатъ онъ былъ больше пяти лѣтъ; но приданаго никакого не взялъ за женой, кромѣ надежды

на домикъ съ флигелькомъ, послѣ тещи. И вмѣсто того, чтобы превратиться въ „служащаго“, т.-е., придя со службы, спать, пить водку и играть въ карты, Дмитрій Богданычъ пристращался все больше къ чтенію, да къ живописи. Почти самоучкой дошелъ онъ до письма иконъ, а отъ иконъ перешелъ и къ „свѣтскимъ“ сюжетамъ. Мечтой его было — поучиться въ Москвѣ или въ Петербургѣ у настоящихъ „академиковъ“. Вообще, объ ученіи въ академіяхъ и университетахъ онъ говорилъ и думалъ, какъ о недосягаемомъ благѣ. Въ теченіе всего послѣдняго года, онъ велъ съ Банарцевымъ длинные разговоры о томъ, кàкъ Василій Семенычъ „сподобится“, наконецъ, поступить въ университетъ. Ему почему-то вѣрилось, что послѣ того осуществится и его мечта: выбраться изъ Z и сбросить съ себя „всю свою приказную кожу“. Дома его стремленіямъ никто не сочувствовалъ: ни теща, ни жена. Онъ съ ними перебрасывался словами только о домашнихъ дѣлахъ, да о службѣ, а душу отводилъ исключительно съ постояльцемъ.

Въ послѣобѣденномъ тепломъ свѣтѣ, широкое лицо Медіоланскаго, съ большой бѣлокурой бородой и волнистыми длинными волосами, смотрѣло добродушно и слегка задумчиво. Онъ покуривалъ и поглядывалъ на Банарцева. Дешевый бухарскій халатъ прикрывалъ всю его плотную фигуру.

— Если-бъ нынѣ, — выговаривалъ онъ мягко и прищуривая глаза,—мнѣ съ костей годковъ съ десять, кáкъ бы я съ вами удралъ въ Питеръ! Чтò я могу теперича безъ натурщиковъ, безъ образцовъ, безъ руководства? Народъ-то видишь и здѣсь: мужиковъ, бабъ... И ландшафтъ захотѣлъ—ступай на рѣку или въ лѣсъ заберись. И коровъ вдоволь...

Онъ разсмѣялся. Блеснули его большіе зубы и глаза заискрились.

— А все жанру не выйдетъ. Видѣлъ я, намедни, снимокъ съ „Масленицы“. Извѣстна вамъ эта картина, Василій Семенычъ?

Банарцевъ слушалъ его разсѣянно.

— Что?—откликнулся онъ.

— „Масленицу“ — картину, видѣли? Адмиралтейскую тамъ, чтò ли, площадь представляетъ...

— Видѣлъ, кажется, въ Иллюстраціи.

— Ну вотъ; чего бы, кажется, проще? И у насъ гулянья

бываютъ: на плацпарадномъ мѣстѣ, въ полѣ, около лагерей, зимой—на рѣкѣ, и горы, и качели, и кабаковъ что̀, и комедія... Тѣ же мужики, солдаты, бабы... А поди схвати. Ка̀къ бы не такъ!

Крупныя его губы скосились въ сторону, и онъ сплюнулъ.

— Это точно,—почти машинально отвѣтилъ Банарцевъ.

Голова его работала теперь не надъ тѣмъ, что̀ говорилъ Дмитрій Богданычъ. Ему становилось даже не совсѣмъ ловко оставаться наединѣ съ Медіоланскимъ. То, что̀ было имъ рѣшено на-дняхъ, о чемъ онъ все пламеннѣе мечталъ, всего этого почему-то онъ не сообщалъ пріятелю. Не то, чтобъ онъ хотѣлъ скрытничать съ нимъ, а точно боялся не найти въ немъ настоящаго отклика.

— Дмитрій Богданычъ! — спросилъ онъ другимъ тономъ,—вы Чалаго знаете?

— Видалъ... Это тотъ, прохоровскій мировой?

— Онъ теперь ужъ предводитель.

— Видалъ, видалъ,—повторилъ съ усмѣшкой Медіоланскій.—Бравый дворянинъ. Изъ себя—хвать!

— И говорили съ нимъ?

— Не приводилось.

— Какъ бы вы думали—въ добровольцы идетъ!

— Ишь ты! Что жъ? Онъ человѣкъ со средствами. Фантазію свою исполнять воленъ.

— Тутъ не фантазія,—перебилъ Банарцевъ,—за правое дѣло идетъ.

Онъ немного отвернулся вбокъ. Медіоланскому не видать было его лица.

— Дѣло правое,—повторилъ Дмитрій Богданычъ.—Кто говоритъ! Опять же и начальство вездѣ благоволеніе оказываетъ. Такое время... Вы знаете, Василій Семенычъ; я вѣдь горячей натуры человѣкъ... И у меня руки зачесались, какъ я въ вѣдомостяхъ про всѣ эти звѣрства болгарскія прочелъ! Однако, вотъ, въ добровольцы не пошелъ.

— Вы женатый человѣкъ.

— Экая важность! А Чалый-то? У него, никакъ, и дѣтокъ малая толика. Меня это бы не удержало. Есть одно чадо... кромѣ крика отъ него до сихъ поръ никакого проку нѣтъ. Ну, пускай мать и няньчится. У сожительницы моей кусокъ хлѣба есть, одна у маменьки наслѣдница. А вотъ какъ надо говорить: у каждаго человѣка свое кровное дѣло, ему онъ и долженъ предаваться...

Если у меня завѣтное есть что на душѣ,—извѣстно, не утроба своя или мошна—зачѣмъ я буду сворачивать въ сторону?

— А турки бы къ намъ сюда пожаловали, небось, взяли бы ружье?

— Это совсѣмъ другой оборотъ, Василій Семеныч.

Справа, изъ-за куста малины, показалась голова Степы.

— Ты зачѣмъ туда залѣзъ? — крикнулъ ему старшій братъ.

— Пущай его,—остановилъ Дмитрій Богданычъ,—нынче страсть сколько ягоды... Мои-то чиновницы—онъ насмѣшливо кивнулъ головой—и безъ того объѣдаются. Ну, вотъ, я продолжаю нашъ разговоръ насчетъ хоть бы этой Сербіи. Взять теперь васъ со Степой. И вамъ дорога, шутка сказать, въ ученое званіе, да и ему черезъ васъ однихъ можно въ люди попасть. И вотъ бы вы взяли вдругъ да къ генералу Черняеву въ ординарцы... Да еще въ ординарцы-то не примутъ; а не угодно ли ранецъ взвалить и простой пѣхтурой отправляться!

Медіоланскій добродушно разсмѣялся и запахнулъ полу халата. Банарцевъ собрался что-то отвѣчать. На дворѣ залаяла цѣпная собака. Степа побѣжалъ къ калиткѣ.

— Это кого Господь посылаетъ?—сказалъ Медіоланскій, приподнимаясь.—Трезорка нашъ, окромя совсѣмъ чужихъ, ни на кого не лаетъ... лѣнивъ, бестія!

Они оба поглядѣли на калитку. Банарцевъ выговорилъ только:

— Дайте срокъ, объ этомъ рѣчь впереди.

Прибѣжалъ Степа и впопыхахъ крикнулъ:

— Служки пришли изъ монастыря.

— Къ кому?—окликнулъ Медіоланскій.

— Васъ, братецъ, спрашиваютъ.

Степу никакъ нельзя было отучить отъ мѣстоименія „вы“ въ разговорахъ его со старшимъ братомъ.

— Меня? — переспросилъ Банарцевъ, немного смутившись.

— Сюда позвать?

— Зови, зови!—весело подсказалъ Дмитрій Богданычъ:—Что за оказія такая... Ужъ не меня ли родственнички какіе подыскиваютъ? Пріятно будетъ познакомиться.

— Пожалуйте!—крикнулъ Степа въ калитку.

Черезъ порогъ переступили Серафимъ и Паисій.

Банарцевъ взглянулъ тревожно на пріятеля и выговорилъ:

— Это ко мнѣ. На охоту я съ ними ѣздилъ за рѣку...

Но онъ не прибавилъ—о чемъ его просили оба послушника.

XIX.

Они приблизились гуськомъ, снявши свои шапки. Медіоланскій посматривалъ на нихъ съ улыбочкой—„что-то, молъ, изъ этого спектакля будетъ?“ Онъ, по натурѣ своей, любилъ въ необидной формѣ „пройтись“ насчетъ „долгогривой породы“, нимало не скрывая того, что и самъ изъ нея вышелъ.

— Здравствуйте, братцы!—привѣтствовалъ ихъ Банарцевъ. — Спасибо, что не забыли меня. Не хотите ли ко мнѣ въ комнату?

Впередъ выступилъ Серафимъ. Глаза его смотрѣли возбужденно. Лицо лоснилось. Отъ него пахнуло спиртнымъ духомъ, который долетѣлъ и до Дмитрія Богданыча. Тотъ усмѣхнулся уже посильнѣе.

— Не извольте безпокоиться, — выговорилъ Серафимъ, придерживая руку около рта,—мы и здѣсь постоимъ. На пару словъ... Очень ужъ мы съ Паисіемъ возгорѣлись: съ того самаго вашего вдохновительнаго поученія, и спимъ, и видимъ. Къ отцу-настоятелю собрались бить челомъ, да я говорю: допрежь всего надо къ душевному человѣку, Василію Семенычу Банарцеву. У хромого Ефима добыли ваше мѣстожительство, и вотъ теперь, лично отъявившись, молимъ васъ: не откажите намъ въ предстательствѣ!

— Въ угодника вы, Василій Семенычъ, попали!—вставилъ Медіоланскій, подступая поближе къ послушникамъ:— предстательства вашего просятъ, точно вы къ лику сопричислены.

Послушники довольно громко разсмѣялись. Банарцевъ замѣтилъ тутъ, что и Паисій, глуповато выглядывавшій изъ-за рослой фигуры товарища, тоже былъ подъ хмелькомъ.

Это его окончательно сконфузило. А Медіоланскій, не замѣчая еще его смущенія, попросту спросилъ послѣ маленькой паузы:

— Да вы это куда же ихъ опредѣлять сбираетесь, Василій Семенычъ?

— Въ добровольное ополченіе... На Дунай-рѣку желаемъ!—рѣзнулъ своимъ сиплымъ басомъ Серафимъ.

— Вотъ оно что-о!—оттянулъ Медіоланскій и еще больше повеселѣлъ.

— Такъ точно,—пустилъ и Пансій, выставивъ пухлое лицо изъ-за плеча Серафима.

— Въ добровольцы идутъ?—обратился Медіоланскій къ Банарцеву.

— Да, оба,—отвѣтилъ тотъ, уже освободившись отъ своего смущенія. Онъ даже совсѣмъ ободрился и рѣзче прибавилъ:—они бравые будутъ ратники. Ихъ не долго было одушевить, Дмитрій Богданычъ... Мы, быть-можетъ, въ одну дружину попадемъ.

— И вы съ ними?—все еще шутливо вскричалъ Медіоланскій.

— А вы какъ бы думали?

Банарцеву не хотѣлось сводить разговора на серьезный тонъ. Его и безъ того коробило „подпитіе“ обоихъ служекъ.

— Да вы бы лучше дождались простой воинской повинности,—заговорилъ съ ними Медіоланскій,—дѣло не трудное. Вы и безъ того подлежите. А въ Сербію-то найдутся охотники и не изъ монастырской братіи. Особливо ежели подъемныя будутъ выдавать.

— Василій Семенычъ!—подступилъ Серафимъ къ Банарцеву,—мы на васъ, какъ на каменную стѣну.

— Да я, братцы, самъ еще вѣрнаго мало знаю... А въ скоромъ времени извѣщу васъ.

Банарцеву захотѣлось поскорѣе ихъ выпроводить изъ садика, чтобы Дмитрій Богданычъ дольше не балагурилъ.

— Пойдемте ко мнѣ. Я вамъ дамъ почитать номеръ газеты. Новости есть объ Сербіи.

Онъ поспѣшно повелъ ихъ къ калиткѣ. Дмитрій Богданычъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ ему вслѣдъ. Этотъ приходъ служекъ, ихъ разговоръ, странный тонъ пріятеля, который онъ, наконецъ, замѣтилъ—все это раззадорило его любопытство. Но онъ былъ деликатный человѣкъ. Догонять Банарцева и разспрашивать онъ не захотѣлъ, вернулся на скамейку и сталъ ждать, предполагая, что Банарцевъ, отпустивъ гостей, возвратится.

Такъ оно и вышло. Минутъ черезъ десять, Банарцевъ проводилъ послушниковъ до воротъ и пришелъ въ садъ. Онъ былъ какъ-то особенно возбужденъ, скорыми шагами

подошелъ къ скамейкѣ, гдѣ все еще сидѣлъ Дмитрій Богданычъ, такъ же скоро опустился на нее и потрепалъ пріятеля по плечу.

— Ну, теперь слушайте—я вамъ все разскажу.

И разсказалъ ему *все*, увѣренно, твердо, такимъ тономъ, какого Медіоланскій и не ожидалъ отъ него.

— Какъ же это такъ?—вскричалъ Медіоланскій, когда Банарцевъ кончилъ, вскакивая со скамейки. — Батюшка, Василій Семенычъ, какъ же это? Что̀ вы съ собой дѣлаете? Приравниваете себя къ этимъ жеребцамъ! Да вѣдь они оба пьянчужки. Это, небось, видно! Оба, поди, за дебоширство, да за туполобіе изъ училища выгнаны, а то и за мерзости какія. Вѣдь вы меня спросите, что̀ это за народецъ! И вдругъ вы съ ними хотите въ одну дружину идти!

Дмитрій Богданычъ заходилъ по маленькой площадкѣ въ сильномъ волненіи. Полы его бухарскаго халата распахнулись; онъ началъ щипать бороду то одной, то другой рукой.

— Никакой нѣтъ разницы между мной и ими,—горячо возразилъ Банарцевъ и тоже поднялся со скамейки.—Не велика важность, что они нынче выпили. Да ежели и правда, что оба съ изъяномъ, лучше же имъ за правое дѣло голову сложить, чѣмъ тунеядствовать!..

— Ну, и пущай ихъ! — крикнулъ Медіоланскій. — Да вамъ-то не ко двору—вотъ о чемъ разговоръ идетъ, Василій Семенычъ! Господи! Точно у насъ молодыхъ людей, золотыя медали получающихъ, куры не клюютъ?! Отчего же, позвольте спросить, въ губерніи нашей такая пустяковина идетъ: все вразбродъ, все только хапаетъ мѣста да куши, и все-то пустой, полуграмотный народъ? Отчего это? Оттого, что молодежи нѣтъ хорошей. Надежды наши на юность и на перваго на васъ, Василій Семенычъ. Я землякъ вашъ, горжусь вами; мнѣ извѣстны всѣ ваши труды, старанія и усилія. И передъ самымъ-то переходомъ въ высшую науку, вы вдругъ, точно вамъ дѣваться некуда, къ Черняеву-генералу бѣжать захотѣли! Ну, Сербія, Сербія! Знаю, что ихъ братьями зовутъ нынче въ газетахъ. Да вѣдь не сербовъ рѣзали-то, а болгаръ. Это первое дѣло; а второе дѣло: у насъ достойнѣйшіе молодые люди будутъ выходить изъ гимназіи, а мы ихъ прямо подъ пулю! Что̀ они намъ, сербы-то, за васъ выдадутъ,

коли, чего Боже сохрани, вы на полѣ чести ляжете? Позвольте освѣдомиться?

Онъ остановился и перевелъ духъ. Все лицо его было въ поту.

— Извините,—продолжалъ онъ, — я вѣдь по-пріятельству — у васъ разумъ свой; но скорбѣть я не перестану, ежели дѣйствительно вы на своемъ настоите. Пускай другіе въ умиленіе приходятъ, пускай подвигомъ считаютъ— я не могу такъ смотрѣть на ваше увлеченіе. Слишкомъ я вашими душевными помыслами жилъ до сей поры!

Въ голосѣ его заслышались слезы. Онъ даже отворотился. Банарцевъ ничего не возражалъ ему и стоялъ съ понурой головой. Но никогда еще его „рѣшеніе“ не было для него такъ дорого, какъ въ эту минуту. Не доводы Дмитрія Богданыча заставили его понурить голову: они скользили по немъ. Онъ задумался надъ тѣмъ, какъ одинъ прямой и беззавѣтный шагъ сейчасъ же даетъ и силу, и спокойствіе, и какую-то нечувствительность.

— Братецъ!—донесся изъ калитки голосокъ Степы.

Оба обернулись.

— Братецъ! подите сюда.

Степа позвалъ его рукой къ калиткѣ.

— Пришла Любовь Гавриловна, — шепталъ Степа на ухо старшему брату, — имъ нужно васъ видѣть... такъ сюда, чтò ли, позвать ихъ, или въ комнаты?

Приходъ Любочки очень удивилъ Банарцева. Въ комнаты ему не захотѣлось просить ее. „Эти чиновницы, — подумалъ онъ про хозяекъ,—сплетничать примутся... Еще Богъ знаетъ, чего наплетутъ“. Онъ остановился въ недоумѣніи. Медіоланскій точно понялъ и, подойдя къ нему, ласково и тихо выговорилъ:

— А мнѣ и удалиться пора. Утро вечера мудренѣе, Василій Семенычъ; авось и въ васъ все уляжется.

Банарцевъ и на это ничего не сказалъ, но пожалъ ему руку по-пріятельски.

Пріотворивъ калитку, Медіоланскій увидѣлъ на крыльцѣ флигелька женскую фигуру.

— Къ вамъ? — подмигнулъ онъ Банарцеву и добавилъ серьезнѣе, — вамъ, чтó же, въ комнатахъ-то, сюда пригласите гостью... Да никакъ это Могучева, Любовь Гавриловна?

— Она,—строго отвѣтилъ Банарцевъ.

Совсѣмъ запахнулся въ халатъ Дмитрій Богданычъ и

проскользнулъ въ калитку, стараясь пройти дворомъ такъ, чтобы гостья не замѣтила его въ домашнемъ уборѣ.

XX.

Банарцевъ подошелъ къ крыльцу и окликнулъ Любочку. Она глядѣла въ другую сторону.

— Не ожидали?—торопливо и тревожно спросила она.

Въ голосѣ онъ заслышалъ новыя какія-то ноты и пристально посмотрѣлъ на нее.

— Пойдемте въ садъ. У насъ въ комнатахъ душно очень.

— Хорошо,—кротко отвѣтила она.—Туда, въ калитку? Я вѣдь у васъ въ первый разъ.

Ей хотѣлось поскорѣе остаться съ нимъ вдвоемъ. Ему также, но по другой причинѣ. Справа, изъ окна хозяйской кухни, уже глядѣли на нихъ хозяйка съ дочерью. Поспѣшно прошли они до калитки и все молча. На дорожкѣ, Банарцевъ остановилъ Любочку за руку и спросилъ:

— У васъ всѣ здоровы?

— Здоровы, — коротко отвѣтила она и, дойдя до скамейки, сѣла. — Вася,— выговорила она съ дрожью въ голосѣ,—я васъ ждала сегодня.

— Уроки у Пшенисновыхъ я прекратилъ.

— Я не знала, но это—не то. Присядьте, дайте мнѣ собраться съ мыслями... Теперь я готова идти, но вотъ что̀...

Она путалась въ словахъ, вынула платокъ, опахнулась имъ и вдругъ пришла въ себя, начала говорить складно, безъ торопливости. Не скрыла она отъ него, какъ съ той встрѣчи, когда онъ высказалъ ей свое душевное желаніе бросить все и идти въ добровольцы, она больше недѣли работала надъ этимъ же „вопросомъ“ всѣми своими чувствами и помыслами, какъ она, наконецъ, рѣшилась идти въ „сестры“ и думала, что все обойдется прекрасно. И вотъ сейчасъ она увидала, что все обращается въ какую-то комедію. Мать она не можетъ заставить насильно остаться при отцѣ, а образумиться та не хочетъ. Отецъ— безпомощенъ, жалокъ, совсѣмъ на ея рукахъ. Но она оставила бы его только на два, на три мѣсяца. Съ кѣмъ? Какъ? Она не знаетъ и прибѣжала просить совѣта у своего друга и товарища.

— Вася!— кончила Любочка свое долгое изліяніе,— вы

только одинъ меня и поддержите; я знаю... Мы вѣдь вмѣстѣ идемъ, на одно дѣло.

По мѣрѣ того, какъ говорила Любочка, въ Банарцевѣ поднималось совсѣмъ не то, чего ждала она. Сразу, какъ только она объявила, что хочетъ идти „въ сестры", онъ, не дожидаясь ея дальнѣйшихъ сообщеній, сказалъ про себя, рѣзко и убѣжденно: „Развѣ ей можно? Это — безуміе!"

И чѣмъ дальше она шла, тѣмъ больше у него возникало на душѣ возраженій, опроверженій, возгласовъ. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ прервать ее и насилу сдерживался.

И вотъ она сидитъ теперь передъ нимъ на скамейкѣ, и ея добрые, горячіе, умные глаза смотрятъ тревожно и вопросительно. Вся она замерла и ждетъ отъ него слова. Онъ — мужчина. Она идетъ по его пути. Въ немъ она нашла толчокъ къ такому точно рѣшенію...

— Да вы взаправду?—спросилъ онъ ее совершенно такъ, какъ она его спрашивала десять дней назадъ, въ саду, у пруда.

— А то какъ же, Вася? Вы видите.

— Этого вамъ нельзя дѣлать!—выговорилъ онъ, нахмуривъ брови, и отошелъ отъ нея къ кусту малины.

— Нельзя? Почему?

У него въ запасѣ была тысяча доводовъ. Онъ и сталъ ихъ выкладывать по одиночкѣ. Ему пришлось сейчасъ же ее стыдить: какъ это она, и умница, и честная, и самоотверженная, вдругъ такъ легкомысленно бросаетъ безногаго отца, который безъ нея совсѣмъ сгинетъ? Развѣ она можетъ поручиться за то, что ее гдѣ-нибудь не ранятъ на полѣ сраженія? Какъ было этого не предвидѣть? И говоря такъ, Банарцевъ чувствовалъ, что онъ не увлекается какой-нибудь чувствительностью. Онъ на Гаврилу Иваныча всегда смотрѣлъ, какъ на актера-чудака, ничего не знающаго, кромѣ своего актерства. Но все-таки Гаврила Иванычъ свой вѣкъ провелъ въ работѣ, хоть и на театрѣ, добывалъ честно кусокъ хлѣба, копить было не изъ чего; стряслась надъ нимъ бѣда, и, кромѣ дочери, нѣтъ у него ни души, кто бы спасъ его отъ богадѣльни, да и въ богадѣльню-то, пожалуй, не примутъ. Прасковья Егоровна и сама-то себя не прокормитъ — Любочка это прекрасно знаетъ.

Долго, гораздо дольше ея, говорилъ онъ, стоя передъ нею. Голосъ его звучалъ все строже и строже.

— Вася! — прервала его Любочка, — за что же вы на меня такъ напали?.. Разумѣется, я рискую и, быть-можетъ, не вернусь... Да и оставаться я не могу. Я хочу быть тамъ, гдѣ и вы будете!..

Она не договорила, опустила голову и сильно зардѣлась.

— Гдѣ *я* буду?—повторилъ Банарцевъ и смолкъ.

„Такъ, значитъ, для меня она идетъ?“ — пронеслось у него въ головѣ, и имъ тотчасъ же овладѣлъ ужасный стыдъ. Ему стало невыносимо неловко, досадно, больно. Онъ въ первый разъ почувствовалъ, что для Любочки онъ—не простой товарищъ, гимназистъ Вася, а что̀-то другое.

— Вотъ видите! — закричалъ онъ, пододвинувшись къ скамейкѣ,—вотъ видите: у васъ нѣтъ, стало-быть, настоящаго влеченія. Не самое дѣло притягиваетъ васъ... Если бъ оно такъ было, вы бы давно уже стремились, Любочка... *Я* тутъ замѣшанъ, — продолжалъ онъ глуше и порывистѣе, — моя, можно сказать, неприкосновенность... вѣдь такъ? Вамъ меня жалко стало... Убьютъ, думаете! Жалче стало, чѣмъ отца убогаго... я этого не хочу! Простите мнѣ такую грубость, а я не хочу этого, Любочка! Будь у васъ прямое влеченіе, безъ удержу, всей душой — и тогда бы я вамъ сказалъ: нельзя, есть у васъ и здѣсь свой крестъ! А теперь я и подавно говорю вамъ: этакъ не годится! Вы меня этимъ оскорбите... Какое—оскорбите? Огадите мнѣ самому мое душевное дѣло!..

Любочка тяжело дышала. Слезы давно текли по ея щекамъ.

— Не останусь я здѣсь, Вася, не останусь! — шептала она, сдерживая рыданія.

— А если бъ я не пошелъ—остались бы?—рѣзко спросилъ онъ.

— Вы своего рѣшенія не перемѣните, да я и не хочу этого! Слышите, Вася, не хочу! Да и почемъ вы знаете, что я не могу сочувствовать... идеѣ?—съ трудомъ нашла она слово.

— Идеѣ, говорите вы?—перебилъ Банарцевъ и сдѣлалъ жестъ головой. — Не вѣрится мнѣ, Любочка; воля ваша, не вѣрится... Да если бъ и такъ, найдите сначала такой способъ, чтобъ вамъ дома у себя дурного дѣла не дѣлать. Тогда вотъ и потолкуемъ.

— Я затѣмъ и пришла къ вамъ, Вася...

— Я вамъ тутъ—не совѣтчикъ; ничего я не вижу, никакого способа.

Онъ сѣлъ съ ней рядомъ. Любочка сдержала слезы и положила платокъ въ карманъ.

— Это—ваше послѣднее слово, Вася? — спросила она, ласково и съ надеждой въ глазахъ поглядѣвъ на него.

— Не первое, не послѣднее... зачѣмъ намъ перекоряться, Любочка! Вѣдь мы не на театрѣ съ вами...

Онъ взялъ ее за руку и наклонилъ къ ней голову. Что̀ то схватило его за сердце. Этотъ другъ его дѣтства преобразился въ существо, которое было ему гораздо дороже, чѣмъ онъ когда-либо воображалъ.

— Не надо, не надо... изъ-за меня дѣлать дурное дѣло... — проговорилъ онъ теплымъ, вздрагивающимъ голосомъ надъ ея поникшей, милой головой.

— Ахъ, Вася, Вася! Грѣхъ тебѣ такъ говорить!

Она сама не знала, какъ у нея вырвалось это „тебѣ“.

— Все я чувствую, проговорилъ онъ, — Люба, милая моя!.. Тянетъ меня туда: никакая сила, кажется, не удержитъ!

„И меня также“,—подумала она, но ничего не сказала.

Любочка вдругъ поднялась, чего-то точно испугалась, и черезъ двѣ минуты выходила ужъ изъ садовой калитки. Банарцевъ проводилъ ее до воротъ.

XXI.

Лидія Пшениснова была очень недовольна тѣмъ, что „Василій Семенычъ“ (такъ звали Банарцева во всемъ домѣ) покончилъ свои занятія раньше срока. Онъ пріискалъ, правда, другого учителя, но она настояла у матери—не брать пока никого. Банарцевъ пришелъ къ нимъ въ послѣдній разъ, черезъ два дня послѣ того, какъ къ нему прибѣгала Любочка. Учеництъ своихъ ему не было жалко. Съ ними онъ обошелся, какъ всегда, ласково и съ шуточкой. Лидіи онъ ничего не сказалъ про свое рѣшеніе и на ея вопросъ: „Развѣ вы ужъ собрались въ Петербургъ?“—сухо отвѣтилъ:

— Что̀ жъ мнѣ здѣсь заживаться?

Лидія объявила ему, что она его такъ „не отпуститъ“, что всѣ три сестры уже давно сговорились пригласить его на хуторъ, на цѣлый день.

— Мы будемъ надзирателями за дѣтьми, — добавила Лидія съ своей полунебрежной, полунгривой усмѣшкой.—

Маму мы оставимъ здѣсь; она вручитъ мнѣ свою родительскую власть.

Замѣтивъ въ Банарцевѣ желаніе отнѣкиваться, она вскричала:

— Вы не можете намъ отказать! Въ прошломъ году, я васъ звала на мои именины, и вы не изволили пожаловать, сказались больнымъ. Это было бы изъ рукъ вонъ нелюбезно, Василій Семенычъ.

Банарцевъ молча поклонился, въ знакъ согласія.

— Неужели же, Василій Семенычъ, -- сказала, помолчавъ, Лидія, опуская рѣсницы и держа его за руку,—вы, послѣ двухъ лѣтъ знакомства, такъ съ нами и не проститесь хорошенько? Или вы на меня очень ужъ разсердились?

— Разсердился?—переспросилъ Банарцевъ.

— Должно-быть...

Онъ далъ ей слово явиться въ назначенный день и пришелъ раннимъ послѣобѣдомъ. На хуторѣ дѣвицы собирались угощать его чаемъ и всякой молочной ѣдой. Поѣхали туда въ дрогахъ на тройкѣ. Мать оставили въ городѣ. Взяли съ собою только одну горничную, большую искусницу въ дѣлѣ исканія грибовъ, и нѣсколько кулечковъ и жестянокъ съ печеньемъ и всякой холодной провизіей. Муза вся исхлопоталась. Юленька была рада и тому, что уроки кончились раньше, а еще сильнѣе тому, что можно будетъ лишній разъ перегладить и перецѣловать всѣхъ коровъ, тёлокъ и телятъ скотнаго двора. Въ особомъ холщевомъ мѣшечкѣ везла она корокъ чернаго и бѣлаго хлѣба. Всѣ три сестры одѣлись совсѣмъ по лѣтнему, въ кисейныя платья, съ открытой шеей и короткими рукавами, и прикрыли головы соломенными шляпами съ широкими полями. Много было смѣху дорогой, когда проѣзжали небольшимъ лѣскомъ, гдѣ въ одной рытвинѣ чуть-было не выбросило меньшихъ двухъ сестеръ, сидѣвшихъ по одну сторону дрогъ. Лидія посадила Банарцева рядомъ съ собой на другой сторонѣ, а горничная Гликерія, рябоватая, плотная особа, въ фуляровомъ платкѣ на головѣ, помѣстилась на заднемъ сидѣньѣ, лицомъ къ дорогѣ.

Отъ хутора до города считалось всего четыре версты. Чай пить рѣшили въ шестомъ часу, а тотчасъ по пріѣздѣ, осмотрѣвши разныя угодья: скотный дворъ, птичникъ, конюшни, огородъ, фруктовый садъ, грунтовый сарай,

вѣялку и молотилку, отправились вразсыпную за грибами, вдоль лощины, по красивымъ крутымъ пригоркамъ, покрытымъ молодымъ чернымъ лѣскомъ: дубнякомъ, орѣшникомъ, осинникомъ, съ бѣлѣвшими тамъ и сямъ стволами березъ.

Мѣстомъ сбора Лидія назначила „Живой Ключъ“ въ концѣ лощины, гдѣ издавна построенъ былъ крытый ходъ къ колодцу холодной и прозрачной воды. Банарцевъ давно не бывалъ тамъ, больше трехъ лѣтъ, но хорошо помнилъ эту мѣстность; онъ хаживалъ по ней съ ружьемъ.

Лидія пошла съ нимъ, пустивъ горничную съ дѣвицами впередъ. Она не особенно любила искать грибы, нагибаться изъ-за каждой сыроѣжки или опёнки. Путь ихъ лежалъ по лѣсной тропкѣ, густо заросшей орѣшникомъ. Банарцевъ пробирался первымъ, отстраняя рукой вѣтви. Лидія перекидывалась съ нимъ словами; разговоръ шелъ туговато, точно будто одинъ изъ нихъ къ чему-то готовится. А передъ тѣмъ Банарцевъ повеселѣлъ дорòгой, слушая смѣхъ Юленьки съ Музой. Насчетъ Лидіи онъ тоже успокоился. Ему было теперь рѣшительно все равно, чтò бы эта „скитница“ ни говорила, да и онъ постарается не обмолвиться ни единымъ словомъ. И ея разсужденія онъ будетъ пропускать мимо ушей. Погода стояла прекрасная, воздухъ наполненъ былъ пахучей свѣжестью лѣсныхъ травъ; груди его дышалось такъ вольно; впереди—исполненіе завѣтнаго дѣла! Онъ и съ Лидіей готовъ былъ проститься по-дружески, только бы она его не задѣвала.

Грибовъ они не искали, поэтому и пришли раньше къ ключу. Спускаясь съ пригорка отъ опушки, Лидія окликнула Банарцева и попросила его повести ее подъ руку.

Ему впервые приводилось исполнять роль кавалера.

— Вы очень низко держите руку, — весело замѣтила ему Лидія и прикоснулась до его локтя правой рукой.

— Ну, ужъ извините! — немного конфузливо отвѣтилъ онъ.

— Мы ихъ подождемъ у ключа. Мнѣ пить хочется, а вода тамъ славная.

Подъ навѣсомъ колодца стояла скамейка. Къ деревяннымъ periламъ прибита была желѣзная цѣпь съ желѣзнымъ же крашенымъ ковшомъ. Полосы солнечнаго свѣта забрались подъ крышу и легли по дощатому полу крытой площадки вокругъ колодца. Напротивъ зеленѣла лужайка,

вдававшаяся рѣзкимъ клиномъ въ дубовую рощицу. Мѣсто было, въ самомъ дѣлѣ, прелестное. Банарцевъ загляделся, стоя у одного изъ столбовъ навѣса.

„Вотъ бы,—думалось ему,—въ такой ложбинкѣ, подъ вечеръ, какъ хорошо расположиться на ночь сторожевой стоянкой... А *тамъ*, пишутъ, какія есть мѣста... что̀ твоя Швейцарія!“

— Василій Семенычъ! — раздался позади его звучный, низкій голосъ Лидіи.

— Чего изволите?—отвѣтилъ онъ, все еще не отрывая глазъ отъ лужайки.

— Заглядѣлись на наши виды? Кругомъ хутора — все такъ. Мама хочетъ хуторъ мнѣ отдать, когда мнѣ двадцать одинъ годъ минетъ.

Банарцевъ обернулся. Лидія сидѣла на скамьѣ и облокотилась о перила колодца. Шляпу она сняла. Ея густые волосы немного взбились на вискахъ. Весь бюстъ гибко перегнулся въ его сторону. На губахъ лежала усмѣшка, но въ глазахъ замѣтна была сосредоточенность.

— Дайте испить,—продолжала Лидія. Нагнувшись къ колодцу, она поглядѣлась въ высоко-стоявшей водѣ.— Сойдите туда, вамъ удобнѣе будетъ.

Къ водѣ вело нѣсколько ступенекъ. Банарцевъ спустился на вторую и зачерпнулъ воды ковшомъ. Не поднимаясь съ мѣста, онъ подалъ ковшъ Лидіи. Ея полная, бѣлая, точно наливная рука перевѣсилась черезъ перила, и вся она низко нагнулась. Ея дыханіе касалось его лица.

— Ухъ, какая вода!—громко вздохнула Лидія. Напилась она всѣмъ ртомъ, по-деревенски, глубоко уйдя лицомъ въ объемистый ковшъ.

Невольно поглядѣлъ на нее Банарцевъ. Лицо ея и весь тонъ показались ему такими добрыми и простыми, что ему стало совѣстно, зачѣмъ онъ на нее такъ дулся, да и вообще относится къ ней пренебрежительно и злобно.

— Дайте, и я напьюсь! — гораздо веселѣе выговорилъ онъ и также по-крестьянски потянулъ изъ ковша студеную воду.

— Отдохнемте, Василій Семенычъ, — пригласила его Лидія и указала мѣсто рядомъ на скамейкѣ.

— Живая водица! Да и вообще удачный пикникъ,— сказалъ, присаживаясь къ ней, Банарцевъ, такимъ добродушнымъ тономъ, отъ котораго Лидія тотчасъ же вся просіяла.

— Посидите тутъ... поговоримъ, быть-можетъ, вѣдь, въ послѣдній разъ!—вымолвила она съ удареніемъ.

XXII.

Они сидѣли спиной къ колодцу. Сзади ихъ обдавала пріятная свѣжесть, поднимавшаяся отъ воды.

— Ну, вотъ, вы сегодня не смотрите моимъ врагомъ,— начала Лидія, поглядывая на Банарцева немного вбокъ.— Давно бы такъ.

— Ужъ и врагомъ!—повторилъ онъ смущенно.

— Объ этомъ что̀ толковать, Василій Семенычъ. Кто старое помянетъ, вы знаете... А вы не будете отмалчиваться, если я вамъ предложу нѣсколько вопросовъ?

Она подняла голову и смѣло вскинула на него большими сѣрыми глазами.

— Что̀ жъ я за молчальникъ, — отшучивался Банарцевъ,—кажется, не трудно меня о чемъ угодно допросить.

— Вотъ видите, Василій Семенычъ: я все думала про нашъ послѣдній разговоръ, помните, тогда, послѣ вашего урока, объ Сербіи... Вы меня извините: я, быть-можетъ, очень ужъ рѣзко тогда говорила... А знаете почему?

Глаза Лидіи смотрѣли въ ту минуту въ сторону, но тонъ ея вопроса зазвучалъ искренно.

— Не знаю, — отвѣтилъ Банарцевъ и тоже отвернулъ голову. Онъ сталъ опять вглядываться въ зеленую лужайку.

— Я вамъ скажу откровенно. Мнѣ показалось тогда, будто вы сами ужасно увлечены этой Сербіей и сбираетесь въ добровольцы... право!.. Потомъ я разсудила: этого быть не можетъ. Вы слишкомъ серьёзны и умны, Василій Семенычъ...

— Будто бы?—насмѣшливо окликнулъ Банарцевъ.

— Пожалуйста! Униженіе паче гордости. Вы вѣрите мнѣ теперь... И какъ только я это разсудила, ну, и успокоилась. Въ добровольцы вы не попадете — въ этомъ я убѣждена. Вонъ мнѣ разсказывали третьяго дня, что Чалый, прохоровскій предводитель, воевать собрался. Такъ вѣдь онъ—извѣстный скандалёръ.

Банарцевъ промолчалъ.

— Нѣтъ,—продолжала Лидія, замѣтно одушевляясь,— я васъ не такъ понимала, Василій Семенычъ, совсѣмъ не такъ. Взглядъ у васъ свой на всю эту исторію—спорить

съ вами не буду. Но, чтó вы мнѣ скажете, если я васъ и отъ университета отговаривать пачну?

Она остановилась и откинула назадъ голову. Банарцевъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Отъ университета?

— Да-а,—протянула Лидія и таинственно улыбнулась.

— Какимъ бы это манеромъ? — спросилъ Банарцевъ и про себя добавилъ:—„пускай ее: я ей все-таки по душѣ не откроюсь“.

— Я не такая умная, какъ вы, Василій Семенычъ, хоть и ровесница ваша; но у меня свой собственный маленькій умишко есть. Вотъ я и начала думать, давно уже, объ вашей судьбѣ. Зачѣмъ вамъ университетъ?.. Ха-ха-ха! Вы не пугайтесь, пожалуйста: еще то ли я скажу?—Ученымъ быть—хорошо, говорятъ... Не знаю. Я никогда ученой не буду: да, признаться, и охоты большой нѣтъ. Но, согласитесь, кто хочетъ много знать — будто тому нужно, непремѣнно, поступать въ студенты и ходить на лекціи, чтò ли, цѣлыхъ пять лѣтъ или, по крайней мѣрѣ, четыре года?

Вопросы Лидіи заинтересовали Банарцева. Онъ никакъ не ожидалъ *отъ нея* такого разговора.

— Ну-те-съ, ну-те-съ,—поддакнулъ онъ ей учительской нотой.

— Я это къ тому говорю, что, если у васъ, напримѣръ, большая охота книжки читать, — вѣдь въ книжкахъ все можно найти,—зачѣмъ непремѣнно въ университетъ? Мало развѣ я наслушалась рòзсказней отъ студентовъ. У меня два московскіе кузена, Ваня и Володя Большаковы, въ прошломъ году гостили у насъ—васъ здѣсь не было, вы въ уѣздъ на кондицію ѣздили... Кàкъ честили профессоровъ-то! Почти что всѣхъ. Скука, говорятъ, у нихъ на лекціяхъ смердящая... Ха-ха-ха! Это—ихъ слово... „Только,—говорятъ,—время понапрасну тратишь“... Дома лучше книжки или записки тамъ, что ли, читать, да на экзаменъ идти. А они—дѣльные... Володя-то вторымъ кандидатомъ вышелъ, писалъ недавно намъ.

— Кабы такъ разсуждать, — возразилъ все еще недоумѣвающій Банарцевъ,— такъ никто бы въ университетъ пе шелъ.

— Да вотъ и вамъ, Василій Семенычъ, — продолжала Лидія еще искреннѣе,— позвольте помечтать за васъ, какая такая надобность въ студепты записываться? Если бы

вы не въ книжкахъ только жили, — она остановилась и перемѣнила позу,—вы бы могли устроить свою жизнь совсѣмъ по другому...

Банарцеву показалось, что онъ какъ-будто начинаетъ понимать немного Лидію.

— Какъ же это?—спросилъ онъ тономъ простого любопытства.

— Ахъ, Боже мой! Какъ?.. Я не виновата, что вы всегда витаете... тамъ гдѣ-то! Вамъ бы лучше на землю смотрѣть и не отталкивать тѣхъ, кто васъ давно цѣнитъ и отличаетъ...

„Зачѣмъ это она... не нужно!"—подумалъ Банарцевъ и совсѣмъ ушелъ вдаль глазами. Ему становилось неловко. Онъ почти уже все понялъ и радъ былъ прекратить разговоръ, но не зналъ, какъ это сдѣлать.

— Не умѣю,—говорила точно сама съ собою Лидія,—не умѣю я сладко выражаться... Да и не обо мнѣ тутъ рѣчь идетъ, а объ васъ, Василій Семенычъ. Вы вотъ теперь кончили курсъ съ медалью, вамъ скоро двадцать лѣтъ минетъ, можете всякимъ дѣломъ, всякой службой заняться у себя на родинѣ... Васъ Богъ умницей сдѣлалъ, а у другихъ средства есть. Каждая дѣвушка, понимающая людей, будетъ счастлива обезпечить васъ, предоставить вамъ свое состояніе... разъ вы сойдетесь съ ней и назовете своей женой... Вы думаете, такихъ нѣтъ, Василій Семенычъ?—спросила Лидія и очень пристально поглядѣла на него.

— Не знаю-съ, — вымолвилъ онъ, почти нехотя. Ему было жутко.

— Есть; только не надо на нихъ очень свысока смотрѣть... И какая бы славная жизнь устроилась!.. Я буду опять за васъ мечтать—вы позволите?

— Сдѣлайте одолженіе...

— Вмѣсто всякаго студенчества, женитесь вы, ну, такъ черезъ полгодика. У жены вашей имѣнье, вамъ всюду дорога... Захотите, гласнымъ будете и мировымъ судьею, и хозяйствомъ займетесь, будете пользу приносить... славно! Всего вдоволь, сами себѣ баринъ, свобода полная и здоровье... А захочется книжки читать... цѣлую библіотеку можно купить, въ Москву на зиму съѣздить, профессоровъ послушать... Есть охота экзаменъ на кандидата, что ли, выдержать, не спѣша, такъ, черезъ пять-шесть годковъ, ничто не мѣшаетъ. Еще больше уваженья будетъ отъ

земства. Въ управу выберутъ, куда хотите... Такъ ли, Василій Семенычъ?—спросила Лидія и вся выпрямилась. Голову она откинула немного назадъ и протянула впередъ правую руку.

Какъ ни жутко было Банарцеву отвѣтить что-нибудь на этотъ вызовъ, онъ пересилилъ себя и выговорилъ серьезно:

— Благодарю васъ за участіе, Лидія Сергѣевна. Вашъ планъ для иного, быть-можетъ, и соблазнителенъ, да для меня не годится. Не взыщите.

Онъ всталъ и отошелъ къ одному изъ столбовъ навѣса.

„Что жъ мнѣ ей было сказать? — внутренно добавилъ онъ про себя.—Обидится—ея дѣло."

Лидія какъ будто ждала, что Банарцевъ поправится и скажетъ еще что-нибудь, но онъ молчалъ. Она тоже поднялась со скамьи.

— Насильно милъ не будешь! — вырвалось у ней такъ неожиданно для Банарцева, что онъ, красный отъ смущенія, не смѣлъ поднять головы.

Но это продолжалось всего нѣсколько секундъ. Онъ повернулся лицомъ къ Лидіи и простымъ, радушнымъ тономъ сказалъ:

— Всякому своя дорога, Лидія Сергѣевна. У меня она намѣчена.

— Я не удивляюсь, — перебила она, сдерживая волненіе,—если вы вдругъ и въ добровольцы уйдете, не то что въ студенты!..

— Можетъ, и не ошибетесь,—обмолвился Банарцевъ.

„Ау! ау!"—раздались по лощинѣ голоса Музы и Юленьки. Оба пошли молча къ нимъ навстрѣчу.

XXIII.

Между Банарцевымъ и Лидіей не было больше сказано ни одного слова. За чаемъ, въ хуторскомъ домѣ завязалась общая болтовня. Къ возвращенію въ городъ меньшія дѣвицы немного разомлѣли, и вся почти дорога прошла молча. Около кладбищенской церкви Банарцевъ попросилъ себя высадить—оттуда ему было два шага до дому.

Лидія, прощаясь съ нимъ, шепнула вполголоса:

— Больше вѣдь васъ и не увидишь, я знаю.

— Василій Семенычъ! до свиданія! — кричали ему, съ другой половины дрогъ, Муза и Юленька, — мы съ вами не прощаемся, приходите обѣдать.

Онъ не хотѣлъ ихъ обманывать и попрощался съ ними совсѣмъ. Облако пыли заволокло спускавшіяся по улицѣ дроги. Банарцевъ постоялъ съ минуту на одномъ мѣстѣ и медленно пошелъ домой. Ему трудно было отдѣлаться отъ впечатлѣнія сцены у колодца. Онъ никогда еще ничего подобнаго не испытывалъ. Теперь только почувствовалъ онъ, какого усилія стоило гордой, самостоятельной дѣвушкѣ сдѣлать ему признаніе. Что̀ онъ такое въ глазахъ ея? Хоть и ровесникъ ей, а все-таки мальчишка-гимназистъ, голякъ, принужденный жить уроками, да кондиціями. Никогда не приходило ему на умъ, что Лидія имъ интересуется.

И невольно сталъ онъ, подходя къ дому, перебирать въ головѣ тѣ картинки хорошаго житья, которыя Лидія такъ убѣдительно и оживленно рисовала ему. Кто споритъ: куда легче было бы взять въ жены такую дѣвицу, получить за ней домъ, землю, деньги, основаться сейчасъ же на житье, попасть въ земцы, хозяйничать, жить въ почетѣ и въ довольствѣ до конца дней своихъ? Она права, и книжки читать можно, и покупать ихъ будетъ на что, а экзаменъ, хоть на магистра, никто не запрещаетъ держать, исподволь, полегоньку. Такого житья ему никогда не видать въ студентахъ, да и по выходѣ изъ университета... Что̀ еще изъ него выйдетъ? Много-много что профессоръ. Да и это еще старушка на-двое сказала... А то учитель ариѳметики!.. И потянетъ онъ ту же лямку. Семьей обзаведется, женится на какой-нибудь безприданницѣ, ребятишки пойдутъ. Хорошо еще, если концы съ концами сводить будетъ.

Банарцевъ, на поворотѣ въ свою улицу, очнулся и отвѣтилъ смѣхомъ на „пустяшныя“ фантазіи. „Очень я виноватъ,—думалъ онъ,—что госпожѣ Пшенисновой угодно было избрать меня своимъ *предметомъ*“. Образъ другой дѣвушки, его перваго друга, всталъ передъ нимъ. Вотъ эта любитъ его не для собственнаго удобства. Она его не сбиваетъ на привольное житье. Сама готова все бросить, чтобъ только не разставаться съ нимъ. Но этого нельзя! Онъ не допуститъ. И опять въ немъ все внутри возмутилось противъ жертвы, на которую шла Любочка...

Съ мыслью о Любочкѣ и о томъ, какъ онъ ея не допуститъ до поступленія въ „сестры“, Банарцевъ вошелъ на крыльцо своего флигелька. Уже порядочно стемнѣло. Стёпа крикнулъ ему изъ-за перегородки, гдѣ сидѣлъ у окна:

— Братецъ, письмо вамъ принесъ почтальонъ; я на столъ положилъ.

Свѣтелка побольше, гдѣ стоялъ Банарцевъ, служила и спальней дли обоихъ братьевъ, и учебной комнатой; за перегородкой они обѣдали и пили чай. Занимались они у одного некрашенаго стола, покрытаго старенькимъ темнымъ драдедамомъ. Степа спалъ на диванѣ. Надъ желѣзной койкой висѣли охотничьи вещи и ружье. Очень бѣдно смотрѣло все.

На столѣ лежало письмо. Банарцевъ взялъ его поспѣшно. Руку адреса онъ тотчасъ же узналъ. На штемпелѣ стояло „Москва". Этого письма отъ Аполлона Николаевича онъ заждался. Не зажигая огня, сталъ онъ разбирать у окна вязкую руку Чалаго, сморщилъ лобъ и безпрестанно поправлялъ волосы, набѣгавшіе ему на глаза.

Цѣлыя четыре страницы было исписано. На прочтеніе ихъ понадобилось съ четверть часа. Банарцевъ прочелъ два раза нѣкоторыя мѣста и присѣлъ къ окну. Сердце ему болѣзненно защемило. Онъ узнавалъ въ немъ Аполлона Николаевича Чалаго, и вотъ это-то еще больше огорчало его. Въ письмѣ стояло нѣсколько общихъ фразъ, а потомъ шелъ разсказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ за время остановки въ Москвѣ, откуда Чалый собирался съ цѣлой „партіей". Чувствовалось въ каждомъ словѣ, что онъ только выдерживаетъ характеръ, но что ему все противно: и тѣ господа, съ которыми онъ идетъ на „святое дѣло", и безтолковщина, найденная имъ „во всей этой штукѣ", какъ онъ неопредѣленно выражался... Подъ конецъ письма, онъ просто издѣвался надъ собой и надъ дѣломъ, и надъ своей „затѣей".

„Затѣей",—повторилъ Банарцевъ нѣсколько разъ про себя. Его щеки поблѣднѣли, глаза сдѣлались влажны. А вотъ эти строки, каково было ему перечитывать ихъ: — „Нѣтъ, душенька,—обращался къ нему Чалый,—не трогайтесь вы, ради Бога—не для васъ это все затѣяно; и я-то въ смущенье пришелъ, и врядъ ли не ограничусь легкой прогулкой до города Бѣлграда и обратно. Не трушу я нисколько, а половина охоты прошла—вотъ что̀-съ. Если бъ не наши уѣздные мерзавцы, для которыхъ я не хочу быть притчей во языцѣхъ, такъ, пожалуй бы, и изъ Москвы прикатилъ обратнымъ поѣздомъ".

„Что̀ жъ это, Господи!"—чуть не громко вскричалъ Банарцевъ.

Зачѣмъ было писать ему такое письмо? И ни слова о томъ, куда и къ чему обратиться, какія выдаютъ пособія, какъ всего удобнѣе и дешевле попасть въ партію добровольцевъ, когда отправляется и самъ Чалый, и съ какой партіей?

Десятки вопросовъ тѣснились въ его головѣ, и ни на одинъ изъ нихъ письмо „благопріятеля“ не давало никакого отвѣта. Чего ужъ тутъ дожидаться, чтобы Чалый вспомнилъ то, что̀ говорилъ ему здѣсь насчетъ Стёпы! Хорошо, что не понадѣялся тогда на него и не оставилъ своего расчета на стипендію. Опустились руки и писать ему въ Москву. Да онъ ничего и не извѣщалъ: ѣдетъ на-дняхъ или проживетъ еще недѣлю-другую. Даже адреса не обозначилъ. Поди ищи его въ Москвѣ!..

„Нечего дѣлать, — воскликнулъ про себя Банарцевъ, ходя по темной комнатѣ.—И безъ него обойдемся. Одинъ все сдѣлаю: и узнаю, и въ Москву съѣзжу, коли на то пошло!..“

— Ужинать собирать? — раздался изъ-за перегородки голосокъ Стёпы.—Али еще рано, братецъ?

— Чего?—сердито переспросилъ старшій братъ.

— Ужинать, спрашиваю?..

— Надоѣлъ ты мнѣ!—прикрикнулъ онъ на Стёпу.

И опять, уже въ который разъ, стала его разбирать злость на братишку. Если бъ не Стёпа, не забота о томъ, что̀ изъ него будетъ и какъ обезпечить ему кормъ, квартиру и даровое ученье, — хоть завтра садись въ вагонъ и кати! Скопилъ онъ себѣ рублей двѣсти въ послѣдній годъ. И платья не шилъ по окончаніи курса. На двѣсти рублей можно доѣхать до Сербіи и на свой счетъ. Какъ бы не такъ! Надо хоть половину оставить на содержаніе все этого же Стёпы, даже и въ томъ случаѣ, если выхлопочетъ ему стипендію...

Мальчикъ, услыхавъ сердитый окрикъ брата, совсѣмъ притихъ у окна и даже боялся зажечь свѣчку.

„Завтра же надо пойти къ директору“,—рѣшилъ старшій братъ, возвращаясь опять съ своей думой къ Стёпѣ. И онъ точно боялся задавать себѣ вопросъ: а что̀, если не удастся устроить этого дѣла? Онъ одному только былъ радъ, что ничего не хотѣлъ „клянчить“ передъ Чалымъ и принимать его благодѣяній.

„Вотъ бы понадѣялся,—думалъ онъ,—а потомъ хвать— все бы и кончилось однимъ пустымъ разговоромъ. Эхъ,

Аполлонъ Николаичъ! Получше ты другихъ-прочихъ изъ вашей братіи, а все со свищемъ!“

— Давай ужинать, Стёпа!—крикнулъ онъ брату и зажегъ свѣчу.

XXIV.

Въ послѣдній разъ посѣщалъ Банарцевъ, на слѣдующее утро, большое желтое зданіе, гдѣ онъ высидѣлъ чуть не девять лѣтъ. Гимназія прежде была куда погрязнѣе. Онъ еще помнилъ то время, когда главный подъѣздъ стоялъ всегда запертымъ, ученики проходили черезъ темный и вонючій „сторожевскій“ коридоръ. Теперь, у открытаго съ утра главнаго подъѣзда на верхней площадкѣ сидѣлъ опрятный „унтеръ“, и даже фонари на большихъ старинныхъ столбахъ были прочищены. Сторожъ поклонился ему по-пріятельски.

— Здравія желаемъ, господинъ Банарцевъ!—окликнулъ онъ его и прибавилъ:—коли къ Евлампію Захарычу—пожалуйте, они въ конторѣ.

„Конторы“, гдѣ бы принималъ директоръ, прежде тоже не было, а въ канцеляріи, помѣщавшейся внизу, сидѣлъ письмоводитель съ писаремъ. Теперь директорская квартира пошла подъ параллельные классы, и одну изъ комнатъ директоръ обратилъ въ пріемную, гдѣ бывалъ каждый день, въ большую перемѣну.

Туда и прошелъ прямо Банарцевъ. Въ передней ему подалъ руку писецъ директорской канцеляріи, ужасный франтъ; надъ его галстуками потѣшался весь выходной классъ. И писецъ повторилъ ему, съ ухмыляющимся лицомъ:

— Евлампій Захарычъ здѣсь находятся, пожалуйте.

Директоръ, лысенькій, съ брюшкомъ, въ свѣтлыхъ брюкахъ и съ крестомъ на шеѣ, тоже подалъ ему руку, какъ большому человѣку, и посадилъ его сейчасъ же на диванъ. Съ первыхъ словъ и папироску предложилъ.

— Я—насчетъ братишки?—сказалъ ему Банарцевъ вопросительно.

Тотъ сдѣлалъ легкую гримасу, забарабанилъ по овальному столу и выпустилъ струю воздуха полусжатыми губами.

— Ахъ, мой милый (директоръ былъ очень сладокъ), я за вами хотѣлъ вчера послать... именно объ этомъ дѣлѣ. Вы знаете, какъ мы вами гордимся. У насъ давно не было

еще такого истинно зрѣлаго молодого человѣка, какъ вы... Я лично готовъ всѣми мѣрами поддержать вашего брата... прежде всего, въ воздаяніе за ваши отличные успѣхи... Да и мальчикъ хорошій. Я, какъ классный воспитатель, слѣдилъ за нимъ... Онъ не особенно боекъ... память слабѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ, зато старателенъ... Хорошій мальчикъ. Но что же дѣлать, голубчикъ! Съ начала учебнаго года не предвидится полныхъ стипендій. Общество еще не богато. Къ зимѣ, быть-можетъ, послѣ новаго года, будетъ возможность доставить ему пособіе въ размѣрѣ пяти рублей...

— Только съ новаго года?—переспросилъ Банарцевъ.

— Да и то еще не могу вамъ сказать навѣрное...

„Дуракъ я! Безумецъ! — пронеслось въ головѣ Банарцева.—Какъ это я могъ надѣяться?"

— Пять рублей, сами можете судить, Евлампій Захарычъ...—заговорилъ онъ растерянно.

— Разумѣется... Ну, отъ платы его освободимъ. Это мы сдѣлаемъ. Но вотъ я чего не понимаю... зачѣмъ вамъ его здѣсь оставлять... вы вѣдь въ петербургскій?

— Такъ точно, — ученически и полусознательно отвѣтилъ Банарцевъ.

— Тѣмъ больше. Вы получите сейчасъ же стипендію. Я въ этомъ ни малѣйше не сомнѣваюсь. Вы нѣсколько лѣтъ занимаетесь уроками и теперь будете употреблять на это досуги. Брата вашего вы, если не сейчасъ, то къ будущему году скорѣе успѣете помѣстить, и при себѣ его держать удобнѣе. Вотъ только развѣ проѣздъ — вы когда ѣдете?

— Скоро,—выговорилъ Банарцевъ.

И онъ не посмѣлъ объявить директору, что не въ Петербургъ рѣшилъ онъ ѣхать, а въ Москву и дальше.

„Нельзя, нельзя!" — говорилъ онъ про себя, и Стёпа, его стриженый затылокъ, его круглая фигурка прыгали передъ нимъ и заставляли молчать, отказываться отъ всего.

— Съ Богомъ,—слышался ему масляный голосъ директора,—вы поддержите честь нашего заведенія. Жаль только, что вы не на филологическій факультетъ. Вамъ бы открылась прекраснѣйшая дорога...

— Неужели же совсѣмъ нельзя, Евлампій Захарычъ?—порывисто спросилъ Банарцевъ, поднимаясь съ дивана.

— Въ этомъ году, милый мой, нѣтъ возможности. Не

хотите ли пройтись со мной... перемѣна кончается, проститесь съ классами!

Банарцевъ ничего не отвѣтилъ, а, поклонившись директору, пошелъ за нимъ по коридору. Сначала они проходили мимо параллельныхъ классовъ, помѣщавшихся по сю сторону большой актовой залы. Въ залу прежде, когда Банарцевъ былъ въ младшихъ классахъ, никогда никого не пускали, да зимой и плохо топили ее. А теперь тутъ гудѣли гимназисты всякихъ возрастовъ, ходили, бѣгали, играли. Посрединѣ одной большой кучки виднѣлся вицмундиръ. Банарцевъ узналъ спину инспектора. Тотъ, въ эту минуту, обернулся и крикнулъ ему:

— Здравствуйте, Банарцевъ! А я ужъ думалъ, что вы уѣхали.

Мальчики разступились. Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ; нѣкоторые забѣгали и кланялись, стараясь припомнить ему что̀-нибудь. Одинъ мальчуганъ остановилъ на дорогѣ директора и смѣшливо какъ-то пропищалъ:

— Евлампій Захарычъ, у насъ маменька заболѣла: позвольте мнѣ на два дня отлучиться.

Директоръ, поговоривъ съ нимъ, отпустилъ и замѣтилъ Банарцеву:

— Изъ моего класса... способный бутузъ!

Вошли они въ „старый" коридоръ, съ давнишними чугунными плитами, по которымъ звонко раздавались ихъ шаги. Вотъ и седьмой классъ, гдѣ еще такъ недавно вызывали ученика „Василія Банарцева". Съ давнихъ поръ, въ седьмомъ классѣ стоятъ большіе часы, по нимъ звонятъ въ перемѣнахъ, и заднія скамьи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ той минуты, когда покажется за стеклянной дверью голова сторожа, смотрящаго на циферблатъ.

Завернули въ концѣ стараго коридора налѣво, гдѣ прежде помѣщались второй и первый классы, а теперь приготовительные. На площадкѣ, устроенной въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно былъ спускъ по лѣстницѣ, которая вела къ „сторожевскому" подъѣзду, за низкими перилами, стоялъ мужичокъ въ синей сибиркѣ съ разной ѣдой въ большомъ коробѣ. Перила усѣяны были гимназистиками. Одни протягивали маркитанту, кто „трёшникъ", кто „семишникъ", другіе усаживались и набивали себѣ ротъ бутербродами. Прежде такихъ „вольностей" не

позволяли; а всякій въ карманѣ притаскивалъ что-нибудь изъ дому.

— Банарцевъ... съ директоромъ! — шептали мальчики, указывая на перваго ученика, получившаго золотую медаль.

Гулъ немного стихалъ; но видно было, что къ директору и самые маленькіе клопы присмотрѣлись.

— Какова орда?—спросилъ директоръ, проходя черезъ классную комнату, гдѣ копошились мальчуганы больше все въ своемъ, неформенномъ платьѣ.—Ихъ тутъ больше сорока человѣкъ... да размѣстить негдѣ!

Слѣдующій былъ классъ Степы.

— Банарцевъ здѣсь?—спросилъ директоръ, останавливаясь у каѳедры.

— Здѣсь! — отвѣтилъ своимъ жиденькимъ и веселенькимъ голоскомъ Степа, вставая съ мѣста.

Его бѣлая круглая голова такъ и лоснилась въ лучѣ свѣта, падавшаго изъ окна.

— Надо бы идти самымъ первымъ, въ память брата,— пошутилъ съ нимъ директоръ,—а намъ еще до первыхъ учениковъ далеконько!..

Степа вспыхнулъ. Старшій братъ посмотрѣлъ на него сурово. Въ эту минуту онъ его просто ненавидѣлъ. Вотъ изъ-за этого мальчишки со стриженой, круглой головой, все лопнуло! Его душило. Онъ радъ былъ бы броситься вонъ изъ класса, изъ этой „проклятой“ гимназіи, гдѣ, по волѣ судьбы, ему надо было поддерживать зауряднаго гимназиста, изъ котораго, Богъ его знаетъ, что̀ еще выйдетъ. Онъ такъ былъ поглощенъ своей внутренней тревогой, что, по выходѣ изъ Стёпина класса, гдѣ-то ускользнулъ отъ директора, хорошенько не откланявшись ему.

XXV.

Съ ружьемъ на плечахъ, въ постоянной бѣготнѣ силился Василій Банарцевъ размыкать, въ слѣдующіе три дня, свое „горе“. Онъ попалъ опять въ артемьевскіе луга; но никого не бралъ съ собой, даже изъ пріятелей-охотниковъ села Красная Варега. Ходьба помогала ему думать, уйти въ себя, утомленіе смиряло его злость и пылъ. Онъ убѣжалъ изъ дому, чтобы, чего добраго, не прибить ни въ чемъ неповиннаго братишки. Видѣть онъ его не могъ. Что-то безпощадное, злобное, ѣдкое поднималось въ немъ. Онъ и убѣжалъ.

Ужъ на второй день ходьбы по лугамъ въ Банарцевѣ

сердце поулеглось. Онъ смирился. Никто не виноватъ въ томъ, что онъ самъ размечтался. Развѣ онъ не зналъ напередъ, какова была бы его собственная жизнь, если бы его покинули, какъ онъ собирался покинуть Степу? У его братишки нѣтъ такихъ способностей, какъ у него. Онъ не можетъ, еще ребенкомъ, прокармливать себя и продолжать ученье. Стипендіи не даютъ. Оставить мальчика со ста рублями на все, про все — мерзко, бездушно! Идти просить о немъ, клянчить, христарадничать... И пошелъ бы, да не къ кому.

Оставалось смириться. Коли Любочкѣ, по его убѣжденію, нельзя было бросить безногаго отца, такъ какъ же ему-то возмущаться, что на его рукахъ хорошій, тихій, прилежный мальчикъ, изъ котораго онъ долженъ сдѣлать человѣка? И кто же его осудитъ за то, что онъ *остается?* Неужели найдутся такіе люди? Ну, и пускай находятся! Онъ имъ скажетъ: „Какъ *мнѣ* горько было, про то моя грудь знаетъ; помогите мнѣ, обезпечьте братишку, и я *туда* пѣшкомъ пойду!“

На третій день онъ пробирался домой. Все въ немъ уже перегорѣло. Одно только носилъ онъ въ сердцѣ: боязнь, что его первоначальное чувство какъ-нибудь, не то что поколеблется, а сожмется отъ разныхъ встрѣчъ и житейскихъ фактовъ. Ему бы хотѣлось теперь закрыть на все глаза и остаться съ этимъ первоначальнымъ своимъ чувствомъ, или такъ себя закалить, чтобы ничто на него не дѣйствовало, чтобы „правое дѣло“ было въ его глазахъ такъ же чисто и велико!

Въ такихъ мысляхъ переѣзжалъ Банарцевъ на паромѣ, часу въ шестомъ вечера. Онъ вспомнилъ про Ефима и, выйдя на берегъ, пошелъ прямо къ монастырскимъ огородамъ. Несмотря на трехдневную ходьбу, онъ себя чувствовалъ легко и скоро-скоро взобрался наверхъ. Ефима нашелъ онъ въ шалашѣ на сѣнѣ, больного. Его съ недѣлю уже трясла лихорадка; но въ больницу онъ не хотѣлъ ложиться и повторялъ все ослабшимъ голосомъ:

— Потрясетъ-потрясетъ, да и надоѣстъ ей, угомонится.

Отъ него же Банарцевъ узналъ, что служки—Серафимъ и Паисій—„сбѣжали“ и, какъ слышно, идутъ въ добровольцы.

— И курили же они тутъ на радостяхъ, — прибавилъ Ефимъ. — Не знаю ужъ, на какія деньги. По четвертной вытягивали—самъ видѣлъ...

Не по себѣ стало Банарцеву отъ этихъ разсказовъ Ефима. Онъ навѣрно говорилъ правду. Коли служки въ гости являлись выпивши, такъ у себя и подавно напивались. Но попадутъ ли они въ добровольцы, еще неизвѣстно. Банарцевъ этимъ утѣшалъ себя и простился съ Ефимомъ, не сказавъ ему, когда онъ ѣдетъ, далъ ему рубликъ и уговорилъ принимать хинные порошки.

— Я къ Егоръ Егорычу въ аптеку спосылаю. Мнѣ и даромъ дадутъ,—успокоилъ его Ефимъ.

Спустившись опять съ горы, Банарцевъ прошелъ по оврагу и на подъемѣ, въ сторону англійскаго сада, подъ группой молодыхъ березъ, примѣтилъ двухъ охотниковъ, такъ же, видно, какъ и онъ, возвращавшихся изъ-за рѣки. Онъ взялъ влѣво, по тропинкѣ, но одинъ изъ охотниковъ, растянувшійся на травѣ, крикнулъ ему:

— Иль не узналъ? Банарцевъ! Иди сюда!

Онъ, дѣйствительно, не сразу узналъ лежавшаго подъ деревомъ ражаго, краснощекаго малаго, который, при его приближеніи, присѣлъ на корточки и вдругъ затявкалъ по-собачьи.

— Здорово, дружище!—гаркнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ и принялся обнимать и тискать Банарцева.

Въ лицо Банарцеву пахнуло водкой.

— Довольно, довольно, Пашка! — закричалъ онъ охотнику и высвободился изъ его объятій.

Это былъ товарищъ его по гимназіи, Павелъ Можаровъ, котораго весь классъ звалъ „Пашкой". Банарцевъ засталъ его въ четвертомъ классѣ, гдѣ Можаровъ сидѣлъ ужъ чуть не два года. Оттуда онъ и вышелъ. Съ тѣхъ поръ разсказывали въ классѣ и въ городѣ, что Пашка угодилъ въ туркестанскую армію, поступивъ вольноопредѣляющимся, отличился, получилъ крестъ и чинъ. А съ годъ и совсѣмъ о немъ не было ни слуху, ни духу.

— Вотъ я каковъ, осматривай меня!—галдѣлъ зычнымъ голосомъ Можаровъ, повертываясь передъ Банарцевымъ во всѣ стороны и выдѣлывая гримасы.

Шутомъ и буяномъ первой руки считался онъ и въ гимназіи.

— Хорошъ! — выговорилъ, покачивая головой, Банарцевъ.

Церемониться онъ съ „Пашкой" не могъ, да и не хотѣлъ. Обтертая сѣрая куртка со свѣтло-зелеными отворотами и роговыми пуговицами, служила Можарову охот-

ничьимъ мундиромъ. Въ петлицѣ уцѣлѣлъ кусочекъ засаленной орденской ленточки. Смазные сапоги сильно „просили каши“. Изъ-подъ стоячаго низкаго воротника куртки выползалъ воротникъ грязной фланелевой рубашки. Военное армейское кепи, тоже видавшее виды, сидѣло на затылкѣ. Точно онъ собрался играть на сценѣ роль забулдыги изъ „поручиковъ“ стараго репертуара. Свѣтло-каштановые волосы торчали на обоихъ вискахъ задорно, въ видѣ курчавыхъ коковъ. Отъ его щекъ, носа, губъ такъ и вѣяло здоровьемъ, спаньемъ, водкой, волчьимъ аппетитомъ.

— Искалъ тебя!.. — продолжалъ Можаровъ, сажая Банарцева почти насильно подъ березу, рядомъ съ собой.— Я здѣсь никакъ недѣль пять путаюсь. Вотъ съ этой уродиной чортъ насъ веревочкой свилъ. Ты его знаешь?

Банарцевъ обернулся въ сторону второго охотника, мизернаго вида брюнета, въ какомъ-то неописуемомъ балахонѣ изъ свѣтлаго твина. Ему на видъ казалось уже за тридцать лѣтъ. Весь онъ былъ веснушчатый, сморщенный, подслѣповатый, съ воспаленными выдающимися деснами и мелкими корявыми зубами. Гдѣ-то Банарцевъ встрѣчалъ эту личность.

— Дезидеріевъ, по фамиліи, — рекомендовалъ его Можаровъ. — Чернильный орѣхъ питейнаго отдѣленія... Да и то былъ, а теперь—мразь и тлѣнъ. Онъ у меня замѣсто гончей, славно, братецъ, улюлюкаетъ... И поноску носитъ!

Приказный разсмѣялся глупымъ и пьянымъ смѣхомъ. Банарцеву захотѣлось поскорѣй уйти отъ нихъ. Но Можаровъ схватилъ его за руку, полулежа подъ березой, и сталъ разсказывать всю свою исторію. Она не скоро кончилась. По его собственнымъ показаніямъ, выходило, что онъ выгнанъ за какое-то „избіеніе филистимлянъ“, какъ онъ выразился, но „безъ потери военной чести“. Банарцевъ впускалъ въ одно ухо полупьяную болтовню Пашки и выпускалъ ее изъ другого. Онъ видѣлъ, что хвастунъ и буянъ четвертаго класса остался все такимъ же, съ прибавкой водки и грязнаго ухарства.

— Куда же ты теперь?—спросилъ онъ его, больше для очистки совѣсти.

— Куда-а?.. Да вотъ, братъ, съ чернильнымъ орѣхомъ думали мы въ Бѣлградъ махнуть!

— Что-о?—точно ужаленный переспросилъ Банарцевъ.

— Къ Черняеву! Это—нашъ самаркандскій! Только вотъ финансы у насъ жидки. Да ничего, въ Москву смахаемъ—тамъ меня съ радостью примутъ! Видѣлъ эту игрушечку?—Онъ указалъ на ленту въ петлицѣ—компренэ, чѣмъ пахнетъ? Креста не ношу. Ужъ коли меня не снарядятъ, такъ кого же? А Дезидеріевъ — въ маркитанты! Ну, ты, крапивное сѣмя, пододвинь-ко намъ смородину-то. Хочешь прохладиться, Банарцевъ? Мы на семитку смородины купили; а коли есть у тебя двугривенникъ, Дезидерька сбѣгаетъ за бальзанчикомъ.

— Ну, тебя къ шуту! — рѣзко отвѣтилъ Банарцевъ и всталъ.—Не хочу я твоей смородины.

У него внутри такъ и закипѣло при мысли, что Пашка Можаровъ можетъ попасть въ добровольцы.

— Чего осерчалъ! Этакъ ты съ товарищами встрѣчаешься? Ахъ ты, гимназёръ этакой! — Можаровъ сдѣлалъ Банарцеву циническій жестъ рукой. — Чего важничаешь? Или медаль получилъ? Такъ что̀ твоя гунявая медаль передъ моимъ крестомъ? А!.. Я на Самаркандъ лѣзъ — ты это знаешь?! Дезидерька!.. Вставай, сволочь! Разобьемъ скулы этому важнюшкѣ!

Приказный вскочилъ по командѣ своего патрона. Можаровъ тоже поднялся и съ засученными рукавами полѣзъ на Банарцева вплотную.

Банарцевъ не испугался. Такъ мерзокъ показался ему въ эту минуту нахальный оборвышъ съ пьяными, на выкатъ, глазами, что онъ убилъ бы его на мѣстѣ, если бъ ружье его было заряжено пулей.

— Прочь!—крикнулъ онъ сильнымъ и гнѣвнымъ голосомъ, перебросивъ свою винтовку изъ лѣвой руки въ правую, и, отступивъ шага на два назадъ, прицѣлился въ Можарова.

И такъ быстро и рѣшительно онъ это все продѣлалъ, что тотъ увернулся, плюнулъ и показалъ ему языкъ.

— Рукъ марать не стану!—заоралъ онъ.—Убирайся... пока цѣлъ! Дезидерька! подай смородины!

Банарцевъ хотѣлъ-было пустить въ нихъ обоихъ зарядъ дроби, благо ружье не было еще разряжено, и сдержалъ себя во̀-время. Онъ повернулся и пошелъ по дорожкѣ въ гору, не ускоряя шага, но весь дрожа; и только что оба „проходимца“ (такъ онъ ихъ назвалъ про себя) скрылись изъ виду, бросилъ ружье и кинулся подъ кустъ. Больше онъ не могъ сдерживать себя. Рыданія вырва-

лись цѣлымъ потокомъ, и всего его заколотило, точно въ лихорадкѣ.

Пашка, Пашка Можаровъ будетъ въ добровольцахъ! Не за себя ему стало нестерпимо больно, но за „идею". Онъ не могъ, не хотѣлъ, не умѣлъ помириться съ фактомъ „Пашки". Что же станется съ его „чувствомъ", если онъ встрѣтитъ еще двухъ-трехъ такихъ Можаровыхъ въ рядахъ настоящихъ добровольцевъ? А сейчасъ собирался онъ ограждать это чувство отъ всякихъ грязныхъ прикосновеній...

Сумерки спустились надъ берегомъ; а Банарцевъ все еще лежалъ, подавленной тупой, туго охлаждающейся болью.

XXVI.

Прошло недѣли три. Яркое послѣобѣденное солнце глядѣло во дворъ дома коллежской секретарши Фустиковой, тещи Дмитрія Богданыча Медіоланскаго. На дворѣ замѣтно было движеніе. Съ двухъ часовъ пополудни Медіоланскій все выходилъ на заднее крыльцо и переговаривался со Степой. Тотъ выбѣгалъ, то и дѣло, изъ флигелька, красный, потный, безъ сюртука.

— Не подмочь ли тебѣ, Степа? — окликнулъ его Медіоланскій.

— Нѣтъ,—весело отвѣтилъ мальчикъ,—все почти что уложено. Теперь братецъ книги послѣднія забираетъ.

— Радъ ты ѣхать? — весело спросилъ Медіоланскій, сходя съ своего крыльца.

Степа улыбнулся во весь ротъ и выговорилъ:

— Впервой я по чугункѣ покачу, Дмитрій Богданычъ!

— То-то смотри, какъ бы не сковырнуться!

Оба засмѣялись. Для Медіоланскаго было за одно: и праздникъ снаряжать Василія Семеныча въ университетъ, и немалая печаль—онъ его любилъ, какъ кровнаго родного. Но въ немъ оживлялась надежда: самому какъ-нибудь укатить туда же, гдѣ на Невѣ стоитъ зданіе академіи художествъ.

— Василій Семенычъ! — крикнулъ онъ въ окно флигеля,—не помочь ли вамъ?

— Спасибо!—раздался изъ комнатъ голосъ Банарцева, а потомъ показалась въ окнѣ и его голова съ всклоченными волосами.—Все уложилъ.

— Скоро и пора...

— Знаю.

Оставались еще добрые два часа; но въ провинціи забираются на „вокзалъ", по крайней мѣрѣ, за часъ до отхода поѣзда, особливо тѣ, кто ѣдетъ въ третьемъ классѣ.

Банарцевъ, въ рубашкѣ и холщевыхъ панталонахъ, затягивалъ ремни стараго, порыжѣлаго чемодана, купленнаго имъ на Мытномъ Дворѣ у старьевщика. Биткомъ набитъ былъ этотъ чемоданъ; но не бѣльемъ, не платьемъ, а больше книжками, съ которыми ему не хотѣлось разставаться.

Онъ оглянулъ свою ученическую комнатку: не оставилъ ли чего Степа или онъ самъ? Все, кажется, было убрано.

— Извозчиковъ-то я снарядилъ къ тремъ часамъ, — донесся до него со двора голосъ заботливаго Дмитрія Богданыча.

— Спасибо, спасибо!—откликнулся тотъ въ окно.

Жаль ему стало своего лучшаго пріятеля, но больше ка́къ-то ничего не жаль — ни комнатъ, ни садика, ни улицы, ни города, ни своей отроческой и юношеской жизни. Вотъ уже около трехъ недѣль, какъ онъ „застылъ" и только ждалъ дня отъѣзда въ Петербургъ. Степа задерживалъ; онъ сдавалъ переходный экзаменъ. Всѣ эти три недѣли Банарцевъ никуда почти не ходилъ; даже охоту бросилъ. Съ Любочкой видѣлся раза три, и то урывками. Она была съ нимъ молчалива и сдержанна: боялась разбередить его какимъ-нибудь лишнимъ вопросомъ. Онъ тоже не изливался. На первыхъ порахъ ему было слишкомъ горько. Но она уже знала, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ и везетъ съ собой Степу. Всего одинъ разъ онъ сказалъ ей, безъ раздраженія, тихимъ, покорнымъ голосомъ:

— Помните, Люба: ка̀къ мы повторяли съ вами „о̀вому талантъ, о̀вому два"; видно надо то дѣлать, къ чему привинтила жизнь.

И никакихъ плановъ они не дѣлали, ни о чемъ не мечтали, говорили небрежно и отрывисто. Никогда они не были болѣе „товарищами" — въ русскомъ вкусѣ, какъ въ эти послѣднія недѣли передъ разлукой, послѣ долгихъ годовъ жизни душа въ душу. Точно имъ совсѣмъ и не хотѣлось свидѣться поскорѣе. Ни одного нѣжнаго слова не было сказано, ни одной ласки, въ которой бы про-

явилось чувство, давно перешедшее изъ дѣтской дружбы въ прочную привязанность. Про все, что происходило на Дунаѣ, Банарцевъ зналъ. Пшенисновы, не дожидаясь его просьбы, присылали ему газеты и нѣсколько разъ справлялись о его здоровьѣ. На эту внимательность онъ долженъ былъ бы отвѣтить лишнимъ визитомъ; но ему не хотѣлось встрѣчаться съ Лидіей, не хотѣлось прислушиваться и къ тому, что толкуютъ въ городѣ про добровольцевъ. Онъ даже Дмитрія Богданыча просилъ не передавать ему никакихъ сплетенъ. Онъ еще страстнѣе оберегалъ свою „идею“.

Послѣднюю ночь ему плохо спалось. Онъ поднялся рано, часу въ седьмомъ вышелъ за ворота и сѣлъ на скамью, вдѣланную въ фальшивую калитку, по другую сторону воротъ. Прогнали стадо. Пастухъ, въ нанковой, длиннополой сибиркѣ, съ длиннѣйшей жестяной трубой, раскланялся съ нимъ и тотчасъ заигралъ неизмѣнное, десять лѣтъ знакомое ему „колѣно“. И только что стадо, взбивая легкую пыль, повернуло влѣво, въ переулокъ, какъ справа показалась пролетка, широкая, обитая краснымъ трипомъ, на лежачихъ рессорахъ. И пролетку хорошо зналъ Банарцевъ! На ней сидѣлъ господскій кучеръ и поддерживалъ лѣвой рукой подъ мышку барина, а правой рукой правилъ. Баринъ былъ мертвецки пьянъ. Фуражка сползла ему на затылокъ, посоловѣлая голова качалась и слюнявыя губы что-то бормотали.

Не впервые наталкивался Банарцевъ на такую сцену. Дѣло обыкновенное: развозили господъ по домамъ съ картежныхъ пирушекъ. Только въ самый день своего отъѣзда обидно было ему видѣть все то же. Давно ли онъ увѣрялъ себя, что въ каждомъ домѣ живутъ теперь одними горячими порывами, жадно читаютъ газеты, проводятъ вечера въ одушевленныхъ бесѣдахъ? Ему сдѣлалось такъ горько, что онъ порывисто всталъ, вернулся въ комнаты, разбудилъ Степу и началъ укладываться.

Къ тремъ часамъ пріѣхало двое извозчичьихъ дрожекъ. Медіоланскій еще наканунѣ вызвался проводить пріятеля на желѣзную дорогу. Онъ самъ сговаривалъ извозчиковъ и уторговалъ на каждомъ по цѣлому гривеннику; а теперь помогалъ Банарцеву и Степѣ выносить чемоданы и подушки. Однѣ дрожки совсѣмъ нагрузили верхомъ, но для Степы мѣсто нашлось—онъ долженъ былъ ѣхать впереди.

— Ну, все въ исправности! — объявилъ Медіоланскій, возвращаясь на крыльцо флигеля.

Банарцевъ, въ эту минуту, тоже вышелъ на крыльцо. Они подали другъ другу руку.

— Василій Семенычъ, — заговорилъ Медіоланскій, — несказанно радъ я одному: что все такъ устроилось, какъ быть должно! На васъ налетѣло пареніе, да головой-то вы здоровы — она вамъ и не дала съ истиннаго пути сбиться... Позвольте здѣсь обнять васъ... Утѣшили, много утѣшили!

Они обнялись. Банарцевъ ничего не сказалъ, кромѣ одного:

— Спасибо!..

Проститься съ нимъ выползли и хозяйки. Обѣ въ юбкахъ и шерстяныхъ платкахъ, и мать, и дочь — сонныя, пухлыя и дряблыя. Дмитрію Богданычу такъ хотѣлось крикнуть имъ:

„Ужъ вы бы шли досыпать—толку-то отъ васъ мало!"

Степа былъ въ восхищеніи, что его пустили впередъ. Его синее кепи и свѣтлый затылокъ торчали изъ-подъ подушекъ и двухъ чемодановъ. Онъ то и дѣло оглядывался и радостно кивалъ ѣхавшимъ сзади дрожкамъ.

XXVII.

Только что Банарцевъ съ Медіоланскимъ вошли въ вокзалъ, до слуха ихъ донеслось церковное пѣніе.

Въ углу, у стѣны, тѣснилась порядочная толпа всякаго народа. Надъ головами высились двѣ хоругви и большая икона въ золоченой ризѣ. По вокзалу ходили струи ладана. Возглашенія дьякона прерывались возгласами хора.

— Молебенъ? — спросилъ Банарцевъ, весь покраснѣвъ.

— Дѣйствительно, — подтвердилъ Медіоланскій и пристально оглянулъ тотъ уголъ, гдѣ стояли молельщики.

— Что бы это такое?

— Василій Семенычъ,—заторопился Медіоланскій,—вы мнѣ наказали намедни васъ насчетъ добровольцевъ не вводить въ смущеніе... Я слышалъ, что снаряжается отрядъ... только вотъ дня не зналъ, а то бы ужъ задержалъ васъ лишній денёкъ.

Онъ принужденно разсмѣялся.

— Вотъ еще нѣжности какія! — отвѣтилъ, нахмуривъ брови, Банарцевъ и потащилъ мѣшокъ и подушку къ одной изъ боковыхъ скамеекъ.

Тамъ онъ остановился и оглядѣлъ весь вокзалъ. Суетня разрасталась: сновалъ и бѣгалъ народъ во всѣ стороны. У кассы была давка, кричали артельщики, багажъ вѣшали съ бранью. Почти никто изъ новыхъ пассажировъ не присталъ къ кучкѣ, служившей молебенъ, кромѣ коекого изъ чернаго народа. Банарцевъ началъ прислушиваться къ пѣнію. Оно пропадало въ безпорядочномъ гулѣ. Никакого умиленія на него не находило. Напротивъ: ему показалось это торжество неловкимъ, лишнимъ, тутъ, въ этой сутолокѣ, гдѣ всѣ хлопотали только о билетахъ, да о своихъ сундукахъ и чемоданахъ. Его душу не охватывало ничего общаго, складнаго, всеобъемлющаго, трогательнаго въ этомъ прощальномъ напутствіи. Онъ подошелъ поближе къ кружку молельщиковъ. Впереди онъ разглядѣлъ нѣсколько „господъ“ въ отставныхъ мундирахъ, въ фуражкахъ съ кавалерійскими околышами, въ дорожныхъ пальтò, а позади — чуйки, двѣ-три солдатскія шинели; одинъ какой-то молодой парень былъ въ полушубкѣ, несмотря на жаркую погоду.

— Пора, пора, Василій Семенычъ!—окликнулъ его Медіоланскій,—багажъ опоздаете вѣшать!

У багажной кассы Банарцева ждалъ и Стёпа, а рядомъ съ нимъ стояла Любочка. Они сговорились проститься на желѣзной дорогѣ.

Любочка, блѣдная, худенькая, съ утомленными глазами, протянула ему молча руку и стала въ сторонкѣ, дожидаясь, когда онъ сдастъ багажъ. На это пошло съ четверть часа. До отхода поѣзда оставалось еще больше сорока минутъ. Молебенъ все еще шелъ.

— Вася!—шепнула Любочка, отведя Банарцева въ сторону, — выйдемъ на крыльцо, умоляю тебя, тамъ садикъ есть!..

Онъ не удивился, что она стала вдругъ говорить ему „ты“. Это случалось всего во второй разъ.

— Времени много,—отвѣтилъ онъ, чувствуя, кàкъ звукъ его голоса былъ суровъ, но онъ не могъ въ эту минуту говорить иначе.

— Вася,—начала порывисто Любочка, беря его за руку. Они спустились въ маленькій скверъ, впереди фасада станціи. — Тебѣ тяжело! вотъ еще, какъ нарочно, и эта партія добровольцевъ... Ты рвешься!.. Не пересиливай ты себя... Вѣдь я знаю и вижу: ты для Стёпы остался... Я тебя не удерживала — я сама готова была... ну, да объ

этомъ что поминать!.. Не о томъ совсѣмъ я хочу тебя умолять... Еще время не ушло: ты бы и доѣхалъ до Москвы съ этой самой партіей... Оставь Стёпу у насъ! Точно на меня затменіе какое нашло, что я тебѣ этого раньше не предложила. Развѣ мы его не прокормимъ? Ну, самъ посуди—много ли ему нужно? Вернешься—тогда мы съ тобой и сочтемся, Вася,—она сквозь слезы улыбнулась,—а если бы ты и остался тамъ...—голосъ у ней перехватило,—я на ногахъ, я буду хлопотать, ему дадутъ пособіе... Да и этого не нужно, моихъ уроковъ хватитъ... Вася! милый мой! послушайся, не пересиливай себя! Обо мнѣ не думай: я не стану туда рваться за тобой... Мнѣ мѣсто здѣсь: что ты говорилъ тогда у себя въ садикѣ—все это залегло мнѣ сюда...

И она наивнымъ жестомъ указала на грудь.

Онъ слушалъ ее, низко опустивъ голову. Была такая минута, когда онъ готовъ былъ обнять ее и крикнуть: „Спасибо, Люба! Я поѣду съ этой партіей“. Но душевная работа цѣлыхъ трехъ недѣль взяла верхъ. Дослушивая Любочку, онъ повторялъ про себя: „взвалить такую обузу на дѣвушку, которая и безъ того кормитъ всю семью?—никогда!“

— Другъ—ты, другъ и есть!—вырвалось у него вмѣстѣ съ горячимъ пожатіемъ руки. И онъ заговорилъ ей „ты“.

— Согласенъ?—радостно воскликнула Любочка, поднимая на него глаза, полные слезъ.

— Твое мѣсто—здѣсь,—отвѣтилъ онъ,—при старомъ, а мое тамъ—при маломъ.

Онъ не выдержалъ—обнялъ ее, при всей своей стыдливости, и долго не могъ оторвать головы отъ ея плеча.

Раздался первый звонокъ.

— Не хочешь?—прошептала Любочка; она и плакала, и безмѣрно радовалась, и стыдилась своего малодушія.

— Прощай, прощай!—торопливо кинулъ ей Банарцевъ и почти бѣгомъ побѣжалъ къ вокзалу.

Медіоланскій и Стёпа заискались его до смерти.

Шумно хлынула публика третьяго класса на платформу. Банарцева, съ мѣшкомъ и подушкой, изрядно затолкали прежде, чѣмъ онъ добрался до вагона, гдѣ Дмитрій Богданычъ уже приготовилъ ему мѣсто. Опять онъ попалъ въ кучку добровольцевъ, шедшихъ по платформѣ съ сумками и узлами. Его обогнали два молодца въ синихъ казакинахъ, въ клеенчатыхъ картузахъ, одинъ—черный,

другой — бѣлокурый, точно съ женскими кудрями. Ихъ онъ замѣтилъ и во время молебна — они пѣли въ хорѣ...

Черный оглянулся. Банарцевъ чуть не крикнулъ: „Серафимъ!" но удержался. Это были, дѣйствительно, оба послушника. Они шли развязно, помахивая руками, ухмыляясь и заговаривая съ другими пассажирами. Полѣзли они въ тотъ же вагонъ, гдѣ помѣстился и Банарцевъ со Стёпой, но они его не замѣтили.

Не успѣлъ онъ кивнуть головой Любочкѣ и Медіоланскому, стоявшимъ у перилъ платформы, какъ прямо противъ окна остановилось еще двое пассажировъ, тоже изъ партіи. „Господи, неужели это—Пашка?"—спросилъ про себя Банарцевъ, боясь узнать Можарова въ одномъ изъ добровольцевъ: китель, офицерская круглая фуражка, широкія плечи и два кòка на вискахъ.—„Онъ, онъ!"—повторилъ Банарцевъ и продолжалъ смотрѣть.

— Что жъ ты, рохля, зѣваешь?.. погребецъ-то надо въ руки было взять, а ты его—въ багажъ... Ахъ ты!—и крѣпкое слово понеслось съ раскатомъ вдоль всей платформы.

Можаровъ—это былъ онъ—кричалъ на желѣзнодорожнаго служителя. Онъ круто повернулся на каблукахъ большихъ новыхъ офицерскихъ сапоговъ и спросилъ у кондуктора, опять на весь поѣздъ:

— Что жъ вы меня тычете въ третій, когда у меня билетъ во второй?.. Порядки!..

Голова Банарцева выставлялась изъ окна. Можаровъ воззрился на него, подбѣжалъ къ вагону и спросилъ его, точно они разстались друзьями.

— И ты, братъ, въ Сербію?..

— Въ Петербургъ,—кратко отвѣтилъ Банарцевъ.

— Что, фигу съѣлъ? Думалъ, Пашка Можаровъ лясы точитъ? Видишь, братъ... Я и въ Москву успѣлъ скатать—тамъ меня оцѣнили! А ты и съ медалью, да на какой ты шутъ годенъ... Зубристикой заниматься?! А лечь костьми за братьевъ, должно-быть, не хватаетъ эръ-фиксу! Что жъ вы?—крикнулъ онъ опять кондуктору,—давайте мнѣ мѣсто... Ты, Банарцевъ, слушай: захочешь выпить—у меня, братъ, есть крымская... А Дезидерька-то ужъ на Дунаѣ... Угодилъ тотчасъ же въ старосты партіонные, ей-Богу!

Можаровъ былъ „на первомъ взводѣ". Насилу убрался онъ передъ самымъ третьимъ звонкомъ. Своей фигурой

онъ заслонялъ Банарцеву и Любочку, и Дмитрія Богданыча. Они перегнулись черезъ перила и махали ему платками, что-то кричали, но нельзя уже было разслышать.

„И служки, и Можаровъ... Ѣдутъ *туда*,—говорилъ про себя Банарцевъ, — а тебѣ не слѣдуетъ, терпи и не смущайся тѣмъ, что они—дрянь... Они—дрянь, пьянчужки, да дѣло великое... òвому талантъ—òвому два“.

Онъ выглянулъ въ послѣдній разъ въ окно. Чей-то платокъ одиноко мелькалъ въ воздухѣ. Въ вагонѣ народъ крестился. Рядомъ съ нимъ, Стёпа снялъ кепи и поглядѣлъ во всѣ стороны съ любопытствомъ молодого галчёнка. Радость поѣздки искрилась въ его и отъ природы веселыхъ глазахъ.

— Ухъ, какъ зарычала! — прошепталъ онъ на ухо брату, когда тронулся поѣздъ, и схватился за его руку.

Банарцевъ, точно въ знакъ примиренія съ своимъ братишкой, погладилъ его по головѣ и сказалъ ему подъ грохотъ машины и гулъ разговоровъ:

— Въ Питеръ катимъ, Стёпа, питерщиками будемъ. Не плошай, смотри! Тамъ и за греческій засадятъ—только держись!

Мальчикъ громко разсмѣялся и бросился смотрѣть въ окно.

Ихъ родной городъ былъ уже за версту позади.

XXVIII.

Въ началѣ ноября, передъ самымъ первопутьемъ, въ сиверкій, полудождливый-полуснѣжный день, на Адмиралтейской площади, въ вагонъ желѣзно-конной дороги, отходившій на Островъ, вошелъ худощавый, большого роста студентъ. За студента принять его было не трудно; всѣ принадлежности студенческой одежды состояли на лицо: пледъ, большіе сапоги, мягкая пуховая шляпа. Онъ скромно сѣлъ въ уголъ и тотчасъ же развернулъ газету, которую тутъ же купилъ у разносчика.

Вагонъ стоялъ уже минутъ съ пять. Оставались незанятыми мѣста два. Нѣсколько мужчинъ читали, какъ и студентъ, иные—газеты, другіе—телеграммы.

— Есть мѣсто?—раздался съ площадки молодой, звонкій голосъ, и въ вагонъ вошелъ мужчина, на котораго всѣ тотчасъ же обратили вниманіе.

Онъ былъ въ сѣро-голубомъ военномъ пальтò и такой

же складной фуражкѣ. Изъ-за разстегнутыхъ отворотовъ пальто выставлялась темно-коричневая блуза, съ лацканами на воротникѣ. Лѣвую руку онъ держалъ на шелковой перевязи. Нѣкоторые пассажиры узнали сербскую военную форму.

Въ одно и то же время, и вошедшій доброволецъ, и сидѣвшій въ углу студентъ поглядѣли другъ на друга и вскочили съ мѣстъ.

— Аполлонъ Николаичъ!

— Банарцевъ!

Они хотѣли-было заговорить, но тотчасъ же вышли на площадку.

— Давно ли? Давно ли?—спрашивалъ Банарцевъ, тряся руку Чалому.

— Вчера только ввалился,—и завтра дальше. Хотѣлъ объ васъ справиться въ адресномъ, да такъ бы и не успѣлъ, поди!

— Аполлонъ Николаичъ!—говорилъ въ большомъ волненіи Банарцевъ, оглядывая Чалаго.—Гдѣ же съ вами бы потолковать?.. Столько утекло воды! Вы прямо оттуда!.. Да вамъ теперь не къ спѣху?..

— Мнѣ — нѣтъ... Я больше отъ погоды укрылся... а мнѣ только до Николаевскаго моста нужно. Вы гдѣ живете?

— Я-то далеко, на Выборгской, да куда бы нибудь зайти...

— Валимте!.. вы—петербургскій, должны знать...

— Ну, здѣшнія мѣста я плохо знаю. Да вотъ тутъ есть на углу, кажется, кафе-ресторанъ...

— Добрѐ. Я же проголодался.

Черезъ пять минутъ они сидѣли въ задней комнатѣ кафе-ресторана, опять съ бутылкой пива на столѣ, которая напомнила Банарцеву разговоръ ихъ у кофейной, на берегу его родной рѣки. Онъ все еще оглядывалъ своего земляка. Чалый немного похудѣлъ, поблѣднѣлъ, подстригъ бороду и волосы, но больше, кромѣ костюма, въ немъ не замѣтно было рѣзкихъ перемѣнъ.

Много, много вопросовъ было у Банарцева наготовѣ; но Чалый самъ заговорилъ, послѣ первыхъ отрывочныхъ фразъ:

— Вы думаете, зачѣмъ я такъ тороплюсь домой? Жена, дѣти? Эти бы подождали... Подъ судъ меня упекли!..

— Подъ судъ? Васъ?

— Да, подъ судъ!.. За всѣ-то мои радѣнія о православномъ хрестьянствѣ! Превышеніе, яко бы, власти. Упекли, баринъ, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ! Каковы мерзавцы!..—крикнулъ Чалый и опять, точно въ городѣ Z, и пошелъ, и пошелъ: о сходкахъ, управѣ, мировомъ съѣздѣ, о какомъ-то старшинѣ Ковыряевѣ, стакнувшемся съ его заклятымъ врагомъ, „которому мало ста нагаекъ".

Банарцевъ, слушая его, сидѣлъ точно на угольяхъ. Наконецъ, не вытерпѣлъ и перебилъ:

— Батюшка, Аполлонъ Николаичъ! Увольте отъ этого. Разскажите вы хоть что-нибудь про свою службу, про Бѣлградъ, про нашихъ волонтеровъ, про Черняева... Вѣдь здѣсь просто голову теряешь отъ кривотолковъ разныхъ!

— Чего разсказывать? — возразилъ ему Чалый съ гримасой.—Вотъ видите,—онъ указалъ на руку,—контуженъ... слегка, подъ самымъ Дьюнишемъ. Не разспрашивайте меня лучше... Гадость, гадость и гадость!

— Однако, нельзя же такъ огуломъ?—выговорилъ Банарцевъ вдругъ очень убѣжденно и строго.

— Нельзя? Нѣтъ, можно и должно! Пустого мѣста искать ходили, осрамились! Нагнали архаровцевъ, да и братья-то не лучше... Народишко—дрянь, трусишки, жадность жидовская, хитрость... Все втридорога въ этомъ паршивомъ Бѣлградѣ. Грязь, ѣда мерзостная, мостовыя... дрожь и теперь пробираетъ, когда вспомнишь. Гостиницы... — онъ наклонился къ Банарцеву и добавилъ что-то на ухо,—да то еще самаго низменнаго сорта!..

Банарцевъ слушалъ, и ему чудилось, что это говоритъ не Чалый, а Пашка Можаровъ: тѣ же слова, тотъ же почти тонъ, тѣ же звуки.

— Да что же я вамъ буду подогрѣтое-то жаркое подавать?— закончилъ Чалый, собираясь уходить, — вы это, я думаю, и безъ моихъ розсказней знаете. Довольно объ этомъ писано въ однѣхъ корреспонденціяхъ... Признаться сказать, и корреспондентишки-то эти — народецъ тоже! Мнѣ пишутъ изъ дому: и у насъ явился какой-то строчило, меня обличать сталъ!..

И опять потекли-было гнѣвныя земскія рѣчи, но Банарцевъ перебилъ Чалаго энергичнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и даже взялъ его за руку. Съ самаго начала этого неожиданнаго разговора его стало душить отъ скорбнаго чувства, которое накаплива́лось въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, слѣдилъ за всѣмъ,

что̀ говорилось и писалось о сербской войнѣ. Самъ онъ стушевался, ходилъ на лекціи, обзавелся уроками, помѣстилъ Степу въ гимназію; только тѣмъ и участвовалъ въ „идеѣ“, что вносилъ процентъ со своего заработка. Отъ всего ему было до надсады больно: и отъ трескучихъ фразъ, подъ которыми онъ ничего не чувствовалъ живого и вѣрнаго, и отъ сухой брани, и отъ дѣйствительныхъ безобразій въ Бѣлградѣ, а, главное, отъ быстраго охлажденія къ этимъ самымъ „братьямъ“, отъ попрековъ, ворчанья, пренебрежительной болтовни... И вотъ, въ образѣ Чалаго, все это было теперь передъ нимъ, какъ на ладони.

— Аполлонъ Николаичъ!—вскричалъ онъ, все еще не выпуская руки Чалаго,—выслушайте вы меня, потомъ браните, побейте, коли охота будетъ. Зачѣмъ вы только про то и говорите, что Сербія—дрянь, да въ Бѣлградѣ за кровать по дукату берутъ, да говядина тамъ на салѣ жарится? Да, все это я читалъ—и не про то хотѣлось мнѣ услыхать отъ васъ живое слово. Кто правъ, кто виноватъ—я разбирать не стану... Да вѣдь было же во всемъ этомъ что-нибудь, отъ чего и въ васъ сердце забилось? Довольно и того, что Пашки Можаровы туда забрались—такъ зачѣмъ же сейчасъ весь народъ обзывать: такіе-сякіе?! И мы—ихъ благодѣтели, и мы—герои, а они только въ кукурузу лѣзутъ!..

— Ну, ладно, ну, ладно,—перебилъ его Чалый съ новой нетерпѣливой гримасой, потомъ разсмѣялся и прибавилъ:—эхъ, баринъ, какого вы тутъ форсу набрались въ Петербургѣ-то! Что̀ жъ на насъ накидываться? Мы свое дѣло сдѣлали. Сколько я изъ-за этой Сербіи времени и денегъ потерялъ, а мнѣ даже и *таковскаго-сяковскаго* крестишки не повѣсили... Да я и не интересовался... Чортъ съ ними! Я штабныхъ презиралъ. Да это все вздоръ, а вотъ какъ вамъ моя-то исторія съ православными нравится?

Банарцевъ махнулъ рукой. Онъ не хотѣлъ больше растравлять самого себя—не сто̀ило. Зачѣмъ онъ сталъ бы говорить Чалому, что все въ немъ оскорбляло его за дорогую для него идею, начиная съ этого сербскаго форменнаго платья? Попадалось ему на Невскомъ не мало добровольцевъ и въ офицерскихъ, и въ солдатскихъ пальто, и въ блузахъ. Въ послѣднюю недѣлю онъ встрѣчалъ и оборвышей, въ затасканныхъ, сербскихъ мундирахъ. Тѣмъ, вѣроятно, не на что было одѣться, а у Чалаго сохрани-

лось же свое платье, деньги, навѣрно, есть... Къ чему же это? Для одной, видимо, рисовки. А всѣхъ и все ругаетъ...

— Ахъ, Аполлонъ Николаичъ, — страстной и горькой нотой выговорилъ Банарцевъ,—отпѣтый мы народъ!

— Кто это?—окликнулъ Чалый, задорно осматриваясь.

Они уже стояли на тротуарѣ. Передъ ними вдали, сквозь моросившій дождь, виднѣлся памятникъ Петра, а вбокъ—желтобурыя каменныя массы Сенатской площади.

— Кто? — переспросилъ Банарцевъ, — мы, спасители... благодѣтели!..

Прежде, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ бы, пожалуй, разревѣлся — такъ ему стало не по себѣ. Петербургъ закалилъ его нервы. Да и некогда было: изъ-за встрѣчи съ Чалымъ онъ и то опоздалъ на урокъ.

— Прощайте, баринъ!— крикнулъ ему Чалый.— Счастливъ вашъ Богъ, что вы, вмѣсто Дьюниша-то, на Выборгскую попали!

Онъ вскочилъ на извозчика. Банарцевъ побрелъ пѣшкомъ. Дождь продолжалъ моросить пополамъ со снѣгомъ.

ТРУПЪ.

I.

Тропинка заворачивала все вправо и манила въ густѣющую тѣнь старыхъ развѣсистыхъ елей.

Ашимова и Крупинскій шли медленно, останавливались на ходу, какъ любятъ дѣлать русскіе. Онъ—коренастый, русый, съ большими бакенбардами, въ поярковой темной шляпѣ, въ клѣтчатомъ лѣтнемъ костюмѣ, ниже средняго роста. На лѣвой шекѣ у него было крупное родимое пятно съ волосами. Она—почти высокая, для женщины, плечистая и пышная брюнетка, въ свѣтломъ батистовомъ платьѣ, безъ шляпы, подъ зонтикомъ. На лбу, широкомъ и загорѣломъ, курчавилась чолка. Коса, густая и блестящая, лежала закругленнымъ концомъ на твердой шеѣ, тоже загорѣлой. Носъ и ротъ неправильные, немного рѣзковатые; но въ общемъ лицо—красивое и скорѣе чувственное. Изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ выглядывали возбужденно и смѣло синевато-сѣрые, чисто русскіе глаза.

Дѣвушка шла крупнымъ шагомъ. Ея спутникъ старался идти съ ней въ ногу. Они были одного роста.

— И вы теперь, Лидія Кирилловна,—продолжалъ онъ разговоръ, начавшійся у опушки лѣса, десять минутъ передъ тѣмъ,—вы находитесь въ періодѣ инкубаціи?

— Чего?

Она негромко разсмѣялась.

— Инкубаціи-съ.

— Что это такое?

— Изволите притворяться. Вы дѣвица умственная и

страшныя слова вамъ знакомы... Инкубація значитъ назрѣваніе, высиживаніе, правильнѣе выражаясь.

И онъ засмѣялся. Съ ней онъ любилъ говорить въ шутливомъ тонѣ и въ этомъ же исключительно тонѣ, еще не такъ давно, ухаживалъ за нею, предлагалъ и руку. Она отдѣлалась также шутками. Между ними установилось, въ послѣднее время, пріятельство, и они часто искали случая говорить, безъ свидѣтелей, на прогулкахъ, о самыхъ интимныхъ своихъ дѣлахъ.

— Высиживаніе, — повторила Ашимова, наклонивъ голову въ сторону, точно она искала цвѣтка въ придорожной густой травѣ.

— А развѣ терминъ не точенъ?.. А?.. Разумѣется, инкубація. Этакъ, знаете, красивѣе звучитъ. Помните, и гётевскій Фаустъ, въ первой картинѣ, когда продѣлываетъ ученую чертовщину, то вскрикиваетъ по-латыни: Incubus! Incubus!

— Какая у васъ дьявольская память, Крупинскій... Настоящій прокуроръ!

— Вы это сказали съ такимъ выраженіемъ, точно въ мысляхъ своихъ употребили слово: сыщикъ. Что жъ! Отъ васъ мнѣ ничто не въ обиду. Обтерпѣлся, Лидія Кирилловна, когда ходилъ по вашимъ пятамъ, въ званіи претендента, и посягалъ на матримоніумъ.

— Полно, посягали ли какъ слѣдуетъ? — спросила дѣвушка, поднявъ на него длинныя рѣсницы, и лукаво улыбнулась своими большими сѣрыми глазами.

— Вотъ-те крестъ, посягалъ!.. Знаете, это болѣзнь такая. Нашъ братъ, холостякъ, подверженъ ей бываетъ въ періодъ отъ тридцати до тридцати пяти лѣтъ, когда у него начинаетъ сосать подъ ложечкой, при видѣ всякой благообразной отроковицы.

— Стало, я была для васъ—*всякая*, Крупинскій?

Она остановилась и взялась нервной рукой съ тонкими пальцами безъ перчатки за низкій сукъ дерева.

— Всякая! всякая! Не извольте придираться. Какъ это для самолюбія моего ни обидно, но я вамъ и декларацію дѣлалъ... по всѣмъ пунктамъ.

— Не помню, чтобы вы пришли и сказали просто: хотите, Лидія Кирилловна, быть моей женой, или письмо бы написали.

— Писать нельзя! Это документъ-съ!

Крупинскій дѣтски разсмѣялся, и его каріе и узкіе глаза слезливо заискрились.

— Вы говорили... экивоками... А что, если бъ я тогда взяла да и сказала: согласна!.. Вотъ поймались бы, ха-ха!

Смѣхъ ея зазвучалъ возбужденно, но не простодушно. Она была поглощена совсѣмъ другимъ, тѣмъ, о чемъ они начали дружески говорить съ самой опушки лѣса.

— Поймался бы, это точно... Во-первыхъ, я убѣждаюсь, что у меня для супружеской жизни нѣтъ самаго главнаго свойства,—онъ подмигнулъ и сказалъ какъ бы въ сторону, — вамъ съ этой психологіей надо, въ первую голову, ознакомиться въ настоящій моментъ.

— Какое же это свойство? — перебила она съ оттѣнкомъ задора, часто звучавшимъ въ ея тонѣ, даже когда она и не спорила, а спорить она вообще любила.

— Какое?—медленно переспросилъ Крупинскій.—Вотъ какое-съ: способность нести тягло...

— Это общее мѣсто, Крупинскій!

— Нѣтъ-съ! Извините! Тягло употребляю я не въ видѣ пустой метафоры, вмѣсто „узъ", „ярма" и прочихъ образныхъ выраженій, а въ прямомъ значеніи—въ мужицкомъ: тягло есть выполненіе совмѣстной жизненной задачи; это—паевое товарищество, во всемъ и во всякую минуту—вотъ, что я хочу сказать... И на такой подвигъ, да еще съ обязательствомъ выполнять его всю жизнь, я не гожусь... Подъ вліяніемъ временного умопомраченія думалъ, что способенъ на него, а теперь отрезвѣлъ.

— Ну, а во-вторыхъ? — допрашивала она, и въ ней какъ будто заговорило уязвленное чувство красивой дѣвушки, которой человѣкъ, увлекавшійся ею, шутливо говоритъ о своемъ теперешнемъ нежеланіи жениться. Она не вѣрила его полной искренности, хотя и не считала его ни фальшивымъ, ни склоннымъ къ рисовкѣ.

— Вы не забыли, значитъ, что я сказалъ: „во-первыхъ"? Въ женщинѣ это удивительно! Дальше „во-первыхъ" ни одна изъ васъ никогда нейдетъ въ своей аргументаціи... Во-вторыхъ—продолжаю я—послѣ тридцати-пяти лѣтъ, холостякъ если не поймался, то дѣлается фанатикомъ своей свободы, такъ-называемой, прибавлю я, свободы, ибо свобода эта, въ сущности, свобода скуки или... или...

Онъ искалъ слова; губы его повела усмѣшка.

— Да говорите же! — нетерпѣливо крикнула Ашимова.

— Слово-то... самое прокурорское: или распутства... Ну,

а теперь, у меня, въ мѣстѣ моего служенія, подобралось общество довольно сносное: мужчины, не глупенькіе, — произнесъ онъ тоненькимъ голоскомъ,—барыньки, не вредненькія...

— Не вредненькія! Вотъ какъ вы смотрите на женщинъ; а еще морализируете! Не вредненькія! Въ какомъ же это смыслѣ?

Ея загорѣлыя, немного полныя и твердыя щеки начали быстро розовѣть.

— Въ какомъ смыслѣ?.. Да въ разныхъ. Это значитъ: не рожи, веселыя, добренькія, не гнушаются нашимъ братомъ.

— И вы къ нимъ, ко всѣмъ, относитесь, какъ закоренѣлый холостякъ? Онѣ для васъ—дичь; а вы—хищникъ... Разумѣется!

Дѣвушка сдѣлала жестъ головой, смѣлый и немного сердитый. Глаза ея стали темнѣть.

— Я-то хищникъ? Побойтесь Бога, Лидія Кирилловна! Только бы меня самого не обижали! Ну, разговоры ведемъ, о чувствахъ, конечно, а иногда и о принципахъ... Безъ этого нельзя—сами знаете... Въ дружбу играемъ; но чтобы насчетъ расторженія узъ—ни Боже мой!.. И безъ того ужъ про людей моей профессіи слагается такая легенда, что какъ, молъ, они куда-нибудь въ непочатый уголъ русской территоріи явятся—сейчасъ пойдетъ перетасовка, умыканіе чужихъ женъ, разныя комбинаціи законнаго и полузаконнаго характера на почвѣ семейственныхъ правъ и преимуществъ! Нѣтъ-съ, я какъ на исповѣди вамъ скажу—до сихъ поръ этимъ не занимался, а считая студенческіе годы, состою въ званіи молодого человѣка уже больше пятнадцати лѣтъ... Но и въ нашемъ захолустьѣ, и вездѣ, гдѣ я только ни служилъ, это повѣтріе все сильнѣе и сильнѣе забираетъ. Люди моей профессіи врядъ ли больше другихъ особъ мужского сословія грѣшатъ въ расторженіи семейныхъ узъ; но вообще это сдѣлалось уже не эпидемическою болѣзнью, а эндемическою, какъ въ Петербургѣ тифъ или дифтеритъ.

Они вышли на лѣсную полянку. Направо навалено было нѣсколько сосновыхъ бревенъ и свѣжее дерево отливало пріятнымъ, изжелта-розоватымъ цвѣтомъ своихъ стволовъ, лежавшихъ горкой.

— Присядемъ,—сказала Ашимова и указала рукой на бревна.

Ей не хотѣлось продолжать разговоръ все въ такомъ же тонѣ. Балагурство пріятеля начинало раздражать ее. Онъ, точно нарочно, не желаетъ откликнуться, мягко или рѣзко, это ужъ его дѣло, на то, что она, съ такой прямотой, сейчасъ открыла ему, во что̀ ушла теперь вся...

II.

Солнце, сильно спустившееся къ закату, глядѣло сквозь сизо-зеленую листву нѣсколькихъ осинъ и темнѣющую, почти черную хвою елей. Его лучистая полоса легла на станъ дѣвушки, сѣвшей на бревно.

Ея спутникъ прилегъ на муравѣ, сбоку, и отмахивался вѣткой отъ мошекъ, роившихся вокругъ нихъ, предвѣщая такой же ведреный день и на завтра.

— Иванъ Захарычъ, — начала Ашимова болѣе низкой нотой, звукомъ пѣвицы съ сильнымъ mezzo-soprano,—оставимъ все это ненужное резонерство!

— Разсудительство,—поправилъ онъ.

— Что еще?.. Вы все съ вашими словечками!..

— Это я, недавно, въ мемуарахъ одного поэта прочелъ такое слово. Превосходное слово! Разсудительство,—медленно и вкусно повторилъ Крупинскій.

— Ну, хорошо. Но довольно... Вы другъ мнѣ, или нѣтъ?..

— Другъ, другъ!..

— Бросьте этотъ тонъ! Вы видите, что тутъ дѣло идетъ о жизни двухъ существъ.

— Трехъ.

— Какъ трехъ?—почти наивно переспросила она и откинула на плечо свой полосатый зонтъ.

— А какъ же? Вы *ее*, стало-быть, не считаете?

— Кого?

— Да жену!..

Двѣ-три секунды она помолчала, и тотчасъ же складочка залегла на ея переносицу, гдѣ густыя брови, свѣтлѣе волосъ на головѣ, почти сходились.

— Жену!.. Это само собою разумѣется!

— Нѣтъ, не само собою.

— Да кого же вы слушаете, Крупинскій? Вашу пріятельницу Ашимову? Ея судьба васъ интересуетъ, или какая-то женщина...

— *Какая-то!* Я съ такимъ опредѣленіемъ не согласенъ, Лидія Кирилловна

— Ахъ ты, Господи!—она вся всколыхнулась,—да вы не на засѣданіи суда, вы не заключеніе даете.

— Нѣтъ-съ, заключеніе. Вы хотѣли потолковать со мною по душѣ, значитъ, выслушать мое дружеское мнѣніе... А то изъ-за чего же бы вы стали говорить?.. Чтобы заявить, что, молъ, такъ-то и такъ-то я поступаю и желаю дальше поступать. Только для *константированія* факта, какъ у насъ курьеръ одинъ выражается?

— Крупинскій! Я такъ не хочу!—въ голосѣ дѣвушки задрожали нервные звуки.— Это слишкомъ серьезно!..

— А я не серьезно говорю?

— Вы только придираетесь.

— Почему?

Крупинскій немного приподнялся и прислонилъ спину къ бревну. Лицо свое онъ держалъ въ полъ-оборота. Усмѣшка не сходила съ его толстоватыхъ губъ; но взглядъ былъ совсѣмъ не веселый; искреннее настроеніе сквозило въ выраженіи его ущемленныхъ умныхъ глазъ.

— Съ какой стати вы пристегнули ту?

— Жену? Вамъ это слово, Лидія Кирилловна, точно поперекъ горла стало... Нехорошо-съ!

— Безъ прописей, пожалуйста!

— Не хорошо, повторю я, другъ мой—не хорошо! Вы будете говорить, что я „приказный съ приписью“, но я возьму примѣръ изъ сферы гражданскаго права. Вы желаете вступить съ господиномъ Иксъ въ формальный договоръ...

— Сейчасъ и договоръ!..

— А то какъ же?—Крупинскій рѣзко обернулся къ ней всѣмъ туловищемъ. — Да что же мы, дѣти съ вами или полоумные?.. Извините меня! Какъ же не договоръ? Положимъ, онъ у насъ не передъ нотаріусомъ и не передъ господиномъ мэромъ заключается; но вѣдь если вы меня пригласите въ шафера, мнѣ отецъ дьяконъ подастъ книгу и я тамъ распишусь: „по невѣстѣ—коллежскій совѣтникъ Иванъ Захаровъ сынъ Крупинскій“. Такъ или нѣтъ?

— Ну, такъ; а потомъ что?

— Слѣдственно, это актъ, да еще притомъ таинство, а не что-либо иное. Вѣдь вы не желаете быть только подругой господина Икса? Позволите мнѣ римскій терминъ?.. Его *конкубиной?..* По-русски это звучитъ гораздо хуже.

— Знаю!..

Складочка на переносицѣ дѣвушки обозначилась рѣзче.

— Стало-быть, вы желаете заключить договоръ; но для этого вамъ надо расторгнуть другой договоръ господина Икса, уже существующій и для него обязательный.

— Почему же *я* его расторгаю?

— А то кто же? Вы причина, вы поводъ. Вѣдь если бъ онъ вами не увлекся, ничего такого бы не случилось? Вы, значитъ, употребляя терминъ Спинозы, natura naturans, а человѣкъ, вами увлеченный,—natura naturata... Такъ или нѣтъ?

— Увлеченіе—если это увлеченіе, а не настоящая любовь—съ обѣихъ сторонъ.

— Положимъ, съ обѣихъ. Но поводъ все-таки вы. Вы сами говорили мнѣ и писали раньше, что господинъ Иксъ уже производилъ на васъ нападенія, въ видѣ элегическихъ и бравурныхъ арій, когда вы его еще не любили?

— Развѣ я виновата?

— Всѣ мы виноваты въ чемъ-нибудь, Лидія Кирилловна. Вы не виноваты въ томъ, что красивы и даровиты, и можете вызывать страсть; но тутъ не *двое*, повторяю я, завязаны въ дѣло; а *трое*. Чтобы способствовать расторженію, и притомъ насильственному, существующаго договора, вы, какъ честная дѣвушка, должны убѣдиться въ томъ, что та-то сторона — въ старомъ-то договорѣ — дѣйствительно несостоятельна, что господинъ Иксъ жертва, что никакихъ печальныхъ послѣдствій отъ такого расторженія ни для нея, ни для другихъ существъ не предстоитъ. Одна ли она?.. Вы до сихъ поръ мнѣ ничего не говорили... Или есть плоды этого союза?

— Есть,—тихо, но почти жестко выговорила дѣвушка.

— Ай-ай! И не одинъ плодъ?

— Цѣлыхъ трое.

— Стало, уже шестеро душъ завязаны въ дѣло?.. И можно такъ, какъ нѣмцы говорятъ: „Mir nichts, dir nichts“ рѣзнуть по живому мѣсту и выбросить изъ колеи нѣсколько человѣческихъ существъ? Славно! Знаете, когда я былъ гимназистомъ, меня ужасно восхищали пѣсенки Беранже, въ переводѣ Курочкина... И одинъ припѣвъ засѣлъ у меня въ головѣ на вѣки вѣковъ:

„Вотъ онѣ, вотъ—неземныя созданія—
Барышни, тра-ла-ла-ла!“

Неземныя созданія. Это точно!.. Ничѣмъ земнымъ не смущены, когда имъ чего захочется!

— Съ какой же стати, Крупинскій, вы вообразили, что

дѣвушка, какъ я, пойдетъ на такой шагъ „*mir nichts, dir nichts?*“ Я знаю, что этотъ союзъ — вы такъ громко выражаетесь—не можетъ продолжаться. Развѣ только тотъ договоръ можно расторгнуть, гдѣ кто-нибудь оказался недобросовѣстнымъ, формально нарушилъ его? Господи! Да коли нѣтъ больше любви?.. Нѣтъ и пониманія въ ней. Да, нѣтъ! Это двѣ натуры, ничѣмъ не связанныя, кромѣ обузы обязательныхъ отношеній. Онъ — артистъ, съ головы до пятокъ, ему нужна женщина—на высотѣ его таланта и его судьбы; а она—просто насѣдка, ограниченная, тошная, кислая, больная. Она не годилась бы для мужа и въ сидѣлки, будь онъ старикъ, а не человѣкъ, полный силъ.

Щеки ея уже пылали. Она говорила сильно, сочными нотами, и грудь ея слегка вздрагивала отъ избытка волненія.

— И все это вы знаете доподлинно или въ устной передачѣ господина Икса?

— Кто же вамъ давалъ право считать его лжецомъ? Да и отъ десятка постороннихъ лицъ я слыхала то же самое.

— Значитъ, рѣшеніе назрѣло и все, что я вамъ скажу, будетъ безплодно?—Онъ протянулъ руку. — Не сердитесь и дайте ручку. Все это прекрасно, Лидія Кирилловна, только смотрите, не перешагните черезъ трупъ...

— Черезъ трупъ?

— Я это не въ прямомъ, а въ образномъ смыслѣ... Не перешагните черезъ нравственный трупъ живого существа, не загубите души, которой вы сами не видали... Да и я тоже, къ сожалѣнію!..

Оба смолкли. Она полузакрыла голову зонтикомъ и повернула ее къ плечу. Слово „трупъ“ болѣзненно подѣйствовало на нее, но она не вѣрила пріятелю: въ немъ, на ея женскую оцѣнку, заговорило затаенное ревнивое чувство.

III.

Дачная жизнь была уже позади. На дворѣ стоялъ петербургскій сентябрь, но еще свѣтлый и теплый, хотя мѣсяцъ подходилъ къ концу.

Въ легкой кофточкѣ возвращалась Ашимова домой, по набережной Фонтанки.

Она шла ускореннымъ шагомъ и положеніе головы показывало, что она озабочена.

Ей не хотѣлось опоздать, придти послѣ того, кого она ждала къ себѣ, около трехъ.

Больше недѣли они не видались. *Онъ* уѣхалъ въ Москву, прислалъ оттуда двѣ депеши, ничего не говорившія объ успѣхѣ ихъ „дѣла". Сегодня онъ долженъ былъ вернуться съ курьерскимъ, но просилъ не встрѣчать его на вокзалѣ.

Она любитъ въ немъ эту деликатность и осторожность. Онъ желаетъ, чтобы для всѣхъ она была дѣвушка съ незапятнанной репутаціей. Отъ всякихъ поѣздокъ за городъ, въ увеселительныя мѣста, и лѣтомъ, и прошлой зимой, отъ троекъ и даже ресторановъ онъ воздерживался; а любилъ повеселиться. Этимъ онъ прямо показывалъ, что готовитъ ее себѣ въ жены, а не въ „конкубины", какъ выражался ея пріятель Крупинскій.

Тотъ на службѣ, въ своей провинціальной трущобѣ, пишетъ ей рѣдко, какъ будто дуется на нее: они простились тамъ, на дачѣ, по варшавской дорогѣ, куда онъ пріѣзжалъ только для нея, не особенно нѣжно. Можетъ-быть, она сама была виновата. Но говорить съ нимъ по душѣ, значило спорить или выслушивать его резонерство. Правда, онъ объяснялъ свои прокурорскіе допросы и заключенія—дружбой къ ней, боязнью, чтобы она, увлекшись, не пошла на какое-нибудь „нехорошее дѣло".

И выраженіе „дѣло" не выходитъ у ней изъ головы, какъ только она начнетъ думать о своей судьбѣ.

Вотъ и теперь *дѣло*, должно-быть, не очень двинулось въ Москвѣ. Тамъ онъ съѣхался съ ихъ адвокатомъ, возвращавшимся изъ Крыма. Оба они, каждый по-своему, должны были подѣйствовать окончательно на жену, на тошную Анну Семеновну.

Каждый разъ, когда она думаетъ объ этой женщинѣ— а думаетъ она о ней всякій день, иногда по нѣскольку разъ — она представляетъ ее себѣ угловатой, костлявой, съ желчевыми пятнами на лбу и на щекахъ, въ кацавейкѣ или сѣромъ вязаномъ платкѣ и стоптанныхъ туфляхъ, съ запахомъ камфарнаго спирта и валерьяны, плохо причесанной, полусѣдой, вѣроятно, полулысой...

Но она не видала никогда ея портрета, даже простой карточки. *Онъ* не показываетъ, и у него на квартирѣ, куда она стала заходить только съ весны, нигдѣ ея портретовъ нѣтъ. И это ее прельщаетъ. Все та же деликатность сказывается въ его поведеніи. Онъ не хочетъ,

чтобы она имѣла поводъ, хоть въ пустякахъ, ревновать къ его прошлому.

Развѣ можно ревновать къ *такому* прошлому? Онъ женился почти мальчикомъ, чуть не на второмъ курсѣ университета, на ровесницѣ. Въ такіе годы, всякая дѣвчонка, будь въ ней хоть что-нибудь сносное: глазки, или голосокъ, или наивность, ласка — кажется Лаурой Петрарки или тургеневской Асей. Ровесница тогда—теперь она его на десять лѣтъ старше: такъ всегда бываетъ для женщины, да еще замужней, съ болѣзнями, съ троими дѣтьми... Кажется, и еще были дѣти, только не жили.

И когда она перебираетъ все это, ей ничуть не жаль ни женщины, ни матери, ни жены, а вѣдь она не считаетъ себя ни злой, ни бездушной... Въ семьѣ, въ гимназіи, въ консерваторіи—она цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ училась въ разныхъ заведеніяхъ—ее любили, она слыла и слыветъ отличнымъ „товарищемъ", давала всегда взаймы, оказывала всякія услуги: сколько народу пользовалось ея добротой! Вспыльчива, рѣзка—да, и не мало исторій имѣла съ начальствомъ—учителями и профессорами; обидчива чрезвычайно, спорщица, задорна, самолюбива — все что угодно, но не бездушна, не сухая эгоистка. Этого никогда не было и не будетъ!

И все-таки жалѣть эту тошную Анну Семеновну она не можетъ и нисколько себя въ этомъ не упрекаетъ.

Вчера, держа въ рукахъ листокъ депеши, отъ него, изъ Москвы, со словами: „Выѣзжаю, о результатахъ при свиданіи",—она сразу распалилась на нее... Въ этихъ строкахъ телеграммы чуяла она что-то неладное, иначе онъ обрадовалъ бы ее хоть однимъ словомъ.

„Точно собака, — крикнула она про себя, нервно комкая листокъ депеши, — и сама не ѣстъ, и другимъ ѣсть не даетъ".

И ей не стало стыдно этихъ грубыхъ, совсѣмъ уже не дѣвическихъ словъ.

Не совѣстно и теперь, по пути домой, думать все о томъ же, въ такихъ же почти рѣзкихъ и неизящныхъ выраженіяхъ.

Но она не можетъ иначе. Это выходитъ само собою. Ей кажется ея собственное положеніе такимъ яснымъ и непреложнымъ. И его положеніе также. Полюбилъ ее человѣкъ, вызвалъ и въ ней не пустую вспышку, не увлеченіе скучающей, вздорной и испорченной дѣвчонки, а

чувство дѣвушки по двадцать третьему году, въ которую не одинъ мужчина влюблялся, красивой, съ талантомъ, съ характеромъ, съ большимъ сознаніемъ своего достоинства. Ихъ „союзъ", она часто употребляла мысленно это „прокурорское" слово Крупинскаго, не вздорная или безпутная затѣя... Они созданы другъ для друга: у нихъ одна дорога, одинъ идеалъ: искусство, слава, высокія наслажденія, какія только и можно испытывать, когда увлекаешь тысячную толпу и она трепетно рукоплещетъ тебѣ.

Есть ли что проще, законнѣе, повелительнѣе этого? И кто же не позволяетъ? Какая-то отцвѣтшая, постылая и ординарная женщина, не желающая уходить... Ее просятъ: — „уйди, не мѣшай!" а она упирается, вцѣпилась въ какія-то тамъ права.

Какія у женщины могутъ быть права, когда мужчина разлюбилъ ее?.. Развѣ у насъ контрактъ подписываютъ?

„Дѣти,—подумала Ашимова, когда была уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ своего дома,—ну, дѣти..." Но онъ будетъ давать на воспитаніе... И ей предложатъ, или уже предложили, отступное.

Слово „отступное" не покоробило ее, точно оно было самое обыкновенное, въ родѣ словъ: „неустойка" или „задатокъ", когда думаютъ о какомъ-нибудь условіи по найму квартиры или по ангажементу въ труппу.

На своемъ подъѣздѣ Ашимова обернулась и оглядѣла рядъ разноцвѣтныхъ домовъ, по ту сторону рѣки, загибавшихъ мягкой ломаной линіей. Свѣтъ игралъ въ окнахъ. Все смотрѣло весело. Воздухъ былъ бодрящій и подъ стать осеннему ясному дню.

Она прервала свои думы недовольнымъ возвратомъ къ самой себѣ. Зачѣмъ она себя такъ разстраиваетъ прежде времени? Можетъ-быть, онъ вернется съ доброй вѣстью. Когда только она отучится отъ забѣганій впередъ, когда будетъ умѣть сдерживать свой слишкомъ пылкій и тревожный нравъ?..

„Темпераменту отбавьте, барышня, отбавьте, голубушка", — припомнились ей смѣшливыя слова опять все того же прокурора и пріятеля, изъ ихъ предпослѣдней прогулки въ лѣсу, дня за три до его отъѣзда.

„А какъ его отбавишь",—съ усмѣшкой своихъ яркихъ и пышныхъ губъ спросила она, и, скоро и громко дыша, начала подниматься въ четвертый этажъ.

Она нанимала, уже вторую зиму, двѣ комнаты, отъ хозяйки, служащей въ думѣ, бывшей классной дамы, тихой и чрезвычайно воспитанной вдовы. Мебель наполовину была ея собственная — почти все, что стояло въ спальнѣ.

Но и на площадкѣ, когда она надавила пуговку электрическаго звонка и перевела духъ, ее опять схватило за сердце, и такъ непроизвольно, съ такимъ яснымъ физическимъ ощущеніемъ нытья... Она знала, что сердце у нея здоровое. А въ предчувствія она не хотѣла вѣрить... Никакихъ суевѣрій она за собой не признавала, и ея товарки по ученію, еще съ гимназіи, говорили про нее въ голосъ: „Ашимова ничему не вѣритъ, даже числа тринадцать не боится!..“

„Вздоръ, — сердито прикрикнула она на себя, — все чего-то боюсь, безпричинно боюсь, и совершенно поженски... по-бабьи“,—задорно поправила она себя.

IV.

Ея гостиная—квадратная, высокая комната, давно не казалась ей такой нарядной.

Одну стѣну, вплоть до двери въ спальню, занималъ кабинетный рояль. Въ углу стоялъ рѣзной орѣховый столикъ съ плюшевой обивкой, со множествомъ портретовъ и бронзовыхъ вещей и съ хорошенькой лампой.

Мебель была всякая: и мягкая, поизящнѣе и подороже—ея собственная, и съ деревянной обшивкой—хозяйская. Большой коверъ покрывалъ, до половины, паркетный полъ. Узоръ портьеръ и гардинъ, цвѣты, запахъ царской воды—все это прихорашивало комнату.

Ашимова оглядѣла свою гостиную долгимъ взглядомъ и сначала возбужденные глаза затуманились: такіе переходы дѣлались у ней чрезвычайно быстро.

Ей пришла вдругъ на умъ фраза: „настоящая квартирка содержанки“. И она не могла ее прогнать. Почему именно теперь, вотъ сейчасъ, ея комнаты показались ей похожими на это—она не могла объяснить... И когда она прошла въ спальню, такую же просторную и очень свѣтлую, то это сравненіе только усилилось.

Она сняла шляпу медленно, въ разсѣянной, озабоченной позѣ, у туалетнаго столика и не глядя на себя въ зеркало.

„Разумѣется,—думала она, подчиняясь опять настрое-

нію, въ какомъ шла по Фонтанкѣ,—разумѣется, и хозяйка, и горничная Ѳеклуша, и старшій дворникъ, и швейцаръ Нефедъ—считаютъ меня „барышней съ поддержкой“.

Она недавно слышала это выраженіе отъ кого-то изъ своихъ товарищей по консерваторіи. Значитъ, оно уже въ ходу въ Петербургѣ.

„Да, барышня съ поддержкой!“ И какъ же можетъ быть иначе? Хозяйка знаетъ, что она близка съ нимъ, вотъ уже второй годъ; знаетъ его и какъ артиста; нѣсколько разъ говорила съ нимъ у нея; знаетъ и то, что онъ давно женатъ, какимъ образомъ, неизвѣстно, но знаетъ. Это чувствуется въ томъ, какъ она говоритъ про нихъ обоихъ. Для прислуги онъ и подавно тотъ самый господинъ, который ее поддерживаетъ.

А вѣдь это неправда. Она живетъ на свои средства... Или лучше — доживаетъ на нихъ. Еще годъ, и у нея ничего не останется, или останется доходъ въ какихъ-нибудь триста рублей. Но до тѣхъ поръ она будетъ на сценѣ, его женой и подругой на артистической дорогѣ.

„Барышня съ поддержкой!“—почти вслухъ выговорила она, разстегнула кофточку и бросила ее на стулъ.

Это была бы безобразная, возмутительная клевета! О деньгахъ, о матеріальныхъ вопросахъ у нихъ никогда и рѣчи не заходило. Даже и теперь, когда они уже смотрятъ другъ на друга, какъ на обрученныхъ, у нихъ не было еще ни одного серьезнаго разговора о томъ, какъ они устроятъ совмѣстную жизнь. Никогда онъ не спрашивалъ ее подробно о томъ, на какія средства она живетъ, но она, на первыхъ же порахъ знакомства, говорила ему, что живетъ на небольшой капиталецъ, оставленный ей теткой; не скрывала и того, что она проживаетъ уже этотъ капиталецъ и разсчла, чтобы ей хватило, по окончаніи ученія, на два года, съ поѣздкой за границу, въ Парижъ и Миланъ, до поступленія на оперную сцену.

И съ первыхъ же дней ихъ теперешней близости она не позволяла ему платить за себя, въ пустякахъ, извозчику или за билетъ. Это ему нравится, потому что онъ самъ деликатный и осторожный.

Подарки принимала—но какіе?.. Корзину цвѣтовъ, вонъ ту лампу, рамки для портретовъ, два коврика, ящикъ къ имениnамъ съ дюжиной перчатокъ... Да и то изъ-за этихъ перчатокъ вышло объясненіе. Это отзывалось порядочной

суммой—вмѣстѣ съ ящикомъ: рублей на сто, а можетъ быть и больше.

И еще одинъ, довольно цѣнный подарокъ. Она получила, прямо изъ Парижа—боа изъ страусовыхъ перьевъ. Это могло стоить франковъ двѣсти... Она рѣшительно не хотѣла принимать, но онъ такъ мило просилъ, надѣлъ на себя,—она разсмѣялась и не могла устоять противъ соблазна,—боа было самое модное и ни на комъ еще она не видала точно такого.

Туалетъ онъ обожаетъ и цѣнитъ въ ней умѣнье одѣваться... Не одни только платья, а всѣ детали, всѣ мелочи. Смыслитъ онъ во всемъ этомъ больше любой женщины. И съ тѣхъ поръ, какъ они стали близки, она—неузнаваема въ своемъ туалетѣ. Конечно, тратитъ она больше прежняго, особенно на обувь, перчатки, шляпки, но не безобразно много.

Онъ артистъ съ головы до пятокъ. Его оскорбляетъ все некрасивое, старомодное, безвкусное или крикливое, всякая небрежность и неопрятность.

Любимая его поговорка: „женщина — произведенiе искусства“.

Конечно, онъ и къ женѣ началъ охладѣвать оттого, что она такая неизящная, костлявая, нечистоплотная...

„Съ запахомъ камфары и валерьяны“,—прибавила Ашимова съ полной увѣренностью, такъ живо представила она себѣ все это, будто струя ненавистныхъ ей запаховъ пролилась по комнатѣ.

И къ чему она себя успокаиваетъ и защищаетъ? Вѣдь она же знаетъ, что ни одного рубля отъ него не получала, что на квартиру, столъ, платье, извозчиковъ, театръ — расходуетъ она изъ своихъ собственныхъ денегъ.

— Богъ знаетъ, что такое! — громко выговорила Ашимова и быстро подошла къ широкому шкапу, откуда достала новый пеньюаръ, сшитый на-дняхъ, изъ свѣтлой фланели съ кружевами.

Она мечтала сдѣлать ему сюрпризъ. Онъ ей все совѣтовалъ ходить дома въ чемъ-нибудь болѣе покойномъ и легкомъ, и вмѣстѣ изящномъ, гдѣ бы было побольше красивыхъ складокъ. О ея бюстѣ и линiяхъ тѣла онъ говоритъ всегда, какъ истый художникъ, съ особой блуждающей улыбкой. Да и вредно пѣть и аккомпанировать себѣ, затянутой въ жесткiй лифъ, съ узкими рукавами.

Въ пеньюарѣ рукава откидные и руки на полной сво-

бодѣ, ея наливныя, удивительно бѣлыя руки, которыхъ не коснулся лѣтній загаръ.

Поспѣшно она переодѣлась.

И когда она встала передъ трюмо, поправляя кружево на плечахъ — кружево было дорогое, оставшееся отъ покойной матери—сзади, въ зеркалѣ, отразилась вся спальня съ кроватью, отдѣланной гипюровой кисеею, туалетомъ, кушеткой, умывальнымъ столомъ.

Вся эта комната смотрѣла весело и такъ же нарядно, какъ и гостиная. Въ ней не было ничего яркаго, нескромнаго; но Ашимову опять охватило жуткое чувство, и она не могла его отбросить.

Она зажмурила глаза и повернулась къ зеркалу спиной. Запахъ, стоявшій въ комнатѣ, усилилъ ея жуткое чувство. Въ немъ были и пудра, и eau de Botot, и духи, подаренные имъ. Вся эта смѣсь говорила не о строгой, трудовой жизни одинокой дѣвушки, а о чемъ-то совсѣмъ иномъ: о постоянномъ желаніи нравиться, о заботахъ и привычкахъ красивой женщины, у которой есть тайная связь.

Когда она раскрыла глаза—слова: „квартира содержанки“ точно выскочили у ней, откуда-то, въ головѣ, и она не могла отдѣлаться отъ вѣрности впечатлѣнія, хотя и знала, что она честная дѣвушка, что у ней есть женихъ, или что то же: человѣкъ, расторгающій для нея свой первый бракъ, что она, наконецъ, не принадлежитъ ему вполнѣ, что она не шла съ нимъ дальше близости, допустимой въ обрученныхъ.

Порывисто и съ раскраснѣвшимися щеками вышла она изъ спальни и подбѣжала къ письменному столику, гдѣ взяла бронзовые часики и приблизила ихъ къ глазамъ, по близорукости.

Было уже десять минутъ четвертаго, а его все нѣтъ.

„Пріѣхалъ ли?.. Не случилось ли чего?“—съ неожиданной тревогой спросила она, скорѣе облегченная этимъ безпокойствомъ: оно отгоняло отъ нея назойливыя и жуткія мысли.

V.

Звонокъ раздался отрывисто и рѣзко.

Ашимова вся вспыхнула и остановилась посрединѣ гостиной. Выбѣжать ей стремительно захотѣлось; но онъ этого не любилъ—изъ-за прислуги.

Она поправила еще разъ кружево на шеѣ и взялась

рукой за густую косу — это былъ ея обычный жестъ въ минуты внезапнаго волненія или раздумья.

Вотъ онъ снимаетъ пальто и о чемъ-то тихо спрашиваетъ горничную. Съ нею онъ иногда шутитъ.

Въ дверь постучали. Онъ всегда это дѣлаетъ и называетъ русскую замашку прямо входить—„порядочнымъ варварствомъ“.

— Войдите, — откликнулась она, точно постороннему на „вы“.

Они были на „ты“, только съ-глазу-на-глазъ; даже при горничной или хозяйкѣ воздерживались они отъ „ты“.

Въ дверяхъ остановился мужчина сорока лѣтъ, рослый, немного полный, съ округленными плечами, блондинъ, очень старательно и молодо одѣтый, по-лѣтнему. На черепѣ, маленькомъ по росту, курчавились волосы, порѣдѣлые на лбу, коротко подстриженные. Бородка и довольно длинные усы были изысканно причесаны и подзавиты. Въ глазахъ, голубыхъ и круглыхъ, играла усмѣшка здороваго сангвиника, всегда довольнаго собою, какъ мужчиной и артистомъ.

Всякій бывалый человѣкъ призналъ бы въ немъ актера или пѣвца.

— Наконецъ-то!—сдавленнымъ звукомъ крикнула Ашимова и подбѣжала къ нему.

Они обнялись. Онъ поцѣловалъ ее въ глаза и въ волосы... Она совсѣмъ замерла отъ этихъ ласкъ и нѣсколько секундъ ничего не могла выговорить.

— Заждалась, милая?— спросилъ онъ вполголоса, придерживая ее за талію посрединѣ комнаты.—Прости! Меня задержали на Невскомъ. Знаешь русскую манеру начинать на тротуарѣ безконечный разговоръ.

Голосъ его вздрагивалъ въ груди. Тембръ былъ баритонный.

— Ну, сядь, сядь здѣсь, — пригласила она его на диванчикъ, стоявшій около этажерки, противъ рояля.

И ей вдругъ стало свѣтло и бодро на душѣ. Въ тонѣ его словъ, въ блескѣ глазъ, во всей посадкѣ не зачуяла она ничего непріятнаго.

Рука ея осталась въ его рукѣ. Она опустила голову на его мягкое, округленное, по-женски, плечо и, порывисто вдыхая въ себя воздухъ, выговорила:

— Съ чѣмъ вернулся?

Въ натурѣ ея лежало: идти прямо туда, гдѣ опасно,

малодушно не откладывать ничего, что имѣетъ рѣшительное значеніе. Вотъ почему она любила экзамены, конкурсы, всякія состязанія, вотъ почему считала она себя рожденной для сцены, гдѣ все надо брать съ бою.

Задавая такъ поспѣшно этотъ вопросъ, она какъ бы хотѣла отдѣлаться совсѣмъ отъ мысли, что она „барышня съ поддержкой“. Онъ объявитъ, что все улажено, и черезъ мѣсяцъ или черезъ полгода—вѣдь это все равно — она его жена и будетъ считаться его невѣстой, съ нынѣшняго дня, передъ всѣмъ свѣтомъ.

— Съ чѣмъ вернулся?

Онъ повторилъ эти слова замедленно и тотчасъ же поцѣловалъ ее, какъ бы желая напередъ утѣшить.

— Нейдетъ на разводъ?

Ея голосъ раздался глухо. Она подняла голову и смѣло взглянула ему въ глаза.

Въ нихъ она прочла что-то двойственное; но ротъ его съ извилистыми, еще молодыми губами, улыбался.

— Нейдетъ,—выговорилъ онъ и поднялъ плечи.

Рука ея, лежавшая въ его рукѣ, выпала.

Она вскочила и заходила по комнатѣ.

— Но вѣдь это подло, наконецъ! — крикнула она, съ пылающими щеками.—Что же нужно для того, чтобы она смиловалась?.. Вѣдь мы не рабы ея бездушнаго эгоизма и самодурства? Этому имени нѣтъ! Имени нѣтъ!

Съ рояля она схватила свертокъ нотъ и начала бить имъ по ладони лѣвой руки, все еще продолжая большими шагами ходить взадъ и впередъ передъ диваномъ.

Онъ сидѣлъ.

— Милая, не волнуйся!

— Я знаю! Ты такъ благороденъ, что будешь и ее защищать. Но это такъ жестоко, такъ...

Она искала слова, чтобы не разразиться бранью: онъ не любилъ ничего вульгарнаго, и это ее удержало.

Такъ же порывисто присѣла она къ нему на диванъ и опять взяла за руку.

— Ну, скажи... Значитъ, и адвокатъ не подѣйствовалъ?.. Онъ былъ тамъ?

— Былъ! Цѣлыхъ двое сутокъ уговаривалъ... Потомъ и я... Уперлась на одномъ: живите, я *вамъ* не мѣшаю; но взять на себя вину не могу: это значитъ—признавать себя виновной, а я не виновата. Бракъ — таинство! Я его не нарушала.

— Вѣдь ей же предложено?..

Слово „отступное“ остановилось у ней на губахъ.

— Объ этомъ и слышать не хочетъ... Какъ только адвокатъ заикнулся—съ ней сдѣлался сильнѣйшій припадокъ, насилу оттерли.

— Скажите пожалуйста!

Ашимова сдѣлала презирающій жестъ свободной рукой; въ ея потемнѣвшихъ глазахъ блеснула ненависть къ разлучницѣ, усиленная тѣмъ, что она смѣетъ еще падать замертво отъ оскорбленнаго чувства, какъ будто они, то-есть мужъ ея и та, кого онъ полюбилъ, ниже ея по своимъ чувствамъ!..

— Это ея дѣло!

— И ты, Анатолій, вѣришь въ такое безкорыстіе?

— Не въ томъ вопросъ, милая... Надо довести ее до того, что намъ необходимо. Средство одно: взять вину на себя.

— Никогда!—крикнула Ашимова.—Это значитъ—идти на огромный рискъ. Всякій можетъ донести на насъ, если бы даже и нашелся священникъ, который согласится обвѣнчать...

— Погоди,—все съ тою же блуждающею улыбкою остановилъ онъ ее,—да и на это надо получить ея согласіе. Она вѣдь не говоритъ, что ей самой необходима свобода, потому она и не хочетъ брать вину на себя... Уперлась на томъ, что такъ нельзя, совѣсть ей не позволяетъ... И дѣтей тутъ приплела.

— Дѣтей?—спросила Ашимова такимъ звукомъ, точно она въ первый разъ услыхала о ихъ существованіи.

— Ну, да, дѣтей,—наморщивъ лобъ, повторилъ онъ.—Видишь, по ея разсужденіямъ, разводъ—нравственная гибель для дѣтей... Лучше такъ разъѣхаться, но не отнимать совсѣмъ у дѣтей отца или мать, или обоихъ вмѣстѣ.

— Это фарисейство! Всякая ханжа такъ разсуждаетъ! А просто—впилась въ человѣка и не хочетъ никому уступать его! Гадость какая!

Плакать она не могла; но въ горлѣ перехватывало и она близка была къ нервному припадку.

Онъ, молча, привлекъ ее, и она прильнула къ нему, чувствуя, какъ глаза ея становятся влажными.

— Переждать надо,—тихо заговорилъ онъ, покрывая ея лобъ и глаза короткими поцѣлуями.—Не волнуйся... не порти себѣ крови!

Его голосъ звучалъ мягко и безпомощно. Жалость зажглась у ней въ сердцѣ, жалость не къ нему одному, а и къ себѣ, къ нимъ обоимъ. Больше года любятъ они другъ друга, сдерживаютъ себя; страсть въ нихъ трепещетъ, а они должны томиться. Во имя чего?..

Сколько разъ онъ самъ почти убѣгалъ отъ ея ласкъ— и она съ полусознаннымъ эгоизмомъ дѣвушки не хотѣла понять, какъ ему трудно бороться съ собою.

Ждать! Чего же ждать?.. И неужели отъ того только они будутъ достойны презрѣнія, что ихъ законному счастью мѣшаетъ какая-то дрянная ханжа и лицемѣрка?

Бѣлыя руки ея обвились вокругъ его шеи... Она часто и съ возрастающимъ пыломъ начала цѣловать его.

— Лидія! — шепталъ онъ. — Радость моя!.. Пощади меня!..

— Нѣтъ, не надо!.. Прости!.. Я сама была эгоистка... Два раза не живутъ на свѣтѣ!

Злобное чувство примѣшивалось къ взрыву ея страсти. Она точно мстила той женщинѣ, хотѣла показать, что презираетъ въ ней права жены, что ихъ любовь выше ея затхлой и себялюбивой морали.

Голова у нея закружилась.

Ни страхъ за будущее, ни уколъ совѣсти ни на секунду не смутили ея... Она бросалась на встрѣчу всему...

VI.

Весна—тяжкая и запоздалая—поливала городъ мелкимъ дождемъ и держала его въ постоянной мглѣ.

Въ сумеркахъ, наступившихъ слишкомъ рано, Лидія Кирилловна лежала одѣтая, на постели, все въ той же квартирѣ.

Ей было сильно не по себѣ. Съ утра чувствовала она страшную слабость... Голова, отъ мигрени, минутами совсѣмъ замирала.

Она ждала.

Ея душевное состояніе дѣлалось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже... Факты стояли передъ нею; давили... Скоро — не больше, какъ черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль—она будетъ матерью.

Это подкралось такъ неожиданно, такъ предательски... „Неожиданно"—для нея, какъ для всякой дѣвушки, увлеченной страстью. Но въ этомъ она не винитъ *его*, не винитъ и себя. Такъ должно было случиться... Виновни-

ца — все та же, ненавистная ей женщина, Анна Семеновна, жена Анатолія Петровича Струева. Столько мѣсяцевъ прошло—и ничто не сдѣлано. Они не обвѣнчаны. Та—какъ собака—это сравненіе Ашимова употребляетъ каждый день — лежитъ на сѣнѣ, и сама не ѣстъ, и другимъ не даетъ.

Зима прошла, или лучше проползла слишкомъ быстро и не дала ничего... Дебютировать ей не удалось. Не могла она и уѣхать въ Италію, поучиться въ Миланѣ... Не могла, не по неимѣнію средствъ, а потому что не хотѣла оставить его, надѣялась на дебютъ здѣсь. Теперь нельзя показаться на сценѣ... Дебютъ ей предложили весной. Но какъ же она выйдетъ, въ ея положеніи?

Здоровье покачнулось и такъ быстро. Она почти всю зиму пролежала въ постели или на кушеткѣ. Съ поста стало уже совѣстно показываться къ знакомымъ. Внутри у ней клокотало. Изъ-за самодурства и злости старой, постылой жены, она не должна выносить такія страданія. Что жъ тутъ позорнаго, что она дѣлается матерью, когда она любитъ, любима, честна, до педантизма, во всемъ, въ послѣднемъ пустякѣ; когда ея права на уваженіе и признаніе ея чувства неизмѣримо выше, чѣмъ у той постылой и ехидной женщины?

Все это давитъ и его. Онъ — артистъ. Ему нужна подруга во всемъ блескѣ и обаяніи молодости, здоровья, красоты, вѣры въ свои силы. А она хирѣетъ, не можетъ скрывать своего унынія и раздраженія. Съ ней онъ, попрежнему, деликатенъ; но ему тяжко.

Нѣсколько разъ она не воздержалась, стала упрекать его въ томъ, что онъ не достаточно энергически дѣйствуетъ... Но что же ему дѣлать?.. Не зарѣзать же свою жену, не отравить же ее? Насильно онъ не можетъ заставить ее дать разводъ.

Пригрозить, что отберетъ дѣтей? Она доходила до того, что указывала ему и на это средство. Онъ не поддавался; по крайней мѣрѣ, ничего самъ не говорилъ въ такомъ направленіи... Разъ только сообщилъ, что совѣтовался съ адвокатомъ насчетъ дѣтей. Тотъ ему сказалъ:

— Добровольно она не отдастъ. Дѣти ее любятъ... По приговору суда вы врядъ ли получите ихъ. Скорѣе она могла бы добиться того, что васъ заставятъ давать на содержаніе дѣтей.

Онъ ничего на воспитаніе ихъ не даетъ—она не тре-

буетъ, не пристаетъ. Но это только тактика, средство отнять малѣйшій поводъ предъявить къ ней какое-нибудь неудовольствіе... Пускай всѣ считаютъ ее мученицей и праведницей!.. А на нихъ падетъ весь позоръ.

Но въ чемъ же „позоръ“?

Этотъ вопросъ задаетъ она себѣ безпрестанно и сознаніе своей правоты гложетъ ее и усиливаетъ хворость, мѣшаетъ работать, отнимаетъ всякую бодрость духа.

Больше недѣли, какъ она не присаживалась къ инструменту и не вокализировала. Да и голосъ сталъ глуше, слабѣе и грубѣе. Минутами она боится и совсѣмъ его потерять.

И тогда, что съ ней будетъ?

Она доживаетъ свой капиталецъ. Еще одинъ сезонъ— и не останется и двухсотъ рублей—процентовъ, а развѣ на это можно жить? Безъ голоса одинъ заработокъ — давать уроки. Но нынче столько преподавательницъ пѣнія... Мрутъ съ голоду. Да это только для себя одной, а вѣдь черезъ шесть недѣль тутъ будетъ еще существо... Его надо кормить, одѣвать, воспитывать, учить. Брать съ отца — постыдно. Это будетъ значить: ты обязанъ содержать и ребенка, и меня, потому только, что я тебѣ отдалась... Не ея личность значила что-нибудь, не душа, не талантъ, не нравственныя правила, а только смазливое лицо, да роскошная фигура, какъ первая попавшаяся содержанка, какъ „барышня съ поддержкой“, то, чего она такъ страшилась, что вызывало въ ней такое отвращеніе.

Ашимова повернулась лицомъ къ двери въ гостиную и ей стало опять нестерпимо тяжко отъ головной боли и замираній сердца.

Она ждала его больше двухъ часовъ. Онъ обѣщалъ заѣхать послѣ репетиціи. Всѣ эти дни онъ какъ-то и возбужденъ, и озабоченъ... Точно онъ что скрываетъ отъ нея; но ужъ навѣрно не какую-нибудь радостную вѣсть.

Голова такъ у ней закружилась, что она не услыхала звонка въ передней. Горничная просунула голову въ дверь и шопотомъ окликнула ее:

— Барышня!.. Лидія Кирилловна!

— Что такое?

Она съ трудомъ овладѣла собою.

— Къ вамъ баринъ...

— Зачѣмъ же вы докладываете?.. Просите!

— Да не Анатолій Петровичъ... Вотъ карточку приказали отдать.

На карточкѣ Ашимова прочла фамилію ихъ адвоката. Она съ нимъ никогда не встрѣчалась. Всѣ переговоры велись Анатоліемъ Петровичемъ. Сначала она цѣнила эту деликатность; а потомъ жалѣла, что ее не допускаютъ.

Быстро встала она съ постели и приказала горничной просить въ гостиную. Ея головокруженіе прошло сразу, и она успѣла поправить прическу передъ трюмо.

У рояля увидала она человѣка немолодого, плотнаго, съ сѣдѣющей бородой, въ золотыхъ очкахъ, немного сутулаго, въ длинномъ сюртукѣ. Онъ смотрѣлъ скорѣе профессоромъ, чѣмъ адвокатомъ.

Его взглядъ—добрый и затуманенный—поверхъ очковъ прошелся по ней, и она сейчасъ же подумала: „онъ знаетъ, въ какомъ я положеніи".

Но это уже не смутило ее. Адвокатъ—сообщникъ, если не другъ. Струевъ долженъ былъ много разъ говорить ему, что имъ *нельзя* ждать, что положеніе ея отчаянное, какъ дѣвушки изъ порядочнаго общества и будущей жены его.

— Анатолій Петровичъ,—заговорилъ онъ мягкимъ теноркомъ,—просилъ меня заѣхать къ вамъ, Лидія Кирилловна, и побесѣдовать.

— А онъ развѣ не будетъ? — живо спросила она, еще не подавая ему руки.

— Вѣроятно, позднѣе.

Они сѣли на тотъ самый диванъ, гдѣ, восемь мѣсяцевъ назадъ, ее охватила роковая жалость къ себѣ и Струеву.

— Имѣю честь отрекомендоваться, — сказалъ адвокатъ съ добродушной усмѣшкой въ глазахъ.—Для васъ я былъ, до сихъ поръ, звукъ пустой, или таинственный незнакомецъ, какъ въ старинныхъ романахъ писали.

Съ нимъ ей стало сразу очень ловко. Она тихо разсмѣялась.

— Какъ здоровьице?—спросилъ онъ тономъ домашняго доктора. — Анатолій Петровичъ говорилъ мнѣ, что вы сильно волнуетесь и падаете духомъ. А это нехорошо. Смѣлымъ Богъ владѣетъ, и въ каждомъ дѣлѣ выдержка необходима.

„Развѣ ты только за этимъ ко мнѣ пожаловалъ?" — рѣзко остановила она его про себя.

— Съ чѣмъ же онъ васъ посылаетъ? — Ашимова поглядѣла на него пристально, почти строго.

— Да за разрѣшеніемъ одного—какъ бы это сказать—деликатнаго вопроса... вопроса вашей совѣсти.

„Почему же Анатолій самъ не поставилъ мнѣ этого вопроса?“ смущенно подумала она, но воздержалась отъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

„Значитъ такъ надо“, кротко рѣшила она, чувствуя, что съ этимъ мягкимъ посредникомъ ей не придется воевать.

— Моей совѣсти?—переспросила она и опустила свои густыя рѣсницы.

— Такъ точно, Лидія Кирилловна. Вамъ положеніе дѣла извѣстно не хуже, чѣмъ мнѣ. Стало-быть, я могу и не вдаваться въ ненужныя подробности.

— Конечно!

— Я не буду допрашивать васъ и о томъ: кому принадлежала мысль произвести давленіе на госпожу Струеву насчетъ дѣтей.

— Да развѣ Анатолій—она не успѣла прибавить „Петровичъ“—началъ дѣйствовать?

Это ее обрадовало и она не устыдилась своего злораднаго чувства. Ей понравилось и то, что Анатолій ничего не сказалъ ей объ этомъ, не желая ее вмѣшивать въ такой образъ дѣйствій.

— Да-съ,—отвѣтилъ адвокатъ грустно и мягко.

— Черезъ васъ?

— Если угодно — черезъ меня, хотя скажу вамъ въ скобкахъ, мнѣ это было не особенно пріятно... Я переслалъ Аннѣ Семеновнѣ письмо его и, съ своей стороны, отъ всякихъ совѣтовъ и застращиваній воздержался.

Онъ поглядѣлъ на нее опять поверхъ очковъ, и въ его взглядѣ она увидала затаенное сожалѣніе.

VII.

Тонъ адвоката обезоруживалъ ее, но въ то же время ей не хотѣлось выходить изъ своего душевнаго настроенія.

Нельзя было оставить безъ отвѣта и его мягкое допытываніе насчетъ того—кто именно далъ мысль дѣйствовать угрозой.

— У меня нѣтъ никакой нужды преслѣдовать эту женщину,—заговорила она отрывисто, съ пренебрежительной миной рта, — но надо же какимъ-нибудь путемъ довести ее до сожалѣнія, сломить ея злую волю.

— Злую волю,—повторилъ адвокатъ.—Вы увѣрены въ этомъ, Лидія Кирилловна?

— Боже мой!.. Это тянется цѣлый годъ и она не хочетъ понять, черезъ что̀ я проходила и прохожу...

Протяни онъ ей руку—она бы разрыдалась.

Но горделивая натура взяла тотчасъ же верхъ. Не станетъ она плакать!.. И безъ всякихъ жалобъ всякій видитъ, каково ей.

Адвокатъ отвелъ лицо и сидѣлъ въ такой позѣ, какъ будто онъ не рѣшался ей что-то объявить.

— И, разумѣется, Анатолій посылаетъ васъ съ дурною вѣстью?—быстро спросила она.

— Лидія Кирилловна, матушка, — особенно мягко началъ онъ и поглядѣлъ на нее своими кроткими глазами, гдѣ она не могла ничего прочесть.—Вы ясно изволите говорить: злая воля... И ее надо пожалѣть, и въ ея душу войти...

— Она не заслуживаетъ этого!

— Погодите, милая барышня... минуточку... Ваше слово впереди... Ну, переслалъ я ей письмо Анатолія Петровича... Отвѣта нѣтъ. Онъ меня торопитъ... Я съѣздилъ въ Москву... А ужъ куда мнѣ не рука была, по правдѣ сказать...

— И что жъ?

— Нашелъ ее въ ужасномъ положеніи.

— Почему? Она не нуждается!.. У ней есть свои средства. И Анатолій готовъ...

— Позвольте... Не матеріально... Развѣ одна только денежная нужда ужасна? Душевно убитою нашелъ я ее, въ такомъ разстройствѣ, что, вѣрите, я не могъ выдержать... заплакалъ... Извините... Лгать не стану.

— Психопатка!

— Психопатія эта весьма понятная. Вхожу — на столѣ лежитъ ея старшая дочь.

— Дочь?

Нервная дрожь пронизала Ашимову и она не могла сдержать ее.

— Да, дѣвочка по тринадцатому году... И красавица... Въ три дня унесло! Крупъ, что ли... Знаете, у меня тоже дѣти... Цѣлыхъ четверо... И мы потеряли одного. Но я такого отчаянія еще не видалъ... въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, кругу.

Онъ не докончилъ и опустилъ голову, чтобы скрыть свое волненіе.

„Какъ же Анатолій мнѣ ничего не сказалъ,—подумала Ашимова.—По деликатности?“.

— Анатолій Петровичъ не хотѣлъ васъ тревожить,—обронилъ адвокатъ.

— А на него какъ это подѣйствовало?

Вопросъ вылетѣлъ у нея порывисто, и она тотчасъ же упрекнула себя за него.

— Онъ—мужчина. У него другой характеръ... И для него ударъ... Свое дѣтище... Знаете, такая жестокая смерть заставляетъ забывать многое... Увѣряю васъ, Лидія Кирилловна, что ни у кого бы, на моемъ мѣстѣ, не хватило куражу подступать съ какими-нибудь требованіями или угрозами. Я вамъ говорю, она въ ужасномъ разстройствѣ и хорошо, если организмъ выдержитъ.

Протянулось молчаніе.

— Прекрасно,—начала Ашимова.—Значитъ, мы остаемся все также въ пустомъ пространствѣ?

Она полуистерически засмѣялась и стала сильно потирать руки.

— Анатолій Петровичъ хотѣлъ, чтобы вы именно отъ меня все это выслушали... Вѣдь, согласитесь, голубушка, тутъ просто ужъ нѣчто роковое. Человѣкъ лежитъ въ горячкѣ, нельзя же требовать отъ него чего-нибудь, на что необходимы твердый разумъ и нормальная воля!.. Идти на проломъ это—добивать ее. Желаю вамъ всякаго счастія, вхожу, отъ всей души, въ ваше собственное положеніе, но, право, вы сами не захотите, такъ сказать... перешагнуть къ аналою черезъ...

„Трупъ!“—чуть не крикнула она, и кровь отхлынула отъ сердца. Ей послышалось слово ея пріятеля прокурора тамъ, въ лѣсу, лѣтомъ, когда она была полна увѣренности, что къ новому году все будетъ покончено.

— Черезъ полуживое существо, которое такъ легко добить теперь.

— Ну да, ну да! Я знаю,—заговорила она, безсильная сдержать свою нервность, — меня пугаютъ!.. Я жду того, что Анатолій придетъ и скажетъ: „ты хочешь перешагнуть черезъ ея трупъ!“ Но это риторика! Это жалостная фраза!

— Нѣтъ, не фраза, — очень тихо и протяжно выговорилъ адвокатъ.—Переждать надо, Лидія Кирилловна. Того же мнѣнія и Анатолій Петровичъ. Вы поймите, невозможно дѣйствовать, она опасно больна. Я говорилъ съ ея

докторомъ. Это — психіатръ. Онъ перевозитъ ее къ себѣ въ лѣчебницу. Воля ваша!

„Я не могу ждать! Не могу!“—хотѣла она крикнуть и вдругъ вся ослабла, взялась руками за лицо и беззвучно заплакала. По всему ея тѣлу разливалась ноющая боль и глубокая, безграничная печаль засосала ей въ груди.

— Барышня, милая... — слышала она голосъ адвоката, и рука его коснулась ея плеча. — Не убивайтесь... Все обойдется... Одно изъ двухъ: или она не переживетъ, или она будетъ неизлѣчимая душевно-больная, или выздоровѣетъ и упираться не станетъ, послѣ такого удара. Повѣрьте мнѣ.

Ее, какъ маленькую, убаюкивалъ звукъ этого голоса. Ей хотѣлось вѣрить, но она не могла обманывать себя... Что бы ни сталось съ той женщиной—на это нужно время, много времени, а она черезъ шесть недѣль должна быть матерью.

Никогда еще не проникала ее такая жалость къ себѣ. Негодовать не было силъ послѣ того, что̀ она услыхала отъ адвоката. Но и простить она не могла. Душевная надсада ея усиливалась и оттого, что въ такую минуту около нея не онъ, не человѣкъ, которому она все отдала, а чужой, адвокатъ, что-то въ родѣ наемнаго сообщника. Зачѣмъ Анатолій самъ не явился?.. Онъ уходитъ отъ нея... полегоньку. Это видно... Если охладѣетъ совсѣмъ—что же тогда?

Ей сдѣлалось такъ страшно, что она оторвала руки отъ лица и растерянно оглядѣлась. Слезы перестали течь по ея похудѣлымъ щекамъ.

— Голубушка, — продолжалъ адвокатъ, и взялъ ее за руку. — Вамъ надо выказать мужество, именно теперь. И Анатолію Петровичу дайте возможность придти въ себя, пріободриться, поработать... Его талантъ оцѣненъ... Надо ловить минуту?.. Лѣтній сезонъ рѣшитъ его уже не одну петербургскую, а европейскую репутацію. Тогда и презрѣнный металлъ польется. Вѣдь надо обезпечить себѣ будущность.

Она слушала и смутно понимала его.

Почему онъ говоритъ о „европейской репутаціи“ и о „лѣтнемъ сезонѣ“? О какомъ сезонѣ? И гдѣ?

Ее закололъ вопросъ; значитъ Анатолій получилъ заграничный ангажементъ? Куда? Въ Англію?

Почему же онъ ничего ей объ этомъ не говорилъ? Стало-быть онъ скрытничалъ съ нею, входилъ тайкомъ въ

переписку съ заграничными директорами? Но если онъ будетъ пѣть въ Лондонѣ, то долженъ ѣхать черезъ три-четыре недѣли, въ началѣ мая, даже раньше. На такую поѣздку онъ даже не намекалъ ей.

Ее онъ, конечно, не возьметъ, да и какъ она поѣдетъ черезъ двѣ-три недѣли? Почему же нѣтъ? Лучше рискнуть здоровьемъ, чѣмъ остаться здѣсь, одной, ждать своего позора, безпомощной, точно брошенная, постылая дѣвчонка, имѣвшая глупость такъ неосторожно увлечься моднымъ баритономъ, у котораго и кромѣ нея есть много всякихъ побѣдъ, на сторонѣ, и въ обществѣ, и на сценѣ.

Всѣ эти сомнѣнія, жалобы, упреки готовы были политься рѣкою. Гордость опять помогла ей сдержать себя. Она не выдала своей сердечной боли ни однимъ словомъ и сказала только:

— Если вы увидите Анатолія раньше меня, передайте ему, что я все выслушала... Сама я не могу же дѣйствовать, коль скоро эта женщина теперь невмѣняема. Вѣдь это такъ называется на судебномъ языкѣ?

— Такъ, такъ... Ну, спасибо, милая барышня. Все перетасуется... И не такіе гордіевы узлы разсѣкаетъ сама жизнь... ничто больше!

Онъ медленно поднялся и протянулъ ей руку.

Въ головѣ ея начиналось ощущеніе пустоты. Встать на ноги она не рѣшилась. Она пожала его руку и тихо выговорила:

— Благодарю васъ.

Когда шаги его смолкли въ передней, она упала головой на спину дивана и замерла. Засыхающія слезы бороздили ей щеки, но плакать она уже не имѣла силъ.

А въ ушахъ стояло одно какое-то слово, и она никакъ не могла отогнать его, какъ докучную муху... Голова не въ состояніи была разобрать—какое это слово. Оно жужжало и точно дразнило ее и пугало вмѣстѣ — казало впереди долгій рядъ дней тоски, страха, стыда, обиды и охлажденія любимаго человѣка.

VIII.

Душно въ узкой и тѣсной комнатѣ. Шторы спущены. Въ спертомъ воздухѣ стоитъ лѣкарственный запахъ.

Лидія Кирилловна тяжело раскрыла вѣки, приподняла голову и оглядѣлась.

Голова не такъ болитъ; но силъ еще нѣтъ встать. Только

вчера она, по глазамъ женщины-врача, догадалась, что опасность миновала.

Спальня смотритъ маленькой больничной камерой. Такихъ четыре, и всѣ выходятъ въ коридоръ. Двѣ заняты—она не знаетъ кѣмъ. Конечно, паціентками въ „ея положеніи“.

Вотъ она до чего доведена честной любовью, пылкой, благородной натурой. Горечь подступила къ горлу и во рту у ней ощущеніе желчи. Надо жить, дѣйствовать, бороться — не для себя одной. Тамъ, въ концѣ коридора, маленькое созданіе лежитъ въ колыбелькѣ и надъ нимъ дремлетъ или жуетъ что-нибудь мамка, наемная, грубая и глупая мужичка, званіемъ дѣвица... стало-быть, такая же незаконная мать, какъ и она. Своего ребенка отнесла въ воспитательный и кормитъ чужого за деньги... По крайней мѣрѣ, она хоть на что-нибудь годна. И не унываетъ, выговорила себѣ хорошее жалованье, ее пичкаютъ, рядятъ... Быть кормилицей не всякой удается, а скопитъ деньжонокъ, возьметъ своего ребенка и будетъ его выхаживать, какъ можетъ... И опять сдѣлается матерью, и опять въ мамки... А попадетъ къ богатымъ и добрымъ господамъ, останется въ домѣ, выняньчитъ свое молочное дитя.

А она?

Терзаться, малодушно хоронить себя отъ всѣхъ, не быть даже въ состояніи кормить собственнаго ребенка!.. Онъ родился хилымъ, чуть живымъ. Понадобилась операція. Долго ли онъ проживетъ?

Ей страстно захотѣлось побѣжать къ нему, расцѣловать его, убѣдиться, что онъ еще живъ, что въ колыбели лежитъ живое маленькое существо, а не окоченѣлый трупъ...

Все время, какъ она лежала въ забытьи—это длилось два дня—чуть очнется, сейчасъ ей представится мертвое тѣльце, синее, сморщенное, безъ пеленокъ, съ большой голой головкой...

Вотъ черезъ какой „трупъ“ она скорѣе всего перешагнетъ: черезъ трупъ своего ребенка.

Слезы потекли у ней быстро и обильно, и немного облегчили ее. Она потянулась исхудалой рукой къ пуговкѣ звонка, приходившейся надъ ночнымъ столикомъ.

Отворила дверь сидѣлка, въ темно-сѣромъ платьѣ и фартукѣ.

— Какъ маленькій? — спросила она возбужденно, довольно еще сильнымъ голосомъ.

— Ничего-съ.

— Кормилица съ нимъ?

— Съ нимъ.

— Марья Филипповна дома?

— Дома-съ.

— Попросите ее ко мнѣ на минутку.

Сидѣлка скрылась.

Третью недѣлю лежитъ она здѣсь, у этой Марьи Филипповны—ученой „мадамы", какъ зоветъ ее сидѣлка.

Какою смѣлою считала она себя, годъ назадъ, и позднѣе, когда страсть туманила ей голову. Минутами она гнала отъ себя всякій страхъ передъ послѣдствіями, хотѣла даже выставить на показъ то, что другія считаютъ постыднымъ. Пускай та ненавистная женщина, которая довела ее до этого, знаетъ, что она открыто будетъ матерью.

— Вышло совсѣмъ не такъ. Нѣсколько мѣсяцевъ она скрывала свое положеніе и прибѣгла къ укрывательству ученой мадамы, какъ сотни другихъ дѣвушекъ и вдовъ.

Но это не все... Можно снести сознаніе своего малодушія и своей неудачи и продолжать любить, вѣрить въ того, кто былъ причиной страданій.

Любитъ ли она теперь, вотъ въ эту минуту?.. И вѣритъ ли?

Она хотѣла бы вѣрить до послѣдней минуты. Да и какое она можетъ привести несомнѣнное, разительное доказательство того, что этотъ человѣкъ предалъ ее, бросилъ, поступилъ, какъ бездушный развратникъ?

Факты—не за него; но и не противъ него.

Хлопоты о разводѣ они должны были прекратить... Жена его—чуть не сумасшедшая, въ лѣчебницѣ психіатра... Онъ ѣздилъ въ Москву повидать дѣтей, вернулся оттуда разстроеннымъ; но не сухимъ, не злымъ.

Ровно за двѣ недѣли до рожденія ея ребенка онъ пришелъ къ ней и сказалъ: если она не хочетъ, чтобы онъ подписывалъ контрактъ на Лондонъ—онъ отвѣтитъ отказомъ по телеграфу... Какъ могла она удержать его? Онъ предлагалъ взять ее съ собою. Она и на это не согласилась. Почему? Не хотѣла этой „милостыни", не желала быть обузой, стыдилась своего положенія, боялась, что

онъ охладѣетъ къ ней именно потому, что она обуза, что съ ней надо будетъ просиживать всѣ свободные дни.

Онъ и уѣхалъ. Прощаясь плакалъ, кажется искренно, предложилъ денегъ; она раскричалась на него, какъ никогда не кричала. Въ этомъ она увидала унизительную „подачку“. „На, молъ, тебѣ тысячу рублей и будь довольна, а я—умываю руки; я сдѣлалъ все, что слѣдуетъ порядочному человѣку“.

И тогда, послѣ сцены прощанія, впервые заползло въ ея душу сомнѣніе: полно, любитъ ли она его беззавѣтно, тотъ ли онъ, съ кѣмъ надо ей скоротать свой вѣкъ?

Сначала депеши его летѣли чуть не каждый день, потомъ рѣже. Писать онъ никогда не любилъ. О рожденіи сына извѣстила его акушерка. Онъ отвѣтилъ радостно, но эта депеша ее не тронула. На третій день она заболѣла и была между жизнью и смертью.

Гордость—вотъ что поддерживало ее и заставляло поступать такъ, какъ у нея выходило. Она не желала считать себя его женой, даже наканунѣ того дня, какъ стала матерью. А могла бы, должна бы была такъ чувствовать, если хотѣла быть вѣрной тому, что ее распаляло въ борьбѣ со „злой волей“ его жены.

Гордость да ненавистное чувство къ этой женщинѣ сидѣли въ ней глубже всего остального.

Не захотѣла принять отъ него поддержки, даже для ихъ ребенка, и увидала, почти съ ужасомъ, что у нея собственныхъ средствъ не хватитъ и на полгода, если жить такъ, какъ она жила.

Отъ квартиры надо было отдѣлаться. Свою мебель поставила она въ складъ и поступила тайной пансіонеркой къ Марьѣ Филипповнѣ, гдѣ все очень дорого.

Кругъ мыслей и ощущеній привелъ ее къ тому, съ чѣмъ она проснулась.

И опять страстно потянуло ее къ ребенку.

Дверь скрипнула. На порогѣ стояла хозяйка, блондинка, подъ пятьдесятъ лѣтъ, широкоплечая, съ круглымъ, лоснящимся лицомъ, въ городкахъ на лбу, въ богатомъ распашномъ капотѣ.

— Милочка!—тихо вскрикнула она.—Что вы!.. Никакъ хотѣли вставать? Да это безуміе, голубчикъ мой!

Ея бѣлыя и красивыя руки, въ перстняхъ, потянулись къ больной, чтобы удержать ее отъ всякаго лишняго движенія.

Марья Филипповна присѣла на край кровати.

— Безпокоитесь о вашемъ бутузикѣ? Напрасно. Онъ кушаетъ исправно. Я знаю, скажете: поставить около васъ. Невозможно это, голубчикъ мой, абсолютно невозможно... И туда не пущу раньше послѣзавтраго.

Больная силилась улыбнуться, но слова хозяйки и тонъ ея кололи ее. Помириться съ своимъ положеніемъ какой-то бѣглянки-преступницы—она не могла.

— Черезъ два дня мы на другой режимъ васъ посадимъ.

Наклонившись къ ней низко, Марья Филипповна медленно выговорила:

— Являлась ко мнѣ одна дама и хотѣла васъ видѣть.

— Меня? Какимъ образомъ?

— Какъ будто родственница... Худая, очень, знаете, порядочная... Съ большимъ къ вамъ сочувствіемъ.

— Вы спросили фамилію?

— Спросила, милочка; она затруднилась. Говоритъ: я напишу Лидіи Кирилловнѣ и, когда она поправится, она меня, быть-можетъ, приметъ.

Видя, что больная заволновалась, Марья Филипповна встала, сдѣлала жестъ рукой и, уходя, пустила громкимъ шопотомъ:

— Разговаривать довольно! Лежите смирно, голубчикъ мой, и благо вамъ будетъ!

IX.

Передъ нею, въ полусвѣтѣ комнаты, блѣднѣло лицо—худое, совсѣмъ прозрачное, съ остатками большой красоты; впалые, огромные глаза глядѣли на нее съ непонятнымъ, жуткимъ для нея участіемъ и еще съ чѣмъ-то... Во всемъ существѣ этой женщины было что-то особенное, передъ чѣмъ она смирялась.

И смотрѣла эта женщина совсѣмъ не старухой. Черное платье облекало тонкую талію съ чѣмъ-то дѣвическимъ, цѣломудреннымъ. Никто бы не сказалъ, что она была мать дѣвочки по тринадцатому году, что ей тридцать пять лѣтъ. Не пахло отъ нея ни камфарой, ни валерьяной.

Когда, четверть часа передъ тѣмъ, Ашимовой подали карточку: „Анна Семеновна Струева“—все въ ней всколыхнулось. Она хотѣла было отказать, но крикнула: „Просите“, и поспѣшно стала оправлять свой пеньюаръ,

въ которомъ лежала на прибранной кровати, съ пледомъ на ногахъ.

Это посѣщеніе почти возмутило ее. Что ей нужно?.. Полюбоваться на ея позоръ?

Но не прошло и пяти минутъ разговора, какъ она не въ силахъ была отдаваться злобному чувству. Она только слушала.

Эта женщина узнала, гдѣ ее найти, отъ адвоката... Онъ, конечно, и послалъ ее, и послалъ не зря, а за дѣломъ... Въ душѣ этой женщины все перегорѣло. Она просто, безъ хныканья, безъ фразъ, разсказала про внезапную смерть старшей дочери, про свое душевное разстройство и про свое излѣченіе. И подъ конецъ разсказа она вдругъ нагнулась—сидѣла она на стулѣ—протянула руку и, сдерживая волненіе, выговорила звукомъ глубокой скорби:

— Простите меня, Бога ради... Я васъ довела вотъ до чего... Простите...

И поникла головой.

Что же было отвѣчать? Разносить ее?.. Всякая злобность смолкла... Неожиданное чувство жалости къ нимъ обѣимъ овладѣвало Ашимовой... Обѣ онѣ стали жертвы одного влеченія, какъ бы сестры по судьбѣ своей.

Потомъ, оправившись, та начала говорить просто, какъ о дѣлѣ, которое надо наладить поскорѣе, тономъ должницы, готовой заплатить всѣ просроченные проценты.

Недовѣріе на секунду закралось въ Ашимову: не ловушка ли это?

— Почему же,—спросила она, наконецъ, кротко, почти стыдливо, — вы такъ долго не соглашались?.. Я не хочу вѣрить, чтобы изъ одного упорства... послѣ того, что̀ я сейчасъ выслушала отъ васъ.

— Почему? Лидія Кирилловна... На это легко отвѣтить, когда знаешь, что тебя поймутъ.

— Я пойму васъ,—сказала Ашимова, подняла голову и прислонилась ею къ высоко взбитымъ подушкамъ.

Почему она упиралась?.. Потому, что не могла еще совладать съ любовью къ человѣку, созданному ею, потому что любовь къ нему перешла въ материнское чувство и она не отдѣляла его отъ своихъ дѣтей, рожденныхъ отъ него же; потому что она страшилась лишить дѣтей отца; потому что она изучила его натуру и знала, что онъ можетъ, переходя отъ увлеченія къ увлеченію,—лишиться

всего... Упираясь, она хотѣла сохранить ему семью, куда онъ могъ бы вернуться, побитый жизнью.

Все это отзывалось чѣмъ-то слишкомъ чистымъ и возвышеннымъ, почти театральнымъ, но Ашимова уже не могла не вѣрить тому, что такія именно побужденія руководили ея соперницей. Незамѣтно исчезла для нея всякая возможность смотрѣть на Струеву, какъ на „злую разлучницу".

И впервые узнала она изъ ея исповѣди, сколько эта женщина положила силъ, вѣроятно, и матеріальныхъ средствъ, на то, чтобы создать изъ мужа своего такого симпатичнаго артиста. Она почуяла, что все привлекательное въ немъ, на что она сама полетѣла какъ бабочка, было согрѣто и развито его женой.

— Умерла моя Оля,—доносился до неятихій, немного глухой голосъ, она слушала съ полузакрытыми глазами,—и когда я послѣ болѣзни стала входить въ себя, эта смерть явилась для меня откровеніемъ. Я не изувѣрка и не ханжа. Можетъ-быть, слишкомъ мало думала о душѣ своей. Но этотъ ударъ просвѣтилъ меня... Вашъ адвокатъ,—онъ хорошій человѣкъ, — узналъ, что я выздоровѣла, пріѣхалъ, разсказалъ, въ какомъ вы положеніи — и вотъ я здѣсь, Лидія Кирилловна. Вамъ тяжелѣе. Я, какъ женщина, свое взяла съ жизни. А вы, молодая дѣвушка, честная, пылкая и въ сущности ни въ чемъ невиноватая передо мной... У васъ ребенокъ... Онъ сынъ Анатолія Петровича... Я должна отдать и ему, и вамъ права... Вы ихъ достаточно выстрадали.

Голосъ ея крѣпчалъ и тонъ ея словъ показался подъ конецъ Ашимовой слишкомъ торжественнымъ, какъ будто отзывался рисовкой и нравоученіемъ.

Она должна бы благодарить ее, потянуться къ ней, обнять, но ее что-то держало. Эта женщина какъ бы оскорбляла ее своимъ нравственнымъ превосходствомъ—настоящимъ или поддѣльнымъ. Но то, что она говорила, согласовалось съ ея поведеніемъ. Вѣдь она сама пріѣхала, она хочетъ—хоть и поздно—дать мужу разводъ, она ихъ благословляетъ и думаетъ только о томъ, чтобы сыну Анатолія Петровича и его теперешней подругѣ были возвращены законныя права.

Ужъ не взялась ли она за умъ и не желаетъ ли отступного.

Эта мысль пронизала мозгъ Ашимовой, но она засты-

дилась ея тотчасъ же. Нѣтъ! На деньги она не пойдетъ, да и какія деньги можетъ ей предложить мужъ, когда онъ врядъ ли что давалъ ей и на воспитаніе дѣтей?.. И все-таки тонъ послѣднихъ словъ Струевой задѣвалъ и настраивалъ не такъ, какъ бы она сама желала.

— Живите... будьте...

Голосъ Струевой вдругъ оборвался; она упала всѣмъ своимъ исхудалымъ тѣломъ на кровать и безпомощно зарыдала.

Ее всю трясло. Не поднимая головы, она пролежала такъ съ минуту.

Ашимова сидѣла, вся потрясенная этимъ взрывомъ душевной боли. Тутъ только она все поняла—поняла и то, что, произнося слова свои торжественнымъ тономъ, эта женщина дѣлала надъ собой нечеловѣческія усилія, чтобы выдержать роль, не выдать себя.

И не смогла.

Въ рыданіяхъ, въ изможденномъ трепетномъ тѣлѣ металось передъ ней горе всей жизни, безповоротное чувство потери до сихъ поръ любимаго человѣка.

Не сердце чувственной любовницы билось передъ ней въ мукахъ, а сердце матери, у которой отнимаютъ самое дорогое дѣтище.

— Анна Семеновна! Умоляю васъ! Я не хочу, я не хочу!

Эти слова вырвались у Ашимовой вмѣстѣ съ движеніемъ обѣихъ рукъ.

Она схватила ими Струеву за плечи не то затѣмъ, чтобы привести ее въ чувство, не то затѣмъ, чтобы обнять.

Порыва нѣжности она не ощутила настолько, чтобы привлечь ее къ себѣ, но на нее нашелъ почти ужасъ отъ того, на какое дѣло она такъ упорно и безпощадно шла.

Вотъ онъ, трупъ-то, не тѣлесный, а трупъ женской души, такого же живого существа, какъ и она, неизмѣримо больше любящаго того человѣка, которому, быть-можетъ, нѣтъ особеннаго дѣла ни до одной изъ нихъ.

— Простите!.. Я ничего!

Струева подняла свое лицо, все облитое слезами. Глаза ея скорбно замирали.

— Я ничего! Это—нервы! Все еще остатки болѣзни... Знаете, для насъ, женщинъ, слезы—дешевый товаръ.

Ея поблеклыя губы хотѣли было сложиться въ улыбку. Она сѣла опять на стулъ, застѣнчиво оправила ленты своей шляпки и провела платкомъ по лицу.

Ашимова не находила въ себѣ никакихъ словъ; она слишкомъ много пережила въ эти десять минутъ.

X.

Лужайка отдыхала отъ сильнаго дневного жара подъ тѣнями спустившагося передъ закатомъ солнца.

На бревнахъ—новыхъ, не прошлогоднихъ—сидѣли опять Ашимова и ея пріятель Крупинскій. Она была въ темномъ кретоновомъ платьѣ, безъ шляпки, какъ дачница. Онъ одѣтъ почти также, что и въ прошломъ іюлѣ, когда лѣсная тропинка завела ихъ сюда, на эту самую лужайку.

Наружность Лидіи Кирилловны измѣнилась—къ выгодѣ ея. Овалъ лица сдѣлался тоньше и цвѣтъ кожи менѣе ярокъ. Слишкомъ пышный бюстъ принялъ болѣе строгія очертанія. Въ глазахъ не было задорнаго блеска. Они углубились въ своихъ впадинахъ и казались больше.

Крупинскій немного пополнѣлъ. Но въ тонѣ его пріятельскаго разговора съ Ашимовой звучало что-то новое.

Вчера пріѣхалъ онъ повидаться съ нею, и они повели свою первую интимную бесѣду только сегодня, на прогулкѣ въ лѣсъ.

Она ему все разсказала, и когда они пришли сюда и сѣли, онъ уже зналъ, что ея ребенокъ умеръ, что Струевъ „пожинаетъ лавры" въ Ковентъ-Гарденѣ и подписалъ уже ангажементы въ Вѣну, Неаполь и Мадридъ, по два мѣсяца въ каждомъ городѣ.

Прокуроръ не проронилъ ни одного изреченія, ни одной шутки. Его глаза грустно и вдумчиво взглядывали на Ашимову и тотчасъ же опускались.

— Вотъ какія дѣла, Крупинскій, — начала она своимъ пріятнымъ, низковатымъ голосомъ, не утратившимъ грудной звучности послѣ болѣзни.—Не хотите ли дать заключеніе?

— Зачѣмъ же такъ, Лидія Кирилловна?

Онъ почти смущенно отмахнулся правой рукой.

— Да что же все въ лирическомъ тонѣ разливаться? Какъ видите, пророчество ваше сбылось. Я перешагнула черезъ трупъ.

— Позвольте, мало ли что болтаешь!

— Нѣтъ, вы были правы! Только я перешагнула черезъ трупъ собственнаго ребенка... Могла бы и черезъ другой трупъ перешагнуть, черезъ забитую душу той женщины... но не хочу.

— Почему же?—искренно вскричалъ онъ и приподнялся.

— Вы ли это мнѣ говорите?

— Я, Лидія Кирилловна. Въ чемъ же вы можете себя упрекнуть теперь?

— Вы, стало, плохо слушали?

— Нѣтъ, превосходно!

— Я жертвъ не желаю, Крупинскій. Онъ до сихъ поръ ея идолъ... Такова женская доля. Но во мнѣ, кажется, этого идолопоклонства нѣтъ. Онъ—ея дорогое чадо. Она надѣется, что рано или поздно онъ вернется къ ней и у него будетъ семья, у него будетъ мать, нянька, все, на что она способна для него и на что я неспособна.

— Вы?

— Нѣтъ, неспособна.

Ашимова провела по лбу рукой и брови ея нервно сблизили свои концы.

— Зачѣмъ лгать самой себѣ? Я только воображала о себѣ многое. Смерть моего мальчика научила меня знать себя лучше. Да, живи онъ—я бы не отказалась быть женой Струева—для сына. И то, едва ли!

— Лидія Кирилловна!

— Едва ли,—повторила она съ удареніемъ. — Онъ бы и меня бросилъ, стало-быть, и его покинулъ бы. Дать ему имя? Такъ вѣдь онъ былъ незаконный!

— Нынче стало легче вернуть права ребенку.

— Нѣтъ, я врядъ ли бы пошла на это. Я хочу съ совѣстью въ ладу жить; всегда передо мной стоялъ бы призракъ этой женщины... Какъ она тогда не выдержала и зарыдала, бросившись головой къ ногамъ моимъ — такія минуты не забываются. Особенно когда страсть перегорѣла; а она перегорѣла.

— Однако... Явись онъ сюда, вотъ сейчасъ, вы бы кинулись къ нему и пошли бы на все?

Не сразу отвѣтила она.

— Не знаю... Врядъ ли... Я ему—уже въ тягость. Онъ меня зоветъ туда, но какъ? Для очистки совѣсти. Да еслибъ я ему и попрежнему нравилась — зачѣмъ я ему? Онъ идетъ полнымъ ходомъ, и я для него обуза.

— Что̀ вы говорите! Но вы пошли бы рука-объ-руку!

— Я мечтала объ этомъ. Голосъ у меня есть, но не Богъ знаетъ какой... Хорошо, если и въ провинцію получу ангажементъ. А уцѣпиться за него. чтобы онъ всюду

меня таскалъ и, въ видѣ подачки, выговаривалъ для меня мѣста третьей конпримаріи—я слишкомъ горда. Что жъ! Каюсь, гордость—мой коренной порокъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, удерживаетъ отъ гадостей и униженій.

Горечь сложила ея губы, немного поблѣднѣвшія, въ усмѣшку.

— Вы не думайте, что во мнѣ ревность, самолюбіе говорятъ. До меня дошли слухи о его новыхъ побѣдахъ въ Лондонѣ, объ этой американкѣ... съ которой онъ пѣлъ въ „Эрнани“ съ такимъ успѣхомъ. Нашлась какая-то добрая душа, анонимно прислала мнѣ корреспонденцію, гдѣ есть прозрачный намекъ на то, что баритонъ и примадонна такъ искренно увлекаются на сценѣ, какъ могутъ только увлекаться взаимно любящія сердца. Есть и еще намекъ — на возможность свадьбы... Почему же нѣтъ?... Крупинскій, я не хочу говорить о немъ дурно... У него такая ужъ натура: годъ — одно увлеченіе, слѣдующій — другое. Неунывающій артистъ!.. Лучше я вамъ скажу про себя: настоящей, роковой любви къ нему у меня нѣтъ... А ребенокъ нашъ умеръ! Стало... Остальное вы сами доскажете; вы въ логикѣ — первый мастеръ. Вы видите, я не рисуюсь, я—не въ отчаяніи... Буду жить, работать, за счастьемъ погожу гнаться. Обожглась! На первый разъ довольно.

И она глухо засмѣялась.

— Если такъ,—заговорилъ онъ, опять подсаживаясь къ ней,—что жъ!.. Я радъ за васъ, Лидія Кирилловна.

Онъ какъ бы перебилъ самого себя. Его рѣчистость ему измѣняла въ первый разъ съ нею. Въ бокъ поглядѣлъ онъ на нее съ тревожнымъ сочувствіемъ. Можно было догадаться по движенію рукъ и головы, что имъ овладѣваетъ волненіе, которое ему трудно одолѣть.

— Урокъ слишкомъ тяжкій... И вы меня простите за все, что я въ прошломъ году изрекалъ, вотъ здѣсь.

— Напрасно!.. Если бы я помнила, какъ надо, ваши слова... о трупѣ, я бы не кинулась такъ на проломъ... не тѣшила бы такъ свое...

Она искала слова.

— Женское себялюбіе, — выговорила она грустно и смолкла.

Крупинскій протянулъ ей молча руку. Она пожала.

Въ его пожатіи была дрожь, замѣченная ею. Этотъ

„сушка-прокуроръ“,—какъ она его звала часто и въ письмахъ,—человѣкъ съ душой и преданъ ей.

Только ли преданъ? Не заговорило ли въ немъ болѣе нѣжное чувство? Вопросъ выскочилъ въ ея головѣ самъ собою... Она не устыдилась и не испугалась его.

Но голова продолжала работать. И сердце помогало этой работѣ головы.

„Нѣтъ,—сказала она про себя,—не надо мнѣ мужскихъ подачекъ.—И для меня, и для него унизительно, если онъ даже и полюбитъ меня“.

Она способна была выговорить это вслухъ, начни онъ изливаться.

Что же тутъ мудренаго? Мужчины, не меньше женщинъ, гоняются за миражемъ страсти, да вдобавокъ еще любятъ играть въ великодушіе, спасать, на каждомъ шагу принимать жалость за любовь.

А жалости она не хочетъ. И любить она не можетъ, въ эту минуту... Своего пріятеля Крупинскаго способна полюбить, какъ хорошаго человѣка.

Но такому человѣку надо другую жену.

— Милая,—прошепталъ онъ, и стыдливо прикоснулся губами къ ея рукѣ.

— Пойдемте... Мы старые пріятели, — возбужденно и громко сказала Ашимова. — Намъ нечего обижать другъ друга жалостью.

И, молча, пошли они въ обратный путь.

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ.

РОМАНЪ.

Часть первая.

I.

Засвѣжѣло на палубѣ послѣ жаркаго іюльскаго дня. Пароходъ „Бирючъ“ опасливо пробирался по узкому фарватеру между значками и шестами, вымазанными въ бѣлую и красную краску.

На верху рубки, подъ навѣсомъ, лоцманъ и его подручный вглядывались въ извороты фарватера и то и дѣло вертѣли колесо руля. Справа и слѣва шли невысокіе берега верховьевъ Волги предъ впаденіемъ въ нее Оки. Было это за нѣсколько верстъ до города Балахны, гдѣ правый берегъ начинаетъ подниматься, но не доходитъ и до одной трети крутизны прибрежныхъ высотъ Оки подъ Нижнимъ.

Лоцманъ сдѣлалъ знакъ матросу, стоявшему по лѣвую руку, у завознаго якоря, на носовой палубѣ. Спина матроса, въ пестрой вязаной фуфайкѣ, рѣзко выдѣлялась на кускѣ синѣвшаго неба.

— Пять съ половино-ой!—уныло раздалось съ носа, и шестъ замахалъ въ рукахъ широкоплечаго парня.

Помощникъ капитана, сухощавый брюнетикъ, въ кожаномъ картузѣ, приложился губами къ отверстію звуковой трубы и велѣлъ убавить ходу.

Пароходъ сталъ ползти. Замедленныя колеса шлепали по водѣ, и ихъ шумъ гулко отдавался во всемъ корпусѣ, производя легкій трепетъ, ощутимый и пассажирами.

Пассажировъ было много, — все больше промысловый народъ, стекавшійся къ Макарію, на ярмарку.

Обѣ половины палубы, и передняя и задняя, ломились подъ грузомъ всякаго товара. Разнообразные запахи издавалъ онъ. Но все покрывалось запахомъ кожевенныхъ издѣлій со смѣсью чего-то сладкаго, въ большихъ ящикахъ съ клеймами. Отдавало и горячимъ саломъ. Пассажиры второго класса давно уже чайничали у столиковъ, на скамейкахъ, даже на полу, около самой машины. Волжскій звонкій говоръ, съ удареніемъ на „о“, ходилъ по всему пароходу, и женскіе голоса переплетались съ мужскими, еще пѣвучѣе, съ болѣе характернымъ крестьянскимъ ȏканьемъ. „Чистая“ публика разбрелась по разнымъ угламъ. Два барина, пожилые, франтоватые, въ свѣтлыхъ пиджакахъ, разсѣлись наверху, съ боку отъ рулевого колеса. Тамъ же, подставляя подъ вѣтерокъ овалъ поблѣднѣвшаго лица, пепельная блондинка куталась въ оренбургскій платокъ и бойко разговаривала съ хмурымъ офицеромъ-армейцемъ. Въ рубкѣ купецъ, совсѣмъ желтый въ лицѣ, тихо и томительно пилъ чай съ обрюзглой, еще молодой женой; на кормовой палубѣ перваго класса, вдоль скамеекъ борта, размѣщалось человѣкъ больше двадцати, почти все мужчинъ. Подростокъ-гимназистъ, въ фуражкѣ реалиста и въ темной блузѣ, ходилъ взадъ и впередъ возбужденной широкой походкой и курилъ, громко выпуская клубы дыма.

— Пя-я-ть!—протянулся опять заунывный крикъ матроса, и пароходъ еще убавилъ ходу, но не остановился.

„Бирючъ“ сидѣлъ въ водѣ всего четыре фута; ему оставался еще одинъ, чтобы не застрять на перекатѣ. Это не вызывало особаго безпокойства ни въ пассажирахъ, ни въ капитанѣ.

Капитанъ только что собрался пить чай и сдалъ команду помощнику. Онъ поднялся изъ общей каюты перваго класса, постоялъ въ дверяхъ рубки и потомъ оглянулся вправо на пассажировъ, ища кого-то глазами.

Плечистый, рослый, краснощекій, ярко-русый, немного веснущатый, онъ смотрѣлъ истымъ волжскимъ судопромышленникомъ, носилъ фуражку изъ синяго сукна съ ремнемъ, безъ всякаго галуна, большіе смазные сапоги и

короткую коричневую визитку. Широкое, сочное, точно наливное лицо его почти всегда улыбалось спокойно и чуточку насмѣшливо. Эта улыбка проглядывала и въ желто-карихъ, небольшихъ, простонародныхъ глазахъ.

— Борисъ Петровичъ!—крикнулъ онъ съ порога двери.

— Что вамъ, голубчикъ?

Откликнулся грудной нотой пассажиръ, старше его, лѣтъ за сорокъ, въ люстриновомъ балахонѣ и мягкой шляпѣ, худощавый, съ сѣдѣющей бородкой и утомленнымъ лицомъ. Его можно было принять за кого угодно—за мелкаго чиновника, торговца или небогатаго помѣщика. Что-то, однако, въ манерѣ вглядываться и въ общей посадкѣ тѣла отзывалось не провинціей.

— Чайку?—спросилъ капитанъ.

— Я готовъ.

— Такъ я сейчасъ велю заварить. Илья! —остановилъ онъ проходившаго мимо лакея,—собери-ка чаю!.. Ко мнѣ!.. Борисъ Петровичъ, вы какъ прикажете, съ архіерейскими сливками?

Пассажиръ въ балахонѣ поморщился, точно его что̀ укусило, и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, голубчикъ, спиртного не нужно.

— Воля ваша!..

Они проходили по узкому мѣсту палубы, между рубкой и лѣвымъ кожухомъ. Колеса шлепали все рѣже, и съ носа раздавалось безъ перерыва выкрикиваніе футовъ.

Въ рубкѣ перваго класса, кромѣ комнатки, гдѣ купецъ съ женой пили чай, помѣщалась довольно просторная каюта, откуда вышелъ еще пассажиръ и окликнулъ тотчасъ же капитана, но тотъ не услыхалъ сразу своего имени.

— Андрей Ѳомичъ! — повторилъ пассажиръ и пошелъ вслѣдъ за нимъ

Слово „Андрей“ выговорилъ онъ чуть-чуть звукомъ *о* вмѣсто *а*. И слово „Ѳомичъ“ отзывалось волжскимъ говоромъ.

Онъ былъ такого же виднаго роста, какъ и капитанъ Кузьмичевъ, но гораздо тоньше въ станѣ и помоложе въ лицѣ. Смотрѣлъ онъ скорѣе богатымъ купцомъ, чѣмъ бариномъ, а то такъ хозяиномъ парохода, инженеромъ, фабрикантомъ, вообще дѣловымъ человѣкомъ, хорошо одѣвался и держалъ голову немного назадъ, что дѣлало его выше ростомъ. На клѣтчатомъ темномъ пиджакѣ,

застегнутомъ до верху, лежала толстая золотая цѣпь отъ бокового кармана до петли. Большую голову покрывала поярковая шапочка въ родѣ венгерской. Изъ-подъ нея темнорусые волосы вились на вискахъ; борода была бѣлокурѣе, съ рыжиной, двумя клиньями, старательно подстриженная. Въ крупныхъ чертахъ привлекательнаго крестьянскаго лица сидѣло сложное выраженіе. Глаза, съ широкимъ разрѣзомъ, совсѣмъ темные, уходили въ толстоватыя вѣки, брови легли правильной и густой дугой, носъ утолщался книзу, и изъ-подъ усовъ глядѣлъ красный, сочный ротъ съ чувственной линіей нижней губы.

Во второй разъ онъ окликнулъ капитана звучнымъ голосомъ, въ которомъ было гораздо больше чего-то юношескаго, чѣмъ въ фигурѣ и лицѣ мужчины лѣтъ тридцати.

— А! Василій Ивановичъ! Что прикажете?

Капитанъ оставилъ тотчасъ же руку того, кого онъ звалъ Борисомъ Петровичемъ, и подошелъ, приложившись рукой къ козырьку.

Въ этомъ поклонѣ, сквозь усмѣшку глазъ, проходило нѣчто особенное. Въ красивомъ пассажирѣ чувствовался если не начальникъ, то кто-то съ вліяніемъ по пароходному дѣлу.

— Какъ бы намъ не сѣсть?—сказалъ онъ вполголоса.

— Богъ милуетъ!—вслухъ отвѣтилъ капитанъ.

— Вы что же? За чаекъ приниматься думаете, а потомъ, небось, и на боковую, до Нижняго?

— Да, грѣшнымъ дѣломъ.

Въ вопросахъ не слышалось начальническаго тона; однако, что-то какъ бы дѣловое.

Большіе глаза Василія Ивановича остановились на пассажирѣ въ люстриновомъ балахонѣ.

— Съ кѣмъ вы это? — еще тише спросилъ онъ капитана.

— Вонъ тотъ?

— Да, бородку-то щиплетъ!

— Вы нешто не признали?

— Нѣтъ.

— И портретовъ его не видали?

— Стало, именитый человѣкъ?

— Еще бы! Да это Борисъ Петровичъ...

И онъ назвалъ имя извѣстнаго писателя.

— Быть не можетъ!

Василій Ивановичъ снялъ шляпу и весь встрепенулся.

— Мы съ нимъ давно хлѣбъ-соль водили. Онъ меня еще студентомъ помнитъ.

— Какъ же это вы, батенька, ничего не скажете!.. Я валяюсь въ каютѣ... и не знаю, что ѣдетъ съ нами Борисъ Петровичъ!

— Да вѣдь вы и на пароходъ-то сѣли, Василій Ивановичъ, передъ самымъ обѣдомъ. Мнѣ невдомёкъ. Желаете познакомиться?

— Еще бы! Онъ—мой любимый! Я имъ, можно сказать, зачитывался еще съ третьяго класса гимназіи.

Глаза красиваго пассажира все темнѣли. У него была необычайная подвижность зрачковъ. Весь онъ пришелъ въ возбужденіе отъ встрѣчи съ своимъ любимымъ писателемъ и отъ возможности побесѣдовать съ нимъ вдосталь.

— Василій Ивановичъ Теркинъ, — назвалъ его капитанъ, подводя къ Борису Петровичу,—на линіи пайщика нашего товарищества.

II.

Они сѣли поодаль отъ другихъ, ближе къ кормѣ; капитанъ ушелъ заваривать чай.

Разговоръ ихъ затянулся.

— Борисъ Петровичъ,—говорилъ минутъ черезъ пять Теркинъ, съ ласкою въ звукахъ голоса. — За что я васъ люблю и почитаю, это за то, что вы не боитесь правду показывать о мужикѣ... о темномъ людѣ вообще.

Онъ все еще волновался и, обыкновенно очень рѣчистый, искалъ словъ. Его не смущало то, что онъ бесѣдуетъ съ такимъ извѣстнымъ человѣкомъ; да и весь тонъ, все обращеніе Бориса Петровича были до нельзя просты и скромны. Волненіе его шло совсѣмъ изъ другого источника. Ему страстно захотѣлось излиться.

— Вѣдь я самъ крестьянскій сынъ,—сказалъ онъ безъ рисовки, даже опустилъ рѣсницы, — пріемышъ. Отецъ-то мой, Иванъ Прокофьевъ Теркинъ,—изъ села Кладенецъ. Мы стояли тамъ, такъ около вечеренъ. Изволите помнить?

— Какъ же, какъ же! Старинное село. И раскольничья молельня есть, кажется?

— То самое... Можетъ, и отца моего встрѣчали. Онъ съ господами литераторами водился. О немъ и корреспонденціи бывали въ газетахъ. Отвѣтилъ-таки старина за

свою правоту. Смутьяномъ прославили. По седьмому десятку въ ссылку угодилъ по приговору сельскаго общества.

Добрые и утомленные глаза писателя оживились.

— Помню, помню. Читалъ что-то.

— Теперь онъ около Нижняго на погостѣ лежитъ. Потому-то вотъ, Борисъ Петровичъ, и радуюсь я, когда такой человѣкъ, какъ вы, правду говоритъ про мужицкую душу и про все, во что теперь народъ ударился. Я вѣдь довольно съ нимъ вожжался и всякую его тяготу знаю и, должно полагать, весь свой вѣкъ скоротаю вокругъ него. И все-таки я не согласенъ медомъ его обмазывать. Точно такъ же и всякія эти барскія затѣи... себя на мужицкій ладъ передѣлывать — считаю вреднымъ вздоромъ.

Лицо Теркина сразу стало жестче, и углы рта сложились въ ѣдкую усмѣшку.

— Затѣи эти все лучше кулачества, — уныло выговорилъ писатель.

— Этимъ ни себя, ни мужика не подымешь, Борисъ Петровичъ, вы это прекрасно должны понимать. Позвольте къ вашимъ сочиненіямъ обратиться. Всюду осатанѣлость забралась въ мужика, распутство, алчность, измѣна землѣ, пашнѣ, лѣсу, лугу, рѣкѣ, всему, чѣмъ душа крестьянская жива есть. И сколько я ни перебиралъ моимъ убогимъ умишкомъ, просто не вижу спасенія ни въ чемъ. Развѣ въ одномъ только...

Онъ не договорилъ, оглянулся на плёсъ рѣки, на засинѣвшіе въ вечерней зарѣ берега и продолжалъ еще горячѣе:

— Вотъ она, Волга-то матушка! Порадуйтесь! До чего мы ее довели!.. По такому-то мѣсту... сорока верстъ не будетъ до устья... По-моему, — сказалъ онъ въ скобкахъ, — не Ока впадаетъ въ Волгу, а наоборотъ. И слышите, пять футовъ, а то и три съ четвертью, не угодно ли? Можетъ, черезъ десять минутъ и совсѣмъ сядемъ на перекатѣ. Я вѣдь самъ коренной волжанинъ. Съ дѣтства у меня къ водѣ, къ разливамъ влеченіе. Къ лѣсу тоже. А что мы изъ того и изъ другого сдѣлали? И мужицкое-то сердце одеревянѣло. Жги, вырубай, мелѣй... ни на что отклика нѣтъ въ немъ. Да и самъ-то, противъ воли, помогаешь хищенію.

Писатель поднялъ на него глаза и усмѣхнулся.

— Андрей Ѳомичъ вамъ меня кандидатомъ въ пайщики отрекомендовалъ. Это точно. Сбираюсь судохозяиномъ

быть. Значитъ, буду, хоть и косвенно, помогать лѣсоистребленію. Ха-ха!.. Такая линія вышла. Нашему брату, промысловому человѣку, нельзя себѣ карьеру выбирать, какъ папенька съ маменькой для гоголевскаго Ѳемистоклюса. Дипломатомъ, молъ, будетъ!..

— Вы въ товарищество поступаете... вотъ въ это самое?—спросилъ Борисъ Петровичъ.

— Въ это самое, только еще деньжатъ надо нѣкоторое количество раздобыть...

Теркинъ опять перебилъ себя.

Разговоръ влекъ его въ разныя стороны. Въ свои денежные дѣла и расчеты онъ не хотѣлъ входить. Но не могъ все-таки не вернуться къ Волгѣ, къ самому родному, что у него было на свѣтѣ.

— Судохозяиномъ заправскимъ станешь, Борисъ Петровичъ, — продолжалъ онъ такъ же возбужденно, — и начнутся муки мученскія. Вотъ въ Нижній коли придемъ не больно поздно, увидите—цѣлый флотъ выстроился у Телячьяго Брода. Ходу нѣтъ этимъ пароходамъ, вверхъ-то по рѣкѣ. И съ каждымъ лѣтомъ все горше и горше. А господа набольшіе... ученые путейцы... только государственныя ассигнаціи всаживаютъ въ зыбучіе перекаты. Будемъ вечеркомъ подходить къ Нижнему, извольте полюбоваться на путейскую „плѣшь“—такъ вѣдь ихъ запруду зовутъ здѣсь. Перегородили безъ ума, безъ разума рѣку—и порогъ днѣпровскій устроили; черезъ него ни одна расшива перескочить не можетъ. А ухлопали, слышно, триста тысячъ!

И точно испугавшись, что его главная мысль улетитъ, онъ подсѣлъ ближе къ своему собесѣднику, даже взялся рукой за полу его люстриноваго балахона и заговорилъ тише звукомъ, но быстрѣе.

— Гдѣ спасенье мужика? Коли не въ какой-нибудь особой вѣрѣ... знаете, такой, чтобы самую-то суть его забирала,—такъ я и ума не приложу, въ чемъ? Только вѣдь у сектантовъ и есть еще мірская правда, крѣпость слову, стоятъ другъ за друга. И въ евангельскихъ толкахъ то же самое, и даже у изувѣровъ-раскольниковъ, хотя и у нихъ уже многое дрогнуло, особливо по здѣшнимъ мѣстамъ. Безъ запрета, безъ правила... знаете вотъ какъ у татаръ, въ алкоранѣ,—не будетъ ничего держаться. А съ нищетой да съ пропойствомъ что вы устроите? Сначала надо, чтобы копейка была на черный день, для

своего и для мірского дѣла; а накопить ее можно только, когда законъ есть твердый во всякомъ поступкѣ и въ каждомъ словѣ.

— Копейка! — повторилъ со вздохомъ Борисъ Петровичъ, характерно наморщивъ одну бровь, и дернулъ бородку.—Насмотрѣлся я, голубчикъ, на югѣ, въ новороссійскихъ степяхъ, на скопидомство. И у сектантовъ, и у православныхъ. Ломятся скирды, гумны-то — на цѣлой десятинѣ, вездѣ паровыя молотилки, жнеи! Хозяева-то идолы какіе-то. Деньжищъ! Хлѣба! Овецъ!.. И все это мертвечина! — глаза писателя уныло и мечтательно смотрѣли вдаль, ища волнистаго слѣда, который шелъ отъ парохода. — У нашихъ, у здѣшнихъ, по крайней мѣрѣ, на душѣ-то нѣтъ-нѣтъ да и заиграетъ что-то. Церквушку поставитъ. Лампадку засвѣтитъ. Не зарылся, какъ тѣ, идолы, въ свою кубышку!

Голосъ его упалъ, и онъ, нагнувши голову, сталъ искать въ боковомъ карманѣ папиросницу.

Теркину сначала не хотѣлось возражать. Онъ уже чувствовалъ себя подъ обаяніемъ этого милаго человѣка съ его задушевнымъ голосомъ и страдательнымъ выраженіемъ худого лица. Еще немного, и онъ самъ впадетъ, пожалуй, въ другой тонъ, размякнетъ на особый ладъ, будетъ жалѣть мужика не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Церквушка! Лампадка! — вырвалось у него. — Эхъ, Борисъ Петровичъ! Нѣтъ у него никакой вѣры. А о пастыряхъ лучше не будемъ и говорить.

Онъ махнулъ рукой.

— Да у него своя вѣра. Попъ самъ по себѣ, а народъ самъ по себѣ.

— Въ томъ-то и бѣда, Борисъ Петровичъ, что православное-то хрестьянство въ какомъ-то двоевѣріи обрѣтается. И каждый изъ насъ, кто сызмальства въ деревнѣ насмотрѣлся на все, ежели онъ только не олухъ былъ, ничего кромѣ скверныхъ чувствъ не вынесъ. Гдѣ же тутъ о какомъ-нибудь руководствѣ совѣсти толковать?

Теркинъ опять махнулъ рукой.

— Все это вѣрно, голубчикъ, — еще тише сказалъ писатель. — И осатанѣлость крестьянской души, какъ вы отлично назвали, пойдетъ все дальше. Купонъ выѣлъ душу нашего городского обывателя, и зараза эта расползется по всей землѣ. Должно-быть, таковъ ходъ исторіи. Это называется дифференціацией.

— Читывалъ и я, Борисъ Петровичъ, про эту самую дифференціацію. Но до купона-то мужику—охъ, какъ далеко! Отъ нищенства и пропойства надо ему уйти первымъ дѣломъ, и не встанетъ онъ нигдѣ на ноги, коли не будетъ у него своего закона, который бы все его крестьянское естество захватывалъ.

— Вы и тутъ правы, — выговорилъ писатель, и обѣ брови его поднялись и придали лицу еще болѣе нервное выраженіе.

III.

— Борисъ Петровичъ!—раздался громкій голосъ капитана изъ-за рубки.—Чай простынетъ, пожалуйте!

Онъ подошелъ къ нимъ.

— Заговорились? А вы, Василій Ивановичъ, не откушаете?

— Я только что пилъ.

— Пожалуйте, Борисъ Петровичъ! Мнѣ, грѣшнымъ дѣломъ, соснуть маленько хочется. Въ Нижнемъ-то надо на ногахъ быть до поздней ночи. Вы вѣдь до Нижняго?

— Да, голубчикъ, тамъ погощу денька два-три у одного пріятеля и въ Москву по чугункѣ.

— Такъ пожалуйте!

— Сейчасъ, Андрей Ѳомичъ, — отозвался Теркинъ. — Экъ, приспичило. Въ кои-то вѣки привелось мнѣ встрѣтить Бориса Петровича, и разговоръ у насъ такой зашелъ, а вы съ вашимъ чаемъ!..

— Сію минутку,—просительно выговорилъ писатель.— Налейте мнѣ стаканчикъ. Я люблю холодный. И лимону кусочекъ.

— Ладно, ладно.

Капитанъ скрылся за рубкой. Они немного помолчали, и Теркинъ заговорилъ первый.

— Хорошій парень, Андрей-то Ѳомичъ! Жаль, что на такомъ дрянномъ суденышкѣ ходитъ, какъ этотъ „Бирючъ“. И глянь-ка, сколько товару наворотилъ. Хорошая искра попади вонъ въ тѣ тюки — изъ насъ одно жаркое будетъ.

— Что вы?—тревожнѣе спросилъ Борисъ Петровичъ.

— Обязательно! Немножко съ лѣнцой, Кузьмичевъ-то, а толковый. Ежели я, со своимъ пароходомъ, въ ихъ товарищество поступлю, онъ можетъ ко мнѣ угодить. Мы

его тогда маленько подтянемъ, — прибавилъ Теркинъ и подмигнулъ.—Вамъ его исторія извѣстна?

— Какъ же!

— Гдѣ-то я читалъ, что московскій старецъ, Михаилъ Петровичъ Погодинъ, любилъ говорить и писать: „такъ, молъ, русская печь печетъ". Студентъ медицины... потомъ угодилъ какъ-то въ не столь отдаленныя мѣста, затѣмъ сдѣлался аптекарскимъ гезéлемъ. А потомъ глядь—и капитанъ, по Волгѣ бѣгаетъ!

Онъ подмѣтилъ взглядъ писателя, когда произносилъ имя Погодина и дѣлалъ цитату изъ его изреченій. Въ этомъ взглядѣ былъ вопросъ: какого въ сущности образованія могъ быть его собесѣдникъ.

— Вотъ вѣдь и вашъ покорный слуга — на линіи теперь судохозяина, а чѣмъ не перебывалъ? И къ чему готовился? Попалъ въ словесники, классическую муштру проходилъ.

— Вы-то?

— А то какъ же! Пріемный-то отецъ мой отъ своихъ скудныхъ достатковъ въ гимназіи меня держалъ. Ну, урочишки были. И всю греческую и латинскую премудрость прошелъ я до шестого класса, откуда и былъ выключенъ...

— Исключили? За что?

— Долго разсказывать. А для васъ, какъ для изобразителя правды... занятно было бы. Да Андрей Ѳомичъ, поди, совсѣмъ истерзался?..

— Вы бы пошли съ нами посидѣть.

— Каютишка-то у него всего на полтора человѣка. А я—мужикъ крупный. Я подожду здѣсь, на прохладѣ. И безъ того безмѣрно доволенъ, Борисъ Петровичъ, что привелось съ вами покалякать.

Изъ-за рубки показалась опять дюжая фигура капитана.

— Пожалуйте! Борисъ Петровичъ!

— Иду, иду!

Писатель заторопился, но успѣлъ подать Теркину руку и еще разъ пригласилъ его.

— Нѣтъ, ужъ вы тамъ вдвоемъ благодушествуйте. Мѣста нѣтъ, да я и плохой чаепійца, даромъ что насъ водохлёбами зовутъ.

Его тянуло за Борисомъ Петровичемъ, но онъ счелъ безтактнымъ нарушать ихъ бесѣду вдвоемъ. Ни за что не хотѣлъ бы онъ показаться навязчивымъ. Въ немъ всегда говорило горделивое чувство. Этого писателя онъ

сердечно любилъ и увлекался имъ долго, но „лебезить“ ни передъ кѣмъ не желалъ, особливо при третьемъ лицѣ, хотя бы и при такомъ хорошемъ маломъ, какъ Кузьмичевъ. Черезъ нѣсколько недѣль капитанъ могъ стать его подчиненнымъ.

Теркинъ прошелся по палубѣ и сѣлъ у другого борта, откуда ему видна была группа изъ красивой блондинки и офицера, съ боку отъ рулевого. Пароходъ шелъ поскорѣе. Крики матроса прекратились, на мачту подняли цвѣтной фонарь, разговоры стали гудѣть явственнѣе въ тишинѣ вечерняго воздуха. Больше версты „Бирючъ“ не встрѣчалъ и не обгонялъ ни одного парохода.

Все та же родная рѣка тянулась передъ нимъ, какъ будто и богатая водой, а на дѣлѣ съ каждымъ днемъ страшно мелѣющая. Теркинъ не рисовался въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ. У него щемитъ въ груди, когда онъ думаетъ о томъ, что̀ можетъ статься съ великой русской рѣкой черезъ десять, много двадцать лѣтъ. Это чувство, какъ и жалость къ лѣсу, даже растетъ въ немъ,— нужды нѣтъ, что онъ „на линіи“ пароходчика. Отопленіе мечтаетъ онъ завести у себя нефтяное. Нефти еще цѣлая уйма, хоть и съ ней обходятся хищнически, какъ со всѣмъ, что только можно обращать въ деньги.

И досада начала разбирать его на то, что капитанъ помѣшалъ ихъ разговору, да и самъ онъ не такъ направилъ бесѣду съ Борисомъ Петровичемъ. Ему хотѣлось поисповѣдываться, раскрыть душу не по одному вопросу о крестьянствѣ, показать себя въ настоящемъ свѣтѣ, безъ прикрасы, выслушать, быть-можетъ, и приговоръ себѣ. А такъ онъ могъ показаться хвастуномъ, „рисовальщикомъ“, какъ онъ называлъ всѣхъ, кто чѣмъ-нибудь рисуется. Все, что онъ про себя сказалъ, была правда. Да, онъ мужицкаго рода, настоящій крестьянскій сынъ, подкидышъ, взятый въ домъ къ „смутьяну“, Ивану Прокофьеву Теркину, бывшему крѣпостному графовъ Рощиныхъ, владѣльцевъ половины села Кладенца.

А почему же онъ, три часа назадъ, когда останавливались у Кладенца, даже и съ палубы не сошелъ? Должно-быть, сердце-то у него не ёкнуло при видѣ красиваго села, на нѣсколькихъ холмахъ, съ его церквами и монастыремъ, съ древнимъ валомъ, гдѣ когда-то, еще при татарахъ, былъ княжескій столъ? Онъ въ это время лежалъ на диванѣ своей каюты, предоставленной ему отъ това-

рищества, какъ будущему пайщику, и только сквозь узкія окна видѣлъ полосу берега, народъ на пристани, два-три дома на подъемѣ въ гору, часть рядовъ съ „галдарейками“, все—знакомое ему больше двадцати пяти лѣтъ.

Да, его не потянуло и на палубу. Онъ не любитъ своего села и давно не любилъ, съ той самой поры, какъ сталъ понимать, что вокругъ него дѣлается. Своего названнаго отца онъ считалъ „праведникомъ“, — нужды нѣтъ, что мѣстные вожаки, которые потрафляли неосмысленной „голытьбѣ“ и спаивали ее, обзывали Ивана Теркина кулакомъ, сторонникомъ скупщиковъ и врагомъ міра. Онъ до сихъ поръ не можетъ простить этому міру ссылки своего отца,—тому стукнуло тогда шестьдесятъ два года,—по приговору сельскаго общества, самаго гнуснаго дѣла, какое только онъ видѣлъ на своемъ вѣку; и на него пошли мужики! И пошли на такое дѣло, небось, не раскольники, живущіе въ Кладенцѣ особымъ обществомъ, также бывшіе крѣпостные другого барина, а православные *хресьяне*, тѣ самые, что ставятъ пудовыя свѣчи и пѣвчихъ содержатъ на мірскія деньги, нужды нѣтъ, что половина ихъ впроголодь живетъ. Не заѣдетъ онъ по доброй волѣ въ Кладенецъ, и сдѣлайся онъ милліонщикомъ, ни алтына не дастъ на нужды міра тому сельскому обществу, что собираетъ сходки въ старинномъ барскомъ флигелѣ, до сихъ поръ извѣстномъ подъ прозвищемъ „графскаго приказа“.

Съ личностью названнаго отца, Ивана Прокофьева, въ его памяти сплетена другая личность, сына почтмейстера,—въ Кладенцѣ есть контора,—положившаго всю свою душу въ дѣло этой самой „гольтепы“, которая сослала Ивана Прокофьева. Онъ скорбѣлъ о скудости заработка кустарей, собиралъ ихъ, вдалбливалъ въ ихъ мозги, какъ хорошо было бы имъ завести товарищество и артель, писалъ въ газетахъ, ѣздилъ въ Петербургъ, просилъ у высшаго начальства субсидіи, добился ея, самъ сочинялъ уставъ и цѣлыхъ два года изнывалъ на этомъ дѣлѣ, перебивался съ хлѣба на квасъ. И чѣмъ все это завершилось? Да его же обвинили, заподозрили, держали взаперти, сослали,—и хоть бы одинъ изъ бывшихъ членовъ правленія, которые потомъ разграбили кассу, постоялъ за него!..

Лицо Теркина замѣтно хмурилось, и глаза темнѣли. Старая обида на крестьянскій міръ села Кладенца забур-

лила въ немъ. Еще удивительно, какъ онъ могъ въ такомъ тонѣ говорить съ Борисомъ Петровичемъ о мужицкой душѣ вообще. И всякій разъ, какъ онъ нападетъ на эти думы, ему ничуть не стыдно того, что онъ пошелъ по дѣловой части, что ему страстно хочется быть при большомъ капиталѣ, ворочать вотъ на этой самой Волгѣ милліоннымъ дѣломъ.

IV.

Звонкій женскій смѣхъ молодой нотой скатился сверху отъ рулевого колеса.

Теркинъ поднялъ голову.

Блондинка обернулась лицомъ къ кормовой половинѣ парохода, и ея профиль, въ тѣни вязанаго пухового платка, точно изваянный на сѣроватомъ фонѣ, всталъ надъ нимъ.

— Глупости какія!—проговорила она вздрагивающимъ голосомъ.

Станъ ея заколыхался отъ смѣха. Она осталась сидѣть въ полъ-оборота и первая пристально оглядѣла Теркина со своей вышки.

Ея лицо нашелъ онъ миловиднымъ и очень знакомымъ по типу. Навѣрное она откуда-нибудь съ Волги же родомъ, скорѣе сверху, изъ Ярославля, Костромы, Кинешмы; какая-нибудь обывательская дочь, бабенка или дѣвушка; много-много—молоденькая жена станового, акцизнаго или пароходскаго служащаго, ѣдетъ на ярмарку повеселиться, къ мужу, или одна урвалась. Можетъ-быть, изъ воспитанныхъ, потому что держитъ себя безъ купеческой чопорности, даже весьма развязно, такъ что ее примутъ, пожалуй, и за особу, склонную къ приключеніямъ.

Ея возгласъ: „глупости какія!“ отвлекъ его сразу совсѣмъ къ другимъ чувствамъ и образамъ. Какъ похоже произнесла она этотъ звукъ „глупости“, такими же вздрагивающими грудными нотами! Можетъ, и поетъ она такимъ же низковатымъ голосомъ? И въ чертахъ лица есть что-то общее, — только у нея пепельнаго цвѣта плоскіе волосы, растрепанные теперь отъ вѣтерка, поднявшагося на палубѣ къ вечеру, а у *той* — какъ смоль черные и слегка волнистые. И станъ какъ будто похожъ, сколько можно было видѣть снизу, и ростъ также.

Та теперь ждетъ. Въ Нижнемъ должна лежать депеша „до востребованія“, на телеграфѣ, гдѣ помѣщается и

гостиница напротивъ Софроньевской пристани. Теркинъ сегодня же остановится тамъ для ночевки и проживетъ сколько нужно будетъ для дѣла. Но его влечетъ собственно туда книзу, за Казань.

Вотъ если бы разговору его съ Борисомъ Петровичемъ не помѣшали, онъ, быть-можетъ, самъ повинился бы ему въ своихъ „окаянствахъ".

Тянетъ его къ этой женщинѣ не то что какъ истаго распутника или хищнаго звѣря, но и не такъ, чтобы Борисъ Петровичъ его похвалилъ, при всей своей добротѣ и терпимости. Въ томъ-то и бѣда, что не можетъ онъ всѣми страстями своими править, какъ хорошій кучеръ тройкой ретивыхъ лошадей. Расчетъ у него всегда сидитъ въ головѣ, но не всегда беретъ верхъ. Положимъ, и на женщину онъ давно смотрѣть сталъ какъ бы по-охотницки, да и невысокаго о ней вообще мнѣнія,—въ этомъ, быть-можетъ, мужикъ сказался,—ловить себя онъ не дастъ, да и застраховать себя отъ ея чаръ не въ состояніи. Не одной красотой смущала его вообще женщина, съ раннихъ лѣтъ, еще когда школьникомъ былъ, по шестнадцатому году,—а какою-то потребностью сойтись, въ нее заглянуть, вызвать преклоненіе передъ собою, видѣть, какъ въ какой-нибудь несмышленой или робкой немудрой дѣвочкѣ вдругъ распустится душа, откуда ни возьмутся умъ, игра, смѣлость, дерзкая отвага. На все она пойдетъ съ любимымъ человѣкомъ и для него. Въ такія минуты только и сознаешь свою мужскую мощь, особливо когда есть вѣра и въ свой дѣловой умъ, когда ты все шибче и шибче катишься по житейской дорогѣ. Только не плошай, быть тебѣ съ большимъ выигрышемъ.

Во всемъ этомъ онъ способенъ былъ повиниться Борису Петровичу, если бы разговоръ принялъ такой оборотъ. И спроси его тотъ: „Почему же вы не хотите послужить меньшей братіи? Зачѣмъ стремитесь такъ къ денежной силѣ?"—онъ не сталъ бы лгать, не началъ бы увѣрять его, что такъ онъ живетъ до поры, до времени, что это только средство служить народу.

Нѣтъ, онъ любитъ успѣхъ самъ по себѣ, онъ жить не можетъ безъ сознанія того, что такіе люди, какъ онъ, должны идти въ гору и въ денежныхъ дѣлахъ, и въ любви.

Теркинъ поднялъ опять голову; блондинка все еще смотрѣла на него, продолжая переговариваться съ офицеромъ. Онъ улыбнулся ей глазами и тотчасъ же отвелъ

ихъ. Мелкое волокитство онъ презиралъ, какъ все, что слишкомъ легко дается.

Онъ заходилъ взадъ и впередъ по носовой палубѣ, гдѣ сидѣли пассажиры второго класса, боролся съ своимъ желаніемъ заглянуть въ капитанскую каюту, поговорить еще съ писателемъ.

„Кузьмичевъ уже завалился спать, — успокаивалъ онъ себя,—да и Борисъ Петровичъ также“.

Раздалось опять заунывное выкрикиваніе.

— Четыре-е!—протянулъ матросъ.

„Сядемъ“, — подумалъ Теркинъ и взглянулъ на верхъ рубки. Тамъ, у звуковой трубы, стоялъ помощникъ.

„Посадитъ онъ насъ, какъ пить дастъ, — продолжалъ онъ думать съ хозяйскимъ чувствомъ нѣкотораго раздраженія,—мечется, а толку нѣтъ“.

Пароходъ дѣйствительно вздрогнулъ и сталъ. Грузныя колеса побарахтались немного, потомъ раздалась команда: „стопъ!“

— Сидимъ! — громко сказалъ Теркинъ, но уже болѣе не волновался и присѣлъ у самаго носа поглядѣть, какъ помощникъ справится съ перекатомъ.

Лоцманъ съ подручнымъ еще повертѣли колесо вправо и влѣво и о чемъ-то перекинулись словами съ помощникомъ капитана.

Тотъ заставлялъ продѣлывать быстрыя движенія взадъ и впередъ, то на полныхъ парахъ, то полегче. Пароходъ немножко подавался взадъ, впередъ, вбокъ, но съ мѣста не сходилъ.

Публика наверху продолжала сидѣть и не выказывала замѣтнаго безпокойства. Между пассажирами попроще пошелъ болѣе оживленный говоръ, но если бы не знать, что пароходъ дѣйствительно врѣзался въ перекатъ, нельзя бы подумать, что случилась такая досадная для всѣхъ непріятность, изъ-за которой въ Нижній опоздаютъ на нѣсколько часовъ.

Теркинъ не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться. Онъ только пододвинулся къ рубкѣ, чтобы видѣть отчетливѣе, что тамъ наверху будутъ дѣлать. Кто-то изъ пассажировъ поважнѣе громко спросилъ у лоцмана:

— Да гдѣ же капитанъ?

— Никакъ отдыхаетъ.

— Отчего же его не разбудятъ?

— Справимся! Не изъ чего безпокоить, — отвѣтилъ за лоцмана помощникъ.

Такъ они и не справились до появленія Кузьмичева, что случилось часа черезъ полтора, когда красная полоса заката совсѣмъ поблѣднѣла и пошелъ девятый часъ. Сорвать пароходъ съ мѣста паромъ не удалось помощнику и старшему судорабочему, а завозить якорь принимались они до двухъ разъ такъ же неудачно. На все это глядѣлъ Теркинъ и повторялъ про себя: „Помощника этого я къ себѣ не возьму ни подъ какимъ видомъ, да и Андрей-то Ѳомичъ слишкомъ ужъ съ прохладцей капитанствуетъ".

Кузьмичевъ извѣстенъ былъ на Волгѣ не столько свѣдѣніями по шкиперной части, сколько удачей и сноровкой. Не прошло и получаса, какъ буксирный пароходъ снялъ ихъ съ мели въ нѣсколько минутъ, и къ десяти часамъ они уже миновали Балахну, гдѣ простояли всего четверть часа, чтобы не такъ поздно придти въ Нижній.

Совсѣмъ уже стемнѣло, и чѣмъ ближе подходили къ устью Оки, тѣмъ чаще попадались встрѣчные пароходы. Тогда поднимался глухой зловѣщій свистъ, и махали съ кожуха цвѣтными фонарями; на одну баржу чуть-чуть было не налетѣли.

„Все черезъ пень колоду,—говорилъ про себя Теркинъ, просидѣвшій на палубѣ, не замѣченный капитаномъ. — И какъ еще мы не погоримъ въ такой дьявольской тѣснотѣ?.." У него, если только ему удастся еще этимъ лѣтомъ начать хозяйствовать, порядки будутъ другіе. Но на этихъ соображеніяхъ не остановилась его голова, быстро овладѣвавшая трезвой мыслью дѣлового и предпріимчиваго волжанина. И не объ одномъ личномъ ходѣ въ гору мечталъ онъ, сидя подъ навѣсомъ рубки на складномъ стулѣ. Мысль его шла дальше: вотъ онъ изъ пайщика скромнаго товарищества дѣлается однимъ изъ главныхъ воротилъ Поволжья, и тогда начнетъ онъ борьбу съ обмелѣньемъ, добьется того, что это дѣло станетъ общенароднымъ, и милліоны будутъ всажены въ рѣку за тѣмъ, чтобы навѣки очистить ее отъ перекатовъ. Развѣ это невозможно? А берега, на сотни и тысячи десятинъ внутрь, покроются заново лѣсами!

Такія мысли вѣяли на него всегда душевной свѣжестью, мирили съ тѣмъ, что онъ въ себѣ самомъ не могъ одобрить, и чего не одобрилъ бы и Борисъ Петровичъ.

Когда „Бирючъ“ причалилъ къ пристани въ Нижнемъ, было уже за полночь. Теркинъ отдалъ свой чемоданъ матросу и, проходя мимо капитана, отбиравшаго билеты спросилъ его:

— А Борисъ Петровичъ?

— Просилъ не будить его до утра. А вы, Василій Ивановичъ, скоро ли будете на Низу? Побѣжали бы вмѣстѣ опять къ Саратову?

— Можетъ, такъ и случится! — крикнулъ Теркинъ, въ хвостѣ пассажировъ поднялся по крутымъ мосткамъ на набережную и велѣлъ подвезти себя къ большому дому, гдѣ телеграфъ.

V.

Длинная унылая площадь съ гостинымъ дворомъ изнываетъ подъ лучами знойнаго послѣобѣда. Отъ бѣлой штукатурной стѣны одноэтажнаго зданія лавокъ такъ и пышетъ. Сидѣльцы кое-какъ дремлютъ у желѣзныхъ створовъ или играютъ въ шашки.

У окна нумера гостиницы Теркинъ, полуодѣтый, допивалъ стаканъ сельтерской воды. Онъ очень страдалъ отъ духоты. Жаръ давалъ ему головныя боли. Сегодня онъ уже два раза ѣздилъ на рѣку купаться.

Больше ему и дѣлать было нечего въ этомъ городѣ. Изъ Нижняго „прибѣжалъ“ онъ сюда рано утромъ, на пароходѣ американской системы, и спалъ полсутокъ, разомлѣвъ отъ жары, не проходившей даже и подъ вечеръ. Термометръ и вчера и сегодня, по рѣкѣ и въ городѣ, на солнцѣ показывалъ тридцать три градуса. Въ Нижнемъ онъ пробылъ всего два дня; ему удалось многое наладить, но не все. Только половину капитала имѣлъ онъ въ рукахъ для уплаты за пароходъ „Батракъ“, уже совсѣмъ почти готовый на Сормовскомъ заводѣ. Ему дѣлали кредитъ еще на четверть суммы; остальную четверть надо было добыть на-дняхъ, тамъ, ниже Саратова, у одного благопріятеля, бывшаго еще такъ недавно его патрономъ и наставникомъ по дѣлецкой части, Усатина.

Но не поѣздка на низовья Волги наполняла въ эту минуту душу Теркина. Онъ то и дѣло поглядывалъ въ ту сторону, гдѣ былъ западъ, поджидалъ заката; а солнце еще довольно высоко стояло надъ длиннымъ ослѣпительно бѣлымъ зданіемъ рядовъ. Раньше какъ черезъ полтора

часа не покажется краснота поверхъ зеленой крыши гостинаго двора.

Отыскивалъ онъ своими подвижными зрачками одну точку, ближе къ берегу, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ нагорнаго берега, лѣвѣе отъ главъ и крестовъ новаго собора.

Точка эта была верхъ памятника, гранитнаго столба, стоявшаго на площадкѣ посреди жидкаго садика.

Вотъ бы когда сойтись въ садикѣ, какъ разъ объ эту пору, между вечерней и всенощной. Тамъ, навѣрно, ни души, даже разносчикъ не пройдетъ съ пряниками или огурцами. Городъ совсѣмъ вымираетъ въ послѣобѣденный жаръ. Но развѣ можно сидѣть тамъ, среди бѣла дня, хотя бы и въ такой глухой часъ? Вдругъ какъ кто проѣдетъ невзначай изъ знакомыхъ? Вѣдь ее всѣ знаютъ. Она — жена судейскаго, служащаго здѣсь больше пяти лѣтъ, да еще въ такой должности, какъ слѣдователь самаго главнаго участка въ городѣ. Сейчасъ кто-нибудь сболтнетъ: „Серафима, молъ, Ефимовна сидитъ на обрывѣ у памятника съ какимъ-то пріѣзжимъ молодымъ мужчиной!“

Нужна опаска! Чѣмъ кончится ихъ любовь — уйдетъ она отъ мужа или нѣтъ, все-таки онъ долженъ до поры до времени ограждать ее—ее больше, чѣмъ всякую другую женщину. Она—огонь, все въ ней горитъ, и ничего нѣтъ легче, какъ дать ей зарваться, безъ разума, только на одинъ срамъ...

Ему стало у окна немного полегче. Жаръ и духота спадали. Онъ прошелся по нумеру, все еще въ рубашкѣ, безъ галстука, потомъ прилегъ на диванъ, подложилъ кожаную дорожную подушку подъ голову и закурилъ, — такъ время скорѣе ползетъ. Онъ — не большой курильщикъ и за папиросу берется вотъ въ такія минуты, когда надо убить время, а работы нѣтъ, или слишкомъ донимаетъ жаръ.

Дымъ отъ папиросы на то только хорошъ, всегда думалъ Теркинъ, чтобы въ его извивахъ видѣть цѣлый рядъ пріятныхъ картинъ или строить какую-нибудь комбинацію, планъ дѣйствій, въ родѣ какъ рѣшаешь уравненіе, когда алгебра тебѣ далась, и ты къ задачамъ относишься, какъ къ шахматамъ, съ настоящимъ игрецкимъ чувствомъ.

Всего въ третій разъ онъ въ этомъ городѣ, никогда

не проживалъ въ немъ больше трехъ-четырехъ дней, и въ немъ у него любовь, настоящая, захватывающая, быть-можетъ, роковая для него.

И все такъ быстро стряслось. Онъ, уходя теперь воображеніемъ въ подробности ихъ встрѣчи, употребилъ мысленно это слово: „стряслось".

По дѣлу завернулъ онъ снова прошлымъ лѣтомъ, даже останавливаться на ночь не хотѣлъ, разсчитывалъ покончить все однимъ днемъ и чѣмъ свѣтъ „уйти" на другомъ пароходѣ кверху, въ Рыбинскъ. Куда дѣваться вечеромъ? Въ увеселительный садъ... Ихъ даже два было тогда; теперь одинъ хозяинъ прогорѣлъ. Знакомые нашлись у него въ городѣ: изъ пароходскихъ кое-кто, инженеръ, одинъ адвокатъ заѣзжій, шустрый малый, ловкій на всѣ руки и порядочный кутила.

Онъ всему и сталъ причиной.

Въ саду играли какую-то комедію,—кажется, „Фофанъ" называется,—плохенькая труппа, такъ что онъ на второе дѣйствіе и не пошелъ, а остался на балконѣ буфета. По саду бродили цыгане, тоже неважные, обшарканные, откуда-то изъ Пензы или Тамбова.

Нашелъ его на балконѣ адвокатъ, и черезъ четверть часа онъ былъ въ большомъ обществѣ. Были тутъ три дамы, офицеръ, тотъ инженеръ, котораго зналъ Теркинъ.

Они пошли ужинать, заняли одну изъ комнатъ вдоль стѣнъ залы, гдѣ пѣли арфистки и цыгане въ антрактахъ. Его представили дамамъ; сначала помѣщицѣ, кажется, въ разъѣздѣ съ мужемъ, уже немолодой, толстой. Теркинъ сейчасъ же распознапъ въ ней „кутилку". Она такъ и сыпала, такъ и сыпала, и стихи вслухъ читала, и пила довольно. Изъ остальныхъ двухъ одна была дѣвушка, лѣтъ за двадцать, длинная, некрасивая, но зубастая на разговоръ, дочь доктора-старичка. При ней и отецъ состоялъ. Вторая сѣла рядомъ съ нимъ, и адвокатъ ее громко отрекомендовалъ ему:

— Серафима Ефимовна Рудичъ, супруга судебнаго слѣдователя, моего товарища по училищу.

Изъ этого онъ уразумѣлъ, что оба они были изъ правовѣдовъ.

Ему стало жутко около нея. Никогда еще въ жизни не нападала на него такая оторопь, даже покраснѣлъ и губы всѣ искусалъ. Въ первыя минуты не могъ ничего ей ска-

зать подходящаго, дуракъ-дуракомъ сидѣлъ, даже потъ выступилъ на лбу.

Она первая должна была съ нимъ заговорить. Голосъ ея точно гдѣ внутри отдался у него. Глазами онъ въ нее впился и не могъ оторваться, хоть и чувствовалъ, что такъ нельзя сразу оглядывать порядочную женщину.

Она была „порядочная", безъ сомнѣнія, держала себя совсѣмъ прилично, хоть и смѣло, и одѣта была чудесно. До сихъ поръ онъ помнитъ черную большую шляпу съ яркими цвѣтами, покрытую кружевомъ, откуда, точно изъ-подъ навѣса, глядѣли ея глаза и улыбались ему. Да, сразу начали улыбаться. Онъ-было подумалъ: она надъ нимъ посмѣивается, что онъ сидитъ такимъ дуракомъ.

Когда она заговорила, онъ въ ней распозналъ волжанку. Говоръ у нея былъ почти такой же, какъ у него, только съ особеннымъ произношеніемъ звука „щ", какъ выговариваютъ въ Казани и ниже, въ родѣ „ш-ш". И увидалъ онъ тутъ только, что она очень молода, лѣтъ много двадцати. Станъ у нея былъ изумительной стройности и глаза такіе блестящіе, какихъ онъ никогда не видалъ— точно брильянтики заискрились въ глубинѣ зрачковъ.

„Нѣтъ, она не барское дитя",—сказалъ онъ себѣ тогда же, и съ этой самой минуты у нихъ пошелъ разговоръ все живѣе и живѣе, и она ему разсказала подъ гулъ голосовъ, что мужъ ея уѣхалъ на слѣдствіе, по порученію прокурора, по какому-то важному убійству, что она всего два года какъ кончила курсъ и замужемъ второй годъ, что отецъ и мать ея — по старой вѣрѣ, отецъ перешелъ въ единовѣріе только недавно, а прежде былъ въ „бѣглопоповской" сектѣ. Намекнула она, и довольно для него неожиданно, что сама она свободно мыслитъ и на обрядъ вѣнчанія смотрѣла какъ на необходимость.

Онъ слушалъ и изумлялся, что это все она разсказываетъ совсѣмъ незнакомому человѣку и вовсе не по простотѣ. Въ ней ума было больше, чѣмъ въ остальныхъ двухъ женщинахъ, и никакой наивности. Оттого это такъ и случилось, что они другъ къ другу подошли сразу, какъ бываетъ всегда въ роковыхъ встрѣчахъ.

И тогда еще, вернувшись на пароходъ, онъ, хоть и въ чаду, сказалъ себѣ, что эта встрѣча „даромъ для него не пройдетъ!"

VI.

Къ концу ужина, когда они съ ней уже нѣсколько разъ чокнулись, и онъ началъ ей разсказывать про себя, про своего названнаго отца Ивана Прокофьича, про гимназію и про житейскія испытанія, черезъ какія проходилъ, когда вылетѣлъ изъ гимназіи, распорядитель и заводчикъ этого импровизированнаго пикника, заѣзжій адвокатъ, позвалъ цыганъ.

Это былъ плохенькій хоръ: дурно одѣтыя женщины, очевидно, разъѣзжавшія только по мелкимъ ярмаркамъ, зато настоящія черномазыя и глазастыя, безъ подозрительныхъ пріемышей изъ русскихъ, что̀ нынче попадаются въ любомъ извѣстномъ хору. И романсы они пѣли старинные, чуть не тридцатыхъ годовъ.

Одинъ изъ этихъ романсовъ всѣмъ, однако, пришелся очень по вкусу: „Ты не повѣришь“, пропѣтый въ два голоса. За нимъ хоръ подхватилъ тоже старинную застольную пѣсню, перевирая текстъ Пушкина:

„Кубокъ янтарный...“

Дуэтъ пѣли солистка, съ отбитымъ, но задушевнымъ голосомъ, и начальникъ хора, басъ, затянутый,—ему и теперь памятна эта подробность, — въ чекмень изъ верблюжьяго сукна ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ и въ широчайшихъ свѣтло-синихъ шароварахъ, покрывавшихъ ему концы носковъ, ухарски загнутыхъ кверху.

И вдругъ она его спрашиваетъ:

— Вы поете?

— Немножко.

— Можетъ, и на гитарѣ играете?

— Брянчу.

Онъ мараковалъ на гитарѣ и пѣлъ всегда въ ученическомъ хорѣ; его альтъ перешелъ потомъ въ баритонъ.

— Споемъ этотъ же романсъ... Я его люблю... Онъ мнѣ напоминаетъ время, когда я только начинала ходить... Я его переняла отъ нашей горничной... и пѣла исподтишка Отецъ считалъ всякое пѣніе и музыку бѣсовскимъ наважденіемъ.

Предложеніе ея такъ его захватило, что онъ даже застыдился... Но желаніе пѣть съ нею превозмогло.

Она сама сказала адвокату, что они хотятъ пропѣть дуэтъ. Всѣ захлопали. Цыганъ отблагодарили, только одну гитару взяли у начальника хора.

Когда онъ бралъ аккорды, ихъ взгляды встрѣтились такъ непроизвольно, что они оба стали краснѣть... Онъ первый началъ, не отрывая отъ нея глазъ:

„Коль счастливъ я съ тобою бываю,
Ты улыбаешься, какъ май!“

Слова онъ, кажется, произносилъ не совсѣмъ вѣрно, но онъ ихъ такъ заучилъ съ дѣтства, да и она такъ же. Но что бы они ни пѣли, какъ бы ни выговаривали словъ, ихъ голоса стремительно сливались, на душѣ ихъ былъ праздникъ. И она, и онъ забыли тутъ, гдѣ они, кто они; потомъ она ему признавалась, что мужъ, домъ — совсѣмъ выскочили у нея изъ головы, а у него явилось безумное желаніе схватить ее, увлечь съ собой и плыть неизвѣстно куда...

Послѣ дуэта остальные участники ужина хоромъ подхватили „Кубокъ янтарный“, а потомъ она запѣла цыганскій же романсъ:

„Любила я...“

Не могъ онъ не откликнуться на это признаніе. Ни минуты не усомнился онъ, что она поетъ *ему* и для *него*, а никогда онъ себя не упрекалъ въ фатовствѣ и съ женщинами былъ скорѣе неловокъ и тугъ на первое знакомство.

И онъ забылъ, что она „мужняя жена“, и ни разу не спросилъ ее про то, какъ она живетъ, счастлива ли, хотя и не могъ не сообразить, что изъ раскольничьяго дома, навѣрно, ушла она если не тайкомъ, то и не съ полнаго согласія родителей. Тотъ баринъ, правовѣдъ, могъ, конечно, разсчитывать на приданое, но она врядъ ли стала его женой изъ какого-нибудь расчета.

Все это отлетѣло отъ него. Былъ уже поздній часъ, около двухъ. Тѣ двѣ барыни подпили, и она пила шампанское, но только блѣднѣла, и блескъ глазъ сдѣлался изумительный—точно у нея въ глубинѣ зрачковъ по крупному алмазу.

— Вотъ бы на лодкѣ прокатиться...—сказала она послѣ пѣнія, когда онъ уже держалъ ея руку и цѣловалъ...

Лодка!.. Онъ готовъ былъ нанять пароходъ. Черезъ нѣсколько минутъ все общество спустилось внизъ къ пристани. Добыли большой стругъ. Ночь стояла, точно она была въ заговорѣ, облитая серебромъ. На Волгѣ все будто сговорилось: рыбь теплаго вѣтерка, игра чешуй и благоуханіе сѣнокоса, доносившееся съ лугового берега рѣки.

Онъ шепталъ ей, сидя рядомъ на кормѣ, — она правила рулемъ, — любовныя слова... Какія?.. Онъ ничего не помнитъ теперь... Свободная рука его жала ея руку, и на своемъ лицѣ онъ чуялъ ея дыханіе.

Она первая заговорила о своемъ о замужествѣ. Не по расчету сдѣлалась она женой слѣдователя, но и не по увлеченію.

— Дѣвчонка была!.. Дура!.. Дома очень ужъ тошно стало! Умѣлъ польстить. Суета!.. Теперь только жизнь-то начинаю узнавать.

И въ глазахъ ея промелькнуло что-то горькое и сильное. Намекъ былъ ясенъ: она не нашла любви въ супружествѣ, она искала ее, и судьба столкнула ихъ не спроста.

Ужъ на разсвѣтѣ вернулось въ городъ все общество. Никто никому не долженъ былъ отдавать отчета. Толстую барыню провожалъ адвокатъ, барышня поѣхала съ отцомъ.

— Меня проведетъ Василій Ивановичъ, ему потомъ два шага до гостиницы.

Она сама это сказала. Они шли молча, подъ-руку. Но онъ чувствовалъ, какъ вздрагивалъ ея станъ отъ прикосновенія къ его плечу.

У крыльца ихъ дома она вдругъ прошептала:

— Вы отсюда на пароходъ?

— Да... но я останусь.

— Нѣтъ, не нужно. Идите!.. Вѣдь мы больше не увидимся.

И точно хотѣла его толкнуть рукой. Онъ схватилъ эту руку, безъ перчатки, и поцѣловалъ. Она прильнула къ нему, поцѣлуй ожегъ его. И тотчасъ же она крикнула:

— Идите!.. Идите!..

И дернула за звонокъ.

Онъ цѣлыя сутки не спалъ на пароходѣ.

Какъ было еще разъ видѣться съ ней? На возвратномъ пути угодилъ онъ сюда не раньше какъ черезъ мѣсяцъ, остановился безъ всякой нужды, искалъ инженера, искалъ адвоката: ни того, ни другого не оказалось — уѣхали въ Нижній на ярмарку.

Домика, куда онъ провожалъ ее, не могъ онъ распознать; ходилъ справляться, гдѣ живетъ слѣдователь Рудичъ; ему сказали—гдѣ: онъ два раза прошелъ мимо оконъ. Никого не было видно, и, какъ ему показалось, даже какъ

будто господа уѣхали, потому что со двора въ трехъ окнахъ ставни были заперты, а съ улицы шторы спущены.

„Выкинь изъ головы! Одинъ срамъ, точно гимназистъ-мальчишка!“ — повторялъ онъ себѣ тогда, по пути въ Нижній.

И вдругъ тамъ, на ярмаркѣ, въ театрѣ,—играли „Грозу“, съ Ермоловой въ роли Катерины, — сидитъ онъ въ креслахъ, во второмъ ряду, навелъ случайно бинокль на ложи бенуара — она, съ какими-то двумя дамами, — онъ призналъ ихъ за богатыхъ купчихъ,—и мужчиной пожилымъ, ужъ навѣрно купеческаго званія.

Онъ просто обмеръ. Бинокля-то не можетъ отвести отъ нея. Въ бѣломъ матовомъ платьѣ, въ волосахъ живой цвѣтокъ и полуоткрытая шея. Опустилъ, наконецъ, бинокль и все смотритъ на нее. А съ подмостокъ ему слышится страстный шопотъ актрисы, въ сценѣ третьяго акта, въ оврагѣ волжскаго прибрежья, и ему представляется, что это она ему такъ говоритъ.

Поклониться онъ не посмѣлъ, весь скованный стоялъ въ антрактѣ. Но, видно, она сама замѣтила его ростъ и фигуру, узнала, вся зардѣлась, поклониться тоже не поклонилась, но въ глазахъ зажглась такая радость, что онъ опрометью кинулся въ фойе, увѣренный, что она придетъ туда.

Недѣлю прожилъ онъ въ Нижнемъ. Какіе вечера проводили въ саду, на Откосѣ!.. Но когда надо было разстаться, она ему еще не принадлежала.

Пошла переписка. Зимой онъ тайно пріѣзжалъ сюда, и они видались урывками. Съ мужемъ она такъ и не хотѣла его знакомить.

И вотъ во второй разъ попадаетъ онъ сюда по ея зову. Въ ея послѣднихъ письмахъ, въ ея депешѣ, найденной въ Нижнемъ, страсть такъ и трепещетъ...

VII.

Тѣни пошли, длинныя и тусклыя, въ садикѣ, около памятника. Поздній закатъ внизу, за самой кручей нагорнаго берега, расползался въ огромную рыбу съ узкимъ носомъ розовато-палеваго колера.

Въ воздухѣ пахло стручьями желтыхъ акацій, пыльныхъ и малорослыхъ, посаженныхъ вдоль рѣшетокъ сквера.

Теркинъ пришелъ первый. Никого онъ не встрѣтилъ

на улицѣ изъ господъ. Даже издали не было слышно треска извозчичьихъ дрожекъ.

На одной изъ скамеекъ противъ пароходныхъ пристаней и большой паровой мельницы, на томъ берегу рѣки, онъ сидѣлъ въ полъ-оборота, чтобы издали узнать ее: такъ ему видна была вся главная дорожка отъ входа, загороженнаго зеленымъ столбомъ съ подвижнымъ бревенчатымъ крестомъ.

Онъ зналъ, что она придетъ, даже если мужъ ея и въ городѣ. Она писала въ послѣдній разъ до присылки депеши, что мужъ, можетъ-быть, поѣдетъ въ Москву. Въ депешѣ, ждавшей Теркина въ Нижнемъ, ничего объ этомъ не говорилось.

Она придетъ. Она должна была ждать минуты свиданія съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и онъ. Но онъ допускалъ, что Серафима отдается своему влеченію цѣльнѣе, чѣмъ онъ. И рискуетъ больше. Какъ бы она ни жила съ мужемъ, хорошо или дурно, все-таки она барыня, на виду у всего города, молоденькая бабочка, всего по двадцать первому году. Однимъ такимъ свиданіемъ она можетъ себя выдать, въ лоскъ испортить себѣ положеніе. И тогда ей пришлось бы поневолѣ убѣжать съ нимъ.

Хотѣлъ ли онъ этого? Добивался ли во время ихъ встрѣчъ и на письмахъ?.. Нѣтъ! Онъ ничего такого не испугается, но и не подбиваетъ ея. Если это страсть дѣйствительно „роковая“ — жить имъ вмѣстѣ. Жить, такъ жить, безъ обмана, не втроемъ, а вдвоемъ.

И сегодня, сидя вотъ тутъ, у памятника на вышкѣ, за нѣсколько минутъ до ея прихода, онъ не только не знакомъ съ „господиномъ слѣдователемъ“, но и представленія никакого не имѣетъ о его наружности; даже карточки мужа она ему никогда не показывала.

За это онъ ей благодаренъ. Значитъ, въ ней есть прямота. Противно ей ввести его къ себѣ въ домъ и подъ личиною держать при себѣ въ званіи тайнаго любовника. При рѣдкихъ наѣздахъ ничего бы и не всплыло наружу. Тогда стало бы гораздо свободнѣе. Вотъ такая встрѣча въ саду показалась бы совсѣмъ простой встрѣчей. Да и надобности не было бы сходиться здѣсь по уговору. Просто явился къ нимъ, когда мужа нѣтъ, да и предложилъ пройтись на набережную.

Ей не по душѣ обманъ. И онъ не любитъ его, почему и не посягалъ на замужнихъ женщинъ, даже въ такихъ

случаяхъ, когда все обошлось бы въ наилучшемъ видѣ: съ женами подчиненныхъ или мужей, что̀ сами рады бы... Такихъ, по нынѣшнимъ временамъ, вездѣ много развелось.

Влекло его къ ней и то, что она второй годъ не принадлежала ему. Онъ не хотѣлъ себѣ дать полнаго отчета въ томъ, какая именно борьба идетъ между ними и кто прямѣе, но теперь ему кажется, что — она. Вѣдь онъ ни разу, ни устно, ни письменно, не сказалъ ей:

„Жизнь моя!.. Иди ко мнѣ!.. Разведись. Будемъ мужъ и жена!“

И когда онъ оставался наединѣ со своей совѣстью, онъ не хотѣлъ лгать самому себѣ. Къ браку съ нею его не тянуло. Почему? Онъ самъ не могъ отвѣтить. Вовсе не оттого, что онъ боялся за свою холостую свободу. А точно въ пылкое влеченіе къ этой женщинѣ входила струя какого-то затаеннаго сомнѣнія: въ ней ли найдетъ онъ полный откликъ своей сильной потребности въ беззавѣтной и чистой любви?

Въ этой связи полной чистоты не будетъ, даже если они и обвѣнчаются. На вѣнчаніе она сама врядъ ли будетъ подбивать его. У нея нѣтъ никакой вѣры въ таинство брака. Она ему это сказала въ первый же ихъ разговоръ, за ужиномъ увеселительнаго сада.

Въ душѣ Теркина стремительно чередовались эти мысли и вопросы. Каждая новая минута,—онъ то и дѣло поворачивалъ голову въ сторону зеленаго столбика, — наполняла его больше и больше молодымъ чувствомъ любовной тревоги, щекотала его мужское неизбѣжное тщеславіе, — онъ и не скрывалъ этого отъ себя, — давала ему особенный вкусъ къ жизни, дѣлала его смѣлѣе и добрѣе.

Зимой онъ на свиданіи съ ней въ гостиницѣ повелъ-было себя какъ всякій самолюбивый ухаживатель, началъ упрекать ее въ томъ, что она нарочно тянетъ ихъ отношенія, не вѣритъ ему, издѣвается надъ нимъ, какъ надъ мальчуганомъ, все то говорилъ, чѣмъ мужчины прикрываютъ свое себялюбіе и свою чувственность у насъ, въ чужихъ краяхъ, во всемъ свѣтѣ, въ деревенской хатѣ и въ чертогахъ.

Она, однако, не сдалась. Ея тогдашніе возгласы онъ помнитъ:

— Вася!.. Не гнѣвайся! Душой я твоя, но пока съ мужемъ живу—не буду отъ него блудить!

И это раскольничье слово „блудить“ покоробило его.

Въ немъ было что-то низкое для нея, для всего ея облика. Вѣдь она училась, читала, хорошо играла на фортепьянахъ, выражалась до тѣхъ поръ образно и мѣтко, но безъ вульгарныхъ оборотовъ и словъ. А тутъ вдругъ — „блудить“.

Онъ уѣхалъ почти возмущенный. Ея письма утишили эту хищническую бурю. Спачала онъ причислялъ ее къ тѣмъ ехиднымъ бабенкамъ, что̀ не отдаются любимому человѣку не потому, чтобы были такъ чисты и прямы душой, а изъ особаго рода задорной гордости,—онъ такихъ знавалъ.

„Никто-де не скажетъ, что я пала... Хоть и люблю, и говорю это, — клейма на себя не наложу, и любимый человѣкъ не добьется своего, не сдѣлаетъ меня рабыней“.

Но ея письма дышали совсѣмъ другимъ. Она не таилась отъ него... Беззавѣтно предавалась она ему, ничего не скрывала, тяготилась постылымъ мужемъ, съ каждымъ днемъ распознавала въ немъ „дрянную натуришку“, ждала чего-то, какой-нибудь „новой гадости“, — такъ она выражалась,—чтобы уйти отъ него, и тогда она это сдѣлаетъ безъ боязни и колебаній.

И къ веснѣ, когда близилась возможность новыхъ свиданій, опять онъ рѣшительно всталъ на ея сторону, распозналъ въ себѣ „звѣря“, стряхнулъ съ себя всякій задоръ мужского тщеславія. Онъ желалъ любить такъ же честно, какъ и она.

Ему захотѣлось, чтобы его страсть овладѣвала имъ безраздѣльно, не давала ему времени думать, разбирать, сомнѣваться въ чемъ-нибудь, поблажать расхолаживающимъ сомнѣніямъ.

Когда онъ четверть часа тому назадъ шелъ сюда, въ этотъ садикъ, у него въ груди занималось точно отъ быстрыхъ глотковъ игристаго вина, и то становилось вдругъ жарко головѣ, то холодѣло на вискахъ. Это ощущеніе давало ему вѣрную поту того, что его влечетъ къ Серафимѣ, влечетъ и душевно, безъ чувственныхъ образовъ. Онъ не мечталъ о ея поцѣлуяхъ,—да и какъ они будутъ цѣловаться въ публичномъ мѣстѣ,—но жаждалъ общенія съ ней, ждалъ того свѣта, который долженъ взвиться, точно змѣйка электрическаго огня, и озарить его, ударить его невидимымъ токомъ вмѣстѣ со взрывомъ страсти двухъ живыхъ существъ.

Одѣвался онъ долго и съ тревогой, точно онъ идетъ на смотръ... Все было обдумано: цвѣтъ галстука, покрой

жилета, чтобы было къ лицу. Онъ зналъ, что ей нравятся его низкія поярковыя шляпы. Безъ этой заботы о своемъ туалетѣ нѣтъ вѣдь молодой любви, и безъ этого страха, какъ бы что-нибудь не показалось ей безвкуснымъ, крикливымъ, дурного тона. Она сама одѣвается превосходно, съ такимъ вкусомъ, что онъ даже изумлялся, гдѣ и у кого она этому научилась въ провинціи.

Вѣдь и она въ ту же пору заботливо прихорашивала себя, думая о томъ, какъ бы ему сильнѣе понравиться.

Есть у него и еще одинъ признакъ „безъ обмана“— это вздрагиваніе нервовъ при видѣ любимой женщины. Никакимъ усиліемъ воли нельзя воздержаться отъ такого ощущенія. Въ первую тайную встрѣчу въ Нижнемъ на Откосѣ, въ десятомъ часу, на дорожкѣ, въ густой тѣни липъ, онъ еще не испытывалъ этого удара подъ колѣнями.

Здѣсь, зимой, когда она, постучавшись, взошла въ полутемноту передней, и онъ распозналъ ея фигуру, колѣни задрожали, прежде чѣмъ онъ прикоснулся къ ея рукѣ.

„А вдругъ не задрожатъ?“ — противъ воли подумалъ Теркинъ и тотчасъ же разсердился на себя за такой вопросъ.

Вправо отъ входа глаза его схватили что-то черное, стройное, быструю походку, большую шляпу. Онъ вскочилъ и чуть не упалъ—такъ сильно было ощущеніе, въ которое онъ вѣрилъ какъ въ признакъ безъ обмана. Радость заколыхалась въ немъ, и глаза стали мгновенно влажны... У него недостало силъ кинуться къ ней навстрѣчу

VIII.

Начало замѣтно смеркаться. Звѣзды засвѣтились неровными искрами. Въ садикѣ не было никого, кромѣ пары, пересѣвшей на другую скамью надъ самымъ обрывомъ.

Они держали другъ друга за руку. Теркинъ смотрѣлъ на Серафиму снизу вверхъ; онъ нагнулся, чтобы глазамъ его удобнѣе было проникать подъ щитокъ ея черной шляпы, покрытой бантами и черными же перьями.

Она за полгода стала еще краше, немного пополнѣла въ лицѣ и станѣ. Сквозь смугло-блѣдноватую кожу румянецъ разливался ровно, съ янтарнымъ отблескомъ. И такой же, какъ у него, пышный ротъ раскрывался еще привлекательнѣе, оточенный пушкомъ; губы стали потемнѣе, и бѣлизна острыхъ и крупныхъ зубовъ придавала

ей что-то восточное. Шея налилась и руки. Въ гренадиновомъ платьѣ съ прозрачными рукавами, она накинула на плечи кружевную короткую мантильку, и воротникъ подпиралъ ей сзади затылокъ живописно и значительно. Никто бы не сказалъ, глядя на ея туалетъ и манеру носить его, что она губернская барынька изъ купеческой раскольничьей семьи.

Ему всего дороже были въ ея обликѣ глаза, откуда блестѣли два брильянта, и смѣлое очертаніе носа, тонкаго, съ маленькой припухлостью кончика, въ которой сказывался также восточный, немного татарскій типъ ея лица.

— Уѣхалъ, значитъ, на цѣлую недѣлю?—спросилъ Теркинъ тономъ человѣка, которому не вѣрится въ собственную удачу.

— Теперь всего день остался... Можетъ, завтра пріѣдетъ—писалъ ужъ, что все уладилось, какъ онъ желалъ...

— Вернется товарищемъ прокурора?

— Хорошъ прокуроръ!

Возгласъ ея замеръ въ прозрачной тишинѣ засвѣжѣвшаго воздуха.

— Хорошъ!—повторила она страстнымъ шопотомъ, нагнулась къ нему лицомъ и сжала сильнѣе его руку.— Вася! такъ онъ мнѣ противенъ... Голоса—и того не могу выносить: шепелявитъ, по-барски мямлитъ.—Она сдѣлала гримасу.—И такого человѣка, лѣнтяя, картежника, совершенную пустушку, считаютъ отличнымъ чиновникомъ, важныя дѣла ему поручали, въ товарищи прокурора пролѣзъ подъ носомъ у другихъ слѣдователей... Одинъ чуть не двадцать лѣтъ на службѣ въ уѣздѣ...

Они говорили о мужѣ ея, и имъ обоимъ было непріятно это. Но избѣжать такого разговора они не могли.

Когда они встрѣтились и сѣли на скамью, одинъ поцѣлуй и нѣсколько любовныхъ словъ—вотъ и все, чѣмъ они обмѣнялись... Ихъ стѣсняло то, что они на виду у всѣхъ, хотя никто еще не зашелъ въ садикъ. Теркинъ хотѣлъ сейчасъ же сказать ей, зачѣмъ она не пріѣхала къ нему въ гостиницу, но вспомнилъ, что она просила его въ письмѣ на этомъ не настаивать.

О мужѣ рѣчь шла не болѣе десяти минутъ. Серафима передавала то, чего онъ не зналъ еще по ея письмамъ въ такихъ подробностяхъ. Рудичъ—игрокъ, и изъ ея при-

даннаго уже почти ничего не осталось. Правда, онъ далъ ей вексель, но что съ него получишь?..

Она не договорила: „Ничего не получишь, если даже и уйдешь отъ него".

Не такъ мечталъ Теркинъ объ этой тайной бесѣдѣ на набережной въ сумеркахъ іюльской ночи. Что ему за дѣло до господина Рудича?.. Мотъ онъ или скопидомъ, гунявъ или молодецъ—ему хотѣлось бы забыть о его существованіи. Но Серафима, выдавая ему личность мужа, показывала этимъ самымъ, на какомъ градусѣ находится она отъ окончательнаго разрыва. Ея слова дышали рѣшимостью покончить съ такой постылой жизнью. Она вся отдавалась ему и хотѣла сначала и его и себя убѣдить, какъ честныхъ людей, что въ ней не блажь говоритъ, не распутство, а безповоротное чувство, что личность мужа не заслуживаетъ никакого сожалѣнія.

Могъ ли онъ, Теркинъ, быть судьей?

Онъ ей вѣрилъ; факты налицо. Рудичъ—мотъ и эгоистъ, брюзга, важнюшка, баричъ, на каждомъ шагу „шпыняетъ ее",—она такъ нарочно и выразилась сейчасъ, по-мужицки,—ея „вульгарнымъ происхожденіемъ", ни чуточки ея не жалѣетъ, пропадаетъ по цѣлымъ ночамъ, дѣлаетъ исторіи изъ-за каждаго рубля на хозяйство, зная, что проигралъ не одинъ десятокъ тысячъ ея собственныхъ денегъ.

И все-таки онъ не могъ и не желалъ быть судьей... Его начинало раздражать то, что время идетъ, и они тратятъ его на перебираніе всѣхъ этихъ дрязгъ.

— Ну его къ Богу!—не вытерпѣлъ онъ,—твоя добрая воля, Сима, поступить, какъ онъ того заслуживаетъ, твой супругъ и повелитель; не желаю я, чтобы ты такъ билась! Положи себѣ предѣлъ,—дольше терпѣть постыдно!

— Еще бы!—громко выговорила она и, не оглянувшись назадъ, обняла его за шею и поцѣловала долгимъ беззвучнымъ поцѣлуемъ.

Голова его затуманилась.

— Все, все я сдѣлаю!..—шептала она ему на ухо, не выпуская его руки.—Обо мнѣ что сокрушаться!.. Тебѣ бы только была во всемъ удача.

Она вдругъ опустила голову и заговорила гораздо тише, болѣе жидкимъ звукомъ, тономъ дѣвушки, немного отрывочно, съ передышками.

— Отецъ совсѣмъ плохъ... Докторъ боится — ему до

осени не дотянуть. Я у нихъ теперь чаще бываю, чѣмъ въ прошломъ и позапрошломъ году.

— Когда онъ заболѣлъ?—перебилъ ее Теркинъ.

— Второй годъ ужъ... Сердце, ожирѣніе что ли, одышка, цѣлыми ночами не спитъ... Водянка начинается... Жалко на него смотрѣть...

— А мать какъ?

— Она еще молодцомъ. Ты бы и не сказалъ, что ей за пятьдесятъ... Разумѣется, и она мается ночи напролетъ около него.

— Съ тобой онъ какъ?

— Ласковъ... Простилъ давно. Муженька моего онъ сразу разгадалъ и видитъ, какіе у насъ лады... Я ему ничего не говорю про то, что мои деньги Рудичъ проигралъ. Ты знаешь, Вася, въ нашемъ быту первое дѣло— капиталъ. Онъ меня обвинитъ и будетъ правъ. Еще добро бы, я сразу души не чаяла въ Рудичѣ и все ему отдала,—а то вѣдь я его какъ слѣдуетъ никогда не любила... нужды нѣтъ, что чуть не убѣжала изъ родительскаго дома.

Серафима немного помолчала.

— Я къ тому это разсказываю—тебѣ надо теперь почаще наѣзжать, если сподручно, поблизости находиться. Отецъ можетъ отойти вдругъ... задохнуться. Вася! ты меня не осуждай!..

— За что, голубка?—вырвалось у него звонко.

— Да вотъ, что я хочу съ тобой переговорить о дѣлахъ... Видишь, нашей сестрѣ нельзя быть безъ обезпеченія. — Она тихо разсмѣялась. — Я знаю, интеллигенты разные сейчасъ за Островскаго схватятся: это, молъ, какъ та вдова-купчиха, что̀ за красавчика вышла... Помнишь?.. Какъ, бишь, называется пьеса?

— Кажется: „Не сошлись характерами“.

— Да, да. Тамъ она разсуждаетъ: „Что̀ я буду безъ капитала?.. Дура, молъ!..“ Я вотъ и не дура, и не безграмотная, а горькимъ опытомъ дошла до того же въ какихъ-нибудь два года... Отъ моего приданаго одинъ пшикъ остался! Тряпки да домашнее обзаведеніе!

Глаза ея все темнѣли, блескъ пропалъ; она сидѣла съ опущенной головой, и щеки казались совсѣмъ матовыми.

— Ты боишься, что тебя родители обидятъ?

Тотчасъ послѣ этого вопроса Теркинъ испыталъ по-

вую неловкость: ему сдѣлалось почти противно, что онъ втягивается въ такой разговоръ, что онъ за сотни верстъ отъ того, о чемъ мечталъ, что его дѣловая натура подчиняла себѣ темпераментъ увлеченнаго мужчины.

Серафимы онъ не осуждалъ: все это она говоритъ гораздо болѣе изъ любви къ нему, чѣмъ изъ себялюбія. Она иносказательно хочетъ дать ему понять, что на его матеріальную поддержку она не разсчитываетъ, что свою жизнь съ нимъ она желаетъ начать какъ свободная и обезпеченная женщина. Въ этомъ онъ не сомнѣвался, хотя гдѣ-то, въ маленькой складкѣ его души, точно заскребло жуткое сомнѣніе: не наскочилъ ли онъ на женскую натуру, гдѣ чувственное влеченіе прикрываетъ только разсудочность, а можетъ, и хищничество? — „А самъ-то я развѣ не изъ такихъ же?“ строго спросилъ онъ себя и взглядомъ показалъ ей, что слушаетъ ее съ полнымъ сочувствіемъ.

— Боюсь я вотъ чего, Вася, — она продолжала еще тише,—дѣла-то отцовы позамялись въ послѣдніе годы. Я сама думала, да и въ городѣ долго толковали, что у него большой капиталъ, кромѣ мельницы, гдѣ они живутъ.

Теркинъ кивнулъ головой, слушая ее; онъ зналъ, что мельница ея отца, Ефима Спиридоныча Безпалова, за городомъ, по ту сторону рѣчки, впадающей въ Волгу, и даже проѣзжалъ мимо еще въ прошломъ году. Мельница была водяная, довольно старая, съ жилымъ помѣщеніемъ, на его оцѣночный глазомѣръ — не могла стоить больше двадцати, много тридцати тысячъ.

— А тебѣ сдается?..

— Мать уже намекала мнѣ, что послѣ отца не окажется большихъ денегъ. Завѣщаніе онъ врядъ ли написалъ... Стараго закона люди завѣщаній не охотники составлять. На словахъ скажетъ или изъ рукъ въ руки отдастъ. Мать меня любитъ больше всѣхъ... Вѣдь и ей жить нужно... Ежели и половину мнѣ отдастъ... не знаю, что̀ это составитъ?

Серафима задумалась.

— Вася! ты на меня какъ сейчасъ взглянулъ — скажешь: я интересанка!.. Клянусь тебѣ, денегъ я не люблю, даже какое-то презрѣніе къ нимъ чувствую; онѣ хуже газетной бумаги на мой взглядъ... Но ты пойми меня: мать — умная женщина, да и я не наивность, не институтка

Только въ совѣтѣ намъ не откажи, когда нужно будетъ... больше я ни о чемъ не прошу.

— О чемъ просить!.. Только черкни или дай депешу— и я тутъ, какъ листъ передъ травой.

Сдержанный смѣхъ вырвался изъ его широкой груди. Онъ взялъ ее за талію и ближе притянулъ къ себѣ.

— Какъ листъ передъ травой, —медленно повторила она.—Вася! ты полюбилъ меня, вѣрю... Но знай одно,— я это говорю передъ тѣмъ, какъ быть твоей... Не можете вы такъ любить, какъ мы любимъ, когда судьба укажетъ намъ на человѣка... Нѣтъ! Не можете!

На послѣднихъ словахъ ея голосъ дрогнулъ. Теркинъ промолчалъ.

IX.

Совсѣмъ стемнѣло. Съ рѣки доходилъ раскатистый, унылый гулъ рѣдкихъ пароходныхъ свистковъ; фонари на мачтахъ выдѣлялись ясными цвѣтными точками. Заволжье лежало бурой пеленой на низкомъ горизонтѣ. Въ двухъ мѣстахъ развели костры, и красное расплывчатое пламя мерцало на пологѣ ночи.

Вѣтерокъ игралъ кружевомъ на шляпкѣ Серафимы. Она прижалась къ плечу Теркина и говорила медленнѣе, какъ бы боясь показать все, что у нея на душѣ.

— Ты какъ вообще смотришь на такихъ дѣвицъ?

Они теперь опять вернулись къ ея семейнымъ дѣламъ. На ея слова о любви мужчины и женщины онъ не возражалъ, а только поглядѣлъ на нее долго-долго, и она не стала продолжать въ томъ же духѣ. Теперь она спрашивала его по поводу ея двоюродной сестры, Калеріи, бросившей ихъ домъ года два передъ тѣмъ, чтобы готовиться въ Петербургѣ въ фельдшерицы.

— Какъ я смотрю? — переспросилъ ее Теркинъ. — Да признаться тебѣ, не очень я одобряю всѣхъ этихъ стриженыхъ.

— Она, положимъ, не стриженая, — поправила Серафима, — а волосы долгіе носитъ, все хочетъ въ ангельскомъ чинѣ быть,—прибавила она, и въ голосѣ заслышалось что-то злобное.

— Все равно... Прежнія-то, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда я еще въ школѣ былъ и всякая дурь въ голову лѣзла... тѣ, по крайности, хоть смѣлы были, напроломъ шли, а частенько и собственной шкурой отвѣчали.

А нынѣшнія-то въ тѣ же барышни норовятъ, воображаютъ о себѣ чрезвычайно и ни на какое толковое дѣло не пригодны.

Глаза ея радостно блеснули въ темнотѣ.

— Вотъ я и думала, Вася, что ты такъ именно на всѣхъ этихъ госпожъ смотришь. Калерія съ дѣтства все на себя напускала... То въ божественность ударится— хотѣла даже въ скитъ поступить, да скитовъ-то не оказалось и на самомъ Иргизѣ. То вообразила себѣ, что у ней талантъ—стихи начала писать... Кажется, посылала въ Москву, въ редакцію; да тамъ, должно быть, вышутили ее жестоко въ отвѣтномъ письмѣ—и съ нея это слетѣло. Тогда она заговорила о высокомъ призваніи женщины въ современномъ обществѣ, евангеліемъ зачитывалась, начала рваться отсюда учиться, врачевать недуги человѣчества, только, — злобный смѣхъ прервалъ ея слова, — для врачеванія-то надо дипломъ имѣть, а она, даромъ что стихи писала, а грамматики порядочно не прошла, пишетъ „убѣжденіе“ *бѐ—ѐ, дѐ—ять*, стало быть, въ медички ей нечего было и мечтать. Она въ фельдшерицы съ грѣхомъ пополамъ попала, тамъ, при Красномъ Крестѣ, что ли.

— Такъ, такъ...

Теркинъ слушалъ внимательно, и въ головѣ у него безпрестанно мелькалъ вопросъ: „зачѣмъ Серафима разсказываетъ ему такъ подробно объ этой Калеріи?“ Онъ хотѣлъ бы схватить ее и увлечь къ себѣ, забыть про то, кто она, чья жена, чьихъ родителей, какія у нея заботы... Одну минуту онъ даже усомнился: полно, такъ ли она страстно привязалась къ нему, если способна говорить о домашнихъ дѣлахъ, зная, что онъ здѣсь только до разсвѣта, и она опять его долго не увидитъ?..

Вся она вздрагивала, какъ только онъ сжималъ ея талію или тихо прикасался губами къ похолодѣвшей щекѣ. Отъ нея шло это трепетанье и сообщалось ему... Говоритъ она про Калерію не спроста, клонитъ все къ тому же. Она не можетъ ничего утаить отъ него. Она показываетъ, что отнынѣ онъ — ея сообщникъ во всемъ и руководитель. Ей надо излиться вполнѣ и знать теперь же: раздѣляетъ ли онъ ея взгляды и чувства къ этой Калеріи?

— Видишь ли, Вася,—продолжала она совсѣмъ тихо,— папенькѣ братъ оставилъ ее на попеченіе. И капиталъ

былъ... неважный... Дядя Прокофій Спиридонычъ... всегда былъ такой прожектеръ, и много у него денегъ ушло на глупости.

— Однако, она все-таки наслѣдовала...

— Какъ тебѣ сказать... И да, и нѣтъ. Завѣщанія никакого не оставилъ дядя. И обороты главные, по хлѣбной торговлѣ, у нихъ были общіе. Часто отецъ его выручалъ. Я думаю, значилось, быть-можетъ, за нимъ нѣсколько тысченокъ, не больше.

— Не больше? — переспросилъ Теркинъ, все еще не видя ясно, куда она клонитъ.

— Ни въ какомъ случаѣ! Это и мать говоритъ, а она отъ роду не выдумывала. Не знаю, солгала ли на своемъ вѣку въ одномъ какомъ важномъ дѣлѣ, хоть и не принимала никогда присяги. Отецъ-то Калерію баловалъ... куда больше меня. И всѣ ея эти выдумки и поступки не то что одобрялъ... а не ограничивалъ. Всегда онъ одно и то же повторялъ: „Мой первый долгъ — Калерію обезпечить и ея капиталецъ пріумножить".

— Что жъ, это—по честному.

— Кто говоритъ! — перебила Серафима.— Только какъ же теперь, — умри отецъ безъ завѣщанія, — опредѣлить, сколько ей слѣдуетъ и сколько намъ?..

Протянулось молчаніе. Теркинъ незамѣтно для себя входилъ въ то, что ему говорила Серафима. Теперь онъ хорошо понималъ, о чемъ ея забота, и какого мнѣнія она ждетъ отъ него.

— Дѣло чистое,—выговорилъ онъ, немного отведя отъ нея глаза,—коли завѣщанія не будетъ, и отецъ на словахъ не распорядится—вамъ надо полюбовно раздѣлить. Вы ее, во всякомъ случаѣ, обидѣть не захотите...

Когда онъ произносилъ эти слова, за него думалъ еще кто-то. Ему вспомнилось, что тотъ дѣлецъ, Усатинъ, къ кому онъ ѣхалъ на низовья Волги сдѣлать заемъ или найти денегъ черезъ него, для покрытія двухъ третей платы за пароходъ „Батракъ", быть-можетъ, и не найдетъ ни у себя, ни вокругъ себя такой суммы, хоть она и не Богъ знаетъ какая.

— А во сколько, — спросилъ онъ Серафиму, перебивая самого себя, — по твоимъ соображеніямъ, могъ онъ пріумножить капиталъ Калеріи?

— Это трудно сказать... Онъ насчетъ дѣлъ своихъ всегда скрытенъ былъ. Да и съ тѣхъ поръ, какъ бо-

лѣетъ, но очень-то отъ него узнаешь правду... Даже и маменькѣ ничего не говоритъ. Скажетъ — когда совсѣмъ смерть придетъ.

„Однако, какъ же это она про смерть отца такъ говоритъ?—подумалось ему.—Какъ будто очень ужъ жестко...“

Ему не хотѣлось обвинять ее. Онъ зналъ, что въ купеческихъ семьяхъ, все равно, что въ крестьянствѣ, нѣжностей большихъ не водится. А тутъ, вдобавокъ, особенный случай. Она выскочила замужъ такъ стремительно, потому что ей дома было тошно. Суровый отецъ; разница въ образованіи; они съ матерью остались раскольниками; она набралась другихъ мыслей, даже и на таинства стала глядѣть какъ на простые обряды. По-своему она можетъ и теперь любить отца. Умри онъ — и она будетъ убиваться. И мать она любитъ—это чувствуется въ каждомъ ея словѣ.

— Смущаться тебѣ нечего, Сима, — успокоеннымъ тономъ сказалъ Теркинъ и повернулъ къ ней лицо. — Ни тебя, ни двоюродной твоей сестры отецъ не обидитъ. И вы съ матерью въ полномъ правѣ порадѣть о вашихъ кровныхъ достаткахъ. Та госпожа — отрѣзанный ломоть. Домъ и капиталъ держались отцомъ твоимъ, а не братомъ. Всего бы лучше матери узнать у старика, какія именно деньги остались послѣ дяди, и сообразно съ этимъ и распорядиться.

— Ты такъ говоришь, Вася? — вскричала она еще радостнѣе.—Спасибо тебѣ, родной!

Ея руки обвились вокругъ его шеи. Влажныя нервныя губы прильнули къ его губамъ.

И онъ еще сильнѣе почуялъ, что эта женщина вся принадлежитъ ему.

Держа его голову въ своихъ рукахъ, Серафима спросила его:

— А ты мнѣ не скажешь, Вася, надолго ли ты туда, въ Царицынъ? Вѣдь ты ѣдешь къ тому господину?

По его письмамъ она знала, что онъ сдѣлается пайщикомъ товарищества и надѣется еще къ концу макарьевской ярмарки пріобрѣсть пароходъ.

— Съ недѣлю это возьметъ, Сима.

— И сколько тебѣ не хватаетъ денегъ?—горячо спросила она.

— Что объ этомъ толковать?!

Онъ не любилъ вводить женщинъ въ свои расчеты, считалъ это недостойнымъ стóящаго мужчины.

— Почему же ты не хочешь? — порывисто спросила она.—Думаешь, я тебѣ въ этомъ не помощница?.. Нѣтъ, Вася, я хочу все дѣлить съ тобой. Не въ сладостяхъ однѣхъ любовь сидитъ. Если я тебѣ полчаса назадъ сказала, что безъ обезпеченія нельзя женщинѣ... вѣрь мнѣ... сколько бы у меня ни оказалось впослѣдствіи денегъ, я не для себя одной. Чего же тебѣ отъ меня скрытничать!

— Да я и не думаю, — мягко выговорилъ Теркинъ. — Тысячъ всего двадцати не хватаетъ. Остальное мнѣ повѣрятъ!.. Заработаемъ духомъ!

— Двадцать тысячъ, — глухо и вдумчиво произнесла Серафима.—Спасибо, что сказалъ.

Она стала его цѣловать много - много. Теркинъ отвелъ ее обѣими руками за плечи и сказалъ прерывисто:

— Сима!. Довольно!.. Такъ нельзя. Пожалѣй меня!..

— Прости, жизнь моя, прости!

— Проводи меня.

Теркинъ всталъ, и она тотчасъ же поднялась.

Оба пошли оттуда быстро и молча. Онъ чувствовалъ, что Серафима войдетъ къ нему. Былъ уже одиннадцатый часъ. Вездѣ стояла тишина, и только изъ увеселительнаго сада, гдѣ они когда-то встрѣтились, донесся раскатъ музыки.

Серафима у крыльца гостиницы припала головой къ его плечу, и у нея вырвался одинъ возгласъ:

— Вася!..

X.

Пароходъ „Бирючъ" опять пробирался по сомнительному плёсу, хотя и шелъ къ низовьямъ Волги и уже миновалъ двѣ-три большихъ стоянки.

Рано утромъ, на зарѣ, онъ тронулся съ послѣдней ночевки, гдѣ принялъ нѣсколько пассажировъ.

Въ числѣ ихъ былъ и Теркинъ. Онъ спалъ до пяти часовъ и, когда стало уже вечерѣть, вышелъ на палубу.

Проходили мимо гористыхъ береговъ, покрытыхъ лѣсомъ почти вровень съ водою. Теркинъ сѣлъ у кормы, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ русло сузилось и отъ лѣсистыхъ краевъ нагорнаго берега пошли тѣни.

— Василію Ивановичу! — окликнулъ его сверху жир-

нымъ, добродушнымъ звукомъ капитанъ Кузьмичевъ. — Какъ почивали?

— Превосходно! — отвѣтилъ Теркинъ и два раза кивнулъ ему головой.

Капитанъ прохаживался по правому кожуху и курилъ.

— Вотъ опять къ намъ угодили. Весьма радъ.

— И я также,—отвѣтилъ ему Теркинъ въ тонъ.

Ему въ самомъ дѣлѣ было пріятно, что онъ совершенно неожиданно попалъ на „Бирючъ". Ему казалось только страннымъ, почему этотъ пароходъ такъ поздно пришелъ въ тотъ губернскій городъ, гдѣ онъ сегодня чѣмъ свѣтъ сѣлъ на него.

— Вы, нешто, гдѣ застряли? — крикнулъ онъ снизу вверхъ капитану.

— И весьма!..

— Гдѣ же?

— У села Работокъ. Съ колесомъ вотъ съ этимъ бѣда приключилась. Цѣлую недѣлю валандались. Срочный грузъ должны были паузить.

— Дрянная посудина! — замѣтилъ хозяйскимъ тономъ Теркинъ.

— Мнѣ самому, Василій Ивановичъ, она оскомину набила.

Кузьмичевъ присѣлъ на корточки на край кожуха, свѣсивъ голову, и полушопотомъ пустилъ:

— Къ вамъ проситься буду...

— Милости прошу, — отвѣтилъ Теркинъ полушутливо, но тотчасъ же про себя прибавилъ: „тебя я не прочь взять, ты ловкій и душевный парень; только надо тебя будетъ маленько подтягивать".

— Спасибо на добромъ словѣ!

Глаза Кузьмичева весело заиграли; онъ, всегда красный, еще покраснѣлъ и молодцовато поднялся на ноги.

— Вы до Царицына съ нами?—спросилъ онъ еще возбужденнѣе.

— До Царицына.

— А „Батракъ" вашъ, поди, совсѣмъ готовъ, ждетъ только, какъ его въ купель опустятъ... За чѣмъ дѣло стало?

Теркинъ безъ словъ показалъ ему, что есть заминка въ деньгахъ, постукавъ правой кистью о ладонь лѣвой.

— Хе-хе!—раздался веселый смѣхъ капитана.—Вы это живой рукой оборудуете.

Въ его словахъ не было лести. Онъ дѣйствительно считалъ Теркина умнѣйшимъ и даровитѣйшимъ малымъ, вѣрилъ, что онъ далеко пойдетъ... „Ежели и плутовать будетъ, — говорилъ онъ о немъ пріятелямъ, — то въ мѣру, сохранитъ въ душѣ хоть махонькую искорку“...

Тонъ капитана пришелся Теркину по сердцу. И весь этотъ интимный разговоръ прошелъ безъ ближайшихъ свидѣтелей. Около никто не сидѣлъ, и чтобы не очень было слышно, Теркинъ придвинулся къ самому кожуху.

— Всякаго успѣха!—крикнулъ капитанъ, подошелъ къ периламъ рубки и что-то тихо сказалъ лоцману.

Теркинъ остался одинъ на этой половинѣ кормового борта. Ѣхало мало народу, и отъ товаровъ палуба совсѣмъ очистилась: которые сдали въ Нижнемъ, а которые должны были выгрузить въ селѣ Работкахъ, гдѣ съ „Бирючемъ“ стряслась бѣда.

Разговоръ о „Батракѣ“ и о его поѣздкѣ за деньгами вернулъ его мгновенно къ тому, что было тамъ, въ губернскомъ городѣ, у памятника, и у него, въ гостиницѣ.

Когда онъ вышелъ изъ каюты и сѣлъ у кормы, онъ ни о чемъ не думалъ, ничего не вспоминалъ; на него нашло особаго рода спокойствіе, съ полнымъ отсутствіемъ думъ. Воображеніе и чувства точно заснули.

Разговоръ съ Кузьмичевымъ вызвалъ разомъ все, съ чѣмъ онъ сѣлъ сегодня въ четвертомъ часу утра на пароходъ „Бирючъ“.

Онъ полонъ былъ Серафимой, и это его почти пугало... Она ему нравилась, тянула къ себѣ; обладать ею онъ мечталъ цѣлый годъ и съ каждымъ днемъ все страстнѣе, но онъ не воображалъ, чтобы въ ней онъ нашелъ столько прелести, огня, смѣлаго порыва, обаянія.

Онъ не понималъ даже, какъ могъ онъ оторваться отъ нея и попасть на пароходъ. Да и она, — скажи онъ слово, — осталась бы до поздняго часа, и тогда ея разрывъ съ мужемъ произошелъ бы сегодня же. Вѣдь нынче вечеромъ долженъ пріѣхать изъ Москвы Рудичъ. Но она ушла въ допустимый часъ — часа въ два. Въ такой часъ она могла, въ глазахъ прислуги, вернуться изъ сада или гостей.

Теркинъ безъ всякихъ разспросовъ вѣрилъ, что у нея до встрѣчи съ нимъ не было никого, а мужа она не любила, стало-быть, не могла испытывать никакого упоенія отъ его ласкъ. Она слишкомъ еще молода. Не успѣла она

приучиться къ чувственной лжи. И нельзя надѣвать на себя личину съ такой натурой.

Да, онъ почти пугался того, какъ эта женщина „захлеснула“ его.

Его торжество, какъ мужчины, полное. Стоитъ ему дать ей депешу изъ ближайшаго города, и она убѣжитъ.

И сегодня, прощаясь съ нимъ у крыльца гостиницы въ полусвѣтѣ занимавшагося утра, она говорила прерывающимся шопотомъ, пополамъ съ неслыханными имъ по звуку рыданіями.

— Вася! Я готова уѣхать съ тобой. На томъ же пароходѣ, такъ вотъ, какъ я есть... въ одномъ платьѣ... Но не будешь ли ты самъ упрекать меня потомъ за то, какъ я обошлась съ мужемъ? Я ему скажу, что люблю другого и не хочу больше жить съ нимъ. Надо его дождаться... Для тебя я это дѣлаю...

И она не лгала. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы страсть женщины, съ которою онъ счетомъ встрѣчался четыре раза въ жизни, достигла такого предѣла.

Въ себѣ онъ не чувствовалъ еще ни охоты, ни силъ какъ-нибудь оглядѣться, подумать о послѣдствіяхъ. Связь уже держала его точно въ клещахъ, но эти клещи были полны неизвѣданной сладости. И долго ли онъ будетъ такъ захваченъ—онъ не зналъ и не хотѣлъ себя допрашивать.

Подъ навѣсомъ, между кожухами, на фонѣ пролета, гдѣ помѣщается машина и куда заходили лучи вечерняго солнца, отдѣлилась мужская фигура.

Пассажиръ лѣтъ за пятьдесятъ, съ ожерельемъ сѣдѣющей бороды, — остальное все было выбрито, — въ бѣломъ картузѣ и камлотовой коричневой шинели. Лицо его землистаго цвѣта какъ бы свело изнутри, такъ что ротъ пошелъ весь складками, и подъ нижней губой лежала очень замѣтная морщина. Онъ прищуривался противъ солнца изъ-подъ длиннаго козырька картуза, обшитаго также бѣлымъ ластикомъ. Глаза, безъ рѣсницъ, слезились,—желтоватые, проницательные и съ воспаленными вѣками. Изъ-подъ фуражки виднѣлись темнорусые волосы, еще безъ сѣдины, и полоска лысины вдоль ободка ея.

Шинель держалась на его плечахъ въ накидку, застегнутая, и подъ галстукомъ блеснулъ ободокъ креста, съ лентой какого-то ордена.

Весь онъ отзывался провинціей, смотрѣлъ запоздалымъ губернскимъ чиновникомъ.

Постоялъ онъ нѣсколько минутъ, глядя вздъ парохода на уходившіе гористые берега, и вдругъ кашлянулъ протяжно, въ носъ, и совершенно на особый ладъ.

Теркинъ былъ какъ бы разбуженъ этимъ необычайнымъ звукомъ и быстро поднялъ голову.

Пассажиръ въ камлотовой шинели стоялъ близко отъ него и профиль подъ тѣнью козырька первый былъ схваченъ Теркинымъ.

„Кто это?—чуть не вслухъ выговорилъ онъ.—Фрошка?..“

Точно желая убѣдиться въ томъ, что онъ не ошибается, Теркинъ даже протеръ глаза и подался впередъ всѣмъ корпусомъ.

Камлотовая шинель повернулась въ полъ-оборота.

„Онъ!..“—вскричалъ про себя Теркинъ, и весь захолодѣлъ.

Въ одинъ мигъ все, чѣмъ онъ былъ сейчасъ переполненъ, отлетѣло, и вслѣдъ затѣмъ краска разлилась по его щекамъ.

Пассажиръ еще разъ кашлянулъ, сплюнулъ, запахнувшись въ шинель, пошелъ ускореннымъ шагомъ къ рубкѣ и скрылся въ дверяхъ ея.

„Фрошка, Фрошка! Съ орденомъ на шеѣ! Онъ! Онъ!“—повторялъ Теркинъ и такъ взволновался, что всталъ и началъ ходить по палубѣ.

XI.

Въ господинѣ съ орденомъ на шеѣ онъ призналъ „Фрошку“: такъ они звали въ гимназіи надзирателя и учителя, Фрументія Лукича Перновскаго. Изъ-за него онъ вылетѣлъ изъ гимназіи, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

Внезапное появленіе „лютаго врага“ захватило Теркина всего. Исторія его исключенія запрыгала въ его мозгу въ образахъ и картинахъ съ начала до конца.

Отъ волненія онъ долженъ былъ даже присѣсть опять на скамейку, подальше, у самой кормы. Онъ поборолъ въ себѣ желаніе пойти сейчасъ въ каюту убѣдиться, что это дѣйствительно Перновскій, заговорить съ нимъ.

Это не уйдетъ

Онъ былъ тогда въ шестомъ классѣ и собирался въ университетъ черезъ полтора года. Отцу его, Ивану Прокофьичу, приходилось ужъ больно жутко отъ односель-

чанъ. Пошли на него навѣты и формениые доносы, изъ-за которыхъ онъ, два года спустя, угодилъ на поселеніе. Дѣла тоже приходили въ разстройство. Маленькое спичечное заведеніе отца еле-еле держалось. Надо было искать уроковъ. Отъ платы онъ былъ давно освобожденъ, какъ хорошій ученикъ, ни въ чемъ еще не попадавшійся.

Начальство, особливо наставники, не очень-то его долюбливали, проговаривались, что крестьянскимъ дѣтямъ нечего лѣзть въ студенты, что, молъ, это только плодить въ обществѣ „неблагонамѣренныхъ честолюбцевъ“. Такія фразы доходили до учениковъ изъ засѣданій педагогическихъ совѣтовъ, — неизвѣстно, какими каналами, но доходили.

При гимназіи состоялъ пансіонъ, учрежденный на дворянскія деньги. Дѣтей разночинцевъ туда не принимали— исключеніе дѣлали для нѣкоторыхъ семей въ городѣ изъ именитыхъ купцовъ. Дворяне жили въ смежномъ зданіи, приходили въ классы въ курточкахъ, за что не мало надъ ними потѣшались, и потомъ уже стали носить блузы.

Въ своемъ классѣ Василій Теркинъ считался „биткòй“ за смѣлость, физическую силу, рѣчистость, отличную память и товарищескій духъ. Что бы ни затѣвалось сообща—онъ всегда былъ во главѣ.

Изъ „дворянчиковъ“ у него въ низшихъ классахъ водились пріятели. Къ нимъ его тянуло сложное чувство. Ему любо было знаться съ ними, сознавая свое превосходство, даромъ, что онъ пріемышъ крестьянина, бывшаго крѣпостного, и даже „подкидышъ“, значитъ, незаконный сынъ какой-нибудь солдатки или того хуже.

Разъ,—онъ уже перешелъ въ четвертый классъ,—одинъ второклассникъ подбѣжалъ къ нему и кинулъ въ лицо:

— Теркинъ! ты...

Ругательное слово крикливо раздалось по всему классу. Теркинъ схватилъ его за шиворотъ и въ полуоткрытую дверь вышвырнулъ въ коридоръ, гдѣ тотъ чуть не расшибся въ кровь, упавъ на чугунныя плиты. Но тотъ не посмѣлъ бѣжать жаловаться—его избили бы товарищи; они всѣ стали на сторону Теркина, хотя и знали давно, кто онъ, какого происхожденія...

Съ той поры онъ и самъ перестадъ скрывать, что онъ „пріемышъ“: крестьянскаго рода онъ никогда не стыдился. Въ классѣ онъ былъ настоящій, тайный „старшой“, хотя старшимъ считался, въ глазахъ начальства, другой

ученикъ, и товарищи поговаривали, что онъ ведетъ „кондуитный списокъ“ для инспектора и часто захаживаетъ къ живущимъ на квартирахъ безъ родителей вовсе не за тѣмъ, чтобы покурить или чайку напиться, а чтобы все высмотрѣть и разузнать. За это всѣ его въ насмѣшку прозвали „туторъ“—слово, начинавшее тогда входить въ моду; оно пришло изъ Москвы и десятки лѣтъ не было извѣстно гимназистамъ; считалось всегда кутейническимъ, семинарскимъ.

Въ старшихъ классахъ учителями-наставниками были неизвѣстно какого происхожденія Виттихъ и Перновскій, вотъ этотъ самый „Фрошка“, изъ духовнаго званія, онъ же состоялъ и въ надзирателяхъ въ дворянскомъ пансіонѣ. Съ Виттихомъ классъ еще ладилъ, нимало не боялся, слишкомъ скоро раскусилъ его. Виттихъ самъ заговаривалъ съ учениками и въ классѣ, и на улицѣ; только про него давно толковали, что онъ „переметная сума“—въ глаза лебезитъ, „голубчикомъ“ называетъ, а директору все доноситъ и въ совѣтѣ, при обсужденіи отмѣтокъ за поведеніе, наговариваетъ больше всѣхъ остальныхъ.

Въ пансіонѣ водилось между учениками двухъ старшихъ классовъ, что имъ надзиратели и даже учителя взаймы деньги давали,—правда, безъ процентовъ. Изъ пансіона перешло это и въ гимназію, къ ученикамъ изъ мелко-чиновничьихъ дѣтей и разночинцевъ.

Сначала дворянскія дѣти изъ уѣздовъ начали просить, когда изъ деревни запаздывала присылка карманныхъ денегъ.

— Поѣду на вакаціи! Клянусь Богомъ, привезу, дайте зелененькую!

Кто былъ помягче—давали, да и риску большого не предвидѣли. Съ вакацій воспитанникъ пріѣдетъ навѣрно при деньгахъ, можно было и родителямъ написать. До этого, однако, никто себя не доводилъ.

Потомъ и приходящіе гимназисты, изъ разночинцевъ, стали занимать. У Виттиха можно было раздобыться скорѣе, чѣмъ у другихъ, около двадцатаго числа. Всѣ почти учителя давали взаймы. Щедрѣе былъ учитель математики. У него Теркинъ шелъ первымъ и въ университетъ готовилъ себя по физико-математическому факультету, чтобы потомъ перейти въ технологическій или въ путейцы.

Только одному учителю нельзя было и заикнуться о „перехватѣ“ денегъ—Перновскому. Весь классъ его ненавидѣлъ, и Перновскій точно услаждался этой ненавистью. Прежде, по разсказамъ тѣхъ, кто кончилъ курсъ десять лѣтъ раньше, такихъ учителей совсѣмъ и не водилось. Въ нихъ ученики зачуяли что-то фанатическое и безпощадное. Перновскій съ перваго же года,—его перевели изъ-за Москвы,—показалъ, каковъ онъ и чего отъ него ждать...

Уже и тогда Перновскій смотрѣлъ такимъ же старообразнымъ и высохшимъ, а ему не было больше тридцати трехъ-четырехъ лѣтъ; только на щекахъ у него показывалась часто подозрительная краснота съ кровяными жилками...

Изъ пансіонеровъ Теркинъ дружилъ всего больше съ „Петькой“ Звѣревымъ, изъ богатенькихъ помѣщичьихъ дѣтей. Отецъ его служилъ предводителемъ въ дальнемъ заволжскомъ уѣздѣ. Звѣревъ былъ долговязый рыжій веснущатый малый, картавый и смѣшливый, съ дворянскими замашками. Но передъ Теркинымъ онъ пассовалъ, считалъ его первой головой въ гимназіи; къ переходу въ пятый классъ, когда науки стали „доѣзжать“ его, съ нимъ репетировалъ Теркинъ за хорошую плату.

Они оба слегка покучивали—не то чтобы пьянство или другое что̀: общая страсть къ бильярду, а бильярдъ неразлученъ съ посѣщеніемъ трактировъ.

Ихъ обоихъ наслѣдилъ Перновскій и хотя поймать не поймалъ, но въ слѣдующемъ же засѣданіи совѣта заявилъ, что воспитанникъ дворянскаго пансіона Петръ Звѣревъ и ученикъ гимназіи Василій Теркинъ посѣщаютъ трактиры.

Теркина Перновскій особенно донималъ: никогда не ставилъ ему „пяти“, говорилъ и въ совѣтѣ, и въ классѣ, что у кого хорошія способности, тотъ обязанъ вдесятеро больше работать, а не хватать все на-лету. Съ усмѣшкой своего злобнаго рта онъ процѣживалъ съ каѳедры:

— Университетское образованіе — не для всѣхъ, господа. Только избранные должны подниматься до высшихъ ступеней.

А всѣмъ отлично было извѣстно, что самъ онъ — сынъ дьячка; и эти „рацеи“ вмѣстѣ съ „пакостными“ отмѣтками дѣлали иной разъ то, что весь классъ былъ къ

концу его урока въ настроеніи, близкомъ къ школьному бунту.

Теркину онъ началъ-было говорить „ты", желая, видно, показать ему, что тотъ, какъ мужицкій сынъ, долженъ выносить такое обращеніе безропотно. Пошли къ инспектору,—даже не допустили Теркина,—и сказали, что они этого за своего товарища выносить не могутъ.

Инспекторъ попросилъ „аспида" не говорить Теркину „ты". Послѣ того Перновскій каждый разъ, какъ вызывалъ его, только тыкалъ пальцемъ по направленію къ первой партіи и кидалъ:

— Теркинъ!.. Къ доскѣ!

Отвѣчать у доски считалось почти унизительнымъ.

XII.

Заняли они съ Звѣревымъ у Виттиха передъ зимними вакаціями—одинъ пять рублей, другой—десять.

Сильно захотѣлось Теркину повидаться со своими; уроки какъ-то не задавались въ ту зиму, просить отца о присылкѣ денегъ онъ не хотѣлъ, да и хорошо зналъ, что не изъ чего.

Взялъ онъ десять рублей, съѣздилъ, свезъ старухѣ, названной матери, фунтикъ чаю; вернулся оттуда безъ всякаго подарка, кромѣ разной домашней ѣды. Уроки опять нашлись, но расквитаться съ долгомъ ему нельзя было тотчасъ же послѣ Новаго года. Онъ извинился передъ Виттихомъ. Тотъ ничего, балагурилъ, сказалъ даже:

— Вы-то бѣдный, а вотъ вашъ товарищъ, Звѣревъ,—тому непростительно быть неисправнымъ. О своемъ долгѣ онъ молчитъ.

Звѣревъ могъ бы, конечно, расплатиться. Онъ привезъ съ собою больше тридцати рублей, да проигралъ на бильярдѣ. Теркинъ ему немного попенялъ.

— За мной не пропадетъ. Нѣмчура, небось, знаетъ, что я не нищій.

И вдругъ узнаютъ они, что на совѣтѣ, гдѣ обсуждали полугодовые баллы за поведеніе, Теркинъ и Звѣревъ получили всего три съ плюсомъ; и постарался объ этомъ добро бы Перновскій, а то Виттихъ.

Онъ сказалъ при директорѣ и инспекторѣ:

— И Теркинъ, и Звѣревъ съ дурными склонностями—слова своего не держатъ. Ни тотъ, ни другой не отдаютъ мнѣ долга вотъ уже который мѣсяцъ.

Цѣлую недѣлю слѣдили они за нимъ. Звѣреву, живнему въ пансіонѣ, было удобнѣе подглядывать, куда Виттихъ пойдетъ.

И выслѣдили. Они его выждали за угломъ,—это было въ сумерки,—и въ узкомъ темномъ коридорчикѣ напали, со словами:

— Ябедничать!

— Полноте, господа! Полноте! Ваша судьба теперь въ моихъ рукахъ: стòитъ мнѣ подняться къ директору—и вы погибли!

Теркинъ ничего на это не сказалъ.

— Вотъ что, господа,—заговорилъ Виттихъ громкимъ шопотомъ. — Вы, во всякомъ случаѣ, погибли. Хотите пойти вотъ на что: что сейчасъ вышло — умретъ между нами. Я буду молчать—молчите и вы!

Въ полутемнотѣ Теркинъ не могъ отчетливо видѣть лицъ Виттиха и Звѣрева, но ему показалось, что его пріятель первый пошелъ на это, прежде чѣмъ спросилъ:

— Вася! какъ ты скажешь?

Что было ему сказать? Изъ-за него быть выгнаннымъ, а то и того хуже—рѣшительно не стòитъ.

— Поклясться-то поклянется,—выговорилъ онъ,—а выдать можетъ, подъ шумокъ, разлюбезнымъ манеромъ.

— Ладно! Посмотримъ! — сказалъ задорно Звѣревъ, а самъ былъ радъ-радешенекъ, что исторія кончилась такъ, а не иначе.

Они оба были увѣрены, что ни одна душа ничего не видала и не слыхала. Въ классѣ Виттихъ велъ себя осторожно и сталъ какъ будто даже мирволить имъ: спрашивалъ рѣже и отмѣтки пошли щедрѣе. Какъ надзиратель— въ пансіонѣ обходился съ Звѣревымъ попрежнему, балагурилъ, разспрашивалъ про его деревню, родныхъ, даже про бильярдную игру.

И такъ шло мѣсяца два. Другъ друга они успокоивали: Виттиху прямой расчетъ молчать. Откройся исторія, хотя бы и не черезъ него, ихъ выключатъ, да и ему хода не будетъ, въ инспекторы не попадетъ.

Вообще онъ сдѣлался добрѣе, и классъ его полюбилъ, сравнивалъ съ „изувѣромъ" Перновскимъ.

Виттихъ и Перновскій не терпѣли одинъ другого. Изъ-за количества уроковъ они безпрестанно подставляли другъ другу ножку. Перновскій читалъ въ старшемъ отдѣленіи. На первые два года по его предмету бывалъ всегда осо-

бый преподаватель, всего чаще инспекторъ или директоръ. А тутъ Виттихъ захватилъ себѣ ловко и незамѣтно и эти часы; Перновскій еще ядовитѣе возненавидѣлъ его, хотя снаружи они какъ будто и ладили.

Въ началѣ поста дядьку, стараго унтера Силантія, за продолжительныя провинности уволили. Въ день его ухода изъ пансіона онъ, сильно выпивши, пошелъ прощаться съ воспитанниками и съ учителями. Началъ онъ съ наставниковъ — ихъ было трое; у всѣхъ былъ, кромѣ Виттиха. И, прощаясь съ Перновскимъ, говорилъ ему:

— Вы, Фрументій Лукичъ, язвительный человѣкъ. И ко мнѣ всегда были не въ примѣръ строги. А я вотъ пришелъ прощаться съ вами; къ господину Виттиху, хоть тотъ и подобрѣе, я не пойду.

И тутъ же Силантій разсказалъ спьяна, что онъ собственными ушами слышалъ, какой между воспитанниками и Виттихомъ состоялся уговоръ.

Силантій хоть и говорилъ, что Виттихъ добрѣе, но онъ на него всего больше былъ золъ и, зная его нравъ, подозрѣвалъ, что изъ-за „оговоровъ“ Виттиха его разочли.

Для Перновскаго это было слишкомъ на-руку, да онъ и помимо того не упустилъ бы никогда ничего подобнаго безъ разоблаченія.

Онъ доложилъ директору и предупредилъ, по-товарищески, своего соперника. Директоръ хотѣлъ сначала замять дѣло, но черезъ того же Перновскаго узналъ, что и въ классахъ и въ дортуарахъ объ этомъ уже пошли толки.

— Ну, Вася, мы пропали!

На этотъ возгласъ пріятеля Теркинъ, не колеблясь ни секунды, отвѣтилъ:

— Теперь надо осрамить Перновскаго при всѣхъ. Давай бросать жребій.

Сдѣлали они нарѣзку на одной изъ „семитокъ“ и бросили ихъ въ фуражку, встряхнули раза два и уговоръ былъ—въ одинъ мигъ выхватить монету.

Съ нарѣзкой вынулъ Звѣревъ и поблѣднѣлъ, но притворился, что онъ „биткà“, и вскричалъ:

— Я, такъ я!..

Но не выдержалъ и чуть не расплакался.

— Страшно?—спросилъ его Теркинъ.

— Страшно, Вася...

Звѣревъ схватилъ его за руки, хотѣлъ поцѣловать и разрюмился окончательно.

— Тебѣ все равно отвѣчать. Коли исключатъ тебя — вотъ тебѣ крестъ, мамаша тебя не оставитъ!..

— Ну, ладно! Только смотри, Петька: я себя не продаю ни за какія благостыни... Будь что будетъ—не пропаду. Но смотри, ежели отецъ придетъ въ разореніе и мнѣ нечѣмъ будетъ кормить его и старуху-мать, и ты или твои родители на попятный дворъ пойдете, открещиваться станете—молъ, знать не знаемъ,—ты отъ меня не уйдешь живой!

И такъ грозно онъ это сказалъ, что Звѣревъ началъ креститься и клясться. Ему даже противно стало.

— Ладно. Завтра же! Фроша меня вызоветъ къ доскѣ навѣрняка.

XIII.

На второй урокъ пришелъ Перновскій и первымъ же вызвалъ Теркина къ доскѣ.

Землистыя щеки Перновскаго, его усмѣшка и выраженіе глазъ, остановившихся на немъ, заставили его покраснѣть. У него даже заволокло зрѣніе, и онъ въ два скачка очутился у каѳедры...

Звуки ругательнаго слова гулко раздались въ воздухѣ... Учитель вскочилъ, схватился одной рукой за уголъ каѳедры, а другой оттолкнулъ Теркина...

Началось дѣло. Сидѣнье въ карцерѣ длилось больше двухъ недѣль. Допрашивали, дѣлали очныя ставки, добивались того, чтобы онъ, кромѣ Звѣрева, — тотъ уже попался по исторіи съ Виттихомъ, — выдалъ еще участниковъ заговора, грозили ему, если онъ не укажетъ на нихъ, водворить его на родину и заставить волостной судъ наказать его розгами, какъ наказываютъ взрослыхъ мужиковъ. Но онъ отрѣзалъ имъ всего одинъ разъ:

— Я одинъ надумалъ. Ни Звѣрева, ни кого другого я въ это не впутывалъ.

Звѣрева онъ по второму дѣлу все-таки не выгородилъ: ясно было, что и тотъ хотѣлъ отомстить Перновскому.

Отцу Теркина, Ивану Прокофьеву, не давали знать и не вызывали его больше недѣли. Потомъ ему написалъ одинъ изъ товарищей сына. Старикъ пріѣхалъ, больной, безъ денегъ, кинулся къ начальству, началъ-было, по своей пылкой натурѣ, ходить по городу и кричать о неправдѣ.

И съ пріемышемъ своимъ ему не позволяли видѣться въ первые дни.

Теркинъ заболѣлъ не притворно, а въ самомъ дѣлѣ, и его положили въ лазаретъ при пансіонѣ, въ особой комнатѣ, куда остальныхъ, кто лежалъ изъ воспитанниковъ, не пускали.

У отца онъ, когда тотъ пришелъ къ нему, сталъ горячо просить прощенія.

— О васъ съ мамынькой,— онъ выговаривалъ по-деревенски, когда былъ со своими, — не подумалъ, тятенька, простите! Ученье мое теперь пропало. Да я самъ-то не пропалъ еще. И во мнѣ вы оба найдете подпору!.. Вѣрьте!..

И когда онъ эти слова говорилъ Ивану Прокофьичу, то совсѣмъ и не подумалъ о клятвахъ Звѣрева насчетъ денежной поддержки его старикамъ. Не очень-то онъ и впослѣдствіи надѣялся на слова Звѣрева, да такъ оно и вышло на дѣлѣ.

Иванъ Прокофьичъ, прощаясь съ пріемышемъ, сказалъ ему:

— Вася!.. Ты хоть не кровный мой сынъ, а весь въ меня!

Мать сильно сокрушалась, лежала разбитая, цѣлые дни разливалась-плакала. Это Теркина еще больше мозжило, и какъ только уѣхалъ домой отецъ, ему начало дѣлаться хуже. Хоть онъ все время былъ на ногахъ, но докторъ опредѣлилъ воспаленіе легкаго.

Бредъ начался у него. Онъ слегъ и добрую недѣлю то и дѣло терялъ сознаніе. Его перестали вообще безпокоить.

Звѣрева просто исключили, безъ права принимать въ ту же гимназію; хлопотали отецъ и губернскій предводитель. Да и не хотѣлось начальству, чтобы разнеслась исторія съ Виттихомъ. Виттиха, однако, уволили черезъ два мѣсяца, а Перновскій самъ подалъ прошеніе объ отпускѣ и перевелся куда-то далеко, за Уралъ.

Послѣ кризиса Теркинъ сталъ поправляться, но его „закоренѣлость“, его бодрый непреклонный духъ и смѣлость подались. Онъ совсѣмъ по-другому началъ себя чувствовать. Впереди—точно яма. Вся жизнь загублена. Съ нимъ церемониться не будутъ, исполнятъ то, что „аспидъ“ совѣтовалъ директору: по исключеніи изъ гимназіи передать губернскому начальству и отдать на судъ въ волость, и тамъ, для острастки и ему, и „смутьяну“ Ивану Прокофьеву, отпустить ему „сто лозановъ“, благо онъ считалъ себя богатыремъ.

Съ каждымъ днемъ своего выздоровленія все сильнѣе убѣждался онъ въ томъ, что такъ именно и будетъ. Сначала высѣкутъ въ волостной избѣ, продержатъ въ холодной, а потомъ приговоръ постановятъ: сослать его на поселеніе.

Ему это представлялось ярко, въ образахъ. Онъ видѣлъ рожи всѣхъ враговъ Ивана Прокофьева и вожаковъ, и горлановъ изъ голытьбы, слышалъ ихъ голоса на сходкѣ. Давно они лютою злобою дышатъ на его отца, не разумѣя въ своей тупости и подлости, что онъ одинъ на всемъ селѣ истинный радѣтель за правду и справедливость. Да имъ какое до этого дѣло!.. Такого случая унизить и донять Ивана Прокофьева сходъ не упуститъ, а въ судьяхъ сидятъ его отъявленные „вороги“: Павелъ Разсукинъ да Поликарпъ Стежкинъ. И глоова — ихъ человѣкъ, плутъ, подлая душонка, Степанъ Малмыжскій. Тотъ на всякое гнусное дѣло пойдетъ, только бы ему выслужиться передъ начальствомъ.

Не за себя его страшило все это, а больше за стариковъ. Ихъ это убьетъ. Иванъ Прокофьевъ не стерпитъ, подниметъ гвалтъ, проштрафится, его самого могутъ сослать. Старуха умретъ съ горя, въ нищетѣ.

Потомъ и за себя ему дѣлалось страшно и тяжко до нестерпимаго отчаянія. Цѣлыя ночи напролетъ онъ метался одинъ на своей лазаретной койкѣ.

Вѣдь у него теперь никакихъ правъ нѣтъ!.. Будутъ его „пороть“. Это слово слышитъ онъ по ночамъ—точно кто произноситъ надъ его ухомъ. Мужикъ! Безправный! Ссыльный по приговору односельчанъ! Вся судьба въ корень загублена. А въ груди трепещетъ жажда жизни, чувствуешь обиду и позоръ. Уходитъ навсегда дорога къ удачѣ, къ наукѣ, ко всему, на что онъ считалъ уже себя способнымъ и призваннымъ.

На пятый день такихъ мукъ его на разсвѣтѣ пронизала мысль:

„Лучше съ собой покончить!“

Ея онъ не испугался. Какъ ни великъ будетъ для его стариковъ ударъ—самоубійство пріемнаго сына,—но все-таки онъ не сравнится съ тѣмъ, черезъ что они могутъ пройти, если его накажутъ въ волости и сошлютъ...

Да и большой храбрости не нужно, чтобы съ собою покончить.

Мысль начала входить въ его мозгъ, какъ входитъ што-

поръ въ пробку, стойко, упорно, пока не довела до безповоротнаго приговора воли.

Но револьвера негдѣ достать. Веревку легче, но какъ? Подкупить сторожа? При немъ состоялъ особый унтеръ, суровый и полуглухой. Съ нимъ надо кричать. Изъ товарищей къ нему никого не пускали.

Голова работала днемъ и ночью. Жажда покончить съ собою все росла и переходила въ ежеминутную заботу. Выздоровленіе шло отъ этого туго: опять показалось кровохарканье, температура поднялась, ночью случался бредъ. Онъ страшно похудѣлъ; но ему было все равно,—только бы уйти „отъ жизни“.

XIV.

При лазаретѣ состоялъ фельдшеръ, по фамиліи Терентьевъ, изъ питомцевъ воспитательнаго дома. О его происхожденіи Теркинъ давно зналъ, и это ихъ сблизило. Вѣдь и его отнесла бы мать въ воспитательный, родись онъ не въ селѣ, а въ Москвѣ или въ Петербургѣ.

Терентьевъ ухаживалъ за нимъ и жалѣлъ его.

И докторъ, когда болѣзнь Теркина выяснилась, требовалъ отъ начальства гимназіи, чтобы Теркина оставили въ покоѣ, не запугивали его и не держали бы, какъ арестанта.

Терентьевъ давалъ Теркину книжки, видя, что онъ впадаетъ въ уныніе, по цѣлымъ днямъ лежитъ или ходитъ молча. Въ госпиталѣ домашняя аптечка помѣщалась рядомъ, въ проходной комнатѣ.

Съ лѣкарствами этой аптечки Теркинъ хорошо ознакомился. Тутъ были все невинныя средства, но онъ разглядѣлъ въ углу и порядочную склянку съ опіумомъ.

Частенько шкапчикъ оставался безъ ключа. Да фельдшеръ и не могъ имѣть никакихъ подозрѣній. Не станетъ же больной воровать спиртъ и разбавлять его водой—онъ не пьющій, да и вообще, по его мнѣнію, „натура благородная и пылкая“.

Не трудно было Теркину отлить половину опіума въ пузырекъ и поставить склянку въ уголъ такъ, чтобы она не бросалась въ глаза.

Вечеромъ того дня докторъ заѣхалъ часу въ девятомъ, посмотрѣлъ температуру, справился объ аппетитѣ и прописалъ микстуру противъ безсонницы.

Уходя, онъ сказалъ ему, выславъ фельдшера:

— Послушайте, Теркинъ... не кривя душой, я могу васъ продержать здѣсь до Пасхи. Но не дольше. Можетъ-быть, еслибъ вы торжественно повинились...

— Ни за что!

Докторъ, кажется, испугался выраженія его лица и поспѣшилъ прибавить:

— Какъ знаете. Только здоровье-то надо возстановить. Что̀ бы съ вами не сталось, это вашъ единственный капиталъ.

Въ девять ушелъ фельдшеръ; сторожъ ночевалъ рядомъ, въ передней. Въ четверть десятаго Теркинъ сразу выпилъ все, что было въ пузырькѣ. Думалъ онъ написать два письма: одно домой, старикамъ, другое—товарищамъ; кончилъ тѣмъ, что не написалъ никому. Чего тутъ объясняться? Да и не дошли бы ни до стариковъ, ни до товарищей письма, какія стоило оставлять послѣ своей добровольной смерти.

Онъ ждалъ ее храбро, рука у него не дрогнула, когда выливалъ въ ротъ густую жидкость. Чуть не поперхнулся, но проглотилъ все.

И терпѣлъ, пока была возможность... А все-таки не отравился. Начались припадки; сторожъ побѣжалъ за фельдшеромъ; тотъ тотчасъ же распозналъ въ чемъ дѣло, но не донесъ. Даже доктора просилъ отъ себя—затушить дѣло, не доводить до директора.

Докторъ согласился, только замѣтилъ Теркину:

— Не слѣдовало бы насъ подводить, господинъ Теркинъ.

Больше ничего не прибавилъ; приказалъ фельдшеру наблюдать за больнымъ какъ можно внимательнѣе; высказалъ даже, съ-глазу-на-глазъ опасеніе, не начинается ли у Теркина какой-нибудь болѣзненный процессъ въ мозгу.

Терентьевъ этого не думалъ, но онъ воспользовался словами доктора.

— Знаете, что, Василій Ивановичъ,—заговорилъ онъ разъ подъ вечеръ, сидя на краю койки больного. — Вамъ не уйти съ вашимъ характеромъ отъ большого наказанія... Вы это чувствуете... Не даромъ вы на свою жизнь посягали. Одно средство, — продолжалъ онъ, — выиграть время и, быть-можетъ, совсѣмъ оправдаться—это... это...

Онъ не сразу выговорилъ.

— Что̀ такое?—спросилъ Теркинъ, не ожидая ничего стоящаго.

— Могутъ ваше состояніе признать ненормальнымъ... понимаете? У нашего Павла Сергѣевича,—такъ звали доктора,—есть нѣкоторыя сомнѣнія на этотъ счетъ.

Фельдшеръ пристально и долго на него смотрѣлъ. Въ глазахъ было желаніе помочь бѣдпягѣ, разумѣется, такъ, чтобы тотъ его не выдалъ.

Ничего ему не сказалъ на это Теркинъ. Слова Терентьева запали ему въ душу.

Еще двѣ ночи безъ сна,—на него и хлоралъ уже плохо дѣйствовалъ,—и весь онъ запылалъ новой неудержимой злобой ко всему, что̀ привело его къ попыткѣ самоубійства и казало впереди розги волостного правленія, можетъ, и ссылку административнымъ путемъ.

Подвернулся лазаретный унтеръ, сталъ за что-то ворчать. Онъ бросился на него, и если бы не прибѣжавшій фельдшеръ, смялъ бы старика.

Съ того дня и Терентьевъ уже искренно подозрѣвалъ, что онъ находится въ „ирритаціи“, близкой къ припадкамъ бурнаго сумасшествія. Докторъ склонялся къ тому же мнѣнію.

Болѣзнь уходила; Теркинъ ѣлъ и спалъ лучше, но съ каждымъ днемъ онъ казался страннѣе, говорилъ ни съ чѣмъ „несуразныя“ вещи, — такъ докладывалъ о немъ унтеръ и не на шутку побаивался его.

Даже по прошествіи десяти слишкомъ лѣтъ Теркинъ не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, чего въ немъ было больше—притворства или настоящей психопатіи? По крайней мѣрѣ, въ первые дни послѣ того, какъ онъ бросился на лазаретнаго сторожа, и докторъ съ Терентьевымъ начали вѣрить въ его умственное разстройство; быть-можетъ, одна треть душевнаго недомоганія и была, но долю притворства онъ не станетъ и теперь отрицать. Въ немъ сидѣла тогда одна страстная мысль:

„Все равно погибать!.. Такъ лучше уже, разъ не привелось покончить съ собою въ лазаретѣ, отдалить минуту расправы, если удастся попасть въ сумасшедшій домъ. Тамъ или онъ покончитъ съ собою, или ему удастся, по прошествіи года, уйти отъ позорящаго наказанія. Просто, оставятъ его въ покоѣ и выпустятъ на волю, какъ неопаснаго душевно-больного“.

Ему довольно легко удавалось продѣлывать разныя „штуки“. Онъ и самъ не ожидалъ, что окажутся въ немъ такіе таланты по этой части; ничего особенно скандаль-

наго онъ не выкидывалъ, но цѣлый день говорилъ вслухъ, пѣлъ или упорно молчалъ и смотрѣлъ въ одну точку... Терентьевъ уже окончательно рѣшилъ, что его „юный благопріятель“—совсѣмъ „швахъ“.

Докторъ практически не занимался психіатріей, но такъ же, какъ и фельдшеръ, читалъ много „новыхъ книжекъ“ и, по добротѣ и гуманности своей, признавалъ для такого пылкаго субъекта, какъ Теркинъ, достаточно мотивовъ, чтобы молодой душевный организмъ былъ глубоко потрясенъ.

Онъ не настаивалъ на формальномъ освидѣтельствованіи и перевелъ Теркина въ земскую больницу, гдѣ состоялъ ординаторомъ по другому, терапевтическому отдѣленію.

Ординаторъ, завѣдывавшій палатами умалишенныхъ, заинтересовался Теркинымъ. Это былъ фанатикъ своей науки, склонный видѣть душевное разстройство во всякомъ нервномъ индивидѣ. Онъ возмущался тѣмъ, что больница на его отдѣленіи содержалась скаредно, грязно, по-старинному, и какъ онъ ни бился—не могъ ее безъ средствъ и безъ помощниковъ поставить на другую ногу. И прислуга привыкла обходиться съ больными грубо. Теркинъ сейчасъ же испыталъ это на себѣ. Его повели въ ванную. Онъ, должно-быть, нашелъ нужнымъ „показать себя“ и толкнулъ одного изъ дядекъ. Тѣ его побили. Онъ пришелъ въ неистовство, и на него надѣли „рубашку“, прежде чѣмъ докторъ явился на зовъ дежурнаго фельдшера.

Его помѣстили хоть и не въ темную, но въ нумеръ безъ мебели, съ однимъ тюфякомъ на полу, въ какихъ содержатся „буйные“, и начали наблюдать надъ нимъ черезъ дырочку въ двери.

Лежаніе на грязномъ тюфякѣ, безъ бѣлья, и снованіе взадъ и впередъ по узкой и мрачной конурѣ такъ его измучили, что онъ измѣнилъ свою систему, попросилъ прощенія у доктора и обѣщалъ быть тихонькимъ.

Свое слово онъ сдержалъ, и ему не нужно было особенно усердствовать по части притворства. Психіатръ увѣровалъ въ то, что имѣетъ дѣло съ характерной формой „спорадическаго аффекта“, которая можетъ перейти въ манію, можетъ и поддаться лѣченію. Онъ говорилъ вездѣ, въ клубѣ, у знакомыхъ, у товарищей по практикѣ, что мальчикъ Теркинъ былъ уже подверженъ припадкамъ

когда на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ два раза набуянилъ.

Такъ протянулось еще два мѣсяца. Вдругъ психіатра назначаютъ директоромъ образцоваго дома умалишенныхъ въ одной изъ сосѣднихъ губерній. Пріѣхалъ Иванъ Прокофьевъ и сталъ умолять доктора перевести и его Васю туда же. Съ отцомъ Теркинъ мрачно молчалъ, но ему удалось написать и передать ему записочку въ три слова: „Папенька, все обойдется".

XV.

Жаркимъ лѣтомъ водворили его въ образцовомъ сумасшедшемъ домѣ.

Обширная усадьба, нѣсколько деревянныхъ бараковъ, два-три большихъ каменныхъ корпуса, паровая машина стучитъ цѣлый день, освѣщеніе электрическое, въ кухнѣ все стряпаютъ на пару, даже жаркое выходитъ готовымъ изъ парового шкапа; вокругъ поля есть запашка, рига, скотный дворъ, кузница. Въ каждомъ отдѣленіи—мужскомъ и женскомъ—мастерскія. Буйные особо, и у нихъ садики, гдѣ ихъ держать въ хорошую погоду почти цѣлый день. Ему предложилъ директоръ выбрать какое-нибудь ремесло. Онъ взялъ кузнечное.

Съ дѣтства его влекло къ кузнецамъ, „ковалямъ", какъ говаривали въ его селѣ Кладенцѣ и въ окружной мѣстности, да и физической силы у него было достаточно.

Директоръ не сразу согласился. Подержали его сперва на испытаніи въ другой мастерской, столярной, сказали ему:

— Здѣсь полегче работа, да и поинтереснѣе, а народъ все тихій.

Въ первые дни Теркинъ не вѣрилъ своимъ глазамъ: ни мрачнаго нумера съ вонючимъ тюфякомъ, ни рѣшетокъ, ни звѣрскихъ дядекъ: ходи, гдѣ дозволено, по двору, по саду, работай въ полѣ, на гумнѣ или въ мастерской. Онъ боялся заглядывать въ отдѣленіе буйныхъ, и въ то же время его тянуло туда.

Заборъ садика женщинъ шелъ вдоль межи и неглубокаго рва. По ту сторону начиналась запашка. Разъ онъ приложился глазомъ къ щели... Стоялъ яркій знойный день. Солнце такъ и обливало весь четыреугольникъ садика. Только тамъ не было ни одного деревца. Впо-

слѣдствіи онъ узналъ, что женщины выдергивали деревца съ корнями. Начальство побилось-побилось, да такъ и бросило.

Картина на первый взглядъ самая обыкновенная. Бродятъ женщины, иныя въ ситцевыхъ распашныхъ капотахъ, а то просто въ длинныхъ рубахахъ, простоволосыя или покрытыя платками; нѣкоторыя о босу ногу сидятъ и на землѣ или валяются, поютъ, бормочутъ. Но когда онъ, не отрывая глаза отъ щели въ заборѣ, сталъ вглядываться въ этихъ женщинъ, еще незнакомый ему ужасъ безумія заползалъ ему внутрь, и губы его явственно вздрагивали.

Прямо къ нему лицомъ лежала на разрытой землѣ, въ рваной рубахѣ, баба лѣтъ за сорокъ, ожирѣлая, съ распущенными сѣдѣющими волосами, босая, очень грязная. Лежала она наполовину ничкомъ, лѣвой рукой ковыряла въ землѣ и выла.

Этого вытья онъ не забудетъ до смертнаго часа, ни землистаго лица безумной бабы, ни блеска глазъ, уходившихъ съ выраженіемъ боли и злобы въ ту сторону, откуда онъ глядѣлъ въ расщелину забора.

И другая, вправо, около угла,—тоже въ рубашкѣ, простоволосая и босая,—прислонилась къ забору, уперлась лбомъ о бревно и колыхалась всѣмъ тѣломъ, изрѣдка испуская звуки — не то плачъ, не то смѣхъ. Это было на разстояніи одного аршина отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ.

Впервые пронизала его мысль, грозная и ясная, точно смертный приговоръ:

„И ты можешь такимъ же быть, особливо здѣсь!“

Была минута, когда онъ готовъ былъ побѣжать къ директору, упасть передъ нимъ на колѣни и закричать:

— Спасите!.. Я лжецъ, обманщикъ, я только притворяюсь душевно-больнымъ! Выдайте меня начальству! Пускай оно дѣлаетъ со мною, что хочетъ!

Вѣдь здѣсь онъ либо дѣйствительно помутится, либо кончитъ самоубійствомъ, украдетъ веревку или расшибетъ себѣ голову о наковальню, когда ему позволятъ заняться кузнечнымъ дѣломъ.

Но другая, такая же почти строгая и ясная мысль обдала его холодомъ:

„Бѣги, кайся! Такъ тебѣ и повѣрили! Мало здѣсь подневольныхъ жильцовъ, доказывающихъ, что они въ здра-

вомъ умѣ и твердой памяти! Ты повинишься, а твою повинную господа ученые психіатры примутъ за новый приступъ безумія".

Ничего не могъ онъ возразить вѣскаго противъ такого довода.

Онъ самъ видѣлъ, что возможно и безъ особенной ловкости ввести въ обманъ докторовъ. Разубѣдить же ихъ будетъ гораздо мудренѣе. Если директоръ догадывался, что въ немъ на двѣ трети, а то и вполнѣ дѣйствуетъ притворство,—надо выдержать, помириться по малой мѣрѣ съ полугодовымъ срокомъ, исподволь сбрасывать съ себя притворное тихое безуміе, помочь директору, если тотъ желаетъ заблуждаться изъ доброты и жалости къ нему. Протянется цѣлый годъ—и тогда одинъ фактъ, что онъ высидѣлъ такъ долго въ сумасшедшемъ домѣ, покроетъ всѣ его проступки. Исключить исключатъ, но безъ вольчьяго паспорта.

Позднѣе, онъ пересталъ бояться своихъ товарокъ по заключенію; только къ буйнымъ мужчинамъ никогда не заглядывалъ.

Тихія женщины даже интересовали его. Съ самыми курьезными онъ водилъ дружбу, насколько возможно было подъ надзоромъ. За нимъ перестали пристально слѣдить со второго же мѣсяца послѣ того, какъ его пустили въ кузницу.

До сихъ поръ живьемъ прыгаютъ передъ нимъ двѣ фигуры. Одна то и дѣло бродила по рощѣ, гдѣ тихія сидѣли и въ жаръ нѣкоторыя шили или читали. Она не могла уже ни работать, ни читать. На головѣ носила она соломенную шляпу высокимъ конусомъ, съ широкими полями, и розовую ситцевую блузу. Выдавала себя за княжну Тараканову.

— Я не потонула, — повторяла она, — князь Орловъ хотѣлъ меня загубить, но онъ же и погибъ отъ любви ко мнѣ.

И воображала, что всѣ изнывали отъ любовной страсти къ ней, хотя и скрывали это всячески.

Другая, въ дворянской общей палатѣ, тихая, чопорная, изъ старыхъ дѣвъ, разорившаяся по проискамъ родственниковъ. Обо всемъ она говорила довольно толково и всегда отборными фразами; но стбило только какому-нибудь стороннему посѣтителю зайти въ палату, она останавливала

его и жаловалась на то, что ея вещи продавали сегодня утромъ въ соборѣ.

— Въ соборѣ? — изумленно переспрашивалъ ее посѣтитель.

— Да-съ, за ранней обѣдней, мою гипюровую мантилью и шубку продавали съ аукціоннаго торга.

— Вы вѣдь не были тамъ?

— Нѣтъ-съ; но мнѣ прибѣжали доложить, и мантилью всю искромсали, бахрома общипана, изъ шубки мѣхъ повыдерганъ.

Уходилъ посѣтитель — она становилась разсудительна и даже хорошо умѣла гадать, помнила, что каждая карта обозначаетъ; могла раскладывать и гранпасьянсъ.

Въ столярной мастерской его поставили за одинъ верстакъ съ молодымъ еще сельскимъ „батюшкой“.

Обликъ священника поразилъ и привлекъ его сходствомъ съ одною фигурою на картинѣ Иванова—Теркинъ видѣлъ хорошія ея фотографіи.

Звали его отецъ Веніаминъ. Онъ началъ съ религіозныхъ галлюцинацій, слышалъ ночью голоса, то райскіе, то діавольскіе; проходилъ и черезъ манію преслѣдованія.

Когда Теркинъ всталъ противъ него за верстакъ, отецъ Веніаминъ былъ уже на пути къ излѣченію, — такъ думали директоръ и ординаторъ, — но держалъ онъ себя все-таки странно: усиленно молчалъ, часто улыбался, отвѣчая на собственныя мысли, говорилъ черезчуръ тихо для мастерской, гдѣ стоялъ всегда шумъ отъ пилъ, рубанковъ, деревянныхъ колотушекъ, прибиванія гвоздей желѣзными молотками. Онъ точно чего-то боялся и съ своимъ новымъ товарищемъ по верстаку разговаривалъ односложно, въ видѣ маленькихъ вопросовъ, и то когда было меньше народу въ столярной. Въ глазахъ его Теркинъ не замѣчалъ ничего враждебнаго себѣ; напротивъ, больной взглядывалъ на него иногда съ улыбкой, показывалъ ему какъ обходиться съ инструментами, называлъ ихъ всегда отрывисто и быстро.

— Это шерхѣбель, — скажетъ онъ вдругъ и ткнетъ пальцемъ, длиннымъ и прозрачнымъ, въ рубанокъ особой формы.—Вонъ тотъ зынцубель.

Разъ прибавилъ:

— И кто это надавалъ такихъ именъ! Неблагозвучно!

Цѣлыми днями Теркинъ наблюдалъ его про себя.

Передъ нимъ неизмѣнно, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, стоялъ образецъ настоящаго душевно-больного, тихаго, способнаго выздоровѣть. Онъ не говорилъ и не дѣлалъ ничего дикаго или смѣшного; но чѣмъ больше изучалъ его Теркинъ, тѣмъ отчетливѣе выдѣлялись передъ нимъ мины, звуки, взгляды, движенія, какихъ „не сочинишь" по собственному произволу. Онъ могъ усвоить ихъ себѣ. Все это ему пригодится. Но его не оставляла боязнь — вмѣстѣ съ игрой лица и манерой держать себя самому не впадать въ психопатію.

Нѣтъ-нѣтъ и поднимется въ немъ совѣсть, и онъ готовъ покаяться отцу Веніамину въ своемъ притворствѣ. Тотъ, дѣйствительно, былъ страдалецъ, а онъ — обманщикъ. Его удерживало непріязненное чувство къ „долгополой породѣ" еще съ дѣтства, когда онъ босикомъ бѣгалъ по улицамъ и издали кидалъ всякія обидныя прозвища дьячкамъ и понамарямъ двухъ церквей села Кладенца.

Кое-что, однако, отлиняло на него, отъ работы за однимъ верстакомъ. И онъ сталъ говорить отрывисто и часто усмѣхаться безъ всякаго повода. Онъ зналъ, что это ему не повредитъ.

XVI.

Въ кузницѣ его поставили за одну наковальню съ Капитономъ, неизлѣчимымъ больнымъ, изъ отставныхъ солдатъ, бывшимъ всю свою жизнь кузнецомъ, сначала въ деревнѣ, потомъ въ уланскомъ полку.

Капитона доктора считали совсѣмъ безобиднымъ, любили его за веселый нравъ и послушаніе.

Большого роста, еще не старый, съ обличьемъ солдата, въ бородкѣ, подъ гребенку остриженный, онъ то и дѣло смѣялся и разсуждалъ за работой; въ свободные отъ работы часы ходилъ подбоченясь развалистой поступью, туда и сюда, въ поля, на гумно, въ другія мастерскія, вызывался молотить, или вѣять, или косить, смотря въ какую пору. Онъ же исправлялъ и всякія починки по телѣжной части.

Его узкіе темные глазки, всегда прищуренные отъ свѣта, слезились и подмигивали. Капитонъ никогда не носилъ шапки, даже зимой, и постоянно кожаный фартукъ поверхъ синей холщевой блузы.

Съ Теркинымъ у него съ перваго же дня пошли лады.

— Тебя какъ звать?

Капитонъ только что его училъ: ловчѣе колотить по раскаленному куску желѣза; они „наваривали“ сломавшуюся телѣжную ось.

— Василій.

— А по батюшкѣ, значитъ?

— Иванычъ.

— Такъ вотъ я тебѣ что скажу, Иванычъ: ты меня слушайся, не перечь, и выйдетъ изъ тебя кузнецъ заправскій.

Въ томъ, что̀ Капитонъ говорилъ по своему главному „рукомеслу“, Теркинъ ничего не могъ подмѣтить безумнаго. Но *какъ* онъ это говорилъ—другое дѣло. Скажетъ одну фразу дѣльно и даже съ тонкимъ пониманіемъ работы, и сейчасъ же, какъ только ушелъ въ сторону, и начнется возбужденная болтовня, всегда одного и того же характера.

Капитонъ былъ фантазёръ на хозяйственныя темы.

Все бы онъ тутъ передѣлалъ по-своему. Онъ не бранилъ порядковъ, какіе заведены по полевымъ работамъ и мастерскимъ, но устроилъ бы это по-другому.

И вотъ въ такихъ-то фантазіяхъ и сказывался его „пунктикъ“. Совсѣмъ нелѣпыхъ, дикихъ вещей, если ихъ брать отдѣльно, у него не выходило; но всѣ его мечтанія принимали огромные размѣры, и всего чаще трудно было догадаться, о чемъ собственно онъ толкуетъ, тѣмъ болѣе, что Капитонъ безпрестанно вплеталъ воспоминанія изъ полковой жизни по городамъ и селамъ, въ лагеряхъ, на маневрахъ, разговаривалъ вслухъ съ своими товарищами и начальниками, точно будто они стояли тутъ передъ нимъ.

И работа съ Капитономъ могла оказаться Теркину на руку.

Черезъ два-три мѣсяца онъ отлично овладѣлъ обѣими формами душевнаго разстройства: и молчаливымъ, какъ у отца Веніамина, и болтливо-возбужденнымъ, какъ у отставного унтеръ-офицера Капитона Мусатова. Онъ держался первой формы: она была удобнѣе и вѣрнѣе. Директоръ врядъ ли подозрѣвалъ его: обращался съ нимъ ласково, предлагалъ даже перевести въ привилегированное отдѣленіе и бросить тяжелое кузнечное дѣло.

— Мнѣ такъ хорошо, спасибо,—отрывисто благодарилъ

его каждый разъ Теркинъ и больше ничего не говорилъ.

До него доходило черезъ дядекъ, что директоръ его хвалитъ за трудолюбіе, за нежеланіе поступить на положеніе привилегированныхъ больныхъ, читать книжки, ничего не дѣлать, жаловаться и всячески надоѣдать.

Его и не тянуло къ книжкамъ. Онѣ ему напомнили бы только ненавистную школу. И разговоровъ съ образованными больными онъ избѣгалъ, хотя многіе лебезили, выспрашивали его, клянчили папиросочку, приставали съ разными своими глупостями, ругали докторовъ.

На нѣсколькихъ онъ далъ окрикъ, и его сторонились.

Такъ протекло около полугода. Съ наступленіемъ зимы жить стало тѣснѣе; приходилось сидѣть частенько въ камерахъ. Кузнечная работа сократилась на половину. Попросилъ и онъ „книжки почитать". Надежда высидѣть благополучно больше года и выйти на волю безъ волчьяго паспорта все крѣпла въ немъ.

Своимъ старикамъ онъ писалъ каждый мѣсяцъ по нѣскольку строкъ, успокоивалъ ихъ, но воздерживался отъ всего, что могло показаться подозрительнымъ, слишкомъ умнымъ и складнымъ для душевно-больного.

Послѣ Новаго года старшій ординаторъ обмѣнялся мѣстомъ съ врачомъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга.

Теркинъ, какъ только тотъ въ первый разъ пришелъ къ нимъ въ камеру и задалъ ему два-три вопроса, почуялъ, что это—будущій врагъ.

Его потрясло и то, что психіатръ, по фамиліи Несвѣтовъ, напоминалъ учителя Перновскаго и тономъ и даже лицомъ. И онъ оказался „изъ кутейниковъ".

Предчувствіе не обмануло. Несвѣтовъ узналъ исторію юноши и выбралъ его предметомъ своихъ упорныхъ наблюденій.

По нѣскольку разъ на недѣлѣ онъ началъ подвергать его настоящимъ допросамъ.

Теркинъ увидѣлъ, что Несвѣтовъ не вѣритъ въ его психическую болѣзнь и хочетъ ловить его на противорѣчіяхъ научнаго характера.

Но какія это противорѣчія? Онъ не могъ знать. Книжекъ по психіатріи ему не доводилось читать, а здѣсь ихъ ему и подавно не дадутъ. Въ нихъ онъ, разумѣется, нашелъ бы, что съ чѣмъ вяжется и какихъ проявленій держаться, если остановишься на одномъ какомъ-нибудь типѣ умопомѣшательства.

Когда Несвѣтовъ взбѣситъ его ехиднымъ вопросомъ, онъ пускалъ въ ходъ возбужденіе, болталъ всякій вздоръ, въ родѣ своего пріятеля Капитона; доходилъ разъ до попытки на большую „ирритацію“. Но на другой день проницательный психіатръ сказалъ ему:

— Теркинъ! вы недостаточно искусно притворяетесь. У васъ то изъ одной оперы, то совсѣмъ изъ другой... Лучше было бы сознаться по доброй волѣ; а то не нынче-завтра васъ освидѣтельствуютъ построже.

Онъ это сказалъ съ глазу на глазъ и директору врядъ ли докладывалъ въ такомъ именно смыслѣ. Опасность росла съ каждымъ днемъ. Сталъ онъ замѣчать, что и директоръ иначе съ нимъ держится и совсѣмъ не тѣ вопросы задаетъ, какъ прежде.

Злобное чувство, съ родни тому, что̀ жило въ немъ и тогда еще къ Перновскому, подсказало ему доказать психіатру свое безуміе.

Ударить его чѣмъ ни попало сзади по мозжечку такъ, чтобы психіатръ самъ попалъ въ сумасшедшій домъ... Что ему за это будетъ? Онъ—невмѣняемъ; иначе зачѣмъ же его держать здѣсь? Ну, подержатъ въ секретѣ, и все обойдется; просидитъ онъ лишній годъ, зато никто уже не будетъ сомнѣваться, здоровъ онъ или боленъ... Это лучше, чѣмъ подбить другого, хоть бы того же Капитона. И тому новый докторъ не нравился.

Но врачъ былъ прозорливъ. И онъ почуялъ въ свою очередь, какія чувства возымѣлъ къ нему Теркинъ, и сталъ до нельзя остороженъ.

Одно время и совсѣмъ его какъ бы не замѣчалъ.

Директоръ къ посту уѣхалъ въ командировку за границу осматривать образцовые дома и лѣчебницы; вернуться долженъ былъ уже къ Троицѣ. Несвѣтовъ заступилъ его мѣсто.

Когда директоръ прощался съ больными, онъ Теркину сказалъ, глядя на него пристально:

— Вашимъ физическимъ здоровьемъ я доволенъ. Можетъ-быть, и вообще вамъ достаточно сидѣть у насъ...

„Понимай, молъ, какъ знаешь!“

Нѣсколько ночей ломалъ себѣ Теркинъ голову: не начать ли самому проситься на выписку? Но онъ боялся, что Несвѣтовъ подставитъ ему ногу.

Черезъ недѣлю, не больше, Несвѣтовъ пригласилъ мѣстнаго крупнаго чиновника по медицинской части, подвелъ

его къ Теркину и сталъ задавать самые коварные вопросы.

Отвѣчать на нихъ здраво Теркинъ не рѣшился и повторилъ опять одинъ изъ своихъ пріемовъ: то молчалъ, то возбужденно болталъ.

Доктора переглянулись, и въ концѣ мѣсяца его освидѣтельствовали. Несвѣтовъ далъ отъ себя подробный отзывъ, что онъ считалъ Теркина притворяющимся съ самаго поступленія въ сумасшедшій домъ.

Онъ ссылался и на мнѣніе директора. Другой ординаторъ подтвердилъ это.

На освидѣтельствованіи Теркинъ держался ловко—цѣлый годъ ученья не пропалъ даромъ. Но обличителю удалось убѣдить членовъ присутствія: его признали притворно-больнымъ и выдали опять на руки начальству.

Отъ „волчьяго паспорта" Теркинъ не ушелъ. Его выслали въ село по этапу и выдали волостнымъ властямъ, закоренѣлымъ „ворогамъ" его пріемнаго отца, тогда совсѣмъ больного, впавшаго въ бѣдность, разореннаго непомѣрными поборами съ его домишка и заведенія, шедшаго въ убытокъ.

И все испытанное прежде стушевалось передъ тѣмъ, черезъ что прошелъ онъ на родинѣ, въ селѣ Кладенцѣ.

XVII.

Ни отца, ни матери къ нему не допустили, продержали больше недѣли въ холодной на хлѣбѣ и на водѣ и повели въ правленіе сѣчь.

Никогда его не наказывали розгами ни дома, ни въ гимназіи. И каждый разъ, какъ онъ вспомнитъ всю сцену этой экзекуціи, кровь бросится ему въ голову и въ вискахъ забьются жилы.

Пустая горница въ старомъ графскомъ „Приказѣ", съ лавками по стѣнамъ, два окна противъ двери, икона въ правомъ углу. Сѣренькій холодный денекъ. Горница не протоплена, и въ ней онъ вздрагиваетъ и видитъ на полу два пучка розогъ.

Тутъ старшина, сельскій староста, двое судей, писарь, два десятника—они будутъ его наказывать.

Старшина, пройдоха и взяточникъ Степанъ Малмыжскій—мелкій прасолъ, угодникъ начальства, сумѣвшій увѣрить „горлопановъ", что имъ только и держатся оба сельскихъ общества, на которыя раздѣлено село Кладенецъ. Какъ ярко врѣзалась въ память Теркина рыжая весну-

щатая рожа Малмыжскаго и его „спинжакъ" и картузъ на ватѣ, сережка въ лѣвомъ ухѣ, трепаная двуцвѣтная бородка... Кажется, каждый волосокъ въ этой бородкѣ онъ могъ бы перечесть. Стоитъ ему закрыть глаза—и сейчасъ же старшина передъ нимъ, какъ живой.

Двое судей въ верблюжьихъ кафтанахъ. Оба—пьянчуги, изъ самыхъ отчаянныхъ горлопановъ, на отца его наускивали міръ; десятки разъ дѣло доходило до драки; одинъ—черный, высокій, худой; другой—съ брюшкомъ, въ „гречюшникѣ": такъ называютъ по-ихнему высокую крестьянскую шляпу. Фамиліи ихъ и имена всегда ему памятны; разбуди его ночью и спроси: какъ звали судей, когда его привели наказывать?—онъ выговоритъ духомъ: Павелъ Разсукинъ и Поликарпъ Стежкинъ.

Они сидѣли около старшины, на правой скамьѣ отъ двери.

Сельскаго старосту онъ не такъ отчетливо помнитъ. Онъ считался „пустельгой"; передъ тѣмъ онъ только что былъ выбранъ. Но домъ его Теркинъ до сихъ поръ помнитъ—надъ обрывомъ, въ концѣ того порядка, что̀ идетъ отъ монастырской ограды. Звали его Егоръ Туляковъ. Живъ онъ или умеръ—онъ не знаетъ; остальные навѣрно еще живы.

Живъ и писарь Силоамскій. Тоже изъ кутейниковъ!.. Онъ былъ самымъ лютымъ ненавистникомъ его отца. Тотъ безъ счету разъ на сходкахъ ловилъ эту „семинарскую выжигу" въ мошенническихъ продѣлкахъ и подвохахъ, въ искаженіи текста приговоровъ и числа выборныхъ голосовъ, во всякихъ каверзахъ и обманахъ. Но писарь держался прочно; безъ него старшина, полуграмотный, не могъ шагу ступить, а судьи были вовсе неграмотные.

И наружность Силоамскаго, какимъ его увидѣлъ, войдя въ горницу, могъ бы Теркинъ нарисовать въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Средняго роста, сутулый, съ перекошеннымъ лѣвымъ плечомъ, бритое и прыщавое лицо, бѣлобрысые усики, воспаленные глаза и гнилые зубы, волосы длинные, за уши. И на немъ былъ „спинжакъ", только другого цвѣта, а поверхъ чуйка, накинутая на плечи, вязаный шарфъ и большіе сапоги. Онъ постоянно откашливался, плевалъ и курилъ папиросу. Подъ лѣвой мышкой держалъ онъ тетрадь въ переплетѣ.

— Ну-съ, ваше степенство,—обратился къ нему пер-

вый писарь, — не благоугодно ли вамъ будетъ разоблачиться?

Старшина и судьи переглянулись.

Язвительный тонъ писаря и его хриплый голосъ обдали Теркина холодомъ и жаромъ. Розги лежали передъ нимъ. Если бъ онъ могъ, онъ схватилъ бы за горло негодяя, который издѣвался надъ нимъ передъ казнью.

Руки его стягивалъ кушакъ. Два десятника плотно налегли на него съ обѣихъ сторонъ.

— Господинъ старшина! — произнесъ онъ твердо, — съ писаремъ вашимъ я не желаю разговаривать. Но отъ васъ я въ правѣ требовать отвѣта: по какому праву вы подвергаете меня такому наказанію?

— Права захотѣлъ! Вишь какой шустрый!—зубоскалили оба судьи.

Старшина выговорилъ съ усмѣшкой:

— А вотъ ты, милый другъ, почуешь по какому праву, когда тебя хорошенько отполосуютъ.

— Развязать?—спросилъ писаря одинъ изъ десятниковъ.

— И такъ побудетъ,—отозвался старшина, — а то еще драться полѣзетъ.

— Отъ большой учености!—издѣвался писарь.—Всякую премудрость проходилъ.

Десятники начали стаскивать съ него пальто и разстегивать все, что нужно было.

Была минута,—онъ еще стоялъ,—когда ноги его дрогнули и похолодѣли. Въ глазахъ стало темнѣть. Позоръ наказанія обдалъ его гораздо бо̀льшимъ ужасомъ, чѣмъ мысль потерять разумъ въ сумасшедшемъ домѣ. Это онъ прекрасно сознавалъ.

— Что кочевряжишься! — крикнулъ ему кто-то. — Ложись!.. Ты думаешь: въ барчуки попалъ, такъ тебя и пальцемъ не тронь?.. Небось! Будешь знать, паря, какъ на̀большимъ дерзить да потомъ блажь на себя облыжно напускать.

Онъ уже лежалъ на вонючей рогожкѣ.

Въ воздухѣ свистнулъ размахъ розги. Онъ закрылъ глаза и закусилъ губы до крови, чтобы не крикнуть.

И пролежалъ все время молча, судорожно переводя дыханіе; слезы потекли у него изъ глазъ подъ самый конецъ.

Не успѣлъ онъ одѣться—уже съ развязанными руками—въ горницу вбѣжалъ отецъ его.

— Злодѣи! Душегубы!..

Негодующіе крики Ивана Прокофьева слышны ему до сихъ поръ. И внѣшность отца осталась въ его сердцѣ, какою она была въ ту минуту: широкое сѣрое пальто, черный галстукъ, подъ самый подбородокъ, пуховая смятая шляпа, огромный ростъ, возбужденное неправильное лицо, выпуклый лобъ съ проборомъ низкихъ волосъ, носъ луковкой, огромные глаза, борода полусѣдая двумя мочалками.

Дѣло чуть не дошло до рукопашной. Отца скрутили тутъ же и повели въ темную. И его опять посадили: въ общемъ гвалтѣ онъ замахнулся на одного изъ судей, когда тотъ такъ и лѣзъ на Ивана Прокофьева и взялъ-было его за шиворотъ.

Ихъ каждаго особо продержали еще сутокъ двое.

Сидя опять въ темной, онъ ревѣлъ отъ злости и негодованія, впадалъ въ припадки настоящей ярости. Ничѣмъ уже нельзя было смыть позорнаго клейма.

Его „отодрали“ розгами, какъ послѣдняго пропойцу или воришку. Тогда ему не пришло ни разу въ голову, что въ той же горницѣ сѣкли безъ счету самыхъ тихихъ и безобидныхъ мужиковъ только за то̀, что они во̀-время не уплатили мірскихъ поборовъ. Онъ на всю свою жизнь получилъ отвращеніе къ этому „міру“. Все, что́ онъ въ журналахъ и газетахъ читалъ сочувственнаго крестьянской самоуправѣ, вылетѣло разомъ и перешло въ страстное стремленіе—уйти изъ податного сословія во что бы то ни стало, правдой или неправдой; оградить себя службой или деньгами отъ новаго позора.

Вмѣстѣ съ отцомъ отвели ихъ домой. Старуха Домна Архиповна повисла ему на шею и лишилась чувствъ. Она и всегда была хилая и въ молодости считалась „кликушей“.

Первымъ словомъ отца было:

— Ну, Вася! Не могу я тебя похвалить за то, что ты больше года личину на себѣ носилъ,—это, братъ, хуже всего остального. Вѣдь вороги-то мои хотѣли донять меня тѣмъ, что надъ тобой Шемякинъ судъ справили!

Пришлось бы имъ совсѣмъ плохо, если бъ не вступился за нихъ новый членъ по крестьянскому присутствію. Отца на время оставили въ покоѣ, а его отпустили на сторону.

Задержи его тогда міръ, не выдай ему паспорта—онъ бы бѣжалъ.

Черезъ годъ досталъ онъ на дальней желѣзной дорогѣ мѣсто и быстро пошелъ въ гору. Одинъ изъ подрядчиковъ взялъ его къ себѣ въ подручные съ процентомъ сверхъ жалованья.

Тѣмъ временемъ отца сослали по приговору на поселеніе, какъ „смутьяна“, возмущающаго противъ властей, когда онъ всю свою жизнь стоялъ за строжайшее исполненіе закона.

Только черезъ три года удалось ему вернуть его съ поселенія, съ опухшими ногами, съ водянкой въ груди.

Продали старики свой давно выкупленный домишко съ ветхимъ сараемъ, гдѣ было когда-то спичечное заведеніе. Онъ перевезъ ихъ въ городъ. Черезъ полгода похоронилъ отца. Старуха поскрипѣла еще года два. Онъ ей выстроилъ избушку около того кладбища, гдѣ лежитъ „смутьянъ“...

XVIII.

— Задумались, Василій Ивановичъ?

Теркина разбудилъ отъ думъ, всколыхнувшихъ все его прошлое, возгласъ капитана Кузьмичева.

Тотъ стоялъ надъ нимъ, широко разставивъ ноги, въ томъ же картузѣ съ ремешкомъ, большихъ сапогахъ и коричневой визиткѣ.

— Да... Вышла у меня здѣсь курьезная встрѣча!

— А чаишку грѣшнаго не благоугодно?

На это Теркинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ, кажется, и не разслышалъ приглашенія капитана.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ къ кормѣ.

— Андрей Ѳомичъ! — началъ Теркинъ и оглянулся.—Вы примѣтили пассажира въ камлотовой шинели? Чинушомъ смотритъ?

— Съ орденомъ на шеѣ?

— Да, да!

— Какъ же не примѣтить!

— Онъ гдѣ сѣлъ?

— Въ Ярославлѣ, кажется. И какое, я вамъ скажу, животное! Между Василемъ и Казанью я его чуть не высадилъ на берегъ, въ десятомъ часу вечера. У насъ тамъ тоже заминочка вышла. Посидѣли на перекатѣ, такъ малость... съ четверть часа, не больше. Такъ ка̀къ бы вы

думали?.. Этотъ чипушъ началъ вдругъ вмѣшиваться и ко мнѣ съ требованіями предъявляться. Какъ, молъ, вы такъ оплошно дѣйствуете?.. Я заявленіе сдѣлаю въ газетахъ. Ахъ, молъ, ты такой-сякой! Я на него и прикрикнулъ маленько. Онъ не унялся. Сейчасъ чиномъ величаться сталъ. Статскій совѣтникъ онъ, видите ли; изволитъ прослѣдовать въ Сибирь!..

— Онъ! Онъ!—перебилъ Теркинъ разсказъ капитана.

— Вы нешто его знаете?

— А какъ бы вы думали, кто эта камлотовая шинель?

Капитану было извѣстно кое-что изъ прошедшаго Теркина. Объ ученическихъ годахъ они не такъ давно говорили. И Теркинъ разсказывалъ ему свою школьную исторію; только врядъ ли помнилъ тотъ фамилію „аспида“. Они оба учились въ ту эпоху, когда между классомъ и учителями такого типа, какъ Перновскій, росла взаимная глухая непріязнь, доводившая до взрывовъ. О прежнихъ годахъ, когда учителя дружили съ учениками, они только слыхали отъ тѣхъ, кто ранѣе ихъ на много лѣтъ кончали курсъ.

Кузьмичевъ не догадывался однако.

— Тотъ самый Перновскій, изъ-за котораго меня выгнали. Вы помните?

О томъ, что его наказывали розгами въ волости, Теркинъ никогда и никому не признавался.

— Быть не можетъ!

— Я не могу ошибиться. Да онъ и мало измѣнился.

Они повернули къ рубкѣ.

— И у васъ, поди, всю внутренную перевернуло отъ одного взгляда на этого субъекта?

— Повѣрите ли,—отозвался Теркинъ, сдерживая звукъ голоса,—вѣдь больше десяти лѣтъ минуло съ той поры— и такъ меня всего захватило!.. Вотъ проходилъ и просидѣлъ на палубѣ часа два. Ужъ солнце садиться стало. А я ничего и не замѣтилъ, гдѣ шли, какими мѣстами.

— Такъ, такъ,—говорилъ ласково капитанъ и глядѣлъ игривыми глазками на Теркина.—Понимаю васъ, Василій Иванычъ...

— Теперь такой господинъ для меня—мразь и больше ничего!.. Но надо же было этой физіи очутиться предо мной вонъ тамъ въ ту минуту, когда я былъ въ самомъ такомъ настроеніи...

Теркинъ не досказалъ. О любви своей онъ не началъ

бы изливаться даже и такому хорошему малому, какъ Кузьмичевъ.

Съ какой стати? Во-первыхъ, капитанъ въ скоромъ времени можетъ попасть въ его подчиненные, а во-вторыхъ, Теркинъ давно держался правила—о сердечныхъ дѣлахъ не болтать лишняго. Онъ считалъ это большой „пошлостью“.

Солнце совсѣмъ уже сѣло за луговой берегъ. Теркинъ не ошибся: два часа пролетѣли незамѣтно въ образахъ прошлаго.

— Гдѣ же онъ?—спросилъ капитанъ, оглядываясь въ обѣ стороны.

— Навѣрно, чай пьетъ.

— Не хотите ли спуститься въ общую каюту? Мнѣ занятно было бы при васъ, Василій Иванычъ, посшибить съ него форсу... Пройтись въ комическомъ родѣ...

— Пойдемте!

Въ громкомъ возгласѣ Теркина вырвался наплывъ еще не заснувшаго чувства. Онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи устроить встрѣчу Перновскаго съ своимъ бывшимъ питомцемъ.

Можетъ-быть, въ другое время и не на пароходѣ, а гдѣ-нибудь въ театрѣ, въ вагонѣ, у знакомыхъ, онъ бы и оставилъ въ покоѣ „аспида“. Но къ давней обидѣ, разбереженной встрѣчей съ нимъ, прибавилась еще и досада на то, что фигура въ камлотовой шинели вышибла его изъ сладко-мечтательнаго настроенія.

Спускался онъ въ каюту, и по всему тѣлу у него пошли особаго рода мурашки — мурашки задора, приготовленія къ чему-то такому, гдѣ онъ отведетъ душу, испробуетъ свой нравъ! Онъ зналъ, что въ немъ есть доля злобности, и не стыдился ея.

Въ каютѣ стоялъ двойственный полусвѣтъ. Круглыя оконца пропускали его съ одной стороны, другая была тѣневая, отъ высокихъ холмовъ. Пароходъ шелъ близко къ берегу.

Направо и налѣво тянулись узкіе обѣденные столы. За лѣвымъ сидѣли два купца и офицеръ и пили пиво. На дальнемъ углу праваго стола, дѣйствительно, пилъ чай пассажиръ съ крестомъ на шеѣ.

Шинель онъ положилъ на табуретъ и снялъ картузъ. Голова оказалась лысая; передніе волосы онъ слѣва на-

право примазывалъ къ лысинѣ на старинный фасонъ, съ низкимъ проборомъ надъ лѣвымъ ухомъ.

Теркинъ и капитанъ вошли, остановились и обмѣнялись взглядами.

— Экземпляръ! — шопотомъ сказалъ капитанъ и крикнулъ въ дверку буфета: — Илья!.. Снаряди-ка намъ чаю порцію. Со сливками и сухарей, коли есть, а то такъ булку.

— Слушаю-съ, Андрей Ѳомичъ, — откликнулся лакей изъ буфета.

— Туда пройти? — спросилъ полушопотомъ капитанъ и показалъ рукой на тотъ уголъ, гдѣ размѣстился Перновскій.

Теркинъ протѣснился между столами и диванами и сѣлъ въ аршинъ разстоянія отъ Перновскаго; капитанъ — противъ него, у одной изъ колонокъ, поддерживающихъ потолокъ каюты.

Оба они обнажили головы. Безъ шляпы Теркинъ сейчасъ же дѣлался моложе года на два, на три. У капитана маковка рѣдѣла.

Кажется, Перновскому не очень понравилось, что они сѣли близко отъ него. Онъ посмотрѣлъ на нихъ вкось, оттянулъ нижнюю губу къ одному углу и прошелся фуляровымъ платкомъ по вспотѣвшей лысинѣ.

Пилъ онъ чай основательно, уже больше получаса; спрашивалъ и второй чайникъ горячей воды. Изъ собственной фляжки онъ подливалъ что-то темное въ стаканъ, должно-быть, ромъ.

На его сухомъ, но плечистомъ туловищѣ подержанный дорожный сюртукъ сидѣлъ мѣшковато. Грудь прикрывала не первой чистоты рубашка, и крестъ спускался ниже, чѣмъ его обыкновенно носятъ.

Лакей подалъ чай, заказанный Кузьмичевымъ.

— Прикажете мнѣ заварить, Василій Иванычъ? — громко спросилъ капитанъ.

— Пожалуйста.

Отвѣтъ Теркина заставилъ Перновскаго обернуть голову въ его сторону и оглядѣть статнаго, красиваго пассажира. На капитана онъ не желалъ смотрѣть: злился на него второй день послѣ столкновенія между Василемъ и Казанью. Онъ хотѣлъ даже пересѣсть на другой пароходъ, да жаль было потерять плату за проѣздъ.

Капитанъ закурилъ крѣпчайшую „пушку". Отъ дыма Перновскій замѣтно поморщивался.

За другимъ столомъ разговоръ шелъ вяло. Слышно было, какъ Кузьмичевъ дуетъ на блюдечко и прихлебываетъ чай, вперемежку съ клубами дыма.

Вдругъ отчетливо и довольно громко раздался вопросъ Теркина, нагнувшагося вправо къ своему сосѣду:

— А вы, никакъ, не узнаёте меня, Фрументій Лукичъ?

Педагогъ мѣшалъ ложкой сахаръ и тотчасъ пересталъ, какъ только услыхалъ свое имя и отчество.

На лицѣ его появилась недоумѣвающая гримаса.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣтилъ онъ и поглядѣлъ на капитана.

Этотъ взглядъ значилъ: „не думаю, чтобы твой пріятель стоилъ моего знакомства".

— Я—Теркинъ!

Перновскій промолчалъ и сталъ прихлебывать чай. Онъ узналъ ученика, позволившаго себѣ дерзость при всемъ классѣ, но не хотѣлъ въ этомъ сознаваться.

— Запамятовали?—спросилъ капитанъ и засмѣялся, откинувъ голову.—Будто?.. Сколько это лѣтъ было тому, Василій Иванычъ?

— Да лѣтъ больше десяти!

— Ну и что жъ? — выговорилъ, наконецъ, Перновскій и опять отеръ лысину платкомъ.

— Ничего!.. Весьма радъ былъ встрѣчѣ съ моимъ преподавателемъ,—сказалъ Теркинъ.

Лицо педагога пошло пятнами.

XIX.

Купцы съ офицеромъ поднялись на палубу. Въ каютѣ остались только двое пріятелей и Перновскій.

Теркинъ уже придвинулся къ своему бывшему учителю, глядѣлъ ему прямо въ глаза и говорилъ съ разстановкой:

— Вы что же это, Фрументій Лукичъ, какъ словно меня и признать не хотите? Вѣдь то, что̀ случилось въ гимназіи слишкомъ десять лѣтъ назадъ, быльемъ поросло. Мало ли что̀ случается въ жизни!.. Нельзя же такъ долго серчать...

И онъ взглядомъ, брошеннымъ на капитана, передалъ ему педагога.

— Господинъ статскій совѣтникъ и на меня, кажется,

въ большой претензіи?—заговорилъ Кузьмичевъ.—Сердце у него неотходчиво. А вы, Василій Иванычъ, разсудите: ежели бы каждый пассажиръ, хотя бы и въ чинахъ, началъ распоряжаться за капитана, мы бы вмѣсто фарватера-то скрозь бы побѣжали, ха-ха!

Раскатистый смѣхъ Кузьмичева всколыхнулъ его широкую грудь. Теркинъ улыбнулся только глазами и повернулъ голову опять къ Перновскому.

— Нешто это не судьба, Фрументій Лукичъ, что мы съ вами вдругъ черезъ десять лѣтъ съ лишнимъ — и на одномъ суденышкѣ? Куда изволите слѣдовать? Къ мѣсту служенія своего?

— До Саратова ѣдетъ ихъ высокородіе,—смѣшливо замѣтилъ капитанъ.

Лицо Перновскаго становилось совсѣмъ краснымъ, влажное отъ чая и душевнаго волненія. Глаза бѣгали съ одной стороны на другую; чуть замѣтныя брови онъ то подымалъ, то сдвигалъ на переносицѣ. Злобность всплыла въ немъ и держала его точно въ тискахъ, вмѣстѣ съ предчувствіемъ скандала. Онъ видѣлъ, что попался въ руки „теплыхъ ребятъ“, что они не спроста обсѣли его и повели разговоръ въ такомъ тонѣ.

Окрикъ капитана, доставшійся ему два дня передъ тѣмъ, угроза высадить „за буйство“, все еще коломъ стояли у него въ груди, и онъ боялся, какъ бы ему не выйти изъ себя, не нарваться на серьезную непріятность. Капитанъ способенъ былъ высадить его на берегъ, а потомъ поди судись съ нимъ!

Будь въ каютѣ другіе пассажиры, онъ далъ бы имъ сейчасъ отпоръ, какого они заслуживали; кромѣ лакея, въ буфетѣ никого не оставалось, а сумерки все сгущались и помогали обоимъ „наглецамъ“, — такъ онъ уже называлъ ихъ про себя,—продолжать свое вышучиванье.

Взглядомъ своихъ веселыхъ и умныхъ глазокъ капитанъ опять передалъ педагога Теркину.

— И гдѣ же вы изволите теперь начальствовать, Фрументій Лукичъ?

Слова были отмѣнно вѣжливы, но тонъ показывалъ, куда пробирается тотъ „мужицкій пріемышъ“, который нанесъ ему когда-то оскорбленіе.

— А вы, господинъ Теркинъ, куда изволите ѣхать и въ какомъ званіи состоите?

— Я вамъ за Василія Иваныча отвѣчу, — подхватилъ

Кузьмичевъ.—Онъ въ наше товарищество пайщикомъ поступаетъ. Собственный пароходикъ у него будетъ, „Батракъ“, вдвое почище да и побольше вотъ этой посудины. Видите, вашъ ученикъ времени не терялъ, даромъ что онъ изъ крестьянскихъ дѣтей.

— На здоровье!..—выговорилъ Перновскій.

Ему страстно захотѣлось кинуть „наглецу“ что-нибудь позорящее. Онъ слыхалъ о притворномъ умопомѣшательствѣ Теркина, но не зналъ про то, что его высѣкли въ селѣ.

И въ ту же самую минуту Теркина схватила за сердце боязнь, какъ бы „аспидъ“ не прошелся насчетъ этого. У него достанетъ злобы, да и всякій бы на его мѣстѣ воспользовался такимъ фактомъ, чтобы дать отпоръ и заставить прекратить приставанье, затѣянное, какъ онъ могъ предполагать, не кѣмъ инымъ, какъ Теркинымъ.

Но страхъ его сейчасъ же отлетѣлъ. Видъ Перновскаго, звукъ голоса, вся посадка разжигали его. Пускай тотъ намекнетъ на розги. Это ему развяжетъ руки. Выпей онъ стаканъ-другой вина—и онъ самъ бы разсказалъ и при Кузьмичевѣ, черезъ что прошелъ онъ въ селѣ Кладенцѣ.

— Господинъ Перновскій, — началъ Кузьмичевъ и дотронулся до плеча педагога.—Встрѣчу вашу съ Василіемъ Иванычемъ надо спрыснуть... Илья, — крикнулъ онъ къ оконцу буфета, — подай живѣе бутылку игристаго, донского! Полынковаго, отъ Чеботарева!

— Сію минуту! — откликнулся лакей высокимъ теноркомъ.

— Позвольте мнѣ... Я хочу на палубу!

Перновскій привсталъ и отстранилъ ладонь Кузьмичева.

— Нѣтъ, Фрументій Лукичъ, посидите!

— Однако, господа!..

Приходъ лакея съ бутылкой и стаканчиками не далъ Перновскому докончить. Онъ успѣлъ только надѣть свой бѣлый картузъ на потную голову.

— Вотъ такъ!—крякнулъ капитанъ, когда ро̀злилъ пѣнистое вино.—Вспомните студенческіе годы!

— Да я совсѣмъ не желаю пить!

Обтянутыя щеки Перновскаго блѣднѣли. Въ глазахъ вспыхивалъ злобный огонекъ.

— Желаете или нѣтъ, а пейте!

— За ваше драгоцѣнное!

Теркинъ прикоснулся своимъ стаканомъ къ стакану Перновскаго.

Они не готовились пробирать „искаріота“, заранѣе не обдумывали этой сцены. Все вышло само собою, рѣзче, съ бо́льшимъ школьничествомъ, чѣмъ бы желалъ Теркинъ. Онъ отдавался настроенію, а капитанъ переживалъ съ нимъ ту же потребность отместки за всѣ свои мытарства.

Теркинъ еще ближе пододвинулся къ Перновскому.

— Вы намъ лучше вотъ что̀ скажите, Фрументій Лукичъ: неужели въ васъ до сихъ поръ сидитъ все тотъ же человѣкъ, какъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ? Міръ Божій ширится кругомъ. Всѣмъ надо жить и давать жить другимъ...

— Не знаю-съ!—перебилъ Перновскій. — И не желаю, господинъ Теркинъ, отвѣчать вамъ на такія... ни съ чѣмъ несообразныя слова. Надо бы иному разночинцу проживать до сего дня въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ за всякое озорство, а онъ еще похваляется своимъ закоренѣлымъ...

— Эге!—перебилъ капитанъ.—Вы, дяденька, кажется, серчать изволите!.. Это не порядокъ!

— Оставьте, Андрей Ѳомичъ! Дайте мнѣ отозваться на этотъ спичъ.

Теркинъ взялъ повыше плеча руку Перновскаго.

— Вамъ, коли судьба со мною столкнула, надо бы потише быть! Не одну свою обиду я на васъ вымещаю, вмѣстѣ вотъ съ капитаномъ, а обиду многихъ горюновъ. Вотъ что̀ вамъ надо было напомнить. А теперь можете прослѣдовать въ свою каюту!

Лицо Теркина дѣлалось все нервнѣе и голосъ глуше. Перновскій хотѣлъ-было что-то крикнуть, но звукъ остановился у него въ горлѣ. Онъ вскочилъ стремительно, захватилъ свою шинель и выбѣжалъ вонъ.

XX.

Въ тѣсной каютѣ, съ однимъ мѣстомъ для спанья, въ темнотѣ, лежалъ Перновскій съ небольшимъ часъ послѣ сцены въ общей каютѣ.

Его поводило. Онъ лежалъ навзничь, голова закатывалась назадъ по дорожной подушкѣ. Камлотовая шинель валялась въ ногахъ.

Рядомъ на доскѣ, служившей столомъ, подъ круглымъ оконцемъ, что-то блестѣло.

Это былъ большой графинъ съ водкой. Онъ приказалъ подать его изъ буфета второго класса вскорѣ послѣ того, какъ спустился къ себѣ.

Ему случалось пить рѣдко, особенно въ послѣднее время, но раза два въ годъ онъ запирался у себя въ квартирѣ, сказывался больнымъ. Иногда пилъ только по ночамъ недѣлю-другую,—утромъ уходилъ на службу,—и въ эти періоды особенно ехидствовалъ.

И теперь онъ не воздержался. Не спроси онъ водки, его бы хватилъ ударъ.

— Мерзавцы! — глухо раздалось въ каютѣ подъ шумъ колесъ и брызгъ, долетавшихъ въ окна.—Мерзавцы!

Другого слова у него не выходило. Правая рука протянулась къ графину. Онъ налилъ полную рюмку, ничего не розлилъ на столъ и, приподнявшись немного на постели, проглотилъ и сплюнулъ.

Съ каждыми десятью минутами, вмѣстѣ съ усиленнымъ біеніемъ венъ на вискахъ, росла въ немъ ярость, безсильная и удушающая.

Что̀ могъ онъ сдѣлать съ этими „мерзавцами“? Пока онъ на пароходѣ, онъ—въ подчиненіи капитану. Не пойдетъ же онъ жаловаться пассажирамъ! Кому? Купчишкамъ или мужичью? Они его же на смѣхъ поднимутъ. Да и на что жаловаться?.. Свидѣтелей не было того, какъ и что̀ этотъ „наглецъ“ Теркинъ сталъ говорить ему — ему, Фрументію Перновскому!

Оба они издѣвались надъ нимъ самымъ нахальнымъ манеромъ. Оставайся тѣ пассажиры, что пили пиво за другимъ столомъ, и дай онъ раньше, еще при нихъ „достодолжный“ отпоръ обоимъ наглецамъ, и Теркинъ, и разбойникъ капитанъ разсказали бы его исторію, навѣрно, навѣрно!

А теперь терпи, лежи, кусай отъ злости губы или уголъ кожаной подушки! Если желаешь, можешь раньше высадиться на привалъ, теряй стоимость проѣзда.

Какъ онъ ни былъ разсчетливъ, но начиналъ склоняться къ рѣшенію: на разсвѣтѣ покинуть этотъ проклятый пароходъ.

Но вѣдь это будетъ позорное бѣгство! Значитъ, онъ проглотилъ „здорово живешь“ такой рядъ оскорбленій? И отъ кого? Отъ мужика, отъ подкидыша! Отъ пароход-

наго капитана, изъ бывшихъ ссыльныхъ, — ему говорилъ одинъ пассажиръ, какое прошедшее у Кузьмичева.

„Что дѣлать, что дѣлать?“ — мучительно допытывался онъ у себя самого, и рука его каждыя пять минутъ искала графина и рюмки, наливала и опрокидывала въ разгоряченное и жаждущее горло.

Графинъ былъ опорожненъ. Въ головѣ зашумѣло; въ темнотѣ каюты предметы стали выдѣляться яснѣе и получать странныя очертанія, и какъ будто края всѣхъ этихъ предметовъ съ краснымъ отливомъ.

Рука искала графина, но въ немъ уже не было ни капли.

Онъ опять приподнялся, вглядѣлся въ то, что лежитъ, и протянулъ руку къ фляжкѣ въ кожаномъ футлярѣ, къ той, что бралъ съ собою, когда пилъ чай.

Тамъ былъ ромъ. Вздрагивающими пальцами отвинтилъ онъ металлическую крышку, приставилъ къ губамъ горлышко, однимъ духомъ выпилъ все и бухнулся на постель.

Сонъ не шелъ. Въ груди жгло. Голова отказывалась уже работать, дальше перебирать, что ему дѣлать и какъ отмстить двумъ „мерзавцамъ“. Подать на нихъ жалобу или просто отправить кому слѣдуетъ донесеніе.

Эта мысль всплыла-было въ мозгу, но онъ выбранилъ себя. Онъ хотѣлъ самъ расправиться съ ними. Вызвать обоихъ! Да, вызвать на поединокъ въ первомъ же городѣ, гдѣ можно достать пистолетъ. А если они уклонятся—застрѣлить ихъ.

„Какъ собакъ! Какъ собакъ!“ — шептали его губы въ темнотѣ.

Мозгъ воспаленно работалъ помимо его приказа. Передъ нимъ встали „рожи“ его обоихъ оскорбителей, выглянули изъ сумрака и не хотѣли уходить; красное, бѣлобрысое, мигающее, насмѣшливое лицо капитана и другое, бѣлое, красивое, но злобное, страшное, съ огонькомъ въ выразительныхъ глазахъ, полныхъ отваги, дерзости, накопившейся мести.

Перновскій вскочилъ, пошатнулся, не упалъ на постель, а двинулся къ дверкѣ, нашелъ ручку и поднялся наверхъ.

Его влекло къ нимъ. Онъ долженъ былъ расказнить обоихъ: всего больше того, мужичьяго...

Позорящее мужицкое прозвище незаконныхъ людей за-

горѣлось на губахъ Перновскаго. И онъ повторялъ его, пока поднимался по узкой лѣстницѣ, слегка спотыкаясь. Это прозвище разжигало его ярость, теперь сосредоточенную, почти безумную.

Носовая палуба уже спала. На кормовой сидѣло и ходило нѣсколько человѣкъ. Безлунная, очень звѣздная ночь ласкала лица пассажировъ мягкимъ вѣтеркомъ. Подъ шумъ колесъ не слышно было никакихъ разговоровъ.

На верху рубки у правыхъ перилъ ширилась коренастая фигура капитана.

Перновскій остановился въ дверяхъ рубки. Все кругомъ его ходило ходуномъ, но ярость сверлила мозгъ и держала на ногахъ. Онъ зналъ кого ищетъ.

Сдѣлалъ онъ два-три шага по кормовой палубѣ и столкнулся лицомъ къ лицу съ Теркинымъ. Эта удача поддала ему жару.

— А-а!—почти заревѣлъ онъ.

И прозвище, брошенное когда-то Теркину товарищемъ, раздалось по палубѣ.

Пассажиры, привлеченные неистовымъ звукомъ, увидали, какъ господинъ въ бѣломъ картузѣ полѣзъ съ кулаками на высокаго пассажира въ венгерской шапочкѣ и короткомъ пиджакѣ.

Теркинъ не потерялся. Онъ схватилъ обѣ руки Перновскаго и отбросилъ его на какой-то тюкъ.

Капитанъ въ одну минуту сбѣжалъ внизъ и успѣлъ встать между Теркинымъ и поднявшимся на ноги Перновскимъ.

— И ты, разбойникъ!.. Каторжный! У-у!..

Съ новымъ напоромъ отчаянной отваги кинулся Перновскій и на Кузьмичева, но тотъ смялъ его мгновенно и свистнулъ.

Два матроса подбѣжали и скрутили ему руки.

— Господа! — обратился Кузьмичевъ къ пассажирамъ, и голосъ его возбужденно и весело полился по ночному воздуху. — Каковъ господинъ? Воля ваша, я его высажу!

— Еще бы!.. Такъ и надо! — раздалось изъ кучи, собравшейся тотчасъ.

Кузьмичевъ спросилъ вполголоса Теркина:

— Одобряете, Василій Иванычъ?

Злобное чувство Теркина давно уже улеглось.

Онъ все-таки не удержался и сказалъ Перновскому, продолжавшему бушевать:

— Фрументій Лукичъ! Видно, правда была, что вы тайно запивали?

Перновскій бился и выбрасывалъ бранныя слова уже безъ всякой связи: языкъ переставалъ служить ему.

— Просто скрутить—пускай проспится!

— Нѣтъ-съ!—крикнулъ начальническимъ звукомъ Кузьмичевъ, — ежели, господа, каждый пассажиръ будетъ на капитана съ кулаками лѣзть, такъ ему впору самому высадиться.

Всѣ примолкли. Каждый почуялъ, что онъ не шутитъ.

Теркинъ отошелъ къ борту и оттуда, не принимая участія въ томъ, что̀ происходило дальше, сѣлъ на скамью и смотрѣлъ.

Пароходъ проходилъ между крутымъ берегомъ и лѣсистымъ островомъ. На островѣ виднѣлся большой костеръ. Стояли, кажется, двѣ избенки.

— Держите лѣво! — скомандовалъ капитанъ, пока матросы повели Перновскаго на носовую палубу.

Его чемоданъ и ручной багажъ склали въ одну кучу. Никто изъ пассажировъ не протестовалъ.

„Не густо ли пустилъ Андрей Ѳомичъ?“ — подумалъ-было Теркинъ, но его наполнило веселое чувство отместки.

„И какой! Полежи на островѣ, отрезвись на лонѣ природы, — думалъ онъ, гладя бороду, — а тамъ строчи на насъ послѣ что̀ хочешь!“

Шлюпку спустили на воду. Въ нее сѣли трое матросовъ и положили Перновскаго. Публика молча смотрѣла, какъ лодка причаливала къ берегу острова.

— Однако!.. — вдругъ проговорилъ кто-то, — за это и нахлобучка можетъ быть!

— Я въ отвѣтѣ! — крикнулъ Кузьмичевъ, стоя надъ лѣвымъ кожухомъ.

XXI.

Послѣ отъѣзда Теркина Серафима отправилась къ отцу.

— Починили мостъ? — спросила она своего кучера, когда они подъѣзжали къ рѣчкѣ.

Еще третьяго дня пролетка чуть не завязла правымъ переднимъ колесомъ въ щель провалившейся доски.

— Не видать чтой-то, Серафима Ефимовна.

Кучеръ Захаръ, молодой малый, съ серьгой въ ухѣ, чистоплотный и франтоватый,—онъ брилъ себѣ затылокъ

черезъ день,—обернулъ къ ней свое загорѣлое широкое лицо съ темной бородкой и улыбнулся.

— Проѣзжай шагомъ!

Замедленный ходъ лошади вызвалъ въ Серафимѣ желаніе прислониться къ задку крытой пролетки; верхъ ея былъ полуопущенъ.

Она сидѣла подъ зонтикомъ изъ чернаго кружева и была вся въ черномъ, въ томъ самомъ туалетѣ, какъ и въ тотъ вечеръ свиданія съ Теркинымъ у памятника, предъ его отъѣздомъ. Ея миндалевидные глаза обошли медленно кругомъ.

Мостъ старый, съ пошатнувшимися перилами, довольно широкій, приходился наискосокъ отъ темнаго деревяннаго зданія, по ту сторону рѣчки, влѣво отъ плотины, гдѣ она была запружена.

Фасадъ съ галлерейками закрывалъ отъ взгляда тѣхъ, кто шелъ или ѣхалъ по мосту, бокъ мельницы, гдѣ дѣйствовалъ водяной приводъ. Справа, изъ-за угла зданія, виднѣлись сажени березовыхъ дровъ, старое кулье, вороха рогожъ, разная хозяйственная рухлядь.

Съ рѣки шелъ розовый отблескъ заката. Позади высился городъ, мягко освѣщенный, съ полосами и большими пятнами зелени по извилинамъ овраговъ. Бѣлыя и красныя каменныя церкви ярко выдѣлялись въ воздухѣ, и кресты горѣли искрами.

Серафима посмотрѣла вправо, гдѣ за рѣкой на набережной, въ полверстѣ отъ города, высилась кирпичная глыба съ двумя дымовыми трубами.

Это была паровая мельница, построенная лѣтъ пять назадъ. Она отняла у отца ея двѣ трети „давальцевъ“. На ней мололи тотъ хлѣбъ, что̀ хранился въ длинномъ рядѣ побурѣлыхъ амбаровъ, шедшихъ вдоль берега рѣки, только ниже, у самой воды. Сваи, обнаженныя послѣ половодья, смотрѣли частоколомъ, и поверхъ его эти бурые ящики, все одной и той же формы, точно висѣли въ воздухѣ.

Отъ той вальцовки и покачнулись дѣла Ефима Галактіоныча. Врядъ ли послѣ него останется что-нибудь, кромѣ дома съ мельницей да кое-какихъ деньжонокъ.

Дочь его и не хотѣла бы думать объ этомъ, да не можетъ. Ей довольно противно сторожить смерть отца. Она не считаетъ себя ни злой, ни бездушной. Но отецъ такъ мучится, что для него кончина—избавленіе.

Съ той минуты, какъ она вернулась ночью домой отъ Теркина, въ нее еще глубже проникло влеченіе къ деньгамъ Калеріи—„казанской сироты“, напустившей на себя святость. Вѣдь той ничего не нужно, кромѣ своей святости... Зачѣмъ „сестрѣ милосердія“ капиталъ?

Когда пролетка, привскочивъ легонько на послѣднемъ бревнѣ моста, въѣхала на противоположный берегъ рѣчки, Серафима задала себѣ именно этотъ вопросъ.

По разрыхленной песчаной дорогѣ,—мостовой тутъ не было,—они подъѣхали къ крылечку, приходившемуся подъ наружной галлерейкой, безъ навѣса.

Съ него неширокая лѣстница вела сначала на галлерейку, потомъ съ площадки въ чистыя комнаты хозяевъ, занимавшихъ весь передъ ветхаго зданія.

На крыльцѣ Серафима поправила вуалетку и сказала кучеру:

— Захаръ, ты пріѣзжай за мною, когда всенощная отойдетъ... Или, лучше, когда барина въ клубъ свезешь.

— Слушаю-съ, Серафима Ефимовна.

Сережка въ ухѣ кучера ярко блеснула при поворотѣ пролетки.

Молодая женщина легко взбѣжала на площадку, но тамъ остановилась и какъ бы прислушивалась.

Беззвучно и жарко было на этой площадкѣ, гдѣ пахло теплыми старыми бревнами наружной стѣны. Только подальше за дощатой дверью, приходившейся посрединѣ галлерейки, жужжалъ шмель.

Она знала, что мать не спитъ. Если и приляжетъ, то гораздо раньше, часу во второмъ, а теперь уже восьмой.

Мать не видала она больше сутокъ. Въ эти сорокъ часовъ и рѣшилась судьба ея. Ей уже не уйти отъ своей страсти... „Вася“ взялъ ее всю. Только при мужѣ или на людяхъ она еще сдерживаетъ себя, а чуть осталась одна—все въ ней затрепещетъ, въ головѣ—пожаръ, безумныя слова толпятся на губахъ, хочется цѣловать мантилью, шляпку, въ которой она была тамъ, наверху, у памятника.

И вотъ сейчасъ, когда она остановилась въ трехъ шагахъ отъ двери въ помѣщеніе родителей, ее точно что дернуло, и краска вспыхнула на матово-розовыхъ щекахъ, глаза отуманились.

Она любила и немножко боялась матери, хотя та всегда ее прикрывала передъ отцомъ во всемъ, за что была бы

буря. Если бы не мать, она до сей поры изнывала бы подъ отцовскимъ надзоромъ вотъ въ этомъ бревенчатомъ домѣ, въ опрятныхъ низковатыхъ комнатахъ, безмолвныхъ и для нея до нестерпимости тоскливыхъ.

Но мать—не слабая, рыхлая насѣдка. Въ ней не меньше характера, чѣмъ въ отцѣ, только она умнѣе и податливѣе на всякую мысль, чувство, шутку, проблескъ жизни. Ей бы не въ мѣщанкахъ родиться, а въ самомъ тонкомъ барствѣ. И отъ нея ничего не укроешь. Посмотритъ тебѣ въ глаза—и все пойметъ. Вотъ этого-то взгляда и пугалась теперь Серафима.

Какъ она жила до сихъ поръ, мать знала, по крайней мѣрѣ знала то, какъ она живетъ съ мужемъ, „каковъ онъ есть человѣкъ", видѣла, что сердце дочери не нашло въ такомъ мужѣ ничего, кромѣ сухости, чванства, бездушныхъ повадокъ картежника.

Про ихъ встрѣчи съ Теркинымъ она какъ будто догадывалась. Серафима разсказала ей про ихъ первую встрѣчу въ саду, не все, конечно. Съ тѣхъ поръ она нѣтъ-нѣтъ да и почувствуетъ на себѣ взглядъ матери, взглядъ этихъ небольшихъ сѣрыхъ впалыхъ и проницательныхъ глазъ, и сейчасъ должна взять себя въ руки, чтобы не проговориться о перепискѣ, о тайныхъ свиданіяхъ.

Но все это было только начало. А теперь? Какъ она взглянетъ прямо въ лицо матери?.. Вѣдь у нея любовникъ...

„Любовникъ!"—произнесла Серафима про себя и стала холодѣть. Вдругъ какъ она не выдержитъ?.. Нѣтъ, теперь до смерти отца—ни подъ какимъ видомъ!..

Ея нервно вздрагивающая рука въ длинной перчаткѣ взялась за скобку.

Дверь была одностворчатая, обитая зеленой, мѣстами облупившейся, клеенкой.

Она оказалась запертой изнутри. Это удивило Серафиму.

Она заглянула въ окно передней, выходившее на галлерейку. Въ передней никого не было.

Родители ея держали прежде, кромѣ стряпухи, дворника, кучера, еще работницу и чистую горничную. Теперь у нихъ только двѣ женщины. Лошадей они давно перевели.

Она постучала въ окно разъ-другой.

Отперли ей не сразу.

— Ахъ! барышня!

Такъ Аксинья, пожилая женщина въ головкѣ и кацавейкѣ, до сихъ поръ зоветъ ее.

— Что это?.. Почему вы заперлись?—торопливо и вполголоса спросила Серафима.

— Извините, барышня, — Аксинья говорила такъ же тихо, — боялась я... Потому ночь цѣлую не спамши... Ефимъ Галактіонычъ мучились шибко. Я и прикурнула.

— А теперь какъ папенька?

— Къ вечернямъ имъ полегче стало, забылись... Докторъ два раза былъ.

— Мамаша почиваетъ?

— Ужъ не могу вамъ сказать... Сама-то я спала... Врядъ ли почиваютъ. Онѣ завсегда на ногахъ.

— Если мамаша отдыхаетъ, не буди ее... Я посижу въ гостиной... Пройди, узнай.

Она нарочно услала Аксинью въ дальнюю комнату, гдѣ мать ея спала съ тѣхъ поръ, какъ она стала себя помнить, чтобы ей самой не входить прямо къ Матренѣ Ниловнѣ. Въ гостиной она больше овладѣетъ собою. Ея внезапное волненіе тѣмъ временемъ пройдетъ.

Аксинья отворила ей дверь въ большую низковатую комнату съ тремя окнами. Свѣтъ сквозь полосатыя шторы ровно обливалъ ее. Воздухъ стоялъ въ ней спертый. Окна боялись отпирать. Хорошая рядская мебель въ чехлахъ занимала двѣ стѣны въ жесткой симметріи: диванъ, столъ, два кресла. Въ простѣнкахъ узкія бронзовыя зеркала. На стѣнахъ олеографіи въ рамахъ. Чистота отзывалась раскольничьимъ домомъ. Крашеный полъ такъ и блестѣлъ. По немъ отъ одной двери къ другой шли бѣлые половики. На окнахъ цвѣты и бутыли съ краснымъ уксусомъ.

Какъ только Аксинья скрылась за дверью во внутреннія комнаты, Серафима пододвинулась къ одному изъ зеркалъ, потянула вуалетку, чтобы ея лицо ушло подъ тюль до рта, и вглядывалась въ свои глаза и щеки — не могутъ ли они ее выдать?

XXII.

Мать подошла къ ней такъ тихо, что она встрепенулась, когда та окликнула ее:

— Здравствуй, Симочка!

Серафима перелистывала нумера старой „Нивы“, ле-

жавшіе на столѣ около лампы еще съ той поры, когда она ходила въ гимназію.

— Ахъ, маменька! Здравствуйте!

Онѣ поцѣловались три раза, какъ всегда, по-купечески.

Небольшого роста, широкая въ плечахъ, моложаваго выразительнаго лица, Матрена Ниловна ходила въ платкѣ, по старому обычаю. На этотъ разъ платокъ былъ легкій крепоновый, темно-лиловый, повязанный распущенными концами внизъ по плечамъ и заколотый аккуратно булавками у самаго подбородка. Подъ платкомъ виднѣлась темная кацавейка, ея неизмѣнное одѣяніе, и такая же темная шерстяная юбка, короткая, такъ что видны были замшевыя туфли и чистые шерстяные чулки домашняго вязанья.

Матрена Ниловна не передала дочери своей наружности. Волосъ изъ-подъ надвинутаго на лобъ платка не было видно, но они у нея оставались попрежнему русые, цвѣта орѣховаго дерева, густые, гладкіе и безъ сѣдины. Брови, такого же цвѣта, двумя густыми кистями лежали надъ выпуклостями глазныхъ орбитъ. Проницательные и впалые глаза, сѣрые, тѣнистые, съ крапинками на зрачкахъ, особенно молодили ее. Въ крупномъ свѣжемъ рту сохранились зубы, твердые и бѣлые, подбородокъ слегка двоился.

— Что̀ папенька?

Серафима проговорила это тише, чѣмъ обыкновенно говорила въ гостиной.

Онѣ еще стояли посрединѣ комнаты.

— Да что, Симочка... Столь плохъ, столь плохъ!.. Сегодня больно на зарѣ маялся, сердешный. Я хотѣла-было за тобой посылать... Заливаетъ ему грудь-то... ни лежать, ни сидѣть... Теперь вотъ забылся... И я пошла отдохнуть...

— Простите, маменька, я васъ разбудила.

— Не спала я... Какой тутъ сонъ!..

Кистью правой руки Матрена Ниловна истово перекрестила ротъ; она не могла сдержать нервной зѣвоты.

— Спасибо, Симочка, заѣхала... Муженекъ-то вернулся небось?

Серафима знала, что Матрена Ниловна въ такихъ же чувствахъ къ Рудичу, какъ и она сама.

— Вчера пріѣхалъ.

— Съ чѣмъ? Съ пустушкой или повысили?

— Къ осени обѣщали товарища прокурора.

— Жалованья-то больше нешто?

— Нѣтъ, меньше.

— Ну, такъ чему же тутъ радоваться?

— Ходъ теперь другой будетъ.

— Все едино! Въ клубѣ на зеленомъ сукнѣ спуститъ.

Полныя губы Матрены Ниловны повела косвенная усмѣшка. Сѣрые бойкіе глаза остановились на дочери, но не особенно пристально. Ихъ затуманивали душевная горечь и большое утомленіе.

Серафима все-таки опустила рѣсницы, хотя уже не боялась выдать себя. Разговоръ самъ пошелъ въ такую сторону, что ей нечего было направлять его.

Онѣ присѣли на диванъ. Матрена Ниловна прикоснулась правой рукой къ плечу дочери. Въ свою „Симочку“ она до сихъ поръ была влюблена, только не проявляла этого въ нѣжныхъ словахъ и ласкахъ. Но Серафима знала отлично, что мать всегда будетъ на ея сторонѣ, а чего она не можетъ оправдать, напримѣръ, ея „невѣрія“, то и на это Матрена Ниловна махнула рукой.

— Свой разумъ есть,—говаривала она.— Сколь это ни прискорбно мнѣ... Уповаю на милость Божію... Онъ, Батюшка, просвѣтитъ ее и помилуетъ.

Она не поблажала ей ни въ чемъ, что было противъ ея правилъ, выговаривала, но всегда точно старшая сестра или, много, тетка, какъ бы разсуждала вслухъ. Не хотѣла она и подливать масла въ ихъ супружескіе нелады. Если она и сейчасъ такъ высказалась насчетъ своего зятя, то потому, что у нихъ давно уже установился этотъ тонъ. Въ сердцѣ Матрены Ниловны не закрывалась ранка горечи противъ того „лодыря“, который сманилъ у нихъ со старикомъ единственную ихъ дочь, красавицу и умницу. Не случись этого „Божьяго попущенія“, Симочка, конечно, попала бы за какого-нибудь милліонера по хлѣбной или другой торговлѣ. Мало ли ихъ по Волгѣ? Есть и такіе, что учились въ Казани въ студентахъ, а коренного дѣла своего не бросаютъ.

Боязнь выдать себя совсѣмъ отлетѣла отъ Серафимы. Роковое слово „любовникъ“ уже не прыгало у нея въ головѣ. Мать проститъ ей, когда надо будетъ признаться.

И такъ ей стало легко, почти весело... Она даже застыдилась. Отецъ умираетъ черезъ комнату, а она въ такихъ чувствахъ!

— По тебѣ стосковался,—все такъ же тихо продолжала

Матрена Ниловна,—задыхается, индо посоловѣетъ весь, а чуть маленько отлегло, сейчасъ спроситъ: „Симочка не побываетъ ли?“

Наклонившись къ лицу дочери, она прибавила чуть слышно:

— За эти мѣсяцы вотъ какъ онъ разнемогся, тебя сталъ жалѣть... не въ примѣръ прежняго. И ровно ему передъ тобой совѣстно, что оставляетъ дѣла не въ прежнемъ видѣ... Вчерашняго числа этакъ поглядѣлъ на меня, у самого слезъ полны глаза, и говоритъ: „Смотри, Матрена, хоть и малый достатокъ Серафимѣ послѣ меня придется, не давай ты его на съѣденіе муженьку... Домъ твой, на твое имя записанъ... А остальное что́—въ руки передамъ. Сторожи только, какъ бы во снѣ духъ не вылетѣлъ“...

Дочь слушала, низко опустивъ голову. Ей хотѣлось спросить:

„Папенька, значитъ, завѣщанія не оставитъ?“

Но вопросъ не шелъ съ губъ. Не завѣщаніе безпокоило ее, а вопросъ о деньгахъ ея двоюродной сестры Калеріи.

— Коли папеньку самого раздумье разбираетъ, отчего же онъ не распорядится? — такъ же тихо, какъ мать, спросила она.

— Утречкомъ, говоритъ, коли отпуститъ хоть чуточку, достань мнѣ шкатулку краснаго дерева и подай.

Онѣ помолчали.

— Стало-быть,—выговорила Серафима слишкомъ какъ-то спокойно,—въ этой шкатулкѣ и капиталъ Калеріи?

Ихъ взгляды встрѣтились. Лицо Матрены Ниловны потемнѣло, и она тотчасъ же отвела голову въ сторону.

Калерія и ее мозжила. Ничего она не могла по совѣсти имѣть противъ этой дѣвушки. Развѣ то, что та еще подросткомъ отъ старой вѣры сама отошла, а Матрена Ниловна тайно оставалась вѣрна закону, въ которомъ родилась, больше, чѣмъ Ефимъ Галактіоновичъ. Не совладала она съ ревностью матери. Калерія росла „потихоней“ и „святошей“ и точно всѣмъ своимъ нравомъ и обликомъ хотѣла сказать:

„Смотрите на насъ съ Симочкой. Я — праведница, и меня Господь Богъ за это взыщетъ; а та — грѣшница, только и думаетъ, что о суетномъ и мірскомъ, предана всѣмъ плотскимъ вожделѣніямъ“.

Гдѣ же ей взять наружностью противъ Симочки! А все-таки, когда она здѣсь жила передъ тѣмъ, какъ въ

Петербургѣ въ „стриженыя“ сбѣжала, стоящіе молодые люди почитали ее больше, чѣмъ Симочку, хоть она и по ученію-то шла всегда позади.

Не хотѣла Матрена Ниловна помириться и съ тѣмъ, что „святошѣ“ достанутся, быть-можеть, большія деньги,— она не знала сколько именно, —а Симочкѣ какой-нибудь пустякъ. Ея душу непріязнь къ Калеріи колыхала точно какой тайный недугъ. Она только сдерживалась и съ глазу на глазъ съ дочерью и наединѣ съ самой собою.

Все это было какъ будто и грѣшно, а грѣха она и боялась и не любила по совѣсти. Но ежеминутно она сознавала и то, что не выдержитъ напора жалости къ дочери и ревниваго чувства въ Калеріи. Если представится случай поступить явно къ выгодѣ Симочки, — она не устоитъ.

— Зачѣмъ же откладывать? — заговорила немного погромче Серафима и бросила долгій взглядъ въ сторону двери, гдѣ черезъ комнату лежалъ отецъ. — Ежели папенька проснется да посвѣжѣе будетъ... вы бы ему напомнили. А то... неровенъ часъ. Онъ самъ же боится.

Говорить дальше въ такомъ же смыслѣ Серафимѣ тяжело было. Она перемѣнила положеніе своего гибкаго и роскошнаго тѣла. Щеки у нея горѣли.

— Какъ жарко!

Этотъ возгласъ былъ для нея большимъ облегченіемъ.

— Ты бы шляпку-то сняла, — замѣтила Матрена Ниловна. — Вонъ она какая у тебя, прости Господи, ровно улей какой.

И мать тихо засмѣялась.

Пока Серафима вынимала длинныя булавки изъ волосъ и клала шляпку на столъ, Матрена Ниловна, оправивъ концы платка, какъ бы про себя выговорила:

— Извѣстное дѣло, зачѣмъ откладывать. Каковъ-то онъ, голубчикъ, проснется?...

Ей уже представлялась „шкатунка“ изъ краснаго дерева съ мѣдными бляшками и наугольниками, съ секретнымъ ящикомъ старинной работы... Тамъ лежитъ капиталъ Калеріи. И сдается ей, что Ефимъ Галактіонычъ поручитъ ей распоряженіе этими деньгами.

Дрожь повела ей плечи, а въ комнатѣ было не меньше двадцати градусовъ.

Дверь изъ передней пріотворили. Показалась „головка“ Аксиньи.

— Матушка, — долгимъ шопотомъ протянула она, — Ефимъ Галактіоновичъ никакъ проснулись. Слышала я, кашлянули.

— Хорошо, — хозяйскимъ тономъ отвѣтила Матрена Ниловна. — Скажи имъ: Серафима, молъ, Ефимовна пріѣхали.

Мать и дочь поглядѣли одна на другую и встали съ дивана.

XXIII.

Въ концѣ девятаго часа Серафима ѣхала домой.

Пролетка медленно поднималась по „дамбѣ“, — такъ называютъ мощеную дорогу отъ набережной въ городъ.

Фонари только что начали зажигать. Небо висѣло густое и низкое, полное звѣздъ.

На одну звѣзду съ изумруднымъ блескомъ вдумчиво смотрѣла Серафима.

Все обошлось хорошо, лучше, чѣмъ она могла желать.

Отца она видѣла въ темнотѣ его чуланчика. Онъ лежалъ цѣлый день въ угловой каморкѣ безъ оконъ, гдѣ кровать приткнута къ стѣнѣ, и между ея краемъ и стеклянной дверью меньше полуаршина разстоянія. Мать сколько разъ упрашивала его перебраться въ комнату, гдѣ они когда-то спали вмѣстѣ, но онъ не соглашался.

Въ каморкѣ было такъ темно, что она не могла отчетливо разглядѣть отцовскаго лица, замѣтила только, что оно раздулось; грудь была обнажена сверху; косой воротъ рубашки откинутъ.

Отецъ полусидѣлъ въ постели, прислонившись къ высоко-взбитымъ подушкамъ. Показалось ей, что борода еще посѣдѣла, и глаза смотрѣли на нее гораздо мягче обыкновеннаго.

Небывалое волненіе охватило ее, когда она наклонилась къ нему и взяла руку, уже налитую водой, холодную. Передъ ней полумертвецъ, а она боится, какъ бы онъ не проникъ ей въ душу, какимъ-нибудь однимъ вопросомъ не распозналъ: съ какими затаенными мыслями стоятъ онѣ съ матерью у его кровати.

— Дочка, — перехваченными звуками говорилъ ей отецъ, — ты на меня не ропщи!

— Папенька! Что вы!—смогла она отвѣтить и противъ воли заплакала.

— Не моя вина, милая... Времена не тѣ... все пошло на умаленіе.

— Чего тутъ, Ефимъ Галактіонычъ!—вмѣшалась мать.— Нѐшто она что?... Ужъ ты не разстроивай себя... безъ нужды. Полегче тебѣ сѐдни, вотъ бы и сказалъ намъ, какое твое желаніе.

Мать не договорила. Она слышала ея голосъ сбоку и немного сзади отъ себя.

„Догадается!—подумала Серафима,—Какъ бы не испортить всего!“

Но отецъ самъ потребовалъ шкатулку. Она помогла матери достать ее изъ-подъ столика въ проходной комнаткѣ, отдѣлявшей гостиную отъ каморки, гдѣ лежалъ отецъ.

Шкатулка показалась ей чрезвычайно легкой, должно-быть, отъ возбужденія. Онѣ обѣ держали ее передъ отцомъ.

Онъ дрожащими и налитыми пальцами досталъ ключъ съ цѣпочки, висѣвшей у него на груди, и долго не могъ отпереть. Наконецъ, пружина музыкально прозвенѣла, и крышку онъ откинулъ съ ихъ помощью.

— Вотъ видите,—говорилъ онъ уже совсѣмъ замирающимъ голосомъ, — тутъ... Пальцемъ надавите въ правомъ углу, и отскочитъ планочка.

У него еще достало силъ показать, какъ слѣдовало надавить.

— Что̀ тамъ найдете... больше ничего и нѣтъ... Нигдѣ не ищите, въ другомъ мѣстѣ... И по-божески, по-божески...

Отецъ началъ метаться. Чтобы запереть шкатулку, пришлось снять съ его шеи цѣпочку, гдѣ, кромѣ ключа, висѣлъ большой оловянный крестъ и ладанка.

Она думала — онъ кончается. Мать поспѣшно убрала шкатулку и прибѣжала на ея зовъ.

— За докторомъ послать-инъ, Ефимъ Галактіонычъ? — спросила мать, сдерживая рыданія.

И Серафима готова была разрыдаться.

Если бы у отца хватило тѣлесныхъ силъ сказать ей еще разъ: „Смотри, дочка, не обижай Калеріи, не бери грѣха на душу!“ — она упала бы на колѣни и во всемъ призналась бы.

Но отецъ ослабъ. Онѣ обѣ страшно испугались: думали, сейчасъ отойдетъ. Пометался онъ съ минуту, по-

томъ ему стало легче; онъ наклонился и чуть слышно выговорилъ:

— Подь сюда, Серафима.

Она опустилась на колѣни. Отецъ благословилъ ее и поцѣловалъ въ голову.

— Прощай, дочка, — еле слышно прошепталъ онъ. — Живи по-божески... Муженекъ не задался... Терпѣть надо... По-честному...

Она тихо плакала; но въ ней уже ничто не влекло ее къ признанію. Да и какъ бы она покаялась?.. Зачѣмъ?.. Чтобы потрясти отца, убить его на мѣстѣ?

Слезы облегчили ее. Мать тоже тихо плакала.

— Ну, подите!

Въ гостиной онн обнялись и, отойдя къ печкѣ въ дальній уголъ, пошептались.

— Пришлите за мной... ежели ночью... папенька отходить будетъ.

— Зачѣмъ? — сказала Матрена Ниловна. — Онъ благословилъ тебя. Теперь ужъ не встать ему, сердешному...

О „пакетѣ“ онѣ больше не говорили, но между ними и безъ словъ что-то было условлено.

„Васѣ деньги нужны до зарѣзу, а досталъ ли онъ у того барина?“

Серафима спросила себя и сейчасъ же подумала о близкой смерти отца. Неужели ей совсѣмъ не жалко потерять его? Опять обвинила она себя въ бездушіи. Но что жъ ей дѣлать: чувство у нея такое, точно она его уже похоронила и ѣдетъ съ похоронъ домой. Гдѣ же взять другого настроенія? Или новыхъ слезъ? Она поплакала тамъ, у кровати отца, и на колѣнки становилась.

Жутко ей передъ матерью за „любовника“, но теперь она больше не станетъ смущаться: узнаетъ мать или нѣтъ—ей отъ судьбы своей не уйти. И съ Рудичемъ она жить будетъ только до той минуты, когда имъ съ матерью достанется то, что̀ лежитъ въ потаенномъ ящикѣ отцовской шкатулки.

Есть у ней предчувствіе, что Вася денегъ у того барина не добудетъ. Завтра или послѣзавтра должна придти къ ней депеша, адресованная „до востребованія“. Каждое утро она будетъ сама ходить на телеграфъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вернулся изъ Москвы мужъ, она за собою слѣдитъ. Но ей не нужно особенно себя сдерживать. Онъ для нея точно какой-то постоялецъ. Ни злобы,

ни раздраженія, ни желанія показать, какъ она къ нему относится... Только бы онъ не вздумалъ нѣжничать.

И третьяго дня, и сегодня она жаловалась на головную боль, нарочно лежала передъ обѣдомъ. Она не будетъ больше „принадлежать" Северу Львовичу ни подъ какимъ видомъ.

Про себя она зоветъ мужа „Северъ Львовичъ", и это имя „Северъ" кажется ей сегодня смѣшнымъ. Да и весь-то онъ—такое ничтожество... Теперь мужъ ничего не можетъ надъ ней, ровно ничего. Еще много двѣ недѣли,—она опять подумала о смерти отца,—и ея слѣдъ простылъ.

И нисколько ей не страшно скрыться отсюда. „Скандалъ!"—закричатъ всѣ въ городѣ. Быть на линіи прокурорши и жить домомъ, считаться самой красивой молодой дамой—и вдругъ бѣжать... Съ кѣмъ?.. Про ея связь врядъ ли кто знаетъ. Можетъ-быть, догадывается одна пріятельница... Сочтутъ за тайную нигилистку. Нарочно, молъ, влюбила въ себя судебнаго чиновника, вывѣдала отъ него какія-нибудь тайны и убѣжала за границу. Про то, какъ она живетъ съ нимъ, конечно, говорятъ въ городѣ, знаютъ, что онъ игрокъ, но думаютъ, должно-быть, что она до сихъ поръ влюблена въ него; жалѣютъ, пожалуй, или называютъ „дурой". Она въ послѣднюю зиму мало выѣзжала, была всего на двухъ-трехъ вечерахъ въ клубѣ, ухаживателей не поощряла, по цѣлымъ недѣлямъ сидѣла одна. Да и какая охота приглашать кого-нибудь? Северъ Львовичъ начнетъ каждый разъ умничать, гримасы строить, колкости говорить, показывать, какой онъ джентльменъ и какая она „мужичка" и „моветонка". Въ первый годъ она еще терпѣла, а съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтила Теркина, не желала выносить этихъ „фасоновъ".

И съ той самой поры она считаетъ себя гораздо честнѣе. Нужды нѣтъ, что она вела больше года тайныя сношенія съ чужимъ мужчиной, а теперь отдалась ему,—все-таки она честнѣе. У нея есть для кого жить. Всю свою душу отдала она Васѣ, вѣритъ въ него, готова пойти на что угодно, только бы онъ шелъ въ гору. Эта любовь замѣняла ей все... Ни колебаній, ни страха, ни вопросовъ, ни сомнѣній!..

И вдругъ она запѣла вполголоса на самомъ крутомъ подъемѣ дамбы:

„О, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой!"

Давно она выучила этотъ романсъ, на слова Майкова, еще въ гимназіи. Сейчасъ же заметалась передъ ней вся обстановка того ужина съ цыганами, гдѣ она впервые увидала Васю.

Ея родной городъ, въ ту минуту пустой и дремотный, пріучилъ ее съ дѣтства къ разговорамъ о чувствахъ и любовныхъ исторіяхъ... Въ немъ, въ его лѣтнихъ гуляньяхъ, въ жизни большой рѣки, въ военныхъ стоянкахъ, въ пикникахъ зимой, въ опереткѣ,—было что-то тайно-гулливое. Въ здѣшнихъ женщинахъ рано сказывается характеръ, независимость рѣчи и замашекъ. Какъ она сама грубила всѣмъ, лѣтъ съ двѣнадцати!.. Сколько было у нея маленькихъ романовъ съ гимназистами!.. Какихъ „дѣловъ" наслышалась она въ тотъ же возрастъ, въ родѣ убійства одного извѣстнаго кутилы офицеромъ въ притонѣ... И она знала—*гдѣ именно.*

Вотъ она какая была „гадкая дѣвчонка", хоть и не хуже другихъ.

А теперь она вся трепетала и рвалась къ тому, кто взялъ ее на жизнь и смерть. И выходило, что она теперь какъ будто честнѣе!

XXIV.

Долго пришлось Серафимѣ ждать возвращенія мужа изъ клуба. Захаръ поѣхалъ за нимъ къ двѣнадцати.

Цѣлый часъ просидѣла она за піанино. На нее нашла неудержимая потребность пѣть.

Но сначала она раздѣлась, поспѣшно побросала все на полъ и на свою кровать. Горничная съ маслистымъ лицомъ бродила какъ сонная муха.

Она дала на нее окрикъ:

— Положи капотъ и ступай!.. Ты мнѣ надоѣла, Ѳеня!

Спальня была угловая комната въ четыре окна. Два изъ нихъ выходили на палисадникъ. Домъ—деревянный, новый, съ крылечкомъ —стоялъ на спускѣ въ котловину, въ тихой улицѣ по дорогѣ къ кладбищу.

Большая тишина обволакивала его ночью. Изрѣдка трещотка ночного сторожа засвербитъ справа, и звукъ надоѣдливо простонтъ въ воздухѣ съ минуту, и потомъ опять мертвая тишина. Даже гулъ пароходныхъ свистковъ не доходитъ до нихъ.

Когда Серафима надѣла капотъ—голубой съ кружевомъ, еще изъ своего приданаго — и подошла къ трюмо, чтобы

распустить косу, она, при свѣтѣ одной свѣчи, стоявшей на ночномъ столикѣ между двумя кроватями, глядѣла на отраженіе спальни въ зеркалѣ и на свою свѣтлую, рослую фигуру, съ обнаженной шеей и полуоткрытыми руками.

Въ этой спальнѣ прошла ея замужняя жизнь. Все въ ней было *ея*, данное за ней изъ родительскаго дома. Обѣ орѣховыя кровати, купленныя на ярмаркѣ въ Нижнемъ у московскаго мебельщика Соловьева съ „Усьтретенки“, какъ произносила ея мать; вотъ это трюмо оттуда же; коверъ, кисейныя шторы, отдѣлка мебели изъ „морозовскаго“ кретона, съ восточными разводами... И два золоченыхъ стульчика въ углу около пялецъ... Къ пяльцамъ она не присаживалась съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ.

Тутъ, въ этомъ супружескомъ покоѣ, она стала умнѣть. Съ каждымъ мѣсяцемъ обнажалась передъ ней личность ея „благовѣрнаго“. Не долго тщеславіе брало въ ней верхъ надъ способностью оцѣнки. Да и не очень-то она преклонялась, даже когда выскочила за него замужъ, предъ его „бѣлой костью“. Мужчины по теперешнимъ временамъ всѣ равны передъ неглупой и красивой молодой женщиной. Не то что она—все-таки дочь почтенныхъ людей, по мѣстному купечеству, гимназистка съ медалью,—какая-нибудь дрянь, потаскушка, глядишь, влюбитъ въ себя перваго въ городѣ богача или человѣка въ чинахъ, дворянина съ титуломъ и помыкаетъ имъ какъ собачонкой. Мало развѣ она знаетъ такихъ исторій?

И ничего-то въ ея жизни съ Северомъ Львовичемъ не было душевнаго, такого, что ее дѣлало бы чище, строже къ себѣ, добрѣе къ людямъ, что закрѣпляло бы въ сердцѣ связь съ человѣкомъ, если не страстно любимымъ, то хотя съ такимъ, котораго считаешь выше себя.

Она стала портиться. Въ дѣвушкахъ у нея были порывы, всякія благородныя мысли, жалость, способность откликаться на горе, на бѣду. И было время—она втайнѣ завидовала этой самой Калеріи. И ее днями влекло куда-нибудь, гдѣ есть большое дѣло, на которое стòитъ положить всю себя, коли нужно, и пострадать.

Съ мужемъ все это выѣло у нея, ровно червякъ какой сточилъ. Не полюби она Васи—что бы изъ нея вышло?

„Гулящая бабенка!“—почти вслухъ выговорили ея губы въ ту минуту, когда правой рукой Серафима приподняла

тяжелую косу, взявъ ее у корней волосъ, и сильнымъ движеніемъ перекинула ее черезъ плечо, чтобы освѣжить лицо.

Со свѣчой въ рукахъ прошлась она потомъ вдоль всѣхъ трехъ комнатъ, узковатой столовой и гостиной, такой же угловой, какъ спальня, но больше на цѣлое окно.

Не жаль ей этого домика, хотя въ немъ, благодаря ея присмотру, все еще свѣжо и нарядно. Опрятность принесла она съ собою изъ родительскаго дома. Въ кабинетѣ мужа, по ту сторону передней, только слава, что „шикарно",—подумала она ходячимъ словомъ ихъ губернскаго города, а ни къ чему прикоснуться нельзя: пыль, все кое-какъ поставлено и положено. Но Северъ Львовичъ не терпитъ, чтобы перетирали его вещи, дотрогивались до нихъ... Онъ называетъ это: „разночинская чистоплотность".

Нѣтъ, не жаль ей ничего въ этомъ домикѣ. Жаль одного только—годовъ, проведенныхъ безъ любви, въ постыломъ сожительствѣ.

„Хуже всякой адвокатской содержанки!" — гнѣвно подумала она, поставила свѣчу на піанино, подняла крышку и нѣсколько разъ прошлась по гостиной взадъ и впередъ.—„Разумѣется, хуже содержанки!"—повторила она. Содержанку любятъ для нея самой, тратятся на нее, хоть и не уважаютъ ея, зато изъ-за нея обманываютъ женъ, попадаютъ часто въ уголовщину, рѣжутся, отравляются... А она?.. Только и есть утѣшеніе, что Северъ Львовичъ не завелся еще никѣмъ на сторонѣ. Оттого, конечно, что у него, какъ у игрока, всѣ другія страсти выѣло. Да и случая не представлялось. Его никто не любитъ; онъ вездѣ держитъ себя чванно, съ язвой, все какъ-то ежится, когда разговариваетъ съ губернскими дамами, всѣмъ своимъ тономъ показываетъ, что онъ — настоящій баринъ, правовѣдъ, сенаторскій сынъ и принужденъ жить въ трущобѣ, среди разночинцевъ и ихъ *самокъ* — его любимое слово. И какая въ этомъ сладость, что онъ ея ни на кого не промѣнялъ, даже если бъ она и любила его?.. Она до сихъ поръ ему не противна. Есть у него дома женщина, ничего ему не стоитъ, ея деньги всѣ ушли на него же. Шутка! Безъ малаго тридцать тысячъ!

Эта цифра зажглась въ ея головѣ какъ огненная точка. Васѣ нужно какъ разъ столько. Даже меньше! Будь у нея въ ящикѣ или въ банкѣ такія деньги, она ушла бы

съ нимъ, вотъ сейчасъ уложилась бы, послала бы Ѳеню за извозчикомъ и прямо бы на пароходъ или на желѣзную дорогу, съ ночнымъ поѣздомъ.

Почему не встрѣтила она Васи четыре года назадъ? И свободна была, и деньги были, и любовь бы настоящая, безповоротная погнала ее подъ вѣнецъ, а не самолюбивая блажь дѣвчонки, удостоенной ухаживанія барича-правовѣда.

Щеки Серафимы пылали. Ей стало нестерпимо-противно на самое себя. Бранныя слова готовы были соскочить съ ея разгоряченныхъ красныхъ губъ.

И такъ же нестерпимо-жалко сдѣлалось Васи. Онъ, бѣдный, долженъ теперь биться изъ-за двадцати тысячъ. Скорѣе всего, что не достанетъ... Или впутается въ долгъ за жидовскіе проценты.

Она сѣла у піанино порывисто, чтобы освободить себя отъ наплыва горечи, и взяла нѣсколько сильныхъ аккордовъ.

Что было, то прошло! Онъ ее любитъ... Она ему принадлежитъ! Чего же больше? Еще недѣля, двѣ—и не будетъ ея въ этихъ постылыхъ комнатахъ.

Она запѣла вдругъ тотъ цыганскій романсъ, который помогъ имъ сойтись съ первой же встрѣчи: „Коль счастливъ я съ тобой бываю“... Это она за него поетъ, за Васю... И словъ ей не нужно: слова глупыя и старомодныя, довольно одной мелодіи.

Много-много разъ повторила она одинъ мотивъ... Потомъ запѣла другой романсъ на тѣ слова, что она начала вслухъ произносить, когда ея пролетка поднималась наверхъ дамбы:

„О, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой!“

Она вспомнила не одни эти два стиха, а и дальше всѣ куплеты. Какъ только кончился одинъ куплетъ, въ головѣ сейчасъ выскакивали первыя слова слѣдующаго, точно кто ей ихъ подсказывалъ. Она даже удивилась... Спроси ее, знаетъ ли она это стихотвореніе Майкова, она отвѣтила бы, что дальше двухъ первыхъ стиховъ врядъ ли пойдетъ...

Когда въ горлѣ сказалась усталость, Серафима посмотрѣла на часы въ столовой—было половина двѣнадцатаго, и опять она заходила уже вдоль всѣхъ трехъ комнатъ... Двѣ стояли въ темнотѣ.

Послѣ возбужденія, улегшагося за піанино, голова заработала спокойнѣе въ виду послѣднихъ рѣшительныхъ вопросовъ.

Зачѣмъ бѣжать? Почему не сказать мужу прямо: „Не хочу съ тобой жить, люблю другого и ухожу къ нему?“ Такъ будетъ прямѣе и выгоднѣе. Всѣ станутъ на ея сторону, когда узнаютъ, что онъ проигралъ ея состояніе. Да и не малое удовольствіе—кинуть ему прямо въ лицо свой приговоръ. „А потомъ довести до развода и обвѣнчаться съ Васей... Нынче такой исходъ самое обыкновенное дѣло. Не Богъ знаетъ что и стòитъ, какихъ-нибудь три, много четыре тысячи!“—подумала Серафима.

„Какъ бы не такъ! Отпуститъ онъ по доброй волѣ! Дастъ онъ разводъ! И чтобы на себя вину взять—ни за что! Въ немъ крючкотворецъ сидитъ, законникъ, сыщикъ, „представитель общественной совѣсти“, какъ онъ величаетъ себя. Да и не хочетъ она „по-честному“,—ей припомнились слова отца,—уходить отъ него. Онъ этого не стòитъ... Пускай ни о чемъ не догадывается въ своемъ самодовольствѣ и чванномъ самообожаніи. На тебѣ: любила два года, ѣздила на свиданія въ Нижній, здѣсь видалась у тебя подъ носомъ и ушла, осрамила тебя больше, чѣмъ самое себя“...

Серафима начала громко шептать.

И ни разу ей не представился вопросъ: „а поймаетъ и вызоветъ по этапу?“

XXV.

Пробило и двѣнадцать. Она не слыхала боя часовъ.

Не раздѣваясь, прилегла она на кушетку въ гостиной и задремала. На піанино догорала свѣча.

Обыкновенно она ложилась часу въ первомъ и не ждала мужа. Онъ возвращался въ два, въ три. И сегодня Захаръ будетъ его ждать, пожалуй, до разсвѣта. Если Северъ Львовичъ проигрался, онъ раздѣнется у себя въ кабинетѣ, на цыпочкахъ войдетъ въ спальню и ляжетъ на свою постель такъ тихо, что она почти никогда не проснется. Но чуть только ему повезло—онъ входитъ шумно, непремѣнно разбудитъ ее, начнетъ хвалиться выигрышемъ, возбужденно забрасывать ее вопросами, выговаривать ей, что она сонная...

Серафима сначала задремала, потомъ крѣпко заснула. Ее разбудилъ звонокъ въ передней.

Она раскрыла глаза и сразу не могла распознать, гдѣ лежитъ и какой часъ дня. Въ два окна, выходившія на дворъ, вливался уже отблескъ утренней зари; окна по уличному фасаду были закрыты ставнями. Въ гостиной стоялъ двойственный свѣтъ.

Съ кушетки ей видна была дверь въ сѣни. Позвонили еще разъ. Заспанная Ѳеня отворила, наконецъ. Северъ Львовичъ вошелъ и крикнулъ горничной:

— Сколько разъ надо звонить?

„Проигрался“,—сказала Серафима про себя.

Сонъ совсѣмъ отлетѣлъ, и она сообразила, что уже свѣтаетъ.

Она, еще не поднимаясь съ кушетки, продолжала издали смотрѣть на мужа, пока Ѳеня стаскивала съ него свѣтло-гороховое очень короткое пальто, на шелковой полосатой подкладкѣ. Шляпу, свѣтлую же, онъ также отдалъ горничной.

На лицо его падало довольно свѣту изъ окна передней,—лицо моложаво-обрюзглое, овальное, бритое, кромѣ длинныхъ и тонкихъ усовъ; что-то актерское было въ этомъ лицѣ, въ глазахъ съ опухлыми вѣками, въ прямомъ короткомъ носѣ, въ гримасѣ рта. Онъ одинъ во всемъ городѣ вставлялъ въ лѣвый глазъ монокль. Темнорусые волосы замѣтно рѣдѣли на головѣ.

Такой же моложавый, сухой и малорослый станъ въ двубортной синей разстегнутой визиткѣ, изъ-подъ которой выглядывалъ бѣлый жилетъ. На ногахъ красно-желтые башмаки, тоже единственные въ городѣ.

Ему на видъ казалось за тридцать.

„Проигрался!“—рѣшила еще разъ Серафима и, не притворяясь спящей, лежала въ той же полусогнутой позѣ.

— Вы здѣсь?.. Съ какой стати, а?

Голосъ его слегка въ носъ и вздрагивающій непріятно прошелся по ея нервамъ.

— Надѣюсь, меня не ждали?

Опять этотъ ненавистный отрывистый говоръ затрещалъ, точно ломающаяся сухая скорлупа гороховыхъ стручьевъ.

Мужъ пріучалъ жену къ хорошему тону, былъ съ ней на „вы“ и только въ самыхъ интимныхъ разговорахъ переходилъ на „ты“. Она привыкла называть его „Северъ Львовичъ“ и „ты“ не говорила ему больше года, съ поѣздки своей на ярмарку.

— Такъ, заснула...

Серафима сладко потянулась и свои бѣлыя обнаженныя руки закинула за спину. Одна нога въ атласной черной туфлѣ съ цвѣтнымъ бантомъ свѣсилась съ кушетки. Мужъ ея возбужденно прошелся по гостиной и щелкнулъ нѣсколько разъ языкомъ. Съ этой противной для нея привычкой она не могла помириться.

— Который часъ?—лѣниво и глухо спросила она.

— Не знаю... видите, свѣтаетъ.

И онъ засмѣялся короткимъ и высокимъ смѣхомъ, чего съ нимъ никогда не бывало.

„Должно-быть, здорово обчистили его!"—выговорила она про себя.

— Неужели все время въ клубѣ?

И этотъ вопросъ вышелъ у нея лѣниво и небрежно.

— Сначала... да. А потомъ... у этого пріѣзжаго инженера.

— Какого?

„Очень мнѣ нужно знать!"—добавила она мысленно.

— Ахъ, Боже мой. Я вамъ говорилъ. Несвисѣцкій... Запржецкій. Полячишко!.. Шулеръ!..

Онъ сдержалъ свое раздраженіе, откинулъ бортъ визитки на одинъ бокъ, засунулъ большой палецъ за выемку жилета и сталъ, нервно закинувъ голову.

— Несомнѣнный шулеръ... И этакихъ мерзавцевъ въ клубъ пускаютъ!

— Вы зачѣмъ же съ нимъ садились?

— Развѣ это написано на лбу?.. Игра вдвоемъ.

— Въ пикетъ?

— Нѣтъ, въ палки.

— Колоду подмѣнилъ?

„И зачѣмъ я съ нимъ разговариваю?—подумала она.— Какое мнѣ дѣло? Чѣмъ больше продулся, тѣмъ лучше".

Когда она говорила, мысленно у ней выскакивали рѣзкія, неизящныя слова.

— Въ клубѣ... нѣтъ, это немыслимо! — онъ заходилъ, все еще съ большимъ пальцемъ въ выемкѣ жилета.—Нѣтъ, у себя, въ нумерѣ...

— Ловко! — вырвалось у нея такимъ безцеремоннымъ звукомъ, что Рудичъ вскинулъ на нее свой монокль. — Значитъ, къ нему отправились?..

Нельзя было... Ты понимаешь. Я былъ въ такомъ проигрышѣ.

Онъ незамѣтно для себя сталъ говорить ей „ты“.

— На сколько же?

— На очень значительную сумму. На очень!..

— Совѣстно выговорить, небось?

Такого тона Северъ Львовичъ еще не слыхалъ отъ жены.

Въ другое время онъ остановилъ бы ее о́днимъ какимъ-нибудь движеніемъ перекошеннаго рта, а тутъ онъ только выкинулъ монокль изъ орбиты глаза и быстро присѣлъ на кушетку, такъ быстро, что она должна была подвинуться.

— Серафима, ты понимаешь... теперь для меня, въ такую минуту... на-дняхъ должна придти бумага о моемъ назначеніи...

— И вы еще больше спустили?

Сквозь свои пушистыя рѣсницы, съ вѣками, немного покраснѣвшими отъ сна, она продолжала разглядывать мужа. Неужели эта дрянь могла командовать ею, и она по доброй волѣ подчинилась его фанаберіи и допустила себя обобрать до нитки?.. Ей это казалось просто невозможнымъ. И вся-то его фигура и актерское одутлое лицо такъ мизерны, смѣшны. Просто взять его за плечи и вытолкнуть на улицу—бо̀льшаго онъ не заслуживалъ. Никакихъ уколовъ совѣсти не чувствовала она передъ нимъ, даже не вспомнила ни на одно мгновеніе, что она — невѣрная жена, что этотъ человѣкъ въ правѣ требовать отъ нея супружеской вѣрности.

Онъ провелъ бѣлой барской ладонью по своей лысѣющей головѣ и почесалъ затылокъ.

— Словомъ... мой другъ... это экстраординарный проигрышъ. Я могъ бы, какъ... представитель, ты понимаешь... судебной власти... арестовать этого негодяя. Но нужны доказательства...

— Не дурно было бы!—перебила она.—Самъ же игралъ до пѣтуховъ у шулера и самъ же арестовать его явился... Ха-ха!

Такого смѣха жены Рудичъ еще никогда не слыхивалъ.

— Ты пойми, — онъ взялъ ее за руки и примостился къ ней ближе,—ты должна войти въ мое положеніе...

— Да сколько спустили-то?

— Сколько, сколько!..

— Тысячу или больше?

— Тысячу!.. Какъ бы не такъ! Подымай выше!..

Онъ самъ соскочилъ съ своего обычнаго тона.

— Ну, и что жъ?

Этотъ возгласъ Серафимы заставилъ его взять ее за талію, прилечь головой къ ея плечу и прошептать:

— Спаси меня!.. Серафима! Спаси меня!.. Попроси у твоего отца. Подѣйствуй на мать. Ты это сдѣлаешь. Ты это сдѣлаешь!..

Его губы потянулись къ ней.

— Никогда!..—выговорила рѣзко и твердо Серафима и оттолкнула его обѣими руками.

— Ты съ ума сошла!

Онъ чуть было не упалъ.

— Отправляйтесь спать!

И когда онъ опять протянулъ къ ней обѣ руки со слащавой гримасой брезгливаго рта, она отдалила его колѣнями и однимъ движеніемъ поднялась.

У дверей столовой она обернулась, стала во весь ростъ и властно прокричала:

— Не смѣйте ко мнѣ показываться въ спальню! Слышите!.. Ни спасать васъ, ни жить съ вами не желаю! И стращать меня не извольте. Хоть сейчасъ пулю въ лобъ... на здоровье! Но ко мнѣ ни ногой! Слышите!

Она пробѣжала черезъ столовую въ спальню, захлопнула дверь и звонко повернула ключъ.

И когда она отъ стремительности почти упала на край своей кровати, то ей показалось, что она дала окрикъ прислугѣ или какому-нибудь провинившемуся мальчишкѣ, котораго запрутъ въ темную и высѣкутъ...

XXVI.

Теркинъ шелъ по тропѣ мимо земляныхъ подваловъ, гдѣ хранился керосинъ, къ конторѣ, стоявшей подальше, у самой „балки“, на спускѣ къ берегу.

Солнце пекло.

Онъ былъ весь одѣтъ въ парусину; впереди его шагалъ молодой сухощавый брюнетъ въ свѣтлой ластиковой блузѣ, шелковомъ картузѣ и большихъ сапогахъ; это и былъ главный техникъ на химическомъ заводѣ Усатина, того „благопріятеля“, у котораго Теркинъ надѣялся сдѣлать заемъ.

Сегодня утромъ онъ не засталъ его въ усадьбѣ. Усатинъ уѣхалъ въ городъ за двадцать верстъ, и его

ждали къ обѣду. Онъ долженъ былъ вернуться прямо въ контору.

Туда они и шли съ Дубенскимъ,—такъ звали техника съ завода изъ-за Волги. Тотъ также пріѣхалъ по дѣлу. И у него была „большая спѣшка" видѣть Арсенія Кирилыча.

Усатинъ наѣзжалъ одинъ въ эту приволжскую усадьбу, гдѣ когда-то онъ сосредоточилъ торгъ керосиномъ. Семейство его проживало съ конца зимы гдѣ-то за границей.

Теркина принялъ нарядчикъ. Онъ еще помнитъ его съ того времени, когда самъ служилъ у Арсенія Кирилыча; его звали Верстаковъ: ловкій, немножко вороватый малый, употреблявшійся больше для разъѣздовъ, уже пожилой.

Верстаковъ ему обрадовался и повелъ его сейчасъ же наверхъ, гдѣ помѣщаются комнаты для гостей.

— Надолго къ намъ, Василій Иванычъ?—спросилъ онъ его тономъ двороваго.

Прежде онъ держался съ нимъ почти какъ равный съ равнымъ.

На его вопросы о хозяинѣ, его дѣлахъ, новыхъ предпріятіяхъ и планахъ Верстаковъ отвѣчалъ отрывочно, съ особеннымъ поворотомъ головы въ сторону, видимо съ умышленной сдержанностью.

Но Теркинъ не хотѣлъ допытываться; только у него что-то внутри защемило. Какъ будто въ уклончивыхъ отвѣтахъ Верстакова онъ почуялъ, что Усатинъ не можетъ быть настолько при деньгахъ, чтобы дать ему двадцать тысячъ, хотя бы и подъ залогъ его „Батрака", а крайній срокъ взноса много черезъ десять дней, да и то еще съ „недохваткой". Остальное ему повѣрятъ подъ вексель до будущей навигаціи.

Тамъ же въ усадьбѣ дожидался Усатина и его техникъ или „делектуръ", какъ называлъ его Верстаковъ. Они другъ другу отрекомендовались за чаемъ.

Дубенскаго онъ сразу опредѣлилъ: навѣрно изъ „технологическаго", съ большимъ гоноромъ, идей самыхъ передовыхъ,—можетъ, уже и побылъ гдѣ-нибудь въ мѣстахъ „отдаленныхъ", — нервный, на все долженъ смотрѣть ужасно серьезно, а хозяйское дѣло считать гораздо ниже дѣла „меньшей братіи".

Такъ выходило по соображеніямъ Теркина изъ повадки

и наружности техника: лицо подвижное, подслѣповатъ, волосы длинные, бородка плохо растетъ, говоритъ жидкимъ теноромъ, отрывисто, руками то обдергиваетъ блузу, то примется за бородку. О пріятномъ тонѣ, объ умѣньѣ попасть въ ноту съ чужимъ человѣкомъ онъ заботится всего меньше.

За чаемъ Теркинъ узналъ отъ него, что Усатинъ долженъ тотчасъ же отправиться въ Москву, можетъ-быть, не успѣетъ даже переночевать.

— Вамъ по какому дѣлу? — спросилъ Дубенскій, тревожно поглядѣлъ него и, не дождавшись отвѣта, добавилъ быстро: — Я вѣдь такъ спросилъ... понимаете... Можетъ... какое свѣдѣніе нужно... по заводу?

— Нѣтъ, я по другимъ статьямъ,—отвѣтилъ Теркинъ съ усмѣшкой.

Малый ему скорѣе нравился, но прямо ему говорить: „я, молъ, заемъ пріѣхалъ произвести“,—онъ не считалъ умѣстнымъ. Лучше было повести разговоръ такъ, чтобы самъ „интеллигентъ“ распоясался.

— Расширили дѣло на заводѣ?—освѣдомился онъ добродушно-небрежнымъ тономъ, какъ человѣкъ, которому обстоятельства Усатина давно извѣстны. — Вѣдь Арсеній Кирилычъ хотѣлъ, помнится мнѣ, сосѣднюю лѣсную дачу заполучить и еще корпусъ вывести для разныхъ спеціальныхъ производствъ?

— Нѣтъ, дача не куплена... и все по-старому... даже посокращено дѣло...

Техникъ тыкалъ папиросой въ пепельницу, говоря это.

— Что жъ? Охладѣлъ патронъ или сбытъ не тотъ противъ прежняго?

— Разныя причины... понимаете... въ другую сторону были направлены главные интересы. Арсеній Кирилычъ— человѣкъ, какъ вамъ извѣстно, увлекающійся.

— Еще бы!

— Да и конкуренція усилилась. Прежде въ этомъ районѣ едва ли не одинъ всего заводъ былъ, а нынче... расплодились. И подвозъ... по новымъ чугункамъ...

— Такъ, такъ!

Слушая техника, Теркинъ изъ-за самовара вглядывался въ него.

„Вѣдь тебя, *паря*, — по-мужицки думалъ онъ, — что-нибудь мозжитъ... также нетерпящее... въ чемъ твоя

подоплека замѣшана... И тебѣ предстоитъ крупный разговоръ съ патрономъ...“

Ему стало его вдругъ жаль, точно онъ его давно знаетъ, хотя онъ могъ бы быть недоволенъ и помѣхой лишняго человѣка, и тѣмъ, что этотъ „делéктуръ“ разстроенъ. Конечно, дѣло, по которому онъ пріѣхалъ, денежное и непріятное.

Стало-быть, есть разныя заминки въ оборотахъ Арсенія Кирилыча... Почему же онъ самъ-то такъ вѣритъ, что у него легко перехватить крупноватый кушъ? Вѣдь не наобумъ же онъ дѣйствовалъ?.. Не малый младенецъ. Не свистунъ какой-нибудь!

Не дальше какъ по веснѣ онъ видѣлся съ Усатинымъ въ Москвѣ, въ „Славянскомъ Базарѣ“, говорилъ ему о своемъ „Батракѣ“, намекалъ весьма прозрачно на то, что въ концѣ лѣта обратится къ нему.

И тотъ ему отвѣтилъ, похлопавъ по плечу:

— Весьма радъ буду, Теркинъ, поддержать васъ... Напомните мнѣ мѣсяца за два... письмомъ.

Онъ и напомнилъ. Правда, отвѣта не получилъ, но это его тогда не смутило. А весной, когда они встрѣтились въ Москвѣ, Усатинъ „оборудовалъ“ новое акціонерное дѣло по нефтяной части и говорилъ о немъ съ захлебываніемъ, приводилъ цифры, безъ хвастовства упоминалъ о дивидендѣ въ двадцать три процента, шутя предлагалъ ему нѣсколько акцій „на разживу“, и Теркинъ ему, такъ же шутя, сказалъ на прощанье:

— Мнѣ теперь, Арсеній Кирилычъ, всякій грошъ дорогъ. Дайте срокъ, ежели Волга-матушка не подкузьмитъ на первыхъ же рейсахъ — и подѣлитесь тогда малой толикой вашихъ акцій.

Что говорить, человѣкъ онъ „рисковый“, всегда разбрасывался, новую идею выдумаетъ и кинется впередъ на всѣхъ парахъ, но смѣтки онъ и знаній—огромныхъ, кредитомъ пользовался по всей Волгѣ громаднымъ; самые прожженные кулаки вѣрили ему нà-слово. „Усатинъ себя заложитъ, да отдастъ въ срокъ“: такая прибаутка сложилась про него давнымъ-давно.

Къ тому же Арсеній Кирилычъ самъ когда-то пострадалъ, посидѣлъ малую толику за свое „направленіе“. Онъ не въ дѣльцы себя готовилъ, а по ученой части; ходилъ въ народъ, хотѣлъ всю свою душу на него положить и въ скоромъ времени попался. Это его на другую дорогу

повернуло. Черезъ пять-десять лѣтъ, онъ уже гремѣлъ по Волгѣ, ворочалъ оборотами въ сотни тысячъ. А все въ немъ старая-то закваска не высыхала: къ молодежи льнулъ, ходъ давалъ тѣмъ, кто, какъ Теркинъ, съ волчьимъ паспортомъ выгнанъ былъ откуда-нибудь, платилъ за бѣдныхъ учащихся, поддерживалъ въ двухъ земствахъ все, что дѣлалось толковаго на пользу трудового люда.

Усатинъ приласкалъ Теркина, приставилъ къ отвѣтственному дѣлу, а когда представилась служба крупнѣе и доходнѣе, опять по желѣзнодорожной части, онъ самъ ему все схлопоталъ и, отпуская, наставилъ:

— Смотрите, Теркинъ! Подъ вашей командой перебываетъ тысяча рабочихъ. Не давайте, насколько можете, эксплуатировать ихъ, гноить подъ дождемъ, въ шалашахъ, кормить вонючей солониной и ржавой судачиной, да жидовски обсчитывать!

Тогда Теркину даже не очень нравилось, что Усатинъ такъ носится съ мужиками, съ рабочими, часто прощаетъ тамъ, гдѣ слѣдовало строго взыскать. Но его уваженіе къ Арсенію Кирилычу все-таки росло съ годами—и къ его высокой честности, и къ „башкѣ“ его, полной всякихъ замысловъ, одинъ другого удачнѣе.

Правда, начали до него доходить слухи, что Усатинъ „зарывается“... Кое-кто называлъ его и „прожектеромъ“, предсказывали „крахъ“ и даже про его акціонерное общество стали поговаривать какъ-то странно. Не дальше, какъ на-дняхъ, въ Нижнемъ на ярмаркѣ, у Никиты Егорова въ трактирѣ, привелось ему прислушаться къ одному разговору за сосѣднимъ столомъ...

Можетъ-быть, Усатинъ и зарвался. Только скорѣе онъ въ трубу вылетитъ, чѣмъ измѣнитъ своимъ правиламъ. Слишкомъ онъ для этого гордъ... Такіе люди не гнутся, а ломаются, даромъ что Арсеній Кирилычъ на видъ мягкій и покладистый.

XXVII.

Подходя къ конторѣ, Дубенскій обернулся и, защищаясь ладонью отъ палящаго солнца, спросилъ:

— Не хотите ли въ садикѣ посидѣть? Тамъ и тѣнь есть.

— И весьма... Можетъ, ждать Арсенія Кирилыча должонько придется,—возбужденно отозвался Теркинъ.

Они уже были у забора.

— Къ полудню долженъ быть.

Техникъ отворилъ дверку въ палисадникъ и впустилъ перваго Теркина. Контора—бревенчатый новый флигель съ зеленой крышей—заднимъ фасомъ выходила въ палисадникъ. Противъ крылечка стояла купа тополей. По обѣимъ сторонамъ лѣсенки пустили раскидистую зелень кусты сирени и бузины.

— Да вотъ на лѣсенкѣ посидимъ,—сказалъ Теркинъ.— Тутъ всего прохладнѣе. Здоровая же нынче жара! Какъ думаете, градусовъ чуть не тридцать на припекѣ?

— Около того... Не угодно ли?

Техникъ протянулъ ему свою папиросницу.

— Много благодаренъ... Какъ васъ по имени-отчеству?

— Петръ Ивановъ...

Съ лица Дубенскаго не сходило выраженіе ущемленности. Теркину еще больше захотѣлось вызвать его на искренній разговоръ; да, кажется, это и не трудно было.

— Въ Москву депешей что ли требуютъ Арсенія Кирилыча? — спросилъ онъ умышленно-небрежнымъ тономъ и выпустилъ дымъ папиросы вбокъ, не глядя на Дубенскаго, сѣвшаго ниже его одной ступенькой.

— Три телеграммы пришли... Одна даже на мое имя... Потому я и знаю... Первыя двѣ получены съ нарочнымъ вчера еще.

— Да вѣдь Арсеній Кирилычъ въ городѣ?..

— Отъ насъ станція ближе... Оттуда прямо посылаютъ...

— Значитъ, приспичило?

Дубенскій взглянулъ на него съ наморщеннымъ лбомъ и выговорилъ слегка дрогнувшимъ звукомъ:

— Все по обществу... этому.

— По какому? По нефтяному дѣлу?

— Именно.

— Въ правленіи, поди, чего натворили? Кассиръ сбѣжалъ, али что̀? По нынѣшнему времени это самый обыкновенный сюрпризъ.

— Нѣтъ... видите ли...

Техникъ снялъ картузъ и отеръ платкомъ потъ съ высокаго, уже морщинистаго лба.

— Да вы, Петръ Ивановичъ, не думайте, пожалуйста, что я у васъ выпытываю. Ни Боже мой!.. Въ дѣловые секреты внѣдряться не хочу... Но вамъ уже извѣстно, что я у Арсенія Кирилыча служилъ, много ему обязанъ,

безусловно его почитаю. Слѣдственно, къ его интересамъ не могу быть равнодушенъ.

Глаза Теркина загорѣлись, и онъ, обернувшись къ технику всѣмъ лицомъ, говорилъ теплыми нотами.

Тотъ накрылся, сдѣлалъ громкую передышку и вытянулъ ноги.

— Вы ничего не читали въ газетахъ?—неувѣренно и опять съ приподнятой бровью спросилъ онъ.

— Да я больше недѣли и газеты-то въ рукахъ не держалъ. Все на пароходахъ путаюсь, вверхъ и внизъ.

— Тогда, конечно...

„Не рѣчистъ ты, милый другъ",—подумалъ Теркинъ.

— А нешто что-нибудь такое есть? Травля какая... Набатъ забили?

— Именно, именно... И такъ нежданно. Подняли тревогу... Письма... Обличенія... Угрозы...

— Угрозы? Чѣмъ же стращаютъ и по какому поводу?

— Это... сложно... долго разсказывать... разумѣется, въ каждомъ акціонерномъ предпріятіи,—щеки Дубенскаго начали краснѣть, и глаза забѣгали,—какою цѣлью задаются? На что̀ дѣйствуютъ?.. На буржуазную алчность. Дивидендъ! Вотъ приманка!

— А то какъ же?

Вопросъ Теркина прозвучалъ вѣско и серьезно.

— Да развѣ трудовымъ людямъ,—еще нервнѣе спросилъ Дубенскій,—вотъ такимъ хоть бы, какъ вы и я, слѣдуетъ откармливать буржуевъ?

„Ну да, ну да,—думалъ Теркинъ,—ты изъ такихъ. Не уходился еще..."

— Не давать хорошаго дивиденда,—выговорилъ онъ спокойно,—такъ и акціи не поднимутся въ цѣнѣ, и предпріятіе лопнетъ. Это—буки-азъ—ба.

— Конечно, конечно! Буки-азъ—ба... Но есть предѣлъ... Можно... вы понимаете... можно, по необходимости, подчиняться условіямъ капиталистическаго хозяйства.

— Какого?—переспросилъ Теркинъ.

— Капиталистическаго... понимаете... буржуйнаго... Но если перепустить мѣру и... какъ бы сказать... спекулировать на усиленныя приманки—это не обходится безъ... понимаете?..

„Безъ шахеръ-махерства",—добавилъ про себя Теркинъ.

— Понимаю,—протянулъ онъ вслухъ и сдунулъ пепелъ съ папиросы.

— Ну, вотъ, — оживленнѣе и смѣлѣе продолжалъ Дубенскій, — и надо, стало-быть, усиленно пускать въ ходъ все, что̀ привлекаетъ буржуя.

„Экъ заладилъ,—перебилъ про себя Теркинъ,—буржуй да буржуй!“

— Это вы буржуемъ-то вообще состоятельныхъ людей зовете?—спросилъ онъ съ улыбочкой.

— Представителей капиталистическаго хозяйства...

— Да позвольте, Петръ Иванычъ, вы все изволите употреблять это выраженіе: капиталистическое хозяйство... И въ журналахъ оно мнѣ кое-когда попадается. Да какое же хозяйство безъ капитала?

Онъ хорошо понималъ, куда клонитъ Дубенскій, и самъ не прочь былъ потолковать о томъ, какъ бы надо было людямъ трудовымъ и новымъ заводить, что можно, сообща. Но его этотъ техникъ началъ раздражать болѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Такое „умничанье“ считалъ онъ неумѣстнымъ и двойственнымъ въ человѣкѣ, пошедшемъ по дѣловой части. Что хочется ему поскорѣе начать хозяйствовать—это естественно... Или общество устроить по-честнѣе, такъ, чтобы каждый пайщикъ пользовался доходомъ сообразно своей работѣ, какъ, напримѣръ, въ томъ пароходномъ товариществѣ, куда онъ самъ вступаетъ... А вѣдь этотъ Дубенскій не въ ту сторону гнетъ... Онъ, навѣрно, сочувствуетъ затѣямъ въ родѣ крестьянскихъ артелей изъ интеллигентовъ.

И Теркину вспомнился тутъ его разговоръ на пароходѣ съ тѣмъ писателемъ, Борисомъ Петровичемъ. Онъ ему прямо сказалъ тогда, что считаетъ такія затѣи вредными. Тамъ, въ крестьянскомъ быту, еще скорѣе можно вести такое артельное хозяйство, коли желаешь, сдуру или отъ великаго ума, впрягать себя въ хомутъ землепашца, а на заводѣ, на фабрикѣ, въ большомъ промысловомъ и торговомъ дѣлѣ...

Дубенскій не сразу ему отвѣтилъ.

— Не въ томъ вопросъ... — началъ онъ еще нервнѣе.—Безъ капитала нельзя. Но на кого работать?.. Вотъ что-съ!.. У Арсенія Кирилыча были совсѣмъ другія идеи... Онъ хотѣлъ дѣлать рабочихъ участниками... вы понимаете?

— Понимаю!.. Это въ видѣ процента, что ли?

— Именно.

— Противъ этого я не буду говорить... Но опять не

сразу же... Надо спервоначалу поставить дѣло на прочный фундаментъ...

— А вышло по-другому,—голосъ Дубенскаго упалъ,— совсѣмъ по-другому. Понадобились... я вамъ сказалъ... пріемы... дѣлечества... понимаете? И въ этихъ случаяхъ можно очутиться въ сообщникахъ, не желая этого...

„Вотъ оно что̀! — подумалъ Теркинъ. — Видно, и тебя впуталъ хозяинъ-то!"

— О чемъ же собственно въ газетахъ гвалтъ подняли?—спросилъ онъ строже и даже нахмурился.

— Мнѣ, право... весьма непріятно излагать вамъ это... Конечно, тутъ есть какая-нибудь интрига...

— Подвохъ!.. Со стороны меньшинства? Или дѣйствительно проруха какая?

— Есть... къ сожалѣнію... и кое-что похожее на правду.

— Да неужто Арсенію Кирилычу серьезныя гадости предстоятъ? Преслѣдованіе?

„Неладно, неладно",—прибавилъ Теркинъ про себя, и ему стало вдругъ ясно, что онъ уѣдетъ отсюда съ пустыми руками.

— Арсенія Кирилыча вызываютъ безотлагательно. Надо сейчасъ же принять мѣры.

— Онъ—ума палата... Въ разныхъ передрягахъ бывалъ... Да къ тому же, какъ я его разумѣю, ничего безчестнаго, неблаговиднаго онъ на душу свою не возьметъ... Не такой человѣкъ.

„А почемъ ты знаешь?"—поправилъ онъ самого себя.

И ему захотѣлось, забывая про неудачу своей поѣздки къ Усатину, поглядѣть на то, какъ Усатинъ поведетъ себя, и во что именно завязилъ онъ одну ногу... а можетъ, и обѣ.

— Очень, очень... все это прискорбно!

— Возгласъ Дубенскаго отзывался большой горечью.

Теркинъ сбоку оглядѣлъ его и подумалъ:

„Какой ты техникъ, директоръ?.. Тебѣ бы лучше книжки сочинять или общежитія на евангельскій манеръ устраивать".

— Да вѣдь вы—служащій... ваше дѣло сторона. Коли вы передъ акціонерами прямо не отвѣтственны?—спросилъ Теркинъ, нагнувшись къ Дубенскому.

— Въ настоящую минуту... весьма трудно отвѣтить вамъ... вы понимаете... весьма трудно.

XXVIII.

Загудѣвшій вдали колокольчикъ прервалъ Дубенскаго.

— Это Арсеній Кирилычъ?—спросилъ Теркинъ.

— Онъ, онъ!

Оба встали и вернулись къ наружному крыльцу съ навѣсомъ и двумя лавками.

Тамъ уже дожидалось нѣсколько человѣкъ мелкихъ служащихъ, всѣ въ лѣтнихъ картузахъ и такихъ же большихъ сапогахъ, какъ и Дубенскій.

— Арсеній Кирилычъ ѣдутъ, — доложилъ одинъ изъ нихъ технику и снялъ картузъ.

Тотъ поблагодарилъ его наклоненіемъ головы.

— Онъ навѣрно въ конторѣ побудетъ, — сказалъ Дубенскій Теркину, пропуская его впередъ.

Справа изъ сѣней была просторная комната въ четыре окна, отдѣланная какъ конторы въ хорошихъ сельскихъ экономіяхъ: сѣренькіе обои, нѣсколько картъ и расписаній по стѣнамъ, шкапы съ картонами, письменный столъ, накрытый клеенкой, гнутая вѣнская мебель.

Но и въ ней стояла духота, хотя всѣ окна были настежь.

— Здѣсь посидимъ или пойдемъ на крылечко? — спросилъ Теркинъ, не выносившій духоты.

Можно было еще кое-что повывѣдать у Дубенскаго. Но онъ не любилъ никакихъ подходовъ. Пожалуй, есть и какая-нибудь нешуточная загвоздка... Быть-можетъ, и ничего серьезнаго для кредита Усатинской фирмы нѣтъ, а этотъ нервный интеллигентъ волнуется изъ-за личной своей щепетильности, разрѣшаетъ вопросъ слишкомъ тревожной совѣсти.

Но... газеты? Обличительный набатъ?.. Положимъ, у насъ клевета и диффамація самый ходкій товаръ, и на всякое чиханье не наздравствуешься... Однако, не стали бы изъ-за однѣхъ газетныхъ утокъ слать три депеши сряду.

Дубенскій такъ былъ поглощенъ предстоящимъ объясненіемъ съ Усатинымъ, что не слыхалъ вопроса Теркина и заходилъ взадъ и впередъ по конторѣ.

Вопроса своего Теркинъ не повторилъ и присѣлъ къ окну, ближайшему отъ крыльца.

Черезъ двѣ-три минуты показалась коляска въ родѣ

тарантаса на рессорахъ, слѣва изъ-за длиннаго амбара, стоявшаго поодаль, по дорогѣ изъ уѣзднаго города.

Саженъ за тридцать острые глаза Теркина схватили фигуру Усатина. Онъ ѣхалъ одинъ, съ откинутымъ верхомъ и фартукомъ, въ облакѣ темноватой степной пыли. Лошади, всѣ въ мылѣ, темнобурой масти, отлично съѣзженныя, широко раскинулись своимъ фронтомъ. Коренникъ подъ темнокрасной дугой съ двумя колокольчиками иноходью раскачивался на крупныхъ рысяхъ; пристяжныя, посвѣтлѣе „рубашкой", скакали головами врозь, съ длинными гривами, всѣ въ бляхахъ и ремняхъ, съ концами, волочившимися по землѣ. Молодой кучеръ былъ въ бархатной безрукавкѣ и низкой ямской шапкѣ съ перомъ.

„Ожирѣлъ, Богъ съ нимъ, Арсеній Кирилычъ, — подумалъ Теркинъ, продолжая оглядывать его. — Трехпудовый купчина... Барское обличье совсѣмъ потерялъ".

И въ самомъ дѣлѣ, Усатинъ даже въ послѣдніе три мѣсяца, — они видѣлись весной, — сдѣлался еще тучнѣе. Тѣло его занимало все сидѣнье просторнаго фаэтона, грузное и большое, въ чесунчовой парѣ; голова ушла въ плечи, круглая и широкая; двойной подбородокъ свѣсился на рубашку; борода точно повылѣзла, такая же русая, какъ и прежде, безъ замѣтной на разстояніи сѣдины; только острые темносѣрые глазки прорѣзали жиръ щекъ и точечками искрились изъ-подъ крутыхъ бровныхъ орбитъ, совсѣмъ почти безъ бровей. Ротъ сохранялъ свою свѣжесть и сочность, съ маленькими зубами. На все лицо ложилась тѣнь отъ соломенной шляпы съ вуалемъ на англійскій манеръ.

„Важно катитъ! — подумалъ Теркинъ, засмотрѣвшись охотницки на тройку, и почувствовалъ пріятное, чисто русское ощущеніе лихости и молодечества. — Важно!.. Кабы на такихъ же полныхъ рысяхъ и во всемъ прочемъ!"

И ему захотѣлось вѣрить, что такой человѣкъ, какъ Арсеній Кирилычъ, не свихнется; что всѣ эти газетные слухи просто „враки", и только такой „головастикъ", какъ Дубенскій, можетъ мучиться изъ-за подобныхъ пустяковъ.

За нѣсколько шаговъ до крыльца храпъ лошадей заслышался явственно, и пыль, вздымаясь высокими клу-

бами, совсѣмъ закрыла фигуру Усатина, когда онъ подъѣзжалъ къ конторѣ.

Оба они, и Теркинъ, и Дубенскій, вышли на крыльцо.

Усатинъ грузно вылѣзалъ, опираясь на руку одного изъ служащихъ. Перваго увидалъ онъ Теркина.

— А!.. Василій Иванычъ!.. Вы какъ?..

Окликъ, сдѣланный молодымъ, немного шепелявымъ голосомъ, показалъ Теркину, что Усатинъ забылъ про ихъ разговоръ въ Москвѣ и про то письмо, которое онъ писалъ ему на-дняхъ, извѣщая о своемъ пріѣздѣ... Быть-можетъ, не получилъ его...

Они поздоровались.

— Мы вотъ съ господиномъ Дубенскимъ разсудили перехватить васъ, Арсеній Кирилычъ, по дорогѣ въ усадьбу. Пожалуй, отсюда прямо на чугунку укатите... Васъ ждутъ депеши. Съ моимъ личнымъ дѣломъ я повременю... А письма моего вы развѣ не получили?

— Какого письма?

— Изъ Ярославля я вамъ писалъ на той недѣлѣ?..

— Нѣтъ... Вы куда же адресовали?

— Да сюда, въ усадьбу.

— Я больше недѣли мыкаюсь...

И видя, что Дубенскій съ нервнымъ лицомъ переминается съ ноги на ногу, Усатинъ быстро повернулся въ его сторону и не договорилъ.

— Петръ Иванычъ?.. У васъ, стало, что-нибудь экстренное?

— Три депеши, Арсеній Кирилычъ. Одна была на мое имя. Вотъ онѣ.

Дубенскій вынулъ изъ кармана три телеграммы и съ дрожью въ пальцахъ подалъ ихъ.

— Изъ Москвы?—спросилъ Усатинъ.

Теркину показалось, что голосъ его дрогнулъ.

И, не раскрывая телеграммъ, онъ обратился, все еще у крыльца, къ служащимъ:

— Вамъ тоже къ спѣху?

— Какъ же, Арсеній Кирилычъ...—отвѣчалъ за всѣхъ стоявшій впереди худой высокій малый, съ длинной желтой бородой.—Насчетъ теперь...

Бѣлой пухлой рукой Усатинъ сдѣлалъ движеніе.

— Хорошо!.. Господа, я сейчасъ къ вамъ... Только отпущу ихъ... Пожалуйте въ комнаты.

Теркинъ и Дубенскій вернулись въ контору, гдѣ Дубенскій опять началъ ходить взадъ и впередъ.

— Послушайте... Петръ Иванычъ,—окликнулъ его Теркинъ, стоя у двери.

— Что вамъ?—разсѣянно отозвался Дубенскій.

— Коли вамъ надо сейчасъ же объясниться съ Арсеніемъ Кирилычемъ, я могу и въ садикъ пойти.

— Нѣтъ... Зачѣмъ же... Вѣроятно, онъ сейчасъ поѣдетъ въ усадьбу...

— Да вѣдь я вижу, Петръ Иванычъ... вы самъ не свой... Право, я лучше въ садикъ выйду.

Теркинъ взялся за ручку двери, и только что онъ отворилъ ее—столкнулся на порогѣ съ Усатинымъ.

— А вы куда?—звонко спросилъ тотъ, входя въ контору и снявъ шляпу.

Черепъ его совсѣмъ полысѣлъ, и только кругомъ въ уровень ушей шла полоса русыхъ, плотно остриженныхъ волосъ съ легкой просѣдью.

Депешъ онъ еще не читалъ и держалъ ихъ въ другой рукѣ.

— До васъ у Петра Иваныча неотложное дѣло... Я на воздухѣ побуду.

— Да развѣ такъ приспичило, Дубенскій?

— Вы депеши еще не прочли?—спросилъ техникъ съ удареніемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ...

Теркину захотѣлось остаться посмотрѣть, измѣнится ли Усатинъ въ лицѣ, когда прочтетъ депешу.

Первую, уже распечатанную, пришедшую на имя Дубенскаго, Усатинъ раскрылъ и пробѣжалъ.

— А! вотъ что!—глухо вырвалось у него.—Предполагаю, какого содержанія остальныя двѣ... Господа... Ѣдемъ. Я вскрою эти депеши у себя въ кабинетѣ.

— Быть-можетъ,—началъ Дубенскій,—вамъ отсюда придется ѣхать на станцію.

— Нѣтъ, другъ мой.., я и безъ того измучился. Если нужно, я поѣду завтра... да и то... Я знаю тѣхъ... московскихъ. Сейчасъ голову потеряютъ.

Глаза его перебѣгали отъ Дубенскаго къ Теркину... Лысина была влажная. Носъ, нѣсколько вздернутый и тонкій — на такомъ широкомъ и пухломъ лицѣ — сохранялъ свое прежнее характерное выраженіе.

— Ѣдемте, господа... И первымъ дѣломъ выкупаемся.

Еще разъ пробѣжалъ онъ депешу и наморщилъ лобъ. Но двухъ остальныхъ онъ такъ и не вскрылъ.

„Малодушіе закралось,—подумалъ Теркинъ,—чуетъ что-нибудь очень невкусное...“

Но вѣра въ этого человѣка еще не дрогнула въ немъ. И желаніе отвести ему бѣду зашевелилось въ его душѣ.

XXIX.

Въ гостиной, съ дверью, отворенной на обширную террасу, было свѣжѣе, чѣмъ на воздухѣ. Спущенныя шторы не пропускали яркаго свѣта, а вся терраса стояла подъ парусиннымъ навѣсомъ.

Теркинъ оглядывалъ комнату—большую, неуютную, немножко заброшенную. Мебель покрывали чехлы. Хозяйскаго глаза не чувствовалось. Правда, семейство Усатина за границей. Но все-таки было что-то въ этой гостиной, точно предвѣщавшее крахъ.

Усатинъ, когда они пріѣхали, провелъ Дубенскаго въ кабинетъ. Голоса ихъ не доносились въ гостиную, да Теркинъ и не думалъ прислушиваться... Объясненіе затянулось. Онъ закурилъ уже третью папиросу.

Дверь изъ кабинета выходила тоже на террасу, за угломъ.

Заслышался, наконецъ, гулъ разговора. По террасѣ шли Усатинъ и Дубенскій. Они остановились въ глубинѣ ея, противъ того кресла, гдѣ сидѣлъ Теркинъ.

Техникъ ерошилъ волосы и двигался бокомъ, заслоненный обширнымъ туловищемъ Усатина. И на лицѣ Арсенія Кирилыча Теркинъ тотчасъ же распозналъ признаки волненія. Щеки нервно краснѣли, въ губахъ и ноздряхъ пробѣгали струйки нервности, только глаза блестѣли по-прежнему.

— Какъ знаете! Я васъ не желаю насильно удерживать, — дошли до слуха Теркина слова Арсенія Кирилыча, — но не слѣдовало, милый мой, такъ рано труса праздновать!..

Онъ обернулся въ сторону открытой настежь двери и увидалъ Теркина.

— Значитъ, вы сейчасъ обратно?—рѣзче спросилъ онъ вслѣдъ затѣмъ Дубенскаго.

Тотъ что-то пробормоталъ и торопливо протянулъ руку,

сдѣлалъ два шага по террасѣ назадъ, потомъ повернулъ и прошелъ гостиной, чтобы проститься съ Теркинымъ.

— Перетолковали?—спросилъ Теркинъ.

— Да-съ... Я ѣду... сейчасъ... Очень жаль, что не удалось...

Дубенскій не договорилъ, стиснулъ руку Теркина и быстро зашагалъ къ двери въ переднюю. Волосы его были въ безпорядкѣ, все лицо влажное.

— Ну, будьте здоровы!

Свое пожеланіе Теркинъ пустилъ ему вслѣдъ стоя.

— А!..—окликнулъ его сзади Усатинъ.—Вотъ это чудесно! Какая прохлада! Мы здѣсь и закусимъ... Въ столовой навѣрно духота... Только еще рано... Мы посидимъ, потолкуемъ... Не угодно ли на диванъ?

Онъ взялъ Теркина за плечо и повелъ его къ низкому дивану у одной изъ внутреннихъ стѣнъ.

— Вотъ сюда... Позвольте раскурить о вашу папиросу.

Они разсѣлись... Усатинъ закурилъ и раскинулся по спинкѣ дивана.

— У-фъ!..—выпустилъ онъ воздухъ звонкой нотой.

— Вамъ, Арсеній Кирилычъ, навѣрно не до меня и не до моихъ дѣлъ,—началъ Теркинъ искренно и скромно.—Что-то у васъ такое стряслось...

— Вы знаете? Изъ газетъ?

Вопросъ Усатина зазвучалъ рѣзко.

— Нѣтъ, отъ господина Дубенскаго... я кое-что...

— Господинъ Дубенскій,—прервалъ уже раздражительнѣе Усатинъ,—какъ я ему сейчасъ на прощанье сказалъ, слишкомъ скоро труса празднуетъ.

Онъ ударилъ себя по ляжкѣ и перемѣнилъ положеніе своего грузнаго тѣла.

— Удивительное дѣло!.. Кажется, я всѣмъ такимъ господамъ, какъ милѣйшій Петръ Иванычъ, давалъ и даю ходъ. Безъ моей поддержки ему бы не выбраться изъ мизеріи поднадзорнаго прозябанія.

— А господинъ Дубенскій изъ нелегальныхъ былъ?

— Помилуйте!.. И какъ еще!.. Теперь онъ директоръ значительнаго завода. Пять тысячъ жалованья и процентъ. Во мнѣ было достаточно времени увѣриться. Я никого изъ работающихъ со мною не подведу.

— Вы-то!

Это восклицаніе вылетѣло у Теркина задушевной нотой.

— Только со мной идти надо впередъ смѣло, не бо-

яться риска, временныхъ заклепокъ, подвоховъ, газетной брехни, всякихъ дешевыхъ обличеній, даже прокурорскаго надзора... на случай доносовъ...

— А нешто до этого дошло, Арсеній Кирилычъ? — вполголоса спросилъ Теркинъ, слегка нагнувшись къ Усатину.

— Дошло ли?!

Усатинъ прищурился на Теркина и мотнулъ головой.

— Доносъ, навѣрно, сдѣланъ на-дняхъ... Въ обѣихъ депешахъ говорится про это.

И, какъ бы спохватившись, онъ перебилъ себя восклицаніемъ:

— Я знаю и чувствую, откуда это идетъ. За все свое прошлое приходится отвѣчать теперь, Теркинъ... Вѣдь вашего отца, сколько я помню, его односельчане доконали?

— Въ Сибирь сослали,—подсказалъ Теркинъ.

— За что?

— Смутьянъ, вишь, былъ... Правду всѣмъ въ глаза говорилъ.

— А я весь свой вѣкъ ворочалъ дѣлами и въ гору шелъ, не измѣняя тому, что во мнѣ заложили лучшіе годы, проведенные въ университетѣ. Вотъ мнѣ и не хотятъ простить, что я шестидесятыми годами отзываюсь, что я врагъ всякой татарской надувастики и рутины... И поползли клопы изъ всѣхъ щелей,—клопы, которымъ мы двадцать лѣтъ назадъ пикнуть не давали. А по нынѣшнему времени они ко двору.

— Вѣрно, вѣрно, Арсеній Кирилычъ.

— Такіе клопы—мерзкая гадина, и надо ее истреблять персидскимъ порошкомъ, а не трусить... Вы, навѣрно, въ газетахъ уже читали...

— Ей-ей, не читалъ, Арсеній Кирилычъ. Я уже говорилъ господину Дубенскому, что больше недѣли листка въ глаза не видалъ.

— Тѣмъ лучше!.. Гнусная интрига, направленная противъ меня. Я вамъ за завтракомъ разскажу въ общихъ чертахъ... Разумѣется, если всѣ, кто у меня служитъ, будетъ такъ же щепетиленъ и слабъ душою, какъ господинъ Дубенскій, не мудрено подъ каждое дѣло подкопаться.

Видно было, что на техника онъ въ сильныхъ сердцахъ и долженъ излить сначала все, что у него накипѣло внутри.

– Помилуйте!—закричалъ онъ и подвинулся къ Теркину.—Вы завѣдуете технической частью въ акціонерномъ дѣлѣ, вы прямо не замѣшаны, не значитесь ни членомъ правленія, ни кассиромъ, и вдругъ, оттого, что дѣло связано, между прочимъ, и съ производствомъ, по которому вы давали свою экспертизу, вы сейчасъ—караулъ! И готовы стать на сторону тѣхъ, кто строчитъ доносы и бьетъ набатъ въ завѣдомо шантажныхъ газетчонкахъ!.. Все это, чтобы выгородить свое цивическое цѣломудріе, ха, ха!..

Усатинъ быстро поднялся и заходилъ по гостиной.

Въ первый разъ видѣлъ Теркинъ такую раздраженность въ своемъ бывшемъ хозяинѣ.

Но онъ съ нимъ былъ согласенъ, хотя и не зналъ, изъ-за чего Дубенскій „выгораживалъ" себя на случай исторіи по акціонерному обществу. Усатинъ, навѣрно, разскажетъ ему, въ чемъ дѣло, не теперь, такъ позднѣе. Несомнѣнно, однакожъ, что минута для займа двадцати тысячъ неподходящая, и лучше будетъ первому не заводить объ этомъ рѣчи.

— Теркинъ!—заговорилъ опять Усатинъ, подойдя плотно къ дивану,—вы у меня переночуете?

— Съ удовольствіемъ, Арсеній Кирилычъ.

— Передъ завтракомъ мы съѣздимъ выкупаться... Вы мнѣ писали... по дѣлу... я вѣдь, батюшка, не нашелъ вашего письма. Теперь я вспомнилъ нашъ разговоръ въ „Славянскомъ Базарѣ"... Вамъ кредитъ нуженъ?

— Точно такъ.

— Приблизительно, на какую сумму?

Глаза Усатина заиграли. Въ нихъ что-то промелькнуло, какое-то мгновенное соображеніе.

— Тысячъ на двадцать.

— Эхъ, милый мой! И зачѣмъ вы у меня тогда не попросили прямо въ Москвѣ?.. Я бы тогда и сорокъ далъ..

— Хотѣлъ самъ извернуться.

— Да вы мнѣ напомните, въ чемъ дѣло.

Теркинъ кратко и дѣловито разсказалъ ему про своего „Батрака".

— Такъ!.. Ну, тутъ можно и безъ залога обойтись... Дайте мнѣ срокъ, какую-нибудь недѣлю, все наладить въ Москвѣ, тогда мы и это уладимъ.

— Ой-ли? Арсеній Кирилычъ!—радостно вскрикнулъ Теркинъ и поднялся.

Глаза Усатина продолжали играть. Онъ что-то обдумывалъ.

— Поѣдемте купаться на рѣку... а тамъ поѣдемъ и еще обширно перетолкуемъ.

XXX.

До разсвѣта не могъ заснуть Теркинъ наверху, въ той комнатѣ, которую отвелъ ему нарядчикъ Верстаковъ.

Такого душевнаго переполоха давно не случалось съ нимъ.

Только къ концу ранняго обѣда, когда Арсеній Кирилычъ велѣлъ подать домашней водянки и стараго коньяку, стало ему вдомекъ, къ чему подбирается его бывшій хозяинъ.

— Вы сами знаете, Теркинъ,—началъ Усатинъ другимъ тономъ, спокойнѣе и задушевнѣе,—крупныя дѣла не дѣлаются безъ нѣкоторыхъ компромиссовъ.

Не сразу уразумѣлъ онъ, на чемъ произошла „заминка“ въ новомъ акціонерномъ предпріятіи, пущенномъ въ ходъ Арсеніемъ Кирилычемъ. Какъ онъ ни прикрывалъ того, что стряслось въ Москвѣ, своей діалектикой, но „уголовщиной“ запахло.

Появились разоблаченія подставныхъ акціонеровъ и дутаго дивиденда, растраты основного капитала и фиктивной цѣны акцій, захваченныхъ на двѣ трети Усатинымъ и его подручными. Можно было весьма серіозно опасаться вмѣшательства администраціи и даже прокурорскаго надзора.

И какъ Усатинъ ни замазывалъ сути дѣла, какъ ни старался выставить все это „каверзой“, съ которой легко справиться, Теркинъ распозналъ, что тотъ не на шутку смущенъ и долженъ будетъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь экстреннымъ мѣрамъ, разумѣется, окольными путями.

Прежде чѣмъ Усатинъ заговорилъ о „маленькой услугѣ“, онъ уже подумалъ:

„Будетъ меня пытать и предложитъ нелегальную сдѣлку“.

— Рискъ пустой, — сказалъ Усатинъ, подбадривая его своими маслянистыми глазками. — А вы мнѣ покажете, Теркинъ, что добро помните... И я вамъ даю слово—въ одну недѣлю уладить ваше дѣло по уплатѣ за пароходъ... на самыхъ льготныхъ для васъ условіяхъ.

Конечно, если вѣрить въ звѣзду Арсенія Кирилыча

и рискнуть, то можно даже примоститься къ дѣлу, буде оно пойдетъ опять полнымъ ходомъ, заставить заплатить за себя двадцать тысячъ, которыхъ даромъ никто не дастъ... Но придется за это впутать себя въ цѣлую „махинацію“, взять съ Усатина дутыхъ векселей на сотню тысячъ и явиться подставнымъ владѣтелемъ не одного десятка акцій.

И Усатинъ не сдѣлаетъ этого, не заручившись документами, покрывающими его фиктивный долгъ, такими же дутыми. Кто говоритъ! Это сплошь и рядомъ дѣлается во всякихъ банкахъ, обществахъ, ликвидаціяхъ и администраціяхъ.

Уходя спать, Теркинъ сказалъ Усатину:

— Утро вечера мудренѣе, Арсеній Кирилычъ, позвольте мнѣ все обсудить... Слишкомъ ужъ внезапно все это налетѣло на меня.

На что тотъ сказалъ ему:

— Только завтра за чаемъ вы мнѣ отвѣтите: да или нѣтъ. Мнѣ надо взять поѣздъ въ часъ дня, и въ случаѣ вашего согласія мы двинемся вмѣстѣ въ Москву.

До разсвѣта онъ провозился въ постели, перебиралъ на всякіе лады: можетъ онъ или нѣтъ пойти на такое дѣло, и кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ уклониться, хотя бы задержка въ отысканіи двадцати тысячъ испортила всѣ его расчеты.

Это рѣшеніе не успокоило его... Онъ началъ добираться до глубины своихъ побужденій.

Изъ благороднаго ли оно источника вытекло?.. Честность ли это?.. Или просто смѣтка, боязнь влопаться въ уголовное дѣло?..

Кажется, больше второе, чѣмъ первое. И такая оцѣнка своей совѣсти огорчила его чрезвычайно... Даже потъ выступилъ у него на лбу.

„Стало-быть,—пыталъ онъ себя,—будь я увѣренъ, что все останется шито-крыто, иди предпріятіе Усатина ни шатко ни валко, не подымай никто тревоги въ газетахъ, я бы, пожалуй, рискнулъ помочь ему въ его дѣлеческихъ комбинаціяхъ, предъявилъ бы, когда нужно, дутые документы и явился бы на общее собраніе съ чужими акціями?“

И на этотъ вопросъ онъ не могъ почему-то отвѣтить себѣ:

„Нѣтъ, ни подъ какимъ видомъ!“

Арсенія Кирилыча онъ любилъ, готовъ былъ оказать для него услугу... Такъ почему же онъ отказывается теперь, когда тому грозитъ прямая бѣда?..

На это онъ отвѣчалъ сначала, что Усатинъ „покачнулся", а съ этимъ и его вѣра въ него... Значитъ, онъ ужъ не прежній Арсеній Кирилычъ. Тотъ ни подъ какимъ видомъ не сталъ бы подстроивать такую „механику".

А кто его знаетъ?.. Можетъ, онъ и прежде способенъ былъ на то же самое, да только пыль въ глаза пускалъ, всѣхъ проводилъ, въ томъ числѣ и его, простофилю.

„Нужды нѣтъ,—оправдывалъ себя Теркинъ,—если онъ и проводилъ меня, я-то самъ честно вѣрилъ въ него, считалъ себя куда рыхлѣе въ вопросахъ совѣсти, а теперь я вижу, что онъ на то идетъ, на что, быть-можетъ, я самъ не пошелъ бы въ такихъ же тискахъ".

„Почемъ ты знаешь?" — вдругъ спросилъ онъ самого себя, и въ груди у него сразу защемило... Увѣренности у него не было, не могъ онъ ручаться за себя. Да и кто можетъ?.. Какой дѣлецъ, любитель риска, идущій въ гору, съ пылкой головой, съ обширными замыслами?

Какъ можетъ онъ оградить самого себя, разъ онъ въ дѣлахъ да еще безъ капитала, съ плохимъ кредитомъ, отъ того, что не вылетитъ въ трубу и не попадетъ въ лапы прокурорскаго надзора?..

Съ каждыми пятью минутами онъ все больше и больше запутывался, послѣ того, какъ пришелъ къ твердому выводу: на посулы Усатина не итти.

— Этакая ерунда!—произнесъ онъ вслухъ, скинулъ съ себя одѣяло и всталъ.

Дольше онъ не желалъ теребить себя, но въ душѣ все-таки оставалось неяснымъ: заговорила ли въ немъ честность или только жуткое чувство уголовной опасности, нежеланіе впутаться въ темное дѣло, гдѣ можно очутиться и въ дуракахъ?

Онъ поднялъ штору, открылъ окно и поглядѣлъ на даль, въ сторону берега, гдѣ круто обрывался оврагъ. Все было залито розовымъ золотомъ восхода... Съ рѣки пахнуло мягкой прохладой.

Тотчасъ же, не умываясь, онъ присѣлъ къ столу, досталъ изъ своего дорожнаго мѣшка бумаги и конвертъ и быстро написалъ письмо Арсенію Кирилычу, гдѣ прямо говорилъ, что ему трудно будетъ отказываться, и онъ

проситъ не пенять на него за то, что уѣхалъ, не простившись, на пароходную пристань.

Одѣвшись, онъ сошелъ тихонько внизъ и разбудилъ Верстакова, который спалъ въ комнатѣ возлѣ передней.

Верстаковъ, когда узналъ, что онъ хочетъ уѣхать черезъ часъ и нужно ему запрячь лошадь, почему-то не удивился, а, выйдя на крыльцо, шопотомъ началъ разспрашивать про „исторію“. Всѣмъ своимъ видомъ и тономъ нарядчикъ показывалъ Теркину, что боится за Арсенія Кирилыча чрезвычайно, и самъ сталъ проговариваться о разныхъ „недохваткахъ“ и „прорѣхахъ“ и по заводу, и по нефтяному дѣлу.

— Батюшка, Василій Иванычъ,—просительно кончилъ онъ, придя за вещами Теркина въ его комнату,—позвольте на васъ надѣяться. Признаться вамъ по совѣсти, ежели дѣло крякнетъ — пропадетъ и мое жалованье за цѣлыхъ семь мѣсяцевъ.

— Неужто не получалъ?—спросилъ удивленно Теркинъ.

— Ей-же-ей!.. Вамъ я довольно извѣстенъ... На что гожусь и на что нѣтъ... Вы теперича сами хозяйствовать собираетесь... не оставьте вашими милостями!

Этого нарядчика, еще не стараго, юркаго, прошедшаго хорошую школу, онъ зналъ, считалъ его не безъ плутоватости, но если бы ему онъ понадобился, отчего же и не взять?

„Чего тутъ? — поправилъ онъ себя. — Ты сначала кредитъ-то себѣ добудь да судохозяиномъ сдѣлайся!“

— Хорошо! — отвѣтилъ онъ вслухъ и пристально поглядѣлъ на сухую жилистую фигуру и морщинистое лицо Верстакова, ловко и безъ шума снарядившаго его въ дорогу.

— Чаю не угодно? Значитъ, Арсенія Кирилыча не будить?

— Ни подъ какимъ видомъ. Только письмо ему подать. А чаю я напьюсь на пароходѣ.

У крыльца стояла долгуша въ одну лошадь. Верстаковъ вызвался и проводить его до станціи, да Теркинъ отклонилъ это.

„Немножко какъ будто смахиваетъ на бѣгство, — подумалъ онъ про себя по пути къ пристани.—И отъ чего я бѣгу? Отъ уголовщины или отъ дѣла съ дурнымъ запахомъ?“

И на этотъ вопросъ онъ не отвѣтилъ.

XXXI.

— Позвольте вамъ сказать... Капитанъ не приказываетъ быть около руля.

Съ этими словами матросъ обратился къ Теркину, стоявшему около лѣваго кожуха на пароходѣ „Сильвестръ“.

— Почему такъ?—спросилъ онъ и нахмурился.—Вездѣ пассажиры перваго класса имѣютъ право быть наверху.

— Вонъ тамъ не возбраняется.

Матросъ указалъ па верхнюю палубу, обширную, безъ холщеваго навѣса. Она составляла крышу американской рубки, съ семейными каютами.

И онъ прибавилъ:

— Наше дѣло подневольное. Капитанъ гнѣваются.

Теркинъ не хотѣлъ поднимать исторіи. Онъ могъ отправиться къ капитану и сказать, кто онъ. Надо тогда выставляться, называть свою фамилію, а ему было это неудобно въ ту минуту.

— Ну, ладно,—выговорилъ онъ и вернулся на верхнюю палубу, гдѣ посрединѣ шелъ двойной рядъ скамеекъ, бѣлыхъ, какъ и весь пароходъ.

Ему не хотѣлось выставляться. Онъ былъ не одинъ. Съ нимъ ѣхала Серафима. Дня за три передъ тѣмъ они сѣли на этотъ пароходъ ночью. Она ушла отъ мужа, какъ только похоронили ея отца, оставила письмо,—мужъ игралъ въ клубѣ, — и взяла съ собою одинъ чемоданъ и сумку.

Третій день идутъ они кверху. Пароходъ „Сильвестръ“— плохой ходокъ. Завтра утромъ должны быть въ Нижнемъ. Завечерѣло, и ночь надвигалась хмурая, безъ звѣздъ, но еще не стемнѣло совсѣмъ.

Во всѣ эти дни Теркинъ не могъ овладѣть собою.

Вотъ и теперь, ходя по верхней палубѣ, онъ и возбужденъ, и подавленъ. Ему жутко за Серафиму, не хочется ни подо что подводить ее. Нарочно онъ выбралъ такой пароходъ: на немъ все мелкіе купцы, да простой народъ, татары. Пассажировъ перваго класса почти нѣтъ. Занялъ онъ двѣ каюты, одна противъ другой. Серафима хотѣла помѣститься въ одной, съ двумя койками; онъ не согласился. Онъ просилъ ее днемъ показываться на палубѣ съ опаской. Она находила такую осторожность „трусостью“ и повторяла, что желаетъ даже „скандала“,—это только поскорѣе развяжетъ ее навсегда.

Уже на второй день поутру начало уходить отъ Теркина то блаженное состоянiе, когда въ груди таетъ радостное чувство; онъ даже спросилъ себя разъ:

„Неужли выше этого счастья и не будетъ?“

Однако, женщина владѣла имъ, какъ никогда. Это—связь, больше того,—сообщничество. „Мужняя жена“ бѣжала съ нимъ. Въ его жизнь клиномъ вошло что-то такое, чего прежде не было. Онъ чуялъ, что Серафима хоть и не приберетъ его къ рукамъ,—она слишкомъ сама уходила въ страсть къ нему,—но станетъ съ каждымъ днемъ тянуть его въ разныя стороны. Нельзя даже предвидѣть, куда именно. И непремѣнно отразится на немъ ея существо, взгляды, пристрастiя, увлеченiя, растяжимость „бабьей совѣсти“,—онъ именно такъ выражался,—суетность во всѣхъ видахъ.

Досадно было ему думать объ этомъ и расхолаживать себя „подлыми“ вопросами, сравненiями.

Взглядъ его упалъ на группу пассажировъ, вправо отъ того мѣста, гдѣ онъ ходилъ, и сейчасъ въ головѣ его, точно по чьему приказу, выскочилъ вопросъ:

„А нѣшто не то же самое всякая плотская страсть?“

Спинами къ нему сидѣли на одной изъ скамеекъ, раздѣлявшихъ пополамъ палубу, женщина и двое мужчинъ, молодыхъ парней, смахивающихъ на мелкихъ приказчиковъ или лавочниковъ.

На женщину онъ обратилъ вниманiе еще вчера, когда они пошли отъ Казани, и догадался, кто она, съ кѣмъ и куда ѣдетъ.

Ей было уже за тридцать. Сразу восточный нарядъ,—голову ея покрывалъ бархатный колпакъ съ какимъ-то мѣшкомъ, откинутымъ на бокъ,—показывалъ, что она татарка. Шелковая короткая безрукавка ловко сидѣла на ней. Лицо подрумяненное, съ насурмленными бровями, хитрое и худощавое, могло еще нравиться.

Теркинъ призналъ въ ней „хозяйку“, ѣздившую съ ярмарки домой, въ Казань, за новымъ „товаромъ“.

И товаръ этотъ, въ лицѣ двухъ дѣвушекъ, одной толстой, грубаго лица и стана, другой — почти ребенка, показывался изрѣдка на носовой палубѣ. Онѣ были одѣты въ шапки и длинныя шелковыя рубахи съ оборками и множествомъ дешевыхъ бусъ на шеѣ.

Ему и вчера сдѣлалось непрiятно, что они съ Серафимой попали на этотъ пароходъ. Ихъ первыя ночи прохо-

дили въ такомъ сосѣдствѣ. Надо терпѣть до Нижняго. При хозяйкѣ, не отказывавшейся отъ заигрыванія съ мужчинами, состоялъ хромой татаринъ, еще мальчишка, прислужникъ и скрипачъ, обычная подробность татарскихъ притоновъ.

Эта досадная случайность грязнила ихъ любовь.

До Теркина долеталъ смѣхъ обоихъ мужчинъ и отрывочные звуки голоса татарки, говорившей довольно чисто по-русски. Она держала себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ, не хохотала нахально, а только отшучивалась.

Лакей принесъ пива. Началось угощенье, но безъ пьянства. Поднялся наверхъ по трапу и татаринъ-скрипачъ и, ковыляя, подошелъ къ группѣ.

„Еще этого не хватало!—съ сердцемъ подумалъ Теркинъ.—Кабацкая музыка будетъ. И того хуже!“

Ужъ, конечно, на его „Батракѣ“ ничего подобнаго не можетъ случиться. Такихъ „хозяекъ“ съ дѣвицами и музыкантами онъ формально запретитъ принимать капитану и кассирамъ на пристаняхъ, хотя бы на другихъ пароходахъ товарищества и дѣлалось то же самое.

Не будь необходимости проѣхать до Нижняго тихонько, не называя себя, избѣгая всякаго повода выставляться, онъ бы и теперь заставилъ капитана „прибрать всю эту нечисть“ внутрь, приказать татаркамъ сидѣть въ каютахъ, что̀ обыкновенно и дѣлается на пароходахъ получше, съ бо̀льшимъ порядкомъ.

„Нешто не все равно?—повторилъ онъ свой вопросъ,—вѣдь и тутъ то же влеченіе!“

Онъ не могъ отдѣлаться отъ этой мысли, ушелъ на самую корму, сѣлъ на якорь. Но и туда долетали гоготаніе мужчинъ, угощавшихъ татарку, и звуки ея низкаго, непріятнаго голоса. Нѣкоторыя слова своего промысла произносила она по-русски, съ безсознательнымъ цинизмомъ.

Голова Теркина заработала помимо его воли, и все новые ѣдкіе вопросы выскакивали въ ней точно на зло ему...

Можетъ ли быть полное счастье, когда оно связано съ утайкой и вотъ съ такими случайностями? Навѣрно, здѣсь, на этомъ самомъ пароходѣ, если бы прислуга, матросы, эта „хозяйка“ и ея кавалеры знали, что Серафима не жена его да еще убѣжала съ нимъ, они бы стали назы-

вать ее однимъ изъ циническихъ словъ, вылетѣвшихъ сейчасъ изъ тонкаго, слегка скошеннаго рта татарки.

И такъ все пойдетъ, пока Серафима не обвѣнчается съ нимъ. А когда это будетъ? Она не заикнулась о бракѣ ни до побѣга, ни послѣ. Таинство для нея ничего не значитъ. Пока не стоитъ она и за уваженіе, за почетъ, помирится изъ любви къ нему со всякимъ положеніемъ. Да, пока... а потомъ?

Онъ впервые убѣждался въ томъ, что для него обычай не потерялъ своей силы. Неловкость положенія непремѣнно будетъ давить его. Къ почету, къ уваженію онъ чувствителенъ. За нее и за себя онъ еще не мало настрадается.

Мужъ Серафимы—теперь товарищъ прокурора. По доброй волѣ онъ не пойдетъ на разводъ, не возьметъ на себя вины, или надо припасти крупную сумму для „отступного".

Да и не чувствовалъ онъ себя въ брачномъ настроеніи. Бракъ—не то. Бракъ—дѣло святое даже и для тѣхъ, у кого, какъ у него, нѣтъ крѣпкихъ вѣрованій.

Чего онъ ждалъ и ждалъ со страхомъ — это вопроса: „положимъ, она тебя безумно любитъ, но развѣ ты застрахованъ отъ ея дальнѣйшихъ увлеченій?" И этотъ вопросъ пришелъ вотъ сейчасъ, все подъ раздражающій кутежъ двухъ мѣщанъ въ короткихъ пиджакахъ и свѣтлыхъ картузахъ.

Въ такомъ настроеніи онъ не хотѣлъ спускаться къ Серафимѣ внизъ, пить чай, но ему было бы также непріятно, если бы она, соскучившись сидѣть одна, пришла сюда на верхнюю палубу.

Одно только сладко щекотало: чувство полной побѣды, сознаніе, что такая умная, красивая, нарядная, рѣчистая женщина бросила для него, мужичьяго сына, своего мужа, каковъ бы онъ ни былъ,—барина, правовѣда, на хорошей дорогѣ.—„А такіе, съ протекціей, забираются высоко",—думалъ онъ.

XXXII.

Въ каютѣ Серафимы стемнѣло. Она ждала Теркина къ чаю и немного вздремнула, прислонившись къ двумъ подушкамъ. Одну изъ нихъ предложилъ ей Теркинъ. У нея взята была съ собою всего одна подушка. Когда она собралась на пароходъ, пришлось оставить остальныя дома,

вмѣстѣ со множествомъ другого добра: мебели, бѣлья, столоваго и спальнаго, зимняго платья, даже серебра, всякихъ ящичковъ и туалетныхъ вещицъ, принадлежавшихъ ей, а не Рудичу, купленныхъ на ея деньги.

Но полчаса передъ тѣмъ она проснулась и обвела своими прекрасными, съ алмазнымъ отблескомъ глазами голыя и бѣлесоватыя стѣны каюты, сумку, лежавшую въ углу, матрацъ и пикейное одѣяло, добытые откуда-то Теркинымъ, и ей не стало жаль своей хорошей обстановки и всего брошеннаго добра.

Вытребовать все это отъ Севера Львовича не удастся, да она и не хочетъ. Пускай продастъ и проиграетъ. Она ему написала, что онъ можетъ распорядиться всѣмъ, какъ ему угодно.

Что̀ ей въ этомъ добрѣ? Вася съ ней! Она начала съ нимъ новую жизнь.

— Вася, Вася!—повторяли безслышно ея губы.

Ей непріятно только то, что онъ проситъ ее поменьше показываться на палубѣ. Конечно, это показываетъ, какъ онъ на нее смотритъ! Но чего ей бояться и что терять? Если бы она не ставила выше всего его любви, жизни съ нимъ, она, жена товарища прокурора, у всѣхъ на виду и въ почетѣ, не ушла бы такъ скандально.

Для нея нѣтъ ни скандала, ни непріятностей, ни страховъ, ни сожалѣній, ничего!..

Мужчины, видно, изъ другого тѣста сдѣланы, хотя бы и такіе пылкіе и смѣлые, какъ ея Вася. У нихъ слишкомъ много всякихъ дѣлъ, всюду ихъ тянетъ, не даетъ имъ окунуться съ головой въ страсть...

Она остановила себя. Ни въ чемъ не желаетъ она обвинять его. Онъ ее любитъ. Вѣритъ она и въ то, что еще ни одна женщина его такъ не „захлеснула“.

Это его выраженіе; оно ей нравится, какъ вообще всякія мѣткія народныя слова. Они—одного поля ягода. Въ ихъ жилахъ течетъ крестьянская кровь. Оба разночинцы. И это званіе ихъ не коробитъ. Если ему хотѣлось выйти въ люди, добиться званія почетнаго гражданина, то только затѣмъ, чтобы оградить свое достоинство. „Развѣ можно насъ не быть *чѣмъ-нибудь*,—говорила она себѣ,—если не хочешь рисковать, что тебя всякій становой оборветъ, а то такъ и засадитъ въ темную? Впрочемъ,—продолжала она разсуждать,—вѣдь не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, она сама слышала, что на ярмаркѣ тѣлесно нака-

зали такого же почетнаго гражданина. Возьмутъ, да и пропишутъ".

Все тамъ, внутри, — она не могла опредѣлить, гдѣ именно: въ груди или въ мозгу, — говорило ей, что ея судьба безповоротно связана съ Васей. Если ей суждено „попматься" на этой любви, то она все въ нее уложитъ до послѣдней капли своихъ силъ, страсти, ума, жизненности.

Нѣтъ для нея съ того часа, какъ она пошла на первое свиданіе съ Васей, разницы между *своимъ* и *его* добромъ. И сладко ей это полное отсутствіе чувства собственности.

Половина приданаго пошла такъ же на мужа; но тамъ деньги ухлопаны въ его игрецкое безпутство, потому что она сразу не умѣла себя поставить, глупа была, подчинялась ему изъ тщеславія. И скоро начала жалѣть, дѣлать ему сцены, и до и послѣ первой встрѣчи съ Васей.

Какая сила деньги—она теперь хорошо знала. Въ ея теперешнемъ положеніи, свой капиталъ, хотя бы и маленькій, охъ, какъ пригодится! Вѣдь она никакихъ правъ не имѣетъ на Васю. Онъ можетъ ее выгнать, когда ему вздумается. У матери остались, правда, домъ съ мельницей, но она отдала ихъ въ аренду... не Богъ знаетъ какую. Тысячу рублей, врядъ ли больше. Матери и самой надо прожить.

И все-таки она не можетъ крѣпко держаться ни за какія деньги, ни за большія, ни за малыя.

Сейчасъ отдастъ она Васѣ все до послѣдней копейки... Это для нея самой одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ оселковъ того, что̀ онъ для нея.

Ее тяготитъ та сумма, которую она везетъ съ собою въ дорожномъ мѣшкѣ.

Въ лицѣ Серафима ощутила внезапную теплоту, какъ только ея мысль перешла на эту „сумму".

Передъ ней опять нѣмая сцена. Вотъ мать ея вынимаетъ изъ шкатулки, той самой шкатулки, что̀ отецъ передъ смертью велѣлъ подать къ нему на кровать, большой пакетъ. На немъ написано рукой отца съ ошибками правописанія: „Племянницѣ моей, Калеріи, все находящееся въ семъ конвертѣ оставляю въ полную собственность. Сумма сія, въ билетахъ и серіяхъ, а которая и въ закладныхъ листахъ, достается на ея долю, потому какъ пріумножена на ея деньги. И прошу я племянницу мою

Калерію: тетку не оставить и дочь мою Серафиму такимъ же манеромъ, ежели, паче чаянія, онѣ придутъ въ денежное разстройство".

Все это крупными буквами было написано на свободной отъ печатей сторонѣ пакета, въ какіе вкладываются дѣловыя бумаги.

Онѣ обѣ переглянулись; мать сломала печать и выговорила шопотомъ:

— Ну, Господи, благослови!

Помнится, даже перекрестилась своимъ раскольничьимъ крестомъ, съ заносомъ руки вправо и влѣво на самый уголъ плеча.

Печать была крупная и не сразу подалась. Въ конвертѣ оказалась подкладка изъ толстой марли.

Заперлись онѣ въ спальнѣ матери. Сѣли обѣ на край постели, вытряхнули изъ пакета всѣ цѣнныя бумаги. Много ихъ выпало разныхъ форматовъ и цвѣта: розовый, зеленый, голубой, желтоватый колеръ ободковъ заигралъ у нея въ глазахъ, и тогда первая ея мысль была:

„У Васи будутъ деньги на пароходъ, если онъ и не раздобудетъ у того барина".

Купоны нигдѣ почти не были отрѣзаны, кромѣ серій. Стали онѣ считать, считала она, а мать только тяжело переводила духъ и повторяла изрѣдка: „Ну, ну!" Перечли два раза. Она все записала на бумажку. Вышло, безъ купоновъ, тридцать-одна тысяча триста рублей.

Мать отдала ихъ ей всѣ и сказала:

— Симочка!.. Мы передъ Калеріей не много провинимся, ежели изъ этихъ денегъ что̀ удержимъ. Воровать мы у ней не будемъ. Зачѣмъ ей этакой капиталъ?.. Она все равно, что Христова невѣста... Пущай мы съ тобой про то знаемъ. Когда нужно, окажемъ ей пособіе.

Въ умѣ она къ словамъ матери добавила:

„Двадцать тысячъ Васѣ пригодятся. А десять мы придержимъ. На что Калеріи больше тысячи рублей?.. На глупости какія?.. Стриженымъ раздавать?.."

Отъ матери она хоронила свое рѣшеніе—совсѣмъ убѣжать—до самой послѣдней минуты.

Наканунѣ она сказала ей, уѣзжая домой:

— Мамаша, ежели мнѣ невмоготу будетъ выносить мое постылое житье съ Рудичемъ, вы не подымайте тревоги. Вамъ будетъ извѣстно, гдѣ я. Здѣсь вы жить не хотите. Вотъ поѣдете къ роднымъ. Коли тамъ вамъ придется по

душѣ, наймете домикъ и перевезете свое добро. А разлетится къ вамъ Рудичъ—вы сумѣете его осадить.

Въ сумкѣ увезла она капиталъ Калеріи, но ничего еще не говорила объ этомъ Васѣ. Онъ тоже молчитъ про то, съ какимъ отвѣтомъ уѣхалъ отъ Усатина. Что-то ей подсказывало, что ни съ чѣмъ.

Сегодня она должна довести до того, чтобы онъ взялъ себѣ двадцать тысячъ. Будетъ онъ допытываться, чьи это именно деньги—она скажетъ; а нѣтъ—такъ и не надо говорить. Могъ и отецъ оставить ей съ матерью.

Она еще разъ и долго поглядѣла на мѣшокъ, потомъ поднялась и взяла его со стула въ углу, положила на столикъ, подъ окномъ, спустила штору, зажгла свѣчу и стала ждать его такъ нетерпѣливо, что хотѣла даже подняться на палубу.

Ночь совсѣмъ уже понадвинулась надъ пароходомъ.

XXXIII.

Чай они пили въ каютѣ Теркина, напротивъ черезъ узкій коридорчикъ.

Былъ уже десятый часъ въ исходѣ. На такомъ же узкомъ откидномъ столикѣ у окна чайный приборъ расползся безпорядочно.

Серафима сидѣла на кровати, облокотясь о кожаную подушку, Теркинъ—на стулѣ, противъ окна. Штора была спущена. Горѣла одна свѣча. Въ каютѣ было душно.

Разговоръ пошелъ не совсѣмъ такъ, какъ она желала. Теркинъ все еще не разсказалъ ей подробно, съ чѣмъ онъ возвращался отъ Усатина. Въ Нижнемъ они рѣшили сейчасъ же переѣхать на чугунку, съ пристани, и съ вечернимъ скорымъ поѣздомъ дальше, въ Москву, гдѣ она и останется, а онъ съѣздитъ еще разъ въ Нижній.

— У меня, — заговорилъ онъ, закуривая папиросу, — тамъ, по Яузѣ, въ сторону отъ дороги къ Троицѣ, намѣчено мѣстечко. Ты московскія-то урочища мало знаешь, Сима?

— Совсѣмъ не знаю. Даже въ Сокольникахъ не была. Мы ѣздили въ Москву зимой.

— Чудесное есть мѣстечко... около Свиблова. На лодкѣ можно спуститься по Яузѣ... Берега-то всѣ въ зелени. Мнѣ одинъ человѣчекъ уступитъ свою дачку... Ему какъ разъ надо ѣхать на нѣсколько недѣль въ Землю Войска Донского.

— Найдемъ!.. По мнѣ, пожалуй, хоть и подъ Нижнимъ. Есть прекрасныя мѣста, туда по Окѣ, за Соляными амбарами.

— Нѣтъ, этого не нужно, Сима!.. Особливо во время ярмарки. Никакого нѣтъ резону тамъ оставаться.

Онъ немножко нахмурилъ брови, но тотчасъ же его большіе глаза, со слезой, улыбнулись, и онъ протянулъ ей руку.

— Ты ужъ довѣрься мнѣ,—выговорилъ онъ, оглядывая ее, и потомъ подхватилъ ея руку, — она хотѣла что-то достать на столикѣ,—и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

Отъ этой ласки она трепетно прильнула къ нему головой и тихо, чуть слышно сказала:

— Вася! какъ же ты... тамъ въ Сормовѣ покончилъ?.. Вѣдь дѣло-то не ждетъ... Пароходъ твой, чай, давно готовъ?

— Готовъ,—небрежно выговорилъ Теркинъ.

— Сядь сюда... поближе ко мнѣ!

Она усадила его рядомъ съ собою, сама пододвинулась къ подушкѣ и оставила обѣ руки въ его рукахъ.

— Вотъ такъ. А то я тебя совсѣмъ не чувствую...

Онъ негромко разсмѣялся и взялъ ее за талію.

— Должно-быть, тотъ баринъ... тамъ на низу... не при деньгахъ?

Теркинъ помолчалъ.

— Зачѣмъ намъ съ тобой, Сима, о дѣлахъ перебирать!.. Это еще успѣется. Какая тебѣ въ этомъ сладость?..

— Нѣтъ!.. Ты напрасно, Вася!—Она выпрямила станъ и поглядѣла на него въ бокъ. — Все, что ты и твои заботы, планы — это и моя жизнь. Больше у меня нѣтъ никакой, да и не будетъ!

Ея голосъ, низковатый и слегка вздрагивающій, проникалъ въ него и грѣлъ. Такъ можетъ звучать только беззавѣтная любовь.

И чего ему скрытничать?.. Вѣдь это — самолюбіе мужчины, не что другое... Не хочется сказать прямо: „Да, я потерпѣлъ осѣчку и денегъ у меня нѣтъ, и врядъ ли я ихъ добуду въ теченіе августа“.

У него всегда второе душевное движеніе лучше перваго. И въ эту минуту и во сколькихъ случаяхъ жизни онъ такъ вотъ и ловилъ себя и поправлялъ.

— Что жъ!—вымолвилъ онъ, тряхнувъ головой.—Лгать не хочу. Усатинъ теперь и самъ такъ запутался, что дай Богъ отъ уголовщины уйти.

— Какъ такъ?

Онъ разсказалъ ей просто, что видѣлъ и слышалъ отъ Дубенскаго и самого Усатина.

— Покачнулся, значитъ? — спросила она и опустила голову.

— Этого мало, Сима. Покачнулся не въ однихъ дѣлахъ... а въ правилахъ своихъ. Это ужъ не прежній Усатинъ. Мнѣ прямо посулъ сдѣлалъ, чтобы я его прикрылъ... дутымъ документомъ.

Онъ съ большимъ оживленіемъ разсказалъ и про „подходъ“ Усатина.

— Разумѣется... ты отказался. Нешто ты пойдешь на это?.. Другіе пойдутъ, а не ты.

Губы ея прикоснулись къ его лбу.

И она подумала въ ту же минуту:

„Не приметъ онъ нашихъ денегъ. Будетъ доискиваться, не украли ли мы ихъ у Калеріи?“

Это ее смутило, но она не дала смущенію овладѣть собою и снова прижалась къ нему.

— Вася!.. Бѣда не велика... Деньги найдутся.

Онъ поглядѣлъ на нее быстро и отвелъ глаза.

Ему бы слѣдовало сейчасъ же спросить: „Откуда же ты ихъ добудешь?“ — но онъ ушелъ отъ такого вопроса. Отецъ Серафимы умеръ десять дней назадъ. Она третьяго дня убѣжала отъ мужа. Про завѣщаніе отца, про наслѣдство, про деньги Калеріи онъ хорошо помнилъ разговоръ у памятника; она пока ничего ему еще не говорила, или, лучше, онъ самъ какъ бы умышленно не заводилъ о нихъ рѣчи.

То была въ немъ деликатность. Онъ такъ объяснялъ это. Но теперь приходилось сдѣлать два-три вопроса, отъ которыхъ не слѣдовало бы отвертываться, если поступать по строгой честности.

— Видишь...—продолжала Серафима тихо, но тревожнѣе, чѣмъ бы нужно. — Послѣ отца осталось... больше, чѣмъ мы съ мамашей думали... И никакого завѣщанія онъ не оставилъ.

— Не оставилъ? — переспросилъ Теркинъ и вскинулъ на нее глазами.

— Ей-же-ей!.. Никакого! — почти вскрикнула она и схватила его за руку. — Никакого завѣщанія... Онъ при мнѣ, еще тогда, какъ ты уѣхалъ къ Усатину, велѣлъ подать шкатулку и разсказалъ...

Она какъ будто запнулась.

„А деньги Калеріи?“ подсказалъ себѣ Теркинъ.

— Однако... выражалъ свою волю... устно или... оставилъ для передачи.... твоей двоюродной сестрѣ?..

— Вася! — еще порывистѣе перебила его Серафима и положила горячую голову на его лѣвое плечо, — зачѣмъ ей деньги?.. Я ужъ тебѣ говорила, какая она... И опять же отецъ и къ ней обращается.

— Значитъ, есть завѣщаніе?

— Нѣтъ, я тебѣ покажу... просто на пакетѣ написано... И прямо говорится, чтобы она подѣлилась и съ матерью, и со мною.

— Однако... капиталъ оставленъ прямо ей... Стало, ея деньги были въ оборотахъ отца, и онъ, какъ честный человѣкъ, не пожелалъ брать грѣха на душу.

— Вася! Милый! Зачѣмъ такъ ставить дѣло?.. Маменька и я вольны распорядиться этими деньгами, какъ намъ совѣсть наша скажетъ... Мы не ограбимъ Калеріи. Да она первая, коли на то пошло, дастъ намъ взаймы.

— Это дѣло десятое, Сима!

И онъ почувствовалъ, что подается.

— Но я такъ, изъ рукъ въ руки отъ тебя, одной тысячи не приму, пока ты къ ней не обратишься... Да и то мнѣ тяжко будетъ одолжаться изъ такого источника.

— Это почему?

На рѣсницахъ ея заблестѣли двѣ крупныя слезинки.

— Тебѣ стыдно... Ты гнушаешься. Источникъ нехорошъ!.. Спасибо!..

Она готова была разрыдаться.

— Сима! Развѣ я въ такомъ смыслѣ?.. Ты не понимаешь меня!

Его сильныя руки обнимали ее... Она подъ его ласками утихла сразу.

— Нѣтъ!.. Позволь!.. Позволь!

Серафима вскочила, взяла дорожный мѣшокъ, торопливо отперла ключикомъ и достала оттуда пакетъ.

Теркинъ слѣдилъ за ней глазами. Онъ не могъ подавить въ себѣ вопроса: какая сумма лежала тамъ?

— Вотъ, милый, смотри... и подпись отца.

— Я читать не стану... Уволь... Я вѣрю тебѣ.

Ея руки, вздрагивая, начали вынимать изъ пакета цѣнныя бумаги.

„Стало, онѣ печать-то сломали?“ спросилъ мысленно Теркинъ, но не выговорилъ вопроса вслухъ.

Вся койка на томъ мѣстѣ, гдѣ Серафима сейчасъ сидѣла, покрылась серіями, билетами и закладными листами.

— Тутъ слишкомъ на тридцать тысячъ... Вася! Ты видишь... во всякомъ случаѣ останется еще, ежели и взять сейчасъ двадцать.

И, не давая ему говорить, она вынула двѣ сумки изъ замши.

— Милый!.. Сдѣлай ты мнѣ одолженіе... Уложимъ все это въ сумки, раздѣлимъ поровну и надѣнемъ на грудь. Мало ли что̀ можетъ случиться въ дорогѣ... Этого-то ты мнѣ не можешь отказать.

Она все такъ же порывисто накинула ему на шею одну изъ сумочекъ и стала складывать билеты.

Теркинъ глубоко вздохнулъ.

XXXIV.

Сильнѣйшій толчокъ разбудилъ его и заставилъ привскочить. Онъ спалъ крѣпко. Прошло болѣе двухъ часовъ, какъ онъ вернулся отъ Серафимы съ замшевымъ мѣшкомъ на груди.

Въ первыя три-четыре секунды онъ не могъ опредѣлить, что̀ это такое за толчокъ. Рука его потянулась къ столику за спичками.

Въ каютѣ было совсѣмъ темно.

Но сейчасъ же догадался онъ, что стряслась бѣда.

На палубѣ и по всему корпусу парохода возрастающій шумъ; гдѣ-то затрещало; крики и бѣготня; рѣжущее шипѣніе паровъ.

„Тонемъ!“ мгновенно рѣшилъ онъ, всталъ на ноги, успѣлъ зажечь свѣчу и натянуть на себя пиджакъ. Онъ спалъ въ жилетѣ и одѣтый, прикрываясь пледомъ. Подъ подушкой лежалъ его бумажникъ. Онъ сунулъ его въ боковой карманъ и ощупалъ замшевую сумку.

„Здѣсь!“ радостно подумалъ онъ и, ничего не захвативъ съ собою, рванулся изъ своей каюты.

Онъ уже переживалъ минуты настоящей опасности и зналъ, что не теряется. Въ головѣ его сейчасъ же становилось ясно и возбужденно, какъ отъ большого пріема хины.

Надо спасти себя, Серафиму и деньги, а на все прочее

добро махнуть рукой... Съ нимъ былъ чемоданъ и мѣшокъ... Съ нею также.

Онъ уже сообразилъ, — на это пошло пять секундъ,— что ударъ нанесенъ какимъ-нибудь встрѣчнымъ пароходомъ, что ударило въ носовую часть и навѣрно проломило ее. Каюты пассажировъ второго класса навѣрно уже затоплены. Можетъ взорвать и паровикъ.

— Серафима Ефимовна! Серафима Ефимовна!..

Онъ стучалъ въ дверку ея каюты и трясъ ее за ручку.

— Ты, Вася?—спросонья откликнулась она.

— Тонемъ! Выбѣгайте! Коли раздѣты, все равно!..

Онъ поглядѣлъ влѣво, гдѣ была дверь на палубы. Тотъ край парохода еще не затонулъ.

Въ ихъ коридорчикѣ пассажировъ, кажется, не было.

На палубѣ гамъ возрасталъ. Пронеслись надъ нимъ слова въ рупоръ:

— Что жъ вы, разбойники! На утекъ? Спасай пассажировъ! Черти! Слышите аль нѣтъ?..

Теркинъ соображалъ такъ же ясно и возбужденно,—а руками продолжалъ трясти ручку двери,—что пароходъ, налетѣвшій на нихъ, уходитъ, пользуясь темнотой ночи, и такъ у него закипѣло отъ этой подлости, что онъ чуть не выскочилъ на палубу.

Серафима отомкнула задвижку. Она была полуодѣта, съ разстегнутымъ лифомъ пеньюара.

— Что такое?

Въ полутемнотѣ онъ не могъ разглядѣть ея лица, но голосъ не выдавалъ большого переполоха.

— Спасаться надо, Сима! Вотъ что̀...

— Тонемъ?

— Наскочилъ пароходъ!..

Она начала хватать платье, мѣшокъ.

— Ничего съ собой не брать!—почти грозно крикнулъ онъ и потянулъ ее за руку. — Мѣшокъ на тебѣ... тотъ... замшевый?

— На мнѣ, — отвѣтила она перехваченнымъ звукомъ, но онъ почуялъ, что она въ обморокъ не упадетъ и будетъ его слушать.

— Какъ же, Вася, весь багажъ погибнетъ?

Онъ даже ничего не отвѣтилъ и потащилъ ее за собой.

Въ его головѣ уже всплыла совершенно отчетливо фигура спасательнаго обруча съ названіемъ парохода, ко-

торый онъ вчера видѣлъ на кормѣ. Всего одинъ такой обручъ и значился на „Сильвестрѣ".

Первымъ движеніемъ Теркина было броситься къ кормѣ и схватить обручъ... Онъ сдѣлалъ это въ темнотѣ, держась другой рукой за руку Серафимы.

На верхней рубкѣ капитанъ, спросонья выскочившій въ одномъ бѣльѣ изъ своей каюты, его помощникъ, рулевые—метались, кричали въ рупоръ, ругались съ пассажирами.

Вода хлынула черезъ проломъ въ каюты второго класса и затопила правую часть палубы, проникла и въ машинный трюмъ.

Въ темнотѣ народъ бѣгалъ, ахалъ, бранился скверными словами; татарки ревѣли; какой-то купецъ вопилъ благимъ матомъ:

— Голубчики! Православные!.. Отпустите душу на покаяніе! Тысячи не пожалѣю!

— Катеръ!—крикнулъ сиплымъ надорваннымъ звукомъ капитанъ.

О немъ въ первыя минуты всѣ забыли, но Теркинъ вспомнилъ. Наканунѣ онъ, ходя наверху, подумалъ: „Еще слава Тебѣ, Господи, что одинъ катеръ имѣется; на иныхъ пароходахъ и того нѣтъ!"

И всѣ, какъ ополоумѣвшее стадо, бросились къ катеру, подтянутому у одного изъ бортовъ кормовой части.

Одними изъ первыхъ подбѣжали къ нему Теркинъ и Серафима.

Теркинъ впослѣдствіи не могъ бы разсказать, какъ этотъ катеръ былъ спущенъ на воду среди гвалта, давки и безурядицы; онъ помнилъ только то, что ему кого-то пришлось нечаянно столкнуть въ воду,—кажется, это былъ татарчонокъ-музыкантъ. Въ рукахъ его очутился топоръ, которымъ онъ отрубилъ канатъ, и, обхвативъ Серафиму за талію, онъ хотѣлъ протискаться къ рулю, чтобы править самому.

Пароходъ, проломившій имъ носъ, утекалъ предательски. Капитанъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться минутой и на всѣхъ парахъ подойти какъ можно ближе къ плоскому берегу, продолжалъ ругать въ рупоръ утекавшій пароходъ, который, наконецъ, остановился, но саженяхъ въ тридцати.

Вся правая половина была уже затоплена. И катеръ не могъ отчалить сразу: запутался за какой-то канатъ.

Въ него все еще прыгалъ народъ, обезумѣвшій отъ страха, но многіе падали мимо, въ воду.

Теркинъ не помнилъ и того, когда именно, сейчасъ же или минуты черезъ три-четыре, катеръ накренило и половина спасавшихся попала въ воду.

Съ этой минуты все у него осталось въ памяти до мелочей.

— Вася!.. Я здѣсь!..—раздалось около него.

Его руки точно какимъ-то чудомъ охватили станъ Серафимы. Она вся вздрагивала, держась за его плечо, приподнялась въ водѣ и крикнула:

— Плывемъ!..

Спасательный снарядъ былъ еще на немъ. Оба они умѣли плавать; онъ даже славился еще въ гимназіи тѣмъ, что могъ доплывать безъ усталости до средины Волги.

— На тебѣ мѣшокъ?—спросилъ онъ, овладѣвъ собой окончательно.

— На мнѣ!..

Платье мѣшало имъ, прилипло къ тѣлу, тянуло на дно, но ихъ подхватила обоихъ разомъ могучая страсть къ жизни; они оба почуяли въ себѣ такую же могучую молодость и смѣлость.

Позади раздавались крики утопавшихъ. Теркинъ ихъ не слыхалъ. Ни на одно мгновеніе не заговорило въ немъ желаніе броситься къ тѣмъ, кто погибалъ, кто не умѣлъ плавать. Онъ спасалъ Серафиму, себя и оба замшевыхъ мѣшка. Подруга его плыла рядомъ; онъ снялъ съ себя обручъ и накинулъ на нее. Въ обоихъ чувство жизни было слишкомъ цѣпко. Они должны были спастись и черезъ три минуты находились уже внѣ опасности. До берега оставалось десятокъ другой саженей.

— Вася!.. Милый!..—повторяла Серафима, набираясь дыханія.

Ея руки и ноги усиленно работали, голова поднималась надъ уровнемъ воды, и распустившіеся волосы покрывали ей почти все лицо. Они были уже въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ берега. Ихъ ноги начали задѣвать за песокъ.

Можно было идти въ бродъ.

— Милый!.. Ты со мной!.. И деньги не пропали... Твои теперь деньги!.. Слышишь, твои!..

Она глубоко вздохнула, и вразъ они стали на ноги. Но вода была имъ по поясъ.

Сзади слышались крики и удары весел о воду.

XXXV.

Густое облако разорвалось вдоль, и через узкую скважину выглянулъ мѣсяцъ.

Впереди, невдалекѣ отъ низменнаго берега, чуть-чуть отдѣлялись отъ сумрачнаго беззвѣзднаго неба стѣны обгорѣлаго собора съ провалившимся куполомъ. Ниже шли остатки монастырской ограды.

Теркинъ и Серафима, всѣ мокрые и еще тяжело дышащіе, шли на красный огонекъ костра. Тамъ они обсушатся.

— Робинзоны? А? Сима?—спросилъ на ходу Теркинъ.

Серафима разсмѣялась. Все это было такъ ново. Могли погибнуть и не погибли. Деньги цѣлы и невредимы. И костеръ точно для нихъ кто-то разложилъ. Давно ей не было такъ весело. Ни одной минуты не пожалѣла она о всѣхъ своихъ туалетахъ, бѣльѣ, вещахъ. Теперь это все затоплено. Пускай! Дѣло наживное.

— Да, Вася!.. Ты—Робинзонъ! Я—Пятница!—выговорила она и вздрогнула.

— Что, лихорадитъ?—спросилъ онъ заботливо.

— Побѣжимъ!

Они пустились бѣжать. Спасательный обручъ она бросила, какъ только вышла на берегъ. И Теркина начинала пробирать дрожь. Платье прилипло еще плотнѣе, чѣмъ въ водѣ. Въ боковомъ карманѣ визитки онъ чувствовалъ толстый бумажникъ, въ немъ лежали взятыя на дорогу деньги и нужные документы. И къ груди, производя ощущеніе чесотки, прилипла замшевая большая сумка съ половиной всей суммы, спасенной ими обоими.

Пробѣжались они съ четверть версты.

Вотъ они и у костра. Его пламя вблизи лизало яркими языками рогожныя стѣнки шалаша. Около костра, спинами, сидѣло двое.

— Богъ помочь, ребята!—крикнулъ Теркинъ.

Сидѣвшіе у костра обернулись.

Одинъ—старичокъ, крошечнаго роста, сморщенный, беззубый, въ низкой шляпенкѣ, отозвался жидкимъ голоскомъ:

— Откуда Богъ несетъ?

Другой былъ паренекъ лѣтъ семнадцати, въ рваномъ полушубкѣ, но въ сапогахъ. Его круглое бѣлое лицо, еще

безбородое, краснѣло отъ пламени костра. Онъ что-то палочкой переворачивалъ по краямъ костра, гдѣ уже лежала зола.

— Присѣсть можно? — спросилъ Теркинъ. — А, православные?

— Нештò!.. Садись...

— Вы никакъ рыбаки?—спросилъ онъ старика.

— Займаемся по малости.

Теркинъ посадилъ Серафиму. Свою визитку онъ сбросилъ и повѣсилъ ее на уголъ шалаша.

Оба они, все еще веселые и возбужденные, начали грѣться. Отъ нихъ пошелъ паръ. Рыбаки оглядывали ихъ: старикъ—исподлобья, парень—во всѣ глаза; онъ даже пересталъ переворачивать то, чтò лежало подъ золой.

— Небось, картошку печете?—спросилъ Теркинъ, угадавъ то, чтò дѣлаетъ парень.

— Нештò,—прошамкалъ старикъ.—А вы откуда будете?

— Потонули, дѣдушка. Съ парохода!—звонко отвѣтила Серафима и разсмѣялась.

Она сидѣла бокомъ къ костру, вытянувъ ноги. Туфли удержались на ея ногахъ; она ихъ сняла и поставила на золу.

— Ишь ты!—вымолвилъ старикъ.

Теркинъ началъ разсказывать, какъ на нихъ налетѣлъ пароходъ, и они пошли ко дну, какъ спаслись вплавь.

— Пресвятая Богородица!

Старикъ перекрестился.

— Значитъ, какъ есть?.. Все потравили, ваше степенство?—спросилъ паренекъ.

Теркинъ понялъ, что тотъ принималъ его за купца.

— Какъ есть,—повторилъ онъ.—А картошка-то, малый, у тебя, поди, готова? Вотъ барыню-то угостилъ бы!..

— Съ нашимъ удовольствіемъ, — добродушно отвѣтилъ парень.

Черезъ полчаса Серафима спала въ шалашѣ, подъ визиткой Теркина, высохшей у костра. Онъ самъ сидѣлъ, прикрывшись рогожей, и поддерживалъ огонь.

Мужиковъ не было видно. Парня онъ услалъ въ городъ Макарьевъ. Развалины его монастыря и ярмарочныя зданія виднѣлись отсюда. Городъ лежитъ позади и его не видно было. Теркинъ узналъ отъ рыбаковъ, что въ городѣ „настоящей гостиницы“ нѣтъ, а только постоялые дворы. Даже свѣжей булки трудно достать иначе, какъ

въ базарные дни, когда ихъ привозятъ изъ-за Волги, изъ Лыскова, гдѣ живетъ и „все начальство“. Но паренекъ оказался шустрый. Теркинъ далъ ему мелочи, — карманныя его деньги, точно чудомъ, не выпали изъ панталонъ,—и наказалъ: найти ямщика съ тарантасикомъ или съ телѣжкой почище и пріѣхать сюда, и захватить, коли не добудетъ попоны или ковра, хоть двѣ рогожки, прикрыть барыню. Парень, — его звали „Митюнька“, — обѣщалъ все это доставить „въ наилучшемъ видѣ“ и къ разсвѣту.

Старичокъ пошелъ къ лодкѣ улаживать снасть. И ему Теркинъ сунулъ въ руку двугривенный.

Съ тепломъ большая истома стала разбирать его у костра. Но онъ боролся съ дремотой. Заснуть на берегу въ глухомъ мѣстѣ было рискованно. Кто знаетъ, тотъ же беззубый мужичокъ могъ вернуться и уложить ихъ обоихъ топоромъ.

Да и паренекъ, кто его знаетъ, могъ привести съ собою изъ города пару молодцовъ, тоже не съ пустыми руками.

Курить было нечего. Папиросница осталась въ каютѣ. На душѣ у него младенчески тихо и ясно. Онъ даже не особенно радъ своему спасенію. Ему теперь кажется, что онъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ спастись. Такой пловецъ, какъ онъ!.. Ударъ пришелся по носовой части, каюта не была сразу затоплена.

Да, но Серафима?.. Его находчивости обязана она тѣмъ, что лежитъ теперь въ шалашѣ и спитъ дѣтскимъ сномъ.

Спокойно, самоувѣренно мысли о превосходствѣ мужчины проникали въ его голову. Гдѣ же женщинѣ противъ мужчины!.. Ѣхала бы она одна? И деньги потеряла бы. Навѣрно!.. Безъ платья, безъ копейки, безъ паспорта... Должна была бы вернуться къ мужу, если бъ осталась въ живыхъ.

„Безъ паспорта,—мысленно повторилъ онъ. — А по какому виду будетъ она теперь проживать? Ну, на дачѣ можно недѣлю, другую протянуть. Дать синенькую мѣстному уряднику—и оставятъ тебя въ покоѣ. Но потомъ?“

Ему непріятно, что такіе житейскіе вопросы („каверзные“,—выговорилъ онъ про себя) забрались въ него. Онъ не могъ отдаться одной радости отъ сознанія, что *она* жива, спасена имъ, лежитъ вонъ въ шалашѣ, что ея

судьба связана съ его судьбой, и никому не принадлежитъ она, кромѣ него.

Дремота опять подкралась къ нему, и „каверзные“ вопросы уходили...

Ему представились, всплыли внезапно, какъ всегда въ полузабытьѣ, обѣ „рожи“ мужиковъ: круглыя щеки „Митюньки“, съ козырькомъ фуражки, переломленнымъ посрединѣ лба, и морщинистое маленькое лицо старика, въ низкой шляпенкѣ, съ курчавыми сѣдѣющими волосами, въ верблюжьемъ зипунѣ.

Они — мужики настоящіе, заволжскіе. И ему пріятно, что къ нимъ онъ не почувствовалъ жуткаго недовѣрія, не съежилось его сердце, какъ всегда бываетъ съ нимъ отъ прикосновенія простого народа, особливо на Волгѣ. Эти же рыбаки дали имъ съ Серафимой обогрѣться, накормили картошкой. Митюнька побѣжалъ въ городъ, добудетъ лошадей.

„Все мужики!“ — тихо, улыбаясь, выговорилъ Теркинъ, щуря глаза на огонь.

И ему вспомнилась сказка Салтыкова о двухъ генералахъ, попавшихъ на необитаемый островъ.

„Ну, нѣтъ, я бы нашелся,—увѣренно подумалъ онъ.— Во мнѣ не барская, а крестьянская кровь, небось!.. Избу срубимъ, коль на то пошло!“

Глаза его начали слипаться. Дрова потрескивали.

XXXVI.

Извозчичья пролетка остановилась, не доѣзжая Воскресенскихъ воротъ, у праваго тротуара, идущаго вдоль Историческаго музея, въ Москвѣ.

Теркинъ выскочилъ первый и высадилъ Серафиму.

Только вчера „обмундировались“ они, какъ шутя отзывался Теркинъ. Онъ купилъ почти все готовое на Тверской и въ пассажахъ. Серафима обшивалась дольше, но и на нее пошло всего три дня; два платья были уже доставлены отъ портнихи, остальное она купила въ магазинахъ. Ни ей, ни ему не хотѣлось транжирить, но все-таки у нихъ вышло больше шестисотъ рублей.

— Вотъ эта?—спросила Серафима и указала свободной рукой на часовню.

День стоялъ очень жаркій, небывалый въ половинѣ августа. Свѣту было столько на площадкѣ передъ Иверской,

что пучки восковыхъ свѣчъ внутри часовни еле мерцали изъ темноты.

— Эта самая,—отвѣтилъ Теркинъ.

Серафима никогда не бывала тутъ, или если и проѣзжала мимо, то не останавливалась. Она всего разъ и была въ Москвѣ, и то зимой.

Тогда она въ „это“ не входила. Родители не наказывали ей ставить свѣчу, и мать, и отецъ даже въ единовѣріи „церковнымъ“ святынямъ не усердствовали.

И Теркинъ сегодня утромъ, — они стояли на Мясницкой въ номерахъ, — не мало удивился, когда Серафима сказала ему:

— Прежде всего заѣдемъ къ Иверской.

Правда, они собрались осмотрѣть Кремль, Грановитую палату и дворецъ, пройтись назадъ Александровскимъ садомъ и завтракать у Тѣстова, но объ Иверской, для того, чтобы прикладываться къ иконѣ, рѣчи не было.

Въ Теркинѣ въ послѣдніе годы совсѣмъ заглохли призывы вѣрующаго. Больше пяти лѣтъ онъ не бывалъ у исповѣди. Его чувство отворачивалось отъ всего церковнаго. Духовенства онъ не любилъ и не скрывалъ этого; терпѣть не могъ встрѣтить рясу и поповскую шапку или шляпу съ широкими полями.

Когда, въ первый вечеръ ихъ знакомства, Серафима дала ему понять, что она ни къ православію, ни къ расколу себя не причисляетъ, это его не покоробило. Напротивъ!

Сегодня приглашеніе поклониться Иверской удивило его, но не раздражило.

„Что жъ,—подумалъ онъ тотчасъ же, — дѣло женское! Столько передрягъ пережила, бѣдная!.. Отъ мужа ушла, чуть не погибла на пароходѣ, могла остаться безъ гроша... Все добро затонуло. Вотъ старыя-то дрожди и забродили... Все-таки въ благочестивомъ домѣ воспитана“...

Ему даже это какъ будто понравилось подъ конецъ. Натура Серафимы выяснялась передъ нимъ: вся изъ порыва, когда говорила ея страсть, но въ остальномъ скорѣе разсудочная, безъ твердыхъ правилъ, безъ идеала. Въ любимой женщинѣ онъ хотѣлъ бы все это развить. На какой же почвѣ это установить? На хорошихъ книжкахъ? На мышленіи? Онъ и самъ не чувствуетъ въ себѣ такого грунта. Не было у него довольно досуга, чтобы

путемъ чтенія или бесѣдъ съ „умственнымъ“ народомъ выработать себѣ кодексъ взглядовъ или вѣрованій.

Такъ онъ вѣдь мужчина; у него всегда будетъ, какой ни на есть, „царь въ головѣ“, а женщина, почти каждая, вся изъ однихъ порывовъ и уколовъ страсти.

На паперти часовни въ два ряда выстроились монахини. Богомольцы всходили на площадку и тутъ же клали земные поклоны. Серафима никогда еще въ жизнь свою не подходила къ такому мѣсту, извѣстному на всю Россію. Она не любила прикладываться, когда мать брала ее въ единовѣрческую церковь, и врядъ ли сама поставила хоть одну свѣчу.

Ему не хотѣлось допытываться, почему она захотѣла быть у Иверской. Вѣдь не изъ одного же любопытства!..

На паперти она не дѣлала поклоновъ и даже не перекрестилась, но проникла въ часовню и тамъ опустилась на колѣни.

Теркинъ оставался у паперти.

Молча поднялись они къ Никольскимъ воротамъ подъ руку.

Въ Кремлѣ пробыли они больше часа, осмотрѣли соборы, походили и по Грановитой палатѣ; во дворецъ ихъ не пустили.

Въ двѣнадцатомъ часу возвращались они пѣшкомъ по главной аллеѣ Кремлевскаго сада. Имъ обоимъ хотѣлось ѣсть. Кремль оставилъ въ нихъ ощущеніе чего-то крупнаго, такого, что̀ не нуждается ни въ похвалахъ, ни въ обсужденіи. Вся внутренность Успенскаго собора стояла еще у Серафимы передъ глазами: громадный, уходящій вверхъ иконостасъ, колонны, тусклый блескъ позолоты, куда ни кинешь взглядъ, что-то „индійское“, опредѣлила она, когда вышла на площадь къ Красному крыльцу. Грановитая палата ее немного утомила и не прибавила ничего новаго къ тому, съ чѣмъ она выходила изъ Успенскаго собора.

— Такъ мы „подъ машину“?—спросилъ ее Теркинъ.

Они уже миновали темный проходъ подъ мостомъ, ведущій отъ Троицкихъ воротъ къ башнѣ „Кутафьѣ“, направляясь къ Тѣстову.

Онъ прижималъ локтемъ ея руку и заглядывалъ ей подъ шляпу, такую же темную, съ большими полями, какъ и та, что погибла со всѣмъ остальнымъ добромъ на пароходѣ „Сильвестръ“.

У него на душѣ осталось отъ Кремля усиленное чувство того, что онъ „русакъ“. Оно всегда сидѣло у него въ глубинѣ, а тутъ всплыло такъ же сильно, какъ и отъ картинъ Поволжья. Никогда не жилось ему такъ смѣло, какъ въ это утро. Подъ рукой его билось сердце женщины, отдавшей ему красоту, молодость, честь, всю будущность. И не смущало его то, что онъ среди бѣла дня идетъ объ-руку съ бѣглой мужней женой. Кто бы ни встрѣтился съ ними, онъ не побоится ни за себя, ни за бѣглянку.

Вотъ сейчасъ будутъ они сидѣть въ трактирѣ, въ общей залѣ, слушать „машину“, ѣсть разстегаи на міру: смотри, кто хочетъ.

— Подъ машину!—задорно повторила Серафима и остановила его передъ большими воротами. — Погляди, Вася, какая эта Москва характерная! Прелесть!

И такъ имъ обоимъ сдѣлалось молодо, что они готовы были пуститься назадъ по липовой аллеѣ въ горѣлки.

Снизу отъ экзерциргауза грузно скакалъ съ форейторомъ зеленый вагонъ конки, грохоталъ и звенѣлъ, такъ же задорно и ухарски, какъ и они оба чувствовали себя въ ту минуту.

— А позавтракаемъ,—подхватилъ Теркинъ, — сейчасъ сядемъ на конку и въ Сокольники. Видишь, вонъ станція.

Завтракъ ихъ „подъ машиной“ затянулся до третьяго часа. Было все такъ же жарко, когда они, пройдя подъѣздъ, остановились у станціи поджидать вагона къ Сухаревкѣ и дальше до Сокольниковъ.

На Теркинѣ былъ свѣтлый пиджакъ на распашку. Въ правомъ боковомъ карманѣ лежалъ бумажникъ съ нѣсколькими нужными письмами, одной распиской, книжкой пароходныхъ рейсовъ его „Товарищества“ и рублей до четырехсотъ деньгами.

Еще у Тѣстова Серафима замѣтила ему:

— Вася, смотри, какъ у тебя бумажникъ отдулся.

— Ничего!—небрежно замѣтилъ онъ.—Я еще не помню, чтобы меня обокрали. А я ли не ѣзжалъ!..

Подползъ вагонъ снизу. Дожидалось нѣсколько человѣкъ.

Только что Теркинъ вошелъ въ вагонъ и Серафима за нимъ слѣдомъ, какъ ихъ спереди и сзади стѣснили въ узкомъ проходѣ вагона: спереди напиралъ приземистый мужчина въ чуйкѣ и картузѣ, въ родѣ лавочника; сзади

оттѣснили Серафиму двое молодыхъ парней, смахивающихъ на рабочихъ.

— Что вы толкаетесь!.. Съ ума сошли!—крикнулъ Теркинъ.

Чуйка пролѣзла мимо него на заднюю площадку.

— Садись! Мѣсто есть!—сказалъ Теркинъ Серафимѣ, и почему-то инстинктивно схватился за боковой карманъ. Бумажникъ его выхватили.

— Держи!.. Жулики! Бумажникъ!—крикнулъ онъ тотчасъ же и бросился изъ вагона.

Вышла суматоха. Многіе видѣли, какъ два парня побѣжали на Тверскую. Чуйка исчезла, должно-быть, юркнула въ ворота дома Московскаго трактира.

— Городовой!—крикнулъ Теркинъ, не растерявшись.

Городового близко не оказалось.

XXXVII.

— Вотъ не угодно ли просмотрѣть фотографіи извѣстныхъ карманщиковъ?

Офицеръ положилъ передъ Теркинымъ на подоконникъ большой, уже потрепанный альбомъ и лѣниво пошелъ въ другую комнату.

Теркинъ присѣлъ на стулъ и откинулъ покрышку альбома. Позади его у стола, гдѣ сидѣлъ другой полицейскій офицеръ, шло разбирательство. Хриплый мужской голосъ раздавался вперемежку съ женскимъ, молодымъ, жирнымъ и высокимъ.

— Ахъ, какъ не стыдно такъ говорить!—жалобно протянулъ женскій голосъ.

— А то какъ же?—зло перебилъ мужской.—Извѣстно, платье ты заложила... Небось, гдѣ оно нашлось? Въ портерной?

— Иванъ Дороѳеичъ! Бога вы не боитесь!.. У васъ дѣвушки и безъ того точно колодницы какія! Господи!

Раздалось всхлипываніе.

— Мели еще! Поскуда!

— Постойте, любезнѣйшій!—проговорилъ голосъ полицейскаго.

Не оглядываясь, Теркинъ понялъ, кто тутъ тягался передъ „поручикомъ“, — содержатель „дешеваго“ дома съ своей „дѣвушкой“, откуда-нибудь изъ Пильникова или отъ Яузскаго моста. Онъ слыхалъ про эти мѣста, но самъ никогда тамъ не бывалъ.

Разбирательство мѣшало ему уйти въ разсматриваніе фотографій московскихъ карманниковъ. Да онъ и не надѣялся найти портретъ жулика, что̀ выхватилъ у него бумажникъ два дня назадъ.

Лицо и тѣлесный складъ того, видомъ лавочника, который толкалъ его спереди, достаточно врѣзалсись ему въ память: рябинки по щекамъ, бородка съ просѣдью, круглыя ноздри; кажется, въ одномъ ухѣ сережка. Но онъ ли выхватилъ у него бумажникъ или одинъ изъ тѣхъ парней, что̀ напирали сзади? А тѣхъ онъ не могъ бы распознать, не кривя душой; помнитъ только лиловую рубаху навыпускъ одного изъ нихъ, и только.

Да и вообще онъ ни крошечки не вѣритъ въ успѣхъ дознанія и поисковъ. Онъ даже не очень охотно давалъ показаніе въ участкѣ, гдѣ продиктовалъ текстъ заявленія, появившагося на другой день въ газетахъ. А сегодня, когда онъ подалъ новое письменное заявленіе начальнику сыскной полиціи, вонъ въ той большой комнатѣ, ему хотѣлось сказать:

„Извините за безпокойство. Вѣдь изъ этого ничего не выйдетъ“.

Начальникъ задалъ ему два-три вопроса строгимъ голосомъ, съ унылымъ взглядомъ человѣка, которому такая „пустяковина“, какъ кража изъ пиджака четырехсотъ рублей, нимало не занимательна.

И потомъ, когда онъ говорилъ съ офицеромъ, пригласившимъ его ознакомиться съ альбомомъ извѣстныхъ карманниковъ и другихъ воровъ, ему еще яснѣе стало, что „ничего изъ этого не выйдетъ“.

— У васъ и документы были въ бумажникѣ?—спросилъ его офицеръ.—Паспортъ?

— Паспорта не было; но два-три письма дѣловыхъ... И расписка одна...

— Денежная?

— Да, денежная.

Офицеръ усмѣхнулся и посмотрѣлъ въ бокъ.

— Видите... У здѣшнихъ жуликовъ бываетъ иногда такая повадка. Деньги они прикарманятъ, а ежели бумаги, паспорты и другое что̀—въ почтовый ящикъ опустятъ, который поближе.

— Честность, значитъ, есть... своего рода джентльменство.

— Какъ видите.

— А на этотъ разъ они не разсудили такъ поступить?

— Почтовое вѣдомство намъ препроводитъ... коли что̀ найдется въ ящикахъ.

Все это говорилось тономъ совершеннаго равнодушія. Теркинъ глядѣлъ на офицера и думалъ, какая ему, должно-быть, тоска на этой постылой службѣ... Воспитывался онъ, навѣрно, въ юнкерскомъ училищѣ, вышелъ въ драгуны, по службѣ не повезло, куда же идти?.. Въ полицію. Смыслилъ онъ въ лошадяхъ, въ хорошей ѣздѣ, книжки почитывалъ, барышень умѣлъ смѣшить, ну, въ картишки... А тутъ надо интересоваться нравами и повадками „господъ жуликовъ“, принимать къ сердцу всякую обывательскую непріятность, постоянно работать головой, изощрять свою память и наблюдательность. Тосчища!

Альбомъ, развернутый передъ Теркинымъ на подоконникѣ, держался не въ особенномъ порядкѣ. Нижнія карточки плохо сидѣли въ своихъ отверстіяхъ, не шли сплошными рядами, а съ промежутками. Но все-таки было много всякаго народа: мужчинъ, женщинъ, скверно и франтовато одѣтыхъ, бородатыхъ и совсѣмъ безбородыхъ, съ скопческими лицами, смуглыхъ и бѣлобрысыхъ. И фамиліи показывали, что тутъ стеклись воры и карманники съ разныхъ русскихъ окраинъ: мелькали польскія, нѣмецкія, еврейскія, хохлацкія фамиліи.

На одной фамиліи Теркинъ остановился.

— Кашица,—прочелъ онъ вслухъ.

Такой фамиліи онъ еще никогда не слыхалъ.

Карманникъ Кашица снятъ былъ въ шапкѣ и въ чуйкѣ съ мерлушковымъ воротникомъ. И, вглядываясь въ него, Теркинъ подумалъ:

„А вѣдь тотъ былъ въ этомъ родѣ“.

Сходство съ жуликомъ, толкавшимъ его въ вагонъ конки, показалось ему довольно близкимъ: какъ будто есть и рябины, и бородка такого же рисунка; въ глазахъ что-то, оставившее слѣдъ въ памяти.

Больше минуты вглядывался онъ въ лицо Кашицы... И похожъ и не похожъ!..

— Ну, что?.. Не признали никого?—раздался сзади молодой басистый голосъ поручика.

Теркинъ обернулся.

— Съ однимъ какъ будто есть сходство. И фамилія у него такая курьезная,—Кашица.

— Очень можетъ быть... коли онъ на свободѣ... Это узнать не трудно.

Теркинъ всталъ.

— Нѣтъ, поручикъ, положительно утверждать не могу... Если бы дошло до судебнаго разбирательства — не присягну...

— Ужъ это ваше дѣло!..

Теркину пришла мысль о сыщикѣ.

— Всего бы лучше...—сказалъ онъ вполголоса,—на сыщика руку наложить. Хорошій процентъ ему...

— Безъ сыщика и не обойдется...—уклончиво отвѣтилъ офицеръ и спросилъ, поворачиваясь на каблукахъ: — Адресъ вашъ изволили оставить?

— Какъ же!

Онъ далъ адресъ меблированныхъ комнатъ, откуда сегодня же они должны были переѣхать за городъ.

Потянуло поскорѣе уйти изъ душныхъ низкихъ комнатъ сыскного отдѣленія, разомъ „поставить крестъ“ на своей потерѣ, хотя, въ виду близкихъ большихъ платежей, деньги на карманные расходы были бы весьма и весьма не лишнія.

Воздухъ этихъ комнатъ, пропитанный запахомъ канцелярской пыли, сургуча и сапожной кожи, хваталъ его за горло. Онъ много видалъ видовъ, но рѣдко попадалъ въ такія мѣста, какъ полицейскіе участки, съѣзжіе дома, „кутузки“. Въ настоящей тюрьмѣ или острогѣ и совсѣмъ не бывалъ, даже въ качествѣ посѣтителя.

Гадливое чувство поднималось въ немъ... Все тутъ пахло развратомъ, грязью самой мелкой плутоватости и кровью звѣрскихъ убійствъ. Лица сновавшихъ полицейскихъ, унтеровъ, какихъ-то подозрительныхъ штатскихъ въ темной и большой передней наполнили его брезгливой тревогой и вмѣстѣ острымъ сознаніемъ того, какъ онъ въ душѣ своей и по всему характеру жизни и дѣлъ далекъ отъ этого трущобнаго царства.

На крыльцѣ садика, куда выходилъ фасадъ зданія, Теркинъ, только что надѣвшій шляпу въ сѣняхъ, опять снялъ ее, какъ дѣлаютъ невольно, выходя изъ духоты на свѣжій воздухъ.

Но на дворѣ было едва ли не жарче, чѣмъ въ комнатахъ сыскного отдѣленія.

Онъ остановился и поглядѣлъ на переулокъ сквозь рѣшетку забора... Тамъ стояли два извозчика... Изъ-за

сосѣднихъ домовъ искрился крестъ какой-то близкой церкви.

Вдругъ его что-то пронзило. Ощущеніе было ему давно извѣстно. Нѣсколько лѣтъ, когда онъ просыпался, первой его мыслью являлись внутреннія слова: „тебя сѣкли въ волостномъ"... И краска вспыхивала на щекахъ... Иногда это замѣнялось картиной сумасшедшаго дома и уколомъ совѣсти въ формѣ словъ: „ты носилъ личину".

И тутъ совершенно такъ же, съ внезапнымъ приливомъ къ щекамъ, онъ услыхалъ внутри себя вопросъ:

„А ты чѣмъ лучше карманника Кашицы?"

Вопросъ переплелся тотчасъ же съ вереницей устыжающихъ мыслей: о деньгахъ Калеріи, о платежѣ за пароходъ.

Вѣдь онъ уже пошелъ на сообщничество съ Серафимой. На груди его замшевая сумка и въ ней деньги, нужныя для того, чтобы спустить на воду пароходъ „Батракъ".

XXXVIII.

Пастухъ заигралъ на длинной берестовой трубѣ.

Подъ этотъ звукъ проснулся Теркинъ...

Онъ лежалъ въ мезонинѣ дачи, передѣланной изъ крестьянской избы. Сзади, изъ балконной двери на галлерейку, въ отверстіе внутренней подвижной ставни проходилъ лучъ зари. Справа окно было только завѣшено коленкоровой шторой. Свѣтъ уже наполнялъ низкую и довольно просторную комнату, гдѣ, кромѣ желѣзной кровати, стояли умывальникъ и шкапъ для платья да два стула.

Особая деревенская тишина обволакивала его. Звукъ трубы дѣлалъ ее еще ощутительнѣе. Пастухъ игралъ совсѣмъ такъ, какъ бывало въ селѣ Кладенцѣ, когда надо было выгонять корову.

Онъ лежалъ съ полузакрытыми глазами и прислушивался. Давно ему не приводилось просыпаться такъ рано на деревенскомъ просторѣ. Думать, соображать, отдаваться заботамъ дня, заглядывать въ будущее—не хотѣлось.

Внизу почиваетъ Сима. Тамъ спаленка тѣсная, въ одно окно и съ такой же узкой желѣзной кроватью. Онъ могъ бы почевать внизу. Но на этомъ онъ не безъ умысла не настаивалъ, что́, кажется, ей не очень понравилось.

Но онъ находилъ, что такъ лучше. Прислуга можетъ принимать ихъ за мужа и жену, но все-таки пристойнѣе не давать повода къ лишнимъ разговорамъ.

Да и не это одно. Зачѣмъ сразу повторять супружескую жизнь... „перины, подушки“, — какъ онъ выражался въ этихъ случаяхъ.

Такъ онъ думалъ вчера, когда они улаживали свое дачное житье, а теперь его полудремота переходила отъ ощущенія утра къ чувству тихаго довольства и ласки, обращенной на подругу.

Пересталъ играть пастухъ. Протянулось нѣсколько минутъ. Изъ-за рѣки долетѣло блеянье. Гдѣ-то калитка скрипнула на ржавыхъ петляхъ. Дергачъ задергалъ въ низинѣ. И еле-еле схватывало ухо звуковое трепетаніе жаворонка.

Рубиновый отсвѣтъ пропалъ. Мягкій снопъ свѣта залилъ комнату.

— Нечего валяться! — выговорилъ вслухъ Теркинъ и сбросилъ съ себя пикейное одѣяло.

Все внизу спало глубокимъ сномъ: Серафима, горничная, кухарка, даже кухонный мужикъ, взятый изъ мѣстныхъ крестьянъ.

Теркинъ наскоро умылся и, накинувъ на себя пальто прямо поверхъ рубашки и въ туфляхъ, спустился на цыпочкахъ по узкой лѣсенкѣ, которая вела на заднее крыльцо.

Емко втянулъ онъ въ себя воздухъ на холодкѣ зардѣвшагося утра.

Особенной свѣжестью росы еще отзывался этотъ воздухъ. Ночи стали уже холоднѣе, и внизъ по лощинѣ, куда Теркинъ повернулъ по дорогѣ въ овражекъ, бѣлая пелена покрывала озимые всходы. И по деревьямъ овражка ползли разрывчатые куски жидкаго тумана.

Какъ ему жаль было ружья и собаки! Они остались тамъ, на Волгѣ, въ посадѣ, гдѣ у него постоянная квартира, поблизости пароходной верфи. Тамъ же и все остальное добро. На „Сильвестрѣ“ погибла часть платья, туалетныя вещи, разныя бумаги. Но все-таки у него было такое чувство, точно онъ начинаетъ жить сызнова, по выходѣ изъ школы, съ самымъ легкимъ багажомъ — безъ кола, безъ двора.

Да „кола и двора“ у него и до сихъ поръ какъ слѣдуетъ нѣтъ. Изъ крестьянскаго общества онъ давно уво-

лился. Домишко Ивана Прокофьича послѣ смерти старухи отдалъ въ аренду, потомъ продалъ.

А захотѣлось ему въ эту минуту, когда онъ спускался къ овражку, владѣть землей, да не здѣсь, а на Волгѣ, съ усадьбой на горѣ, съ паркомъ, чтобы въ лѣсу была не одна сотня десятинъ, и рыбная ловля, и пчельникъ, и заливные луга, свой конскій заводъ.

И вспомнилось ему, какъ онъ еще мальчуганомъ гостилъ съ отцомъ въ промысловомъ селѣ „Заводное", вверхъ по Волгѣ въ сосѣдней губерніи, на луговомъ берегу, и какъ онъ забирался на колокольню одной изъ двухъ церквей и по цѣлымъ часамъ глядѣлъ на барскую усадьбу съ паркомъ, который спускался внизъ къ самой рѣкѣ. Все внутри его пылало жаждой обладать такимъ угодьемъ, сдѣлаться богатеемъ и купить у господъ всю ихъ „дачу" вмѣстѣ съ дремучими лѣсами. Онъ не зналъ этихъ господъ, а не любилъ ихъ. И тогда въ домѣ уже никто не жилъ. Цвѣтникъ и паркъ стояли въ забросѣ. У него сердце болѣло за все это приволье.

И вотъ теперь передъ нимъ открывается даль владѣльческаго обладанія. Черезъ два-три дня онъ поѣдетъ въ Нижній вносить за „Батрака" двадцать тысячъ и спускать пароходъ на воду, дѣлать свой первый рейсъ вверхъ по Волгѣ. Онъ проѣдетъ мимо того села Кладенца, гдѣ его сѣкли, и мимо той усадьбы, гдѣ строевые лѣса стоятъ въ глубинѣ.

Глаза Теркина мечтательно глядѣли вдаль лощины, откуда бѣлая пелена уже исчезла подъ тепломъ утреннихъ лучей. Онъ сталъ припоминать свои дѣтскія ощущенія, когда онъ лазилъ на колокольню села „Заводное". Тогда такая усадьба казалась ему чѣмъ-то сказочнымъ, въ родѣ тѣхъ сокровищъ и чертоговъ, что вставали передъ нимъ, еще передъ поступленіемъ въ гимназію, надъ разрозненной частью „Тысячи и одной ночи".

А теперь это было если неосуществимо сегодня-завтра, то возможно, вѣроятно, если „Батракъ" принесетъ съ собой удачу. Пароходъ, участіе въ „Товариществѣ"—это только ступеньки, средство расширить „районъ". Къ лѣсу тянетъ его... И тянетъ не такъ, какъ гнуснаго скупщика, который рубитъ и корчуетъ, хищнически истребляетъ вѣковые кряжи сосноваго бора, полнаго чудесной русской мощи и поэзіи.

Нѣтъ! Не о томъ мечтаетъ онъ, Василій Теркинъ, а

какъ разъ объ охраненіи родныхъ богатствъ. Если бы судьбѣ угодно было, чтобы такія угодья, какъ лѣсная дача при усадьбѣ „Заводное", попали въ его руки,—онъ положилъ бы на нее всю душу, завелъ бы раціональное хозяйство съ правильными порубками. Можетъ-быть, и совсѣмъ бы не рубилъ десятки лѣтъ и сдѣлалъ бы изъ этого дремучаго бора „заказникъ". Будутъ у него дѣти, и дѣтямъ бы завѣщалъ его, какъ неприкосновенную, неотчуждаемую собственность, какъ майоратъ,—такъ у баръ водится, которые ограждаютъ свой родъ отъ обѣднѣнія.

Быстрой легкой походкой поднялся онъ изъ овражка, гдѣ черный лѣсокъ расползся по подъемамъ, и вышелъ проселкомъ на самый верхъ волока.

Оттуда виднѣлись красная крыша и рѣзко штукатуренныя стѣны какой-то фабрики. Онъ уже слышалъ звонъ фабричнаго колокола, когда сходилъ отъ себя сверху.

Вотъ чего онъ не будетъ заводить. Хоть бы у него денегъ куры не клевали. Фабричное дѣло! Мастеровщина! Заводская голытьба, пьяная, ярыжная, франтоватая, развратная, оторванная отъ сохи и топора.

Онъ не обмазываетъ медомъ „мужичка"; онъ, еще двѣ недѣли назадъ, въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ, доказалъ, что крестьянству надо сначала копейку сколотить, а потомъ уже о спасеніи души думать. Но развѣ мужикъ скопитъ ее фабричной лямкой? Три человѣка на сотню выбьются, да и то самые плутоватые; остальные, какъ онъ выразился тогда,—„осатанѣютъ".

Это самое слово употребилъ онъ мысленно, и сейчасъ передъ нимъ всплыло нервное и доброе лицо любимаго писателя; онъ вспомнилъ и то, что ему тогда хотѣлось поискреннѣе исповѣдаться Борису Петровичу.

А теперь пошелъ ли бы онъ по доброй волѣ на такую исповѣдь, вотъ по дорогѣ въ тотъ лѣсъ, на полномъ досугѣ?

Онъ мотнулъ на особый ладъ головой и произнесъ вслухъ:

— Мало ли что!

„Батракъ" ждетъ тамъ, на Волгѣ, въ Сормовѣ. Сегодня же онъ выдастъ вексель Серафимѣ. Это ея дѣло — вѣдаться съ той, со святошей, съ Калеріей.

Самый этотъ звукъ „Калерія" былъ для него непріятенъ.

То ли дѣло Серафима! Красавица, свѣжа какъ распустившійся розанъ, умница, смѣлая и преданная всѣмъ

существомъ своимъ и безъ всякихъ глупыхъ причудъ. Она вѣритъ ему. Когда ей понадобится капиталъ, она знаетъ, что онъ добудетъ его.

XXXIX.

Извивами между кудрявыхъ веселыхъ береговъ протекаетъ Яуза. Лодка лѣниво и плавно повернула за выдавшійся мысокъ, гдѣ у самаго обрыва разросся кленъ, и корни, на половину обнаженные, глядѣлись въ чуть замѣтное вздрагиванье проточной воды.

На рулѣ сидѣла Серафима, на веслахъ—Теркинъ. Они ѣздили кататься внизъ по Яузѣ, къ парку, куда владѣлецъ пускаетъ публику, и гдѣ устроена театральная зала.

Вечеръ медлилъ надвигаться. Розовато-желтоватый край неба высился надъ кустами и деревьями прибрежья. Тепло еще не уходило... Стояли двадцатыя числа августа.

Работая веслами, безъ шляпы, въ томъ самомъ пиджакѣ, откуда у него выхватили въ Москвѣ бумажникъ, Теркинъ любовался Серафимой, сидѣвшей сбоку, съ тонкой веревкой, накинутой вокругъ ея стана, въ свѣтлой фланелевой рубашкѣ съ отложнымъ матросскимъ воротникомъ. На ней тоже не было шляпки. Волоса на лбу немного разметались. Грудь высокая, драпированная складками мягкой рубашки, тихо колыхалась. Засученныя по локоть руки двигались медленно, туда и сюда, и бѣлизна ихъ блестѣла минутами отъ этихъ движеній. И въ лицѣ она немного порозовѣла. Пышный полуоткрытый ротъ выступалъ ярче обыкновеннаго на фонѣ твердыхъ щекъ, покрытыхъ янтарнымъ пушкомъ.

— Благодать!—тихо выговорилъ Теркинъ.

Онъ приподнялъ весла надъ водой, и капли западали въ воду.

И тотчасъ же онъ воззрился влѣво, въ одно крутое мѣсто берега, гдѣ виднѣлись темныя мужскія фигуры. Тамъ, кажется, разведенъ былъ и огонекъ.

Еще вчера кухонный мужикъ разсказывалъ ему, что на Яузѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ они теперь катались, московскіе жулики собираются къ ночи, дѣлятъ добычу, ночуютъ, кутятъ. Позднѣе и пошаливаютъ, коли удастся напасть на запоздавшаго дачника, особливо барыню.

— Про вашу покражу, — сказалъ ему мужикъ, — навѣрно они превосходно все знаютъ.

Объ этомъ именно вспомнилъ Теркинъ.

— Сима!—погромче окликнулъ онъ,—держи-ка полѣвѣе, вонъ къ тому обрыву.

И онъ ей разсказалъ про свой разговоръ съ кухоннымъ мужикомъ.

Она разсмѣялась и выпрямила станъ.

— Что жъ, Вася, ты хочешь знакомство съ ними свесть?

— Почему нѣтъ? Небось! Не ограбятъ! Да у меня жъ ничего и нѣтъ. Развѣ пиджакъ снимутъ. Мы подъѣдемъ, я спрыгну. Попрошу огонька. А ты взадъ и впередъ покатайся. Когда я крикну: ау!—подплывай. Ты вѣдь умѣешь грести? Справишься?

— Еще бы! — увѣренно и весело откликнулась Серафима и ловко стала направлять носъ лодки къ крутому обрыву, гдѣ виднѣлась утоптанная въ травѣ узкая тропа, шедшая внизъ, къ водѣ.

По этой тропѣ и вскарабкался Теркинъ. Стало немного темнѣть.

Однимъ скачкомъ попалъ онъ наверхъ, на плѣшинку, подъ купой деревьевъ, гдѣ разведенъ былъ огонь и что-то варилось въ котелкѣ. Пониже, на обрывѣ, примостился на корточкахъ молодой малый, испитой, въ рубахѣ съ косымъ воротомъ и опоркахъ на босу ногу. Онъ курилъ и держалъ удочку больше, кажется, для виду. У костра лежала, подобравъ ноги въ сапогахъ, баба, въ родѣ городской кухарки; лица ея не видно было изъ-подъ надвинутаго на лобъ ситцеваго платка. Двое уже пожилыхъ мужчинъ, съ обликомъ настоящихъ карманниковъ, валялись тутъ же.

— Огоньку можно?—звонко спросилъ Теркинъ у того, что удилъ.

— Сдѣлайте ваше одолженіе.

Ни онъ, ни товарищи его не выказали удивленія и только переглянулись между собою. Женщина не поднялась съ мѣста и даже повернула голову въ другую сторону.

— Кашицу варите? — спросилъ той же звонкой и ласковой нотой Теркинъ и, закуривъ папиросу, подошелъ къ костру.

— Супъ-потафё! — хрипло и насмѣшливо отвѣтилъ одинъ изъ валявшихся, въ холстинномъ грязномъ картузѣ и непомѣрно широкихъ штанахъ, какіе носятъ полотеры.

— А что, братцы, — заговорилъ Теркинъ, не покидая

ласковаго тона. — Вы вѣдь всѣ знаете другъ друга (оба лежавшіе у костра приподнялись немного): вотъ у меня на-дняхъ выхватили бумажникъ, у Воскресенскихъ воротъ, на конкѣ... денегъ четыреста рублей. Ихъ теперь, извѣстное дѣло, и слѣдъ простылъ. Мнѣ бы бумаги вернуть... письма нужныя и одну расписку... Они вѣдь все равно господамъ рыцарямъ тумана ни на что не пригодятся.

— Какъ вы сказали? — переспросилъ хриплый. — Рыцарямъ?..

— Тумана... Такая книжка есть. Цѣлое сообщество... господъ артистовъ по вашему промыслу, въ городѣ Лондонѣ.

— Ишь ты! — пустилъ глухой нотой карманникъ въ картузѣ.

Теркинъ не сомнѣвался, что всѣ они не просто шатуны, а профессіональные воры.

— Такъ вотъ, братцы, — продолжалъ онъ еще веселѣе и добродушнѣе.—Ваши товарищи иногда паспорты и бумаги возвращаютъ, опускаютъ въ почтовый ящикъ. Объ этомъ мнѣ въ сыскномъ отдѣленіи говорили. И со мной бы такъ можно обойтись. Ежели за это награду пожелаете... я не откажу... А затѣмъ прощайте!

Онъ сбѣжалъ внизъ и крикнулъ:

— Ау!

Лодка была въ двухъ аршинахъ. Серафима однимъ ударомъ веселъ врѣзалась носомъ въ то мѣсто, гдѣ кончалась тропа, и Теркинъ вскочилъ.

Они молчали минуты съ двѣ, на обратномъ пути вверхъ по рѣкѣ.

Потомъ онъ передалъ ей разговоръ съ „жуликами", и она сказала съ лаской въ глазахъ:

— Школьникъ ты, Вася! Молоденькій какой! Моложе меня! Даромъ, что на десять лѣтъ старше!

Но когда они причаливали къ доскамъ пристани, около купальни, и сквозь густо темнѣвшую стѣну липъ чьего-то сада, онъ увидѣлъ главку старинной церкви, построенной въ видѣ шатра, Теркинъ, совершенно такъ же, какъ на крыльцѣ сыскного отдѣленія, почувствовалъ, какъ его пронзила мысль:

„А ты чѣмъ лучше ихъ?"

Это даже разсердило его; онъ хотѣлъ бы подавить, если бъ можно было, быстрый приливъ краски къ щекамъ, котораго, однако, Серафима не замѣтила.

— Присядемъ вонъ туда, на скамью. Немножко отдохнемъ.

Она указала ему рукой на скамью, стоявшую въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, около низкаго частокола. Надъ скамьей нагнули свои вѣтви двѣ старыя березы. Стволы ихъ были совсѣмъ изрѣзаны.

Теркинъ провелъ ее подъ руки, но не сѣлъ рядомъ съ ней, а сталъ разбирать нарѣзки одной изъ березъ.

— Вася!—окликнула она его.—Сядь, милый!

Онъ сѣлъ.

— Что ты вдругъ смолкъ?.. А?.. Точно тебя холодной водой облили.

— Ничего. Съ какой стати?..

Онъ выговорилъ это возбужденно и заглянулъ ей въ лицо.

— Нѣтъ! Я знаю... что тебя мозжитъ!.. Вотъ завтра ты въ Нижній собрался. Пароходъ на воду спускать. И вмѣсто того, чтобы на всѣхъ парахъ идти, ты опять теребишь себя. Глупости какія!

Это „глупости какія“ вышло у нея такъ мило, что онъ не воздержался и взялъ ее за талію.

— Извѣстно, глупости! Со мной нечего хитрить, Вася. Я не приму векселя.

— Ну, этого я не допущу!—почти гнѣвно выговорилъ онъ, поднялся и заходилъ передъ ея глазами.

— Сядь, сядь! Не бурли! Что это въ самомъ дѣлѣ, Васенька! Такой дивный вечеръ, тепло, звѣздочки вонъ загораются. На душѣ точно ангелы поютъ, а ты со своими глупостями... Зачѣмъ мнѣ твой вексель? Разсуди ты по-купечески... А еще дѣловымъ человѣкомъ считаешь себя! Выдалъ ты мнѣ документъ. И прогорѣлъ. Какой же намъ отъ этого профитъ будетъ? А?..

— А умру я? Утону? Или на желѣзной дорогѣ вагонъ разобьетъ?

— Такъ что жъ?

— У тебя заручка есть.

— Какая? Вася! Побойся Бога! Хочешь непремѣнно въ покойники записываться... Гадость какая! Ну, умрешь. Я предъявлю вексель. Что же останется, коли пароходъ у тебя на одну треть въ кредитѣ? Заводъ, небось, прежде всѣхъ другихъ кредиторовъ пойдетъ?

— Вонъ какой дѣлецъ выискался!—шутливо вскричалъ онъ, но тотчасъ же перемѣнилъ тонъ, сѣлъ опять рядомъ

съ нею, взялъ ея руку и сказалъ тихо, но сильно:—Безъ документа я денегъ этихъ не возьму. Сказано—сдѣлано!

Они помолчали.

— Ахъ, вы, мужчины! Законники! Точно дѣти малыя! Какъ знаешь! Только, чтобы до твоего отъѣзда ни одного слова больше объ этихъ деньгахъ. Слышишь?

Поцѣлуй звонко разнесся въ засвѣжѣвшихъ сумеркахъ.

— Дурачокъ ты, Вася! Нужды нѣтъ, что мы не вѣнчаны съ тобой! Но насъ судьба веревочкой перевязала, слышишь? Мужъ да жена—одна сатана! Знаешь поговорку?

— Знаю,—отвѣтилъ онъ и опустилъ голову.

XL.

— Молись Богу!—раздалась команда.

Молодой раскатистый голосъ пронесся по всему пароходу „Батракъ“.

Капитанъ Подпасковъ, изъ морскихъ шкиперовъ, весь въ синемъ, нервный, небольшого роста, съ усами, безъ бороды—снялъ свою фуражку, обшитую галуномъ, и перекрестился.

Рядомъ съ нимъ, впереди рулевого колеса, стоялъ и Теркинъ, взявшись за мѣдныя перила.

И онъ снялъ поярковую низкую шляпу и перекрестился вслѣдъ за капитаномъ.

Всѣ матросы выстроились на нижней палубѣ,—сзади шла верхняя, надъ рубкой семейныхъ каютъ,—въ синихъ рубахахъ и шляпахъ, съ красными кушаками, обхватывая овалъ носовой части. И позади ихъ линіи въ два ряда лежали арбузы ожерельемъ нѣжно-зеленаго цвѣта—грузъ какого-то торговца.

Всѣ пассажиры носовой палубы обнажили головы.

Теркинъ, не надѣвая шляпы, кивнулъ раза два на пристань, гдѣ въ проходѣ у барьера, только что заставленнаго рабочими, столпились провожавшіе „Батрака“ въ его первый рейсъ, вверхъ по Волгѣ: два пайщика, свободные капитаны, конторщики, матросы, полицейскіе офицеры, нѣсколько дамъ, всѣ пріѣхавшіе проводить пассажировъ.

— Путь добрый, Василій Иванычъ! — послалъ громче другихъ стоявшій впереди капитанъ Кузьмичевъ.

Его большая кудельно-рыжая голова высилась надъ другими, и могучія плечи, стянутыя неизмѣнной коричневой визиткой.

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ!—крикнулъ ему въ отвѣтъ Теркинъ и махнулъ фуражкой.

Кузьмичевъ разсчитывалъ, кажется, попасть на его „Батракъ“, но Теркинъ не пригласилъ его, и когда тотъ сегодня утромъ, передъ молебномъ и завтракомъ, сказалъ ему:

— Василій Иванычъ! вѣдь тотъ аспидъ, котораго мы спустили съ „Бирюча“, судомъ меня преслѣдуетъ...

Онъ ему уклончиво отвѣтилъ:

— Ничего не возьметъ!

И не сказалъ ему:

„Не бойтесь! Если будутъ тѣсненія, переходите ко мнѣ“.

Въ ту минуту, когда онъ крикнулъ: „Смѣлымъ Богъ владѣетъ“, онъ забылъ про исторію съ Перновскимъ и думалъ только о себѣ, о движеніи впередъ по горѣ жизни, гдѣ на самомъ верху горѣла золотомъ и самоцвѣтными каменьями царь-птица личной удачи.

Солнце било его прямо въ темя полуденнымъ лучомъ; онъ оставался безъ шляпы, когда, послѣ команды капитана, „Батракъ“ сталъ плавно заворачивать вправо, пробираясь между другими пароходами, стоявшими у Сафроньевской пристани, противъ площади Нижнебазарной улицы.

Онъ любовался своимъ „Батракомъ“. Весь бѣлый, съ короткими трубами для отвода пара,—отдушины были по-заграничному, вызолочены, — съ четырьмя спасательными катерами, съ полосатымъ тикомъ, покрывавшимъ верхнюю палубу бѣлой рубки, легкій на ходу, нарядный и чистый, весь разукрашенный флагами, „Батракъ“ сталъ сразу лучшимъ судномъ товарищества. И сразу же въ эти послѣдніе дни августа привалило къ нему столько груза и пассажировъ, что сегодня, полчаса до отхода, хозяинъ его далъ приказаніе больше не грузить, боясь сѣсть за Сормовымъ, на томъ перекатѣ, гдѣ онъ самъ сидѣлъ на „Бирючѣ“.

Надъ нимъ слѣва высился горный берегъ Нижняго. Зелень обрывовъ уходила въ синее небо безъ малѣйшаго облачка; на полгорѣ краснѣла затѣйливая пестрая глыба Строгановской церкви, а дальше ютились домики Гребешка; торчалъ обрубокъ Муравьевской башни и монастырь рѣзко бѣлѣлъ колокольнями, искрился крестами главъ.

Еще дальше расползлась ярмарка; точно сѣрый многолапчатый паукъ раскинулась она по двумъ рукавамъ Оки и плела свою паутину изъ такого же сѣраго товара на

фонѣ желто-сѣрыхъ песковъ, тянувшихся въ обѣ стороны. И куда ни обращался взглядъ, вездѣ, на двухъ великихъ русскихъ рѣкахъ, обмелѣвшихъ и тягостно сдавленныхъ перекатами, тѣснились носы и кормы судовъ, ждущихъ ходу внизъ и вверхъ, съ товаромъ и промысловымъ людомъ, пришедшимъ на нихъ же сюда, къ Макарію, праздновать ежегодную тризну передъ идолами кулацкой наживы и мужицкой страды.

Уши у него заложило отъ радостнаго волненія; онъ не слыхалъ ежеминутнаго гудѣнія пароходныхъ свистковъ и только все смотрѣлъ впередъ, на плесъ рѣки, чувствуя всѣмъ существомъ, что стоитъ наверху рубки *своего* парохода и пускаетъ его въ первый рейсъ, полнымъ груза и платныхъ пассажировъ, идетъ противъ теченія съ подмывательной силой и смѣлостью, не боится ни перекатовъ, ни полнаго безводья, ни конкуренціи, никакой незадачи!..

Губы его стали шевелиться и что-то выговаривать.

Изъ самыхъ раннихъ ячеекъ памяти внезапно выскочили стихи — и какіе! — нѣмецкіе, что̀ его и удивило, и порадовало. По-нѣмецки онъ учился, какъ и всѣ его товарищи, черезъ пень-колоду. Въ пятомъ классѣ нѣмецъ заставилъ ихъ всѣхъ учить наизусть одну изъ балладъ Шиллера.

— „Er stand auf seines Daches Zinnen“, — выговорилъ Теркинъ уже громко подъ ритмическій грохотъ машины.

— „Er stand auf seines Daches Zinnen“, — повторилъ онъ, и память подсказала ему дальше:

„Und schaute mit ergötzten Sinnen
Auf das beherrschte Samos hin!“

И онъ ярче, чѣмъ въ отроческіе годы, вызвалъ передъ собой картину эллинской жизни. Такое же побѣдное солнце... Властитель стоитъ на плоской крышѣ съ зубцами, облитой свѣтомъ, и любуется всѣми своими „восхищенными чувствами“ покореннымъ островомъ. Самосъ — его! Самосъ у него подъ ногами... Смиренный пьедесталъ его величія и мощи!..

Древне-греческій городъ съ цѣлымъ островомъ—и одинъ изъ безчисленныхъ волжскихъ пароходовъ, которому красная цѣна шестьдесятъ тысячъ рублей!

„Василій Иванычъ!.. Не хватили ли, батюшка, черезъ край?“ — остановилъ онъ себя съ молодой усмѣшкой и

тутъ только замѣтилъ, что все время стоялъ безъ шляпы: „Батракъ“ уже миновалъ Сибирскую пристань.

„А кто его знаетъ, каковъ онъ былъ этотъ Самосъ?“— думалъ онъ дальше, и струя веселаго, чисто волжскаго задора разливалась по немъ.—„Вѣдь это только у поэтовъ выходитъ все великолѣпно и блистательно, а на самомъ-то дѣлѣ, на нашъ аршинъ, оказывается мизерно. И храмы-то ихъ знаменитые меньше хорошей часовни. Пожалуй, и Самосъ—тотъ же Кладенецъ, когда онъ былъ стольнымъ городомъ. И Поликратъ не выше старшины Степана Малмыжскаго?“

Село Кладенецъ, его родина, всплыло передъ его внутреннимъ зрѣніемъ такъ отчетливо, какъ никогда. Имя Степана Малмыжскаго вызвало тотчасъ незабываемую сцену наказанія розгами въ волостномъ правленіи.

Еще засвѣтло подойдетъ онъ на „Батракѣ“ къ Кладенцу... Что-то будутъ гуторить теперешніе заправилы схода — такіе же, поди, плуты, какъ Малмыжскій, коли увидятъ его, „Ваську Теркина“, подкидыша, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, передъ рулевымъ колесомъ, хозяиномъ и заправилой такой „посудины“?

Чувство пренебрежительнаго превосходства не допустило его больше до низкихъ ощущеній стародавней обиды за себя и за своего названнаго отца... Издали сниметъ онъ шляпу и поклонится его памяти, глядя на погостъ около земляного вала, гдѣ не удалось лечь Ивану Прокофьичу. Косточки его, хоть и въ другомъ мѣстѣ, радостно встрепенутся. Его Вася, штрафной школьникъ, позорно наказанный его „ворогами“, идетъ по Волгѣ на всѣхъ парахъ...

И тутъ только его возбужденная мысль обратилась къ той, кто выручилъ его, на чьи деньги онъ спустилъ „Батрака“ на воду. Тамъ, около Москвы, любящая, обаятельная женщина, умница и до гроба вѣрная помощница, рвется къ нему. Въ Нижній онъ уговорилъ ее не ѣздить. Теперь ей уже доставили депешу, пущенную послѣ молебна и завтрака.

Въ депешѣ онъ повторилъ ея любимую поговорку: „Мужъ да жена—одна сатана“.

— Вѣрно!.. Одна сатана!—выговорилъ онъ всей грудью и крикнулъ капитану:—Давайте полный ходъ!

Оглавленіе XI тома.

стр.

Ранніе выводки. Повѣсть 3

Трупъ. Разсказъ 108

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ. Романъ въ 3-хъ частяхъ.

Часть первая 147

СОБРАНІЕ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

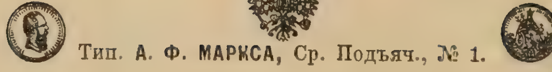
П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.



Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ.

РОМАНЪ.

Часть вторая.

I.

Электрическій свѣтъ красной точкой замигалъ въ матовомъ шарѣ надъ деревянной галлереей, противъ театра нижегородской ярмарки.

Сумерки еще не пали.

Влѣво полоса зари хоронила свой крайній конецъ за старымъ соборомъ, правѣе ее заслоняла мечеть, посылающая кверху удлиненный минаретъ.

Съ цѣлой партіей подгулявшихъ подгородныхъ мужиковъ и бабъ Теркинъ поднимался по ступенькамъ и жмурилъ глаза, внезапно облитый мигающимъ сизо-бѣлымъ свѣтомъ.

Онъ вспомнилъ, что Серафима просила его привезти ей два-три оренбургскихъ платка: одинъ большой, рублей на десять, да два поменьше, рубля по четыре, по пяти. Сейчасъ былъ онъ въ пассажѣ „Главнаго дома". Тамъ тоже должны торговать мѣщанки изъ Оренбурга — „тетеньки", какъ онъ привыкъ ихъ звать, наѣзжая къ Макарію; но у него совсѣмъ изъ головы вылетѣла просьба Серафимы. Тамъ онъ затерялся въ сплошной толпѣ, двигавшейся взадъ и впередъ по обѣимъ половинамъ монументальной галлереи. Главный домъ былъ только что отстроенъ и открытъ. Теркинъ, пріѣхавшій наканунѣ въ Нижній, попалъ на ярмарку къ вечеру, часу въ шестомъ. Онъ долго любовался зданіемъ со стороны фасада.

Ему полюбилась сразу эта „махинища",—онъ такъ мысленно выразился,—съ ея павильонами, золоченой рѣшет-

кой крыши, облицовкой и окраской. Что-то показалось ему въ ней „индійско-венеціанское", богатое и массивное, отвѣчающее идеѣ восточно-европейскаго торга.

Въ галлереѣ ему пришлось жутко отъ празднично-пріодѣтаго „мужичья". Онъ за этотъ годъ, — прошло ровно столько со спуска парохода „Батракъ",—сталъ еще брезгливѣе по части простого люда, находилъ, что „чумазаго" слишкомъ распустили, что онъ всюду „претъ", со своимъ „неумытымъ рыломъ". Эти выраженія выскакивали у него и въ разговорахъ.

Такъ онъ и не докончилъ обзора галлереи Главнаго дома, со всѣхъ сторонъ стѣсненный густой волной народа, глазѣющаго на своды, крышу, верхніе проходы,—на одномъ изъ нихъ игралъ хоръ музыки,—на крикливо выставленный товаръ, на все, что ему казалось диковинкой. Нѣкоторые мужики и бабы шли съ разинутыми ртами.

Теркинъ даже выбранился, когда вышелъ на площадку передъ бульваромъ, гдѣ стоялъ кружкомъ военный оркестръ. Въ пассажѣ Главнаго дома его давила и нестерпимая жара, несмотря на его размѣры, отъ дыханія толпы, не въ одну тысячу, и отъ лампочекъ, хотя и электрическихъ, уже зажженныхъ въ началѣ восьмого.

Съ бульвара повернулъ онъ вправо, прошелъ по мосту черезъ канаву и направился къ театру. Только тогда вспомнилъ онъ про порученіе Серафимы и сообразилъ, что въ деревянной галлереѣ, на той же канавѣ, онъ, навѣрно, найдетъ „тетенекъ", купитъ у нихъ платки, потомъ зайдетъ въ одну изъ цырюленъ, испоконъ вѣка ютящихся на канавѣ, около театра, гдѣ-нибудь перекуситъ,—онъ очень рано обѣдалъ,—и пойдетъ въ театръ смотрѣть Ермолову въ „Маріи Стюартъ".

Тѣ, кто его встрѣчали года два, даже съ годъ назадъ, нашли бы перемѣны, не рѣзкія, но характерныя на болѣе пристальный взглядъ.

Кромѣ общей полноты, и лицо раздалось, вѣки стали краснѣе, въ глазахъ сложился родъ усмѣшки, то ласковой, то плутоватой, полной сознанія своей силы и удачи; та же усмѣшка сообщилась и рту. Прическу онъ носилъ ту же; одѣвался еще франтоватѣе. На немъ поверхъ лѣтней свѣтлой пары накинуто было свѣтлое же пальто на полосатой шелковой подкладкѣ.

Не даромъ глаза и ротъ его самодовольно усмѣхались. Въ одинъ годъ онъ уже такъ расширилъ кругъ своихъ

оборотовъ, что „Батракъ", вполнѣ оплаченный, былъ теперь только подспорьемъ. На низовьяхъ Волги удалось ему войти въ сношенія съ владѣльцами рыбныхъ ловель и заарендовать съ начала навигаціи цѣлыхъ два парохода на Каспійскомъ морѣ и начать свой собственный торгъ съ Персіей. Дѣло пошло чрезвычайно бойко, благодаря его связямъ съ Москвой, съ хозяевами „амбаровъ" города, изрядному кредиту, главное — смѣткѣ. Онъ самъ не зналъ прежде, что въ немъ сидѣла такая чисто „купецкая" способность по части сбыта товаровъ и создаванія новыхъ рынковъ. Объ немъ уже заговорили и въ самыхъ важныхъ амбарахъ стараго Гостинаго двора.

Въ деревянной галлереѣ Теркинъ нашелъ почти такую же толкотню, какъ и въ пассажѣ Главнаго дома. Тамъ стояла еще сильнѣйшая духота. И такая же сплошная мужицко-мѣщанская публика толкалась около лавокъ и шкапчиковъ и туго двигалась по среднему руслу отъ входа до выхода.

Издали слѣва, надъ третьей или четвертой лавкой, замѣтилъ онъ вязаные цвѣтные платки, висѣвшіе у самаго прилавка, вмѣстѣ съ дѣтскими мантильками и капорами изъ бѣлаго и сѣраго пуха—кустарный промыселъ города Нижняго.

Тутъ долженъ быть водъ и оренбургскимъ „тетенькамъ", торгующимъ часто вмѣстѣ съ нижегородскими вязальщицами вещей изъ пуха.

Протискавшись къ прилавку, Теркинъ нашелъ цѣлыхъ двухъ тетенекъ съ оренбургскими платками. Одна была еще молодая, картавая, худая и съ визгливымъ голосомъ.

Онъ рѣдко торговался, съ тѣхъ поръ, какъ у него стали водиться деньги; но съ послѣдней зимы, когда дѣла его такъ расширились, онъ дѣлался незамѣтно прижимистѣе даже въ мелочахъ.

— Платочекъ вамъ?—завизжала тетенька и поспѣшно отерла влажный и морщинистый лобъ.

Она запросила шестнадцать рублей за большой платокъ, съ цѣлую шаль. Теркинъ нашелъ эту цѣну непомѣрной и упорно началъ торговаться, хотя ему захотѣлось вонъ изъ душной галлереи, гдѣ температура поднялась навѣрно до тридцати градусовъ.

Они поладили на двадцати двухъ рубляхъ съ полтиной за всѣ три платка. Пакетъ вышелъ довольно объемистый,

и Теркинъ сообразилъ, что лучше будетъ его оставить въ трактирѣ, куда онъ зайдетъ закусить изъ цырюльни, а послѣ театра — поужинать и взять пакетъ у буфетчика.

Въ цырюльнѣ ему пришлось немного пождать. Одного гостя брили, другого завивали: хозяинъ,—сухощавый пожилой блондинъ, и его молодецъ—съ наружностью истаго московскаго парикмахера, откуда-нибудь съ Вшивой Горки, въ лимонно-желтомъ галстукѣ и съ чолкой, примазанной фиксатуаромъ къ низкому лбу.

Теркинъ присѣлъ на пыльный диванъ, держа въ рукахъ пучокъ разноцвѣтныхъ афишъ. Онъ уже зналъ, что въ театрѣ идетъ „Марія Стюартъ“, съ Ермоловой въ главной роли, но захотѣлъ просмотрѣть имена другихъ актеровъ и актрисъ.

Театральная афиша была не цвѣтная, а бѣлая, огромная, напечатанная по провинціальному, съ разными типографскими украшеніями.

Послѣ „Маріи Стюартъ“ шло „Ночное“.

Онъ взглянулъ на фамиліи игравшихъ въ этой пьесѣ. Ихъ было всего трое: два актера и одна актриса.

„Большова!“—выговорилъ про себя Теркинъ.

И тотчасъ же, отложивъ афишу, онъ провелъ ладонью по волосамъ и задумчиво поглядѣлъ въ полуоткрытую дверь на кирпично-красное тяжелое зданіе театра.

„Большова!—повторилъ онъ и прибавилъ:—А вѣдь это она! Разумѣется!“

И что-то заставило его встать и пройтись по цырюльнѣ.

— Долго еще ждать?—громко спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

— Сію минуту!—откликнулся хозяинъ.—Только пудры немножко.

Имя „Большова“ запрыгало у него въ головѣ.

Давно ли это было? Лѣтъ пять назадъ. Пріѣхалъ онъ въ Саратовъ. Тогда онъ увлекался театромъ: куда бы ни попадалъ, не пропускалъ ни одного спектакля, ни драмы, ни оперетки. До того времени у него не бывало любовныхъ исторій въ театральномъ мірѣ. Въ труппѣ онъ нашелъ водевильную актрису съ голоскомъ, съ „ангельскимъ“ лицомъ мальчика. Про нее разсказывали, что она барышня хорошей фамиліи, чуть не княжна какая-то; ушла на сцену противъ воли родителей; пока ведетъ себя строго, совсѣмъ еще молоденькая, не больше какъ лѣтъ

семнадцати. Крѣпко она ему полюбилась. Ночей не спалъ; сколько проугощалъ актеровъ, чтобы только съ ней познакомиться. И знакомство это вышло такое милое, душевное. Еще одна, много двѣ недѣли, и навѣрно они бы объяснились. Его удерживало то, что она несомнѣнно дѣвушка, совсѣмъ порядочная: такъ завѣряли его и пріятели-актеры.

Вдругъ она заболѣваетъ корью. А его патронъ, желѣзнодорожный подрядчикъ, услалъ въ Екатеринбургъ депешей.

— Любезнѣйшій, — спросилъ онъ хозяина цырюльни, садясь въ кресло передъ зеркаломъ, — вы знаете, гдѣ тутъ актрисы живутъ?.. Навѣрно, въ номерахъ поблизости?

— А вамъ кого, господинъ?—солидно освѣдомился парикмахеръ.

— Госпожу Большову.

— Надо спросить вонъ въ той гостиницѣ... наискосокъ, вправо отъ театра.

II.

У подъѣзда номеровъ, обитаго тикомъ, въ домѣ, полномъ лавокъ, стоялъ швейцаръ въ сѣрой поддевкѣ и картузѣ, довольно грязный, съ масляным, нахальнымъ лицомъ.

— Артистка Большова?—спросилъ его Теркинъ, протягивая руку къ двери, забранной мѣдными прутьями.

— Здѣсь, пожалуйте!

Швейцаръ ухмыльнулся.

— Въ которомъ номерѣ?

— Я васъ провожу. Во второмъ этажѣ.

Они поднялись по чугунной лѣстницѣ.

— Сюда, въ уголъ пожалуйте, — пригласилъ швейцаръ.—Вотъ въ этомъ самомъ, двадцать восьмомъ номерѣ. Ключъ тутъ. Да я и не видалъ еще ихъ. Въ театръ имъ рано...

Уходя, швейцаръ остановился и прибавилъ:

— За безпокойство, ваше сіятельство!

Теркинъ далъ ему на водку, но повторилъ, покачавъ головой:

— За безпокойство! Теплый вы здѣсь народъ!

Онъ постучалъ въ дверь и только что взялся за ручку, его остановилъ вопросъ:

„А Серафимѣ ты скажешь про этотъ визитъ?“

„Отчего же не сказать!“—отвѣтилъ онъ весело и смѣло отворилъ дверь.

Изнутри его никто не окликнулъ.

„Какъ бишь ее зовутъ?“—подумалъ онъ и сразу вспомнилъ: Надежда Ѳедоровна.

Въ темной передней висѣло подъ простыней много всякаго платья.

— Кто тамъ?—спросилъ женскій голосъ, точно спросонокъ.

Голоса Теркинъ не узналъ; онъ былъ контральтовый и немного хриповатый.

— Надежда Ѳедоровна у себя?—громко выговорилъ Теркинъ и остановился передъ занавѣской, висѣвшей въ отверстіи перегородки.

— У себя, у себя!.. Кто это?.. Подождите минуточку!

Послышался скрипъ мебели и стукъ туфель-шлепальцевъ. Вѣроятно, она лежала и теперь оправляется передъ зеркаломъ.

— Можно?—спросилъ онъ такъ же весело, проникая въ первую половину номера, отдѣленную отъ спальни перегородкой.

— Можно, можно!.. Ахъ Боже мой! Да кто это?

Актриса выставила сперва одну голову въ скважинку портьеръ, спущенныхъ съ обѣихъ сторонъ.

Курчавая голова, полныя щеки, большіе сѣрые глаза, ласковые и удивленные, и ротъ съ крупными и совсѣмъ бѣлыми зубами—все всплыло передъ Теркинымъ точно въ рамкѣ портрета.

— Надежда Ѳедоровна! Неужто не узнали?

— Ахъ, Боже мой!.. Вася Теркинъ!.. Да?..

Половина портьеры распахнулась, и она выскочила въ батистовомъ пеньюарѣ, съ помятой прической. Она показалась ему выше ростомъ и втрое полнѣе. Бѣлая шея и пухлыя руки промелькнули передъ нимъ, и онъ еще не взвидѣлся, какъ эти пухлыя руки очутились на его плечахъ.

— Голубчикъ! Какъ я рада! Похорошѣлъ ужасно!

Руки спустились и взяли его за локти. И свое полное возбужденное лицо, все еще съ „ангельскимъ“ оттѣнкомъ, она близко-близко подставила къ нему, поднявшись на цыпочки.

— Поцѣлуемся на радостяхъ! Мы вѣдь старые-старые друзья!..

Легкая хрипота въ ея голосѣ не пропадала, но тонъ былъ милый, задушевный и простой, слишкомъ даже простой, на оцѣнку Теркина.

Они поцѣловались три раза, по-крестьянски.

И вдругъ она, высвободивъ одну руку, провела ею по своимъ губамъ, какъ дѣлаютъ бабы и деревенскія дѣвки, когда напьются квасу или проглотятъ стаканчикъ водки.

— Скусно! — выговорила она по-волжски и дурачливо покривила носомъ. — Господи! Онъ сконфузился... Что, молъ, изъ Большовой стало. Была великосвѣтская ingénue... а тутъ вдругъ мужикъ-мужикомъ. Эхъ, голубчикъ! Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Моя спеціальность — бабы да дѣвки. Вотъ сегодня въ „Ночномъ" увидите меня, такъ ахнете Это я у васъ на Волгѣ навострилась, отъ Астрахани до Рыбинска включительно. Ну, садитесь, гость будете!..

Она усадила его рядомъ съ собою на диванъ, держала руку въ его рукѣ, оглядывала его съ гримасами и смѣшливо поводила носомъ.

— Красавецъ-мужчина!.. Нечего и говорить! Не устоишь... Никакъ не устоишь!

Ея курчавая голова, короткій носикъ, ласковые глаза мелькали передъ нимъ и настраивали на игривый тонъ; только онъ все еще спрашивалъ себя:

„Неужели это та самая барышня хорошей фамиліи?"

— Да,—выговорилъ онъ, наклоняясь къ ней,—не мало воды утекло. Вонъ вы какая гладкая стали!

— Расплылась?—быстро спросила она серьезнѣе.— Подурнѣла?

— Ужъ сейчасъ и подурнѣла!

— А вѣдь вы, милый человѣкъ, по мнѣ страдали... ась? Помните? У насъ тогда совсѣмъ было дѣло на мази. И почему оборвали вдругъ?

— Забыли?

— Ей-Богу! Точно отрѣзало!

Онъ напомнилъ ей, какъ она заболѣла, а его по дѣламъ услали въ Екатеринбургъ.

— Вѣрно, вѣрно. Потомъ я объ васъ часто вспоминала... честно́й человѣкъ! Видите, сейчасъ васъ узнала, вспомнила и фамилію,—а память у меня прескверная становится. Какъ же вы ко мнѣ-то попали? Это очень, очень мило! Пай-мальчикъ! За это можно васъ поцѣловать.

Ея сочныя губы чмокнули его въ щеку, и правая рука легла на его плечо.

„Актерка, какъ есть актерка!“—подумалъ Теркинъ.

Онъ видѣлъ, что прежняя Большова умерла. Это уже гулящая бабенка. Скитанье по провинціальнымъ театрамъ выѣло въ ней все, съ чѣмъ она пошла на сцену. Его подмывала въ ней смѣсь распущенности съ добродушнымъ юморомъ. И наружность ея нравилась, но не такъ, какъ пять лѣтъ назадъ, — по-другому, на обыкновенный, чувственный ладъ.

Черезъ пять минутъ они сидѣли еще ближе другъ къ другу. Ея рука продолжала лежать на его плечѣ. Она ему разсказывала про свое житье. Ангажементы у нея всегда есть. Послѣдніе два сезона она „служила“ въ Ростовѣ, гдѣ нашла хлѣбнаго торговца, глупаго и „во хмелю благообразнаго“. Онъ ее отпустилъ на ярмарку и самъ пріѣдетъ къ концу, денегъ даетъ достаточно и даже поговариваетъ о „законѣ“, но она сама не желаетъ.

— Да что это мы все всухомятку? — вскричала Большова. — У меня и горло пересохло. Позвоните-ка, голубчикъ.

Пришедшему коридорному она приказала подать сельтерской воды и коньяку.

— Стараго! Слышите: Брандахлыста мы пить не будемъ.

Въ номерѣ было душно, и Теркину хотѣлось пить.

Когда принесли все, Большова налила себѣ коньяку въ стаканъ больше чѣмъ на треть и выпила духомъ.

Теркинъ поглядѣлъ на нее.

— Вы вотъ какъ?—спросилъ онъ.

— Да, голубчикъ; съ волками жить—по-волчьи выть... Вы плохой питухъ?

— Плохой.

— А я...

Она запнулась и налила себѣ еще коньяку и немножко воды.

— Употребляете?—спросилъ Теркинъ.

Струйка жалости къ бывшему предмету его увлеченія проползла и тотчасъ же перешла въ нездоровое любопытство: ему хотѣлось знать, насколько она пала.

Глаза ея начали на особый манеръ соловѣть, и очень быстро. Онъ догадался, что она выпила на „старыя дро-

жди“, и онъ понялъ ея странную возбужденность съ первой минуты ихъ свиданія.

— Вы что на меня смотрите такъ?—говорила она, наливая себѣ опять коньяку.—Рисоваться передъ вами не хочу: вы — пай-мальчикъ... вспомнили обо мнѣ. Вы видите... я вѣдь пьяница.

Она выговорила это медленно, точно смакуя слова, съ масляными глазами, спокойно, почти весело.

— Ну, ужъ и пьяница!

— Кабы ты, — она незамѣтно перешла на *ты*, — кабы ты былъ человѣкъ сурьезный по этой части, ты бы увидалъ, черезъ какую я школу прошла тамъ, въ Ростовѣ.

— Что̀ вы, что̀ вы!.. Милая, вы это такъ... дурачитесь...

— Нѣтъ, голубчикъ, не дурачусь. Должно-быть, это... какъ нынче въ умныхъ книжкахъ пишутъ... атавизмъ... папенька держался горечи, даромъ что былъ тонкій баринъ и въ Парижѣ умеръ. Выпьемъ... а?.. Это даже нехорошо: смотрѣть, какъ я осушаю бутылку, а самому только констатировать фактъ.

Она налила ему и заставила выпить безъ сельтерской воды.

На спиртное онъ былъ довольно крѣпокъ; коньякъ все-таки дѣлалъ свое... Онъ самъ удивлялся тому, что его не коробитъ. Большова выпила уже съ добрый стаканъ. Ея порокъ точно туманилъ ему голову...

III.

„Марію Стюартъ“ уже играли, когда Теркинъ предъявлялъ свой билетъ капельдинеру, одѣтому въ красную ливрею, спустился къ оркестру и сѣлъ въ одно изъ креселъ перваго ряда.

Зала, глубокая и въ нѣсколько ярусовъ, стояла полуосвѣщенной. Мужскія темныя фигуры преобладали. Голоса актеровъ отдавались глухо.

До появленія героини Теркинъ озирался и невнимательно слушалъ то, что̀ говорилось на сценѣ. Его тотчасъ же начало раздражать нетвердое, плохое чтеніе тяжелыхъ бѣлыхъ стиховъ актрисой, игравшей няньку королевы, напыщенно-деревянныя манеры актера, по-провинціальному одѣтаго англійскимъ сановникомъ.

Но когда раздались низкіе грудные звуки Маріи Стюартъ, онъ встрепенулся и до конца акта просидѣлъ не мѣняя позы, не отрывая отъ глазъ бинокля. Тонъ артистки, ли-

рическая горечь женщины, живущей больше памятью о томъ, кто она была, чѣмъ надеждами, захватывалъ его и вливалъ ему въ душу что-то такое, въ чемъ онъ нуждался какъ въ горькомъ и освѣжающемъ лѣкарствѣ.

Женщина и ея трагическіе акценты вызвали образъ той, кого судьба послала ему въ подруги.

А развѣ въ немъ такая же страсть, какъ въ ней?.. Н больше получаса назадъ онъ цѣловался съ хмелѣющей бабенкой, которая сама призналась, что она „пьяница". И если у нихъ не дошло дѣло до конца, то не потому, чтобы ему стало вдругъ противно, тошно...

Она сама потрепала его по щекѣ и сказала:

— Красавецъ-мужчина!.. Знаю, что слѣдовало бы намъ закончить это рандеву честь честью, да стоитъ ли, голубчикъ? Право, лучше будетъ такъ, въ сухую, въ память объ ingénue саратовской труппы, о чистенькой барышнѣ, жертвѣ увлеченія театральнымъ искусствомъ.

Стало-быть, у нея зазрѣніе-то явилось, а не у него, даромъ что она была уже въ винныхъ парахъ и про своего ростовскаго купца говорила прямо какъ про безобразника, съ котораго брала деньги.

Она же ему сказала:

— Тебѣ пора, поди, ужъ играютъ первый актъ. А я немножко всхрапну и къ одиннадцати буду свѣжа какъ роза.

И ему это не очень-то понравилось... Звѣрь-то въ немъ проснулся несомнѣнно и подъ уколомъ какихъ впечатлѣній? Память о влюбленности въ милую дѣвушку должна бы сдѣлать ему отвратительнымъ всякое сближеніе съ пьющей и павшей бабенкой. Выходило, видно, наоборотъ.

Онъ ни разу не вспомнилъ о Серафимѣ, вплоть до ухода, когда Большова, провожая его въ переднюю, спросила:

— Что это у тебя за пакетъ? Подарочекъ везешь? Кому?.. Про любовныя дѣла вашего степенства я и не разспросила. А надо бы. Покажи, покажи.

Она развернула и увидала оренбургскіе платки.

— Цѣлыхъ три!.. Вотъ у тебя сколько предметовъ!.. Или все одной султаншѣ?

Онъ отшутился въ томъ же вкусѣ, и ему захотѣлось подарить ей одинъ изъ платковъ.

— Который по вкусу придется? Не угодно ли вотъ этотъ, самый крупный?

Въ желаніи сдѣлать ей подарокъ сказалось что-то купецкое: посидѣла, молъ, со мной, поамурилась, угостила— на̀ вотъ тебѣ гостинцу.

— Вотъ эту косыноцку, коли милость ваша будетъ, — попросила она бабьимъ „цокающимъ“ говоромъ, выбрала одинъ изъ платковъ поменьше и потянулась благодарить его поцѣлуемъ.

— Можетъ, послѣ спектакля встрѣтимся? — спросилъ онъ опять, тоже не безъ умысла.

— Приходи... въ заведеніе... противъ театра, гдѣ Илька Огай поетъ... Тамъ есть и кабинѐ-партикюльѐ. Поужинаемъ... А коли поздно тебѣ покажется, и не надо.

Весь этотъ разговоръ душилъ его теперь. Онъ думалъ объ ужинѣ съ нею, не боялся того, что она совсѣмъ будетъ „готовая“, даже и послѣ того, какъ платки напомнили ему, для кого онъ ихъ покупалъ, и какая красавица ждетъ его дома, шлетъ ему чуть ли не каждый день депеши, тоскуетъ по немъ.

Весь антрактъ просидѣлъ Теркинъ въ креслѣ, перебирая свое поведеніе.

На душѣ стало такъ скверно, что онъ жаждалъ видѣть и слышать Марію Стюартъ, только бы уйти отъ цѣлой вереницы вопросовъ о своемъ чувствѣ къ Серафимѣ. Вѣдь всего годъ прошелъ, какъ они живутъ вмѣстѣ, всего одинъ годъ!

Игра артистки трогала и волновала его и въ слѣдующихъ актахъ. Онъ даже прослезился въ одной сценѣ. Но въ антрактѣ между четвертымъ и пятымъ дѣйствіями въ сѣняхъ, гдѣ онъ прохаживался, глядя черезъ двери подъѣзда въ теплую августовскую ночь, чувство его обратилось отъ себя и своего поведенія къ женщинѣ, къ героинѣ трагедіи и ея соперницѣ, вообще къ сути женскаго „естества“.

Ну, да, онъ самъ недалеко ушелъ отъ перваго гулящаго купчика; да, въ немъ та же закваска, и Серафима, если бы все видѣла и слышала, имѣла бы право бросить его. Но въ этомъ ли все дѣло? Развѣ женщина, въ какомъ угодно положеніи, не раба своего влеченія къ мужчинѣ? Вотъ вамъ королева, узница, въ двухъ шагахъ отъ смерти; и что̀ въ ней яростно заклокотало, когда она стала кидать въ лицо Елизаветѣ, — а отъ той зависѣло помиловать или казнить ее,—ядовитыя обвиненія?.. Что? Да все то же! Женское естество. Присутствіе любимаго

человѣка вызвало нестерпимую обиду, уязвившую не королеву, а мужелюбивую, старѣющую бабенку... Вѣдь ей тогда было сильно за сорокъ, если не всѣ пятьдесятъ.

Въ его ушахъ еще звучали полные силы и гнѣвнаго трепета акценты артистки. Онъ схватилъ вотъ эти слова своей цѣпкой памятью, за которую въ гимназіи получалъ столько пятерокъ:

„Прикосновенье незаконной дщери
Тронъ Англіи позоритъ и мрачитъ,
И весь народъ британскій благородный
Фигляркою лукавою обманутъ!"

Не могутъ онѣ подняться ни до чего выше своей слабости къ мужчинѣ, — все равно, какой онъ: герой или пошлякъ, праведникъ или бѣглый каторжный.

И ему стало ясно, чего не хватаетъ въ его связи съ Серафимой. Убѣжденія, что она отдалась ему не какъ „красавцу-мужчинѣ",—онъ вспомнилъ прибаутки Большовой,—а „человѣку". Не онъ, такъ другой занялъ бы его мѣсто, немножко раньше, немножко позднѣе, если взять въ расчетъ, что мужъ ей набилъ оскомину и ограбилъ ее.

Въ ней онъ еще не почуялъ ничего такого, что̀ согрѣвало бы его, влекло къ себѣ душевной красотой. Его она любитъ. Но помимо его, кого и что̀ еще?..

Впервые эти вопросы встали передъ нимъ такъ отчетливо. Онъ не хотѣлъ оправдывать себя ни въ томъ, что̀ вышло и могло еще выйти у Большовой, ни въ томъ, что успѣхъ дѣльца и любостяжателя выѣдаетъ изъ него всѣ другія, менѣе хищныя побужденія. И если бъ онъ самъ вдругъ перемѣнился, сталъ бы жить и поступать только „по-божески", развѣ Серафима поддержала бы его? Въ ней-то самой нашелъ ли бы онъ откликъ такому перелому? Она не мѣшала бы ему—и только... чтобы не потерять его, свою „цацу", своего Васю, какъ пьянчужка-актерка все отдастъ, только бы ея не лишали рюмки коньяку...

Въ пятомъ актѣ Теркинъ уже не могъ отдаться судьбѣ Маріи Стюартъ. Ему хотѣлось уйти тотчасъ послѣ главной пьесы, чтобы не смотрѣть на „Ночное" и не имѣть предлога ужинать съ Большовой.

Искренно выбранилъ онъ себя и за „свинство" и за глупую склонность къ душевному „ковырянью". Лучше бы было насладиться до конца игрой артистки.

Въ залѣ еще гулко разносились вызовы; но онъ уже

спѣшилъ къ вѣшалкѣ, гдѣ оставилъ вмѣстѣ съ пальто и пакетъ съ двумя платками.

— Теркинъ! Здравствуйте!

Его окликнули сзади. Онъ обернулся и увидалъ Усатина, которому капельдинеръ тоже подавалъ пальто.

— Мое почтеніе! Весьма радъ! — выговорилъ онъ не сухо и не особенно радушно.

— Вы куда отсюда? Ужинать?

— Не прочь.

— И прекрасно!.. Поѣдемте въ заведеніе Наумова. Потолкуемъ... Давненько не видались!

— Потолкуемъ, — повторилъ Теркинъ и почувствовалъ, что ему не совсѣмъ ловко съ Усатинымъ.

IV.

— Все Москва! Куда ни взглянешь!

Усатинъ повелъ жестомъ правой руки, указывая на бѣлую залу, въ два свѣта, довольно пустую, несмотря на часъ ужина.

— Да, скопировано съ Гурьинскаго заведенія, — подтвердилъ Теркинъ.

Они закусывали за однимъ изъ столиковъ у окна.

Низковатая большая эстрада стояла съ инструментами къ лѣвому углу. Пѣвицы разбрелись по сосѣднимъ комнатамъ. Двѣ-три сидѣли за столомъ и пили чай. Мужчины хора еще не показывались.

— Москва все себѣ заграбастала, — продолжалъ возбужденнѣе Усатинъ, отправляя въ ротъ ложку свѣжей икры. — И ярмарка вовсе не всемірный, а чисто-московскій торгъ, отдѣленіе Никольской съ ея переулками. И къ чему такіе трактирищи съ глупой обстановкой? Хоръ изъ Яра, говорили мнѣ, за семь тысячъ ангажированъ. На чемъ они выручаютъ? Видите — народу нѣтъ, а ужъ первый часъ ночи. Дерутъ анаѳемски.

Онъ взялъ карту винъ.

— Не угодно ли полюбоваться?.. Губонинское бѣлое вино — три съ полтиной бутылка. Это поощреніе отечественныхъ промысловъ и охранительная торговая политика!

Теркинъ слушалъ его, опустивъ немного голову. Ему было не совсѣмъ ловко. Дорогой, на извозчикѣ, тотъ разспрашивалъ про дѣла, поздравилъ Теркина съ успѣхомъ; про себя ничего еще не говорилъ. „Исторія“ по акціо-

нерному обществу до уголовнаго разбирательства не дошла, но кредитъ его сильно пошатнула. Съ прошлаго года они нигдѣ не сталкивались, ни въ Москвѣ, ни на Волгѣ. Слышалъ Теркинъ отъ кого-то, что Усатинъ опять выплылъ и чуть ли не мастеритъ новаго акціонернаго общества.

Не хотѣлось ему имѣть передъ Усатинымъ видъ человѣка, который точно передъ нимъ провинился. Правда, онъ уѣхалъ изъ усадьбы въ родѣ какъ тайкомъ; но мотивъ такого отъѣзда не трудно было понять: не желалъ пачкаться.

— Такъ вы теперь въ большихъ дѣлахъ?—началъ Усатинъ, какъ бы перебивая самого себя.—И въ одинъ годъ. У кого же вы тогда раздобылись деньжатами,—помните, ко мнѣ въ усадьбу заѣзжали?

Глаза Усатина заискрились. Онъ отправилъ въ ротъ еще ложку икры.

— Раздобылся, — отвѣтилъ Теркинъ съ усмѣшечкой и тутъ только разсердился на Усатина за такой простой вопросъ.

— Деньги не больно большія были, — добавилъ онъ небрежнымъ тономъ.—И вы, Арсеній Кирилычъ,—теперь дѣло прошлое,—совѣсть мою тогда пытали. Должно-быть, хотѣли поглядѣть: поддамся я или нѣтъ?

Такой оборотъ разговора Теркинъ нашелъ очень ловкимъ и внутренно похвалилъ себя.

— Пыталъ?.. Ха-ха!.. Я вамъ, Теркинъ, предлагалъ самую простую вещь. Это дѣлается во всѣхъ „обществахъ“. Но такой ригоризмъ въ васъ мнѣ понравился. Не знаю, долго ли вы съ нимъ продержитесь. Если да, и богатымъ человѣкомъ будете — исполать вамъ. Только наврядъ, коли въ васъ сидитъ человѣкъ съ дѣловымъ воображеніемъ, способный увлекаться идеями.

— Какъ вы, Арсеній Кирилычъ,—подсказалъ Теркинъ и поглядѣлъ на него исподлобья.

— Да, какъ я! Вы тогда, я думаю, сѣли на пароходъ да дорóгой меня честили: „хотѣлъ, молъ, подъ уголовщину подвести, жуликъ, волкъ въ овечьей шкурѣ...“ Что жъ!.. Оно на то смахивало. Человѣку вы уже не вѣрили, тому прежнему Усатину, которому все Поволжье вѣрило. И вотъ, видите, я на скамью подсудимыхъ не попалъ. Если кто и поплатился, то я же.

— И значительно?

— Ужъ, конечно, половина моихъ личныхъ средствъ ушла на то, чтобы ликвидировать съ честью.

— Нѣшто вы прикончили „общество"?

— Нѣтъ, я его преобразовалъ, связалъ его съ эксплуатаціей моего завода и открылъ другіе источники.

— И Дубенскій у васъ находится попрежнему?

Усатинъ слегка поморщился.

— Это — ригористъ... почище васъ. Мы съ нимъ разстались. Я на него не въ претензіи за то, что онъ слишкомъ неумѣренно испугался уголовщины.

„Аферистъ ты! Игрокъ! Весь прогоришь и проворуешься окончательно. Отъ прежняго Усатина мокренько не останется!" — говорилъ про себя Теркинъ, слушая своего собесѣдника.

— Вотъ не угодно ли обслѣдовать этотъ невзрачный кусочекъ?

Усатинъ вынулъ изъ кармана что-то завернутое въ бумагу.

— Что такое?—спросилъ Теркинъ.

— Разверните.

Въ бумагѣ оказался кусочекъ какого-то темноватаго вещества.

— Это—мыло! Но изъ чего оно добывается? Вотъ въ томъ-то вся и штука. Одинъ бельгіецъ-техникъ предложилъ мнѣ свой секретъ. Нигдѣ, кромѣ Америки да нашихъ нефтяныхъ мѣстъ, нельзя съ этимъ кусочкомъ мыла такихъ дѣлъ надѣлать!..

— Ой ли, Арсеній Кирилычъ?

— Я вамъ это говорю!

Усатинъ откинулъ голову; жирное его тѣло заколыхалось, лицо все пошло бликами, глаза заискрились.

„Попалъ на зарубку!"—подумалъ Теркинъ.

Половой подалъ заказанное ими блюдо—стерлядку по-американски. Хоръ запѣлъ какой-то вальсъ. Подъ пѣніе Усатинъ заговорилъ еще оживленнѣе.

— Привилегія уже взята на Францію и Бельгію.

— Вотъ на этотъ самый комочекъ?

— Да, да, Теркинъ! На этотъ самый комочекъ. Послѣ ярмарки ѣду въ Питеръ; тамъ надо похлопотать,—и за границу за капиталами. Идея сразу оцѣнена. Въ Парижѣ денегъ не намъ чета, хоть долгу у нихъ и десятки милліардовъ!

— И въ податяхъ недохватки. И виноградники филлоксера выдрала во сколькихъ департаментахъ!

— Никакая филлоксера ихъ не подведетъ! Деньжищъ, сбереженій все-таки больше, чѣмъ во всей остальной Европѣ, за исключеніемъ Англіи.

— По теперешнимъ чувствамъ господъ французовъ къ намъ, русскимъ, не мудрено заставить ихъ тряхнуть мошной. Только сдается мнѣ, Арсеній Кирилычъ, вся ихъ дружба и сладость по нашему адресу значитъ одно: „отшлепай ты вмѣстѣ съ нами нѣмца". А когда мы у него Эльзасъ и Лотарингію обратно отберемъ, тогда и дружбу по шапкѣ!

— Очень можетъ быть, и не въ этомъ дѣло. Доходъ съ ренты у нихъ падаетъ; правительство не желаетъ больше трехъ процентовъ платить. А мы имъ восемь—десять гарантируемъ.

— Или, по меньшей мѣрѣ, посулимъ.

Смѣхъ Теркина вырвался у него невольно. Онъ не хотѣлъ подзадоривать Усатина или безцеремонно съ нимъ обходиться.

— Вѣрьте мнѣ,—говорилъ ему Усатинъ, передъ ихъ уходомъ изъ трактира, положа локти на столъ, весь распаленный своими новыми планами.—Вѣрьте мнѣ. Ежели у человѣка, пустившагося въ дѣла, не разовьется личной страсти къ созданію новыхъ и новыхъ рынковъ, новыхъ источниковъ богатства,—словомъ, если онъ не артистъ въ душѣ, онъ или фатально кончитъ совсѣмъ пошлымъ хищничествомъ, или забастуетъ—такъ же пошло—и будетъ себѣ купончики обрѣзывать.

— Позвольте, Арсеній Кирилычъ, — возразилъ Теркинъ, — будто нельзя посмотрѣть на свою дѣлецкую карьеру какъ на средство послужить родинѣ?

Онъ поднялъ голову и пристально поглядѣлъ на Усатина. Собственныя слова не показались ему рисовкой. Вѣдь онъ души своей одному дѣлечеству не продавалъ. Еще у него много жизни впереди. Когда будутъ ворочать милліонами, онъ покажетъ, что не для одного себя набивалъ онъ мошну.

— Родинѣ!

Усатинъ пренебрежительно тряхнулъ своей лысой головой.

— Однако, позвольте,—Теркинъ понизилъ голосъ, но продолжалъ съ легкимъ вздрагиваніемъ голоса.—Вы изволили же въ былые годы служить нѣкоторымъ идеямъ. И я первый обязанъ вамъ тѣмъ, что вы меня поддержали...

не какъ любостяжательный хозяинъ, а какъ человѣкъ съ извѣстнымъ направленіемъ...

— Направленіе!—остановилъ его Усатинъ.—Оно у меня вотъ гдѣ сидитъ,—онъ рѣзнулъ себя по затылку,—и когда эту самую родину изучишь хорошенько, придешь къ тому выводу, что только забывая про всякія цивическія затѣи, и можно двигать ею. И вамъ, Теркинъ, тотъ же совѣтъ даю. Не садитесь между двухъ стульевъ, не обманывайте самого себя, не мечтайте о томъ, чтобы подражать дѣльцамъ, какіе во Франціи были въ школѣ сенсимонистовъ. Они мнили, что перестроятъ все общество во имя гуманности и братства, а кончили тѣмъ, что стали банковскими воротилами. Все это—или пустая блажь, или безсознательная, а то такъ и умышленная фальшь!..

Онъ опять вынулъ изъ кармана бумажку съ кусочкомъ мыла.

— Вотъ я распалился этимъ комочкомъ безъ всякой филантропіи и высшихъ соціальныхъ идей, и цѣлый край будетъ кормиться около этого комочка! Такъ-то-съ, батюшка! А за симъ прощайте! Желаю добраго успѣха!.. И знайте, что безъ игрецкаго задора—все окажется мертвечиной!

— Загадывать не стоитъ! — сказалъ, подымаясь отъ стола Теркинъ.

— Будетъ у васъ идея... настоящая, на которую капиталисты сейчасъ пойдутъ, какъ на удочку,—валяйте!.. Понадобится вамъ смекалка Усатина,—идите къ нему... Онъ васъ направитъ, даромъ, что вы его подъ сумнѣніемъ держали.

Внизу, на крыльцѣ, они простились пріятельски. Теркинъ пошелъ пѣшкомъ къ станціи желѣзной дороги, гдѣ стоялъ въ номерахъ.

V.

На площадкѣ передъ ресторономъ Откоса, за столиками, сидѣла вечерняя публика, наѣхавшая снизу, съ ярмарки,—почти все купцы. Виднѣлось и нѣсколько шляпокъ. Изъ ресторана слышно было пѣніе женскаго хора. По верхней дорожкѣ, надъ крутымъ обрывомъ, двигались въ густыхъ уже сумеркахъ темныя фигуры гуляющихъ,—больше мужскія.

Внизу Волга лежала плоскимъ темноватымъ пластомъ, сдавленная песчаными перекатами. „Телячій Бродъ“, пол-

зущій вдаль до Печерскаго монастыря, суживалъ русло неправильной линіей. Луговой берегъ рѣки уходилъ на десятки верстъ отъ села Боръ, гдѣ бѣлыя церкви еще довольно ярко выплывали на буромъ фонѣ. Кое-гдѣ тускловато отливали, въ родѣ небольшихъ лужицъ, выемки, не высохшія съ половодья. Подъ самымъ Откосомъ слышалось унылое гудѣніе пара сигнальныхъ свистковъ. По водѣ, вверхъ и внизъ, разбрелись баржи и расшивы, а пароходы съ цвѣтными фонарями стояли въ нѣсколько рядовъ, бѣлѣя своими трубами и длинными рубками на американскій манеръ.

Ночь собиралась звѣздная и безлунная, очень тихая, съ послѣднимъ отблескомъ зари. Въ сторону моста сгустились мачты и трубы, и дымка ходила надъ ярмарочнымъ урочищемъ. Влѣво взглядъ забиралъ только кругозоръ до Егорьевской башни кремля, замыкавшей наверху всю панораму.

На самой вышкѣ, у обрыва за кустами, стоялъ Теркинъ.

Онъ только что пріѣхалъ съ ярмарки нарочно—на прощаньѣ съ Нижнимъ посидѣть на Откосѣ. Видъ оттуда рѣки былъ ему неизмѣнно дорогъ, а на этотъ разъ его влекло и довольно жуткое душевное настроеніе, съ какимъ онъ возвращался домой, туда въ посадъ Чернуха, на низовьяхъ, гдѣ они съ Серафимой провели зиму.

Въ немъ съ того ярмарочнаго вечера, когда онъ побывалъ на „Маріи Стюартъ“ и поужиналъ съ Усатинымъ, закопошилось что-то новое и вмѣстѣ очень старое. Сквозь довольство своими дѣлами и въѣдавшіеся въ него порывы самолюбія, любованія своей удачей и смѣткой, повадокъ пріобрѣтателя и хозяина, онъ распознавалъ и смутное недовольство многимъ, такъ что въ него забралось тревожное желаніе разобраться и въ чувствѣ къ Серафимѣ, въ ея натурѣ и убѣжденіяхъ.

Ночь и рѣчная даль навѣвали на него пріятную унылость. Не было уже охоты „ковырять“ въ душѣ и разстраивать свой созерцательный „стихъ“.

Вправо отъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, у самаго обрыва на скамейкѣ сидѣлъ кто-то.

Теркинъ поглядѣлъ туда, и взглядъ его остановился на спинѣ плотнаго мужчины, сидѣвшаго къ нему въ полпрофиля. Эта спина, и волосы, и фуражка показались ему знакомыми.

„Кузьмичевъ?“—умственно спросилъ онъ, но не тотчасъ окликнулъ его.

„Онъ и есть!“—утвердительно отвѣтилъ себѣ Теркинъ.

Капитана „Бирюча“ онъ не видалъ въ этотъ пріѣздъ и какъ будто избѣгалъ этой встрѣчи. Ему еще съ конца прошлой навигаціи было извѣстно, что Кузьмичеву грозило дѣло по жалобѣ Перновскаго за самовольную высадку съ парохода. Дошло до него и письмо Кузьмичева Великимъ постомъ, гдѣ тотъ обращался къ нему, какъ къ вліятельному пайщику ихъ товарищества, разсказывалъ про измѣнившееся къ нему отношеніе хозяина парохода, просилъ замолвить за него словечко, жаловался на необходимость являться къ судебному слѣдователю, намекалъ на то,—по очень сдержанно,—что Теркинъ, быть-можетъ, захочетъ дать свое свидѣтельское показаніе, а оно было бы ему „очень на-руку“.

Это письмо Теркинъ оставилъ безъ отвѣта. Сначала хотѣлъ отвѣтить, черезъ два дня уѣхалъ надолго въ Астрахань и совсѣмъ забылъ про него.

„Вѣдь я свински поступилъ!“—пронизала его мысль, когда онъ снова оглядѣлъ фигуру Кузьмичева.

— Андрей Ѳомичъ!—не громкимъ, но звучнымъ голосомъ назвалъ онъ капитана, подошелъ къ нему сбоку и прикоснулся рукой къ его плечу.—Вы это?

— А-а, Василій Иванычъ!

Кузьмичевъ быстро поднялся съ мѣста, снялъ картузъ и не сразу пожалъ протянутую ему руку, охваченный неожиданностью появленія Теркина.

— Созерцаете?—спросилъ тотъ, не выпуская его руки.—И я тоже... Вы никакъ пришли сверху?

— Точно такъ... Сегодня утромъ.

— Пустите-ка меня на скамеечку!—сказалъ Теркинъ.

Они оба присѣли.

— Надолго ли къ намъ?—спросилъ Кузьмичевъ.

Глаза онъ отвелъ въ сторону. Въ его тонѣ Теркинъ заслышалъ съеженность, какой прежде никогда не бывало.

„Считаетъ меня пошлякомъ,—подумалъ онъ,—и, по-своему, правъ“.

— Я завтра въ обратный путь. И весьма радъ нашей встрѣчѣ, Кузьмичевъ. Какъ это хорошо, что меня надоумило поѣхать на Откосъ!

Кузьмичевъ все еще не глядѣлъ на него.

— Съ „Батракомъ“ мы, Василій Иванычъ, разминулись

повыше Юрьевца... Ходокъ отличный, даже завидки берутъ, когда на такой скверной посудинѣ, какъ „Бирючъ“, валандаешься.

Про себя онъ, видимо, не хотѣлъ заводить рѣчь сразу.

— Кузьмичевъ!—окликнулъ Теркинъ на другой ладъ.— Вы вѣдь на меня въ сердцахъ?

— Я, Василій Иванычъ?

— А то нѣтъ?

— Въ сердцахъ... Это не вѣрно сказано, а только...

— Стойте, я за васъ доскажу... Въ прошломъ году, помните, когда вы меня провожали при спускѣ „Батрака“... въ ваше положеніе я недостаточно вошелъ... Знаете, въ чаду хозяйскаго торжества... И на письмо ваше не отвѣтилъ. Въ этомъ чистосердечно каюсь. Не то чтобы я струсилъ... а зарылся. Вотъ настоящее слово. И вы въ правѣ считать меня... ну, да слово сами приберите.

— Вы ужъ слишкомъ, Василій Иванычъ! — заговорилъ Кузьмичевъ, и тутъ только его обыкновенно смѣшливые глаза обратились къ Теркину съ болѣе искреннимъ привѣтомъ.—Канючить я не люблю, но положеніе мое изъ-за той глупой исторіи съ Перновскимъ такъ покачнулось, что просто и не знаю какъ быть.

— Что̀ вы!

— Вашихъ компаньоновъ вы рѣдко видаете. Мой патронъ труса празднуетъ и меня, можно сказать, ни чуточки не поддержалъ... И ежели бы у меня съ нимъ не контрактъ, онъ бы меня еще прошлой осенью расчелъ и оставилъ бы на зиму безъ всякаго продовольствія. Наше дѣло, сами знаете, какое. Конечно, другіе лѣтомъ копятъ на зиму, а я не умѣю, да къ тому же у меня семья... Цѣлыхъ четыре души. Какъ-то совѣстно такія нищенскія фразы употреблять; но это фактъ... Въ ноябрѣ контракту срокъ, и принципалъ меня удерживать не станетъ. Да это еще бы сполагоря... А вотъ гадость... Подсудность эта гнусная. Положимъ, слѣдователь парень хорошій, онъ такъ ведетъ слѣдствіе, чтобы все на нѣтъ свести... Тотъ Іуда-Искаріотъ... уже успѣлъ свою ябеду распустить... Изъ Питера сюда запросъ насчетъ моего недавняго прошлаго. Меня уже два раза „ко Іисусу“ таскали — къ генералу: здѣсь архаровцами-то генералъ, а не полковникъ завѣдуетъ. Того гляди, угодишь въ отъѣздъ по казенной надобности. И мой принципалъ ужъ, конечно, меня выдастъ головой, да и остальные не поддержатъ... Я былъ той

вѣры, Василій Иванычъ, что только вы — человѣкъ другого покроя. Тѣмъ болѣе, что ваше, напримѣръ, показаніе дало бы окраску всему происшествію. Матросы—мои подчиненные. Прокурорскій надзоръ ихъ заподозритъ.

Рѣчь его прервалъ короткій смѣшокъ, точно онъ хотѣлъ сдержать волненіе; стыдно стало своего малодушія.

Теркинъ, слушая его, все время повторялъ себѣ:

„Да вѣдь кто же Перновскаго-то разъярилъ, кто былъ зачинщикомъ всей исторіи? Ты—и больше никто! Развѣ Кузьмичевъ одинъ впутался бы? Тебѣ и надо поддержать его".

— Вотъ что́ я вамъ скажу, Кузьмичевъ, — искренней нотой началъ онъ, кладя ему руку на колѣно.—Спасибо за то, что вы меня человѣкомъ другого покроя считаете... И я передъ вами кругомъ виноватъ. Зарылся... Одно слово!.. Хорошо еще, что можно наладить дѣло. Угодно, чтобы я отъявился къ слѣдователю? Для этого охотно останусь на сутки.

— Вотъ бы чудесно!

Кузьмичевъ круто повернулся къ Теркину и взялъ его руку своими обѣими.

— Это давно была моя обязанность. Насчетъ мѣста вамъ нечего смущаться. Только бы вамъ здѣсь пакости какой не смастерили административнымъ путемъ... Дотяните до ноября,—милости просимъ ко мнѣ.

Наплывъ хорошихъ, смѣлыхъ чувствъ всколыхнулъ широкую грудь Теркина. Онъ подумалъ сейчасъ же о Серафимѣ. Какъ бы она одобрила его поведеніе? И не могъ отвѣтить за нее... Кто ее знаетъ? Быть-можетъ, съ тѣхъ поръ онъ и „зарылся", какъ сталъ жить съ нею...

Ему отраднѣе было въ ту минуту уважать себя, сознавать способность на хорошій поступокъ, чѣмъ выгораживать передъ собственной совѣстью трусливое „себѣ на умѣ".

— Не знаю, право, Василій Иванычъ, какъ и...

— Ничего!.. — прервалъ онъ Кузьмичева. — Знайте, Андрей Ѳомичъ, что Василій Теркинъ, сдается мнѣ, никогда не промѣняетъ вотъ этого мѣста (и онъ приложился пальцемъ къ лѣвой сторонѣ груди) на мѣдный пятакъ. Да и добро надо помнить! Вы меня понимали и тогда, когда я еще только выслуживался, не смѣшивали меня съ дѣлеческимъ людомъ... Андрей Ѳомичъ! Вѣдь въ жизни есть не то что фатумъ, а совпаденіе случайно-

стей... Вотъ встрѣча съ вами здѣсь, на обрывѣ Откоса... А хотите знать: она-то мнѣ и нужна была!

Порывисто вскочилъ Теркинъ.

— Спустимся внизъ, въ ресторанъ. Надо намъ бутылочку распить...

Кузьмичевъ отъ волненія только крикнулъ по-волжски:

— Айда̀!

VI.

— Милый, милый!

Серафима цѣловала его порывисто, глядѣла ему въ глаза, откидывала голову назадъ и опять принималась цѣловать.

Они сидѣли позднимъ утромъ на террасѣ, окруженной съ двухъ сторонъ лѣсомъ... На столѣ кипѣлъ самоваръ. Теркинъ только что пріѣхалъ съ пристани. Серафима не ждала его въ этотъ день. Неожиданность радости такъ ее всколыхнула, что у нея совсѣмъ подкосились ноги, когда она выбѣжала на крыльцо, завидѣвъ экипажъ.

— Сама-то давно ли вернулась?—спросилъ онъ послѣ новыхъ, болѣе тихихъ ласкъ.

— Я ужъ три дня здѣсь, Вася! Такъ стосковалась, хотѣла въ Нижній ѣхать, депешу тебѣ слать... радость моя!

Опять она стала душить его поцѣлуями, но спохватилась и поднялась съ соломеннаго диванчика, гдѣ они сидѣли.

— Вѣдь ты голоденъ! Тебѣ къ чаю надо еще чего-нибудь! Степанида!

Она заходила по террасѣ около стола. Теплый свѣтъ сквозь наружныя маркизы ласкалъ ея гибкій станъ, въ полосатомъ батистовомъ пеньюарѣ, съ открытыми рукавами. Волосы, заколотые крупной золотой булавкой на маковкѣ, падали на спину волнистой густой прядью.

Теркинъ любовался ею.

Мысль его перескочила быстро къ ярмаркѣ, къ номеру актрисы Большовой, гдѣ они, какихъ-нибудь пять дней назадъ, тоже цѣловались... Онъ вспомнилъ все это и огорчился тѣмъ, что уколъ-то совѣсти былъ не очень сильный. Его не бросило въ жаръ, не явилось неудержимаго порыва признаться въ своемъ рыхломъ, нечистоплотномъ поведеніи.

И на эту женщину, отдавшуюся ему такъ беззавѣтно, онъ глядѣлъ глазами чувственника. Вся она вызывала въ

немъ не глубокую сердечную радость, а мужское хищное влеченіе.

Онъ тотчасъ же сталъ внутренно придираться къ ней. Ея красота не смирила его, а начала раздражать. Лицо загорѣлое, съ янтарнымъ румянцемъ, онъ вдругъ нашелъ цыганскимъ. Ея пеньюаръ, голыя руки, раскинутые по спинѣ волосы — дѣлали ее слишкомъ похожей на женщину созданную только для любовныхъ утѣхъ.

Горничной Степанидѣ, тихой немолодой дѣвушкѣ, Серафима отдала приказаніе насчетъ закуски и сейчасъ же вернулась къ нему и начала его тормошить.

— Васюньчикъ мой!.. Пойдемъ туда, подъ сосны... Пока тебѣ подадутъ поѣсть... Возьми съ собой стаканъ чаю... Тамъ вонъ, сейчасъ за калиткой... На хвоѣ какъ хорошо!..

Онъ принялъ ея слова за приглашеніе отдаться новымъ ласкамъ и не обрадовался этому, а съёжился.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ съ неискренней усмѣшкой,— побудемъ здѣсь... Экъ тебѣ не сидится!

На террасѣ было очень хорошо. Ее отдѣлялъ отъ опушки узкій цвѣтничокъ. Нѣсколько другихъ дачъ, по одной сторонѣ перелѣска, въ полуверстѣ дальше, прислонились въ лощинѣ къ опушкѣ этого лѣса, шедшаго на сотни десятинъ. Онъ принадлежалъ казнѣ; дачи были выстроены на свой счетъ двумя инженерами, докторомъ да адвокатомъ. Одного изъ инженеровъ перевели, — онъ уступилъ свою Теркину еще ранней весной. Съ тѣхъ поръ Серафима жила здѣсь почти безвыѣздно, часто одна, когда онъ отлучался недѣлями. Зиму они проводили то здѣсь, то тамъ: жили въ Москвѣ, въ Нижнемъ, въ Астрахани. Скитанье по гостиницамъ и меблированнымъ комнатамъ менѣе ее тяготило, чѣмъ одинокое житье на этой дачѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ богатаго приволжскаго посада, гдѣ у нея не было никого знакомыхъ. Ей сдавалось, что Теркинъ продолжаетъ ёжиться отъ ихъ нелегальнаго положенія. Правда, онъ долженъ былъ разъѣзжать по своимъ дѣламъ; но ему, видимо, не хотѣлось устроиться домомъ ни въ Москвѣ, ни въ одномъ изъ приволжскихъ губернскихъ городовъ. Онъ, конечно, боялся за нее, а не за себя. Эта деликатность стѣсняла ее. Мужъ ея не преслѣдовалъ,—кажется, забылъ и думать о ея существованіи. Его перевели куда-то за Москву. Ихъ никто не безпокоилъ. Она жила по своему гимназическому диплому,

Нигдѣ — ни въ Москвѣ, ни въ другихъ городахъ — онъ не выдавалъ ея за жену, и это его стѣсняло.

Серафима недавно, передъ тѣмъ какъ онъ собрался въ Нижній, а она къ своей матери, сказала ему въ шутливомъ тонѣ:

— Вася! Ты все еще за меня смущаешься?.. Что я Анна Каренина, что ли? Супруга сановника? Какое кому дѣло, вѣнчаны мы или нѣтъ, и что господинъ Рудичъ— мой мужъ?.. Коли ты въ законъ вступить пожелаешь, — когда разбогатѣемъ, предложимъ ему отступного, вотъ и все!

Онъ тогда ничего ей не отвѣтилъ, ни въ шутку, ни серьезно; но теперь она ему какъ-то особенно рѣзко казалась ничуть не похожей на жену всѣмъ своимъ видомъ и тономъ. И онъ не могъ освободиться отъ этихъ ненужныхъ и расхолаживающихъ мыслей.

Вмѣстѣ съ Степанидой что-то принесъ для стола карликъ, въ сѣрой парѣ изъ бумажной матеріи, очень маленькій, съ бѣлокурой большой дѣтской головой, безбородый, румяный, на короткихъ ножкахъ, такъ что онъ переваливался съ боку на бокъ.

Ему было уже подъ-тридцать. Звали его Парѳенъ Чурилинъ. Теркину онъ понравился въ Казани, въ парикмахерской, и онъ его взялъ себѣ въ услуженіе. Серафима его не любила и скрывала это. Она дожидалась только случая, чтобы спустить „карлу". Кухарка уже донесла ей, что онъ тайно „заливаетъ за галстукъ", только изловить его было трудно.

— Чурилинъ! Какъ изволите поживать? — обратился къ нему Теркинъ, державшійся съ нимъ всегда шуточнаго тона.

— Слава Богу, Василій Иванычъ. Благодарю покорно.

Голосъ у карлика былъ не писклявый, а низковатый и тусклый, точно онъ выходилъ изъ большого тѣла.

Чурилинъ поставилъ на столъ приборъ, при чемъ его маковка пришлась въ уровень съ бортомъ, приковылялъ къ Теркину, еще разъ поклонился ему, по-крестьянски мотнувъ низко своей огромной головой, и хотѣлъ приложиться къ рукѣ.

— Не надо!—выговорилъ Теркинъ и отдернулъ руку.

Въ преданность карлика онъ вѣрилъ и чувствовалъ къ нему нѣчто въ родѣ ласковой заботы о собачкѣ, ко-

торая съ каждымъ днемъ все больше привязывается къ хозяину.

— Ступай, неси судокъ, да не растеряй пробки!

Серафима намекала на то, что наканунѣ у него выпала пробка изъ бутылочки съ уксусомъ. Чурилинъ, и безъ того красный, еще гуще покраснѣлъ. Онъ былъ обидчивъ и помнилъ всякое замѣчаніе, еще сильнѣе — насмѣшку надъ его ростомъ. Въ работѣ хотѣлъ онъ всегда отличиться дѣльностью и все исполнялъ серьезно, всякую малость. И это Теркину въ немъ очень нравилось.

— Такой карнышъ, — говаривалъ онъ, — а сколько серіозу! Для него все важно!

Степанида и Чурилинъ еще разъ пришли и ушли. Теркинъ крикнулъ даже:

— Довольно! Нечего больше таскать!

Когда они остались вдвоемъ съ Серафимой, и она стала наливать ему чай и угощать разной домашней снѣдью, онъ ощутилъ опять неловкость послѣ ея вопроса: „какъ веселился онъ у Макарія?“

Онъ сталъ разсказывать довольно живо про театръ, про „Марію Стюартъ“, про встрѣчу съ Усатинымъ и Кузьмичевымъ, но про встрѣчу съ Большовой умолчалъ, и сдѣлалъ это уже безъ всякаго колебанія.

„Стоитъ въ этомъ каяться!“ — окончательно успокоилъ онъ себя.

Разговоръ съ Кузьмичевымъ онъ передалъ подробно; не скрылъ и того, что былъ у судебнаго слѣдователя по дѣлу о Перновскомъ.

Всю эту исторію Серафима слышала въ первый разъ.

— Ты почему же мнѣ никогда не говорилъ про это, Вася?.. — спросила она его спокойно, совсѣмъ не тономъ упрека.

— Почему?.. Да не пришлось какъ-то!.. Право слово, Сима!.. Все это вышло какъ разъ передъ нашей встрѣчей. До того ли мнѣ было!

— Развѣ мы мало провели времени на „Сильвестрѣ“, передъ тѣмъ какъ тонуть?..

Этотъ вопросъ вышелъ у нея уже тревожнѣе.

— Или, быть-можетъ, не хотѣлъ тебя смущать, портить первыхъ дней нашего тогдашняго житья... И то, пожалуй, что я не люблю вспоминать про исторію моего исключенія изъ гимназіи...

Изъ этой исторіи Серафима знала далеко не все: ни

его притворнаго сумасшествія, ни наказанія розгами въ селѣ Кладенцѣ.

— Конечно, конечно!

Глаза ея потускнѣли. Она потянулась къ нему лицомъ и поцѣловала въ лобъ.

— Только вотъ что, Вася,—продолжала она потише и вдумчивѣе,—какъ бы тебѣ не впутаться въ лишнюю непріятность... Кузьмичевъ одинъ въ отвѣтѣ.

— Да вѣдь онъ и не выгораживаетъ себя.

— Ну, такъ что жъ?...

— Какъ же ты не хочешь понять, Сима (Теркинъ началъ краснѣть)! Я довелъ Перновскаго до зеленаго змѣя—это первымъ дѣломъ; а вторымъ—я видѣлъ, какъ онъ полѣзъ на капитана съ кулаками, и мое показаніе было очень важно... Мнѣ самъ слѣдователь сказалъ, что теперь дѣло кончится пустяками.

— И ты Кузьмичеву пообѣщалъ мѣсто?

— Счелъ это порядочнымъ поступкомъ.

— Да не ты ли говорилъ какъ-то, что онъ хорошій малый, но съ лѣнцой?

— У меня будетъ исправенъ!

Она замолчала; онъ видѣлъ, что въ ней женская „безпринципность" брала верхъ, и уже не впервые. Въ его дѣла она не вмѣшивалась, но каждый разъ, какъ онъ вслухъ при ней обсуждалъ свои дѣловые поступки, она становилась на сторону „купецкаго расчета" и не поддерживала въ немъ *того* Теркина, который не позволялъ ему сдѣлаться бездушнымъ „жὸхомъ".

— Эхъ, Сима!—вырвалось у него.—Растяжимая совѣсть у вашей сестры!.. Не хочешь понять меня!

— Понимаю!—порывисто крикнула она.—Вася!.. Ты всегда и во всемъ благороденъ! Прости!.. Мы—женщины—трусихи!.. За тебя же боюсь...

И она бросилась его цѣловать, не дала ему доѣсть куска. Онъ долженъ былъ отвести ее рукой и чуть не подавился.

VII.

— Закормила ты меня, Сима! Кажется, я злоупотребилъ этимъ варенцомъ...

Теркинъ бросилъ на столъ салфетку и весь потянулся.

— Курить хочешь? Спички есть? Я сейчасъ принесу...

— Есть, есть!..

Откинувшись на спинку соломеннаго кресла, онъ прищурилъ глаза и ушелъ взглядомъ въ чащу лѣса за частоколъ цвѣтника.

— Экая здѣсь у насъ благодать!—выговорилъ онъ тронутымъ звукомъ.—А? Сима!..

— Да, милый.

— Ты поддакиваешь, а, сдается мнѣ, безъ убѣжденія.

— Почему же?

— Не больно ты, Сима, охотница до лѣсныхъ-то дебрей. Да и насидѣлась, бѣдная, въ этомъ захолустьѣ. А меня хлѣбомъ не корми, только пусти въ лѣсъ. Не знаю самъ, право, что̀ ближе моей душѣ: Волга или лѣсъ.

Онъ раскрылъ глаза, — они глядѣли своими большими темными зрачками, — и ласкалъ ими стройные, крупные стволы сосенъ, выходившихъ изъ поросли чернолѣсья: орѣшника и кустовъ лѣсныхъ мелкихъ породъ.

— Для этого надо родиться,—тихо отвѣтила Серафима, но не начала жаловаться на скуку, хотя частенько скучала тутъ, на этой опушкѣ, въ его отсутствіе.

Ему бы хотѣлось поговорить на свою любимую тему; онъ воздержался, зная, что Серафима не можетъ войти въ его душу по этой части, что она чужда его безкорыстной любви къ родной рѣкѣ и къ лѣсному приволью, гдѣ бы онъ ихъ ни встрѣчалъ.

— Что же ты про матушку-то свою не скажешь мнѣ ничего? Какъ живетъ-поживаетъ? Чѣмъ занята? Она вѣдь, сколько я ее по твоимъ словамъ разумѣю,—натура цѣльная и дѣятельная.

— Да что̀, Вася... — Серафима точно прервала себя и присѣла къ нему поближе.—Мамаша вѣдь опять къ старой вѣрѣ повернула.

— Чего повертывать? Она и всегда была въ ней.

— Они съ отцомъ и со мною, — прибавила она, улыбнувшись,—въ единовѣріи состояли. Ты знаешь?

— А теперь?

— Прежде они вѣдь безпоповской вѣры были... Вотъ старая-то закваска и сказалась. Отъ одиночества что ли или другое что̀... только она теперь съ сухарниками держится.

— Съ кѣмъ?—переспросилъ Теркинъ.

— Съ сухарниками... Потѣха! Это, видишь, такіе же безпоповцы... Только у нихъ бѣглыхъ поповъ нѣтъ... На-

доѣла возня съ ними... Дорого стоятъ, полиція травитъ, и безобразіе отъ нихъ идетъ большое.

Теркинъ слушалъ съ интересомъ и то и дѣло взглядывалъ на Серафиму. Она говорила съ веселымъ выраженіемъ въ глазахъ, и ея алый ротъ складывался въ смѣшливую мину.

— Что же это значитъ сухарники?.. Я въ толкъ не возьму...

— Погоди, Вася! Я тебѣ объясню... только все это со стороны—просто потѣха!..

— Почему же потѣха?—строже спросилъ онъ.—Каждый по-своему вѣритъ. Лучше это, чѣмъ никакого закону не знать и никакого предѣла для того звѣря, который въ насъ сидитъ.

— Милый! Да ты послушай и говори потомъ... Развѣ это не жалко: мать—умная женщина, всегда была съ царемъ въ головѣ—и вдругъ въ такое изувѣрство удариться!

И, не давая ему возразить, она опять съ насмѣшливой миной заговорила быстро:

— Сухарники они вотъ почему. Отъ какого-то старца,—тамъ гдѣ-то на Иргизѣ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, ужъ не знаю,—ихъ начетчикъ получилъ мѣшечекъ съ сухарями. Ими онъ причащалъ. Поповъ, молъ, бѣглыхъ не наберешься, и повѣрье, молъ, такое—и сіе во спасеніе...

— Что жъ эти сухари-то обозначаютъ?

— Запасные, видишь, дары... Какъ это называется—агнецъ, что ли?

— А-а! И потомъ что?

— Вася! Ты точно сказку слушаешь... Ха-ха!

— Вовсе нѣтъ, Сима... Это очень занятно. Я всегда про расколъ люблю узнавать.

— Охота!.. Такъ вотъ, видишь, старецъ-то, какъ помирать сталъ, и оставилъ мѣшечекъ начетчику, разумѣется, мужику... фамилію я забыла... И началъ этотъ мѣшокъ съ сухариками переходить изъ рукъ въ руки, отъ одного начетчика къ другому, по завѣщанію. Разумѣется, прежніе-то кусочки, отъ агнца-то, давно перевелись, а только крошки запекали въ просвиры и рѣзали потомъ на новые кусочки и сушили.

— Вотъ оно что!

— И кому удавалось захватить этотъ самый мѣшечекъ,

тотъ и дѣлался столбомъ благочестія и выше всякаго наставника... Вотъ теперь тамъ, у насъ, мѣшечекъ хранится у одной старой хрычовки...

— Серафима! Почему же хрычовки?

— Да потому, что я ее знаю. Еще дѣвочкой ее видала... Старушенція-то въ дѣвахъ пребываетъ... Зовутъ ее Глафира Власьевна. Простая мѣщанка; торговлишка была плохенькая, а теперь разжилась. И какъ бы ты думалъ... Все ихъ согласіе передъ ней какъ передъ идоломъ преклоняется... Въ молельнѣ земные поклоны ей...

— И мать твоя также?

— И она!.. Ну какъ же не жалко и не обидно за нее?.. Я-было пробовала стыдить ее, такъ она, кажется, въ первый разъ въ жизни такъ разсердилась... Просто вся затряслась... А ты послушай дальше, какія штуки эта бабаяга выдѣлываетъ...

Серафима встала и начала ходить по террасѣ, заложивъ руки за спину. Теркинъ слѣдилъ за ней глазами и оставался у стола.

— Что жъ дѣлать!.. — выговорилъ онъ съ жестомъ головы.—Какъ ты сказала, Сима: старыя дрожди всплыли... Вѣроятно, и то, что она тайно считала переходъ въ единовѣріе измѣной и захотѣла загладить вину и за себя, и за мужа.

— Ужъ не знаю, Вася; но вотъ ты сейчасъ увидишь, до какого безобразія и шутовства это доходитъ... Какъ подойдетъ Великій постъ и начнется говѣнье, у нихъ на каждый день полагается тысячу поклоновъ...

— Тысячу!—вскричалъ Теркинъ.

— А ты какъ бы думалъ? И какихъ! Не такъ, какъ у никоніанцевъ (она произнесла это слово, нахмуривъ нарочно брови), а какъ слѣдуетъ. Маменька называетъ: „съ растяженіемъ суставовъ“. Понимаешь? ха-ха!..

— Понимаю. Для нихъ это не смѣшно.

— Вѣдь она не молоденькая... Ты вотъ какой у меня богатырь... А положи-ка ты въ день тысячу земныхъ поклоновъ, перебери на лѣстовкахъ-то, сколько полагается, бубенчиковъ...

— Какихъ такихъ?

— Зарубочекъ... Ты видалъ раскольничьи лѣстовки?

— Какъ же... У насъ въ Кладенцѣ тоже вѣдь безпоповцы... Чуть ли не по бѣглому священству.

— Кладутъ они поклоны... Совсѣмъ разомлѣютъ, спину отобьютъ... Соберутся къ исповѣди... и причастія ждутъ... Наставникъ выйдетъ и говоритъ: „Глафира, молъ, Власьевна которымъ соизволила выдать кусочки, а которымъ и не прогнѣвайтесь...“ И пойдутъ у нихъ вопли и крики... А взбунтоваться-то не смѣютъ противъ Глафиры Власьевны. Одно средство—ублажить ее, вымолить на колѣняхъ, чрезъ всякія униженія пройти, только бы она смиловалась...

— Неужели и мать твоя такимъ же манеромъ?

— Она у ней и днюетъ, и ночуетъ. И меня хотѣла вести туда, да я прямо отрѣзала ей: „ужъ вы меня, маменька, отъ этихъ благоглупостей освободите“.

— Неужели такъ и сказала: „благоглупостей“?

— Такъ и сказала.

— Напрасно.

— Что это, Вася! Ты сегодня точно нарочно меня дразнишь! Съ какой стати!.. Ты, сколько я тебя понимаю, такъ далекъ отъ подобнаго дремучаго изувѣрства...

— Это дѣло ея совѣсти.

Теркинъ тоже всталъ, отошелъ къ периламъ и сѣлъ на нихъ.

— Да вѣдь досадно и больно за мать!.. Помилуй, она теперь только и спитъ, и видитъ, какъ бы ей отъ Глафиры мѣшечекъ достался, когда та умирать станетъ. Она ужъ начала ей подарки дѣлать, начетчиковъ и уставщиковъ угощаетъ, навѣрно и денегъ даетъ... Я побаиваюсь, чтобы они и совсѣмъ ея не обработали... На мельницѣ арендаторъ—тоже безпоповецъ и въ моленной у нихъ одинъ изъ заправилъ... Хоть ты бы когда заѣхалъ, вразумилъ ее!..

— Нѣтъ, Сима,—серьезно и вѣско сказалъ Теркинъ,—я въ эти дѣла вмѣшиваться не буду. Мать твоя вольна дѣйствовать, какъ ей совѣсть указываетъ. По міру она не пойдетъ... У насъ есть чѣмъ обезпечить ее на старости.

— И опять же, Вася, она и меня безъ всякой надобности смущаетъ.

— Чѣмъ же? Вѣдь ты въ ихъ согласіе не поступишь!

— Не этимъ, конечно... А насчетъ все той...

Она запнулась.

— Кого?—недоумѣвалъ Теркинъ.

— Да Калерькиной доли!..

Теркинъ поморщился.

— Зачѣмъ ты, Сима, такъ называешь Калерію Пор-

фирьевну? Это для тебя слишкомъ... какъ бы помягче выразиться... некрасиво.

— Ну, хорошо, хорошо! Ты вѣдь знаешь, что мать была на моей сторонѣ и не допускала, чтобы то, что̀ отецъ оставилъ, пошло только ей.

— А теперь, выходитъ, стала по-другому думать?

— Все изъ-за святости! Хочетъ въ наслѣдницы къ Глафирѣ попасть! Удостоиться быть хранительницей мѣшечка съ сухарями!

— Сима! Такъ неладно... говорить о матери, которая въ тебѣ души не чаяла. Я ее весьма и весьма понимаю. Она ушла теперь въ себя, хочетъ очиститься отъ всякой грѣховной нечистоты, отъ всякаго суетнаго стяжанія. Сухарики или другое что̀, но это протестъ совѣсти, и мы должны отнестись къ нему съ почтеніемъ. Тутъ не одно суевѣріе...

Глаза Серафимы сверкнули. Она остановилась прямо къ нему лицомъ и вскинула по воздуху правой рукой.

— И все это не то! Она и на Калерію-то виды имѣетъ. Надо, молъ, ее ублажить, подѣлиться съ ней по-божески, тронуть ее христіанской добродѣтелью и привлечь къ своей вѣрѣ.

— Что жъ, каждый фанатикъ такъ поступаетъ и чувствуетъ.

— Ты самъ говоришь: фанатикъ!

— Фанатизмъ-то, умные люди писали,—верхъ убѣжденности, Сима!

— Ахъ, полно!

Она подошла къ нему, опустила на его плечо обѣ руки, поцѣловала его въ лобъ и затуманилась.

— Да что жъ ты такъ волнуешься? — спросилъ онъ довольно ласково.

— То, Вася, что я не хотѣла нашу встрѣчу разстраивать... и думала отложить непріятный разговоръ до завтра. А къ этому подошло...

— Какой еще разговоръ?

— Я здѣсь письмо нашла, когда вернулась. Отъ нея.

— Отъ кого?

— Да отъ Калеріи же. Изволитъ извѣщать о своемъ пріѣздѣ.

— Вотъ какъ!

Теркинъ поднялся и отошелъ къ ступенькамъ террасы.

— Сима!—окликнулъ онъ.—Покажи мнѣ это письмо, если тамъ особыхъ тайнъ нѣтъ.

— Изволь! Хоть сейчасъ! Лучше ужъ это поскорѣе съ плечъ спустить!

Она побѣжала въ комнаты.

VIII.

Между краснѣющими стволами двухъ сосенъ, у самой калитки, вдѣлана была доска для сидѣнья. Теркина потянуло туда, въ тѣнь и благоуханіе.

Онъ быстро спустился съ террасы, пересѣкъ цвѣтникъ, вошелъ въ лѣсъ и присѣлъ на доску. Серафима его увидитъ и прибѣжитъ сюда. Да тутъ и лучше будетъ говорить о дѣлахъ—люди не услышатъ.

Это была его первая мысль, и она его ударила въ краску.

Сейчасъ же недовольство, похожее на нытье зубовъ, поднялось у него на сердцѣ. То, что̀ и какъ ему говорила Серафима, по поводу этого письма Калеріи, ея тонъ, выраженія насчетъ матери — оставили въ немъ тошный осадокъ и напомнили уже не въ первый разъ тайное участіе въ ея поступкѣ съ двоюродной сестрой.

Чего же выгораживать себя? Онъ—ея сообщникъ. Она ему отдала двѣ трети суммы, завѣщанной старикомъ Безпаловымъ своей племянницѣ. Положимъ, онъ выдалъ ей вексель, даже настоялъ на томъ, зимой; но онъ зналъ прекрасно, откуда эти деньги. Имѣлъ ли онъ право распорядиться ими? Вѣдь она ничего не писала Калеріи. Цѣлый почти годъ прошелъ съ того времени, и онъ не спросилъ Серафимы, знаетъ ли Калерія про смерть дяди, писала ли ей она или мать ея?

Какого же еще сообщничества?

Его глаза затуманеннымъ взглядомъ остановились на фасадѣ дачи, построенной въ видѣ терема, съ пѣтушками на острыхъ крышахъ и башенкой, гдѣ онъ устроилъ себѣ кабинетъ. Вѣдь здѣсь они не живутъ, а скрываются. И дѣла его пошли бойко на утаенныя деньги, и та, кого считаютъ его женой, украдена имъ у законнаго мужа.

„Воровская жизнь!“

Эти два слова выскочили въ его головѣ сами собой, какъ ясный откликъ на тревогу совѣсти.

„Да, воровская!“—повторилъ онъ уже отъ себя и не сталъ больше прибѣгать ни къ какимъ „смазываньямъ“—

такъ онъ называлъ всякіе неискренніе доводы въ свое оправданіе.

„Надо очиститься—и сразу!"—рѣшилъ онъ безъ колебаній, и такое быстрое рѣшеніе облегчило его, высвободило сразу изъ-подъ несносной тяжести.

Въ дверяхъ террасы показалась Серафима. Она торопливо оглянулась вправо и влѣво, не нашла его, прищурилась, ища его глазами въ цвѣтникѣ.

Ея гибкій станъ сталъ пышнѣе, волосы, закинутые на спину, давали ея красотѣ что-то и вызывающее, и чрезвычайно живописное. Въ другое время онъ самъ бы бросился къ ней цѣловать ее въ искристые чудные глаза.

Въ ту минуту онъ нисколько не любовался ею. Эта женщина несла съ собою новую позорящую тревогу, неизбѣжность объясненія, гдѣ онъ долженъ будетъ говорить съ нею какъ со своей сообщницей и, навѣрно, выслушаетъ отъ нея много ненужнаго, рѣзкаго, увидитъ опять, въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ, растяжимую совѣсть женщины.

И едва ли не впервые созналъ онъ, что красота еще не все, что чувственное влеченіе не владѣетъ имъ всецѣло.

— Гдѣ ты?—окликнула Серафима со ступенекъ террасы.

— Здѣсь, на завалинкѣ! Въ лѣсу!

— Отличное мѣсто!

Она скоро подошла, легко скользя подъемистыми ногами, въ атласныхъ туфляхъ, по мягкой хвоѣ, и поцѣловала его въ волосы.

— Подвинься! Будетъ мѣста и на двоихъ.

Двоимъ было такъ тѣсно, что ея плечо плотно уперлось въ его грудь.

Онъ опустилъ глаза и проговорилъ очень тихо:

— Нашла письмо?

— Вотъ оно.

Она держала письмо въ лѣвой рукѣ, высвободила правую и развернула листокъ, въ осьмушку, исписанный крупнымъ разгонистымъ, скорѣе мужскимъ почеркомъ.

— Хочешь прочту?—спросила она.

— Зачѣмъ! я самъ.

Руки Калеріи онъ до тѣхъ поръ не видалъ. Разбиралъ онъ ее свободно. Серафима положила голову на его лѣвое плечо и слѣдила глазами вдоль строкъ, перечитывая письмо уже въ четвертый разъ.

— Видишь, Вася, отъ великихъ-то идей сестрица грамотности все-таки не добыла. Пишетъ „пуститься въ путь“ безъ мягкаго знака въ неопредѣленномъ наклоненіи.

— Ахъ, Сима!

Теркинъ мотнулъ головой.

„Этакая у женщинъ злоба!“—подумалъ онъ.

Замѣчаніе Серафимы было слишкомъ ужъ невеликодушно. Придираться къ ошибкѣ, да еще къ такой мелкой и въ письмѣ, гдѣ онъ съ первыхъ же строкъ распознавалъ отличнаго „человѣка“! Калерія писала просто, безъ всякихъ подходовъ и намековъ, извѣщала о свой поѣздкѣ на Волгу. Оказывалось изъ этого письма, что тетка написала ей о смерти старика Безпалова нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе. Она, должно-быть, со стороны слышала, что ей достались какія-то деньги, бывшія въ дѣлахъ у дяди послѣ отца; но она на этомъ не останавливалась, какъ на главномъ содержаніи своего письма. Скорѣе, она мечтала о чемъ-то, завести что-то такое на родинѣ, для чего надо бы раздобыться небольшимъ капиталомъ. Ей очень хотѣлось навѣстить и тетку,—той она писала въ одинъ день съ Серафимой. Видно было, что ей извѣстна исторія двоюродной сестры; и опять-таки никакихъ нескромностей не было въ письмѣ, ни фразъ дешеваго либеральничанья.

Теркинъ ожидалъ чего-нибудь слащаваго, поучительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ на евангельскій манеръ—и этого не оказалось. Такъ могла писать только искренняя, добродушная женщина, далеко не безграмотная, хотя и не твердая въ мягкихъ знакахъ.

Онъ довольно долго читалъ всѣ четыре страницы и на нѣкоторыхъ строкахъ останавливался. За нимъ нетерпѣливо слѣдила Серафима.

— Значитъ,—выговорила она, поднимая голову съ его плеча.—Калерія Порфирьевна пожалуетъ сначала сюда, а потомъ прослѣдуетъ къ мамашѣ.

— Можетъ, завтра будетъ въ Посадѣ, коли выѣхала въ тотъ самый день, какъ назначила себѣ.

— И вдругъ здѣсь плюхнется гостить! — вырвалось у Серафимы.

Слово „плюхнется“ заставило его поморщиться.

— Какъ же намъ ее не принять?—спросилъ онъ серіозно, и по его глазамъ Серафима увидала, что онъ совсѣмъ не въ такихъ чувствахъ, какъ она.

— Мнѣ пускай,—только гдѣ же мы ее помѣстимъ?

— А наверху? Тамъ вѣдь есть цѣлая комната.

— Наверху—ты...

— Что жъ изъ этого?

Взглядъ его договорилъ:—„неужели ты не понимаешь, какъ мнѣ не нравится твое поведеніе?“

Теркинъ всталъ, отстранилъ ее слегка плечомъ и отошелъ къ слѣдующему стволу.

— Нешто это ударъ грома, что ли, пріѣздъ Калеріи Порфирьевны?.. Къ нему надо было готовиться. Да, судя по ея письму, она совсѣмъ не такая особа, чтобы бояться отъ нея какихъ-нибудь каверзъ.

— Въ тихомъ омутѣ...

— Полно, Серафима! Это, наконецъ, некрасиво! На что ты злишься? Дѣвушка насъ любитъ, ничего не требуетъ, хочетъ, видимо, все уладить мирно и благородно... А мы,— я говорю: мы, такъ какъ и я тутъ замѣшанъ,—мы скрыли отъ нея законнѣйшее достояніе и ни строчки ей не написали до сегодня. Надо и честь знать.

Пальцы правой руки его нервно начали отковыривать кору сосны.

Серафима тоже поднялась. Ея глаза заблестѣли. На щекахъ явилось по красноватому пятну около ушей.

— Такъ по-твоему выходитъ,—начала она глухо, какъ будто у нея перехватывало въ горлѣ,—мы обязаны ей въ ножки хлопнуться, какъ только она вотъ на эту террасу войдетъ, и молить о помилованіи?

— Повиниться надо, первымъ дѣломъ!

— Глупости какія!

— Не глупости, Серафима, не глупости! — голосъ его звучалъ строже. — Это дѣло вашей совѣсти попросить у нея прощенія; мать твоя, навѣрно, такъ и поступила; но тутъ я замѣшанъ. Я сознательно воспользовался деньгами, взялъ ихъ у тебя, выдалъ документъ не ей, не Калеріи Порфирьевнѣ, а тебѣ, точно ты ихъ собственница по праву. Беру всю вину на себя... И деньги эти отдамъ ей, а не тебѣ,—не прогнѣвайся!

— Гдѣ ты ихъ возьмешь? Есть ли онѣ у тебя вотъ въ настоящую минуту?.. Изъ десяти слишкомъ тысячъ, что̀ у меня на рукахъ остались, одной трети даже нѣтъ.

— Додадимъ!

— Додашь три-четыре тысячи, а не двадцать!.. Что ты хорохоришься, Вася!—У тебя капитала нѣтъ, и всѣ твои новыя дѣла держатся пока однимъ кредитомъ!

— Мало ли что! Заложу „Батрака". Онъ у меня чистый... Предложу пока документъ. Не бойся, тебя не выдамъ; прямо скажу ей, что ты, по добротѣ ко мнѣ, ссудила меня...

— Чужими деньгами!.. Не хочу я этого! Ни за что! Чтобы Калерія сочла тебя за какого-то темнаго афериста и меня же стала жалѣть да на благочестивую жизнь сбивать?.. Ты не имѣешь права такъ грязнить себя передъ ней... И все изъ-за чего? Изъ какой-то нелѣпой гордости! Это фордыбаченье называется, а не честность! Мамаша тоже отъ себя подбавитъ. Разрюмится надъ Калеріей, повинится ей, чтобы ей самой легче было свое скитское покаяніе приносить... Потомъ у Калеріи выманитъ тысчонку-другую на какую-нибудь богадѣльню для безпоповскихъ старухъ, выжившихъ изъ ума!.. Въ васъ изувѣрство, а не любовь. Не умѣете вы любить! Вотъ что!

Грудь ея пошла волнами, руки выдѣлывали круги въ воздухѣ, волосы совсѣмъ распустились по плечамъ.

— Сима!—сказалъ Теркинъ строго, стоя все еще у дерева,—совѣсти своей я тебѣ не продавалъ... Мой долгъ— не только самому очиститься отъ всякаго облыжнаго поступка, но и тебя довести до сознанія, что такъ не гоже, какъ покойный батюшка Иванъ Прокофьичъ говорилъ въ этакихъ дѣлахъ.

— Не бывать этому! Не бывать! Я не позволю тебѣ срамиться передъ Калерькой!

Не желая разрыдаться передъ нимъ, Серафима побѣжала къ террасѣ и не замѣтила, какъ выронила изъ рукъ письмо Калеріи.

Теркинъ увидалъ это, тихо подошелъ, поднялъ, сѣлъ опять на доску и сталъ вчитываться въ письмо—и ни разу не взглянулъ вслѣдъ своей подругѣ.

IX.

На полпути лѣсомъ расплылась глинистая разъѣзженная дорога. Глубокія колеи шли по нѣскольку въ рядъ. Справа и слѣва вились тропки между порослями рябины и орѣшника.

По одной изъ тропокъ Теркинъ шелъ часу въ шестомъ вечера. Жаръ еще не спадалъ. День, хоть и въ августѣ, задался знойный.

За раннимъ обѣдомъ они опять крупно поговорили съ Серафимой. Она не сдавалась. Ея злобу къ Калеріи на-

шелъ онъ еще нелѣпѣе, замолчалъ къ концу обѣда, поднялся къ себѣ наверхъ, гдѣ не могъ заснуть, и ушелъ въ лѣсъ по дорогѣ въ деревню Мироновку, куда онъ давно собирался. Узналъ онъ въ Нижнемъ, что тамъ въ усадьбѣ проводитъ лѣто жена одного изъ пайщиковъ его пароходнаго товарищества.

Онъ очень бы радъ просидѣть тамъ весь вечеръ, если застанетъ то семейство, и вернуться попозднѣе.

Стычка съ Серафимой — по счету первая за весь годъ. Это даже удивило его. Значитъ, онъ самъ сильно опошлѣлъ, и ей не въ чемъ было уступать ему или противорѣчить. Не раздраженіе запало въ немъ, а тяжесть отъ раздумья. Онъ поступитъ такъ, какъ сказалъ еще утромъ. Никакой стачки, никакого „воровского“ поступка онъ не допуститъ. Въ этомъ ли одномъ дѣло?

Сегодня онъ зачуялъ ясно свое душевное одиночество. Серафима — его любовница, но не подруга. Изъ двоихъ Теркиныхъ, что борются въ немъ безпрестанно, она не поддержитъ того, который еще блюдетъ свою совѣсть.

Въ Серафимѣ начиналъ онъ распознавать яркій образецъ теперешней „распусты“ (это слово онъ употребилъ не въ первый разъ сегодня, а выучился ему у одного инженера, когда ходилъ въ нарядчикахъ). Онъ—крестьянскій пріемышъ. Она — дочь такихъ же мужиковъ, пробравшихся въ купечество, да еще раскольниковъ. А что̀ они изъ себя представляютъ? Ихъ обоихъ кинула нынѣшняя жизнь въ свалку и можетъ закрутить такъ, что и на каторгѣ очутишься.

Не уголовщины онъ боится. Онъ себя самого ищетъ; не хочетъ онъ измѣнять тому, что̀ въ него своимъ житьемъ вложилъ отецъ его по духу, Иванъ Прокофьевъ Теркинъ. Голосъ правды всегда поднимается въ немъ вмѣстѣ съ образомъ покойнаго. Его рослая и своеобычная фигура всплываетъ передъ нимъ, и онъ точно слышитъ его рѣчь съ волжскимъ о̀каньемъ, съ раскатами его горячихъ обличеній и сѣтованій на мірскую неправду, на хищную „мразь“, овладѣвающую всѣмъ. Себя самого разглядывать трудно. На живомъ существѣ, съ которымъ связалъ себя, выходитъ яснѣе. Года достаточно было, чтобы распознать въ Серафимѣ кровное дитя всеобщей русской „распусты“. Она его страстно любитъ—и только. Эта любовь едва ли пересоздастъ ее. Ни разу не начала она съ нимъ говорить о своей душѣ, на чемъ держится ея жизнь, есть ли

у нея какой-нибудь „законъ“ — глупый или умный, къ какому исходу вести житейскую ладью, во что̀ выработать себя — въ женщину ли съ правилами и упованіями или просто въ бабенку, не знающую ничего, кромѣ своей утѣхи: будь то связь, кутежъ, франтовство или другая какая блажь.

Да, она — кровное дитя распусты, разлившейся по нашимъ городамъ. Ее такою сдѣлалъ теперешній губернскій городъ, его кутежи, оперетка, клубы, чтеніе всякаго грязнаго вздора, насмѣшки надъ честностью, строгими нравами, родительской властью, надъ всѣмъ, что̀ нынче каждый карапузикъ-гимназистъ называетъ „глупымъ идеализмомъ“. Студенты — такого же сорта. Отъ мужчинъ — офицеровъ, адвокатовъ, чиновниковъ, помѣщиковъ — дѣвочка-подростокъ научается всякимъ гадостямъ, привыкаетъ безстыдно обращаться съ ними, окружена безпрестанными скандалами, видитъ продажность замужнихъ женъ, слушаетъ про то, какъ нынче сходятся и расходятся мужья и жены, выплачиваютъ другъ другу „отступное“, выходятъ снова замужъ, а то такъ и послѣ развода возвращаются къ прежней женѣ или мужу.

Разводъ! Серафима за цѣлый годъ ни разу серьезно не разобрала съ нимъ своего положенія. Каковъ бы ни былъ ея муженекъ, но вѣдь она убѣжала отъ него; нельзя же имъ безъ сроку состоять въ такой „воровской жизни“, какъ онъ сегодня про себя выразился тамъ, въ лѣсу, передъ калиткой палисадника. Она не хочетъ приставать къ нему, впутывать его въ счеты съ мужемъ, показываетъ безкорыстіе своей страсти. Положеніе-то отъ этого не мѣняется. Надо же его выяснить, и ему первому не слѣдъ играть роль безнаказаннаго похитителя чужихъ женъ.

Значитъ, надо прикрыть все бракомъ?

Этого вопроса онъ не испугался. Онъ пошелъ бы на женитьбу, если бъ такъ слѣдовало поступить. Зачѣмъ обманывать самого себя?.. И въ брачной жизни Серафима останется такою же. Пока страсть владѣетъ ею—она не уйдетъ отъ него; потомъ — онъ не поручится. Даже теперь, въ разгарѣ влеченія къ нему, она не постыдилась высказать свое злобное себялюбіе. Предайся онъ ей душой и тѣломъ — у него въ два-три года вмѣсто сердца будетъ мѣдный пятакъ, и тогда они превратятся въ закоренѣлыхъ сообщниковъ по всякой житейской пошлости и грязи.

Отъ раздумья лицо Теркина блѣднѣло. Онъ шелъ по лѣсной дорожкѣ замедленнымъ шагомъ. Не могъ онъ отрѣшиться отъ надвигавшихся на него грозныхъ итоговъ и не рѣшался еще ни на какой безповоротный приговоръ.

Къ красивой и пылкой женщинѣ онъ еще не охладѣлъ какъ мужчина. Да и человѣку въ этой женщинѣ онъ хотѣлъ бы сочувствовать всѣмъ сердцемъ. И не могъ. Она его не согрѣвала своей страстью. Точно онъ уперся сегодня объ стѣну.

Часамъ къ шести Теркинъ вышелъ на опушку. Передъ нимъ на много десятинъ легла порубка и обнимала горизонтъ. За мелкими кустами и рядомъ срубленныхъ пней желтѣло жнивье, поднимавшееся немного на пригорокъ.

Эта порубка вывела его сразу изъ раздумья. Ему стало жалко лѣса, какъ всегда и вездѣ. Минуту спустя онъ сообразилъ, что, вѣроятно, эта порубка сдѣлана правильно. Онъ даже слыхалъ про это отъ своего кучера. Лѣсъ былъ казенный и шелъ на десятки верстъ наполовину хвойный, наполовину чернолѣсье, къ тому краю, гдѣ онъ теперь шелъ.

Его отклонило въ сторону завѣтной мечты; наложить руку на лѣсныя угодья, тамъ, въ костромскихъ краяхъ. Ему вспомнилась тотчасъ же усадьба съ паркомъ, сходящимъ къ Волгѣ, на которую онъ глядѣлъ нѣсколько часовъ жадными глазами съ колокольни села, куда отецъ возилъ его.

Все это еще не ушло отъ него. Устья и верховья Волги будутъ служить его неизмѣнной идеѣ — бороться съ гибелью великой русской рѣки.

И эти же бодрящія мысли вернули его опять къ своей связи съ Серафимой. Начиналъ онъ при ней мечтать вслухъ о томъ же, она слушала равнодушно или видѣла въ этомъ только хищническій барышъ, алчное купецкое чувство наживы или тщеславіе.

Онъ миновалъ порубку и вышелъ на старую опушку лѣса. Тутъ проселокъ врѣзался между двумя жнивьями. Слѣва давно уже сжали рожь; направо, нѣсколько подальше, сизыми волнами протянулось нѣсколько загоновъ ярового.

На одной полосѣ уже началось жнитво. Двѣ бабы, въ рубахахъ и повойникахъ, ныряли въ овесъ, круто нагиная спины, и взмахивали въ воздухѣ серпами.

Такъ онѣ работали навѣрно съ пятаго часа утра. Одна изъ нихъ связала снопъ, положила его къ остальной копнѣ, выпрямила спину и напилась чего-то изъ горшка.

Солнце жаркаго заката било ей прямо въ лицо, потное и бурое отъ загара.

Опять жнитво съ бабами отнесло его къ дѣтству, въ томъ селѣ Кладенцѣ, которое ему давно опостылѣло.

„Вотъ она, страда!“ — подумалъ онъ и остановился на перекресткѣ, откуда жницы виднѣлись только своими согнутыми спинами.

Жалость, давно заснувшая въ немъ, закралась въ сердце,— жалость все къ той же мужицкой долѣ, къ непосильной работѣ, къ нищенскому заработку. Земля тощая, урожай плохой; сжатыя десятины ржи кажутъ рѣдкую солому; овесъ, что̀ бабы ставятъ въ копны, низкій и не матерый.

Все та же тягота!

Его потянуло въ деревню. Дороги онъ не зналъ какъ слѣдуетъ. Она должна лежать на берегу рѣчки, лѣвѣе, а внизу, по ту сторону моста, село и церковь. Такъ разсказывалъ ему кучеръ.

Съ перекрестка Теркинъ взялъ вправо, прошелъ съ полверсты, сталъ оглядываться, не видать ли гдѣ гуменъ, или сада, или крыши помѣщичьяго дома. Говорили ему, что передъ деревней идетъ глубокій оврагъ съ дубовымъ лѣскомъ.

Ничего не было видно. Теркинъ прошелъ еще саженъ со сто. На озимой пашнѣ работалъ мужикъ. Стояла телѣга. Должно-быть, онъ сѣялъ и собирался уже шабашить.

Онъ началъ его звать. Мужикъ, молодой парень въ розовой рубахѣ и сапогахъ, не сразу услыхалъ его, а скорѣе замѣтилъ, какъ онъ манитъ его рукой.

Мужикъ подбѣжалъ безъ шапки.

— Какъ пройти въ Мироновку?—спросилъ Теркинъ.

Тотъ началъ сильно вертѣть ладонью правой руки, весь встряхивался и мычалъ.

Онъ набрелъ на глухонѣмого.

— Ну, ладно! Не надо! Извини!—выговорилъ Теркинъ, и ему стало какъ бы совѣстно за то, что онъ подзывалъ этого бѣднягу.

„А вѣдь *она* мучится! — подумалъ онъ тотчасъ послѣ

того. — И то сказать, мнѣ не пристало нервничать какъ барышнѣ. Я долженъ быть выше этого!"

Въ Мироновку онъ такъ и не попалъ, а пошелъ назадъ, къ порубкѣ. Ходьбы было не больше часа. Въ восьмомъ часу къ чаю онъ будетъ на дачѣ.

Глухонѣмой поглядѣлъ на него удивленными и добрыми глазами и вернулся къ телѣгѣ.

X.

— Куда Василій Иванычъ пошелъ, въ какую сторону?

Серафима спрашивала карлика Чурилина на крыльцѣ, со стороны воротъ.

Тотъ шелъ изъ кухни, помѣщавшейся отдѣльно во флигелькѣ.

— Не могу знать, Серафима Ефимовна.

Чурилинъ заслонилъ себѣ глаза дѣтской своей ручкой и тотчасъ же началъ краснѣть. Онъ боялся барыни и ждалъ, что она вотъ-вотъ „забранится".

— Какъ же ты не знаешь? Кто-нибудь да видѣлъ.

— Степанида Матвѣвна, можетъ, видѣли?

— Нѣтъ, не видала... Кучеръ гдѣ?

— Кучера нѣтъ... повелъ лошадей на хуторъ — подковать, никакъ.

— Ахъ ты, Господи!

Черезъ переднюю и гостиную Серафима выбѣжала на террасу, гдѣ они утромъ такъ цѣловались съ Васей.

Онъ скрылся. Никто не видалъ, куда онъ пошелъ по дорогѣ, къ посаду или лѣсомъ.

Внутри у ней все то кипѣло, то замирало... Она въ первый разъ рыдала въ спальнѣ, уткнувъ голову въ подушки, чтобы заглушить рыданія.

За обѣдомъ Вася не сказалъ ей ни одного ласковаго слова. Протяни онъ ей руку, взгляни на нее помягче, и она, конечно бы, „растаяла".

Потомъ, когда она выплакалась, то подумала:

„Оно, пожалуй, и лучше, что за столомъ не вышло примиренія".

Она не можетъ уступить ему, не хочетъ, чтобы онъ выказалъ себя передъ той „хлыстовской богородицей",— она давно такъ зоветъ Калерію,—жуликомъ, воромъ, приноситъ ей такое же „скитское покаяніе", о какомъ теперь сокрушается ея мать, Матрена Ниловна.

Но вотъ уже больше получаса, какъ она затосковала по

Васѣ, поднималась къ нему наверхъ, сбѣжала внизъ и начала метаться по комнатамъ... Страхъ на нее напалъ... Мелькнула мысль, что онъ совсѣмъ уйдетъ, не вернется или что-нибудь надъ собою „сотворитъ“.

На террасѣ она ходила отъ однихъ перилъ къ другимъ, глядѣла подолгу въ затемнѣвшую чащу, не вытерпѣла и пошла черезъ калитку въ лѣсъ и сейчасъ же опустилась на доску между двумя соснами, гдѣ они утромъ жались другъ къ другу, гдѣ она положила свою голову на его плечо, когда онъ читалъ это „поганое“ письмо отъ Калеріи.

Опять начало сжимать ей горло. Сейчасъ заплачетъ.

„Нѣтъ, не надо! Не стòитъ онъ!“

Она сдержала себя, встала и тихими шагами пошла бродить по лѣсу, вскидывая глазами то вправо, то влѣво: не мелькнетъ ли гдѣ свѣтлый костюмъ Василія Иваныча.

Страхъ за него, какъ бы онъ не сгинулъ, смѣнили обида и обвиненіе въ чемъ-то въ родѣ измѣны.

„Ну, положимъ,— говорила она мысленно, — мы съ матерью удержали Калерькины деньги; но почему? Потому что мы считали это обиднымъ для насъ. Опять же я никогда не говорила ему, что Калерія изъ этого капитала не получитъ ни копейки!.. Подѣлись! Вотъ что!..“

На такой защитѣ своего поведенія Серафима запнулась.

„Я ее не извѣстила о наслѣдствѣ,—продолжала она перебирать,—да, не извѣстила. Но дѣло тутъ не въ этомъ. Вѣдь онъ-то, небось, самъ зналъ все отлично: онъ, небось, принялъ отъ меня, положимъ, взаймы, двадцать тысячъ, пароходъ на это пустилъ въ ходъ и въ годъ разжился?.. А теперь, нате-подите, изъ себя праведника представляетъ, хочетъ подавить меня своей чистотой!.. Надо было о праведномъ житьѣ раньше думать, все равно, что маменькѣ моей. Заднимъ-то числомъ легко каяться!“

Эти доводы казались ей неотразимыми.

Какъ же не обидно послѣ того, что онъ разомъ и называетъ себя ея „сообщникомъ“, и хочетъ выдать ее Калеріи, а себя выгородить, чтобы она же передъ нимъ умилилась, какой онъ божественный человѣкъ!

Изъ этого круга выводовъ Серафима не могла выйти. Она его любитъ, душу свою готова положить за него, но и онъ долженъ поддерживать ее, а не предавать... И кому? Калерькѣ!

„Мужъ да жена—одна сатана“, — вспомнила Серафима

свою поговорку и весь разговоръ на дачѣ подъ Москвой, когда она разсѣяла всѣ его тогдашнія щепетильности и убѣдила взять у нея двадцать тысячъ и ѣхать въ Сормово спускать пароходъ „Батракъ".

Кажется, благороднѣе было бы упереться тогда, оставить пароходъ зазимовать въ Сормовѣ и раздобыться деньгами на сторонѣ.

Начало свѣжѣть, пошли длинныя тѣни... Она все еще бродила между соснами. Опять тоска стала проползать ей въ грудь. Куда идти ему навстрѣчу?.. Къ Мироновкѣ? Онъ, кажется, говорилъ что-то про владѣльцевъ усадьбы.

Невыносимо ей дѣлалось такъ томиться. Она вошла въ комнаты. Гостиная, какъ и остальныя комнаты, осталась въ деревѣ, съ драпировками изъ бухарскихъ бумажныхъ одѣялъ, просторная, съ вѣнской мебелью. Піанино было поставлено въ углу между двумя жардиньерками.

Запахъ сосновыхъ бревенъ освѣжалъ воздухъ. Серафима любила эту комнату рано утромъ и къ вечеру.

Нервно открыла она крышку инструмента, опустилась на табуретъ и начала тихую, до-нельзя грустную фразу.

Это было начало *тринадцатаго ноктюрна* Фильда. Она знала его наизусть и очень давно, еще гимназисткой, когда ей давалъ уроки старичокъ-піанистъ, считавшійся однимъ изъ послѣднихъ учениковъ самого Фильда и застрявшій въ провинціи. Тринадцатый ноктюрнъ сдѣлался для нея чѣмъ-то символическимъ. Бывало, когда мужъ разобидитъ ее своимъ барствомъ и бездушіемъ и уѣдетъ въ клубъ спускать ея приданныя деньги, она сядетъ къ роялю и, часто противъ воли, заиграетъ этотъ ноктюрнъ. Звуки плакали подъ вздрагивающими пальцами Серафимы... Какъ будто они ей самой пророчили черную бѣду—разрывъ съ Васей, другую, болѣе тяжелую измѣну...

Она рада бы была прервать надрывающую мелодію, такую простую, доступную всякой начинающей дѣвочкѣ,— и не могла. Звуки заплетались сами собою, заставляли ее плакать внутренно, но глаза были сухи. Въ груди ныло все сильнѣе.

— Барыня!—окликнула ее сзади изъ двери Степанида.

— Что тебѣ?

— Гдѣ накрывать прикажете къ чаю? Тутъ или на балконѣ?

— На балконѣ!.. Только сдѣлай это одна... безъ карлы.

И она осталась за піанино, дошла до конца ноктюрна и снова начала нестерпимо горькую фразу.

Въ дверяхъ террасы вдругъ стала мужская крупная фигура.

Первое ея движеніе было броситься къ нему на шею. Что-то приковало ее къ табуреткѣ. Теркинъ подошелъ тихо и положилъ руку на верхъ піанино.

— Что это тебѣ вздумалось... такую заунывную вещь?

При немъ она никогда этого ноктюрна не играла.

— Такъ,—отвѣтила она чуть слышно, встала и закрыла тетрадь нотъ.—Ты въ лѣсу гулялъ, Вася?

— Хотѣлъ въ Мироновку, да заплутался.

Онъ разсказалъ ей случай съ глухонѣмымъ мужикомъ.

— Хочешь чаю?

— Хочу.

За чаемъ они сидѣли довольно долго. Разговоръ шелъ о постороннихъ предметахъ. Онъ много курилъ, что съ нимъ случалось очень рѣдко; она тоже выкурила двѣ папиросы.

Нѣсколько разъ у нея въ груди точно что загоралось въ родѣ искры, и она готова была припасть къ нему на плечо, ждать хоть одного взгляда. Онъ на нее ни разу не поглядѣлъ.

— Ты, я думаю, усталъ съ дороги... да еще сдѣлалъ верстъ двѣнадцать пѣшкомъ.

— Да... я скоро на боковую!

— Наверху тебѣ все приготовлено,—выговорила она безстрастно и встала.

Въ башенкѣ онъ спалъ въ очень теплыя ночи, но постель стояла тамъ всегда, и онъ тамъ же раздѣвался. Онъ дѣлалъ это „для людей", хотя прислуга считала ихъ мужемъ и женой.

— Хорошо... Спасибо!.. И тебѣ, я думаю, пора бай-бай!..

Никогда онъ не прощался съ ней простымъ пожатіемъ руки.

Наверху въ башнѣ Теркинъ началъ медленно раздѣваться и свѣчи сразу не зажегъ. Въ два большихъ окна входило еще довольно свѣту. Было въ исходѣ десятаго часа.

Въ жилетѣ прилегъ онъ на маленькую кушетку у окна, около шкапа съ платьемъ, и глядѣлъ на черно-синюю стѣну опушки вдоль четырехъ дачъ, вытянувшихся въ линію.

Ко сну не клонило. Его натура жаждала выхода. Онъ выбранилъ себя за малодушіе. Надо было тамъ внизу за чаемъ сказать вѣско и задушевно свое послѣднее слово и привести ее къ сознательному желанію загладить ихъ общую вину.

По лѣсенкѣ проскрипѣли легкіе и быстрые шаги.

— Вася!

Она уже обвилась вокругъ него и цѣловала ему глаза, плечи, шею, руки.

— Какъ ты велишь, такъ и сдѣлаю!.. Господи!.. Только не срами себя... Не начинай первый! Дай мнѣ поговорить съ ней!.. Радость моя!.. Не могу я такъ... Убей, но не мучь меня!

Онъ поцѣловалъ ее въ губы. Серафима почти лишилась чувствъ отъ безумной радости.

XI.

Изъ-подъ опущенныхъ занавѣсокъ утро проникло въ башенку, и лучъ солнца заигралъ на стѣнѣ.

Теркинъ проснулся и сталъ глядѣть на зайчики свѣта, бѣгавшіе передъ нимъ. Онъ взглянулъ и на часы, стоявшіе на ночномъ столикѣ. Часы показывали половину седьмого.

Первая его мысль, когда сонъ совсѣмъ слетѣлъ съ него, была Калерія.

Третій день живетъ она у нихъ, тамъ внизу, въ угловой комнатѣ. Пріѣхала она подъ вечеръ, на другой день послѣ ихъ размолвки съ Серафимой и примиренія здѣсь, на томъ диванчикѣ. Серафима умоляла его не „виниться первому“; онъ ее успокоивалъ, предоставилъ ей „уладить все“.

Послѣ обѣда явилась Калерія неожиданно, въ тележкѣ, прямо съ пристани, съ небольшимъ чемоданчикомъ, въ бѣлой коленкоровой шляпѣ и форменномъ платьѣ „сестры“, въ пелеринкѣ, даже безъ зонтика въ рукахъ, хотя солнце еще припекало.

Онъ не видалъ раньше ея фотографіи; представлялъ себѣ не то „растрепанную дѣвулю“, не то „черничку“. Чтеніе ея письма дало ему почуять что-то иное. И когда она точно выплыла передъ нимъ, — они сидѣли на террасѣ,—и высокимъ вздрагивающимъ голосомъ поздоровалась съ ними, онъ ее всю сразу оцѣнилъ. Ея наружность,

костюмъ, тонъ, манеры дышали тѣмъ, что̀ онъ уже вычиталъ въ ея письмѣ къ Серафимѣ.

Та немного опѣшила, но тотчасъ же бойко и шумно заговорила, поцѣловалась съ нею, начала разспрашивать и угощать. Родственныхъ нотъ онъ не слыхалъ подъ всѣмъ этимъ.

Его Серафима назвала Калеріи просто „Вася"; ничего къ этому не прибавила. Калерія поглядѣла на него своими ясными глазами и пожала руку.

Вечеръ прошелъ въ отрывочномъ разговорѣ. Калерія разспрашивала о покойномъ дядѣ, о теткѣ; о мужѣ Серафимы не спросила: она его не знала. Серафима вышла замужъ по ея отъѣздѣ въ Петербургъ.

И вчера онъ только присутствовалъ при ихъ разговорахъ, а самъ молчалъ. Калерія много разсказывала про Петербургъ, свою школу, про общину, уходъ за больными, про разныхъ профессоровъ-медиковъ, подругъ, начальниковъ и начальницъ, и только за обѣдомъ вырвалось у нея восклицаніе:

— Хочется мнѣ у насъ на Волгѣ хоть что-нибудь завести... въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

На денежныя дѣла—ни малѣйшаго намека.

Послѣ обѣда онъ нарочно поѣхалъ на пристань, чтобы дать имъ возможность остаться наединѣ и перетолковать о наслѣдствѣ.

Вернулся онъ къ вечернему чаю, засталъ ихъ въ цвѣтникѣ и не могъ догадаться, было ли между ними объясненіе или нѣтъ.

Когда онъ уходилъ къ себѣ наверхъ, Серафима шепнула ему:

— Не волнуйся ты, Бога ради, все наладится!

Но она не прибавила, что Калерія уже знаетъ „про все".

И у себя наверху онъ не могъ заснуть до второго часа ночи, ходилъ долго взадъ и впередъ по своей свѣтелкѣ, курилъ, медленно раздѣвался и въ постели не смыкалъ глазъ больше двухъ часовъ; они пошли спать около одиннадцати.

Серафима никогда ни однимъ словомъ не обмолвилась ему съ самаго ихъ разговора на свиданіи у памятника, годъ тому назадъ, какой наружности Калерія.

Называла ее „хлыстовская богородица", но въ какомъ смыслѣ, онъ не зналъ.

И весь обликъ Калеріи, съ первой минуты ея появленія, задѣлъ его, повѣялъ чѣмъ-то и новымъ для него, и жуткимъ. Ханжества или сухой божественности онъ не распознавалъ. Лицо, пожалуй, иконописное, не деревянно-истовое, а все какое-то прозрачное, съ удивительно чистыми линіями. Глаза ясные-ясные, свѣтло-сѣрые, чисто русскіе, тихо всматриваются и ласкаютъ: дѣвичьи глаза, хоть и не такіе роскошные, брильянтовые, какъ у Серафимы.

И станъ прекрасный, гибкій. Худощавость и высокій ростъ придаютъ ей что-то воздушное.

Но это все—наружность. Ея разговоръ совсѣмъ особенный. Видно, что никакихъ у нея суетныхъ помысловъ; вся она — въ тихомъ, прочномъ стремленіи къ добру, къ немощамъ человѣка. Это не рисовка.

Не будь тутъ Серафимы, онъ не выдержалъ бы, взялъ бы ее за руку, привлекъ бы къ себѣ какъ сестру и излилъ бы ей всю душу сразу, безъ всякихъ подходовъ и оговорокъ.

Конечно, Серафима, если въ чемъ и призналась ей, то облыжно, съ выгораживаніемъ и его, и себя, такъ чтобы все было „шито-крыто“ и кончилось, до поры до времени, платежомъ процентовъ съ двадцати тысячъ и возвращеніемъ Калеріи тѣхъ денегъ, которыхъ она не истратила.

И во снѣ-то онъ видѣлъ ее, Калерію, въ длинномъ бѣломъ хитонѣ, со свѣчой въ рукахъ.

Лицо у нея точно озарено изнутри розовымъ свѣтомъ, и волосы каштановые, съ золотистомъ отливомъ, — такіе, какіе у нея въ самомъ дѣлѣ,—распущены по плечамъ.

Онъ вскочилъ съ постели и началъ торопливо умываться и одѣваться. Вчерашняя ночная тревога не проходила.

Не хочетъ и не можетъ онъ провести еще день безъ того, чтобы не поговорить съ Калеріей на чистоту отъ всего сердца. Не долженъ онъ позволять Серафимѣ маклачить, улаживать дѣло, лгать и проводить эту чудесную дѣвушку.

Къ чему это? Онъ все возьметъ на себя. Да онъ и долженъ это сдѣлать. Положимъ, ему извѣстно было и раньше, до того дня, когда сталъ колебаться: брать ему или нѣтъ отъ Серафимы эти двадцать тысячъ; ему извѣстно было, что онѣ съ матерью покривили душой, не отослали сейчасъ же Калеріи оставленнаго ей старикомъ капитала,

не вызвали ея, не написали обо всемъ. Но вѣдь любовь къ нему Серафимы додѣлала остальное. Ему она предложила деньги. Онѣ могли и пропасть, пароходъ могъ сгорѣть или затонуть. Онъ былъ бы банкротъ. Ужъ, конечно, она не стала бы взыскивать съ него, да и документъ то онъ ей выдалъ только зимой, пять мѣсяцевъ позднѣе спуска въ воду „Батрака“.

Серафима умоляла его „не виниться передъ Калеріей“...

Мало ли что!.. Это — жалкая злоба, дьявольское самолюбіе, безсмысленное высокомѣріе, щекотливость женщины, смертельно не желающей, чтобы ея Вася поступилъ какъ честный человѣкъ, потому только, что онъ ея возлюбленный и не смѣетъ „унизить“ себя передъ ненавистной ей дѣвушкой.

Ненавистной! Почему? Это просто закоренѣлость. Чѣмъ же она выше послѣ того самой порочной женщины?.. Вчера онъ наблюдалъ ее. Ни одного искренняго звука не проронила она, ни въ чемъ не выдала внутренняго, хорошаго волненія, сознанія своей вины передъ Калеріей.

Онъ раздвинулъ занавѣски и отворилъ окно.

Садикъ и лѣсъ пахнули на него запахомъ цвѣтовъ и хвои. Утро стояло чудное, теплое, со свѣжестью лѣсныхъ тѣней.

Внизу въ залѣ часики пробили семь. Серафима, конечно, спитъ. Онъ могъ бы тихонько спуститься и пройти къ ней заднимъ крыльцомъ.

Зачѣмъ пойдетъ онъ къ ней?.. Цѣловаться? Не желаетъ онъ, ни капельки не желаетъ. Ему и вчера сдѣлалось почти стыдно, когда Серафима при Калеріи чмокнула его въ губы. Чуть-чуть не покраснѣлъ.

Переговорить съ Серафимой о Калеріи? Допросить ее: было ли у нихъ вчера безъ него объясненіе? Знать это ему страстно хотѣлось.

Серафима способна солгать, увѣрить его, что все обдѣлано. Онъ не поручится за нее. Въ ней нѣтъ честности, вотъ такой, какою дышитъ та—„хлыстовская богородица“.

Это пошлое прозвище—пошлое и нелѣпое—пришло ему на память такъ, какъ его произносила Серафима, съ звукомъ ея голоса. Ему стало стыдно за нее и обидно за Калерію.

Изъ-за чего будетъ онъ подчиняться? Молчать? Когда вся душа вотъ уже второй день трепещетъ... Никто не можетъ запретить ему во всемъ обвинить себя самого. Но

допустить ли его Серафима до разговора съ-глазу-на-глазъ съ Калеріей?

Вотъ еще вздоръ какой! Развѣ онъ такъ гнусно обабился?

Теркинъ выглянулъ въ окно. Показалось ему, что между деревьями мелькнуло что-то бѣлое.

„Серафима?—подумалъ онъ тотчасъ же и даже подался головой назадъ.—Не спится ей... Все та же злобная тревога и чувственная неугомонность“.

Обыкновенно она вставала поздно, любила валяться въ постели... А тутъ ее могла поднять боязнь, какъ бы Калерія не вышла раньше ея и не встрѣтилась съ нимъ.

Все-таки семь часовъ для нея слишкомъ рано.

Опять между розовато-бурыми стволами сосенъ что-то пробѣлѣло.

— Да это она!—вслухъ выговорилъ онъ и весь захолодѣлъ.

Она, Калерія, въ кофтѣ, безъ платка на головѣ, съ распущенными волосами, такъ, какъ онъ видѣлъ ее во снѣ. Это даже суевѣрно поразило его.

Ходитъ съ опущенной головой, чего-то ищетъ въ травѣ. Неужели грибовъ? Не похоже на нее.

Это она, она! Лучше минуты не найдешь. Но она въ кофтѣ и юбкѣ! Хорошо ли захватить ее въ такомъ видѣ? Дѣвушку, какъ она?

Ничего!.. Она должна быть выше всего этого. Сколько она видѣла уже всякихъ больныхъ, мужчинъ обнаженныхъ... Къ ней ничего не пристанетъ.

„Окликну ее!—стремительно подумалъ онъ,—и погляжу, какъ она: стѣснится или нѣтъ?“

— Калерія Порфирьевна!—пустилъ онъ, высунувшись изъ окна, громкимъ шопотомъ.

Серафима не могла услыхать: спальня выходила на другой фасадъ дома.

Звукъ дошелъ до Калеріи. Она выпрямилась, подняла голову, увидала его, немножко, кажется, встрепенулась, но потомъ ласково поклонилась и никакого смущенія не выказала.

— Съ добрымъ утромъ!—выговорила она, или, по крайней мѣрѣ, ему послышались эти слова.

Стремительно сбѣжалъ онъ въ цвѣтникъ.

XII.

Онъ стоялъ передъ ней у тѣхъ самыхъ сосенъ, гдѣ была вдѣлана доска, и жалъ ея руку.

Въ другой она держала пучокъ травъ и корешковъ.

— Простите, Бога ради, Калерія Порфирьевна: захотѣлось пожелать вамъ добраго утра.

Ея свѣтлые глаза говорили:

„Что жъ, я ничего, рада васъ видѣть“.

— И вы меня извините, Василій Иванычъ. Мы здѣсь по-деревенски. Я и волосы не успѣла уладить, такъ меня потянуло въ лѣсъ.

— Вы что жъ это собирали?.. Я сначала подумалъ — грибы?

— Нѣтъ, такъ, травки разныя, лѣкарственныя... Тамъ, по лѣтамъ, около Питера пріучилась.

Ея худощавый станъ стройно колыхался въ широкой кофтѣ, съ прошивками и дешевыми кружевцами на рукавахъ и вокругъ бѣлой тонкой шеи съ синими жилками. Такія же жилки сквозили на блѣдно-розовыхъ прозрачныхъ щекахъ безъ всякаго загара. Чуть примѣтныя точки веснушекъ залегли около переносицы. Носъ немного изгибался къ кончику, отнимая у лица строгость. Ротъ довольно большой, съ блѣдноватыми губами. Зубы мелькали не очень бѣлые, дѣтскіе. Золотистые волосы заходили на щеки и дѣлали выраженіе всей головы особенно плѣнительнымъ.

Все ея цѣломудренное существо привлекало его еще сильнѣе, чѣмъ это было и вчера, и третьяго дня, въ тѣни и прохладѣ лѣса, на фонѣ зелени и зарумяненныхъ солнцемъ могучихъ стволовъ.

— Рано встаете?—спросилъ онъ.

— И зимой, и лѣтомъ въ шестомъ часу... А здѣсь какъ хорошо!

— Угодно туда... подальше, еще правѣе?.. Я вамъ тропку укажу.

— Пойдемте, пойдемте... Тамъ и травъ должно быть больше.

Онъ не посмѣлъ предложить ей руку. Его волненіе росло. И страстно хотѣлось открыться ей, и жутко дѣлалось отъ приближенія минуты, когда она услышитъ отъ него, что онъ—вотъ какой, не лучше тѣхъ жуликовъ, ко-

торые выхватили у него бумажникъ у Воскресенскихъ воротъ въ Москвѣ.

Шли они медленно. Калерія нѣтъ-нѣтъ да и нагнется, сорветъ травку. Говоритъ она слабымъ высокимъ голосомъ, похожимъ на голосъ монашекъ. Разспрашивать зря она не любитъ, не считаетъ умѣстнымъ. Ей, дѣвушкѣ, неловко, должно-быть, касаться ихъ связи съ Серафимой... И никакой горечи въ ней нѣтъ насчетъ прежней ея жизни у родныхъ... Не могла она не чувствовать, что ни тетка, ни двоюродная сестра не терпѣли ее никогда.

— Какъ Симочка похорошѣла!—промолвила она точно про себя. — Вы пара, Василій Иванычъ. Совѣтъ да любовь!

Онъ началъ слегка краснѣть.

— Вы насъ осуждаете?—спросилъ онъ, прислонившись къ дереву.

— За что, про что?

— Да вотъ за нашу жизнь.

— Въ какомъ смыслѣ? Что вы, кажется, не вѣнчаны? Значитъ, нельзя вамъ было. Господь не за одинъ обрядъ милуетъ... и то сказать! Знаете что̀, Василій Иванычъ,— она перевела духъ и подняла голову, глядя на круглую шапку высокой молодой сосны,—меня, быть-можетъ, ханжой считаютъ, святошей, а иные и до сихъ поръ—стриженой, ни во что не вѣрующей... Вѣра у меня есть, и самая простая. Всѣ виноваты и никто не виноватъ, вотъ какъ я скажу. Для однихъ одно, для другихъ другое, любовь тамъ, что ли... такая, пылкая, земная... А ежели они не загубили своей совѣсти—все къ одному и тому же придутъ, рано или поздно. Жалость надо имѣть ко всему живому... Кто и воображаетъ, что онъ не живетъ, а пиршествуетъ, и тотъ человѣкъ мучится. Развѣ не такъ, Василій Иванычъ?

— Такъ, такъ!

Онъ глядѣлъ на нее, бѣлую и стройную, въ падающихъ золотистыхъ волосахъ, и слезы подступали къ глазамъ. Въ словахъ ея было прозрѣніе въ его душу, какъ будто она читала въ ней.

— Калерія Порфирьевна! Матушка!..

Слезы душили его. Она взглянула на него немного испуганно.

Теркинъ, какъ стоялъ, такъ и рухнулся передъ ней на колѣни и зарыдалъ.

Она не растерялась, только пучокъ травъ выпалъ у нея изъ лѣвой руки.

— Что̀ вы, голубчикъ, Василій Иванычъ?

Руки ея, съ тонкими пальцами, красивыя и гибкія, коснулись его плечъ.

— Встаньте! Такъ не хорошо!... Такъ только Богу кланяются.

Но въ словахъ ея не слышалось никакого смущенія женщины. Она не приняла этого ни на одну секунду за внезапный взрывъ мужской страсти.

„Значитъ, онъ страдаетъ,—сейчасъ же подумала она,—душа у него болитъ!"

Теркинъ сдержалъ рыданія, схватилъ ея руку и поцѣловалъ такъ порывисто, что она не успѣла отдернуть.

— Что̀ вы! Господи! Развѣ я святая? Василій Иванычъ...

— Вы не знаете,—съ трудомъ сталъ онъ говорить,—не знаете, что̀ меня душитъ.

— Встаньте, пожалуйста!

Онъ всталъ и отеръ лицо платкомъ. Рѣсницы были опущены. Ему сдѣлалось такъ стыдно, какъ онъ и не ожидалъ.

— Ну, что̀ такое, голубчикъ? Вотъ присядемъ туда, вонъ видите два пня, нарочно для насъ припасли.

Она говорила весело и мягко, сама взяла его подъ руку и повела.

Въ груди у него трепетали „бабочки", такъ онъ называлъ знакомое ему съ дѣтства ощущеніе, когда что-нибудь нравственно потрясло его.

— Успокоились?—все такъ же кротко спросила Калерія.—Это ничего, что заплакали... Мужчины стыдятся слезъ... И напрасно. Да и передо мной?.. Я вѣдь уже Христова невѣста.

Она чуть слышно разсмѣялась.

— Калерія Порфирьевна, снимите съ души моей камень!

Признаніе застряло у него въ груди, но онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять сѣлъ рядомъ съ ней па широкій полусгнившій пень.

И довольно спокойно повинился ей, представилъ дѣло такъ, какъ рѣшилъ; выгородилъ Серафиму, выставилъ себя какъ главнаго виновника того, что ея двоюродная сестра задерживала до сихъ поръ ея деньги.

— И только-то?—спросила Калерія.

— Мало этого? Вѣдь это ка́къ честные люди называютъ... а?.. На ваши деньги я теперь разжился, въ одинъ какой-нибудь годъ, и до сегодня ни гу-гу? Ни самъ вамъ не писалъ, ни на томъ не настоялъ, чтобъ она васъ извѣстила, хоть заднимъ числомъ, ни денегъ обратно не внесъ! Простите меня Христа-ради! Возьмите у меня эти деньги... Я могу ихъ теперь добыть, даже безъ всякаго разстройства въ оборотахъ...

— Василій Иванычъ, — остановила его Калерія. — Вы открылись мнѣ... такъ сердечно!.. Прекрасное у васъ сердце, вотъ что; но въ такую вашу вину я не очень-то вѣрю!

— Не вѣрите?

— Видимое дѣло, вы ее, Серафиму, хотите выгородить. Мнѣ всегда было тяжко, что тетенька и Сима не жаловали меня... И я отъ васъ не скрою... Добрые люди давно обо всемъ мнѣ написали... И про капиталъ, оставленный дяденькой, и про все остальное. Я подождала. Думала, поѣду лѣтомъ, какъ-нибудь поладимъ. Вотъ такъ и вышло. И я вижу, какъ вы-то сдѣлались къ этому причастны. Сима вамъ навязала эти деньги... Вѣрно тогда нужны были до зарѣзу?

— Дѣйствительно!

— И она и вы изъ любви такъ поступили... И что же потеряно? Ровно ничего. Ежели эти двадцать тысячъ у васъ въ дѣлѣ — я вамъ вѣрю. Вы и документъ выдали Симѣ, а она мнѣ навѣрно предложитъ... Какія еще деньги остались—подѣлитесь... Мнѣ не нужно такихъ капиталовъ сейчасъ. Это еще успѣется.

— Значитъ, Серафима еще ничего не говорила съ вами?

Онъ спросилъ это съ двинутыми бровями и горечью въ глазахъ. Ему гадко стало за Серафиму передъ этой безсребреницей.

— Успѣется, Василій Иванычъ... Вѣдь я еще поживу у васъ, если не станете гнать.

— Вы ей ничего не скажете про то, что̀ сейчасъ было говорено... Калерія Порфирьевна, умоляю васъ!

Стремительно схватилъ онъ ея руку и поцѣловалъ.

— Что̀ вы!.. У меня рукъ не цѣлуютъ.

Щеки ея заалѣлись, и вся она трепетно подалась назадъ.

— Голубушка! Не говорите ей!

— Вотъ вы какъ ее любите!.. Любите!.. Доведите ее до другой правды... А для этого, Василій Иванычъ, не надо очень-то преклоняться передъ нашей сестрой.

„Вотъ вы какъ ее любите!"—умственно повторилъ Теркинъ слова Калеріи. Онъ совсѣмъ въ ту минуту не любилъ Серафимы, былъ далекъ отъ нея сердцемъ, въ немъ говорила только боязнь новыхъ тяжелыхъ объясненій, нежеланіе грязнить свою исповѣдь тѣмъ, чего онъ могъ наслушаться отъ Серафимы о Калеріи, и какъ самъ долженъ будетъ выгораживать себя.

— Дайте мнѣ честное слово.

— Обѣщаюсь. Довольно и этого.

Калерія встала. Поднялся и онъ.

— Голубчикъ, Василій Иванычъ, спасибо вамъ большое. Мнѣ васъ Господь посылаетъ, это вѣрно. Вы меня поддержите въ моихъ мечтаніяхъ. Знаете, на тѣ деньги, какія свободны,—всѣхъ мнѣ пока не надо,—ежели я кое-что затѣю, вы не откажетесь добрый совѣтъ дать?.. Такъ вѣдь? Вы—человѣкъ бывалый. Только, пожалуйста, чтобы промежду насъ какъ-будто ничего и не было. Серафима когда заговоритъ со мною о деньгахъ, мнѣ съ какой же стати васъ выдавать? Это дѣло вашей совѣсти... И ее я понимаю: ей обидно было бы, что вы передо мной открылись. Вѣдь такъ?

— Такъ, такъ!

— Дайте срокъ! Придетъ время, и она пойметъ, сколь это въ васъ было выше всякаго другого поведенія. Съ вами она должна дойти до того, что и у нея Богъ будетъ!..

— Простите! Отнялъ у васъ утро! И травки ваши растеряли изъ-за меня... Погуляйте!..

Полный радостнаго волненія, Теркинъ еще разъ пожалъ руку Калеріи и быстро-быстро пошелъ въ чащу лѣса.

Онъ не хотѣлъ, чтобъ ее видѣли съ нимъ, если бъ они вернулись вмѣстѣ къ террасѣ.

XIII.

Степанида въ праздничномъ ситцевомъ платьѣ,—въ домѣ жила гостья, — и въ шелковомъ платкѣ, пріотворила дверь темной спальни.

— Изволили кликать?—спросила она отъ двери.

— Который часъ?

Серафима чувствовала, что давно пора вставать.

— Девять пробило, барыня.

Разговоръ ихъ шелъ вполголоса.

— А Калерія Порфирьевна?

— Э! Онѣ чуть не съ пѣтухами встаютъ. Никакъ ходили гулять въ лѣсъ. Теперь уже одѣлись и книжку читаютъ на балконѣ.

— Въ лѣсъ ходила? Одна?

Вопросъ заставилъ Серафиму подняться съ постели.

— Не видала, барыня.

— Василій Иванычъ дома?

— Нѣтъ, ихъ что-то не видать. Только они никуда не уѣзжали: Онисимъ дома.

Степанида догадывалась, что барыня, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала „ихъ сестрица", что-то не спокойна, и готова была всячески услужить ей, но нашептывать зря не хотѣла.

Поскорѣе раскрой ставни и дай мнѣ умыться.

Одна Серафима не привыкла ни умываться, ни одѣваться. Она торопила горничную, нашла, что утренній пеньюаръ нехорошо выглаженъ; волосы она наскоро заправила подъ яркую фуляровую наколку, которая къ ней очень шла; но все-таки туалетъ взялъ больше получаса

— Барышня пила чай?—спросила она, когда была уже совсѣмъ готова.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Вы не предлагали?

— Онѣ попросили молока и кусочекъ чернаго хлѣба. Самоваръ готовъ... Прикажете подавать?

— Подавайте... да надо же подождать немножко Василія Иваныча, если онъ не вернулся.

Проходя коридорчикомъ мимо комнаты, гдѣ стоялъ буфетный шкапъ, Серафима увидала Чурилина. Карликъ чистилъ ножи, поплевывая на нихъ.

Это ее остановило.

— Чурилинъ!—сердито окликнула она его.

Онъ поклонился ей низкимъ поклономъ своей огромной головы.

— Что это за гадость! Какъ ты чистишь ножи?.. Плюешь на нихъ.

Она говорила ему „ты" нарочно, хотя и знала, что онъ взрослый.

Чурилинъ зардѣлся и сталъ учащенно мигать желтыми рѣсницами.

— Я, Серафима Ефимовна, завсегда...

— Чтобы этого не было!

Въ дверяхъ она обернулась.

— Василій Иванычъ у себя?

— Они еще не приходили.

— Въ лѣсу гуляютъ?

— Не могу знать.

Карликъ сжалъ губы и забѣгалъ глазами. Онъ зачуялъ, что барыня выспрашиваетъ у него про барина, стало-быть, насчетъ чего-нибудь безпокоится. Если бы онъ и зналъ, то не сказалъ бы, когда и съ кѣмъ Василій Иванычъ ходилъ въ лѣсъ. Между нимъ и обѣими женщинами — Степанидой и барыней — шла тайная борьба. Къ Теркину его привязанность росла съ каждымъ днемъ.

— Не могу знать!—не воздержалась Серафима и передразнила его.

Карликъ, съ пылающими щеками, началъ тереть суконкой ножикъ и, только что Серафима скрылась, плюнулъ опять на лезвее.

Въ окно гостиной Серафима увидала бѣлый чепецъ и пелеринку Калеріи. Та сидѣла бокомъ у перилъ и читала, низко нагнувъ голову.

Не могла она не остановиться и не оглядѣть Калеріи. Ничего не было ни въ ея „мундирѣ", ни въ ея позѣ раздражающаго, но всю ее поводило отъ этой „хлыстовской богородицы". Не вѣрила она ни въ ея святость, ни въ ея знанія, ни во что! Эта „черничка" торчитъ тутъ какъ живой укоръ. Съ ней надо объясняться, выставлять себя чуть не мошенницей, просить отсрочить возвратъ денегъ или клянчить: не подѣлится ли та съ нею послѣ того, какъ онѣ съ матерью уже похозяйничали на ея счетъ.

Вчера нѣсколько разъ на губахъ ея застывало начало разговора о деньгахъ, и такъ ничего и не вышло до возвращенія Теркина изъ посада. Самая лучшая минута— теперь, но Василій Иванычъ можетъ придти съ прогулки... А при немъ она ни подъ какимъ видомъ не станетъ продолжать такой разговоръ.

И гдѣ онъ застрялъ? Пожалуй, ходили вмѣстѣ утромъ рано, пока она, „какъ простофиля", спала у себя.

Кровь заиграла на загорѣлыхъ щекахъ Серафимы.

„Неужели онъ обманулъ ее и уже винился передъ этой фальшивой дѣвулей?“

— Давайте самоваръ!—крикнула она такъ, что Степанида услыхала, и пошла прямо на террасу.

— А! Сима! Съ добрымъ утромъ!

Калерія встала и подошла поцѣловать ее.

Привѣта „съ добрымъ утромъ“ она тоже не любила, находила его книжнымъ, приторнымъ.

— Спасибо! Извини. Я заспалась. Чай сейчасъ будемъ пить... Васи ждать не станемъ. Гдѣ-то онъ запропастился.

Калерія взглянула изъ-подъ тугого навѣса своего бѣлаго чепца и спросила:

— Еще не вернулся Василій Иванычъ изъ лѣсу?

— А ты его не видала?

Вопросъ свой Серафима выговорила со страхомъ, какъ бы голосъ ея не выдалъ.

— Да мы утромъ походили вотъ тутъ. Я травокъ пособирала. Василій Иванычъ въ ту сторону пошелъ... Такъ это давно было... въ началѣ восьмого...

Глаза Калеріи спокойно глядѣли на нее своими свѣтлыми зрачками, и ротъ тихо улыбался.

Она не сочла нужнымъ скрыть, что они видѣлись. Можно его только запутать, если онъ самъ на это намекнетъ при Серафимѣ. О томъ, какъ онъ передъ ней повинился, она не скажетъ, разъ она дала ему слово, да и безъ всякаго обѣщанія не сдѣлала бы этого. У него душа отличная, только соблазновъ въ его жизни много. Будетъ Серафима первая допрашивать ее объ этомъ — она сумѣетъ отклонить необходимость выдавать Василія Иваныча.

— А, вотъ что̀!

Горло у Серафимы сейчасъ же сдавило.

Подали самоваръ. Она заварила чай и нервно переставляла чашки.

— Какую это ты книжку читаешь, Калерія?

— Для тебя мало занятную. По медицинской части.

— Отчего же для меня незанятную? Ты меня такой дурой считаешь?

— Господь съ тобой! А книжка-то спеціальная... по аптекарской части.

— Ну, ладно...

Голова Серафимы уже горѣла. Стало-быть, они гуляли въ лѣсу. Навѣрно, Вася не выдержалъ, размякъ передъ

нею, бухнулъ ей про все, а послѣ началъ упрашивать, чтобы она все скрыла, не выдавала его.

Коли такъ было, она не будетъ унижаться, допрашивать: ни Калерію, ни его. Не хотѣлъ соблюсти свое достоинство, распустилъ нюни передъ этой святошей—тѣмъ хуже для него. Но ея они не проведутъ. Она по глазамъ его, по тону сейчасъ расчуетъ: вышелъ ли между ними разговоръ о деньгахъ или нѣтъ.

— А! вы здѣсь! — раздался голосъ Теркина сзади изъ гостиной.

„Не вернулся балкономъ, а дорогой, чтобы шито-крыто было", — быстро сообразила Серафима, неторопливо приподнялась и встрѣтила его у дверей.

Онъ молча поцѣловалъ ее въ лобъ.

„Покаялся!"—точно молоткомъ ударило ее въ темя.

— Вы съ Калеріей уже гуляли?—спросила она вслухъ, возвращаясь къ столу.

Лица ея онъ не могъ видѣлъ. Голосъ не измѣнилъ ей. Теркинъ поглядѣлъ на Калерію и вмигъ сообразилъ, что такъ лучше: значитъ, та на вопросъ Серафимы отвѣтила просто, что гуляла съ нимъ по саду. Она ему дала честное слово не говорить о его признаніи. Онъ ей вѣрилъ.

— Да, мы съ Калеріей Порфирьевной уже видѣлись.

Свободно протянулъ онъ ей руку, пожалъ и привелъ къ столу.

Онъ это сказалъ также просто. Да и почему же ему бѣгать отъ Калеріи? Серафима въ собственномъ интересѣ должна воздержаться отъ всякихъ новыхъ допытываній.

— Налей мнѣ покрѣпче, Сима! — прибавилъ онъ другимъ тономъ и снялъ съ головы шляпу.

„Каялся, каялся!"—увѣренно повторяла про себя Серафима, и ея руки вздрагивали, когда она наливала ему чай. Внутри у нея клокотало. Такъ бы она и разорвала на клочки эту Калерію!

Скажи та что-нибудь слащавое и ханжеское — она не выдержитъ, разразится.

Ноздри вздрагивали, и въ глазахъ заискрились огоньки.

Теркинъ косвенно взглянулъ на нее и зачуялъ возможность взрыва.

— Дивное какое утро!.. И въ лѣсу благодать какая! Духъ отъ сосенъ! Я въ ту сторону, въ крайній уголъ

лѣса, прошелъ. Вы много травъ понасбирали, Калерія Порфирьевна?

— Нѣтъ, лѣнь разобрала... Такъ захотѣлось побродить.

„Ну да, ну да, замазывайте, заметайте слѣдъ!—думала Серафима, продолжая разливать чай.—Стакнулись проводить меня, какъ полудурью. Не понимаю я!..“

Рука съ чайникомъ дрогнула у нея, и она пролила на подносъ.

— Ахъ ты, Господи!—вырвалось у нея.

— Торопишься очень!—выговорилъ Теркинъ и усмѣхнулся.

— Хорошо, хорошо!

Серафима еле сдерживалась. Она была близка къ истерическому припадку и закусывала себѣ губы, чтобы изъ ея горла не вылетѣлъ хохотъ или крикъ.

— А я долженъ въ посадъ на цѣлый день, — продолжалъ Теркинъ, прихлёбывая чай.

— Дѣло?—спросила Калерія.

Она какъ будто не замѣчала нервности Серафимы.

— Да... Оно и кстати, Калерія Порфирьевна, вы съ Симой побудете... Вамъ вѣдь обо многомъ есть перетолковать... Мнѣ что же тутъ между вами торчать?

Можно бы этого и не говорить, но такъ вышло.

— Какіе же у насъ секреты? — возразила Серафима и поставила чайникъ на конфорку.

— Все, чай, есть!

Калерія обернула голову въ сторону Теркина и тихо улыбнулась ему.

Этой улыбкой она какъ бы хотѣла сказать:

„Ужъ вы не смущайтесь, я васъ не выдамъ“.

Онъ допилъ свой стаканъ и началъ прощаться съ ними.

XIV.

На дачу Теркинъ нарочно вернулся позднѣе.

Внизу ужъ не было свѣта. На крыльцо выскочилъ Чурилинъ и въ темнотѣ подкатилъ какъ кубарь къ крылу двухмѣстнаго тюльбери, на которомъ Теркинъ ѣздилъ или одинъ или съ кучеромъ.

Онъ передалъ карлику разные пакеты и самъ вскочилъ прямо на первую ступеньку подъѣзда.

— Калерія Порфирьевна почиваютъ? — спросилъ онъ Чурилина.

— Такъ точно.

— И барыня также?

— И онѣ у себя въ спальнѣ. Свѣту не видѣлъ сквозь ставни.

„Ну, и прекрасно", — подумалъ Теркинъ и приказалъ кучеру, вышедшему изъ воротъ:

— Онисимъ! подольше надо проваживать Зайчика. Онъ сильно упрѣлъ...

Къ себѣ онъ пришелъ заднимъ крыльцомъ и отпустилъ Чурилина спать.

„Конечно, — думалъ онъ и дорогой и наверху, собираясь раздѣваться,—онѣ перетолковали, и Калерія не выдала меня".

Это его всего больше безпокоило. Неужели изъ трусости передъ Серафимой? Развѣ онъ не господинъ своихъ поступковъ? Онъ не ее выдавалъ, а себя самого... Не можетъ онъ умиляться тѣмъ, что она умоляла его не „срамить себя" передъ Калеріей... Это—женская высшая суетность... Онъ—ея возлюбленный и будетъ каяться дѣвушкѣ, которую она такъ ненавидитъ за то, что она выше ея.

„Да, выше",—подумалъ онъ совершенно отчетливо и не смутился такимъ приговоромъ.

Передъ нимъ всталъ обликъ Калеріи въ лѣсу, въ бѣломъ, съ разсыпавшимися по плечамъ золотистыми волосами. Глаза ея, ясные и кроткіе, проникаютъ въ душу. Въ ней особенная красота, не „плотская", не та, что̀ мечется и туманитъ, какъ дурманъ, въ Серафимѣ.

„Дурманитъ?" — И этого онъ не скажетъ теперь, по прошествіи года?

Вдругъ ему послышались шаги на нижней площадкѣ, подъ лѣстницей.

„Такъ и есть! Она!"

Теркинъ сталъ все сбрасывать съ себя поспѣшно и тотчасъ же легъ въ постель.

Только что онъ прикрылся одѣяломъ, дверь пріотворили.

— Это ты?—выговорилъ онъ какъ можно тише.

— Я!.. — откликнулась Серафима и вошла въ комнату твердой поступью, шурша пеньюаромъ.

— Ты еще не ложилась? — спросилъ онъ и повернулъ голову въ ея сторону.

— Ко мнѣ не разсудилъ вернуться, — начала она возбужденно и такъ строго, какъ никогда еще не говорила

съ нимъ.—Боишься Калеріи Порфирьевны? Не хочешь ея дѣвичьей скромности смущать... Не нынче—завтра пойдешь и въ этомъ исповѣдываться!..

— Сима!

Онъ больше ничего не прибавилъ къ этому возгласу.

— Что жъ!—Серафима сразу сѣла на край постели въ ногахъ. — Что жъ, ты, небось, станешь запираться, скажешь, что между вами сегодня утромъ никакого разговора не вышло, что ты не покаялся ей?.. Я, ты знаешь, ни въ одномъ словѣ, ни въ одномъ помышленіи передъ тобой неповинна. Не скрыла вотъ съ эстолько!—и она показала на палецъ. — А тебѣ лгать пристало? Кому? Мнѣ!.. Господи! Я на него молюсь изъ глупѣйшей любви, чтобы не терпѣть за него, не за себя, униженія, чуть не въ ногахъ валялась передъ нимъ, а онъ, изволите видѣть, не могъ устоять передъ той Христовой невѣстой, распустилъ нюни, все ей на ладонкѣ выложилъ, поди, на колѣняхъ валялся: простите, молъ, меня, окаяннаго, я—соучастникъ въ преступленіи Серафимы, я—воръ, я—такой-сякой!.. Идіотство какое и подлость...

— Подлость!—повторилъ Теркинъ и хотѣлъ крикнуть: „молчи“, но удержался.

— А то, скажешь, нѣтъ? Ты мнѣ вотъ здѣсь слово далъ не соваться самому, предоставить мнѣ все уладить.

— Я тебѣ слова не давалъ!

— Ха-ха!.. Теперь ты и запираться началъ... Отлично! Превосходно! Ты этимъ самымъ себя выдалъ окончательно! Мнѣ и сознанія твоего не надо больше! Все мнѣ ясно. Съ первыхъ ея словъ я увидала, что вы уже стакнулись. Она, точно медоточивая струя, зажурчала: „Что̀ намъ, сестрица, считаться,—Серафима передразнивала голосъ Калеріи, — ежели вы сами признаете, что дяденька оставилъ вамъ капиталъ для передачи мнѣ, это ужъ дѣло вашей совѣсти съ тетенькой; я ни судиться, ни требовать не буду. Вотъ я къ тетенькѣ съѣзжу и ей то же самое скажу... Сама я въ деньгахъ большихъ не нуждаюсь... А въ томъ, что̀ я желала бы положить на одно дѣло, въ этомъ вамъ грѣшно будетъ меня обидѣть“. Небось, скажешь, ты не повинился ей? И она, шельма, раскусила, что ей тягаться съ нами — ничего, пожалуй, и не получишь. Ты ей, разумѣется, документъ предложилъ, а то такъ и пароходъ заложишь и отдашь ей двадцать тысячъ. Меня она ничѣмъ не уличитъ. Завѣщанія нѣтъ; никто

не видалъ, какъ папенька распорядился тѣмъ, что у него въ шкатулкѣ лежало.

— Серафима!—остановилъ ее Теркинъ и приподнялся въ кровати,—не говори такихъ вещей... Прошу тебя честью!.. Это недостойно тебя!.. И не пытай меня! Нечего мнѣ скрываться отъ тебя... Если я и просилъ Калерію Порфирьевну оставить нашъ разговоръ между нами, то щадя тебя, твою женскую тревожность. Пора это понять... Какія во мнѣ побужденія заговорили, въ этомъ я не буду каяться передъ тобой. Меня тяготило... Я не вытерпѣлъ!.. Вотъ и весь сказъ!

— Да на тебя точно туманъ какой нашелъ... Изъ-за чего ты это дѣлалъ? Ну, хотѣлъ ты непремѣнно возвратить ей эти деньги—ты могъ потребовать отъ меня, чтобы я выдала ей сейчасъ же вексель, пока ты не добудешь ихъ. Вѣдь на то же и теперь сойдетъ... Что она потеряетъ?.. Деньги были въ вѣрныхъ рукахъ, проценты мы ей заплатимъ. Еще она спасибо намъ должна сказать, что мы въ какой-нибудь банкъ не положили, а онъ лопнулъ бы... Нынче, что ни день, то крахъ!.. Такъ нѣтъ!—почти крикнула Серафима и всплеснула руками,—скитское покаяніе онъ приносилъ хлыстовской богородицѣ!

— Не смѣй ее такъ называть!

— А-а!.. Вотъ оно что! Какъ только увидалъ эту кривляку, такъ и преисполнился къ ней благоговѣнія!.. Скажите, пожалуйста!

Серафима рѣзко поднялась, отошла къ окну и раскрыла его. Ее душило.

— Ты не понимаешь! Душа моя—для тебя потемки! Обидно за тебя, Серафима!

— А за тебя нѣтъ?—она опять подошла къ кровати и стала у ногъ.—Помни, Вася,—заговорила она съ дрожью нахлынувшихъ сдержанныхъ рыданій,—помни... Ты ужъ предалъ меня... Богъ тебя знаетъ, измѣнилъ ты мнѣ или нѣтъ; но душа твоя, вотъ эта самая душа, про которую жалуешься, что я не могу ее понять... Помни и то, что я тебѣ сказала въ прошломъ году тамъ, у насъ, у памятника, на обрывѣ, когда рѣшилась пойти съ тобой... Забылъ, небось?.. Всегда такъ, всегда такъ бываетъ! Мужчина развѣ можетъ любить, какъ мы любимъ?!

Ему стоило протянуть ей руку и сказать ласково: „Сима, перестань!..“ Онъ молчалъ и головой обернулся къ стѣнѣ.

— Но только знай,—вдругъ громкимъ и порывистымъ шопотомъ заговорила Серафима,—что я не намѣрена терпѣть у насъ въ домѣ такого царства Калеріи Порфирьевны. Пускай ее на Волгу ѣдетъ и лучше бы сюда не возвращалась; а пріѣдетъ да начнетъ опять свои лукавые фасоны—я ей покажу, кто здѣсь хозяйка!

Дверь хлопнула за Серафимой, ступеньки лѣстницы быстро и дробно проскрипѣли, и все замерло въ домѣ.

Теркинъ лежалъ въ той же позѣ, лицомъ къ стѣнѣ, но съ открытыми глазами. Мириться онъ къ ней не пойдетъ. Ея необузданность, злобная хищность давили его и возмущали. Ни одного звука у нея не вылетѣло, гдѣ бы сказались пониманіе, мягкая терпимость, желаніе слиться съ любимымъ человѣкомъ въ одномъ великодушномъ порывѣ.

„Распуста“, — повторилъ онъ про себя то самое слово, какое пришло ему недавно въ лѣсу, послѣ первой ихъ размолвки. Онъ не станетъ прыгать передъ ней... Изъ-за чего? Изъ-за ея ласкъ, ея молодости, изъ-за ея брильянтовыхъ глазъ?..

Кто же мѣшалъ ей поддаться его добрымъ словамъ? Онъ того только и добивался, чтобы вызвать въ ея душѣ такой же поворотъ, какъ и въ себѣ самомъ!.. У нея и раньше была женская „растяжимая совѣсть“, а отъ пріѣзда Калеріи она точно „бѣсноватая“ стала.

Сонъ не шелъ. Теркинъ проворочался больше получаса, потомъ вытянулъ ноги, уперся ими въ нижнюю стѣнку кровати и заложилъ руки за голову.

Кровь отливала отъ разгорѣвшагося мозга. Въ комнату въ открытое окно входила свѣжесть. Онъ подумалъ-было затворить, но оставилъ открытымъ.

Мысли заплетались въ другую сторону. Дѣловой человѣкъ, привычный къ постоянному обдумыванію практическихъ дѣйствій и сложныхъ расчетовъ, помаленьку началъ пробуждаться въ немъ.

А вѣдь Серафима-то, пожалуй, и не по-бабьи права. Къ чему было „с364срамиться“ передъ Калеріей, бухаться въ лѣсу на колѣни, когда можно было снять съ души своей неблаговидный проступокъ безъ всякаго срама? Именно слѣдовало сдѣлать такъ, какъ она сейчасъ, хоть и распаленная гнѣвомъ, говорила: она сумѣла бы перетолковать съ Калеріей, и деньги та получила бы въ два раза. Можно добыть сумму къ осени и выдать ей документъ.

И то сказать, женщина все отдала ему: честь свою, положеніе, деньги, хоть и утаенныя, умоляла его не выдавать себя Калеріи, не срамиться, — и онъ не исполнилъ, не устоялъ передъ какой-то нервической блажью...

„Блажь!“ — повторилъ онъ мысленно нѣсколько разъ, готовый идти дальше въ своихъ холодящихъ выводахъ, и рѣзко прервалъ ихъ.

Сцена въ лѣсу прошла передъ нимъ вся, съ перваго его ощущенія до послѣдняго. Лучше минутъ онъ еще не переживалъ, чище, отважнѣе по душевному порыву. Отчего же ему и теперь такъ легко? И размолвка съ Серафимой не грызетъ его... Правда на его сторонѣ. Не мѣтитъ онъ въ герои... Никогда не будетъ такимъ, какъ Калерія, но безъ ея появленія зубцы хищническаго колеса стали бы забирать его и втягивать въ тину. Серафима своей страстью не напомнила бы ему про уколы совѣсти...

Съ этимъ онъ заснулъ.

XV.

— Калерія Порфирьевна пріѣхали, — доложилъ Чурилинъ, запыхавшись.

Онъ поднялся стремительно по крутой лѣсенкѣ въ башню, гдѣ Теркинъ у стола просматривалъ какіе-то счеты.

— На извозчикѣ?

— Такъ точно.

— Барыня внизу?

— Внизу-съ.

— Хорошо. Ступай!

Карликъ исчезъ. Теркинъ сейчасъ же всталъ, поправилъ бантъ легкаго шелковаго галстука, подошелъ къ зеркалу, причесалъ немного сбившіеся волосы и встряхнулъ только сегодня надѣтый парусинный костюмъ.

Прошло всего пять дней съ отъѣзда Калеріи, и они ему казались невыносимо длинными... Изъ нихъ онъ двое сутокъ былъ въ отсутствіи. Не спѣшныя дѣла выгнали его изъ дому, а тяжесть жизни съ-глазу-на-глазъ съ Серафимой.

Они избѣгали объясненій, но ни тотъ, ни другая не поддавались. Не требовалъ онъ того, чтобы она просила прощенія, не желалъ ни рыданій, ни истерическихъ ласкъ и чувственныхъ примиреній. Пониманія ждалъ онъ — и

только. Но Серафима въ первый разъ ушла въ себя, говорила съ нимъ кротко, не позволяла себѣ никакой злобной выходки противъ Калеріи и даже сама первая предложила ему обезпечить ее, до выдачи ей обратно двадцати тысячъ, какъ онъ разсудитъ.

Она принесла ему вексель, выданный ей, и настояла на томъ, чтобы онъ его взялъ обратно.

— Если ты не согласишься взять его, Вася,—сказала она съ удареніемъ, но безъ рѣзкости, — я все равно его разорву. Мы ей должны выдать документъ.

— Не мы, а я,—поправилъ онъ.

— Какъ ты найдешь умѣстнѣе.

Вчера вернулся онъ къ обѣду, и конецъ дня прошелъ чрезвычайно прѣсно. Нить искреннихъ разговоровъ оборвалась. Ему стало особенно ясно, что если съ Серафимой не нѣжиться, не скользить по всему, что навернется на языкъ въ ихъ бесѣдахъ, то содержанія въ ихъ сожительствѣ нѣтъ. Подъ видимымъ спокойствіемъ Серафимы онъ чуялъ бурю. Въ груди ея назрѣла еще бо́льшая злоба къ двоюродной сестрѣ. Если та у нихъ заживется, произойдетъ что-нибудь безобразное.

А ему такъ захотѣлось, поджидая Калерію назадъ, отвести съ ней душу, принять участіе въ ея планахъ, всячески поддержать ее. Этого слишкомъ мало, что онъ повинился передъ нею. Надо было заслужить ея дружбу.

— Гдѣ онѣ? — спросилъ Теркинъ у карлика, проходя мимо буфетной.

— На балконѣ-съ.

Калерія, еще въ дорожномъ платьѣ, стояла спиной къ двери. Серафима, въ красномъ фулярѣ на головѣ и капотѣ,—лицомъ. Лицо блѣдное, глаза опущены.

„Не умерла ли мать?“ — подумалъ онъ; ему не стало жаль ея; ея дочернее чувство онъ находилъ суховатымъ, совсѣмъ не похожимъ на то, какъ онъ былъ близокъ сердцемъ къ своимъ покойникамъ, а они ему приходились не родные отецъ съ матерью.

— Калерія Порфирьевна! Съ возвращеніемъ!—ласково окликнулъ онъ.

Она быстро обернулась, еще болѣе загорѣлая, лицо въ пыли, но все такая же милая, со складкой на лбу отъ чего-то печальнаго, что она, навѣрно, сообщила сейчасъ Серафимѣ.

5*

— Ну, что, все благополучно тамъ?.. Матрена Ниловна здравствуетъ?

Тутъ только онъ вспомнилъ, что съ утра не видалъ Серафимы, пилъ чай одинъ, пока она спала, и сидѣлъ у себя наверху до сихъ поръ.

— Здравствуй, Сима!

Она взглянула на него затуманенными глазами и пожала ему руку.

— Здравствуй, Вася!

— Что это?.. Какъ будто вы чѣмъ-то обѣ смущены?— весело спросилъ онъ и всталъ между ними, ближе къ периламъ балкона.

— Да вотъ, извѣстіе такое я привезла. Что жъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ...

— Умеръ, что ли, кто?.. Матушка ея, небось, въ добромъ здоровьѣ...

— Тетенька... слава Богу...

Калерія не договорила.

— Рудичъ застрѣлился.

Глухо промолвила это Серафима. Лицо было жестко, рѣсницы опущены.

„Заплачетъ? — спросилъ про себя Теркинъ и прибавилъ:—Должно-быть, мужъ—все мужъ!"

Будь это годъ назадъ, его бы пронизало ревнивое чувство, а тутъ ничего, ровно ничего такого не переживалъ онъ, глядя на нее.

— Застрѣлился? — повторилъ онъ и обернулся съ вопросомъ въ сторону Калеріи.

— Тамъ гдѣ-то... гдѣ его служба была... въ Западномъ краѣ, кажется. Тетенька не сумѣла мнѣ хорошенько разсказать. Господинъ Рудичъ былъ тамъ предсѣдателемъ мирового съѣзда.

— А не прокуроромъ?

— Видно, нѣтъ, — отвѣтила Серафима и медленно поглядѣла на Теркина.

Глаза потухли. Въ нихъ онъ ничего не распозналъ, кромѣ какого-то вопроса... Какого?.. Не ждала ли она, чтобы у него вырвался возгласъ: „Вотъ ты свободна, Сима!"

Онъ подумалъ объ этомъ совсѣмъ не радостно... Больше изъ смутнаго чувства внѣшняго приличія, онъ пододвинулся къ Серафимѣ и тихо взялъ ее за руку около локтя. Рука ея не дрогнула.

— Казенныя деньги растратилъ,—выговорила она и повела плечами.—Такъ и надо было ожидать.

Серафима сказала это скорѣе грустно, чѣмъ жестко; но онъ нашелъ, что ей не слѣдовало и этого говорить. Какъ ни какъ, а она его бросила предательски, и Рудичъ, если бы хотѣлъ, могъ надѣлать ей кучу непріятностей, преслѣдовать по закону, да и ему нагадить доносомъ.

— Царствіе небесное!—тихо и протяжно произнесла Калерія.—Срама не хотѣлъ перенесть...

— Игрока одна только могила исправитъ,—точно про себя обронила Серафима.

И это замѣчаніе показалось ему неделикатнымъ.

— Деньги... Карты...—Калерія вздохнула и придвинулась къ нимъ обоимъ...—Души своей не жаль... Господи!—глаза ея стали влажны.—Ты, Симочка, не виновата въ томъ, что̀ сталось съ твоимъ мужемъ.

„Она же ее утѣшаетъ!"—подумалъ Теркинъ.

— Вы съ дороги-то присѣли бы,—обратился онъ къ ней.—Сима, что же ты, чайку бы предложила Калеріи Порфирьевнѣ. Здѣсь жарко... Перейдемте въ гостиную.

— Закусить не хочешь ли?—лѣниво спросила Серафима.

— Право, я не голодна; утромъ еще на пароходѣ пила чай и закусила. Тетенька мнѣ всякой всячины надавала.

Они перешли въ гостиную. Разговоръ не оживлялся. Теркина сдерживалъ какой-то стыдъ взять Серафиму, привлечь ее къ себѣ, воспользоваться вѣстью о смерти Рудича, чтобы хорошенько помириться съ нею, сбросить съ себя всякую горечь. Не одно присутствіи Калеріи стѣсняло его... Что-то еще болѣе затаенное не позволяло ему ни одного искренняго движенія.

Не боялся ли онъ чего? Теперь ему ясно, что радости въ немъ нѣтъ; стало-быть, нѣтъ и желанія оживить Серафиму хоть однимъ звукомъ, гдѣ она распознала бы эту радость.

— Сядьте вотъ рядкомъ, потолкуйте ладкомъ.

Калерія усадила ихъ на диванъ.

— Схожу умоюсь и платье другое надѣну. Вся въ пыли! Даже въ горлѣ стрекочетъ. А угощать меня не трудись, Сима. Право, сыта... Совѣтъ да любовь!

Любимое пожеланіе Калеріи осталось еще въ воздухѣ

просторной и свѣжей комнаты, стоявшей въ полутемнотѣ отъ спущенныхъ шторъ.

— Сима!

Теркинъ взялъ ея руку.

— Знаю, что ты скажешь! — вдругъ порывисто заговорила она шопотомъ и обернула къ нему лицо, уже менѣе жесткое, порозовѣлое и съ возбужденными глазами. — Ты скажешь: „Сима, будь моей женой“... Мнѣ этого не нужно... Никакой подачки я не желаю получать.

— Успокойся! зачѣмъ все это?

— Дай мнѣ докончить. Ты всегда подавляешь меня высотой твоихъ чувствъ. Ты и она, — Серафима показала на дверь, — вы оба точно спѣлись. Она уже успѣла тамъ, на балконѣ, начать проповѣдь: „Вотъ, Симочка, самъ Господь вразумляетъ тебя... Любовь свою ты можешь очистить. Въ благородныя правила Василія Иваныча я вѣрю, онъ не захочетъ продолжать жить съ тобою... такъ“. И какое ей дѣло!.. Съ какого права?..

Въ глазахъ заискрилось. Она начала опять блѣднѣть.

— Успокойся! — повторилъ все тѣмъ же кроткимъ тономъ Теркинъ.

Но онъ не обнялъ ея, не привлекъ, не покрылъ этихъ глазъ, еще недавно прельщавшихъ его, пылкими поцѣлуями.

Ея словамъ онъ не вѣрилъ. Все это она говорила изъ одной своей гордости и ненавистнаго чувства къ двоюродной сестрѣ, ни въ чемъ неповинной, искренно жалѣвшей ее; она ждала, чтобы онъ упалъ на колѣни и радостно воскликнулъ:

„Теперь насъ никто не разлучитъ! Ты не можешь отказать мнѣ!“

Въ груди у него не было порыва — одного, прямого и радостнаго. И она это тутъ только почуяла.

— Ты знаешь, какъ я съ тобой прожила годъ! Добивалась я твоей женой быть? Мечтала объ этомъ? Намекала хоть разъ во весь годъ?

— Развѣ я говорю?

— И теперь мнѣ не нужно... Я вольная птица. Кого хочу, того и люблю. Не забывай этого! Жизни не пожалѣю за любимаго человѣка, но цѣпей мнѣ не надо, ни подаянія, ни исполненія долга съ твоей стороны. Долгъ-то ты исполнишь! Больше вѣдь ничего въ такомъ бракѣ и не будетъ... Я все уразумѣла, Вася: ты меня не любишь,

какъ любилъ годъ назадъ... Не лги... Ни себѣ, ни мнѣ... Но будь же ты настолько честенъ, чтобъ не притворяться... Обидъ я не прощаю... Вотъ что...

Теркинъ хотѣлъ-было удержать ее, Серафима рванулась и выбѣжала изъ гостиной.

За ней онъ не бросился; сидѣлъ на диванѣ разстроенный, но не охваченный пыломъ вновь вспыхнувшей страсти.

XVI.

Лѣсная тропинка сузилась и пошла выбоинами. Приходилось перескакивать съ одной колдобины на другую.

— Дайте мнѣ руку, Калерія Порфирьевна. Такъ вамъ удобнѣе будетъ перейти.

Она, розовая отъ ходьбы и жаркаго ранняго послѣобѣда, протянула Теркину свободную руку... На другой она несла ящичекъ на ремешкѣ.

Собрались они тотчасъ послѣ обѣда. Серафимы не было дома: она съ утра уѣхала въ посадъ за какими-то покупками.

На дачѣ черезъ кухарку стало извѣстно, что въ Мироновкѣ появилась болѣзнь на дѣтей. Калерію потянуло туда, и она захватила свой ящичекъ съ лѣкарствами. Теркинъ вызвался проводить ее, предлагалъ добыть экипажъ у сосѣдей, но ей захотѣлось идти пѣшкомъ. Они рѣшили это за обѣдомъ.

Своимъ отсутствіемъ Серафима какъ бы показывала ему, что ей „все равно", что она не боится ихъ новыхъ откровенностей. Онъ можетъ хоть обниматься съ Калеріей... Такъ онъ это и понялъ.

До обѣда онъ разспрашивалъ Калерію о ея завѣтныхъ мечтахъ и планахъ, но передъ тѣмъ настаивалъ на томъ, чтобы она, не откладывая этого дѣла, приняла отъ него дѣловой документъ.

— Симы тутъ нечего замѣшивать,—убѣждалъ онъ ее:— я бралъ, я и израсходовалъ, я и долженъ это оформить.

Къ ноябрю онъ расплатится съ нею; можетъ, и раньше. Изъ остальныхъ денегъ она сама не желала брать себѣ всего. Пускай Серафима удержитъ, сколько ей съ матерью нужно. На первыхъ порахъ какихъ-нибудь три-четыре тысячи, больше и не надо, чтобы купить землю и начать стройку деревяннаго дома.

Она мечтала о небольшой приходящей лѣчебницѣ для дѣтей на окраинахъ своего родного города, такъ чтобы

и подгороднымъ крестьянамъ сподручно было носить туда больныхъ, и городскимъ жителямъ. Если управа и не поддержитъ ея ежегоднымъ пособіемъ, то хоть врача добудетъ она дарового, а сама станетъ тамъ жить и всѣмъ завѣдывать. Найдутся, Богъ дастъ, и частные жертвователи изъ купечества. Можно будетъ завести нѣсколько кроватокъ или нѣчто въ родѣ ясель для дѣтей рабочаго городского люда.

Теркинъ слушалъ ее сосредоточенно, не перебивалъ, нашелъ все это очень удачнымъ и выполнимымъ и подъ конецъ разговора, держа ее за обѣ руки, выговорилъ:

— Голубушка вы моя! Не откажите и меня принять въ участники! Хочу, чтобъ наша сердечная связь окрѣпла. Я по Волгѣ безпрестанно сную и буду то и дѣло навѣдываться. И въ земствѣ, и въ городскомъ представительствѣ отыщу людей, которые навѣрно поддержатъ вашу благую мысль.

Тонъ его словъ показался бы ему, говори ихъ другой, слащавымъ, „казеннымъ", какъ нынче выражаются въ этихъ случаяхъ. Но у него это вышло противъ воли. Она приводила его въ умиленное настроеніе, глубоко трогала его. Ничего не было „особеннаго" въ ея планѣ. Дѣтская амбулаторія!.. Мало ли сколько ихъ заводится. Одной больше, одной меньше. Не самое дѣло, а то, что она своей душой будетъ освѣщать и согрѣвать его... Онъ видѣлъ ее воображеніемъ въ дѣтской лѣчебницѣ съ ранняго утра, тихую, неутомимую, точно окруженную сіяніемъ...

Теперь онъ знаетъ о ней все, о чемъ допытывалось сердце. Больше не нужно. Если бъ они ближе стояли другъ къ другу, онъ не разспрашивалъ бы ея о прожитой жизни, не велъ бы съ ней „умныхъ" разговоровъ, не старался бы узнать о ней всю подноготную.

Ничего этого ему не надо! Только бы ему удержать въ себѣ настроеніе, навѣянное на него. Кто знаетъ? Начнешь развѣдывать да разсуждать, и разлетится оно. Ему отрадно было держать ее на этой высотѣ, смотрѣть на нее снизу вверхъ.

Они вышли на красивую круглую лужайку.

— Не отдохнуть ли, Калерія Порфирьевна?—спросилъ Теркинъ.

— Хорошо! Здѣсь чудесно!.. Вонъ тамъ дубокъ какой кудрявый... Можно и на травѣ.

— Жаль, что я не захватилъ пледа.

— Ничего! Сколько времени жары стоятъ, земля высохла. Да я и не боюсь за себя.

Подъ дубкомъ они расположились на травѣ, не выѣденной солнцемъ отъ густой тѣни. Дышать было привольнѣе. Отъ опушки шла свѣжесть.

— Василій Иванычъ!

По звуку ея оклика онъ почуялъ, что она хочетъ поговорить о чемъ-нибудь „душевномъ".

— Что, Калерія Порфирьевна?

Она сидѣла облокотившись о стволъ дерева; онъ лежалъ на правомъ боку и опирался головой о ладонь руки.

— Не будете на меня сѣтовать?.. Скажете, пожалуй: не въ свое дѣло вмѣшиваюсь.

— Я-то? Богъ съ вами!

— Такъ и я васъ понимаю; потому буду говорить все, на чистоту... Вѣдь Серафима-то у насъ мучится сильно.

— Серафима?

— А то нешто нѣтъ?.. Вы не хуже меня это видите.

Видѣлъ онъ достаточно, какъ злобствуетъ Серафима, и, зная почему, могъ бы сейчасъ же выдать ее съ головой, излить свое недовольство.

Не надо было говорить всю правду, а этой правды онъ и самъ еще себѣ не могъ или не хотѣлъ выяснить.

— Вижу, — выговорилъ онъ, сейчасъ же перемѣнилъ положеніе, сѣлъ и повернулся бокомъ.

— Смерть мужа,—Калерія замедлила свою рѣчь,—подняла съ души ея все, что̀ тамъ таилось.

„Ничего не подняла добраго и великодушнаго!" — хотѣлъ онъ крикнуть и опустилъ голову.

— Поймите, голубчикъ: ей передъ вами по-другому стало стыдно... за прошедшее. Повѣрьте мнѣ. А она вѣдь вся ушла въ любовь къ вамъ. И боится, какъ бы ваше сожительство не убавило въ васъ желанія освятить все это бракомъ. Вы скажете мнѣ: эта боязнь пустая!.. Вѣрно, Василій Иванычъ; да люди въ своихъ сердечныхъ тревогахъ не вольны, особливо наша сестра. Она мнѣ ничего сама не говорила. Ей, кажется, непріятны были и мои слова, по пріѣздѣ, тамъ на балконѣ, помните, какъ вы вошли... Что жъ! Насильно милъ не будешь! Сима мнѣ не довѣряетъ и къ себѣ не желаетъ приблизить. Подожду! Когда придетъ часъ—она сама подойдетъ.

— И развѣ это не возмутительно? — вдругъ вылетѣлъ

вопросъ у Теркина, и онъ повернулся къ Калеріи всѣмъ лицомъ и присѣлъ ближе.

— Что такое?

— А вотъ эта злоба къ вамъ? Безсмысленная и гадкая!.. Кругомъ передъ вами виновата и такъ ехидствуетъ!

— Василій Иванычъ! Родной! — остановила Калерія. — Не будемъ осуждать ее... Это дѣло ея совѣсти... Познаетъ Бога — и все ей откроется... Теперь надъ ней плоть царитъ. Но я къ вамъ обращаюсь, къ вашей душѣ... Простите, Христа-ради! Не проповѣдывать я собираюсь, не изъ святошества. А вы для меня стали въ нѣсколько дней все равно что братъ. И мнѣ тяжко было бы таить отъ васъ то, что̀ я за васъ чувствую и о чемъ недоумѣваю... Не способны вы оставить Серафиму въ теперешнемъ положеніи... Не способны! Вы сами ее слишкомъ любите, а главное, человѣкъ вы не такой. Вѣдь она на цѣлый день уѣхала не спроста: гложетъ ее тоска и боязнь. Вернется она, вы одни можете сдѣлать такъ, чтобы у нея на душѣ ангелы запѣли. Я только то теперь вамъ говорю, что̀ въ васъ самихъ сидитъ.

Ни одной секунды не заподозрилъ онъ ея искренности. Голосъ ея звучалъ чисто и высоко, и въ немъ ея сердечность сквозила слишкомъ открыто. Будь это не она, онъ нашелъ бы такое поведеніе ханжествомъ или смѣшной простоватостью. Но тутъ слезы навертывались на его глазахъ. Его восхищала хрустальность этого существа. Изъ глубины его собственной души поднимался новый острый позывъ къ полному разоблаченію того, въ чемъ онъ еще не смѣлъ сознаться самому себѣ.

— Калерія Порфирьевна, — выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ. — Вчера Серафима, по уходѣ вашемъ, начала кидать мнѣ въ лицо ни съ чѣмъ несообразныя вещи, поторопилась заявить, что она въ бракѣ со мной не нуждается... Гордость въ ней только и кипитъ, да задоръ какой-то... Я даже и не спохватился...

— Все это оттого, что она страдаетъ. Не можетъ быть, чтобы вы этого не понимали! Она ждетъ! И если между вами теперь нѣтъ ладу — я въ этомъ повинна.

— Вы!..

— Не во̀-время явилась. Но я не хотѣла, повидавшись съ тетенькой, не заѣхать опять къ вамъ и не успокоить Серафимы. Богъ съ ней, коли она меня считаетъ лице-

мѣркой! Я изъ-за денегъ ссориться не способна. Теперь я у васъ заживаться не стану. Только бы вы-то съ Симой начали другую жизнь...

Голосъ ея дрогнулъ.

— Ахъ, Калерія Порфирьевна! Всего хуже, когда стоишь передъ рѣшеніемъ своей судьбы и не знаешь: нѣтъ ли въ тебѣ самомъ фальши?.. Не лжешь ли?.. Боишься правды-то.

Теркинъ закрылъ лицо ладонями и упалъ головой на траву.

— Нешто... вы, — Калерія запнулась, — охладѣли къ ней?

— Не знаю, не знаю!

— Старики наши сказали бы: „Это васъ лукавый испытываетъ". А я скажу: доброе дѣло выше всякихъ страстей и обольщеній. Въ Симѣ больше влеченія къ вамъ... какого? Плотскаго или душевнаго? Что жъ за бѣда! Сдѣлайте изъ нея другого человѣка... Вы это можете.

— Нѣтъ, не могу, Калерія Порфирьевна. Съ ней я погрязну.

— Таково ваше убѣжденіе?.. Лучше, Василій Иванычъ, пострадать, да не отворачиваться отъ честнаго поступка. Ежели вы и боитесь за свою душу и не чувствуете къ Симѣ настоящей любви—все-таки вы ее такъ не бросите!

„Брошу, брошу!"—чуть не слетѣло съ его губъ признаніе.

Онъ молчалъ, отнялъ руки отъ лица и глядѣлъ въ землю, низко нагнувъ голову, чтобы она не могла видѣть его лица.

— Простите меня за то, что разбередила васъ! — сказала тихо Калерія и приподнялась. — Пора и въ Мироновку. Тамъ дѣтки больныя ждутъ.

До выхода изъ лѣса они молчали.

XVII.

Съ того перекрестка, гдѣ всего недѣлю назадъ Теркинъ окликнулъ глухонѣмого мужика, они повернули налѣво.

— Этотъ проселокъ,—сказалъ онъ Калеріи,—навѣрно доведетъ насъ до Мироновки.

Не больше ста саженъ сдѣлали они между двумя по-

лосами сжатой ржи, какъ, выйдя на изволокъ, увидали деревню.

У въѣзда сохранились два почернѣлыхъ столба воротъ, еще изъ тѣхъ годовъ, когда Мироновкой владѣлъ одинъ генералъ изъ „гатчинцевъ". На одномъ столбѣ держался и шаръ, когда-то выкрашенный въ бѣлую краску. Ворота давно растаскали на топку.

— Вы здѣсь еще не бывали, Василій Иванычъ?—спросила Калерія, ускоряя шагъ. Ей хотѣлось поскорѣе дойти.

— Нѣтъ; на этой недѣлѣ собрался и не дошелъ.

— Есть усадьба? Кто-нибудь живетъ... помѣщики или управляющій?

— Знаю, что въ домѣ живетъ по лѣтамъ семейство одно. Пайщикъ нашего общества, нѣкто Пастуховъ. Не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Я самъ не знакомъ съ семействомъ. Да это ничего. Пойдемте въ домъ. Я отрекомендуюсь и васъ представлю. Они, конечно, будутъ рады и дадутъ свѣдѣнія, куда идти, въ какія избы.

— Это не важно! Я и сама найду, только бы туда попасть, въ эту самую Мироновку.

Имъ обоимъ легче стало оттого, что разговоръ пошелъ въ другую сторону.

„Будь, что будетъ!—повторялъ онъ про себя, когда они молча шли изъ лѣсу.—Жизнь покажетъ, какъ намъ быть съ Серафимой".

Тотчасъ за столбами слѣва начинался деревенскій порядокъ: сначала двѣ-три плохенькихъ избенки, дальше избы изъ сосноваго лѣса, съ полотенцами по краямъ крышъ, нѣкоторыя — пятистѣнныя. По правую руку отъ проѣзда, спускающагося немного къ усадьбѣ, расползлись амбары и мшенники. Деревня смотрѣла не особенно бѣдной; по количеству дворовъ — душъ на семьдесятъ, на восемьдесятъ.

На улицѣ издали никого не было видно; даже на ребятишекъ они не наткнулись.

— Такъ въ усадьбу идемъ?—спросилъ Теркинъ.

— Спросить бы надо.

— Да вамъ что жъ стѣсняться, Калерія Порфирьевна? Она какъ будто конфузилась.

— Я не трусиха, Василій Иванычъ, а только иной

разъ невпопадъ. Можетъ, они тамъ отдыхаютъ. А то такъ Богъ знаетъ еще что подумаютъ. Впрочемъ... какъ знаете...

Просторную луговину, гдѣ шли когда-то, слѣва вглубь, барскіе огороды, а справа стоялъ особый дворикъ для борзыхъ и гончихъ щенковъ, замыкалъ частоколъ, отдѣляющій усадьбу отъ деревенской земли, съ уцѣлѣвшими пролетными воротами. И службы сохранились: бревенчатый темный домикъ — бывшая людская, два сарая и конюшня; за ними выступали липы и березы сада; прямо, все подъ гору, стоялъ двухъэтажный домъ, свѣтло-сѣрый, съ двумя крыльцами и двумя балконами. Одно крыльцо было фальшивое, по-старинному, для симметріи.

Все это смотрѣло какъ будто нежилымъ. Ни на дворѣ, ни у сарая, ни у воротъ—ни души.

— Мертвое царство!—вымолвилъ Теркинъ.

Они вошли въ ворота. И собакъ не было.

На крыльцѣ бывшей людской показалась женщина въ родѣ кухарки, одѣтая не по-крестьянски.

— Матушка,—крикнулъ ей Теркинъ,—подь-ка сюда!

Съ народомъ онъ говорилъ всегда на „ты“.

Женщина, простоволосая, защищаясь ладонью отъ солнца, неторопливо подошла.

— Господа Пастуховы тутъ живутъ?

— Тутъ, только ихъ нѣтъ.

— Уѣхали въ посадъ?

— Совсѣмъ уѣхали... раньше какъ недѣли черезъ двѣ не вернутся.

— Куда? На ярмарку, въ Нижній?

— Нѣтъ, лѣчиться... на воды, что ли, какія. Сергіевскія, никакъ.

Теркинъ и Калерія переглянулись.

— И никого въ домѣ нѣтъ?

— Никого. Вотъ я оставлена да кухонный мужикъ... работникъ опять...

Итти въ домъ было не зачѣмъ.

— А скажите мнѣ, милая,—заговорила Калерія,—у васъ на деревнѣ дѣти, слышно, заболѣваютъ?

Женщина отняла ладонь отъ жирнаго и морщинистаго лба, и брови ея поднялись.

— Какъ же, какъ же. Забираетъ порядкомъ.

— Докторъ пріѣзжалъ? Или фельдшеръ?

— Не слыхать чтой-то. Да безъ барыни кому же доктора добыть?.. Староста у нихъ — мужичонко лядащій... опять же у него бахчи. Его и на деревнѣ-то нѣтъ объ эту пору.

— А въ какихъ избахъ больные ребята? — тревожнѣе спросила Калерія.

Теркинъ смотрѣлъ на ея лицо: глаза у нея стали блестящѣе, щеки поблѣднѣли.

— Да никакъ въ цѣлыхъ пяти дворахъ. Первымъ дѣломъ у Вонифатьева. Тамъ, поди, всѣ ребята лежатъ въ повалку.

— Что жъ это такое?

— Жаба, что ли. Ужъ не знаю, сударыня. Намъ отлучаться не сподручно, да мы и деревенскихъ-то мало видимъ. Тоже... народъ лядащій!..

— Послушайте,—Калерія заговорила быстро, и голосъ сразу сталъ выше, — покажите мнѣ, которая изба Вонифатьева.

— Вонъ самая угловая, коло колодца, супротивъ той бани... гдѣ тропка-то идетъ.

— Хорошо!.. Благодарю!... Василій Иванычъ, я пойду... Подождите меня.

— Почему же я не могу?

— Нѣтъ, это меня только свяжетъ. И, какъ знать, можетъ болѣзнь...

— Заразная?

Теркинъ усмѣхнулся.

— И очень.

— Такъ почему же мнѣ-то больше труса праздновать, чѣмъ вамъ?

— Это мое коренное дѣло, а вамъ изъ-за чего же рисковать?

— Нѣтъ, позвольте!..

Ему захотѣлось непремѣнно проводить ее, помочь, быть на что-нибудь годнымъ.

— Прошу васъ, Василій Иванычъ. Этимъ шутить нечего. Вы—не одинъ...

И ея глаза досказали: подумайте о той, кто вами только и дышитъ.

Онъ послушался.

— Милая,—обратилась Калерія къ женщинѣ,—пока я обойду больныхъ, могутъ вотъ они погулять у васъ въ саду?

— Что же, пущай!.. Это можно.

— Я васъ здѣсь и найду, въ саду. Родной! ужъ вы не сердитесь!..

И легкой поступью она удалилась, ускоряя шагъ. Изъ воротъ она взяла немного вправо и черезъ три минуты уже поднялась къ колодцу, гдѣ стоялъ дворъ Вонифатьевыхъ. Теркинъ не отрывалъ отъ нея глазъ.

„А вдругъ какъ это эпидемія?"—спросилъ онъ и почувствовалъ такое стѣсненіе въ груди, такой страхъ за нее, что хоть бѣжать вдогонку.

— Проводить что ли васъ, баринъ, въ садъ?—спросила женщина.

— Спасибо! Не надо!

Онъ далъ ей двугривенный и пошелъ, оглядываясь на порядокъ, къ воротцамъ стараго помѣщичьяго сада по утоптанной дорожкѣ, пересѣкавшей луговину двора, вплоть до площадки передъ балконами.

Стѣсненіе въ груди не проходило. Стыдно ему стало и за себя: точно онъ баричъ какой, презрѣнный трусъ и нѣженка, неспособный войти ни въ какую крестьянскую бѣду. Неужели въ немъ не ослабло ненавистничество противъ мужиковъ, чувство мести за отца и за себя? Мри они или ихъ ребятишки—онъ пальцемъ не поведетъ.

Нѣтъ, онъ не такъ бездушенъ. Калерія не позволила ему пойти съ нею. Онъ сейчасъ же побѣжалъ бы туда, въ избу Вонифатьевыхъ, съ радостью сталъ бы все дѣлать, что нужно, даже обмывать грязныхъ дѣтей, прикладывать имъ припарки, давать лѣкарство. Не хотѣлъ онъ допытываться у себя самого, что́ его сильнѣе тянетъ туда: она, желаніе показать ей свое мужество, или жалость къ мужицкимъ ребятишкамъ.

Голова у него кружилась. Въ аллеѣ, запущенной и тѣнистой, изъ кленовъ пополамъ съ липами и березами, онъ присѣлъ на деревянную скамью, въ самомъ концѣ, снялъ шляпу и отеръ влажный лобъ.

Страхъ за Калерію немного стихъ. Вѣдь она привыкла ко всему этому. За сколькими тяжелыми больными ходила тамъ, въ Петербургѣ. И тифъ и заразныя воспаленія... мало ли что!.. Да и знаетъ она, какія предосторожности принимать. Навѣрно, и въ ящикѣ у нея есть дезинфекція.

Онъ мысленно употребилъ это модное слово и значительно успокоился. Подъ двумя липами, въ прохладной тѣни, ему стало хорошо. Прямо передъ его глазами шла

аллея, а налѣво за деревьями начинался фруктовый садъ, тоже запущенный, когда-то переполненный перекрестными дорожками вишенъ, яблонь и грушъ, а въ незанятыхъ площадкахъ — грядами малины, крыжовника, смородины, клубники.

Его хозяйственное чувство проснулось. Всякія такія картины заброшенныхъ помѣстій приводили его въ особаго рода волненіе. Сейчасъ забирала его жалость. Къ помѣщикамъ-крѣпостникамъ онъ изъ дѣтства не вынесъ злобной памяти. Вѣ селѣ Кладенцѣ „господа“ не живали, народъ былъ оброчный; кромѣ рекрутчины, почти ни на чемъ и не сказывался произволъ вотчинной власти; всѣмъ орудовалъ міръ; да и родился онъ, когда все село перешло уже въ временно-обязанное состояніе. Не жалѣлъ онъ дворянъ за ихъ теперешнюю оскудѣлость, а жалѣлъ о прежнемъ привольѣ и порядкѣ заглохлыхъ барскихъ хозяйствъ. Къ „купчишкамъ“ — хищникамъ, разоряющимъ всѣ эти старыя родовыя гнѣзда, онъ еще менѣе благоволилъ. Даже и тѣхъ, кто умно и честно обращался съ землей и лѣсомъ, онъ не считалъ законными обладателями большихъ угодій. Нужды нѣтъ, что онъ самъ значился долго купцомъ и теперь имѣетъ званіе личнаго почетнаго гражданина: „купчиной“ онъ себя не считалъ, а признавалъ себя практикомъ изъ крестьянъ, „съ идеями“.

Фруктовый садъ потянулъ его по боковой, совсѣмъ заросшей дорожкѣ внизъ, къ самому концу, къ покосившемуся плетню на полъ-горѣ, круто спускавшейся къ рѣкѣ. Оттуда черезъ калитку онъ прошелъ въ цвѣтникъ, противъ террасы. И цвѣтника въ его теперешнемъ видѣ ему сдѣлалось жаль. Долгіе годы никто имъ не занимался. Кое-какіе загрубѣлые стволы георгинъ торчали на средней клумбѣ. Отъ качель удержались облупленные, когда-то розовые, столбы. На террасѣ одиноко стояли два-три соломенныхъ стула.

Дальше когда-то отгорожено было нѣсколько десятинъ подъ второй фруктовый садъ, съ теплицами, оранжереями, грунтовымъ сараемъ. Все это давно рухнуло и разнесено; только большія ямы и рвы показывали мѣста барскихъ заведеній.

Теркинъ долженъ былъ вскарабкаться на валъ, шедшій вдоль двора, чтобы попасть къ наружной террасѣ дома. Опять безпокойство за Калерію заползло въ него, и онъ, чтобы отогнать отъ себя тревогу, закурилъ, сѣлъ на

одномъ изъ выступовъ фальшиваго крыльца, поглядывая въ сторону воротъ и темнѣющихъ вдали избъ деревенскаго порядка.

XVIII.

Бѣлый головной уборъ мелькнулъ на солнцѣ. Теркинъ поднялся и быстро пошелъ къ воротамъ. Онъ узналъ Калерію.

Она тоже спѣшила къ дому, но его еще не примѣтила изъ-за частокола.

— Ну, что?—запыхавшись спросилъ онъ по ту сторону воротъ.

— Не хорошо, Василій Иванычъ.

— Эпидемія?

Глаза ея тревожно мигали, дыханіе было отъ ходьбы прерывисто, щеки замѣтно поблѣднѣли.

— Жаба... и сильно забираетъ.

— Дифтеритъ?

Слово вылетѣло у него порывисто. Она еще усиленнѣе замигала. Видно было, что она не хочетъ ни лгать, ни смущать его.

— Одинъ мальчикъ до завтра не доживетъ,—выговорила она строго, и голосъ ея зазвучалъ низко, дѣтскія ноты исчезли. Блеснула слезинка.

— Значитъ, дифтеритъ?

— Я только у этихъ Вонифатьевыхъ побывала. Тамъ еще дѣвочка... вся въ жару. Горло захвачено, ноги разбиты. А мнѣ сказывали, что еще въ трехъ дворахъ...

— Но развѣ вы справитесь? Вѣдь надо же дать знать по начальству.

— Я и не ожидала такой неурядицы. Какъ заброшенъ у насъ народъ! Сотскаго нѣтъ — уѣхалъ далеко, на всю недѣлю; десятскаго—и того не добилась. Одни говорятъ—пьянъ, другіе—поѣхалъ въ посадъ, сѣно повезъ на завтрашній базаръ. Урядникъ стоитъ за двадцать-три версты. Послать некого... да онъ и не пріѣдетъ: у нихъ теперь идетъ выколачиваніе недоимокъ.

— А земскій врачъ?

— Въ какомъ-то селѣ,—я забыла, какъ называется, тысячи двѣ душъ тамъ, на самой Волгѣ,—тоже открылось повѣтріе, — она не хотѣла сказать: „эпидемія“, — и еще сильнѣе забираетъ.

— Такое же?

— Сколько я поняла, что̀ говорили бабы, тоже на дѣтей.

— Какъ же быть? Да вы присядьте... Умаялись... Вотъ хоть на эти бревна.

Они оба присѣли. Она правой ладонью руки провела по своимъ волосамъ, выбившимся изъ-за бѣлаго ободка ея чепца.

— Знаете что̀, голубчикъ Василій Иванычъ: бабы ничего не умѣютъ. Пойдемъ къ той женщинѣ... вонъ у людской, которая насъ встрѣтила. Она теперь свободна. Я ей заплачу.

— Забоится, не захочетъ.

— Попробуемъ.

— Хотите, я схожу?

— Нѣтъ, я сама.

Ей не сидѣлось. Они пошли къ домику. Теркинъ палкой постучалъ въ угловое окно и поднялся вмѣстѣ съ Калеріей на крылечко.

Вышла женщина. Калерія объяснила ей, въ чемъ дѣло.

— Хорошія деньги можешь заработать, — прибавилъ Теркинъ.

— Чего Боже сохрани—еще схватишь. Жаба, слышь. У Комаровыхъ мальчонку ужъ свезли на погостъ, третьегось.

— У тебя, матушка, дѣти что ли есть?

— Какъ же, сударь, двое. Я и то ихъ на порядокъ-то не пущаю.

— Десять рублей получишь.

Женщина вскинула рѣсницами и поглядѣла въ бокъ. Посулъ десяти рублей подѣйствовалъ.

— Вы послушайте, — начала Калерія, — васъ я не заставлю цѣлый день около больныхъ дѣтей быть. Лѣкарство снести, передать кому что̀ надо.

— Нѣтъ, сударыня, ослобоните. До грѣха не далеко. Мнѣ свои дѣти дороже.

Она рѣшительно отказалась.

— Ахъ, Боже мой!

Калерія громкимъ вздохомъ перевела дыханіе.

— Пойдемте, Василій Иванычъ... надо же какъ-нибудь.

У воротъ она его остановила.

— Я здѣсь, во всякомъ случаѣ, останусь.

— Какъ, ночевать?

— Ежели не управлюсь... А вы, пожалуйста, меня не

ждите. Сима ужъ навѣрно пріѣхала, безпокоится. Пожалуйста!

— Оставить васъ здѣсь? Это невозможно!

— Полноте! Меня не съѣдятъ.

— По крайней мѣрѣ, мы за вами экипажъ пришлемъ.

— Не нужно!.. Меня кто-нибудь проводитъ. Да я и не заплутаюсь.

— Это невозможно! — почти крикнулъ онъ и покраснѣлъ. — Лѣсомъ чуть не три версты. Я сейчасъ же пришлю, лошадь другую запрягутъ.

— Не важно это, голубчикъ Василій Иванычъ; главное дѣло—дать знать начальству или изъ посада добыть доктора.

— И это сдѣлаемъ!.. Самъ завтра чѣмъ свѣтъ поѣду. Сегодня... туда не угодишь. Теперь ужъ около семи.

— Да есть ли тамъ докторъ?

— Есть. Кажется, цѣлыхъ три; одинъ изъ нихъ и долженъ быть земскій.

— Онъ вѣдь въ томъ селѣ. Остальные не поѣдутъ, пожалуй.

— Настоимъ! Вы-то пожалѣйте себя. Не вздумайте ночевать здѣсь!.. Обѣщайте, что пріѣдете сегодня, ну, хоть къ десяти часамъ.

Онъ держалъ ее за обѣ руки и чувствовалъ во всемъ ея тѣлѣ примѣтное трепетаніе. Съ этимъ трепетомъ и въ его душу проникла нѣжность и умиленное чувство преклоненія. Ничего такого ни одна женщина еще не вызывала въ немъ.

— Родная вы моя!—страстнымъ шопотомъ выговорилъ онъ и съ трудомъ выпустилъ ея руки изъ своихъ.

— Такъ я пойду!.. Въ другіе дворы нужно... Идите, голубчикъ, и не безпокойтесь вы обо мнѣ... Симы тоже не напугайте.

Почти бѣгомъ пересѣкла она луговину по направленію къ колодцу и избѣ Вонифатьевыхъ.

Теркинымъ снова овладѣло возбужденіе, гдѣ тревога за Калерію покрывала всѣ другія чувства. Онъ пошелъ скорымъ шагомъ и въ какихъ-нибудь сорокъ минутъ былъ уже по ту сторону лѣса, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дачи.

Зрѣніе у него было чрезвычайно острое. Онъ искалъ глазами, нѣтъ ли Серафимы на террасѣ... Женской фигуры онъ не замѣчалъ. На дворѣ—никого. Сарай раство-

репъ. Значитъ, барыню привезли уже изъ посада, и кучеръ проваживаетъ лошадей.

Онъ встрѣтилъ его. Тотъ ему пересѣкъ дорогу слѣва: велъ сѣраго подъ-уздцы. Другую лошадь можно сейчасъ же заложить; она больше сутокъ отдыхала.

— Привезъ барыню?—крикнулъ ему Теркинъ.

Кучеръ остановилъ лошадь.

— Только что угодили, Василій Иванычъ. Дюже упарились.

Сѣрый былъ весь въ мылѣ.

— Что жъ ты такъ?

— Да Серафима Ефимовна все погоняли.

— Проваживать отдай Чурилину, онъ справится; а самъ заложи Мальчика и съѣзди сейчасъ же за Калеріей Порфирьевной въ Мироновку. Ты обѣдалъ въ посадѣ?

— Въ харчевушкѣ перекусилъ.

— Ну, поужинаешь позднѣе. Пожалуйста, другъ!

Теркинъ потрепалъ его по плечу. Кучеръ улыбнулся. Вся прислуга его любила.

— А въ Мироновкѣ-то, Василій Иванычъ, гдѣ барышню-то спросить?

— На порядкѣ тебѣ укажутъ. Она по больнымъ ходитъ.

— Слушаю-съ.

Только саженъ за пять, у крыльца, Теркинъ спросилъ себя: какъ онъ отвѣтитъ, если Серафима будетъ допытываться, что̀ за болѣзнь въ Мироновкѣ.

„Скажу просто—жаба“.

Но онъ чего-то еще боялся. Онъ предвидѣлъ, что Серафима не уймется и будетъ говорить о Калеріи въ невыносимо пошломъ тонѣ.

И опять произойдетъ вспышка.

— Гдѣ барыня?—спросилъ онъ у карлика, сидѣвшаго на крыльцѣ.

— Онѣ въ гостиной.

Оттуда доносились чуть слышно заглушенные педалью звуки той же самой унылой мелодіи тринадцатаго ноктюрна Фильда.

„Тоскуетъ и мается“,—подумалъ онъ безъ жалости къ ней, безъ позыва вбѣжать, взять ее за голову, расцѣловать. Ея страданія были вздорны и себялюбивы, вся ея внутренняя жизнь ничтожна и плоскодонна рядомъ съ

тѣмъ, что владѣетъ душой дѣвушки, оставшейся тамъ, на порядкѣ деревни Мироновки, рискуя заразиться.

Дверь была затворена изъ передней. Онъ отворилъ ее тихо и вошелъ, осторожно ступая.

— Это ты?

Серафима продолжала играть, только оглянулась на него.

Онъ прошелъ къ двери на террасу. Тамъ приготовленъ былъ чай.

— Хочешь чаю? — спросила она его, не поворачивая головы.

— Выпью!..

На террасѣ онъ сейчасъ же сѣлъ. Утомленіе отъ быстрой ходьбы отняло половину безпокойства за то: какой разговоръ можетъ выйти между ними. Онъ не желалъ разспрашивать, гдѣ она побывала въ посадѣ, у кого обѣдала. Тамъ и трактира порядочнаго нѣтъ. Развѣ изъ пароходскихъ у кого-нибудь... Такъ она ни съ кѣмъ почти незнакома.

Звуки піанино смолкли. Серафима показалась на порогѣ.

— Ходили въ Мироновку?—спросила она точно совсѣмъ не своимъ голосомъ, очень твердо и спокойно.

— Да... Калерія Порфирьевна тамъ осталась... больныхъ дѣтей осмотрѣть.

— Что жъ? Переночуетъ тамъ?

Этотъ вопросъ Серафима сдѣлала уже за самоваромъ.

— За ней надо лошадь послать,—вымолвилъ Теркинъ также умышленно-спокойно.

Изъ-за самовара ему виденъ былъ профиль Серафимы. Блескъ въ глазахъ потухъ, даже губы казались блѣднѣе. Она разливала чай безъ выдающихъ ее вздрагиваній въ пальцахъ.

— Какая же это болѣзнь въ Мироновкѣ?

— Я самъ не входилъ. Жаба, кажется.

— Жаба, — повторила она и поглядѣла на него въ бокъ.—Дифтеритъ, что ли?

— Почему же сейчасъ и дифтеритъ? — возразилъ онъ и сталъ краснѣть.

Краска выступила у него не потому, что ему непріятно было скрывать правду, но онъ опять сталъ бояться за Калерію.

Въ гостиной заслышались шаги.

— Чурилинъ! Кто тамъ?—крикнулъ онъ.

Карликъ подбѣжалъ къ двери.

— Скажи, чтобы сейчасъ закладывали. Сію минуту!.. И ѣхали бы за барышней!

— Боишься,—начала Серафима, когда карликъ скрылся, — боишься за нее... Какъ бы она не заразилась?.. Ха-ха!

Хохотъ былъ странный. Она встала и вся какъ-то откинулась назадъ, потомъ стала щелкать пальцами.

„Истерика... Такъ и есть!“—подумалъ Теркинъ, и ему стало тошно, но не жаль ея.

Серафима пересилила себя. Истерику она презирала и смѣялась надъ нею.

Она прошлась по цвѣтнику нѣсколько разъ, опять вернулась къ столу и стала прихлебывать съ ложечки чай.

Молчаніе протянулось долгой-долгой паузой.

XIX.

— Послушай, Вася, — Серафима присѣла къ нему близко, — ты меня почему же не спросишь: зачѣмъ я ѣздила въ посадъ и что̀ тамъ дѣлала цѣлый день? А?

— Разскажешь сама.

— Тебѣ это безразлично?

Голосъ ея вздрагивалъ. Зрачки опять заискрились. Губы поалѣли, и въ нихъ тоже чуялась дрожь; въ углахъ рта подергивало. И въ лицо ему вѣяло прерывистое дыханіе, какъ въ минуты самой возбужденной страстности.

— Не безразлично, а что жъ я буду приставать къ тебѣ... Ты и безъ того сама не своя.

— Сама не своя!—повторила Серафима, и ладонь руки ея упала на его колѣни.—Такъ я тебѣ разскажу, зачѣмъ я ѣздила... За снадобьями.

— За какими снадобьями?

Онъ повелъ плечами. Ея тонъ казался ему совершенно неумѣстнымъ, даже дикимъ.

— За какими? Аптекаря соблазняла: не дастъ ли онъ мнѣ чего-нибудь менѣе скверннаго, чѣмъ мышьякъ.

— Сима! Что ты?! Шутки твои я нахожу...

— А ты выслушай. Репримандовъ я не желаю, голубчикъ. Мышьякъ — мерзость. Хорошъ только для крысъ. Также и головки отъ спичекъ. Да нынче такихъ и не дѣлаютъ почти. Все шведскія пошли. Ну, хоть опіуму

побольше, или морфію, или хлоралу, если ціанъ-кали нельзя, или той... какъ бишь, синильной кислоты.

Ноздри ея начали замѣтно вздрагивать. Блескъ глазъ усиливался. Она показалась ему небывало хороша и страшна.

— Сима! Да перестань!..

Его физически рѣзало жуткое ощущеніе отъ ея голоса, словъ, лица.

— Не нравится тебѣ? Потерпи! Я долго томить не буду... Ну, ничего настоящаго я не добыла... Тебѣ, быть-можетъ, это и на руку?.. Кидалась даже къ москательщикамъ... Одинъ меня на смѣхъ поднялъ. Вообразила, что найду другое что̀... такое же дѣйствительное... У часовщика нашла... Самый дамскій инструментъ... Бульдогомъ прозывается.

— Револьверъ?

— А то какъ бы ты думалъ? Тридцать рублей предлагала. Онъ бы и отдалъ, да патроновъ у него нѣтъ. „И нигдѣ здѣсь не достанешь“, говоритъ. Если и найдутся пистолеты, такъ другого калибра. Не судьба! Ничего не подѣлаешь!.. Измаялась я: кучера отпустила въ харчевню, а сама съ утра не пивши, не ѣвши. Забрела на набережную, сѣла на траву и гляжу на воду. Все она — Волга, твоя любимая рѣка. Чего же еще проще? Къ чему тутъ отрава или револьверъ? Взяла лодку или по плотамъ подальше пробралась—бултыхъ!—и все кончено! Чего лучше, чего дешевле?..

Онъ не прерывалъ ея. Тонъ ея дѣлался проще. Было что-то въ ея разсказѣ и чудно̀е, и наводившее на него родъ нервнаго усыпленія, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда ему долго стригли волосы.

— А вышло по-другому... Рѣка-то меня и повернула вспять. Отравляться? Топиться?.. Изъ-за чего? Изъ-за того, что мужчины всѣ до одного предатели и вмѣсто любви знаютъ только игру въ любовь, рисовку свою поганую, да чванство, да новизну: сегодня одна, завтра другая! Нѣтъ! Это мы великосвѣтскимъ барынямъ да шальнымъ дѣвчонкамъ предоставимъ!

Серафима усиленно перевела дыханіе.

— Вотъ тебѣ и весь сказъ, Вася!.. Вотъ черезъ что я перешла, пока вы съ Калеріей Порфирьевной подъ ручку по добрымъ дѣламъ отправлялись. Можетъ, и миловались въ лѣсу,—мнѣ все равно! Слышишь, все равно!

Она сидѣла противъ него все такъ же близко. Теркинъ вышелъ изъ своего полузабытья.

— Если ты серьезно... не дурачишься, Сима...

— Ради Бога, безъ нравоученій!.. Видишь, я, не желая того, ловушку тебѣ устроила! — углы ея рта стало опять подергивать. — Небось ты распозналъ съ первыхъ словъ, что я не побасенки разсказываю, а настоящее дѣло. И что же? Хоть бы слово одно у тебя вырвалось... Одно, единственное!.. Вася!.. Насъ теперь никто не видитъ и не слышитъ. Неужли нѣтъ въ тебѣ настолько совѣсти, чтобы сказать: Серафима, я тебя бросить собираюсь!..

— Кто тебѣ это сказалъ? — вскрикнулъ онъ и оттолкнулъ ее движеніемъ руки.

— Я тебѣ это говорю! Не то что ужъ любви въ тебѣ нѣтъ... Жалости простой! Да я и не хочу, чтобы меня жалѣли... И бояться нечего за меня: смерти больше искать не стану... Помраченье прошло!.. Всѣ, всѣ предатели!

Хохотъ вырвался изъ горла, уже сдавленнаго новымъ приступомъ истерики.

Серафима вскочила и побѣжала черезъ цвѣтникъ въ лѣсъ. Теркинъ не бросился за ней, махнулъ рукой и остался на террасѣ.

Онъ не захотѣлъ догнать ее, обнять или стать на колѣни, тронуть и разубѣдить. Какъ параличомъ поражена была его воля. Онъ не могъ и негодовать, накидываться на нее, осыпать ее выговорами и окриками. За что? За ея безумную любовь? Но всякая любовь способна на безумство... Ему слѣдовало пойти за ней, остановиться и повиниться въ томъ, что онъ не любитъ ея такъ, какъ она его. Развѣ она не увидала этого раньше, чѣмъ онъ самъ?

Въ лѣсу уже стемнѣло. Серафима сразу очутилась у двухъ сосенъ съ сидѣньемъ и пошла дальше, вглубь. Она не ждала за собою погони. Ея „Вася“ погибъ для нея безповоротно. Не хотѣла она ставить ловушку, но такъ вышло. Онъ выдалъ себя. Та — святоша — владѣетъ имъ.

Разсказала она ему про свои поиски яда и пистолета, но про одно умолчала: у заѣзжаго армянина, торгующаго бирюзой, золотыми вещами и кавказскимъ серебромъ, она нашла кинжалъ съ костяной рукояткой, въ родѣ охот-

ничьяго ножа, даже спросила: отточенъ ли онъ. Онъ былъ отточенъ. О себѣ ли одной думала она, когда платила деньги за этотъ ножъ?..

Теперь въ темнотѣ лѣса, куда она все уходила уже задержанной, колеблющейся поступью, она не побоится заглянуть себѣ въ душу...

Ее гложетъ ненависть къ Калеріи, такая, что какъ только она вспомнитъ ея лицо или бѣлый чепчикъ и пелеринку,—дрожь пойдетъ у нея отъ груди къ ногамъ и къ рукамъ, и кулаки сжимаются сами собою. Нельзя имъ больше жить подъ одной крышей. А теперь Калерія, съ этимъ повѣтріемъ ребятъ въ Мироновкѣ, когда еще уѣдетъ? Да и дифтеритъ не приберетъ ея: сперва она ихъ обоихъ заразитъ, принесетъ съ собой на юбкахъ. Уберется она, наконецъ,—все равно, его потянетъ за ней, онъ будетъ участвовать въ ея святошескихъ занятіяхъ. Она все равно утащитъ съ собою его сердце!

„Предатели, предатели!"—шептали запекшіяся отъ внутренняго жара губы Серафимы, и она все дальше уходила въ лѣсъ.

Совсѣмъ стало темно. Серафима натыкалась на пни, въ лицо ей хлестали сухія вѣтви высокихъ кустовъ, кололи ее иглы хвои, она даже не отмахивалась. Въ срединѣ груди ныло, въ сердцѣ нестерпимо жгло, ноги стали подкашиваться. Гдѣ-то на маленькой лужайкѣ она упала какъ снопъ на толстый пластъ хвои, ничкомъ, схватила голову въ руки отчаяннымъ жестомъ и зарыдала, почти завыла. Ее всю трясло въ конвульсіяхъ.

Ни просвѣта, ни опоры, ни въ себѣ, ни подъ собою,—вотъ что заглодало ее, точно предсмертная агонія, когда она послѣ припадка лежала уже на боку у той же сосны и смотрѣла въ чащу лѣса, засинѣвшаго отъ густыхъ сумерекъ. Никакой опоры! Огрывками, въ видѣ очень свѣжихъ воспоминаній годовъ ученья и дѣвичества, уходила она въ свое прошлое. Неужли въ немъ не было ничего завѣтнаго, никакой вѣры, ничего такого, что утишило бы эту бѣшеную злобу и обиду, близкую къ помраченію всего ея существа? Вѣдь ее воспитали и холили; мать души въ ней не чаяла; въ гимназіи всѣ баловали; училась она бойко, книжки читала, въ шестомъ классѣ даже къ ссыльнымъ ходила, тянуло ее во что-нибудь, гдѣ можно голову свою сложить за идею. Но это промелькнуло... Пересилила суетность, купила себѣ мужа—и въ три года образовалась

„пустушка“. Какъ мотылекъ на огонь, ринулась она на страсть. Все положила въ нее... Все! Да что же все-то? Весь пылъ, неутолимую жажду ласки и глупую бабью вѣру въ вѣчность обожанія своего Васи, въ его преклоненіе передъ нею...

И черезъ годъ—вотъ она, какъ звѣрь, воетъ и бьется, готова кидаться какъ бѣсноватая и кусать всѣхъ, душить, рѣзать, жечь.

— Царица небесная! Смилуйся!

Она приподнялась и, сидя на землѣ, опустила голову въ ладони. Нѣтъ, это обмолвка! Вѣры въ ней нѣтъ никакой: ни раскольничьей, ни православной, ни нѣмецкой, ни польской, ни другой какой нынѣшней: толстовской или пашковской... Съ тѣхъ поръ какъ она замужемъ, и въ эти два послѣднихъ года, когда она только жила въ Васю, ни разу, даже у гроба отца своего, она не подумала о Богѣ, о томъ, кто насъ поставилъ на землю, и должны ли мы искать правды и свѣта. Никто вокругъ нея не жилъ въ душу, въ мысль, въ подвигъ, въ милосердіе. Только мать обратилась опять къ божественному; но для нея это—изувѣрство, и смѣшное изувѣрство. Мѣшочекъ съ сухарями, лѣстовки да поклоны съ буханьемъ головы по тысячѣ разъ въ день, да угощеніе пьяныхъ поповъ-разстригъ. Дѣтей нѣтъ, дѣла никакого, народа она не жалѣетъ, теперешняго общества ни въ грошъ не ставитъ, достаточно присмотрѣлась къ его безпутству ипустотѣ...

Что̀ возвратитъ ей любовника? Какое приворотное зелье? Тумана страсти ни на одинъ мигъ не прорвало сознаніе, что въ немъ, въ ея Васѣ, происходитъ броженіе души, и надо его привлекать не однѣми плотскими чарами.

Опять мелькнули въ ея мозгу прозрачное лицо Калеріи и взглядъ ея кроткихъ улыбающихся глазъ. Злоба сдавила горло. Она начала метаться, упавъ навзничь, и разметала руки. Уничтожить разлучницу—вотъ что̀ заколыхало Серафиму и забило ей въ виски молотками.

И когда яростное напряженіе души схватилось за этотъ исходъ, Серафима почувствовала, какъ вдругъ всю ее точно сжало въ комокъ, и она застыла въ сладострастьи кровавой расплаты.

XX.

Стукъ въ дверь разбудилъ Теркина.

Онъ обернулся на окно, завѣшенное шторой. Ему было

невдомёкъ, сколько онъ спалъ; врядъ ли больше двухъ-трехъ часовъ.

— Василій Иванычъ! Батюшка! — послышался дѣтскій шопотъ за дверью.

Говорилъ Чурилинъ.

— Что тебѣ? Войди!

Карликъ въ темнотѣ вкатился—и прямо къ постели.

— Батюшка! Пожалуйте поскорѣе! Страсти какія!

— Пожаръ?

— Барыня, Серафима Ефимовна... онѣ сторожатъ... притаились... что-то съ барышней хотятъ сдѣлать... Кинжалъ я у нихъ видѣлъ...

— Что ты городишь!

Но Теркинъ уже вскочилъ и сейчасъ все вспомнилъ. Легъ онъ, дождавшись Калеріи, въ большомъ волненіи. Она его успокоила, сказала, что мальчикъ еще живъ, а остальныя дѣти съ слабыми формами повѣтрія. Серафима прошла прямо къ себѣ изъ лѣсу. Онъ ее не сталъ ждать и ушелъ наверхъ, и какъ только раздѣлся, такъ и заснулъ крѣпко. Не хотѣлъ онъ новыхъ сценъ и рѣшилъ утромъ рано уѣхать въ посадъ, искать доктора и побывать у мѣстныхъ властей.

— Пожалуйте, пожалуйте!—понукалъ его карликъ.

Теркинъ зажегъ свѣчу и надѣлъ халатъ прямо на ночное бѣлье.

— Говори толкомъ!—грозно крикнулъ онъ.

Чурилинъ, съ блѣднымъ лицомъ и влажнымъ лбомъ, заикаясь, заговорилъ опять шопотомъ:

— Прокрадутся къ барышнѣ, вѣрьте слову... Я васъ и барышню жалѣючи, Василій Иванычъ. Тутъ душегубство будетъ... Пожалуйте, батюшка!

И онъ дергалъ своей ручкой за полы халата, но въ глазахъ его, кромѣ испуга, была твердость воли—захватить покушеніе и уличить Серафиму. Онъ ея не выносилъ и постоянно за ней подглядывалъ.

— Свѣти!—приказалъ ему Теркинъ.

Карликъ покатился впередъ, держа свѣчу. Онъ былъ босикомъ, въ ночныхъ панталонахъ и въ цвѣтной рубашкѣ съ косымъ воротомъ. И Теркинъ въ туфляхъ шагалъ черезъ ступеньку.

— Потише, потише!—пустилъ дѣтскимъ шопотомъ Чурилинъ.

Только что они спустились на площадку, какъ изъ

угловой комнатки, гдѣ спала Калерія, долетѣлъ испуганный возгласъ, а потомъ сдавленный крикъ.

Теркинъ выхватилъ у карлика подсвѣчникъ и побѣжалъ туда. Чурилинъ за нимъ.

У двери, оставшейся не запертой, Теркинъ быстро поставилъ подсвѣчникъ на комодъ и кинулся къ постели; захваченный чувствомъ большой опасности, онъ сразу не могъ разглядѣть въ полутемнотѣ, что тутъ происходитъ.

Новый крикъ,—онъ узналъ голосъ Калеріи,—заставилъ его наброситься на Серафиму, схватить ее сзади за плечи и стремительно отбросить назадъ.

— Такъ ты вотъ какъ!—глухо крикнулъ онъ.

На кровати Калерія въ ночной кофтѣ, съ распущенными волосами, откинулась къ стѣнѣ, спустила ноги и схватилась одной рукой за лѣвое плечо. На бѣльѣ выступила кровь. Она уже не стонала и только другой рукой силилась прикрыться одѣяломъ.

Серафима вырывалась отъ Теркина — на ней былъ пеньюаръ—и правой рукой какъ будто силилась нанести ударъ по направленію къ Калеріи. Вся она дрожала, изъ горла выходилъ хрипъ. Зрачками она тихо поводила, грудь колыхалась, спутанные волосы покрывали лобъ.

— Пусти! Пусти!.. — крикнула она, яростно рванулась какъ разъ къ кровати и упала на одно колѣно.

Карликъ подбѣжалъ къ ней съ другой стороны, схватилъ за свободную руку и повисъ на ней. Теркинъ сталъ выхватывать у Серафимы кинжалъ, вырвалъ съ усиліемъ и поранилъ себя въ промежуткѣ между большимъ и указательнымъ пальцами.

— Василій Иванычъ! Родной!.. За меня!.. Господи!

Калерія вскочила, забывъ про босыя ноги, и мимо Серафимы бросилась къ Теркину.

Онъ успѣлъ уже нагнуться къ Серафимѣ, схватилъ ее въ охапку, пронесъ къ ней въ спальню, куда уже прибѣжала сонная горничная, почти бросилъ на постель, крикнулъ Степанидѣ: „Ступай отсюда!“ — вытолкалъ ее и заперъ дверь на ключъ.

— Батюшка!.. Баринъ!.. Онѣ на себя руки наложатъ!— вся уже въ слезахъ взмолилась Степанида.

— Не наложитъ! Небось! — гнѣвно и жестко крикнулъ онъ. — Только слышишь, — и онъ грозно поглядѣлъ на нее,— ни гу-гу! Боже тебя сохрани болтать!

Къ Калеріи онъ бросился назадъ, уже совсѣмъ овла-

дѣвъ собою, какъ всегда, въ минуты настоящей опасности.

— Голубчикъ! — встрѣтила она его умоляющимъ тономъ,—ради Создателя, не бойтесь вы за меня и не гнѣвайтесь на нее. Ничего! Чистые пустяки! Видите, я сама могла перевязать.

Она уже сидѣла въ постели, и Чурилинъ держалъ передъ ней ея ящичекъ, откуда она уже достала корпію и бинтъ и обматывала себѣ плечо, подмышку. Одинъ рукавъ кофты она спустила, и въ первыя минуты присутствіе Теркина не стѣсняло ея; потомъ она взглянула на него съ краской на щекахъ и выговорила потише:

— На минуточку... пошлите мнѣ Степаниду... Или нѣтъ, я сама...

— А его вамъ оставить? — спросилъ Теркинъ, указавъ головой на карлика.—Я выйду.

— Онъ—ничего!..

Она даже усмѣхнулась, и въ глазахъ у нея не было уже ни страха, ни даже безпокойства.

Теркинъ вышелъ въ коридорчикъ.

— Бьются онѣ тамъ,—доложила ему шопотомъ Степанида, все еще въ слезахъ.— Позвольте, баринъ, хоть воды... спирту...

Изъ спальни раздавался истерическій хохотъ Серафимы.

— Ничего! Пройдетъ! — такъ же жестко выговорилъ онъ, и тутъ только вспомнилъ, что надо припрятать кинжалъ, брошенный на полъ.

„Вещественное доказательство",—подумалъ онъ, вышелъ на заднее крыльцо и присѣлъ на ступеньку.

Ночь пахнула ему въ лицо свѣжестью.

Онъ уже не боялся больше за Калерію и ни чуточки не жалѣлъ Серафимы. Его нисколько не трогало то, что эта женщина пришла въ такое безумство, что покусилась на убійство изъ нестерпимой ревности, изъ обожанія къ нему.

„Распуста!—выговорилъ онъ про себя то самое слово, которое выплыло у него въ лѣсу, когда онъ тамъ, дорогой въ Мироновку, впервые опредѣлилъ Серафиму.—Злоба какая звѣрская! — толпились въ немъ мысленно приговоры. — Хоть бы одна человѣческая черта... Никакой сдержки! Да и откуда?.. Ни Бога, ни правды въ сердцѣ! Ничего, кромѣ своей воли да бабьей похоти!"

Ему какъ будто стало пріятно, что вотъ она теперь въ

его рукахъ. Хочетъ—выдастъ ее судебной власти... Большаго она не заслуживаетъ.

Это проскользнуло только по дну души, и тотчасъ взяло верхъ болѣе великодушное чувство.

„Выпущу завтра—и ступай на всѣ четыре стороны. Дня не останусь съ нею! Калерію Порфирьевну я долженъ оградить первымъ дѣломъ“.

И съ новой горечью и надеждой сталъ онъ думать о томъ, что безъ нея, безъ соблазна, пошедшаго отъ этой именно женщины, никогда бы онъ не замаралъ себя въ собственныхъ глазахъ участіемъ въ утайкѣ денегъ Калеріи и не пошелъ бы на такой неблаговидный заемъ.

„Подлость какая! — чуть не вскричалъ онъ вслухъ. — Ограбить дѣвушку, оскорблять ее заочно, ни за что, ни про что, ее возненавидѣть, да еще полѣзть рѣзать ей горло ножомъ сонной, у себя въ домѣ!..“

Тутъ только наплывъ нѣжной заботы къ Калеріи охватилъ его. Его умиленіе передъ этой дѣвушкой „не отъ міра сего“ вызвало тихія слезы, и онъ ихъ не сдерживалъ.

— Баринъ!—раздался сзади возбужденный шопотъ Чурилина,—барышня васъ просятъ къ себѣ.

— Легли опять въ постель?

— Да-съ. И сами себя перевязали. Я диву дался...

Карликъ считалъ себя немножко и фельдшеромъ. Ловкость Калеріи привела его въ изумленіе.

Теркинъ перебѣжалъ коридорчикъ.

— Безцѣнная вы моя!

Онъ спустился на колѣни подлѣ кровати и прильнулъ губами къ кисти пораненной руки, лежавшей поверхъ одѣяла.

Калерія прислонилась къ подушкѣ и заговорила тихо, сдерживая слезы:

— Ради Создателя, Василій Иванычъ, простите вы ей! Это она въ безуміи. Истерика! Вы не знаете, вы — мужчина. Надо съ мое видѣть. Вѣдь она истеричка, это несомнѣнно... Прежде у нея этого не было. Нажила... Не оставляйте ее тамъ взаперти. Пошлите Степаниду... Я и сама бы... да это еще больше ее разстроитъ. Навѣрно съ ней галлюцинаціи бываютъ въ такихъ припадкахъ.

— Никакой тутъ болѣзни нѣтъ,—прервалъ онъ.—Просто злоба да... звѣрство!

— Голубчикъ! Она васъ до сумасшествія любитъ. Что жъ

это больше, скажите вы сами?.. Мнѣ такъ прискорбно.. Внесла сюда раздоръ... Я рада-радёхонька буду уѣхать хоть завтра... да мнѣ васъ обоихъ до смерти жалко. Помирить васъ я должна... Непремѣнно!

— Пускай она своей дорогой идетъ!

— Не берите грѣха на душу! Она — ваша подруга. Бракъ—великая тайна, Василій Иванычъ. Простите.

— И вы за кого просите! Не стòитъ она вашего мизинца!

— Подите къ ней, приласкайте... Вѣдь у меня чистый пустякъ... Завтра и боль-то вся пройдетъ... Я въ Мироновку на весь день уйду.

— Воля ваша,—выговорилъ онъ, все еще стоя у кровати,—не могу я къ ней идти... Горничную пущу. Больше не требуйте отъ меня... Ахъ вы!.. Вотъ передъ кѣмъ надо дни цѣлые на колѣняхъ стоять!

— Чтò вы, чтò вы!.. Голубчикъ!

Она махнула рукой и тотчасъ отъ боли чуть слышно заныла.

— Милая!.. Гоните меня!.. Почивайте!.. Вѣрьте,—слезы не позволили ему сразу выговорить, — вѣрьте... Василій Теркинъ до послѣдняго издыханія вашъ, вашъ... какъ вѣрный песъ!..

Онъ выбѣжалъ и крикнулъ въ коридорѣ:

— Степанида! Можете идти къ барынѣ. Ключъ въ дверяхъ.

XXI.

Ни одной минуты не смущала Теркина боязнь, какъ бы Серафима „не наложила на себя рукъ“. Онъ спалъ крѣпко, проснулся въ седьмомъ часу, и когда спросилъ себя: „какъ же съ ней теперь быть?“—на сердцѣ у него не дрогнуло жалости. Прощать ей онъ не хотѣлъ, именно *не хотѣлъ*, а не то, что не могъ... И жить онъ съ ней не будетъ, пускай себѣ ѣдетъ на всѣ четыре стороны.

Первая его забота была о Калеріи. Навѣрно, ее лихорадитъ. Испугъ, потрясеніе, да и рана все-таки есть, хотя и не опасная.

Тихо и поспѣшно онъ одѣлся, приказалъ заложить лошадь и, не спросивъ Степаниду, попавшуюся ему на заднемъ крыльцѣ, какъ почивала „барыня“, сейчасъ же послалъ ее узнать, встала ли Калерія Порфирьевна, не угодно ли ей чего-нибудь, и можетъ ли она принять его.

Серафима еще спала и проснулась не раньше восьми.

Въ комнату Калеріи, гдѣ шторы были уже подняты, онъ вошелъ на цыпочкахъ, затаивъ дыханіе. Сердце билось замѣтно для него самого.

— Какъ вы себя чувствуете?

Онъ остановился у двери. Калерія уже сидѣла около туалетнаго столика, одѣтая, немного блѣдная, но бодрая.

— Пустяки сущіе, Василій Иванычъ... А Сима почиваетъ?—спросила она шопотомъ.

— Кажется... Все-таки, — перебилъ онъ себя другимъ тономъ,—нельзя же безъ доктора.

— Для кого? Для нея?

— Для васъ, родная!

— Пожалуйста... Мнѣ можете вѣрить... Я не мало, чай, ранъ перевязывала! Это — просто царапина. Еще бы немножко іодоформу, если найдется.

Она встала, подошла къ нему и правой рукой — лѣвая была на перевязи—взяла его за руку.

— Въ Мироновку-то, голубчикъ, привезти кого... Ужъ я не знаю: не поѣхать ли мнѣ сначала въ посадъ?

— Съ какой стати? Что̀ вы! — чуть не крикнулъ Теркинъ. — Я поѣду... сейчасъ же... Только въ ножки вамъ поклонюсь, голубушка,—онъ впервые такъ ее назвалъ,— не ѣздите вы сегодня въ Мироновку!

— Я пѣшкомъ пойду!

— Не позволю я вамъ этого!

— Да полноте, Василій Иванычъ, — выговорила она строже. — Я здорова! А тамъ мрутъ ребятишки. Право, пустите меня въ посадъ. Я бы туда слетала и въ Мироновку поспѣла...—Она понизила опять звукъ голоса.— Останьтесь при Симѣ. Какъ она еще будетъ себя чувствовать?

— Какъ знаетъ!

— Василій Иванычъ! Грѣхъ! Большой грѣхъ! Вѣдь она не вамъ хотѣла зло сдѣлать, а мнѣ

— Вы—святая!

— Съ по̀лочки снята̀я!..

Она тихонько усмѣхнулась.

— Я не могу за ней ухаживать, не могу! Это лицемѣріе будетъ,—съ усиліемъ выговорилъ Теркинъ и опустилъ голову.

— Знаете что̀... Прикажите меня довезти до Миронов-

ки, а сами побудьте здѣсь. Только, пожалуй, лошадь-то устанетъ... потомъ въ посадъ...

— Ничего не значитъ! Туда и назадъ десяти верстъ нѣтъ. У насъ вѣдь двѣ лошади!

— Я духомъ... Чаю мнѣ не хочется... Я только молока стаканъ выпью.

Ему вдругъ стало по-дѣтски весело. Онъ точно совсѣмъ забылъ, что̀ случилось ночью, и кто лежитъ тамъ, черезъ коридоръ.

— Въ посадѣ я мигомъ всѣхъ объѣзжу... Запишите мнѣ на бумажкѣ—что̀ купить въ аптекѣ и для себя и для больныхъ.

И тутъ опять страхъ за нее кольнулъ его.

— Калерія Порфирьевна, — онъ взялъ ее за здоровую руку,—не засиживайтесь вы тамъ... въ избахъ... Вѣдь это заразная болѣзнь.

— Дѣтская!

— Подумайте... сколько у васъ впереди добра... къ чему же такъ рисковать?

— Хорошо, хорошо!

— Ну, простите... Вамъ сюда подать молоко?

— Все равно!

И уходить ему не хотѣлось отъ нея.

Когда онъ очутился въ коридорчикѣ и увидалъ Чурилина, тревожно и преданно вскинувшаго на него круглые, огромные глаза свои, мысль о Серафимѣ отдалась въ немъ душевной тошнотой.

— Стаканъ молока и хлѣба подать барышнѣ, сію минуту!

Онъ приказалъ это строго, и карликъ понялъ, что ему слѣдуетъ „держать языкъ за зубами“ насчетъ вчерашняго.

Въ домѣ Теркину не сидѣлось. Онъ понукалъ кучера поскорѣе закладывать, потомъ узнавалъ, подаютъ ли Калеріи Порфирьевнѣ молоко; когда къ крыльцу подъѣхало тильбюри, онъ самъ пошелъ доложить ей объ этомъ и еще разъ просилъ, съ замѣтнымъ волненіемъ въ лицѣ, „быть осторожнѣе, не засиживаться въ избахъ“.

Калерія уѣхала и, садясь въ экипажъ, шепнула ему:

— Пожалѣйте ее, голубчикъ... Совѣтъ да любовь!

Любимая ея поговорка осталась у него въ ушахъ и раздражала его.

„Совѣтъ да любовь!—повторялъ онъ про себя.—Нешто это возможно?..“

Онъ уже не скрывалъ отъ себя правды. Любви въ немъ не было, даже просто жалости, какъ ему еще вчера сказала Серафима на террасѣ... Не хотѣлъ онъ и жалѣть... Вся его страсть казалась ему чѣмъ-то грубо-плотскимъ.

„Всѣ такія—самки и больше ничего“...

И чего онъ ждалъ? Почему не уѣхалъ съ Калеріей? Зачѣмъ поддался ея просьбамъ? Вѣдь онъ могъ бы домчать ее до деревни и сейчасъ же назадъ, и отправиться въ посадъ на той же лошади... Сегодня сильной жары не будетъ. Только бы ему не видѣться до вечера съ Серафимой.

Не хотѣлъ онъ этого не потому, что трусилъ ея. Чего ему ея трусить? Но онъ такъ сталъ далекъ отъ нея, что не найдетъ въ себѣ ни одного добраго слова, о какомъ просила его Калерія. Притворяться, великодушничать онъ не будетъ. Если бъ она и разливалась, ревѣла, кляла себя и просила пощады,—и тогда бы сердце его не раскрылось... Это онъ предчувствовалъ.

Степанида показалась передъ нимъ, когда онъ хотѣлъ подниматься наверхъ.

— Барыня васъ просятъ,—проговорила она шопотомъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ и тотчасъ не повернулъ назадъ, а взбѣжалъ къ себѣ, подошелъ къ зеркалу и поправилъ щеткой волосы.

Ему хотѣлось поглядѣть себѣ въ лицо — нѣтъ ли въ немъ явнаго разстройства. Онъ желалъ войти къ ней вполнѣ овладѣвъ собою. Лицо было серьезное, немного жесткое, безъ особенной блѣдности или румянца. Онъ остался имъ доволенъ и медленно спустился по ступенькамъ лѣсенки.

Серафима ходила по спальнѣ въ своемъ батистовомъ пеньюарѣ и съ фуляромъ на головѣ. Въ комнатѣ стоялъ дорожный сундукъ съ отомкнутой крышкой.

— Василій Иванычъ,—встрѣтила она его окликомъ, гдѣ онъ заслышалъ совсѣмъ ему незнакомые звуки,—вы меня вчера запереть хотѣли... какъ чумную собачонку... Что жъ! Вы можете и теперь это сдѣлать. Я въ вашихъ рукахъ. Извольте, коли угодно, посылать за урядникомъ, а то такъ ѣхать съ доносомъ къ судебному слѣдователю... Чего же со мной деликатничать? Произвела покушеніе на жизнь такого драгоцѣннаго существа, какъ предметъ вашего преклоненія...

Лицо ея за ночь пожелтѣло, глаза впали и медленно двигались въ орбитахъ. Она дышала ровно.

— Серафима Ефимовна, — отвѣтилъ онъ ей въ тонъ и остался за кроватью, ближе къ двери, — все это лишнее, что̀ вы сейчасъ сказали... Ваше безумное дѣло при васъ останется. Когда нѣтъ въ душѣ никакой задержки...

Однимъ скачкомъ она очутилась около него, и опять порывистое дыханіе—предвѣстникъ новой бури—пахнуло ему въ лицо.

— Безъ нравоученій!.. Я за тобой послала вотъ зачѣмъ: не хочу я дня оставаться здѣсь. Доноси на меня, вяжи, коли хочешь,—наши съ тобой счеты кончены...

И такъ же порывисто она подбѣжала къ столу, вынула изъ ящика пакетъ и бросила на столъ, гдѣ лежали разныя дамскія вещи.

— Вотъ калерькины деньги, не надо мнѣ... Сколько истрачено изъ нихъ — мы вмѣстѣ съ тобой тратили... И вексель твой тутъ же. Теперь тебѣ нечего выдавать документъ, можешь безпрепятственно пользоваться. Небось! Она съ тебя взыскивать не будетъ! Дѣло извѣстное, кто въ Альфонсы поступаетъ...

Онъ не далъ ей договорить, схватилъ за руку и, задыхаясь отъ внезапнаго наплыва гнѣва, отшвырнулъ отъ стола.

Еще одинъ мигъ—и онъ не совладалъ бы съ собою и сталъ бы душить ее: до такой степени пронизала его ярость.

— Подлая, подлая женщина!—съ трудомъ разѣвая ротъ, выговорилъ онъ и весь трясся.—Ты посмѣла?..

— Что̀ посмѣла? Альфонсомъ тебя назвать?.. А то кто же ты?

— Ты же меня подтолкнула... И ты же!..

Онъ не находилъ словъ. Такая „тварь“ не заслуживала ничего, кромѣ самыхъ мужицкихъ побоевъ. И чего онъ деликатничалъ? Самъ не хотѣлъ рукъ марать? И этого она не оцѣнитъ.

— Ежели ты сейчасъ не замолчишь,—крикнулъ онъ,—я тебя заставлю!

Въ одно мгновеніе Серафима подставила свое лицо съ трепетными ноздрями прямо къ его лицу.

— Бей!.. Бей!.. Чего же ждать отъ тебя, мужицкаго подкидыша...

Она могла обозвать его однимъ изъ тѣхъ прозвищъ,

что̀ бросали ему въ дѣтствѣ! Въ глазахъ у него помутилось... Но рука не поднялась. Ударить онъ не могъ. Эта женщина упала въ его глазахъ такъ низко, что чувство отвращенія покрыло все остальное.

— Рукъ о тебя марать... не сто̀итъ, — выговорилъ онъ то, что̀ ему подумалось двѣ минуты передъ тѣмъ. — Не ты уходишь отъ меня, а я тебя гоню,—слышишь—гоню, и счастливъ твой Богъ, что я тебя дѣйствительно не передалъ въ руки прокурорской власти! Такихъ надо запирать, какъ бѣсноватыхъ!.. Чтобъ сегодня же духу твоего не было здѣсь!

Все это вылетѣло у него стремительно, и пять минутъ спустя онъ уже не помнилъ того, что̀ сказалъ. Одно его смутно пугало: какъ бы не дойти опять до высшаго припадка гнѣва и такой же злобы, какая у нея была къ Калеріи, и не задушить ея руками тутъ же, среди бѣла дня.

Онъ вышелъ, шатаясь. Голова кружилась, въ груди была острая, колющая боль. И на воздухѣ,—онъ попалъ на крыльцо, — онъ долго не могъ отдышаться и притти въ себя.

XXII.

Въ господскихъ комнатахъ дачи все было безмолвно. Пятый день пошелъ, какъ Серафима уѣхала и взяла съ собою Степаниду. Ея вещи отвезли на подводѣ.

Со вчерашняго дня карликъ Чурилинъ поджидаетъ возвращенія „барина“. Теркинъ заночевалъ въ посадѣ и долженъ вернуться послѣ обѣда. „Барышня“ въ Мироновкѣ. Она тоже раньше вечера не угодитъ домой.

Чурилинъ теперь одинъ завѣдуетъ всѣмъ. Кухарка у себя на кухнѣ, въ особомъ флигелькѣ. Онъ даже и постель стелетъ Калеріи Порфирьевнѣ. Сегодня онъ стола не накрывалъ къ обѣду; къ шести часамъ онъ началъ все готовить къ чаю, съ холодной закуской, на террасѣ, безпрестанно переходя туда изъ буфета и обратно. Ему привольно. Нѣтъ надъ нимъ недружелюбнаго глаза Серафимы Ефимовны. Дождалась она того, что ее „спустили“. Онъ про себя перебираетъ все, что̀ случилось на дачѣ, но не болтаетъ ни съ кѣмъ. Кухарка, должно-быть, провѣдала что-нибудь отъ Степаниды и начала его разспрашивать. Онъ на нее зарычалъ:

— Бабьи пересуды! Ничего я не знаю!.. И ты не судачь!

Кухарка, женщина простая и боязливая, стала его бояться. Онъ теперь первое лицо въ домѣ, и баринъ его любитъ.

Чурилинъ въ радостномъ возбужденіи такъ и катается по комнатамъ; потный лобъ у него блеститъ, и пылающія пухлыя щеки вздрагиваютъ.

Отъ душевнаго возбужденія онъ не устоялъ — выпилъ тайкомъ рюмку водки изъ барскаго буфета. Онъ это и прежде дѣлалъ, но въ глубокой тайнѣ... Своей „головы" онъ самъ боялся. За нимъ водилось, когда онъ жилъ въ цырюльнѣ, „рѣдко да мѣтко" заложить за галстукъ, и тогда нѣтъ его буйнѣе: на всѣхъ лѣзетъ, въ глазахъ у него все красное... На ножъ полѣзетъ, какъ ни что! И связать его не сразу удастся.

Онъ поставилъ на столъ бутылку съ хересомъ и графинчикъ водки, отошелъ отъ стола шага на два, полюбовался, какъ у него все хорошо стоитъ, и его потянуло выпить рюмку... Не поддался онъ искушенію... Нѣсколько разъ возвращался на террасу съ чѣмъ-нибудь... Но все уже приготовлено... Самоваръ поставленъ на крыльцѣ кухни.

— Подлость!—вслухъ выговорилъ Чурилинъ, зажмурилъ глаза и укатилъ съ балкона.

Василій Иванычъ его такъ „уважаетъ" и полное ему довѣріе оказываетъ, а онъ будетъ водку воровски пить, да еще „нарѣжется", когда теперь-то и слѣдуетъ ему „оправдать" себя въ глазахъ такого чудеснаго барина.

Онъ привязался къ Теркину какъ собака. Прогони его сейчасъ—онъ не выдержитъ, запьетъ, можетъ, и руки на себя наложитъ. Всей душой стоялъ онъ за барина въ исторіи съ Серафимой Ефимовной. Кругомъ она виновата, и будь онъ самъ на мѣстѣ Василія Иваныча, онъ связалъ бы ее и выдалъ начальству... „Развѣ можно спущать такое дѣло бабѣ?"—спрашиваетъ онъ себя уже который разъ съ той ночи и отвѣчаетъ неизмѣнно:—„Спущать не слѣдуетъ".

Вмѣсто того, чтобы повиниться и вымолить себѣ прощеніе, она — на-ко, поди! — начала какія „колѣна выкидывать"! И уѣхала-то „съ форсомъ", къ Калеріи Порфирьевнѣ не пошла, не просила у нея прощенія, а та

разливалась-плакала,—онъ видѣлъ въ дверь, какъ та за нее же убивалась.

Онъ припряталъ кинжалъ, который баринъ вырвалъ въ ту минуту изъ рукъ Серафимы Ефимовны, и у него было такое чувство, точно онъ, именно онъ, Чурилинъ, имѣетъ противъ нея самую главную улику и можетъ всегда уличить ее. Баринъ про кинжалъ такъ и не спросилъ, а на лезвеѣ кровь запеклась, кровь барышни.

„Барышня“ наполняла его маленькое существо умиленіемъ. Онъ ее считалъ „угодницей“. Съ дѣтства онъ былъ очень богомоленъ и даже склоненъ къ старой вѣрѣ. Она для него была святѣе всякой „монашки“ или простой „чернички“.

Ему хотѣлось проникнуть въ то, что̀ теперь происходитъ или можетъ произойти „промежъ“ Василія Иваныча и Калеріи Порфирьевны. За барина онъ ручался: къ своей недавней „сударкѣ“ онъ больше не вернется... Шалишь! Положимъ, она собою „краля“, да онъ къ ней охладѣлъ. Еще бы—послѣ такого съ ея стороны „невѣжества“. Этакая шалая баба и его какъ разъ зарѣжетъ. Удивительно, какъ еще она и на него самого не покусилась.

Чего бы лучше вотъ такую дѣвушку, какъ Калерія Порфирьевна, взять въ „супруги“?

Карликъ замѣчалъ, что у барина къ ней большое влеченіе. Отъ его дѣтскихъ круглыхъ глазъ не укрылось ни одно выраженіе лица Теркина, когда онъ говорилъ съ Калеріей, бралъ ея руку, встрѣчалъ и провожалъ ее... Только онъ не могъ отвѣтить за барина, какое влеченіе имѣетъ онъ къ ней: „по плоти“ или „по духу“.

Она сама Христовой невѣстой смотритъ, и не къ замужеству ее тянетъ. Однако, почему бы ей и не стоять предъ аналоемъ съ такимъ молодцомъ и душевнымъ человѣкомъ, какъ Василій Иванычъ? Если бъ онъ, Чурилинъ, могъ этому способствовать,—сейчасъ бы онъ ихъ окрутилъ, да не вокругъ „ракитова куста“, какъ было дѣло у барина съ Серафимой Ефимовной, а какъ слѣдуетъ въ законъ вступить.

Волновался онъ и насчетъ того, какъ барышня сама себя чувствуетъ и понимаетъ здѣсь, на дачѣ... Ей, должно-быть, жутко. Она вѣдь барину совсѣмъ чужая. Изъ-за нея случилось такое дѣло. И выходитъ, на посторонній взглядъ, точно она сама этого только дожидалась и желаетъ его

довести до точки, влюбить въ себя и госпожой Теркиной очутиться.

„Не таковская!“ — задорно повторялъ про себя Чурилинъ, и если бъ кто изъ прислуги, кухарка или кучеръ, сказали при немъ что-нибудь въ этомъ родѣ, онъ драться полѣзетъ.

„Нѣтъ, не таковская!“ И ему пріятно было ручаться за нее, вѣрить, что Калерія Порфирьевна не чета той, „бѣсноватой“.

Но коли она не имѣетъ никакихъ видовъ на барина, здѣсь ей изъ-за чего же заживаться? Выходитъ не совсѣмъ какъ бы ладно. Она—дѣвушка посторонняя, а баринъ—молодой, да еще красивый мужчина. Ежели ее что удерживаетъ—такъ мироновскіе больные ребятишки и жалость къ Василію Иванычу. Не желаетъ она его оставить въ большомъ разстройствѣ. Въ Мироновкѣ двое, никакъ, умерло изъ ребятишекъ; поди, затянется... А она не таковская, чтобы бросить или испугаться. И все одна. Изъ посада докторъ пріѣзжалъ; однако, не остался тамъ ночевать, прислалъ фельдшера, да и тотъ,—Чурилинъ это слышалъ, какъ Калерія Порфирьевна сокрушалась,—норовитъ, какъ бы ему „стречка задать“.

За нее Чурилинъ почему-то не боялся, что она можетъ опасно заболѣть. Неужли Богъ допуститъ, чтобъ такая душа вдругъ „преставилась“—въ награду за ея христіанское поведеніе?..

Уѣдетъ Калерія Порфирьевна—и баринъ здѣсь дня не выживетъ, дачу сдастъ, все перевезетъ въ посадъ и пойдетъ кататься по Волгѣ; можетъ, и совсѣмъ переберется изъ этихъ краевъ...

Будетъ ли его брать съ собою или скажетъ:

„Чурилинъ, ты мнѣ, братъ, не нуженъ. Я теперь самъ бобылемъ сталъ: ищи себѣ другого барина!“

Внутри у карлика захолодѣло. Онъ кинется въ ноги Василію Иванычу,—пускай возьметъ, хоть безъ жалованья, только бы не гналъ его.

Незамѣтно для себя, его большая голова дошла до такого ужаснаго вывода. Неужели Серафимой Ефимовной и держалась вся здѣшняя жизнь и его служба, а барышня, при всей своей святости, принесла разгромъ?

Этотъ вопросъ захватилъ его врасплохъ, и такъ ему стало жутко—впору пробраться на балконъ и отхлебнуть изъ графинчика: авось, отойдетъ.

Но онъ воздержался во второй разъ и побѣжалъ въ кухню узнать, какъ самоваръ, раздула ли кухарка уголья, какъ слѣдуетъ; она—рохля, и у нея всегда самоваръ пахнетъ.

Только что онъ перебѣжалъ къ крылечку кухни, какъ со стороны параднаго крыльца заслышался негромкій шумъ экипажа.

Чурилинъ бросился туда встрѣчать барина. Это онъ особенно любилъ: тянулся къ крылу тильбюри, принималъ покупки, начиналъ громко сопѣть.

И баринъ, и кучеръ были оба въ пыли. Теркинъ прикрывался холщевой крылаткой. Лицо у него показалось Чурилину строже обыкновеннаго; но онъ спросилъ его довольно мягко:

— Барышня еще не воротилась?

Особенно звонко выпалилъ Чурилинъ:

— Никакъ нѣтъ, Василій Иванычъ.

Пакетовъ и коробокъ никакихъ не было.

Теркинъ спустился съ подножки и сказалъ кучеру.

— Хорошенько проводи!

О лошадяхъ онъ всегда заботился, и за эту черту Чурилинъ „уважалъ“ его, говаривалъ: „скоты милуетъ“, помня слова священнаго писанія.

— Умыться прикажете?—спросилъ онъ.

— Еще бы!

Онъ силился стянуть съ барина полотняный плащъ и побѣжалъ впередъ съ балкона. Ему хотѣлось сегодня усердствовать... Будь онъ посмѣлѣе, онъ вступилъ бы съ бариномъ въ разговоръ и постарался бы вывѣдать: почему у него видъ „смутный“.

Должно-быть, та „бѣсноватая“ что-нибудь натворила; пожалуй, скандалъ произвела?

Умывался Василій Иванычъ одинъ, но на этотъ разъ онъ допустилъ его до рукомойника, и Чурилину было такъ отрадно, стоя вровень со столикомъ, поливать ему голову.

— Такъ и къ обѣду не бывала Калерія Порфирьевна?— спросилъ Теркинъ, когда карликъ подавалъ ему полотенце.

— И къ обѣду не бывали.

— А какъ слышно: все забираетъ тамъ?

— Доподлинно не слыхалъ, Василій Иванычъ.

Онъ зналъ, что вчера еще умерла дѣвочка, но не хотѣлъ смущать барина.

— Ты не врешь?

— Ей-ей!

„Ложь во спасеніе!“—подумалъ Чурилинъ и доложилъ, что самоваръ готовъ.

XXIII.

Въ лицѣ Калеріи проступала сильная усталость. Теркинъ взглядывалъ на нее тревожно и боялся спросить, какъ „забираетъ“ въ Мироновкѣ.

Калерія выпила чашку, отставила и лѣниво выговорила:

— Совсѣмъ не хочется пить.

Голосъ у нея звучалъ гораздо ниже обыкновеннаго и съ легкой хрипотой.

— Ухо̀дите вы себя, голубушка, — порывисто выговорилъ онъ и еще тревожнѣе оглядѣлъ ее.

— Нѣтъ, сегодня у меня не особенно много было дѣла... Теперь лучше идетъ.

— Однако, сколько снесли на погостъ?

— Всего трое умерло... Вчера одна дѣвочка... Такъ жалко!

Она сдержала слезы и отвернулась.

— Обо мнѣ что̀...—начала она, мѣняя тонъ,—здѣсь у меня другое на душѣ.

— Объ насъ сокрушаетесь, небось? Такъ это напрасно! Чего разбирать, Калерія Порфирьевна? Никто ни въ чемъ не виноватъ! Каждый въ себѣ носитъ свою кару и свое оправданіе.

Съ отъѣзда Серафимы они еще ни разу не говорили объ „исторіи“. Теркинъ избѣгалъ такого объясненія, не хотѣлъ волновать ее, боялся и еще чего-то. Онъ долженъ былъ бы повиниться ей во всемъ, сказать, что съ пріѣзда ея охладѣлъ къ Серафимѣ. А если доведетъ себя еще до одного признанія? Какого? Онъ не могъ отвѣтить прямо. Съ каждымъ часомъ она ему дороже, — онъ это чувствовалъ... И говорить съ ней о Серафимѣ дѣлалось все противнѣе.

Серафима чуть не выгнала Калеріи, когда та пришла къ ней, вся въ слезахъ, со словами любви и прощенія... И его она въ первый день принималась нѣсколько разъ упрашивать за свою „злодѣйку“.

— Неужли такъ все у васъ и порвано?—спросила Калерія и поникла головой.

Ей замѣтно нездоровилось.

— Я готовъ исполнить что нужно... позаботиться о судьбѣ ея.

— Эхъ, голубчикъ! Это на васъ не похоже. Вѣдь она не за деньги сошлась съ вами.

— Я этого не говорю!

— Бросите вы ее... она погибнетъ. Помяните мое слово.

— Что жъ мнѣ дѣлать?—почти крикнулъ онъ и всталъ со стула.—Я не могу напускать на себя того, чего нѣтъ во мнѣ. Ну, любилъ и привязался бы, быть-можетъ, на всю жизнь... На женитьбу пошелъ бы раньше. Но одной красоты мало, Калерія Порфирьевна. Вы говорите: она безъ меня погибнетъ! А я бы съ ней погибъ... Во мнѣ двѣ силы борются: одна хищная, другая душевная. Вамъ я какъ на духу покаюсь.

Онъ круто повернулся и опять подсѣлъ къ ней. Ему вдругъ стало легко и почти радостно отъ этихъ словъ. Потребность новой исповѣди передъ ней назрѣла. Ничего уже онъ не боялся, никакой обмолвки...

— Погибъ бы я съ ней! У Серафимы въ душѣ Бога нѣтъ!.. Я и самъ въ праведники не гожусь... Жилъ я вдалекѣ отъ помысловъ о божескомъ законѣ... На такихъ, какъ вы, мнѣ стыдно смотрѣть... Но во мнѣ, благодаря Создателю, нѣтъ закоренѣлости. И я почуялъ, что сожительство съ Серафимой окончательно превратило бы меня въ звѣря.

— Какъ вы жестоки къ ней!—тихо вырвалось у Калеріи.

— Нѣтъ, ей-ей, не жестокъ!.. И вѣрьте мнѣ, родная, я не хочу прикрывать такимъ приговоромъ собственную дрянность. Она кричала здѣсь: „всѣ мужчины — предатели!“ Въ томъ числѣ и я, первый... Что жъ... Ко мнѣ она прилѣпилась... Плотью или сердцемъ—это ея дѣло... Я не стану разбирать... Я ей былъ дороже, чѣмъ она мнѣ,—каюсь. И сталъ я распознавать это еще до пріѣзда вашего. На ярмаркѣ, въ Нижнемъ, встрѣтился я съ одной актрисой... когда-то ухаживалъ, былъ даже влюбленъ. Теперь она совсѣмъ свихнулась и вдобавокъ пьянчужка, по собственному сознанію, а съ ней у меня чуть не дошло...

Онъ остановился и покраснѣлъ. Это признаніе вылетѣло у него легко, но тотчасъ же испугало... Ему совѣстно было поднять глаза на Калерію.

— Вотъ видите, Василій Иванычъ... Вы повинились ли ей?

— Нѣтъ, скрылъ, и это скверно, знаю! Но тогда-то я

я догадался, что сердцемъ моимъ она уже не владѣетъ, не трогаетъ меня, нѣтъ въ ней чего-то особеннаго,— онъ чуть-было не обмолвился: „того, что̀ въ васъ есть“. — Если бъ не ея ревность и не нашъ разрывъ, я бы жилъ съ ней, даже и въ законномъ бракѣ, безъ высшей душевной связи, и всякому моему хищничеству она стала бы поблажать. Васъ она всегда ненавидѣла, а здѣсь впервые почуяла, что ей нельзя съ вами тягаться.

— Въ чемъ, голубчикъ?

Щеки его запылали. Онъ смѣшался и могъ только выговорить:

— Ни въ чемъ нельзя... кромѣ чувственной прелести. А прелесть эта на меня уже не дѣйствовала.

Онъ смолкъ и глубоко перевелъ духъ. Калерія, блѣдная и съ поблеклымъ взглядомъ, вся сгорбилась и приложила ладонь къ головѣ: ей было не по себѣ — въ головѣ начиналась тяжесть и въ ребрахъ ныло; она перемогалась.

— Любовь все можетъ пересоздать, Василій Иванычъ... Какъ умѣла, она любила васъ... Пожалѣйте ее, Христа ради! Вѣдь она человѣкъ, а не звѣрь...

— Я ей простилъ... Да и какъ не простить, коли вы за нее такъ сокрушаетесь? Вы! Не меня она собралась со свѣту убрать, а васъ! Ея ни прощеніе, ни жалость не передѣлаетъ... Настоящая-то ея натура дала себя знать. Будь я воспитанъ въ строгомъ благочестіи, я бы скорѣе схиму на себя надѣлъ, даже и въ мои годы, но веригъ брачнаго сожительства съ нею не наложилъ бы на себя!

Теркинъ схватилъ ея руку,—она уже сняла съ нея перевязку,—и придержалъ ее въ своихъ рукахъ.

— Калерія Порфирьевна! Нѐшто мнѣ не страшно было каяться вотъ сейчасъ? Вѣдь я себя показалъ вамъ безъ всякой прикрасы... Вы можете отшатнуться отъ меня... Это выше силъ моихъ: любви нѣтъ, вѣры нѣтъ въ душу той, съ кѣмъ судьба свела... Какъ же быть?... И меня пожалѣйте! Родная...

Губы его прильнули къ прозрачной рукѣ Калеріи. Рука была горячая и нервно вздрагивала.

— Не цѣлуйте!.. Голубчикъ! Василій Иванычъ... За что? Да и боюсь я...

— Чего?

— Отъ меня еще прикинется къ вамъ болѣзнь... Знаете...

сколько ни умывай руки... все есть опасность... Особенно тамъ, въ избахъ.

И, спохватившись, какъ бы не испугать его, она заговорила быстрѣе. Онъ замѣтилъ, какъ она коротко дышала.

— Скорблю я за васъ, милый вы мой Василій Иванычъ. Васъ я еще сильнѣе жалѣю, чѣмъ ее. То, что̀ вы мнѣ сейчасъ сказали,—чистѣйшая правда... Я вамъ вѣрю... Господь васъ ведетъ къ другой жизни,—это для меня несомнѣнно... Вы меня ни за ханжу, ни за изувѣрку не считаете, я вижу. Во мнѣ съ дѣтства сидитъ вѣра въ то, что зря ничего не бываетъ! И это безуміе Серафимы можетъ обновить и ея, и вашу жизнь. Извѣстное дѣло... Любви два раза не добудешь... Но какой? Мятежной, чувственной вы уже послужили... Серафима еще больше вашего... Я объ одномъ прошу васъ: не чурайтесь ея какъ зачумленной; когда въ ней все перекипитъ, и она сама придетъ къ вамъ,—не гоните ея, дайте ей хоть кусочекъ души вашей...

Она хотѣла еще что-то сказать, отняла руку и опять прошлась ею по лбу.

— Нездоровится вамъ?—испуганно спросилъ Теркинъ.

— Устала... Нынче какъ-то особенно...

— Ухо̀дите вы себя! — почти со слезами вскричалъ онъ и, когда она поднялась съ соломеннаго кресла, взялъ ее подъ руку и повелъ къ гостиной.

— Василій Иванычъ!

Они остановились.

— Вы не бойтесь за меня! Не хорошо! Я по глазамъ вашимъ вижу—какъ вы тревожитесь!..

— Воля ваша! Въ Мироновку завтра васъ не пущу.

— Увидимъ, увидимъ! — съ улыбкой вымолвила она и на порогѣ террасы высвободила руку. — Вы думаете, я сейчасъ упаду отъ слабости... Завтра могу и отдохнуть... Тамъ, право, это... повѣтріе... слабѣетъ... Еще нѣсколько деньковъ—и пора мнѣ ѣхать.

— Ѣхать?—повторилъ Теркинъ.

— Какъ же иначе-то?.. Вѣдь нельзя же такъ оставить все. Серафима теперь у тетеньки... Какъ бы она меня тамъ ни встрѣтила, я туда поѣду... Зачѣмъ же я ее буду вводить въ новые грѣхи? Вы войдите ей въ душу. Въ ней страсть-то клокочетъ, быть-можетъ, еще сильнѣе. Что̀ она, первымъ дѣломъ, скажетъ матери своей: Калерія довела меня до преступленія и теперь живетъ себѣ

поживаетъ на дачѣ, добилась своего, выжила меня. Въ ея глазахъ я—змѣя подколодная.

Она чуть слышно разсмѣялась.

Будь это два года назадъ, Теркинъ, съ тогдашнимъ своимъ взглядомъ на женщинъ, принялъ бы такія слова за ловкій „подходъ“.

Въ устахъ Калеріи они звучали для него самой глубокой искренностью.

— Безцѣнная вы моя! — вскричалъ онъ, поддаваясь новому наплыву нѣжности.—Какая намъ нужда?.. У насъ на душѣ какъ у младенцевъ!..

Говоря это, онъ почувствовалъ, какъ умиленное чувство неудержимо влечетъ его къ Калеріи. Руки протягивались къ ней... Какъ бы онъ схватилъ ее за голову и покрылъ поцѣлуями... Еще одно мгновеніе—и онъ прошепталъ бы ей: „Останься здѣсь!.. Ненаглядная моя!.. Тебя Богъ послалъ быть мнѣ подругой! Тебя я поведу къ алтарю!“

— Что это какая у меня глупая голова!..—прошептала вдругъ Калерія, и онъ долженъ былъ ее поддержать: она покачнулась и чуть не упала.

„Господи! Заразилась!“ — съ ужасомъ вскричалъ онъ про себя, доведя ее до ея комнаты.

XXIV.

Передъ окномъ вагона сновала публика взадъ и впередъ — мастеровые, купцы, женщины, бѣдненько одѣтыя; старушки съ котомками, въ лаптяхъ, мужики-богомольцы.

Почему-то не давали третьяго звонка. Это былъ ранній утренній поѣздъ къ Троицѣ-Сергію.

Въ углу сидѣлъ Теркинъ и смотрѣлъ въ окно. Глаза его уходили куда-то, не останавливались на толпѣ. И на остальныхъ пассажировъ тѣсноватаго отдѣленія второго класса онъ не оглядывался. Всѣ мѣста были заняты. Раздавались жалобы на безпорядокъ, на то, что не хватило вагоновъ и больше десяти минутъ послѣ второго звонка поѣздъ не двигается.

Имъ владѣло чувство полнаго отрѣшенія отъ того, что дѣлалось вокругъ него. Онъ зналъ, куда ѣдетъ и гдѣ будетъ черезъ два, много два съ половиной часа; зналъ, что можетъ еще застать конецъ поздней обѣдни. Ему хотѣлось думать о своемъ богомольѣ, о мѣстахъ, мимо которыхъ проходитъ дорога — древній путь московскихъ царей; онъ жалѣлъ, что не пошелъ пѣшкомъ по Ярослав-

скому шоссе, съ котомкой и палкой. Можно было бы, если бъ выйти чѣмъ свѣтъ, въ двѣ-три упряжки, попасть позднимъ вечеромъ къ угоднику.

Вотъ пробѣжала молодая дѣвушка, на головѣ платочекъ, высокая, бѣлолицая, съ слабымъ румянцемъ на худощавыхъ щекахъ... И пелеринка ея простенькаго люстриноваго платья колыхалась по воздуху.

Ея ростъ и пелеринка—больше чѣмъ лицо—вытѣснили въ одинъ мигъ все, о чемъ онъ силился думать; въ груди заныло, въ мозгу зароились образы такъ недавно, почти на-дняхъ пережитаго.

И опять ушелъ онъ въ эти образы, не силился стряхнуть ихъ. Давно ли, съ недѣлю, не больше, тамъ, на дачѣ, онъ останавливалъ чтеніе псалтири, и глаза его не могли оторваться отъ лица покойницы... Вѣнчикъ покрываетъ ея лобъ... Въ гостиной безмолвно, и только восковыя свѣчи кое-когда потрескиваютъ. Она лежитъ въ гробу съ опущенными рѣсницами, съ печатью удивительной ясности, какъ будто даже улыбается.

Въ тотъ вечеръ, когда онъ довелъ ее до ея комнаты, послѣ разговора о Серафимѣ, она заболѣла, и скоро ея не стало. Дѣлали операцію—прорѣзали горло—все равно задушило. Смерти она не ждала, кротко боролась съ нею, успокоивала его, что-то хотѣла сказать, должно-быть, о томъ, что сдѣлать съ ея капиталомъ... Держала его долго за руку, и въ немъ трепетно откликались ея судорожныя движенія. И причастить ее не успѣли.

Въ первый разъ въ жизни видѣлъ онъ такъ близко смерть, и до послѣдняго дыханія стоялъ надъ нею... Слезы не шли, въ груди точно застыло, и голова оставалась все время деревянно-тупой. Онъ смогъ всѣмъ распорядиться, похоронилъ ее, далъ знать по начальству, послалъ нѣсколько депешъ; деньги, уцѣлѣвшія отъ Калеріи, представилъ мѣстному мировому судьѣ, сейчасъ же уѣхалъ въ Нижній и въ Москву добыть подъ залогъ Батрака двадцать тысячъ, чтобы потомъ выслать ихъ матери Серафимы для передачи ей, въ обмѣнъ на вексель, который она ему бросила.

И когда все это было продѣлано, онъ точно вышелъ изъ гипноза, гдѣ говорилъ, писалъ, ѣздилъ, распоряжался... Смерть Калеріи тутъ только проникла въ него и до самаго дна души все перерыла. Смерть эта предстала передъ нимъ какъ таинственная кара. Онъ клеймилъ Се-

рафиму за то, что у нея „Бога нѣтъ“. А самъ онъ какого Бога носилъ въ сердцѣ своемъ? И потянуло его къ простой мужицкой вѣрѣ. Его дѣла: нажива, дѣлечество, даже властные планы и мечты будущаго радѣтеля о нуждахъ родины — стояли передъ нимъ во всемъ ихъ убожествѣ, лжи, лицемѣріи и гордынѣ... Хотѣлъ онъ сейчасъ же уѣхать въ село Кладенецъ и по дорогѣ поклониться праху названнаго отца своего, Ивана Прокофьева. Ему стало стыдно... Надо было очиститься сначала духомъ, познать свое ничтожество, просто, по-мужицки замолить всѣ вольные и невольные грѣхи.

Вѣдь и на Калерію онъ посягалъ. И къ ней его чувство разгоралось въ плотское влеченіе, какъ онъ ни умилялся передъ ней, передъ ея святостью. Она промелькнула въ его жизни видѣніемъ. И смерть ея возвѣстила ему: „Ты бы загрязнилъ ее; потому душу ея и взяли у тебя“.

Поѣздъ, наконецъ, тронулся. Теркинъ прислонилъ голову къ спинкѣ дивана и прикрылъ глаза рукой... Онъ опять силился уйти отъ смерти Калеріи къ тому, за чѣмъ онъ ѣхалъ къ Троицѣ. Ему хотѣлось чувствовать себя такимъ же богомольцемъ, какъ весь ѣхавшій съ нимъ простой народъ. Неужели онъ не наживетъ его вѣры, самой дѣтской, съ суевѣріемъ, коли нужно — съ изувѣрствомъ?

Народу есть о чемъ молить угодника и всѣхъ небесныхъ заступниковъ. Ему развѣ не о чемъ? Онъ — круглый сирота; любить некого или нечѣмъ; впереди — служеніе „князю тьмы“. Въ душѣ—неутолимая тоска. Нѣтъ даже непоколебимой вѣры въ то, что душа его гдѣ-нибудь и когда-нибудь сольется съ душой дѣвушки, явившейся ему ангеломъ-хранителемъ наканунѣ своей смерти.

Онъ почему-то вспомнилъ вдругъ, какое было число: двадцать-девятое августа. Давно ли онъ вернулся съ ярмарки и обнималъ на террасѣ Серафиму... Три недѣли!

Никогда еще не наполняло его такое острое чувство ничтожества и тлѣна всего земного... Онъ смѣлъ кичиться своей особой, строить себялюбивые планы, дерзко идти въ гору, возноситься дѣлеческой гордыней, точно ему удалось заговорить смерть!.. И почему остался живъ онъ, а она изъ-за чумазыхъ деревенскихъ ребятишекъ погибла, безстрашно вызывая опасность заразы?

Не долженъ ли онъ стремиться къ такой же доблестной смерти? Куда ему!

Вагонъ грузно грохоталъ. Поѣздъ останавливался на каждой станціи, свистѣлъ, дымилъ, выпускалъ и принималъ пассажировъ. Теркинъ сидѣлъ въ своемъ углу, и ничто не развлекало его. Къ нимъ въ отдѣленіе влѣзла полная, съ усиками, барыня, нарядная, шумная, начала пространно жаловаться на начальника станціи, всѣмъ показывала свой билетъ перваго класса, съ которымъ насилу добилась мѣста во второмъ.

Ея скрипучій голосъ звучалъ для Теркина точно гдѣ-то вдали; онъ даже не понималъ, о чемъ она кипятится, и ему стало дѣлаться отраднымъ такое отрѣшеніе отъ всего, что̀ входило въ ухо и металось въ глаза.

Привезутъ четвертью часа раньше или позднѣе — все равно онъ попадетъ, куда ѣхалъ.

Онъ ждалъ тамъ, въ знаменитой русской обители, гдѣ ни разу въ жизни не бывалъ, облегченія своей замутившейся душѣ. Желаніе отправиться именно къ Троицѣ пришло ему вчера ночью, въ номерѣ гостиницы. Страстно захотѣлось помолиться за упокой души той, кто уже не встанетъ изъ могилы. Онъ вспомнилъ, какъ послѣ смерти названнаго отца своего, Ивана Прокофьева, служилъ панихиду, заказалъ ее такъ, чтобы только почтить память его, безъ особой вѣры, и зарыдалъ при первомъ минорномъ возгласѣ дьякона: „Господу помолимся“. Тогда ему стало легче сразу. Онъ вернулся къ прежнему равнодушію по части всего божественнаго. Чему онъ вѣритъ, что̀ отрицаетъ,—некогда ему было разбирать это. Жизнь втягивала и не давала уходить въ себя, подвести итоги тому, за что держаться, за какое разумѣніе судьбы человѣка. Съ дѣтства не любилъ онъ „долгополой породы“ и всего, что зовется ханжествомъ. Иванъ Прокофьичъ укрѣпилъ въ немъ эту нелюбовь; но самъ, если не часто говорилъ о Богѣ, то жилъ и дѣйствовалъ по правдѣ, храмъ Божій почиталъ и умеръ, причастившись святыхъ тайнъ.

И, сидя въ вагонѣ, Теркинъ не зналъ, будетъ ли онъ дѣлать вкладъ на поминаніе „рабы Божіей Калеріи“ или отслужитъ одну панихиду или молебенъ преподобному— въ обновленіе своего мечущагося и многогрѣшнаго духа.

Неужели свыше суждено было, чтобы достояніе Калеріи попало опять въ руки Серафимы? Онъ смирялся передъ этимъ. Самъ-то онъ развѣ не можетъ во имя покой-

ницы продолжать ея дѣло?.. Она мечтала имѣть его своимъ пособникомъ. Не лучше ли двадцать-то тысячъ, пока онѣ еще не отосланы къ матери Серафимы, употребить на святое дѣло, завѣщанное ему Калеріей? Богу будетъ это угоднѣе. Такъ онъ не могъ поступить, хотя долговой документъ и у него въ рукахъ... Пускай эти деньги пойдутъ прахомъ. Онъ отъ себя возмѣститъ ихъ на дѣло покойницы.

На полпути Теркинъ вспомнилъ, что на вокзалѣ купилъ путеводителя. Онъ взялъ брошюрку, старался уйти въ это чтеніе, почувствовать въ себѣ русскаго человѣка, переносящагося душой къ старинѣ, когда въ вагонахъ не ѣзжали, и не то, что „смерды“,—цари шли пѣшкомъ или ѣхали торжественно и чинно на поклоненіе мощамъ преподобнаго, избавителя Москвы въ годины народныхъ бѣдствій. Еще разъ попенялъ онъ себѣ, что не отправился пѣшкомъ...

„Сдѣлаю это на обратномъ пути“, — рѣшилъ онъ про себя и положилъ осмотрѣть всѣ тѣ урочища и церкви, про которыя читалъ въ путеводителѣ. Все это—стародавняя Русь. Къ ней надо обратиться съ простодушіемъ и любовью. Каждое мѣсто повито памятью о предкахъ, ихъ мощной, простой жизни, ихъ благочестія. Вотъ село Алексѣевское—любимая вотчина царя Алексѣя Михайловича; Ростокино, гдѣ народъ восторженно встрѣчалъ царя Ивана, послѣ взятія Казани; Леоново, Медвѣдково—бывшая вотчина князя Пожарскаго, потомъ князя Василія Голицына; Тайнинское—обычный привалъ царей, убѣжище Грознаго, мѣсто свиданія Лжедимитрія съ матерью; Большія Мытищи съ „громовымъ“ колодцемъ; Пушкино съ царскимъ дворцомъ; Радонежъ, гдѣ протекла юность Сергія...

Описаніе пышнаго житія царей захватило Теркина. Онъ остановился надъ строками: „въ зимнее время у саней царскихъ, по сторонамъ мѣста, гдѣ сидѣлъ государь, помѣщались, стоя, двое изъ знатнѣйшихъ бояръ, одинъ справа, другой слѣва“.

Родись онъ въ тѣ времена, ему жилось бы по-другому: добылъ бы онъ себѣ больше приволья, простору, или погибъ бы, ища вольной волюшки, на низовьяхъ Волги, на быстрыхъ стругахъ Стеньки Разина. И каяться-то послѣ злодѣйствъ и мучительствъ умѣли тогда не по-нынѣшнему. Образъ грознаго царя-богомольца представился ему,—въ кельѣ, передъ святымъ подвижникомъ, поверженнаго впрахъ и жалобно взывающаго къ Божьему милосердію.

XXV.

— Вотъ и Хотьковъ!—громко сказалъ кто-то изъ пассажировъ.

Поѣздъ стоялъ у длинной узкой платформы.

„Хотьковъ монастырь!“—повторилъ про себя Теркинъ, и выглянулъ изъ окна. Вправо, на низинѣ, виденъ былъ весь монастырь, съ бѣлой невысокой оградой и тонкой каланчой надъ главными воротами. Отъ станціи потянулась вереница —человѣкъ въ двѣсти, въ триста—разнаго народа.

Она казалась безконечной. Въ ней преобладали простые богомольцы, съ котомкой за спиной и посохомъ въ рукѣ.

Теперь Теркинъ зналъ изъ путеводителя, что̀ ихъ потянуло къ этой женской обители передъ посѣщеніемъ Троицы. Тамъ лежали останки родителей преподобнаго Сергія—„схимонахи“ Кириллъ и Марія. Когда-то въ Хотьковѣ была „киновія“—общежитіе мужчинъ и женщинъ. Но его самого что-то не тянуло въ этотъ монастырь. Стѣны, башенки, колокольни, корпусы церквей смотрѣли черезчуръ ново, напоминали сотни церковныхъ и монастырскихъ построекъ. Онъ и вычиталъ сейчасъ, что въ немъ не осталось ничего древняго, хотя онъ и основанъ былъ въ самомъ началѣ четырнадцатаго вѣка.

Наискосокъ отъ окна, на платформѣ, у столика стояли двѣ монашки въ некрасивыхъ заостренныхъ клобукахъ и потертыхъ рясахъ, съ книжками, такія же загорѣлыя, морщинистыя, съ туповатыми лицами, какихъ онъ столько разъ видалъ въ городахъ, по ярмаркамъ и по базарамъ торговыхъ селъ, непремѣнно по двѣ, съ кружкой или книжкой подъ покровомъ. На столѣ лежали для продажи издѣлія монастыря — кружева и вышиванія... Тамъ до сихъ поръ водятся большія мастерицы; одна изъ нихъ угодила во дворецъ Елизаветы Петровны и стала мамкой императора Павла.

Эти свѣдѣнія, добытыя изъ зелененькой брошюрки, развлекали его, но не настраивали на тотъ ладъ, какъ онъ самъ желалъ бы. Онъ бросилъ путеводитель, закрылъ глаза и откинулся вглубь. Ему хотѣлось поскорѣе быть у главной цѣли его поѣздки. Осталось всего нѣсколько верстъ до Троицы. День стоялъ не жаркій, уже осенній. Онъ попадетъ, навѣрно, къ концу обѣдни, поклонится мо-

щамъ, обойдетъ всю святыню, съѣздитъ въ Виѳанію и въ Геѳсиманскій скитъ.

Такъ и просидѣлъ онъ въ своемъ углу, съ закрытыми глазами. И только за двѣ минуты до прихода онъ осмотрѣлся и по оживленію пассажировъ увидѣлъ, что поѣздъ подъѣзжалъ къ станціи.

Огромная толпа высыпала подъ навѣсъ и туго задвигалась къ выходу. Слѣва пестрѣли башни монастырской стѣны.

— Купецъ, а купецъ! Всего-то за двадцать копеекъ! Прикажите подать!—кричалъ извозчикъ съ козелъ пыльной ободранной коляски, парой, самъ—въ полинялом̃ъ балахонѣ и картузѣ на затылкѣ.

Теркинъ сѣлъ, и коляска со звоном̃ъ ржавыхъ гаекъ и шарнеръ покатила книзу. Онъ не стерпѣлъ—взялъ извозчика, испытывая безпокойство ожиданія: чѣмъ пахнётъ на него жизнь въ этихъ священныхъ стѣнахъ, на которыхъ въ смутныя времена иноки защищали мощи преподобнаго отъ польскихъ полчищъ и бросали подъ ноги вражьихъ коней градъ желѣзныхъ крючковатыхъ гвоздей, среди грохота пушекъ и пищалей.

Дребезжащая коляска подкатила къ главнымъ воротамъ въ нѣсколько минутъ. И снаружи, и внутри, въ проходѣ башни, заметалась передъ Теркинымъ великорусская базарная сутолока. На длинной площади кверху, вдоль стѣны, шелъ торгъ яблоками, арбузами, всякимъ овощемъ и бакалеей, въ телѣгахъ, на лоткахъ и въ палаткахъ. Въ воздухѣ, засвѣжѣвшемъ подъ частыми, уже осенними облаками, носился плодовый запахъ, какъ бывало на Варварской площади, въ Москвѣ, или теперь на Болотѣ, о ту же пору дня. Во всѣ стороны тѣснились обывательскіе дома съ вывѣсками трактировъ и кабаковъ. Слѣва, подальше, расползлось каменное зданіе монастырской гостиницы — совсѣмъ уже на купецкій московскій ладъ, съ выкрашеннымъ чугуннымъ подъѣздомъ и тиковой драпировкой, какъ многіе бойкіе и грязноватые номера гдѣнибудь на Срѣтенкѣ или на Никольской. Гамъ, трескъ извозчичьихъ колясокъ, скрипъ возовъ, крики торговокъ и мужиковъ, пыль клубами, топтанье на одномъ мѣстѣ сѣраго народа, точно на толкучкѣ у Ильинскихъ воротъ,— эта посадская несмолкаемая круглый годъ ярмарочная картина обвѣяла Теркина сразу, и все въ ней было для него такъ досадно-знакомо до мельчайшихъ чертъ. Ни

за что онъ не могъ схватиться, чтобы настроить себя благоговѣйно. Онъ скорыми шагами, чтобы уйти отъ этого перваго впечатлѣнія, двинулся подъ вòрота.

Тамъ по обѣимъ сводчатымъ стѣнамъ шелъ такой же торгъ образками, деревянными игрушками и мелкой посудой, четками, крестиками, картинками.—Служки и монахи, приставленные къ продажѣ всѣмъ этимъ добромъ, переговаривались съ разными кумушками, дававшими непомѣрно малую цѣну. Передъ литографіями толпились богомольцы. Нищіе, двумя вереницами, и до воротъ и послѣ нихъ, у перилъ прохода, стояли, сидѣли и лежали и на разные голоса причитали, такъ что гулъ отъ нихъ ползъ вплоть до паперти большой церкви, стоящей вправо, куда шло главное русло народа. По двору, больше влѣво, на булыжникѣ мостовой разсѣлись съ котомками бабы и мужики; въ разныхъ направленіяхъ сновала чистая публика—грузныя купчихи, старушки-барыни, подростки, пріѣзжіе изъ дальнихъ губерній купцы въ сапогахъ бутылками, кое-гдѣ выцвѣтшій военный сюртукъ отставного.

Въ Успенскомъ соборѣ, куда сначала попалъ Теркинъ, обѣдня только что отошла. Ему слѣдовало бы итти прямо къ „Троицѣ", съ золоченымъ верхомъ. Онъ зналъ, что тамъ, у южной стѣны, около иконостаса почиваютъ мощи Сергія. Его удержало смутное чувство неувѣренности въ себѣ самомъ: получитъ ли онъ тамъ, у подножія позолоченной раки угодника, то, чего жаждала его душа,—обрѣтеніе дѣтской вѣры, вотъ какъ во всѣхъ этихъ нищихъ, калѣкахъ, богомолкахъ съ котомками, старикахъ въ отрепанныхъ лаптяхъ, пришедшихъ сюда за тысячи верстъ?

Народъ уже отхлынулъ изъ Успенскаго собора.—Средина церкви была почти пуста.—У иконостаса, справа, служили на амвонѣ молебны, спѣшно, точно въ перегонку. Довольно еще густая толпа, больше все изъ простонародья, обступила это мѣсто и толкалась къ иконостасу.—Пучки свѣчей на паникадилахъ блѣдно мигали. Голоса пѣли жидко и торопливо. По церкви взадъ и впередъ бродили богомольцы, глазѣя на стѣнную живопись. Изрѣдка показывались монахъ или служка и лѣниво шли къ паперти.

Молитвенное умиленіе не сходило съ него. Онъ медленно направился вглубь, въ одинъ изъ угловъ собора, хотѣлъ тамъ уединиться и уйти въ себя. Ему пересѣкъ дорогу студентъ.

Быстро оглядѣлъ его Теркинъ. Такого студента онъ никогда и нигдѣ еще не встрѣчалъ: въ поношенномъ форменномъ сюртукѣ изъ выцвѣтшаго темнозеленаго сукна, разстегнутомъ на нижнія пуговицы, русые волосы на лбу разметались, глубокіе глаза затуманены, смотрятъ, будто ничего не видятъ, блѣдный, идетъ волоча ноги.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Не изъ простого любопытства? Не зря? Видно, горе стряслось и погнало сюда, вопреки тому, что онъ, быть-можетъ, воображалъ себя выше всего этого? Значитъ, находитъ тутъ хоть какое-нибудь врачеваніе своему душевному недугу. Не юродивый же онъ... да и не мальчикъ: сюртукъ носитъ, навѣрно, года два, бородкой обросъ и лицо человѣка пожившаго.

Долго смотрѣлъ онъ вслѣдъ странному студенту. Тотъ повернулъ къ амвону налѣво, гдѣ было свободнѣе, опустился на оба колѣна и долго не поднималъ головы; потомъ порывисто поднялся, истово перекрестился два раза и пошелъ, все такъ же волоча ноги, на паперть.

И Теркинъ сталъ на колѣни. Студентъ помогъ ему стряхнуть съ себя то, что̀ его развлекало или противорѣчило его ожиданіямъ.

До него все-таки доходилъ торопливый гулъ молебновъ. Онъ силился не слышать, ни о чемъ не думать, не вызывать передъ собою никакихъ о́бразовъ.

Такъ онъ простоялъ съ минуту. Его начало колоть горькое и стыдливое чувство за себя, становилось совѣстно, точно онъ производитъ надъ собою опыты или пришелъ сюда какъ въ театръ, требуя, чтобы его привели въ такое именно настроеніе, какое ему желательно.

„Это кощунство!“ — выговорилъ онъ про себя и сталъ неловко подниматься, съ легкой болью въ непривычныхъ колѣняхъ.

Молитвенное наитіе рѣшительно не слетало на него въ этой церкви.

Еще разъ прошелся онъ по ней изъ одного угла до другого. Къ нему наискось отъ амвона медленно двигалась старушка, скорѣе барыня, чѣмъ простого званія, въ шляпѣ и мантильѣ, съ желтымъ лицомъ, собраннымъ въ комочекъ. Шла она,—точно впала въ благочестивую думу или собиралась класть земные поклоны,—къ нему бокомъ, и какъ только поравнялась—беззвучно и ловко повернулась всѣмъ лицомъ и, не мѣняя ущемленной дворянской мины, проговорила сдержанно и вполголоса:

— Соблаговолите благородной вдовѣ.

Руку она чуть-чуть высвободила изъ-подъ мантильи, такую же желтую, съ сухими изогнутыми пальцами.

Маневръ былъ такъ курьезенъ и неожиданъ, такъ напоминалъ что-то театрально-комическое! Теркина всего бросило въ краску. Эта старушка-дворянка добила его.

— Сколько можете,—выговорила она все тѣмъ же полушопотомъ и такъ же глядя на него.

— Богъ подастъ! — рѣзко отвѣтилъ онъ и быстро отошелъ отъ нея.

У него было взято съ собой много мелочи, но онъ не захотѣлъ подать этой салопницѣ, точно въ отместку за то, что она отняла у него послѣднія крохи молитвеннаго настроенія.

Къ мощамъ угодника онъ пробирался по двору смущенный и унылый, точно исполнялъ тяжелый долгъ.

XXVI.

Сзади и съ боковъ на него напирала стѣна богомольцевъ передъ драгоцѣнной ракой. Густой запалъ шелъ отъ всѣхъ этихъ зипуновъ, понёвъ, лаптей, смазныхъ сапогъ. Чадъ отъ восковыхъ свѣчъ вился замѣтными струями въ разрѣженномъ воздухѣ Троицкаго собора. Со стѣнъ, закоптѣлыхъ и расписанныхъ во всѣ стороны, глядѣли на него лики угодниковъ.

Ему было жутко отъ своего душевнаго одиночества, больше чѣмъ отъ чувства тѣсноты и давки... Онъ попалъ на самое дно народной вѣры, хотѣлъ сердцемъ слышать изъ простыхъ устъ сдавленные вздохи, молитвенные возгласы, хотѣлъ видѣть кругомъ себя лица старыя и молодыя, мужскія и женскія, захваченныя умиленіемъ или усердіемъ, просящія о безчисленныхъ нуждахъ и немощахъ,—и ничего не видѣлъ, и ничего не слыхалъ. Не могъ онъ слиться душой со всѣмъ этимъ народомъ, напиравшимъ на то мѣсто, гдѣ покоятся мощи преподобнаго Сергія. Въ немъ исчезло и всякое желаніе служить молебенъ или сдѣлать взносъ за упокой души рабы Божіей Калеріи.

Въ головѣ замелькали вопросы: „Зачѣмъ онъ здѣсь? Чего ищетъ? Что надѣялся обрѣсти, чѣмъ обновить себя?“

И опять, какъ въ той церкви, куда онъ попалъ сначала, засосало его стыдливое чувство:—онъ кощунствуетъ, безъ вѣры приходитъ производить надъ собою опыты.

Полно, страдалъ ли онъ мучительно, истекало ли его сердце кровью отъ потери святой личности, озарившей его свѣтомъ духовной любви? Вѣдь онъ уже каялся себѣ самому, что и эта любовь была тайно-плотская. Смерть Калеріи потрясла ли его такъ могуче, чтобы воскресить въ немъ хранившуюся въ изгибахъ души жажду въ порывѣ къ тому, что̀ стоитъ надъ нами въ недосягаемой высотѣ мірозданія и судебъ вселенной?

Если и не заглушилъ онъ въ себѣ этого зова въ „горнюю“, то растерялъ онъ, видно, всякую способность на дѣтское умиленіе, на слезу, на отдачу всего своего существа въ распоряженіе небесныхъ силъ, на жаркую мольбу о наитіи...

Толпа, гдѣ все такъ же пахло мужикомъ и бабой, вытѣснила его изъ Троицкаго собора, и онъ опять очутился на площадкѣ, гдѣ на мостовой сидѣли богомольцы и нищіе, и гдѣ розовая колокольня, вытянутая вверхъ на итальянскій манеръ, глядѣла на него празднично и совсѣмъ мірски, напоминала скорѣе о суетной жизни городовъ, о всякихъ парадахъ и торжествахъ.

На чемъ-нибудь нужно ему было остановить свой взглядъ, отвести его и отъ казеннаго монумента съ позолоченнымъ шаромъ и солнечными часами, тутъ же, все въ той же части внутренняго двора. Монументъ, еще больше растрелліевской колокольни, противорѣчилъ пошибу старыхъ церквей, съ ихъ главами, переходами, крыльцами келій.

Расписанныя стѣны трапезы привлекли Теркина. Туда плелись голодные богомольцы. Въ сѣняхъ трапезы, вправо, изъ двери помѣщенія, гдѣ раздаются ломти хлѣба, служитель въ фартукѣ шумно выпроваживалъ желающихъ поѣсть, и многіе негромко жаловались. На эту сцену, показавшуюся ему совсѣмъ уже непривлекательной, смотрѣли посѣтители трапезы изъ чистой публики—двѣ-три дамы съ мужьями, по-нѣмецки одѣтый купецъ, гимназистъ, кучка барышень-подростковъ.

Въ огромной залѣ трапезы все было готово къ обѣду. Столы стояли покоемъ, съ грубоватой оловянной посудой и полотенцами на нѣсколько человѣкъ. Къ отворенным дверямъ ея, съ прохода черезъ сѣни, двигались, больше попарно, монахи въ клобукахъ и служки въ низкихъ триповыхъ шапкахъ.

Теркинъ пристально вглядывался въ ихъ лица, поступь,

одежду, выраженіе глазъ, и ему черезъ пять минутъ стало досадно: зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Ничего не говорили ему эти иноки и послушники о томъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ обитель подвижника, удалившагося много вѣковъ назадъ изъ суетной жизни именитаго человѣка, боярскаго рода, въ дебри радонежскія, куда къ нему приходили князья и воители за благословеніемъ и вѣщимъ совѣтомъ въ годины испытаній.

Старики-іеромонахи, въ порыжѣлыхъ рясахъ, ступали своими тяжелыми сапогами и на ходу равнодушно перекидывались между собою разговорами о чемъ-нибудь самомъ обиходномъ. Монахи помоложе какъ-то особенно переваливались на ходу, раздобрѣлые, съ лоснящимися волнистыми космами по жирнымъ плечамъ, плутовато улыбались или сонно поводили глазами по чистой публикѣ. Служки, въ франтоватыхъ шапкахъ, съ торчащими изъ-подъ нихъ черными, русыми, бѣлокурыми, рыжими кудрями или жесткими прядями волосъ, сразу начали смущать, а потомъ раздражать его. Въ нихъ было что-то совсѣмъ уже мірское. Молодое тѣло и его запросы слишкомъ метались изъ всей ихъ повадки, сидѣли въ толстыхъ носахъ и губахъ, въ поступи, поворотахъ головы, въ выраженіяхъ чувственныхъ или тупыхъ профилей. Они не находили надобнымъ придавать своимъ лицамъ условную истовость и строгость.

Въ залѣ трапезы вдоль стѣнъ, справа и слѣва, у сидѣній, переминалось нѣсколько посѣтителей. Дежурные служки, въ фартукахъ, обходили столы и что-то ставили. Въ дверку, ближе къ правому углу, прошло передъ самымъ часомъ обѣда нѣсколько іеромонаховъ съ почетными гостями изъ московскихъ и пріѣзжихъ городовыхъ купцовъ. Вслѣдъ затѣмъ служки попросили стороннихъ очистить залъ. Въ ихъ числѣ былъ приглашенъ и Теркинъ, думавшій, что при монастырской трапезѣ сторонніе могутъ присутствовать всякій день.

Спускался онъ съ высокой паперти совсѣмъ разбитый, не отъ тѣлесной усталости, не отъ ходьбы, а отъ разстройства чисто душевнаго. Оно точно колъ стояло у него въ груди... Вся эта поѣздка къ „Троицѣ-Сергію“ вставала передъ нимъ печальной нравственной недоимкой, перешла въ тяжкое недовольство и собою, и всѣмъ этимъ монастыремъ, съ его базарной сутолокой и полнымъ отсутствіемъ, на его взглядъ, смиряющихъ, сладостныхъ

вѣяній, способныхъ всякаго настроить на неземные помыслы.

У самой лѣстницы, внизу, небольшого роста сторожъ, въ форменномъ парусинномъ кителѣ, безъ шапки, поглядѣлъ на него вопросительно: „не прикажете ли провести куда?“

— Скажите, любезнѣйшій, — спросилъ его Теркинъ, — въ ризницу можно теперь?

Служитель ласково и почтительно поклонился.

— Сподручнѣе, ваше степенство, послѣ трапезы... Тогда и народу будетъ поменьше.

О ризницѣ онъ спросилъ изъ малодушнаго желанія пойти посмотрѣть на что-нибудь просто любопытное. Онъ видѣлъ, что нигдѣ въ этихъ стѣнахъ не испытываетъ онъ отрады слезъ и умиленія.

— Куда же идти?—вслухъ подумалъ онъ.

— Вы гдѣ же изволили быть? У раки преподобнаго Сергія?

— Былъ... И въ Успенскомъ соборѣ.

— Еще много, ваше степенство, кое-чего осталось... Прикажете повести?.. Въ лѣтнее время у насъ въ тринадцати храмахъ служатъ. Слава Богу! Есть гдѣ помолиться.

Тонъ у служителя былъ кроткій и какъ бы сказочный: онъ, видимо, сбирался разсказывать ему разъ навсегда заученныя поясненія, и самый звукъ его голоса дѣйствовалъ слегка усыпительно, такъ что у Теркина по затылку сейчасъ же пошли мурашки.

— Угодно-съ?

— Пойдемте.

Они ходили съ цѣлый часъ вправо и влѣво; опускались и поднимались, посѣтивъ притворы, въ низенькіе, тѣсные, старинной постройки придѣлы; проходили по сводчатымъ коридорамъ и сѣнямъ, опять попадали въ свѣтленькія или темноватыя церквушки; стояли передъ иконостасами, могильными плитами; смотрѣли на иконы и паникадилы, на стѣнную живопись, хоругви, плащаницы, опять вышли на дворъ, къ часовнѣ съ останками Годуновыхъ; постояли у розовой колокольни, и Теркинъ, по указанію служителя, долженъ былъ прочесть вслухъ на тумбѣ памятника два стиха, долго потомъ раздававшіеся въ немъ чѣмъ-то устарѣлымъ и реторическимъ—стихи въ память подвижниковъ лавры:

„Они на небесахъ, имъ слава не нужна,
Къ подобнымъ насъ дѣламъ должна вести она!“

И въ ушахъ у него остался шумъ отъ поясненій служителя въ парусинномъ кителѣ: „церковь сошествія Св. Духа, церковь преподобнаго Сергія, Рождества Іоанна Предтечи, Введенія Божіей Матери, церковь Зосимы и Савватія, церковь великомучениць Варвары и Анастасіи“.

Когда служитель ввелъ его въ темноватыя сводчатыя сѣни передъ входомъ въ ризницу и протискалъ къ другому служителю, пускавшему народъ только по десяти человѣкъ, Теркинъ автоматично пошелъ по лѣстницѣ, съ другими богомольцами, и, сдавленный въ этой кучѣ двумя старушками въ кацавейкахъ, продвигался вдоль покоевъ ризницы, подъ поясненія іеромонаха, вздохи и возгласы шопотомъ старухъ. Противъ воли поправлялъ онъ малую грамотность въ поясненіяхъ іеромонаха, не могъ помириться съ его заученнымъ тономъ нараспѣвъ и въ носъ, рѣзко отличнымъ отъ того, какъ онъ говорилъ передъ тѣмъ съ другими монахами. Въ одномъ шкапу, пониже, за стекломъ выставлено было современное вышиваніе какой-то высокой особы. Монахъ назвалъ особу по имени и отчеству. Теркинъ поглядѣлъ на вышиваніе и нашелъ, что оно самое обыкновенное. Сбоку, около его уха, старушка въ кацавейкѣ слезливо и умиленно выговорила съ молитвеннымъ вздохомъ:

— Пресвятая Богородица! Сподобилась, многогрѣшная!— и, кажется, хотѣла приложиться черезъ стекло къ вышиванію.

Въ головѣ Теркина все перемѣшалось, и еще болѣе разбитый онъ вышелъ изъ сѣней съ чувствомъ голода.

— Не угодно ли въ просвирню?—спросилъ его все тотъ же дожидавшійся служитель.

Теркинъ во второй разъ далъ ему на чай. Тотъ довелъ его до просвирни и раскланялся низкимъ поклономъ.

Въ первой сводчатой комнатѣ смазливый, улыбающійся служка, со взбитыми черными волосами, продалъ ему большую просфору.

Сбоку, на скамьѣ, сидѣло семейство молодыхъ иностранцевъ: двое мужчинъ и двѣ дѣвушки. Они громко смѣялись и жадно ѣли куски мягкой просфоры.

Теркинъ помѣстился около нихъ и сталъ усиленно жевать.

XXVII.

— Купецъ! Купецъ!.. Со мной ѣздили!.. Въ Черниговскую! Въ Геѳсиманію!.. Рубликъ прокатайте! — кричалъ тотъ самый извозчикъ, что̀ привезъ его къ монастырю.

День хмурился... Теркинъ взглянулъ на небо. Собирался дождь. Идти пѣшкомъ далеко, да и не было охоты... Можетъ-быть, тамъ, въ „скиту“, онъ найдетъ что-нибудь совсѣмъ другое.

Изъ-за монастырской стѣны доносилось за нимъ карканье воронъ и рѣжущій крикъ стаи галокъ, чуявшихъ перемѣну погоды.

Верхъ ободранной коляски былъ поднятъ. Онъ сѣлъ и спросилъ:

— Куда же сначала? Вѣдь есть еще Виѳанія?

— Въ Черниговскую допрежь... А тамъ перейти мостикъ — и въ скиту. Я съ другой стороны къ воротамъ подъѣду. Въ Виѳанію опосля угодимъ.

Ни разстояній, ни положеній этихъ мѣстъ Теркинъ хорошенько не зналъ. Въ путеводителѣ онъ просмотрѣлъ кое-что, но не запомнилъ.

— Ну, въ Черниговскую, такъ въ Черниговскую!

Коляска запрыгала и задребезжала по булыжникамъ шоссе вдоль улицъ посада.

Имъ навстрѣчу попадались то и дѣло обратные извозчики съ богомольцами. Пыль врывалась подъ кузовъ и слѣпила глаза Теркину. Онъ смущенно глядѣлъ направо и налѣво, на обывательскіе дома и домики такого же покроя, какъ и въ московскихъ призаставныхъ слободахъ. Замѣтилъ онъ не одну вывѣску нотаріуса, что̀ говорило о частыхъ сдѣлкахъ и векселяхъ въ такомъ мѣстѣ, куда, казалось бы, сходятся и съѣзжаются не за этимъ.

Началъ накрапывать дождикъ. Извозчикъ стегнулъ лишній разъ свою разношерстную пару, и посадъ вскорѣ сталъ уже позади, а слѣва отъ дороги на открытомъ склонѣ высилась кирпичная глыба пятиглавой церкви.

— Вотъ, ваше степенство, и Черниговская. Обѣдня, поди, отошла... наверху. Въ склепѣ навѣрняка еще служатъ.

„Черниговская“, — повторилъ мысленно Теркинъ и не полюбопытствовалъ узнать, что̀ такъ называется: все ли это урочище или икона.

У паперти стояли два-три извозчика и кучка нищихъ.

Верхняя церковь была уже заперта. За пріѣзжимъ, тоже въ коляскѣ, купцомъ онъ спустился внизъ въ склепъ по совсѣмъ темной витой лѣстницѣ и долго не могъ ничего разглядѣть, кромѣ дальняго фона, гдѣ горѣло нѣсколько пучковъ свѣчъ. Служили молебенъ среди постоянной тихой ходьбы богомольцевъ.

Ему не было ни жутко, ни тоскливо; никакого желанія не получилъ онъ остаться тутъ и что-нибудь заказать, молебенъ или панихиду; потянуло сейчасъ же на воздухъ, засвѣжѣвшій отъ дождя и облачнаго неба.

Извозчикъ растолковалъ ему съ козелъ, какъ пройти черезъ дорогу въ скитъ по мостику и подняться въ гору сада. Онъ не взялъ никакого провожатаго.

Шелъ онъ мимо пруда, куда задумчиво глядѣлись деревья красивыхъ прибрежій, и поднялся по крутой дорогѣ сада. У входа, на скамьѣ, сидѣли два старика. Никто его не остановилъ. Онъ зналъ, что сюда постороннихъ мужчинъ допускаютъ, но женщинъ только разъ въ годъ, въ какой-то праздникъ. Тихо было тутъ и пріятно. Сразу стало ему легче. Отошла назадъ ризница и вся лавра, съ тяжкой ходьбой по церквамъ, трапезой, шатаньемъ толпы, базарной сутолокой у воротъ и на торговой площади посада.

Здѣсь можно было побыть въ Божьей обители, сѣсть на траву и хоть немножко унестись душой.

Дождь почти пересталъ. Наверху Теркинъ увидалъ старинную деревянную церковь, въ два этажа, съ лѣстницей, ведущей въ просторныя сѣни. Побродить можно было никѣмъ не замѣченнымъ по этимъ низковатымъ сѣнямъ... Пахло деревомъ. Бревенчатыя стѣны, уставленныя иконами, повѣяли на него чѣмъ-то далекимъ, изъ первыхъ образовъ дѣтства. Въ Кладенцѣ онъ хаживалъ смотрѣть на раскольничью молельню, проникалъ во дворъ, но внутрь его не пускали. Она всплыла въ памяти съ ея главами, и крыльцомъ, и окнами... И пѣніе, доносившееся оттуда, отличное отъ обыкновеннаго православнаго, вспомнилось тутъ же.

Въ церкви все носило тотъ же пошибъ, было такъ же незатѣйливо и своеобычно. У праваго клироса сидѣлъ худощавый монахъ. Онъ предложилъ ему осмотрѣть убѣжище митрополита Филарета. Рядъ комнатъ, въ деревѣ, открывался изъ двери, выходившей прямо въ церковь... Можно было видѣть убранство и расположеніе тѣснова-

тыхъ чистыхъ покоевъ. Онъ отказался пройтись по нимъ, не хотѣлъ нарушать своего настроенія.

Въ каменномъ скитскомъ зданіи долго глядѣлъ онъ внизъ на тотъ придѣлъ, гдѣ весь иконостасъ чернѣетъ штучнымъ деревомъ. Тишина обволакивала его. Свѣтъ мягко выдѣлялъ контуры рѣзьбы и лики мѣстныхъ иконъ... Запахъ кипариса чувствовался въ воздухѣ.

На дворѣ его смѣнило благоуханіе цвѣтника, отгороженнаго невысокой, весело раскрашенной рѣшеткой. Цвѣты густыми коврами шли въ разныя стороны въ видѣ опахалъ. Цвѣтникъ вдругъ напомнилъ ему дачу, клумбы палисадника, лѣсъ, доску между двумя соснами, разговоръ съ Серафимой, ту минуту, когда онъ сталъ впервые на колѣни передъ Калеріей.

Онъ присѣлъ опять на крыльцо деревянной церкви, закрылъ лицо руками и заплакалъ. Та жизнь уже канула. Не вернется онъ къ женщинѣ, которую сманилъ отъ мужа. Не слетитъ къ нему съ неба и та, къ кому онъ такъ прильнулъ просвѣтленной душой. Да и не выдержалъ бы онъ ея святости; Богъ зналъ, когда прибралъ ее къ Себѣ.

„Отошло, отошло!“ — беззвучно шепталъ онъ, все еще не отрывая рукъ отъ лица.

Прогромыхалъ гдѣ-то громъ. Сильный дождь сразу пошелъ на него. Но онъ былъ еще полонъ того, что̀ нашло на него сейчасъ, и даже не развернулъ зонтика, когда переходилъ черезъ дворъ скита къ воротамъ, гдѣ его ждалъ извозчикъ.

— Въ Виѳанію, ваше степенство?

Надо было и тамъ осмотрѣть церковь и комнаты митрополита Платона. Церковь удивила Теркина своимъ пестрымъ гротомъ съ искусственными цвѣтниками, смахивающимъ на декорацію. Ему эта отдѣлка показалась точно на какой-то иновѣрческій ладъ. Службы не было. По двору бродили подъ деревьями семинаристы и сторожа... Богомольцы скучились у входа въ митрополичье помѣщеніе, оставшееся съ отдѣлкой прошлаго вѣка. Монахъ повелъ ихъ по комнатамъ, объяснялъ точно такимъ же языкомъ и тономъ, какъ въ лаврской ризницѣ. Опять около него очутились двѣ старухи, такъ же въ кацавейкахъ, какъ и тамъ. Одна вздыхала и крестилась, что̀ бы ни показывалъ монахъ: свѣтскую картину, портретъ, мозаичный видъ флорентійской работы; а когда его приперли

сзади къ заставкѣ открытой двери въ крайнюю свѣтелку съ деревянной отдѣлкой и зеркальнымъ потолкомъ, гдѣ владыка отдыхалъ въ жаркую пору, одна изъ старушекъ истово перекрестилась, посмотрѣла сначала на соломенную шляпу съ широкими плоскими полями, лежавшую тутъ же, потомъ на зеркальный потолокъ въ позолоченныхъ переборахъ рамокъ и вслухъ проговорила слезливымъ звукомъ:

— Угодникъ-то Божій какъ спасался! Господи! Удостоилась и я, многогрѣшная!..

Теркинъ подавилъ въ себѣ усмѣшку.

„Вотъ эта вѣритъ!“ — подумалъ онъ и даже посторонился и пропустилъ ее впередъ къ самой двери.

Грозовая туча пронеслась. Дождь пересталъ, и въ разорванную завѣсу облаковъ глядѣло нежаркое солнце.

— Въ лавру или на станцію прямо прикажете?—крикнулъ извозчикъ за оградой.

Теркинъ приказалъ повезти себя обратно къ скиту, высадить тамъ, объѣхать кругомъ и ждать его по ту сторону, у Черниговской.

— Прибавочку слѣдуетъ, купецъ.

— Будетъ и прибавочка.

И опять скитскій дворъ съ деревянной церковью повѣяли на него дѣтскимъ чувствомъ, точно запретная святыня, какъ когда-то въ селѣ Кладенцѣ, на дворѣ бѣглопоповской молельни.

На лѣстницу онъ уже не присаживался и не заходилъ въ сѣни, а побрелъ дальше къ спуску, гдѣ теперь деревья пошли свѣтовыми пятнами подъ ласковыми лучами солнца: оно проглядывало то и дѣло изъ-за ползущихъ медленно облачковъ.

Сѣлъ онъ на скамейку, на самомъ крутомъ мѣстѣ, и сидѣлъ долго, больше получаса, не оглядывался на красоту мѣста, не насиловалъ себя на особое душевное настроеніе.

Мысли сами собою, безъ тревоги и горечи, поплыли, захватывали одна другую.

Отчего же тутъ вотъ, въ этой Геѳсиманіи, размякла его душа? Неужели тамъ, у Троицы, ему чуть не противно сдѣлалось только отъ нищихъ, мужичья, простонародной толкотни и шлянья по церквамъ и притворамъ? Кто же онъ-то самъ, какъ не деревенскій подкидышъ, принятый въ сыновья крестьяниномъ и его старухой?

Или чистая публика охладила его, не позволила отдаться простой мужицкой вѣрѣ? Всѣ эти брюхатые купцы, туполицыя купчихи, салопницы, барыни и ихъ прiятели, откормленные монахи и служки въ щеголеватыхъ триповыхъ шапкахъ?

Онъ смирялся. Его стало манить домой, въ то село, на которое онъ такъ долго злобствуетъ, хотѣлось простить кровныя обиды...

XXVIII.

До села Кладенецъ было ходу верстъ пять. Пароходъ Стрѣлокъ опоздалъ на нѣсколько часовъ. Шелъ уже десятый часъ, а ему слѣдовало быть у пристани около семи. Проволочка случилась въ Балахнѣ, съ нагрузкой, повыше города маленько посидѣли на перекатѣ. — Воды въ рѣкѣ прибывало съ конца августа.

Сентябрьская холодноватая ночь спустилась на рѣку, и фонари парохода яркими тонами рѣзали темноту. На палубахъ, передней и задней, бродили совсѣмъ черныя фигуры пассажировъ. Многiе кутались уже въ теплыя пальто и чуйки на мѣху — изъ мѣщанъ и купцовъ, возвращавшихся послѣдними изъ Нижняго съ ярмарки.

На носовой палубѣ сидѣлъ Теркинъ и курилъ, накинувъ на себя пальто-крылатку. Онъ не угодилъ вверхъ по Волгѣ на собственномъ пароходѣ Батракъ. Тотъ ушелъ въ самый день его прiѣзда въ Нижнiй изъ Москвы. Да такъ и лучше было. Ему хотѣлось попасть въ свое родное село какъ можно скромнѣе, безвѣстнымъ пассажиромъ. Его пароходъ, правда, не всегда и останавливался у Кладенца.

Давно онъ тамъ не былъ, больше пяти лѣтъ. Въ послѣднiй разъ — выправлялъ свои документы: метрическое свидѣтельство и увольнительный актъ изъ крестьянскаго сословiя. Тогда во всемъ селѣ было всего два постоялыхъ двора почище, куда въѣзжали купцы на большихъ базарахъ, чиновники и помѣщики. Трактировъ нѣсколько, простыхъ, съ грязцой. Въ одномъ, помнится ему, водился порядочный поваръ.

Все это мало его безпокоило. Онъ и вообще-то не очень привередливъ, а тутъ и подавно. Ѣхалъ онъ на два, на три дня, безъ всякой дѣловой цѣли. Желалъ онъ вырвать изъ души остатокъ злобнаго чувства къ тамошнему крестьянству, походить по разнымъ урочищамъ, посмотрѣть

на раскольничью молельню, куда проникалъ мальчикомъ, разузнать про стариковъ, кто дружилъ съ Иваномъ Прокофьичемъ, посмотрѣть, что̀ сталось съ ихъ дворомъ, въ чьихъ онъ теперь рукахъ, побывать въ монастырѣ. Къ игумену у него было даже письмо, и онъ могъ бы тамъ переночевать, да пароходъ угодитъ въ Кладенецъ слишкомъ поздно, и ему не хотѣлось безпокоить незнакомаго человѣка, да еще монаха, можетъ-быть, въ преклонныхъ лѣтахъ.

Встрѣться онъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ промысловыхъ пріятелей, съ однимъ изъ остальныхъ пайщиковъ „товарищества“ и начни онъ имъ говорить, зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Кладенецъ, врядъ ли бы кто понялъ его. Одинъ бы подумалъ: „Теркинъ что-то несуразное толкуетъ“, другой: „притворяется Василій Иванычъ; должно-быть, намѣтилъ что-нибудь и хочетъ сцапать“.

Ничего онъ не желалъ ни купить, ни разузнавать по торговой части. Если бъ онъ что и завелъ въ Кладенцѣ, то въ память той, кому не удалось при жизни одѣлить свой родной городъ дѣтской лѣчебницей... Ея деньги пойдутъ теперь на шляпки Серафимы и на изувѣрство ея матери.

— Больно ужъ поздно,—обратился къ нему пассажиръ въ теплой чуйкѣ, подсѣвшій къ нему незадолго передъ тѣмъ.—Никакъ часовъ десять?

Теркинъ вынулъ часы, зажегъ спичку и поглядѣлъ.

— Четверть одиннадцатаго.

— А намъ еще добрыхъ три, коли не четыре, версты до Кладенца.

— Вы сами оттуда будете?

— Оттуда, господинъ.

— По торговой части?

По говору онъ узналъ тамошняго уроженца. Пассажиръ былъ сухопарый, небольшого роста, съ бородкой, въ картузѣ, надѣтомъ глубоко на голову. Вѣроятно, мелкій базарный торговецъ.

Теркинъ повторилъ вопросъ.

— Нешто̀! Бакалеей займаемся!

— За товарцемъ къ Макарію, небось, ѣздили?

— Поздненько угодилъ-то. Армяне совсѣмъ расторговались... Которая бакалея осталась въ цѣнѣ... Да заминка у меня вышла... И хворалъ маленько... Ну, и опоздалъ.

— Вы уроженецъ тамошній, кладенецкій?

Лицо торговца онъ хорошо могъ разглядѣть вблизи; но оно ему никого не напоминало.

— Мы коренные, тутошніе.

— Изъ бывшихъ графскихъ?

— Да, изъ графскихъ. А вы, господинъ, наше село, чай, знаете?

— Немножко.

— И теперь туды же?

— Туды.

— У кого же остановитесь? У знакомца?

— На постояломъ.

— Чернота у насъ на постоялыхъ-то дворахъ.

— Кочневъ держитъ, попрежнему?

Торговецъ вглядѣлся въ Теркина, но не узналъ его.

— Кочневъ? — переспросилъ онъ. — Давно ужъ приказалъ долго жить. Зятья его... народъ шалый... Совсѣмъ распустили дѣло... Прежде и господамъ не обидно было въѣхать, а нонѣ—зазорно будетъ. Только базарами держится.

Торговецъ говорилъ слабымъ голосомъ, очень искренно и серьезно.

— Гдѣ-нибудь притулюсь. Я всего-то на два дня.

— Номера есть, господинъ.

— Настоящіе номера?

— Какъ слѣдуетъ... Съ третьяго года. Малышо̀ва, противъ Маръ̀ицева трактира. Около базарныхъ рядовъ. Или вы еще не бывали у насъ николи?

— Какъ не бывать. И трактиръ этотъ помню; только противъ него лавки были, кажется.

— Точно. Допрежь торговали. Теперича цѣлый этажъ возведенъ. Тоже спервоначалу трактиръ былъ. Номера ужъ... никакъ четвертый годъ. Вотъ къ пристани-то пристанемъ, такъ вы прикажите крикнуть извозчика Николая. Навѣрняка дожидается парохода... У него долгуша... И малый толковый, не охальникъ. Доставитъ васъ прямо къ Малышо̀ву.

Все это было сказано очень заботливо.

„Добрякъ,—подумалъ Теркинъ,—да̀ромъ что базарный торгашъ. Можетъ, раскольникъ?"

— Вы по молельнѣ будете?—спросилъ онъ.

— Я-то? Нѣтъ, господинъ, мы—православные.

— Кто же у васъ старшиной? Все тотъ же?.. Какъ, бишь, онъ прозывался?

Теркинъ нарочно не хотѣлъ произнести имени старшины Малмыжскаго.

— Сунгуровъ.

— А Малмыжскій?—не утерпѣлъ Теркинъ.

— Онъ давно ушелъ изъ старшинъ... Скупщикомъ сталъ.

— Какимъ?

— Да всякимъ. И у кустарей... сундуки скупаетъ, и ножевой товаръ... Зимой хлѣбомъ промышляетъ, судачиной.

— Разжился, стало-быть?

— Какъ не разжиться... И въ старшинахъ-то лапу запускалъ въ обчественный сундукъ. Мало ли народу оговорилъ!.. И на поселеніе посылалъ... Перваго — Теркина, Ивана Прокофьича. Обчественникъ былъ... Такихъ нонѣ не видать чтой-то...

— А вы Ивана Прокофьича знавали? — спросилъ Теркинъ, сдерживая волненіе.

— Какъ не знавать. Старикъ — настоящій радѣтель былъ за мірской интересъ. Царствіе ему небесное!

Теркинъ почувствовалъ, что къ глазамъ его подступаютъ слезы. Но онъ не хотѣлъ объявлять, какъ ему доводился Иванъ Прокофьичъ.

Торговецъ приподнялся.

— Вотъ, господинъ... Попомните: извозчикъ Николай... Такъ и скажите—къ Малышо̀ву. Время и за кладью присмотрѣть. Вонъ и Кладенецъ нашъ... видите обрывъ-то... темнѣется... за монастыремъ...

— Спасибо вамъ! — выговорилъ Теркинъ и самъ всталъ. — Такъ вы въ рядахъ торгуете, по базарнымъ днямъ?

— У меня и на недѣлѣ лавочка не запирается.

— А по фамиліи какъ?

— Енгалѣевъ.

— Попомнимъ!

Скромненько удалился торговецъ, запахиваясь въ ваточную чуйку, и еще глубже надвинулъ на уши картузъ.

Пароходъ далъ протяжный свистокъ. Пристани еще не было видно; но Теркинъ распознавалъ ее привычнымъ глазомъ судопромышленника. Надъ полосой прибрежья круто поднимались обрывы. По горѣ вдоль главной улицы кое-гдѣ мелькали огоньки. Для села было уже поздно.

Съ собою Теркинъ захватилъ только маленькій чемо-

данчикъ да узелъ изъ пледа. Даже дорожной подушки съ нимъ не было. Когда пароходъ причалилъ, онъ отдалъ свой багажъ матросу и сказалъ ему, чтобы позвалъ сейчасъ извозчика Николая.

Сколько онъ помнилъ, десять лѣтъ назадъ въ Кладенцѣ еще не было постоянныхъ извозчиковъ даже и на пристаняхъ.

— Николай!—гаркнулъ матросъ.

— Здѣсь,—откликнулся негромкій старый голосъ.

Темнота стала немного рѣдѣть. Въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ кончались мостки, разглядѣлъ онъ лошадь свѣтлой масти и долгушу въ видѣ дрогъ, съ широкимъ сидѣньемъ на обѣ стороны.

— Пожалуйте, батюшка.

Подсаживалъ его на долгушу рослый мужикъ въ короткой поддевкѣ и въ шапкѣ,—кажется, уже сѣдой.

— Ты Николай будешь?—спросилъ Теркинъ.

— Николай, кормилецъ, Николай.

— Вези меня къ Малышо̀вымъ.

— Въ номера?

— Противъ трактира. Мнѣ сказывали, тамъ есть хорошія комнаты.

— Есть-то есть, а какъ быдто передѣлка у нихъ идетъ... Все едино, поѣдемъ.

Поѣхали. Съ мягкой вначалѣ дороги долгуша попала на бревенчатую мостовую улицы, шедшей круто въ гору между рядами лавокъ съ навѣсами и галлерейками. Теркинъ взглядывался въ нихъ, и у него въ груди точно слегка саднило. Самый запахъ лавокъ узнавалъ онъ — смѣсь рогожъ, дегтя, мучныхъ лабазовъ и кожи. Онъ былъ ему пріятенъ.

Поднялись на площадку, повернули влѣво. Пошли и каменные дома купеческой постройки. Въѣхали въ уковатую немощеную улицу.

— Вотъ, кормилецъ, и Малышо̀вы.

Теркинъ оглянулся направо и налѣво на оба двухъэтажные дома. Въ лѣвомъ внизу свѣтился огонь. Это былъ трактиръ. „Номера" стояли совсѣмъ темные.

XXIX.

Долго стучалъ Николай въ дверь. Никто не откликался. И наверху и внизу—вездѣ было темно.

— Не слышатъ, окаянные!

— Со двора зайди!—отозвался Теркинъ.

И ему стало немного совѣстно: онъ, такой же мужикъ родомъ, какъ и этотъ уже пожилой извозчикъ, а сидитъ себѣ бариномъ въ долгушѣ и заставляетъ будить народъ и добывать себѣ ночлегъ.

Раздались шаги за входной дверью. Кто-то спросонокъ шлепалъ босыми ногами по сѣнямъ, а потомъ долго не могъ отомкнуть засова.

— Номеръ покажи! Барина привезъ,—сказалъ Николай громкимъ шопотомъ.

— Къ намъ нельзя, — сонно пробормоталъ малый, въ одной рубахѣ и порткахъ.

— Почему нельзя?—спросилъ Теркинъ съ долгуши.

— Передѣлка идетъ... Малари работаютъ.

— Ни одной комнаты нѣтъ?

— Ни одной, ваше благородіе.

— А внизу?

— Внизу хозяева и молодцовскія.

Николай подошелъ къ долгушѣ и, нагнувшись къ Теркину, заботливо выговорилъ:

— Незадача!

— Да ты послушай, — шопотомъ сказалъ Теркинъ, — они, можетъ, по старой вѣрѣ... не пускаютъ незнакомыхъ?

— Церковные они... Одинъ-то ктиторомъ у Николы чудотворца... А значитъ, передѣлка. Мнѣ и невдомёкъ... Сюды я давненько не возилъ никого.

— На нѣтъ и суда нѣтъ.

Половой стоялъ у полуотворенной двери и громко зѣвалъ.

— И завтра не будетъ комнаты?—крикнулъ ему Теркинъ.

— Не управятся!

Дверь захлопнулась. Сѣдокъ и извозчикъ остались одни посреди улицы.

— А вонъ тамъ?—указалъ Теркинъ на трактиръ, гдѣ все еще свѣтился огонь внизу, должно-быть, въ буфетной.

— Сбѣгаю.

Николай побѣжалъ и тотчасъ же вернулся. Туда буфетчикъ не пустилъ, говорилъ: свободной комнаты нѣтъ, а съ ранняго утра приходятъ тамъ пить чай.

— Гдѣ же ночевать-то, дяденька? — весело спросилъ Теркинъ.

— У насъ со старухой чистой горницы нѣтъ, господинъ... А то бы я съ моимъ удовольствіемъ...

Николай помолчалъ.

— Одно, теперича, къ Устюжкову въ трактиръ... вонъ на въѣздѣ... Проѣзжали давеча... Такъ, авось, пустятъ.

— Ну, къ Устюжкову, такъ къ Устюжкову.

Теркинъ вспомнилъ, что трактиръ этотъ только что отдѣлали, когда онъ былъ послѣдній годъ въ гимназіи. Но въ него онъ не попадалъ: отецъ не желалъ, чтобы онъ баловался по „заведеніямъ"; да вдобавокъ тамъ и бильярда не поставили; а онъ только и любилъ, что бильярдъ.

Повернули, проѣхали опять всю улицу и остановились у спуска, гдѣ начинается бревенчатая мостовая.

И тамъ все тоже спало. Не скоро отперли имъ. Половой, также босой и въ рубахѣ съ откинутымъ воротомъ, согласился пустить. Пришелъ и другой половой, постарше, и проводилъ Теркина по темнымъ сѣнямъ, гдѣ пахло какъ въ торговой банѣ, наверхъ, въ угловую комнату. Это былъ не номеръ, а одна изъ трактирныхъ комнатъ верхняго этажа, со столомъ, покрытымъ грязной скатертью, диваномъ совсѣмъ безъ спинки и безъ вальковъ и двумя стульями.

— Больше нѣтъ комнатъ?

— Нѣтъ, господинъ... И эту, такъ только, въ одолженіе вашей милости. Номеровъ у насъ не полагается.

Половой помоложе, въ красной рубахѣ и съ растрепанной рыжеватой головой, жмурился отъ свѣта сальной свѣчи и почесывался.

— Сюды вещи тащить? — спросилъ Николай. — Лучше, батюшка, не найдете нигдѣ.

— Тащи сюда!

Когда извозчикъ внесъ вещи, получилъ за ѣзду, условился завтра навѣдаться, не нужна ли будетъ лошадь, и ушелъ вмѣстѣ со старшимъ половымъ, Теркинъ осмотрѣлъ комнату и задумался.

— Какъ же я спать-то буду?—вслухъ подумалъ онъ.

Половой въ красной рубахѣ стоялъ, взявшись за ручку двери, и посматривалъ на пріѣзжаго подслѣповато и крайне равнодушно.

— Вотъ же на диванѣ.

— А бѣлья нѣтъ?

— Какое же бѣлье?... Хозяева спятъ, а у насъ, изволите знать, какое же бѣлье: на войлокахъ спимъ.

— И подушки не добудешь, милый человѣкъ?

— Нѣшто свою.

— Пожалуйста! — сталъ уже тревожнѣе просить Теркинъ.—Видишь самъ, и валька нѣтъ на диванѣ, на что же голову-то я прислоню?

— Это точно...

Красная рубаха удалилась, а Теркинъ прошелся по комнатѣ съ желтыми обоями и двумя картинками. Духота стояла въ ней ужасная, точно это былъ жаркій передбанникъ.

Онъ подошелъ къ окну и широко растворилъ его.

Холодокъ сентябрьской ночи пахнулъ изъ темноты вмѣстѣ съ какой-то вонью. Онъ долженъ былъ тотчасъ закрыть окно и брезгливо оглядѣлъ еще комнату. Ему уже мерещились по угламъ черные тараканы и прусаки. Въ ободранномъ диванѣ навѣрно милліоны клоповъ. Но всего больше раздражали его духота и жаръ. Вѣроятно, комната приходилась надъ кухней и русской печью. Запахи сора, смазныхъ сапогъ, помоевъ и табака-махорки проникали черезъ сѣнцы изъ другихъ комнатъ трактира.

Точно его привели на съѣзжую для ночевки и втолкнули въ кутузку. Лучше бы извозчикъ Николай повезъ его къ себѣ или въ простой постоялый дворъ, гдѣ водится холодная чистая свѣтлица.

„Чистая?“ Чего захотѣлъ. У православныхъ чистоты не водится; раскольники—у тѣхъ чисто—не пустятъ къ себѣ.

Вернулся половой и принесъ подушку, ситцевую, засаленную отъ долгаго спанья.

— Вотъ, господинъ, свою небольшую, коли не побрезгуете.

Теркинъ оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, боясь увидать нѣкоторыхъ насѣкомыхъ.

— Почище наволочки нѣтъ?

— Гдѣ же! — отвѣтилъ половой и жалостно усмѣхнулся.—Намъ не изъ чего мѣнять.

Особой наволочки на подушкѣ и не было вовсе.

— Ну, ладно.

— Больше ничего не потребуется?

Ему хотѣлось ѣсть; но что же могъ онъ добыть въ такой поздній для Кладенца часъ?.. Навѣрно, и порядочной

свѣжей булки не отыщется... Развѣ кусокъ прогорклой паюсной икры.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, ничего мнѣ не нужно... Развѣ пива бутылочку?

— Ключи у буфетчика, господинъ, отъ погребицы... А въ буфетѣ врядъ ли найдется.

— Да и теплое будетъ... У васъ ровно въ банѣ... Отчего такъ?

— Отъ печки.

И половой указалъ пальцемъ въ полъ.

— Прощенья просимъ. Завтра вскричите. Мы рано встаемъ.

Малый этотъ такъ началъ зѣвать, что Теркинъ не захотѣлъ дать ему развязать пледъ.

Но онъ не сразу началъ устраивать себѣ постель.

Еще разъ обошелъ онъ комнату, скинулъ пальто и пиджакъ... Въ голову вступило. Онъ рѣшительно не могъ выносить такой жары. Опять открылъ онъ окно, и опять вонь со двора заставила закрыть его.

— Экое свинство! — громко крикнулъ онъ, досталъ папиросу и закурилъ на сальной оплывшей свѣчѣ.

Щипцовъ ему половой не оставилъ.

— Экое свинство! — повторилъ онъ такъ же сердито, хотѣлъ еще что-то сказать, смолкъ и застыдился.

Какъ его сытное житье-то испортило! Точно настоящій баричъ. Не можетъ выносить теперь ни вони, ни духоты, ни таракановъ, ни оплывшихъ сальныхъ свѣчей. А еще мужицкимъ родомъ своимъ хвастается передъ интеллигентными господами! Номеръ ему подайте въ четыре рубля, съ мраморнымъ умывальникомъ и жардиньеркой.

Иванъ Прокофьичъ, взрастившій его, подкидыша, спалъ всю жизнь въ темномъ углу за перегородкой, гдѣ было гораздо грязнѣе и тѣснѣе, чѣмъ въ этой трактирной комнатѣ. И не морщился, переносилъ и бо̀льшее „свинство“.

Устыдившись, Теркинъ поспѣшно разстегнулъ ремни пледа, отперъ чемоданчикъ, досталъ ночную рубашку и туфли, положилъ подушку полового въ одинъ конецъ дивана, а подъ нее чемоданчикъ, прикрылъ все пледомъ, раздѣлся совсѣмъ, накинулъ на ноги пальто, поставилъ около себя свѣчу на столъ и собственныя спички съ парой папиросъ и задулъ свѣчу.

Онъ долго курилъ... Что-то начало его покусывать; но онъ рѣшился терпѣть.

Обманывать себя онъ не будетъ. Мужика въ немъ нѣтъ и помину. Отвыкъ онъ отъ грязи и такого „свинскаго“ житья. Но развѣ нужно крестьянину, какъ онъ ни бѣденъ, жить чушкой? Неужли у такого полового не на что чистой ситцевой наволочки завести?.. Въ томъ же Кладенцѣ у раскольниковъ какая чистота!.. Особливо у тѣхъ, кто хоть немного разжился.

Сторожъ гдѣ-то застучалъ въ доску, и ударилъ колоколъ церковныхъ часовъ.

„У Николая чудотворца“, — тотчасъ подумалъ Теркинъ и сталъ прислушиваться. Пробило двѣнадцать. И этотъ звонъ часовъ навѣялъ на него настроеніе сродни тому, съ какимъ онъ сидѣлъ въ Геѳсиманіи на ступенькахъ старой деревянной церкви... Захотѣлось помириться съ роднымъ селомъ, потянуло на порядокъ, взглянуть на домишко Теркиныхъ, если онъ еще не развалился.

XXX.

Только къ утру заснулъ Теркинъ. Духота такъ его донимала, что онъ долженъ былъ открыть окно и помириться съ вонью, только бы прогнать жару.

Онъ проснулся раньше, чѣмъ заходили въ трактирѣ, слышалъ, какъ пастухъ трубилъ тѣми же звуками, что и двадцать лѣтъ назадъ. Солнце ворвалось къ нему сразу, — на окнѣ не было ни шторы, ни гардинъ, — ворвалось и забѣгало по стѣнѣ.

Его теперь уже не коробило, какъ вчера; онъ помирился и съ клопами, и съ отсутствіемъ бѣлья. Могло бы быть еще грязнѣе и первобытнѣе, да вѣдь онъ и хотѣлъ попасть въ свое родное село не какъ пароходчикъ Василій Иванычъ Теркинъ, которому завѣдующій ихъ компанейской пристанью предоставилъ бы почетную квартиру, а попросту, чтобы его никто не замѣтилъ; пріѣхалъ онъ не для дѣлъ, или изъ тщеславнаго позыва показать себя мужичью, когда-то высѣкшему его въ волостномъ правленіи, какой онъ нынче значительный человѣкъ. Заговори онъ съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ обывателей, въ какихъ мысляхъ и душевныхъ побужденіяхъ явился онъ въ Кладенецъ, его бы никто и не понялъ.

Часу въ седьмомъ рыжеволосый половой заглянулъ къ нему, въ той же красной рубахѣ, разстегнутомъ матерчатомъ жилетѣ и сапогахъ на выпускъ.

Умыться надо было надъ шайкой, въ сѣняхъ. Поло-

тенце нашлось въ буфетѣ. Чаю принесли ему „три пары" съ кусочкомъ лимона и съ сухими-сухими баранками. Платье нечѣмъ было вычистить: у хозяевъ водилась щетка, да хозяева еще спали.

Сейчасъ же потянуло Теркина на улицу. Онъ сказалъ половому, чтобы послали извозчика Николая къ монастырю, гдѣ онъ возьметъ его часу около девятаго, и пошелъ по той улицѣ, по которой его привезли вчера отъ померовъ Малышовыхъ.

Кладенецъ разроссся за послѣднія десять лѣтъ; но старая сердцевина съ базарными рядами почти что не измѣнилась. Древнее село стояло на двухъ высокихъ крутизнахъ и въ котловинѣ между ними, шедшей справа налѣво. По этой котловинѣ вилась бревенчатая улица книзу, на пристань, и кончалась за полверсты отъ того мѣста береговой низины, гдѣ останавливались пароходы.

Когда-то, чуть не въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, былъ тутъ княжой столъ, и отрасль князей суздальскихъ сидѣла на немъ. Крѣпкій острогъ съ земляными стѣнами и глубокими рвами стоялъ на концѣ дальней крутизны; она понадвинулась къ рѣкѣ и по сіе время въ видѣ гребня.— Валы сохранились со стороны Волги; по нимъ идетъ дорога то вверхъ, то внизъ. Склоны валовъ обросли кустарникомъ. Не мало древнихъ сосенъ сохранилось и понынѣ. Туда Теркинъ бѣгалъ съ ребятишками играть въ „ко̀зны"—такъ зовутъ здѣсь бабки—и лазить по деревьямъ. Одно изъ нихъ приходится на огородѣ, и его почитаютъ какъ святыню, и православные больше, чѣмъ раскольники. На немъ появилась икона послѣ того, какъ молнія ударила въ стволъ и опалила какъ разъ то мѣсто, гдѣ увидали икону.

Это—крайній предѣлъ села. Монастырь стоитъ наверху же, но дальше, на матерой землѣ позади выгона, на открытомъ мѣстѣ. А на крутизнѣ, ближайшей отъ пристани, лѣпятся лачуги... Наверху, въ новыхъ улицахъ, наставили домовъ „богатеи", вышедшіе въ купцы, хлѣбные скупщики и судохозяева. У иныхъ выведены барскіе хоромы въ два и три этажа, съ балконами и даже бельведерами.

Базарная улица вся полна деревянныхъ амбаровъ и лавокъ, съ навѣсами и галлерейками. Тѣсно построены онѣ,—такъ тѣсно, что случись пожаръ, все бы „выдрало" въ какихъ-нибудь два-три часа. Кладенецъ и горѣлъ не

одинъ разъ. И ряды эти самые стоятъ не больше тридцати лѣтъ послѣ пожара, который „отмахалъ" половину села. Тогда-то и пошла еще горшая свàра изъ-за торговыхъ мѣстъ, гдѣ и покойный Иванъ Прокофьичъ Теркинъ всего горячѣе ратовалъ за общественное дѣло и нажилъ себѣ лютыхъ враговъ, сославшихъ его на поселеніе.

Въ рядахъ было совсѣмъ тихо. Всѣ лавки открывались только въ базарные дни — по понедѣльникамъ и пятницамъ, а Теркинъ пріѣхалъ въ ночь со вторника на среду. Лавочники съ овощнымъ и крестьянскимъ товаромъ отворили кое-гдѣ свои палатки. Но подвозу никакого не было, и стояла тишина, совсѣмъ не похожая на сутолоку базарныхъ дней. Кладенецъ до сихъ поръ еще удержалъ за собою скупку по уѣздамъ Заволжья хлѣба, говяжьихъ тушъ, шкуръ, меда, деревянныхъ подѣлокъ, готовыхъ саней, ободьевъ, рогожи. Село кишитъ скупщиками, и крупными, и мелюзгой, и всѣ почти изъ мѣстныхъ крестьянъ, даже и тѣ, что̀ значатся мѣщанами и купцами.

Чтобы попасть къ тому „проулку", гдѣ стоялъ дворъ Ивана Прокофьича, Теркину надо было, не доходя номеровъ, кудà его вчера не пустили, взять кверху; но его стало разбирать жуткое чувство, точно онъ боялся найти „пепелище" совсѣмъ разореннымъ и ощутить угрызеніе за то, что такъ забросилъ всякую связь съ родиной.

Онъ вышелъ къ валу, оставивъ позади торговую часть Кладенца, а вправо и гораздо глубже — монастырь и новый соборъ.

Дорога по валу ничего не измѣнилась... Сосны стояли на тѣхъ же мѣстахъ, только макушки ихъ порѣдѣли. Утро, свѣжее и ясное, обдавало его чуть замѣтнымъ вѣтеркомъ. Лѣто еще держалось, а на дворѣ было начало сентября. Подошелъ онъ и къ тому повороту, гдѣ за огороднымъ плетнемъ высилась сосна, на которой явилась икона Божіей Матери... Помнилъ онъ, что на соснѣ этой, повыше человѣческаго роста, прибиты были два мѣдныхъ складня, около того мѣста, куда ударила молнія.

Стволъ потемнѣлъ... Оба образка тутъ. Теркинъ постоялъ, обернувшись въ ту сторону, гдѣ подальше шло болотце, считавшееся также святымъ. Про него осталось преданіе, что туда провалилась цѣлая обитель и затоплена была водой... Но озерко давно стало высыхать и

теперь—топкое болото, кое-гдѣ покрытое жидкимъ тростникомъ.

Про всю кладенецкую старину зналъ онъ отъ отца... Иванъ Прокофьичъ былъ грамотей, читалъ и мѣстнаго „лѣтописца“, зналъ исторію монастыря, даромъ что не любилъ поповъ и чернецовъ и рѣдко ходилъ къ обѣднѣ.

На краю вала, на самомъ высокомъ изгибѣ, съ чуднымъ видомъ на нижнее прибрежье Волги, Теркинъ присѣлъ на травѣ и долго любовался далью. Мысли его ушли въ глубокую старину этого когда-то дикаго дремучаго края... Отецъ и про древнюю старину не разъ ему разсказывалъ. Бывало, когда Вася вернется на вакаціи и выложитъ свои книги, Иванъ Прокофьичъ возьметъ учебникъ русской исторіи, поэкзаменуетъ его маленько, а потомъ скажетъ:

— А про нашъ Кладенецъ ничего, поди, нѣтъ у васъ... Въ которомъ году заложенъ и какимъ княземъ?

Вася ничего не зналъ объ этомъ изъ учебника. Отъ отца помнитъ онъ, какъ одинъ изъ кіевскихъ князей Рюриковичей вступилъ въ удѣльную усобицу съ роднымъ своимъ дядей, взялъ его столъ, сжегъ обитель, церкви, срылъ до основанія городъ. Дядя ушелъ на сѣверъ искать приволья и княженья въ суздальскомъ краѣ, гдѣ володѣли такіе же Рюриковичи. И приплылъ онъ сюда снизу къ дремучимъ лѣсамъ керженецкимъ, гдѣ держались дикія племена мордвы и черемисъ, всѣ язычники, бродили по лѣсамъ, жили въ пещерахъ или въ шалашахъ, обмазанныхъ глиной. Князю удалось утвердиться на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ и по днесь Кладенецъ. Заложилъ онъ городъ, и съ тѣхъ самыхъ поръ земляная твердыня еще держится больше семисотъ лѣтъ... Населилъ онъ свой Кладенецъ дружиной, ратными людьми, мордвой и черемисами, волжскими и камскими болгарами, плѣнниками изъ сосѣднихъ земель. И первымъ дѣломъ задумалъ онъ основать обитель. Тогда-то явленная икона и показалась на той святой соснѣ... Князь приказалъ ее снять оттуда, но невидимая сила удерживала икону, и не было никакой возможности отдѣлить ее отъ ствола сосны... Обитель освятили во имя Божьей Матери Одигитріи, и тогда икона далась въ руки, и ее поставили запрестольной иконой. Монастырь сталъ изливать на язычниковъ свѣтъ ученія Христа, князья радѣли о немъ и не одну сотню лѣтъ сидѣли на своей отчинѣ и дѣ-

динѣ — вплоть до того часа, когда Москва протянула и въ эту сторону свою загребущую лапу, и княжескій стольній городъ перешелъ въ воеводскій, а тамъ въ посадъ, а тамъ и въ простое торговое село. Только останки князей и княгинь покоятся въ обители подъ покровомъ Одигитріи.

„Доблесть князя да церковный чинъ, — думалъ Теркинъ, сидя на краю вала, — и утвердили все. Отовсюду стекаться народъ сталъ, землю пахалъ, завелъ большой торгъ. И такъ вездѣ было. Даже отъ раскола, пришедшаго сюда изъ керженецкаго края, не распался Кладенецъ, стоитъ на томъ же мѣстѣ и расширяется".

Сладко ему было уходить въ дремучую старину своего кровнаго села. Кому же, какъ не ей, и онъ обязанъ всѣмъ? А послѣ нея — мужицкому міру. Безъ него и его бы не принялъ къ себѣ въ домъ Иванъ Прокофьичъ и не вывелъ бы въ люди. Все отъ земли, все! и самъ онъ долженъ къ ней вернуться, коли не хочетъ уйти въ „распусту".

XXXI.

Монастырскій дворъ былъ совсѣмъ безлюденъ, когда Теркинъ попалъ на него. Справа шелъ двухъэтажный оштукатуренный корпусъ; подъѣздъ приходился ближе ко входнымъ воротамъ, безъ навѣса, открытый на обѣ половинки дверей. Деревянная лѣстница, широкая и низкая, вела прямо въ верхнее жилье.

Теркинъ осмотрѣлся. Слѣва стояла небольшая церковь старинной постройки, съ колокольней шатромъ. Дальше выступалъ болѣе массивный новый храмъ, пятиглавый, свѣтло-розовый. Глубже шли кельи и службы. Все смотрѣло довольно чисто и хозяйственно.

Выставилось въ окно одной изъ келій старческое лицо съ кудельной бородой.

— Какъ пройти къ настоятелю?—спросилъ Теркинъ.

Монахъ не сразу дослышалъ: кажется, былъ крѣпковатъ на ухо.

Пришлось повторить вопросъ.

— А прямо идите по лѣстницѣ — и налѣво... дверь-то налѣво. Тамъ служка доложитъ.

На верхней площадкѣ Теркинъ увидалъ слѣва дверь, обитую клеенкой, съ трудомъ отворилъ ее и вошелъ въ маленькую прихожую, гдѣ прежде всего ему кинулась

въ глаза корзина, стоявшая у печи и полная булокъ-розанцевъ.

За перегородкой въ отворенную дверь выглядывала кровать со скомканнымъ ситцевымъ одѣяломъ. Оттуда вышелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, весь въ вихрахъ совсѣмъ бѣлыхъ волосъ, щекастый и веснущатый, одѣтый служкой, довольно чумазый.

— Отецъ-настоятель?—спросилъ Теркинъ.

Мальчикъ хлопнулъ бѣлыми рѣсницами, покраснѣлъ и что-то пробормоталъ, поводя головой въ сторону двери.

У Теркина было съ собой письмо отъ одного земца къ игумену, отцу Ѳеогносту. Онъ его вынулъ, присоединилъ свою карточку и отдалъ мальчику.

— Вотъ отнеси отцу-настоятелю.

Думы на тему древняго Кладенца настроили его на особый ладъ. Онъ ожидалъ найти здѣсь какого-нибудь старца, живущаго на покоѣ, вдали отъ сутолоки и соблазновъ, на какіе онъ только что насмотрѣлся у Троицы.

Мальчикъ трусливо пріотворилъ дверь, и оттуда донессся громкій разговоръ. Два мужскихъ голоса, здоровыхъ и высокихъ, и одинъ женскій—звонкій и раскатистый голосъ молодой женщины.

Это его привело въ недоумѣніе: въ такой ранній часъ, и женщина—въ кельѣ настоятеля, въ довольно шумной бесѣдѣ.

— Пожалуйте!—промычалъ мальчикъ и пошире растворилъ дверь.

Первая комната въ одно окно служила кабинетомъ настоятеля. У окна налѣво стоялъ письменный столъ изъ краснаго дерева, съ бумагами и книгами; около него кресло и подальше клеенчатая кушетка. Кромѣ образо̀въ, ничто не напоминало о монашеской кельѣ.

У входа въ просторную и очень свѣтлую комнату, съ отдѣлкой пезатѣйливой гостиной, встрѣтилъ его настоятель—высокій, худощавый, совсѣмъ еще не старый на видъ блондинъ, съ просѣдью, въ подрясникѣ изъ лѣтней матеріи, съ лицомъ свѣтскаго священника въ губернскомъ городѣ.

Въ рукѣ онъ держалъ распечатанную записку съ карточкой.

— Весьма радъ... Василій Иванычъ? — вопросительно выговорилъ онъ и протянулъ руку такъ, что Теркину

неловко сдѣлалось поцѣловать, — видимо, настоятель на это и не разсчитывалъ,—онъ только пожалъ ее.

— Не угодно ли сюда? Чайку не прикажете ли?

На огромномъ диванѣ, съ обивкой изъ волосяной матеріи, сидѣла женщина, лѣтъ за тридцать, некрасивая, жирная, гладко причесанная, въ розовой распашной блузѣ, и приподнялась вмѣстѣ съ ражимъ монахомъ, тоже въ подрясникѣ, съ огромной шапкой волнистыхъ русыхъ волосъ.

— Милости прошу... Позвольте познакомить... Отецъ-казначей нашей обители. А это—племянница моя, супруга отца-благочиннаго въ селѣ Свербѣевѣ.

Попадья первая протянула черезъ столъ съ самоваромъ широкую ладонь и подала ее Теркину ребромъ.

— Очень пріятно,—выговорила она развязно и тотчасъ же опустилась на диванъ.

Казначей крѣпко пожалъ руку Теркина и поглядѣлъ на него какъ-то особенно весело.

— Изволили сегодняшняго числа на пароходѣ прибѣжать?—спросилъ онъ масленистымъ, пріятнымъ баритономъ.

— Нѣтъ, вчера вечеромъ, поздно угодилъ, — отвѣтилъ Теркинъ, впадая въ мѣстный говоръ.

— Вотъ сюда, присядьте!—усаживалъ его настоятель.— Чайку?.. Пелагея Ивановна... Предложите имъ.

— Съ моимъ удовольствіемъ, — отозвалась попадья и спросила Теркина, какъ онъ желалъ: покрѣпче или послабѣе.

— На собственномъ пароходѣ изволили прибыть?—спросилъ привѣтливо настоятель, садясь около гостя, на краю дивана; взялъ въ руки блюдечко, потомъ пояснилъ остальнымъ:—Василій Иванычъ—хозяинъ парохода Батракъ, въ томъ же товариществѣ... знаете, отецъ-казначей... мы еще на ярмарку бѣжали... на одномъ... кажется, Бирючъ прозывается... прошлымъ годомъ?

— Какъ же!.. Еще капитанъ — такой душевный человѣкъ... даромъ что побывалъ въ тундрахъ Сѣвера!..

Казначей подмигнулъ и засмѣялся.

Земецъ, знакомый Теркина, выдалъ его: прописалъ въ своемъ письмѣ, что онъ—пароходчикъ. Теркину не хотѣлось до поры, до времени выставляться, да и не съ тѣмъ онъ шелъ сюда, въ келью игумена. Онъ мечталъ совсѣмъ о другой бесѣдѣ: съ глазу на глазъ, гдѣ ему легко бы

было излить то, что его погнало въ родное село. А такъ, сразу, онъ попадалъ на зарубку самыхъ заурядныхъ обывательскихъ разговоровъ... Онъ даже началъ чуть замѣтно краснѣть.

— Нашъ знакомецъ, — заговорилъ еще бойчѣе настоятель, — извѣщаетъ меня про одно дѣло, касающееся обители,—онъ повелъ головою въ сторону казначея,—и всячески обнадеживаетъ насчетъ нашего ходатайства въ губернской управѣ по вопросу о субсидіи для училища. — Казначей крякнулъ.— Вдвое лестно было познакомиться!— настоятель повернулся къ гостю, указывая на него рукой, и прибавилъ опять въ сторону казначея:—Имъ желательно было и нашу обитель посѣтить.

Настоятель выражался очень свободно; подвижность и тонъ рѣчи показывали въ немъ очень бывалаго человѣка, не безъ книжнаго образованія.

— Гдѣ же изволили остановиться и надолго ли?—спросилъ казначей, допилъ чай и покрылъ чашкой блюдечко, низомъ вверхъ.

Теркинъ разсказалъ, какъ онъ вчера искалъ ночлега.

— Да почему же вы, Василій Ивановичъ, ко мнѣ прямо не въѣхали?.. Знакомецъ вашъ даже и говоритъ въ письмѣ своемъ, чтобы вамъ оказать гостепріимство.

— Поздно было, отецъ-настоятель, не хотѣлъ васъ безпокоить.

— Сколько же деньковъ еще пробудете у насъ?—спросилъ казначей.

— Какъ придется... Денька два-три.

— По дѣламъ?

На вопросъ казначея Теркинъ не сразу отвѣтилъ. Онъ не хотѣлъ скрывать дольше, что онъ здѣшній, кладенецкій, пріемышъ Ивана Прокофьича Теркина. Ему показалось, что настоятель раза два взглянулъ на него такъ, какъ будто ему фамилія его была извѣстна, можетъ, и все его прошедшее, вмѣстѣ съ исторіей его отца.

Въ монастырѣ у обѣдни онъ въ дѣтствѣ не бывалъ; если и брали его—онъ не помнитъ. Гимназистомъ навѣрно не заглядывалъ сюда; а потомъ протекло десять лѣтъ — Кладенецъ совсѣмъ пересталъ существовать для него. Онъ не слыхалъ, давно ли этотъ настоятель правитъ здѣшнимъ монастыремъ, и могъ ли онъ лично знать Ивана Прокофьича.

— Дѣлъ у меня нѣтъ въ Кладенцѣ,—тихо началъ онъ

и поглядѣлъ на обоихъ монаховъ.—Это моя родина, и я ее по разнымъ причинамъ упустилъ изъ виду.

— Такъ, значитъ, я не ошибся!—возбужденно сказалъ настоятель. — Ваша фамилія сейчасъ мнѣ напомнила... Вотъ отецъ-казначей здѣсь вновѣ, а я больше пятнадцати лѣтъ живу въ обители. Прежде здѣшнія дѣла и междоусобія чаще до меня доходили... Да и до сихъ поръ я имѣю сношенія съ мѣстными властями и крестьянскими нàбольшими... Такъ вы будете Теркина... какъ, бишь, его звали... Иванъ Прокофьичъ, никакъ... если не ошибаюсь?..

— Пріемный его сынъ, — вымолвилъ Теркинъ и опять поглядѣлъ на обоихъ монаховъ.

Въ узкихъ сѣрыхъ глазахъ настоятеля промелькнула усмѣшка тонкаго человѣка, который не сталъ бы первый разспрашивать объ этомъ гостя, касаться его крестьянскаго рода.

— Все же похвально,—настоятель кивнулъ опять головой въ сторону казначея,—съ родиной своей не прерывать связи, ежели Богу угодно вывести на торную дорогу честныхъ стяжаній и благъ земныхъ!—И, не выдержавъ тона этихъ словъ, настоятель наклонился къ гостю и договорилъ потише: — Про одиссею Ивана Прокофьича много наслышанъ...

„Знаешь, небось, что меня высѣкли въ приказѣ“,—подумалъ Теркинъ, но тотчасъ же устыдился этой тревоги и сказалъ спокойно и мягко:

— Онъ свою жизнь прожилъ безъ пятна.

Казначей всталъ, поблагодарилъ попадью за чай и, наклонивши голову къ настоятелю, спросилъ:

— Не попозднѣе ли зайти?

— Побудьте съ Пелагеей Ивановной, а мы съ дорогимъ гостемъ побесѣдуемъ маленько... Василій Иванычъ! Не соблаговолите ли пожаловать ко мнѣ, туда... Пелагея Ивановна, чай-то гостю пришлите въ кабинетъ, съ Митюнькой.

Настоятель взялъ Теркина подъ руку и повелъ его въ первую комнату. Съ порога онъ крикнулъ мальчику:

— Стаканъ чаю сюда подай! Слышишь?..

XXXII.

— Курить не желаете ли? — предложилъ настоятель, какъ только посадилъ Теркина у стола, а самъ сѣлъ

по другую сторону. — Что жъ чай-то?—крикнулъ онъ въ дверь.

Мальчикъ, подавая стаканъ чаю на подносѣ, сдѣлалъ неловкое движеніе, стаканъ опрокинулся, и брызги попали на рукавъ гостя.

— Эхъ! Остолопъ какой! — далъ на мальчика окрикъ настоятель.

Тотъ покраснѣлъ вплоть до ушей, и его глаза отъ смущенія совсѣмъ посоловѣли.

— Ничего, ничего!—успокоивалъ Теркинъ.

— Право, остолопъ! Живо другой стаканъ!.. Пожалуйста курите, Василій Иванычъ... Мы вѣдь не раскольники,—прибавилъ настоятель и громко разсмѣялся.—Душевно радъ,—продолжалъ онъ, наклоняясь къ гостю черезъ столъ, — что вы надумали родныя палестины посѣтить... Скажите пожалуйста: родитель вашъ... тогда... пострадалъ по навѣтамъ враговъ своихъ?.. Ну, не облей въ другой разъ! — крикнулъ онъ мальчику, трепетно подававшему чай.—И ступай!.. Я объ этихъ дѣлахъ довольно наслышанъ былъ отъ одного изъ благопріятелей вашего отца... Чай, помните? Моховъ, Никандръ Саввичъ!..

— Помню: черноватый, приземистый...

— Теперь какъ раздобрѣлъ!.. И по нашему Кладенцу первый, можно сказать, воротила въ земскихъ собраніяхъ и въ здѣшнихъ волостныхъ дѣлахъ... Нашего братства одинъ изъ попечителей.

— Братства?—переспросилъ Теркинъ.

— А вамъ не извѣстна дѣятельность нашей обители, Василій Иванычъ?

— Виноватъ!

— Чтò могъ, я слабыми своими силами успѣлъ привести къ вожделѣнному концу. Но хотѣлось бы и побольше... Монастырь нашъ заштатный, казеннаго содержанія не имѣетъ...

— На чтò же вы существуете, отецъ-настоятель?

— Есть кое-какія угодья: землица луговая и пахотная, мельница на нѣсколько поставовъ... Моими стараніями приведена въ возможно лучшее положеніе. Подворье имѣется въ губерніи... и часовня на ярмаркѣ... Хлопочу о построеніи таковой же въ одной изъ нашихъ столицъ, около вокзала, напримѣръ, гдѣ происходитъ наибольшее стеченіе народа.

Глаза настоятеля забѣгали.

„Ловкій ты мужикъ! — подумалъ про себя Теркинъ: — тебѣ бы впору и всей кладенецкой торговлей ворочать“.

— На что же, сами разсудите, Василій Иванычъ, не токмо что ужъ поддерживать наши разныя учрежденія, а братію питать?.. У насъ въ обители до пятидесяти человѣкъ однихъ монашествующихъ и служекъ. А окромя того, училище для приходящихъ и для живущихъ мальчиковъ, лѣчебница съ аптекой... Только съ прошлаго года земство свою больницу открыло... И безплатную библіотеку имѣемъ при братствѣ,—значитъ, подъ сѣнью нашей же обители; открыли женское училище.

— Неужели до сихъ поръ нѣтъ въ Кладенцѣ казеннаго или земскаго училища? — спросилъ Теркинъ, и ему стало совѣстно, что онъ этого доподлинно не зналъ.

— Есть... И образцовое двуклассное и еще двѣ школы въ слободахъ; но вѣдь это въ самое послѣднее время заведено; а прежде—вы, чай, сами помните—хоть шаромъ покати... Раскольничьи черницы да солдаты безграмотные учили по псалтири... Опять же, при братствѣ происходятъ бесѣды, въ виду борьбы съ расколомъ, и поучительныя чтенія свѣтскаго характера.

Настоятель откинулъ длинную прядь за ухо и немного покраснѣлъ. Видно было, что онъ попалъ на свою любимую тему.

— Не заштатнымъ бы нашему монастырю слѣдовало быть, а ставропигіальнымъ, ибо онъ изъ самыхъ старѣйшихъ... Вы изволили интересоваться здѣшней стариной?

— Кое-что слыхалъ отъ отца, а читалъ мало...

— Вѣдь безъ кладенецкой обители и Нижняго бы не было. Предокъ Александра Невскаго, святитель Симонъ, уже послѣ того, какъ княжой столъ утвердился на Дятковыхъ горахъ, заложилъ городъ, который и назвали Нижнимъ въ отличіе отъ Верхняго или Великаго Новагорода... И сколько иноками нашей обители и святителями кладенецкими обращено было язычниковъ! Вѣдь здѣсь повсюду черемисы и мордва жили, а дальше по Волгѣ и Камѣ были становища прирѣчныхъ болгаръ, самыхъ первыхъ тогда враговъ русскихъ людей.

— Слыхалъ, слыхалъ отъ отца.

— И вотъ видите, какой оборотъ судебъ. Болгаръ православные князья русскіе нещадно били и отводили въ полонъ, а семьсотъ лѣтъ спустя за тѣхъ же самыхъ бол-

гаръ сколько русской крови пролито!.. Нашъ Кладенецъ наполовину населенъ былъ плѣнниками... Вѣдь верхняя-то слобода—она самая старѣйшая, по ту сторону вала, гдѣ собственно городъ былъ—до сихъ поръ въ народѣ слыветъ Полонной. На что же это указываетъ? Да и въ жителяхъ Кладенца есть совсѣмъ разные два облика. Одни бѣлокурые—вотъ, хоть бы и вы, а друхіе—смуглые, и волосы черные, плоскіе. Эти прямо отъ черемисъ и болгаръ камскихъ и волжскихъ.

Опять Теркинъ, слушая складную рѣчь настоятеля, унесся мыслями въ судьбы своего родного села.

— А испытанія какія Господь посылалъ на Кладенецъ... Татарскій погромъ обрушился на нашъ край послѣ разоренія Владиміра на Клязьмѣ... Пришла гибель Кладенцу. Его князь одинъ изъ немногихъ не палъ духомъ и пошелъ на враговъ и погибъ въ рядахъ своей рати... Шутка сказать, когда это было: пятьсотъ слишкомъ лѣтъ назадъ... И ханъ Берку чуть опять не истребилъ нашего города, и царевичъ татарскій Драшпа грозилъ ему огнемъ и мечомъ!

— И все это пережила ваша обитель!

— Какъ видите, стоимъ все на томъ же мѣстѣ, куда и достославный угодникъ земли русской, князь Алаксандръ Ярославичъ Невскій, приходилъ на поклонъ иконѣ Пресвятой Дѣвы... И послѣ ига татарскаго, и послѣ упраздненія стола князей кладенецкихъ обитель наша подъ охраною Владычицы не оскудѣвала... Что̀ сталось съ татарами?

— Халаты продаютъ!

— Именно!—настоятель громко разсмѣялся.—А что они и у насъ долгое время хозяйничали, на это до сей поры есть указанія. Изволите помнить пригорокъ-то, позади бывшихъ прядиленъ, зовется „Баскачиха“. Значитъ, тамъ баскаки ханскіе проживали и производили свои звѣрскія вымогательства.

Настоятель сдержалъ себя и спросилъ:

Коли вамъ желательно ознакомиться съ нашими посильными трудами, я съ великой радостью... У меня и къ печати приготовлено кое-что для губернскихъ вѣдомостей. Ежели угодно, такъ я велю позвать отца-эконома: отецъ-то казначей долженъ по дѣлу маленько отлучиться.

— Вы не безпокойтесь,—перебилъ Теркинъ,—я къ вамъ еще заверну... завтра утромъ.

— А спервоначалу желаете... праху родителей поклониться... панихидку отслужить?

— Они не здѣсь лежатъ,—отвѣтилъ Теркинъ.—Отецъ послѣ ссылки выселился отсюда.

— И домикъ свой оставилъ. Продалъ, что ли?

— Да, онъ у него давно былъ собственный, еще при графскомъ управленіи.

— А теперь кто имъ владѣетъ?

— Не знаю, право, въ точности.

— Такъ вамъ надо первымъ дѣломъ къ Мохову, Никандру Саввичу. Его домъ не изволите знать гдѣ?

— Нѣтъ, не знаю. За мной сюда извозчикъ заѣдетъ... Николаемъ зовутъ.

— Онъ довезетъ. А во всякомъ случаѣ, отецъ-экономъ вамъ укажетъ. Вотъ я сейчасъ спосылаю за нимъ. У него досугъ найдется. Къ Мохову первымъ дѣломъ. Онъ васъ къ себѣ перетащитъ, коли моей кельей не угодно будетъ воспользоваться... И въ училище, и въ земскую больницу онъ васъ свезетъ.

— Съ раскольничьей молельной вы, разумѣется, не находитесь въ сношеніяхъ?

— Она насъ чурается, а не мы ея. Однако съ попечителемъ ея—слыхали, чай, на ярмаркѣ—съ богатеемъ Кашедаевымъ, встрѣчались и бесѣдовали... Онъ имъ и богадѣльню возвелъ на дворѣ молельни. Если поинтересуетесь, отецъ-экономъ познакомитъ васъ съ миссіонеромъ изъ бывшихъ старообрядцевъ; поди, онъ еще не уѣхалъ вверхъ по Волгѣ на собесѣдованіе... Проще къ становому заѣхать: онъ вамъ дастъ отъ себя рекомендацію къ одному изъ начетчиковъ. Они съ полиціей нынче въ ладахъ живутъ,—прибавилъ настоятель, тонко усмѣхнувшись.

— А распри въ крестьянскомъ обществѣ все попрежнему?—спросилъ Теркинъ и поднялся со стула.

— Все тѣ же междоусобія. Одни гнутъ на городовое положеніе—и во главѣ ихъ Никандръ Саввичъ. Онъ вамъ все разскажетъ обстоятельно.

— Ссудосберегательное товарищество рухнуло?

— Давнымъ-давно. Только одна пущая смута и плутовство великое вышли. И хорошій молодой человѣкъ изъ-за этого дѣла загубилъ себя.

Теркинъ сейчасъ же вспомнилъ и спросилъ:

— Тотъ? Аршауловъ? Почтмейстера сынъ?

— Онъ, онъ! Сколько лѣтъ, — настоятель сразу понизилъ тонъ, — сидѣлъ въ заточеніи и провелъ въ ссылкѣ, да и теперь находится подъ присмотромъ, въ бѣдственномъ положеніи.

— Гдѣ?

— Здѣсь, никакъ! Мать-старуха, должно, имѣетъ въ Кладенцѣ пенсію ничтожную. Вымолила у начальства сюда его, знаете, на мѣсто жительства перевести. Такъ вѣдь пить-ѣсть надо, а у него, слыхалъ я, чахотка. Какой же работой, да еще здѣсь, въ селѣ, можетъ онъ заняться? Уроки давать некому, да онъ, поди, еле живъ.

Глаза Теркина возбужденно замигали.

— Гдѣ же могъ бы я, отецъ-настоятель, справиться о немъ? Судьба его достойна сострацанія!

— Гдѣ?—протянулъ настоятель.—Да первымъ дѣломъ у становаго. Вѣдь это его подначальная команда—такіе-то господа. Становой у насъ не спесивый и довольно обстоятельный. Фамилія—Виѳапскій, Мартирій Павловичъ.

— Изъ духовнаго званія?

— Весьма! — настоятель подмигнулъ. — Сейчасъ и по говору увидите. Изъ здѣшнихъ же заволжскихъ палестинъ. Такъ я сейчасъ распоряжусь, Василій Иванычъ.

Настоятель подошелъ къ двери въ гостиную и крикнулъ:

— Отецъ-казначей!.. повремените еще маленько.

Потомъ онъ послалъ служку за экономомъ.

— Вотъ и вашъ извозчикъ! — онъ указалъ Теркину въ окно на дворъ, куда въѣхалъ Николай на своей долгушѣ.

XXXIII.

— А гдѣ твой дворъ, Николай?

Извозчикъ попросилъ у сѣдока позволенія заѣхать домой „попоить лошадку“. Они уже побывали въ разныхъ мѣстахъ и отца-эконома подвезли обратно къ монастырю.

— Вонъ на самой кручѣ, кормилецъ. Дальше и дороги нѣтъ!—отвѣтилъ Николай, указывая кнутомъ.

— Ладно, надъ нами не каплетъ.

Побывали они съ отцомъ-экономомъ, тихимъ старикомъ изъ простого званія, сначала въ образцовомъ училищѣ и въ земской больницѣ, потомъ заѣхали на квартиру становего. Его не оказалось дома: куда-то отлучился, на селѣ;

но къ обѣду долженъ былъ вернуться; оставили у него записочку отъ отца-настоятеля. Заѣхали къ Мохову. Тотъ тоже уѣхалъ на пристань. Предлагалъ экономъ побывать и у миссіонера, коли желательно насчетъ раскола побесѣдовать, но Теркинъ отложилъ это до другого раза. Ему захотѣлось остаться одному, да и монаху пора было къ трапезѣ. Отъ монастыря спустились они къ тому проулку, гдѣ стоялъ дворъ Ивана Прокофьича. На перекресткѣ Теркинъ сошелъ съ долгуши и сказалъ Николаю, чтобы онъ подождалъ его около номеровъ Малышо̀ва, а самъ онъ дойдетъ туда пѣшкомъ. Сердце у него заёкало въ груди, когда онъ сталъ спускаться по проулку... Вотъ заборъ вдоль сада одного раскольника, богатаго торговца, съ домомъ на дворѣ. Тотъ же мезонинъ выглядываетъ изъ-за липъ сада, только крыша зеленая, а не буро-красная, какою прежде была. Дорога врѣзалась въ пригорокъ, и два порядка, справа и слѣва, поднимаются надъ нею. Избенки все больше въ три окна, кое-гдѣ въ пять, старыя, еще „до-пожарныя“, какъ здѣсь называютъ. Эта возвышенная часть Кладенца и есть та „Полонная“, гдѣ, по толкованію отца-настоятеля, селились взятые „въ полонъ“ инородцы — мордва, черемисы, камскіе и волжскіе болгары. Теркину вспомнились лицо, ростъ и вся посадка Ивана Прокофьича; они выплыли передъ нимъ до такой степени ярко, точно онъ смотритъ на него на разстояніи двухъ аршинъ. Было въ немъ, въ его неправильныхъ чертахъ, пожалуй, что-то инородческое, не коренное русское. Можетъ, и пылкій свой нравъ онъ унаслѣдовалъ отъ какого-нибудь предка, жившаго въ лѣсахъ и пещерахъ еще при Александрѣ Невскомъ или Юріи Всеволодовичѣ, князѣ кладенецкомъ.

И жалость къ старику разлилась по немъ,—жалость и сознаніе своей собственной дрянности. Развѣ Иванъ Прокофьичъ способенъ былъ пойти на такія сдѣлки съ совѣстью, на какія онъ пошелъ?.. И если онъ теперь отдѣлался отъ срама—отъ денегъ Калеріи, все-таки онъ на нихъ въ одинъ годъ расширилъ свой кредитъ, пошелъ еще сильнѣе въ гору. А старикъ его не зналъ никакой жадности, еле пробивался грошевымъ спичечнымъ заведеніемъ, поддерживалъ бѣдняковъ, впалъ самъ въ бѣдность; если бъ не сынъ, кончилъ бы нищетой, и даже передъ смертью такъ же радѣлъ о своихъ „однообщественникахъ“.

Еще два-три двора — и справа долженъ былъ показаться продолговатый сарайчикъ, гдѣ помѣщалось заведеніе съ узкими оконцами... Не доходя былъ частоколъ съ продѣланной въ немъ лазейкой. Туда ему мальчишкой случалось проникать за подсолнухами. Вотъ и частоколъ, только онъ теперь смотритъ исправнѣе, лазейки нѣтъ.

Этотъ ли сарайчикъ? Долженъ быть онъ... Мѣста занимаетъ онъ столько же, только окна не такія и крыша другая, приподнята противъ прежняго. Однако, старыя крѣпкія бревна сруба тѣ же, это сейчасъ видно. Домикъ въ три окна, какъ и былъ, только опять крыша другая, площе, больше на городской фасонъ, и ворота совсѣмъ новыя, изъ хорошаго теса, съ навѣсомъ и рѣзьбой. Имъ, судя по цвѣту лѣса, не будетъ и пяти лѣтъ.

Улица стояла пустая. Не у кого было спросить: чей это теперь дворъ? Онъ помнилъ, что Иванъ Прокофьичъ продалъ его какому-то мужику изъ деревни Разсадино, по старой костромской дорогѣ, верстахъ въ десяти отъ Кладенца, и продешевилъ, какъ всегда. Тотъ мужичокъ хотѣлъ тоже наладить тутъ какое-то заведеньице, кажется, кислощейное, для продажи на базарахъ квасу и кислыхъ щей, вмѣстѣ съ орѣховой „збоиной“ и пареной грушей.

Захотѣлось ему войти въ калитку, совсѣмъ по-дѣтски потянуло туда, на дворикъ, съ погребицей въ глубинѣ и навѣсомъ и съ крылечкомъ налѣво, гдѣ, бывало, старуха сидитъ и разматываетъ „тальки“ суровой пряжи. Онъ тутъ же, за книжкой... По утрамъ онъ ходилъ къ „земскому“ и зналъ уже четыре правила. Изъ сарайчика идетъ запахъ сѣры, къ которому всѣ давно привыкли.

Онъ взялся за щеколду калитки и хотѣлъ отворить.

Заперто было изнутри. Пришлось постучать.

— Кто тамъ?—спросилъ со двора мужской очень мягкій голосъ.

Называть себя Теркинъ не хотѣлъ. Онъ скажетъ хозяевамъ что придется.

— Отворите, пожалуйста!—крикнулъ онъ.

Калитку стали осторожно отворять.

„Навѣрно, раскольники“,—подумалъ онъ, переступая черезъ высокій дощатый порогъ калитки.

Его впустилъ хозяинъ,—это сейчасъ узналъ Теркинъ,—рослый, съ брюшкомъ, свѣжій еще на видъ мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, русый, бородатый и немного лысый, въ

одной ситцевой рубахѣ и шароварахъ, съ опорками на босыхъ ногахъ... Глаза его, ласковые, небольшіе, остановились на незнакомомъ „баринѣ“ (такъ онъ его опредѣлилъ) безъ недовѣрія.

Теркинъ быстро оглядѣлъ, что̀ дѣлалось на дворѣ. Въ эту минуту изъ избы въ сарайчикъ черезъ мостки, положенные поперекъ, переходилъ голый работникъ въ одномъ длинномъ холщевомъ фартукѣ и несъ на плечѣ большую деревянную форму. Внизу на самой землѣ лежали рядами такія же формы съ пряничнымъ тѣстомъ, выставленнымъ провѣтриться послѣ печенья въ большой избѣ и лежанья въ сарайчикѣ.

Въ одинъ мигъ Теркинъ догадался, какое это заведеніе. Пряники—коренное дѣло Кладенца. Испоконъ вѣка водилось здѣсь производство коврижекъ и, въ особенности, дешевыхъ пряниковъ, въ видѣ пѣтушковъ, рыбъ и разныхъ другихъ фигуръ, вытисненныхъ на кускахъ больше въ формѣ неправильныхъ трапецій, а также мелкихъ продолговатыхъ „жемковъ“, которые и онъ истреблялъ въ дѣтствѣ. Сейчасъ, по памяти, ощутилъ онъ нѣсколько ѣдкій вкусъ твердаго тѣста съ кусочками сахара.

— Богъ въ помочь!—сказалъ онъ.—Вотъ полюбопытствовалъ посмотрѣть на ваше заведеніе... Я—пріѣзжій.

Хозяинъ улыбнулся добрѣйшей усмѣшкой широкаго рта, засунулъ засовъ и поклонился легкимъ наклономъ головы.

— Пожалуйте... Поглядите, коли желательно.

И сразу между ними вышелъ бытовой разговоръ, точно будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ заѣзжій баринъ, изучающій кустарные промыслы Поволжья, и пряничный фабрикантъ сталъ ему, все съ той же доброй и ласковой усмѣшкой, отвѣчать на его разспросы, повелъ его въ избу, гдѣ только-что закрыли печь, и въ сарайчикъ, гдѣ лежали формы и доски съ пряниками, только-что вышедшими изъ печи.

Черная изба осталась почти такою, какъ была и десять лѣтъ назадъ; только въ ней понадѣлали вокругъ стѣнъ такихъ столовъ, какъ въ кухняхъ. Въ чистыя двѣ горницы хозяинъ не водилъ его; сказалъ, что тамъ онъ живетъ съ сыномъ; работники лѣтомъ спятъ въ сараѣ, а зимой въ избѣ. Теркинъ посовѣстился попросить провести и туда.

— Я—вдовый, одинъ всего сынокъ и есть.

Хозяинъ указалъ на сына, — „молодцовъ“ у него было всего четверо, — худощаваго брюнета лѣтъ двадцати, съ умными впалыми глазами. И тотъ былъ голый, какъ и остальные трое уже пожилыхъ работниковъ.

— Онъ у меня искусникъ,—прибавилъ хозяинъ.—Самъ рѣжетъ формы... Миша! Покажь барину ту форму, что намнясь вырѣзалъ.

Слово „баринъ“ рѣзнуло Теркина. Но онъ не хотѣлъ называть своей фамиліи, говорить, чей онъ былъ пріемышъ... Неопредѣленное чувство удерживало его, какъ-будто боязнь услыхать что-нибудь про Ивана Прокофьича, отъ чего ему сдѣлается больно.

Показали ему форму съ разными надписями — славянской вязью и рисунками, которые отзывались уже новыми „фасончиками“. Онъ пожалѣлъ про стародавнія, грубо сдѣланныя наивныя изображенія.

Но онъ похвалилъ искусника, не желалъ его обезкураживать.

— Какъ вы прозываетесь?—спросилъ онъ у отца.

— Птицыны мы, батюшка, Птицыны.

Узналъ онъ, продолжая вести себя какъ заѣзжій „баринъ“, что въ день идетъ у нихъ до пяти кулей крупичатой муки, а во время макарьевской ярмарки — и больше.

Потомъ показали ему разные сорта пряниковъ. Хозяинъ отобралъ нѣсколько штукъ изъ тѣхъ, на которые указывалъ Теркинъ, и поднесъ ему. Тотъ не хотѣлъ брать.

— Обидите насъ, батюшка... Вѣдь эти прянички всего десять копеекъ фунтъ. Дѣткамъ отдадите.

— Дѣтокъ-то у меня нѣтъ.

— Все едино! Бездѣлица!

И такъ онъ ласково глядѣлъ, что нельзя было не взять.

Но главнаго-то Теркинъ еще не зналъ—самъ ли Птицынъ купилъ у Ивана Прокофьича дворъ.

— Вы здѣшніе, коренные?—спросилъ онъ попроще.

— Нѣтъ, батюшка, мы разсадинскіе. Тамъ у насъ и землица порядочная есть. Здѣсь изъ-за этого дѣла проживаемъ.

— Купили дворъ?

— Арендатели мы... А купилъ-то изъ Разсадина же мужичокъ. У здѣшняго... Теркинымъ прозывался... Вотъ здѣсь

спички дѣлалъ... Сказываютъ — заведенiе у него стало. Никакъ, на поселенiе угодилъ.

И по ясному лицу прошлась тѣнь, точно будто онъ не хотѣлъ дурно говорить про бывшаго владѣльца.

— Спасибо!—быстро промолвилъ Теркинъ, такъ же быстро отворилъ калитку и пошелъ внизъ по проулку.

XXXIV.

Николаева долгуша пробиралась по кручѣ, попадая изъ одной выбойны въ другую.

— Вонъ и моя избенка! — указалъ онъ на самый край обрыва.

Изба была послѣдняя и стояла такъ, что съ боку нельзя уже было спуститься внизъ: откосъ шелъ почти отвѣсно и грозилъ „оползнемъ", о какихъ разсказывали Теркину въ дѣтствѣ.

Когда они подъѣхали и Николай слѣзъ съ козелъ, изъ воротъ вышла его жена Анисья, женщина еще не старая на видъ, небольшого роста, благообразная, въ повойникѣ и ситцевомъ сарафанѣ и, по-домашнему, босая.

Она отворила ворота, и Николай взялъ лошадь подъ-уздцы. Долгуша въѣхала на крытый глухой дворъ, гдѣ Теркина охватила прохлада вмѣстѣ съ запахомъ стойлъ и коровника, помѣщавшихся въ глубинѣ. Стояли тутъ двѣ телѣги и еще одна долгуша, лежало и много всякой другой рухляди. Дворъ смотрѣлъ зажиточно. Изба — чистая, съ крылечкомъ. На ставняхъ нарисованы горшки съ цвѣтами, изъ оконъ видны занавѣски.

— Да у тебя жена-то еще молодуха,—пошутилъ Теркинъ,—а онъ тебя, тетка, старухой зоветъ.

— Извѣстно,—отвѣтила въ тонъ хозяйка и тихо улыбнулась поблеклыми умными глазами. — Ему же ловчѣе... на молоденькихъ-то поглядывать.

— Да который тебѣ годокъ?

Теркинъ слѣзъ и присѣлъ на крылечкѣ.

— Много ей годовъ, не меньше мово! — отозвался Николай, съ ведромъ въ рукахъ подходившiй къ лошади.

— Прибавляетъ? — спросилъ Теркинъ и подмигнулъ. Ему эта крестьянская чета нравилась.

— Много ли? Шестой десятокъ пошелъ.

— И неужели много дѣтей выкормила и выходила?

— Выходить-то выходили,—отвѣтила она и характерно повела губами,—только не своихъ.

— Какъ такъ?

— Своихъ-то у насъ не было, господинъ,—опять откликнулся Николай отъ лошади.—Трехъ пріемышей брали... и все дѣвокъ...

— А теперь опять одни остались,—выговорила хозяйка.

— Замужъ повыдали?

— Нештò!

— У двухъ ужъ дѣти свои,—добавилъ Николай.

— Вотъ тебѣ, поди, и скучненько бываетъ?—спросилъ Теркинъ.

— Мало ли што!

— Здѣсь, въ Кладенцѣ выдали?

— Одну здѣсь.

— Значитъ, внучки все равно есть, хоть и не кровныя.

Теркинъ вынулъ изъ кармана свертокъ съ пряниками и подалъ хозяйкѣ.

— Снеси внучкѣ.

— Благодарствуемъ.

— Ты гдѣ же это, кормилецъ, пряники-то добылъ? Мнѣ и невдомёкъ!—обратился къ Теркину Николай.

Лошадь его все еще пила изъ ведра.

— На фабрику заходилъ!—весело отвѣтилъ Теркинъ.

— Не къ Птицыну ли, къ Акинфію Данилычу?

— Къ нему самому.

— А я думалъ... такъ... за надобностью куда... Значитъ, у Птицына были, заведеніе его посмотрѣть... Намедни я одного барина возилъ, тоже полюбопытствовалъ... Сколько здѣсь теперь заведеньевъ... противу Птицынскаго нѣтъ ни одного, даромъ что онъ не коренной кладенецкій.

— Понравился вамъ Акинфій Данилычъ?—спросила хозяйка.

— Душевный человѣкъ... Ласковый такой...

— Это вѣрно,—отозвался Николай,—добрѣйшей души. И сколько народу имъ кормится на базарѣ да и по деревнямъ торговки, разносчики. Никому не откажетъ, вѣритъ въ долгъ. Только имъ и живы.

— Онъ не по старой вѣрѣ?

На вопросъ Теркина Николай оставилъ ведро и немного почесался.

— Какъ сказать, мы въ это не входимъ... Сынъ-отъ... чай, видѣли... такой худощавый изъ себя парень, — большой искусникъ по своей части... Тотъ, поди, куда-нибудь

гнетъ... Только они къ здѣшней молельнѣ не привержены.

Теркинъ вынулъ папиросу и спросилъ:

— А курить у васъ не зазорно, тетка?

— Курите, батюшка, мы вѣдь не раскольники.

Возгласъ Николая почему-то вызвалъ въ Теркинѣ сильное желаніе поговорить съ этой четой по душѣ о самомъ себѣ, объ отцѣ, о томъ, зачѣмъ онъ проникъ во дворъ пряничнаго заведенія.

— Послушай,—окликнулъ онъ Николая, покончившаго съ водопоемъ лошади, — ты, небось, знаешь, чей былъ прежде дворъ, гдѣ теперь Птицыны?

— Допрежъ? Дай Богъ памяти!

— Чтой-то... Митричъ!—подсказала жена. — Нѣшто запамятовалъ? Теркиныхъ домъ-отъ... споконъ вѣку стоялъ.

— Ивана Прокофьича ужли не помнишь? — спросилъ Теркинъ, и краска проступила у него въ щекахъ.

Николай почесалъ у себя надъ вискомъ и снялъ картузъ.

— Это точно! Какъ не помнить Иванъ Прокофьича... Никакъ, онъ померъ?..

— Померъ,—повторилъ Теркинъ и тотчасъ же прибавилъ:—и старухи нѣтъ... Ты, Николай, думаешь, что я—заѣзжій баринъ? Такъ полюбопытствовалъ посмотрѣть, какъ пряники дѣлаютъ у Птицына?.. А я на этомъ самомъ дворѣ выросъ. Меня Иванъ-то Прокофьичъ со своей старухой приняли... вотъ какъ вы же трехъ невѣстъ воспитали... Я—ихъ нареченный сынъ.

— Ой ли?

Николай подошелъ поближе къ нему и вглядѣлся.

— Можетъ, видалъ меня мальчишкой?

— Видать-то видалъ, безпремѣнно, а ни въ жисть не признаешь!

— Вонъ ты, кормилецъ, какой теперича — баринъ настоящій.

Жена Николая подперла ладонью свое благообразное, немного строгое лицо и тоже воззрилась въ гостя.

— Бездѣтные они были, это точно. Сама-то я не бывала у нихъ ни единожды, а въ шабрàхъ не мало гуторили. Помнишь, Митричъ? У Ивана-то Прокофьича нелады шли со старшиной, что ли?

— Съ Малмыжскимъ? Какъ не помнить! Онъ, никакъ, и на поселеніе угодилъ? Такъ вѣдь, батюшка?

Теркинъ все имъ разсказалъ: про ссылку отца, про свое

ученье и мытарства, про то, какъ онъ больше пяти лѣтъ не заглядывалъ въ Кладенецъ — обиду свою не могъ забыть, а теперь вотъ потянуло, не выдержалъ, захотѣлось и во дворѣ побывать, гдѣ его, подкидыша, приняли добрые люди.

— Видишь, тетка, — сказалъ онъ, совсѣмъ смягченный своимъ признаніемъ,—я такой же пріемышъ, какъ и твои названныя дѣтки. Вы ихъ со старикомъ гдѣ же брали? У здѣшнихъ кладенецкихъ крестьянъ или у деревенскихъ?

— Все у здѣшнихъ,—отвѣтили оба разомъ.

— А я—подкидышъ!

И мужъ, и жена помолчали.

— Такъ и не знаешь, — тихо спросила Анисья, — какихъ такихъ родителевъ?

— Слышала, чай, подкинули... Какъ же тутъ узнаешь?

Николай значительно поглядѣлъ на жену: „нечего, молъ, попусту болтать“.

— Лучше и родные отецъ съ матерью для меня не были бы,—сказалъ Теркинъ.

Онъ взглянулъ на мужа и жену и радовался тому, что эта чета всѣмъ своимъ побытомъ выѣдала изъ него недавнее злобное чувство къ кладенецкимъ мужикамъ.

— Не понесешь безъ лютой нужды свое дѣтище къ чужимъ людямъ,—какъ бы про себя выговорила Анисья и отошла къ воротамъ.

Теркинъ поднялся.

— Поминаютъ ли здѣсь добромъ Ивана Прокофьича?—спросилъ онъ возбужденно. — Вѣдь онъ животъ положилъ за своихъ однообщественниковъ! И базарную-то площадь онъ добылъ отъ помѣщика, чуть не пять лѣтъ въ ходокахъ состоялъ. А они его тѣмъ отблагодарили, что по приговору сослали, точно конокрада или пропойцу.

— Мы, батюшка,—отвѣтилъ Николай, взявъ лошадь за узду, чтобы вывезти со двора долгушу, — по правдѣ сказать, ко всей этой сварѣ непричастны были. Я по другому совсѣмъ обчеству, хоть и одной волости. На сходки-то когда же намъ ходить? У меня промыселъ извозный. Не до этого... И до сей поры свара-то не улеглась... Одни подбиваютъ на городовое положеніе перейти, а другіе ни подъ какимъ видомъ не соглашаются... Ходоковъ посылаютъ въ губернію, и сборы всякіе... Намеднясь и съ меня содрали цѣлую трешницу... А намъ со старухой и такъ хорошо!.. Нешто плохо, старая? — весело крикнулъ

онъ женѣ. — Коли будемъ тосковать, можно и еще въ домъ взять паренька, что ли... Богъ дастъ, вотъ такого молодца выходимъ, какъ ваша милость.

— Авось Богъ пошлетъ!—подхватилъ Теркинъ.—Ежели младенецъ не крещеный, я въ крестные пойду. Прощай, хозяйка!

И онъ вскочилъ на долгушу, крикнувъ Николаю:

— Теперь опять къ становому!

XXXV.

Становой жилъ въ большой пятистѣнной избѣ, съ подклѣтью, гдѣ прежде, должно-быть, помѣщалась мастерская, и ходъ къ нему былъ черезъ крытый, совсѣмъ крестьянскій дворъ, такой, какъ у Николая, только попросторнѣе... Съ угла сруба бѣлѣлась вывѣска. На крыльцо вела крутая лѣстница. Ворота стояли настежь отворенными.

Съ долгуши Теркинъ окликнулъ сидѣвшаго на завалинкѣ человѣка, видомъ разсыльнаго, въ рыжемъ старомъ картузѣ, съ опухшей щекой, въ линючемъ нанковомъ пиджакѣ.

— Становой дома?

— Дома... Пожалуйте!..

Разсыльный подошелъ, и Теркинъ сейчасъ же узналъ въ немъ писаря Силоамскаго, того самаго, который присутствовалъ при его наказаніи розгами въ волостномъ правленіи и острилъ надъ нимъ.

Кровь бросилась ему въ лицо.

— Вы кто здѣсь, служащій?—спросилъ Теркинъ, сдерживая свое волненіе.

— При становомъ состою, ваше благородіе, вѣстовымъ.

Весь обликъ бывшаго писаря, цвѣтъ лица, воспаленные глаза, обшарпанность одежды показывали, что онъ сталъ пропойцей, навѣрно выгнанъ былъ съ прежней службы и теперь кормится у станового, безъ жалованья.

Теркинъ чуть не крикнулъ ему:

„Что̀, почтеннѣйшій, на пакостяхъ своихъ не нажили палатъ каменныхъ?“

Силоамскій, прищуриваясь отъ свѣта,—день стоялъ яркій и теплый,—смотрѣлъ на него и, видимо, не узнавалъ.

— Туда идти, наверхъ?—спросилъ Теркинъ.

— Вамъ по дѣлу, ваше благородіе?

— Отъ отца-настоятеля.

— Пожалуйте.

Силоамскій побѣжалъ вверхъ по крутымъ ступенькамъ лѣстницы и отворилъ дверь. Когда Теркинъ проходилъ мимо, на него пахнуло водкой. Но онъ уже не чувствовалъ ни злобы, ни неловкости отъ этой встрѣчи. Вся исторія съ его наказаніемъ представлялась ему въ туманной дали. Не за себя, а скорѣе за отца могло ему сдѣлаться больно, если бъ въ немъ разбередили память о тѣхъ временахъ. Бывшій писарь былъ слишкомъ теперь жалокъ и лакейски низменъ... Вѣроятно, и остальные „вороги“ Ивана Прокофьича показались бы ему въ такомъ же родѣ.

— Къ вамъ, ваше высокоблагородіе, господинъ... отъ отца-настоятеля.

Силоамскій доложилъ это на порогѣ первой комнаты, куда изъ темныхъ сѣней входили прямо. Она была въ три окна, оклеена обоями, въ ту минуту очень свѣтла, съ письменнымъ столомъ и длиннымъ диваномъ по лѣвой стѣнѣ.

Раздался скрипъ высокихъ сапогъ становаго, и онъ вошелъ изъ второй комнаты, служившей ему спальной, въ бѣломъ кителѣ съ золотыми пуговицами, рослый, кудрявый, бородатый, смахивалъ на дьякона въ военной формѣ.

— Былъ уже у васъ и оставилъ записочку отъ отца-настоятеля.

Теркинъ все-таки не хотѣлъ назвать себя по фамиліи при Силоамскомъ. Тотъ медлилъ закрыть дверь за собою.

— Весьма радъ!.. Записку нашелъ... Не угодно ли на диванъ?

Голосъ у становаго былъ самый „духовный“. Говорилъ онъ рѣзко на „онъ“, какъ говорятъ въ глухихъ заволжскихъ селахъ, откуда онъ былъ родомъ, да и въ мѣстной семинаріи этотъ говоръ все еще держался, особенно среди дѣтей деревенскихъ причетниковъ.

— Можешь идти, — оттянулъ густымъ басомъ становой въ сторону посыльнаго и еще разъ движеніемъ правой руки пригласилъ гостя на диванъ.

— Съ нашимъ древнимъ селомъ желаете ознакомиться? — тѣмъ же басомъ спросилъ становой и довольно молодцевато, почти по-военному, перевелъ высокими своими плечами.

— Кладенецъ — моя родина. Только я отъ нея поотсталъ.

— Извините... фамиліи не разобралъ въ точности.

— Теркинъ.

По выраженію глазъ станового не видно было, что фамилія „Теркинъ“ что-нибудь ему напомнила.

— Родителей имѣете здѣсь?

— Нѣтъ! Никого!

— Отецъ-настоятель пишетъ, что вы интересуетесь осмотрѣть молельню здѣшнихъ старообрядцевъ... Это можно. И службу ихнюю тоже желательно видѣть?

— Коли это не соблазнительно будетъ для нихъ.

Становой усмѣхнулся сквозь густые усы своимъ широкимъ семинарскимъ ртомъ.

— Понятное дѣло... Какъ по имени-отчеству?

— Василій Иванычъ.

— Понятное дѣло, они всегда на всякаго никоньянца волкомъ смотрятъ... Однако допускаютъ.

— Вы съ ними ладите?

— По теперешнему времени,—глаза станового улыбнулись,—нѣтъ для нихъ никакихъ такихъ угнетеній... подъ условіемъ, конечно, чтобы и съ ихъ стороны не происходило никакого оказательства или совращенія. Опять же здѣсь и миссіонеръ нарочито на сей конецъ имѣется. Вы не изволили побывать у него?

— Побываю.

— Малый весьма дошлый и усердный. По правдѣ вамъ сказать, онъ одинъ и дѣйствуетъ. Монашествующая наша братія да и бѣлое духовенство не пускаются въ такія состязанія. Одни—по неимѣнію подготовки, а другіе—не о томъ радѣютъ... Чуть что̀—къ свѣтскому начальству съ представленіями: „и это запрети, и туда не пущай“. И нашему-то брату стало куда труднѣе противъ прежняго. Въ старину земская полиція все была... и вязала, и рѣшила. А теперь и послабленія допускаются, и то-и-дѣло вмѣшательство...

Басистымъ короткимъ смѣхомъ прервалъ себя становой.

— У нихъ и богадѣльня есть?

— Какъ же... И даже весьма солидное каменное зданіе. Намѣреніе-то у нихъ было въ верхнемъ этажѣ настоящую церковь завести. Они вѣдь—изволите, чай, припомнить—по бѣглопоповскому согласію. Главнымъ попечителемъ состоитъ купецъ-милліонщикъ. На его деньги вся и постройка производилась. Однако, допустить того

нельзя было. Такъ верхній этажъ-то и стоитъ пустой, а старухи помѣщаются въ первомъ этажѣ.

Теркинъ слушалъ становою и помнилъ, что ему надо узнать, гдѣ проживаетъ Аршауловъ, тотъ „горюнъ", который пострадалъ изъ-за кладенецкихъ мужиковъ еще больше, чѣмъ Иванъ Прокофьичъ; только не хотѣлъ онъ безъ всякаго перехода разузнавать о немъ.

— А въ двухъ здѣшнихъ сельскихъ обществахъ попрежнему, усобица идетъ? — спросилъ онъ другимъ тономъ.

— Идетъ-съ,—оттянулъ становой съ усмѣшечкой.—Еще не такъ давно конца краю этому не было. Однако теперь партія торговая... самая почтенная, та, что на городовое положеніе гнетъ, одолѣла... Прежнихъ-то, какъ бы это фигурально выразиться, демагоговъ-то, горлопановъ-то поограничили... Старшина, который въ этой водѣ рыбу удилъ...

— Малмыжскій?—не утерпѣлъ Теркинъ.

— Вамъ, слѣдственно, не безызвѣстно?

— Слыхалъ.

— Онъ разжился и ушелъ по-добру, по-здорову. Аггелы его,—становой разсмѣялся, довольный своимъ словомъ,—всѣ проворовались или пропились. Вотъ разсыльнаго при себѣ, почти Христа-ради, держу!—онъ указалъ курчавой головой на дверь.—Былъ писарь у нихъ и первый воротила... Силоамскій по фамиліи, зашибается горечью... Потерплю-потерплю, да тоже прогоню.

— И ссудосберегательное товарищество рухнуло?

— Обязательно! Затѣя была, ежели такъ взять, великодушная, но ничего, кромѣ новыхъ смутъ и хищеній, не вызвала... Да и тотъ, который...

Онъ не договорилъ и жалостно улыбнулся.

— Вы хотѣли сказать про Аршаулова?

— И про него вамъ извѣстно?

— Бѣдняга!

— Это точно!

Тутъ было у мѣста разспросить его про Аршаулова. Становой не сталъ ёжиться или принимать офиціальный тонъ, а довольно добродушно сообщилъ гостю, что Аршауловъ водворенъ сюда, проживаетъ у старухи-матери, чуть живъ, въ большой бѣдности; въ настоящее время, съ разрѣшенія губернскаго начальства, находится „въ губерніи", но долженъ на-дняхъ вернуться. Онъ растол-

ковалъ Теркину, гдѣ находится и домикъ почтмейстерской вдовы.

— Непріятностей онъ вамъ не причиняетъ?—спросилъ Теркинъ вполголоса.

— Не могу пожаловаться... Да знаете, онъ больше, какъ бы это выразиться... созерцатель, чѣмъ причастный къ крамолѣ. Къ тому же, и въ чемъ душа жива... Ежели вы его навѣстите, увидите—краше въ гробъ кладутъ.

Визитомъ къ становому Теркинъ былъ доволенъ.

Когда онъ сталъ прощаться, тотъ быстро подошелъ къ письменному столу, взялъ съ него записку настоятеля и, держа ее въ рукѣ, спросилъ:

— Съ Моховымъ, съ Никандромъ Саввичемъ, вы еще не повидались? Отецъ-архимандритъ пишетъ, что вамъ и съ нимъ желательно повидаться. Онъ теперь первый воротила у партіи городового положенія.

— И отца моего пріятель былъ.

— Одно къ одному!.. Да не угодно ли вмѣстѣ? У васъ здѣсь, никакъ, извозчикъ: видѣлъ—долгуша подъѣзжала... Мнѣ же до него дѣло есть... Вы сами-то гдѣ же изволили остановиться?

Пришлось и ему разсказать про ночлегъ въ трактирѣ. Становой извинился за такое „безобразіе" и выразилъ увѣренность въ томъ, что Никандръ Саввичъ перевезетъ „дорогого гостя" къ себѣ, коли ему не хочется погостить въ монастырѣ.

— Да и у меня, милости прошу, вотъ вся моя хоромина, съ диваномъ!.. Только по утрамъ бываетъ народъ, а вечеромъ тишина полная... Я вѣдь и самъ былъ вашимъ постояльцемъ.

— Какъ это?

— Отецъ-архимандритъ сообщилъ: вы—хозяинъ парохода Батракъ. Я на немъ внизъ по Волгѣ бѣгалъ. Превосходный ходокъ! И какъ все устроено, на американскій маперъ... Вамъ бы извѣстить меня депешей. А къ начетчику молельни мы тоже можемъ заѣхать. Завтра у нихъ утромъ служба... Силоамскій! — крикнулъ становой въ дверь,—подавать вели извозчику.

И опять по лицу бывшаго писаря Теркинъ не могъ догадаться: узналъ ли онъ пріемыша Ивана Прокофьича или нѣтъ.

XXXVI.

На балконѣ двухъэтажнаго дома Никандра Саввича Мохова, защищенномъ отъ солнца тиковыми занавѣсками, на другой день, раннимъ послѣ-обѣдомъ, Теркинъ курилъ и отхлебывалъ изъ стакана сельтерскую воду. Хозяинъ пошелъ спать. Гость поглядывалъ на раскинувшуюся передъ нимъ панораму Кладенца. Влѣво шла откосомъ улица съ бревенчатой мостовой, обставленная лавками. Она сначала вела къ плоскому оврагу, потомъ начинался подъемъ, гдѣ стоялъ тотъ трактиръ, откуда онъ вчера переѣхалъ къ Мохову, по усиленной его просьбѣ. Не было причины отказать... Моховъ обрадовался ему чрезвычайно, даже слезы у него выступили на глазахъ, когда они расцѣловались. Онъ вспоминалъ объ Иванѣ Прокофьичѣ въ самыхъ пріятельскихъ выраженіяхъ. Ни въ монастырь, ни на постоялый дворъ Теркину не захотѣлось переѣзжать изъ трактира, гдѣ было совсѣмъ скверно.

На самомъ верху выставлялись главы церкви Николая Чудотворца. Ее кладенецкіе обыватели звали „соборомъ“ и очень заботились о его „велелѣпіи“—соперничали съ раскольниками по части церковнаго убранства, службы, пѣнія, добыли себѣ „изъ губерніи“ въ дьяконы такого баса, который бы непремѣнно попалъ въ протодьяконы къ архіерею, если бъ не зашибался хмелемъ.

Теркинъ перебиралъ все, что ему привелось въ одну недѣлю видѣть и ощущать тамъ—у Троицы, здѣсь—въ Кладенцѣ. Не испыталъ онъ нигдѣ возврата къ простой мужицкой вѣрѣ. Сегодня утромъ, отправляясь къ молельнѣ, съ запиской отъ станового, онъ искренно желалъ найти у раскольниковъ что-нибудь дѣйствующее на чувство, картину болѣе строгаго благочестія, хотя бы даже изувѣрства, но такого, чтобы захватывало сразу.

Опять долгуша Николая подвезла его къ высокой каменной оградѣ съ воротами, какія бываютъ на кладбищахъ. У воротъ стояло не мало телѣгъ, съ пріѣхавшими изъ деревень бабами и мужиками.

На обширномъ дворѣ, кое-гдѣ съ березками и кустами бузины, гдѣ пріютилось и кладбище, прямо противъ входа — молельня, выкрашенная въ темносѣрую краску, съ крытымъ ходомъ кругомъ всего зданія, похожаго и на часовню, и на жилой домъ.

Оттуда доносилось пѣніе, довольно стройное, громкое,

точно всѣ молящіеся пѣли, съ протяжнымъ звукомъ въ концѣ каждаго возгласа, въ минорномъ пріятномъ тонѣ, отличномъ отъ обыкновеннаго пѣнія православной службы.

На дворѣ онъ остановилъ мальчика, проходившаго къ крылечку съ лѣвой стороны зданія. Мальчикъ былъ въ темномъ нанковомъ кафтанчикѣ особаго покроя, съ кожаной лестовкой въ рукахъ; треугольникъ болтался на ея концѣ. Она ему сейчасъ же напомнила разговоръ съ Серафимой о ея матери, о поклонахъ до тысячи въ день и переборкѣ „бубенчиковъ“ лестовки.

Мальчика онъ попросилъ вызвать какого-то Егора Евстигнеича, на что тотъ мотнулъ головой и, бросивъ на него вкось недоумѣвающій взглядъ, выговорилъ отрывисто:

— Подожди маленько.

Противъ крылечка выходило двухъэтажное каменное зданіе, совсѣмъ уже городской новѣйшей архитектуры, оштукатуренное, розоватое, съ фигурными украшеніями карнизовъ. Онъ зналъ отъ станового, что мѣстный попечитель богадѣльни, купецъ-мучникъ, еще не вернулся съ ярмарки, но жена его, навѣрно, будетъ тутъ, въ молельнѣ или въ богадѣльнѣ.

Прошло не меньше пяти минутъ. На крылечко сначала выглянулъ молодой мужикъ, съ выстриженной маковкой, въ темномъ кафтанѣ и также съ лестовкой, увидалъ Теркина и тотчасъ же скрылся.

Пѣніе все еще доносилось изъ молельни.

Вышелъ другой, уже пожилой, такой же рослый раскольникъ, вѣроятно, изъ „уставщиковъ“, и быстро приблизился къ Теркину.

— Вы къ Егору Евстигнееву? — спросилъ онъ его и вскинулъ волосами, спустившимися у него на лобъ. Маковка была также выстрижена.

— Можно въ молельню?.. Меня господинъ становой прислалъ... Только я не чиновникъ, — прибавилъ Теркинъ,—а желалъ бы такъ войти, послушать вашей службы и осмотрѣть богадѣльню.

Уставщикъ опять тряхнулъ волосами.

— Что жъ... войдите!..

Взглядывалъ онъ не особенно привѣтливо, но ничего злобнаго въ его тонѣ не сквозило.

Вслѣдъ за нимъ Теркинъ вошелъ черезъ боковую дверь въ молельню. Она оказалась полной народа. Иконостасъ,

безъ алтаря, покрывалъ всю заднюю стѣну... Служба шла посрединѣ, передъ амвономъ. Отовсюду блестѣла позолота иконъ и серебро паникадилъ. Ничего бросающагося въ глаза, непохожаго на то, что можно видѣть въ любой богатой православной часовнѣ или даже церкви, онъ не замѣтилъ... Вокругъ аналоя скучились пѣвцы, все мужчины. Ихъ было больше тридцати человѣкъ. Глубина молельни, гдѣ чернѣли платки и сарафаны женщинъ, уходила вправо, и туда Теркину неудобно было смотрѣть, не оборачиваясь, чего онъ не хотѣлъ дѣлать... Показалось ему, что и остальные богомольцы подпѣвали хору. Въ пѣніи онъ не замѣчалъ никакого непріятнаго и рѣзкаго „гнусавенья", о какомъ слыхалъ всюду въ толкахъ о раскольничьей службѣ. Читали внятно, неспѣшно, гораздо выразительнѣе, чѣмъ дьячки и дьяконы въ православной службѣ, даже и по городамъ.

Долго стоять было неловко: на него начали коситься. Онъ замѣтилъ пронзительный взглядъ одной богомолки, изъ-подъ чернаго платка, и вспомнилъ, какъ ему отецъ-экономъ, когда они ѣхали въ долгушѣ къ становому, въ разговорѣ о раскольницахъ-старухахъ сказалъ:

„Встрѣтится съ вами на улицѣ, такъ васъ глазами-то и ожжетъ всего".

Служба уже отходила. Впустившій его уставщикъ вышелъ съ нимъ на крыльцо.

— Мнѣ бы въ богадѣльню... Попечителя супруга, можетъ-быть, здѣсь?

— Онѣ какъ разъ прошли туда. Пожалуйте.

Въ нижнемъ этажѣ, изъ крытыхъ сѣней съ чугунной лѣстницей онъ попалъ въ переднюю, гдѣ пахло щами. Его встрѣтила пожилая женщина, въ короткой душегрѣйкѣ и въ богатомъ свѣтлокоричневомъ платкѣ, повязанномъ по-раскольничьи. Это и была жена попечителя. Нѣсколько чопорное выраженіе сжатаго рта и глазъ безъ бровей смягчалось общимъ довольно благодушнымъ выраженіемъ.

Уставщикъ подвелъ къ ней посѣтителя и тотчасъ удалился.

— На сколько у васъ кроватей?

— Да теперь, сударь, шешнадцать старухъ у насъ... Вотъ пожалуйте.

Въ двухъ свѣтлыхъ комнатахъ стояли койки. Старухи были одѣты въ темные холщевые сарафаны. Иныя си-

дѣли на койкахъ и работали или бродили, двѣ лежали лицомъ къ стѣнѣ и одна у печки, прямо на тюфякѣ, разостланномъ по полу, босая, въ одной рубахѣ.

Это сейчасъ же отнесло его къ тому сумасшедшему дому, гдѣ его держали десять лѣтъ назадъ.

— Она слабоумная? — тихо спросилъ онъ попечительницу.

— Совсѣмъ разбита... Не можетъ ни ногами, ни руками двинуть... Съ ложки кормимъ.

— И докторъ бываетъ?

— Нѣтъ, сударь, мы обходимся своими средствами... Которымъ недужится—годовъ много... Вотъ этой девятый десятокъ идетъ и давненько ужъ какъ пошелъ.

На койкѣ сидѣла согнувшись старуха, въ бѣломъ платкѣ и темносинемъ сарафанѣ.

Теркинъ пораженъ былъ остатками красоты ея совсѣмъ желтаго, точно костяного лица. Только одни глаза съ сильными впадинами и жили въ этой муміи. Она взглянула на него молча и долго не отводила взгляда... Ему стало даже жутко.

— И еще здорова?

— Какое ужъ здоровье... Да у ней ничего и не узнаешь... Молчитъ по цѣлымъ днямъ...

Когда онъ прощался съ попечительшей, появились двѣ бабы—сидѣлка и стряпуха. Онѣ глядѣли на него скорѣе привѣтливо, обѣ толстыя, съ красными лицами.

— Вотъ и вся моя команда, сударь!—указала на нихъ попечительша.

— Женское царство!

— Такъ точно.

Попечительша усмѣхнулась и почтительно проводила его на дворъ, гдѣ и поклонилась низкимъ, истовымъ поклономъ.

Ничего „особеннаго“ не вышло изъ этого посѣщенія молельни. Въ себѣ онъ никогда не зналъ вражды или гадливаго чувства къ раскольникамъ. Все у нихъ было, какъ и быть слѣдуетъ въ молитвенномъ домѣ, довольно благообразно. Но ни къ ихъ начальникамъ и уставщикамъ, ни къ толпѣ простыхъ раскольниковъ не тянуло. Не мѣнять же вѣры? И ничего у нихъ не найдешь, кромѣ обрядовъ да всякихъ запретовъ. А тамъ копни самую суть — и окажутся они такими же „сухарниками“, какъ то согласіе, въ которое совратилась мать Серафимы...

либо бѣглый попъ-разстрига сидитъ у нихъ гдѣ-нибудь въ подклѣти, пока наставники и уставщики служатъ на глазахъ у начальства.

Никакого душевнаго интереса не нашелъ онъ въ себѣ и на квартирѣ „миссіонера", на видъ шустраго мѣщанина, откуда-то изъ-за Волги, состоящаго на жалованьѣ у мѣстнаго православнаго братства, изъ бывшихъ раскольниковъ поморской секты.

Теркинъ почему-то усомнился въ его искренности и не сталъ много разспрашивать про его борьбу съ расколомъ, хотя миссіонеръ говорилъ о себѣ очень серьезнымъ тономъ и далъ понять сразу, что только имъ однимъ и держится это дѣло „въ округѣ", какъ онъ выражался.

Ни законная святыня, ни терпимая только раскольничья не захватывали. Нѣтъ, не находилъ онъ въ себѣ простой мужицкой вѣры, но доволенъ былъ тѣмъ, что въ Кладенцѣ, въ эти двое сутокъ, улеглось въ немъ непріязненное чувство къ здѣшнему крестьянскому міру... Онъ даже обрадовался, когда его хозяинъ, Моховъ, предложилъ ему потолковать объ ихъ общественныхъ дѣлахъ съ двумя-тремя его сторонниками, изъ самыхъ „почтенныхъ" обывателей. Ихъ пригласили къ вечернему чаю; хозяинъ былъ вдовый и бездѣтный, велъ теперь большую торговлю мясомъ, коровьимъ и постнымъ масломъ.

Теркинъ самъ просилъ его не церемониться и соснуть, по привычкѣ, часокъ-другой. Вообще хозяинъ ему понравился и даже тронулъ его теплой памятью о своемъ „однообчественникѣ"—Иванѣ Прокофьичѣ.

XXXVII.

За чаемъ, въ одной изъ парадныхъ комнатъ, сидѣли они впятеромъ. Хозяинъ, на видъ лавочникъ, черноватый моложавый человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, одѣтый „по-нѣмецки", съ рябинами на смугломъ лицѣ, собранномъ въ комочекъ, очень юркій и ласковый въ разговорѣ. Остальные больше смотрѣли разжившимися крестьянами, въ чуйкахъ и высокихъ сапогахъ. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Меньшуткинъ, былъ еще молодой малый. Двое другихъ прозывались Шараевъ и Дубышкинъ.

Моховъ уже ознакомилъ своего гостя и постояльца съ положеніемъ ихъ „обчественныхъ дѣловъ". Всѣ они ругали бывшаго старшину Малмыжскаго, которому удалось поставить себѣ въ преемники своего подручнаго, такого

же „выжигу и „мошейника“, и через него онъ попрежнему мутитъ на сходахъ и, разжившись теперь достаточно, продолжаетъ представлять изъ себя „отца-благодѣтеля“ кладенецкой „гольтепы“, спаиваетъ ее, когда нужно, яко бы стоитъ за ея нужды, а на самомъ дѣлѣ только обдираетъ какъ самый злостный паукъ и науськиваетъ на тѣхъ, кто уже больше пятнадцати лѣтъ желаетъ перейти на городовое положеніе.

Всѣ эти разоблаченія перенесли гостя къ тому времени, когда, бывало, покойный Иванъ Прокофьичъ весь раскраснѣется и съ пылающими глазами то вскочитъ съ мѣста, то опять сядетъ, руками воздухъ рѣжетъ и говоритъ, говоритъ... Конца его рѣчамъ нѣтъ...

И всѣ его рѣчи вертѣлись около этихъ самыхъ „обчественныхъ дѣловъ“. И тогда, и теперь его „вороги“ держали сходы въ своихъ плутовскихъ лапахъ, спаивали „голытьбу“, морочили ее, поддѣлывали фальшивыя подписи на протоколахъ сходокъ, ябедничали начальству; такихъ лицъ, какъ онъ, выставляли „смутьянами“ и добивались приговоровъ о высылкѣ на поселеніе.

— Почему же вы не отдѣлитесь отъ нихъ?—спросилъ Теркинъ, когда достаточно наслушался обличеній и доводовъ хозяина. Остальные трое только поддакивали ему.

— Сколько разъ пробовали! — воскликнулъ Моховъ и тряхнулъ своими курчавыми волосами.

— Мало ли хлопотали!—отозвался еще кто-то.

— И что же?

— Не даютъ ходу. Начальство и здѣшнее, и губернское, на сторонѣ нашихъ вороговъ.

— Однако, какія же причины приводятъ?

— Видите ли, обѣднѣетъ крестьянство. Опять же здѣсь, какъ вы изволите знать, два обчества... Одно-то и подается. То дальше, вонъ гдѣ дворъ Ивана Прокофьича стоялъ... А другое—графская вотчина, гдѣ базарная площадь и всѣ ряды. Тутъ самая драная грамота. Лавки еще у графскаго эконома выкуплены были, и акты совершались, и потомъ, при написаніи уставной грамоты, все это было утверждено. Теперь же гольтепа и ея совратители гнутъ на то, чтобы заново съ насъ же содрать выкупъ... Платить, видите ли, имъ же надо, сельскому обществу, вдругорядь... Коли мы-де на городовое положеніе сядемъ, тогда что же намъ съ васъ содрать? Вы-ста городскую управу учредите и нами командовать будете. Откупайтесь,

коли хотите, заново капиталъ намъ положите обчественный и живите себѣ.

— По-моему,—замѣтилъ Теркинъ,—вамъ такъ бы было удобнѣе.

— Что вы? Василій Иванычъ! Батюшка!—воскликнулъ хозяинъ и вскочилъ съ мѣста. — Да вы нѣшто не знаете здѣшнихъ разбойниковъ? Примѣрно, мы всѣ, торговцы, согласимся и откупимся... Они насъ доѣдутъ всячески! Первымъ дѣломъ, мы все-таки на городовое положеніе не сядемъ. Для этого надо общій приговоръ съ узаконеннымъ числомъ голосовъ. Намъ останется одно: приписаться къ мѣщанству и къ гильдіи. Такъ нѣкоторые и сдѣлали. А ежели мы всѣ, торгующіе въ рядахъ и на площади, сообща откупимся, мы къ нимъ въ кабалу попадемъ... Примѣры-то бывали. Они насъ воды лишатъ.

— Какъ воды лишатъ?—спросилъ Теркинъ.

— Очень просто, Василій Иванычъ. Отрѣжутъ ходъ отъ рѣки. Такіе примѣры бывали!.. Караулить будутъ... Не пущать къ рѣкѣ.

— И доведутъ до точки!

— Безпремѣнно!

— Да позвольте, господа, — заговорилъ Теркинъ, — можетъ, и въ самомъ дѣлѣ здѣшнему бѣдному люду придется еще хуже, когда Кладенецъ будетъ городомъ?.. Вѣдь я, хоть и давно на родинѣ не бывалъ, однако, помню кое-что. Кто не торговецъ, тоже пробавляется кустарнымъ промысломъ. Есть у васъ и сундучники, посуду дѣлаютъ, пряники, шкатулочники прежде водились.

— Ну такъ что же?—уже съ бо̀льшимъ задоромъ возразилъ Моховъ. — Какое же здѣсь крестьянство, скажите на милость? Окромя усадебной земли, что же есть? Оброчныхъ двѣ статьи, землицы малая толика, въ аренду сдана, никто изъ гольтепы ея не займетъ... Есть еще каменоломня... Тоже въ застоѣ. Будь здѣсь городское хозяйство, одна эта статья дала бы столько, что покрыла бы всѣ поборы съ мелкихъ обывателей... А теперь доходъ-то весь плёвый, да половину его уворуютъ... Такъ-то-съ!

Моховъ опять вскочилъ.

— Какъ же вамъ быть, въ такомъ случаѣ, господа?

На вопросъ Теркина всѣ они переглянулись съ хозяиномъ.

— Куражу не терять, Василій Иванычъ,—отвѣтилъ за

всѣхъ хозяинъ,—куражу не терять... Вотъ если бъ въ губерніи у насъ было побольше доброжелателевъ... Вы нашъ коренной, кладенецкій... Намъ и лестно освоить васъ съ нашими дѣлами. У васъ тамъ по пароходству и по другимъ оборотамъ должно быть знакомство обширное. Еще бы лучше, если бъ вы здѣсь осѣдлость пріобрѣли, хоть для видимости.

— Опять къ обществу приписаться?—перебилъ Теркинъ.—Слуга покорный! Вы сами говорите, ка̀кая это сласть!

— Зачѣмъ приписываться?—возразилъ хозяинъ.—Вамъ довольно огадили наши порядки. И за родителя пріемнаго вы достаточно обижены... Но у васъ званіе почетнаго гражданина... Можно домикъ выстроить, хоть поблизости пароходныхъ пристаней, тамъ продаются участки, или въ долгосрочную аренду на тридцать лѣтъ. А между прочимъ, вы бы намъ всякое указаніе. Намъ супротивъ васъ гдѣ же? Учились вы въ гимназіи. И въ гору пошли по причинѣ своей умственности. Наше село должно гордиться вами.

— Извѣстное дѣло!—поддакнулъ кто-то.

— Знаете, Василій Иванычъ, капля-то камень точитъ. Мы надѣемся къ новымъ выборамъ теперешняго разбойника старшину спихнуть и своего человѣка поставить.

Отъ чая и отъ разговора лица у всѣхъ покраснѣли, глаза мысленно обращались къ Теркину. Онъ видѣлъ, куда клонился разговоръ, и будь это еще годъ назадъ—ему пріятно бы было хоть чѣмъ-нибудь выместить партіи Малмыжскаго и его клевретовъ. Но теперь онъ не чувствовалъ никакого злораднаго настроенія, и это не удивляло его, а скорѣе какъ бы радовало. Ему сдавалось, что передъ нимъ сидятъ, быть-можетъ, недурные, трезвые, толковые мужики, нажившіе достатокъ, только они гнутъ въ свою сторону, безъ всякой, повидимому, заботы о томъ, какъ-то придется „гольтепѣ“, какова бы она ни была.

— Скажите мнѣ, Никандръ Саввичъ,—спросилъ онъ вдругъ, уклоняясь отъ главнаго предмета бесѣды,—что̀ же сталось съ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ?.. Въ одномъ изъ вашихъ сельскихъ обществъ?.. Или оно для обоихъ дѣйствовало?

Моховъ махнулъ рукой, и остальные молча усмѣхнулись.

— Смѣху подобно!.. Малмыжскій его и убилъ... съ другими воровалъ... И сухъ изъ воды вышелъ. Отъ всего этого товарищества званія не осталось.

— А кто его устраивалъ... какъ бишь?—Теркинъ оглянулъ ихъ, точно ища фамиліи.

— Аршауловъ, что ли?

— Да, Аршауловъ.

— Пропадаетъ онъ изъ-за этихъ же подлецовъ. Теперь здѣсь, въ Кладенцѣ, въ бѣдности, слышно, чуть живъ, подъ строгимъ надзоромъ. Всякій его сторонится... изъ прежнихъ-то благопріятелей. Съ нами онъ знакомства никогда не водилъ, чурался.

— Почему же?—оживленнѣе спросилъ Теркинъ.

— Ужъ не знаю, какъ вамъ сказать... считаетъ насъ, быть-можетъ, кулаками и міроѣдами... Мы еще въ тѣ поры ему съ Иваномъ Прокофьичемъ говорили: „ничего-то изъ вашего товарищества не выйдетъ путёваго, коли вы Малмыжскаго съ его клевретами думаете допустить до этого самаго дѣла"... Такъ оно и вышло!

Остальные трое только покачали головами и ничего не прибавили отъ себя.

Теркинъ вдругъ подумалъ: почему пріемный его отецъ именно съ этими кладенецкими обывателями держался въ единомысліи? Мальчикомъ онъ смотрѣлъ на все, чѣмъ жилъ Иванъ Прокофьичъ, его же глазами. Онъ вѣрилъ, что отецъ всегда правъ, и его вороги—шайка мошенниковъ и развратителей той голытьбы, о которой столько онъ наслышанъ, да и зналъ ее довольно; помнилъ дни буйныхъ сходокъ, пьянства, озорства, дракъ, чуть не побоевъ, достававшихся тѣмъ, кто не хотѣлъ тянуть въ ихъ сторону. До сихъ поръ помнитъ онъ содержаніе обширной записки, составленной Иваномъ Прокофьичемъ, гдѣ говорилось всего сильнѣе о развращеніи кладенецкаго люда всякими средствами. И количество тайныхъ шинковъ помнилъ онъ: что-то пятьдесятъ или семьдесятъ-пять.

Но вся эта кладенецкая „драная грамота", какъ выразился Моховъ, представилась ему не совсѣмъ такою, какъ прежде. Личное чувство къ бывшему старшинѣ Малмыжскому и его „клевретамъ" улеглось, и гораздо болѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Ему хотѣлось теперь одного: отыскать Аршаулова, принять въ немъ участіе,

заглянуть въ этого человѣка, согрѣть себя задушевной бесѣдой съ нимъ.

Еще долго посвящалъ его Моховъ въ междоусобія Кладенца; заговорили и трое его гостей, точно имъ что-то сразу развязало языкъ, хотя выпивки не было. Теркинъ слушалъ молча и все дальше и дальше чувствовалъ себя отъ этихъ единомышленниковъ его пріемнаго отца.

Подъ конецъ у него вырвались такія слова:

— Мудреное дѣло рѣшить, кто правъ, кто виноватъ, даже и здѣшнему обывателю; а я теперь — человѣкъ со стороны.

— Вамъ слѣдуетъ поддержать насъ, Василій Иванычъ... Въ первую голову! — крикнулъ хозяинъ и пригласилъ къ закускѣ.

XXXVIII.

Опять очутился онъ на томъ самомъ мѣстѣ вала, гдѣ на него нашли думы о судьбахъ Кладенца, передъ посѣщеніемъ монастыря. Поднялся онъ рано, когда его хозяинъ еще спалъ, и долго бродилъ по селу, дожидался часа идти искать домикъ вдовы почтмейстера Аршаулова. Можетъ-быть, сынъ ея уже пріѣхалъ изъ губернскаго города.

Стояло такое же солнечное и теплое утро, какъ и тогда... Онъ сѣлъ подъ одну изъ сосенъ вала и смотрѣлъ вдаль, на загибъ рѣки и волнистое нагорное прибрежье. Какъ-то особенно, почти болѣзненно влекло его къ знакомству съ Аршауловымъ.

Ничего подобнаго онъ еще не испытывалъ прежде. У него бывали встрѣчи съ такими же радѣтелями о меньшей братіи. Тѣ, кто изъ нихъ впалъ въ преувеличенное поклоненіе мужику и его доблести, вызывали въ немъ всегда протестъ. Онъ стоялъ на томъ, что передъ деревенскими порядками нечего „млѣть“ и „таять“, и дальше того, что̀ ему случилось высказать прошлымъ лѣтомъ въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ на пароходѣ „Бирючъ“, онъ не шелъ. Примѣръ Аршаулова, его жалкая судьба — служили ему только лишнимъ доводомъ противъ народниковъ. Пріемный отецъ его никогда дурно не говорилъ объ Аршауловѣ, не подозрѣвалъ его въ намѣреніи поживиться чѣмъ-нибудь. Но онъ повторялъ, что эти господа не тѣмъ заняты, чѣмъ бы слѣдовало, что имъ легко „очки втирать“, на словахъ распинаться передъ

ними за крестьянскій міръ, а на дѣлѣ стричь его какъ стадо барановъ.

Его влекло къ Аршаулову не за тѣмъ, чтобы подкрѣпить въ себѣ такіе доводы. Въ немъ назрѣла жажда исповѣди вотъ такому именно человѣку и потребность сдѣлать для него что̀ можетъ. Между святой дѣвушкой, ушедшей отъ него въ могилу, и этимъ горюномъ была для него связь, хотя, быть-можетъ, онъ и не найдетъ въ немъ ея вѣры. Не за этимъ онъ идетъ къ нему, а просто за добромъ... Родное село дало ему больше, чѣмъ поѣздка къ Троицѣ. Нѣтъ уже того рва, который онъ самъ вырылъ между собою и крестьянствомъ. Услыхать отъ Аршаулова ждалъ онъ сочувственнаго слова личности и общественному поведенію Ивана Прокофьича.

Что жъ дѣлать! Не заставишь себя вѣрить ни по-мужицки, ни по-барски, ни съ дѣтской простотой, ни съ мрачнымъ мистицизмомъ, все равно какъ не заставишь себя любить женщину. Это придетъ или не придетъ. Онъ ищетъ примиренія съ совѣстью, а не тупого отрѣшенія отъ жизни, съ ея радостями и жаждой дѣятельнаго добра.

Когда Теркинъ снялся съ своего мѣста, было уже около девяти часовъ. Онъ могъ бы завернуть къ отцу-настоятелю, но оставилъ это до отъѣзда... Тутъ только подумалъ онъ о своихъ дѣлахъ. Больше десяти дней жилъ онъ внѣ всякихъ дѣловыхъ помысловъ. На низу, въ Астрахани, ему слѣдовало быть въ первыхъ числахъ сентября, да и въ Нижнемъ осталось кое-что неулаженнымъ, а ярмарка уже доживала самые послѣдніе дни.

Это его не тревожило. Впервые такъ искренно находилъ онъ, что жадничать нечего, что все пойдетъ своимъ порядкомъ. Барыши — безъ идеи, для одного себя — не привлекали его. Не въ годъ, такъ въ два или въ три у него не будетъ долга, и на новый рискъ онъ не пойдетъ. Останется долгъ душевный—въ своихъ собственныхъ глазахъ надо покрыть свою первую „передержку". Калерія простила его, но онъ самъ до сихъ поръ не простилъ себя, хоть и расплатился съ Серафимой. Надо еще разъ выплатить эту сумму какимъ-нибудь хорошимъ дѣяніемъ. Какимъ? И объ этомъ онъ будетъ говорить съ Аршауловымъ.

Дошелъ онъ до почтовой конторы. У станового онъ

разспросилъ, какъ отыскать домикъ вдовы-почтмейстерши, и соображалъ теперь, въ какой переулокъ повернуть.

Домикъ стоялъ на углу, у подъема къ тому урочищу, что̀ зовется Баскачихой, про которую упоминалъ отецъ-настоятель, когда велъ съ нимъ бесѣду о кладенецкой старинѣ. Совсѣмъ почернѣлъ онъ; былъ когда-то выкрашенъ, только еще на ставняхъ сохранились слѣды зеленой краски; смотрѣлъ все-таки не избой, а обывательскимъ домомъ.

Въ калитку Теркинъ вошелъ осторожно. Она не была заперта. Дворъ открытый, тѣсный. Доска вела къ крылечку, обшитому тесомъ. И на крылечкѣ дверь подалась, когда онъ взялся за ручку, и попалъ въ крошечную переднюю, куда изъ зальца, справа, дверь стояла отворенной на одну половинку.

— Кого вамъ?—раздался слабый женскій голосъ съ замѣтнымъ шамканьемъ.

Его окликнули изъ глубины, должно-быть, изъ кухни или изъ каморки, выходившей окнами на дворъ.

— Господинъ Аршауловъ у себя?—спросилъ онъ громко.

Послышались шлепающіе шаги, и къ Теркину вышла старушка, очень бѣдно, не по-крестьянски одѣтая, видомъ няня, безъ чепца, съ сѣдыми какъ лунь волосами, завернутыми въ косичку на маковкѣ, маленькаго роста, сгорбленная, опрятная. Старый клѣтчатый платокъ накинутъ былъ на ситцевый капотъ.

— Господинъ Аршауловъ? — переспросилъ Теркинъ. — Здѣсь, если не ошибаюсь?

Старушка снизу вверхъ оглядѣла его слезливыми слабыми глазами, откинула голову немного на лѣвое плечо и выговорила, помедливъ:

— Живетъ онъ здѣсь... Только въ отъѣздѣ.

— Когда же будетъ назадъ?

— Да, право, не могу вамъ навѣрно сказать.

Она, видимо, не довѣряла ему.

— Вы — матушка его? — особенно ласково спросилъ Теркинъ.

— Да-съ.

— Какъ по имени отчеству?

— Марья Евграфовна.

— Вы позволите, Марья Евграфовна, на минуточку войти къ вамъ?.. Видите ли, я здѣсь проѣздомъ и мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы повидать вашего сына.

— Милости прошу.

Говоръ у старушки былъ немного чопорный: она, вѣроятно, родилась въ семьѣ чиновника или мелкопомѣстнаго дворянина.

Зальце въ три окна служило и спальней, и рабочей комнатой сыну: облѣзлый ломберный столъ съ книгами, клеенчатый убогій диванъ, гдѣ онъ и спалъ, картинки на стѣнахъ и два-три горшка съ цвѣтами, — все очень бѣдное и старенькое. Краска пола облупилась. Окурки папиросъ виднѣлись повсюду. Окна были заперты. Пахло жилой комнатой больного.

— Милости прошу! — повторила старушка и указала гостю на кушетку.

Теркинъ ожидалъ еще бо̀льшей бѣдности; но все-таки ему бросился въ глаза контрастъ между этой обстановкой и хоромами Никандра Саввича Мохова, отдѣланными съ разными купеческими затѣями.

— Марья Евграфовна,—началъ Теркинъ, чувствуя волненіе,—пожалуйста, вы не примите меня за какое-нибудь официальное лицо.

— Вы изъ господъ здѣшнихъ помѣщиковъ?

— Какое! Я родился въ Кладенцѣ, въ крестьянскомъ домѣ воспитанъ. И супруга вашего прекрасно помню. И сынка видалъ. Моимъ пріемнымъ отцомъ былъ Иванъ Прокофьичъ Теркинъ... Не изволите припомнить?

— Слыхала, слыхала.

— Котораго по приговору схода благопріятели его въ Сибирь сослали, яко бы за смутьянство.

— Теперь вспомнила, Миша мнѣ говаривалъ.

— Сынокъ вашъ? Его Михаиломъ зовутъ... а по батюшкѣ какъ?

— Терентьичъ, батюшка.

Глаза старушки измѣнили выраженіе, и въ складкѣ блѣдныхъ губъ еще крѣпкаго рта явилось выраженіе горечи.

— Такъ вотъ, Марья Евграфовна, кто я. Про судьбу Михаила Терентьича я достаточно наслышанъ. Знаю, черезъ какія испытанія онъ прошелъ, и какіе ему пришлось видѣть плоды своего радѣнія на пользу здѣшняго крестьянскаго люда. Узналъ, что онъ теперь водворенъ на родину, и не хотѣлъ уѣзжать изъ Кладенца, не побывавъ у него.

Онъ придвинулся къ старушкѣ и протянулъ ей руку.

На глазахъ ея были слезы, которыя она, однако, сдерживала.

— Миша мой — мученикъ!.. Столько принялъ всякихъ напастей... И за что?.. Сколько я сама вымаливала... Прислали вотъ сюда умирать...

— Здоровье его дѣйствительно плохо?

— И-и!

Она отвернула лицо, не желая показывать слезъ.

— Прошу васъ, Марья Евграфовна,—началъ Теркинъ, взволнованный еще сильнѣе,—будьте со мной по душѣ... Я бы хотѣлъ знать положеніе ваше и Михаила Терентьича.

— Сами видите, батюшка, какъ живемъ. Пенсіи я не выхлопотала отъ начальства. Хорошо еще, что въ земской управѣ нашлись добрые люди... Получаю вспомоществованіе. Землица была у меня... давно продана. Миша безъ устали работаетъ, пишетъ... себя въ гробъ вколачиваетъ. По статистикѣ составляетъ тоже вѣдомости... Кое-когда перепадетъ самая малость... Вотъ теперь въ губерніи хлопочетъ... на частную службу не примутъ ли. Ежели и примутъ, онъ тамъ года не проживетъ... Одинъ день бродитъ, недѣлю лежитъ да стонетъ.

Никакихъ униженныхъ просьбъ не услыхалъ онъ отъ нея. Это его еще болѣе тронуло.

— Сегодня ждете Михаила Терентьича?

— Вамъ кто сказывалъ?

— Становой.

— То-то, молъ... Становой съ Мишей еще по-христіански обращается... Такіе ли бываютъ... Ежели къ обѣду не прибѣжитъ на пароходѣ—значитъ, поздно, часамъ къ девяти.

— Такъ по-вашему, Марья Евграфовна, лучше ему здѣсь быть, при васъ, даже если онъ и добьется какой-нибудь постоянной работы въ губерніи? — Онъ не выдержалъ и быстро прибавилъ: — Заработокъ можно достать, даже коли не позволятъ въ другомъ мѣстѣ жить... И здѣсь поддержимъ!

Въ какихъ онъ дѣлахъ, Теркинъ не сказалъ ей: это показалось бы хвастовствомъ; но черезъ полчаса разговора старушка, прощаясь съ нимъ, заплакала и прошептала:

— Умереть-то бы ему хоть на моихъ рукахъ, голубчику!

— А можетъ, и вылѣчимъ, Марья Евграфовна!.. На кумысъ будущимъ лѣтомъ схлопочемъ!

Онъ обѣщалъ ей заѣхать послѣ обѣда и, если сынъ ея не пріѣдетъ съ первымъ пароходомъ, отправиться самому вечеромъ на пристань и доставить его въ долгушѣ.

Когда онъ на порогѣ крылечка еще разъ протягивалъ ей руку, во взглядѣ ея точно промелькнулъ страхъ: „не приходилъ ли онъ выпытывать у нея о сынѣ?“

Это его не обидѣло. Развѣ онъ не могъ быть „соглядатай“ или просто бахвалъ, разыгрывающій роль благодѣтеля?

XXXIX.

На ломберномъ столѣ ютилась низенькая лампочка, издавая запахъ керосина. Комната стояла въ полутьмѣ. Но Теркину, сидѣвшему рядомъ съ Аршауловымъ на кушеткѣ, лицо хозяина было отчетливо видно. Глаза вспыхивали во впадинахъ, впалыя щеки заострились на скулахъ, волосы сильно сѣдѣли и на неправильномъ черепѣ и въ длинной бородѣ. Онъ смотрѣлъ старообразно и весь горбился подъ пледомъ, надѣтымъ на рабочую блузу.

Теркинъ слушалъ его уже около часа, не перебивая. Теперь онъ зналъ, черезъ что прошелъ этотъ народникъ. Аршауловъ разсказывалъ ему, покашливая и много куря, про свои мытарства, точно рѣчь шла о постороннемъ, просто, почти простовато, безъ пришибленности и безъ всякой горечи, какъ о „незадачѣ“, которая по нынѣшнимъ временамъ могла со всякимъ случиться. Въ первыя минуты это показалось Теркину не совсѣмъ искреннимъ; четверти часа не прошло, какъ онъ уже не чуялъ въ тонѣ Аршаулова никакой маскировки.

— Да, Василій Иванычъ, только вотъ здѣсь лѣтомъ, какъ пошли жаркіе дни, сталъ я лучше слышать на правое ухо. Лѣвое, кажется, окончательно погибло.

— И вы оглохли отъ сидѣнья?

— Ни отъ чего другого! пріобрѣлъ это вмѣстѣ съ цынгой, опухолью ногъ и катаромъ бронховъ. Но это все ничего въ сравненіи съ молчаніемъ и одурью сидѣнья мѣсяцами и годами.

— Годами!—вырвалось у Теркина.

— Я высидѣлъ въ одномъ номерѣ два года, девять мѣсяцевъ и четырнадцать дней.

— И неужели никакихъ возможностей сообщенія съ товарищами по заключенію?

— Безъ этого бы и съ ума сойти можно!

Аршауловъ откашлялся звукомъ чахоточнаго, короткимъ и сухимъ, закурилъ новую папиросу и такъ же спокойно, не спѣша, добродушными нотами, вспоминалъ, какъ долго учился онъ азбукѣ арестантовъ, посредствомъ стуковъ, и сколько бесѣдъ велъ онъ такимъ способомъ со своими невидимыми сосѣдями, узнавалъ, кто они, давно ли сидятъ, за что посажены, чего ждутъ, на что надѣются. Были и мужчины и женщины. Отъ нѣкоторыхъ выслушивалъ онъ цѣлыя исповѣди.

Никто еще не вводилъ Теркина такъ образно въ этотъ міръ невѣдомой, потаенной жизни Онъ не могъ все-таки не изумляться, какъ сумѣлъ Аршауловъ сохранить—больной, нищій, безъ правъ, безъ свободы выбора занятій и безъ возможности выносить усиленную работу—такое отношеніе къ своей судьбѣ и къ тому народу, изъ-за котораго онъ погибалъ.

— Не я одинъ,--говорилъ ему Аршауловъ, не мѣняя тона. — Попадались, какъ и я же, изъ-за какой-нибудь ничтожной записки, или стараго конверта, визитной карточки. Мало ли съ кѣмъ случалось встрѣчаться и переписываться!.. Я, лично, противъ грубаго насилія; но на иной взглядъ и я—такой же разрушитель!.. Иначе и не могло быть!

— И всѣмъ этимъ вы обязаны кладенецкимъ мужичкамъ?—глухо сказалъ Теркинъ.

— Нѣтъ, я съ такимъ толкованіемъ не согласенъ, Василій Иванычъ!..

Аршауловъ всталъ и, кутаясь въ пледъ, тихо заходилъ по комнатѣ.

— Доноса отъ крестьянъ на меня не было, я въ это не вѣрю... Было усердіе со стороны мѣстнаго начальства и, быть-можетъ, кое-кого изъ той партіи, которая товариществу, устроенному мною, не сочувствовала и гнула на городовое положеніе.

Теркина точно что ужалило. Онъ тоже поднялся, подошелъ къ Аршаулову и взялъ его за свободный край пледа.

— Для меня это чувствительно, Михаилъ Терентьичъ! Я хотѣлъ отъ васъ именно выслушать душевное слово, въ память моего пріемнаго отца Ивана Прокофьича. А

вы говорите про тѣхъ, кто его поддерживалъ, какъ про предателей и доносчиковъ. Какъ же это?

Голосъ Теркина вздрагивалъ.

— Позвольте, позвольте, Василій Иванычъ, — Аршауловъ прикоснулся къ его рукѣ горячей ладонью и подвелъ опять къ кушеткѣ. — Чувство ваше понимаю и высоко цѣню... На покойнаго отца вашего смотрѣлъ я всегда какъ на богато-одаренную натуру... съ высокими запросами. Но мы съ нимъ не могли столковаться, и онъ, не замѣчая того, шелъ прямо въ разрѣзъ съ интересами здѣшнихъ бѣдняковъ.

— Однако?..

— Выслушайте меня.

Долго и все такъ же кротко говорилъ Аршауловъ, даже кашель не прерывалъ его рѣчи, и передъ Теркинымъ вставала совсѣмъ иная картина кладенецкихъ усобицъ. Онъ началъ распознавать коренную ошибку Ивана Прокофьича, не захотѣвшаго смирить себя передъ насущными нуждами и мірскими инстинктами „гольтепы", слишкомъ горячо чувствовалъ личныя обиды, неблагодарность за свои услуги въ пору борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, увлекался мечтами о городскомъ благоустройствѣ и сталъ сторонникомъ скупщиковъ, мѣтившихъ въ купцы, разорвалъ связь съ мужицкой общиной.

— Но вѣдь его враги, — возражалъ онъ, — старшина Малмыжскій и его подручные, были завѣдомые прощелыги и воры, совратители схода?..

— Я ихъ и не выгораживаю, Василій Иванычъ. И каковы бы они ни были, все-таки ими держалось общинное начало.—Аршауловъ взялъ его за руку.—Войдите сюда. Не говоритъ ли въ васъ горечь давней обиды... за отца и, быть-можетъ, за себя самого? Я вашу исторію знаю, Василій Иванычъ... Вамъ здѣсь нанесли тяжкое оскорбленіе... Вы имѣли поводъ возненавидѣть то сословіе, въ которомъ родились. Но что такое наши личныя обиды рядомъ съ исконнымъ долгомъ нашимъ? Мы всѣ, сколько насъ ни есть, въ неоплатномъ долгу передъ той же самой гольтепой!..

Теркинъ молчалъ, но ему хотѣлось сказать: „Это идолопоклонство! Народъ—темная, слѣпая сила, и надо ею править, а не становиться передъ ней на колѣни!"

Онъ далъ Аршаулову высказаться.

И въ этомъ человѣкѣ увидалъ онъ подъ конецъ не

изувѣрство какой-нибудь книжной проповѣди, а глубину чистой, ничѣмъ не подмѣшанной преданности народу, жалость къ нему, желаніе поднять его всячески, дѣлиться съ нимъ знаніемъ, идеями, трудомъ, сердечной лаской.

— Что жъ изъ того,—доносился до него чахоточный голосъ Аршаулова, согрѣтый тихимъ одушевленіемъ,— что жъ изъ того, Василій Иванычъ, что здѣсь облюбленное мною дѣло лопнуло, и я самъ искалѣченъ тюрьмой и ссылкой?.. Это—не аргументъ. Да, въ здѣшнемъ народѣ не нашлось того, что̀ нужно для стойкаго веденія всякаго товарищества... Лѣнь, водка, бѣдность, плутоватость, кумовство... все это есть, и я, по крайней молодости своей въ ту пору, многаго не доглядѣлъ. Но въ немъ, въ его коренныхъ свойствахъ—задатки высшаго общественнаго строя... Онъ способенъ на выдержку и работу сообща. Я не славянофилъ... и нынѣшняго патріотическаго самохвальства не жалую; однако, такова и моя вѣра!

— Кто же поддерживаетъ васъ... въ настоящую минуту?.. Всѣ оставили?.. Испугались?..

— Испугались—это точно. Да какъ же вы хотите, чтобы было иначе?.. Страхъ, умственный мракъ, вѣковая тягота—вотъ его школа!.. Потому-то всѣ мы, у кого есть свѣтъ, и не должны знать никакого страха и продолжать свое дѣло... что бы намъ ни посылала судьба.

Тутъ только онъ откашлялся и перевелъ дыханіе. Глаза разгорѣлись. Онъ выпрямился, и его неправильное лицо стало красивѣе.

Теркинъ сидѣлъ съ опущенной головой и въ рукѣ его тлѣла закуренная папироса. Онъ нашелъ бы доводы противъ того, чѣмъ закончилъ Аршауловъ, но ему захотѣлось слиться съ пламеннымъ желаніемъ этого бѣдняги, въ которомъ онъ видѣлъ гораздо больше душевнаго равновѣсія, чѣмъ въ себѣ.

— Такъ-то такъ,—выговорилъ онъ,—но съ народомъ, Михаилъ Терентьичъ, надо быть одного закона... вѣрить, во что онъ самъ вѣритъ... Нешто это легко?

— Вы о какой вѣрѣ?

— Какую онъ самъ имѣетъ. Да вдобавокъ, здѣсь, въ Кладенцѣ, другъ противъ друга стоятъ—законная церковь и расколъ. Надо къ чему-нибудь пристать. А насильно не заставишь себя вѣрить.

— И не надо,—упавшимъ голосомъ, но съ той же убѣ-

жденностью сказалъ Аршауловъ. — Народъ терпимѣе по натурѣ, чѣмъ мы. Сектантство — только форма протеста или проблескъ умственной жажды. Въ душу вашу онъ инквизиторски не залѣзаетъ.

— Однако, ѣсть съ вами изъ одной чашки не будетъ. Да и не о расколѣ я говорю. О томъ, что мужицкой вѣры не добудешь, если бъ и хотѣлъ. Не знаю, какъ вы...

— Никогда я не находилъ препятствія въ моихъ убѣжденіяхъ, чтобы приблизиться къ народу. И здѣсь это еще легче, чѣмъ гдѣ-нибудь. Онъ молебенъ служитъ Фролу и Лавру и ведетъ каураго своего кропить водой, а я не пойду и скажу ему: извини, милый, я — не церковный... Это онъ услышитъ и отъ всякаго безпоповца... Въ общемъ дѣлѣ они могутъ стоять бокъ-о-бокъ и поступать по-божески, какъ это всякій по-своему разумѣетъ.

— Хорошо бы такъ-то!—вырвалось у Теркина.

— И такъ будетъ, Василій Иванычъ, такъ должно быть. У всѣхъ, кто жалѣетъ о народѣ, одна вѣра, и она божественнаго происхожденія, одинъ законъ,—правды и человѣчности.

Изъ передней дверь скрипнула. Показалась голова матери Аршаулова.

— Миша! Не угодно ли имъ чайку? Самоваръ давно стоитъ... Ко мнѣ пожалуйте. Или въ ту вонъ комнату.

— Ахъ, маменька!.. Погодите!.. Такой у насъ разговоръ...

— Шибко-то говорить ему вредно, — старушка обратилась къ гостю,—а онъ не можетъ удержаться.

— Ничего! Я вѣдь не напрягаюсь. Лучше сюда принесите намъ. Василій Иванычъ не взыщетъ.

Теркинъ тоже подосадовалъ на старушку за перерывъ ихъ бесѣды. У него было еще многое на сердцѣ, съ чѣмъ онъ стремился къ Аршаулову. Сегодня онъ съ нимъ и простится и не уйдетъ отъ него съ пустыми руками... И утомлять его онъ боялся, хотя ему видъ Аршаулова не показался уже такимъ безнадежнымъ. Явилась надежда вылѣчить его, поселить на югѣ, обезпечить работой по душѣ.

XL.

„Пора уходить",—спохватился гость, взглянувъ украдкой на часы. Аршауловъ началъ замѣтно слабѣть; по-

просилъ даже позволенія прилечь на кушеткѣ. Голова старушки уже раза два показывалась въ полуотворенную дверь.

Поговорили они порядкомъ и о теперешнемъ его положеніи. Онъ не жаловался. Въ губернскомъ городѣ ему обѣщали постоянную работу по статистикѣ, не требующую ни особенной спѣшности, ни частыхъ разъѣздовъ. Въ городъ его не тянуло, хоть тамъ онъ и нашелъ бы цѣлый кружокъ такихъ же „подневольныхъ обывателей", какъ и онъ самъ.

— Матушка все боялась, что я соблазнюсь, буду туда проситься на житье... Нѣтъ!.. Климатъ тамъ такой же... Еще похуже будетъ. А главное, здѣсь я окруженъ моей стихіей. Здѣсь и умру.

Теркинъ искренно и почти стыдливо высказалъ готовность поддержать его чѣмъ можетъ, предложилъ доставить ему у себя мѣсто на низовьяхъ Волги, гдѣ все-таки не такъ сурово, если только начальство согласится пустить его туда. Аршауловъ выслушалъ, дотронулся до его плеча и покачалъ головой.

— Спасибо, Василій Иванычъ, я по вашему дѣлу не гожусь. Видите, каково мое здоровье.

Дальше рѣчь объ этомъ не пошла.

— Вы на меня смотрите какъ на буржуя,—торопливо заговорилъ Теркинъ, взволнованный и смущенный. — Такъ вѣдь называютъ нашего брата—практика?..

Онъ не могъ уйти отъ Аршаулова безъ исповѣди.

— Вы человѣкъ изъ народа,—рѣзко отвѣтилъ тотъ,— и останьтесь имъ, насколько возможно.

— Насколько возможно!—повторилъ Теркинъ и махнулъ рукой. — На распутьѣ я стоялъ, Михаилъ Терентьичъ, два человѣка во мнѣ войну вели, и тотъ, котораго къ вамъ влечетъ, пришелъ за духовной помощью второму, хищному.

Безъ всякихъ оговорокъ и смятенья, порывисто, со слезами въ голосѣ, онъ раскрылъ ему свою душу, разсказалъ про все — сдѣлку съ совѣстью, связь съ чужой женой, разрывъ, встрѣчу съ чудной дѣвушкой и ея смерть, про поворотъ къ простой мужицкой вѣрѣ и безсиліе свое найти ее, про то чувство, съ какимъ пріѣхалъ въ Кладенецъ.

— Не хочу я, не хочу я жить безъ вѣры... — повторялъ онъ, размягченный своей исповѣдью. — А вѣрить

не могу какъ простецъ: хоть и мало я учился, все-таки книжка взяла свое. Другой, внутренній законъ мнѣ нуженъ, вотъ такой, какой въ васъ сидитъ, Михаилъ Терентьичъ. И тутъ загвоздка! Къ народу долго мстительность имѣлъ... Теперь только здѣсь стало въ меня примиреніе проникать. Въ мужика, въ землепашца, въ кустаря я не обращусь... Не то, чтобы не пускала одна утроба, избалованность, жадность къ дорогому и сладкому житью, а за свое человѣческое достоинство дрожу, не хочу потерять хоть подобіе гражданскихъ правъ... чтобы тебя пороли въ волости какъ скотину. Съ этого меня никто не сдвинетъ... Я долженъ хозяйствовать и въ гору идти— такова моя доля; и что̀ я изъ своего добра сдѣлаю, какъ я свои стяжанія соглашу съ жалостью къ народу, съ служеніемъ правдѣ—не знаю!.. Взыскую этого, Михаилъ Терентьичъ, всѣмъ моимъ нутромъ взыскую!..

Онъ закрылъ лицо руками и смолкъ, весь потрясенный.

— Не забывайте, — проникалъ въ него чуть слышно голосъ Аршаулова, закинувшаго голову на валикъ кушетки, — не забывайте крестьянства; оно приняло и выходило васъ и бросило въ душу зерно мірской правды... Вѣдь Иванъ-то Прокофьичъ, хоть онъ и ошибался въ средствахъ, цѣль имѣлъ одну: стоять за правду со своими однообщественниками. И его примѣръ заразителенъ; оттого только, что онъ водился съ богатеями, съ скупщиками, онъ потерялъ чутье настоящаго мужицкаго блага, добивался такихъ порядковъ, гдѣ можно будетъ властвовать безусловно, мѣнялъ по доброй волѣ деревню на городъ. Но онъ былъ прикованъ къ своему мѣсту, зарвался; по природѣ своей человѣкъ онъ былъ слишкомъ пылкій и даже славолюбивый. Ему уже нельзя было очистить свое пониманіе отъ всѣхъ этихъ примѣсей. Вы молоды, свободны, ищете праваго пути, видите насквозь все, что̀ творится на Руси хищнаго и безстыжаго. Хозяйствуйте, заручайтесь силой, только помните, кто васъ кормилъ, передъ кѣмъ вы въ долгу. И найдете свой законъ, свою вѣру!

— Нешто это мыслимо, чтобы не завязить хоть одной ноги въ неправдѣ?—глухо вырвалось у Теркина.

— А нельзя, такъ вернитесь сюда... сбросьте съ себя все и станьте на сторону кладенецкой гольтепы, искупите всѣ вольные и невольные грѣхи вашего отца противъ крестьянскаго міра.

— И кончите тѣмъ, что васъ, какъ смутьяна и бунтовщика, сначала выдерутъ разъ пятьдесятъ, потомъ сошлютъ туда же, откуда Иванъ Прокофьичъ вернулся полуживой!..

— Быть-можетъ,—чуть слышно вымолвилъ Аршауловъ.

За стѣной деревянные часы пробили десять.

На самомъ юру, по ту сторону торговой улицы, ближе къ мѣсту, гдѣ пристаютъ пароходы, усталый присѣлъ Теркинъ. Онъ пошелъ отъ Аршаулова бродить по селу. Спать онъ не могъ и не хотѣлъ попадать къ часу ужина своего хозяина, Мохова.

Ночь звѣздная, мягкая для первыхъ чиселъ сентября, съ отблескомъ новой луны въ рѣкѣ, вѣяла ему въ лицо горной прохладой. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ, которую помнилъ еще съ ранняго дѣтства... Тутъ на Святой и Ѳоминой парни и дѣвки собираются гулять и ѣсть лакомства.

Слѣва, внизъ по рѣкѣ, издалека показались цвѣтныя точки фонарей парохода, и шумъ колесъ уже доносился до него; потомъ и хвостъ искръ изъ трубы потянулся по пологу ночи.

Это могъ быть и „Батракъ", если его ничто не задержало ни въ Нижнемъ, ни въ Лысковѣ. Разглядѣть было трудно, даже какого цвѣта пароходъ.

Будь это и „Батракъ", онъ не пойдетъ на пристань. Тамъ и до сихъ поръ врядъ ли знаютъ, что одинъ изъ пайщиковъ товарищества проживаетъ въ Кладенцѣ.

Судьба видно не спроста привела его сюда, послѣ исповѣди Аршаулову. На этой рѣкѣ онъ родился, на ней вышелъ въ люди, на нее спустилъ свой собственный пароходъ. Вся его жизнь пройдетъ на ней. Онъ другого и не желаетъ. И ежели той же судьбѣ угодно дать ему силы-мощи послужить этой рѣкѣ, какъ онъ всегда мечталъ, развѣ не скажетъ ему спасибо каждый забитый мужичонко, на протяженіи всего Поволжья? Нутко!

Онъ не сталъ уноситься вдаль. Ему хотѣлось сохранить въ себѣ настроеніе, съ какимъ онъ оставилъ домикъ Аршаулова. Пароходъ вдругъ напомнилъ ему его разговоръ съ писателемъ, Борисомъ Петровичемъ, когда въ немъ впервые зажглась жажда исповѣди, и капитанъ Кузьмичевъ своимъ зовомъ пить чай не далъ ему высказаться.

Борисъ Петровичъ и Аршауловъ — родные братья по духу, по своей любви къ народу... Только тотъ служитъ ему большимъ талантомъ, а этотъ горюнъ испортилъ въ лоскъ свою жизнь и ничего не сдѣлалъ даже для одного Кладенца.

Что за нужда! Онъ счастливъ, душа у него младенчески чиста, никакого разлада съ самимъ собой; на ладанъ дышитъ, а ни одной горькой ноты!.. Развѣ не завидно?

И вспомнилась ему та фраза, которую онъ въ разговорѣ съ Борисомъ Петровичемъ привелъ изъ присловій московскаго патріота: „такъ русская печь печетъ!“

Чудно̀ печетъ она, и никакому иностранцу не разобрать, что̀ дѣлается въ душѣ русскаго человѣка.

Ритмическій шумъ близившагося парохода все крѣпчалъ... Протянулся и звукъ свистка, гулкій, немножко зловѣщій, такой же длинный, какъ и столбъ искръ отъ трубы.

„Не „Батракъ“ ли?“—спросилъ себя еще разъ Теркинъ. Звукъ показался ему очень знакомымъ... Онъ не сталъ разглядывать очертаній парохода.

На пристани замигали фонари, и окошко конторы выдѣлялось свѣтлымъ четыреугольникомъ.

Завтра онъ убѣжитъ отсюда внизъ по рѣкѣ на какомъ придется пароходѣ.

Куда? Гдѣ у него домъ?.. Все разлетѣлось прахомъ... Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли. Онъ началъ считать на пальцахъ дни съ пріѣзда на дачу около посада, и не выходило полнаго мѣсяца; а со смерти Калеріи—всего двѣнадцать дней: три на дорогу въ Москву, два въ Москвѣ и у Троицы, три на поѣздку въ Кладенецъ, да здѣсь онъ четвертый день.

И опять онъ бобыль: ни жены, ни подруги!.. Тамъ, пониже Казани, томится красавица, полная страсти, всю себя отдала ему, изъ-за любви пошла на душегубство... Напиши онъ ей слово, пусти телеграмму—она прилетитъ сію минуту. Вѣдь кровь заговоритъ же въ немъ, потянетъ снова къ женской прелести, будетъ искать отклика душа и нарвется на потаскушку, уйдетъ въ постыдную страсть, кончитъ такимъ паденіемъ, до какого никогда не дошелъ бы съ Серафимой.

Въ ушахъ его зазвучали кроткія слова Калеріи, ея просьба простить Серафиму, вести ее къ алтарю...

Нѣтъ!.. Между нимъ и Серафимой легла могила этой дѣвушки, выѣла и влеченіе къ женщинѣ, и жалость. Не найти ему въ бракѣ съ бывшей любовницей ничего, кромѣ „распусты“.

Тщета всякаго счастія и всякаго стяжанія пронизала его вмѣстѣ съ образомъ смерти Калеріи... Все бросить, превратиться въ простеца, дойти до высокаго юродства Михаила Терентьича Аршаулова?!..

Протянулось нѣсколько минутъ. Теркинъ все еще сидѣлъ съ низко-опущенной головой. Его точно разбудилъ новый свистокъ, у самой пристани.

Онъ всталъ, встряхнулся, пристально поглядѣлъ внизъ на рѣку. Подходилъ „Батракъ“. Вонъ косая труба и верхняя американская рубка.

Его внезапно подхватило хозяйское чувство и понесло къ своему дѣтищу. Почти бѣгомъ сталъ онъ спускаться по горѣ къ пристани, точно ища спасенія отъ самого себя...

Часть третья и послѣдняя.

I.

Раннее половодье залило низины плоскаго прибрежья Волги, вплоть до села Заводнаго. Нагорный берегъ зеленѣлъ, покрытый на нѣсколько десятинъ паркомъ, спускавшимся къ рѣкѣ до узкой песчаной дороги.

Паркъ этотъ раздѣляли глубокія балки, обросшія дубомъ и кленомъ, мѣстами березой. Наверхъ шли еще влажныя дорожки, вдоль обрыва и крестъ-накрестъ къ площадкѣ, гдѣ между двумя липовыми аллеями помѣщались качели. Остатки клумбъ и заросшія купы кустовъ выказывали очертанія барскаго цвѣтника, теперь запущеннаго.

Въ глубинѣ желтѣлъ двухъэтажный домъ, съ террасами, каменный, давно некрашеный. Верхній этажъ стоялъ на зиму заколоченный, да и теперь—съ закрытыми ставнями. Позади—вправо и влѣво — шли службы, обставляя обширный дворъ съ выѣздомъ на проселочную дорогу. На горизонтѣ синѣли лѣса.

Въ креслецѣ качель сидѣла и покачивалась въ короткой темной кофточкѣ и клѣтчатой юбкѣ, съ шапочкой на головѣ, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, не очень рослая. Свѣжія щеки отзывались еще дѣтствомъ—и голубые глаза, и волнистые свѣтлые волосы, низко спадавшіе на лобъ. Руки и ноги свои, маленькія и также по-дѣтски пухлыя, она неторопливо приводила въ движеніе, а пальцами рукъ, безъ перчатокъ, перебирала, держась ими за веревки, и раскачивала то одной, то другой ногой.

Нѣсколько ямочекъ смѣялись на ея личикѣ, подъ самыми глазами, и посрединѣ щекъ, и даже на подбородкѣ. Глаза—широко разрѣзанные, прозрачные—переходили отъ одного предмета къ другому, отъ дерева къ травѣ, и дальше къ скамьѣ, стоявшей на обрывѣ, въ полукругѣ низкихъ кустовъ, еще туго распускавшихъ свои почки.

Солнце начало печь—шелъ первый часъ дня.

Дѣвушка изрѣдка щурилась, когда повертывала голову въ сторону дома, гдѣ былъ югъ. Ея высокая грудь вдыхала въ себя струи воздуха, съ милымъ движеніемъ рта. Розовыя губы ея замѣтно раскрывались, и ротъ оставался полуоткрытымъ нѣсколько секундъ — изъ него выглядывали тѣсно сидящіе зубы, блестѣвшіе на солнцѣ.

Гулять по парку было еще сыро. Внизъ, къ рѣкѣ, она не рѣшалась спускаться одна. Вотъ послѣ обѣда, когда ея старшая тетка ляжетъ отдохнуть, она пойдетъ къ рѣкѣ, если подъѣдетъ Николай Никанорычъ къ обѣду.

Николай Никанорычъ живетъ у нихъ вторую недѣлю, во флигелѣ. Онъ—землемѣръ. Фамилія его Первачъ. Такая странная фамилія! Она его спросила какъ-то: „что̀ значитъ первачъ?“ И онъ ей объяснилъ, что такъ называется какая-то мука,—пшеничная, кажется. Этотъ Первачъ — красивъ, даже очень красивъ — брюнетъ, волосы вьются, бородка клинушкомъ и на щекахъ коротко подстрижена. Одѣвается „шикозно“.

Это слово „шикозно“, какъ и много другихъ, она вывезла изъ губернскаго института. Давно ли былъ выпускъ, актъ и балъ?.. Всего какихъ-нибудь три мѣсяца съ небольшимъ, передъ масленицей. Онѣ—въ старшемъ классѣ, всѣ носили при себѣ маленькіе календари и отмѣчали крестикомъ каждый протянувшійся день. Пріѣхали за ней папа и младшая тетка, Марѳа Захаровна, съ няней Ѳедосеевной, нашивали платья, бѣлья, каждый день ходили портнихи и приказчики изъ магазиновъ. Медали она не получила; только награду—похвальный листъ и книги — сочиненія Пушкина, съ позолоченнымъ обрѣзомъ. Она сама удивилась, что кончила съ наградой. Могла бы поступить на какіе-нибудь курсы, въ Москвѣ или Петербургѣ. Но ее совсѣмъ туда не тянуло. Лучше своего губернскаго города она ничего не знала. Такъ ее всѣ любили,—и въ институтѣ, и въ городѣ. Прожили они цѣлый мѣсяцъ; были пикники, вечера въ клубѣ; три раза ее возили въ театръ; она видѣла цѣлыхъ три оперетки и по слуху до

сихъ поръ напѣваетъ оттуда. Нотъ не успѣла найти. Папа потомъ привезъ ее сюда, въ усадьбу, гдѣ она давно не бывала. Одно лѣто проболѣла. Ее не брали на вакаціи. Потомъ ѣздила въ Самару на кумысъ. Вотъ съ тѣхъ поръ она такъ поправилась. Прошло все: кашель, простуды, головныя боли, сердцебіеніе. Въ институтѣ думали, что у нея будетъ чахотка, а теперь она—„кубышка".

Такъ прозвали ее подруги, особенно одна, Маша Холтіопова. Та всегда была больная, бѣлая, точно молокомъ налитая, съ чудной таліей. Онѣ клялись писать другъ другу каждую недѣлю. Первые два мѣсяца писали, потомъ пошло туже.

Да и о чемъ писать? Съ тѣхъ поръ, какъ она въ Заводномъ, день за днемъ мелькаютъ — и ни за что нельзя зацѣпиться. Спать можно сколько хочешь, пожалуй, хоть не одѣваться, какъ слѣдуетъ, не носить корсета. Гости— рѣдки... Предводитель заѣзжаетъ; но онъ такой противный—слюнявый и лысый—хоть и пристаетъ съ любезностями. Папа по дѣламъ часто уѣзжаетъ въ другое имѣніе, въ Кошелевку, гдѣ у него хуторъ; въ городѣ тоже живетъ цѣлыми недѣлями. Зачѣмъ? Она не знаетъ; кажется, онъ нигдѣ не служитъ.

Ей давно уже сдается—это еще въ институтѣ было— что папа сталъ съ ней не такъ ласковъ, какъ прежде. Онъ ни въ чемъ ей не отказываетъ и карманныхъ денегъ даетъ—только не на что ихъ тратить; прежде чаще ласкалъ и разспрашивалъ обо всемъ. Теперь—нѣтъ. И она совсѣмъ его не знаетъ, какой онъ: добрый, злой, умный или глупый. Письма ему писала она, и въ послѣдній годъ передъ выпускомъ—коротенькія, не умѣла его ни о чемъ выспросить — любитъ ли онъ ее попрежнему. Здѣсь она, когда бываетъ съ нимъ наединѣ, чувствуетъ себя маленькой-маленькой. Ничего у нея не выходитъ — никакого серьезнаго разговора. Оттого, должно-быть, что она еще не вышла изъ малолѣтокъ.

И да, и нѣтъ. Какая же она маленькая? У нея — особенно здѣсь, въ деревнѣ — такія грёзы по ночамъ. Проснется—или вся въ слезахъ, или съ пылающими щеками— и начнетъ цѣловать подушку. Вчера видѣла Николая Никанорыча въ его синемъ галстукѣ съ золотыми крапинками.

Вотъ и теперь этотъ сонъ прошелся весь передъ нею, и ей уже менѣе стыдно. Она сильно обрадуется, если онъ

вдругъ подойдетъ къ качелямъ и скажетъ своимъ пріятнымъ голосомъ:

— Александра Ивановна, позволите?..

И начнетъ качать высоко-высоко. У нея на сердцѣ захолодѣетъ, голова сладко закружится, въ шеѣ и въ груди точно что-то защекочетъ. Она зажмуритъ глаза — и плыветъ-плыветъ. Такъ чудесно!

Они поютъ вмѣстѣ. Николай Никанорычъ умѣетъ ноты разбирать бойчѣе, чѣмъ она, хоть ее и учили въ институтѣ, и въ хорѣ она считалась изъ самыхъ лучшихъ. И когда имъ нужно взять вмѣстѣ двойную ноту, на которой есть задержка, она непремѣнно подниметъ голову; его черные глаза глядятъ на нее такъ, что она вся вспыхнетъ и тотчасъ же начнетъ ужасно громко стучать по клавишамъ.

Нянька Ѳедосеевна ворчитъ подъ носъ, что онъ „землемѣришка“. Во-первыхъ, онъ не просто землемѣръ, а ученый таксаторъ. Папа его очень уважаетъ и выписалъ для важной работы: разбить на участки лѣсную дачу, тамъ за дорогой. Онъ за это большія деньги получитъ. Да и что слушать Ѳедосеевну. Она только смущаетъ ее. Все какіе-то намеки, которыхъ она не понимаетъ. Про мамашу вспоминаетъ безпрестанно. Даетъ понять, что тетки — особенно Павла Захаровна — совсѣмъ обошли папу. А настоящаго не говоритъ, да и не хочется допытываться. Зачѣмъ? Только себя разстраивать.

Мамашу она еле помнитъ. Сама была еще очень маленькая. Тетки ее баловали — это она помнитъ, и въ институтъ отдали ее не насильно — ей самой хотѣлось носить голубое платье съ бѣлой пелеринкой.

Ну, что жъ изъ того, что тетя Павла — сухоручка, хромая и перекошенная, и языкъ у нея съ язвой? Замужъ ее никто не взялъ — всѣ старыя дѣвы такія. Ее она не грызетъ. Тетя Марѳа — такъ и совсѣмъ добрая. Любитъ поѣсть и наливки любитъ... Что жъ!.. Она сама — лакомка. И наливки ей нравятся всякія: сливянки, вишневки, можжевеловки. У тети Марѳы въ спальнѣ — цѣлыя бутыли. И какъ тамъ хорошо, въ послѣобѣденныя сумерки, полакомиться и выпить рюмочку, лежа на кушеткѣ! Тетя все разспрашиваетъ про Николая Никанорыча — нравится ли, видитъ ли его во снѣ, не хочетъ ли погадать на трефоваго короля?

Трефовый король — это Николай Никанорычъ.

И начнетъ гадать за овальнымъ столомъ. Подадутъ свѣчи. Въ спальнѣ такъ тихо и такъ вкусно пахнетъ вареньемъ, смоквой, вишневкой. Тетя—въ блузѣ, вся красная, щеки лоснятся, и глаза немножко посоловѣли — наклонится надъ столомъ и такъ ловко раскладываетъ карты.

— Исполненіе желаній, марьяжъ, письмо, настоящее, будущее, неожиданный ударъ...

Эти выраженія выговариваетъ она съ придыханіемъ. И всегда выходитъ хорошо—марьяжная карта выпадаетъ непремѣнно на самое сердце червонной дамы; червонная дама—это она, Саня.

— Скоро, скоро твоя судьба рѣшится, Санечка, — подмигивая, говоритъ тетя Марѳа.

Она и сама точно немного влюблена въ Николая Никаноровича: одѣвается къ обѣду въ шелковый капотъ съ пелериной и на ночь городки себѣ устраиваетъ каленой шпилькой. Да и тетя Павла, когда себя получше чувствуетъ, съ нимъ любезна, повторяетъ все, что по нынѣшнимъ временамъ такими молодыми людьми грѣхъ пренебрегать.

— Ты, Саня, не воображай себя богатой невѣстой, — не дальше какъ вчера сказала она ей.—Твой отецъ еще не старъ и жениться можетъ въ другой разъ; а своего у тебя отъ матери ничего нѣтъ. Вотъ мы разборчивы были и остались въ дѣвкахъ.

Она говоритъ: „въ дѣвкахъ", и горничныхъ называетъ — „дѣвки". Отъ ея голоса, сѣрыхъ глазъ, всего тона приходится иногда жутко; но къ ней она не придирается, не ворчитъ, по цѣлымъ днямъ ея не видно — все ей нездоровится. Только и Санѣ сдается, что нянька Ѳедосеевна права: „сухоручка" держитъ папу въ рукахъ, и безъ ея вѣдома ничего въ домѣ не дѣлается.

Умри тетя Павла — она не стала бы долго плакать!.. Да и по комъ она убивалась бы?.. Ей часто кажется, что она — „сушка", — такъ въ институтѣ звали тѣхъ, у кого сердца нѣтъ или очень мало.

II.

— Саня, а Саня... Ты здѣсь?.. На качеляхъ?.. Обѣдать скоро!.. Николай Никанорычъ подъѣхалъ.

Съ балкона доносился жирный голосъ тети Марѳы.

Саня обернулась и, не вставая съ качель, крикнула:

— Слышу, тетя, сейчасъ!

Мароа Захаровна, въ капотѣ съ пелеринкой изъ клѣтчатой шерстяной матеріи, пестрѣла огромнымъ пятномъ между двумя колонками балкона — тучная, съ сѣдѣющей головой и красными щеками, точно смазанными масломъ.

— Иди!..

Пестрая глыба скрылась, и Саня ступила на дернъ и оставила веревки качель.

Ручки у нея—диковинныя по своимъ дѣтскимъ размѣрамъ, бѣлыя и пухленькія, всѣ въ ямкахъ на суставахъ. Она расправила пальцы и щелкнула ими. Отъ держанія веревокъ на нихъ оставались слѣды.

Николай Никанорычъ восхищался ея руками. Ей это казалось немного страннымъ. Она считала почти уродствомъ, что у нея такія маленькія руки. Даже перчатки надо было выписывать изъ Москвы, когда она выходила изъ института. Совсѣмъ дѣтскія! Но все-таки онѣ нравятся, и Николай Никанорычъ нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ что-нибудь такое и смѣшное, и лестное насчетъ ея „ручоночекъ“.

Къ обѣду она уже одѣлась. Развѣ поправить волосы— и можно въ нихъ вколоть цвѣтной бантикъ.

Она пошла лѣнивой поступью къ дому — уточкой, съ перевальцемъ. Ростъ у нея былъ для дѣвушки порядочный; она казалась гораздо ниже отъ пышности бюста и круглыхъ щекъ.

Съ балкона дверь вела прямо въ залу, служившую и столовой, отдѣланную кое-какъ, — точно въ домѣ жили только по лѣтамъ, а не круглый годъ. Стѣны стояли голыя, съ потусклыми обоями; ни одной картинки, окна безъ гардинъ, вдоль стѣнъ вѣнскіе стулья и въ углу буфетъ—неуклюжій, рыночной работы.

Комнатка ея помѣщалась слѣва, черезъ коридорчикъ отъ комнаты тети Павлы. Изъ передней—ходъ въ кабинетъ отца; въ глубинѣ—гостиная и спальня тети Мароы, просторная, съ запахомъ наливокъ, самая „симпатичная“, какъ называла ее Саня.

Столъ уже былъ накрытъ—круглый, довольно небрежно уставленный. Ножи съ деревянными черенками, не первой чистоты, черный хлѣбъ, посуда сборная. Въ институтѣ ихъ кормили не важно, но все было чище и аккуратнѣе подано... Зато здѣсь ѣды много, и она гораздо вкуснѣе.

Саня до сихъ поръ не знаетъ: богатъ ея отецъ или

бѣденъ, какой у него доходъ. Ѳедосеевна пугаетъ ее, что она окажется безприданницей; на то же намекаетъ тетка Павла Захаровна; самой ей трудно остановиться серьезно на этомъ вопросѣ. Разспросить обо всемъ она могла бы тетю Марѳу или Ѳедосеевну; ее что-то удерживаетъ. Непремѣнно узнаетъ она отъ одной изъ нихъ что-нибудь такое, что ее совсѣмъ спутаетъ.

Отца она не понимаетъ. Какой онъ? Щедрый, скупой, очень богатый или такъ себѣ, концы съ концами сводитъ, хорошій хозяинъ или проживетъ все до тла къ тому времени, когда она выйдетъ замужъ. Ея отецъ вѣритъ въ то, что въ старыхъ дѣвахъ она не засидится. Это просто невозможно! Если у нея и не будетъ хорошаго приданаго, она все-таки выйдетъ. Нынче и бѣдныхъ берутъ. Въ ея классѣ Анночка Каратусова и Маня Аленина вернулись съ вакацій невѣстами, и обѣ были бѣдныя, отцы ихъ, чиновники въ уѣздахъ, живутъ на одно жалованье, и обѣ онѣ воспитывались на дворянскій, а не на свой счетъ. И теперь обѣ уже замужемъ. Какъ имъ въ невѣстахъ было весело! Сколько онѣ цѣловались съ женихами—тѣ пріѣзжали въ губернскій городъ и даже проникали въ коридоры, что идутъ вдоль дортуаровъ. Особенно Маня такъ вкусно разсказывала—какъ они, въ первый разъ, въ лѣсу, начали цѣловаться, и когда они вернулись домой, то сейчасъ побѣжали къ ея матери, и она ихъ благословила.

Да, она рѣшительно не знала, какіе они помѣщики — крупные или такъ себѣ.

Слыхала она отъ тетки и отъ няньки Ѳедосеевны, что эту усадьбу—она называется также Заводное, какъ и то большое село, за Волгой — отецъ получилъ отъ дальняго родственника вмѣстѣ съ лѣсомъ. Родственникъ былъ богатый и знатный баринъ, прожился, и только эта усадьба съ лѣсомъ и осталось родового. Отецъ приходился и ему чѣмъ-то, и его женѣ, взятой изъ мѣстныхъ дворянокъ, „не важныхъ“, говорила ей какъ-то Ѳедосеевна. Тетки и отецъ считаютъ себя древняго рода, самаго коренного въ этомъ лѣсномъ медвѣжьемъ краѣ. Тетка Павла любитъ распространяться о томъ, будто ихъ предокъ провожалъ Михаила Ѳеодоровича, когда его выбрали въ Москвѣ на царство, и чуть ли не спасъ его. Можетъ-быть, она смѣшиваетъ съ Сусанинымъ. Такъ и Сусанинъ— имъ это учитель въ институтѣ говорилъ — кажется, со-

всѣмъ и не спасалъ царя, хотя и есть такая опера, откуда она поетъ арію: „Въ поле чистое гляжу...“

Ей ея фамилія кажется смѣшной и совсѣмъ уже не барской: Черносошная. А тетка Павла и отецъ гордятся ею. Почему?.. „Черносошные“—она знала, что̀ это такое. Такъ звали въ старину мужиковъ, крѣпостныхъ. И это ей объяснилъ учитель исторіи, когда разъ заболтался съ нею около доски. Въ классѣ дразнили ее тѣмъ, что она обожаетъ его, а это была неправда. Она обожала батюшку — законоучителя, и на исповѣди чуть-чуть было не призналась ему.

Саня сидѣла передъ зеркаломъ своего туалета, и въ головѣ ея всѣ эти мысли завивались клубкомъ, какъ всегда, и она не могла ихъ направить по-своему.

Ужъ такая голова. Вотъ и письма когда пишетъ — не можетъ въ порядкѣ все прописать, о чемъ думала вначалѣ. Потому и сочиненія выходили у нея хуже, чѣмъ у многихъ подругъ.

И не хочется ей ни во что проникать, выспрашивать, соображать и оцѣнивать. Непремѣнно что-нибудь огорчитъ. Думать станешь на ночь — не заснешь. Да и зачѣмъ?

Она и безъ того побаивается тети Павлы. Съ ней она больше молчитъ, ни однимъ словомъ ей не возражаетъ. Въ домѣ эта тетка—главное лицо, и папа ея побаивается. Всѣ ее считаютъ ужасно умной. Что жъ тутъ мудренаго? Цѣлые дни лежитъ въ длинномъ креслѣ съ пюпитромъ и думаетъ или книжку читаетъ. Сажала она ее читать себѣ вслухъ, но осталась недовольна:

— Ты, Саня, читаешь какъ понамарь, все въ одну ноту. Неужели васъ не учили порядочно читать вслухъ?

Разумѣется, никто не училъ. Самъ учитель словесности отвратительно читалъ. Во всемъ классѣ была одна воспитанница—на нее постоянно и взваливали...

Каждый разъ, какъ идти къ обѣду, Саня подумаетъ о своей теткѣ, Павлѣ Захаровнѣ. Къ ней надо зайти поцѣловать ее въ ручку или въ плечо. Что-нибудь она непремѣнно спроситъ: чѣмъ занималась, и выговора не дастъ, а язвительно посмотритъ или скажетъ:

— Какой ты птенецъ, Саня! У тебя въ головѣ, кажется, нѣтъ никакихъ собственныхъ мыслей.

Мысли у нея есть, только не умѣетъ она разсуждать вслухъ и даже разсказывать то, что̀ прочла.

Ну, да! Она лѣнивая. Книжки ее мало привлекают и волнуютъ. До сихъ поръ еще не можетъ одолѣть „Записокъ охотника“ Тургенева. Одинъ разсказъ читаетъ два-три дня. Ей нравится, но залпомъ она не умѣетъ читать. Сейчасъ начнетъ о чемъ-нибудь мечтать, и такъ, глядишь, улетитъ часъ-другой.

Николай Никанорычъ говорилъ, что онъ недавно прочелъ романъ „Отъ поцѣлуя къ поцѣлую“. Ей совѣстно было попросить этой книжки. А хотѣлось бы почитать ее.

Передъ зеркаломъ Саня не любитъ долго сидѣть. Лицо свое ей не нравится. Слишкомъ свѣжо, кругло, краснощеко. Настоящая „кубышка“. Она находитъ, что у нея простоватый видъ. Но отчего же Николай Никанорычъ такъ на нее посматриваетъ, когда они у тетки Мароы сидятъ за столомъ, лакомятся и пьютъ наливку. Ручками ея онъ уже сколько разъ восхищался.

Густую челку свѣтлорусыхъ волосъ Саня расправила гребенкой, чтобы она немножко раздвоилась. На шеѣ у нея ожерелье изъ коралловъ. Лифомъ служитъ шелковый джѐрси. Это не очень модно, но суживаетъ бюстъ, а съ обыкновеннымъ лифомъ она ужъ черезчуръ пышна.

Комнатку свою Саня содержитъ чисто, сама все приберетъ и уложитъ. За ней ходитъ дѣвочка, Параша, изъ крестьянскихъ подростковъ. Она не любитъ, чтобы Параша торчала тутъ цѣлый день. И Өедосеевну она рѣдко допускаетъ. Та живетъ во флигелѣ. Нянькой своей она не гнушается, только не любитъ, чтобы та смущала ее разными своими разговорами о мамѣ, да намеками, какихъ она не желаетъ понимать.

Ея кроватка, съ бѣлымъ пологомъ, занимаетъ половину стѣны, смежной съ гостиной, гдѣ стоитъ рояль. На немъ играла ея мама. Онъ немного уже дребезжитъ; она не просила купить ей новый инструментъ. Играетъ она совсѣмъ ужъ не какъ музыкантша. Пѣть любитъ, да и то—полосами, больше на воздухѣ или, когда ей взгрустнется, у себя въ комнатѣ, безъ всякаго аккомпанемента.

Вся остальная мебель—кресла съ ситцевой свѣтлой обивкой, шкапъ, комодъ, пяльцы (тоже остались отъ ея мамы), письменный столикъ, купленный для нея въ губернскомъ городѣ, — разставлена по стѣнамъ. Средина комнаты покрыта ковромъ и свободна: она такъ любитъ, чтобы было больше мѣста. Иногда на нее найдетъ—она начнетъ одна

кружиться или прыгать, воображая, что танцуетъ съ кавалеромъ.

Съ Николаемъ Никанорычемъ они танцовали въ гостиной такъ, безъ всякой музыки. Тетя Мароа хотѣла было поиграть какой-то вальсъ старинный, да сейчасъ же сбилась.

И какъ онъ танцуетъ! Ничего еще подобнаго она не испытала и на выпускномъ балѣ, гдѣ были и офицеры, и большіе гимназисты, и губернаторскіе чиновники. Держитъ онъ крѣпко и совсѣмъ какъ-то къ себѣ пригибаетъ, такъ что сердце забьется, и его дыханіе чувствуешь на своемъ лицѣ. Она вся горѣла, точно въ огнѣ. И вертитъ „à rebours“, да такъ ловко, какъ никто изъ ея подругъ не умѣлъ, — изъ тѣхъ, что всегда танцовали за кавалеровъ, и на урокахъ танцевъ, и на вечерахъ.

Тетка Павла Захаровна какъ-то переведетъ своими большими блѣдными губами, когда спрашиваетъ ее:

— А что, дурочка, нравится тебѣ землемѣръ?

И слово „землемѣръ“ она произноситъ съ особеннымъ выраженіемъ, а что̀ она хочетъ сказать—Саня въ это проникнуть не можетъ, да и не желаетъ.

Нравится ли? Онъ не простой землемѣръ, а ученый таксаторъ. Тетя Мароа говорила ей, что Николая Никанорыча прислалъ сюда богатый баринъ съ порученіемъ, и онъ зарабатываетъ большія деньги. Папѣ онъ дѣлаетъ одолженіе, что взялся и для него произвести работы—разбить его лѣсъ на участки. Кажется, онъ не дворянинъ. Не все ли это равно? Только тетка Павла такъ гордится тѣмъ, что они—Черносошные, а за ней и папа. Онъ всегда повторяетъ уже слышанное ею отъ тетки.

III.

Старая горничная Павлы Захаровны, Авдотья, бывшая крѣпостная, доложила „барышнѣ“, что обѣдъ готовъ. Она служила и за столомъ. Лакей уѣхалъ съ бариномъ въ городъ.

Комната Павлы Захаровны — длинная, въ два окна — пропахла лѣкарствами, держалась неопрятно, заставленная неуютно большой кроватью, кресломъ съ пюпитромъ, шкапомъ съ книгами. Въ ней было темно отъ спущенныхъ шторъ и сыровато. Почти никогда ея не провѣтривали.

Въ креслахъ съ пюпитромъ и длиннымъ продолженіемъ для ногъ сидѣла она, полулежа, цѣлые дни, въ старомод-

номъ казакинѣ изъ бурой вигони и люстриновой юбкѣ, перекошенная на одинъ бокъ, почти горбатая. Сѣдые курчавые волосы носила она безъ косы, разсыпанные по плечамъ. Некрасивыя высохшія черты отзывались мужской рѣзкостью; извилистый длинный носъ и крупный ротъ безпрестанно приходили въ движеніе. Глаза были круглые, острые, темносѣрые, съ постоянной усмѣшкой. Голова давила худыя приподнятыя плечи своей величиной. Сухая лѣвая рука—маленькая и костлявая—еле виднѣлась изъ-подъ широчайшаго рукава, куда она ее ловко вбирала и за столомъ чуть-чуть придерживала ею вилку... Потемнѣвшая кожа лица и бородавка на лѣвой щекѣ дѣлали лицо еще непригляднѣе.

Павла Захаровна не торопится. Ее и подождутъ. Сегодня она себя получше чувствуетъ и выходила на балконъ. Сестра Мароа сейчасъ сказывала, что землемѣръ пріѣхалъ, и она просила его къ обѣду.

Землемѣръ этотъ — разночинецъ, откуда-то съ юга, не то хохолъ, не то еврей (такъ она его понимаетъ) — ловокъ, смѣлъ и вкрадчивъ, и дурочка Саня скоро въ него врѣжется. Такъ и должно случиться. Павла Захаровна все это прекрасно замѣчаетъ — и ничто въ домѣ не дѣлается безъ ея надзора и согласія, хотя она и не выходитъ почти изъ своей комнаты. Ей извѣстны и послѣобѣденныя сидѣнья у сестры Мароы, угощеніе наливками, гаданіе въ карты. У Мароы—склонность къ крѣпкимъ напиткамъ. И до мужчинъ она всегда была слаба... Замужъ вовремя не попала. Потомъ—лѣтъ уже за тридцать—разрѣшила себѣ. Павлѣ Захаровнѣ все извѣстно... Знаетъ она, зачѣмъ сестра ѣздила и въ Москву, лѣтъ больше десяти назадъ... Скрыть свой грѣхъ. Ребенокъ, къ счастью, умеръ. И потомъ у Мароы были связи. Добро бы со стòящимъ народомъ!.. А то со всякой дрянью, съ сыномъ дьякона, съ письмоводителемъ исправника. Она всегда была простовата, жила въ спанье, въ наливки да въ свои „фигли-мигли"! И она передъ землемѣромъ таетъ... Даже противно смотрѣть.

Но все это Павла Захаровна терпитъ.

Почему?

Чтò ей разъ запало въ душу—тò съ ней и умретъ. Не могла она вынести соперничества съ невѣсткой. Братъ Иванъ Захарычъ — моложе ея на нѣсколько лѣтъ—жилъ всегда ея умомъ, нужды нѣтъ, что остался рано на пол-

ной волѣ, главнымъ наслѣдникомъ двухъ вотчинъ. Она не допустила бы его до всѣхъ глупостей, какія онъ надѣлалъ съ тѣхъ поръ—вотъ уже больше двадцати лѣтъ—если бъ не пошла на сдѣлку съ самой собою, съ своей женской злобностью. Надо было вытравить изъ его сердца любовь къ женѣ. Та его обошла. Изъ бѣдныхъ чиновничьихъ дочерей—какого-то становаго пьянчужки дочь—въ пепиньеркахъ была оставлена въ институтѣ. Онъ пріѣхалъ на выборы, бывалъ у какой-то классной дамы въ гостяхъ, влюбился и сейчасъ же, не спросившись у нея, старшей сестры, вернулся оттуда женихомъ. Она затаила въ себѣ эту обиду. Всѣ семь лѣтъ его женатой жизни она провела въ другой усадьбѣ; въ явной ссорѣ съ матерью Сани не была, но не прощала обиды и ждала часа отместки. Невѣстка умерла, точно въ угоду ей. Съ памятью жены Иванъ Захарычъ слишкомъ носился... И эту память ей удалось-таки затемнить. Чтобы быть въ ладу съ своей совѣстью, она и себя увѣрила въ томъ, что невѣстка обманывала мужа, что Саня и „не думаетъ“ быть дочерью Ивана Захарыча. Съ тѣхъ поръ онъ опять сталъ ея младшимъ братомъ, жилъ подъ ея надзоромъ. Только бы онъ вдругорядь не женился. Ну, и надо было допустить его до незаконной связи. Она все знаетъ: у него въ городѣ „мамо̀шка“ и двое дѣтей. Усыновлять онъ ихъ не посмѣетъ безъ ея разрѣшенія, да и не пожелаетъ. Это семейство съ лѣвой стороны онъ обезпечилъ — заложилъ землю другой вотчины, купилъ имъ домикъ и сдѣлалъ вкладъ въ мѣстный дворянскій банкъ. Денегъ онъ прожилъ въ послѣднія десять лѣтъ прорву, и не на одно это. Усадьба, гдѣ они живутъ, съ паркомъ,—тоже заложена... Проценты платитъ онъ съ трудомъ... Ей и сестрѣ Марѳѣ онъ задолжалъ по пятнадцати тысячъ — все ихъ достояніе. Кромѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, у нихъ за крестьянскимъ надѣломъ осталось по двѣсти десятинъ плохой землицы, и онѣ ее́ продали по частямъ.

Иной разъ ее страхъ разбираетъ—ну, какъ братъ, совсѣмъ разорится?.. Что̀ имъ съ сестрой дѣлать изъ сохранныхъ его расписокъ? Но она еще не рехнулась. Теперь—самый настоящій моментъ подошелъ. Не заложенъ лѣсъ—большой, въ нѣсколько тысячъ десятинъ... Она и настояла на томъ, чтобы пригласить ученаго землемѣра и разбить лѣсъ на участки, привести въ извѣстность и продать. Тутъ она плошать не будетъ, и свой, и сестринъ

капиталъ возвратитъ; коли на то пошло, и расписки представитъ ко взысканію. До этого онъ себя не допуститъ. Усадьба и паркъ—только обуза: никакого не даютъ доходу, а стоятъ не мало, да еще за нихъ надо платить проценты. Братъ держится за нихъ изъ одного дворянскаго гонора, потому что они ему достались отъ дальняго родственника, какого-то богача и магната; за ихъ части онъ выдалъ имъ деньгами. И лѣсъ—тоже родовой. Продать надо и то, и другое. Капиталъ—за уплатой тридцати тысячъ сестрамъ—онъ скоро спуститъ. И останется у него дальняя вотчина со старинной усадьбой. Туда и переселятся жить. Проценты не на что будетъ платить и за нее. Онѣ съ сестрой выкупятъ имѣніе, когда его банкъ назначитъ въ продажу. Врядъ ли у брата останется еще, къ тому времени, хоть тысчонка рублей. Что жъ! И будетъ жить у нея, Павлы Захаровны, на хлѣбахъ... Или уйдетъ къ своей сударушкѣ, если не сумѣетъ ужиться.

Главное—Санѣ, дочери ненавистной невѣстки, не достанется ни одного вершка изъ родовыхъ угодій. Братъ охладѣлъ къ ней давно—и только играетъ роль ея отца, не хочетъ показать, что онъ носился столько лѣтъ съ чужимъ ребенкомъ.

Вотъ тутъ-то такъ кстати и пожаловалъ этотъ землемѣръ. Остальное идетъ какъ по маслу. Марѳа ихъ сводитъ, пріучаетъ Саню къ наливкѣ, сама рада-радешенька—только чтобы ей около смазливаго мужчинки посидѣть лишній разокъ. Тотъ—ловкачъ, своего не упуститъ. Не пройдетъ и мѣсяца, какъ дѣвчонка заблудится съ нимъ гдѣ-нибудь въ паркѣ. Тогда разговоръ короткій — надо выдавать за землемѣра... Выбросить ей на приданое нѣсколько тысчонокъ — и довольно!.. Чего же она больше заслуживаетъ? Въ мать пошла. Съ развратными наклонностями. Туда ей и дорога! Будь у этой толстой, чувственной дѣвчонки въ головѣ мозгъ, а не сѣнная труха, она бы знала, какъ ей себя вести и какъ оградить сколько-нибудь свои права. У этой подурухи менѣе мыслей, чѣмъ у птицы.

Если и можетъ кто ее смущать, такъ нянька ея, Ѳедосеевна.

Давнымъ-давно выгнала бы она эту дрянную смутьянку, если бъ не глупый гоноръ брата. Видите ли, онъ, у смертнаго одра жены, обѣщалъ ей обезпечить старость Сани-

ной няньки... Такъ вѣдь онъ тогда вѣрилъ въ любовь и непорочность своей возлюбленной супруги... А потомъ? Голова-то и у братца не далеко ушла отъ головы его мнимой дочки; и сколько разъ Павла Захаровна язвила самоё себя вопросомъ: съ какой стати она, умница, положила всю свою жизнь на возню съ такой тупицей, какъ ея братецъ, Иванъ Захарычъ?

Только и есть въ немъ одно—свое дворянское достоинство соблюдаетъ. Имя Черносошныхъ ставитъ такъ же высоко, какъ и она. И это въ немъ она воспитала. Важность въ немъ прикрываетъ скудость мозга. Учился плохо, въ полку былъ безъ году недѣлю, своей видной наружностью не умѣлъ воспользоваться, взять богатую и родовитую невѣсту, женился на дряни, по выборамъ служилъ два трехлѣтія, и даже Станислава ему на шею не повѣсили, а другіе изъ уѣздныхъ-то предводителей въ губернаторы попадаютъ, по нынѣшнему времени. Весь прожился зря—ни себѣ, ни людямъ. Ни у него пріемовъ, ни кутежа особеннаго... Метреска изъ мѣщанокъ; на нее и на незаконныхъ дѣтей не Богъ знаетъ какой капиталъ записанъ имъ; а въ двадцать лѣтъ разстроилъ прекраснѣйшихъ двѣ вотчины... И кончитъ тѣмъ, что у нея, у Павлы Захаровны, будетъ доживать на хлѣбахъ.

Тогда она успокоится... Онъ получитъ должное возмездіе за всю свою дурость. Но если она не доведетъ его до продажи лѣса и усадьбы съ паркомъ — можетъ кончиться совсѣмъ плохо и для нея съ дурындой Маѳой; та безъ нея тоже пропадетъ.

Павла Захаровна встала съ кресла въ нѣсколько пріемовъ и, ковыляя на лѣвую ногу, прошлась по комнатѣ взадъ и впередъ, потомъ постояла передъ зеркаломъ, немножко расчесала взбившіеся курчавые волосы и взяла изъ угла около большой изразцовой печи палку, съ которой не разставалась внѣ своей комнаты.

Безъ нея не сядутъ. Она бы и сегодня не вышла. Отъ глупыхъ разговоровъ сестры и племянницы ее тошнитъ; но надо ей самой видѣть, куда зашелъ землемѣръ въ своемъ сближеніи съ Саней. Отъ него же она узнаетъ подробности о какой-то милліонной компаніи, которая съ весны покупаетъ огромныя лѣсныя дачи, по сю и по ту сторону Волги, въ трехъ волжскихъ губерніяхъ. Землемѣръ, кажется, норовитъ попасть на службу къ этой компаніи. Ему слѣдуетъ предложить хорошую комиссію и сдѣ-

лать это на-дняхъ, послѣ того, какъ молодые люди погуляютъ въ паркѣ разъ-другой. Онъ и теперь знаетъ, что безъ ея согласія ничего въ этомъ домѣ не дѣлается. Надо будетъ дать ему понять, что Саня ему можетъ достаться въ жены, если его поддержитъ она.

Дверь опять пріотворилась, и Авдотья во второй разъ доложила:

— Кушать пожалуйте, барышня.

— Иду! — отозвалась Павла Захаровна и, подпираясь палкой, заковыляла къ залѣ.

IV.

Подали зеленыя щи изъ разсады съ блинчатыми пирожками.

Противъ Мареы Захаровны, надѣвшей на голову черную кружевную тряпочку, сидѣлъ землемѣръ; по правую руку отъ нея Саня, безъ кофточки, по лѣвую — Павла Захаровна.

Землемѣръ не смотрѣлъ великоруссомъ: глаза съ поволокой, искристые зрачки на синѣющихъ бѣлкахъ; цвѣтъ лица очень свѣжій, матовый, блѣдноватый; твердыя щеки, плотно подстриженныя, вплоть до острой бородки. Вся голова точно выточена; волосы начесаны на лбу въ такую же чолку, какъ и у Сани, только черные какъ смоль и сильно лоснятся отъ брильянтина. Въ чертахъ—что-то восточное. Большая чистоплотность и франтоватость сказывались во всемъ: въ покроѣ клѣтчатаго пиджака, въ малиновомъ галстукѣ, въ воротничкахъ и манжетахъ, въ кольцахъ на длинныхъ, красивыхъ пальцахъ. Съ толстоватыхъ губъ не сходила улыбка, и крупные зубы блестѣли. Онъ смахивалъ на заѣзжаго музыканта, актера или приказчика моднаго магазина, а не на землемѣра. Свою дѣловую оболочку онъ оставилъ у себя: большіе сапоги, блузу, крылатку. Одѣвался онъ и раздѣвался изумительно быстро.

Щи всѣ ѣли первыя минуты молча, и только слышно было причавканье жирныхъ губъ тетки Мареы Захаровны, поглощавшей пирожокъ, прищуривая глазки, какъ сластолюбивая кошка. И Саня кушала съ видимой охотой.

— Пирожка хочешь еще, голубка?—спросила ее Мареа Захаровна.

— Я возьму, тетя! — отвѣтила Саня своимъ дѣтскимъ голоскомъ, и всѣ ея ямочки заиграли.

— А вы, Николай Никанорычъ?

— И я не откажусь!

Голосъ землемѣра звучалъ музыкально и немного нараспѣвъ, съ южнымъ акцентомъ, точно онъ заводилъ речитативъ на сценѣ.

Онъ въ бокъ улыбнулся своей сосѣдкѣ вправо.

Санѣ отъ его взгляда, изъ-подъ пушистыхъ рѣсницъ, дѣлается всегда неловко и весело, и нѣжный румянецъ разливается тихо, но замѣтно, отъ подбородка до вѣкъ. Она быстро перевела взглядъ отъ его глазъ на галстукъ, гдѣ блестѣла булавка, въ видѣ подковы съ синей эмалью.

Какія у него хорошенькія вещи! И весь онъ такой „шикозный"! Явись онъ къ нимъ, въ институтъ, къ какой-нибудь „дѣвицѣ", его бы сразу стали обожать полкласса и никто не повѣрилъ бы, что онъ только „землемѣръ". Она не хочетъ его такъ называть даже мысленно.

„Не землемѣръ, а ученый таксаторъ".

Саня опустила голову надъ тарелкой со щами, гдѣ плавалъ желтокъ изъ крутого яйца, и вкусно пережевывала счетомъ третій блинчатый пирожокъ — и въ эту минуту, подъ столомъ, къ носку ея ботинки прикоснулся чужой носокъ; она почувствовала—чей.

Это случилось въ первый разъ. Она невольно вскинула глазами на тетку Павлу, брезгливо жевавшую корочку чернаго хлѣба, и вся зардѣлась и стала усиленно глотать щи.

Павла Захаровна подмѣтила и этотъ взглядъ, и этотъ внезапный румянецъ.

„Ногу ей жметъ", — подумала она и вкось усмѣхнулась.

Пускай себѣ! Чѣмъ скорѣе онъ влюбитъ въ себя эту „полудурью", тѣмъ лучше. Женись, получай приданое и— маршъ, чтобы и духу ихъ не было!

Кончикъ носка мужской ботинки Саня продолжала чувствовать и не отнимала своей ножки; она застыла въ одной позѣ и только правой рукой подносила ко рту ложку со щами.

Первачъ, продолжая ѣсть красиво и очень пріятно, поворотилъ голову къ Павлѣ Захаровнѣ и особенно почти-

тельно спросилъ ее, какъ она себя чувствуетъ. Онъ давно уже распозналъ, что въ этомъ домѣ она—первый номеръ, и если онъ въ спальнѣ у Мареы Захаровны такъ засиживается съ Саней, то все это дѣлается не безъ ея вѣдома.

— Аппетита никакого нѣтъ,—выговорила Павла Захаровна и поморщилась.

— Вы бы пирожка, тетя?

Саня спросила и испугалась. Но ей надо было что-нибудь выговорить, чтобы совладать съ своимъ волненіемъ.

Только теперь прибрала она ногу и взглянуть на Николая Никанорыча не рѣшалась... Надо бы разсердиться на него, но ничего похожаго на сердце она не чувствовала.

— Ѣшь сама на здоровье!—отвѣтила ей тетка своимъ двойственнымъ тономъ, гдѣ Саня до сихъ поръ не можетъ отличить ехидства отъ родственнаго, снисходительнаго тона.

— Кушай, кушай!—поощряла ее тетка Мареа, и узкіе глазки ея заискрились, и Санѣ стало опять „по себѣ“.

— Въ какихъ вы побывали мѣстахъ?—благосклонно обратилась Павла Захаровна къ землемѣру.

— Въ заволжской дачѣ моего главнаго патрона, Павла Іларіоновича.

— Низовьева?—почти разомъ спросили обѣ тетки.

— Такъ точно. Онъ торопитъ меня... депешей.

— Гдѣ же онъ проживаетъ? Все въ Парижѣ, небось?

Павла Захаровна повела на особый ладъ извилистымъ носомъ. Мареа сейчасъ этимъ воспользовалась... Она жить не могла безъ игривыхъ разговоровъ — намекъ сестры Павлы касался нравовъ этого богача Низовьева. У него до сорока тысячъ десятинъ лѣсу, по Унжѣ и Волгѣ, въ двухъ губерніяхъ. Каждый годъ рубитъ онъ и сплавляетъ внизъ, къ Василю, гдѣ съѣзжаются лѣсоторговцы— и все, что̀ получитъ, просадитъ въ Парижѣ, гдѣ у него роскошныя палаты, жена есть и дѣти, да кромѣ того и метреску держитъ. Слухъ идетъ, что какая-то — не то испанка, не то американка—и вытянула у него не одну сотню тысячъ не франковъ, а рублей.

— Въ Парижѣ. Но сюда будетъ въ скоромъ времени,— сдержанно и съ игрой въ глазахъ выговорилъ Первачъ.—

И торопитъ таксаторской работой... той дачи, что позади села Заводнаго; туда, къ урочищу Перелогъ.

— Продавать совсѣмъ хочетъ?—спросила Павла.

— Именно-съ,—музыкальной нотой отвѣтилъ Первачъ и, почтительно нагнувшись къ ней, спросилъ:—вамъ чего прикажете?

На столѣ стояла бутылка съ хересомъ, кувшинъ съ квасомъ и графинъ съ водой.

— Мнѣ кваску немножко, — съ наклоненіемъ головы отвѣтила Павла Захаровна.

— Николай Никанорычъ, — заговорила шепеляво и громко Марѳа,—вы что же все скрытничаете? Вѣдь вамъ вся подноготная извѣстна. Должно-быть, на свою... принцессу еще спустилъ... а?

Глазки ея просительно ждали любовной исторіи.

Первачъ поглядѣлъ въ сторону Сани и сдѣлалъ выразительное движеніе ртомъ.

— Да чего же вы стѣсняетесь?.. Вѣдь Саня не малый младенецъ, — выговорила Марѳа. — Пора жизнь знать... Нынче институтки-то все читаютъ... Ну, кубышка, скажи: у васъ, небось, „Огненную женщину“ читали?

— Кажется, тетя,—весело отвѣтила Саня.

— Ну, вотъ видите, Николай Никанорычъ! — подхватила Марѳа.—Разскажите, голубчикъ, про Низовьева.

— Цѣлую дачу продаетъ?—спросила Павла Захаровна и прищурила значительно глазъ.

— Да-съ, около шестнадцати тысячъ десятинъ.

— Заложены?

— Какъ слѣдуетъ. Поэтому-то и нельзя въ нихъ производить порубокъ.

— Чего нельзя?! Нынче все можно.

— Банкъ слѣдитъ довольно строго.

— Эхъ, батюшка, всѣ нынче проворовались!

— Павелъ Иларіоновичъ на это не пойдетъ. Онъ очень такой... джентльменъ. А продавать ему пришлось...

— Для метрески?—почти взвизгнула Марѳа.—Да разскажите, Николай Никанорычъ... Ахъ, какой противный!

— Извольте... съ разрѣшенія Павлы Захаровны. Та дама, которая ему обошлась уже въ милліонъ франковъ, выстроила себѣ отель...

— Какъ? гостиницу?—перебила Марѳа.

— Домъ барскій... Такъ тамъ называютъ, — брезгливо поправила Павла Захаровна сестру.

— Съ отдѣлкой отель обошелся въ два милліона франковъ... Онъ тамъ, въ этомъ отелѣ, поблаженствовалъ мѣсяцъ какой-нибудь — и въ одно прекрасное послѣ-обѣда мужъ вдругъ поднимаетъ бурю.

— Какой мужъ?—стремительно перебила Марѳа.

— Ея мужъ, Марѳа Захаровна. Она замужемь и даже титулованная.

— Дѣло житейское, — досказала Павла Захаровна.— Супругъ на все сквозь пальцы смотрѣлъ, пока отель-отъ самъ Низовьевъ не предоставилъ ему съ женой. Нынче и все такъ. И въ жизни, и въ романахъ.

Саня слушала все еще подъ впечатлѣніемъ того, что было подъ столомъ между нею и землемѣромъ. Она понимала, про какого рода вещи разсказывалъ Николай Никанорычъ. Разумѣется, для нея это не въ диковинку... И читать приводилось... французскія книжки, и даже слышать отъ подругъ. Нынче у всѣхъ метрески... Кокотокъ развелось — страхъ сколько. На нихъ разоряются. Говорили ей даже въ институтѣ про мужей, которые пользуются отъ этого.

Ей понравилось то, что Николай Никанорычъ стѣснялся немножко, не хотѣлъ при ней разсказывать. Онъ—умница. При тетѣ Павлѣ такъ и слѣдовало вести себя. У тети Марѳы за лакомствами и наливкой можно все болтать. Тамъ и она будетъ слушать съ удовольствіемъ, если смѣшно.

— И мужъ его вытурилъ?

— Вы отгадали, Павла Захаровна.

— А платить-то ему приходится за отель и всю отдѣлку?

— Совершенно вѣрно.

Всѣ трое засмѣялись. И Саня вторила имъ.

— Вотъ почему и продаетъ онъ свой Перелогъ?

Въ вопросахъ Павлы Захаровны звучала злобность. Она любила такія исторіи глупыхъ разореній, хотя и язвила „господъ дворянъ“ за ихъ безпутство.

— Продаетъ компаніи... про которую я уже вамъ сообщалъ. На-дняхъ ждутъ сюда представителя этой компаніи. Говорятъ—первоклассный дѣлецъ и воротила. Изъ мужиковъ, но съ образованіемъ. А фамилія—самая такая простонародная: Теркинъ.

— Теркинъ? — вслухъ повторила Саня и раскатисто разсмѣялась.

Ей стало ужасно весело. У ней начался романъ какъ слѣдуетъ... У тети Мароы будетъ еще веселѣе.

V.

Къ концу обѣда, за пирожнымъ—трубочки съ кремомъ— Первачъ опять протянулъ носокъ и встрѣтилъ пухлую ножку Сани. Лицо ея уже не зарумянилось вдругъ, какъ въ первый разъ.

Павла Захаровна бесѣдовала съ нимъ очень благосклонно и, когда онъ благодарилъ ее за обѣдъ, сказала ему:

— Передъ вечернимъ чаемъ не завернете ли ко мнѣ... на минутку?

— Съ особеннымъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ онъ и сейчасъ же сообразилъ, что она поведетъ съ нимъ конфиденціально-дѣловой разговоръ.

Ему въ этомъ домѣ особенно везло. Смутно догадывался онъ, что сухоручка племянницы не любитъ и хотѣла бы спустить ее поскорѣе. Женитьба не очень-то манила его. Дѣвочка — вкусная, и влюбить ее въ себя ничего не стоитъ. Да и щадить особенно нечего. Онъ никого до сихъ поръ не щадилъ, кто подвертывался... Сначала надо какъ слѣдуетъ увлечь, а тамъ онъ посмотритъ. Все будетъ зависѣть отъ того, какую поддержку найдетъ онъ въ сухоручкѣ... И отецъ не очень-то нѣженъ къ дочери. На него старшая сестра во всемъ вліяетъ. Между ними есть какія-то родственныя денежныя отношенія... Онъ въ это проникнетъ. Дѣло не обойдется безъ его участія. Вѣроятно, сухоручка желаетъ, чтобы братъ продалъ на выгодныхъ условіяхъ свою лѣсную дачу новой компаніи, къ которой онъ самъ желалъ бы примазаться.

Пока надо добраться поскорѣе до свѣжихъ, какъ персики, щекъ Санечки, съ ихъ чудесными ямочками. Сейчасъ они пойдутъ въ комнату Мароы Захаровны, куда подадутъ лакомства и наливки. Тамъ—его царство. Тетенька и сама не прочь была бы согрѣшить съ нимъ. Но онъ до такихъ перезрѣлыхъ тыквъ еще не спускался— по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ на своихъ ногахъ и мечтаетъ о крупной дѣловой карьерѣ.

Павла Захаровна сухо приложилась къ маковкѣ Сани, когда та цѣловала ея руку. Горничная подала ей ея палку, и она колыхающейся походкой отправилась къ себѣ.

Какъ ни въ чемъ не бывало подошелъ Первачъ къ Санѣ и предложилъ ей руку.

— Куда прикажете вести васъ?—спросилъ онъ, лаская ее взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, которымъ онъ умѣлъ придавать какое угодно выраженіе.

Саня подала ему руку, и онъ ее слегка притиснулъ къ своему правому боку.

— Тетя, куда мы: на балконъ или къ вамъ?—спросила Саня.

— Сначала ко мнѣ... Кофейку напьемся, Николай Никанорычъ... Какой угодно нынче наливки? Терновки или сливянки?

— И той, и другой, если позволите.

— Такъ еще лучше.

Щеки толстухи еще ярче лоснились. Она за обѣдомъ, при старшей сестрѣ, ничего не пила, кромѣ квасу, даже и къ хересу не прикасалась, да и не очень его уважала. Послѣ обѣда и послѣ ужина она вознаграждала себя наливками.

И на Саню каждое послѣ-обѣда въ комнатѣ тети Мареы нападало особое состояніе, вмѣстѣ съ запахомъ отъ стѣнъ какими-то травами, отъ лакомствъ, кофе съ густыми пѣнками и наливокъ. Ей сейчасъ же захочется болтать, смѣяться, пѣть, цѣловаться.

Вотъ она опять за столомъ. Тетя разсаживается на диванѣ, облокотившись о подушку. Надъ ней закоптѣлая картина—Юдиеь съ головой Олоферна. Но эта страшная голова казалась ей забавной... И у Юдиеи такой смѣшной носъ. Въ окнахъ—клѣтки. У тети цѣлыхъ шесть канареекъ. Онѣ, какъ только заслышатъ разговоръ, чуть кто стукнетъ тарелкой или рюмкой, принимаются пѣть одна другой задорнѣе. Но никому онѣ не мѣшаютъ. У Сани, подъ этотъ птичій концертъ, еще скорѣе зашумитъ въ головѣ отъ сливянки.

Другая горничная — Прасковья — приставлена къ своей „барышнѣ“ сызмальства, какъ Авдотья была приставлена къ Павлѣ Захаровнѣ. Она похожа на тетю Мареу,—почти такая же жирная и такъ же любитъ выпить, только втихомолку. Саня про это знаетъ отъ няньки Ѳедосеевны, строгой на ѣду и питье, большой постницы. Но у Сани снисходительный взглядъ на это. Какая важность, что выпьетъ пожилая женщина отъ деревенской скуки.

На столѣ уже стоятъ двѣ бутылки съ наливкой и нѣ-

сколько тарелокъ и вазочекъ съ домашними превкусными сластями: смоква, орѣхи въ меду, малиновыя лепешки и густое варенье изъ розовыхъ лепестковъ, гдѣ есть апельсинная мелко нарѣзанная корка и ваниль... Саня — особенная охотница до этихъ сластей... Сейчасъ принесетъ Прасковья и кофе.

Первачъ сидитъ около нея на стулѣ очень близко и смотритъ ей въ глаза такъ, точно хочетъ вывѣдать всѣ ея мысли о немъ. Она было хотѣла дать ему понять, что онъ не имѣлъ права протягивать къ ней подъ столомъ носокъ, ища ея ноги; но вѣдь это ей доставило удовольствіе... Зачѣмъ же она будетъ лицемѣрить? И теперь она уже чувствуетъ, что его носокъ опять близится... а глаза ласкаютъ ее... Рука, все подъ столомъ, ищетъ ея руки. Она не отдернула—и онъ пожалъ.

Въ эту минуту тетя налила имъ обоимъ по рюмкѣ и себѣ также.

— Сливянка? — спросилъ Первачъ и чокнулся съ нею и съ Саней.

Его рука держала ее за кончики ея пальцевъ — и по всему ея тѣлу прошлось ощущеніе чего-то жгучаго и пріятнаго, прежде чѣмъ она глотнула изъ рюмки.

Тетка ничего не замѣчала, да если бъ и замѣтила, не стала бы мѣшать. Она отвѣтила на чоканье Первача и, прищурившись, смаковала наливку маленькими глотками.

— Хороша на вашъ вкусъ, Николай Никанорычъ?

— Превосходна, Мароа Захаровна.

— Саня! Хороша?..

— Очень, тетя, очень.

— Пей, голубка, пей.

— Лучше всякаго крамбамбули, — подхватилъ землемѣръ.

— Крамбамбули? — вскричала Саня и подскочила на стулѣ. Но пальчики ея лѣвой руки остались въ рукѣ землемѣра.—Николай Никанорычъ! Что это? Пѣсня? Вѣдь да? Пѣсня? Или это какое-нибудь питье?

— И то, и другое, Александра Ивановна, и то, и другое. Въ родѣ ликера, крема... Очень крѣпкое. Студенческое питье. И пѣснь сложилась. Ее и цыгане поютъ.

— Какъ поютъ? Запойте.

— Это хоровая.

— Тетя! Дуся! Попросите Николая Никанорыча.

— Довольно и вашей просьбы, Александра Ивановна.

Онъ такъ это мило сказалъ, съ опущенными рѣсницами, что Санѣ захотѣлось поцѣловать его. Ну, хоть въ лобъ, даже и при тетѣ. Наливка сладко жгла ее въ груди и разливалась по всѣмъ жиламъ... Каждая жилка билась.

— „Крамбамбули — отцовъ наслѣдство",—запѣлъ Первачъ сдержанно... Голосъ у него былъ звучный и съ легкой вибраціей.

— Ахъ, какая прелесть!

— „И утѣшительное средство!" — продолжалъ Первачъ и еще разъ чокнулся съ Саней.

Она выпила большую рюмку до дна и даже облизнула кончикомъ языка свои сочныя алыя губы.

Черезъ пять минутъ всѣ трое пѣли хоромъ:

„Крамбамъ-бамъ-бамбули,
Крамбамбули-и!"

И взвизгивающій голосъ тети Мареы прорывался сквозь молодые, вздрагивающіе голоса Сани и землемѣра. Но очень громко они боялись пѣть, чтобы не разбудить тетки Павлы.

Саня отвѣдала и терновки, менѣе сладкой и болѣе вяжущей, чѣмъ сливянка, очень крѣпкой. Кончикъ языка стало покалывать, и на щекахъ разлилось ощутительное тепло, проникло даже до ушей. И въ шеѣ затрепетали жилки. Голова не была еще въ туманѣ; только какая-то волна подступала къ сердцу и заставляла его чуть-чуть заниматься, а въ глазахъ ощущала она пріятную теплоту, такую же, какъ въ ушахъ и по всему лицу. Она отдавалась впервые своему физическому сближенію съ этимъ красивымъ мужчиной. Онъ уже владѣлъ всей ея пухлой ручкой. Она не отнимала руки... Глаза его точно проникали въ нее—и она не стыдилась... какъ еще было вчера и третьяго дня.

Послѣ пѣнія „Крамбамбули" и остраго напряженія, нѣга разлилась по всему тѣлу. Саня, прищуривъ глаза, отвела ихъ въ сторону тетки, — и ей широкое, обрюзглое, красное, лоснящееся лицо казалось такимъ милымъ, почти ангельскимъ. Она чмокнула на воздухъ и проговорила голосомъ, полнымъ истомы:

— Тетя! Дуся!

И тутъ только въ голову ея, какъ дымка, сталъ проникать хмель.

Тетка тоже разомлѣла. Это была минута, когда она не-

премѣнно запоетъ одна, своей дѣвичьей фистулой, какой-нибудь старинный романсъ.

„Рѣка шумитъ,
Рѣка реветъ“...

затянула Марѳа Захаровна.

Санѣ не хочется подпѣвать. Она откинулась на спинку стула. Ея лѣвая рука совсѣмъ во власти Николая Никанорыча. Онъ подноситъ ее высоко къ своимъ губамъ и цѣлуетъ. Это заставило ее выпрямиться, а потомъ нагнуть голову. Кажется, она его поцѣловала въ щеку... такъ прямо, при теткѣ. Но будь они одни, она бы схватила его за голову и расцѣловала бы.

„Сердитъ и страшенъ
Говоръ волнъ“...

разливается тетка, и голосъ ея замираетъ на послѣднемъ двустишіи:

„Прости, мой другъ!
Лети, мой челнъ!“

VI.

Подъ нѣжной листвой туго распускавшагося кудряваго дубка Саня сидѣла на пледѣ, который подложилъ ей Николай Никанорычъ. Пригорокъ зеленѣлъ вокругъ. Внизу, сквозь деревья, виденъ былъ узкій спускъ къ рѣкѣ. Ширилась полоса воды—стальная, съ синѣющими отливами.

Тетка Марѳа задремала наверху, въ бесѣдкѣ.

Они побродили по парку подъ-руку. Онъ нѣсколько разъ принимался цѣловать ея пальчики, а она тихо смѣется.

На травѣ онъ сѣлъ къ ней близко-близко и, ничего не говоря, приложился губами къ ея щекѣ.

Саня не могла покраснѣть; щеки ея и безъ того алѣли, но она вздрогнула и быстро оглянулась на него.

— Развѣ можно?—прошептала она.

— А почему же нельзя?

Его глаза дерзко и ласково глядѣли на нее. Разсердиться она и хотѣла бы, да ничего не выходило у нея... Вѣдь онъ, на глазахъ тети, сближался съ нею... Стало-быть, на него смотрятъ какъ на жениха... Безъ этого онъ не позволилъ бы себѣ.

Да если и „безъ этого“? Онъ такой красивый, взгляда глазъ его она не выдерживаетъ. И голосъ у него чудесный. Одѣтъ всегда съ иголочки.

Онъ могъ бы обнять ее и расцѣловать въ губы, но не сдѣлалъ этого.

Онъ деликатный, не хочетъ ничего грубаго. Начни онъ цѣловать ее—вѣдь она не запретила бы и не ударила бы его по щекѣ.

Ударить? За что? Будто она уже такъ оскорблена?.. Сегодня ее всю тянетъ къ нему. Тетя подлила ей еще наливки. Это была третья рюмка. До сихъ поръ у нея въ головѣ туманъ.

— Почему нельзя? — повторилъ онъ и поцѣловалъ ее сзади, въ шею.

— Ей Богу! Николай Никанорычъ! Нельзя такъ! Ради Бога!

Но она была бы безсильна отвести лицо, если бъ онъ сталъ искать ея губъ.

— Санечка!—шепнулъ онъ ей на ушко.—Санечка!..

И тутъ она не разсердилась. Такъ мило вышло у него ея имя... Санечка!.. Это лучше, чѣмъ Саня... или Саря, какъ ее звали нѣкоторыя подруги въ институтѣ. Разумѣется, она маленькая, въ сравненіи съ нимъ. Но онъ такъ ее назвалъ... отчего?

„Оттого, что любитъ!“ — отвѣтила она себѣ и совсѣмъ зажмурила глаза, и больше уже не отбивалась, а онъ все цѣловалъ ее въ шею маленькими, короткими поцѣлуями.

— Николай Никанорычъ!.. Николай Никанорычъ!.. Вы здѣсь?

Кто-то звалъ сзади. Они узнали голосъ Авдотьи, горничной тетки Павлы.

— Нельзя! — быстрымъ шопотомъ остановила она его, открыла глаза, выпрямилась и вскочила на ноги.

Голова вдругъ стала свѣтлой. Въ тѣлѣ никакой истомы.

Онъ тоже поднялся и крикнулъ:

— Ау!..

Авдотья подошла, запыхавшись.

— По всему берегу ищу васъ, сударь... Павла Захаровна просятъ васъ пройти къ нимъ до чаю.

— Сейчасъ! — отвѣтилъ Первачъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и Санѣ ужасно понравилось то, что онъ такъ владѣетъ собою.

Но и она не растерялась... Да и съ чего же? Авдотья не могла видѣть за деревьями. А вдругъ какъ видѣла? Скажетъ теткѣ Павлѣ?

Ну, и скажетъ! Ничего страшнаго изъ этого выйти не можетъ. Развѣ тетка Павла не замѣчаетъ, что они нравятся другъ другу? Если бъ ей было непріятно его ухаживаніе, она бы давнымъ-давно дала инструкцію тетѣ Марѳѣ, да и сама сдѣлала бы внушеніе.

Зачѣмъ она прислала за Николаемъ Никанорычемъ? Можетъ-быть, „за этимъ самымъ". Не написалъ ли онъ ей письма? Онъ такой умный. Если просить согласія, то у нея—у первой. Какъ она скажетъ, такъ и папа.

— Сейчасъ буду! — повторилъ Первачъ удалявшейся Авдотьѣ.—Вотъ только барышню доведу до бесѣдки.

— Слушаю-съ, — откликнулась Авдотья, обернувъ на ходу свое рябоватое худое лицо старой дѣвушки.

— Вы по дѣламъ къ ней?—спросила тихо Саня и бокомъ взглянула на него.

— Да, что-нибудь по хозяйственной части, — выговорилъ онъ спокойно.

Ей захотѣлось шепнуть: „Я знаю по какой части!"— но она побоялась, и когда онъ взялъ ее подъ-руку, то въ ней уже совсѣмъ не было той истомы, какую она ощущала подъ деревомъ.

„Неужели сегодня?"—подумала она и опустила глаза.

— Тетя заснула... Зачѣмъ ее будить?

Они стояли въ дверяхъ бесѣдки изъ березовыхъ брусьевъ, гдѣ Марѳа Захаровна спала съ открытымъ ртомъ въ соломенномъ креслѣ, вытянувъ свои толстыя ноги въ шитыхъ по канвѣ башмакахъ,

— Вы здѣсь останетесь... Санечка?..—добавилъ онъ шопотомъ, и чуть-чуть дотронулся губами до ея шеи.

— Ахъ!—вырвалось у нея тихимъ, дѣтскимъ звукомъ, и она тотчасъ же подумала: „Что-жъ... сегодня, можетъ-быть, все и рѣшится".

Она вспомнила, что сегодня же долженъ вернуться изъ города и папа.

— А, что?.. — вдругъ проснулась Марѳа Захаровна и схватилась ладонями за свои жирныя щеки.

— Привелъ вамъ племянницу и сдаю съ рукъ на руки. Павла Захаровна прислала за мною.

— Да, да,—повторяла толстуха еще спросонья. — Погуляли, милые... День-то какой чудесный!.. Много я спала?

— Всего чуточку!

Саня поцѣловала ее въ маковку.

— Я съ вами побуду... За Николаемъ Никанорычемъ тетя присылала Авдотью.

— А... Идите, идите, голубчикъ.

Мароа знала, что сестра ея зря ничего не дѣлаетъ. Стало-быть, что-нибудь важное, насчетъ дѣлъ брата, лѣсовъ, продажи ихъ. Она за себя не боится, пока сестра жива. Можетъ-быть, та и насчетъ Сани что̀ надумала.

Шаги землемѣра стихли въ липовой аллеѣ. Саня прошлась взадъ и впередъ по бесѣдкѣ и потомъ, подойдя къ тетѣ, взяла ее за голову и нѣсколько разъ поцѣловала.

— Тетя! Дуся! Какой онъ славный! Вѣдь да?

— Кто, душка? Николай Никанорычъ?

— Да... Прелесть... Да?

— На что еще лучше!

Толстуха подмигнула.

— А онъ тебѣ, поди, чего наговорилъ... тамъ... внизу?

Саня начала краснѣть.

— Можетъ... и дальше пошло? Вонъ какъ вспыхнула, дурочка... Ну, чего тутъ! Дѣло молодое... И такой мужчина. Хе-хе!

— Онъ милый, милый!

Саня поцѣловала тетку въ плечо и выбѣжала изъ бесѣдки. Ей захотѣлось бѣгать совсѣмъ по-дѣтски. Она пробѣжала по аллеѣ, вплоть до загиба — и по второй, и по третьей — по всему четырехугольнику, и спустилась опять внизъ, къ тому дубку, гдѣ они сейчасъ сидѣли.

Какой прелестный дубокъ! Такого нѣтъ другого во всемъ паркѣ. Точно онъ весь дышитъ. Листики нѣжные, только-что распустились, тихо переливаютъ отъ чуть примѣтнаго вѣтерка. Пахнетъ ландышами. Гдѣ-нибудь они уже цвѣтутъ.

Она проникла въ чащу, стала искать, нашла одну былинку съ крошечными колокольчиками ландыша, сорвала ее и приблизила къ розовымъ трепетнымъ ноздрямъ.

Что за милое благоуханіе! Она обожаетъ духи всякіе. А весной, на воздухѣ, тонкій духъ цвѣтка, особенно такого, какъ ландышъ!

Вотъ когда бы сѣсть въ лодку и все плыть, плыть такъ до ночи...

Надо сказать, когда вернется папа, что пора приготовить лодку. Стало тепло. Она не боится разлива. Она ничего не боится съ нимъ. Вотъ онъ теперь сидитъ у тетки Павлы. Они говорятъ о ней,—навѣрно, о ней.

Саня подошла опять къ дубку и опустилась уже прямо на траву — Николай Никанорычъ унесъ съ собой пледъ.

Да, они говорятъ о ней. Тетка сначала его немножко поязвитъ, а потомъ спроситъ: „Какія у васъ намѣренія насчетъ моей племянницы?“—А онъ отвѣтитъ: „Мои намѣренія самыя благородныя. Александра Ивановна мнѣ нравится“. Онъ можетъ сказать: „Мы нравимся другъ другу“.

И пріѣдетъ папа; тетка Павла все ему скажетъ: Николай Никанорычъ — нужный человѣкъ... ученый таксаторъ. Дворянинъ ли онъ? Все равно. Папа женился же на мамѣ, а она была дочь мелкаго уѣзднаго чиновника. Вотъ они женихъ съ невѣстой — и можно будетъ цѣловаться, цѣловаться безъ конца.

VII.

У сухоручки Первачъ сидѣлъ больше часа и вышелъ отъ нея какъ разъ въ ту минуту, когда къ крыльцу подъѣхалъ тарантасъ. Изъ города вернулся Иванъ Захарычъ и прошелъ прямо къ себѣ.

Его лакея, Прохора, Первачъ окликнулъ, проходя залой, и сказалъ ему:

— Ежели Иванъ Захарычъ меня будетъ спрашивать, я во флигель иду, а потомъ, къ чаю, вернусь.

Прохоръ—блѣднолицый, лѣнивый малый, лѣтъ за тридцать, опрятно одѣтый въ синій сюртукъ — доложилъ объ этомъ барину, войдя въ кабинетъ.

Иванъ Захарычъ только что собрался умываться, что дѣлалъ всегда одинъ, безъ помощи прислуги. Онъ стоялъ посрединѣ обширнаго кабинета, съ альковомъ, и разстегивалъ свою дорожную куртку зеленаго сукна съ бронзовыми пуговицами.

Роста онъ былъ очень большого, вершковъ десяти слишкомъ, худощавый, узкій въ плечахъ, съ очень маленькой круглой головой, бѣлокурый. Мелкія черты завялаго лица не шли къ такому росту. Онъ носилъ жидкіе усики и брилъ бороду. Ротъ съ плохими зубами ущемлялся въ постоянную кисловатую усмѣшку. Плоскіе рѣдкіе волосы онъ раздѣлялъ на лбу прямымъ проборомъ и зачесывалъ на височкахъ. Голову держалъ онъ высоко, немного закидывая, и ходилъ почти не сгибая колѣнъ.

— Попроси Николая Никанорыча сюда... такъ, минутъ черезъ двадцать.

— Слушаю-съ!

Прохоръ вышелъ. Иванъ Захарычъ снялъ дорожную куртку и повѣсилъ ее въ шкапъ. Онъ былъ франтоватъ и чистоплотенъ. Кабинетъ по отдѣлкѣ совсѣмъ не походилъ на другія комнаты дома: коверъ, дорогіе обои, огромный письменный столъ, триповая мебель, хорошія гравюры въ черныхъ нарядныхъ рамкахъ. На одной стѣнѣ висѣло нѣсколько ружей и кинжаловъ, съ лисьей шкурой посрединѣ. Въ глубинѣ алькова стояла кровать — бронзовая, съ голубымъ атласнымъ одѣяломъ.

Умывался онъ долго и шумно. Два мохнатыхъ полотенца висѣли на штативахъ, надъ умывальникомъ съ педалью, выписаннымъ изъ Москвы, съ мраморной доской. Такъ же долго вытиралъ онъ лицо и руки, засученныя до локтей.

На лбу—крутомъ, низкомъ, обтянутомъ желтѣющей кожей—держалась крупная морщина. Безцвѣтные желтоватые глаза его озабоченно хмурились.

Иванъ Захарычъ вернулся изъ города самъ не свой. Другой бы на его мѣстѣ сталъ швырять чѣмъ ни попало или придираться къ прислугѣ. Онъ себѣ этого не позволитъ. Онъ — Черносошный, обязанъ себя сдерживать во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Горячиться и ругаться — на это много теперь всякой разночинской дряни. Онъ — Черносошный!

Дѣла идутъ скверно. И съ каждымъ годомъ все хуже. Думалъ онъ заложить лѣсную дачу. Банкъ оцѣнилъ ее слишкомъ низко. Но денегъ теперь нѣтъ нигдѣ. Купчишки сжались; а больше у кого же искать? Сроки платежа процентовъ по обоимъ имѣніямъ совпадали въ концѣ іюня. А платить нечѣмъ. До сихъ поръ ему устраивали разсрочки. Въ банкѣ свой братъ—дворянинъ. И директоръ—предсѣдатель, и двое другихъ—его товарищи.

Но тамъ что-то неладно. Въ городѣ заѣхалъ онъ къ предводителю, своему дальнему родственнику и даже однополчанину,—только тотъ его моложе лѣтъ на десять, ему пошелъ сорокъ второй годъ,—выбранному послѣ него два года назадъ, когда Иванъ Захарычъ самъ отказался наотрѣзъ служить третье трехлѣтіе, хотя ему и хотѣлось получить орденъ или статскаго совѣтника. Дѣла тогда сильно покачнулись. Почетъ — почетомъ; но разореніе — хуже всего.

Предводителя онъ нашелъ въ сильномъ разстройствѣ.

Онъ получилъ извѣстіе, что въ банкѣ обнаруженъ подлогъ, и на сумму въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Дѣло дошло до прокурора. Поговариваютъ, что одинъ изъ директоровъ не отвертится. И не одно это. По двумъ имѣніямъ, назначеннымъ въ продажу, ссуда оказалась вдвое больше стоимости. Оба имѣнія — двоюроднаго брата старшаго директора. Въ газетахъ — даже въ столичныхъ — появились обличительныя корреспонденціи — „этихъ бы писакъ всѣхъ перевѣшать!“ — и неизбѣжно созваніе экстреннаго съѣзда дворянъ, — банкъ ихъ сословное учрежденіе. Въ городѣ началась паника, вкладчики кинулись брать назадъ свои деньги съ текущихъ счетовъ и по долгосрочнымъ билетамъ, по которымъ банкъ платитъ шесть процентовъ. Нечего и думать выхлопотать отсрочку. Довольно и того, что по обоимъ имѣніямъ оцѣнка была сдѣлана очень высокая. Тогда Иванъ Захарычъ служилъ предводителемъ, и одинъ изъ директоровъ былъ съ нимъ на „ты“, учился вмѣстѣ въ гимназіи.

Но вся эта передряга въ банкѣ прямо не касается его родственника. А между тѣмъ тотъ точно самъ попался. У него имѣніе заложено — „да у кого есть незаложенное имѣніе?“ — но давнымъ-давно, еще отцомъ его, въ одномъ изъ столичныхъ банковъ; а недавно онъ, получивъ добавочную сумму, перезаложилъ его въ дворянскій центральный банкъ. И эти деньги онъ уже прожилъ. Живетъ онъ черезчуръ шибко, съ тѣхъ поръ какъ связался съ этой бабёнкой, бывшей женой акцизнаго чиновника. Онъ ее развелъ, мужу-„подлецу“ заплатилъ отступного чуть не сорокъ тысячъ; разводъ съ вѣнчаніемъ обошелся ему тысячъ въ десять, если не больше. За границу она его увезла; цѣлыхъ полгода они тамъ путались, въ рулетку играли. Франтиха она самая отчаянная. По три дюжины у нея всего нижняго бѣлья и обуви, и все шелковое, съ кружевами; какого цвѣта рубашка, такого и чулки, и юбка. Даромъ, что бывшая жена акцизнаго, а смотритъ настоящей французской кокоткой. И вотъ, съ самаго своего предводительства, третій годъ онъ съ ней такъ мотаетъ. Въ Москву ѣздятъ чуть не каждый мѣсяцъ, и непремѣнно въ „Славянскомъ Базарѣ“ отдѣленіе берутъ. Въ уѣздномъ городишкѣ умудряются проживать на одно хозяйство больше пятисотъ рублей въ мѣсяцъ.

Онъ былъ прежде предсѣдателемъ управы. И когда сдавалъ должность, оказалась передержка. Тогда дѣло за-

мяли, дали ему время внести въ нѣсколько сроковъ. Теперь въ опекѣ завелись сиротскія и разныя другія деньги. Иванъ Захарычъ сдалъ ему сполна больше двадцати тысячъ, и съ тѣхъ поръ стало извѣстно, что по двумъ имѣніямъ, находящимся въ пожизненномъ пользованіи жены, хранятся процентныя бумаги отъ выкуповъ, которые состоялись поздно — уже послѣ того, какъ онъ ушелъ изъ предводителей. Кажется, тысячъ на тридцать, если не больше.

Когда родственникъ его, теперешній предводитель, началъ ему намекать на „тиски", въ какіе можетъ попасть, Иванъ Захарычъ сейчасъ же подумалъ: „ужъ не запустилъ ли лапу въ сундукъ опеки?" Можетъ ли онъ отвѣчать за него? По совѣсти—нѣтъ. Да и не за него одного... Вѣдь и директора банка—тоже дворяне, пользовались общимъ довѣріемъ, какъ себя благородно держали... А теперь вонъ какихъ дѣлъ натворили!..

Иванъ Захарычъ считалъ себя выше подобныхъ недворянскихъ поступковъ. Этимъ онъ постоянно преисполненъ. Если при залогѣ имѣній онъ добился высокой оцѣнки, то все же они стòятъ этихъ денегъ, хотя бы при продажѣ съ аукціона и не дали такой цѣны. Онъ въ долгу у обѣихъ сестеръ, и ему представляется довольно смутно, чѣмъ онъ обезпечитъ ихъ, случись съ нимъ бѣда, допусти онъ до продажи обоихъ имѣній. Конечно, должны получиться лишки... А если не найдется хорошаго покупателя?

Ему всегда кажется, что какъ бы онъ ни принужденъ былъ поступить, все-таки онъ останется благороднымъ человѣкомъ, представителемъ рода Черносошныхъ—послѣднимъ въ родѣ, мужского пола... У него, кромѣ Сани, двѣ незаконныхъ дочери. Если бъ онъ даже и женился на ихъ матери и выхлопоталъ имъ дворянскія права, онѣ— дѣвочки. Будь хоть одинъ мальчикъ — онъ бы женился. Онѣ съ матерью обезпечены, хоть и небольшимъ капиталомъ.

А Саня?

Но Саня—не его дочь. Онъ давно помирился съ тѣмъ, что его жена измѣнила ему. У него въ столѣ лежатъ письма того „мусьяка", очутившіяся въ рукахъ сестры Павлы, которая ему и доказала, что покойная жена не заслуживала памяти честной женщины. Онъ не мститъ Санѣ за вину матери, но и не любитъ ея, на что имѣетъ полное право. Выдать ее поскорѣе замужъ! Приданаго

тысячъ десять... Родовыхъ правъ у нея никакихъ нѣтъ. Ея мать была бѣдная пепиньерка.

Десять тысячъ—не малыя деньги, по нынѣшнему времени, даже и для барышни изъ хорошаго дома; да вѣдь и ихъ надо припасти. Вмѣстѣ съ долгомъ обѣимъ сестрамъ, по сохраннымъ распискамъ, ему придется заплатить кругленькую цифру чуть не въ пятьдесятъ тысячъ.

Продажа лѣсной дачи дастъ больше, но на охотника. Онъ думалъ было занять у предводителя, а тотъ началъ самъ просить взаймы хоть тысячу рублей, чтобы поѣхать въ губернскій городъ и тамъ заткнуть кому-то „глотку", чтобы не плели „всякихъ пакостныхъ сплетенъ".

Иванъ Захаровичъ все живѣе и живѣе чувствовалъ, что онъ близокъ къ краху, и не одинъ онъ, а всѣ почти, подобные ему, люди. Но обвинять себя онъ не могъ. Жилъ, какъ пристойно дворянину, не пьяница, не картежникъ. Есть семейство съ лѣвой стороны, — такъ онъ овдовѣлъ молодымъ, и все это прилично, на сторонѣ, а не дома.

Ему было себя ужасно жаль. Не онъ виноватъ, а проклятое время. Дворяне несутъ крестъ... Теперь надумали поднимать сословіе... Поздно локти кусать. Нельзя уже остановить всеобщее разореніе. Ничего другого и не остается, какъ хапать, производить растраты и подлоги. Только онъ, простофиля, соблюдалъ себя и дожилъ до того, что не можетъ заплатить процентовъ и рискуетъ потерять двѣ прекрасныя вотчины ни за понюшку табаку!

И все-таки онъ не измѣняетъ себѣ ни въ обхожденіи, ни въ чувствѣ своего дворянскаго превосходства, не ругается, не жалуется, не кукситъ. Это—ниже его.

Придется пустить себѣ въ лобъ пулю — онъ это сдѣлаетъ съ достоинствомъ. Но до такого конца зря онъ себя не допуститъ.

VIII.

Иванъ Захаровичъ надѣлъ домашнюю „тужурку" — свѣтло-сѣрую съ голубымъ ободкомъ — сѣлъ въ кресла и сталъ просматривать какія-то бумаги.

— Можно? — окликнулъ Первачъ въ полуотворенную дверь.

Онъ тоже переодѣлся въ черный сюртукъ.

— Войдите, войдите, Николай Никанорычъ! Весьма радъ!

На таксатора Иванъ Захаровичъ возлагалъ особенныя надежды. Да и сестра Павла уже говорила, что слѣдуетъ съ нимъ хорошенько столковаться — повести дѣло на чистоту, предложить ему „здоровую“ комиссію.

— А я сейчасъ отъ Павлы Захаровны,—сказалъ Первачъ, подавая руку.

— Это хорошо. Она мои обстоятельства прекрасно знаетъ.

Рѣчистостью Иванъ Захаровичъ не отличался. Всякій дѣловой разговоръ стоилъ ему не малыхъ усилій.

— Павла Захаровна — особа большого ума... и ваши интересы превосходно понимаетъ.

— И что же?.. Стало-быть?..

— Она того мнѣнія, что лѣсную дачу и усадьбу съ паркомъ надо продать безотлагательно.

— Легко сказать... Цѣны упадутъ. Вотъ и Низовьевъ продаетъ.

— Его лѣсъ больше, но хуже вашего, Иванъ Захарычъ. И теперь, послѣ надлежащей таксаціи, производимой мною...

— Все это такъ, Николай Пиканорычъ. Но я отъ васъ не скрою... Платежъ процентовъ по обѣимъ имѣніямъ можетъ поставить меня...

— Понимаю!.. Видите, Иванъ Захарычъ... — Первачъ сталъ медленно потирать руки, по пословицѣ: голенькій— охъ, а за голенькимъ—Богъ...—Дачу свою Низовьевъ,—я уже это сообщилъ и сестрицѣ вашей, — продаетъ новой компаніи... Ея представитель—нѣкій Теркинъ. Врядъ ли онъ очень много смыслитъ. Аферистъ на всѣ руки... И писали мнѣ, что онъ самъ мечтаетъ попасть поскорѣе въ помѣщики... Чуть ли онъ не изъ крестьянъ. Очень можетъ-быть, что ему ваша усадьба съ такимъ паркомъ понравится. На нихъ вы ему сдѣлаете уступку съ переводомъ долга.

— Тяжело будетъ разстаться съ этой усадьбой. Она перешла въ родъ Черносошныхъ...

— Понимаю, Иванъ Захарычъ. Зато на лѣсной дачѣ онъ можетъ дать по самой высшей оцѣнкѣ.

— Хорошо, если бы вы...

— Я не говорю, что мнѣ удастся непремѣнно попасть на службу компаніи, но есть шансы, и весьма серьезные..

— Ахъ, хорошо бы!.. Будьте увѣрены, я съ своей стороны...

У Ивана Захаровича не хватило духа досказать. Это была сдѣлка... Пускай за него сторгуется сестра Павла.

Первачъ опустилъ рѣсницы своихъ красивыхъ глазъ. Онъ уже выслушалъ отъ Павлы Захаровны намеки на то, что вмѣстѣ съ хорошей комиссіей можно получить и руку ея племянницы. „Сухоручка" дала ему понять и то, что будь Саня любимая дочь и племянница Ивана Захарыча и ея, Павлы Захаровны, ему, землемѣру, хоть и ученому, нечего было бы и мечтать о ней... Но это его не восхитило... За Санечкой дадутъ какую-нибудь малость... И кто ихъ знаетъ, — онѣ, быть-можетъ, эти старыя дѣвы, ловятъ его, и наливочкой подпаиваютъ, и сквозь пальцы смотрятъ на то, какъ барышня начинаетъ съ нимъ амуриться... Другое дѣло, если онъ выговоритъ себѣ порядочный кушъ при продажѣ лѣсной дачи... по крайней мѣрѣ тысячъ въ десять. Да и это не очень-то соблазнительно... Женись, накладывай на себя ярмо, дѣвочка—глупенькая, черезъ три-четыре года раздобрѣетъ, народитъ дѣтей—и возись со всей этой дѣтворой!

Все это Первачъ сообразилъ прежде, чѣмъ пришелъ сюда. Но онъ не желалъ выставлять себя „лодыремъ".

— Позвольте вамъ замѣтить, Иванъ Захарычъ,—заговорилъ онъ, мѣняя тонъ, — что у каждаго человѣка есть своя присяга. Я—по совѣсти—считаю вашу лѣсную дачу хоть и вдесятеро меньше, чѣмъ у Низовьева, моего главнаго патрона въ настоящую минуту, но по качеству выше. И оцѣнка ей сдѣлана была очень низкая при проектѣ залога въ банкъ.

— Еще бы!—вырвалось у Ивана Захарыча.

— Но я не могу же не способствовать продажѣ Низовьевской дачи... тѣмъ болѣе, что у нихъ съ компаніей все уже на мази...

— Я и не требую! Помилуйте!

— Другое дѣло — заохотить представителя компаніи, этого Теркина. Если же ему самому приглянется и ваша усадьба съ паркомъ, то надо будетъ на этомъ особенно поиграть. Врядъ ли у него есть свои большія деньги. Разгорятся у него глаза на усадьбу—мой совѣтъ: продать ему какъ можно сходнѣе.

— Такую усадьбу! Николай Никанорычъ! Родовая вотчина... И паркъ!.. Знаете, тяжело... Всякій дворянинъ...

— Понятное дѣло! Но вѣдь вы можете лишиться ея за безцѣнокъ... Изъ-за недоимокъ банку!

— Я какъ-нибудь...

Иванъ Захарычъ чувствовалъ, что говоритъ на вѣтеръ, что кредиту у него нѣтъ, что онъ и не имѣетъ права надѣяться...

— Положимъ... Вы извернетесь... За оба имѣнія вамъ— позвольте узнать—сколько приходится платить въ годъ?

Иванъ Захарычъ сказалъ цифру.

— Деньги не особенно большія; но надо ихъ добыть.

— Да, да,—повторилъ Иванъ Захарычъ.

Его обычная кисловатая усмѣшка не исчезла съ губъ; но головы онъ уже не держалъ такъ высоко.

— Душевно радъ бы былъ и въ этомъ оказать вамъ содѣйствіе, многоуважаемый Иванъ Захарычъ...

Въ головѣ Первача мелькнуло соображеніе: „пожалуй, и за таксаторскую работу ничего не заплатитъ этотъ гусь, такъ поневолѣ придется его выручить“.

— Душевно радъ былъ бы,—повторилъ онъ послѣ маленькой паузы.—Положимъ, у того же Низовьева я могъ бы, въ видѣ личнаго одолженія...

Иванъ Захарычъ началъ краснѣть. Этакій „шмерцъ“, землемѣришка, а говоритъ съ нимъ, Черносошнымъ, точно начальникъ съ просителемъ, хоть и въ почтительномъ тонѣ... Нечего дѣлать... Такія времена! Надо терпѣть!

— Въ видѣ личнаго одолженія,—повторилъ онъ фразу Первача.

— Достать эту сумму... Но эти богачи — хуже нашего брата, трудового человѣка... Очень можетъ быть, что вотъ онъ пріѣдетъ и передъ милліонной сдѣлкой у него въ бумажникѣ—какая-нибудь тысчонка рублей.

— Очень можетъ быть!—повторилъ Иванъ Захарычъ.

На его низкомъ крутомъ лбу сталъ выступать потъ. Разговоръ уже тяготилъ его, давилъ ему виски.

— Но предположимъ,—продолжалъ Первачъ, замедляя свою дикцію и затянувшись длинной струей дыма,—предположимъ, что мы добудемъ эти деньги...

„Мы, — повторилъ мысленно Иванъ Захарычъ, — вонъ какъ поговариваетъ... Времена такія!..“

— Ваша сестрица Павла Захаровна весьма резонно замѣчаетъ, что это была бы только отсрочка... краха...

„Вонъ какія слова употребляетъ! Крахъ!.. И терпи!“— подумалъ Иванъ Захарычъ.

— Извините... я называю крахомъ...

— Да, да, нынѣшнее слово, я знаю...

— Слово настоящее, Иванъ Захарычъ. Зачѣмъ же доводить себя?

— Конечно, конечно.

— Моментъ наступаетъ самый для васъ благопріятный. Надо его ловить!.. Безъ ложной скромности скажу—мое посредничество...

— Я понимаю, я чувствую, Николай Никанорычъ.

— Только вы мнѣ не мѣшайте. Слѣдуетъ половчѣе подойти къ этому Теркину. Я не скрою — мой личный интересъ тутъ тоже замѣшанъ, но для васъ это еще важнѣе.

— Совершенно вѣрно.

— Работа моя по вашей дачѣ будетъ кончена много-много черезъ три-четыре дня... На-дняхъ же прибудетъ въ Заводное и Теркинъ.

— Этотъ агентъ?

— Не агентъ, Иванъ Захарычъ, а главный воротила компаніи. Но я еще не кончилъ... Сообразите: ежели вы упустите моментъ...

Раздался сдержанный вздохъ Ивана Захарыча.

— Крахъ неизбѣженъ... Дошли до васъ слухи о томъ, какихъ дѣлъ надѣлали директора банка?.. Я сегодня утромъ слышалъ... Вы вѣдь были въ городѣ... Тамъ, навѣрно, знаютъ...

— Дурные слухи... Но вѣдь, знаете, на дворянство вездѣ клевещутъ.

— Полно, такъ ли?

Острые глаза Первача остановились на Иванѣ Захарычѣ.

— Поговариваютъ, что и здѣшній предводитель... Вы извините... Онъ, кажется, вашъ родственникъ?

— Дальній!

— Вы къ нему заѣзжали?

— Какъ же.

— Ну, разумѣется, онъ скрываетъ?

— Не знаю.

Ивану Захарычу дѣлалось невмоготу.

— Стало-быть, если не компанія, крахъ неизбѣженъ,— заключилъ Первачъ:—банкъ можетъ прекратить платежи, имѣнія упадутъ, вы загубите и усадьбу съ паркомъ, и лѣсную дачу за какую-нибудь презрѣнную недоимку.

Дверь отворилась съ жидкимъ скрипомъ. Прохоръ просунулъ голову и доложилъ:

— Барышня Павла Захаровна просятъ кушать чай.

— Тиски! Тиски! — почти крикнулъ Иванъ Захарычъ, вскочилъ съ креселъ и отеръ лобъ платкомъ: лобъ весь былъ влажный.

„Крахъ!“—выговорилъ онъ про себя и почувствовалъ холодъ въ коленяхъ.

IX.

Половодье проникло къ самому частоколу одной изъ двухъ церквей села Заводнаго.

Понамарь лѣниво звонилъ къ вечернѣ, когда въ ограду вошелъ рослый баринъ, въ синемъ пальто и низкой поярковой шляпѣ.

Это былъ Теркинъ.

Онъ не постарѣлъ, но похудѣлъ въ лицѣ, держался не такъ прямо, какъ въ прошломъ году, и бороду запустилъ.

Сегодня утромъ пріѣхалъ онъ въ Заводное и осматривалъ лѣсную дачу помѣщика Низовьева. Съ нимъ онъ долженъ былъ видѣться въ уѣздномъ городѣ — верстахъ въ пятнадцати отъ берега, по старой московской дорогѣ.

Понамарь звонилъ внизу, около паперти колокольни, и тянулъ за веревку, стоя одной ногой на ступенькѣ,— старый пономарь, съ косицей сѣдѣющихъ волосъ, безъ шапки, въ нанковомъ подрясникѣ.

Онъ остановился и спросилъ Теркина:

— Вамъ—батюшку?

— Нѣтъ, я бы хотѣлъ на колокольню.

— На колокольню?—переспросилъ понамарь.

Теркинъ вмѣсто отвѣта сунулъ старику рублевую бумажку. Тотъ совсѣмъ бросилъ веревку и засуетился.

— На разливъ поглядѣть желаете? Это точно... Видъ превосходный.

И онъ засуетился.

— Вы, любезнѣйшій, дѣлайте свое дѣло. Я одинъ подымусь...

Бодрымъ, молодымъ движеніемъ Теркинъ юркнулъ въ дверку и поднялся наверхъ. Понамарь продолжалъ звонить, засунувъ бумажку въ карманъ своихъ штановъ. Онъ поглядывалъ наверхъ и спрашивалъ себя: кто можетъ быть этотъ заѣзжій господинъ, пожелавшій лѣзть на колокольню? Изъ чиновниковъ? Или изъ помѣщиковъ?.. Такого онъ еще не видалъ. Да въ село и не заѣзжаютъ господа. Купцы бываютъ, прасолы, скупщики меда, кожъ,

льну... Село торговое... Только этотъ господинъ не смотритъ простымъ купцомъ. Надо будетъ сказать батюшкѣ. А онъ еще не приходилъ...

На колокольнѣ Теркинъ сталъ въ пролетѣ, выходившемъ на рѣку... Немного правѣе зеленѣлъ паркъ усадьбы Черносошныхъ, и крыша дома отдѣлялась темнокрасной полосой. Онъ вынулъ изъ кармана пальто небольшой бинокль и долго смотрѣлъ туда.

Сколько лѣтъ утекло съ того дня, когда онъ, впервые, мальчуганомъ, попалъ съ отцомъ въ Заводное и съ этой самой колокольни любовался паркомъ барской усадьбы, мечталъ, какъ о сказочномъ благополучіи, обладать такой усадьбой! Барскаго дома онъ и тогда не видалъ какъ слѣдуетъ, но воображалъ себѣ, что тамъ, позади парка, роскошныя палаты. До боли въ вискахъ любовался онъ усадьбой, и вотъ судьба привела его сюда же главнымъ воротилой большой компаніи, скупающей лѣса у помѣщиковъ. Онъ—душа этого дѣла. Его идея—оградить отъ хищничества лѣсныя богатства Волги, держаться строго раціональныхъ пріемовъ хозяйства, учредить „зака́зники", заняться въ другихъ, уже обезлѣсенныхъ мѣстахъ системой правильнаго лѣсонасажденія.

Судьба!.. И этотъ паркъ, восхищавшій его въ дѣтствѣ, уцѣлѣлъ, точно на диво, чтобы сдѣлаться его собственностью. Ему уже писалъ таксаторъ, нанятый Низовьевымъ — главнымъ продавцомъ въ здѣшнемъ краѣ, — что усадьбу Заводнаго съ паркомъ можно пріобрѣсти на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Этотъ таксаторъ, видимо, желаетъ поступить на службу компаніи. Они должны видѣться въ городѣ. Нарочно пріѣхалъ онъ двумя днями раньше, чѣмъ назначилъ, взявъ съ собою своего вѣрнаго человѣка — практика-лѣсовода. Они осмотрѣли сегодня дачу Низовьева. Таксаторская работа произведена толково и даже съ разными нынѣшними „штучками". Есть, однако, не мало безпорядочныхъ порубокъ. Тотъ же таксаторъ писалъ ему, что у владѣльца усадьбы съ паркомъ лѣсная дача тоже продается. Если она сто́ящая, можно ее пристегнуть къ дачѣ Низовьева.

А усадьба съ паркомъ?

Теркинъ разглядывалъ въ бинокль очертанія парка, лужайки и купы деревьевъ, съ нѣжной зеленью и кое-гдѣ еще полуголыми вѣтвями... Его начала разбирать такая же охота владѣть всѣмъ этимъ, какъ и въ дѣтствѣ,

когда онъ влѣзалъ на ту же колокольню, или „каланчу“, какъ онъ выражался по-кладенецки. Онъ можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію—купить и усадьбу съ паркомъ, сдѣлать ихъ центромъ мѣстнаго управленія, проводить здѣсь часть лѣта... И когда захочетъ, черезъ два-три года компанія уступитъ ему въ полную собственность. Цѣну онъ дастъ настоящую.

Все осуществимо! И чувство удачи и силы никогда еще не наполняло его, какъ теперь, вотъ на этой колокольнѣ. Ему самому не вѣрится, что въ какихъ-нибудь два года онъ—въ милліонныхъ дѣлахъ, хоть и не на свой собственный капиталъ. Началъ съ одного парохода, завелъ дѣло на Каспійскомъ морѣ, а теперь перемахнулъ на верховья Волги, сплотилъ нѣсколько денежныхъ тузовъ и безъ всякаго почти труда проводитъ въ жизнь свою завѣтную мечту. И совѣсть его чиста. Онъ не для „кубышки“ работаетъ, а для общенароднаго дѣла. Съ тѣхъ поръ, какъ деньги плывутъ къ нему, онъ къ нимъ все равнодушнѣе — это несомнѣнно. Прежде онъ любилъ ихъ,—по крайней мѣрѣ ему казалось такъ; теперь онѣ—только средство, а ужъ никакъ не цѣль... Пачки сторублевокъ, когда онъ считаетъ ихъ, не даютъ ему никакого ощущенія,—точно перелистываетъ книжку съ бѣлыми страницами.

Глаза утомились глядѣть въ бинокль. Теркинъ положилъ его въ футляръ и еще постоялъ у того же пролета колокольни. За рѣкой паркъ манилъ его къ себѣ, даже въ теперешнемъ запущенномъ видѣ... Судьба и тутъ работала на него. Выходитъ такъ, что владѣлецъ самъ желаетъ продать свою усадьбу. Значитъ „приспичило“. Исторія извѣстная... Дворяне-помѣщики и въ этомъ лѣсномъ углу спустятъ скупщикамъ свои родовыя дачи, усадьбы забросятъ... Не одна неумѣлость губитъ ихъ, а „распуста“.

Теркинъ опять употребилъ мысленно свое слово, передѣланное имъ на русскій ладъ и подслушанное у одного инженера-поляка.

Повально воруютъ вездѣ: въ банкахъ, опекахъ, земскихъ управахъ, гдѣ только можно, безъ стыда и удержу. Какъ разъ онъ—изъ губернскаго города, гдѣ собирается крупный скандалъ: въ банкѣ проворовались господа директора, довѣренные люди цѣлой губерніи—и паника растетъ; всѣ кинулись вынимать свои вклады. У кого есть

еще что спускать, безсмысленно и такъ же безстыдно расхищаютъ, какъ этотъ Низовьевъ, старѣющій женолюбецъ, у котораго Парижъ не оставитъ подъ конецъ жизни ни одной десятины лѣса.

Развѣ онъ, Теркинъ, не благое дѣло дѣлаетъ, что выхватываетъ изъ такихъ рукъ общенародное достояніе? Безъ воды да безъ лѣса Поволжье на сотни и тысячи верстъ въ длину и ширину обнищаетъ въ какихъ-нибудь десять-двадцать лѣтъ. Это не кулачество, не спекуляція, а „миссія“! И она питаетъ его душу. Иначе приходилось бы черезчуръ ужъ одиноко стоять среди всей этой, хотя бы и кипучей, дѣловой жизни.

Сердце, молодая еще кровь, воображеніе, потребность женской ласки — точно замерли въ немъ. За цѣлый годъ былъ ли онъ хоть единожды, съ-глазу-на-глазъ, въ увлекательной бесѣдѣ съ молодой красивой женщиной?.. Ни единаго раза... Не лучше ли такъ?

Теркинъ опустилъ голову. На колокольнѣ было тихо. Понамарь отзвонилъ. Въ церковь давно уже прошелъ священникъ. Народъ собирался къ службѣ полегоньку.

Медленно спустился онъ по крутой лѣсенкѣ, но съ паперти въ церковь не зашелъ. Ему пора было ѣхать въ городъ. Онъ остановился у приказчика, завѣдующаго лѣснымъ промысломъ помѣщика Низовьева и сплавомъ плотовъ внизъ по Волгѣ, къ городу Васильсурску, куда съѣзжаются каждый годъ въ полую воду крупные лѣсохозяева. Оттуда и ждали Низовьева завтра или послѣзавтра.

Село Заводное немного напоминало Теркину его родной Кладенецъ видомъ построекъ, базарной площадью и церквами; но положеніе его было плоское, на луговомъ берегу. Къ сѣверу отъ него тянулись лѣса, еще не истребленные скупщиками, на сотню верстъ. Когда-то тамъ водились скиты... Въ самомъ селѣ не было раскольниковъ.

На улицѣ стояла послѣобѣденная тишь.

Приказчикъ Низовьева занималъ чистенькій домикъ, на выѣздѣ. Онъ до обѣда уѣхалъ въ городъ — приготовить квартиру, гдѣ и Теркинъ долженъ былъ остановиться, вмѣстѣ съ Низовьевымъ. Отъ него узналъ онъ, что предводителемъ въ уѣздѣ — Петръ Аполлосовичъ Звѣревъ.

„Да это — нашъ Петька!“ сообразилъ Теркинъ, но не сказалъ, что они — товарищи по гимназіи.

Внезапной встрѣчѣ съ своимъ участникомъ въ школь-

ной исторіи съ учителями онъ не очень обрадовался и не смутился ею: все это было уже такъ далеко! Онъ вспомнилъ только угрозу Звѣреву, если тотъ ничего не сдѣлаетъ для его названнаго отца, когда они бросали жребій... Ивана Прокофьева и старуху его онъ прокормилъ на свои деньги и ни къ кому не обратился за помощью. И самъ не погибъ! „Петька", вѣроятно, такая же тупица, какою былъ и въ гимназіи. Положенію его онъ не завидовалъ. Навѣрно и у него найдется что-нибудь продажное; мирволить онъ ему не станетъ, не будетъ ему выказывать и никакихъ аттенцій. Со всѣми мѣстными властями онъ держитъ себя суховато, не допускаетъ никакого запанибратства.

X.

Тарантасъ покачивалъ свой широкій валкій кузовъ,— настоящій купеческій тарантасъ, какіе сохранились еще вездѣ, гдѣ надо ѣздить по старымъ большимъ дорогамъ и проселкамъ.

Ѣхать было довольно мягко, безъ пыли—отъ недавняго дождя, по глинистому грунту. Наѣзженная колея держалась около одного края широчайшаго полотна, вплоть у березъ; за ними шла тропка для пѣшеходовъ. Солнце только что сѣло. Свѣжесть все прибывала въ воздухѣ.

Теркина везла тройка обывательскихъ на крупныхъ рысяхъ. Рядомъ съ ямщикомъ, въ верблюжьемъ зипунѣ и шляпѣ „гречушникомъ", торчала маленькая широкоплечая фигура карлика Чурилина. Онъ повсюду ѣздилъ съ Василіемъ Иванычемъ—въ самыя дальнія мѣста, и весьма гордился этимъ. Чурилинъ сдвинулъ шапку на затылокъ, и уши его торчали въ разныя стороны, точно у татарченка. Въ дорогу онъ неизмѣнно надѣвалъ вязаную синюю фуфайку, какія носятъ дворники, поверхъ жилета, и въ накидку старое пальто.

Въ тарантасѣ надо было лежать на сѣнѣ, покрытомъ попоной, съ дорожными подушками за спиной.

— Антонъ Пантелеичъ!—окликнулъ Теркинъ своего спутника.

— Ась?

Тотъ, задумчиво смотрѣвшій въ другую сторону, повернулъ къ нему свое лицо, круглое, немного пухлое,— моложавое лицо человѣка, которому сильно за-сорокъ, красноватое, съ плохо растущей бородкой. На головѣ была

фуражка изъ синяго сукна. Тѣнь козырька падала на узкіе сѣрые глаза, добрые и высматривающіе, и на короткій, мясистый носъ, съ маленькимъ раздвоеніемъ на кончикѣ.

Антонъ Пантелеичъ Хрящевъ, сидѣлъ подавшись нѣсколько впередъ, въ аккуратно застегнутомъ, опрятномъ драповомъ пальто, безъ перчатокъ. Его можно было, всего скорѣе, принять за управляющаго. Немного сутуловатый и полный въ туловищѣ, онъ былъ на цѣлую голову ниже Теркина.

— Посмотрите-ка... Удивительно, какъ это березы по сіе время уцѣлѣли.

— Дѣйствительно, Василій Иванычъ. И не здѣсь только, а и въ полустепныхъ губерніяхъ—въ Тамбовской, въ Орловской. И тамъ еще ракиты не перевелись по старымъ дорогамъ.

Хрящевъ говорилъ жидковатымъ хриплымъ теноркомъ, придыхая на особый ладъ, чрезвычайно мягко и осторожно. Сегодняшній осмотръ лѣсной дачи помѣщика Низовьева показалъ Теркину, что онъ пріобрѣлъ въ этомъ лѣсоводѣ отличнаго практика и вдобавокъ характернаго русака, къ которому онъ началъ присматриваться съ особеннымъ интересомъ.

Хрящева ему рекомендовали въ Москвѣ. Онъ учился когда-то въ тамошней сельскохозяйственной школѣ, ходилъ въ управляющихъ больше двадцати лѣтъ, зналъ землемѣрную часть, могъ вести и винокуренный заводъ, но льнулъ больше всего къ лѣсоводству; былъ вдовъ и бездѣтенъ.

Между ними сразу установили связь ихъ симпатія къ лѣсу и ненависть къ расхищенію лѣсныхъ богатствъ. Когда Теркинъ окликнулъ Антона Пантелеича, тотъ собирался высказать свое душевное довольство, что вотъ и ему привелось попасть къ человѣку „съ понятіемъ“ и „съ благородствомъ въ помышленіяхъ“, при „большой быстротѣ хозяйственнаго соображенія“.

Онъ любилъ выражаться литературно, книжки читалъ по зимамъ въ большомъ количествѣ и тайно пописывалъ стихи въ „обличительномъ“ и „философическомъ родѣ“.

— Василій Иванычъ, —вдругъ заговорилъ онъ, повернувшись всѣмъ туловищемъ къ Теркину,—позвольте мнѣ отблагодарить васъ за сегодняшній день...

— Въ какихъ же смыслàхъ, Антонъ Пантелеичъ? — отвѣтилъ шутливо Теркинъ.

— Объѣзжая съ вами дачу господина Низовьева, я въ первый разъ во всю мою жизнь не скорбѣлъ, глядя на вѣковой боръ, на всѣхъ этихъ маститыхъ старцевъ, возносящихъ свои вершины...

— Любите фигурно выражаться, Антонъ Пантелеичъ!— перебилъ Теркинъ и ударилъ его по плечу.

Хрящевъ потупилъ глаза, немного сконфузившись.

— Прошу великодушно извиненія... Я чудаковатъ,—это точно; но не заношусь, не считаю себя выше того, чтò я собою представляю. Съ вами, Василій Иванычъ, если разрѣшите, я буду всегда на распашку; вы поймете и не осудите... Развѣ я не правъ, что передо мною... какъ бы это выразиться... нѣкоторая эмблема явилась?

— Эмблема?

— А какъ же-съ? Продавецъ — прирожденный баринъ, а покупатель — вы, человѣкъ самъ себя сдѣлавшій, такъ сказать, радѣтель за идею, настоящій патріотъ... И родомъ вы изъ крестьянскаго званія—вы изволили это мнѣ сами сообщить, и не затѣмъ, чтобы этимъ кичиться... Эмблема-съ... Тамъ — неосмысленное и преступное хищеніе; здѣсь—охрана родного достоянія! Эмблема!

— Эмблема!—повторилъ Теркинъ и тихо разсмѣялся.

Изліянія Антона Пантелеича онъ не могъ счесть грубой лестью. Сквозь сладковатые звуки его говора и книжные обороты рѣчи проглядывала несомнѣнная искренность. И чудаковатость его нравилась ему. Въ ней было что-то и стародавнее, и новѣйшее, отзывавшее „умными“ книжками и обращеніемъ съ „идейными“ людьми.

— Нѣкоторое прообразованіе, Василій Иванычъ! Измѣняютъ землѣ господа вотчинники. Потомки предковъ своихъ не почитаютъ...

— И предки-то были тоже сахары-медовичи...

— Всеконечно. Въ тѣхъ пребывало этакое чувство... какъ бы сказать... служилое... Рабами воздѣлывали землю, — это точно; но, между прочимъ, округляли свои угодья, изъ рода зря не выпускали ни одной пустоши, ни одного лѣсного урочища. И службу царскую несли.

— Кормились знатно на воеводствахъ!

— Ходили тоже и на войну... Даромъ-то помѣстій въ тѣ поры не давали. Этакое лѣсное богатство, хоть бы у того же самаго господина Низовьева... И вырубать его

безъ пощады... все равно, что первый попавшійся Колупаевъ...

— Щедрина почитывали?—спросилъ Теркинъ.

— Есть тотъ грѣшокъ... И ежели господинъ Низовьевъ ученаго таксатора пригласилъ, то, видимое дѣло, для того лишь, чтобы товаръ съ казоваго конца показать...

— А вы какъ находите, Антонъ Пантелеичъ, — перебилъ Теркинъ тономъ хозяина, — нужно намъ таксатора брать, или обойдемся и безъ него?

Спросилъ онъ это не безъ задней мысли.

Хрящевъ поглядѣлъ на него изъ-подъ козырька своего картуза, сложилъ на животѣ пухлыя руки, еще не успѣвшія загорѣть, и, поведя плечами, выговорилъ:

— Полагаю.

— Работа у этого Первача, — продолжалъ Теркинъ,— довольно чистая, но что-то онъ черезчуръ во все суется и норовитъ маклачить.

— Къ приварку—не въ видѣ мяса, а презрѣннаго металла—нынѣ всѣ получили пристрастіе... Ужъ не знаю, кого вы возьмете на службу компаніи, Василій Иванычъ, только спеціалиста все-таки не мѣшаетъ... Про себя скажу—кое-чему я, путемъ практики, научился и жизнь россійскихъ лѣсныхъ пространствъ чую и умомъ, и сердцемъ... Но никогда я не позволю себѣ противъ высшей науки бунтовать.

Теркинъ улыбнулся ему одобрительно.

— Посмотримъ... Коли окажется не очень жуликоватъ...

Онъ не досказалъ, вдохнувъ въ себя струю засвѣжѣвшаго весенняго воздуха, потрепалъ Хрящева по плечу и засмѣялся.

— Антонъ Пантелеичъ!.. Смотрю я на васъ, слушаю... и не могу опредѣлить — въ какомъ вы собственно быту родились... А, кажется, не мало всякаго народа встрѣчалъ, особливо дѣлового и промысловаго.

Лицо Хрящева растянула въ ширь улыбка, и онъ показалъ рѣдкіе, точно дѣтскіе зубы.

— Въ какомъ быту-съ? По сладости рѣчи ужели не изволите распознавать во мнѣ косвеннаго представителя левитова колѣна?

— Духовнаго званія вы?

— По матушкѣ. Она была изъ поповенъ деревенскихъ... Отецъ происходилъ изъ рабскаго состоянія.

— Изъ крѣпостныхъ?

— Вольноотпущенный, мальчикомъ въ дворовыхъ писаряхъ обучался, потомъ былъ взятъ въ земскіе, потомъ велъ дѣло, и въ управителяхъ умеръ... Матушка мнѣ голосъ и рѣчь свою передала и склонность къ тѣлесной дебелости... Обликомъ я въ отца... Хотя матушка и считала себя, въ нѣкоторомъ родѣ, бѣлой кости, а батюшку отъ Хама производила, но я, грѣшный человѣкъ, къ левитову колѣну никогда ни пристрастія, ни большого решпекта не имѣлъ.

— Такъ мы съ вами въ однихъ чувствахъ, — сказалъ Теркинъ и еще ласковѣе поглядѣлъ на Хрящева.

— Знаю ихъ жизнь достаточно... всѣ ихъ тяготы и нужды... Провидѣнію угодно было и мою судьбу на долгіе годы соединить съ дѣвицей того же колѣна.

— Ваша покойная жена...

— Такъ точно... Въ управительскомъ званіи это всего скорѣе можетъ быть. Выборъ-то какой же въ деревнѣ? Поповны вездѣ есть... Моя супруга была всего дьяконская дочь... Въ ней никакихъ такихъ аристократическихъ чувствъ не имѣлось. И меня она отъ Хама не производила, хотя и знала, что я — сынъ вольноотпущеннаго.

Онъ на минуту смолкъ и отвернулся.

— Что жъ?.. Прожили... какъ дай Богъ всякому... А что бездѣтны были — не ея вина... Я теперь бобыль. И утѣшеніе нахожу въ созерцаніи, Василій Иванычъ... Вотъ почему и къ лѣсу моя склонность все растетъ съ каждымъ годомъ.

Еще разъ потрепалъ его по плечу Теркинъ, легъ головой на подушки и вытянулъ ноги.

Тарантасъ спустился съ дороги въ лощину. Лѣвѣе, на пригоркѣ, забѣлѣла колокольня. Пошли заборы... Переѣхали мостъ и стали подниматься мимо какихъ-то амбаровъ, а минутъ черезъ пять въѣхали на площадь, похожую на поляну, обстроенную обывательскими домиками... Кое-гдѣ въ окнахъ уже замелькали огоньки.

XI.

Чурилинъ вкатился и у двери доложилъ:

— Приказали кланяться и благодарить... Очень рады. Прислали пролетку. Сами хотѣли ѣхать, да у нихъ нога ушиблена,—не выѣзжаютъ.

Теркинъ сидѣлъ у стола за самоваромъ, вмѣстѣ съ

Хрящевымъ, въ первой, просторной комнатѣ квартиры, нанятой приказчикомъ Низовьева, уѣхавшимъ рано утромъ встрѣчать его на ближайшую пароходную пристань. Для всѣхъ мѣста хватило. Вдова-чиновница отдавала весь свой домикъ; сама перебиралась въ кухню.

Чурилинъ вернулся отъ предводителя Звѣрева. Теркинъ, наканунѣ передъ тѣмъ, какъ лечь спать, разсудилъ это сдѣлать. Этотъ „Петька“ былъ все же его товарищъ. Можетъ, онъ теперь — большая дрянь, но слѣдовало оказать ему вниманіе, какъ мѣстному предводителю.

— Что жъ, онъ лежитъ?

— Я самъ не видалъ ихъ, Василій Иванычъ, они съ человѣкомъ высылали сказать.

Обернувшись къ Хрящеву, пившему чай съ блюдечка, Теркинъ сказалъ вполголоса:

— Товарищъ мой по гимназіи... Здѣшній предводитель.

— Прикажете приготовить одѣться? — спросилъ Чурилинъ.

— Приготовь.

Карликъ вынырнулъ въ дверь.

Хрящеву Теркинъ охотно бы разсказалъ въ другое время про свои школьные годы. Съ нимъ ему удобно и легко. Такого „созерцателя“ можно приблизить къ себѣ, не рискуя, что онъ „зазнается“.

— Антонъ Пантелеичъ! Вы продолжайте пить чай съ прохладцей,—сказалъ онъ, вставая,—а я одѣнусь и поѣду. Къ обѣду долженъ быть Низовьевъ, и подъѣдетъ господинъ Первачъ... Вотъ цѣлый день и уйдетъ на нихъ. Завтра мы отправимся вмѣстѣ въ имѣніе того помѣщика... какъ бишь его... Черносошнаго... владѣльца усадьбы и парка.

— Къ вашимъ услугамъ,—кротко выговорилъ Хрящевъ и неторопливо сталъ обмывать блюдечко въ полоскательной чашкѣ.

„Можетъ, и вретъ Звѣревъ,—думалъ Теркинъ, одѣваясь въ другой комнатѣ, — сказывается больнымъ, соблюдаетъ свое предводительство... Увидимъ!“

Пролетка ждала его на дворѣ у крыльца. Извозчиковъ въ городѣ не было; но ему не очень понравился этотъ видъ любезности. Отъ „Петьки“ онъ не желалъ вообще ничѣмъ одолжаться. Чувство гимназиста изъ мужицкихъ

пріемышей всплыло въ немъ гораздо ярче, чѣмъ онъ ожидалъ.

Записку Звѣреву онъ написалъ сдержанно, хотя и на „ты"; сказалъ въ ней, что желательно было бы повидаться послѣ десяти слишкомъ лѣтъ, и не скрылъ своего теперешняго положенія — главнаго представителя лѣсной компаніи.

„Съ такихъ, какъ Петька,—думалъ онъ дорогой,—надо сразу сбивать форсъ: а то они сейчасъ начнутъ фордыбачить".

Звѣревъ занималъ просторный домъ на углу двухъ переулковъ, немощеныхъ, какъ и весь остальной городъ.

Теркина встрѣтилъ въ передней, со стариннымъ ларемъ, мальчикъ въ сѣромъ лакейскомъ полуфрачкѣ, провелъ его въ гостиную и пошелъ докладывать барину.

— Проси! Проси!—раздался изъ третьей угловой комнаты голосъ, который Теркинъ сейчасъ же узналъ.

Та же шепелявость, только хрипловатая и на другихъ нотахъ; лицо его школьнаго товарища представилось ему чрезвычайно отчетливо, и вся его жидкая, долговязая фигура.

Въ кабинетѣ хозяинъ лежалъ на кушеткѣ у окна, въ халатѣ изъ свѣтлосѣраго драпа съ краснымъ шелковымъ воротникомъ. Гость не узналъ бы его сразу. Голова, правда, шла такъ же клиномъ къ затылку, какъ и въ гимназіи, но лобъ уже полысѣлъ; усы, двумя хвостами, по-китайски, спускались съ губастаго рта, и подбородокъ, мясистый и прыщавый, непріятно торчалъ. И все лицо пошло красными лишаями. Подслѣповатые глаза съ рыжеватыми рѣсницами ухмылялись.

— А!.. Теркинъ!.. Ты ли это?.. Скажите пожалуйста!

Звѣревъ приподнялъ немного туловище, но не всталъ.

— Извини, братъ, не могу... Оступился... Ломитъ щиколку...

Онъ протянулъ къ нему свои небритыя щеки, и они поцѣловались.

— Скажите пожалуйста!.. Садись! Въ наши края... Слышалъ!.. Разсказывали... Ты, братъ, говорятъ, милліонами ворочаешь... Дай-ка на себя поглядѣть...

Тонъ былъ возбужденный, но большой радости—видѣть товарища — въ немъ не слышалось... Теркину тонъ этотъ показался хлыщеватымъ и почти нахальнымъ, и онъ сейчасъ же рѣшилъ дать пріятелю отпоръ.

— А ты, — сказалъ онъ, оглядывая его въ свою очередь,—въ почетныхъ обывателяхъ состоишь?

— Въ обывателяхъ? — переспросилъ Звѣревъ и брезгливо повелъ ртомъ. — Обывателями, братъ, мѣщанъ да посадскихъ зовутъ.

— Извините, ваше благородіе, — отвѣтилъ Теркинъ и поглядѣлъ на него, какъ бывало въ гимназіи, когда онъ ему приказывалъ что-нибудь и приговаривалъ: „ежели не сдѣлаешь, будетъ тебѣ лупка генеральная“.

Звѣревъ вспомнилъ этотъ взглядъ, обидчиво усмѣхнулся и выпятилъ нижнюю губу.

— А ваше степенство въ почетныхъ гражданахъ состоитъ?

— Такъ точно,—отвѣтилъ въ тонъ Теркинъ.

— Значитъ, выплылъ!.. А я слыхалъ какъ-то... давно еще... будто ты туда попалъ... въ мѣста не столь отдаленныя.

— Нѣтъ, милый другъ, не хочу отнимать вакансій у вашего брата.

— Это какъ?

Звѣревъ весь выпрямился, и щеки его густо покраснѣли.

— Да такъ!.. У васъ-то въ губерніи, — небось знаешь всю исторію, — проворовались господа сословные директоры.

— Проворовались! Проворовались!.. Какъ ты выражаешься!

— Такъ и выражаюсь. Имъ прямая дорога по казанскому тракту или на пароходѣ-баржѣ, подъ конвоемъ.

— Не знаю, братъ, не знаю!.. Это все газетчики, мерзавцы! Вездѣ они развелись, какъ клопы.

— Да тебѣ что же обижаться... Ты вѣдь къ банку не причастенъ?

— Еще бы!

Лицо Звѣрева начало подергивать. Теркинъ поглядѣлъ на него пристально и подумалъ: „навѣрняка, и у тебя рыльце въ пуху!“

— Скажи-ка ты мнѣ лучше, любезный другъ, есть ли у васъ въ уѣздѣ хоть одинъ крупный землевладѣлецъ изъ живущихъ по усадьбамъ, который не зарился бы на жалованье по новой должности, для кого окладишко въ двѣ тысячи рублей не былъ бы привлекателенъ?.. Небось, всѣ пойдутъ...

— Я не собираюсь.

— А другіе?

— Понятное дѣло, пойдутъ.

— Даже всѣ мировые судьи, хотя ихъ званію и нанесенъ, нѣкоторымъ образомъ, афронтъ...

— Къ чему ты это говоришь?

— А къ тому, что вы, господа, все о подъемѣ своего духа толкуете... Какой же тутъ подъемъ, скажи на милость, ежели ни у кого вѣрнаго дохода въ три тысячи рублей нѣтъ?.. И велика приманка — жалованье, какое у меня лоцманъ получаетъ или мелкій нарядчикъ!..

— Вонъ ты какъ! Очень ужъ, кажется, зарылся ты въ капиталахъ... Это даже удивительно! — Звѣревъ началъ брызгать слюной.—Просто непонятно, какъ ты—Теркинъ—да въ такихъ дѣлахъ? Знаешь, братъ, пословицу: отъ службы праведной...

— Не наживешь палаты каменной? Праведникомъ и не выдаю себя; но между нашимъ братомъ, разночинцемъ, и вами, господами, та разница...

— Слыхали! Слыхали!.. — закричалъ Звѣревъ и замахалъ руками.—Уволь отъ этихъ рацей!.. Ну, ты въ милліонщики лѣзешь, съ чѣмъ и поздравляю тебя; нечего, братъ, важничать... Нигилизмъ-то нынче не въ модѣ... Пора и честь знать...

Теркинъ чуть было не крикнулъ ему, какъ бывало въ гимназіи: „молчи, Петька!..“

— Ладно, — выговорилъ онъ съ усмѣшкой,—ваше высокородіе волновать не буду... Вѣдь ты, какъ ни какъ, первая особа въ уѣздѣ; а я — представитель общества, пріобрѣтающаго здѣсь большія лѣсныя угодья. Можетъ, и самъ сдѣлаюсь собственникомъ...

— Покупаешь имѣніе? Ты?

— Погляжу!.. А пока Низовьевъ продаетъ намъ всю свою дачу подъ Заводнымъ.

— Знаю! А Черносошный продаетъ?

— Прямыхъ предложеній еще не дѣлалъ.

— Все ваша компанія съѣстъ...

— За этимъ и покупаемъ, чтобы не давать вашему брату расхитить.

— Тоже нашлись благодѣтели!

Звѣревъ не досказалъ, спустилъ обѣ ноги съ кушетки, поморщился, должно-быть отъ боли, потеръ себѣ лысѣю-

щій лобъ, взглянулъ бокомъ на Теркина и протянулъ ему руку.

— Вася!.. Что жъ это мы... Больше десяти лѣтъ не видались и сейчасъ перекоряться... Это, братъ, не ладно.— Онъ поглядѣлъ на полуотворенную дверь въ слѣдующую комнату.—Пожалуйста... притвори-ка.

Теркинъ притворилъ дверь и, когда сѣлъ на свое кресло, подумалъ:

„Сейчасъ будетъ просить взаймы“.

XII.

— Вася!.. Тебя самъ Богъ посылаетъ! Спаси!

Звѣревъ взялъ его за руку, и Теркину показалось, что онъ какъ будто ужъ хотѣлъ приложиться къ ней своими слюнявыми губами.

— Что такое?.. Не пугай!..

Лицо Звѣрева передернула слезливая гримаса. Глаза покраснѣли. Онъ, казалось, готовъ былъ расплакаться.

— Скажи толкомъ!

Прежній гимназистъ „Петька“ былъ передъ нимъ, — все тотъ же, блудливый и трусливый, точно котъ,—испугавшійся вынутаго имъ жребія — насолить учителю Перновскому. Жалости Теркинъ къ нему не почувствовалъ, хотя дѣло шло, вѣроятно, о чемъ-нибудь поважнѣе перехвата тысячи рублей.

— Вѣдь мы товарищи!—Звѣревъ взглядывалъ на него красными глазами, уже полными слезъ. — Вмѣстѣ изъ гимназіи выгнаны...

— Ну, объ этомъ тебѣ бы можно и не упоминать.

— Я тебя не выдавалъ!.. Ты хочешь сказать, что за меня сцѣпился съ Трошкой... На это твоя добрая воля была!.. Вася! Такъ не хорошо!.. Не по-товарищески!.. Что тебѣ стоитъ? Ты теперь въ милліонныхъ дѣлахъ...

— Чужихъ, не собственныхъ.

— Спаси!..— воскликнулъ Звѣревъ и опустился на кушетку.

— Хапнулъ нѣшто? — почти шопотомъ спросилъ Теркинъ. — Сядь... Разскажи, говорятъ тебѣ, толкомъ. Дура-голова!

Это товарищеское ругательство: „дура-голова“ — вылетѣло у Теркина тѣмъ же звукомъ его превосходства надъ „Петькой“, какъ бывало въ гимназіи.

— Что жъ ты... пытать меня хочешь? — хныкающимъ

фальцетомъ отозвался Звѣревъ, присаживаясь на край кушетки.—Удовольствіе тебѣ развѣ доставитъ—знать всю подноготную? Ты протяни руку, не дай товарищу дойти до... понимаешь, до чего?

— Это все, братъ, разводы. Одно дѣло—бѣда, другое—залѣзаніе въ сундукъ. Я вѣдь про тебя ничего не знаю... какія у тебя средства были, какъ ты съ ними обошелся, на что проживалъ и сколько... У родителей-то, кажется, хорошее состояніе было?

— Мало ли что было!.. И теперь у меня и усадьба, и запашка есть, и луга, и заводъ.

— Какой?

— Винокуренный.

— Лѣсная дача есть?

— Есть... Только это все...

— Разумѣется, въ залогѣ?

— У кого же не въ залогѣ?

— Пытать я тебя не желаю, любезный другъ. Но и въ прятышки тебѣ, Петръ Аполлосовичъ, не полагается играть со мною. Должно-быть, по твоей должности...

— А просто развѣ нельзя зарваться?—крикнулъ Звѣревъ и вскинулъ руками.—Ну, да! жилъ широко...

— Въ этой дырѣ?

— И въ этой дырѣ... у себя въ деревнѣ... въ губерніи, за границей...

— Ты женатъ?

— Еще бы!

Тутъ онъ разсказалъ Теркину про свою женитьбу на „разводкѣ“, и сколько ему это стоило, и сколько они вдвоемъ прожили въ какихъ-нибудь три-четыре года, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ предводители. Жена его въ ту минуту была въ имѣніи... Но до полнаго признанія онъ все еще не доходилъ. Онъ, какъ будто, забылъ уже, съ чего началъ.

— Какъ же тебя спасать?—спросилъ Теркинъ, прохаживаясь по кабинету.—Проценты въ банкъ внести?.. Или по векселямъ?.. И сколько?..

Звѣревъ однимъ духомъ крикнулъ:

— Что тебѣ стоитъ сорокъ тысячъ какихъ-нибудь?

— Сорокъ тысячъ!—подхватилъ Теркинъ.—Такъ, здорово живешь... Во-первыхъ, милый другъ, если бы у меня въ настоящій моментъ были собственныя сорокъ тысячъ

свободныхъ, я бы имъ нашелъ употребленіе... Я кредитомъ держусь, а не капиталомъ.

— Ты имѣніе самъ хочешь купить, сейчасъ говорилъ...

— Наличныхъ у меня нѣтъ... На компанейскія деньги, быть-можетъ, пріобрѣту кое-что... Такъ за нихъ придется платить каждый годъ...

— Въ твоихъ рукахъ не десятки, а сотни тысячъ! Для себя можно перехватить, а товарища спасти—нельзя. Эхъ, братъ Теркинъ!.. Понимаю я тебя, вижу насквозь. Хочешь придавить нашего брата: пусть, молъ, допрежь передо мной попрыгаетъ, а мы поломаемся! У разночинца поваляйся въ ногахъ! Понимаю!..

Онъ—весь красный—брызгалъ слюнявыми губами, хотѣлъ встать и заходить по комнатѣ, но боль въ щиколкѣ заставила опять прилечь на кушетку.

— Вздоръ все это!—строго остановилъ его Теркинъ.

Но когда Звѣревъ началъ горячиться, его товарищъ также припомнилъ себѣ свое недавнее прошлое... Вѣдь и онъ пошелъ на сдѣлку, и его цѣлый годъ она тяготила, и только особенной удачѣ обязанъ теперь, что могъ очистить себя во̀-время какъ бы отъ участія въ незаконномъ присвоеніи наслѣдства.

Давно не всплывалъ передъ нимъ образъ Калеріи... Тутъ и вся сцена въ лѣсу, около дачи, промелькнула въ головѣ... какъ онъ упалъ на колѣни, каялся... Развѣ онъ по-своему не хапнулъ, какъ вотъ этотъ Звѣревъ?

— Не брыкайся!—сказалъ онъ мягче, борясь съ чувствомъ гадливости, почти злорадства, къ этому проворовавшемуся предводителю; что тутъ была растрата—онъ не сомнѣвался.—Позволь, братъ, и мнѣ замѣтить,—продолжалъ онъ въ томъ же смягченномъ тонѣ:—коли ты меня, какъ товарища, просишь о спасеніи, то твои фанаберіи-то надо припрятать... Отчего же не сказать: „такъ, молъ, Вася, и такъ—зарвался...“ Нынче вѣдь для этого особыя деликатныя выраженія выдуманы. Переизрасходовалъ-де! Такъ вѣдь? И чьи же это деньги были?

— Разныя,—тихо выговорилъ Звѣревъ.—Всего больше опекунскихъ...

— Сиротскихъ?—переспросилъ Теркинъ, и это слово опять вызвало въ немъ мысль о деньгахъ Калеріи.

— Разныя... Больше двадцати тысячъ земскихъ... Тоже тысячъ около шести школьныхъ...

— И школъ не пощадилъ?

— Такъ вѣдь я не безъ отдачи... Ну, передержалъ. Каюсь!.. Но взысканія на меня все-таки не было бы... Мнѣ слѣдовало дополучить за переводъ заклада въ дворянскій банкъ.

— Что жъ ты не покрылъ этими деньгами растраты?

— Другіе долги были. Но все это обошлось бы... да и было покрыто.

— Какъ покрыто? Изъ-за чего же ты бьешься-то въ настоящую минуту? Что это, братъ?—рѣзко воскликнулъ Теркинъ.—Ничего не поймешь у тебя!

— Ты слышалъ что-нибудь про нашъ банкъ?

— Слышалъ.

— Ну...

Звѣревъ опустилъ голову и сталъ говорить медленнѣе, глухо, качаясь всѣмъ туловищемъ.

— Въ прошломъ году до губернскаго предводителя дошло... Меня вызвали... Директорà—свои люди... Тогда банкъ шелъ въ гору... вклады такъ и ползли... Шесть процентовъ платили... Выручить меня хотѣли... До разбирательства не дошло, до экстреннаго собранія тамъ, что ли... По-товарищески поступили.

— И внесли за тебя?

— Внесли.

— Это изъ банковскихъ-то денегъ? Ловко!.. Стало, и господъ вкладчиковъ, не спросясь ихъ, прихватили?

— Иначе какъ же? Я расписку далъ.

— И только?

— Закладывать мнѣ нечего было... Не двѣ же шкуры съ меня драть?..

— По такой распискѣ ты могъ съ прохладой выплачивать по конецъ живота своего.

— И все бы обошлось, Вася.

— Даже и при новомъ составѣ директоровъ?

— Свой же братъ будетъ... Не случись бѣды...

— Здорово поймались?

— Что жъ!.. Я тебѣ все скажу... Имъ теперь не уйти живыми... Прокуратура вмѣшалась... На вкладчиковъ паника!..

— Стало, слухи-то вѣрные. А ты сейчасъ газетчиковъ ругалъ.

— Я не судья!.. Все дѣло въ паникѣ... Будутъ ихъ учитывать... Не отвертятся на этотъ разъ. Партія есть... либералы, обличители. Доберутся до моей расписки... Гдѣ

же я возьму?.. Пойдутъ допытываться. Ты понимаешь, все зàново поднимутъ и разгласятъ.

Звѣревъ не договорилъ, закрылъ лицо ладонью и прошепталъ:

— Видишь, каково мнѣ.

— Вижу,—проговорилъ Теркинъ, вставая.—Могло быть и хуже.

— Какъ хуже?

— Извѣстно какъ. Тебя господа разъ спасли, хоть и на чужой счетъ. Теперь ты—должникъ банка... Платить надо, зато сраму меньше.

— То же самое, то же самое! — крикнулъ Звѣревъ. — Все выведутъ на чистую воду.

— Ничего не понимаю!—перебилъ Теркинъ.—Ты путаешь! Выходитъ—ты во второй разъ передержалъ по должности: сначала по зе́мской службѣ, а потомъ по предводительской... Вѣдь да?.. Не лги!

— Да,—плаксиво протянулъ Звѣревъ.

XIII.

Мальчикъ пріотворилъ осторожно дверь и доложилъ:

— Петръ Аполлосовичъ, господинъ Первачъ пріѣхали... Спрашиваютъ, здѣсь ли вотъ они, — мальчикъ указалъ головой на Теркина:—и просятъ позволенія войти.

— Ты его знаешь?—спросилъ Теркинъ Звѣрева.

— Знаю немного. А у тебя дѣла съ нимъ?

— Пока еще нѣтъ. Онъ—таксаторъ у Низовьева.

— Экъ, приспичило!

Звѣревъ махнулъ рукой.

— Если не желаешь—я къ нему выйду,—сказалъ вполголоса Теркинъ, внутренно довольный тѣмъ, что имъ помѣшали.

— Они говорятъ, — добавилъ мальчикъ, — что имѣютъ письмо къ вамъ, Петръ Аполлосовичъ, отъ Ивана Захарыча Черносошнаго.

— Проси!

Мальчикъ вышелъ. Протянулось молчаніе.

Теркинъ отошелъ къ письменному столу и сталъ закуривать папиросу. Онъ дѣлалъ это всегда въ минуты душевнаго колебанія. Спасать Звѣрева у него не было желанія. Даже простой жалости онъ къ нему не почувствовалъ. Но съ кѣмъ не можетъ случиться бѣды или сдѣлки съ совѣстью? Не даромъ вспомнилась ему Калерія и ея

„сиротскія" деньги. Только безпутность этого Звѣрева была черезчуръ противна. Вѣдь онъ два раза запускалъ руку въ сундукъ. Да и полную ли еще правду разсказалъ про себя сейчасъ?..

Звѣревъ вытянулся на кушеткѣ, пригладилъ рукой волосы, поправилъ узелъ шелковаго шнура на халатѣ, и брезгливая мина появилась опять на его влажныхъ губахъ, когда вошелъ въ кабинетъ таксаторъ.

Его красивая голова, улыбка, франтоватость — не понравились Теркину.

Первачъ подошелъ сначала къ хозяину, подалъ письмо, довольно фамильярно пожалъ руку и спросилъ звонкимъ вибрирующимъ голосомъ:

— Ногу зашибли?.. Инвалидомъ?..

И, не дожидаясь отвѣта, повернулся на каблукѣ и скользнулъ въ сторону Теркина.

— Василій Иванычъ!.. Съ пріѣздомъ... Прошу любить и жаловать... Таксаторъ Первачъ. Павелъ Иларіонычъ Низовьевъ только что пріѣхалъ съ пристани. Я отъ него. Ждетъ васъ къ завтраку.

— Очень радъ,—отвѣтилъ суховато Теркинъ, подавая ему руку.

— Павелъ Иларіоновичъ и меня пригласилъ... если не буду лишнимъ.

— Почему же...

— Вы уже изволили ознакомиться съ дачей?

— Объѣзжалъ вчера.

Первачъ присѣлъ къ нему, вынулъ папиросницу и попросилъ закурить.

Его манеры также не понравились Теркину.

„Изъ молодыхъ да ранній", — подумалъ онъ и поглядѣлъ въ сторону Звѣрева.

Тотъ прочитывалъ письмо уже во второй разъ. Внезапная краснота его небритыхъ щекъ показывала, какъ оно взволновало его.

— Вы, — окликнулъ онъ Первача, — прямо изъ Заводнаго? Сегодня?

— Вчера къ ночи пріѣхалъ... Иванъ Захарычъ и самъ хотѣлъ быть, да его что-то задержало.

— Отчего же вы вчера же не доставили мнѣ письма?— раздраженно спросилъ Звѣревъ.

— Слишкомъ поздно было, Петръ Аполлосовичъ. Не хотѣлъ васъ безпокоить.

— Напрасно.

— А что такое? — спросилъ Теркинъ, подходя къ кушеткѣ.

Взглядомъ Звѣревъ показалъ ему, что не хочетъ говорить при Первачѣ.

— Такая гадость!.. Не могу двинуться.

— Что-нибудь экстренное? Послать депешу? Я къ вашимъ услугамъ,—вмѣшался Первачъ.

— Не безпокойтесь.

— Не хочу быть лишнимъ... Я свою миссію исполнилъ.

Обращаясь къ Теркину, Первачъ досказалъ:

— Павелъ Иларіонычъ будетъ ждать васъ до часу дня... Имѣю честь кланяться.

Онъ пожалъ руку имъ обоимъ и съ легкимъ скрипомъ своихъ щеголеватыхъ ботинокъ вышелъ.

— Вася! — возбужденно окликнулъ Звѣревъ и задвигался на кушеткѣ, — Иванъ Захарычъ Черносошный... проситъ переговорить съ тобою... о продажѣ его лѣса и усадьбы съ паркомъ... Онъ мнѣ близкій человѣкъ... жалѣетъ меня. Я съ тобой хитрить не стану... Ежели продажа состоится, а ему она нужна, онъ готовъ подѣлиться со мною.

— Комиссію предлагаетъ? Куртажъ?

— Я не купчишка! Куртажу я не возьму!..

— Не возьмешь? — протянулъ Теркинъ и разсмѣялся въ носъ, что̀ у него выходило рѣзко, и чего онъ самъ въ себѣ не любилъ.

— Не смѣй надо мной издѣваться, Васька! — вдругъ закричалъ Звѣревъ, весь пылающій.—Человѣкъ всю душу передъ тобой вылилъ... А ты вонъ какъ!.. Кровь-то сказалась!.. Не даромъ, должно-быть...

Губы Звѣрева стали брызгать слюной. Позорящее слово, какое бросали Теркину въ гимназіи, могло прозвучать.

— Что̀ не даромъ?—строго перебилъ Теркинъ и пододвинулся вплоть къ кушеткѣ.—Слушай, Петька! Въ твоемъ положеніи нечего фордыбачить и барскіе окрики давать. Я—подкидышъ, незаконный сынъ какой-нибудь солдатки или раскольничьей дѣвки — ты вѣдь этимъ желалъ меня унизить?—Мнѣ, стало, и Богъ проститъ, коли я всякими правдами и неправдами кубышку себѣ здоровую сколочу... Однако, братъ, съ совѣстью я хочу въ ладахъ быть: отъ нея никуда не уйдешь. Ты мнѣ сейчасъ исповѣдывался?.. Въ двухъ растратахъ повинился? Я не просилъ тебя;

твоя добрая воля была. Изволь, и я тебѣ кое въ чемъ повинюсь.

— Не надо мнѣ! Не интересуюсь!..

— Нѣтъ, выслушай! — Теркинъ присѣлъ на край кушетки.—И я два года тому назадъ раздобылся деньгами, которыя и совсѣмъ могъ себѣ присвоить безъ отдачи, зная, что эти деньги, по закону и по совѣсти, не принадлежатъ тому, кто мнѣ ихъ ссудилъ. Вотъ и все... Выдалъ я на нихъ документъ. Какъ это по-вашему, по-нынѣшнему, выходитъ? Дѣло, кажись, самое чистое. А оно меня стало такъ мозжить, что я безъ надобности повинился въ немъ, не совладавъ съ совѣстью... Очистилъ себя, раньше срока отдалъ эти деньги. И вотъ до сихъ поръ меня нѣтъ-нѣтъ, да и всколыхнетъ, какъ подумаю, что этотъ самый заемъ далъ мнѣ ходъ; отъ него я въ два года сталъ, коли не милліонщикомъ, какимъ ты меня считаешь, такъ человѣкомъ въ большихъ дѣлахъ.

— Поэтому ты и радъ, что можешь меня, человѣка благороднаго, придавить бревномъ?—взвизгнулъ Звѣревъ.

— Не мели вздору! — глухо оборвалъ его Теркинъ. — Изъ-за чего я тебя стану спасать?.. Чтобы ты въ третій разъ растрату произвелъ?.. Будь у меня сейчасъ свободныхъ сорокъ тысячъ—я бы тебѣ копейки не далъ, слышишь: копейки! Вы всѣ безстыдно изворовались, и товарищество на вѣрѣ у васъ завелось для укрывательства пріятельскихъ хищеній!.. Честно, молъ, благородно!.. Вмѣсто того, чтобы тебя прокурору выдать, за тебя вносятъ! Изъ какихъ денегъ? Изъ банковскихъ!.. У разночинца взять? Ха-ха!

Смѣхъ Теркина оборвался. Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Что вы изъ своихъ угодій дѣлаете? Изъ-за вашего безпутства цѣлый край обнищаетъ, ни воды въ Волгѣ, ни лѣсу по ея берегамъ не будетъ черезъ пять или десять лѣтъ...

— Скажите, пожалуйста!—взвизгнулъ опять Звѣревъ.— Онъ, Василій Теркинъ,—спаситель отечества своего!.. Не смѣешь ты это говорить!.. Не хочу я тебя слушать!.. Всякій кулакъ, скупщикъ дворянское имѣніе за безцѣнокъ прикарманитъ и хвалится, что онъ подвигъ совершилъ!.. Не испугался я тебя... Можешь доносъ на меня настрочить... Сейчасъ же!.. И я захотѣлъ въ нынѣшнемъ разночинцѣ благородныхъ чувствъ! Пускай меня судятъ... Свой

братъ будетъ судить!.. Не дамся я живой!.. Лучше пулю пущу въ лобъ...

— Какъ благородный человѣкъ!.. Да и на это врядъ ли пойдешь!.. Я тебя знаю. Храбрости не хватитъ!

Теркинъ сдержалъ себя. Онъ взялся за шляпу и сталъ посрединѣ кабинета.

— Я—твой гость въ настоящую минуту, Петръ Аполлосовичъ! И тебѣ, какъ благовоспитанному представителю высшаго круга людей, не полагалось бы такъ вести себя съ гостемъ. Слѣдовало бы тебя за это проучить. Да считаться съ тобой мнѣ не пристало. Если бы ты самъ не признался въ твоихъ операціяхъ съ чужимъ сундукомъ, я бы не сталъ молчать о нихъ. Мѣсяцъ-другой пройдетъ — и всѣ грамотные узнаютъ изъ газетъ, какъ вы здѣсь промежъ себя хозяйничали... Я еще никогда лежачаго не билъ. И ни передъ кѣмъ не кичился своей честностью... Но будь ты мой братъ родной — я бы тебя спасать не подумалъ. Прощенья просимъ, ваше высокородіе!.. Застрѣлиться всегда успѣете. Васъ цѣлая компанія будетъ, — въ острогъ угодите, такъ, по крайности, не скучно... Повинтить еще и тамъ можете!..

Что-то ему крикнулъ вслѣдъ Звѣревъ, но онъ не слыхалъ.

Только на улицѣ Теркинъ одумался и тутъ же выбранилъ самого себя.

XIV.

Онъ такъ быстро пошелъ къ своей квартирѣ, что попалъ совсѣмъ не въ тотъ переулокъ, прежде чѣмъ выйти на площадь, гдѣ стоялъ соборъ. Сцена съ этимъ „Петькой“ еще не улеглась въ немъ. Вышло что-то некрасивое, мальчишеское, полное грубаго и малодушнаго задора передъ человѣкомъ, который „какъ ни какъ“, а довѣрился ему, признался въ грѣхахъ. Ну, онъ не хотѣлъ его „спасти“, поддержать бывшаго товарища, но все это можно было сдѣлать иначе...

„По-джентльменски?“ спросилъ онъ себя — и тотчасъ же отвѣтилъ: „Впрочемъ, я не джентльменъ, а разночинецъ, и не желаю оправдываться“. Теркинъ перебралъ въ памяти обѣ половины ихъ разговора, до и послѣ прихода таксатора. Съ первыхъ словъ начали они „шпынять“ другъ друга. „Петька“ оказался такимъ же „гунявцемъ“, какимъ обѣщалъ сдѣлаться больше десяти лѣтъ

назадъ. Не обрадуйся онъ пріѣзду „милліонщика“ Теркина—онъ бы не послалъ за нимъ экипажа; пожалуй, не принялъ бы. Да и какъ онъ его встрѣтилъ? Въ возгласѣ: „скажите, пожалуйста!“ — звучало нахальство барчука. „Скажите, молъ, пожалуйста, Васька Теркинъ, мужицкій подкидышъ — и въ милліонныхъ дѣлахъ! Надо ему дать почувствовать, кто онъ и кто я!“ И это за десять минутъ передъ тѣмъ, какъ, чуть не на колѣняхъ, молилъ о спасеніи, признавался въ двойномъ воровствѣ!.. Гдѣ же тутъ смыслъ? Гдѣ хоть крупица достоинства?.. Не будь „Петька“ такимъ гунявцемъ—и все бы иначе обошлось!

„То-есть какъ же иначе?“—опять спросилъ онъ себя и уже не такъ быстро отвѣтилъ: — „Будь у него совсѣмъ свободныхъ сорокъ тысячъ въ бумажникѣ... развѣ онъ отдалъ бы ихъ Звѣреву?“

„Нѣтъ!“ — рѣшилъ онъ, чувствуя, что не одно личное раздраженіе продолжаетъ говорить въ немъ, а что-то иное. Обошелся бы мягче, но не далъ бы. Въ немъ вскипѣло годами накопившееся презрѣніе къ безпутству всѣхъ этихъ господъ, къ ихъ наслѣдственной неумѣлости, къ хапанью всего, что̀ плохо лежитъ,—и все это только затѣмъ, чтобы просаживать воровскія деньги чортъ знаетъ на что. Никого изъ нихъ онъ не спасетъ. Скорѣе поможетъ какому-нибудь завзятому плуту, способному что-нибудь сдѣлать для края.

И никакой жалости ни къ кому изъ нихъ онъ не имѣетъ и не желаетъ имѣть. Они всѣ здѣсь проворовались или прожились, и надо ихъ обдирать елико возможно. Вотъ сейчасъ будетъ завтракъ съ этимъ Низовьевымъ. Кто онъ можетъ быть? Такая же дрянь, какъ и Петька, пожалуй, еще противнѣе: старый, гунявый, парижскій прелюбодѣй; на бульварахъ растрясъ все, что̀ было въ его душонкѣ менѣе пакостнаго, настоящій измѣнникъ своему отечеству, потому что безстыдно проживаетъ родовыя угодья—и какія!—съ французскими кокотками. Такихъ да еще жалѣть!

У воротъ квартиры, на завалинкѣ, сидѣлъ Чурилинъ и вскочилъ, завидѣвъ Теркина.

— За вами послали лошадь, Василій Иванычъ,—доложилъ онъ, снимая шапку.

— Накройся!—строго крикнулъ ему Теркинъ.

Ему сдѣлалось противно видѣть лакейское усердіе карлика. И самъ-то онъ не превращается ли въ барина-выскочку?

На крыльцѣ его встрѣтилъ приказчикъ Низовьева — долговязый малый, видомъ не то дьячокъ въ штатскомъ платьѣ, не то коридорный изъ плоховатыхъ номеровъ.

„И народъ-то какой держитъ! — подумалъ Теркинъ, — на безпутство милліоны спускаетъ, а жалованье скаредное!“

— Павелъ Иларіонычъ сейчасъ вотъ за вами фаэтонъ отправили,—сообщилъ и приказчикъ, низко поклонившись крестьянскимъ наклоненіемъ головы. И говоръ у него былъ мѣстный, волжскій.

— Дожидаются меня завтракать? — спросилъ Теркинъ.

— Столъ накрытъ. Пожалуйте.

Изъ передней онъ услыхалъ голоса направо, гдѣ помѣстился Низовьевъ, узналъ голосъ таксатора и не вошелъ туда прямо, а сначала заглянулъ въ свою комнату. Тамъ Хрящевъ смиренно сидѣлъ у открытаго окна съ книжкой. Въ зальцѣ былъ приготовленъ столъ на нѣсколько приборовъ.

Хрящевъ всталъ, и они заговорили вполголоса:

— Имѣлъ бесѣду съ господиномъ таксаторомъ, но патрона его еще не видалъ.

— И какъ вамъ показался этотъ Первачъ?

— Особа ловкая и живописная, Василій Иванычъ.

— Вы съ нами будете завтракать?

— Можетъ-быть, господину Низовьеву это не покажется?..

— Это почему?.. При немъ таксаторъ, а при мнѣ лѣсоводъ... и мудрецъ,—прибавилъ Теркинъ и ударилъ Хрящева по плечу.

— Я хотѣлъ-было ему представиться въ ваше отсутствіе, Василій Иванычъ, да думаю: не будетъ ли это презорствомъ?

— Очень ужъ вы скромны, Антонъ Пантелеичъ! — громче выговорилъ Теркинъ, оправляя прическу передъ дорожнымъ зеркаломъ.—Какъ вы сказали... презорство?

— Такъ точно. Старинное слово. Предки наши такъ писали и говорили въ прошломъ вѣкѣ.

— А я думаю, что этого самаго презорства теперь развелось не въ примѣръ больше, чѣмъ тогда было.

— Надо полагать, Василій Иванычъ, надо полагать.

Короткій, жидкій смѣхъ Хрящева заставилъ и Теркина разсмѣяться.

— Такъ смотрите, Антонъ Пантелеичъ, выходите завтракать. Я васъ представлю господину Низовьеву.

— Очень хорошо-съ... Большой баринъ изъ Парижа не взыщетъ... Одѣяніе у меня дорожное.

Теркинъ затворилъ за собою дверь въ залу и у двери въ переднюю увидалъ таксатора.

— А я къ вамъ, Василій Иванычъ... Завтракъ готовъ.

— За мной задержки не будетъ. Можно къ Павлу Иларіоновичу?

— А онъ къ вамъ шелъ... Сейчасъ я ему скажу.

Первачъ отретировался, и къ Теркину черезъ минуту вышелъ Низовьевъ.

Онъ ожидалъ молодящагося франта, въ какой-нибудь кургузой курткѣ и съ монок лемъ, а къ нему приближался человѣкъ пожилой, сутулый, съ просѣдью; правда, съ подкрашенными короткими усами на бритомъ лицѣ,—но безъ всякой франтоватости, въ синемъ пиджакѣ и такихъ же панталонахъ. Ничего заграничнаго, парижскаго на немъ не было.

— Весьма радъ, — заговорилъ онъ съ легкой картавостью и подалъ Теркину руку.

Вѣжливость его тона пахнула особымъ барскимъ холодомъ.

— Спасибо за гостепріимство,—сказалъ Теркинъ, чувствуя, что имѣетъ дѣло съ бариномъ не такого калибра, какъ „Петька“ Звѣревъ.—А ежели не поладимъ, Павелъ Иларіоновичъ?

— Мнѣ останется удовольствоваться бесѣдой съ вами.

— Вы съ своимъ поваромъ ѣздите?

— Нѣтъ, мнѣ приказчикъ приготовляетъ. Милости прошу. Николай Никанорычъ, — обратился онъ къ таксатору,—прикажите подавать!

Когда Первачъ вышелъ въ переднюю, Теркинъ наклонился къ Низовьеву и потише сказалъ:

— Со мною лѣсоводъ... Вы позволите и ему позавтракать съ нами?

— Сдѣлайте одолженіе... Мнѣ Николай Никанорычъ говорилъ. Вы—у себя дома.

Низовьевъ обезоруживалъ своей воспитанностью, и непріятно-дворянскаго въ немъ ничего не сквозило. Да и по виду онъ былъ болѣе похожъ на учителя или отставного офицера изъ ученыхъ.

„Ужели онъ женолюбъ?“—подумалъ Теркинъ и никакъ не могъ пристегнуть къ нему какую-нибудь парижскую блудницу, требующую подношеній въ сотни тысячъ.

— Антонъ Пантелеичъ!—позвалъ онъ Хрящева.

Тотъ вышелъ, стыдливо обдергивая борты своего твиноваго пальтеца.

— Имѣю честь кланяться, — выговорилъ онъ, скромно не подавая руки.—Антонъ Пантелеевъ Хрящевъ.

— Весьма радъ, — повторилъ Низовьевъ, ласково ему поклонился и протянулъ руку. — Вы, я слышалъ, видѣли мою дачу?

— Точно такъ.

— И, смѣю надѣяться, нашли ее въ порядкѣ?

— Въ изрядномъ порядкѣ. Василій Иванычъ самъ вамъ сообщитъ.

Первачъ объявилъ, что кушанье сейчасъ подадутъ. Водка и закуска стояли на томъ же столѣ. Низовьевъ самъ водки не пилъ, но угощалъ гостей все съ той же крайней вѣжливостью. При немъ и у таксатора тонъ сдѣлался гораздо скромнѣе, что̀ Теркинъ тотчасъ же отмѣтилъ; да и самъ Теркинъ не то что стѣснялся, а не находилъ въ себѣ увѣренности, съ какой обходился со всякимъ народомъ—будь то тузъ милліонщикъ или пароходный лоцманъ. Антонъ Пантелеичъ оставался вѣренъ себѣ: такъ же говорилъ и держалъ себя; такая же у него была усмѣшка глазъ и губъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали дѣтскіе, маленькіе, желтоватые зубы. Прислуживали приказчикъ и кучеръ.

За первымъ блюдомъ дѣловой разговоръ еще не завязался, и Теркинъ тотчасъ распозналъ въ парижскомъ баринѣ-лѣсовладѣльцѣ очень бывалаго человѣка, превосходно усвоившаго себѣ пріемы русскихъ сдѣлокъ.

XV.

Послѣ завтрака Первачъ и Хрящевъ остались въ залѣ. Дѣловой разговоръ патроновъ подходилъ къ концу въ комнатѣ Теркина.

Съ цѣны, какую Низовьевъ назначилъ своей дачѣ—еще въ письмѣ изъ Парижа—онъ не желалъ сходить. Въ Васильсурскѣ онъ удачно запродалъ свою партію строевого лѣса и такъ же выгодно запродалъ партію будущей навигаціи. Теркину досадно было на себя, что онъ самъ оттянулъ сдѣлку и не окончилъ ея тремя недѣлями раньше, когда Низовьевъ еще не зналъ, какія въ нынѣшнемъ году установятся цѣны на лѣсной товаръ.

— Въ васъ, почтеннѣйшій Василій Иванычъ, — гово-

рилъ Низовьевъ, тихо улыбаясь, сквозь дымъ папиросы со слащавымъ запахомъ,—мнѣ пріятно было видѣть представителя новой генераціи дѣловыхъ людей на европейскій образецъ. Вы берете товаръ лицомъ. Мнѣ нѣтъ надобности продавать дачу за безцѣнокъ. Если она не найдетъ себѣ такого покупателя, какъ ваша компанія, на срубъ у меня ее купятъ на двадцать процентовъ дороже.

— На срубъ?—вырвалось у Теркина.—Ужъ и то прискорбно, что господа лѣсовладѣльцы, принадлежащіе къ дворянскому сословію, выказываютъ такое равнодушіе къ своимъ угодьямъ.

— Это камешекъ и въ мой огородъ?

Низовьевъ прищурилъ свои подслѣповатые, умные глаза.

— Извините за откровенность! Вѣдь вы, коли не ошибаюсь, желаете совсѣмъ отдѣлаться отъ вашихъ лѣсовъ и перевести капиталъ за границу?..

— Можетъ-быть... Развѣ это преступленіе?

— Съ извѣстной точки, да.

— Ой-ой! Какъ строго! Вы, какъ говорятъ московскіе остряки,—патріотъ своего отечества?

— Хотя бы и такъ, Павелъ Иларіоновичъ! Я выразился сейчасъ, что прискорбно видѣть это; но, какъ представитель компаніи, я долженъ радоваться. По крайности, промысловые люди взялись за умъ и хотятъ сохранить отечеству такое благо, какъ лѣса Поволжья.

— Именно. Вамъ, промысловымъ людямъ, какъ вы изволите называть, надо благословлять эту неспособность русскихъ землевладѣльцевъ держать въ своихъ рукахъ хозяйство страны... Было время—и я мечталъ служить отечеству.

„А теперь ты въ француженокъ всаживаешь милліоны“,—добавилъ мысленно Теркинъ и началъ бояться, какъ бы раздраженіе не начало овладѣвать имъ.

Низовьевъ сдѣлалъ жестъ рукой, въ которой была папироса.

— Признаюсь,—продолжалъ онъ медленнѣе и съ блуждающей усмѣшкой,—только дѣла заставляютъ меня возвращаться на Волгу и вообще въ Россію.

— А то совсѣмъ пропадай она, эта Россія?—спросилъ Теркинъ съ вызывающимъ жестомъ головы.

— У кого больше вѣры въ нее, тотъ пускай и дѣйствуетъ. Вотъ, напримѣръ, въ лицѣ вашемъ, Василій

Иванычъ, я вижу что-то новое. Люди, какъ вы, отовсюду выкурятъ такихъ измѣнниковъ своему отечеству, какъ мы, грѣшные.

Сдержанный смѣхъ докончилъ его фразу.

Теркинъ услыхалъ въ ней скрытую иронію.

„Ладно,—подумалъ онъ,—въ инвалиды записываешься, а на дебоширство съ француженками хватаетъ удали!“

— Всякому свое, Павелъ Иларіонычъ, — сказалъ онъ нѣсколько безцеремоннѣе и, на особый ладъ взглянувъ на Низовьева, подумалъ: „мы, молъ, знаемъ, каковъ ты лапчатый гусь“.—Нашему брату, разночинцу, черная работа; господамъ—сниманье сливокъ...

— Сливки! Сливки!.. Это не великодушно, Василій Иванычъ. Насчетъ сливокъ, — и онъ подмигнулъ Теркину,— вамъ некому завидовать.

Тонъ этихъ словъ показывалъ, что Низовьевъ намекаетъ на что-то игривое. Губами онъ перевелъ, точно что̀ смаковалъ, и въ глазахъ явилась улыбка.

„Это еще что?—спросилъ про себя Теркинъ,—къ чему онъ подъѣзжаетъ?“

Въ такомъ тонѣ онъ не желалъ продолжать разговора. За всю зиму женщины точно не существовали для него. Онъ не бѣгалъ отъ нихъ, но ему сдавалось, что онѣ потеряли надъ нимъ прежнюю силу. Балагурства скоромнаго свойства онъ никогда особенно не любилъ. Еще менѣе съ такимъ „тайнымъ развратникомъ“, какимъ считалъ Низовьева.

— Намъ гдѣ!—отвѣтилъ онъ, однако, въ игривомъ же тонѣ.—Мы—лыкомъ шитые простецы.

— Будто?

Низовьевъ наклонился къ нему и сталъ говорить тише:

— У васъ были встрѣчи съ плѣнительными женщинами... И одна изъ нихъ до сихъ поръ интересуется вами чрезвычайно.

— Ужъ не въ Парижѣ ли?.. Такъ я тамъ не бывалъ.

— Не въ Парижѣ, а на Волгѣ... Прежде чѣмъ я имѣлъ удовольствіе сегодня познакомиться съ вами, я уже зналъ, что вы—человѣкъ опасный.

Низовьевъ погрозилъ указательнымъ пальцемъ.

Этотъ оборотъ разговора Теркинъ началъ принимать за „финты“, за желаніе отдѣлаться отъ болѣе обстоятельнаго обсужденія цѣны.

— Не понимаю! — выговорилъ онъ и пожалъ плечами.

Лицо его досказало: „да и нѣтъ у меня ни охоты, ни времени переливать изъ пустого въ порожнее“.

— Къ намъ въ Васильсурскъ пожаловала съ однимъ изъ лѣсопромышленниковъ... прелестная женщина. — Низовьевъ сталъ жмуриться.—Если не ошибаюсь, ваша хорошая знакомая.

— Кто же это?

Въ вопросѣ Теркина заслышалась уже явная неохота продолжать такой разговоръ.

— Серафима Ефимовна... Рудичъ!.. Вѣдь вы ее знаете?

— Знаю,—отвѣтилъ Теркинъ, не мѣняясь въ лицѣ и очень сухо.

Онъ никакъ не ждалъ этого. Имя Серафимы не смутило его. Ему было только непріятно, что дѣловой разговоръ переходилъ во что-то совсѣмъ „неподходящее“.

— Пріѣхала она съ очень курьезнымъ господиномъ. Фамилія его—Шуевъ... племянникъ милліонера, сектантъ, изъ той секты,—Низовьевъ сдѣлалъ характерный жестъ,—которая не желаетъ продолженія рода человѣческаго... И онъ, несмотря на это обстоятельство, безумно влюбленъ въ госпожу Рудичъ и кротко выноситъ всѣ ея шуточки. Вѣроятно, въ сераляхъ такъ достается отъ султаншъ ихъ надзирателямъ. Тутъ надзиратель — въ роли чичисбея. Носитъ розовые галстучки, душится. У этихъ господъ лица такія, что трудно опредѣлить ихъ возрастъ... Кажется, онъ еще молодой человѣкъ.

— И она его обрабатываетъ? — спросилъ Теркинъ съ брезгливой усмѣшкой.

— Я въ это не входилъ, Василій Иванычъ. Знаю лишь то, что эта прелестная женщина, съ изумительнымъ бюстомъ и совсѣмъ огненными глазами—такихъ я не видалъ и въ Андалузіи,—искала на съѣздѣ лѣсопромышленниковъ не кого другого, какъ васъ!..

— Меня?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Имѣлъ ли я право сказать, что вы снимаете сливки, ха-ха!? И это не мѣшаетъ вамъ прибирать къ рукамъ наши родовыя угодья... Второе менѣе завидно, чѣмъ первое. Вы не находите?

Любитель женщинъ все яснѣе выступалъ передъ Теркинымъ, и ноты, зазвучавшія въ его картавомъ голосѣ, раздражали его.

— Я, право, не знаю, что̀ вамъ сказать, Павелъ Ила-

ріонычъ... А за то, какую жизнь ведетъ теперь эта особа, и кто при ней состоитъ, я не отвѣтчикъ.

— Но кто же это говоритъ, добрѣйшій Василій Иванычъ, кто же это говоритъ! Прошу васъ вѣрить, что я не позволилъ бы себѣ никакихъ упоминаній, если бъ сама Серафима Ефимовна не уполномочила меня, въ нѣкоторомъ родѣ...

Онъ какъ бы искалъ словъ.

— Уполномочила?—переспросилъ Теркинъ.

— Развѣ вамъ такъ непріятно выслушивать?..

— Мнѣ?.. Нисколько!..

По глазамъ Низовьева Теркинъ хотѣлъ угадать, знаетъ ли онъ что-нибудь про ихъ прошедшее.

— Сколько я могъ понять, Серафима Ефимовна остановилась въ Васильсурскѣ только затѣмъ, чтобы найти васъ.

— Почему же меня?

— Она, вѣроятно, узнала, что вы стоите теперь во главѣ лѣсопромышленной компаніи, и предполагала, что вы пожалуете на нашъ съѣздъ „лѣшихъ"...

— Вотъ какъ!..

На Теркина начала нападать неловкость, и это его сердило. Съ какой стати подъѣхалъ къ нему съ подобными разспросами этотъ женолюбъ?..

— Если вамъ непріятно,—продолжалъ Низовьевъ еще мягче,—я не пойду дальше...

— Мнѣ безразлично!

— Будто? Ахъ, какой вы жестокій, Василій Иванычъ!.. Безразлично—отъ такой женщины, какъ госпожа Рудичъ!.. Да этакихъ двухъ во всей русской имперіи нѣтъ... Я былъ просто пораженъ... Такъ вы позволите досказать?

— Сдѣлайте милость.

— Серафима Ефимовна почтила меня своимъ довѣріемъ, услыхавъ, что съ вами я буду имѣть лично дѣло, и не дальше, какъ черезъ нѣсколько дней. Отъ меня же она узнала, гдѣ вы находитесь... Признаюсь, у меня не было бы никакого расчета сообщать ей все это, будь я хоть немножко помоложе. Но я не имѣю иллюзій насчетъ своихъ лѣтъ. Гдѣ же соперничать съ такимъ мужчиной, какъ вы!..

И Низовьевъ шутливо опустилъ голову; сквозь его деликатно-балагурный тонъ прокрадывалось нешуточное увлеченіе женщиной съ „огненными глазами". Теркинъ

распозналъ это и сказалъ про себя: „И на здоровье! пускай обчиститъ его послѣ французской блудницы“.

Въ залѣ стѣнные часы съ шумомъ пробили три часа.

Онъ вынулъ свои часы и тѣмъ какъ бы показалъ, что пора перейти опять къ дѣлу.

XVI.

— Три часа? — спросилъ Низовьевъ. — Вы на меня не будете въ претензіи, Василій Иванычъ, за этотъ перерывъ въ нашемъ дѣловомъ разговорѣ? Развѣ для васъ самихъ безразлично то, какъ относится къ вамъ такая плѣнительная женщина?

— Въ настоящій моментъ... довольно безразлично...

Глаза Низовьева замигали, и его всего повело.

— Это не... dépit amoureux... вы понимаете?

— Извините, по-французски я плоховато обученъ...

— Раздраженіе влюбленнаго человѣка. Временная обида, подъ которой тлѣетъ иногда страсть и ждетъ взрыва.

„Ахъ, ты старая обезьяна!“ — выбранился мысленно Теркинъ.

— Ничего такого во мнѣ нѣтъ... Госпожу Рудичъ я дѣйствительно знавалъ...

— Довольно близко? — полушопотомъ подсказалъ Низовьевъ.

— Ежели она сама изливалась вамъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ничего я фактически не знаю о вашихъ прежнихъ отношеніяхъ. Серафима Ефимовна дала мнѣ только понять... И я былъ весьма польщенъ такимъ довѣріемъ.

Низовьевъ подался нѣсколько и протянулъ впередъ руку.

— Василій Иванычъ!.. Забудьте на минуту, что мы съ вами совершаемъ торговую сдѣлку... Забудемъ и разницу лѣтъ. Можно и въ мои года сохранить молодость души... Вы видите, я умѣю цѣнить въ каждомъ все, что въ немъ есть выдающагося. Кромѣ ума и дѣльности въ васъ, Василій Ивановичъ, меня привлекаетъ и это влеченіе къ вамъ такой женщины, какъ Серафима Ефимовна.

Теркинъ чуть замѣтно повелъ плечами.

— Вы, я вижу, нѣсколько замкнуты и даже суровы. Конечно, вы меня совсѣмъ не знаете... Да къ тому же я для васъ продавщикъ, а вы представитель общества, желающаго у меня купить возможно дешевле. Условія не

особенно благопріятны для болѣе интимной бесѣды... Я постарше васъ, мнѣ и слѣдуетъ быть смѣлѣе.

— При чемъ же тутъ смѣлость, Павелъ Иларіонычъ?

— А какъ же?.. Вы надо мной подсмѣиваться будете... Вѣроятно, уже и теперь это дѣлаете про себя... называете меня старымъ сатиромъ... Сердечкинымъ? Что жъ!.. Для меня Серафима Ефимовна была... какъ вамъ сказать... Извините за французское слово... une révélation... Откровеніе... неожиданная находка... Я просто былъ пораженъ, когда увидалъ такое существо... и гдѣ же? — въ Васильсурскѣ, на съѣздѣ лѣсопромышленниковъ, и какихъ типовъ, и въ сопровожденіи господина Шуева!.. Этотъ чичисбей изъ сектантовъ... вы помните, я сейчасъ упоминалъ о немъ... Мое изумленіе было еще сильнѣе, Василій Иванычъ, когда я узналъ, что Серафима Ефимовна—изъ семьи старовѣровъ, съ низовьевъ Волги. И вдругъ такая прелесть!.. Я уже не говорю о красотѣ... Туалеты, тонъ... И что-то... этакое свое, бытовое... такъ вѣдь нынче любятъ выражаться... Самородокъ—и какой!

Низовьевъ совсѣмъ зажмурилъ глаза, вскинулъ руками и подался назадъ головой... Губы его выпятились...

Слушая его и глядя на эти „фасоны" старѣющаго женолюбца, Теркинъ испытывалъ смѣсь брезгливости съ тайнымъ торжествомъ мужского тщеславія... Богатый баринъ, прожившій полсостоянія на женщинъ въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, по всѣмъ статьямъ—знатокъ и цѣнитель—и говоритъ о Серафимѣ, какъ о жемчужинѣ... Она захватила его въ какихъ-нибудь два-три дня. Будь онъ, Теркинъ, на его мѣстѣ, онъ ни за что бы не выдалъ себя, не согласился бы играть роль не то наперсника, не то парламентера, да еще отправляясь улаживать дѣло на нѣсколько сотъ тысячъ.

— Вы нешто имѣли продолжительныя бесѣды съ госпожой Рудичъ?—помягче спросилъ онъ Низовьева и взглянулъ на него съ усмѣшкой.

— Мы вдругъ стали друзьями... съ той минуты, какъ она узнала, что я ѣду сюда, и вы меня ждете. Видите ли, Василій Иванычъ, моя миссія была для меня довольно тяжелая. Хе-хе!.. Вы понимаете... Есть такія встрѣчи... Французы называютъ ихъ... ударъ молніи... Особенно когда чувствуешь временную пустоту... послѣ сердечныхъ огорченій. Вѣдь только женщинѣ и дано заставлять насъ стра-

дать. Я пріѣхалъ въ очень-очень подавленномъ настроеніи, близкомъ къ меланхоліи...

— И госпожа Рудичъ нѣкоторымъ образомъ спасла?

— Не говорите такъ! Вы — неблагодарный! Неблагодарный! Въ ней до сихъ поръ живетъ такое влеченіе къ вамъ... Другой бы на моемъ мѣстѣ долженъ былъ радоваться тому, что онъ находитъ въ васъ къ Серафимѣ Ефимовнѣ; но мнѣ за нее обидно. Она не посвятила меня въ самыя интимныя перипетіи своего романа съ вами. Съ какой смѣлостью и съ какимъ благородствомъ она винила себя! И, конечно, для того, чтобы поднять на пьедесталъ васъ, жестокій человѣкъ!..

— Въ чемъ же она винила себя?

Вопросъ соскочилъ съ языка Теркина противъ воли: онъ втягивался въ разговоръ о Серафимѣ.

— Ахъ, Боже мой! Чуть не въ уголовномъ преступленіи. Она говоритъ, что вы, если бъ хотѣли, могли выдать ее... Она этого никогда не боялась. Предъ благородствомъ вашей натуры она преклоняется. Ей нужно ваше... прощеніе. И, кажется, не въ томъ, въ чемъ женщины всего чаще способны провиниться. Не правда ли? Не въ измѣнѣ или охлажденіи?.. Отчего же вамъ хоть на это не отвѣтить прямо? Ни измѣны, ни охлажденія вы не знали?

„Это правда, — подсказалъ себѣ Теркинъ. — Когда же она измѣняла?"

— Или, быть-можетъ, излишняя скромность мѣшаетъ вамъ быть откровеннымъ? Я не берусь проникнуть въ вашу душу, Василій Иванычъ; но если въ васъ нѣтъ затаенной страсти, то врядъ ли есть и равнодушіе... Буду чудовищно откровененъ. Равнодушію я бы обрадовался, какъ маннѣ небесной.

— Хитрить мнѣ съ вами не изъ чего, Павелъ Иларіонычъ, — заговорилъ Теркинъ уже гораздо искреннѣе, но все-таки нѣсколько суровымъ тономъ, — я бы желалъ одного, чтобы эта особа успокоилась сама. Никакой злобы я къ ней не имѣю... Все прошедшее давно забылъ... и простилъ, коли она заботится о прощеніи. Всѣ люди, всѣ человѣки. И я тоже не святой...

— Но если бъ Серафима Ефимовна пожелала лично выразить вамъ...

— Это совершенно лишнее, — отозвался Теркинъ, нахмуря брови.

— Вы боитесь за себя?

Низовьевъ спросилъ это, глядя на него бокомъ и съ двойственной улыбкой.

— За себя? Не думаю, чтобы это было для меня... слишкомъ опасно... Знаете, Павелъ Иларіонычъ, на старыхъ дрождяхъ трудно замѣсить новое тѣсто.

— Какое неизящное сравненіе.

— Не обезсудьте. Мы—простецы. Зачѣмъ же Серафимѣ Ефимовнѣ,—онъ въ первый разъ назвалъ ее такъ,—самой ставить себя въ непріятное положеніе, да и меня безъ надобности пытать?

— И вы позволяете мнѣ ей сообщить вашъ отвѣтъ?

— Сдѣлайте милость, разъ она объ этомъ просила.

— Василій Иванычъ! благодарю васъ за такой искренній отвѣтъ.

Глаза Низовьева стали влажны.

— Вамъ же лучше!—не удержался Теркинъ.

Но радость Низовьева была такъ сильна, что онъ ничего не замѣтилъ на этотъ нескромный возгласъ, вздохнулъ и сказалъ еще разъ:

— Благодарю васъ.

— А тотъ?.. чичисбей... какъ вы его называете... Такъ при ней и состоитъ? И ей не зазорно?

Въ вопросахъ Теркина звучало болѣе удивленіе, чѣмъ насмѣшка.

— Это такъ... Для курьеза... Отъ скуки!.. Я понимаю ее, Василій Иванычъ... Она близка къ перелому, когда женщина дѣлается безпощадной... жестокой...

— И вы хотите ее примирить?..

— Хочу! Хочу!.. И вы меня воскресили!

Оба стояли другъ противъ друга въ позѣ людей, покончившихъ полюбовно важное дѣло.

— На здоровье!—воскликнулъ Теркинъ.—Но позвольте, Павелъ Иларіонычъ, мы совсѣмъ отдалились отъ нашего главнаго предмета.

— Какого? Цѣны моей лѣсной дачи? Да стòитъ ли къ этому возвращаться? Вамъ угодно имѣть скидку? Извольте.

„Вотъ оно что! — сказалъ себѣ Теркинъ, и краска заиграла на его щекахъ. — Ты пошелъ на скидку оттого, что я тебѣ свою бывшую любовницу уступилъ! Нѣтъ, шалишь, баринъ!“

Рѣзко мѣняя тонъ, онъ отодвинулся назадъ и выговорилъ громко, такъ что его могли слышать и въ залѣ:

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Павелъ Illаріонычъ? Стоять на цѣнѣ, такъ стоять... Для меня дѣло — прежде всего. Не угодно ли вамъ поѣхать со мной въ дальній край дачи; мы вчера не успѣли его осмотрѣть... Коли тамъ все въ наличности, я буду согласенъ на вашу цѣну.

И глазами, глядя на Низовьева почти въ упоръ, онъ добавилъ:

„Я не таковскій, чтобы мнѣ куртажъ предлагать изъ-за женскаго пола“.

Тотчасъ послѣ того онъ подошелъ къ двери, растворилъ ее и крикнулъ:

— Антонъ Пантелеичъ! извольте послать за ямскими лошадьми и собирайтесь съ нами смотрѣть дачу.

Низовьевъ смущенно промолчалъ.

XVII.

Саня слушала, какъ замиралъ удаляющійся гулъ голосовъ, подъ своимъ любимымъ дубкомъ. Заря потухала. За рѣкой поднималась дымка тумана. Оттуда тянуло запахомъ поёмныхъ луговъ. Ей дышалось легко-легко, и голова была возбуждена. И не на тотъ ладъ, какъ всегда, послѣ сидѣнья въ комнатѣ тети Марѳы за лакомствами и наливками.

Сегодня все шло по-другому. Къ обѣду пріѣхали покупатели. Наканунѣ были большіе разговоры между отцомъ и теткой Павлой Захаровной. Съ ними запирался и Николай Никанорычъ. Цѣлую недѣлю она съ нимъ не оставалась наединѣ, да его не было и въ усадьбѣ. Только сегодня за обѣдомъ онъ совсѣмъ безцеремонно касался ея ноги, а самъ въ это время смотрѣлъ на отца и продолжалъ разговаривать съ покупщикомъ. Въ первый разъ Санѣ сдѣлалось ужасно стыдно: хорошо, что никто не замѣтилъ. Стыдно и какъ будто унизительно. Въ его обхожденіи съ ней было что-то черезчуръ нахальное... Значитъ, онъ на нее смотритъ точно на свою вещь... Все равно, она отъ него не уйдетъ... Захочетъ цѣловаться съ ней — будетъ цѣловаться. Доведетъ ее до всего, что̀ только ему вздумается.

А любитъ ли онъ ее? Можетъ-быть, только морочитъ какъ дурочку? Онъ знаетъ, что красивъ и долженъ нравиться.

Красивъ—да! Очень красивъ! Но почему же нынче за обѣдомъ тотъ пріѣзжій покупатель, Василій Иванычъ Теркинъ,—выговорила она мысленно,—казался ей не то что красивѣе, а интереснѣе? Нужды нѣтъ, что тетка Павла Захаровна говорила про него, что это какой-то „выскочка“ мужичьяго рода, что этакіе зазнаются и надо имъ всегда „по носу давать“... Однако, и тетка сидѣла тихонькая и оказывала ему всякое вниманіе; съ него начинали обносить кушанья, отецъ безпрестанно угощалъ его виномъ, и всѣ съ нимъ обходились какъ съ настоящимъ бариномъ, даже почтительнѣе, чѣмъ съ предводителемъ.

Держитъ онъ себя такъ пріятно, и въ глазахъ у него что-то есть особенное. Къ ней онъ за обѣдомъ обращался, сталъ ее сразу звать „Александрой Ивановной“, точно будто давно знаетъ ея имя и отчество. Выговоръ у него немножко простой, не совсѣмъ барскій... Но это ей скорѣе понравилось.

И такой „богатей!“

Она подумала словами тети Марѳы... Ворочаетъ милліонами! И такъ про него говоритъ Николай Никанорычъ. На него Василій Иванычъ какъ будто не очень ласково смотритъ, а тетя передъ нимъ разсыпается.

И выходитъ—онъ сильнѣе всѣхъ. Отчего? Оттого, что у него деньги? Такъ вѣдь онъ не самъ скупаетъ лѣса, а для какой-то „компаніи“. Ему довѣряютъ такія дѣла. Стало, онъ—честный и умный.

Тетя Марѳа говорила ей, что отцу „до зарѣзу“ нужно продать лѣсъ, а можетъ-быть, пойдетъ въ продажу и усадьба.

Кто же купитъ?.. Все онъ, все этотъ „выскочка“, какъ называетъ его тетя Павла? Что̀ же онъ будетъ дѣлать съ такимъ большимъ домомъ, если поселится здѣсь? Женится? Пожалуй, уже женатъ? Кажется, нѣтъ: что-то она припоминаетъ изъ разсказовъ Николая Никанорыча.

И выходитъ, что ей не придется жить здѣсь барыней. Вдругъ какъ и ничего не останется отъ обоихъ имѣній?.. Неужели Николай Никанорычъ отъ этого и сталъ такъ обращаться съ нею? Давитъ ногу подъ столомъ, точно свою собственность, а смотритъ совсѣмъ въ другую сторону... Безприданницы ему не нужно... Онъ можетъ влюбить въ себя и не такую дурочку, какъ она.

И опять вопросъ зашевелился въ ней: любитъ онъ или такъ только играетъ съ нею, добивается чего-то?

Ей стало стыдно сильнѣе, чѣмъ за обѣдомъ, и какъ не бывало ни разу прежде, особенно послѣ угощеній въ комнатѣ тети Марѳы. Сегодня она не выпила ни глотка наливки. Вѣдь она пріучалась къ сладкому хмелю. Нянька Ѳедосеевна стала это замѣчать и еще третьяго дня стыдила ее, что изъ нея хотятъ сдѣлать „негодницу" и добиться того, чтобы отецъ выгналъ ее... Она раскричалась на няньку и даже—въ первый разъ—затопала ногами. А вдругъ какъ это правда?

Саня отошла отъ дерева и остановилась около запущенной куртины, гдѣ росъ кустикъ бѣлыхъ маргаритокъ.

Ей захотѣлось сорвать цвѣтокъ. Это была садовая маргаритка, когда-то пересаженная изъ горшка; бѣлые матовые лепестки шли продольными полосками съ обоихъ краевъ, и желтый пухлый пестикъ круглился своей головкой.

— Любитъ, не любитъ! — стала выговаривать Саня и маленькими шажками прохаживалась взадъ и впередъ вдоль куртины.

— Не любитъ!

Она бросила оборванный цвѣтокъ, сорвала другой и начала считать старательнѣе, дѣлая чуть слышныя придыханія:

— Любитъ, не любитъ!..

Ей еще стыднѣе и обиднѣе!.. Она наклонилась надъ кустомъ, гдѣ на стебляхъ сидѣло еще нѣсколько цвѣтковъ.

Можетъ-быть, всегда должно выйти: „не любитъ". Она стала пересчитывать лепестки. На одномъ цвѣткѣ было четырнадцать, на другомъ—восемнадцать, на третьемъ—двадцать: все—четныя числа.

— Какая я...

Какъ же можно гадать, если всегда четное число лепестковъ!.. Когда выдастся съ нечетнымъ числомъ—должно-быть, это такъ же рѣдко, какъ орѣхъ-двойчатка или пять лепестковъ на цвѣткѣ сирени. Начать со слова „не любитъ"—выйдетъ непремѣнно „любитъ", и наоборотъ.

Никогда еще она не чувствовала себя такой маленькой и безпомощно-глупенькой. Двѣ слезинки заблестѣли на рѣсницахъ. Щеки замѣтно поблѣднѣли. Она была въ ту минуту очень хорошенькая. Свѣтлая шелковая кофточка,

вся въ сборкахъ, по таліи перехваченная желтымъ кожанымъ кушакомъ, шла къ ней чрезвычайно. Ноги мелькали изъ-подъ синей юбки, въ атласныхъ туфляхъ съ бантиками... Руки почти до локтей выходили изъ короткихъ рукавовъ съ кружевцами.

Она сорвала еще цвѣтокъ, но больше не ощипывала, а заглядѣлась на свою ручку. Ей она показалась смѣшной, почти уродливой. Но гость—это она замѣтила—раза два кинулъ боковой взглядъ на ея руки, когда она держала ими ножъ и вилку.

Голоса стали приближаться. Саня подошла къ тому мѣсту, гдѣ верхняя возвышенность парка начинала идти подъ гору, и, стоя за деревьями, глядѣла внизъ.

Всѣ четверо поднимались по одной изъ балокъ, не тропинкой, а прямо по склону пригорка между дубами, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ она стояла.

Впереди шли Теркинъ, опираясь на палку съ ручкой изъ слоновой кости. На его лицо падала тѣнь отъ низкой черной шляпы. Она могла свободно смотрѣть на него и не быть замѣченной.

Какіе у него большіе глаза! И совсѣмъ не такіе, какъ у Николая Никанорыча. И борода славная... Немножко съ рыжиной. Но это ничего!.. А ростомъ онъ чуточку ниже отца... И плечи широкія, весь станъ — величавый. Позади его Николай Никанорычъ кажется жидкимъ. И точно онъ у него на службѣ... Отецъ идетъ немного сбоку и что-то ему показываетъ. Лицо у него, какъ всегда, съ достоинствомъ; но передъ гостемъ онъ—хоть и выше его—тоже старается.

Она такъ и выразилась мысленно: „старается“.

Неужели это все однѣ деньги дѣлаютъ? А онъ поднимается по крутому склону большими шагами, грудь держитъ впередъ, разговариваетъ свободно... Его молодой голосъ доносится до нея. У него такой видъ, что не нынче—завтра онъ долженъ стать хозяиномъ всей этой усадьбы... Она теперь увѣрена, что иначе не можетъ случиться.

Позади, какъ-то подскакивая, карабкается тотъ приказчикъ или землемѣръ, что привезъ съ собой Василій Иванычъ,—она такъ назвала про себя Теркина,—пухленькій и смѣшного лица... Онъ за столомъ ничего не говорилъ, а только поглядывалъ на всѣхъ своими веселыми мышиными глазками.

Если онъ землемѣръ, такъ, значитъ, Николай Никано-

рычъ — то же, что и онъ... А этотъ въ родѣ управителя или приказчика. Тотъ—„ученый таксаторъ“; даже и тетка Павла такъ его называетъ.

Не все ли это равно?.. Саня не отвѣтила себѣ на вопросъ и такъ засмотрѣлась внизъ на Теркина, что онъ увидалъ ее снизу, снялъ шляпу и крикнулъ:

— Какъ у васъ здѣсь хорошо!.. Позвольте къ вамъ взбѣжать.

И пустился бѣгомъ по спуску, прямо на нее.

XVIII.

Въ бесѣдкѣ пахло цвѣтомъ каприфоліи. Растеніе вилось по переплету изъ березовыхъ палокъ, и розовато-желтые лепестки и усики осыпали нѣжную зелень. Никогда еще такъ рано не цвѣло оно, какъ въ этомъ году.

Они остались вдвоемъ. Иванъ Захарычъ ушелъ показывать планы Хрященеву и увелъ съ собой Первача.

Теркинъ сидѣлъ снявъ шляпу, въ полъ-оборота къ Санѣ, глядѣлъ на ея розовато-блѣдное лицо, на косу, заплетенную по-крестьянски, и на ея удивительныя ручки. Онъ самъ попросилъ позволенія посидѣть съ ней. Саня застѣнчиво провела его въ бесѣдку.

— Тамъ пахнетъ чудесно!—сказала она совсѣмъ по-дѣтски.

И самъ онъ началъ какъ будто испытывать пріятную неловкость и почему-то жалость къ этой барышнѣ-дѣвочкѣ. Послѣ осмотра парка и всѣхъ строеній усадьбы у него было такое чувство, точно онъ у пристани и его вводятъ во владѣніе родовымъ имуществомъ.

Домъ былъ запущенъ; въ верхнемъ этажѣ штучный паркетный полъ вынутъ въ нѣсколькихъ комнатахъ: мебели—никакой, стѣны облупились; да и въ нижнемъ этажѣ, кромѣ кабинета хозяина, все остальное пахнетъ дворянской грязцой и скудостью. Но паркъ наполнилъ его стародавнимъ чувствомъ, которое заново воскресло и еще ярче, чѣмъ на колокольнѣ села Заводнаго, когда онъ по пріѣздѣ туда лазилъ на нее, о вечерняхъ.

И теперь, около этой миловидной свѣжей дѣвушки, законной наслѣдницы этого имѣнія, уже обреченнаго на продажу, ему захотѣлось поскорѣе стать собственникомъ усадьбы, не допускать другихъ покупщиковъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и совѣстно было передъ нею...

Глаза его съ тихой улыбкой любовались ея головой и

становъ, и онъ хотѣлъ бы поговорить съ ней какъ можно мягче, поскорѣе вызвать въ ней искренность... Ему ея тетки, отецъ, этотъ шустрый и плутоватый таксаторъ весьма и весьма не нравились, и она среди нихъ казалась ему горленкой въ гнѣздѣ вороновъ или нетопырей.

— Чудесный у васъ паркъ...

— Да,—вдыхая въ себя, сказала Саня, какъ дѣлала всегда и въ институтѣ, когда бывала чѣмъ-нибудь стѣснена.

Но тотчасъ же ей стало ловко съ нимъ, и она, обернувъ къ нему голову, спросила:

— Вы у насъ все это купить хотите, Василій Иванычъ?

„Василій Иванычъ" прозвучало для него съ ласкою вздрагивающаго голоска. Губы своего рта она раскрывала какъ-то особенно мило.

— А вамъ жалко будетъ?

— Разумѣется, жалко.

— Не знаю. Папаша все равно хочетъ продать.

— Да?—грустно переспросила она.

Ему показалось, что на рѣсницахъ ея слезинки.

„Зачѣмъ я ей это разсказываю?—остановилъ онъ себя.—Бѣдняжка!"

— А вы для себя?—спросила она повеселѣе.

— То-есть, какъ для себя?

— Будете здѣсь жить... Вы женаты?

— Нѣтъ.

Она совсѣмъ обернулась къ нему, и ручки ея упали на колѣни своеобразнымъ движеніемъ.

— Васъ всякій бы принялъ скорѣе за женатаго. А я...

Досказать ей сдѣлалось стыдно.

„Какія я... глупости! Развѣ можно?" — подумала она, зная, что вотъ-вотъ покраснѣетъ.

— А вы?..

— Ахъ, нѣтъ! Ничего!..

Обѣ ручки протянулись къ нему.

— Василій Иванычъ! Право, я не то хотѣла сказать.

— Да вы еще ничего не сказали. Ежели я, для васъ, женатымъ не смотрю, значитъ, еще не такъ постарѣлъ... тѣмъ лучше.

Ему хотѣлось пошутить съ ней и утѣшить ее какъ можно скорѣе.

— Видите ли,—онъ пододвинулся къ ней,—я покупаю лѣса отъ имени общества.

— Какое это общество? Я вѣдь ничего не понимаю.

— Компанія по лѣсной части. Я — ея главный директоръ.

— А говорятъ, что вы главный милліонщикъ?

Смѣхъ ея, высокій и дробный, задрожалъ въ тепломъ вечернемъ воздухѣ и отдался въ груди Теркина.

Онъ протянулъ ей руку.

— Хорошая вы барышня! Такъ у васъ все какъ на ладонькѣ.

„Нѣтъ не все,—поправила она про себя,—если бъ онъ зналъ!“

— Такъ вы не милліонщикъ?

— Какое... Большими дѣлами завѣдую, это точно, но капиталы не мои.

— Стало-быть, компаніи понадобились нашъ домъ и паркъ? И она дастъ цѣну больше другихъ? — Саня добавила грустно:—Вотъ папа и отдастъ.

— Сказать вамъ всю правду, Александра Ивановна? Мнѣ самому очень по душѣ вашъ паркъ и все положеніе усадьбы. Давно я ихъ знаю. Еще какъ деревенскимъ мальчишкой съ отцомъ въ село Заводное попалъ.

Глаза ея широко раскрылись.

„Тетка Павла правду говорила: онъ — изъ мужиковъ“.

Теркинъ подмѣтилъ ея взглядъ.

— Вы хитрить не будете, барышня. Навѣрняка, при васъ... былъ обо мнѣ разговоръ. Тетенька-то, та... сухорученькая... чай, разночинцемъ величала?

— Разночинцемъ... Это что такое?

— Нѣшто вы не знаете этого слова?

— Нѣтъ, что-то не припомню. Я вѣдь мало книжекъ читала. Кажется, это значитъ—недворянинъ.

— Именно... Изъ податного состоянія. Только нынче все къ одному знаменателю подводится.

— Къ одному знаменателю! Какъ это хорошо вы сказали! Какъ въ задачахъ!

— Нынче двѣ силы...

— Одну я знаю,—перебила Саня.

— Какую?

— Деньги! Вотъ вы пріѣхали сюда, — можете все купить. И всѣ передъ вами должны прыгать.

— Да вѣдь коли капиталы-то не мои!.. Есть и другая еще сила.

— Какая же?

— Умъ, талантъ!..

— Ахъ, да!

И она не могла сдержать быстраго взгляда на него.

— Это вѣрно,—вслухъ выговорила она полушопотомъ,— вы умный.

— Я не къ тому это сказалъ, чтобы выставляться передъ вами. А такъ, къ слову. Съ вами — вы увидите—я сразу нараспашку. Вы думали, небось, про то, что̀ зовется судьбой?

— Какъ это?

— Ну, хоть такъ, какъ барышни думаютъ. Растетъ дѣвочка, станетъ дѣвицей, а потомъ или завянетъ...

— Вотъ какъ мои тетки!

— Или встрѣтится съ суженымъ. Иногда бываетъ, что встрѣча-то за нѣсколько лѣтъ. И то, что̀ западетъ въ душу, кажется недосягаемо, и вдругъ судьба именно это и посылаетъ.

— Вы о комъ же говорите, Василій Иванычъ?

— О себѣ. Только я не про свою суженую. Кто она— я еще не знаю. А вотъ я къ чему это. Крестьянскимъ мальчишкой я влѣзъ на колокольню и оттуда облюбовалъ вотъ вашъ паркъ и домъ. Онъ мнѣ тогда чертогомъ казался. Такъ захотѣлось, чтобы и у меня было точно такое угодье. И завидно стало до боли: вотъ, молъ, господа владѣютъ какими чудесными вотчинами и не чувствуютъ цѣны добра своего. Я не могъ тогда и мечтать о томъ, чтобы когда-нибудь такая усадьба досталась мнѣ. А судьба свою линію вела. Попадаю именно сюда, какъ директоръ лѣсной компаніи. Правда, капиталы не мои, но захоти я оставить усадьбу Ивана Захарыча за собой—это исполнимо!

— Лучше вы купите, лучше вы!—Саня захлопала руками. — Мы въ то имѣніе переѣдемъ. Вы будете нашъ сосѣдъ! Это чудесно!

— Да ежели и компанія сама прихватитъ это имѣніе, все равно, по лѣтамъ, жить надо здѣсь же. Вотъ судьба-то какъ свою линію ведетъ, барышня!..

Теркину стало дѣтски радостно отъ того, что онъ съ ней разговорился. Онъ ни секунды не подумалъ о томъ, умѣстно ли ему такъ откровенничать съ простоватой барышней, которая все могла разболтать отцу и теткамъ.

XIX.

— Вы все еще здѣсь?

Окликъ Первача заставилъ обоихъ встрепенуться.

Таксаторъ стоялъ у входа въ бесѣдку, улыбался и поправлялъ цвѣтной галстукъ. Его свѣтлый пиджакъ, скроенный очень узко, выставлялъ его талію. Соломенная шляпа была надѣта немного набекрень.

— Да, мы здѣсь,—отозвался суховато Теркинъ и взглядомъ спросилъ его: что ему нужно?

— А меня Иванъ Захарычъ и Павла Захаровна послали отыскать васъ и просить чай кушать. Александра Ивановна,—обратился онъ къ Санѣ съ усмѣшкой, которая не понравилась Теркину, — вамъ не будетъ ли свѣжо? Солнце садится, а вы въ одной легкой кофточкѣ.

— Мнѣ ничего! Мнѣ отлично! Здѣсь даже душно немного!

— Вы позволите присѣсть?—спросилъ Первачъ больше Теркина, чѣмъ Саню, тономъ человѣка, желающаго и подслужиться, и соблюсти свое достоинство.

— Мѣста много, садитесь.

Теркинъ вспомнилъ, что за обѣдомъ онъ подмѣтилъ, какъ Саня вдругъ покраснѣла и взглянула исподтишка на Первача, а онъ въ ту минуту какъ бы нарочно смотрѣлъ въ другую сторону, и подумалъ: „Между барышней и этимъ ловкачомъ, кажется, шуры-муры“.

Теперь ему присутствіе Первача, прервавшаго ихъ милый разговоръ, сдѣлалось вдругъ особенно противно.

— Василій Иванычъ, вы какъ предполагаете: заночевать здѣсь? Комната вамъ приготовлена во флигелѣ, гдѣ и я живу. И для добрѣйшаго Антона Пантелеича найдется мѣсто.

— Это кто Антонъ Пантелеичъ? Вашъ землемѣръ? Онъ вѣдь землемѣръ?—живо спросила Саня.

— Какой же онъ землемѣръ? — брезгливо перебилъ Первачъ.—Просто нарядчикъ.

— Нѣтъ-съ,—оттянулъ Теркинъ и бросилъ взглядъ на Первача.—Антонъ Пантелеичъ—агрономъ съ отличными познаніями. По лѣсоводству—дока.

— Конечно, конечно, онъ много знаетъ практически, — замѣтилъ Первачъ.

— Да и обученъ достаточно. И вообще, личность очень своеобразная и достойная уваженія.

— Онъ славный! — вскричала Саня. — Похожъ на батюшку... въ штатскомъ платьѣ.

— Такъ какъ же, Василій Иванычъ, прикажете распорядиться насчетъ вашего ночлега?

Взгляды Сани и Теркина встрѣтились. Она чуть замѣтно смутилась и отвела голову, но такъ, чтобы ея лицо не видно было Первачу.

— Вамъ развѣ нужно опять въ городъ? — выговорила она.

— Нѣтъ... особенно я не тороплюсь. Только зачѣмъ же стѣснять вашихъ?

— Ничего!.. Ничего!.. Няня Ѳедосеевна вамъ отлично постелетъ. Николай Никанорычъ, скажите, пожалуйста, тетѣ Марѳѣ Захаровнѣ, что Василій Иванычъ останется ночевать... Вѣдь да?

— Благодарю васъ.

— А чай? — спросилъ Первачъ, видимо желая уйти вмѣстѣ съ ними.

— Мы сейчасъ... Здѣсь такъ славно!

— Идите, идите, Николай Никанорычъ!

Первачъ взглянулъ на Саню съ особаго рода усмѣшечкой, всталъ и въ дверяхъ бесѣдки сказалъ Теркину:

— Все будетъ исполнено... Васъ ждутъ.

Пока его шаги хрустѣли по дорожкѣ, оба молчали.

— Александра Ивановна! — окликнулъ Теркинъ вполголоса.—Мы съ вами хоть и безъ году недѣлю знакомы, а я васъ о чемъ спрошу... Можете и не отвѣчать.

— О чемъ, о чемъ?

Саня вся зардѣлась и правой рукой стала теребить конецъ своей косы, перекинутой на плечо.

— Этого... таксатора вы какъ находите?

— Николая Никанорыча?

— Да, Николая Никанорыча.

— Онъ очень милый.

— Ну, вотъ и нехорошо. Вы это сказали такъ... для отвода.

— Красивый. Съ нимъ весело.

— И только?

Теркинъ поглядѣлъ на нее вбокъ.

— Я не знаю.

— Ну, простите. Я вѣдь не инквизиторъ какой. А только этотъ франтоватый и ученый брюнетъ кажется

мнѣ... есть такая поговорка русская, коренная, да при барышнѣ не пристало.

— Скажите.

— Не пристало. Смыслъ такой, что пальца ему въ ротъ не клади. Эта пословица годится и для барышень. Иванъ Захарычъ, кажется, вполнѣ въ него увѣровалъ.

— Да, кажется.

— И тетенька, та—главная. Она вѣдь у васъ, сдается мнѣ, на́большая въ домѣ. Какъ бишь ее зовутъ?

— Павла.

— Такъ и она его одобряетъ?

— Я думаю.

Санѣ становилось неловко отъ вопросовъ Теркина. Онъ это сейчасъ же замѣтилъ.

— Александра Ивановна, вы не подумайте, что я васъ пытать хочу.

— Какъ пытать?

— Допрашивать, значитъ. Я по душѣ съ вами... вы видите. Одно я вамъ скажу: вашего папеньку я не обижу и не воспользуюсь его нуждой. Прошу васъ вѣрить, что я не паукъ, развѣсившій паутину надъ всѣми вашими угодьями.

Зачѣмъ онъ это говорилъ? Послушай его кто-нибудь изъ довѣрителей—членовъ компаніи—про него сказали бы, что онъ способенъ размякнуть около каждой юбки, удариться въ чувствительность передъ смазливой барышней, только бы она его сочла благороднѣйшей души мужчиной...

Пускай!.. Ему жаль эту дѣвочку больше, чѣмъ ея отца. Его положеніемъ онъ не воспользуется съ бездушіемъ кулака, но и не имѣетъ къ нему ничего, кромѣ брезгливо-презрительнаго чувства за всю эту землевладѣльческую безтолочь и безпутство.

— Насъ ждутъ къ чаю,—напомнила Саня и встала.

Она все еще была смущена. Почему же она не защитила Николая Никанорыча? Вѣдь онъ ей нравится, она близка съ нимъ. Такія „вольности“ позволяютъ только жениху. А сегодня онъ ей точно совсѣмъ чужой. Почему же такой хорошій человѣкъ, какъ этотъ Василій Иванычъ, и вдругъ заговорилъ о немъ въ такомъ тонѣ? Не спроста же? Или догадывается, что между ними есть уже близость, и ревнуетъ? Всѣ мужчины ревнивы. Вотъ глупости! Съ ка-

кой стати будетъ онъ входить въ ея сердечныя дѣла?..

— Пожалуйте!..

Теркинъ предложилъ ей руку. Саня не ожидала этого, и настроеніе ея быстро измѣнилось. Ей такъ вдругъ сдѣлалось тепло и весело подъ бокомъ этого рослаго и красиваго человѣка. Онъ, конечно, желаетъ ей добра, и если бы они хоть чуточку были подольше знакомы, она бы все ему разсказала и стала бы обо всемъ совѣтоваться.

Они проходили мимо куста сирени. На макушкѣ только что зацвѣли двѣ-три кисти. Сирень была бѣлая.

— Ахъ, я и не видала нынче! Василій Иванычъ, вы большой,—достаньте мнѣ вонъ ту кисть, самую верхнюю.

— Извольте!..

— Чудо какъ пахнетъ!

Своей крошечной ручкой она поднесла ему кисть къ носу. Его потянуло поцѣловать пальчики, но онъ удержался.

— Чудесно!—отозвался онъ.—И какъ жаль, что такой садъ въ забросѣ. Вы что же, барышня, не занимаетесь цвѣтами?

— Я?.. Не умѣю.

— А научить некому?

— Некому.

— Въ большое равнодушіе впали господа къ своимъ угодьямъ.

Саня промолчала.

— Василій Иванычъ! у васъ хорошіе глаза?

— Ничего! Не пожалуюсь.

— Пожалуйста! Вотъ въ этой кисти... Поищите мнѣ цвѣтокъ въ пять лепестковъ.

— А вы загадали, поди?

— Да!..

Теркинъ тихо разсмѣялся и началъ искать. Саня слѣдила глазами. Она загадала: „дурной человѣкъ Николай Никанорычъ или нѣтъ“; если дурной—выищется цвѣтокъ въ пять лепестковъ.

— Извольте!

— Нѣтъ, не можетъ быть?..

— Смотрите.

Лепестковъ было пять.

— Ахъ!—почти вскрикнула Саня, и румянецъ залилъ ее даже за уши.—Идемте. Насъ ждутъ!..

XX.

Карликъ Чурилинъ, стоя у дверей, спросилъ:

— Ничего еще не прикажете?

— Ступай!.. Завтра разбудить меня въ шесть часовъ.

— А господина Хрящева?

— Его не нужно. Онъ рано просыпается.

— Покойной ночи.

Комната была просторная, въ три окна, выходившихъ въ садикъ прямо изъ передней, гдѣ на „ларѣ" постлали Чурилину. Внизу же ночевалъ и Хрящевъ. Въ мезонинѣ флигеля жилъ Первачъ.

Теркинъ оглядѣлъ стѣны, мебель съ ситцевой обивкой, картину надъ диваномъ и свою постель, съ тонкимъ свѣжимъ бѣльемъ. На ночномъ столикѣ поставили графинъ и стаканъ. Пахло какими-то травами. За постелью дверь вела въ комнату, гдѣ ему послышались мягкіе шаги.

— Антонъ Пантелеичъ?.. Вы тутъ?—окликнулъ онъ.

Ему никто не отвѣтилъ. Но дверь скрипнула, и просунулась голова въ ночномъ чепцѣ.

— Чего не угодно ли?

Голосъ былъ еще не старый. Въ просторной комнатѣ отъ одной свѣчи было темновато. Лица онъ сразу не могъ разсмотрѣть.

Но тотчасъ же сообразилъ, что это, должно-быть, ключница или нянька.

— Войдите, войдите, матушка! — пригласилъ онъ ее очень ласково.

Вошла старушка, съ бодрымъ, немного строгимъ лицомъ, въ кацавейкѣ, небольшого роста, видомъ не старая дворовая, а какъ будто изъ другого званія. Чепецъ скрывалъ волосы. Темные глаза смотрѣли пытливо.

— Мы съ вами сосѣди?

— Такъ точно. Я вотъ тутъ. Только вы не извольте безпокоиться. Меня не слышно. А, можетъ, чего вамъ не угодно ли на ночь? Кваску или питья какого?

— Спасибо! У меня такихъ привычекъ нѣтъ.

Спать ему не хотѣлось. Онъ посадилъ ее рядомъ съ собою на диванъ.

— Утромъ рано изволите просыпаться? У насъ господа—поздно. Кофею угодно или чаю?

— Чайку соблаговолите.

— Очень хорошо.

Тонъ у нея былъ особенный—вѣжливый, безъ подобострастія или наянливости.

— Вы не нянюшка ли барышни, Александры Ивановны?—спросилъ Теркинъ и пододвинулся къ ней.

— Выняньчила, сударь, и не ее одну, а и маменьку ихъ.

Губы ея, уже безцвѣтныя, чуть-чуть вздрогнули.

— Славная барышня!

— Понравилась вамъ? Совсѣмъ еще малолѣтняя... Не по лѣтамъ, а по разуму. Ее-то бы и надо всѣмъ поддержать и наставить, а вмѣсто того...

Она не договорила.

Въ ея голосѣ заслышалась горечь.

— Вы меня не осудите, батюшка, — начала она полушопотомъ и оглянулась на дверь въ переднюю.—Я вѣдь день-деньской сижу вотъ здѣсь, во флигелѣ. И Саню-то не вижу по цѣлымъ недѣлямъ—въ кои-то вѣки забѣжитъ. Чуть не такъ скажешь — сейчасъ: „ахъ, няня, ты ворчунья!“ А у меня душа изныла. Васъ имѣю удовольствіе видѣть въ первый разъ и, почему-то, заключаю, что вы—человѣкъ благородный.

Эти выраженія показались Теркину странными.

— Вы, матушка, изъ старыхъ дворовыхъ?

— Нѣтъ, сударь,—почти обидчиво отвѣтила Ѳедосеевна.—Я никогда въ рабскомъ званіи не состояла. Къ родителямъ Санечкиной маменьки я поступила въ нянюшки по найму. Папенька мой служилъ писцомъ въ ратушѣ, умеръ, насъ семь человѣкъ было.

— А-а,—протянулъ Теркинъ,—понимаю. Къ питомицѣ вашей привязались, потомъ и дочь ея выняньчили?

— Такъ точно. Позвольте ваше... имени и отчества вашего не имѣю чести знать.

— Василій Иванычъ.

— Дошло и до меня, Василій Иванычъ, что вы покупаете всю вотчину.

— Пока еще объ одной лѣсной дачѣ идутъ переговоры.

— Все, все хотятъ они спустить, — она кивнула головой туда, гдѣ стоялъ большой домъ:—сначала это имѣніе, а потомъ и то, дальнее. Старшая сестрица отберетъ все у братца своего, дочь доведетъ до распутства и выгонитъ... иди на всѣ четыре стороны. Вы—благородный человѣкъ, меня не выдадите. Есть во мнѣ такое чувство, что вы, Василій Иванычъ, сюда не зря угодили. Это перстъ

Божій! А коли нѣтъ, такъ все пропадомъ-пропадетъ, и Саня моя сгинетъ.

Черезъ полчаса онъ уже узналъ про мать Сани, про „ехидну-горбунью“, про ея злобу и клевету, про то, какъ Саню тетка Марѳа пріучаетъ къ наливкѣ и сводитъ „съ межевымъ“, по наущенью той же горбуньи. Мавра Ѳедосеевна клялась, что ея барыня никогда мужу своему не измѣняла, и что Саня — настоящая дочь Ивана Захарыча.

— Каждое послѣ-обѣда, батюшка, толстуха угощаетъ ихъ съ тѣмъ прохвостомъ,—она такъ звала Первача,—и когда онъ ее загубитъ, ехидна-то и укажетъ братцу—вотъ, молъ, въ мать пошла, такая же развратница; либо выдастъ за этого межевого, — они вмѣстѣ обводятъ Ивана Захарыча. Да и не женится онъ. Не къ тому дѣло идетъ. Къ одному сраму!..

— А сама Александра Ивановна,—спросилъ Теркинъ,— онъ ей приглянулся, нѣшто?

— И-и, сударь, вѣдь она еще совсѣмъ птица.

— Птица!—повторилъ онъ съ тихимъ смѣхомъ.

— Поетъ, прыгаетъ... кровь-то, извѣстное дѣло, играетъ въ ней. Кто первый подвернется... Я, небось, вижу отъ себя, изъ своей каморки... что ни день—онѣ ее толкаютъ и толкаютъ въ самую-то хлябь. И все прахомъ пойдетъ. Горбунья и братца-то по міру пуститъ, только бы ей властвовать. А у него, у Ивана-то Захарыча, голова-то, сами, чай, изволите видѣть, не больно большой умственности.

„Что же я-то могу сдѣлать?“ — подвертывался ему вопросъ, но онъ его не выговорилъ. Ему стало жаль эту милую Саню, съ ея ручками и голоскомъ, съ ея тономъ и простодушіемъ и какой-то особенной безпомощностью.

— Простите меня, Василій Иванычъ, почивать вамъ мѣшаю. Можетъ, Господь васъ послалъ намъ какъ ангела-избавителя. Чуетъ мое сердце: ежели благородный человѣкъ не вступится—все пропадетъ-пропадомъ. Думала я къ предводителю обратиться. Да у насъ и предводитель-то какой!.. Слезно васъ прошу... Покойница на моихъ рукахъ скончалась. Чуяла она, каково будетъ ея дѣтищу... Въ ножки вамъ поклонюсь...

Мавра Ѳедосеевна привстала съ дивана и хотѣла опу-

ститься на колѣни. Теркинъ удержалъ ее за обѣ руки и потомъ потрепалъ по плечу.

— Спасибо за довѣріе. Жаль барышню! Этого ловкача межевого можно сократить. Я еще побуду у васъ...

— Не осудите меня, простите за безпокойство.

Онъ проводилъ ее до двери и сказалъ вслѣдъ:

— Покойной ночи! Еще разъ спасибо!

Въ постели онъ лежалъ съ открытыми глазами, потушилъ свѣчу и не могъ сразу заснуть, хоть и много ходилъ за цѣлый день.

„Ангелъ-избавитель!" — повторилъ онъ, улыбаясь въ темнотѣ. Онъ—скупщикъ угодій, хищникъ на взглядъ всякаго бывалаго человѣка!

Ѳедосеевна говорила правду. Эта горбунья—въ такомъ именно вкусѣ, да и та чувственная толстуха. Первача онъ подозрѣвалъ въ сильной жуликоватости. Отецъ—важное ничтожество... Если милая дѣвушка дѣйствительно жертва злобности этой ехидной тетки, отчего же и не спасти ее?

Но какъ?

Правду говорилъ онъ Санѣ про судьбу. Что она выдѣлываетъ? Васька Теркинъ, крестьянскій мальчишка, лазившій на колокольню, безумно мечталъ о томъ, какое счастье было бы обладать усадьбой и паркомъ на томъ берегу Волги, и можетъ купить теперь и то, и другое, въ придачу къ лѣсной дачѣ.

Почему же нѣтъ? Компанія одобритъ всякое его дѣйствіе. Въ три-четыре года онъ съ ней сквитается. Паркъ—его, домъ—его. Но неужели онъ въ этакомъ домѣ поселится одинъ?

На этомъ вопросѣ онъ заснулъ.

XXI.

Утро занялось мягкое, немножко влажное; дымка—розовато-голубая — лежала надъ Заволжьемъ. Въ паркѣ на ядреныхъ дубкахъ серебрились звѣздочки росы.

Всѣ еще спали, когда Антонъ Пантелеичъ Хрящевъ вошелъ въ аллею липъ и замедленнымъ шагомъ приближался къ площадкѣ со скамьей, откуда видъ на село Заводное былъ лучше всего.

Онъ тихо улыбался, посматривалъ во всѣ стороны, любуясь блестящей листвой дубовъ и кленовъ по склонамъ ближайшей балки, спускавшейся къ рѣкѣ. Низкая поросль

орѣшника окутывала тамъ и сямъ стволы крупныхъ деревьевъ, и бѣлая кора рѣдкихъ березъ выдѣлялась на зеленѣющихъ откосахъ.

— Будетъ вёдро!—шопотомъ выговорилъ онъ.

У него была привычка, когда онъ оставался одинъ, произносить вслухъ свои мысли.

Отъ деревьевъ шли чуть замѣтныя тѣни, и въ воздухѣ роились насѣкомыя. Чириканье и перепѣвы птицъ неслись изъ разныхъ угловъ парка. Пахло ландышемъ и цвѣтомъ черемухи. Все въ этомъ году распустилось и зацвѣло разомъ и раньше. Его сердце лѣсовода радовалось. Для него не было лучшихъ часовъ, какъ утренніе въ хорошую погоду, или ночью, въ чащѣ „заказника", вдоль узкой просѣки, гдѣ звѣзды смотрятъ сверху въ щель между вершинами вѣковыхъ сосенъ.

И садоводство онъ любилъ, хотя и не выдавалъ себя за ученаго садовника. Его привлекали больше фруктовыя деревья, прививка, уходъ за породами, перенесенными съ юга. Бывало, если ему удавалось, хоть въ видѣ кустика, вывести какое-нибудь южное деревцо, онъ холилъ его какъ родное дитя и самъ говаривалъ, что носится съ нимъ „ровно дурень съ писаной торбой".

Въ этомъ паркѣ онъ находилъ растительность богаче, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по „градусу широты", — Антонъ Пантелеичъ придерживался научныхъ терминовъ,—и объяснялъ такое богатство удачнымъ положеніемъ. Балки, круто поднимавшіяся къ усадьбѣ, защищали низины парка, обращеннаго на юго-западъ поворотомъ рѣки.

Въ тѣни дубовъ ему стало еще радостнѣе. Вчера онъ засыпалъ въ тревожномъ настроеніи. Ему предстоялъ разговоръ съ Василіемъ Иванычемъ, крайне ему непріятный, противный его натурѣ, отзывающійся желаніемъ выслужиться, выставить на показъ свою честность и неподкупность, а между тѣмъ онъ не можетъ молчать.

Мысли его пошли все-таки въ другую сторону. Все обойдется къ лучшему. Съ такимъ человѣкомъ, какъ Василій Иванычъ, знаешь, что дѣло будетъ спориться, — и дѣло крупное, хорошее дѣло.

Къ Теркину онъ быстро сталъ привязываться. Не очень онъ долюбливалъ нынѣшнихъ „самодѣльныхъ людей", выскочившихъ изъ простого званія, считалъ многимъ хуже самыхъ плохихъ господъ, любилъ прилагать къ нимъ раз-

ныя прозванія, вычитанныя въ журналахъ и газетахъ. Но этотъ хоть и дѣлецъ, онъ ему вѣритъ: они съ нимъ схожи въ мысляхъ и мечтаніяхъ. Этому дороги родная земля, Волга, лѣсъ; въ компаніи, гдѣ онъ главный воротила, есть идея.

Хрящевъ вернулся снизу въ цвѣтникъ и присѣлъ на скамейку, откуда ему видна была калитка отъ флигеля. Уходя, онъ сказалъ Чурилину, чтобы тотъ прибѣжалъ сказать ему, когда Василій Иванычъ одѣнется и спроситъ чаю. Тарантасъ онъ самъ приказалъ закладывать. Они должны были до завтрака съѣздить вдвоемъ безъ Первача осмотрѣть дачу.

Объясненіе необходимо, и всего лучше бы переговорить здѣсь. Авось, Василій Иванычъ захочетъ заглянуть въ паркъ. За чаемъ было бы неудобно. Или тотъ ловкачъ спустится сверху, пожалуй, и подслушаетъ подъ окнами. Такіе на все способны.

Опять мысли Антона Пантелеича поползли въ другую, болѣе пріятную сторону. Онъ смотрѣлъ на домъ, на забитыя окна второго этажа, на размѣры всего зданія, и его голова заиграла на новую мысль, тутъ же освѣтившую его.

— Да, да, въ этомъ—идея!.. — полугромко выговорили его немного пухлыя губы.

И самъ Василій Иванычъ какъ будто желаетъ пріобрѣсти и усадьбу изъ-за парка, который ему очень нравится. Не для себя же одного? Онъ холостъ. А можетъ, жениться надумалъ. Да, наконецъ, одно другому не мѣшаетъ, даже очень подходитъ одна комбинація къ другой.

— Славная идея!—погромче выговорилъ онъ и застыдился.

Нельзя же такъ хвалить собственную мысль. Предложить ее можно. Такой человѣкъ, какъ Теркинъ, не обидится, не скажетъ: „Куда, молъ, ты лѣзешь сейчасъ съ собственными прожектами, у меня и своя голова есть на плечахъ“.

Ему не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ началъ прохаживаться мимо клумбъ по одной изъ аллей четырехугольника и, отъ чувства душевнаго довольства, потиралъ безпрестанно руки.

Голова еще ярче заработала. Какой чудесный питомникъ можно развести въ паркѣ! Запущенный цвѣтникъ представлялся его воображенію весь въ клумбахъ, съ ря-

дами фруктовыхъ деревьевъ, съ роскошными отдѣленіями чисто русскихъ насажденій, съ грядами ягодъ и шпалерами ягодныхъ кустовъ. А тамъ на дворѣ сколько уставится еще строеній!

Щеки Антона Пантелеича розовѣли, и глазки то игриво, то задумчиво озирались вокругъ.

Онъ повернулъ голову къ калиткѣ и увидалъ рослую фигуру Теркина въ чесучовой парѣ и соломенной шляпѣ. Тотъ шелъ къ нему навстрѣчу. Это его еще болѣе настроило на возбужденно-радостную ноту.

„Сначала о ловкачѣ!“—рѣшительно подумалъ онъ, снялъ шляпу и поспѣшилъ навстрѣчу своего „нáбольшаго“, такъ онъ уже про себя звалъ Теркина.

— Съ добрымъ утромъ, Василій Иванычъ! Благодать-то какая!

Тотъ подалъ ему руку, ласково взглянулъ на него и спросилъ:

— Небось, душа ваша радуется, господинъ созерцатель?

— Именно!.. Не угодно ли вонъ туда въ бесѣдку, взглянуть на Заволжье сквозь розовую дымку? Или, быть-можетъ, чай кушать желаете, Василій Иванычъ?

— Чай подождетъ. Пойдемте.

— Только не обезсудьте меня за то, что долженъ сейчасъ же довести до вашего свѣдѣнія... нѣчто, не отвѣчающее откровеніямъ благодатной природы...

— Погодите, погодите!—прервалъ Теркинъ.—Экой вы какой рьяный! Все дѣла да дѣла!.. Дайте хоть немножко полѣниться... на холодкѣ.

— Извините, извините, Василій Иванычъ, за это предувѣдомленіе. И я самъ здѣсь замечтался. Чудесное мѣсто! На паркъ этотъ не наглядишься. И въ такомъ все забросѣ...

— И не говорите!..

Теркинъ ускорилъ шагъ по дорогѣ, вдыхая въ себя громко струю затеплѣвшаго воздуха съ его благоуханіемъ.

— И что за духъ!

— Превосходный!.. Ландышъ!.. Майскій цвѣтъ... И у нѣмцевъ, кажется, такъ называется. Нѣтъ лѣсного цвѣтка краше и стыдливѣе...

— Антонъ Пантелеичъ! Да вы—поэтъ!

— Какъ-съ?

— Поэтъ, говорю. Душа у васъ съ полетомъ и съ чувствомъ... какъ бы это сказать...

— Естества!.. Безконечной жизни естества, Василій Иванычъ, это точно.

Они подошли къ обрыву. Теркинъ сдѣлалъ два шага къ самому краю, сложилъ руки на груди и долго смотрѣлъ на рѣку, на Заволжье, на бѣлыя колокольни села Заводнаго.

Въ груди у него точно что̀ вздрагивало. На такомъ душевномъ подъемѣ онъ еще не помнилъ себя. Вчерашній разговоръ съ Маврой Ѳедосеевной весь припомнился ему. Какъ все это чудно̀ выходило!.. Голова Сани всплыла передъ нимъ, ея коса, ручки, выраженіе глазъ, станъ... И голосокъ какъ будто зазвучалъ... Жалко ему стало этой дѣвчурки, и какое-то новое чувство великодушнаго покровительства шевельнулось въ немъ. Она же и законная наслѣдница этой усадьбы, ее же обходитъ этотъ таксаторъ, а тетки развращаютъ. Точно все въ сказкѣ,—и онъ явился тутъ, какъ богатырь, спасать царь-дѣвицу, подскочить до двѣнадцатаго вѣнца ея терема.

Да и нужны ли такія усилія? Не приводитъ ли его судьба къ болѣе простому и достижимому?

Онъ продолжительно задумался.

XXII.

— Вотъ какое обстоятельство, Василій Иванычъ...

Хрящевъ присѣлъ на кончикъ скамьи и раза два потеръ руки, но уже не такъ, какъ онъ это дѣлалъ, когда размечтался полчаса передъ тѣмъ.

— Что-нибудь, небось, насчетъ того... шустраго франта?

Теркинъ кивнулъ головой въ сторону флигеля.

— Сколь вы проницательны! Такъ точно!

— Ну, и что жъ?

Лицо Теркина приняло сейчасъ дѣловое выраженіе.

— Онъ... какъ бы это сказать...

— Подъѣзжалъ къ вамъ? Посулы дѣлалъ?

— Въ такомъ именно смыслѣ повелъ рѣчь. И я немножко притворился, Василій Иванычъ, что несовсѣмъ его понимаю... Ему оченно хочется попасть на службу компаніи.

— Еще бы!

— Меня, грѣшнаго, началъ пытать... знаете... на ны-

пѣшній фасонъ... все отборными словами и такъ... неглижѐ съ отвагой!..

— Какъ?

— Неглижѐ съ отвагой! Это моя супружница употребляла такой оборотъ... Отъ семинаровъ наслышалась, отъ братьевъ и свойственниковъ.

— Что же вы ему на это сказали, Антонъ Пантелеичъ?

— Я все помалчивалъ... Пускай, молъ, выскажется до самаго дна. Да почему и не предположить, что такая величина, какъ я, польстится на то, чтобы вступить въ союзъ съ господиномъ таксаторомъ... Ни больше, ни меньше, какъ всѣхъ мы должны провести и вывести — Низовьева, Черносошнаго, васъ, Василій Иванычъ, и — въ лицѣ вашемъ—всю компанію.

Встрѣтивъ взглядъ Теркина, острый и ясный, Хрящевъ повелъ головой и немного смущенно продолжалъ:

— Мое положеніе весьма въ эту минуту не авантажно, Василій Иванычъ, хотя бы и передъ такимъ человѣкомъ, какъ вы... Уподобляюсь Гоголевскому Землянику...

— Да я-то не Хлестаковъ, Антонъ Пантелеичъ. Иначе вамъ и поступить было нельзя.

— Точно я этимъ совсѣмъ выслуживаюсь или прошу награды... въ родѣ какъ за нахожденіе потеряннаго бумажника.

— Это вы напрасно!.. Первачъ—жуликъ, и его надо сейчасъ же устранить. За это берусь я!

— Извѣстное дѣло, онъ будетъ запираться.

— Нѐшто я прямо такъ и бухну? Или на очную ставку васъ обоихъ? Не младенецъ малый... Я и самъ его доведу до точки... Будьте покойны.

Глаза Теркина блеснули.

— Чего же лучше, Василій Иванычъ, ежели вы сами уже опредѣлили этого молодца. Онъ не расчелъ. Принялъ меня за ваше довѣренное лицо, только надѣвшее на себя скромную личину.

— Да онъ врядъ ли и ошибся, Антонъ Пантелеичъ.

— Въ чемъ-съ?

— Вы хоть и безъ году недѣлю на нашей службѣ, но я вамъ довѣряю и говорю это прямо.

Ему пріятно было обласкать Хрящева. Обыкновенно онъ съ подчиненными, на первыхъ порахъ, держалъ себя насторожѣ.

— Не раненько ли, Василій Иванычъ?

Краска заиграла на полныхъ щекахъ Хрящева. Глазки его радостно и смущенно оглянули Теркина.

— Остальное уже отъ васъ будетъ зависѣть, Антонъ Пантелеичъ. Дѣла много и дѣло большое.

— Святое дѣло!—со вздохомъ вырвалось у Хрящева.— И вотъ вы меня такъ не по заслугамъ поощряете... Я вамъ сейчасъ же покаюсь въ продерзостныхъ мечтаніяхъ.

— Кайтесь... Послушаемъ.

— Боюсь задержать.

— Чаю наскоро напьемся. Еще рано. Папироски не хотите?

— Не употребляю.

— Говорите, говорите!

— Пришла мнѣ... хе-хе... идея передъ вашимъ приходомъ.

— Давайте, давайте вашу идею! Безъ идей нельзя. Безъ идей только закоренѣлость одна да кулачество.

— Вашими бы устами, Василій Иванычъ... Очень ужъ я прельщенъ этимъ паркомъ. И вамъ онъ, кажется, больно по душѣ пришелся. Положеніе его вмѣстѣ съ усадьбой — такое для лѣсной мѣстности, что другого такого и не найдешь, пожалуй, во всемъ приволжскомъ краѣ.

— Вѣрно! — крикнулъ Теркинъ, но тотчасъ подумалъ: „ужъ и этотъ не ловчакъ ли,—пробирается въ мою душу, учуялъ: чего мнѣ самому хочется?..“

— Лѣсная дача господина Черносошнаго хорошаго качества, спору нѣтъ. А пріобрѣтать ее безъ усадьбы и этихъ береговыхъ насажденій какъ бы обидно.

Теркинъ сбоку взглянулъ на него.

— Вы что же это—у меня въ головѣ подглядѣли, Антонъ Пантелеичъ?

— Слѣдственно и вамъ приходилъ уже замыселъ насчетъ и усадьбы?

— И весьма!

Про свои дѣтскія мечты на колокольнѣ села Заводнаго онъ не сталъ ему разсказывать.

— Тѣмъ болѣе лестно мнѣ будетъ, Василій Иванычъ, изложить вамъ мою идею. Сколько я васъ разумѣю, вы не станете изъ своей только корысти или суетныхъ поползновеній пріобрѣтать барское имѣніе...

— Однако,—перебилъ его Теркинъ и сдѣлалъ широкій жестъ лѣвой рукой:—пріятно стать на мѣсто неумѣлыхъ. выродившихся вотчинниковъ, особливо мужичьему пріемышу, какъ я.

Про то, что Теркинъ мужичій пріемышъ, Хрящевъ слышалъ впервые; но это его не озадачило.

— Хотя бы и такъ,—выговорилъ онъ.—Пріятно, слова нѣтъ; но общее дѣло еще выше... Вотъ я сейчасъ и размечтался, ходя по той аллеѣ. Василію, молъ, Иванычу ничего не будетъ стоить: побудить компанію вмѣстѣ съ дачей пріобрѣсти и усадьбу съ паркомъ, сдѣлать изъ нея центральный пунктъ всего приволжскаго лѣсного промысла и хозяйства компаніи и вмѣстѣ — заложить здѣсь фундаментъ для распространенія здравыхъ познаній по лѣсоводству и уходу за всѣми видами строительныхъ и фруктовыхъ деревьевъ... Поглядите на домъ... Одинъ этажъ прямо просится подъ школу. А паркъ, а цвѣтникъ! Какіе богатые питомники можно устроить! Какой образцовый фруктовый садъ! Что твой Горыгорѣцкъ! Что твое Лисинское лѣсничество!.. Вы такой ревнитель отечественныхъ богатствъ, Василій Иванычъ! Вамъ бы сдѣлать изъ этой усадьбы свое лѣтнее пребываніе и центръ управленія всѣми приволжскими дачами. Отсюда поведете вы походъ противъ хищенія и лѣсоистребленія, противъ кулаческаго разгрома и помѣщичьяго недомыслія. Вѣдь такъ я говорю? Школа не Богъ знаетъ чего будетъ стоить обществу; а какое добро! Сколько она выпуститъ вотъ такихъ же, какъ я, грѣшный, немудрыхъ практиковъ, не великой учености, однако съ великимъ уваженіемъ къ наукѣ, къ бережному уходу за такимъ народнымъ сокровищемъ, какъ лѣсъ, безъ котораго и Волга совсѣмъ изсякнетъ, особливо въ верховьяхъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, голосъ Хрящева дѣлался менѣе сладкимъ, зазвучали другія ноты. Нѣсколько разъ онъ даже вскидывалъ руками.

Слушая его, Теркинъ курилъ и не поднималъ на него глазъ. Прежде—года два назадъ—онъ бы его оборвалъ, ему стало бы досадно, что вотъ такой простецъ, служащій подъ его началомъ, въ мелкомъ званіи, и вдругъ точно подслушалъ и укралъ у него мысль, назрѣвавшую въ немъ именно теперь, и далъ ей гораздо бо̀льшую ширь; задумалъ такое хорошее, исполнимое дѣло.

— Антонъ Пантелеичъ!—выговорилъ онъ послѣ тирады

Хрящева и приласкалъ его взглядомъ.—Нужды нѣтъ, что вы у меня ровно восхитили... если не всю идею, то начало ея... Но вашъ планъ выше моего. Я, быть-можетъ, и пришелъ бы къ тому же, но первый толчокъ былъ скорѣе личный.

— Всѣ дороги въ Римъ ведутъ, Василій Иванычъ. Зачѣмъ же и отъ своей личности отказываться?.. Прямой поводъ сочетать свое имя съ такимъ дѣломъ. Вашимъ именемъ и назовете этотъ разсадникъ разумнаго и благого лѣсоводства и лѣсного промысла... У васъ найдутся весьма именитые предшественники... Я самъ не бывалъ, но доподлинно знаю: на сѣверо-востокѣ... фамилія Строгановыхъ въ родѣ этого устроила нѣчто... еще въ началѣ вѣка, а то и въ концѣ прошлаго... боюсь соврать. Къ нѣмцамъ учиться посылали на свой счетъ и вывели нѣсколько поколѣній лѣсоводовъ. А именитые-то люди откуда были родомъ? Изъ гостей... Слѣдственно, изъ простого званія... Закваска-то оставалась дѣловитая и на пользу краю. Нынче и подавно всякому можетъ быть данъ ходъ, у кого вотъ здѣсь, да вотъ тутъ не пустуетъ.

Онъ приложилъ руку ко лбу и къ лѣвой половинѣ груди.

Теркинъ тихо разсмѣялся.

— Правильно, Антонъ Пантелеичъ, правильно. Идея богатая, только надо ее позолотить господамъ компанейцамъ, чтобы не сразу огорошить непроизводительнымъ расходомъ... Я вамъ, такъ и быть, признаюсь: хочется мнѣ больно за собой усадьбу съ паркомъ оставить, войти съ компаніей въ особое соглашеніе.

— И того лучше! Вы не зароете таланта своего!.. А какое бы житье по лѣтамъ... Особливо если бъ Богъ благословилъ семьей... Вѣдь отъ васъ—ухъ, какіе пойдутъ... битки!

— Битки!.. И вы это слово знаете! Меня такъ въ гимназіи звали.

— Помяните мое слово... битки пойдутъ.

Оба разсмѣялись и разомъ поднялись.

— А теперь чайку — да и въ лѣсъ! — скомандовалъ Теркинъ.

XXIII.

Въ комнатѣ Марѳы Захаровны угощеніе шло обычнымъ порядкомъ. Къ обѣду покупщикъ не пріѣхалъ, а обѣдъ

былъ заказанъ особенный. Иванъ Захарычъ и Павла Захаровна волновались. Неспокойно себя чувствовалъ и Первачъ, и у всѣхъ явилось сомнѣніе: не проѣхалъ ли Теркинъ прямо въ городъ. Цѣлый день въ два пріема осматривалъ онъ съ своимъ „приказчикомъ“ дальній край лѣсной дачи, утромъ уѣхали спозаранку и послѣ завтрака тоже исчезли, не взявъ съ собою таксатора.

И въ Саню забрело безпокойство. Она принарядилась особенно и ждала новаго разговора съ Теркинымъ. Первачъ сидѣлъ съ ней рядомъ и хотѣлъ-было начать прежній маневръ; она отставила ногу и сейчасъ же отвернула голову въ другую сторону. Къ концу обѣда, когда пошли тревожные разговоры насчетъ лѣса и Первачъ началъ дѣлать намеки на то, что Теркинъ хочетъ „перетонить“ и надо имѣть съ нимъ „ухо востро̀“, ей сначала стало обидно за Василія Иваныча, потомъ она и сама подумала: „Кто его знаетъ, можетъ, онъ только прикидывается такимъ добрымъ и сердечнымъ, а проведетъ кого угодно, даже Николая Никанорыча, не то что ее, дурочку“.

И у тетки Марѳы она стала съ Первачомъ ласковѣе, позволила пожать себѣ руку подъ краемъ стола, много ѣла лакомствъ и чокалась съ нимъ уже два раза наливкой.

— Марѳа Захаровна! — окликнулъ Первачъ толстуху, сидѣвшую на диванѣ, съ соловѣющими глазами и съ папиросой,—она иногда курила,—а вѣдь Александрѣ Ивановнѣ взгрустнулось за обѣдомъ; господина Теркина поджидала.

И онъ подмигнулъ въ сторону Сани. Та зардѣлась и нахмурила брови.

— Ничуть, ничуть!

— Да я вамъ говорю, что да.

— А я вамъ говорю, что нѣтъ.

Саня ударила даже кулачкомъ по краю стола.

— Ну, чего вы спорите, дѣти!—остановила ихъ тетка,—милые бранятся—только тѣшатся!.. Саня, кушай наливку! Хочешь еще полрюмочки?

— Тетя... дайте мнѣ покурить.

— Захотѣлось?

— Забыть свое горе желаетъ,—ввернулъ Первачъ.

— Ахъ, какой вы гадкій!.. Хотѣла выпить за ваше здоровье, и не выпью...

— Ну, ну, чокнитесь!—подсказала тетка.

— Саня и Первачъ чокнулись. Она, съ надутыми еще губками, улыбалась ему глазами и потянула изъ рюмки густую темнокрасную вишневку.

— Спойте „Пловцовъ“!—пристала Марѳа Захаровна.

— Ахъ, тетя, все „Пловцовъ“?.. Что-нибудь другое. Это старина такая!

— Нужды нѣтъ!.. Какіе стихи!..

Рѣка шумитъ,
Рѣка реветъ...

— Извольте пѣть!—скомандовалъ Первачъ.

Марѳа Захаровна взяла гитару, и они запѣли втроемъ.

— Ахъ!..

Саня ахнула и вскочила съ мѣста.

Вошелъ Теркинъ. Онъ остановился въ дверяхъ и развелъ руками.

— Веселая компанія! Желаю добраго здоровья.

— Василій Иванычъ! Какая неожиданность!

Первачъ шумно отодвинулъ свое кресло и подбѣжалъ къ нему. Марѳа Захаровна начала застегивать верхнія пуговки капота.

— Извините, пожалуйста! — залепетала она: — мы подомашнему.

— Пожалуйста не стѣсняйтесь!.. Позвольте мнѣ присѣсть, вотъ къ Александрѣ Ивановнѣ.

Онъ казался очень возбужденнымъ, и тонъ его ободрилъ и толстуху, и таксатора. Саня протягивала ему руку, все еще не овладѣвъ своимъ смущеніемъ. Ей вдругъ сталс совѣстно рюмки съ наливкой, стоявшей передъ ея мѣстомъ. Она посторонилась. Теркинъ поставилъ стулъ между нею и Первачомъ.

— Марѳа Захаровна!—весело окликнулъ онъ,—вы и на гитарѣ изволите? Я тоже...

— Скажите, пожалуйста! Какъ это пріятно! Но позвольте, не угодно ли вамъ... чего-нибудь? Или вы еще не кушали? Такъ я сейчасъ распоряжусь.

— Благодарю... Мы съ Хрящевымъ попали въ пчелйнцу... И закусили тамъ. Пâпушникъ нашелся... и медомъ онъ насъ угостилъ... Но рюмку наливочки позвольте.

Всѣ засуетились. Принесли рюмокъ и еще бутылку наливки сливянки. Теркинъ попросилъ гитару у Марѳы Захаровны, зâново настроилъ ее, началъ разспрашивать, какіе они поютъ романсы.

Тетка, съ пылающими щеками, захмелѣвшимъ взглядомъ

широко разрѣзанныхъ глазъ, улыбалась Теркину и черезъ столъ чокалась съ нимъ.

— У Санечки голосокъ хорошій,—говорила она сладко и замедленнымъ звукомъ,—только она сейчасъ и застыдится.

— Хотите дуэтъ?—спросилъ онъ Саню.

— Да я, право, ничего не пою.

— Выдумываетъ. И у Николая Никанорыча пріятный голосъ.

— Тогда лучше ужъ хоромъ!

— Вотъ не знаете... чудесный романсъ, хоть и старинный... „Рѣка шумитъ"?

— Ахъ, тетя! Все то же!—вскричала Саня.

— Отчего же не это?—спросилъ Теркинъ.

— Видишь! Видишь!

Марѳа Захаровна разомъ задвигалась на своемъ диванѣ, и пуговки капота опять стали разстегиваться.

Гитара загудѣла подъ пальцами Теркина. Онъ наклонился къ Санѣ и тихо сказалъ ей:

— Что же вамъ со мной дичиться, Александра Ивановна? Я вѣдь вашъ другъ?.. Да?..

— Да...—выговорила Саня и больше ничего не могла сказать.

Присутствіе Первача безпокоило ее. И вообще ей показалось, что Василій Иванычъ дѣлаетъ все это „не въ самомъ дѣлѣ", какъ она говорила, а „нарочно". Онъ ее навѣрно осудитъ за эти послѣобѣденныя „посидѣлки". И Николай Никанорычъ сдѣлался ей вдругъ точно совсѣмъ чужой... Какъ бы хорошо было, если бъ онъ исчезъ!

— Что жъ! Давайте, господа! Разомъ!—крикнулъ Теркинъ:

Рѣка шумитъ,
Рѣка реветъ...

Всѣ подхватили. Первачъ пѣлъ, сдержанно усмѣхаясь; Марѳа Захаровна пускала свои бабьи визгливыя ноты; голосокъ Сани сливался съ голосомъ Теркина и задѣвалъ въ немъ все ту же струну жалости къ этому „бутузику". Онъ ее мысленно назвалъ такъ, глядя на ея щеки, носикъ, чолку, ручки... И онъ почуялъ, что она застыдилась.

Нянька не выдумывала. Вѣдь ее развращаютъ понемножку, и Первачъ, быть-можетъ, уже цѣлуется съ нею.

Цѣлуется; но врядъ ли пошло дальше. Ему почему-то стало больно отъ мысли, что бѣдная дѣвочка могла и

зарваться съ такимъ негодяемъ. Но онъ продолжалъ бить по струнамъ гитары, напускать на себя молодецкій видъ.

— Вы на всѣ руки!—сказалъ льстиво Первачъ, когда они допѣли первый куплетъ.—Маров Захаровна, позвольте предложить за здоровье Василія Ивановича!

Всѣ стали съ нимъ чокаться. Санѣ тетка налила полную рюмку. Она протянула ее къ Теркину, но сдѣлала маленькій глотокъ. До его прихода она уже выпила полныхъ двѣ рюмки, и щеки ея показывали это.

— Ваше здоровье!—тихо выговорила она.

Онъ еще разъ чокнулся съ нею и такъ же тихо, какъ и она, сказалъ:

— И за нашу дружбу!

Первачъ услыхалъ эти слова и вкось посмотрѣлъ па Саню изъ-за плеча Теркина.

„Ужъ не подстрѣлила ли она его?“—подумалъ онъ, но ревности никакой не ощутилъ.

Ему и это было бы на-руку. Если Теркинъ возьметъ его на службу компаніи, въ званіи главнаго таксатора, а Саня очутится директоршей,—и прекрасно! Онъ сумѣетъ закрѣпить за собою довѣріе мужа и жены.

Пропѣто было еще нѣсколько цыганскихъ пѣсенъ и романсъ Глинки: „Вы не придете вновь дней прежнихъ наслажденья...“ Теркинъ подпѣвалъ Санѣ на терціяхъ.

Рюмки наливки она такъ и не допила.

— За ваше здоровье!—предложилъ онъ ей.

— Нѣтъ, довольно.

Она взглянула на него стыдливо и кротко, встала и сказала Марѳѣ Захаровнѣ:

— Тетя! Душно! Хочется въ садъ. Василій Иванычъ! Вы не пойдете?

— Мы всѣ можемъ!—вмѣшался Первачъ.

— А вы забыли... папа просилъ васъ зайти къ нему... Онъ навѣрно проснулся. Тетя... вы посидите на диванѣ?.. А я не могу! Совсѣмъ задыхаюсь здѣсь.

Саня выбѣжала.

XXIV.

За нею потянулась и Марѳа Захаровна.

— Мы сейчасъ за вами! — крикнулъ вслѣдъ ей Теркинъ. — Мнѣ надо сказать два слова Николаю Никаноровичу.

Когда толстуха вышла изъ комнаты, онъ облокотился

локтемъ на столъ и пригласилъ таксатора подсѣсть къ себѣ.

— Не выпьемъ ли еще по рюмкѣ?—пригласилъ онъ.

— Съ удовольствіемъ.

Пододвигая свой стулъ, Первачъ возбужденно поглядѣлъ на него. Ему сдавалось, что „лѣсной тузъ“,—такъ онъ называлъ Теркина про себя,—хочетъ его „пощупать“. До сихъ поръ онъ избѣгалъ всякаго разговора съ-глазу-на-глазъ, а тутъ—самъ предложилъ, передъ тѣмъ какъ покончить съ Иваномъ Захарычемъ. Да и съ Низовьевымъ еще не дошло у него до окончательной сдѣлки.

Лицо у Теркина было особенно благодушно. Они чокнулись.

— Что же, господинъ таксаторъ, — началъ онъ шутливо,—вашей работой я доволенъ... и въ Низовьевскихъ дачахъ и здѣсь. Вы дѣло смыслите.

— Мнѣ чрезвычайно лестно, — началъ-было Первачъ, но Теркинъ перебилъ его.

— Только со мною надо во всемъ на чистоту... Вамъ, быть-можетъ, желательно бы было продолжать и дальнѣйшія работы, какія наша компанія будетъ производить въ своихъ лѣсныхъ угодьяхъ?

— О, весьма!

Восклицаніе вырвалось у Первача раньше, чѣмъ бы онъ самъ хотѣлъ, но устоять было трудно.

Въ глазахъ Теркина,—Первачъ былъ въ этомъ увѣренъ,—мелькнуло что-то, говорившее прямо: „любезный другъ, ты, прежде всего, долженъ самъ выказать готовность держать нашу руку...“

— По дачѣ Низовьева,—продолжалъ Теркинъ,—вы не были посредникомъ... Но въ вотчинѣ Ивана Захарыча...

— Позвольте, Василій Иванычъ, доложить вамъ,—перебилъ Первачъ: — что и въ дачѣ Низовьева есть цѣлое урочище, по которому самъ владѣлецъ еще не имѣетъ вполнѣ яснаго представленія о цѣнности этого участка. Онъ ждетъ окончательной оцѣнки отъ меня... Я уже не говорю о лѣсѣ Ивана Захарыча и усадьбѣ съ паркомъ, если бы вы пожелали пріобрѣсти ихъ... Безъ моего мнѣнія это дѣло не можетъ состояться.

Теркинъ одобрительно качнулъ головой.

— Другой бы на моемъ мѣстѣ заявилъ требованія... знаете, какъ нынче разные штукмахеры... Но я далекъ отъ всякаго нахальнаго куртажа... Не скрою отъ васъ и

того, — Первачъ оглянулся и сталъ говорить тише, — въ семействѣ Черносошныхъ съ этой продажей связаны разные интересы... И безъ моего совѣта, смѣю думать, ничего не состоится. Вся суть не въ старикѣ, главѣ семейства... а въ другой особѣ, и вы, можетъ-быть, догадываетесь—въ комъ именно.

— А-а?—вопросительно протянулъ Теркинъ.

— Въ такомъ смыслѣ я уже заводилъ рѣчь съ господиномъ Хрящевымъ.

— Заводили?—переспросилъ Теркинъ и прищурился.

— Я полагалъ, Василій Иванычъ, что онъ вашъ фактотумъ и вполнѣ довѣренное лицо... А между тѣмъ... онъ не больше какъ... въ родѣ нарядчика.

— Это невѣрно, Николай Никанорычъ. Хрящеву мы думаемъ поручить довольно отвѣтственное мѣсто.—Онъ человѣкъ большихъ практическихъ свѣдѣній.

— Не спорю. Но я боюсь, Василій Иванычъ, что онъ меня плохо понялъ. Пожалуй, подумалъ, что я ему предлагаю куртажъ... подкупаю его. Ничего подобнаго не было... Совершенно понятно... я хотѣлъ знать немного и ваши намѣренія. Не скрываю и того, что судьба фамиліи Черносошныхъ... для меня не безразлична.

— Породниться не хотите ли? — спросилъ Теркинъ и подмигнулъ.

— До этого еще далеко... Иванъ Захарычъ можетъ въ скоромъ времени очутиться въ весьма печальныхъ обстоятельствахъ... Я бы не сказалъ этого другому покупщику, но вы—человѣкъ благородной души, и вамъ я могу это сказать. Разумѣется, компанія не обязана входить въ семейные интересы продавцовъ. Съ другой стороны, отъ меня зависитъ направить торгъ такъ или иначе.

Первачъ быстро вскинулъ на Теркина своими красивыми глазами и опустилъ рѣсницы.

— По моимъ соображеніямъ,—отозвался Теркинъ спокойно и все такъ же благодушно,—Иванъ Захарычъ настолько запутался въ дѣлахъ, что ему надо какъ можно скорѣе найти покупщика на усадьбу. И на ней онъ сдѣлаетъ бóльшую уступку, чѣмъ на лѣсной дачѣ.

— Понятное дѣло!

Первачъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ.

Дверь тихо отворилась.

Вошла Павла Захаровна.

Они оба разомъ встали.

— Николай Никанорычъ! братъ васъ проситъ къ себѣ,— сказала она и заглянула. — Вы вернулись, Василій Иванычъ, а мнѣ никто не доложитъ... Гдѣ же ваши дамы?

— Въ саду,—отвѣтилъ Первачъ.

— И вы туда собираетесь?

— Нѣтъ-съ... Я къ Ивану Захарычу. Мы вотъ съ Василіемъ Иванычемъ побесѣдовали немножко.

Первачъ обернулся къ Теркину.

— Имѣю честь кланяться, Василій Иванычъ; разговоръ нашъ, если позволите, какъ-нибудь продолжимъ.

— Я не хочу мѣшать! — выговорила Павла Захаровна и пристально поглядѣла на нихъ обоихъ.

— Это не къ спѣху,—отвѣтилъ Теркинъ.—Да все существенное и сказано.

Первачъ, уходя, шаркнулъ ногой.

— Вамъ въ садъ угодно? — еще разъ спросила Павла Захаровна.

Она присѣла на конецъ дивана и оглядѣла столъ съ остатками угощенія.

— Веселая компанія у васъ была. И пѣніе, кажется?

Ея губы повела брезгливая усмѣшка.

— Да,—отвѣтилъ ей Теркинъ, присаживаясь къ столу:— я засталъ компанію въ полномъ сборѣ. Кажется, у васъ скоро и свадьба?—прибавилъ онъ простодушно.

— Свадьба? Кого же выдавать будутъ?

— Племянницу вашу, Александру Ивановну. Развѣ господинъ Первачъ не женихъ ея?

— Отъ васъ перваго слышу.

— Такъ какъ же, почтеннѣйшая Павла Захаровна, сестрица ваша позволяетъ посторонему мужчинѣ быть на такой ногѣ съ дѣвушкой хорошаго дома?.. Вы меня извините: я не имѣю права дѣлать какія-нибудь замѣчанія... Я судилъ по очевидности...

— Дѣвочка эта — по натурѣ испорченная въ корень... Вся въ мать... Я умываю руки... Сестра по слабости своего характера потакаетъ ея наклонностямъ. Господинъ ли Первачъ, другой ли — точно такъ же бы повелъ себя.

— Жаль мнѣ ее стало... Если позволите поговорить по душѣ, такая она юная и безпомощная... Опять же—единственная наслѣдница своего отца... На нее охотниковъ не мало будетъ, на ея приданое.

— Какое?

Павла Захаровна повела своими приподнятыми плечами.

— Неужели же отъ двухъ вотчинъ Ивана Захарыча ничего не останется? Мнѣ неловко спрашивать объ этомъ. Я—представитель компанiи, которой вашъ братъ предлагаетъ свой лѣсъ и даже—вамъ это вѣроятно извѣстно— и эту усадьбу съ паркомъ. Если мы поладимъ, онъ получитъ самую высшую цѣну по здѣшнимъ мѣстамъ... Но только, почтеннѣйшая Павла Захаровна, надо устранить всякихъ ненужныхъ посредниковъ и маклаковъ.

— Вы на кого же намекаете?

Она уже догадывалась, что онъ намекаетъ на таксатора. Первачъ могъ провести ее съ братомъ и передаться на сторону покупщика. Пускай онъ поскорѣе осрамитъ дѣвчонку, и тогда можно будетъ изъ денегъ, полученныхъ за продажу одного имѣнiя, выкинуть тысячъ пять или десять на приданое ей,—и чтобы ея духу не было!

Но этотъ разночинецъ самъ простоватъ. Его можно поддѣть на благородствѣ его чувствъ. Онъ желаетъ показать, что у него больше благородства и честности, чѣмъ у дворянъ. Она еще вчера рѣшила съ глазу на глазъ переговорить съ нимъ... Кажется, и дѣвчонка ему приглянулась... Пускай отобьетъ ее у землемѣра и увезетъ... Тѣмъ лучше...

— Не угодно ли вамъ пройти ко мнѣ?—выговорила она и встала.—Я васъ долго не задержу... Вы увидите, что вамъ нельзя покончить съ братомъ, не выслушавъ меня.

— Къ вашимъ услугамъ, Павла Захаровна. Вы вѣдь здѣсь—голова... Я это сразу увидалъ.

Она ничего не отвѣтила и только издала неопредѣленный звукъ носомъ.

— Василiй Иванычъ!—окликнула Саня, подбѣгая къ террасѣ,—вы здѣсь?

— Василiю Иванычу сейчасъ некогда!—отвѣтила въ окно Павла Захаровна и застучала по полу палкой, уводя за собою Теркина.

XXV.

— Такъ вотъ какое дѣло, Павла Захаровна!..

Теркинъ выслушалъ горбунью внимательно и съ почти-

тельнымъ выраженіемъ лица: но внутри у него накипало желаніе „оттаскать“ ее — такъ она была ему противна. Подъ конецъ, однако, и эта злобная старая дѣва показалась ему жалка, — чѣмъ-то въ родѣ психопатки. Она ему не открыла главной причины своего поведенія; но онъ хорошо помнилъ то, что разсказывала Ѳедосеевна, и все сообразилъ.

— Да-съ, — съ оттяжкой нижней губы выговорила Павла Захаровна. — Вы понимаете, милостивый государь, ежели братъ мой имѣетъ такія обязательства предо мною и сестрой и, по слабости своего характера, привелъ дѣла въ такое разстройство, я должна была поставить вамъ это на видъ...

— Конечно, конечно, — поспѣшилъ согласиться Теркинъ. — Но съ чѣмъ же очутится племянница ваша? У Ивана Захаровича, если онъ продастъ и усадьбу, останется то дальнее имѣньице; но и на него вы предъявляете свое право. Стало, оно фактически ему принадлежать не будетъ. Правда, наслѣдницей вашей, во всякомъ случаѣ, Александра Ивановна...

— Позвольте-съ... Я умирать еще не собираюсь! Дѣло отца — заботиться о своей дочери... И наконецъ, это... это...

— До меня не касается, хотѣли вы сказать? Это точно, Павла Захаровна. Но вѣдь вашу барышню мнѣ вчужѣ жаль. Она безъ всякаго призора. Вы не можете же не знать, что здѣсь черезъ стѣну дѣлается. Вы меня извините... Я говорю такъ послѣ вашего ко мнѣ обращенія... Вы желаете, чтобы я васъ при предстоящей сдѣлкѣ съ братомъ вашимъ поддержалъ? Стало, довѣряете мнѣ?

Горбунья повела плечами, глаза сначала замигали, потомъ въ нихъ вспыхнулъ огонекъ, и губы стали вздрагивать.

— Господинъ Теркинъ! Вы хоть и посторонній человѣкъ, но я должна вамъ сказать — эта дѣвочка по натурѣ своей въ корень испорчена... Бѣдный мой братъ боготворилъ ея мать, а она его самымъ постыднымъ манеромъ обманывала.

„Такъ, такъ! — думалъ Теркинъ: — Ѳедосеевна правду говорила“.

— И вы, что же... теперь на дочери вину матери ея вымещаете, даже если предположить, что та и согрѣшила передъ мужемъ своимъ?..

— Позвольте, милостивый государь! Эта дѣвчонка вовсе не дочь брата Ивана и никогда ею не бывала!

— Быть-можетъ, почтеннѣйшая Павла Захаровна; но она значится его дочерью, она—дворянское дитя, воспитанная дѣвушка изъ института... тоже, навѣрное, дворянскаго, и все въ ней полудѣтское, чистое.

Говоря это, Теркинъ чувствовалъ, что выходитъ изъ своей роли дипломата, желавшаго обойти горбунью, что онъ открываетъ передъ ней свои карты... Его что-то влекло къ Санѣ, что-то бо̀льшее, чѣмъ простая жалость.

— Чистое?—рѣзко повторила Павла Захаровна.—Шашни уже начала! Поди, во всѣхъ углахъ цѣлуется...

— Съ кѣмъ?

Вопросъ Теркина прозвучалъ почти гнѣвно. Онъ присѣлъ къ ней ближе и заговорилъ вполголоса и быстро:

— Какъ вамъ не грѣхъ — вамъ и сестрицѣ вашей — толкать ее въ лапы такому прощелыгѣ, какъ этотъ таксаторъ!.. Вы думаете, онъ женится на ней, не заполучивъ куша? Какъ бы не такъ! А вы, видимое дѣло, хотите ее осрамить и выгнать безъ куска хлѣба...

— Мои чувства и мысли при мнѣ остаются.

— Полноте хитрить!—громче отрѣзалъ Теркинъ и заходилъ по комнатѣ.—Я васъ выслушалъ. Теперь мой чередъ. Въ ваши родственныя расчеты я входить не обязанъ, но коли захочу—могу оказать давленіе на вашего брата и помочь вамъ получить съ него если не все, то хоть часть долга... И я ставлю первымъ условіемъ: этого шустраго таксатора сейчасъ же устранить. Онъ—плутъ, и моему лѣсоводу, и мнѣ лично дѣлаетъ посулы и готовъ сейчасъ же васъ всѣхъ продать.

— Всѣ нынче такіе!

— Можетъ-быть; но его чтобы завтра же здѣсь духу не было. Извольте на вашего братца подѣйствовать: сдѣлать это сегодня же и при мнѣ. А затѣмъ—въ случаѣ покупки мною усадьбы съ паркомъ — Иванъ Захарычъ обезпечитъ Александру Ивановну при жизни и при заключеніи нашей сдѣлки.

Павла Захаровна поднялась, нервно обдернула платье вокругъ своей жилистой шеи и порывисто отковыляла къ дальнему углу комнаты.

— Не вы, милостивый государь, кажется, законы ваши думаете предписывать?

Этотъ „хамъ“ возмущалъ ее нестерпимо: въ концахъ

ея костлявыхъ пальцевъ она ощущала зудъ. Мужикъ, разночинецъ—и смѣетъ такъ вести себя!

Она громко перевела дыханіе и вернулась опять на свое мѣсто.

— Вы злоупотребили моимъ довѣріемъ, и теперь...

— Та-та-та! — перебилъ Теркинъ и махнулъ рукой. — Безъ жалкихъ словъ, Павла Захаровна, безъ жалкихъ словъ... Я вамъ нуженъ. И кромѣ меня въ эту минуту никто у Ивана Захарыча лѣсной его дачи за хорошую цѣну не купитъ. Только наша компанія можетъ это себѣ позволить. И усадьбу съ паркомъ компанія не купитъ безъ моего особаго ходатайства. Слѣдственно, извольте выбирать: или сдѣлайте порядочное дѣло и не обижайте ни въ чемъ неповинной дѣвушки, не развращайте ея, да еще такъ предательски...

— Я ее развращаю?!

— А то какъ же? Ваша сестрица прямо спаиваетъ ее и... сводитъ съ жуликомъ.

Онъ спохватился: не слишкомъ ли онъ далеко зашелъ. Но ему уже трудно было перемѣнить тонъ, да и не хотѣлось. Головка Сани съ ясными глазами, ея голосокъ, особая безпомощность и безобидность всего ея существа согрѣвали его и настроивали на новый приливъ жалости къ этому чаду вырождающейся помѣщичьей семьи. Въ ней еще текли свѣжіе соки. А остальное вызывало въ немъ гадливость и сознаніе своего превосходства: эта горбунья, ея жирная сестра-дура, ихъ братъ, вся безтолочь ихъ ненужной и постылой прозябаемости, гдѣ самымъ жизненнымъ нервомъ являлась манія старой дѣвы, такъ бездушно мстящей за любовь брата къ ненавистной невѣсткѣ... Какая дичь!.. Стѣсняться ему нечего.

Глазы Павлы Захаровны блеснули ярче, и углы рта вздрогнули. Она издала короткій звукъ смѣха.

— Да вы ужъ не желаете ли сами осчастливить нашу идіотку... предложеніемъ руки и сердца? Ха-ха!

Этотъ вопросъ заставилъ его встрепенуться. Къ щекамъ прилила краска. Онъ подавилъ смущеніе и не сразу отвѣтилъ ей.

— Намъ гдѣ же, мы —простецы... На вашемъ барскомъ нарѣчіи вы нашего брата кошатникомъ величаете. Одно скажу—имѣй я виды на Александру Ивановну, я бы не такъ повелъ дѣло... Вы это изволили сказать въ пику мнѣ, что, молъ, я объ ея приданомъ хлопочу на всякій

случай, такъ позвольте вамъ доложить, сударыня, — онъ въ первый разъ такъ назвалъ ее, — я въ такихъ денежныхъ дѣлахъ, что мнѣ зазорно будетъ и о болѣе крупномъ кушѣ хлопотать, когда надумаю жениться.

За дверью раздались шаги Первача.

— Можно войти?

— Уговоръ лучше денегъ!—шопотомъ произнесъ Теркинъ, нагнувшись надъ столомъ:—Его...—и онъ сдѣлалъ жестъ рукой.

— Можете войти!—крикнула Павла Захаровна.

— Наша конференція съ Иваномъ Захарычемъ кончилась, — заговорилъ онъ, потирая руки. Глаза его безпокойно перескочили отъ горбуньи къ Теркину.

— Братъ у себя въ кабинетѣ?—спросила Павла Захаровна.

— И желалъ бы до чая побесѣдовать еще съ Василіемъ Иванычемъ.

— Попросите Ивана Захарыча сюда! — сказалъ Теркинъ.—Одного!—прибавилъ онъ значительно.

— Понимаю-съ!.. Я и не желаю быть лишнимъ... Сдѣлайте одолженіе!

Первачъ повернулся на одномъ каблукѣ и у двери обернулся къ нимъ лицомъ.

— Напрасно вы безпокоитесь, Василій Иванычъ! Лишнимъ я не желаю быть.

— И разлюбезное дѣло!—сказалъ ему вслѣдъ Теркинъ точно такъ, какъ видѣнный имъ московскій актеръ въ Львѣ Красновѣ.

XXVI.

На балконѣ собрались всѣ къ чаю.

Разливала Мароа Захаровна. Саня сидѣла немножко поодаль. Первачъ отошелъ къ периламъ, присѣлъ на нихъ, обкусывалъ стебелекъ какой-то травы и тревожно взглядывалъ на тотъ конецъ стола, гдѣ между Иваномъ Захарычемъ и его старшей сестрой помѣщался Теркинъ. Онъ уже почуялъ, что ему больше ходу не будетъ въ этомъ домѣ, что „лѣсной воротила“ на службу компаніи его не возьметъ... Да и съ барышней ничего путнаго не выйдетъ.

Иванъ Захарычъ, въ свѣтло-голубой домашней тужуркѣ, съ закинутой назадъ маленькой головой, медленно курилъ папиросу и старался соблюсти свое достоинство.

Лицо у него было краснѣе обыкновеннаго. Его грызло то, что онъ долженъ былъ при покупателѣ изъ разночинцевъ сводить свои родственные счеты. Сестра Павла подвела его, стакнулась съ покупщикомъ. Никогда еще его дворянскій гоноръ такъ не страдалъ. Еще добро бы Теркинъ влюбился въ Саню и сдѣлалъ предложеніе... И того нѣтъ. Онъ только разыгралъ роль сердобольнаго опекуна: поставилъ условіемъ сдѣлки обезпеченіе Сани... Богъ знаетъ, что такое! На все это Иванъ Захарычъ долженъ былъ согласиться и чувствуетъ теперь, что сестра Павла еще больше заберетъ его; а на сторонѣ у него на-дняхъ ожидается приращеніе незаконной семьи. Надо и тѣхъ обезпечить. Безъ продажи усадьбы нечего и думать обойтись; а лучшаго покупщика не найти. Злиться на сестру онъ не смѣетъ. Формально она права; но никакъ онъ уже не ожидалъ такого подхода.

Павла Захаровна поглядывала вкось на брата и прихлебывала чай съ блюдечка. Она добьется того, что получитъ свое; но этотъ „кошатникъ" какъ-то сразу измѣнилъ ея позицію. Ему она будетъ обязана, а не своей мудрой головѣ. Точно подачку ей подалъ. И какъ онъ ни хитри, ему „дѣвчонка" понравилась. Очень можетъ статься, она угодитъ за него!.. Брыкаться и братъ не станетъ; а ей и подавно нечего стоять за ненавистное отродье распутной невѣстки. И что же выйдетъ? Госпожа Теркина вотъ здѣсь барыней заживетъ, милліонщицей; отецъ совсѣмъ прогоритъ, продастъ и вторую вотчину. Положимъ, она съ сестрой купятъ ее, и онъ при нихъ останется. А если зятекъ съ дочкой здѣсь очутятся? Они его къ себѣ переманятъ... „Кошатникъ" изъ одного разночинскаго задора это сдѣлаетъ.

Чай плохо шелъ въ горло Павлы Захаровны, и она то и дѣло откашливалась.

Теркинъ сидѣлъ между ними, но разговаривалъ больше съ Саней.

Его подмывало настроеніе, сходное съ чувствомъ, когда удастся кого-нибудь вытянуть изъ воды. На Саню онъ поглядывалъ точно на собственное „чадо". Почему-то ему вѣрилось, что теперь она уже не пропадетъ. Таксатора завтра же не будетъ здѣсь: онъ этого прямо потребовалъ. Не плутоватаго маклака устранялъ онъ, главнымъ образомъ, а нахала, способнаго развратить милую дѣвушку. И онъ не стыдился такого сознанія. Все сильнѣе и силь-

нѣе разгоралось въ немъ желаніе оставить Заводное за собою, если не сейчасъ, то черезъ два-три года. Онъ уже рѣшался взять на свой страхъ эту покупку. Если компанія не одобритъ ея, тѣмъ лучше: это будетъ его имѣніе, и онъ на свой счетъ создастъ въ немъ школу практическихъ лѣсоводовъ.

Не одно это его тѣшило. Сидитъ онъ среди помѣщичьей семьи, съ гоноромъ,—онъ—мужичій подкидышъ, разночинецъ, котораго Павла Захаровна навѣрное зоветъ „кошатникомъ“ и „хамомъ“... Нѣтъ! отъ нихъ слѣдуетъ отбирать вотчины людямъ, какъ онъ, у кого есть любовь къ родному краю, къ лѣснымъ угодьямъ, къ кормилицѣ-рѣкѣ. Не собственной мошной онъ силенъ, не ею онъ величается, а добился всего этого головой и волей, надзоромъ за собственной совѣстью.

— Вамъ покрѣпче, Василій Иванычъ?—донесся до него голосокъ Сани.

Она глядѣла на него изъ-за самовара.

— Да, покрѣпче, Александра Ивановна.

— Со сливками?

— Нѣтъ, позвольте съ лимономъ.

Что-то заиграло у него въ груди отъ голоска Сани и мягкаго блеска ея глазъ. Приливъ жалости подступилъ къ сердцу. Захотѣлось сейчасъ же увести ее изъ этой семьи, обласкать, наставить, создать для нея совсѣмъ другую жизнь. Быстрая-быстрая мысль пронизала его мозгъ... Вѣдь женщина два года назадъ помогла ему. Съ ея деньгами дошелъ онъ въ такой ничтожный срокъ до теперешняго положенія... И она же довела его до сдѣлки съ совѣстью. Всю жизнь онъ будетъ помнить про эту сдѣлку. Тамъ онъ попользовался, здѣсь — самъ долженъ оградить безпомощное женское существо, раздѣлить съ нимъ свой достатокъ, сдѣлать изъ нея подругу не потому, что животная страсть колышетъ его, а потому что „такъ будетъ гòже“, мысленно выговорилъ онъ по-мужицки.

Его взглядъ приласкалъ Саню, когда она подавала ему стаканъ чаю.

Сегодня во всемъ домѣ произошло какое-то событіе. И въ ней самой есть что-то новое. Ей почти непріятно чувствовать позади себя Николая Никанорыча. Хотѣлось бы выкинуть то, что̀ было между ними. Онъ ей чужой. „Хорошій человѣкъ“ не онъ, а вотъ тотъ, Василій Ива-

новичъ, передъ которымъ всѣ смирились, даже тетка Павла. Какъ будто и всю судьбу ихъ семьи держитъ онъ въ своихъ рукахъ. Но ей онъ не страшенъ. Напротивъ! Василій Иванычъ добрый и красивый, гораздо милѣе Николая Никанорыча. Навѣрное онъ будетъ съ ней еще много говорить... И она ему во всемъ покается сама, не дожидаясь его разспросовъ.

— А вашъ управляющій гдѣ же? — спросила Теркина Мароа Захаровна.—И ему бы чаю предложить.

— Онъ еще не вернулся изъ лѣсу, — отвѣтилъ Теркинъ.

Павла Захаровна поглядѣла въ бокъ на сестру: „довольно, молъ, и одного хама, а то еще его приказчиковъ всякихъ въ свою компанію принимать!"

Теркинъ подмѣтилъ этотъ взглядъ и сказалъ, обернувшись къ Ивану Захарычу:

— Вашу дачу онъ теперь знаетъ, какъ свои пять пальцевъ.

Иванъ Захарычъ промолчалъ и только слащаво усмѣхнулся. Ему предстояло объясненіе съ Первачомъ, и онъ не зналъ, какъ ему быть: сестра отказалась отъ всякаго посредничества... Денегъ заплатить Первачу у него не было: приходилось просить ихъ у покупщика.

Протянулось очень длинное молчаніе. Теркину оно не показалось тягостнымъ. Онъ и не требовалъ, чтобы его занимали... Ему было хорошо. Изъ цвѣтника долетало благоуханіе вѣтерка. Въ паркѣ защелкалъ соловей. Позади, внизу, неслышно текла рѣка, куда ему хотѣлось спуститься подъ-руку съ Саней.

— Колокольчикъ! — тихо вскрикнула Саня, будто она вздохнула.

— Кто бы это?..—спросила Мароа Захаровна. — Предводитель?

— Ему теперь не до разъѣздовъ! — выговорилъ Иванъ Захарычъ.

Звонъ рѣзко оборвался у крыльца.

Теркинъ подумалъ о Звѣревѣ. Будь онъ тогда у него въ такомъ же настроеніи, какъ сегодня, вѣроятно „Петька" выклянчилъ бы у него тысчонку-другую.

Камердинеръ Ивана Захарыча показался въ дверяхъ террасы.

— Кто пріѣхалъ?— спросила первая Мароа Захаровна.

— Барыня... Карточку вотъ дали... Господину Теркину... По дѣлу... Ихъ желаютъ видѣть.

— Меня? — переспросилъ Теркинъ и быстро поднялся.

— Такъ точно.

На карточкѣ стояло: „Серафима Ефимовна Рудичъ“.

Онъ подавилъ въ себѣ смущеніе, но Саня замѣтила, какъ глаза его вдругъ потемнѣли.

— Вы позволите принять эту госпожу,—обратился онъ къ хозяевамъ,—во флигель?

— Почему же нѣтъ? Гостиная въ вашемъ распоряженіи,—чопорно выговорилъ Иванъ Захарычъ.

Теркинъ былъ уже на порогѣ, скорымъ шагомъ прошелъ по гостиной и въ залѣ столкнулся съ гостьей.

Первая его мысль была не принять ея, но онъ сейчасъ же нашелъ это „гнусной трусостью“ и смѣло пошелъ на все, что̀ этотъ пріѣздъ Серафимы могъ повести за собою.

XXVII.

Въ той самой бесѣдкѣ, гдѣ онъ въ первый разъ говорилъ съ Саней, сидѣли они другъ противъ друга.

Теркинъ быстро-быстро оглядѣлъ ее и тотчасъ же отвелъ глаза. Серафима была одѣта пестро, но очень къ лицу — шляпка съ яркими цвѣтами и шелковый ватерпруфъ темно-малиноваго цвѣта, съ мѣшкомъ назади и распашными рукавами. Ему показалось, что она немного притирается. Глаза выступали непомѣрно — она ихъ или подкрашивала или что-нибудь впускала въ зрачки. На лицѣ— блѣдномъ и немного пополнѣвшемъ — пробѣгали струйки нервной дрожи. Отъ нея сильно пахло духами. Изъ-подъ юбки свѣтлаго платья выставлялась нога въ красноватой ботинкѣ. На лбу волосы были взбиты.

„Кокотка, какъ есть кокотка!“ — опредѣлилъ онъ мысленно и въ груди ощутилъ родъ жженія. Никакой радости, даже волненія онъ не сознавалъ въ себѣ. Ему предстояло что-то ненужное и тяжкое.

— Здравствуй, Вася! — заговорила первая Серафима и подалась къ нему своимъ, все такимъ же пышнымъ станомъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Ты такъ меня встрѣчаешь?

— Къ чему же этотъ пріѣздъ сюда?.. Вѣдь у меня есть квартира въ городѣ.

— Кто же виноватъ, что ты здѣсь днюешь и ночуешь?..

Низовьевъ хотѣлъ тебя вызвать, нарочнаго послать. Онъ тебя ждетъ второй день. Ты получилъ его письмо?

— Получилъ... Но здѣсь я еще не покончилъ.

— Ну, я и разсудила поѣхать сама. Я по дѣлу, ничего тутъ нѣтъ неприличнаго. Ужъ если ты нынче сталъ такой цирлихъ-манирлихъ... Или ты у этихъ уродовъ на правахъ не одного покупателя, а чего-нибудь поближе?

Губы ея начали замѣтно вздрагивать. Она ихъ закусила, чтобы удержать слезы.

— Все это ни къ чему, и вы напрасно...

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, не на „вы“! Въ какихъ бы ты ни былъ ко мнѣ чувствахъ — я не могу... слышишь, Вася, не могу. Это нехорошо, недостойно тебя. Я — свободна, никому не принадлежу, стало, могу быть съ кѣмъ угодно на „ты“... Да будь я и замужемъ... Мы — старые друзья. Точно такъ и ты... вѣдь ты никому не обязанъ отвѣтомъ?

Ея глаза остановились на немъ пытливо и страстно. Ему стало неловко. Онъ не глядѣлъ на нее.

— Тутъ свобода ни къ чему,—выговорилъ онъ немного помягче.

— Пойдемъ отсюда. Здѣсь мы на юру! Оттуда видно... И ты будешь стѣсняться...

— Съ какой стати?

— Прошу тебя.

Она такъ произнесла эти два слова, что онъ не могъ не встать. Встала и Серафима и взяла его сама подъ руку.

— Туда... туда!.. Книзу! Вѣдь они, тамъ, могутъ меня считать за покупательницу. Явилась я къ тебѣ... а ты скупаешь лѣса... Вонъ тамъ внизу лужайка подъ дубками... Какъ здѣсь хорошо!

Серафима придержала его за руку и остановилась.

— Ахъ, Вася! — она вздохнула полной грудью. — Какъ жизнь-то играетъ нами!.. Вотъ я попала въ Васильсурскъ, на лѣсную ярмарку.

— Я знаю съ кѣмъ...

Онъ не подавилъ въ себѣ желанія кольнуть ее, напомнить ей, съ кѣмъ она туда явилась, какими поклонниками она теперь не пренебрегаетъ. Ему припомнилось то, что̀ разсказывалъ Низовьевъ о какомъ-то петербургскомъ лѣсопромышленникѣ-сектантѣ.

— Тебѣ, небось, Низовьевъ говорилъ про Шуева?

— Какого Шуева?

— Ну, того... изъ „бѣлыхъ голубей“.

Она не докончила и разсмѣялась.

— Правда это? — спросилъ онъ, и его губы сложились въ усмѣшку жалости къ ней.

Она схватила это глазами и отняла руку.

— Ты думаешь, я его вожу?..

— Съ такими трудно иначе,—шутливо выговорилъ онъ

— Ну, все равно, думаешь, я обираю его? Могла бы!.. Такъ какъ онъ... страсти-ужасти!.. Ты не знаешь!.. До изступленія влюбленъ... Да... И онъ душу свою заложитъ, не только что отдастъ все, что я потребую... Дядя у него — въ семи милліонахъ и полная довѣренность отъ него... Слышишь: семь милліоновъ! И онъ—единственный наслѣдникъ...

— Хорошо, хорошо!

Ему стало уже досадно на себя, зачѣмъ онъ намекнулъ на этого сектанта.

— Я запретила ему за мной слѣдомъ ѣздить... Провались они всѣ! — вскричала она и, обернувшись къ нему, опять взяла его подъ руку. — Вонъ туда сядемъ... Пожалуйста!.. Тамъ такъ славно!

Онъ не противился. Серафима опустилась прямо на траву въ тѣнь, между двумя деревьями.

— Садись сюда же... Ну, вотъ спасибо. Ты не желаешь, чтобы я тебя, по-старому, Васей звала и „ты“ тебѣ говорила?.. А?

— Мнѣ пожалуй...

— Ну, хоть и на томъ спасибо.

Надъ ними сбоку наклонились вѣтви большой черемухи, и къ ногамъ ихъ спадали бѣлые мелкіе лепестки.

Серафима подняла голову и громко потянула въ себя воздухъ.

— Господи!—перебила она себя.—Такъ хорошо!.. Воздухъ!.. Пахнетъ какъ! Рѣка наша—все та же. Давно ли? Какихъ-нибудь два года, меньше того... Тоже на берегу... и на этомъ самомъ... А? Вася? Тебѣ непріятно? Прости, но я не могу. Во мнѣ такъ же радостно ёкаетъ сердце. Точно все это сонъ былъ, пестрый такой, тяжелый, — знаешь, когда домовой давитъ, — и вотъ я проснулась... въ очарованномъ саду... И ты тутъ рядомъ со мной! Господи!..

Волненіе перехватило ея рѣчь. Она отвернула голову

и взялась руками за лицо. Теркинъ сидѣлъ немного повыше ея, прислонившись спиной къ одному изъ молодыхъ дубовъ. И его противъ воли уносило въ прошлое. Какъ тогда задрожали его колѣни, когда онъ, у памятника, въ садикѣ, завидѣлъ ее издали. Онъ себя испытывалъ, почти боялся, что вотъ не явится этого признака, по которому онъ распознавалъ страсть... И признакъ явился. Въ чувствѣ этой роскошной и пылкой женщины онъ находилъ потомъ больше глубины и честности, чѣмъ въ себѣ. Ничего мудренаго нѣтъ, что она осталась вѣрна его памяти, даже если и начала кружить головы мужчинамъ... Кто его такъ любилъ?..

Глаза его украдкой остановились на ея профилѣ, на ея станѣ, на линіи ея головы. Да, она смахивала на кокотку; но въ ту минуту вся трепетала влеченіемъ къ нему, жаждой примиренія, любовью, искупающею всякій грѣхъ.

Листки дубовъ и черемухи ласково шептались и слали имъ свое благоуханіе; вблизи ворковала горленка, и изъ травы выглядывали головки маргаритокъ.

На сердцѣ Теркина стало помягче. Онъ не хотѣлъ помнить зла; но не могъ и лгать, надѣвать на себя личину или поддаваться соблазну, чтобы сказать тотчасъ же потомъ: „Ты хотѣла добиться своего... Ну, а теперь прощай!"

Чуть-чуть дотронулся онъ до ея руки, немного ниже локтя. Серафима, точно отъ укола, повернулась къ нему отъ одного прикосновенія.

— Во мнѣ,—заговорилъ онъ, не поднимая на нее глазъ,— нѣтъ никакого противъ... тебя,—слово не сразу сошло съ губъ его,—сердца... Все перегорѣло... Можетъ-быть, мнѣ первому слѣдуетъ просить у тебя прощенія, я это говорю, какъ братъ сказалъ бы сестрѣ...

— За что?—почти изумленно перебила Серафима.

— Я тебя на грѣхъ подтолкнулъ... Никто другой.

— Вотъ еще! Съ какой стати ты на себя такое святошество напускаешь, Вася? Это на тебя не похоже... Или...

Она хотѣла сказать: „или Калерія тебя такъ передѣлала?"

— Никакого тутъ святошества нѣтъ. Я употребляю слово „грѣхъ" попросту. Я тобой хотѣлъ овладѣть, зная, что ты чужая жена... и даже не думалъ ни о чемъ другомъ. И это было низко... Остальное ты знаешь. Стало,

я же передъ тобой и виноватъ. Я—никто другой—и довелъ тебя до покушенія и перевернулъ всю тебя.

За три минуты онъ не ожидалъ ничего похожаго на такой приговоръ себѣ. Это вылилось у него прямо, изъ какой-то глубокой складки его совѣсти, и складка эта лежала внѣ его обычныхъ душевныхъ движеній... И ему стало очень легко, почти радостно.

— Не фарисействую я, Сима. Осуждаю себя и готовъ всячески поддержать тебя, не дать тебѣ катиться внизъ... Встрѣтилъ я тебя нехорошо... Не то испугался, не то разозлился... А вотъ теперь все это отлетѣло. И никакихъ счетовъ между нами, слышишь—никакихъ...

— Никакихъ?—захлебываясь, выговорила она и наклонила къ нему низко трепетное лицо.

— Никакихъ!..

XXVIII.

— Вася!.. Прости!..

Съ этимъ воплемъ Серафима припала головой къ нему. Рыданія колыхали ее.

— Что ты! Что ты!..

Теркинъ не находилъ словъ. Руками онъ старался поднять ее за плечи. Она не давалась и судорожно прижимала голову къ его колѣнамъ.

— Прости! Окаянную!.. Жить не могу... не могу... безъ тебя!—прерывистымъ звукомъ, съ большимъ усиліемъ выговаривали ея губы, не попадая одна на другую.

Все ея тѣло вздрагивало.

Такъ прошли минуты... Ему удалось поднять ее за плечи и усадить рядомъ.

Внезапный взрывъ страсти и раскаянія потрясъ его, и жалость влилась въ душу быстро, согрѣла его, перевернула взглядъ на эту женщину, сложившійся въ немъ въ теченіе года... Но порыва взять ее въ объятія, осыпать поцѣлуями не было. Онъ не хотѣлъ обманывать себя и подогрѣвать. Это заставило его тутъ же воздержаться отъ всякой неосторожной ласки.

Съ помутившимися, покраснѣвшими глазами сидѣла она у ствола, опиралась ладонями о дернъ и силилась подавить свои рыданія.

— Полно, полно! — шопотомъ успокоивалъ онъ, наклоняясь къ ней.

За талію онъ ея не взялъ и даже не прикоснулся къ ея плечу кистью руки.

— Ты добрый, чудный... Я не оправдываюсь... Я, Вася, милостыни прошу! Все опротивѣло... вся жизнь... разъѣзды... знакомства... ухаживанія... мужчины всякіе, молодые, старые... Стая псовъ какихъ-то... Ужины... шампанское... франтовство... тряпки эти... — Она схватила свою шляпку и швырнула ее.—Не глядѣла бы!..—И такимъ же порывистымъ движеніемъ она прижалась къ нему и положила голову на его плечо.—Вася! Жизнь моя!.. Не оттолкни!.. Возьми... Ничего мнѣ не нужно... Никакихъ правъ... Ежели бы ты самъ предложилъ мнѣ законный бракъ — я не соглашусь... Да и какъ я посмѣю! Тебя... тебя... слышать, сидѣть рядомъ... знать, что вотъ ты тутъ... что никто не отниметъ... никто, кромѣ... тебя самого или смерти... Да я умру раньше... Я это знаю. Мнѣ хоть бы годковъ пять... Много... Хоть два года! Хоть годъ!

Въ ея отрывистой рѣчи проглядывали неслыханные имъ звуки, что-то наивно-дѣтское и прозрачное по своей беззавѣтной пылкости. Никогда и прежде, въ самые безумные взрывы страсти, ея слова не проникали такъ въ самую глубь его души, не трогали его, не приводили въ такое смущеніе.

Онъ чуть не остановилъ ее возгласомъ: „Не нужно!.. Не говори такъ!“

Слезы подступили къ глазамъ, онъ ихъ уже ощущалъ въ углахъ, и губы вздрагивали... Жалость къ ней росла,— жалость срѳдни той, какая пронизала бы его у постели умирающаго или человѣка, приговореннаго къ смерти, въ ту минуту, когда онъ прощается съ жизнью и хватается за нее послѣдними хватками отчаянія сквозь усиленный подъемъ духа.

Но больше ничего не было въ сердцѣ—онъ это созналъ безповоротно.

— Сима, — заговорилъ онъ нетвердо, боясь расплакаться, — ты меня тронула, какъ никогда... Въ любовь твою вѣрю...

— Вѣришь!—вскричала Серафима и выпрямила станъ. Глаза заблистали. Лицо мгновенно озарилось.

— Вѣрю, — повторилъ Теркинъ и отвелъ отъ нея взглядъ.—Но я прошу, умоляю тебя... Не насилуй моей души... Назадъ не вернешь чувства...

Докончить у него не хватило жестокости.

— Да-а,—протянула она глухо и поникла головой. Руки

тотчасъ же опустились, и опять она уперла ихъ ладонями въ траву.—Я знала, Вася... могла предвидѣть... Вы, мужчины, не то, что мы. Но я ничего не требую! Пойми! Ничего!.. Только не гони. Вѣдь ты одинъ... свободенъ... Если ты никого еще не полюбилъ, позволь мнѣ дышать около тебя! Вѣдь не противна же я тебѣ?.. Не уродъ... Ты молодой...

Серафима вдругъ покраснѣла. Ей стыдно стало своихъ словъ.

Оба промолчали больше минуты.

— Зачѣмъ... унижать себя! — вымолвилъ первый Теркинъ и почуялъ тотчасъ безполезность своихъ словъ.

— Унижать!..—повторила она безъ слезъ въ голосѣ, а какимъ-то особеннымъ полушопотомъ.—Унижать! Развѣ я могу считаться съ тобой! Пойми! Милостыни у тебя просятъ, а ты съ нравоученіями!

Это его задѣло. Онъ поднялъ голову, строже взглянулъ на нее, и она ему показалась жалка уже на другой ладъ. Что жъ изъ того, что она не можетъ жить безъ него? Какъ же ему быть со своимъ сердцемъ?.. Любви къ ней нѣтъ... Взять ее къ себѣ въ любовницы потому только, что она красива, что въ ней темпераментъ есть, онъ не позволитъ себѣ этого... Прежде, быть-можетъ, и пошелъ бы на такую сдѣлку, но не теперь.

Отъ всего ея существа, даже и потрясеннаго страстью, повѣяло на него только женщиной, царствомъ нервовъ, расшатанныхъ постоянной жаждой наслажденій, все равно какихъ: любовныхъ или низменно-животныхъ. Психопатія и гистерія выглядывали изъ всего этого. Не то, такъ другое, не мужчина, такъ морфинъ или еще какое средство опьянять себя. А тамъ — изступленіе клиническихъ субъектовъ.

Запахъ сильныхъ духовъ шелъ отъ нея и началъ бить его въ виски. Этотъ запахъ выѣдалъ изъ сердца даже хорошую жалость, какую она пробудила въ немъ нѣсколько минутъ назадъ.

— Не хочу лгать, Серафима, — сказалъ онъ твердо и сдѣлалъ движеніе, которымъ какъ бы отводилъ отъ себя ея станъ.

— Я не требую... Не гони!

— Не гнать! Значитъ, жить съ тобой... жить... Иначе нельзя... Я не картонный. А жить я не могу не любя!

— Боишься?—перебила она и съ расширенными зрачками уставилась на него.

— Боюсь?.. Да! Не стану таиться. Боюсь.

— Чего?

— Все того же! Распусты боюсь!.. Тебя никакая страсть не передѣлаетъ. Ты не можешь сбросить съ себя натуры твоей... Съ тобой я опять завяжу сначала одинъ ноготокъ въ тину, а потомъ и всю лапу.

— А теперь ты, небось, праведникъ?

Она достала шляпку, стала надѣвать ее.

— Не праведникъ. Куда же мнѣ!..

— Въ гору пошелъ... Крупнымъ дѣльцомъ считаешься.

— Потому-то и долженъ за собою слѣдить... чтобы деньга всей души не выѣла...

Серафима поднялась на ноги однимъ движеніемъ своего гибкаго тѣла.

— И все это не то!

Щеки ея мгновенно поблѣднѣли, глаза ушли въ орбиты.

— А что же?—тихо спросилъ Теркинъ.

— Не барышню ли присматриваешь? — она указала правой рукой въ сторону дома. — Вмѣстѣ съ усадьбой и породниться желаешь?.. Ха-ха! И на такого суслика, какъ эта толстощекая дѣвчонка, ты мѣняешь меня... мою любовь!.. Вѣдь она не женщина, а сусликъ, сусликъ!..

Слово это она схватила съ злорадствомъ и готова была повторять до безконечности.

— Почему же сусликъ?—остановилъ ее Теркинъ и тоже поднялся.

Они стояли близко одинъ къ другому, и дыханіе Серафимы доходило до его лица... Глаза ея все чернѣли, и вокругъ рта ползли змѣйки нервныхъ вздрагиваній.

— Ну, да!.. Мы влюбляемъ въ себя крупичатыя, раздутыя щеки... И дворянскую вотчину намъ хочется оставить за собою. А потомъ въ земцы попадемъ... Жаль, что нельзя въ предводители... Ха-ха!..

Смѣхъ ея зазвучалъ истерической нотой.

— Полно, Серафима! Какъ не стыдно!.. — еще разъ остановилъ онъ ее.

— Если такъ... на здоровье!.. Прощай!

Она начала-было выгибать на особый ладъ пальцы и закидывать шею, переломила себя, перевела плечами, на-

тянула перчатки, отряхнула полы пальто, повернулась и пошла вверхъ, промолвивъ ему:

— Владѣй своимъ сусликомъ!.. Совѣтъ да любовь!.. Провожать меня не надо—найду дорогу... Дорогу свою я теперь знаю!..

XXIX.

Онъ не сталъ ее удерживать и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Серафима пошла порывистой поступью и стала подниматься по крутой тропинкѣ, нервно оправляя на ходу свою накидку.

Слѣдовало бы проводить ее, объяснить какъ-нибудь хозяевамъ такой быстрый отъѣздъ странной гостьи: она вѣдь прислала сказать съ человѣкомъ, что явилась „по дѣлу". Ему не хотѣлось вставать съ земли, не хотѣлось лгать.

Не могъ онъ заново отдаться этой женщинѣ. Обвинять ее онъ ни въ чемъ не способенъ. Протянуть ей руку готовъ, но вѣдь ей не того нужно. „Или все, или ничего"—какъ всегда было въ ней и всегда будетъ. Отъ него въ лицѣ этой разъяренной женщины уходилъ соблазнъ, власть плоти и разнузданныхъ нервовъ. Онъ облегченно вздохнулъ. И сейчасъ же всплыло въ душѣ стремленіе къ чему-то другому. Надо перестать „блудить"—ему вспомнилось слово Серафимы, изъ первой ихъ любовной борьбы, когда она ему еще не отдавалась. Къ чему непремѣнно искать страсти? Развѣ не лучше, когда сближеніе съ женскимъ существомъ—доброе дѣло?.. Простой мужицкій бракъ, только безъ корысти и жесткости. Судьба посылаетъ молоденькую дѣвушку, здоровую, простодушную—дѣлай изъ нея что̀ хочешь, вызови въ ней тихое и прочное чувство, стань для нея источникомъ всякой правды, всякаго душевнаго свѣта. Если ты не возьмешь ея, она сгинетъ, потому что она безпомощна.

Теркинъ все еще не двигался съ мѣста.

Покажись на верху обрыва свѣтлое платье Сани—онъ бы вскочилъ и окликнулъ ее. Какъ будто что-то виднѣется за деревьями. Не ищутъ ли его? Мелькнуло что-то темное. Онъ сталъ пристально всматриваться и узналъ фигуру Хрящева.

— Антонъ Пантелеичъ!—крикнулъ онъ ему снизу.—Я здѣсь! Спускайтесь.

Хрящевъ ускорилъ шагъ и спустился къ нему прямо

по пригорку, съ картузомъ въ рукахъ, немного запыхавшійся.

— Къ вамъ, Василій Иванычъ, гонцомъ. Сейчасъ отъявился и нашелъ тамъ всѣхъ господъ Черносошныхъ въ большомъ волненіи. Позволите присѣсть маленько на травку?

— Садитесь. Что же такое?

Теркинъ спросилъ это съ нѣкоторой тревогой въ голосѣ.

— Да сюда какая-то госпожа къ вамъ пріѣзжала. Я разминулся съ ней у воротъ... Въ коляскѣ... Шляпка такая съ цвѣтами, и вообще съ большимъ эффектомъ.

— Ну, и что жъ?

— Меня сейчасъ всѣ обступили. И горбуля, и братецъ ихъ... и ловкачъ-таксаторъ: что, молъ, за особа? Не желаетъ ли какъ-нибудь помѣшать продажѣ?.. Ужъ не знаю, почему они такъ вдругъ заподозрили. Говорятъ, по дѣлу пріѣхала, Василія Иваныча увела въ садъ, и сначала въ бесѣдкѣ сидѣли, а потомъ внизъ пошли. И въ недолгомъ времени барыня эта прошла цвѣтникомъ въ экипажъ... Въ большомъ находятся смущеніи и просили васъ отыскать. Ха-ха!.. А вы въ цѣлости и невредимости находитесь!

— Такъ они испугались не насчетъ того, что барыня эта въ меня купороснымъ масломъ плеснетъ, а насчетъ нашей купли-продажи?

— Извѣстное дѣло. Однако, долженъ присовокупить, Василій Иванычъ, что барышня въ смущеніи и насчетъ именно васъ, не случилось ли чего... Проводила меня на балконъ и тихонько проронила: дайте, молъ, мнѣ знакъ... можетъ, что-нибудь нужно... Я по аллеѣ похожу, говоритъ.

— Александра Ивановна?

— Такъ точно... И въ глазкахъ мельканье. Очень въ ней много еще этой младости переливается.

Теркинъ сѣлъ и подобралъ ноги. Его потянуло наверхъ, но ему не хотѣлось показать это сейчасъ Хрящеву.

— Спасибо, Антонъ Пантелеичъ,—заговорилъ онъ мягкимъ дѣловымъ тономъ.—Покончили съ обзоромъ дальняго урочища?

— Покончилъ, Василій Иванычъ.

— И что нашли?

— Порубочки есть... болотца два. Не мало и старыхъ, гнилыхъ корчагъ. Но въ общемъ не плохо.

— А я васъ могу порадовать: того жуличка въ красномъ галстукѣ сегодня же фьють!

— Подорожную изволили прописать ему?

— Прописалъ.

Хрящевъ присѣлъ сразу на корточки и сбросилъ на траву свой бѣлый картузъ. Лицо его повела забавная усмѣшка съ движеніемъ ноздрей. Теркинъ разсмѣялся.

— Василій Иванычъ!.. Кормилецъ!.. Позвольте васъ такъ по-крестьянски назвать. Ей-Богу, я не изъ ехидства радуюсь... Только зачѣмъ же къ вашему чистому дѣлу такихъ мусьяковъ подпускать!..

И точно спохватившись, Антонъ Пантелеичъ нагнулся къ Теркину и шопотомъ спросилъ:

— Какъ же... къ милой барышнѣ сами подниметесь или мнѣ прикажете ее успокоить?

— Я самъ.

Однимъ взмахомъ всталъ на ноги Теркинъ и оправился.

— Александра Ивановна тамъ, въ аллеѣ?

— Такъ точно. Около бесѣдки ее найдете. А мнѣ позвольте здѣсь маленько поваляться. Очень ужъ я полюбилъ этотъ паркъ, и такъ моя фантазія разыгрывается здѣсь, Василій Иванычъ... Все насчетъ дендрологическаго питомника...

— Будетъ и питомникъ... Какъ вы называете? Ден... Ден..?

— Это по-ученому: дендрологическій, а попросту: древесный.

— Все будетъ, Антонъ Пантелеичъ. Все будетъ!—радостно крикнулъ Теркинъ и почти бѣгомъ сталъ взбираться по откосу, даже не цѣпляясь за мелкую поросль.

Наверху мелькнуло свѣтлое платье Сани. Она шла къ бесѣдкѣ. Тамъ началось ихъ объясненіе съ Серафимой, какой-нибудь часъ назадъ.

Почему-то—онъ не могъ понять—вдругъ, въ свѣтѣ жаркаго іюльскаго дня, ему представился голый загороженный садикъ буйныхъ сумасшедшихъ женщинъ, куда онъ глядѣлъ въ щель, полный ужаса отъ мысли о возможности сдѣлаться такимъ же, какъ онѣ. И не за Серафиму испугался онъ, а вонъ за ту дѣвчурку, за ту, кого она назвала презрительнымъ словомъ „сусликъ“. Не пошли

его судьба сюда—и какой-нибудь негодяй-таксаторъ въ красномъ галстукѣ обезчестилъ бы ее, а потомъ бросилъ. Она стала бы матерью, не выдержала бы сраму—и вотъ она на выжженной травѣ, въ одной грязной рубашкѣ, и воетъ, какъ выла та баба, что лежала полуничкомъ и что-то ковыряла въ землѣ.

Дрожь прошлась по немъ съ маковки до щиколокъ, когда этотъ образъ выплылъ передъ нимъ ярко, въ краскахъ и линіяхъ. Онъ въ эту минуту былъ уже на краю обрыва... Точно подъ захватомъ страха за Саню, онъ бросился къ ней и издали закричалъ:

— Александра Ивановна, Александра Ивановна! Я здѣсь!

Саня—она уже подходила къ бесѣдкѣ—быстро обернулась и ахнула своимъ милымъ дѣтскимъ „ахъ!..“

Теркинъ подбѣжалъ къ ней и повелъ ее въ бесѣдку.

Оба они видны были съ того мѣста, подъ дубкомъ, куда перебрался Антонъ Пантелеичъ. Его бѣлый картузъ лежалъ на травѣ. Загорѣлый лобъ искрился капельками пота... Онъ жмурилъ глаза, поглядывая наверхъ, гдѣ фигуры Теркина и Сани уже близились къ бесѣдкѣ.

Юморъ проползалъ чуть замѣтной линіей по доброму рту Антона Пантелеича... Потомъ глаза получили мечтательный налетъ.

„Такъ, такъ! — думалъ онъ словами и слышалъ ихъ въ головѣ, — мать-природа ведетъ всѣ твари, каждую къ своему предѣлу... Гдѣ схватка за жизнь, гдѣ влюбленіе, а исходъ одинъ... Все во всемъ исчезаетъ, и опять изъ невидимыхъ сѣмянъ ползетъ злакъ, и родится человѣкъ, и душа трепещетъ передъ чудомъ вселенной!..“

Стѣны бесѣдки, обвитыя ползучими растеніями, скрыли пару отъ глазъ его. Онъ тихо улыбался.

XXX.

Грудь Сани замѣтно колыхалась и щеки пылали, когда Теркинъ велъ ее усиленно къ бесѣдкѣ.

— Милая моя барышня, вы меня искали?.. Безпокоились?

Подъ взглядомъ его большихъ глазъ она еще сильнѣе смутилась; губы ея раскрывались въ усмѣшку ласковаго и точно въ чемъ-то пойманнаго ребенка.

Ее послали узнать не о томъ, не приключилось ли чего

съ Василіемъ Иванычемъ, а не вышло ли какой „каверзы“ отъ этой дамы, не разстроилось ли дѣло продажи.

Лгать Саня не смѣла.

— Милый Василій Иванычъ! — она взяла его за обѣ руки и отвела голову, чтобы не расплакаться, — папа боится... и тетка Павла также... вы понимаете... Думаютъ— что-нибудь эта дама насчетъ имѣній... вы понимаете... Папу жалко... ему нужно продать.

— А вамъ самимъ жалко усадьбы, жалко парка?

— Да... жалко.

Слезинки задрожали на рѣсницахъ.

— И вы на меня смотрите какъ на хищнаго звѣря какого? Возьметъ да и пожретъ ваше родное гнѣздо!

— Нѣтъ! Нѣтъ! — Саня начала трясти его за руки.— Не думайте такъ! Вы добрый! Вы хорошій!.. Они говорятъ: больше васъ никто не дастъ. Но вы спрашиваете, жалко ли? Какъ же не жалѣть!

— Сядьте, сядьте! — усаживалъ ее Теркинъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.—Лгать не умѣете! Милая... Вы вѣдь ребеночекъ. Дитятко! — такъ на деревнѣ говорятъ. Не то, что мы всѣ, великіе грѣшники!

— А я-то!

Этотъ возгласъ вырвался у Сани порывисто, вмѣстѣ съ движеніемъ головы, которую она еще сильнѣе отвернула, и одну руку высвободила, чтобы вынуть платокъ и утереть глаза.

— Вы-то?

— Да, я, я, Василій Иванычъ... Вы со мной какъ другъ обошлись... какъ старшій братъ... Думаете, я безгрѣшная, херувимъ съ крылышками, а я гадкая!

— Ну, ужъ и гадкая!

— Гадкая!

Саня выдернула и другую руку и обѣими ладонями закрыла лицо.

— Что жъ вы такое натворили?

— До васъ мнѣ не было стыдно... Я позволяла...

— Цѣловать себя? — подсказалъ Теркинъ, и его этотъ вопросъ пронизалъ жуткимъ ощущеніемъ... Ему не хотѣлось, чтобы она отвѣтила: „да“.

— Позволяла! — шопотомъ выговорила Саня, и слезы перешли въ рыданія.

Сквозь нихъ онъ различилъ слова:

— Будете презирать... Тетка Павла говоритъ: „развратная дѣвчонка“... Неужели правда? Господи!

И у него навернулись слезы. Онъ не выдержалъ, схватилъ ее за руки, потомъ притянулъ къ себѣ и горячо, долго поцѣловалъ въ лобъ.

Рыданія прекратились; она только чуть слышно всхлипывала.

Ни одной секунды не подумалъ онъ: „Что̀ ты дѣлаешь? Вѣдь ты судьбу свою рѣшаешь, подъ вѣнецъ хочешь вести этого „суслика“!

„Сусликъ“ сталъ ему въ нѣсколько минутъ еще дороже. Никакого прилива мужской хищности онъ не почуялъ въ себѣ. Только бы утѣшить Саню и поставить на честный путь.

Она вся затихла, и въ груди у нея точно совсѣмъ замерло. И такъ сладко было это замираніе. Радость охватила ее оттого только, что „милый Василій Иванычъ“ знаетъ теперь, въ чемъ она гадко поступала, что онъ простилъ ее, не отвернулся отъ нея, какъ отъ развратной дѣвчонки. Никакой надежды быть его невѣстой не промелькнуло передъ ней. Она забыла даже, какъ ее десять минутъ назадъ схватило за сердце отъ пріѣзда нарядной красавицы.

Когда Теркинъ цѣловалъ ее въ голову, онъ почувствовалъ, до какой степени она далека въ эту минуту отъ всякаго дѣвичьяго расчета... И онъ умиленно взялъ ее опять за руки, поднесъ ихъ къ губамъ и долго глядѣлъ ей въ глаза, откуда тихо текли слезы.

— Дитятко! — повторилъ онъ мужицкимъ звукомъ.— Дитя малое... неразумное!.. Все это стряхнули вы разомъ... И слѣда не будетъ. Все уладимъ. Не разорять я ваше гнѣздо пришелъ, а за́ново уладить!

— Какъ? — спросила Саня и сквозь слезы улыбнулась ему.

— За собой оставлю... усадьбу и паркъ. Только это я вамъ на ушко говорю... Вамъ сто̀итъ сказать одно словечко. Вы вѣдь знаете, я мужичьяго рода... По-мужицки и спрошу: любъ вамъ, барышня, разночинецъ Василій Ивановъ Теркинъ... а? Коли не можете еще самой себѣ отвѣтить, подождите.

— Любъ! — звонко откликнулась Саня и неудержимо засмѣялась.

Этому смѣху вторилъ и онъ, и его широкая грудь слегка вздрагивала, а на глазахъ навертывались слезы.

Оба они опять сѣли рядомъ, рука въ руку.

— Если я вамъ любъ, не нужно вамъ будетъ разставаться съ роднымъ гнѣздомъ.

Глаза Сани удивленно расширились.

— Какъ же не нужно? Вы, стало-быть, не покупаете?

— Покупаю. Ахъ, простота вы младенческая!.. Не понимаете?

Глаза его пояснили ей то, чего онъ не досказалъ.

До ушей залила ей кровь пышныя щеки; она вся рванулась, прошептала:

— Пустите, голубчикъ, Василій Иванычъ! — и выбѣжала изъ бесѣдки.

Онъ рукъ не удерживалъ, но вдогонку окликнулъ:

— Александра Ивановна!

Саня остановилась, вся трепетная.

— Уговоръ лучше денегъ! Никому ни гу-гу, пока я съ папашей самъ не переговорю... Можетъ, вѣдь и коляску мнѣ подадутъ.

Смущеніе Сани смѣнилось тихимъ смѣшкомъ. Она подошла къ нему, протянула руку и низко наклонила голову къ его лѣвому уху.

— Можно объ одномъ спросить?

— О чемъ хотите, дитятко!

— Та дама... ваша знакомая или родня?

— Ту даму, — весело отвѣтилъ Теркинъ, — вы больше никогда не увидите въ жизни вашей!..

— Да?..

Ея губы чуть-чуть приложились къ виску Теркина, и она еще быстрѣе, чѣмъ въ первый разъ, выбѣжала на аллею. Щеки горѣли огнемъ; въ груди тоже жгло, но пріятно, точно отъ бокала шампанскаго. Въ головѣ все какъ-то прыгало. Она не могла задержать ни одной опредѣленной мысли.

И вдругъ, около пятой или шестой липы, она встала какъ вкопанная. Холодокъ проползъ по ней и отдался внутри. Все ей стало ясно. Это было предложеніе. И она дала согласіе. Но какъ? Звонко, чуть не съ хохотомъ, выпалила мужицкое слово: „любъ“.

— Ахъ, я несчастная!

Она схватилась рукой за стволъ дерева: ноги у нея подкашивались.

Развѣ такъ даютъ свое согласіе порядочныя барышни?! Что̀ онъ подумалъ?.. „Обрадовалась, матушка, что я тебя беру за себя. Ты нищей можешь остаться, а я хоть и разночинецъ, да милліонщикъ. Вотъ ты и закричала: „любъ“, точно въ лото самый большой номеръ тебѣ вынулся!“

— Господи! Господи!—шептала она растерянно.

Холодный потъ выступилъ у нея на лбу, и даже въ глазахъ у нея начало пестрѣть. Но это было не больше десяти секундъ.

„Нѣтъ! Онъ не такой!“—радостно и убѣжденно вскричала она про себя и пошла скорой и легкой походкой къ дому, не глядя передъ собою.

— Александра Ивановна! Гдѣ вы пропали?

Ее остановилъ рѣзкій мужской возгласъ. Первачъ преградилъ ей дорогу съ руками, вытянутыми къ ней. Онъ ими почти касался ея плечъ.

— Николай Никанорычъ!—громко выговорила она, на ходу уклоняясь отъ него.—Подите, скажите всѣмъ: Василій Иванычъ что̀ разъ рѣшилъ, того не измѣнитъ.

— Да что вы такая торжественная? Точно онъ васъ чѣмъ осчастливилъ. Потѣха!

— Онъ больше того сдѣлалъ!.. Онъ меня отъ васъ избавилъ... Прощайте!

Мимо террасы, гдѣ еще сидѣли за чайнымъ столомъ, Саня пробѣжала во флигель разсказать обо всемъ нянѣ Ѳедосеевнѣ.

XXXI.

Тихое и теплое утро, съ мелкими кудрявыми облачками въ сторону полудня, занялось надъ заказникомъ лѣсной дачи, протянувшейся за усадьбой Заводное. Дача, на версту отъ парка, внизъ по теченію, сходила къ берегу и перекидывалась за Волгу, гдѣ занимала еще не одну сотню десятинъ. Тамъ обособился сосновый лѣсъ; по заказнику шелъ еловый пополамъ съ чернолѣсьемъ.

Часу въ седьмомъ утра на одной изъ недавнихъ просѣкъ, уже заросшихъ травой и мелкимъ кустарникомъ, на широкомъ мшистомъ пнѣ съ оголенными корнями присѣли два пѣшехода, бродившіе по лѣсу съ разсвѣта.

Это были Теркинъ со своимъ подручнымъ, Хрящевымъ.

Они условились наканунѣ чѣмъ-свѣтъ встать, отпра-

виться въ заказникъ пѣшкомъ, натощакъ, и никого въ домѣ не будить. Вчера вотчина Черносошныхъ съ этимъ заказникомъ перешла во владѣніе компаніи, и вчера же обручили Теркина съ Саней.

Ему нужно было отвести душу въ лѣсу. Хоть онъ и сказалъ Хрящеву: „произведемъ еще смотръ заказнику“, но Антонъ Пантелеичъ понялъ, что его патрону хочется просто „побрататься“ съ лѣсомъ, и это его особенно тронуло. Ихъ обоихъ всего сильнѣе сблизило чувство любви къ родной природѣ и жалости къ вѣковымъ угодьямъ, повсюду обреченнымъ на хищеніе.

Оба немного утомились, но ни голодъ, ни жара не безпокоили ихъ.

Передъ ними, черезъ узкую прогалину, съ тропкой вдоль ея, вставали могучія ели съ синѣющей хвоей. Иныя, снизу обнаженныя, съ высохшими вѣтвями, казались издали соснами. Позади стѣны хвойныхъ деревьевъ протянулась полянка, густо-зеленаго цвѣта, а тамъ, дальше, шли кусты орѣшника и рябины. Кое-гдѣ стройно и весело высились бѣлые стволы березъ. Вправо солнце заглянуло на прогалину, шедшую узкой полосой, и цвѣтъ травы переходилъ въ ярко-изумрудный.

На немъ остановился ласкающій взглядъ умныхъ и смѣшливыхъ глазокъ Антона Пантелеича, онъ указалъ Теркину на эту полосу пухлымъ пальцемъ правой руки:

— Мурава-то какая, Василій Иванычъ, точно совсѣмъ изъ другого царства природы! Что̀ солнышко-то можетъ выдѣлывать... И какая это красота—ель!.. Поспоритъ съ дубомъ... Посмотрите вотъ хоть на сего исполина! Что твой кедръ ливанскій, нужды нѣтъ, что не даетъ такихъ сладкихъ орѣшковъ и произрастаетъ на низинахъ, а не на южныхъ высотахъ!

— На ель я сосны не промѣняю,—возразилъ Теркинъ и боковымъ пріятельскимъ взглядомъ поглядѣлъ на „созерцателя“.

— Ахъ, нѣтъ! Не скажите, Василій Иванычъ! Сосна, на закатѣ солнца, тоже красавица; только ей далеко до ели. Эта, вонъ видите, и сама-то шатромъ ширится и охраняетъ всякую былинку... Отчего здѣсь такая мурава и всякіе кусты, ягоды? Ея благодѣяніями живутъ!.. А въ сосновомъ бору все мертво. Правда, идешь какъ по мягкому ковру, но коверъ этотъ бездыханный... изъ мертвой хвои, сложился десятками лѣтъ.

— Нужды нѣтъ, Антонъ Пантелеичъ! Сосна — царица нашихъ хвойныхъ породъ... Домъ ли строить, мачту ли ставить... Поспоритъ съ дубомъ не въ одной красотѣ, а и въ крѣпости... Она по здѣшнимъ мѣстамъ — основа всего лѣсного богатства. И дрова-то еловыя, сами знаете, не въ почетѣ обрѣтаются.

— Знаю, знаю! И полагаю, что это предразсужденіе... Горятъ они слишкомъ споро оттого, что въ нихъ смолы больше; но развѣ назначеніе такихъ вотъ великановъ — топка?.. Въ нихъ хватитъ жизни на вѣкъ и больше. И все въ тѣни ихъ шатровъ цвѣтетъ и радуется.

По краямъ просѣкъ и подъ ихъ ногами, и вокругъ елей, по густой травѣ краснѣли шапочки клевера, мигала куриная слѣпота, выглядывали вѣнчики мелкихъ лѣсныхъ маргаритокъ, и бѣлѣли лепестки обильной земляники... Чуть примѣтными крапинками, точно притаившись, мелькали ягоды; тонкое благоуханіе подползало снизу, и слабый, только что поднявшійся вѣтерокъ смѣшивалъ его съ болѣе крѣпкимъ смолистымъ запахомъ хвои.

Надъ ихъ головами зашелестѣли листы одинокой осины, предвѣщая перемѣну въ погодѣ. И шелестъ этотъ сейчасъ же распозналъ Хрящевъ, поднялъ голову и оглянулся назадъ.

— Нашъ приволжскій тополь!

— Это осина-то?—спросилъ смѣшливо Теркинъ.

— Въ чемъ же она виновата, что ее съ Іудой Искаріотскимъ повѣнчали?.. А какой трепетъ въ ней... Музыка! И стройность! Не все же на хозяйскій аршинъ мѣрять.

Эти слова могли показаться обидными Теркину. Хрящевъ даже покраснѣлъ и взглядомъ попросилъ въ нихъ извиненія.

— Не обезсудьте... Я отъ простоты.

— Понимаю!—благодушно откликнулся Теркинъ и положилъ ему руку на плечо.—Въ васъ, я вижу, вся душа трепещетъ на лонѣ природы! И это мнѣ чрезвычайно любо, Антонъ Пантелеичъ.

— Весьма счастливъ!—съ особеннымъ вздохомъ и конфузливо вымолвилъ Хрящевъ, тотчасъ же смолкъ и прикрылъ глаза.

Изъ чащи, позади ихъ, въ тишинѣ, наступившей послѣ мимолетнаго шелеста листьевъ осины, — такая тишь бы-

ваетъ передъ перемѣной погоды, — просыпались нотки пѣвчей птицы.

— Щеголъ!..—чуть слышно произнесъ Хрящевъ.

— Щегленокъ?—переспросилъ Теркинъ.

— Онъ самый! А вотъ и пѣночка отъявилась.

Дорогой до нихъ не доходило пѣніе и щебетаніе; а теперь въ ихъ ухо входилъ каждый завитокъ мелодіи серебристымъ дрожаніемъ воздуха.

Еще какая-то птица подала голосъ уже изъ-за прогалины, гдѣ все еще свѣтлѣе изумрудовъ зеленѣла трава отъ закравшихся лучей.

— Не хочу наобумъ говорить, Василій Иванычъ, а сдается мнѣ—снѣгирь.

Она вскорѣ смолкла, но пѣночка разливалась и гдѣ-то очень близко.

Никогда еще въ жизни не было Теркину такъ глубоко спокойно и радостно на душѣ, какъ въ это утро. Пѣночка своими переливами разбудила въ немъ не страстную, а теплую мечту о его Санѣ. Такъ напѣвала бы здѣсь и Саня своимъ высокимъ вздрагивающимъ голоскомъ. Стыдливо почувствовалъ онъ себя съ Хрящевымъ. Этотъ милый ему чудакъ стоитъ довѣрія. Навѣрное, нянька Ѳеосеевна—они подружились—шепнула ему вчера, подъ вечеръ, что барышня обручена. Хрящевъ ни однимъ звукомъ не обмолвился насчетъ этого.

— Антонъ Пантелеичъ!—съ опущенной головой окликнулъ Теркинъ.

— Ась?

— Птицы поютъ и у меня на душѣ...

— Лучше всего это, Василій Иванычъ.

— И вы, небось, знаете по какой причинѣ?

Онъ весело подмигнулъ ему.

— Ежели позволите... Лгать не буду... Еще вчера...

— Ѳедосеевна, поди, не утерпѣла?

— Такъ точно. Позвольте отъ всего сердца и помышленія пожелать вамъ...

Хрящевъ протянулъ ему ладонь. Теркинъ крѣпко пожалъ.

— Побѣду полную одержали. Во всѣхъ статьяхъ... Виватъ! Небось будущій тестюшка вашъ спасовалъ, а, кажется, довольно высоко себя ставитъ... судя по обхожденію....

— А вы скажите-ка мнѣ, Антонъ Пантелеичъ, только

безъ утайки, — вы небось думаете, что я тестюшку-то поддѣлъ, по-дѣлецки: сначала руки дочери попросилъ; а, молъ, откажешь — не куплю у тебя ни одной десятины.

— Ни Боже мой!.. Конечно, такой подходъ былъ бы, пожалуй, и самый настоящій, ха-ха! — На глазахъ Хрящева показались слезинки смѣшливости.—Но вы не такой... Вы, какъ на Окѣ говорятъ... тамъ, въ горбатовской округѣ, вы *боэсъ!* Это они, видите, „молодецъ“, „богатырь“, „боецъ“ выговариваютъ на свой ладъ...

— Спасибо!

Теркину заново пріятно стало оттого, что онъ сначала заключилъ предварительную сдѣлку съ Иваномъ Захарычемъ, а потомъ ужъ попросилъ руки дочери... Тотъ было хотѣлъ поломаться, но какъ-то сразу осѣкся, началъ что-то такое мямлить, вошла Павла Захаровна—и все было покончено въ нѣсколько минутъ.

— Тайна!—выговорилъ Хрящевъ, опустивъ обѣ руки.— Какъ и все!—прибавилъ онъ и смолкъ.

Ничего ему не сказалъ и Теркинъ. Оба сидѣли на мшистомъ пнѣ и прислушивались къ быстро поднявшемуся шелесту отъ вѣтерка. Ярко-зеленая прогалина начала темнѣть отъ набѣгавшихъ тучекъ. Ближнія осины, березы за просѣкой и большія рябины за стѣной елей заговорили наперебой шелковистыми волнами разныхъ звуковъ. Потомъ поднялся и все крѣпчалъ гулъ еловыхъ вѣтвей, вбиралъ въ себя шелестъ листвы и расходился по лѣсу, въ родѣ негромкаго прибоя волнъ.

Птицы смолкли. Но сквозь гулъ отъ налетѣвшаго вѣтра тишина заказника оставалась все такой же, и малѣйшій сторонній звукъ былъ бы слышенъ.

— Тукъ!—раздалось около нихъ въ двухъ саженяхъ.

— Шишка упала съ ели,—шопотомъ сказалъ Хрящевъ и поднялся.

— Ай-да, Антонъ Пантелеичъ!—крикнулъ Теркинъ.— Пожалуй, еще дождь хлынетъ; а мнѣ хочется вонъ въ тотъ край.

Они пошли молча, бодрымъ, не очень спѣшнымъ шагомъ. Солнце совсѣмъ спряталось, и все разомъ потемнѣло.

XXXII.

Съ четверть часа шли они „скрозь“, держались чуть замѣтной тропки и попадали въ чащу. Обоимъ былъ

любъ крѣпнувшій гулъ заказника. Съ одной стороны неба тучи сгустились. Справа еще оставалась полоса чистой лазури. Кусты чернолѣсья мѣстами заслоняли имъ путь. На концахъ свислыхъ еловыхъ вѣтвей весенняя поросль ярко-зеленымъ кружевомъ разсыпалась по старой синѣющей хвоѣ.

Птицы смолкли, чуя возможность дождя, а то и бури. Одинъ только дятелъ тукалъ гдѣ-то, должно-быть далеко: звуки его клюва доносились отчетливо и музыкально.

— Старается старина! — вдумчиво выговорилъ Хрящевъ, отстраняя отъ себя вѣтви орѣшника и низкорослаго клена, которыя то и дѣло хлестали ихъ обоихъ по плечамъ и задѣвали за лицо. — Ишь какъ старается! Мудрѣйшая птица и пользительная. Знаете, Василій Иванычъ, дятлы и дрозды — это указатели добра и зла въ жизни природы.

— Какъ такъ? — съ тихимъ смѣхомъ спросилъ Теркинъ.

Онъ пробирался впереди.

— Который стволъ дятелъ обработываетъ—тотъ, стало, обреченъ на гніеніе, на смерть... Дроздъ также тычетъ да тычетъ себѣ, улавливая чужеядныхъ мурашекъ. Истребляетъ орудіе смерти. По-нынѣшнему — микробовъ... Хорошо бы такихъ людей имѣть на виду... Бьетъ кого примѣрно, тотъ, значитъ, душу свою давно продалъ духу тьмы.

— Какъ будто мало пресмыкается по свѣту рабовъ и прихлебателей около властныхъ мерзавцевъ и распутниковъ, бросающихъ имъ подачку!

— Это точно. И по нимъ можно діагнозъ свой поставить, по-медицински выражаясь. Но тѣ сами въ родѣ песьихъ мухъ или жуковъ, питающихся навозомъ и падалью. А эти — чистыя птицы, долголѣтнія и большого разума. Дроздъ умнѣе попугая и сталъ бы говорить промежду собою, если бъ онъ съ первыхъ дней своего бытія съ людьми жилъ въ ежедневномъ общеніи.

Теркинъ опять разсмѣялся и даже мотнулъ головой.

За чащей сразу очутились они на берегу лѣсного озерка, шедшаго узковатымъ оваломъ. Правый затонъ затянула водяная поросль. Вдоль дальняго берега шли кусты тростника, и желтые лиліевидные цвѣты качались на широкихъ гладкихъ листьяхъ. По водѣ, больше къ срединѣ, плавали бѣлыя кувшинки. И на фонѣ стѣны

изъ елей, одна отъ другой въ двухъ саженяхъ, стройно протянулись вверхъ двѣ еще молодыя сосны, отражая полоску свѣта своими шоколадно-розовыми стволами.

— Антонъ Пантелеичъ! — вскрикнулъ Теркинъ — они оба стали у воды. — Что я вамъ говорилъ! Гляньте-ка сюда! Сосны! Какая краса! Всю картину озарила!

Хрящевъ прищурился и долго глядѣлъ молча.

— Не спорю! Въ родѣ столповъ эллинскаго храма... Однако на ель и кедръ не промѣняю.

— Кто-то и порубочку произвелъ... только хозяйственную.

Теркинъ указалъ на недоложенную до полной мѣры сажень дровъ.

— Лѣсникъ на зиму приготовилъ, — замѣтилъ Хрящевъ, воззрившись. — Полсажня срубилъ, не вѣдая, что хозяева будутъ новые. И дрова-то ольховыя,—не больно поживился.

Оба разомъ усмѣхнулись и пошли вдоль берега къ тому мѣсту, гдѣ перешеекъ раздѣлялъ два озерка. Мѣсто выдалось особенно милое, — точно ландшафтъ, набросанный мастеромъ, воспитавшимъ свой талантъ и умѣнье на видахъ русской лѣсной природы.

Дальнѣйшій конецъ второго озерка, въ видѣ четырехугольника, весь сплошь заросъ зеленью, и только ея рѣзкій цвѣтъ и матовость не позволяли впасть въ обманъ и принять ее за мураву.

— Плѣсень-то, плѣсень!—громко замѣтилъ Теркинъ.— Что твоя ботвинья!

— Плѣсень, — повторилъ за нимъ Хрящевъ и, взявшись рукой за мясистый добрый подбородокъ, усмѣхнулся. — Вы скажете — умничаетъ Антонъ Пантелеичъ, все подъ видомъ агрономіи въ ученые мѣтитъ. Плѣсень, извѣстное дѣло. И съ ботвиньей сходство не малое. А тутъ цѣлое море низшихъ произрастаній. И какая въ нихъ найдется красота, ежели подъ стеклышкомъ разсматривать...

Взгляды ихъ встрѣтились. Теркинъ съ благодушнымъ любопытствомъ слушалъ своего лѣсовода и думалъ подъ его негромкую, немного слащавую рѣчь:

„А развѣ онъ не правъ, чудакъ-созерцатель? Урокъ мнѣ отличный преподалъ, не желая умничать, а только любя правду. Ботвинья — для нашего брата, дешеваго

остроумца; плѣсень—для того, кто на обухѣ рожь молотитъ; а для него—чудо!"

Онъ уже запомнилъ теплое восклицаніе Хрящева: „все чудо!" — гдѣ прорвалось его отношеніе къ жизни всего сущаго.

Послѣднюю полоску свѣта заволокло; но тучи были не грозовыя, темноты съ собой не принесли, и на широкомъ перелѣскѣ, гдѣ притулились оба озерка, лежало сѣроватое, ровное освѣщеніе, для глазъ чрезвычайно пріятное. Кругомъ колыхались нешумныя волны лѣса, то отдавая шелковистымъ звукомъ лиственныхъ породъ, то переходя въ гудѣніе хвои, заглушавшее всѣ остальные звуки.

И среди этой музыки не переставалъ проноситься одинъ лишь птичій звукъ:

— Тю-ить! Тю-ить! Тю-ить!..

Помнилъ его Теркинъ съ дѣтства самаго ранняго. Навѣрное зналъ мальчикомъ, какая птица издаетъ его, но теперь не могъ сказать. Это его какъ будто огорчило. Спрашивать у Хрящева онъ не захотѣлъ. Ему уже больше не говорилось... Весь онъ ушелъ въ глаза и слухъ.

Замедленнымъ, немного усталымъ шагомъ держались они лѣвой руки. Тамъ, по ихъ соображеніямъ, шла новая просѣка, проведенная недавно таксаторомъ Первачомъ.

— Тю-ить, тю-ить, тю-ить! — пускала все оттуда же неизвѣстная Теркину птица.

Онъ шелъ опять впереди. Нога его попадала то на корни, то на муравьиныя шишки. Кусты лиственныхъ породъ все густѣли.

— Антонъ Пантелеичъ!—окликнулъ онъ Хрящева, пробиравшагося осторожно.

— Здѣсь.

— Не сбиться бы намъ?

— Помилуй Богъ, Василій Иванычъ!

Изъ-за колючихъ вѣтвей лѣсного шиповника, покрытаго цвѣтами, выглянуло широкое лицо Хрящева. Въ одной рукѣ онъ держалъ что-то блестящее.

— Что это у васъ?—спросилъ Теркинъ.

— Карманный компасъ, никогда не разстаюсь. Мы идемъ правильно. Вотъ сѣверъ. Усадьба лежитъ на югѣ-востокѣ. Выйти намъ надо на сѣверо-западъ.

Вѣтеръ притихъ, а небо все еще оставалось сѣренькимъ, съ разрыхленными облаками, и между ними блѣдная лазурь проглядывала тамъ и сямъ.

Лѣсъ порѣдѣлъ. Подъ ними зачуялся покатый подъемъ. На небольшой плѣшинкѣ выдѣлялось округлое мѣсто, обставленное матерыми елями, похожее на шатеръ.

— Не угодно ли отдохнуть?.. Вонъ тамъ... въ гнѣздѣ?

Они присѣли на самой срединѣ, гдѣ совсѣмъ плоскій пень столѣтней ели, почернѣлый и обросшій кругомъ папоротникомъ, служилъ имъ покойнымъ диваномъ.

— Я такія мѣста гнѣздами называю, Василій Иванычъ,— отозвался Хрящевъ своимъ особымъ тономъ, какой онъ пускалъ, когда говорилъ по душѣ. — Вотъ, изволите видѣть, подъ елями-то, даже и въ такихъ гнѣздахъ, всякій злакъ произрастаетъ; а подъ соснами не было бы и на одну пятую. Рябина и сюда пробралась. Презорство! Зато и для желудка облегчительна... И богородицыны слезки!

Онъ говорилъ это вполголоса, какъ бы для себя.

— Чего-чего вы не знаете, Антонъ Пантелеичъ! А поглядишь на васъ спервоначалу — какъ прибѣдниваетесь! Ну, вотъ былинка! — Теркинъ сорвалъ стебелекъ съ цвѣтомъ и подалъ Хрящеву. — Я ее съ дѣтства знаю и попросту назову, а вы, поди, навѣрное и по-латыни скажете...

— Ужъ эту-то не назвать, Василій Иванычъ!.. За что же меня обучали на счетъ общества?

— Однако, какъ?

— Leontodon taraxacum.

— Вотъ я не знаю. И не слыхалъ даже. А я три рѣчи Цицерона въ гимназіи зналъ наизусть, и на какой онѣ мнѣ шутъ?

— Все нужно, Василій Иванычъ.

Надъ самыми ихъ головами жалобно протянулся птичій крикъ высоко въ небѣ.

— Ястребъ?—вопросительно сказалъ Теркинъ.

— Ждетъ бури... только бури-то не будетъ, — съ капелькой яда выговорилъ Хрящевъ, особенно не любившій хищниковъ.

Они сидѣли тутъ молча, среди сильнаго гула хвои и густой травы, каждый въ своихъ мысляхъ.

Въ лѣсу совсѣмъ смолкло. Зачирикали и залились птицы. Небо надъ ними голубѣло. Минутъ черезъ пять вдали гдѣ-то, не то сзади, не то сбоку, начало какъ будто хрустѣть.

Хрящевъ уже прислушивался къ этому звуку, когда Теркинъ окликнулъ его.

— Не узнаете?—спросилъ Хрящевъ и подмигнулъ.

— Порубка?

— Никакъ нѣтъ. Это—Топтыгинъ Михаилъ Иванычъ.

— Медвѣдь?

— Онъ, онъ!..

Глазки Хрящева ласково заискрились.

— Въ какую же сторону ломитъ?

Теркинъ подавилъ въ себѣ безпокойство и желаніе встать.

— Какъ будто вотъ сюды, въ эту сторону... Да вѣдь онъ не тронетъ. Только его не замай. Онъ теперь сытый... Идетъ побаловаться чѣмъ-нибудь къ опушкѣ... Звѣрь мудрѣйшій и нрава игриваго... Травоядный! Грызунъ, по-ученому.

Спокойно и достолюбезно вымолвилъ Хрящевъ послѣднія слова. Теркинъ вытянулъ ноги, подложилъ подъ голову обѣ руки и, глядя въ ленту неба, глядѣвшую внизъ, между высокихъ елей, сладко зѣвнулъ и повернулся къ своему подручному.

— Тайна все, въ насъ и вокругъ насъ, такъ вѣдь, Антонъ Пантелеичъ?

— Тайна!—съ замедленнымъ вздохомъ выговорилъ Хрящевъ и тоже прилегъ на мураву.

Веселая птичка пустила опять надъ ними свое: тю-ить, тю-ить, тю-ить!

XXXIII.

Со стола еще не убрали десерта, бутылокъ съ виномъ и чашекъ отъ кофе.

Въ залѣ городской квартиры Низовьева, часу во второмъ, Серафима и Первачъ, низко наклонившись надъ столомъ, сидѣли и курили. Передъ ними было по рюмкѣ съ ликеромъ.

Разговоръ пошелъ еще живѣе, но безъ раскатовъ голоса Серафимы, какъ въ началѣ ихъ завтрака. Прислуга не входила.

— Да вы полноте, Николай Никанорычъ, не извольте скромничать... Вѣдь я для господина Теркина — особа безразличная. Правъ на него никакихъ не имѣю... значитъ. Цѣлованье у васъ было съ тѣмъ сусликомъ, а?..

Первачъ сидѣлъ красный, съ возбужденными вѣками своихъ масленистыхъ и плутоватыхъ глазъ, весь въ цвѣтномъ. Кольца на его правой рукѣ блестѣли. Мизинцемъ

онъ снималъ пепелъ съ папиросы и поводилъ смѣшливо глазами.

Въ головѣ его немножко шумѣло. Серафима угощала его усиленно, пила и сама, но гораздо меньше. Она расшевелила въ немъ всѣ его позывы, расчеты, влюбленность въ свою красоту, обиду за то, какъ съ нимъ обошлись въ Заводномъ, откуда его удалили такъ быстро и рѣшительно. Въ Серафимѣ онъ нашелъ нежданную покровительницу. Черезъ нее онъ получилъ у Низовьева мѣсто завѣдующаго всѣми его лѣсными угодьями... Да, такой женщины онъ еще и не встрѣчалъ. Низовьевъ—въ ея рукахъ, и врядъ ли она ему отдалась. Кто знаетъ!.. Можетъ, она выберетъ сначала его въ тайные друзья...

— Да ну же! кайтесь! — понукала Серафима и черезъ столъ дернула его за рукавъ.

Ея янтарная блѣдность перешла въ золотистый румянецъ... Легкій, полупрозрачный пеньюаръ развѣвался на рукахъ; волосы были небрежно заколоты на маковкѣ.

— У меня есть на это правило,—выговорилъ Первачъ, поводя глазами,—даже когда та, кто была со мной близка и не заслуживала бы джентльменскаго отношенія къ себѣ.

— Да ужъ нечего!.. Чмокъ-чмокъ было?

— Если угодно, да.

— А можетъ, и больше того?

— Не находилъ нужнымъ торопиться.

— И навѣрно эта дѣвчонка сама первая полѣзла къ вамъ цѣловаться? Такъ только, цыпъ-цыпъ ей сдѣлали? Это сейчасъ видно: рыхлая, чувственная, съ первымъ попавшимъ мужчиной сбѣжала бы! И господинъ Теркинъ, выходитъ, тутъ же и врѣзался; и начали они продѣлывать Германа и Доротею.

— Какъ вы назвали?

— А вы не читали?

— Нѣтъ, не приводилось.

— Есть такая поэма Гёте... Я въ русскомъ переводѣ въ гимназіи читала. Еще старѣе исторіи есть: Дафнисъ и Хлоя, Филемонъ и Бавкида, въ такомъ же миндальномъ вкусѣ...

Глаза ея метали искры; ротъ, красный и влажный, слегка вздрагивалъ. Внутри у нея гремѣло одно слово: „подлецы!"

Всѣ мужчины—презрѣнная дрянь, всѣ: и этотъ землемѣришка, и тотъ баринъ-женолюбъ, котораго она оберетъ

не такъ, какъ его парижская „сударка“, а на все его остальное состоянiе. Но презрѣннѣе всѣхъ—Теркинъ, ея идолъ, ея цаца, промѣнявшiй такую любовь, такую женщину на что и на кого? На „суслика“, котораго землемѣришка довелъ бы до „полнаго градуса“ въ одну недѣлю!

— Ха-ха! — разнесся по комнатѣ ея смѣхъ. — Ха-ха! Чудесно! Превосходно! Отчего же вы ему не отрапортовали... хоть въ письмѣ? Благо по его приказу его будущая роденька васъ вытурила такъ безцеремонно!

— Я выше этого.

— Полноте! Оттого, что сусликъ этотъ ужъ больно легко вамъ доставался! А можетъ, она и продалась ему... знаете... въ институтско-дворянскомъ вкусѣ...

— Врядъ ли!.. Я и самъ не ожидалъ отъ нея того... какъ бы это сказать... тона, съ какимъ она...

— Вамъ коляску подала? На это подлости хватитъ у всякой безмозглой бабенки.

Сама Серафима не входила въ это число. Она положила всю себя на одну безраздѣльную страсть — и такъ гнусно брошена человѣкомъ, пошедшимъ въ гору „на ея же деньги“! Еще добро бы на ту „хлыстовскую богородицу“ онъ промѣнялъ ее въ порывѣ глупаго раскаянiя, въ которомъ никто не нуждался. Святостью взяла Калерка, да распущенными волосами, да ангельски-прозрачной кожей. А тутъ? Пузырь какой-то, золотушный помѣщичiй выводокъ. Захотѣлъ дворянку прiобрѣсти вмѣстѣ съ усадьбой, продалъ себя своему чванству; а поди, воображаетъ, что онъ облагодѣтельствовалъ всю семью и осчастливилъ блудливую дѣвчонку законнымъ бракомъ!

Все это казалось ей такъ низко и пошло. А между тѣмъ она не могла оторваться отъ всего этого, и если бъ Первачъ зналъ подробности того, какъ Теркинъ сближался съ „сусликомъ“, она бы разспрашивала его цѣлый день... Но онъ ничего не зналъ или почти что ничего.

— Помолвка была ли? — спросила она, не дожидаясь отвѣта на свои безцеремонныя слова насчетъ „коляски“, поданной ему барышней.

— Не знаю-съ!—выговорилъ чопорнѣе Первачъ.—Да и нимало не интересуюсь.

И этому „лодырю“,—она такъ уже про себя называла его,—хотѣлось ей показать, что онъ такой же пошлякъ и плутъ, какъ и всѣ вообще мужчины. Но онъ сейчасъ понялъ и не хвасталъ. Дѣвчонка амурилась съ нимъ передъ

самымъ пріѣздомъ Теркина въ Заводное. Чего бы лучше преподнести Василію Ивановичу сюрпризецъ въ видѣ письма, и прописать въ немъ, какое сокровище онъ обрѣлъ, съ лодыремъ-землемѣришкой? Точно горничная въ саду амурилась,—такъ, здорово живешь! Вотъ такъ идеалъ! Вотъ такъ желанная пристань, куда онъ причалилъ!

Въ груди у нея стянуло точно судорогой. Она уже писала въ воображеніи это письмо, и ядъ лился у нея съ пера. О! она сумѣетъ показать, что и ее не даромъ выпустили съ золотой медалью. Не чета она тупоголовой и мучнистой дѣвчонкѣ изъ губернскаго института...

Внезапная мысль брызнула на нее холодной струей. Та могла вѣдь и сама повиниться ему, когда онъ попросилъ ея руки; поди, разрюмились оба, и онъ, что твой раскольничій начетчикъ, далъ ей отпущеніе въ грѣхахъ, все простилъ, и себя въ собственныхъ глазахъ возвеличилъ.

Да если бъ и этого не было — не хочетъ она рукъ марать. Писать безъ подписи, измѣненнымъ почеркомъ— подло! А отъ своего имени — только бо́льшаго срама наѣсться!

Все равно. Она рѣзнула себя по живому мясу. Любовь ухнула. Ея мѣсто заняла безпощадная вражда къ мужчинѣ, не къ тому только, кто держалъ ее три года на цѣпи, какъ рабыню безотвѣтной страсти, а къ мужчинѣ вообще, кто бы онъ ни былъ. Никакой жалости... Ни одному изъ нихъ!.. И до тѣхъ поръ, пока не поблекнетъ ея красота—не потеряетъ она власти надъ тѣми, кто подверженъ женской прелести, она будетъ пить изъ нихъ душу, истощать силы, выжимать всѣ соки и швырять ихъ какъ грязную ветошь.

Небось! Въ нихъ не будетъ недостатка. Первый Низовьевъ уже весь охваченъ старческимъ безуміемъ. Она не положитъ охулки на руку. Если его парижская любовница—графиня—сто́ила ему два милліона франковъ, то на нее уйдутъ всѣ его непроданныя еще лѣсныя угодья, покрывающія десятки тысячъ десятинъ по Волгѣ, Унжѣ, Ветлугѣ, Камѣ!

И, точно спохватившись, какъ бы не потерять много времени, она откинулась на спинку стула и дѣловымъ, отрывистымъ тономъ окликнула:

— Первачъ!

— Что угодно, Серафима Ефимовна?

— Павелъ Иларіонычъ долженъ вернуться къ обѣду?

— Такъ точно.

— Долго я съ вами растабарывать не стану. Вы меня поняли вчера? А?

— Превосходно понялъ, Серафима Ефимовна.

— Хотите быть главноуправляющимъ — не забывайте, кто ваше начальство.

— Хе-хе! — сдержанно пустилъ Первачъ веселымъ и злобнымъ звукомъ. — Мать-командирша — Серафима Ефимовна. Такъ и подобаетъ.

— То-то!.. А теперь я васъ не удерживаю. Мнѣ надо одѣться.

— Имѣю честь кланяться.

Онъ удалился съ низкимъ поклономъ, но въ его масленыхъ глазахъ мелькнула змѣйка. Влюбленный въ себя хищникъ подумалъ тутъ же: „дай срокъ — и ты поймаешься“.

По уходѣ его Серафима сидѣла минуты съ двѣ въ той же откинутой позѣ, потомъ порывисто положила на столъ полуобнаженныя руки, опустила на нихъ голову и судорожно зарыдала. Звуки глохли въ ея горлѣ, и только грудь и плечи поводило конвульсіей.

XXXIV.

Огненной полосой вползала вечерняя заря въ окна, полузатворенныя ставнями. На постели лежала Серафима, въ томъ же утреннемъ пеньюарѣ, въ какомъ завтракала съ таксаторомъ.

Съ ней сдѣлался припадокъ, и она не могла одѣться къ возвращенію Низовьева. Припадокъ былъ упорный и долгій. Ея горничная Катя, вывезенная изъ Москвы, ловкая и нарядная, въ первый разъ испугалась и хотѣла послать за докторомъ, но барыня ей крикнула:

— Не хочу доктора!.. Оставьте меня!..

Нѣсколько часовъ пролежала она одна, съ полузакрытыми ставнями, осиливая приступъ истерики. Такой „сильной гадости“ съ ней еще ни разу не бывало, даже тогда, какъ она была выгнана съ дачи послѣ покушенія на Калерію.

Это ее возмутило и срамило въ собственныхъ глазахъ. Все изъ-за него, изъ-за презрѣннаго мужчины, промѣнявшаго ее на суслика. Надо было пересилить глупый бабій

недугъ — и она пересилила его. Осталась только тупая боль въ вискахъ. Незамѣтно она забылась и проспала. Когда она раскрыла отяжелѣвшія вѣки, вечерняя заря уже заглянула въ скважины ставенъ. Въ домѣ стояла тишина; только справа, въ комнаткѣ горничной, чуть слышно раздавался шопотъ... Она узнала голосъ Низовьева.

Навѣрное онъ уже въ десятый разъ приходитъ узнавать, какъ она себя чувствуетъ и не лучше ли послать за докторомъ.

Чего еще ей надо? Этотъ баринъ въ нѣсколько разъ богаче Теркина. Первачъ далъ ей полную роспись того, что̀ у него еще остается послѣ продажи лѣсной дачи Теркинской компаніи... На цѣлыхъ два милліона строевого лѣсу только по Волгѣ. Изъ этихъ милліоновъ сколько ей перепадетъ? Да все, если она захочетъ.

Развѣ она сразу попустила себя до положенія его временной содержанки? Какъ бы не такъ! Она и здѣсь живетъ какъ благородная дама, которая осчастливила его тѣмъ, что согласилась помѣститься въ его квартирѣ; а самъ онъ перешелъ во флигелекъ черезъ дворъ. Между ними—ни малѣйшей близости.

Низовьевъ прекрасно понимаетъ, что пріобрѣсти ее будетъ трудно, очень трудно. На это пойдетъ, быть-можетъ, не одинъ годъ. Въ Парижъ онъ не вернется такъ скоро. Гдѣ будетъ она, тамъ и онъ. Ей надо ѣхать на Кавказъ, на воды. Печень и нервы начинаютъ шалить. Предписаны ей Эссентуки, номеръ семнадцатый, и Нарзанъ. И онъ тамъ будетъ жариться на солнцѣ, ѣсть тошную баранину, бродить по пыльнымъ дорожкамъ на ея глазахъ, трястись на казацкой лошади позади ея въ хвостѣ другихъ мужчинъ, молодыхъ и старыхъ. А потомъ—въ Петербургъ!

У нея есть еще свои деньги. Она тамъ заживетъ дамой „изъ общества". Имѣетъ на то законное право. Кто она? Какъ прописывается? Вдова коллежскаго совѣтника Рудичъ. Свекоръ ея — сановникъ... И до того она доберется.

Нужды нѣтъ, что убѣжала отъ его сынка. Сановникъ,— ей это донесли, — такъ же, какъ и сынъ, любитъ карты и всякое транжирство; состоянія нѣтъ, жалованья всего семь тысячъ—не раскутишься!—долговъ множество, состоитъ прихвостнемъ у какого-то банкира... Ничего не

будетъ стоить подобраться къ нему,—онъ ея никогда не видалъ, — заставить полюбить себя, помочь ему въ его дѣлишкахъ. Одного Шуева — ея „ангела“ — достаточно. Тотъ не то что дастъ взаймы свекру, сколько она прикажетъ, — самъ себя заложитъ, взломаетъ сундукъ дяденьки-благодѣтеля. Только она такихъ „ангельскихъ“ денегъ не хочетъ... И отъ Низовьева можетъ пользоваться свекоръ.

Потомъ настанетъ чередъ Парижа. Тамъ она заберетъ его уже вплотную! И у нея будетъ „отель“ на милліонъ франковъ. Ея имя прогремитъ. Не кокоткой она себя поставитъ, а настоящей барыней. Въ годъ ея французскій языкъ получитъ парижскій звукъ. Захочетъ — будетъ зваться „madame la comtesse Rouditsch“; поди, разбирай, графиня она или нѣтъ, когда въ „Figaro“ станутъ такъ называть ее репортеры! Еще жену его заставитъ и дочерей ѣздить къ себѣ съ визитомъ и на вечера съ „tout Paris“, гдѣ она будетъ пѣть русскіе романсы съ самимъ Иваномъ Решке. Все будетъ!

И только?.. Неужели только?—Серафима закрыла глаза и повела по лицу ладонью правой руки.

Передъ ней, — точно живой, съ трепетомъ дубовой листвы, съ зеленой муравой, съ порханьемъ мягкаго вѣтерка,—тотъ склонъ, гдѣ они сидѣли подъ дубомъ въ Заводномъ, съ нимъ, съ „Васей“!

Она слышитъ его голосъ, гдѣ дрожитъ сердечное волненіе. Съ ней онъ хочетъ братски помириться. Ее онъ жалѣетъ. Это была не комедія, а истинная правда. Такъ не говорятъ, такъ не смотрятъ, когда на сердцѣ обманъ и презрительный холодъ. И что̀ же ему дѣлать, если она для него перестала быть душевно-любимой подругой? Развѣ можно требовать чувства? А брать въ любовницы безъ любви — только ее позорить, низводить на ступень вещи или красиваго звѣря!

Какъ это ясно и просто! Ни въ чемъ онъ не виноватъ. Она—безумная и злая баба—распалилась къ нему злобой, не поняла его души, не схватилась за его жалость къ ней, за братскую доброту, какъ за драгоцѣнный кладъ!..

Глаза ея дѣлались влажны; но она не заплакала; лежала недвижно, опустивъ руки на одѣяло... Ей такъ сладко вдругъ стало мыслью своей ласкать образъ Васи, припоминать его слова, звукъ голоса, повороты головы и

всего тѣла, взгляды его въ началѣ и въ срединѣ ихъ разговора.

Такъ отрадно ей было чуять, что съ души у нея что-то такое спадаетъ, что̀ грызло тѣло и мутило разумъ.

Образы — все на томъ же зеленомъ косогорѣ парка — измѣнились. Не она сидитъ съ нимъ, а другая... та дѣвчонка... Какъ отчетливо видитъ она ее; нужды нѣтъ, что только мелькомъ оглядѣла, когда проходила на балконъ: это пухлое розовое личико, ясные глаза, удивительныя руки, косу, дѣвичій станъ. Да, она—непорочная дѣвица, даромъ что цѣловалась съ таксаторомъ. Ея голубиная кротость и простоватое дѣтство притянули Васю... Великая есть сила въ такихъ „ничевушкахъ“, когда онѣ пышутъ свѣжестью восемнадцати лѣтъ и цѣломудрія. Да, цѣломудрія! Ни у кого она въ объятіяхъ не была, не подпадала еще подъ звѣрство мужского обладанія.

И онъ теперь вотъ, на закатѣ, сидитъ съ своей невѣстой, на томъ же мѣстѣ, гдѣ она, какъ блудница, съ воплемъ простиралась по травѣ и чуть не цѣловала его ногъ... Онъ смотритъ на нее любовно-отеческимъ взглядомъ, гладитъ по головѣ, ласкаетъ русую косу; а потомъ цѣлуетъ каждый пальчикъ ея крохотной ручки.

— Нѣтъ!—громко крикнула Серафима, вся потянулась, подняла станъ и сѣла въ кровати.

Въ груди зажгло нестерпимо, до потребности крика. Кровь хлынула къ лицу. Судорожно подняла она кулаки.

Нѣтъ, нѣтъ пощады гнусному вору, ограбившему ея душу! Судьба знаетъ, что̀ творитъ. Не даромъ свела она ее съ этимъ Низовьевымъ, владѣтелемъ несмѣтныхъ лѣсовъ. Теркинъ мечтаетъ о сохраненіи народнаго богатства. Не мало рацей слыхала она отъ него. У расхитителей-дворянъ будетъ онъ скупать ихъ добро и дуть на него. А она станетъ разорять лѣсного милліонщика, доводить его до продажи не такимъ радѣтелямъ, какъ Теркинъ съ его компаніей, а на срубъ жаднымъ и безстыднымъ барышникамъ. И чтобы въ три-четыре года всѣ эти заказники и приръчныя дебри пошли прахомъ. И вездѣ Васька Теркинъ встрѣтитъ ее, и кто кого осилитъ—старуха на-двое сказала.

— Ха-ха-ха! — вырвался у нея глухой смѣхъ, и она еще выше подняла голову.

Въ щель двери раздался сдержанный голосъ Кати:

— Барыня! къ вамъ можно?

— Погодите.

Горничная понизила еще голосъ.

— Павелъ Ларіонычъ въ залѣ и безпокоятся насчетъ вашего здоровья. Что прикажете сказать? Можно имъ къ двери подойти?

— Можно.

Заслышались тихіе мужскіе шаги по залѣ и къ другой двери, около нижней спинки кровати, подошелъ Низовьевъ.

— Серафима Ефимовна! Ради Бога! Какъ вы себя чувствуете?

— Ничего. Все прошло.

— Не позволите взглянуть на себя?

— Не сейчасъ.

— Такъ я посижу здѣсь... въ залѣ.

„Сиди! — злобно и весело подумала она: — сиди, голубчикъ! Долго ты будешь ждать. Не одинъ мѣсяцъ!“

И вслѣдъ затѣмъ она порывисто позвонила и спустила ноги на полъ.

Низовьевъ перевелъ дыханіе и такъ же тихо присѣлъ къ окну.

XXXV.

— Ахъ, няня, какъ ты копаешься! Поскорѣе! — кричала Саня въ аллеѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обрыва, гдѣ на скамьѣ виднѣлась мужская широкая спина и русая голова въ черной низкой шляпѣ.

Ѳедосеевна бережно несла блюдце съ ягодами, посыпанными сахаромъ.

— Приспичило! Успѣешь!

— Ну, подай... Я сама донесу.

Саня взяла у нея изъ рукъ блюдце и поцѣловала ее въ голову.

— Няня, милая! Спасибо!

Старуха смотрѣла ей вслѣдъ, заслоняя рукой глаза отъ послѣднихъ лучей заката.

Вечеръ подходилъ къ закату, — ласковый, теплый, съ миріадами мошекъ по дорожкамъ цвѣтника.

Вотъ Саня уже подбѣжала къ скамьѣ, гдѣ сидитъ ея женихъ. Сдержанная усмѣшка смягчаетъ строгое лицо Ѳедосеевны. Про себя она смекаетъ, что счастіе своей воспитанницы вышло черезъ нее. Не наберись она тогда

смѣлости, не войди прямо къ пріѣзжему, чужому человѣку и не тронь его сердца—не вышло бы ничего.

И онъ за это не оставитъ. Не такой человѣкъ. Сейчасъ видно, какой онъ души. Успокоитъ ее на старости. И все здѣсь въ домѣ и въ саду будетъ заново улажено и отдѣлано. Слышала она, что въ верхнемъ ярусѣ откроютъ школу, внизу, по лѣтамъ, сами станутъ жить. Ее во флигелѣ оставятъ; а тѣ — вороны съ братцемъ — переберутся въ другую усадьбу. По своей добротѣ Василій Ивановичъ позволилъ имъ оставаться въ Заводномъ; купчая уже сдѣлана, это она знаетъ. Самъ онъ ютится пока въ одной комнатѣ флигеля, рядомъ съ нею.

Ѳедосеевна еще разъ, въ полъ-оборота, поглядѣла на пару, сидѣвшую на скамейкѣ, и пошла, не ускоряя шага, во флигель.

— Ахъ, какая земляника! Восторгъ!

Саня ѣла ягоды съ ложки и немного причмокивала.

— Жаднюга вы! — проговорилъ Теркинъ и шутливо взглянулъ на нее.

Они еще были на „вы“.

— Жаднюга, да, — кротко повторила она и даже вздохнула. — Люблю сладкое поѣсть. Развѣ это большой грѣхъ?

— Чревоугодіемъ называется.

— Ха-ха! чревоугодіемъ! какъ страшно!

Но по лицу ея пробѣжала тѣнь. Она вспомнила про послѣ-обѣда у тети Марѳы, про ея наливки и все, что̀ отъ нихъ вышло.

— Ей-Богу, я и наливки... полюбила...

— Оттого, что сладки?

— Да, да!

— А отъ сладкаго-то зубки испортятся. Потомъ каяться будете.

— Буду! — вымолвила Саня и перестала ѣсть землянику. — Довольно!

— Докончимъ! На двоихъ это не больно много.

„Зачѣмъ онъ говоритъ: „больно“? — подумала Саня. Говоръ Теркина показался ей совсѣмъ простымъ. Но это ее не огорчило. Весь онъ былъ такой статный, красивый, такъ хорошо одѣвался, по-своему, и такъ умно говорилъ со всѣми и обо всемъ. Ей даже нравился небарскій звукъ его рѣчи и нѣкоторыя слова, въ родѣ тѣхъ, что употребляютъ мужики и дворовые. Прискучили ей говоръ и

складъ рѣчи ея тетокъ и отца. У тети Маrеы она знаетъ впередъ каждое слово; тетка Павла точно вся шипитъ или язвитъ и по книжкѣ читаетъ. У отца выраженія благородныя, только все одни и тѣ же, и кажется, будто онъ говоритъ на какомъ-то засѣданіи и отстаиваетъ свое достоинство. Отъ самаго звука его голоса по ея спинѣ пробѣгаютъ всегда мурашки дремоты и челюсти начинаетъ поводить.

— Дитятко вы мое!..

Теркинъ поставилъ блюдце ягодъ, откуда онъ ихъ ѣлъ, на край скамейки, взялъ ея руку и поцѣловалъ. Саня вся зардѣлась и робко прикоснулась губами къ его головѣ. Женихъ былъ съ ней сдержанъ, не лѣзъ цѣловаться, не позволялъ себѣ никакой фамильярности въ жестахъ. Это ее трогало, и чувство почти дочерней нѣжности назрѣвало въ ней. Она прекрасно понимала его деликатность и каждый день, какъ только онъ утромъ встрѣчался съ ней съ-глазу-на-глазъ и цѣловалъ въ лобъ, она стыдила себя мысленно, спрашивая: какъ могла она дойти съ таксаторомъ до такихъ „цѣловушекъ"? — ея институтское выраженіе.

— Закатъ-то какой! — продолжалъ съ тихимъ волненіемъ Теркинъ, отведя голову въ другую сторону. — Посмотрите, какъ вправо-то, вонъ гдѣ за селомъ лѣса начинаются, въ сосновомъ заказникѣ, стволы зажглись розовымъ свѣтомъ.

— Да. Какъ красиво!.. Василій Иванычъ. И все это ваше теперь!

— Не мое, а компанейское.

— Это все равно.

— Какъ все равно? Что вы, голубушка!

— Вы у нихъ всему голова.

Саня обернулась къ нему и дурачливо кивнула головой. Теркинъ разсмѣялся и замолчалъ. Совсѣмъ еще неразумное чадо, барышня-институтка, не знаетъ жизни, ума непрыткаго, натуры рыхловатой. И онъ ее выбралъ въ подруги на всю жизнь!.. И никакой въ немъ думы и тревоги и жалости къ своей холостой свободѣ.

„Чудно̀!" — вымолвилъ онъ про себя, чувствуя, какъ что-то простое, мужицкое, только безъ мужицкаго презрѣнія къ „бабѣ", заливаетъ его душу. Что тутъ разбирать да анализировать? Надо семьей обзаводиться; сладко и лестно — отдать свою тихую, прочную любовь вотъ

такому немудрому, беззащитному „суслику“. Это слово, брошенное Серафимой въ припадкѣ женской ярости, полюбилось ему.

— Василій Иванычъ! — окликнула его Саня. — Посмотрите... тамъ за селомъ вправо, за вашимъ лѣсомъ... дымъ какой... Что это? Неужели пожаръ?

Онъ встрепенулся, всталъ, отошелъ къ самому обрыву, воззрился своими дальнозоркими большими глазами, и внутри его сейчасъ же ёкнуло.

Дымъ въ надвигавшихся сумеркахъ разстилался дѣйствительно правѣе отъ села, за сосновымъ заказникомъ.

„Лѣсной пожаръ!“ — выговорилъ онъ про себя, и ладони рукъ у него захолодѣли. Заказникъ шелъ по лѣвому берегу Волги широкой полосой и сливался съ другой лѣсной дачей.

— Вѣдь тамъ предводительское имѣніе?—спросилъ онъ быстро Саню.

— Кажется... Тамъ онъ не живетъ... а заводъ у него...

— Заводъ?

Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по площадкѣ.

— Вы боитесь, Василій Иванычъ, за вашъ лѣсъ?..

— Только бы лѣсъ не горѣлъ! Выше этой бѣды нѣтъ!

Саня ничего не отвѣтила и опустила голову.

Въ аллеѣ показалась длинная фигура отца ея.

— Иванъ Захарычъ! — громко окликнулъ Теркинъ. — Пожалуйте сюда поскорѣе! Видите дымъ? Что это можетъ быть?

Иванъ Захарычъ двигался такъ же медленно. Въ домашней голубоватой тужуркѣ, выбритый и съ запахомъ одеколона, онъ курилъ сигару и шелъ не сгибая колѣнъ. Съ самаго дня продажи усадьбы онъ имѣлъ видъ человѣка, чѣмъ-то обиженнаго и съ достоинствомъ носящаго незаслуженный имъ крестъ.

— Что вы изволите?—спросилъ онъ чопорно.

— Да вотъ дымъ... Что это?

— Едва ли не лѣса горятъ,—процѣдилъ онъ.

— Едва ли!.. Ха-ха!..

Теркина взорвало. Онъ подошелъ къ нему, взялъ его за пуговицу его сюртука и заговорилъ пылко и скоро:

— Ну, а если бъ вотъ на вашихъ глазахъ начало драть заказникъ — вы бы тоже ухомъ не повели, благо вы его продали?

— Не знаю-съ...

— Вотъ такъ вотчинное чувство!.. Что не мое, то̀ пропадай про̀падомъ.

— Это еще далеко,— все такъ же чопорно и невозмутимо продолжалъ Иванъ Захарычъ.—Тамъ заводъ Петра Аполлосовича и еловый лѣсокъ... Гдѣ-нибудь тамъ занялось; деревень въ той мѣстности нѣтъ; да и дымъ, надо полагать...

— Надо полагать!—чуть не передразнилъ его Теркинъ.—Да вы бы спосылали кого-нибудь.

Но онъ сдержалъ себя, приподнялъ шляпу и насмѣшливо выговорилъ:

— Извините... Потревожилъ ваше спокойствіе.

До Сани долетѣлъ весь этотъ разговоръ.

На террасѣ показался въ эту минуту Хрящевъ и добѣжалъ до нихъ запыхавшись, блѣдный, но съ рѣшительнымъ видомъ, какого у него еще никогда не подмѣчалъ Теркинъ.

— Что?—окликнулъ онъ его издали.

— Василій Иванычъ! Пожаръ въ имѣніи господина Звѣрева. Заводъ загорѣлся и ельникъ. До заказника рукой подать. Надо дѣйствовать.

— Еще бы! Ѣдемъ верхами! Коли нужно — сбить народъ въ Заводномъ. Иванъ Захарычъ, вашими лошадьми я распоряжусь... А васъ не приглашаю... Александра Ивановна, прощайте!—онъ подбѣжалъ къ ней и пожалъ ей только руку.— Не безпокойтесь! Можетъ, тамъ и ночевать придется.

Иванъ Захарычъ пустилъ кольчики дыма вслѣдъ двухъ разночинцевъ, полетѣвшихъ спасать заказникъ. Саня въ сильномъ смущеніи опустилась на скамью.

XXXVI.

Измученная, потная, непривычная ходить подъ верхомъ, лошадь спотыкалась о пни и кочки. Теркинъ нервно попукалъ ее, весь черный отъ дыма и сажи, безъ шапки, съ разодраннымъ рукавомъ визитки.

Весь вечеръ и всю ночь, не смыкая глазъ до утра, распоряжался онъ на пожарѣ. Когда они съ Хрящевымъ прискакали къ дальнему краю сосноваго заказника, переѣхавъ Волгу на поромѣ, огонь былъ еще за добрыхъ три версты, но шелъ въ ихъ сторону. Начался онъ на винокуренномъ заводѣ Звѣрева въ послѣобѣденное время. Заводъ стоялъ безъ дѣла, и никто не могъ сказать, гдѣ

именно загорѣлось: но драть начало шибко въ первыя же минуты, и въ два какихъ-нибудь часа остались однѣ головешки отъ обширнаго—правда, стараго и деревяннаго—зданія.

Перекинуло на еловый лѣсъ Звѣрева, шедшій подковой въ ста саженяхъ отъ завода, въ сторону заказника Черносошныхъ, теперь уже компанейскаго. „Петьки“ такъ онъ и не дождался. Предводитель уѣхалъ въ губернскій городъ. На заводѣ оставался кое-кто, но тушить лѣсной пожаръ, копать канавы, отмахивать вѣтвями некому было. Пришлось сбивать народъ въ деревушкѣ верстъ за пять и посылать нарочныхъ въ Заводное, откуда, посуливши имъ по рублю на брата, удалось пригнать человѣкъ тридцать.

Что можно было сдѣлать съ такой командой?

Звѣревскій ельникъ отдѣляла отъ заказника порядочная полоса пашни, стоявшей въ пару. Копать канаву не было надобности: пожаръ шелъ спачала только по верху, а не по землѣ. Перекинетъ--займется заказникъ, не перекинетъ—пронесетъ бѣду.

Перекинуло къ полуночи; вѣтеръ перемѣнился, подуло съ юго-запада прямо на опушку того мѣста, гдѣ росъ самый ядреный строевой лѣсъ.

Когда онъ увидалъ, какъ занялись первыя деревья, онъ чуть не заплакалъ; потомъ сталъ метаться на лошади вдоль опушки, кричать на народъ, схватилъ вѣтку березы и, сознавая, что это безполезно, махалъ ею. Хрящевъ успокоивалъ его, распоряжался толково, безъ крика и брани, съ яснымъ и болѣе строгимъ лицомъ. Онъ былъ неузнаваемъ.

Ужъ отхватило съ десятину и подошло къ узкой просѣкѣ.

— Василій Иванычъ!—предложилъ ему Хрящевъ, весь въ копоти и дымѣ, подъ трескомъ и гуломъ, — позвольте зажечь съ этой стороны? Огонь огнемъ остановить—одно средство.

— Что вы, съ ума сошли? — гнѣвно крикнулъ онъ, поднимаясь въ стременахъ.

Онъ и забылъ, что къ такому крайнему средству прибѣгаютъ въ лѣсныхъ пожарахъ.

— Какъ угодно! Все равно займется!

И занялось. Онъ чуть не волосы на себѣ рвалъ, но потомъ вдругъ успокоился и въ подавленномъ настроеніи,

близкомъ къ чувству потери близкаго существа, ѣздилъ вдоль пожарища, самъ не распоряжался, но и не сходилъ съ сѣдла ни на минуту.

Пожаръ то стихалъ, то опять занимался. Начала тлѣть и земля. Пошелъ особый запахъ торфяной гари: огонь добрался до той части заказника, гдѣ наполовину росъ черный лѣсъ и были низины.

Утромъ, въ восьмомъ часу, продирался онъ сквозь чащу, заскакивая какъ въ псовой охотѣ доѣзжачіе, желая прервать путь огню. Тлѣла жирная земля и мѣстами, гдѣ росъ мелкій можжевельникъ и сухой верескъ, занималась полосами пламени, чуть виднаго на дневномъ свѣтѣ.

Теркинъ соскочилъ на лошади съ полукруглаго вала въ плѣшку, покрытую мхомъ и хвоей. Густой дымъ скрывалъ змѣйки огня и тлѣніе низины. Онъ круто повернулъ лошадь—она фыркнула и не хотѣла идти дальше. Онъ ударилъ ее нагайкой и направилъ туда, гдѣ должны были рыть канаву подъ надзоромъ Антона Пантелеича. И вдругъ изъ-подъ копытъ по сапогу его лизнулъ огненный языкъ — точно онъ выскочилъ изъ земли. Лошадь еще сильнѣе шарахнулась. Онъ повернулъ ее въ другую сторону и только что доѣхалъ до дальняго края этой пространной колдобины, какъ тамъ тоже занялось и подъ ногами лошади начало тлѣть все сильнѣе и сильнѣе.

— Батюшка!.. Василій Иванычъ! Господь съ вами! Сгорите! Сюда!

Кричалъ Хрящевъ, пѣшій, весь черный, въ одной рубашкѣ, съ березовой обгорѣлой вѣтвью въ рукѣ. Онъ схватилъ лошадь подъ-уздцы и сильно дернулъ ее. Не успѣла она перепрыгнуть черезъ подъемъ почвы, какъ огненный кругъ замкнулся.

— Батюшка! Погибли бы! Въ мшару попали!

— Куда?—спросилъ Теркинъ растерянно и злобно.

— Въ мшару, Василій Иванычъ! Въ такую низину... Торфъ тутъ подъ ногами. Сгорѣли бы до тла! Боже мой!

Хрящевъ почти плакалъ отъ радости.

— Спѣшьтесь вы! — упрашивалъ онъ. — Сейчасъ вотъ просѣка будетъ... А тамъ успѣютъ, Богъ дастъ, окопать. Малый одинъ толковый изъ Заводнаго. Я его въ нарядчики произвелъ.

Теркинъ слѣзъ съ лошади. Онъ очутился на полянкѣ.

Саженяхъ въ ста видна была цѣпь мужиковъ, рывшихъ канаву... Жаръ стоялъ сильный. Дымъ стлался по низу и сверху шелъ густымъ облакомъ, отъ той части заказника, гдѣ догоралъ сосновый лѣсъ. Но огонь заворачивалъ въ сторону отъ нихъ, дышать еще было не такъ тяжко.

— Ахъ, ручейка нѣтъ! — заговорилъ Хрящевъ, подсаживаясь на корточкахъ къ Теркину.—Умыться бы вамъ... родной!

Эта заботливость проняла Теркина. Онъ сейчасъ вспомнилъ, что вѣдь Хрящевъ спасъ его, пять минутъ назадъ.

— Антонъ Пантелеичъ! — голосъ Теркина дрогнулъ, — безъ васъ я въ мшарѣ-то погибъ!

— На все произволеніе Божіе!

— А небось ни одинъ вопъ изъ тѣхъ православныхъ не сталъ бы меня спасать. Ну, скажите,—голосъ его становился все нервнѣе,—вы, кому лѣсъ дороже не меньше, чѣмъ мнѣ... развѣ они не скоты? Какъ они вчера повели себя?.. Только на деньги и позарились! А чтобы у нихъ у самихъ на душѣ защемило, чтобы жалость ихъ взяла— какъ бы не такъ! Гори, паря! По цѣлковому-рублю получилъ—и похаживаетъ себѣ вдоль опушки, да лапкой помахиваетъ, точно отъ мухъ... А чуть мы съ вами отвернемся, такъ спину себѣ чешетъ. Одинъ подлецъ даже курить началъ. Я его чуть самого въ огонь не бросилъ! Скоты! Скоты! Непробудные!

Онъ не совладалъ съ чувствомъ и глухо зарыдалъ... Старая непріязнь къ крестьянскому міру всплыла въ немъ и перемѣшалась съ жалостью къ тому лѣсному добру, что уже сглѣло, и къ тому, что можетъ еще погибнуть.

Раза два всхлипнулъ онъ и потомъ тихо заплакалъ.

— Самый-то лучшій край отхватило!.. — силился онъ выговорить.—Сосны въ два обхвата!.. Отстоялъ отъ дворянской распусты, такъ огонь донялъ. Да и огонь-то откуда? Отъ завода Петьки Звѣрева... Онъ могъ его и поджечь! Страховую премію получить. Онъ теперь и на это способенъ.

И опять вернулся онъ къ мужикамъ.

— Вонъ какъ копаются! Грядки подъ рѣпу отбиваютъ, какъ бывало на барскомъ огородѣ. Словно мухи пьяныя!.. Эхъ!..

Слезы онъ обтеръ рукавомъ и сосредоточенно и гнѣвно поглядѣлъ еще разъ въ ту сторону, гдѣ работали мужики.

— Василій Иванычъ, — особенно тихо, точно на исповѣди, заговорилъ Хрящевъ, наклонившись къ нему и держа за поводъ лошадь, — не судите такъ горько. Мужикъ обиженъ лѣсомъ. Поспрошайте—здѣсь такія богатства, а чьи? Казна, баринъ, купецъ, а у общины что? На дровенки осины нѣтъ, не то что строевого заказника... Въ немъ эта обида, Василій Иванычъ, засѣла, все равно что наслѣдственный недугъ. Она его дѣлаетъ равнодушнымъ, а не другое что. Чувство ваше понимаю. Но не хочу лукавить передъ вами. Надо и имъ простить.

Ничего не возражалъ Теркинъ. Простыя, полныя задушевности слова лѣсовода отрезвили его. Ему стало стыдно за себя. Хрящевъ указалъ на истинную причину того, что его возмутило до слезъ. Онъ радѣетъ о родныхъ богатствахъ... А кому ими пользоваться, хоть чуточку, хоть на свою немудрую потребу?.. Развѣ не народу?

Онъ быстро поднялся, нагнулся надъ Хрящевымъ, положилъ ему руку на лысую и влажную голову, всю засыпанную пепломъ и черную, точно сажа.

— Спасибо, Антонъ Пантелеичъ! Это такъ!.. А все-таки надо ихъ пришпорить.

— Всеконечно!.. Вѣрьте слову, дальше не пойдетъ огонь... Выхватило сотню-другую десятинъ. Дѣло наживное. Была бы только голова на мѣстѣ да душа не теряла своего закона. Оставимъ лошадь здѣсь, стреножимъ ее. Сюда огонь не дойдетъ. Вѣрьте слову!

— Вѣрю!—вскричалъ Теркинъ и—не выдержалъ—поцѣловалъ своего лѣсовода.

XXXVII.

— Ты должна это сдѣлать для отца твоего. Его пріятель и сослуживецъ въ такомъ положеніи. Ты хоть каплю имѣй дворянскаго чувства.

Павла Захаровна пропускала эти слова съ усиліемъ сквозь свои тонкія синеватыя губы и подъ конецъ злобно усмѣхнулась.

Саню призвали въ гостиную. Въ креслѣ сидѣла старшая тетка; младшая, съ простовато-сладкимъ выраженіемъ своего лоснящагося лица, присѣла на уголъ одного изъ длинныхъ мягкихъ дивановъ, обитыхъ стариннымъ ситцемъ.

Съ полчаса уже старшая тетка говоритъ Санѣ, настраиваетъ на то, чтобы она подѣйствовала на своего жениха.

Когда ее позвали, она испугалась, думая—не вышло ли чего-нибудь? Вдругъ какъ ея обрученіе нарушено? Отецъ въ послѣдніе дни ходилъ хмурый и важный, все молчалъ, а потомъ заговорилъ, что надо торопиться поправкой дома въ той усадьбѣ, чтобы тотчасъ послѣ ихъ свадьбы переѣхать. Тетка Павла поддакивала ему и даже находила, что будетъ гораздо приличнѣе для Черносошныхъ перебраться до свадьбы, а не справлять ее въ чужомъ домѣ, гдѣ ихъ держатъ теперь точно на хлѣбахъ изъ милости!

Василій Иванычъ послѣ пожара два раза ѣздилъ въ губернскій городъ и дальше по Волгѣ за Нижній; писалъ съ дороги, но очень маленькія письма и чаще посылалъ телеграммы. Вчера онъ только что вернулся и опять уѣхалъ въ уѣздный городъ. Къ обѣду долженъ быть домой.

Она такъ испугалась, что въ первыя минуты даже не понимала хорошенько, о чемъ говоритъ тетка Павла.

Теперь поняла. Предводителя Звѣрева посадили въ острогъ. Его обвиняютъ въ поджогѣ завода для полученія страховой преміи. „Вася", — она про себя такъ зоветъ Теркина, — уже зналъ объ этомъ и сказалъ ей передъ второй своей поѣздкой: „Петькѣ Звѣреву я его пакости никогда не прощу: мало того, что самъ себѣ краснаго пѣтуха пустилъ, да и весь заказникъ могъ намъ спалить".

И много потомъ говорилъ гнѣвнаго о „господахъ дворянахъ", которые по всей губерніи въ лоскъ изворовались; разсказывалъ ей теплыя „дѣла" въ банкѣ, гдѣ предсѣдатель тоже арестованъ за подлогъ, да въ кассѣ оказалась передержка въ триста слишкомъ тысячъ.

Она не могла ему не сочувствовать... Что жъ изъ того, что она дворянка? Развѣ можно такія дѣла дѣлать—мало того, что транжирить, въ долги лѣзть, закладывать и продавать, да еще на подлоги идти, на воровство, на поджигательство? Этотъ Звѣревъ и до подлога растратилъ сорокъ тысячъ сиротскихъ денегъ.

А вотъ отъ нея требуютъ, чтобы она „добилась" отъ своего жениха—шутка сказать!—внесенія залога за Звѣрева. Почему же самъ отецъ не вноситъ? Деньги у него теперь есть или должны быть. Они съ нимъ товарищи, кажется, даже въ дальнемъ родствѣ.

— Ты какъ будто все еще не понимаешь? — раздался болѣе рѣзкій вопросъ Павлы Захаровны. — Что же ты молчишь?

— Я не знаю... тетя. Василій Иванычъ самъ...

— Самъ!.. Какъ ты это сказала? Точно горничная дѣвка—Ѳеклуша какая-нибудь или Устюша. Онъ въ тебя влюбился, а ты сразу такъ ставишь себя. Значитъ, тебѣ твой родъ—ничего: люди твоего происхожденія!.. Вотъ и выходитъ...

Павла Захаровна не договорила и махнула рукой. Сестра ея поняла намекъ, и ей стало жаль Санечку—какъ бы Павла чего-нибудь не „бацнула“ по своей ехидности. Она грузно поднялась, подошла къ ней, обняла ее и начала гладить по головкѣ.

— Милая моя! Какъ же ты такъ на себя смотришь? У тебя амбиціи нѣтъ, маточка. Женихъ тебя обожаетъ, и ты слово скажи—сейчасъ же тебѣ все предоставитъ, хоть птичьяго молока.

„Ну, нѣтъ!“—убѣжденно подумала Саня и безъ всякой досады. Ее то и влекло къ жениху, что онъ съ характеромъ, что у него на все свои мысли и свои слова.

— Колокольчикъ!..

Саня рванулась отъ тетки Марѳы къ дверямъ и, проходя мимо Павлы Захаровны, торопливо шепнула:

— Тетя, я скажу, если вамъ и папѣ угодно...

— То-то! И не съ-глазу-на-глазъ, а теперь, здѣсь... Слышишь?

— Хорошо!

Въ гостиную она привела Теркина прямо изъ передней.

Онъ прошелъ бы къ себѣ во флигель умыться, но она ему на ухо шепнула:

— Пожалуйста!.. Милый!.. Для меня!

Онъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нее, но не возражалъ больше. Изъ города вернулся онъ недовольный—это она сейчасъ же почуяла. Навѣрное и тамъ къ нему съ чѣмъ-нибудь приставали. Точно онъ въ самомъ дѣлѣ какой милліонщикъ; а у него своихъ денегъ совсѣмъ немного—онъ ей все разсказалъ на-дняхъ и даже настаивалъ на томъ, чтобы она знала, „каковъ онъ есть богатей“.

Одного взгляда на Павлу Захаровну достаточно было, чтобы распознать какой-то семейный „подходъ“. Она поздоровалась съ нимъ суховато, къ чему онъ уже привыкъ. Марѳа при сестрѣ только присѣдала и омахивалась платкомъ. Въ гостиной было очень душно.

Саня усадила его на тотъ же диванъ, гдѣ сидѣла Марѳа, только на другомъ концѣ.

— Вы прямо изъ города? — спросила она его, и ея тонъ сейчасъ выдалъ ее.

— Оттуда,— отвѣтилъ Теркинъ спокойно.

— Про Петра Аполлосовича ничего новаго не слыхали?

— Ничего!.. Я по своимъ дѣламъ.

Онъ началъ понимать.

— Его посадили!

Саня выговорила это вполголоса, отвернувшись къ нему отъ тетки Павлы.

— Значитъ, за дѣло!

Протянулась пауза. Саня въ спинѣ своей чувствовала понукающій взглядъ Павлы Захаровны.

— Онъ вѣдь вашъ товарищъ былъ въ гимназіи? — заговорила Саня и не докончила.

Взглядъ Теркина смутилъ ее, и она начала краснѣть.

— Былъ, — отвѣтилъ онъ менѣе спокойно, оглядѣлъ всѣхъ и остановилъ взглядъ на Павлѣ Захаровнѣ.

— Пожалѣйте его!.. Онъ въ острогѣ сидитъ!.. Милый!

Стремительно выговорила это Саня и поникла головой подъ его плечомъ.

Теркинъ увидалъ въ дверяхъ Ивана Захаровича, почему-то въ длинноватомъ парадномъ сюртукѣ, до верху застегнутомъ.

„Подстроили Саню!"—подумалъ онъ шутливо, но ощутилъ въ то же время досаду на свою невѣсту за такую подстроенную сцену.

Иванъ Захарычъ могъ слышать послѣднія слова дочери. У него въ лицѣ и выраженіе было такое именно, что онъ слышалъ ихъ и ждетъ, какой эффектъ произведетъ просьба Сани на его будущаго зятя.

Безцвѣтные глаза на этотъ разъ какъ будто даже заискрились. Въ нихъ Теркинъ прочелъ:

„Посмотримъ, молъ, какія ты шляхетныя чувства выкажешь. Тянешься на линію землевладѣльца и чуть не важнаго барина, а, поди, остался какъ есть кошатникомъ хамомъ!"

Внутри у него защемило. Онъ всталъ, немного отстранивъ рукой Саню, подошелъ къ дверямъ и поздоровался съ Иваномъ Захарычемъ молча, пожатіемъ руки.

— Саня проситъ Василія Иваныча,—начала тетка Павла безстрастно и вѣско,—помочь своему товарищу по гимназіи, Петру Аполлосовичу, въ теперешней бѣдѣ.

— Василій Иванычъ, — отозвался Иванъ Захарычъ, —

кажется, не въ особенно пріятельскихъ чувствахъ къ своему товарищу. Пожалуй, и не знаетъ до сихъ поръ въ какомъ онъ положеніи.

— Слышалъ сейчасъ,—отвѣтилъ Теркинъ немного рѣзче и заходилъ по комнатѣ въ другомъ ея углу. — То, что̀ я сказалъ Александрѣ Ивановнѣ, то повторю и вамъ, Иванъ Захарычъ: должно-быть, не зря арестовали Звѣрева и въ острогъ посадили. Особенно сокрушаться этимъ не могу-съ,— воля ваша. Разумѣется, отъ тюрьмы да отъ сумы никому нельзя открещиваться... Однако...

Онъ хотѣлъ сказать: „завѣдомымъ ворамъ мирволить не желаю“, но во-время воздержался. Звѣревъ самъ ему открылъ о своей растратѣ. Было бы „негоже“ выдавать его, даже и въ такомъ семейномъ разговорѣ. Слышалъ онъ еще на той недѣлѣ, что Звѣрева подозрѣваютъ въ поджогѣ.

— Позвольте спросить,—продолжалъ онъ, подходя ближе къ Ивану Захарычу,—по какому же дѣлу онъ попалъ въ острогъ?

— Донесли... будто онъ поджегъ заводъ для полученія страховой преміи.

Иванъ Захарычъ повелъ плечами.

— И вы не считаете его на это способнымъ? — спросилъ въ упоръ Теркинъ!

— Не считаю-съ!.. Дворянинъ можетъ зарваться, легкомысленно поступить по должности... Но пускать краснаго пѣтуха...

— Вы такой вѣры?.. Ну, и прекрасно. Но опять что же я-то могу во всемъ этомъ? Мы были товарищи, но вамъ вѣдь неизвѣстно, въ какихъ мы теперь чувствахъ другъ къ другу. Довольно и того, что отъ него нашему обществу убытокъ нанесенъ слишкомъ въ десять тысячъ рублей. А не заключи мы съ вами какъ разъ передъ тѣмъ сдѣлки—вы бы пострадали. Будь это за границей, противъ него помимо уголовнаго преслѣдованія начали бы искъ. А я — представитель потерпѣвшей компаніи — махнулъ рукой, хотя, каюсь, сгоряча самъ хотѣлъ начать разслѣдованіе —почему это заводъ загорѣлся точно свѣча, когда работы въ немъ никакой не было! Какъ же прикажете ему помогать?

— Залогъ внести, очень просто,—отвѣчала тетка Павла.

— Для сохраненія его достоинства? — почти гнѣвно

вскричалъ Теркинъ. — Почему же господа дворяне не сложатся?

— Я бы внесъ, — выговорилъ обидчиво Черносошный и поднялъ высоко голову, — но у меня такихъ денегъ нѣтъ... Вы это прекрасно знаете, Василій Иванычъ. Во всякомъ случаѣ, товарищъ вашъ осрамленъ. Простая жалость должна бы, кажется... Тѣмъ болѣе, что вы при свиданіи обошлись съ нимъ жестковато. Не скрою... онъ мнѣ жаловался. Слѣдственно ему обращаться къ вамъ съ просьбою — слишкомъ чувствительно. Но всякій пойметъ... всякій, кто...

— Бѣлой костью себя считаетъ! — воскликнулъ Теркинъ и, проходя мимо Ивана Захарыча къ двери, бросилъ ему: — Извините, я сказалъ, что умѣлъ; а теперь мнѣ умыться съ дороги нужно.

Глаза Павлы Захаровны уставились на Саню, сидѣвшую въ стѣсненной позѣ, и говорили ей:

„Радуйся, милая, за хама идешь. Дворянина ты и не стоишь".

XXXVIII.

На широкой немощеной улицѣ вѣтеръ взбивалъ пыль стѣной въ жаркій полдень. По тротуару, мѣстами изъ досокъ, мѣстами изъ кирпичей, Теркинъ шелъ замедленнымъ шагомъ по направленію къ кладбищенской церкви, гдѣ, немного полѣвѣе, на взлобкѣ, бѣлѣлъ острогъ, съ круглыми башенками по угламъ.

Онъ пошелъ нарочно пѣшкомъ изъ своей въѣзжей квартиры. Вчерашнее объясненіе съ семействомъ Черносошныхъ погнало его сегодня чѣмъ свѣтъ въ городъ. За обѣдомъ разговоръ шелъ вяло, и всѣ на него поглядывали косо; только Саня приласкала его раза два глазами.

Съ нею онъ погулялъ въ паркѣ и сказалъ ей, когда они возвращались на террасу:

— Вы, Саня, не думайте, что у вашего жениха хамскія чувства; только я не жалую, чтобы мнѣ въ душу залѣзали.

Саня только вздохнула и ничего не промолвила. Она стояла за него, но боялась высказываться—какъ бы „не наговорить глупостей".

Всегда утромъ при пробужденіи совѣсть докладываетъ, въ чемъ онъ провинился. Сильно не понравилось ему самому, какъ онъ повелъ разговоръ въ гостиной; едва ли

не сильнѣе недоволенъ онъ былъ, чѣмъ своей встрѣчей и перебранкой съ Петькой Звѣревымъ, здѣсь въ городѣ, на его—тогда еще предводительской—квартирѣ.

И однако онъ ничѣмъ тогда не загладилъ своего мальчишества и обидчивой рѣзкости и просто „озорства“, каковъ бы ни былъ самъ по себѣ Петька.

Какъ-никакъ, а тотъ первый повинился ему. Ну, онъ расхититель сиротскихъ денегъ, плутъ и даже поджигатель; но развѣ это мѣшало ему—Васькѣ Теркину—тому товарищу, предъ которымъ Петька преклонялся въ гимназіи, быть великодушнымъ?..

„Душонка-то у меня, видно, мелка!“—вырвалось у него восклицаніе подъ конецъ утреннихъ счетовъ съ совѣстью. И тотчасъ же приказалъ онъ закладывать, а въ девятомъ часу былъ уже въ городѣ.

Узналъ онъ отъ хозяевъ, что предводителя держатъ чуть не въ секретной, что слѣдователь у нихъ — лютый, не позволялъ Звѣреву въ первую недѣлю даже съ больной женой повидаться; а она очень плоха. Поговаривали въ городѣ, будто даже на себя руки хотѣла наложить... И къ нему никого не пускали.

Надо было начать съ визита слѣдователю. Не раньше десяти тотъ проснулся. Теркину пришлось долго и убѣдительно разсказывать, кто онъ, и выгораживать всякую возможность стачки съ подсуднымъ арестантомъ.

— Положимъ, мы съ нимъ вмѣстѣ учились; но вѣдь онъ своимъ пожаромъ спалилъ у компаніи лѣсу слишкомъ на десять тысячъ.

Этотъ доводъ подѣйствовалъ на слѣдователя больше всего остального.

— Такъ что же васъ побуждаетъ видѣться съ нимъ? Изъ жалости или великодушія? — спросилъ онъ не безъ язвы.

— По человѣчеству! — выговорилъ почти смущенно Теркинъ.

Въ слѣдователѣ онъ увидалъ полнѣйшую фактическую увѣренность въ томъ, что Звѣревъ поджегъ свой заводъ. Онъ ничѣмъ не проговорился, смотрѣлъ вообще „нутрякомъ“ съ порядочной долей злобности, но по его губамъ то и дѣло скользила особаго рода усмѣшка.

Записку тюремному смотрителю Теркинъ, однако, добылъ отъ него. Слѣдователь, провожая его до двери, сказалъ ему:

— Вы теперь его не застанете...

— На допросъ приведутъ? — спросилъ Теркинъ.

— Нѣтъ! Я разрѣшилъ ему побывать у больной жены; но къ часу своего обѣда онъ долженъ быть въ острогѣ.

И вотъ онъ идетъ туда пѣшкомъ, и жалость не покидаетъ его. Поговорка, пущенная имъ въ ходъ вчера въ объясненіи съ Черносошнымъ: „отъ тюрьмы да отъ сумы не открещивайся“—врѣзалась ему въ мозгъ и точно дразнила. Со дна души подымалось чисто мужицкое чувство— страхъ неволи, сидѣнья взаперти, вѣра въ судьбу, которая можетъ и невиннаго отправить въ кандалахъ въ сибирскую тайгу.

Справа, около самаго тротуара, проплелась въ клубахъ пыли одноконная городская долгушка.

Теркинъ поднялъ голову равнодушнымъ жестомъ и остолбенѣлъ.

Лицомъ къ нему сидѣлъ сгорбившись Звѣревъ, въ арестантскомъ халатѣ и шапкѣ безъ козырька; по бокамъ два полицейскихъ съ шашками и у обоихъ револьверы.

Теркинъ хотѣлъ крикнуть, и у него перехватило въ горлѣ.

Звѣревъ узналъ его и тотчасъ же отвернулся... Облако пыли скрыло ихъ.

Сермяжный халатъ всего больше поразилъ Теркина. Первое лицо въ цѣломъ уѣздѣ и — колодникъ еще до суда. Можетъ-быть и понапрасну заподозрѣнъ въ поджогѣ? Растрата по опекѣ еще, кажется, не обнаружена. Въ сермягѣ!

Искренно порадовался онъ за Петьку, что улица была совсѣмъ пустая. Только вправо, туда къ выѣзду въ поле, тащилась телѣга, должно-быть, съ кулями угля.

До самаго острога не покидало его жуткое чувство— точно саднило въ груди, и ладони рукъ горѣли; даже въ концахъ пальцевъ чувствовалъ онъ какъ будто уколы булавки.

Не больше пяти минутъ взяло у него съ того мѣста, гдѣ онъ увидалъ долгушку, до воротъ острога. Инвалидный солдатикъ грузно ходилъ подъ ружьемъ, донашивая свое кепи, и служитель сидѣлъ на скамьѣ подъ навѣсомъ воротъ.

Теркинъ предъявилъ ему записку къ надзирателю и

всунулъ рублевую бумажку. Тотъ снялъ шапку и тотчасъ же повелъ его.

Въ острогъ попадалъ онъ въ первый разъ въ жизни. Все тутъ было тѣсно, съ грязцой, довольно шумно,—начался обѣдъ арестантовъ, и отовсюду доносился гулъ мужскихъ голосовъ.

— Они кушаютъ,—сказалъ ему тотъ же старшій сторожъ, остановившись передъ дверью камеры, помѣщенной особенно, въ темныхъ сѣнцахъ, и звонко щелкнулъ замкомъ.

Теркинъ вошелъ вслѣдъ за нимъ. Сторожъ захлопнулъ дверь, но не заперъ ея.

За столикомъ, въ узкой, довольно еще чистой комнатѣ, Звѣревъ, въ халатѣ, жадно хлебалъ изъ миски. Ломоть чернаго хлѣба лежалъ нетронутый. Увидя Теркина, онъ, какъ ужаленный, вскочилъ, скинулъ съ себя халатъ, подъ которымъ очутился въ жилетѣ и свѣтлыхъ модныхъ панталонахъ, и хотѣлъ бросить его на койку съ двумя хорошими—видимо своими—подушками.

— Василій Иванычъ! Ты!—глухо воскликнулъ онъ и сразу не подалъ Теркину руки.

— Здравствуй, братъ!—съ невольной дрожью выговорилъ Теркинъ и также невольно протянулъ къ нему обѣ руки.

Они обнялись.

Звѣревъ былъ красенъ. На глаза навертывались слезы.

— Ѣшь! Ѣшь!.. Ты голоденъ... Я посижу,—сказалъ Теркинъ.

Первой мыслью Звѣрева при входѣ Теркина было: „вотъ, другъ любезный, пожаловалъ на мой срамъ полюбоваться“.

Но когда тотъ обнялъ его, онъ сразу размякъ.

Послушно присѣлъ онъ къ столу и доѣлъ похлебку, потомъ присѣлъ къ Теркину на койку, гдѣ они и остались. Въ камерѣ было всего два стула и столикъ, подъ высокимъ рѣшетчатымъ окномъ, въ одномъ мѣстѣ заклееннымъ синей бумагой.

Говорить про свою вину Звѣревъ упорно избѣгалъ, только два раза пустилъ возгласъ:

— Въ поджигатели произвели!

Онъ полонъ былъ не того, что̀ ему предстоитъ, а негодованія на прокурора и слѣдователя, которые „извели“

его жену. Когда онъ былъ посаженъ въ острогъ, она въ тотъ же день заболѣла.

— Не вѣрю я докторамъ, — шепталъ онъ Теркину на ухо.— Они дурачье, олухи, шарлатаны. Толкуютъ: невропатія, астма какая-то. А я вижу, что она себя опоила чѣмъ-то. И не сразу... а, можетъ, каждый день подсыпаетъ себѣ въ ихъ лѣкарства.

И вотъ сегодня только допустили его побывать у нея.

— Мерзавцы!.. Крапивное сѣмя!

Онъ не выдержалъ и сталъ всхлипывать.

— Краше въ гробъ кладутъ. Какъ бросилась ко мнѣ!.. И сейчасъ же обомлѣла. Столбнякъ! Не доживетъ до субботы... Любовь какая, Вася! Понимаешь ты! Кабы ты видѣлъ ее! Первая женщина въ имперіи!

Его охватила струя мужского самодовольства, — сознанія, что изъ любви къ нему женщина отравляется. О томъ, что изъ-за нея, для ея транжирства, онъ сталъ расхитителемъ и поджигателемъ,—онъ не тужилъ.

— Для какого чорта, — крикнулъ онъ и заходилъ по камерѣ,—для какого чорта онъ меня въ колодники произвелъ, этотъ правовѣдишка-гнуснецъ! Что я за границу, что ли, удеру? На какія деньги? И еще толкуютъ о поднятіи дворянства! Ха-ха! Хорошо поднятіе! Возили меня сегодня по городу въ халатѣ, съ двумя архаровцами. Да еще умолять пришлось, чтобы позволили въ долгушкѣ проѣхать! А то бы пѣшкомъ, между двумя конвойными, чтобы тебѣ калачикъ или мѣдякъ Христа ради бросили!

Губы его брызгали слюной и болѣзненно вздрагивали. Онъ опять присѣлъ къ Теркину, весь какъ-то ушелъ въ плечи и одну ладонь положилъ ему на колѣни.

— Кто старое помянетъ... Ты знаешь!.. Тогда ты со мной форсить началъ, Василій Иванычъ... Ну, поквитались!.. Отъ моего ельника и у тебя выдрало сколько десятинъ. Я тебѣ мстить не хотѣлъ. Извини, братъ! Да вѣдь это не твое собственное, а компанейское... Ну, и то сказать, и попросилъ я у тебя тоже здòрово — сорокъ тысячъ. Имѣлъ резонъ отказать. Только ужъ очень ты... тогда...

Звѣревъ тряхнулъ головой и замолчалъ.

— Петя! — тихо и робко выговорилъ Теркинъ, — тебя подъ залогъ выпустятъ?

— Мало ли что! Десять тысячъ заломилъ правовѣдишка! У кого есть нынче такія деньги? Всѣ прожились!

Всѣ прогорѣли! Вся губернія не лучше меня грѣшнаго. А въ банкѣ-то какихъ дѣловъ надѣлали!...

— Слушай! Заяви слѣдователю, что я внесу.

— Что?..

Краска залила сразу лицо Звѣрева. Онъ откинулся корпусомъ въ сторону и, заикаясь, выговорилъ:

— Ты—зря? Грѣшно!.. Лежачаго не бьютъ!

— Не зря, а вправду.

— Нѣтъ?!..

Съ нервнымъ крикомъ онъ вскочилъ, схватилъ за руку Теркина и сталъ цѣловать.

XXXIX.

Тарантасъ, открытый, четырехмѣстный, запряженный тройкой бурыхъ лошадей, стоялъ въ тѣни опушки, въ той части сосноваго заказника, которая уцѣлѣла отъ недавняго пожара. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ карликъ Чурилинъ.

Въ глубинѣ лужайки, около мшистаго пня, разлеглось нѣсколько человѣкъ. Они только-что вышли изъ тарантаса. Посрединѣ высилась голова Теркина, сидѣвшаго спиной къ лѣсу. Немного въ сторонѣ прилегъ Хрящевъ, въ парусинной блузѣ и парусинной же большой шляпѣ, на зеленомъ подбоѣ; онъ называлъ ее почему-то „брылёмъ“. По бокамъ, подобравъ ноги угломъ, сидѣли капитанъ Кузьмичевъ и Аршауловъ, все такого же болѣзненнаго вида, какъ и годъ назадъ; очень слабый и потемнѣвшій въ лицѣ, одѣтый тепло, въ толстое драповое пальто, хотя было и въ тѣни градусовъ восемнадцать.

Онъ все еще жилъ въ Кладенцѣ, гдѣ Теркинъ нашелъ ему постоянную работу — надзоръ за складами по его пароходно-торговому дѣлу. Здоровье его падало, но онъ этого не примѣчалъ и вѣрилъ въ то, что поправится.

Его послали на кумысъ; онъ съ трудомъ согласился; но захотѣлъ навѣстить сначала Теркина и прибѣжалъ къ нему наканунѣ на пароходѣ. Капитанъ Кузьмичевъ— теперь командиръ „Батрака“—зашелъ въ Заводное грузить дрова и мѣстный товаръ; но просидѣлъ цѣлыя сутки изъ-за какой-то починки. Онъ долженъ былъ везти Аршаулова книзу, до самой Самары.

Всякому было видно, какъ бѣдняга плохъ; но Аршауловъ, еще болѣе спавшій съ голоса, смотрѣлъ весело и

порывался говорить. Кашель затруднялъ его рѣчь и часто доходилъ до судорожныхъ припадковъ: онъ хватался за грудь, ложился бокомъ и томительно отхаркивалъ, а потомъ, со словами: „Это ничего! извините!“—вступалъ такъ же пылко въ новый разговоръ.

Теркинъ показывалъ имъ сегодня оба заказника, на обоихъ берегахъ Волги; показалъ и пожарище. Въ усадьбѣ онъ успѣлъ представить ихъ невѣстѣ; но остальныхъ членовъ семьи они не видали, чему онъ былъ, въ сущности, радъ.

Какъ-то особенно отрадно было у него на душѣ въ эту минуту вмѣстѣ съ горькимъ осадкомъ отъ мысли, что такой славный „фанатикъ“, какъ Михаилъ Терентьевичъ Аршауловъ, обреченъ на скорую смерть... Но онъ не сознавалъ этого, стало—не страдалъ.

Живо вспомнились ему всѣ переходы ихъ бесѣдъ въ Кладенцѣ... Съ того времени многое запало ему въ совѣсть, подъ горячимъ обаяніемъ вѣры въ народъ и жалости къ нему этого горюна, считающаго себя теперь счастливцемъ.

— Очень бы мнѣ, братцы, хотѣлось,—заговорилъ онъ,— сдѣлать васъ участниками моего перехода въ состояніе женатыхъ людей, да грѣшно было бы задерживать васъ.

— Я бы остался, Василій Иванычъ,—сказалъ Аршауловъ чуть слышнымъ звукомъ.

— Нѣтъ, поѣзжайте!.. Обвѣнчаемся мы не то черезъ двѣ недѣли, не то черезъ мѣсяцъ. Гдѣ же вамъ ждать!.. Вы мою Саню видѣли; кажется, она вамъ обоимъ пришлась по вкусу?..

— И весьма!—крикнулъ весело Кузьмичевъ.

— Вотъ и мудрецъ одобряетъ,—Теркинъ кивнулъ головой Хрященву, который придвинулся къ нимъ.—Я Антона Пантелеича въ шафера за это возьму.

— Мнѣ непозволительно,—шутливо замѣтилъ тотъ и снялъ свой „брыль“:—я вѣдь вдовьяго сана.

— Ничего!.. Свидѣтелемъ, во всякомъ случаѣ, можно быть.

— Много благодаренъ за честь. Только, кажется, это мнѣ не по чину будетъ.

— Это почему?—возразилъ Теркинъ, дѣлая въ его сторону жестъ правой рукой.—Вы, господа, Антону Пантелеичу не вѣрьте! Онъ только прибѣдниваетcя, а у него

въ головѣ столько есть всякаго добра... да и въ сердцѣ также,—добавилъ онъ пониже тономъ.

Хрящевъ стыдливо отвернулся.

— Нечего, нечего конфузиться-то!.. Униженіе паче гордости. Здѣсь Антонъ Пантелеичъ въ своемъ царствѣ.

— Что твой лѣшій! — подсказалъ Хрящевъ и дѣтски разсмѣялся.

— Не лѣшій, а лѣсной пѣстунъ и созерцатель!.. Господа! — Теркинъ обратился къ своимъ гостямъ: — ежели мы съ вами сегодня любовались этимъ заказникомъ, тѣмъ, что уцѣлѣло отъ пожара,—это дѣло рукъ Антона Пантелеича.

— Ни Боже мой!

— Толкуйте!.. Безъ васъ я бы совсѣмъ зарвался, да и самъ бы сгинулъ во мшарѣ.

— Какъ это?—вскричалъ заинтересованный капитанъ.

— Василій Иванычъ! Пожалуйста! — заговорилъ просительно Хрящевъ. —Никакого тутъ подвига не было... Вы бы и сами...

Но Теркинъ не далъ ему договорить и разсказалъ гостямъ, какъ онъ могъ сгорѣть во мшарѣ, не явись ему на помощь Антонъ Пантелеичъ.

Тотъ сидѣлъ съ поникшей головой, обращенной къ лѣсу, и видно было, что ему дѣйствительно было неловко.

Когда Теркинъ кончилъ, онъ обернулъ къ нимъ свое загорѣлое, съ лоскомъ, пухлое лицо и, часто мигая сѣрыми глазками, выговорилъ съ юморомъ:

— Этакъ вы меня заставите, Василій Иванычъ, подать прошеніе о выдачи мнѣ медали за спасеніе погибающихъ.

— Ладно! Толкуйте!—крикнулъ Теркинъ, и его начало еще сильнѣе подмывать: выставить напоказъ передъ этими отличными ребятами — сотрудниками и пріятелями — достоинства своего лѣсовода-мудреца.

— Вѣдь вотъ, господа, — онъ оторвалъ вѣтку отъ молодой сосенки, стоявшей около него, — для васъ и для меня лѣсъ — извѣстно что такое. Я вотъ сбираюсь даже удивить матушку-Россію своими дѣлами по сохраненію лѣсовъ; а ничего-то я не знаю. Да и профессора иного, который книжки спеціальныя писалъ, приведи сюда—онъ наговоритъ много; но все это будетъ одна книжка; а у Антона Пантелеича каждое слово въ глубь прозябанія идетъ.

— Книжка!—перебилъ его Хрящевъ и еще ближе подо-

двинулся къ нимъ.—Не извольте относиться къ ней свысока. Откуда же и я-то извлекъ то, о чемъ маракую? Изъ книжекъ. Безъ науки ничего нѣтъ и быть не можетъ въ человѣческомъ разумѣніи.

— Нѣтъ, не изъ книжки, а изъ своего проникновенія, изъ души. Вы влюблены, дружище, во все естество, въ каждую былинку, въ каждую козявку.

— Есть тотъ грѣхъ! Хе-хе!

Хрящевъ засмѣялся и шутливо закивалъ головой.

Всѣмъ стало очень весело.

— Да вотъ,—указалъ Теркинъ,—хоть эта сосенка! Пари держу, что Антонъ Пантелеичъ до тонкости опредѣлитъ, сколько ей лѣтъ, такъ, на глазомѣръ, а не подъ микроскопомъ.

— Ну, это не большая премудрость, Василій Иванычъ! Это каждый мужикъ бывалый знаетъ.

— Однако!..

— Сколько же ей лѣтъ?—спросилъ и задорно подмигнулъ капитанъ.

Хрящевъ подползъ къ соснѣ, поглядѣлъ на нее снизу вверхъ, пощупалъ стволъ и сталъ что-то считать, дотрогиваясь до вѣтвей.

— Видите ли,—началъ онъ медленно и тихо закрылъ глаза,—каждый годъ сосна даетъ вѣнчикъ въ нѣсколько вѣтвей. Сколько вѣнчиковъ, столько и лѣтъ,—безъ ошибки. Въ этомъ деревцѣ вѣнчиковъ до пятнадцати—стало-быть, и лѣтъ ему пятнадцать. Это вѣрнѣе, чѣмъ ежели теперь срубить у корня и пласты считать, особливо въ старомъ деревѣ. Къ корѣ пласты сливаются, и ихъ надо подъ лупой разсматривать, чтобы не ошибиться.

— Ну, вотъ видите, господа!—крикнулъ Теркинъ.—И всякое дерево у Антона Пантелеича—точно живой человѣкъ: свою, какъ бы это сказать, душу имѣетъ, психологію.

— А то какъ же!—со вздохомъ подтвердилъ Хрящевъ, лаская рукой тонкій стволъ сосенки.

— Ель онъ до обожанія любитъ... А я—сосну!.. У насъ всегда насчетъ этого идутъ диспуты.

— И сосна—почтенное дерево,—выговорилъ вдумчиво Хрящевъ, оглядывая всѣхъ троихъ,—и притомъ цѣломудренное.

— Какъ это?

Кузьмичевъ расхохотался.

— Потому что въ бракъ она вступаетъ рѣдко—разъ въ шесть, въ семь лѣтъ, а не ежегодно, какъ столько другихъ произрастаній. Ей приходится вести жизнь строгую. На поснояденіи стоитъ всю жизнь—и въ какія выси поднимается. На чемъ держится корнями, сами изволите знать. Потому и не можетъ она вокругъ себя разводить густой подлѣсокъ, обречена на одиночество, и подъ нею привольно только развѣ вереску. Но и въ немъ есть большая краса. Не угодно ли поглядѣть... Вонъ онъ въ полномъ цвѣту!

Всѣ трое поглядѣли въ сторону опушки, гдѣ позади стволовъ протянулась лиловая полоса.

— Лѣсъ,—продолжалъ Хрящевъ, попадая на свою любимую зарубку,—настоящее царство живыхъ существъ. Мы въ своей гордынѣ думаемъ, что только въ насъ вся суть, а кромѣ насъ ничто не чуетъ, не любитъ, никакихъ нѣтъ стремленій и помысловъ... А это неправда,—выговорилъ онъ горячо и мягко,—неправда! Не то что вотъ эта сосна,—камень—и тотъ живетъ!.. А ужъ о пернатыхъ и говорить нечего! Тѣ еще такъ живутъ, какъ многимъ изъ насъ ни единожды на своемъ вѣку не удастся. Вездѣ одна сила, одинъ духъ... Я въ это вѣрю, грѣшный человѣкъ... И куда ни обернусь—вправо, влѣво—вездѣ чудо... И одинъ нашъ мятущійся, ограниченный духъ все фордыбачитъ, коритъ, судитъ, рядитъ, приговоры изрекаетъ. И все всуе! Никто не правъ, никто не виноватъ... И ежели для насъ зло существуетъ, то для насъ только. А для сосны—вотъ этой самой—есть свое зло, а для муравья или червя—свое... Ихъ-то мы не слушаемъ и не разумѣемъ, а только со своей подоплекой носимся!

XL.

— Нѣтъ, позвольте!..

Аршауловъ весь заволновался; его жилистая шея точно проглотила съ трудомъ кусокъ; онъ развелъ руками и тотчасъ послѣ того сталъ сжимать ими грудь.

— Позвольте,—стремительно заговорилъ онъ, съ усиліемъ поднимая глухой, сиплый звукъ голоса.—Съ такой теоріей Антона Пантелеича и обовшивѣешь, по-мужицки выражаясь! „Никто не правъ, никто не виноватъ! Все—чудо въ мірозданіи!“

— Чудо-съ!—повторилъ Хрящевъ.

— Не знаю, да и знать не хочу! Такъ и всѣ изувѣры

разсуждаютъ, гасильники. Съ этимъ дойдешь до непротивленія злу... Прибаутку-то эту мы теперь вездѣ слышимъ.

— Слыхалъ и я, —твердо выговорилъ Хрящевъ.

— То-то!.. Мы не муравьи, не черви, не сосны и ели! Мы—люди!—все распалялся Аршауловъ, и щеки его начинали пылать сквозь бурую кожу, натянутую на мышцахъ, изъѣденныхъ болѣзнью.—Мы люди, господа! А потому имѣемъ священное право — руководиться нашимъ разумомъ, негодовать и радоваться, класть душу свою за то, во что мы вѣримъ, и ратовать противъ всякой пакости и скверны...

— Всеконечно,—прервалъ Хрящевъ, и мягкое выраженіе смѣнилось на его пухломъ лицѣ другимъ, сосредоточеннымъ и немножко насмѣшливымъ. — Всеконечно, Михаилъ Терентьичъ, но ни разсуждать мы по существу, ни судить безъ апелляціи не можемъ, не токмо что о вселенной, а о томъ — откуда мы и куда идемъ. Это все равно, какъ если бы муравьи — а они какъ мудро свое общежитіе устроили—стали все къ своей кучѣ приравнивать. Такъ точно и людское суемудріе... Жалости достойно! Я это говорю не какъ изувѣръ,—Василій Иванычъ знаетъ, божественнымъ я не зашибаюсь, — а такъ, быть-можетъ, по скудоумію моей головы.

— Не въ этомъ дѣло!—ослабшимъ голосомъ возразилъ Аршауловъ, и руки его упали сразу на костлявыя бедра.— Не въ этомъ дѣло!.. Теперь въ воздухѣ что-то такое... тлетворное, подъ обличьемъ исканія высшей истины. Не суетнымъ созерцаніемъ намъ жить на свѣтѣ, особливо у насъ, на Руси-матушкѣ, а нервами и кровью, правдой и закономъ, скорбью и жалостью къ черной массѣ, къ ея невѣжеству, нищетѣ и рабской забитости. Вотъ чѣмъ!..

Въ горлѣ у него захрипѣло. Онъ закашлялся и приложилъ платокъ къ губамъ. Теркину показалось, что на платкѣ красныя пятна, но самъ Аршауловъ не замѣтилъ этого, сунулъ платокъ въ наружный карманъ пальто и опять сталъ давить грудь обѣими руками своимъ обычнымъ жестомъ.

— Голубчикъ! Михаилъ Терентьичъ! — остановилъ его Теркинъ,—вамъ вѣдь не весьма полезно такъ волноваться. Да и не о чемъ..

— Нѣтъ, позвольте!—отстранилъ его одной рукой Аршауловъ и порывисто подался впередъ всѣмъ туловищемъ.—

Вотъ я прямо изъ нашего села, гдѣ Василій Иванычъ родился и выросъ,—добавилъ онъ въ сторону Хрящева.— Ежели въ эмпиреяхъ пребывать и на все смотрѣть съ азіатскимъ фатализмомъ, такъ надо плюнуть и удрать оттуда навѣки: такая тамъ до сей поры идетъ безтолочь, столько тупого, стаднаго приниженія, кулачества, злобы, неосмысленности во всемъ, и въ общинныхъ дѣлахъ, и въ домашнихъ, особливо между православными. Анъ нѣтъ! Надо тамъ оставаться... Ни за какую чечевичную похлебку не слѣдуетъ мѣнять своей вѣры въ народъ и свой неблагодарный завѣтъ. Ни за какую!.. Такъ-то!

— Да что вы, голубчикъ, на моего мудреца такъ накинулись?—заговорилъ веселѣе Теркинъ.—Вы его совсѣмъ не знаете. Быть-можетъ, изъ насъ троихъ Антонъ Пантелеичъ никому не уступитъ въ жалости къ мужику и въ желаніи ему всякаго благополучія.

— Опять вы меня не по заслугамъ хвалите, Василій Иванычъ,—пустилъ жалобной нотой Хрящевъ и отвернулся.

— Не замайте!—крикнулъ ему Теркинъ.—Кто меня образумилъ на пожарѣ, вонъ тамъ, когда я даже разревѣлся отъ сердца на мужичье, не показавшее усердія къ тушенію огня? Вы же! И самыми простыми словами... Мужикъ повсюду обиженъ лѣсомъ... Что жъ мудренаго, коли въ немъ нѣтъ рвенія, даже и за рубль-цѣлковый, къ сохраненію моихъ ли, компанейскихъ ли маетностей?

— Еще бы!—вырвалось у Аршаулова, и онъ ласковѣе взглянулъ на жирный затылокъ Хрящева.

— И выходитъ,—подхватилъ капитанъ, закуривая толстую папиросу въ мундштукѣ,—Антонъ-то Пантелеичъ не токмо что изъ мшары васъ высвободилъ, да еще мудрымъ словомъ утишилъ?

— Именно!—вскричалъ, вскакивая обѣими ногами, Теркинъ.—И пожаръ пошелъ съ той минуты на убыль, да и во мнѣ все улеглось. Тамъ же въ лѣсу, около полудня, какъ бухнулся въ траву, такъ и проспалъ до вечерней зари, точно коноплю продалъ.

— Коноплю продалъ!—повторилъ со смѣхомъ капитанъ.—Самая простецкая прибаутка—и какая вѣрная!

— За Москвой въ большомъ употребленіи,—скромно подсказалъ Хрящевъ,—гдѣ этой коноплей нарочито займаются. Только нынче пришло и это въ умаленіе. Нефть подкузьмила... Смазочныя масла.

— Все знаетъ! — крикнулъ Теркинъ. — Ну, господа, пора!.. Андрей Өомичъ! — окликнулъ онъ капитана, — поглядите-ка, какъ на вашихъ часахъ?

Кузьмичевъ вынулъ часы, тряхнулъ своей курчавой головой и сказалъ:

— И весьма!

Аршаулову Теркинъ помогъ подняться. Они всѣ вчетверомъ сѣли въ тарантасъ и по узковатой дорогѣ шажкомъ пустились къ рѣкѣ.

Тамъ Теркинъ крикнулъ кучеру: „стой!“—и началъ прощаться съ Аршауловымъ и капитаномъ.

— А вы какъ же?—спросилъ Кузьмичевъ.

— Я пѣшкомъ добреду до перевоза. На паромѣ переѣду. Антонъ Пантелеичъ проводитъ васъ до Заводнаго. Ну, дорогой Михаилъ Терентьевичъ! въ добрый путь!.. На пароходѣ не извольте храбриться. Какъ семь часовъ вечера — въ каюту... Капитану я строго-настрого вмѣняю въ обязанность имѣть надъ вами надзоръ. И въ Самарѣ не извольте умничать—противиться лѣкарямъ... Пейте бутылокъ по пяти кумысу въ день—и благо вамъ будетъ.

— Слушаю!—съ смѣшливой кротостью выговорилъ Аршауловъ.—Досадно, ужасно досадно, что не удастся расписаться въ книгѣ „по женихѣ“ или „по невѣстѣ“.

— Ну, мы наверстаемъ! — сказалъ капитанъ. — Черезъ годикъ, а можетъ и раньше на крестины попадемъ.

— Всенепремѣнно!—пустилъ Хрящевъ въ ходъ свое любимое слово.

Всѣ разсмѣялись.

— Нарочно прибѣгу! Вотъ на „Батракѣ“ же,—заговорилъ съ усиліемъ Аршауловъ, и въ его блестящихъ зрачкахъ тяжко-больного заиграла увѣренность, что онъ будетъ пить шампанское на этихъ крестинахъ.

Теркинъ поглядѣлъ-было на него, но тотчасъ же отвелъ глаза.

„Бѣдняга!—подумалъ онъ. — Хорошо, если до Самары-то тебя доставятъ“.

То же подумали капитанъ и Хрящевъ.

— Ну, трогай! Путь добрый!—кричалъ Теркинъ, стоя на разсыпчатомъ грунтѣ прибрежной дороги, и замахалъ рукой.

— До свиданія, Василій Иванычъ! Спасибо вамъ, большое спасибо!—долетѣли до него хриплые, прерывистые звуки голоса Аршаулова.

— Пошелъ!—пискнулъ Чурилинъ и снялъ картузъ.

„Болѣзный!" — подумалъ Теркинъ крестьянскимъ словомъ, какимъ, бывало, его пріемная мать жалѣла его, когда онъ, мальчикомъ, заболѣвалъ. Но ему отрадно стало отъ этого,—конечно, предсмертнаго — свиданія съ Аршауловымъ. Ничто не сокрушило вѣры энтузіаста: ни послѣдній градусъ чахотки, ни та вѣчная кладенецкая сумятица, про какую онъ сейчасъ такъ самоотверженно и пылко высказался.

Безъ чванства и гордости почувствовалъ Теркинъ, какъ хорошо имѣть средства помогать горюнамъ, въ родѣ Аршаулова. Безъ денегъ нельзя ничего такого провести въ жизнь. Одной охоты мало. Вотъ и мудреца-лѣсовода онъ пригрѣлъ и даетъ полный ходъ всему, что̀ въ немъ кроется цѣннаго на потребу роднымъ угодьямъ и тому же трудовому, обездоленному люду. И судьбу капитана онъ обезпечилъ—взялъ его на свою службу, видя, что на того начали коситься другіе пайщики изъ-за исторіи съ Перновскимъ, хотя она и кончилась ничѣмъ.

Деньги!.. Онѣ будутъ у него всегда, и все больше и больше ихъ будетъ. Не глупая удача, а что-то въ немъ самомъ сулитъ ему это. И находятся же такіе суесловы, что требуютъ одного личнаго ручного труда. Что̀ бы онъ сдѣлалъ мужицкой работой хоть бы для Аршаулова?

— Ха-ха!—разсмѣялся онъ и замедлилъ шагъ.

Ему показалась впервые эта проповѣдь такою юродивою, что онъ даже не огорчился.

Взглядъ его упалъ на синѣющій вблизи плёсъ рѣки, далѣе—на темную стѣну заказника и повернулъ вправо и назадъ, къ нагорному берегу, гдѣ за полверсты виднѣлись паркъ и усадьба.

Спасти великую рѣку отъ гибели, положить предѣлъ истребленію лѣсныхъ богатствъ... Поди!.. Добивайся этого ручной работой одного человѣка!

— Ха-ха!..

Теркинъ всталъ лицомъ къ рѣкѣ и вдругъ глубоко задумался.

Тамъ, въ усадьбѣ, его невѣста. Неужели онъ въ ней нашелъ свою желанную?.. Кто знаетъ! Да и къ чему эта погоня за блаженствомъ? Лучше онъ, что ли, своего отца, Ивана Прокофьича? А тому развѣ былъ досугъ мечтать о сладостяхъ любви? Образы двухъ женщинъ зашли въ его душу: одна — вся распаленная страстью, другая — въ

бѣломъ, съ крыльями, вся чистая и прозрачная, какою видѣлъ онъ ее во снѣ въ первую ночь, проведенную съ ней подъ одною кровлей... Живи Калерія — она бы его благословила...

Глаза его стали влажны.

Онъ поднялъ голову и радостно оглянулся кругомъ, прислушиваясь къ бодрящему шопоту великой рѣки.

КОНЕЦЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ 12-ти томамъ

СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

П. Д. БОБОРЫКИНА.

Безвѣстная. Разсказъ	Т. II	стр.	270
Безъ мужей. Повѣсть	„ II	„	3
Василій Теркинъ. Романъ. Часть 1-ая	„ XI	„	147
„ „ „ Части 2-ая и 3-я	„ XII	„	3, 187
Вторая отъ воды. Разсказъ	„ VI	„	228
Въ отъѣздъ. Разсказъ	„ VI	„	263
Голубой лифъ. Разсказъ	„ III	„	146
Горленки. Разсказъ	„ VIII	„	247
За красненькую. Разсказъ	„ III	„	47
Измѣнникъ. Повѣсть	„ X	„	134
Изъ новыхъ. Романъ. Часть 1-ая	„ III	„	217
„ „ „ Части 2-ая и 3-я	„ IV	„	3, 150
Китай-городъ. Романъ. Книги 1, 2, 3.	„ I	„	5, 92, 173
„ „ „ „ 4 и 5-ая	„ I	„	256, 344
„Морзъ“ и „Юзъ“. Разсказъ	„ X	„	252
На ущербѣ. Романъ. Части 1, 2 и 3-я	„ V	„	5, 141, 253
Обречена. Повѣсть	„ VI	„	3
Перевалъ. Романъ. Части 1-ая и 2-ая	„ VII	„	5, 166
„ „ Часть 3-я	„ VIII	„	3
Послѣдняя депеша. Разсказъ	„ III	„	90
Поумнѣлъ. Повѣсть	„ X	„	3
По чужимъ людямъ. Разсказъ	„ III	„	3
Пристроился. Повѣсть	„ II	„	199
Проѣздомъ. Повѣсть	„ VI	„	156
Псарня. Очеркъ	„ II	„	122
Ранніе выводки. Повѣсть	„ XI	„	3
Съ убійцей. Повѣсть	„ VIII	„	180
Три афиши. Разсказъ	„ III	„	101
Трупъ. Разсказъ	„ XI	„	108
Умереть—уснуть. Разсказъ	„ II	„	164
У плиты. Разсказъ	„ III	„	181
Ходокъ. Романъ. Части 1, 2 и 3-я	„ IX	„	5, 141, 271